

Российская академия наук
Институт истории материальной культуры

ТРУДЫ
III (XIX)
ВСЕРОССИЙСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО
СЪЕЗДА

Великий Новгород — Старая Русса

Том II

Ответственные редакторы
Член-корреспондент РАН *Н.А. Макаров*
Член-корреспондент РАН *Е.Н. Носов*

Санкт-Петербург — Москва — Великий Новгород
2011

УДК 902/904
ББК 63.3
Т78

Организация III (XIX) Всероссийского археологического съезда и издание трудов осуществлены при финансовой поддержке Президиума РАН, Санкт-Петербургского научного центра РАН, Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ, проект № 11-01-14028г), Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ, проект № 11-06-06115г)

Редакционная коллегия:

М.Ю. Вахтина, Т.С. Дорофеева, М.Т. Кашуба, Н.В. Лопатин, Л.Б. Кирчо, Е.Н. Носов, Н.В. Хвоцинская, Л.Г. Шаяхметова.

Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. — СПб-М-Великий Новгород, 2011. — 424 с.: илл.

ISBN

© Институт истории материальной культуры РАН, 2011 г.
© Авторы докладов, 2011 г.

Археология эпохи переселения народов и раннего средневековья Евразии

С.В. Алкин

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

Проблема раннего появления тунгусо-маньчжур на территории юго-восточного Забайкалья¹

Проблема этногенеза тунгусоязычного населения Восточной Сибири, решение которой традиционно связывают с изучением древних и средневековых культур на территории от Тихоокеанского побережья до Прибайкалья, вновь обрела актуальность в связи с археологическими открытиями последних десятилетий (Туров, 2008; Тунгусо-маньчжурская проблема сегодня, 2008). Был существенно пополнен круг источников по наиболее ранним популяциям тунгусо-маньчжурского мира, представленным вариациями мохэской археологической культуры в Маньчжурии, Приморье, Приамурье и Забайкалье. Изучение мохэской культуры является важнейшей задачей дальневосточной археологии и непосредственно связано с разработкой проблем расо-, культуро-, этногенеза и формирования ранней государственности. Вопросы мохэской истории вызывают жаркую полемику среди исследователей России, Китая и Кореи.

В центре нашего внимания находятся материалы *троицкого типа* мохэской археологической культуры. Комплексный анализ археологических и антропологических материалов, полученных при изучении ее памятников на территории Приамурья (прежде всего, результаты исследований Троицкого могильника), корреляция этих данных с материалами из Маньчжурии и Восточного Забайкалья позволяют расширить возможности для решения частной проблемы миграции троицких (*сумо* китайских хроник) мохэ из внутренних районов Северо-Восточного Китая в Западное Приамурье, включая районы Восточного Забайкалья, и хозяйственной адаптации этноса в новых природно-климатических и этнокультурных условиях (Деревянко Е., 1977; Нестеров, 1998; Алкин и др., 2010).

Исследовательская ситуация вокруг мохэ уникальна, поскольку для изучения этого этноса и его соседей могут быть привлечены письменные источники (Ларичев, 1986). Информацию о практике жилищного

строительства, об организации укрепленных поселений, о погребальном обряде находит подтверждение в результатах археологических исследований, что существенно повышает достоверность китайских известий о ранних тунгусо-маньчжурах.

Актуальной проблемой является соотнесение исторических сведений о расселении мохэ с данными по археологии Амурского региона. Наиболее распространенным является мнение о том, что в VIII в. часть мохэских племен, из группы занимавших территории в бассейне верхнего и среднего течения р. Сунгари мигрировали в район Зейско-Буреинской низменности. Причиной были геополитические события той эпохи. Важен следующий факт: в процесс миграции были вовлечены те мохэ, которые приняли участие в образовании первого государства тунгусо-маньчжур (Государство Бохай, 1988).

С мигрировавшей на Амур группой *сумо мохэ* сопоставляется троицкая группа археологической культуры мохэ Западного Приамурья (вторая половина VII – XI в.). Материалы Троицкого могильника и других памятников генетически связаны с культурой *бохайских мохэ*. Кроме того, имеются данные о проникновении групп самого бохайского населения на Средний Амур. Там обнаружены свидетельства взаимовстречаемости характерных признаков материальной культуры троицких мохэ и погребального обряда (каменные склепы), присущего бохайским мохэ предгосударственного и раннегосударственного периодов (Болотин, Сапунов и др., 1999).

Археологические материалы способствуют лучшему пониманию проблемы, однако из-за неравномерной и недостаточной степени изученности археологической культуры мохэских племен пока не удается в полной мере решить вопросы хронологии, направления миграций, взаимовлияния культур. Учитывая то, что потенциал письменных источников мо-

¹ Работа выполнена в рамках тематического плана (НИР 1.5.09) и АВЦП «Развитие научного потенциала ВШ (2009–2011 гг.)» (проект РНП 2.2.1.1/13613) Минобрнауки.

жет быть признан исчерпанным, основное значение приобретает расширение археологической источниковой базы и привлечение к ее анализу всего спектра современных методик (Алкин, Чикишева и др., 2008). Это было одним из побудительных моментов к началу изучения группы средневековых городищ на участке среднего течения р. Шилки – от устья р. Кары до устья р. Горбица – в Сретенском районе Забайкальского края.

Эти памятники могут быть датированы концом I – началом II тыс. н.э. На примере укрепленных поселений Чудейский утес, Витчиха, Усть-Чернинское городище и др. выявлены варианты дислокации, общие и особенные черты в топографии оборонительных систем, в планиграфии внутреннего пространства с жилыми, хозяйственными постройками, общественными площадками и дренажными системами. Эти данные, а также своеобразная керамика троцкого типа свидетельствуют о том, что на определенном этапе развития мохэской археологической культуры Среднего Приамурья началось продвижение ее носителей в западном от основного ареала направлении – вверх по р. Амур.

Полученные в ходе наших работ археологические данные, а также сведения письменных источников говорят об активных процессах колонизации районов Приамурья ранними тунгусо-маньчжурами. Шилкинская система городищ фиксирует западную границу проникновения мохэсцев, где они вступили в контакт

с местным (вероятно, бурхотуйским) населением – монголоязычными *шивэй* китайских хроник. Полагаем, что создатели первых укрепленных поселений в Восточном Забайкалье были первыми носителями тунгусо-маньчжурских языков в этом регионе.

Помимо характерного керамического комплекса и фортификационных технологий, которые ранее в пределах Забайкалья не фиксировались, на восточное направление связей вновь прибывшего населения указывают особенности его хозяйственно-культурного типа, включая тип земледелия и состав стада домашних животных. С троцких мохэ начинается история земледелия просяного типа в Приамурье, его же они приносят на Шилку. Существенным результатом изучения Усть-Чернинского городища было обнаружение в одном из жилищ зерновок гречихи (все определения результатов флотирования почв выполнены Е.А. Сергушевой). Наиболее ранние находки этого злака до сих пор фиксировались только на бохайских памятниках Маньчжурии и юга Приморья (Сергушева, 2002).

Таким образом, вместе с привлечением данных из области антропологии, генетики, этнологии, археологические источники позволяют по-новому взглянуть на одну из традиционных проблем этногенеза в пределах Восточной Азии, критически рассмотреть имеющиеся в науке мнения о происхождении древних и средневековых тунгусоязычных популяций Восточной Сибири.

- Алкин С.В., Чикишева Т.А., Губина М.А. и др., 2008. Археология, антропология и палеогенетика Троцкого могильника (культура мохэ): первые результаты комплексного анализа // Проблемы биологической и культурной адаптации человеческих популяций. СПб. Т. 1.
- Алкин С.В., Васильев С.Г., Нестеренко В.В. и др., 2010. Археологические исследования в Сретенском районе в 2007–2008 гг. // Сретенский район: история и современность. Чита. Вып. 2.
- Болотин Д.П., Сапунов Б.С., Сапунов И.Б. и др., 1999. Новый средневековый могильник на Среднем Амуре // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск.
- Государство Бохай (698–926 гг.) и племена Дальнего Востока России. М., 1994.

- Деревянко Е.И., 1977. Троцкий могильник. Новосибирск.
- Ларичев В.Е., 1986. Письменные источники о племенах Нижнего Амура и прилегающих к нему территорий в эпоху раннего средневековья // Восточная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск.
- Нестеров С.П., 1998. Народы Приамурья в эпоху раннего средневековья. Новосибирск.
- Сергушева Е.А., 2002. Культурные растения бохайского городища Горбатка (Приморский край) по палеоэтноботаническим данным // Седьмая Дальневосточная конференция молодых историков. Владивосток.
- Тунгусо-маньчжурская проблема сегодня. Владивосток, 2008.
- Туров М.Г., 2008. Эвенки. Основные проблемы этногенеза и этнической истории. Иркутск.

И.А. Аржанцева

Институт Этнологии и Антропологии РАН, Москва

Г. Херке

Тюбинген

Раннесредневековые «Болотные городища» в низовьях Сырдарьи: проблемы происхождения, датировки и интерпретации

Термин «болотные городища» был впервые введен С.П. Толстовым в 1946 г. для группы памятников, рас-

положенных в районе старого русла реки Сырдарьи (Республика Казахстан). К «болотным» городищам

были отнесены Джанкент, Кескен-Куюк-кала и Большая Куюк-кала. В последние годы интерес к этим памятникам возобновился, исследование «болотных» городищ стало одним из приоритетных направлений в средневековой археологии Казахстана, так как именно этот регион и эти памятники с большой долей вероятности связывают с огузами, а городище Джанкент считается резиденцией царя огузов (Толстов, 1947. С. 56; Бартольд, 1963. С. 235; Байпаков, 2007. С. 51, 52).

Осенью 2005 г. начались совместные российско-казахские исследования городища Джанкент, (Курманкулов, Аржанцева и др., 2007), а в 2008 г. началось широкомасштабное исследование городища Кескен-Куюк-Кала (отряд ИА МОН РК под руководством К.М. Байпакова). Городище Джанкент – наиболее известное из всех «болотных» городищ. Многие исследователи отождествляют развалины этого городища с историческим городом Джанкент, упоминаемым в нескольких средневековых письменных источниках. Полученные материалы позволяют возобновить дискуссию о датировке, происхождении и роли «болотных» городищ в раннесредневековой и средневековой истории не только Приаралья, но и юго-восточной России.

С.П. Толстовым на основе сделанных визуальных наблюдений, общей планиграфии городищ и анализа подъемного материала было высказано предположение, что эти городища существовали непрерывно с начала нашей эры до X–XI вв. (Толстов, 1947. С. 63–68; 1948. С. 210–213).

При планомерных раскопках Джанкента выяснилось, что краснолощенная керамика, в чем-то схожая

с античной керамикой Хорезма, встречается вместе с керамикой, датировать которую можно в пределах VII–X вв., по характерным формам керамики с «пышным» орнаментом (преимущественно X в.) и по аналогиям с поздним этапом (VI–VII вв.) джетыасарской культуры. Таким образом, достаточно очевидна связь и преемственность «болотных городищ» со среднеафригидским периодом Хорезма и поздним этапом джетыасарской культуры. Откуда и когда именно происходила миграция населения в дельтовую область Сырдарьи, предстоит выяснить в ходе дальнейших работ. Массовый материал с городища Джанкент датируется, в основном, IX–X вв. Тем не менее, пока не обработаны данные из ключевых разрезов, говорить что-либо о начальных этапах существования памятника рано.

С.П. Толстов руководствовался тем, что все эти городища находятся в сходных природно-ландшафтных условиях, расположены близко друг от друга (Толстов, 1947. С. 59), имеют идентичный подъемный керамический материал, похожую внутреннюю структуру и план. Хотя только Джанкент из всех трех памятников имеет явные следы более поздней перепланировки. Высказывается правомерное предположение, основанное на четкости и не искаженности планировки, что город сооружен единовременно, и является сравнительно молодым (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973. С. 192, 193). В отличие от городищ Куюк-калы и Кескен-Куюк-калы, на поверхности которых даже без раскопок прослеживается значительный слой пожара, Джанкент не несет на себе столь явных следов катастрофы, хотя на отдельных

Рис. 1

участках фиксируются локальные пожары (Аржанцева, Рузанова, 2010. С. 16–18).

На данном этапе исследования не исключена возможность, что восточная часть городища – более поздняя (рис. 1). В этом случае наиболее древней частью города должна быть западная, с классической планировкой и Цитаделью (донжоном) в углу, подобно многим более ранним крепостям (замкам) в афригидском Хорезме (Топрак-кала, 1984. С. 10). Планировки Куюк-калы и Кескен-Куюк-калы при визуальном анализе не несут на себе явных следов поздних перестроек, хотя и имеют в слое и на поверхности материалы IX–X вв. Это, возможно, косвенно свидетельствует о том, что в отличие от Джанкента, им не придавался статус «столичного» города.

На памятнике и в его окрестностях были проведены предварительные почвенно-ландшафтные исследова-

ния, показавшие, что некоторые участки городища и отдельные конструкции формировались и функционировали в переувлажненных условиях (Аржанцева, Рузанова, 2010. С. 52–54). Решение вопроса о времени возникновения и функционирования «болотных» городищ тесно связано с палеоландшафтными реконструкциями гидрологической ситуации данного региона в период раннего средневековья, так как практически все поселения этого времени приурочены здесь к мигрирующим руслам дельты Сырдарьи. Сравнение описаний окрестностей городища, сделанных первыми исследователями более ста лет тому назад, с современным состоянием окружающего ландшафта показало драматическое изменение последнего, так как в последние 60–70 лет здесь проходит необратимый процесс опустынивания, во многом вызванный антропогенным фактором.

Аржанцева И.А., Зиливинская Э.Д., Караманова М.С., Рузанова С.А., Уткельбаев К.З., Сыдыкова Ж.Т., Билялов С.У., 2010. Сводный отчет об археологических работах на городище Джанкент в 2005–2007, 2009 гг. Кызылорда.

Аржанцева И.А., Рузанова С.А., 2010. Исследование «болотных городищ»: архивы и новые материалы // Археология и палеонтология Евразийских степей и сопредельных территорий. М.

Байпаков К.М., 2007. Огузы, туркмены и сельджуки в городах Жетысу и Южного Казахстана // Известия Национальной Академии Наук Республики Казахстан. 1 (253), январь-февраль.

Бартольд В.В., 1963. Туркестан в эпоху монгольского нашествия: Соч. М. Т. 1.

Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г., 1973. Средневековый город Средней Азии. Л.

Курманкулов Ж.К., Аржанцева И.А., Зиливинская Э.Д., Рузанова С.А., Сыдыкова Ж.Т., 2007. Материалы Джанкентской археологической экспедиции. Кызыл-Орда.

Толстов С.П., 1947. Города гузов // СЭ. № 3.

Толстов С.П., 1948. По следам Древнехорезмийской цивилизации. М.–Л.

Топрак-кала. Дворец. М., 1984. (ТХАЭЭ; Т. XIV / отв. ред. Ю.А. Раппопорт, Е.Е. Неразник).

Н.Г. Артемьева

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток

Мастерская по выплавке железа и бронзы в верхней столице государства Восточное Ся (1215–1233)

На Красноярском городище – Верхней столице государства Восточного Ся (1215–1233 гг.) была обнаружена государственная мастерская по выплавке железа и бронзы. Мастерские по выплавке железа до этого исследовались на Шайгинском и Скалистом городищах, печи по выплавке железа были обнаружены на Лазовском, Горнохуторском и Новонежинском городищах. Металлургические печи, раскопанные на этих памятниках, были одних стандартов, представляли собой выложенный из речной гальки или кирпича ящик трапециевидной формы длиной 3,2 м, шириной задней стенки 1,4 м, вблизи устья 1,1 м.

Печи, обнаруженные на Красноярском городище, по конструкции и размерам отличаются от ранее известных объектов. Территория, на которой они были обнаружены, находилась на северо-восточной части

Запретного города. С трех сторон она обнесена земляным валом, и представляла собой производственный комплекс, состоящий из двух жилищ ремесленников и мастерской. В мастерской находились две печи по выплавке железа, две печи по выплавке бронзы, в также производственная площадка с остатками горна, угольных ям, кузнечного инструментария, ковшей для разлива металла. Здесь же были найдены предметы со следами необработанных литейных швов и литников, большая каменная форма для разлива металла, фрагменты льячек, инструменты в виде чеканов, грабля для вытаскивания железа из печи и огромное количество кусков бесформенного железа и бронзы.

Печи по выплавке железа были квадратной формы с куполообразным верхом, выложенным частично камнями и глиной, смешанной с травой. С восточной сторо-

ны от печей были зафиксированы устья, а с западной стороны – отверстия, через которые входили сопла. В заполнении камер печей обнаружено большое количество кусков железа, лежащих поверх слоя угля.

Печи по переплавке бронзы на территории Приморья найдены впервые. Сохранность их очень плохая, но предварительно можно сказать, что эти печи были тигельного типа. Здесь же было обнаружено большое количество бронзовых слитков, бронзового лома, расплавленных бронзовых монет. Многие бронзовые отливки имели форму полуovalов. От бронзо-

литейных печей сохранились раздавленные своды с большими тиглями, которые находились поверху неглубоких ям. Здесь обнаружен слой угля смешанный с выплесками и каплями бронзы.

Исследование производственного комплекса на Красноярском городище дает возможность поднять вопрос о существовании государственных мастерских по выплавке металла и также подтвердить тот факт, что у чжурчжэней столичные города одновременно являлись производственными, административно-политическими и религиозными центрами.

И.Р. Ахмедов

Государственный Исторический музей, Москва

Е.Г. Манькова

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Новые материалы по археологии рязанских финнов и раннесредневековой мещеры

Древности рязанских финнов традиционно вызывают большой интерес исследователей. С конца XIX в. к ним было привлечено внимание крупнейших специалистов – А.А. Спицына, В.А. Городцова, П.П.Ефименко, А.Л. Монгайта, П.Н. Третьякова, А.П. Смирнова, В.В. Седова. Результатами их исследований стали не только публикации материалов, но и аналитические разработки по археологии и моделированию этнокультурных процессов в регионе.

Наиболее значительные полевые работы на рязано-окских памятниках были проведены в конце XIX – начале XX в. В последние десятилетия прошедшего столетия снова начались масштабные раскопки на Шокшинском могильнике (В.Н. Шитов), а также исследования ГИМ на целом ряде памятников, продолжающиеся и сейчас. (И.В. Белоцерковская, И.Р. Ахмедов). В результате в разы выросло количество изученных комплексов, что в совокупности с раскопками большими площадями на могильниках Кораблинском, Никитинском, Заречье 4, предоставило новые возможности для аналитических разработок.

На этой основе были разработаны новые классификационные и хронологические схемы, частично опубликованные, определены время появления поволжских финнов в регионе на рубеже I–II вв. н.э. (Кошибеевский могильник, Долматовский клад и пр.), освоения рязано-окским населением в середине – второй половине III в. н.э. рязанского течения р. Оки (ранние погребения Никитинского и Зареченского могильников), начато изучение социальной структуры данного общества и выявление динамики взаимодействия носителей культуры с населением Верхнего

Дона, Верхнего Поочья, Москворечья, демонстрирующей значительную вовлеченность этой группы финнов в этнокультурные процессы в периоды римских влияний и Великого переселения народов.

Определено время кардинальных изменений в их жизни в середине VII в. н.э., отразившихся в резком сокращении ареала распространения культуры до районов озерной Мещеры, Касимова и Нижнего Примокшанья. К этому же времени относится уникальная для региона находка круга «древностей антов» первой хронологической группы на Елшинском городище, свидетельствующая о появлении нового населения на южной границе расселения рязанских финнов. Одновременное прекращение захоронений на большинстве памятников, следы тотального разгрома на Тереховском городище, погребение знатного кочевника у с. Арцыбашево позволяет полагать, что наиболее вероятной причиной изменений следует считать вторжение степняков, повлекшее за собой исчезновение большей части населения.

Результаты работ на могильнике Барское 2, на городищах Терехово и Земляной струг, анализ поздних погребений могильника Курман позволяют снова поставить вопрос об участии рязано-окских финнов в формировании раннесредневековой мещеры. На могильнике Барское 2 получены материалы, свидетельствующие о функционировании могильника в конце I – начале II тыс. н.э. На городищах выявлены материалы X–XI вв., которые по наличию характерных женских украшений можно отнести к мещерскому населению. Поздний горизонт Терехово датируется находками дирхемов и серией других предметов инокультурного происхождения. Находки в слое и на скло-

нах городища большого количества наконечников стрел позволяет предположить, что финал бытования городища связан со штурмом. Одновременно прекращается жизнь на Земляном струге и неподалеку осно-

вывается Городец Мещерский. Таким образом, новые материалы позволяют наметить новые направления в изучении истории региона в эпоху образования древнерусского государства.

А.Н. Башенькин

Государственный педагогический университет, Вологда

М.Г. Васенина

Дворец творчества детей и юношества, Вологда

Могильник Чагода I и его место в кругу древностей раннего железного века

Могильник Чагода I находится на западе Вологодской области, в 2 км к западу от п. Чагода, при впадении р. Песь в р. Чагодощу – приток Мологи. Памятник открыт А.Н. Башенькиным в 1984 г., исследовался раскопками авторами в 1986–1987 гг., 1992–1993 гг. Заложено 12 раскопов, общая вскрытая площадь составила 1560 кв. м. Могильник расположен на боровой террасе и состоит из двух частей. Основная часть могильника тянется по песчаной гряде на краю террасы. Высота террасы над обширным пойменным лугом 3 м, над уровнем воды в реках 7 м. Протяженность этой части около 180 м. Здесь исследованы два кургана, остатки наземных деревянных сооружений – «домиков мертвых», грунтовые погребения в ямках и россыпями на поверхности. Вторая часть могильника находится на песчаной гряде, высотой до 5 м, располагающейся в глубине бора, параллельно линии берега, в 50 м от края террасы. Здесь исследованы два кургана и грунтовые погребения (Башенькин, 1995. С. 11–15).

Все погребения совершены по обряду трупосожжения, за исключением одного впускного детского в кургане № 1. Грунтовые погребения совершались на протяжении всего времени функционирования могильника. Сожженные кости помещались в материковые ямы размерами от 0,2×0,2×0,2 м до 1,0×0,8×0,8 м. Характерно небольшое количество погребального инвентаря: железные двушипные наконечники стрел, нож с горбатой спинкой, бронзовые булавки со спиральным навершием, пронизи, мелкие украшения. Одно погребение находилось в небольшом сетчатом горшке. Грунтовые погребения встречаются по всей площади могильника.

Остатки наземных деревянных сооружений – «домиков мертвых» – зафиксированы в виде четких черных прямоугольных пятен 5,0×3,0 м, 3,2×3,2 м, 4,6×2,4 м, насыщенных углем, сожженными костями, фрагментами керамики. Здесь среди костей найдены железные двушипные и листовидные наконечники стрел, ножи, шило, фрагменты поясной гарнитуры, разнообразные бронзовые украшения, в том числе зооморфные в виде медведей, птичек, коней, фраг-

менты костяных изделий (накладка-птичка в скифо-сарматском зверином стиле, фрагмент псалия), скифская синяя глазчатая буса. Большинство вещей имеют признаки пребывания в огне. Особого внимания заслуживают две коньковые подвески с двумя головами. Это древнейшие изображения коней на севере Восточной Европы. Судя по найденным костяному псалию и железным удилам с псалиями, кости сожженных взнузданных коней также помещались в сооружении.

Для грунтовых погребений и сооружений получены радиоуглеродные даты: 2250±100 л. н. (ГИН – 8422), 2240±40 л. н. (ГИН–7507), 2230±80 л. н. (ГИН–7504), 2180±70 (ГИН–8421), 2130±100 (ГИН–8419), 2050±40 (ГИН–7506), 2030±80 (ГИН–7505), 1760±70 (ГИН–7502), что в целом подтверждает археологическую датировку.

Курганы имели диаметр 10–14 м, высоту 0,2–0,8 м, окружены ровиками. Основная масса сожженных костей располагалась россыпью на погребальной площадке, в темно-сером слое мощностью 0,1–0,3 м. Слой по структуре и составу близок заполнению «домиков мертвых», но, в отличие от них, перекрыт насыпью. Встречены захоронения и в материковых ямках. В погребениях найдены: втульчатое копье, фрагменты лезвия меча, волнатообразное навершие рукояти меча или кинжала, боевые проушные топоры, кельты, ножи с горбатой спинкой, двушипные наконечники стрел, предметы поясной гарнитуры, круглые ажурные бляхи, бляхи-пронизи, разнообразные привески, стеклянные и бронзовые бусы (рис. 1), сетчатая и лепная гладкостенная керамика. Наиболее ранними насыпями в могильнике являются насыпи №№ 2, 3, возведенные в первые века н.э. (не позднее II в. н.э.). Это наиболее ранние исследованные курганы на Северо-Западе России. Курганы №№ 1, 4, расположенные на окраине могильника, датируются по инвентарю III–IV вв. н.э. Курган № 4 имеет радиоуглеродную дату 1500±90 л. н. (ГИН–7503).

Внимания заслуживает вопрос о происхождении традиции погребения в наземных деревянных соору-

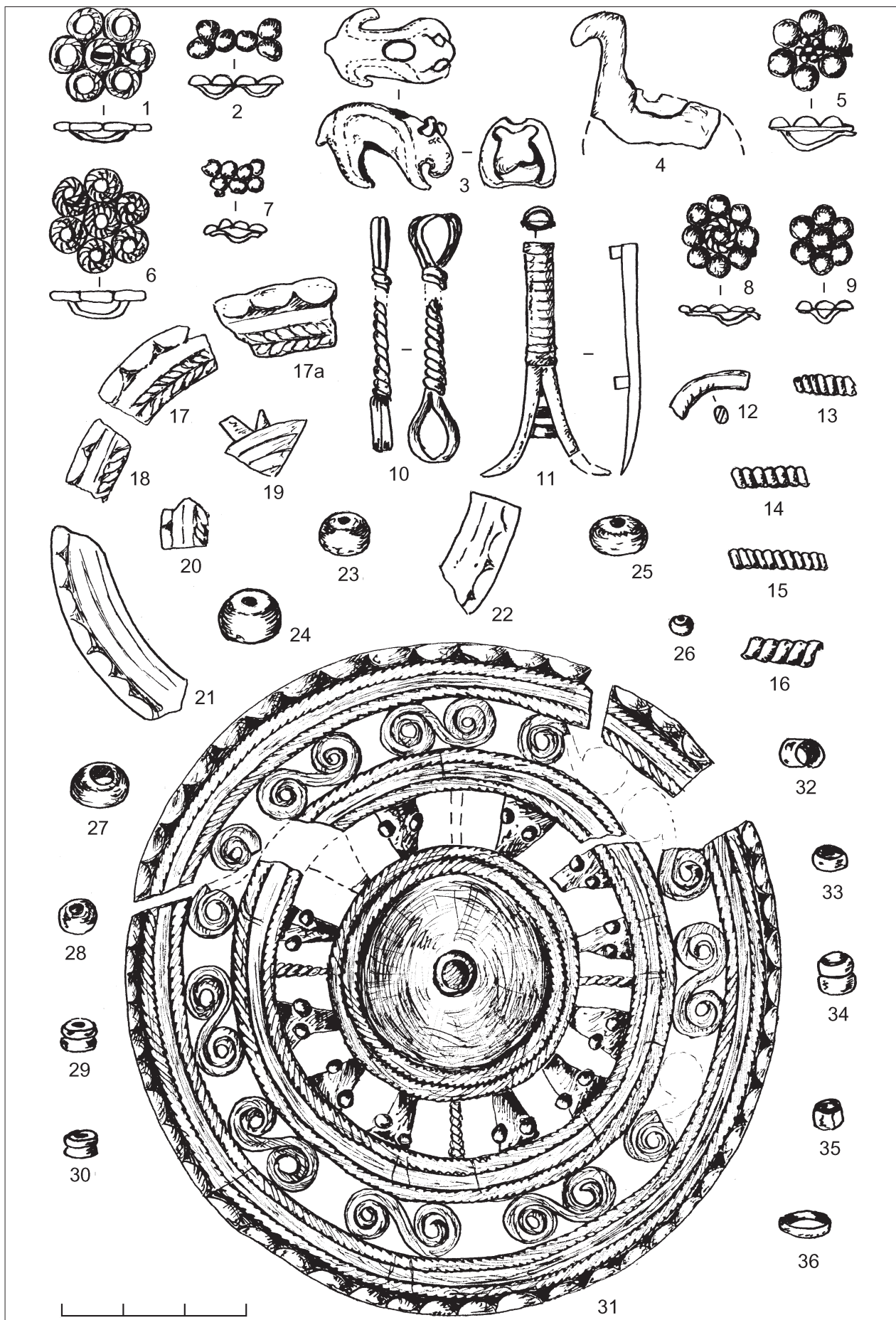

Рис. 1

Чагода I. Инвентарь погребений кургана № 3: 1-22, 31-36 – бронза; 23-30 – стекло

жениях. Ранее железного века этот обряд на рассматриваемой территории не известен. На основании известных данных следует признать, что традиция погребения в наземных деревянных сооружениях на северной лесной зоне Восточной Европы была привнесена в раннем железном веке «со стороны». Погребальные памятники с многочисленным инвентарем степных типов, специфическими элементами погребального обряда (конскими погребениями и т. д.) свидетельствуют о появлении в Молого-Шекснинском междуречье хорошо вооруженного скотоводческого населения. Вторжение было достаточно многочисленным, т.к. такие памятники известны по всей территории Молого-Шекснинского междуречья на рр. Чагодоше, Кобоже, Мологе (Башенькин, 2007. С. 152–165). Захоронения на уровне древнего горизонта в деревянных

сооружениях характерны для обширных регионов Сибири, Южного Зауралья, Алтая, Тувы, начиная с эпохи бронзы и до средневековья.

Проникновение групп степного населения продолжалось и в начале н.э. – об этом свидетельствует появление курганного обряда погребения.

Могильник прекращает существование на рубеже IV–V вв. н.э., что, видимо, связано с продвижением населения культуры длинных курганов, несколько групп которых известны в ближайших окрестностях. Могильник Чагода I на сегодня является уникальным памятником для севера лесной зоны Восточной Европы, который существовал с IV–III вв. до н.э. по IV–V в. н.э. Несомненно юго-восточный культурный импульс для местного финно-угорского населения, а также контакты с населением Верхнего Днепра и Западной Двины.

Башенькин А.Н., 1995. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Славяно-русские древности. СПб. Вып. 3: Проблемы истории Северо-Запада Руси.

Башенькин А.Н., 2007. Финны, угры, балты, славяне и скандинавы на Шексне и Мологе // Труды по русской истории: Сборник статей в память о 60-летию Игоря Васильевича Дубова. М.

А.А. Беговаткин

Институт археологии РАН, Москва

Историческая география мордвы V–XVII вв. (по археологическим данным)

Большинство исследователей считает, что в середине V в. н.э. сложились основные признаки мордовской культуры. С этого времени можно говорить о мордве как об этнокультурной общности, что подтверждается и письменным свидетельством Иордана (VI в.), упоминавшем о народе *mordens*. Вплоть до начала XIII в. характерным мордовским украшением была женская височная подвеска в виде стержня со спиралькой на одном конце и бипирамидальным грузиком на другом. Еще более длительное время используются застежки-сюльгамы, непрерывная эволюция которых прослеживается вплоть до настоящего времени.

В I – начале II тыс. н.э. территория расселения мордвы включала большую часть Окско–Сурского междуречья: от правобережья Волги на севере и до верховьев Мокши и Суры на юге. Однако на этой обширной территории мордовские памятники были расположены неравномерно. Исследователями уже неоднократно рассматривался вопрос о выделении в Окско–Сурском междуречье локальных групп мордовских памятников.

В период V–VII вв. в Окско–Сурском междуречье выделяются, по крайней мере, три территориально-хронологические группы мордовских памятников: в верхо-

вьях Суры, в бассейне Теши и в нижнем течении Суры. Эти группы имеют определенные особенности в погребальном обряде и материальной культуре.

В следующем периоде, в VII–XI вв., количество мордовских памятников в верховьях Суры сокращается. Примерно в IX в. перестали функционировать и мордовские поселения и могильники в низовьях Суры. В то же время большое количество новых мордовских памятников появляется в Среднем Примокшанье и в бассейне Цны. Расселение мордвы здесь происходит не только вдоль крупных рек, но и на водораздельных участках со сравнительно небольшими речками. Довольно плотная группа мордовских памятников сохраняется в бассейне Теши, в окрестностях г. Арзамас, что позволяет рассматривать эту территорию как центр сложения мордвы-эрзи.

В XI – первой трети XIII в. политическая обстановка в западной части Среднего Поволжья характеризовалась противоборством Руси и Волжской Булгарии, стремлением обеих сторон подчинить мордовские земли и включить их в сферу своего политического и экономического влияния.

С образованием раннегосударственных объединений в основном завершилось формирование морд-

вы-мокши и мордвы-эрзи. С начала XIII в. они упоминаются в западноевропейских и восточных письменных источниках.

В период золотоордынского господства и в последующее время произошли значительные изменения и в расселении мордовского народа. Эрзянское населе-

ние большей частью стало занимать бассейн Алатыря и Среднее Посурье. Часть мордвы была переселена далеко за пределы своей этнической территории. Мордовские памятники второй половины XIII – XVII в. известны на Самарской Луке, в Казанском и Нижнем Поволжье, в верховьях Хопра и Медведицы.

Т.А. Васильева

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток

Реконструкция хозяйственной деятельности жителей Екатериновского городища (Приморский край)

Екатериновское городище (XIII в.) находится в Партизанском районе Приморского края в 0,6 км к северо-востоку от ст. Боец Кузнецов. Занимает открытый к востоку склон сопки площадью 27 га. От города к долине р. Партизанской спускается дорога. К западу и северу от Екатериновского городища на расстоянии от нескольких километров до нескольких десятков находятся аналогичные укрепления чжурчжэней, которые контролировали не только окрестности, но и дороги, соединяющие эти города. Возводились города в государстве Восточное Ся на государственной земле. Их строительство было обязательной частью государственных общественных работ, благодаря которым обеспечивалась оборона, производство, транспортировка, хранение и распределение важнейших материалов и продуктов (Стужина Э.П.).

Население этих городов получало от правительства казенные надельные участки на льготных условиях, тягловый скот и сельскохозяйственный инвентарь и становилось опорой власти (Воробьев М.В.). Эти города-крепости (институт моукэ и мэньань) находились на самообеспечении, хозяйственная деятельность должна была быть адаптирована к потребностям, как мирной жизни, так и во время военных действий. «Эти коллективы обеспечивали себя всем необходимым и не забывали про военную тренировку» (Воробьев М.В.).

Полученные в Приморье материалы свидетельствуют, что все нужды и запросы удовлетворялись местным производством и торговлей с соседними странами. Хозяйство носило комплексный характер с развитым ремесленным производством и сельским хозяйством, в основе которого было пашенное земледелие и скотоводство.

Ведущее место среди ремесел принадлежало производству и обработке металла. На Екатериновском городище в раскопах встречаются следы работы с металлом – шлаки, корольки, куски крицы и руды. Часто в жилищах чжурчжэней помимо очагов находятся горновые ямы, в которых разогревали поковки или куски крицы. Найдены новые и отремонтированные вещи. Селились ремесленники по профессиональным признакам. Массовыми находками был кузнечно-слесарный инструментарий – кузнечные клещи, бородки, кузнечная обжимка, 23 напильника (от драчевых до надфилей), ножки угломерного инструмента, сланцевое точило, новые металлические вещи. Встречаются крупные плоские камни – наковальни. Многообразие изделий, изготовленных из металла, стандартизация специализированных сооружений и кузнечно-слесарного инструментария говорят о высоком уровне металлообрабатывающего ремесла у чжурчжэней, даже надомников. Были мастера-деревообрабочники, камнетесы, косторезы. Об этом говорят находки инструментов и вещи. Были гончары и ткачи.

Огромную роль в хозяйстве играло земледелие. В двух третях раскопов встречаются орудия обработки почвы – чугунные лемехи, отвалы, мотыги, лопаты, пешни. Найдены остатки карбонизированного зерна – проса, красной фасоли. Жали злаковые серпами, обрушивали в ступах, мололи в каменных мельницах. Тягловым скотом были волы. Особое внимание уделялось коневодству.

Высокопроизводительные и сбалансированные отрасли хозяйства позволяли городам-крепостям осуществлять свою главную задачу – охранять границы государства и нормально функционировать.

Ю.А. Васильева, В.Б. Малиновский

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

Могильник Заречно-Убинское-1 как источник по реконструкции этнических процессов на границе таежной и лесостепной зоны Западной Сибири

Курганный могильник Заречно-Убинское-1 расположен в Убинском районе Новосибирской области на юго-западной окраине одноименного села. Памятник открыт А.Ф. Федоровой, обследован Э.А. Севастьяновой в 1970 г. (Троицкая и др., 1980. С. 118). Могильник состоит из 160 курганов, из которых 79 исследовано В.Б. Малиновским в течение пяти полевых сезонов. Могильник представлен тремя курганными группами, устройство которых по внешним признакам одинаково: каждая из групп расположена на небольших возвышенностях до 1,5–2 м, есть как большие (диаметром до 14 м), так и маленькие (до 5 м) курганы (Соболев, Малиновский, 1995. С. 91).

Полученный материал из курганов довольно разнообразен: костяные и железные наконечники стрел, ножи, кельты, керамика, украшения, а также множество индивидуальных находок, анализ которых позволяет говорить о довольно продолжительном использовании данной территории в качестве некрополя. Наиболее ранние археологические материалы датируются в пределах VIII в., а поздние – XV–XVII вв., (Соболев, Малиновский, 1995. С. 91). Аналоги прослеживаются с подобными материалами со средневековых могильников Барабинской лесостепи таких как

Абрамово-10, Садовка-2, Туруновка-2, Преображенка-2, Малый Чуланкуль-1 и др. (Молодин и др., 1990).

Материалы Заречно-Убинского могильника отражают сложные межэтнические контакты народов, проживающих в пограничной зоне между тайгой и лесостепью, на всем протяжении эпохи средневековья. В таких природно-климатических условиях, население не могло не иметь своеобразную культуру, в которой сочетались бы черты таежного и лесостепного типа хозяйства, а особенности погребального обряда позволяют считать, что археологические культуры северной Барабы состояли из многих компонентов и были подвержены целому ряду культурных влияний.

В середине II тыс. н.э. восточная Бараба была местом контактов между несколькими этническими группами: южных хантов – с северо-запада, селькупов – с северо-востока, тюркоязычных племен (барабинских татар) – с юга и чатских татар – с востока.

Комплексное изучение могильника Заречно-Убинское и введение в научный оборот новых данных позволит заполнить пробелы в истории населения северо-восточной Барабы, а широкие хронологические рамки могильника позволят уточнить степень контактов в различные исторические периоды.

Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И., 1990. Бараба в эпоху позднего Средневековья. Новосибирск.

Соболев В.И., Малиновский В.Б., 1995. Погребальный обряд Заречно-Убинского могильника эпохи средневековья //

Археология вчера, сегодня, завтра: Межвуз. сб. науч. трудов. Новосибирск.

Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И., 1980. Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск.

А.З. Винников

Воронежский государственный университет, Воронеж

Животинное городище конца VIII – начала XI в. на р. Воронеж¹

Животинное городище расположено в 3,5 км от с. Староживотинное Рамонского района Воронежской области и занимает один из мысов высотой 30–45 м правого берега р. Воронеж. На городище

высврито в разные годы несколькими раскопами около 3000 кв. м площади. Со стороны стрелки мыса склон довольно пологий и плавно опускается в пойму. На стрелке мыса имеются укрепления в виде вала и рва,

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-11-36006 а/ц.

а со стороны плато – три линии укреплений. Раскопки первой и второй линий укреплений выявили, что при их сооружении в полной мере использовались возможности топографии местности и деревянные конструкции в виде срубов, заполненных землей.

Исследования укреплений на мысу показали, что склон здесь был подрезан на ширину 5 м и высоту около 3 м. Образовавшаяся отвесная стена была укреплена деревянной конструкцией. Выше был насыпан вал, на который были поставлены деревянные сооружения, возможно срубы, засыпанные землей и укрепленные с внешней стороны небольшим откосом из глины. С одной стороны укрепления Животинного городища находятся в одном ряду с укреплениями других славянских городищ бассейна Дона, с другой обладают определенной спецификой в организации обороны.

На поселении выявлено 48 жилых построек славянского времени. Все они относятся к типу полуземляночных сооружений. Обращая внимание на площадь котлованов, необходимо отметить, что так называемое «жизненное пространство» жилищ определялось размерами котлована углубленного в материк. В ряде построек прослежена дополнительная глиняная подмазка материкового пола со следами обжига, в некоторых, где сыпучий материк, выявлены остатки деревянного покрытия. Отопительные сооружения в жилищах можно разделить на три группы. Группа I – печи-каменки с глиной (66,5%). Можно выделить 3 подгруппы: 1 – сооруженные на плотном материковом глинобитном полу; 2 – печи на материковой глиняной площадке несколько приподнятой над материковым полом; 3 – печи, расположенные на искусственной глинобитной площадке, сооруженной из специально принесенной глины, аналогичной глине гончарной. Группа II – комбинированные печи (31,5%): нижняя часть подковообразное глинобитное основание, верхняя – сложена из камней и глины. Печи этой группы можно разделить на две подгруппы: 1 – печи, сооруженные на налепленном глинобитном основании из специально принесенной глины, аналогичной гончарной; 2 – печи, основания которых вырезаны из материкового останца. Группа III представлена одной печью, полностью слепленной из глины. Сооружена на глиняной площадке, налепленной на материковый песок.

Важным компонентом для характеристики жилищ является система деревянной облицовки стен котлована и в целом конструкции. На Животинном городище преобладают остатки каркасно-столбовой конструкции (около 60%). При этом нужно отметить, что котлованы большей площади, как правило, имели каркасно-столбовую конструкцию. Что касается срубных жилищ, то есть все основания предполагать, что сами срубы располагались за пределами котлованов. Признаки, свидетельствующие об этом, достаточно убедительно рассмотрены О.Н. Енуковой.

Жилища Животинного городища по своим основным параметрам не выходят из круга восточнославянских построек конца I тыс. н.э. бассейна Дона. Но вместе с тем они имеют и некоторую специфику по сравне-

нию с полуземляночными постройками Среднего Дона: преобладание каркасно-столбовых построек; значительное количество печей, сооруженных на глиняном основании; наличие в жилищах предпечных ям и ям хозяйственного назначения; имеющиеся в ряде построек деревянные полы и т. д.

На Животинном городище получена большая коллекция различных изделий из железа. Огромное количество шлаков в слое, в печах, в постройках, ошлакованная керамика, а также находки фрагментов сопел – все это свидетельствует о развитии местной металлургии, хотя не исключен и импорт некоторых орудий труда из алаано-болгарского мира.

Из всего разнообразия металлических изделий необходимо отметить находки четырех ножей с валютнообразными навершиями. Это довольно редкая находка на славянских памятниках. Один нож с валютами встречен на Семилукском городище на Верхнем Дону. Совершенно очевидно, что ножи этого типа распространены только на Верхнем Дону. На Среднем – их нет. Ножи с валютами получили в литературе неоднозначную оценку и с точки зрения их этнической принадлежности, хронологии и функционального назначения. Но с достаточно большой долей вероятности мы можем говорить об их славянской принадлежности и о широком в хронологическом плане их бытовании, но к востоку от Днепра, включая и Верхний Дон дата может быть определена в пределах VIII–IX вв.

На городище обнаружено немногочисленная, но достаточно разнообразная коллекция ювелирных изделий, а также предметов из кости и стекла.

Интересен керамический комплекс с Животинного городища. Здесь имеются все типы посуды, характерной для донских славян. Почти во всех типах горшков можно выделить сосуды, правленные на круге, нередко с линейно-волнистым орнаментом. Кроме того, необходимо отметить, что на Животинном городище имеется исключительно малый процент посуды, орнаментированной веревочным штампом (около 3% всей орнаментированной посуды).

Животинное городище является единственным памятником донских славян, на котором встречено гончарная манжетовидная керамика местного производства, датируемая второй половиной X – первой половиной XI вв., что свидетельствует об определенной эволюции керамического производства у населения Животинного городища. Но, тем не менее, производство керамики лепным способом оставалось господствующим до конца существования поселения.

Животинное городище является в настоящее время пока единственным поселением на Верхнем и Среднем Дону, которое дает право говорить достаточно уверенно о пребывании здесь славян, во всяком случае, на р. Воронеже, до начала XI в., возможно до его середины. Что касается нижней хронологической даты поселения то, несмотря на возражения А.В. Григорьева, есть определенные основания обозначить ее второй пол. VIII в., в крайнем случае его последними десятилетиями.

К вопросу о поздней дате мощинской культуры

Мощинская археологическая культура была выделена П.Н. Третьяковым в 1940-х гг. Она распространена в бассейне верхнего течения р. Оки вплоть до впадения в нее р. Осетр и в бассейне верхнего Днепра (рис. 1: А). На правобережье Оки ей непосредственно предшествуют памятники типа Ново-Клейменово, датирующиеся II – первой половиной III в., сформировавшиеся при взаимодействии верхнедонского лесостепного населения позднесарматского времени и лесных культур верхнего Поочья (Воронцов, 2007). В последнее время материалы, относящиеся к памятникам типа Ново-Клейменово, выделяются и на левом берегу Оки (Массалитина, 2010).

Основные материалы мощинской культуры датируются III–V вв., для памятников правобережья Оки выделяется 4 периода (Воронцов, 2008б; Гавритухин,

Воронцов, 2008). До последнего времени возможность существования памятников мощинской культуры в какой-либо части ее ареала вплоть до славянской колонизации IX в. могла быть обоснована только серией случайных находок, значительная часть из которых происходит из грабительских раскопок (Воронцов, 2003). Кроме того, в ходе обработки керамических коллекций с верхнеокских памятников роменской культуры IX–X вв., появились свидетельства о сохранении традиций мощинской культуры в их керамическом комплексе. Эти факты были рассмотрены автором, И.О. Гавритухиным, А.В. Григорьевым и А.М. Колоколовым в совместном докладе на конференции «Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпоху римских влияний и Великого переселения народов» (г. Тула, 2008 г.).

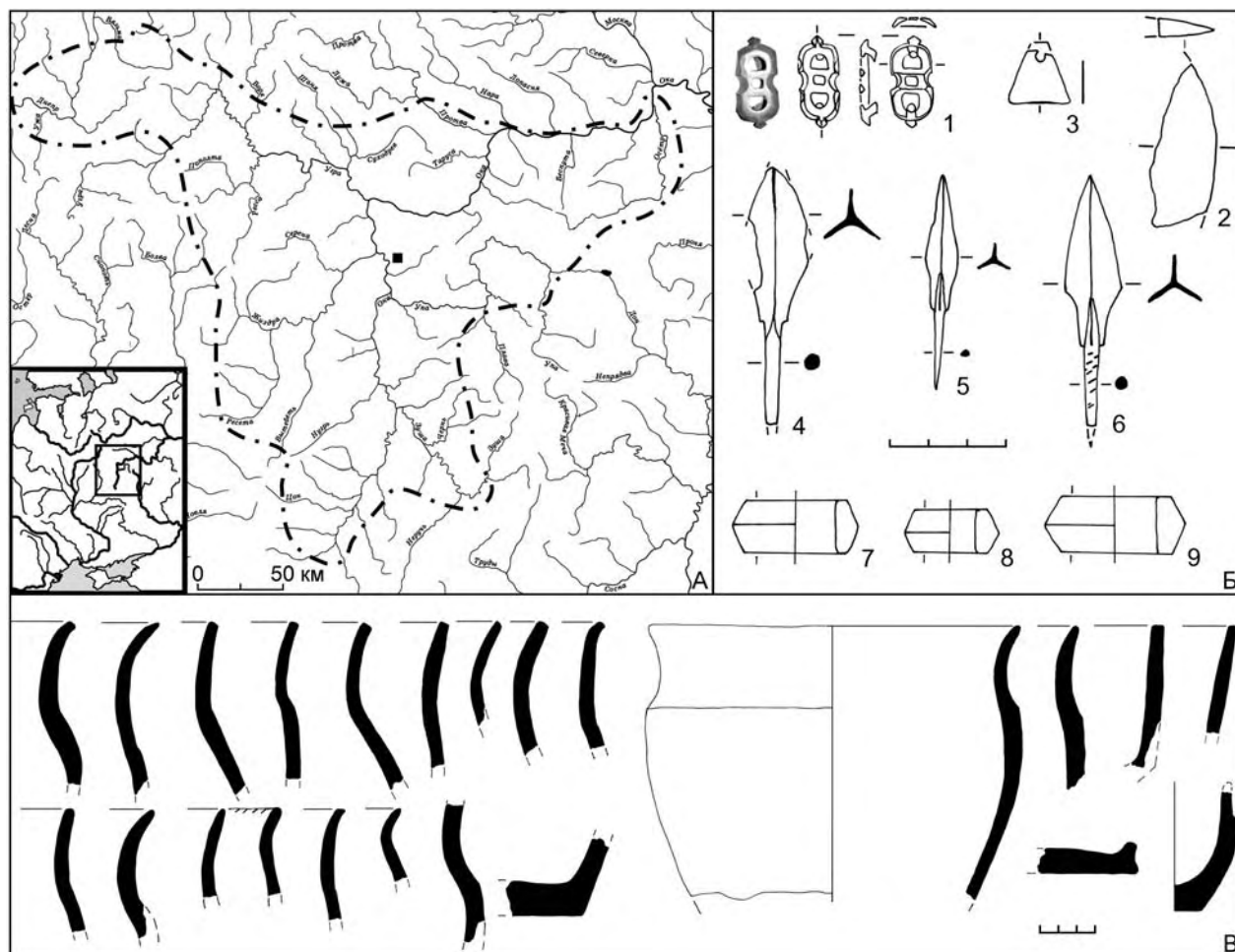

Рис. 1

Местоположение Акиншинского городища и материалы из Скопления 2 – одного из поздних комплексов мощинской культуры с этого памятника

А – границы мощинской культуры и местоположение Акиншинского городища; Б – находки из Скопления 2: 1, 3 – бронза, 2, 4–6 – железо, 7–9 – глина; В – лепная керамика из Скопления 2.

В настоящее время появились достоверные данные о существовании на памятниках мощинской культуры, расположенных на мелких притоках Оки, слоев, датирующихся вплоть до середины VII в. Они получены в ходе раскопок Акинъшинского городища, которое расположено между дд. Акинъшино Перемышльского района Калужской области и Покровское Суворовского района Тульской области на границе областей со стороны Тульской области (рис. 1: А). Городище ранее раскапывалось Ю.Г. Гендуне (1903 г.). Результаты ее работ были введены в научный оборот Т.Н. Никольской (Никольская, 1959).

В 2009–2010 гг. на площадке городища мной были заложены два смыкающихся между собой раскопа, общей площадью 98 кв. м, которые показали хорошую сохранность культурного слоя и наличие объектов, датирующихся IV – серединой VII в. Также проведена зачистка грабительской траншеи, прорезавшей внутреннюю часть вала, позволившая изучить стратиграфию укреплений.

Одним из важных итогов проведенных на Акинъшинском городище работ является полученная репрезентативная выборка керамических форм, в которой представлены серии, характеризующие слои и постройки IV – первой половины VII в.

В верхней части слоя открыты остатки наземных построек, одной из которых является Скопление 2, находки из которых позволяют датировать время прекращения жизни на поселении серединой VII в. (рис. 1: Б). С этим слоем связаны многочисленные на-

ходки трехлопастных черешковых стрел (рис. 1: Б, 4–6). По всей видимости, они свидетельствуют о военном конфликте, послужившем причиной прекращения функционирования городища.

Керамический набор представлен преимущественно грубыми лепными горшками. Также присутствуют немногочисленные фрагменты лошенных ребристых мисок и лепные диски-сковороды. Керамические формы наиболее поздних комплексов, в частности Сооружения 2 (рис. 1: В), продолжают традиции мощинского керамического набора гуннского времени (Воронцов, 2008а). Проведенное сравнение керамического набора комплексов середины VII в. с Акинъшинского городища и керамического набора комплексов IX в., происходивших из горизонта роменской культуры городища Супруты, подтвердили ранее высказанное мнение об участии носителей позднемощинских традиций в формировании славянского населения Верхнего Поочья.

Таким образом, Акинъшинское городище является первым памятником на Верхней Оке, на котором раскопаны хорошо сохранившиеся слои мощинской культуры, имеющие датировку позднее V в. Городище имеет все основания стать базовым объектом для исследований древностей этого периода. Полученные материалы позволят разработать хронологию древностей мощинской культуры V–VII вв. и выявить следы материальной культуры дославянского населения Верхней Оки среди славянских древностей IX–X вв.

Воронцов А.М., 2003. К вопросу о поздней дате мощинской культуры // Куликово поле. Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. Тула. Т. 1.

Воронцов А.М., 2007. Памятники типа Ново-Клейменово в первой четверти I тыс. н.э. на территории Окско-Донского водораздела // РА. № 3.

Воронцов А.М., 2008а. Памятники мощинской культуры гуннского времени на территории Окско-Донского водораздела // Acta archaeologica Albaruthenica. Минск. Vol. IV.

Воронцов А.М., 2008б. Хронология памятников мощинской культуры на территории Окско-Донского водораздела //

Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М. Т. II.

Гавритухин И.О., Воронцов А.М., 2008. Фибулы верхнеокско-донского водораздела: двучленные прогнутые, подвязные и со сплошным приемником // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула. Вып. 1.

Массалитина Г.А., 2010. Керамика нижнего слоя городища Серенск // Вторая конф. «Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов». Тула. Часть 1.

Никольская Т.Н., 1959. Культура племен бассейна верхней Оки в I тыс. н.э. М.

И.О. Гавритухин
Институт археологии РАН, Москва

Византийские влияния на восточноевропейские народы славянского и тюркского круга в VI–VII вв.

К VI в. на востоке Европы в степи стали господствовать тюркские объединения (осколки гуннской державы и новые, связанные с пришельцами с востока),

а в лесостепи и лесной зоне от Дуная до Северского Донца и верхний Волги доминировали славянские группировки.

Находки византийских медных монет концентрируются от Дуная до Нижнего Поднестровья, севернее они единичны. Это отражает разную интенсивность контактов групп славян с Империей. Статистика невозможна, т. к. большинство находок сделаны вне комплексов, а некоторые монеты VI в. происходят с памятников конца VII – IX в. Находки в Поднепровье связаны с этим же контекстом или с торговой трассой по Днепру. Золотые монеты (в основном происходят из комплексов Перещепинского круга) отражают выплаты степной элите в 640-е гг. Более ранние эмиссии есть в тех же комплексах, но некоторые находки могут быть связаны с выплатами предшествующим степным объединениям, что известно по письменным источникам VI в. Византийской керамики очень мало, ее распределение в целом соответствует картине распространения медных монет.

Вариации византийских фибул конца V – первой половины VI в. представлены в зоне пражской культуры (ПрК) до Среднего Поднестровья (рис. 1: 49, 50), в зоне пеньковской культуры (ПеК) – в основном в Среднем Поднепровье (рис. 1: 51–53), находки на востоке этого ареала позволяют ставить вопрос о местных переработках (рис. 1: 54), или происходят из погребения по не обычному у славян обряду ингумации (рис. 1: 55). С середины, особенно во второй половине VI в. (эпоха основных набегов славян/склавинов и антов на Византию и их службы в византийской армии) доминируют цельнолитые (псевдоподвязные) фибулы. В зоне ПрК они встречены до бассейна Припяти (рис. 1: 18, 27–29, 33, 34, 36, 41, 43), в ПеК – приурочены к Поднепровью от Поросья до Надпорожья (рис. 1: 19–21, 30, 35, 44, 45). Литые подвязные фибулы найдены лишь близ Дуная; вероятно, они принадлежали пленным византийцам, которые были не выкуплены, а включены в славянские общины. Кованые подвязные фибулы этого или чуть более позднего времени в ПрК находят не часто (рис. 1: 14, 37). Они более многочисленны в зоне ПеК Поднепровья (рис. 1: 15, 16, 21, 22, 31, 38), в т. ч. экземпляры, позволяющие говорить о местном производстве (рис. 1: 31 и, возможно, некоторые др.). На основе этих традиций складываются местные серии фибул (т.н. широкопластинчатые подвязные) с шарнирной конструкцией (вероятно, влияние с Кавказа), характерные для кладов круга Мартыновского. Даже если признать наличие производства подвязных фибул в зоне ПрК (рис. 1: 3), оно не было массовым и приходится, скорее всего, на VII в. Находка VII в. из Верхнего Поднепровья (рис. 1: 2) может отражать византийское влияние, опосредованное как культурами более южных зон Поднепровья, так и из зоны Аварского каганата (АК).

Подборка пряжек типа Сучидава (середина VI – начало VII в.) представлена в степных памятниках группы Суханово от Нижнего Поднепровья до прилегающего Приазовья (рис. 1: 39, 49, 48). Возможно, эти детали амуниции получили утигуры, которых Константинополь поддерживал как противовес другим объединениям. Пряжка этого типа найдена в погребении

по обряду ингумации к востоку от Карпат (рис. 1: 47), в зоне стыка славянских и степных традиций. Близкие вещи у славян известны только в зоне южных памятников ПрК (рис. 1: 46). В середине VI – середине VII в. получают распространение византийские В-образные пряжки с площадками в задней части рамки. Такая есть на Западной Вольни (рис. 1: 24), но неизвестно, принадлежала ли она носителям ПрК или людям, с которыми связана гибель гнезда поселений у Зимневского городища. Две такие пряжки есть в компактной зоне памятников ПеК Среднего Поднепровья (рис. 1: 25, 26). Там же известна их, вероятно, имитация (рис. 1: 17), входящая в гарнитуру, отражающую византийские влияния, скорее всего, опосредованные Крымом. Обойма византийской В-образной пряжки (рис. 1: 32) найдена в лесостепи восточнее Карпат, на памятнике, где влияние кочевников прослеживается и по керамике. Большинство ремной гарнитуры геральдического круга в Восточной Европе представлено местными сериями, хотя и испытывавшими византийские влияния. Кроме широко распространенных типов, следует отметить особую линию переработок крымско-византийских гарнитуров, представленную в кладах круга Мартыновского. Пряжка типа Ясси-Ада (ок. второй половины VI – первой трети VII в.) могла попасть на территорию Белоруссии (рис. 1: 24) непосредственно с Балкан или через зону АК.

Единичные пряжки с коробчатой петлей (VII в.), обычные для византийских традиций, есть в Среднем Поднестровье и лесостепи Южного Побужья (рис. 1: 10, 11), редкой формы – в донских степях (рис. 1: 13). С зоной Пастырского городища связаны дериваты таких пряжек (рис. 1: 12, 6), но экземпляр, позволяющий ставить вопрос о местном производстве (рис. 1: 5), не имеет надежной культурной привязки. Золотые и серебряные пряжки хорошей византийской работы VII в. принадлежат гарнитурам из комплексов Перещепинского круга (рис. 1: 7–9). Более дешевые – немногочисленны и известны на юге зоны ПрК (рис. 1: 1). Матрица для изготовления накладок типа Акалан (VII в.) из Среднего Поднепровья (есть и в зоне АК) позволяет говорить об изготовлении ремных гарнитуров, связанных с воинской модой, по византийским образцам и в Восточной Европе. Имитация пряжки византийского круга, найденная в бассейне Припяти (рис. 1: 4), вероятно, отражает связи через зону АК, активизировавшего контакты со славянами в последней трети VII в.

Предметы престижного убора, оружие, как и золотые монеты, в основном, входили в состав даров в контексте поиска Константинополем союзников. Первая группа таких комплексов разбросана по степи и относится к эпохе, наступившей после крушения державы гуннов (вторая половина V – первые десятилетия VI в.), вторая – связана с памятниками Перещепинского круга. Комплексы с серебряной посудой, достоверно относящиеся к элите славян, в Восточном Прикарпатье и Среднем Поднепровье датируются не ранее VII в.

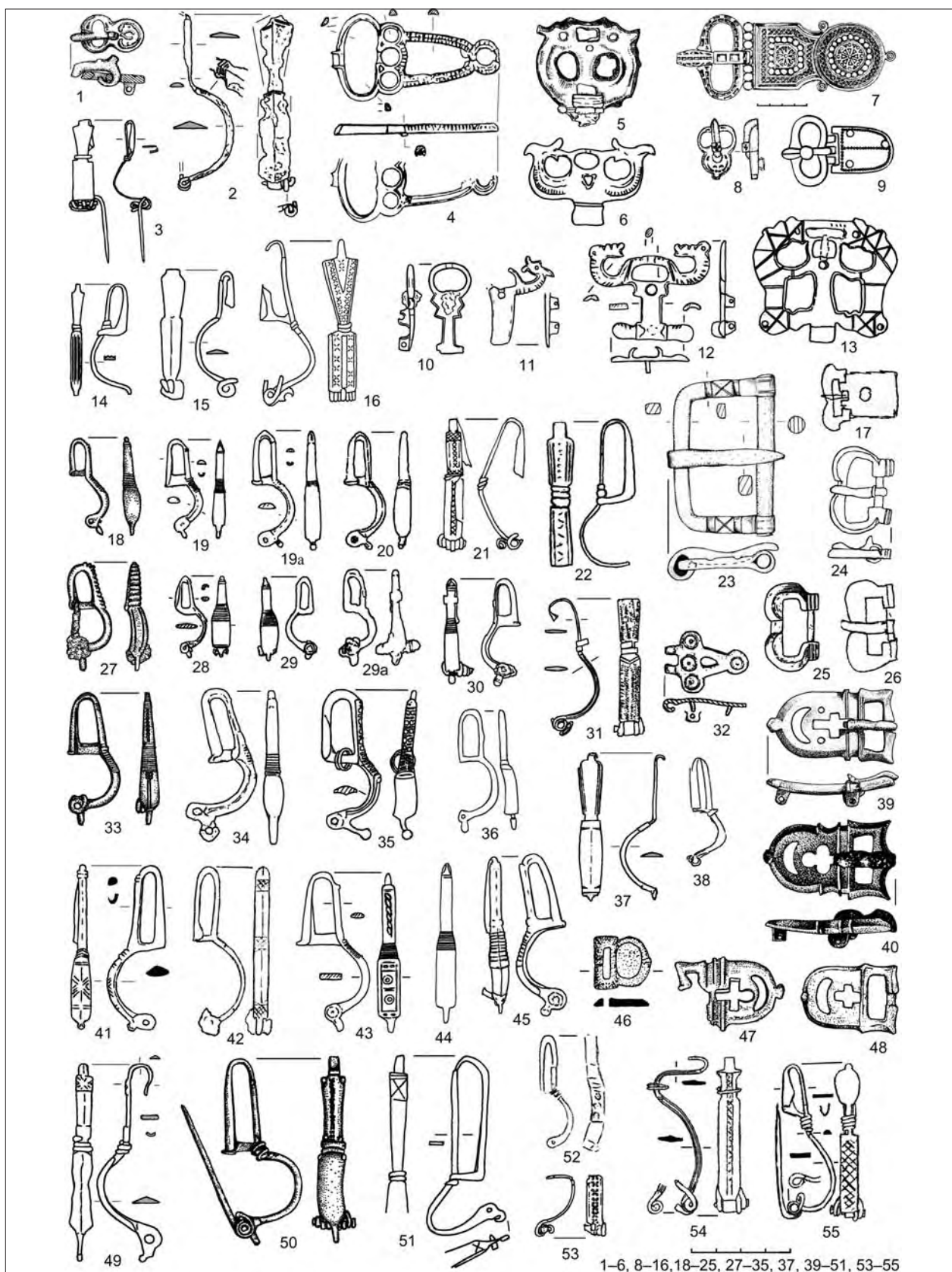

Рис. 1

Византийские или связанные с византийской традицией фибулы и пряжки к востоку от Карпат:

- 1 – Ботошана-Сучава; 2 – Никодимово; 3 – Исторический музей во Львове; 4 – Снядин; 5, 44 – Среднее Поднепровье; 6, 12 – Пастырское; 7–9 – Перещепина; 10 – Рашков; 11 – Самчинцы; 13 – север Донской обл.; 14 – Горошево; 15 – близ Каневского водохранилища; 16, 21, 22, 51 – Градижск; 17 – близ Черкасс; 18 – Бакеу; 19, 19а – Мошны; 20 – Черкасская обл.; 23 – Лабенщина; 24 – Зимно; 25 – Княжа гора; 26 – Хмельна; 27 – Бырлалешть; 28 – Бухличский хутор; 29, 29а – Плисенск; 30, 45 – Надпорожье; 31, 53 – Медведевка; 32 – Додешь-Васлуй; 33 – Сучава-Шипот; 34 – Ханска; 35 – Звонецкое; 36 – Черняхов; 37 – близ Овруча; 38 – Подсечное; 39 – Суханово; 40 – М. Терновка; 41 – Рипнев; 42 – Волошское; 43 – Чорновка; 46 – Бэлень-Ромэнь; 47 – Дзешть; 48 – Б. Токмак; 49 – Лука Каветчинская; 50 – Молдовень-Нямц; 52 – Зарубинцы; 54 – Б. Даниловка; 55 – Любовка.

Финал колочинской и пеньковской культур, феномен, связанный с Пастырским городищем, экспансия Хазарского каганата, образование Дунайской Болгарии, социально-политические трансформации в

АК и др. события положили в последней трети VII в. начало новой эпохе в истории Восточной Европы, для которой показательны другие формы контактов с Византией.

Е.И. Гельман

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток

Керамика и торговля: формы обмена в Бохае

Введение. Хотя основные формы обменных процессов хорошо известны, проследить их на археологическом материале довольно проблематично. Изучение характера обменов повседневными вещами, например, глиняной посудой, проследить сложнее, чем престижными. Приходится опираться на косвенные свидетельства, в качестве которых перспективно использование данных о технологии керамического производства (Rice, 1987. P. 191–205).

В статье предпринята попытка выявления форм обменов керамикой в государстве Бохай (698–926 гг.), основываясь на изучении уровня технологии и социально-экономических характеристик керамического производства на материалах 16 бохайских памятников российского Приморья. Керамика относится к трем технологическим группам, разный уровень которых обусловил и их различную роль в обменных процессах.

Лепная керамика найдена на бохайских памятниках в одних отложениях со станковой керамикой и представлена мохэской посудой. Ее доля по сравнению с круговой бохайской составляет от 2,3% до 12%. Хотя и выделяются размерные ранги, редко на одном памятнике встречаются сосуды, имеющие одинаковые параметры. Обжиг проходил при температуре менее 800°C. Ограниченные масштабы производства, слабо выраженный размерный стандарт, низкий технологический уровень производства, отсутствие лепной керамики в печах, где обжигалась круговая керамика, ее использование для приготовления еды (до 70% и более) и в качестве погребального инвентаря, косвенно указывают на домашнее производство традиционной посуды. Эта продукция не могла конкурировать на рынке с более качественной и многочисленной круговой посудой. Но она могла использоваться в обменах между родственниками и, в очень ограниченном количестве, в товарообменах.

Круговая (неглазурованная) керамика отличается высокой степенью разнообразия и стандартизации, составив 26 типов и более 50 видов на эталонном бохайском памятнике – Краскинском городище (около 13 га). При декорировании использовался преимущественно лощеный орнамент. Стандартизация распространялась и на технологию изготовления керамики.

На каждом городище и поселении было налажено собственное производство круговой посуды, большинство которой изготовлено на быстром круге, реже – на медленном. Бохайским гончарством в короткие сроки был воспринят быстрый круг, в итоге оно быстро сложилось в развитое ремесленное производство. На бохайских памятниках нет свидетельств постепенного процесса «принятия» этой инновации. Отсутствовала традиция использования вращательных устройств и в предшествующем бохайскому мохэскому гончарстве на изученных памятниках. Как показывают исследования в области истории техники и технологии, инновация – это продолжительный процесс, развивающийся на основании сохранившейся традиции (Torgence, Van der Leeuw, 1989. P. 3, 5). Возможно, новшество было освоено благодаря когуреским гончарам (часть когуресцев вошла в состав Бохая). Большинство керамики обжигалось в восстановительном режиме, в печах, при температуре 800–850°C. Например, в трех печах Корсаковского поселения (около 2 га) (Болдин, 2000. С. 125) одновременно могло обжигаться от 36 до 60 сосудов. Минимум потребностей одной семьи в керамике составлял около 25 сосудов, а плотность населения на памятниках могла составлять от нескольких сот до нескольких тысяч человек. Обеспечение продукцией городищ и поселений могло осуществляться только специализированными ремесленными мастерскими. Учитывая отсутствие собственной монетарной системы в государстве Бохай, а также низкую значимость китайских монет в экономике государства, скорее всего, сбыт керамической продукции осуществлялся путем обмена товара на товар.

Глазурованная керамика и фарфор относится к двум технологическим группам – со свинцовыми (монокромными и полихромными) глазурами – сорт саньчай) и твердыми полевошпатовыми глазурами. Саньчай изобретен в Китае и стал популярным в эпоху Тан. В Бохае, также как в Японии и Ляо, было налажено изготовление керамики со свинцовыми глазурами. Бохайский саньчай найден на семи памятниках на территории Приморья. Его незначительное количество (менее 1% от всей керамики) и высокая концентрация на территории храмов (85,7%) указывают на пре-

стижный характер этой продукции на внутреннем рынке Бохая.

Изделия с полевошпатовыми глазурами и фарфор из бохайских памятников, привезены из Танского Китая – печей Юэяо провинции Чжэцзян, Динъюа и Синчжоу провинции Хэбэй, Чанша провинции Хунань. Они немногочисленны, обнаружены на девяти памятниках. Большинство китайской керамики найдено в жилых кварталах городищ и поселений (72,7%).

Деньги в торговле глазурированной керамикой и фарфором, видимо, не имели решающего значения, хотя отдельные китайские монеты найдены на бохайских памятниках. Основной формой обменов и в этом случае являлась меновая торговля. Эта форма оставалась основной в Бохае, видимо, до конца его существования, как на внутреннем рынке, так и на внешнем. Так, например, в японских хрониках отразился факт меновой торговли бохайского посольства на улицах столицы в 871 г. (Уэда, 1992).

Выводы. Лепная керамика была малочисленной в домашнем хозяйстве бохайцев, но поскольку отражала определенные этнические традиции, сохранялась на всем протяжении существования Бохая. Круговая посуда составляла большинство в общей массе кера-

мики, спрос на нее был очень высок и способствовал успешному развитию ремесленных мастерских в каждом поселении. Объем выпускаемой продукции требовал разделения труда, чтобы обеспечить доставку и подготовку сырья, конструирование сосудов, заготовку топлива, обжиг. Бохайская глазурированная керамика была малочисленной, выпускалась в мастерских, где гончары владели навыками работы с высокотемпературным обжигом и глазурами, имеющими сложные физические и химические характеристики. Еще более сложные технико-технологические условия определяли выпуск изделий с полевошпатовыми глазурами. Они выпускались только в печах Танского Китая.

Все три технологические группы керамики, при отсутствии собственной монетарной системы, незначительной роли китайских монет в Бохае, казалось бы, участвовали в товарообмене на одинаковых основаниях. Тем не менее, данные об использовании керамики, археологический контекст, отдельные аспекты технологии изготовления, оценка потребностей в различных видах керамики у бохайского населения позволяют нам увидеть более сложную, многоуровневую структуру обмена в государстве Бохай.

Болдин В.И., 2000. Бохайские гончарные печи (по материалам Корсаковского селища) // История и археология Дальнего Востока. Владивосток.

Уэда М., 1992. Древняя Япония и Бохай // Надзо-но ококу – Боккай (Загадочное королевство Бохай). Токио (на яп. яз.).

Rice P.M., 1987. Pottery analysis. A sourcebook. Chicago, London.

Torrence R., Van der Leeuw S.E., 1989. Introduction: what's new about innovation? In: What's New? A Closer Look at the Process of Innovation. London.

В.В. Горбунов

Алтайский государственный университет, Барнаул

Тюрко-самодийское взаимодействие в VIII–IX вв. на юге Западной Сибири (по материалам могильника Иня-1)¹

Южная часть Западной Сибири – регион лесостепной зоны Евразии, в котором происходили контакты промыслового таежного населения со скотоводческими племенами Средней и Центральной Азии. К середине I тыс. н.э. основной массив населения юга Западной Сибири был самодийским, освоившим данную территорию в ходе последовательных миграций на рубеже эр. Дальнейшие этнокультурные процессы были связаны с проникновением в Западно-Сибирскую лесостепь тюркоязычных кочевников. Начало тюркизации лесостепных районов Западной Сибири относится к сере-

дине VIII в. Именно с этого времени здесь появляются могильники, содержащие значительное число захоронений по обряду ингумации с конем, характерные для тюрков. Вероятной причиной миграции на новые земли явилось падение II Восточно-тюркского каганата в 744 г. Погребения тюрков локализуются в лесостепном Алтае, занимая ареал существовавшей здесь оциндовской культуры (Неверов, Горбунов, 2001; Горбунов, 2003; Кирюшин, Горбунов, 2007).

Наиболее крупным памятником, отражающим указанные изменения, является курганный могиль-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», по проекту «Комплексные исследования в области изучения Западной и Южной Сибири с древнейших времен до современности» (2009-1.1-301-072-016).

ник Иня-1. Он исследовался в 1951 и 1959 гг. А.П. Уманским, в 1989 и 1990 гг. С.В. Неверовым, в 1998 и 2000 гг. автором (Уманский, 1970; Горбунов, 2000; Горбунов и др., 2001). Всего здесь раскопано 29 курганов, содержащих 52 погребения: 25 мужских, 18 женских и девять детских. Под земляными насыпями находилось от одной до четырех могил. В случаях, когда могил было несколько, они располагались в ряд. Над всеми погребениями сооружались деревянные перекрытия, многие из которых сохранили следы кострищ. В «изголовье» могил вкапывались деревянные столбики, иногда окружающие их по всему периметру. Внутри могильных ям устанавливались деревянные рамы, в нескольких случаях умершие лежали на берестяных подстилках. Зафиксировано два основных способа погребения: ингумация в сопровождении коня (двух, трех коней) – 26 могил и одиночная ингумация – 24 могилы. В одной могиле встречена

кремация и еще в одной – кремация в сопровождении коня. 12 погребений имели захоронения собак на перекрытии в ногах человека либо над спиной коня. В двух случаях обнаружены отдельные захоронения собак и по одному случаю – жеребенка и овцы. Люди лежали вытянуто на спине головой на восток, с отклонением к северу, реже – к югу. Кони укладывались в углубленной части ямы, в ногах человека, на животе, мордой к левой руке хозяина. В четырех могилах рядом с конями находились целые туши баранов, а в одной – теленка.

Сопроводительный инвентарь позволяет датировать памятник Иня-1 второй половиной VIII – первой половиной IX в. Материалы некрополя отражают культуру двух различных групп населения. Такие элементы погребального обряда, как рядное расположение могил, установка около них столбов, использование бересты, способы одиночной ингумации и кремации, сопрово-

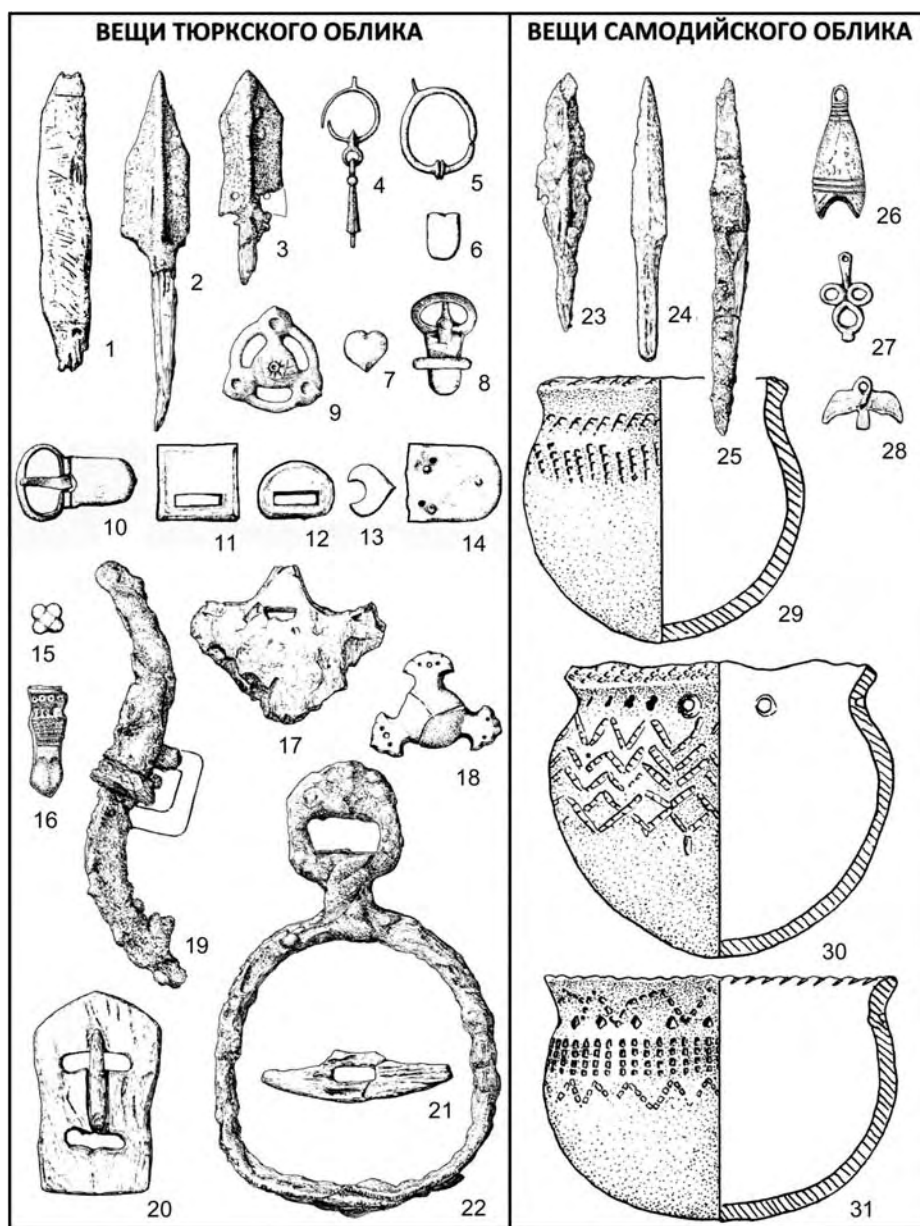

Рис. 1

Инвентарь курганного могильника Иня-1

Материал: 1, 20, 21, 24 – рог; 2, 3, 17, 19, 22, 23, 25 – железо; 4–16, 18, 26–28 – бронза; 29–31 – керамика

тельные захоронения собак, характерны для могильников предшествующей одинцовской культуры. Они отражают местный самодийский компонент. К нему же относится и часть инвентаря: боевые наконечники стрел с ярусным пером, охотничьи наконечники стрел с покатыми плечиками, ножи с выпуклым обухом (рис. 1: 23–25), колоколовидные, ажурные и орнитоморфные подвески (рис. 1: 26–28), сосуды, украшенные гребенчатым штампом с четырехугольными зубьями (рис. 1: 29–31). Все эти предметы, за исключением керамики, встречены в могилах без коней. Возведение курганных насыпей и способ ингумации с конем характеризуют захоронения тюркского пришлого населения. Состав вещей в них схож с материальным комплексом тюркской культуры Центральной Азии. Наиболее показательны

накладки на рукоять сложносоставного лука и наконечники стрел с крупным пером (рис. 1: 1–3), серьги (рис. 1: 4–5), гарнитура стрелковых и парадных поясов (рис. 1: 6–14), украшения конского снаряжения (рис. 1: 15–18), псалии, стремена, подпружные пряжки и цурки (рис. 1: 19–22). Когда тюркские и самодийские могилы находятся под одной курганной насыпью, первые занимают центральное, а вторые окраинное положение. Инвентарь тюркских погребений разнообразнее и богаче. Эти факты говорят о том, что переселение тюрков, носило характер завоевания, в результате которого они подчинили самодийских аборигенов. Подобное взаимодействие пришлого и местного населения привело к формированию на территории Лесостепного Алтая сrostкинской культуры.

Горбунов В.В., 2000. Исследование курганного могильника Иня-1 в Лесостепном Алтае // АО 1998 г.

Горбунов В.В., 2003. Процессы тюркизации на юге Западной Сибири в раннем средневековье // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул. Кн. I.

Горбунов В.В., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А., 2001. Раскопки курганов на Алтае // АО 2000 г.

Кирушин Ю.Ф., Горбунов В.В., 2007. Начальные процессы тюркизации Западной Сибири по данным археологии // Средневековая археология евразийских степей. Казань. Т. I.

Неверов С.В., Горбунов В.В., 2001. Сrostкинская культура (периодизация, ареал, компоненты) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск.

Уманский А.П., 1970. Археологические памятники у села Иня // Известия Алтайского отдела географического общества Союза ССР. Барнаул. Вып. 11.

Е.Н. Горлова

Институт проблем экологии и эволюции РАН, Москва

Зверобойный промысел берегового аборигенного населения Чукотки (по результатам остеологического анализа)¹

История приморской зверобойной экономики, базирующейся на обильных биологических ресурсах моря, на Чукотке насчитывает, как минимум, три тысячелетия. В отличие от других районов земного шара, где антропогенное воздействие на окружающие сообщества неуклонно возрастало, суровые климатические условия и изоляция от остального мира, позволили древней культуре морских зверобоев сохраниться в практически нетронутом виде вплоть до XIX в. Таким образом, аборигенный промысел в данном регионе являлся постоянным, но стабильным во времени фактором. Конкуренция с другими формами хозяйства, такими как скотоводство и земледелие, в данном случае отсутствует, что позволило перейти к непосредственному изучению влияния охотничьего хозяйства на природные экосистемы.

Цель данного исследования заключается в том, чтобы на основе литературных и собственных данных проследить особенности аборигенного промысла (в период с середины V в. до н.э. по середину XVII в. н.э.) и оценить степень его влияния на естественные экосистемы (видовое разнообразие, численность и т. д.).

По многочисленным костным остаткам, обнаруженным при раскопках одного из древнеэскимосских поселений в районе поселка Дежнево, морскими зверобоями на протяжении существования поселения промыслились более 15 видов морских и наземно-тундровых млекопитающих. Тюлени по численности, очевидно, доминировали над остальными млекопитающими, с очевидным преобладанием кольчатой нерпы. Данные о прирастании эпифизов и о сопоставительных измерениях были использованы для реконструкции стра-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ (09-04-00196) и программ «Происхождение биосферы и эволюция гео-биологических систем» и «Биологические ресурсы России: оценка состояния и фундаментальные основы мониторинга».

тегий охотничьей эксплуатации популяции тюленя. Определение возрастного состава костных остатков кольчатой нерпы показало, что более 77% идентифицированных костных фрагментов принадлежали животным не участвующим в размножении (репродуктивный возраст наступает на 5–6 году жизни, а после 12–14 лет вероятность успеха в размножении снижается). Чаще всего жертвами охотников становились сеголетки и старые взрослые особи, что свидетельствует об

избирательном промысле, направленном на добычу легко доступной части популяции и соотносится с традиционными способами ловли, описанными в этнографических источниках. Кроме того, описанная охотничья стратегия не являлась катастрофичной для популяции, т. е. не приводила к сильному снижению численности, т. к. изымались особи из возрастных классов, дающих наименьший потенциальный вклад в значение скорости роста популяции.

А.В. Григорьев

Музей-заповедник «Куликово поле», Тула

Периодизация славянского поселения на городище у с. Супруты

Основной периодизации слоев славянского поселения на городище у с. Супруты Щекинского р-на Тульской обл. явились наблюдения за стратиграфическим соотношением комплексов, прежде всего, жилых построек.

Мощность культурного слоя в центральной части площадки не превышала 0,50 м, причем в значительной степени он был поврежден распашкой. В привальной части городища сохранность слоя много лучше. Здесь его толщина достигала 1 м. Еще большая мощность, до 3 м, наблюдается вдоль склонов мыса. Основную его часть составляли напластования первой половины I тыс. н.э. Объекты славянской поры были заглублены преимущественно в ранние отложения, что затрудняло их фиксацию. Очевидно, что при подобном характере культурного слоя, требовалась крайне тщательная разборка и фиксация всех объектов.

Наибольшая площадь памятника была исследована в 50-е–70-е гг. прошлого века. Применялась стандартная для поселений методика раскопок. Это привело к тому, что часть объектов, плохо читавшихся в плане и не заглубленных в материк, не удалось проследить. Стратиграфические связи выявленных объектов, либо не прослеживались вовсе, либо определены неоднозначно. Достоверно определить хронологическое соотношение отдельных сооружений, на большей части памятника, удается крайне редко.

Начиная с 1995 г., при работе на поселении использовалась более детальная методика – так называемая «методика плавающих профилей», хорошо зарекомендовавшая себя при раскопках памятников со сложной стратиграфией (Григорьев, 2000. С. 27, 28). Однако к моменту начала этих работ, большая часть пригодных для раскопок участков была сильно повреждена. В полной мере, стратиграфические исследования удалось провести лишь в 1995 г. на юго-восточном склоне городища (Григорьев и др., 1996. С. 67–69) и 2006–2007 гг. на небольшом участке меж-

ду юго-западным склоном мыса и раскопом VI (1967 г.). Полученные при этом данные могут послужить отправной точкой в попытке понять внутреннюю хронологию славянского периода жизни памятника.

Наиболее информативным, в плане стратиграфии, является раскоп 2006–2007 гг. Здесь, на площади всего 90 кв. м, были зафиксированы остатки восьми построек и нескольких хозяйственных ям славянского времени, одной – мощинской культуры и одной – культуры типа Новоклейменово. Все они, так или иначе, были связаны (рис. 1). Наиболее поздняя, постройка 4 перекрывала две группы последовательно существовавших сооружений. С юга – это постройка 2, перекрывшая постройку 1, в свою очередь, прорезавшую постройку 7. С севера, соответственно, постройка 5, 8 и 3. Кроме того, постройка 8 была перекрыта постройкой 6. Таким образом, можно с уверенностью говорить, по крайней мере, о четырех строительных этапах на данном участке поселения.

Постройки, включенные в стратиграфическую колонку, имели некоторые различия по конструкции, ориентировке и характеру заполнения. Наиболее перспективным, представляется использование для сопоставлений, наблюдения за характером заполнения построек. В рассматриваемой стратиграфической колонке отчетливо прослеживается его изменение. Позднейшая, постройка 4, имела ярко выраженные следы гибели в огне. В ее заполнении содержалось большое количество находок бытовых изделий, предметов конской сбруи, вооружения и украшений. Керамика представлена как отдельными фрагментами, так и развалами сосудов. Важным показателем служат находки человеческих костей.

Постройки 2 и 5, непосредственно предшествовавшие постройке 4, не имели следов пожара. Их заполнения возникали одновременно и носили характер заполнения помойных ям. Интересно отметить значительное количество находок в этих постройках.

Залегавшие ниже постройки 8, 1 и 7 имели заполнения характерные для забутовок. Находки в этих постройках – единичны. Отметим, что постройки с подобным заполнением не одновременны – постройка 1 перекрывала постройку 7.

Наиболее ранняя постройка 3, как и наиболее поздняя, носила ярко выраженные следы пожара.

Таким образом, на основании стратиграфической колонки раскопа 2006–2007 гг. можно выделить пять этапов застройки исследованного участка поселения, и попытаться сопоставить их с материалами других раскопов.

Этап I характеризуется постройками, погибшими в результате пожара, но перекрытыми позднейшими славянскими комплексами. Человеческие костяки или их фрагменты в них отсутствуют. Часть такой постройки была исследована в раскопе 1995 г. на восточном краю городища (Григорьев, 2005. С. 18, 19. Рис. 3). В материалах С.А. Изюмовой тоже отмечаются подобные случаи.

Григорьев А.В., 2000. Северская земля в VIII – начале XI в. по археологическим данным. Тула.

Григорьев А.В., 2005. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н.э. Тула.

Этапы II и III различаются между собой только при условии прямого перекрытия построек с характерным заполнением. Последнее, представляет собой забутовки слабо и средне гумусированным слоем с минимальным содержанием керамики и находок. То, что этапов было два, подтверждается стратиграфией раскопа 1995 г. Там, последовательно существовавшие жилища 3 и 1, имели близкое по характеру заполнение. К этим этапам могут быть отнесены многие постройки.

Заполнения построек **этапа IV** отличается большим содержанием костей животных, керамики и находок. При этом следы пожара отсутствуют.

Этап V соответствует времени гибели поселения. Сооружения несут выраженные следы пожара, часто содержат человеческие костяки и их фрагменты. К этому этапу относится наибольшее количество построек.

Предложенная система позволяет стратифицировать значительную часть комплексов, исследованных в 50-е–70-е гг., и, следовательно, получить более полную картину истории жизни поселения.

Григорьев А.В., Узянов А.А., Шеков А.В., 1996. О стратиграфии Супрутского городища // Тез. докл. Отчетной сессии ГИМ по итогам полевых археологических исследований и новых поступлений в 1991–1995 гг. М.

П.К. Дашковский

Алтайский государственный университет, Барнаул

Мировоззрение кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего средневековья в отечественной номадологии второй половины XIX – начала XXI в.: периодизация и направления исследований¹

Во второй половине XIX – начале XXI вв. отечественные ученые внесли значительный вклад в изучение мировоззрения номадов Центральной Азии. В развитии указанного направления четыре периода. Каждый из периодов имеет яркие отличительные черты, связанные со сменой методологических подходов, появлением инновационных концепций и понятий, постановкой новых проблем в изучении религиозно-мифологических систем кочевников. Однако стоит оговорить ряд моментов, с учетом которых вы-

делялись хронологические рамки периодов, и давалась их содержательная характеристика.

Во-первых, изучение работ кочевниковедов показало, что во многих случаях, ученые не ограничивались рассмотрением только вопросов мировоззренческого характера, а анализировали социумы в более широком историческом контексте. В этой связи, сложилась ситуация, что периодизация, разработанная ранее для социального направления номадологии (Васютин, Дашковский, 2009) в целом нивелируется

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ-МинОКН Монголии (проект №10-01-00535 а/Г, «Влияние мировых конфессий и новых религиозных движений на традиционную культуру народов Российского и Монгольского Алтая»).

с динамикой мировоззренческих исследований в этой области. Исходя из этого, нужно отметить, что критерии выделения периодов развития как социального, так и мировоззренческого направлений кочевниковедения, фактически идентичны. Во-вторых, как и в предыдущих исследованиях, при разработке периодизации, автор исходил из доминирующих на том или ином этапе развития историографии теоретических подходов. Не случайно ученые отмечают, что смена методологических основ является важнейшей чертой историографической революции (Барг, 1989. С. 45; Могильницкий, 2008. С. 11–13). Кроме того, важная роль отводилась инновационным подходам, которые определяли вектор развития отечественного кочевниковедения на целые десятилетия. При этом, конечно, определяющим было стремление нарисовать совокупную картину исследований религиозно-мифологических систем и общественной организации номадов, а также показать противоречивость тенденций в данных изысканиях, проанализировать основной спектр применяемых методик, оценить конкретные разработки. В-третьих, сохраняется в данном исследовании и определенная сложность границ между периодами. Это связано с тем, что датировать начало нового периода не всегда верно по времени публикации работ, поскольку нужно учитывать внутреннюю проработку ученым мировоззренческой проблематики.

В результате проведенного историографического исследования (Дашковский, 2010), можно выделить четыре периода в развитии мировоззренческого направления в номадологии.

I-й период (вторая половина XIX в. – начало 1930-х гг.). В этот период происходит формирование мировоззренческой проблематики, разработка которой проходила в рамках эволюционистской методологии с опорой преимущественно на историко-этнографический подход. Такая ситуация обусловила первоначальное внимание к шаманской основе мировоззрения раннесредневековых кочевников, хотя исследователи указывали и на знакомство номадов с мировыми религиями. Специальных научных исследований религиозных верований кочевников еще не проводилось, но в отдельных работах В.В. Радлова, П.М. Мелиоранского, Н.Ф. Катанова, Н.И. Веселовского, В.В. Бартольда, С.И. Руденко, М.П. Грязнова, С.В. Киселева и других звучали ценные замечания по рассматриваемой проблематике. Развитие археологии и этнографии стимулировало становление историко-этнографического подхода в изучении мировоззрения номадов, которое рассматривалось по аналогии с первобытными верованиями. Однако в целом ощущалась недостаточность фактического материала для более широких мировоззренческих реконструкций.

II-й период (вторая треть 1930-х – середина 1960-х гг.). На рубеже 1920–1930-х гг. номадология, как и другие области исторической науки, вступила в новый этап развития, связанный с распространением

марксистской парадигмы, идеологии и активным вмешательством государства в исторические исследования. В изучение мировоззренческой проблематики такая тенденция выразилась в рассмотрении религии через классовый подход с выделением ее аристократических и «народных» элементов, а также в противостоянии социальных групп номадов. В то же время именно в этот период появляются первые развернутые характеристики мировоззрения «пазырыкцев» (М.П. Грязнов, С.И. Руденко), хунну (А.Н. Бернштам, С.И. Руденко) и тюрок (А.И. Бернштам, Л.Н. Гумилев и др.), выработанные с опорой как на письменные, так и на археологические и этнографические источники. Исследователи выявили не только особенности ранних форм религий у номадов, но и на более широкой источниковой основе отметили знакомство раннесредневековых кочевников с манихейством, буддизмом и несторианством (С.В. Малов, С.Г. Кляшторный и др.).

III-й период (последняя треть 1960-х – начало 1990-х гг.). В этот период происходит апробация, а затем постепенный отход от сталинской версии формационной теории, распространение различных методологических подходов, признание определенной схожести мировоззренческих систем номадов древности и средневековья, выработка специальных методов исследования и реконструкции религиозно-мифологических представлений по различным источникам, проведение тематических научных форумов. Особую популярность в номадологии приобретает структурно-семиотический подход, успешно реализованный при изучении мировоззрения скифов, саков, «пазырыкцев» (Д.С. Раевский, Е.Е. Кузьмина, А.К. Акишев, В.Д. Кубарев, А.С. Суразаков и др.), отчасти тюрок (И.В. Стеблева). Сохранил свое значение и традиционный подход, базирующийся на сопоставлении различных источников с учетом возможности применения исторической ретроспективы. Такое направление по-прежнему активно использовалось при изучении верований кочевников раннего средневековья (С.Г. Кляшторный, Л.П. Потапов, Л.Р. Кызласов, Б.Е. Кумек, С.М. Ахинжанов, А.Х. Арсланова, Т.М. Михайлов, А.Д. Грач и др.). Наименее изученной оставалась религиозная система хунну.

IV-й период (1990-е – начало 2000-х гг.). Методологический плюрализм, разнообразная источниковая база позволила отечественным ученым на современном этапе достигнуть серьезных результатов в области изучения мировоззрения номадов, что привело к окончательной институализации мировоззренческого направления в номадологии. Ведущие позиции в реконструкции мировоззренческих представлений кочевников стал играть структурно-семиотический подход, который начали использовать не только при анализе произведений искусства, но и погребального обряда номадов (Д.С. Раевский, П.К. Дашковский, Д.В. Черемисин и др.). Сохраняет свое значение в изучении верований номадов скифской эпохи сравнительно-религиоведческое направление (Г.Н. Курочкин, С.А. Яценко, П.И. Шульга и др.). Широкое распро-

странение получил междисциплинарный подход, основанный на привлечении естественнонаучных методов при изучении отдельных религиозных традиций, например, «пазырыкцев» (бальзамирования, татуирования и др.) (В.И. Молодин, Н.В. Полосьмак и др.). Важно отметить, что ученым удалось с учетом накопления новых археологических материалов проследить значительное китайское влияние на мировоззрение хунну (П.Б. Коновалов, С.С. Миняев, Н.В. Полосьмак, И.В. Филиппова и др.). Отдельное внимание уделяется знакомству кочевых империй, особенно сяньби и жужаней с буддизмом (В.В. Воробьев, Н.Ю. Дробышев, В.Н. Кычанов и др.). Однако, несмотря на значительную и разнообразную источниковую базу, до настоящего времени фактически отсутствуют концептуальные работы по мировоззрению хунну, сяньби и жужаней. Еще менее изученными остаются рели-

гиозно-мифологические представления номадов, находившихся на периферии указанных кочевых империй в Туве и Горном Алтае. В рассматриваемый период сохранил свое значение историко-этнографический подход в исследовании тюркоязычных номадов, в т. ч. в отношении формирования у них синкретичных религиозных систем и категории священнослужителей (В.Ю. Зуев, С.Г. Кляшторный, Г.Г. Король, И.Л. и Л.Р. Кызласовы, И.В. Стеблева, П.К. Дашковский и др.).

В целом на современном этапе развития нологии ученые на теоретическом и методическом уровнях все больше стараются опираться на системный и комплексный подходы, позволяющие рассматривать мировоззрение во всем ее проявлении в контексте исторического и социально-политического развития кочевых обществ

Барг М.А., 1989. Человек – общество – история // Новая и новейшая история. № 2.

Васютин С.А., Дашковский П.К., 2009. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные концепции). Барнаул.

Дашковский П.К., 2010. Мировоззрение и социально-политическая организация кочевников Саяно-Алтая поздней древности и раннего средневековья в отечественной историографии второй половины XIX – начала XXI в.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Барнаул.

Могильницкий Б.Г., 2008. История исторической мысли XX века. Томск. Вып. III: Историографическая революция.

Т.С. Дорощева

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Амулеты X–XIII вв. с Городища под Новгородом¹

Доклад посвящен языческим амулетам, как этномаркирующей составляющей материальной культуры населения Городища под Новгородом X–XIII вв. – археологического памятника, являющегося одним из ключевых для решения проблемы генезиса русского государства. Археологические работы на Новгородском (Рюриковом) городище ведутся с 1901 г., но только с 1975 г. экспедицией ИИМК РАН (руководитель Е.Н. Носов) проводится масштабное изучение памятника. За 35 лет работы был накоплен богатейший фактический материал, составлена большая коллекция предметов быта, вооружения, орудий труда, украшений и предметов культа. Результаты исследований Городища до 1989 г. были обобщены в двух монографиях (Носов, 1990; Носов, Горюнова, Плохов, 2005), а также рассматривались в многочисленных статьях, посвященных отдельным вопросам. Тем не менее, к настоящему времени в научный оборот введена лишь часть материалов Городища.

В VIII–IX вв. в районе Приладожья, Поволховья и Приильменья, на землях, населенных финскими племенами, встретились два этнических потока – нов-

городских словен и скандинавов. Это нашло отражение в материальной культуре возникшего здесь в IX–X вв. поселения, которое «по своему этническому составу в IX–X вв. являлось славяно-скандинавским поселением» (Носов, 1990. С. 207), малочисленное же местное финно-угорское население растворилось в массе пришельцев (Конечный, Носов, 1985. С. 13, 14). В корпусе городищенских находок имеется немало предметов как скандинавского круга древностей, так и западноевропейского, византийского и восточного происхождения. Поэтому, анализируя археологические материалы, необходимо помнить о расположении памятника на одном из важнейших торговых путей того времени и учитывать, что многие вещи могли сюда попасть, а зачастую и попадали, в результате международного товарообмена. В такой ситуации разнообразные языческие амулеты и другие предметы культового назначения, найденные на Городище, могут рассматриваться как своего рода этнический маркер, отражающий участие представителей разных этнических групп не только в создании, но дальнейшем развитии и последующей истории поселе-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке ОИФН РАН в рамках Программы фундаментальных исследований «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей».

ния. Как справедливо в свое время отмечала Г.Л. Новикова, «будучи предметами культа, амулеты сохраняли свое значение только для носителей этого культа и не могли выступать в качестве постоянных составных частей торговых сделок между представителями различных религиозных верований, а ареал их находок объясняется пребыванием на этой территории их владельцев» (Новикова, 1988. С. 37–38).

Обереги и амулеты «защищали» своих владельцев от многих бед и «лечили» от различных болезней. Среди наиболее интересных находок IX–X вв. необходимо отметить две бронзовые подвески с рунической надписью, фрагменты скандинавских железных гривен из четырехгранного перевитого в нескольких местах стержня; миниатюрную гривну с «молоточком Тора», а также отдельные «молоточки Тора»; несколько кресаловидных подвесок; серебряную фигурку валькирии (Носов, 1990. С. 156–159); различные привески, в том числе в виде миниатюрных посохов (Дорофеева, 2010. С. 28–34). «Эти магические предметы являются самым очевидным указанием на сильные и непосредственные связи между провинциями близ озера Меларен в Центральной Швеции и Русью в эпоху викингов» (Янссон, 1999. С. 34). Моржовый клык с двумя процарапанными изображениями

свидетельствует о связях с Норвегией (Носов и др., 2009. С. 370–380); а фрагмент бронзовой пластинки с англо-саксонскими рунами может происходить из Йорка – центра скандинавской колонизации в Англии. Некоторые амулеты могли быть сделаны на самом Городище, как, например, одна из рунических подвесок (Мельникова, Носов, 1988. С. 210–222). О том же свидетельствует и глиняная форма с оттисками круглой подвески скандинавского типа и широкой лунницы (Носов и др., 2009. С. 29). О совершавшихся на поселении обрядах могут свидетельствовать несколько железных «погремушек», ритуальные жезлы с зооморфными навершиями, деревянные ковши, ручки которых украшены стилизованными мордами драконов (Носов, 1990. С. 68, 71) и многочисленные конские черепа (Семенов, 1997. С. 180–191). К более позднему времени относятся пластинчатые привески в виде конька; фрагменты полых шумящих привесок; миниатюрные лунницы, топоры, гребешки и ложечки; а также многочисленные бронзовые бубенчики. С принятием в конце X в. христианства языческие символы постепенно теряют свое сакральное значение. Амулеты и талисманы постепенно переходят в разряд украшений, популярность которых подчиняется влиянию моды.

Дорофеева Т.С., 2010. Скандинавский амулет с Городища под Новгородом // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Е.Н. Носова. СПб.
 Конечский В.Я., Носов Е.Н., 1985. Загадки новгородской округи. Л.
 Мельникова Е.А., Носов Е.Н., 1988. Амулеты с рунической надписью с Городища под Новгородом // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. М.
 Новикова Г.Л., 1988. Языческая символика кресаловидных привесок // Археология и история Пскова и Псковской земли: Тез. докладов науч. конф. «Древнерусское язычество и его традиции». Псков.
 Носов Е.Н., 1990. Новгородское (Рюриково) городище. Л.
 Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В., 2005. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. СПб.

Носов Е.Н., Дорофеева Т.С., Смирнов А.М., Хвошинская Н.В., 2009. Работы на Рюриковом городище в 2007 и 2008 гг. // Новгород и Новгородская земля. История и археология: Мат. научн. конф., посвящ. 80-летию академика РАН В.Л. Янина. Великий Новгород.
 Носов Е.Н., Хвошинская Н.В., Дорофеева Т.С., Гиря Е.Ю. «Маленькая» находка в контексте большой истории // Хорошие дни: Памяти Александра Степановича Хорошева. Великий Новгород–СПб.–М., 2009.
 Семенов С.А., 1997. Некоторые дополнения о культовом и хозяйственном назначении хлебных печей конца IX–X вв. на Рюриковом городище // Древности Поволховья. СПб.
 Янссон И., 1999. Скандинавские находки IX–X вв. с Рюрикова городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы: к 70-летию В.Л. Янина. М.

А.А. Егорейченко

Белорусский государственный университет, Минск

Северо-Западная Беларусь во второй половине I – начале II тыс. н.э. (по материалам городища и селища Зазоны)

Браславское Поозерье, занимающее северо-запад Беларуси, является одним из достаточно хорошо изученных в археологическом отношении регионов. Исследования здесь ведутся с определенными перерывами на протяжении свыше 130 лет. Тем не менее, па-

мятники не всех эпох изучены равномерно. Так, до сих пор, остается белым пятном весь каменный век и период ранней бронзы. Благодаря исследованиям Л.В. Дучиц и автора стало возможным охарактеризовать эпоху поздней бронзы и железного века (Дучиц,

Митрофанов, 1994; Егорейченко, 2006). Сравнительно неплохо изучен и древнерусский период (Алексеев, 1960). А вот время, предшествующее славянской колонизации этого края, равно как и начальный период славянского освоения исследован недостаточно. Определенные наработки по периоду середины – второй половины I тыс. н.э. были сделаны В.И. Шадыро, изучавшим селище второй половины I тыс. н.э. Тарилово (Шадыро, 2006. С. 10). В целом же, поселенческая структура ранних славян остается в этом регионе слабо изученной.

В 1995–2000 гг. археологическая экспедиция Белорусского государственного университета проводила раскопки городища у д. Зазоны Браславского р-на Витебской обл. Укрепленное поселение находится на южной окраине деревни, на вершине холма-останца высотой 10–12 м над уровнем окружающей местности. Оно было выявлено в конце XIX в. Ф.В. Покровским. В дальнейшем неоднократно осматривалось

(Л.В. Алексеев, М.М. Чернявский), однако его изучение вплоть до 1995 г. не велось. Как выяснилось по результатам первого сезона раскопок, городище содержало напластования не только I тыс. до н.э. – начала I тыс. н.э., но и второй половины I – начала II тыс. н.э. В этой связи было принято решение провести шурфовку окружающей местности с целью обнаружения селища, синхронного поздним отложениям культурного слоя городища. Известно, что подобные неукрепленные поселения в бассейнах Западной Двины и Немана, как правило, сопутствуют холмовым городищам эпохи поздней бронзы и железного века.

Как показало предварительное обследование, селище располагалось с северо-восточной, восточной и юго-восточной сторон подножия холма, на котором было устроено городище. Большая его часть в настоящее время занята огородами местных жителей и недоступно для изучения. В юго-восточной части, свободной от посадок, был заложен шурф 1×3 м, который вы-

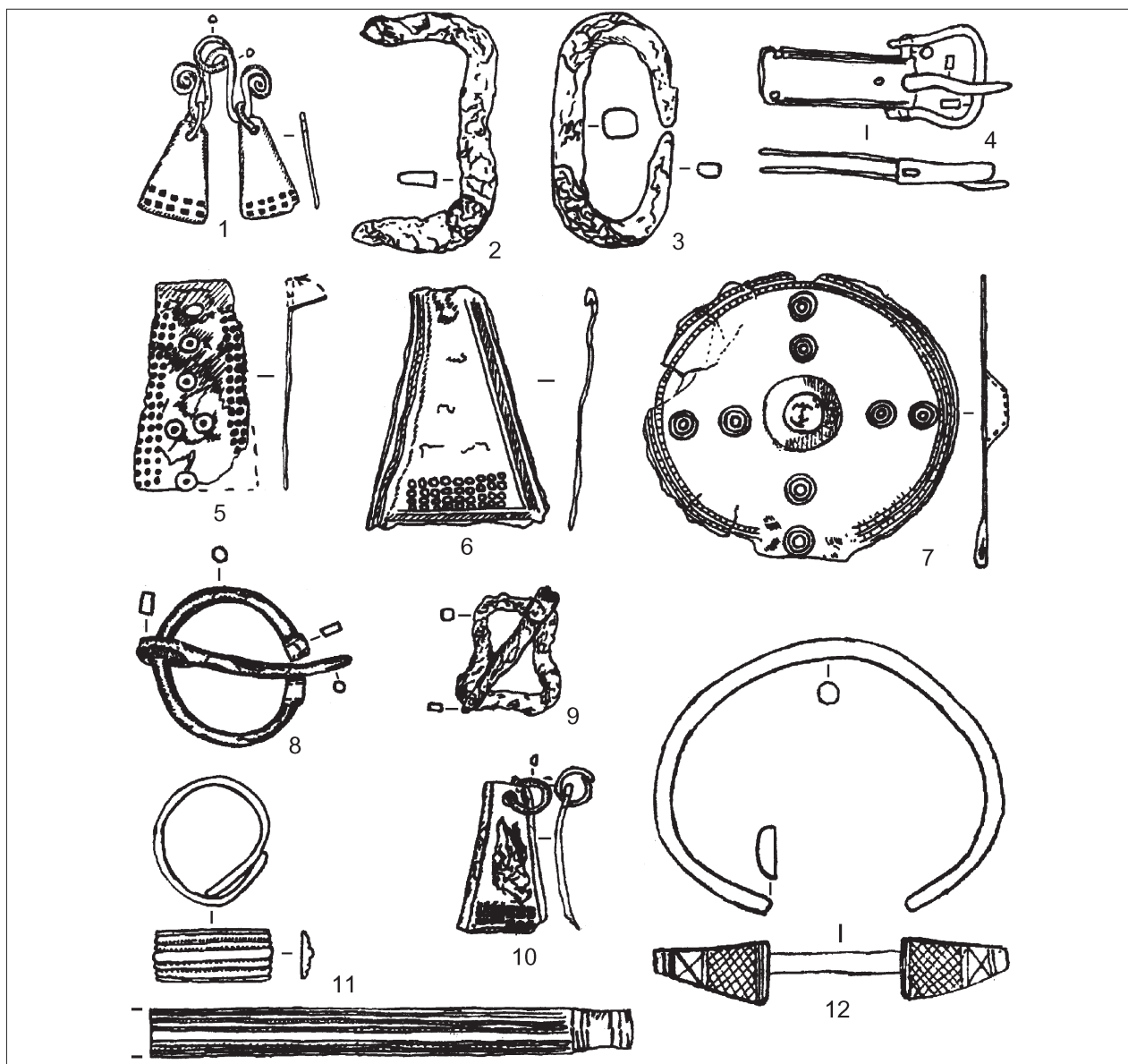

Рис. 1

Детали и украшения из городища и селища Зазоны: 1, 5, 6, 10 – трапециевидные подвески; 2–4, 8, 9 – пряжки; 7 – умбовидная подвеска; 11 – кольцо; 12 – браслет

явил достаточно мощный культурный слой (до 0,8 м). Стратиграфически он распадался на два горизонта. Под дерном залегал суглинок коричневого цвета с примесью мелких углей и вкраплений угля толщиной 0,25 м. По-видимому, его образование было связано с оползанием склона холма. Ниже залегал черный супесчаный слой, насыщенный до материка большим количеством лепной керамики. Здесь же были найдены бронзовое многоспиральное пластинчатое кольцо, фрагменты железного шила и биконического глиняного пряслица.

Начиная с 1996 г. и вплоть по 2000 г., было исследовано 312 кв. м селища. Мощность культурного слоя на вскрытой территории колебалась от 0,3 м до 1 м. В предматериковом пласте были обнаружены остатки глинобитной печи овальной формы, размеры которых составляли 1,6×1,9 м. К сожалению, конструкцию стен проследить не удалось.

Напластования селища позволили выявить два этнокультурных горизонта. Нижний был связан с древностями балтов, для которых была характерна преимущественно гладкостенная, частично облитая и шероховатая керамика баночной формы. Обнаруженные находки показывают, что селище начало функционировать в конце IV – начале V вв. н.э.

К числу сравнительно узкодатированных вещей относятся: 1) овальная железная пряжка, относящаяся к фазе D; 2) двучастная железная прямоугольная пряжка с прогибом в центральной части, относящаяся к тому же периоду; 3) бронзовый браслет с расширенными концами, относящийся примерно к этому же времени (рис. 1: 2, 3, 12).

Второй горизонт связан с появлением славян, с так называемой культурой псковско-смоленских длинных курганов. Достаточно большое количество керамики представлено лепной профилированной посудой с коротким отогнутым наружу венчиком и выразительным плечиком. Находки этого периода, в основном, характеризуют время окончания функционирования поселения, учитывая недостаточную изученность хронологических индикаторов VIII в. Среди ранних вещей можно отметить достаточно большую серию трапециевидных подвесок (рис. 1: 1, 5, 6, 10), круглую подвеску с циркульным орнаментом (рис. 1: 7). Судя по 14-гранной весовой гирьке, селище прекращает свое существование не позднее середины XI в. По-видимому, после этого времени начинается уход населения на поселения, не связанные с жесткой привязкой к городищам, что было характерно для второй половины I тыс. н.э.

Алексеев Л.В., 1960. Раскопки древнего Браслава // КСИА. Вып. 81
Дучиц Л.В., Митрофанов А.Г., 1994. Городище Ратюнки // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск.

Егорейченко А.А., 2006. Культуры штрихованной керамики. Минск.
Шадыра В.І., 2006. Беларускае Падзвінне (I тыс. н.э.). Мінск.

Л.Н. Ермоленко

Кемеровский государственный университет, Кемерово

К анализу композиций на кудыргинских накладках

Изображение на паре костяных пластин – накладка на переднюю луку седла из могильника Кудыргэ рассматривается исследователями как единая композиция (Руденко, Глухов, 1927; Гаврилова, 1965; и др.). В центре ее, на стыке накладок, помещены крупные фигуры двух противостоящих тигров, трактуемые Д.Г. Савиновым как геральдические (Савинов, 2005). Они как бы разрывают надвое картину устремленного влево охотничьего гона, который запечатлен на обеих пластинах. На каждой из них выгравирована сцена преследования дичи конным лучником.

Специфическое положение тигров позволило Г.А. Федорову-Давыдову характеризовать их как «образы независимые и обособленные от сцены охоты, но также не замкнутые в себе, а всецело зависимые друг от друга» (Федоров-Давыдов, 1976. С. 65). П.П. Азбелев, усматривая в симметричных фигурах тигров реминисценцию скифо-сарматской традиции

поясного декора, утверждает: «... кудыргинская композиция – сложная, механически объединяющая совершенно разные сюжеты, эклектичная и, несомненно, семантически многослойная...» (Азбелев, 2010. С. 81).

Соглашаясь с исследователями в том, что фигуры тигров воспроизведены геральдически или по принципу (зеркальной) симметрии, укажем на их сюжетную взаимосвязь. Хищники проявляют взаимодействие, демонстрируя друг другу агрессию, о чем свидетельствуют оскаленные пасти, высунутые языки, ударяющие хвосты. Кроме того, сцену с тиграми *обрамляют* изображения животных, названные Г.А. Федоровым-Давыдовым «второстепенными фигурками, обращенными в другую сторону (сравнительно с общим направлением гона охотниками дичи – Л.Е.) или поставленными поперек основной линии» (Федоров-Давыдов, 1976. С. 69). Представляется, что эти «второстепенные фигурки» имеют отношение к фигу-

рам тигров и данная совокупность образов нуждается в осмыслении. Ранее нами было высказано предположение о том, что в центральной части соединенных пластин изображена сцена противостояния *охотящихся* хищников (Ермоленко, 2008. С. 62–63).

Данная сцена имеет довольно четкую композиционную структуру, основанную на принципе симметрии (рис. 1). Тигры представлены в окружении шести животных, из которых к каждому тигру относятся три, расположенные сверху, снизу и сзади хищника. Фигурки зверей над и под тиграми направлены головами в ту же сторону, что и соответствующий тигр. Животное, изображенное позади каждого из тигров, обращено вправо и одновременно вверх – оно показано как бы вставшим на дыбы. Тигр, расположенный слева, занес хвост для удара, изогнув его, подобно бичу, тогда как опущенный, но напряженный хвост другого хищника, по всей видимости, изображен в момент удара. Удар этот пришелся по рогам и спине находящегося сзади горного барана. Ввиду выявленной нами в героическом эпосе ассоциации хвоста с оружием (Ермоленко, 2008. С. 207–209), допустимо предположить, что баран показан сраженным (лежащим). Учитывая аналогичную позицию животного, выгравированного позади тигра с поднятым для удара хвостом, нужно признать, что и оно изображено поверженным. В последнем случае мы, очевидно, имеем дело с использовавшимся в древнем искусстве приемом совмещения разновременных событий – предшествующего (воздетый хвост) и последующего (сраженная добыча). Под ногами тигра, находящегося справа, лежит копытное с вывернутым крупом. Оно

тоже – жертва тигра, что отмечает и Д.Г. Савинов (Савинов, 2005. С. 20). Соответственно, добычей другого тигра могло быть копытное, показанное под его задними ногами, почти в той же позе, что и животное, располагающееся за хищником. Зверьки (заяц, лисица), изображенные над тиграми, также могли воплощать собой тигриную добычу. Как уже указывалось, подобно самим тиграм ориентированы и «попираемые» ими копытные, и находящиеся над ними пушные зверьки. Обращенные в одну и ту же сторону крайние персонажи центральной сцены противостояния охотящихся тигров ограничивают ее от сцен охоты лучников как своим поперечным положением, так и направленностью, противоположной движению охотничьего гона.

Исходя из доказываемой в докладе гипотезы о том, что тигры на кудыргинских пластинах показаны в окружении добытых животных, центральная сцена не кажется сюжетно обособленной. *В общей композиции мотив охоты оказывается воспроизведенным трижды: в центральной сцене противостояния двух охотящихся хищников и в сценах охоты конного лучника, размещенных по обе стороны от центральной.* Образы охотников-людей дублированы образами взаимно угрожающих охотников-зверей. Иными словами, композиция содержит параллель (изобразительную метафору): охотящийся воин = охотящийся хищник. Ритмичной организацией (трехчастность, симметричное построение центральной сцены, повтор-удвоение основных персонажей и пр.) и метафоричностью композиция вызывает ассоциации с героическим эпосом (ср.: Грязнов, 1961). Кроме упомянутого выше «оружейного» смысла хвос-

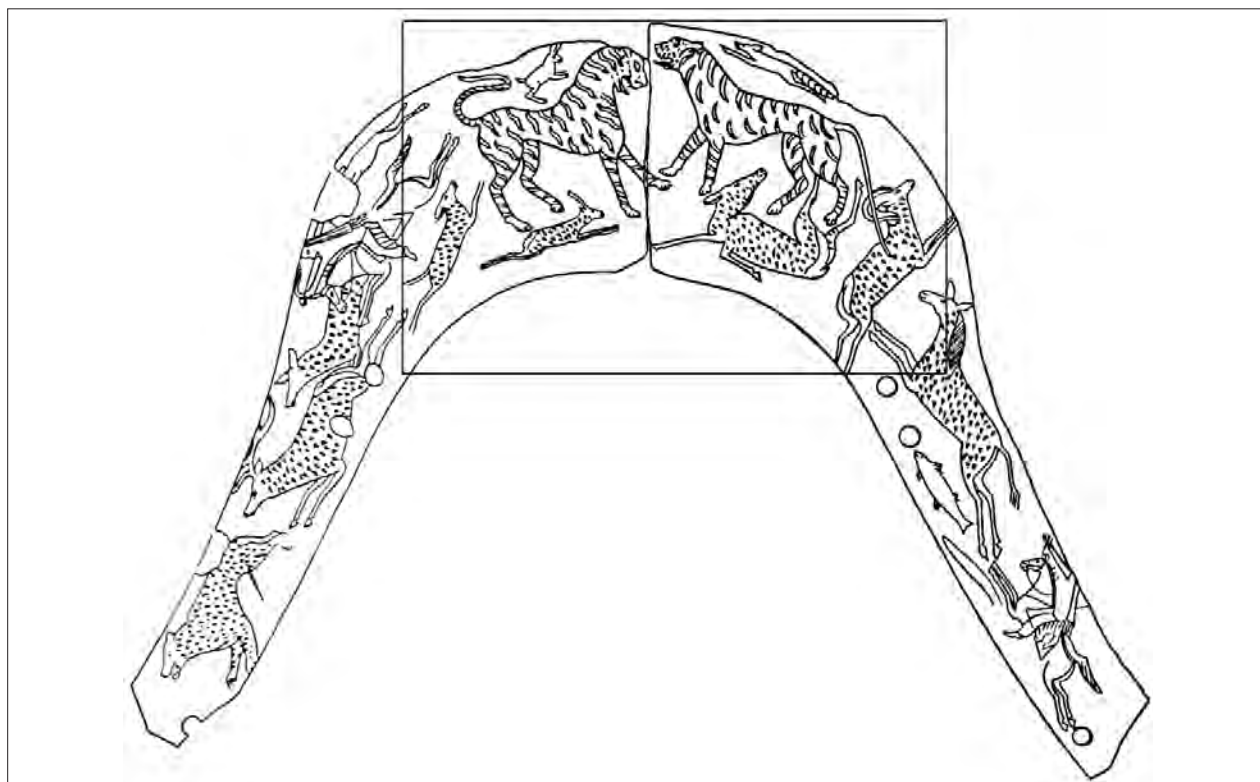

Рис. 1
Композиция на кудыргинских накладках

та, в эпосе обнаруживаются «звериные» богатырские метафоры и эпитеты, сравнения охотящегося богатыря с хищником (и наоборот), уподобления битвы охоте и др. (Ермоленко, 2008. С. 128–135 и др.). Центральная

сцена не выглядит и композиционно обособленной. Этому в немалой степени способствует единообразие приемов воспроизведения животных – объектов охоты хищников и всадников.

Азбелев П.П., 2010. К истории седельного декора // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск. № 3(15).
Гаврилова А.А., 1965. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.–Л.
Грязнов М.П., 1961. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // АСГЭ. Вып. 3.
Ермоленко Л.Н., 2008. Изобразительные памятники и эпическая традиция: по материалам культуры древних и средневековых кочевников Евразии. Томск.

Руденко С., Глухов А., 1927. Могильник Кудыргэ на Алтае // Материалы по этнографии. Л. Т. III. Вып. 2.
Савинов Д.Г., 2005. Парадные седла с геральдическими изображениями животных // Археология Южной Сибири. Кемерово. Вып. 23.
Федоров-Давыдов Г.А., 1976. Искусство кочевников и Золотой Орды. М.

И.Е. Зайцева

Институт археологии РАН, Москва

А.М. Красникова

Государственный исторический музей, Москва

Погребение ювелира эпохи переселения народов¹

В 2008 г. в ходе археологического изучения финского грунтового могильника эпохи переселения народов Большое Давыдовское 2 в Суздальском Ополе экспедицией Института археологии РАН под руководством Н.А. Макарова было исследовано уникальное коллективное погребение, совершенное по обряду ингумации. Яма погребения размерами 275×120 см замыкала с юга один из двух рядов погребений. На глубине не более 30 см от уровня поверхности материка в ней расчищены костные останки пяти индивидов, имеющие плохую сохранность (рис. 1). В южной половине ямы был погребен головой на восток взрослый индивид (погребение 3–4), вероятно, мужчина, сопровождаемый железным втульчатым наконечником копья, ножом, проушным топором, кресалом (?) и кресальным кремнем. В области грудной клетки у него располагались две бронзовые круглые пряжки. Никаких фрагментов черепных костей или зубов не обнаружено: по-видимому, череп в могиле отсутствовал. На месте, где он должен был находиться, лежал короб, изготовленный из липы. В него были помещены железные пружинные ножницы, половина железных удил с бронзовым кольцом, роговой гребень черняховского типа, горстка зерна и тканевый мешочек с более чем 40 целыми и фрагментированными бронзовыми предметами, преимущественно смятыми деформированными обломками украшений и оплавленными кусками цветного металла общим весом около 800 г. Здесь же лежали два целых деформированных браслета из дрота квадратного сечения с углубленным декором азелинского типа и один оплавленный обломок та-

кого же браслета, три проволочных колечка, мелкие оплавленные обломки цветного металла, среди которых определяются фрагменты смятых круглых пластинчатых блях, обломки поясной привески, браслетов, гривен, височного кольца с лопастью и других украшений, два оплавленных обломка бронзовой шпору. Очевидно, эти вещи представляли собой лом предметов, предназначенный для переплавки. Определен состав металла 16 предметов из клада. Преимущественно, это оловянные и многокомпонентные латуни, а также многокомпонентные бронзы. Исследование состава металла готовых украшений из могильника показывает, что, скорее всего, мастер не стремился преднамеренно изготовить изделия с определенным составом металла, а просто делал украшения из имевшегося у него сырья. Определение возраста дерева короба по ¹⁴C, проведенное в лаборатории университета Кристиана-Альбрехта в г. Киль (Германия), дало дату AD 244–465 с вероятностью 86,8 % (2 сигмы).

В северной половине ямы «валетом» лежали четыре индивида (ребенок 7–8 лет, двое детей 11 лет и женщина 25–35 лет): два головой (погребения 3–1, 3–2) на восток и два на запад (погребения 3–2, 3–5). Костюм погребенных был богато украшен металлическими деталями: височными кольцами с лопастью, гривнами, браслетами, перстнем с привесками, пряжками и сюльгамами, шумящими привесками разных типов (всего собрано более 70 предметов). Вдоль костяка женщины лежала плеть с бронзовой рукоятью и свинцовым грузиком на конце. Костяки во всех погребениях сохраняют анатомический порядок, между

¹ Исследование выполнено в рамках Программы Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

ними и под ними фиксируются следы деревянных погребальных конструкций. Ориентировка и расположение погребенных свидетельствуют в пользу одновременности их помещения в могильную яму.

Таким образом, высокое общественное положение погребенного мужчины-ювелира, несомненно: в последний путь его сопровождали предметы вооружения, конского снаряжения и четыре человека.

По подсчетам Л.А. Голубевой в восточнофинских могильниках V–XII вв. открыто более 100 погребений, содержащих производственные находки, связанные с ювелирным делом. Большинство этих погребений принадлежат женщинам и девочкам. Исследовательница отмечает, что «вплоть до X в. мужские погребения с орудиями литья неизвестны, хотя погребения кузнецов встречались неоднократно» (Голубева,

1988. С. 31). Из этого следует, что до X в. изготовление металлических украшений, в том числе достаточно сложных в технологическом отношении, являлось домашним занятием женщин, и только впоследствии, переходя в руки мужчин и перемещаясь в специализированные мастерские, оно превращается в отдельный вид ремесла. При этом никаких видимых изменений в качестве и ассортименте готовых украшений не происходит.

Уникальность исследованного Суздальской экспедицией захоронения очевидна. Оно не только маркирует местное изготовление металлоемких и технологически очень сложных украшений, но и позволяет вновь обратиться к вопросу о социальной сущности ювелирного дела у финских племен в эпоху переселения народов.

Голубева Л.А., 1988. Девочки-литейщицы // Древности славян и Руси. М.

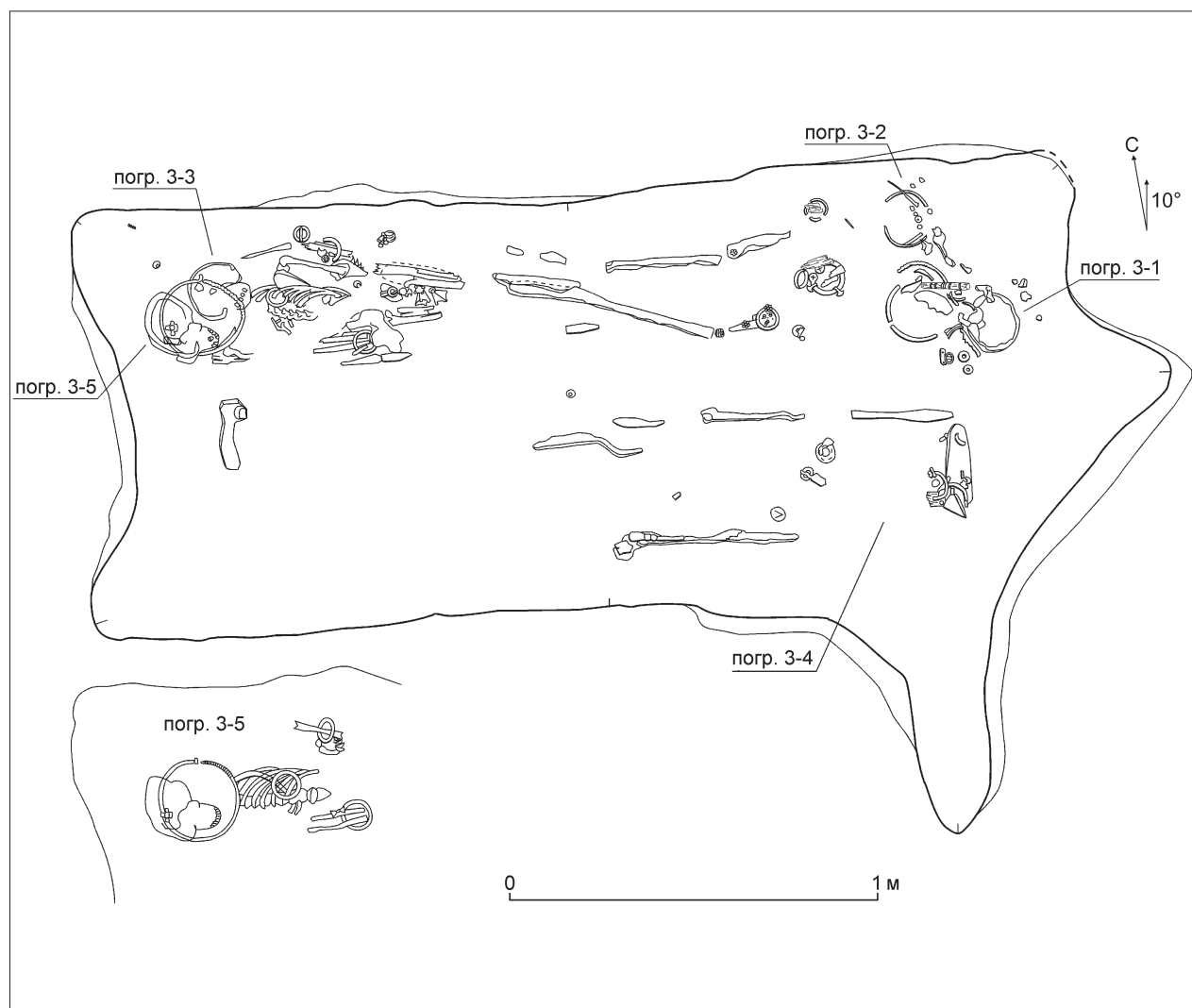

Рис. 1
Могильник Большое Давыдовское 2. План погребения 3

С.Д. Захаров, С.В. Меснянкина
Институт археологии РАН, Москва

Крутик: новые открытия¹

Поселение Крутик, существовавшее в IX–X вв. в верхнем течении р. Шексны, достаточно хорошо известно в археологической литературе. Оно относится к числу немногих археологических памятников Центрального Белозерья, возникших в конце I тыс. н.э. – на начальных этапах становления Древнерусского государства. Широкомасштабные раскопки, проведенные Л.А. Голубевой в 1970-е–1980-е гг., выявили на памятнике уникальный по сохранности культурный слой, содержащий чрезвычайно яркий и обильный вещевой материал и богатейшие палеоэкологические остатки. Опираясь на результаты раскопок, исследовательница сопоставила Крутик с поселениями, получившими в археологической литературе название торгово-ремесленных, или «протогородских» (кавычки Л.А. Голубевой). В этнокультурном плане Крутик был охарактеризован как эталонный памятник белозерской веси, еще не испытавшей сильного славянского влияния. В ходе многолетних работ на поселении удалось вскрыть значительную по размерам площадь – около 1600 кв. м и до недавнего времени считалось, что Крутик исследован практически полностью. Однако в 2006 г. на памятнике были выявлены новые, неизвестные ранее, участки культурного слоя и в 2008 г. раскопки поселения возобновились.

Отличительными чертами нового цикла работ на Крутике стали комплексный характер исследований и применение принципиально иной стратегии ведения раскопок. Основная цель нового подхода – при вскрытии небольших по площади участков культурного слоя получать максимальное количество репрезентативной и достоверной информации, достаточной для детальной реконструкции различных аспектов существования средневекового общества.

Использование новой методики уже за три года работ позволило получить качественно новую информацию о характере и особенностях развития поселения. На исследованном участке были выявлены несколько последовательно сменявших друг друга объектов производственного назначения, связанных с косторезным, бронзолитейным и железообрабатывающим ремеслами. Несмотря на относительно небольшую раскопанную площадь, удалось собрать необычную по объемам коллекцию вещевых и палеоэкологических материалов. Причем по целому ряду категорий находок, таких как дирхемы, стеклянные бусы и бисер, железные иглы, отходы ремесленного характера и др., новое собрание в несколько раз превосхо-

дит коллекцию, полученную за все годы предшествующих раскопок.

Однако наиболее интересным открытием нового цикла исследований можно считать обнаружение погребальных комплексов, которые в предыдущие годы, несмотря на целенаправленные поиски, выявить не удавалось. В 2008 г. в ходе детальных обследований окрестностей поселения был найден основной некрополь Крутика – могильник Кладовка I и начаты его раскопки. Продолжение разведочных работ в ближайшей округе памятника в 2009 г. принесло еще одно, неожиданное, открытие. Был обнаружен второй некрополь – могильник Кладовка II. Важной особенностью выявленных памятников, отличающей их от многих синхронных могильников, можно считать то обстоятельство, что их площадки не подвергались распахке. Это подтверждается как археологическими данными, так и результатами почвоведческих исследований. Могильники удалены от поселения на примерно одинаковое расстояние, но существенно различаются по топографии. Если первый занимает склоны и гребень довольно высокой гряды, то второй расположен в необычно низком месте – на слабо выраженном в рельефе всхолмлении.

За три года раскопок на могильниках было вскрыто около 120 кв. м. и исследованы многочисленные погребения со своеобразным погребальным обрядом. Его основу составляют поверхностные рассыпания кремнированных остатков и в разной степени оплавленных и обожженных вещей. Для обоих могильников характерны необычно мелкие размеры сильно пережженных костей, обилие бронзовых украшений, среди которых выделяются многочисленные детали поясной гарнитуры, большое количество стеклянных бус, присутствие небольшого числа фрагментов лепной керамики с типичной белозерской орнаментацией и практически полное отсутствие железных изделий. При этом отмечаются и некоторые различия в деталях погребального обряда. Для первого могильника характерны большие по площади и не имеющие четких границ пятна, насыщенные кальцинированными костями и вещевыми находками, среди которых невозможно выделить отдельные комплексы. На втором могильнике помимо рассеянных в слое костей и находок удалось выявить несколько компактных скопления материала.

Однако наиболее значимые различия фиксируются в погребальном инвентаре. Если на Кладовке I самой массовой находкой после стеклянных бус явля-

¹ Полевые исследования на памятниках комплекса проводятся при финансовой поддержке РГНФ (проекты №№ 08-01-18118е, 09-01-18127е, 0-01-18050е, 11-01-18117е).

ются детали разнообразных шумящих украшений и привесок к ним, то на втором некрополе найдено лишь несколько привесок-бубенчиков от одной подвески. В то же время среди материалов Кладовки II имеются девять небольших ширококорых лунниц, отлитых в двусторонних литейных формах, и впервые обнаруженное на памятниках комплекса шиферное пряслице, побывавшее в огне погребального костра.

Не менее интересны и результаты хронологического анализа вещевого инвентаря некрополей, включающего в себя уже около 3 000 находок. Изучение этого материала показывает, что если участки, исследованные на первом могильнике, датируются концом

IX – второй половиной X в., то время существования некрополя Кладовка II можно предварительно определять в рамках конца X – первой половины XI в.

Новые материалы не только позволяют значительно уточнить сложившиеся представления о времени существования памятников комплекса и этнокультурном облике населения Крутика. Они заставляют еще раз вернуться к вопросу об оценке исторической роли самого Крутика, который рядом исследователей рассматривается как крупное раннегородское торгово-ремесленное поселение, непосредственный предшественник древнерусского города Белоозера, и даже как летописный город – Белоозера «эпохи Синеуса».

О.В. Зеленцова, Т.Б. Никитина, И.А. Сапрыкина

Институт археологии РАН, Москва

Поясной набор из могильников поволжских финнов X–XI вв. как единый комплекс

Поясные наборы, украшенные металлическими накладками, из средневековых могильников поволжско-финского населения нередко привлекаются исследователями для аналогий и историко-хронологических реконструкций. Однако, как правило, в качестве аналогий или хронологических реперов привлекаются отдельные детали поясной гарнитуры, а не поясной набор как комплекс в целом.

В настоящей работе проанализированы поясные наборы из мордовского Крюково-Кужновского могильника и двух марийских могильников – Дубовского и Нижняя стрелка. Для исследования привлечены погребения с поясами, датирующиеся X–XI вв. Выборка составляет 145 комплексов (Дубовский – 82, «Нижняя стрелка» – 53, Крюковско-Кужновский – 59).

Целью исследования был анализ поясного набора как единого комплекса. Выполнен статистический анализ поясных гарнитур, который позволил выделить так называемые полные пояса, состоящие из пряжки, наконечника и накладок, как правило, двух видов (в количестве более 20 экз.). Для поясов из Крюковско-Кужновского могильника характерно также использование поясных привесок-амулетов.

Неполные пояса включают накладки и, обычно, пряжку. Наконечник нередко отсутствует, иногда нет и пряжки. Количество накладок в таких наборах обычно не больше 15–20.

Третий вид поясов в погребениях бывает представлен от одной до трех-пяти деталей: это может быть только пряжка; пряжка и наконечник, пряжка и несколько накладок, либо только накладки.

На следующем этапе исследовалась встречаемость между отдельными типами деталей поясного набора внутри комплекса, что позволило выделить наборы поясов, характерные для марийцев и для мордвы, а также поясные гарнитуры, общие для обеих культур.

Было выделено 4 вида поясных наборов, характерных для марийских могильников и два вида поясов, встречающихся у мордвы.

Также был выделен поясной набор, встречающийся как в марийских, так и мордовских могильниках. Этот пояс по составу деталей, типам поясных накладок, наконечников и пряжек идентичен и у марийцев, и у мордвы. На наш взгляд, это позволяет предположить, что в середине X в. поясные наборы такого вида привозились в готовом (собранном) виде из одного центра на территорию поволжских финнов.

В более позднее время – в конце X – XI в., пояса в марийских и мордовских захоронениях различаются, и в каждом регионе складываются свои особенности в оформлении поясного набора, в их составе и наборе. Химико-технологическое исследование позволило установить, что поясные наборы этого хронологического периода могли быть собраны из деталей, изготовленных как из сплава одной рецептуры, так и из разных типов сплавов как на основе меди, так и драгоценного металла. Часто в составе поясных наборов присутствуют детали, выполненные также разными способами изготовления. Вероятно, накладки, пряжки и другие элементы пояса могли привозиться россыпью, а сборка производилась на месте с учетом вкусов и традиций местного населения своими мастерами.

Открытие горизонта раннегуннского времени на Животинном городище¹

Животинное городище на р. Воронеж известно как памятник археологии восточных славян – носителей боршевской культуры IX–X вв. С этой целью оно и раскапывалось Славянским отрядом археологической экспедиции Воронежского госуниверситета под руководством А.З. Винникова в 1970–1980-х гг. (Винников, 1992). Однако недавно в процессе изучения его материалов выявлен более ранний горизонт гуннского времени IV–V вв., что свидетельствует о заселении мыса до появления здесь славянского городища. В горизонте гуннского времени преобладали фрагменты лепных сосудов типа Чертовицкое III–Замятино, сохранявшие традиции сейминско-донецкого варианта киевской культуры. Помимо них выделяется небольшое число фрагментов посуды с проявлениями мочиской традиции.

Гончарная керамика из слоя городища представлена единичными фрагментами сосудов черняховской культуры. Среди них имелись округлобокие горшки с сильно отогнутым венчиком, по плечикам которых нанесен орнамент из горизонтальных круговых желобков. Другой фрагмент гончарного сосуда, покрытого черным лощением и украшенного ячеистым орнаментом, принадлежал керамике верхнедонского производства V в., типа Ксизово. Кроме горшков керамический комплекс середины I тыс. с Животинного городища включал лепные округлобокие и ребристые миски.

Из слоя гуннского времени происходит небольшая вазочка с коническим туловом на высоком поддоне, орнаментированная по внешнему краю венчика ногтевыми вдавлениями. По форме она близка некоторым типам сосудов, восходящим к зарубинецкой посуде. Другой миниатюрный сосудик выделяется хорошо выраженным биконическим туловом с подчеркнутым ребром, под которым нанесен орнамент из едва заметных вдавлений пальца. Небольшие биконические сосуды такого же типа известны на черняховских памятниках. Отметим немногочисленные находки в изучаемом слое фрагментов глиняных лепных плоских дисков, а также пряслиц характерной биконической формы с довольно широкими отверстиями и воронковидными углублениями по верху и основанию. Одно пря-

слице орнаментировано двумя рядами прочерченных зигзагообразных линий, другое – неглубокими вертикальными каннелюрами, третье – округлыми вдавлениями по ребру. Пряслица с орнаментом двух последних видов известны только на памятниках черняховской культуры. Несомненно, к тому же культурному кругу древностей принадлежат два своеобразных граничных пряслица из постройки 21.

Помимо культурного слоя керамика второй четверти I тыс. была также обнаружена в хозяйственных ямах и жилых комплексах. В постройке 21 были найдены пять лепных горшков и два граничных пряслица (Медведев, 1998. Рис. 22). В хозяйственной яме 33 (скорее всего, это была постройка) найдено три лепных сосуда.

С рассматриваемым горизонтом теперь можно связать грунтовые погребения, открытые на площади городища. К этому времени вполне определенно относятся погребения 4 и 5 (Медведев, Винников, 1989). Они содержат хроноиндикаторы ступеней D1–D2 (конец IV – первая половина V в.). Серебряная пряжка из погребения 4 близка находкам в могильниках Изенав и Эшборн ступени D3, датируемых в пределах 450–480 гг., а характер инвентаря погребения идентичен «западному» воинскому комплексу (Ахмедов, Казанский, 2004. С. 179).

Такие признаки погребального обряда как тип могил в виде узкой прямоугольной грунтовой ямы, меловая подсыпка ее дна, скрещенные в голених ноги могут скорее свидетельствовать о том, что это были аланы, а не собственно гунны.

Таким образом, изучение горизонта гуннского времени на Животинном городище проливает новый свет на взаимоотношение оседлого населения, оставившего памятники типа Чертовицкое III–Замятино, и кочевников – выходцев из более южных степных районов Подонья. Если среди первых доминировали носители поздней киевской традиции, известные под именем антов, то вторые, скорее всего, принадлежали кномадам, сохранявшим в гуннское время некоторые аланские традиции. Их присутствие сейчас выявляется в ключевых стратегических пунктах Верхнего Подонья, одним из которых и было Животинное городище.

Ахмедов И.Р., Казанский М.М., 2004. После Аттилы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье. СПб.
Винников А.З., 1992. Славянское Животинное городище на р. Воронеж // Путь из Булгара в Киев. Казань.

Медведев А.П., Винников А.З., 1989. Грунтовый могильник на Животинном городище // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи. Воронеж.

Медведев А.П., 1998. III Чертовицкое городище (материалы первой половины I тыс. н.э.) // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н.э. Воронеж. (Археология восточноевропейской лесостепи; Вып. 12).

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект №11-11-36006 а/ц.

С.С. Зозуля, С.Ю. Каинов,
Государственный исторический музей, Москва

А.В. Фомин

Новый гнёздовский клад (2010 г.)

Летом 2010 г. Смоленская экспедиция возобновила работы в районе Днепровской курганной группы Гнездовского археологического комплекса. Основное внимание было сосредоточено на раскопках кургана, в котором обнаружены два погребения, совершенные по обряду трупоположения в ямах. Одновре-

менно с раскопками курганов обследовалась территория, прилегающая к курганной группе с целью обнаружения синхронного поселения или распаханых курганов. В ходе этих работ на расстоянии примерно 170 метров к северо-западу от Днепровской курганной группы в выбросе одной из кладоискательских

Таблица 1

Халиф	Место чеканки	Год чеканки	Кол-во, сохранность	Всего
Исмаил б. Ахмад (892-907 гг.)	Самарканд	287	Обломок	4
		28(6,8?) 292	Целый 1 целый + 1 обломок	
	Аш-Шаш	288	Целый	6
		290	Целый	
		292	Обломок	
		294	Целый	
		288/289	2 обломка	
Итого: 10				
Ахмад б. Исмаил (907-914 гг.)	Аш-Шаш	295	Целый	7
		297	2 обломка	
		298	Обломок	
		300	3 целых	
Итого: 7				
Наср б. Ахмад (914-943 гг.)	Андераба	300	1 целый + 1 обломок	13
		30(0,2,3 ?)	Целый	
		305	Целый	
		308	Обрезан в кружок	
		310	2 целых	
?	1 целый + 5 обломков			
	Балх	300	Целый	3
		312	Целый	
		317	Целый	
	Самарканд	302	Целый	14
		306	Целый	
		307	Обломок	
		309	Обломок	
		310	Обломок	
		312	Обломок	
		313	Целый	
		315	Обломок	
		31(7,9 ?)	Целый	
		321	Целый	
		?	3 обломка	
?	4 обломка 1 монеты			
	Аш-Шаш	300	Целый	17
		302	Целый	
		312	Целый	
		315	Обломок	
		315	2 обломка 1 монеты	
		319	1 целый + 2 обломка	
		320	Обломок	
		321	Целый	
		323	2 обломка	
		?	1 целый + 4 обломка	
Итого: 58 экз.				
Подражания дирхемам Насра б. Ахмада		6	3 целых + 3 обломка	6
Обломки саманидских монет			26 экз.	
Обломки неопределимых монет			11 экз.	
ВСЕГО: 118 экз.				

ямок, в большом количестве встречающихся как непосредственно на курганах, так и на прилегающей территории, был обнаружен арабский дирхем. Использование металлодетектора выявило наличие вокруг «закопушки» сигналов, свидетельствовавших о возможном нахождении других монет. Было принято решение разбить в этом месте раскоп площадью 16 кв. м, который впоследствии был расширен до 20 кв. м.

Разбор грунта велся поквратно (размер квадрата 1×1 м) зачистками, с последующим просеиванием грунта на металлических ситах. В процессе раскопок выяснилось, что культурный слой на этом участке полностью отсутствует. Под дерном залегал пахотный слой, который подстилался слоем подзола. При зачистке материка стали отчетливо видны борозды, шириной 5–20 см, свидетельствующие о том, что данный участок какое-то время распаивался (эта территория использовалась под пашню еще в 80-х гг. XX в.). Большинство монет найдено в бороздах. Никаких обстоятельств сокрытия клада выяснить не удалось – комплекс, к сожалению, был сильно поврежден и растащен распашкой.

Сохранность монет разная. Часть экземпляров сохранилась полностью, часть фрагментирована, как еще в древности (разрезанные монеты), так и в результате распашки. Некоторые монеты практически рассыпаются. Возможно, на сохранность металла в данном случае могли повлиять химические удобрения, использовавшиеся в сельскохозяйственной практике.

В одной из монет было проделано отверстие, в котором сохранилась заклепка, когда-то крепившая ушко для ношения. Оно было утрачено в результате распашки или же, что более вероятно, еще в древности подвеска-дирхем, у которой отломалось ушко, снова использовалась как платежное средство. На еще одной монете зафиксированы прочерченные короткие линии, которые, скорее всего, наносились на монету острым предметом для проверки качества серебра. Аналогичные пробные метки не раз зафиксированы на куфическом серебре.

Всего в состав клада входит 33 целых и 85 обрывков и обломков саманидских дирхемов. Из них определимы 81 экземпляр (табл. 1).

Младшими монетами состава являются два дирхема Насра II, чеканенные в аш-Шаше в 323 г. х. (934–935 гг.). Наравне с этим в кладе имеется семь мо-

нет чеканки 319–321 гг. х., что только укрепляет уверенность в том, что клад был спрятан не позднее 935–937 гг. Стоит отметить, что подобная датировка довольно редкая для кладов первой половины X в., и, в частности, для Смоленского Поднепровья. Ранее обнаруженные гнездовские клады сокрыты в 920-х (клад 1966/75 гг.), 940–950-х (клады 1867, 1870, 1909, 1973, 1993 гг.) и 960-х (клад 1885 г.).

Клад 2010 года отличается не только временем сокрытия. Этот первый клад, обнаруженный вне центральной зоны памятника, где находятся Центральное городище, селище и две наиболее многочисленных курганных группы (Лесная и Центральная). Днепровская, Заольшанская и Ольшанская группы с прилегающим селищем (наличие здесь городища X в. поставлено под сомнение), по всей видимости, маркируют еще одну зону активной жизнедеятельности, центром которой было селище, расположенное по обоим берегам р. Ольши. Также в отличие от кладов, ранее найденных в Гнездово, этот клад обнаружен вне территории поселения. Наиболее вероятно предположение о связи клада с частью древней дороги, возможно, проходившей недалеко от курганной группы по невысокой гряде, на которой и был найден клад. Эта дорога могла соединять Центральное поселение с поселением, расположенным на р. Ольша. К сожалению, пока говорить о времени возникновения этого поселения затруднительно, но, учитывая почти полное отсутствие в курганах Днепровской, Ольшанской и Заольшанской групп лепной керамики, оно вряд ли возникло ранее второй четверти X в.

Для реконструкции ландшафта участка, где был найден клад, важны выявленные в раскопе лесные почвы, т. е. дорога могла проходить через лес или по его опушке. Также стоит отметить следы древней распашки, обнаруженные под некоторыми курганами в западной части Днепровской группы. Распашку предположительно можно относить ко второй четверти – середине X в., т. е. она могла быть синхронна дате сокрытия клада.

Таким образом, находка нового клада, еще раз подчеркивает сложную внутреннюю структуру Гнездовского комплекса, а также позволяет наметить перспективы изучения его «периферийных» зон.

В.Г. Ивакин

Институт археологии Украины, Киев

Элитарные погребения киевского дружинного могильника

Погребения элиты дружинного Киева являются уникальным источником для изучения социальных, культурных и политических процессов, происходив-

ших на сложном этапе возникновения древнерусского государства. На сегодняшний день найдено 29 погребальных комплексов, которые по всем признакам

принадлежали богатой верхушке средневекового города.

Камерные погребения. Основные критерии, по которым выделяют камерные захоронения, до сих пор вызывают активную дискуссию среди исследователей древнерусского погребального обряда. Опираясь на предшествующие научные разработки, можно выделить следующие основные признаки камерных погребений:

- 1). Крупные размеры погребального сооружения;
- 2). Наличие сложных деревянных конструкций, построенных на месте, т. е. в погребальной яме;
- 3). Присутствие богатого и разнообразного инвентаря, который свидетельствует о высоком социальном статусе умершего.

Приведенные критерии необходимо применять в комплексном сочетании: большие размеры могильной ямы могут быть признаком камерного обряда только в сочетании с другими конструктивными и ритуальными особенностями. Подобные сооружения на территории Украины открыты на территории Киева, Чернигова и Шестовицы. В Киеве обнаружено 16 погребений (10% от всех труположений), которые по вышеуказанным признакам можно отнести к камерным захоронениям.

Конструкция. Среди древнерусских погребальных камер известны два основных типа погребальных конструкций: срубные (сложенные из горизонтальных досок и бревен) и каркасно-столбовые. Необходимо отметить, что при сооружении киевских камер преобладала срубная строительная традиция.

Срубные камеры зафиксированы в 14 киевских захоронениях. В свою очередь, камеры-срубы строили с применением двух основных строительных технологических приемов крепления углов: «в обло» и «в лапу». Рубка «в обло» четко зафиксирована в восьми киевских камерах. Второй способ соединения углов срубов в древнерусских камерах – «в лапу» зафиксирован лишь в одном камерном погребении в районе Десятинной церкви.

Каркасно-столбовые камеры. В углах конструкции ставили столбы, которые поддерживали стенки

из горизонтально уложенных досок или горбылей. К этому виду мы можем отнести две камеры.

Погребения в «больших могильных ямах». В отдельную группу мы выделяем четыре женских погребения, которые по размерам погребальной конструкции и богатому инвентарному набору соответствуют камерным, однако не содержат деревянных конструкций. Очевидно, мы имеем дело с вариациями погребального обряда в камерах.

Погребения с неопределенной конструкцией. В некоторых захоронениях зафиксировать деревянные конструкции не удалось. Таких комплексов на киевских могильниках обнаружено девять. Это следует объяснять не столько с конструктивными особенностями киевских камер, сколько с сохранностью дерева в местных почвах и с проблемами, вызванными фиксацией остатков камерных сооружений на методическом уровне конца XIX – начала XX в.

Киевские аристократические погребения датируются довольно широким временным промежутком – с конца IX до первой половины XI в. Однако, в случаях, когда киевские элитные захоронения имеют более точные хронологические показатели, последние указывают на вторую половину X в.

В современной научной литературе подобные захоронения, как правило, связывают со скандинавским населением, так как почти все находки древнерусских погребальных камер и их вариаций связаны с некрополями ранних городских поселений эпохи викингов (Киев, Псков, Старая Ладога, Гнездово, Тимерево, Чернигов, Шестовица). Однако, именно социальная характеристика, а не определение этнической принадлежности, является доминирующей для реконструкции статуса погребенных в элитарных погребениях древнерусского Киева. Очевидно, правильным будет считать вышеупомянутые захоронения основным погребальным обрядом новой аристократической верхушки социальной военно-торговой группы – «Руси».

Характерные особенности этого обряда – сложные погребальные конструкции и наличие богатого сопроводительного инвентаря – должны были подчеркивать высокий социальный статус погребенных русов.

М.Г. Иванова

Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, Ижевск

Иднакарский комплекс памятников в Прикамье: основные результаты исследований и перспективы¹

Древнеудмуртское городище Иднакар IX–XIII вв. – одно из наиболее крупных поселений

Волго-Камья эпохи Средневековья. Огромные фонды источников, полученные в результате многолетних

¹ Исследования выполняются при финансовой поддержке РФФИ, грант 11-06-00213.

комплексных исследований, создали базу для реконструкции системы жизнеобеспечения, многих сторон материальной и духовной культуры населения, открыли возможности новых подходов к интерпретации исторических явлений средневековья. Сочетание в исследованиях памятника традиционных и неразрушающих методов, привлечение технологии компьютерного картографирования расширило возможности изучения структуры и планировки памятника в различные хронологические периоды. Культурно-стратиграфический анализ сооружений, в том числе и оборонительных укреплений, позволил конкретизировать особенности развития городища и укрепленных поселений Прикамья на широком фоне градообразовательных процессов лесной зоны Восточной Европы.

Развитие Иднакара в течение четырех столетий с многократным расширением территории, усилением фортификационных возможностей свидетельствует об интенсивном развитии производительных сил, демографическом росте населения, укреплении внутреннего потенциала общества. Углубленное изучение ряда категорий источников методами естественных наук убедительно показывает наличие мощных внутренних ресурсов для поступательного развития обработки черного и цветных металлов со многими технологическими операциями, высокоразвитого косторезного ремесла. Но, как показывает незавершенность формирования планировочной структуры внешней части, внутренние ресурсы не были реализованы в полной мере, развитие городища оказалось прерванным внешними факторами.

С целью углубления исследований хозяйственно-экономической структуры средневекового общества в последнее десятилетие уделено внимание изучению округа городища, где было известно четыре селища, функционировавших в VIII–XIII вв., могильники Чемшай VIII–XIII вв. и Бигершай XIII–XIV вв. В пределах пятикилометровой зоны Иднакара зафиксировано несколько местонахождений предметов и кладов. Из памятников в большей степени известен Солдырский могильник Чемшай, который неоднократно исследовался на протяжении XIX–XX вв. Это один из крупнейших могильников Прикамья, функционировавший на протяжении пяти столетий. Его, к сожалению, не удалось сохранить и исследовать в полной мере. Но он был заложен, по всей вероятности, еще до начала заселения Иднакара, возможно, обитателями Солдырского городища Сабанчикар, и функционировал до XIII в.

Солдырский II могильник Бигершай XIII–XIV вв. в 1988–1989 гг. изучен А.Г. Ивановым. На площади 153 кв. м исследовано семь захоронений, располагавшихся двумя нечеткими рядами. Все погребения нарушены. Вещевой материал небольшой: глиняные лепные сосуды, железные пряжки, нож, кресало, бусы, обломок браслета.

На склоне внешней площадки городища в 1989–1990 гг. изучено 11 безинвентарных могил взрослых и детей, аналогичных вскрытым на удмуртских кладбищах XVIII–XIX вв. В 200 м к северо-востоку от внешнего вала городища открыт новый погребальный памятник, на котором в 2001–2002 гг. на площади около 500 кв. м изучено 92 захоронения XI–XII вв. Характер залегания могил позволяет предположить, что основная часть памятника изучена, но не исключено наличие погребений на других частях террасы, занятой лесом и посевами. Принадлежность нового могильника к кругу памятников чепецкой культуры сомнений не вызывает. Он, безусловно, оставлен населением городища Иднакар, функционировавшего в IX–XIII вв., т. е. определенного более узкого периода.

Селища практически не изучены, датировки их весьма условны. Лишь на Солдырском III селище в 2003–2004 гг. на небольшой площади исследован культурный слой с находками шлака, обмазки, криц, фрагментов тиглей и керамики, костей животных.

Значимость материалов округа усиливается тем, что комплексы памятников начала II тысячелетия на Чепце и в Прикамье мало известны. Как правило,azole городищ могильник или не известен, или разрушен, а возле крупных могильников не обнаружены поселения, хотя материалы известных селищ и погребальных памятников чепецкого бассейна не только сопоставимы, но и во многом схожи, а формы основных орудий труда, предметов вооружения и быта, многих украшений и даже предметов импорта совершенно идентичны.

Плотная заселенность округа Иднакара на протяжении всего периода его функционирования, безусловно, является дополнительным аргументом в обосновании его значения в качестве военно-оборонительного, аграрно-ремесленного и торгового, культурного, общественно-административного центра консолидирующейся этносоциальной общности. Хотя неудовлетворительная сохранность памятников затрудняет полноценные исследовательские процедуры, в перспективе необходим детальный анализ характера связей городища с материалами окружающих его памятников, углубленное изучение особенностей микрорегиона, раскрытие этапов освоения территории, отдельных аспектов расселения, демографии. Безусловно, для более полной реконструкции процесса формирования данного комплекса требуются дальнейшие работы по изучению известных памятников, а также поисков новых. Сравнительный анализ с другими комплексами (Рождественского и Анюшкар на Верхней Каме, Елабужского городища на Средней Каме) позволит расширить сложившиеся представления об основных направлениях культурно-исторических и демографических процессов, происходивших лесной зоне Восточной Европы в конце I – начале II тыс. н.э.

Урало-Сибирские истоки погребального обряда древних венгров «периода обретения родины»

В последние годы вновь оживился интерес археологов к проблеме восточной прародины древних мадьяр-венгров, прежде всего, в контексте археологического содержания историко-географического понятия «Magna Hungaria» или культурного ареала прото- и древних мадьяр до их переселения в Карпато-Дунайский бассейн. Данная проблема в изысканиях российских и венгерских ученых поднималась неоднократно и имеет богатую историографию (К. Грот, Н. Данилевский, К. Макартни, Р. Кузеев, А. и Е. Халиковы, И. Эрдели, И. Фодор, В. Иванов, Е. Казаков и др.). К концу прошлого столетия в археологической литературе возобладала точка зрения о приуральской локализации «Magna Hungaria» и ее археологическом содержании в лице соответствующих культур второй половины I тыс. н.э. – кушнареноквской и караякуповской. Однако в последние годы в венгерской исторической науке вновь обозначилась тенденция поиска древневенгерской прародины за пределами Уральского региона, на сей раз в степях Центрального и Восточного Казахста-

на, традиционно являвшихся частью древнетюркской ойкумены. Логически это предполагает поиск истоков древневенгерской археологической культуры в культуре древнетюркских племен, представленной корпусом соответствующих памятников.

Сравнительно-типологический анализ погребального обряда древневенгерских могильников «периода завоевания Родины» в Карпато-Дунайском бассейне и могильников «тюрко-сибирских кочевников» с территории Алтая, Южной Сибири и Восточного Казахстана показывает, что по своим морфологическим признакам – это две совершенно разные группы памятников, коэффициент типологического сходства между которыми не достигает и 40%. Причем, эти проценты сходства достигаются за счет таких признаков (одинаково представительных как у венгров, так и у тюрков), как могильные ямы простой конструкции, западная ориентировка погребенных, поза на спине с вытянутыми конечностями или с ладонями, уложенными на таз, присутствие в могиле глиняной посуды. То есть, при-

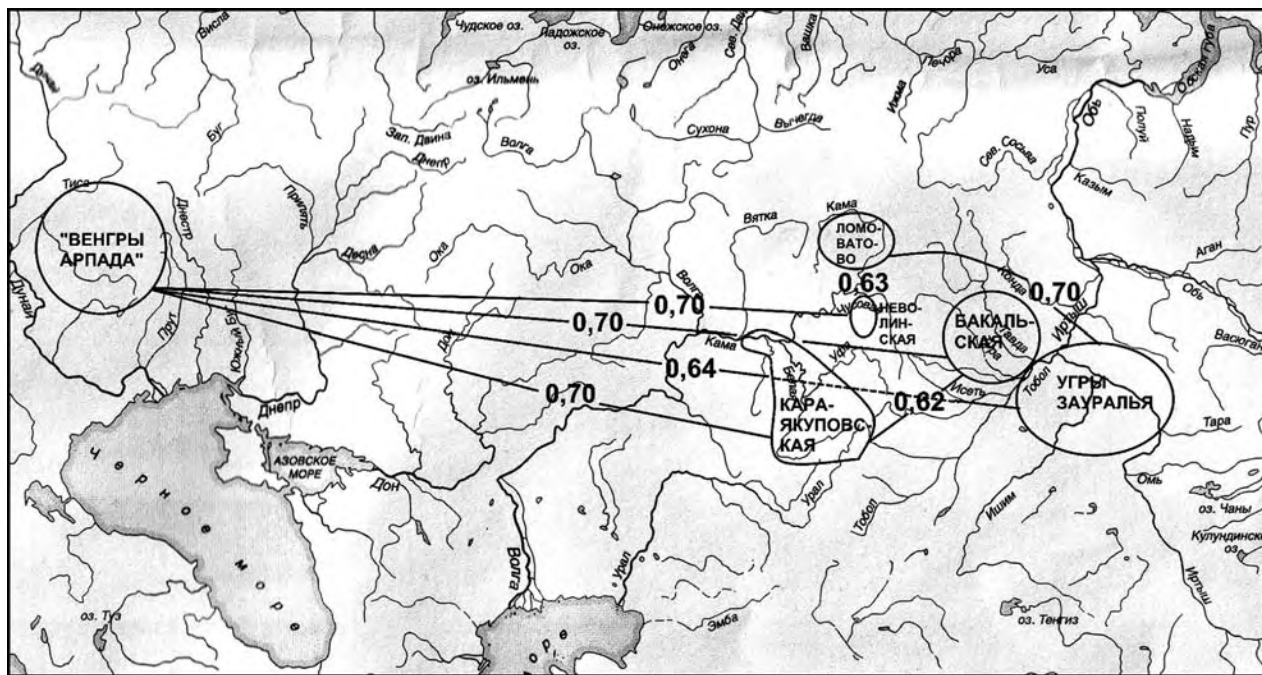

Рис. 1

Географический контекст графа формально-типологического сходства древнемадьярских и древнетюркских могильников

Таблица 1
Значения показателей парного типологического сходства могильников VIII–IX вв. Урала и Зауралья и древневенгерских могильников «арпадского периода» в Карпато-Дунайском бассейне

	Ломоватовск.	Зауралье	Неволин.	Караякуп.	Угры Зап. Сибири	Мадьяры
Ломоватовск.	-	0,7	0,63	0,47	0,42	0,41
Зауралье		-	0,48	0,45	0,52	0,64
Неволин.			-	0,41	0,42	0,70
Караякуп.				-	0,62	0,70
Угры Зап. Сибири					-	0,70
Мадьяры						-

знаков, которые, будучи взятыми вне контекста всего обрядового комплекса, присутствующими многим древним и средневековым народам Евразии.

В то же время сравнительно-типологический анализ погребального обряда могильников IX–X вв. в Карпато-Дунайской котловине (могильники «арпадского периода»: Банов, Башхалом, Бездед, Будакеши, Вереб, Войнице, Гадорш, Герендаш, Кенезле I и II и др.) с обрядом племен, в VII–IX вв. населявших лесостепные и лесные районы Южного Приуралья и прилегающих к нему с востока лесостепных районов Западной Сибири (а это – 589 погребений ломоватовской культуры: Каневский, Редикарский, Баяновский, Плесинский, Рождественский, Огурдинский и др. могильники); 117 погребений поздней (VII–IX вв.) неволинской культуры (Бродовский, Верх-Саинский могильники); 241 погребение западносибирских средневековых могильников (Сайгатинские, Барсов городок, Окуневский); 97 погребений из зауральских Ликинского, Пылаевского, Макушинского, Лихачевского, Перейминского могильников бакальской культуры; 180 погребений караякуповской культуры Южного Урала и Приуралья (могильники Бекешевский, Ямаши-Тау, Лагереvский, Стерлитамакский, Большетиганский и др.) показывает, что между ними существует явное типологическое сходство, выраженное в коэффициентах формально-типологической близости.

Сравнение проводилось по 62 альтернативным признакам погребального обряда, распределяющимся по таким категориям, как тип могильника, конструкция и планиграфия курганных насыпей, конструкция могильной ямы, поза и ориентировка погребенного, детали ритуала, ассортимент и наборы погребального инвентаря (Белавин и др., 2009. С. 91 и сл.)¹. Полученные резу-

льтаты определенно показывают, что наибольший показатель формально-типологического сходства ($C_2=0,64-0,70$) венгерские могильники «арпадского периода» обнаруживают с уральскими и зауральско-западносибирскими могильниками, традиционно связываемыми с носителями угорского этноса (табл. 1).

Граф формально-типологического сходства могильников древних мадьяр («арпадских венгров»), носителей караякуповской культуры на Южном Урале, неволинской культуры в Прикамье, бакальской культуры и обь-иртышских (древнеугорских) могильников в Зауралье, построенный по данным таблицы и наложенный на географическую карту, показывает, что эта типологическая близость разделена в пространстве более чем 3000 км. Может ли такое быть случайностью?

Комментарии, как говорится, излишни, хотя один комментарий необходим: данные показатели указывают на то, что между древними венграми и носителями уральско-западносибирских культур второй половины I тыс. до н.э. существовала этнокультурная близость, за которой мы вправе усматривать и этногенетическое родство. В свою очередь, это родство позволяет очертить и исходную территорию древних угров-мадьяр перед началом их движения на запад – Урал с примыкающими к нему с востока и запада лесными и лесостепными территориями. Среди них Magna Hungaria уверенно ассоциируется с территорией современного Башкортостана и соседствующими с ним с севера районами Пермского Прикамья. Что и фиксируют в своих исследованиях венгерские коллеги, хотя и очерчивают границы Magna Hungaria с некоторой долей приближенности (Fodor, 2009. P. 39; Anke, Révész, Vida, 2008. P. 75).

Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А., 1990. Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). Киев.
Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б., 2009. Угры Предуралья в древности и средневековье. Уфа.

Anke B., Révész L., Vida T., 2008. Reitervölker im Frühmittelalter. Hunnen-Awaren-Ungarn. Stuttgart.
Fodor I., 2009. Őstörténet és Honfoglalás. Magyarország története. I. Budapest.

¹ Сравнение проводилось по представительным признакам, т.е. таким, нижний уровень процентного показателя которых при степени вероятности = 0,95 соответствовал объему сравниваемых выборок (См.: Генинг и др., 1990. С. 64).

Культурные группы середины – третьей четверти I тыс. н.э. лесной зоны Восточной Европы (по материалам Верхневолжья и Валдая)

В изучении раннесредневековых древностей лесной зоны Восточной Европы почти до конца XX в. доминировало мнение о чересполосном сосуществовании памятников культуры псковских длинных курганов (КПДК) и культуры сопок, представлявших две волны славянского расселения. Уточнение хронологии сопок (последняя четверть I тыс. н.э.) и выявление в отдельных микрорегионах предшествующих им древностей (Седов, 2002. С. 368–370; Конечский, 2007. С. 262–264), позволяют усомниться в правильности господствовавшей ранее концепции и по-иному взглянуть на этнокультурную ситуацию V–VII вв. н.э. в Верхневолжском и Валдайском регионах. В настоящее время можно говорить о т. н. параллельном существовании здесь трех культурных групп древностей (рис. 1).

Наиболее известная группа – древности КПДК. Она представлена погребальными объектами (курганными и курганно-грунтовыми могильниками), неукрепленными поселениями и единичными городищами. Рассматриваемые памятники являются частью единого ареала. Основные отличительные признаки этой культуры – особая ландшафтная и почвенная приуроченность: размещение на песчаных почвах, занятых сухими сосновыми борами, на зандровых равнинах с отдельными озовыми грядами. Древности рассматриваемой территории в основном известны по исследованным погребальным памятникам (Исланова, 2006.

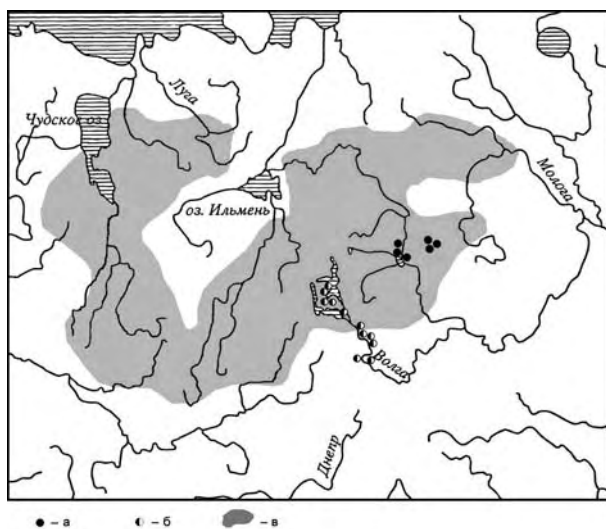

Рис. 1

Культурные группы древностей середины – третьей четверти I тыс. н.э. на Верхней Волге и Мсте:

С. 30–65, 94–111). Преимущественное размещение памятников «в глубинке» (не на основных водных магистралях регионов), где до настоящего времени сохранилась субстратная гидронимия, преемственность с древностями предшествовавшего периода в заселении микрорайонов, наличие элементов погребального обряда и керамики, аналогичных бытовавшим в раннем железном веке этой или смежных территорий позволяют говорить о доминировании местного населения в этой группе древностей. Участки с малоплодородными почвами, где существовали памятниками КПДК, после прекращения их функционирования, как правило, заселяются только в середине II тыс. н.э.

В иных почвенных и ландшафтных условиях в бассейне Верхней Мсты расположилось население т.н. предсопочной группы («предсопочной культуры» по В.Я. Конечкому). Группа представлена неукрепленными поселениями и грунтовыми могильниками с обрядом кремации на стороне. Поселения возникли на плодородных аллювиальных и лессовидных почвах на участках рек Мста и Съежа, озер Удомля и Мстино – на магистральных водных артериях. Наиболее изученными, по исследовавшемуся селищу и могильнику Юрьевская Горка, являются памятники Удомельского типа (Исланова, 1997. С. 22–55, 128–129). Более трети найденной здесь посуды генетически связана с раннеславянским набором, среди остатков построек встречена полуземлянка с печью каменной в углу. Близкие материалы выявлены при раскопках поселений Лубенькино 2 и Ряд 3. Аналогичная приуроченность, близкий, но не идентичный, набор посуды фиксируется на поселениях Пашино 1, Борисково 1 и Леонтьево 1. Это скопление памятников находится на оз. Мстино и при впадении в него р. Цны. Древности КПДК в этих микрорайонах отсутствуют. В конце I тыс. н.э. данные участки заняты памятниками культуры сопок. Между предсопочной группой и древностями культуры сопок прослеживается не только территориальная, но и прямая культурная преемственность в керамике, вещах и элементах домостроительства.

Еще одна группа, названная по реперному памятнику – поселению Подол (Синицына, Исланова, 2009), выявлена на озерах в верховьях р. Волги и по течению этой реки до современного г. Ржева (городища Никола-Рожок и Осечен, селища Ронское 3, Звягино 1, Горка 1, Бобронники, Теплый Ручей, Усть-Тудовка 8, Рогово 1, Суходол). Памятники типа Подол,

представленные селищами и городищами, занимают участки вблизи плодородных аллювиальных и лессовидных почв. На озерах Селигер и Волго поселения типа Подол расположены чересполосно с древностями КПДК. Погребальные объекты не выявлены, но предположительно, ими должны быть грунтовые могильники с сожжением. Керамический набор отличается большой «примесью» ребристых горшков и форм, имеющих аналоги среди посуды типа Умень и иных древностей Верхнего Подвинья. Памятники культуры сопки здесь неизвестны. Вопрос о последующей «судьбе» этой группы следует оставить открытым. Возможно, «подсказку даст» тяготение микро-районов к Смоленской земле, в отличие от предпоч-

ной группы, находившейся в бассейне Мсты – на территории будущей Новгородской земли.

Таким образом, для эпохи, предшествующей древнерусской, можно говорить о довольно пестрой культурной картине, представленной тремя труппами раннесредневековых древностей в верховьях Волги и Мсты. Группы различаются по хозяйственно-культурному типу, по элементам духовной культуры, отразившейся в характере погребальных памятников, и по дальнейшей «судьбе». Фиксируются не только различия, но и определенная близость по отдельным формам керамического и вещевого инвентаря – свидетельство общих тенденций в развитии материальной культуры и возможных контактов разного населения.

Исланова И.В., 1997. Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М.
Исланова И.В., 2006. Верхнее Помостье в раннем средневековье. М.
Конечский В.Я., 2007. Археология Северо-Запада России в начале XXI в. итоги и перспективы // У истоков русской государственности. СПб.

Седов В.В., 2002. Славяне: Историко-археологическое исследование. М.
Синицына Г.В., Исланова И.В., 2009. Раннесредневековые материалы с северного берега оз. Волго в Тверской области // Тверской археологический сборник. Тверь. Вып. 7.

О.В. Кардаш

ООО «НПО Северная археология», Нефтеюганск

Торговые отношения населения Нижнего Приобья в XIII–XIV вв. (по материалам археологических исследований)

Сложно переоценить степень влияния межэтнических контактов на формирование культуры любого народа. Одной из форм таких контактов являются торговые взаимоотношения. Меновая торговля коренного населения Северо-Западной Сибири в средние века ранее освещалась рядом исследователей Б.Н. Маршаком, В.А. Могильниковым, Н.В. Федоровой и А.П. Зыковым (Маршак, 1996; Могильников, 1988; Федорова, 2002; Зыков, 2006) Эти работы основывались преимущественно на находках отдельных изделий или серии импортных предметов роскоши – произведений средневековых мастеров ювелиров, и дополнялись отрывочными летописными данными.

Совершенно очевидно, что произведения торевтики, ювелирного производства и оружие были не единственными в списке ввозимых товаров, тем более что эти предметы бытовали в ограниченной среде населения и не могут рассматриваться как фактор всестороннего культурного влияния. Полный перечень привозимых в северные регионы товаров, вопросы торговли аборигенов, как часть экономики этих древних обществ, в выше названных работах не рассматривались.

Новые материалы раскопок позднесредневековых памятников в Нижнем Приобье, таких как городище, Ярте 6, Бухта Находка, Надымский городок, селище Тиутей-Сале 1 позволяют значительно дополнить круг источников о торгово-меновых отношениях аборигенов субарктики в XIII–XIV вв. (Федорова и др., 1998, Кардаш 2008, Кардаш 2009). В комплексе с новыми данными, определяющими уровень развития собственных ремесел населения региона, становится возможным по-новому взглянуть на атрибуцию ранее исследованных памятников, считавшихся аборигенными.

В материалах раскопок городища Ярте 6, основной период функционирования которого приходится на XI–XII вв., имеются лишь отдельные импортные предметы, происхождение которых нельзя оценивать однозначно (Федорова, 2006. С. 151–154). Археологическая коллекция, полученная при исследовании слоя XIII–XIV вв. городища Бухта Находка содержит массу привозных вещей. В числе импортных предметов, доля которых около 30% от всего вещевого комплекса, продукция металлургического и кузнечного производства, составляющие половину всех импортных изделий, а так же продукция медницкого, тексти-

льного, кожевенного, ювелирного и стеклоделательного производств (Кардаш, Усолкина, 2009. С. 335–347).

Архитектура, вещевой комплекс и остеологические материалы городища Бухта Находка не оставляют сомнения в аборигенной принадлежности его населения (Кардаш, 2008. С. 460–463). Вместе с тем срубные жилые строения, большой ряд вещей и наличие костей таких домашних животных как свинья и лошадь в слоях XIV–XV вв. Надымского городка, позволяют предполагать, если не полную принадлежность этого населенного пункта выходцам из Северо-Восточной Европы, то, как минимум, их длительное проживание здесь. В этой связи представляется ошибочным определение Тазовской «мастерской», где найдена масса железных

криц, заготовок, изделий и отходов бронзолитейного и ювелирного производства, как производственного комплекса древнего самодийского населения региона (Хлобыстин, Овсянников, 1973).

Анализ полного перечня ввозимых товаров и самих археологических объектов позволяет сделать ряд выводов о том, что в XIII–XIV вв. население Нижнего Приобья имело активные торговые взаимоотношения, эти связи осуществляло, очевидно, древнерусское (славяно-финское) население Северо-восточной Европы, представители которого имели на территории Севера Западной Сибири сеть торгово-промышленных факторий. В настоящее время таких пунктов можно определить два Надымский городок (слой XIII–XV вв.) и Тазовскую «мастерскую»-факторию.

Зыков А.П., 2006. Средневековые таежной зоны Северо-Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. Екатеринбург, Ханты-Мансийск.

Кардаш О.В., 2008. Оборонительно-жилые комплексы аборигенного населения субарктических районов Западной Сибири (по материалам комплексного изучения укрепленных поселений) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда. М. Т. II.

Кардаш О.В., 2009. Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII в. История и материальная культура. Екатеринбург, Нефтеюганск.

Кардаш О.В., Усолкина М.А., 2009. Меновая торговля жителей полуострова Ямал в XIII–XIV вв. (по материалам исследований городища Бухта Находка 2006–2008 гг.) // Новгородская Земля – Урал – Западная Сибирь в историко-культурном и духовном наследии. Екатеринбург. Ч. 2.

Маршак Б.И., 1996. Сокровища Приобья // Сокровища Приобья. СПб.

Могильников В.А., 1988. Обменно-торговые связи Руси и Югры в XI–XV веках // Тобольский хронограф. Тобольск. Вып. 3.

Федорова Н.В., 2002. Западная Сибирь и мир Средневековых цивилизаций: история взаимодействия на торговых путях // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск. Вып. 4 (12).

Федорова Н.В., 2006. Камлание длиной в две тысячи лет: человек и олень на Севере Западной Сибири // Уральский исторический вестник. Екатеринбург. № 14.

Федорова Н.В., Косинцев, П.А., Фицхью В.В., 1998. Ушедшие в холмы: Культура населения побережий Северо-Западного Ямала. Екатеринбург.

Хлобыстин Л.П., Овсянников О.В., 1973. Древняя «ювелирная» мастерская в Западно-Сибирском Заполярье // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.

А.В. Кашкин

Институт археологии РАН, Москва

Географические особенности поселений роменской культуры

Вопрос об особенностях размещения роменских памятников в контексте данных физической географии в археологической литературе никогда специально не рассматривался. Отдельные попытки предпринимались и ранее, но, как правило, в виде тезисов (Кашкин, Узянов, 1992. С. 175–177; Узянов, Кашкин, 1998. С. 61–63).

Попробуем проследить некоторые особенности в размещении памятников роменской культуры бассейнов рек Сейма и Псла в тесной взаимосвязи с природными факторами. Источником данного исследования служат результаты обследования бассейнов указанных рек в пределах Курской области (Кашкин, 1998, 2000). Всего в работе учтены 304 поселения (54 городища и 250 селищ).

Поселения и реки. Все роменские поселения расположены в бассейнах Сейма и Псла, которые в свою очередь являются левобережными притоками Днепра (р. Псел – второго порядка по отношению к Днепру, а р. Сейм – третьего порядка – левый приток р. Десна). В свою очередь притоки этих рек являются реками либо четвертого, либо пятого порядка.

Бассейн Сейма (первая цифра означает порядок реки по отношению к Днепру, цифра в скобках – количество памятников) – всего 248: 1. Днепр; 2. Десна; 3. Сейм (99); 4. Дублянка (1), Клюква (3), Курица (5), Ломня (3), Прутище (1), Рать (21), Реут (31), Рогозна (4), Рыло (4), Свапа (14), Снагость (3), Тускарь (30); 5. Виногробль (7), Любаж (1), Моркость (1), Неполка (3), Обметь (1), Снова (2), Усожа (7), ручьи и балки (7).

Бассейн Псла – 56: 1. Днепр; 2. Псел (44); 3. Воробжа (5), Каменка (1), Рыбинка (1), Суджа (4), Туровка (1).

Прослеживаются некоторые закономерности в размещении роменских памятников на реках (рис. 1). На реках второго порядка их 44, третьего – 111, четвертого – 120, пятого – 29. Безусловно, роменцы предпочитали средние и малые реки третьего и четвертого порядка.

Обратим также внимание, что памятники начинают появляться на реках на определенном расстоянии от истоков, причем эта тенденция прослежена нами практически на всех реках. Этот интервал составляет от 44 до 18 км. Скорее всего, это связано с занятием населения рыбным промыслом, который зависит от полноводности той или иной реки. Рыболовство в верхнем течении, вероятно, было бесперспективно.

Поселения и ландшафт. Отчетливо наблюдается размещение памятников на высоких элементах рельефа (коренной берег – 126, придолинный склон – 21, вторая терраса – 69). Приуроченность большинства поселений к высокому рельефу не вызывает сомнений (рис. 2). Реки в этот период полноводны и усиленно меандрируют, балки обводнены, открытые участки в лесостепи частично зарастают кустарником и редколесьем (Сычева, 2002. С. 95). В этих условиях вполне естественно стремление жителей лесостепи селиться вблизи от воды, но без угрозы для жизни и нормального ведения хозяйства.

Следует обратить внимание и на довольно значительное количество селищ роменской культуры, рас-

положенных в поймах рек (высокая пойма – 5, дюна – 44). Скорее всего, это поселения с ограниченным временем бытования, существовавшие в периоды локальных колебаний водности рек, или же сезонные поселения, связанные с охотой, рыбной ловлей, сенокосами. Географы также отмечают расцвет в заселении пойменных ландшафтов в Курском Посеймье в роменское время, равно как и на территории лесостепи в целом (Сычева, Чичагова, 1998. С. 53, 54).

Поселения и почвы. Курская область имеет сложный почвенный покров. Черноземы занимают более 60% площади и преобладают в основном в восточной и южной частях области. Серые лесные почвы распространены на северо-западе области. Среди этих почв в виде пятен сформировались дерново-подзолистые, лугово-черноземные, пойменные луговые, болотистые почвы и другие почвенные разновидности (Атлас Курской области, 2000. С. 18).

Памятники роменской культуры располагаются в основном в западной части области. Наблюдается явное тяготение памятников роменской культуры к зонам серых лесных почв и к поймам рек с пойменно-луговыми почвами (рис. 3). Это 235 (77,8%) поселений. Остальные 67 (22,2%) памятников, хотя и расположены в зоне черноземов, но также приурочены к речным долинам. Данное явление объясняется уровнем развития пахотных орудий, которые позволяли обрабатывать только легкие почвы, не выходя на широкие пространства, занятые классическими черноземами.

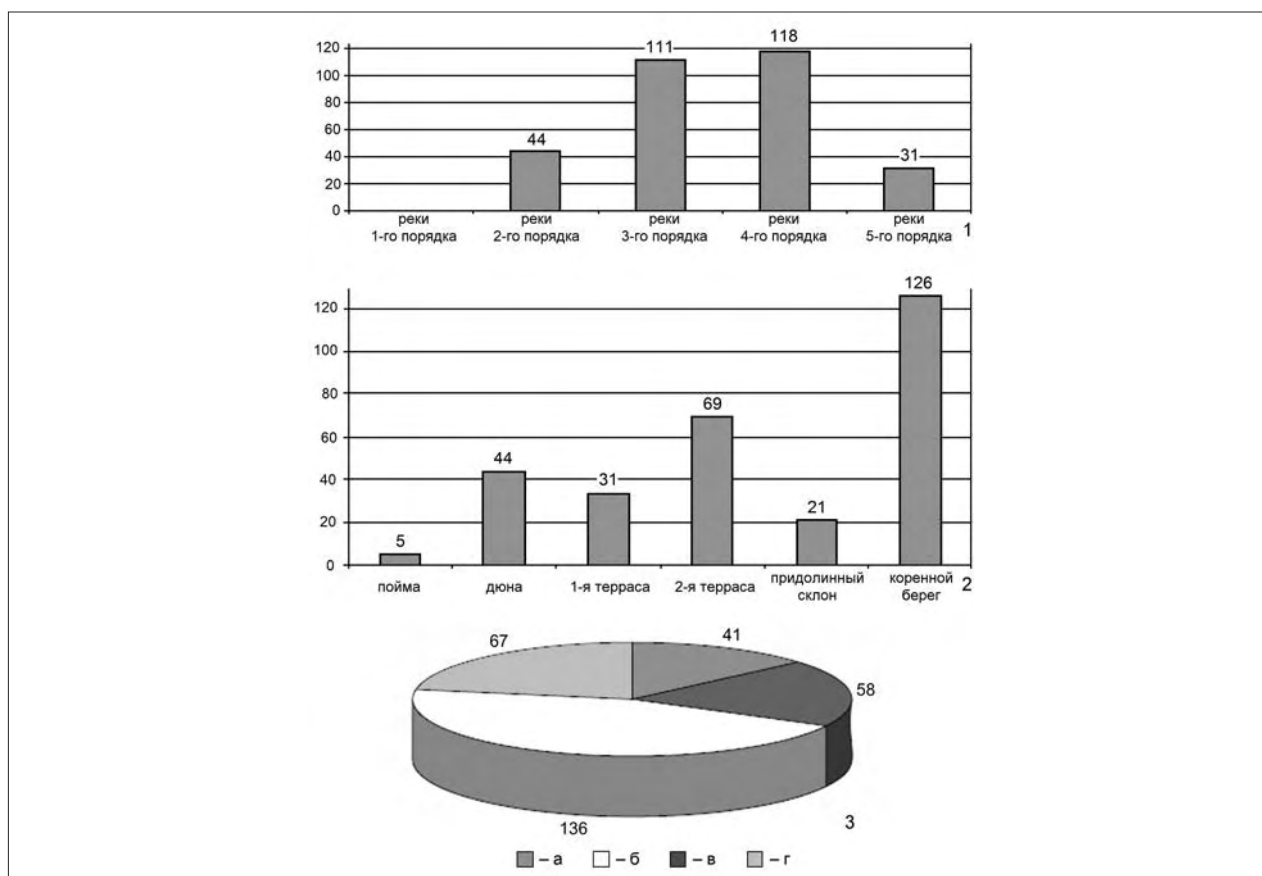

Рис. 1

1 – памятники на реках (по порядкам); 2 – поселения и ландшафт; 3 – поселения и почвы (условные обозначения почв: а – пойменные луговые, б – серые лесные, в – черноземы, г – пески слабозадернованные)

Результаты исследований погребенных почв в поймах ряда рек бассейна Сейма отражают длительный и устойчивый процесс лугового почвообразования именно в это время. Культурные слои роменских поселений, расположенных на низком рельефе, довольно мощные, хорошо гумусированы. Их радио-

углеродные даты хорошо коррелируют с археологическим возрастом культурных слоев поселений и приходятся на малый климатический оптимум голоцена, отличающийся наиболее благоприятными экологическими условиями (Сычева, Чичагова, 1998. С. 53).

Атлас Курской области. 2000. М.

Кашкин А.В. 1998, 2000. Археологическая карта России. Курская область. М. Ч. 1, 2.

Кашкин А.В., Узянов А.А., 1992. Физико-географическая основа формирования микрорегионов археологической культуры в русской лесостепи // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. Липецк.

Сычева С.А., 2002. Многовековая ритмичность почво- и рельефообразования на Среднерусской возвышенности в

голоцене // Известия Академии наук. Серия географическая. М. № 3.

Сычева С.А., Чичагова О.А., 1998. Палеоэкология древних пойменных поселений Курского Посеймья и характеристика их культурных слоев // Материалы региональной научной конференции «Археология Юго-Востока Руси». Елец.

Узянов А.А., Кашкин А.В., 1998. Предварительные итоги археолого-географических исследований на одном из участков Среднерусской возвышенности // Материалы региональной научной конференции «Археология Юго-Востока Руси». Елец.

А.Н. Кирпичников

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Исторические данные о 1150-летию создания Русского государства (862–2012 гг.)

В 2012 г. грядет 1150-летие создания Русского государства и его избирательной системы. Оно начало устраиваться по достаточно достоверному сообщению Повести временных лет в 862 г. Тогда славянские и финские племена (словене, кривичи, чудь, весь, меря, в вариантах – русь) по общему решению, на добровольной основе пригласили «во власть» заморского выходца то ли скандинава, то ли полускандинава-полуславянина, то ли ободрита, Рюрика с братьями Синеусом и Трувором. Как пронизательно написал в 1868 г. Алексей Константинович Толстой:

И вот пришли три брата
Варяги средних лет.
Глядят – земля богата,
Порядка ж вовсе нет.

Новой резиденцией нового властителя оказалась Ладога – город в устье Волхова. Там пришелец заключил с хозяевами договор-ряд о своей службе, но вскоре стал и единодержавным правителем. Историки до сих пор спорят, зачем и откуда приехал Рюрик с братьями на Русь. А если Рюрик, не дай Бог, был скандинавом, то получается государство не русское, а норманское. Развернулась острая борьба между норманистами, стало быть, буржуазными учеными, и антинорманистами, славящими чистоту славянской крови. Не вдаваясь в подробности дискуссии, скажу кратко. В 862 г. был призван, и конечно не случайно, человек, способный остановить не только внутренние раздоры, но и внешних врагов. Национальность значения не имела.

Что касается Ладоги, то сообщение о ней, как первой резиденции нового властителя и его братьев, помещено в достаточно надежных списках Повести временных лет (Ипатьевском, Хлебниковском, Радзивилловском, Московско-Академическом, Летописце Переяславля-Суздальского), а также в Истории Российской В.Н. Татищева (здесь видимо из Раскольничей летописи), изысканиях А.Г. Кузьмина и Д.А. Мачинского). Напротив, в таких вариантах Повести временных лет, как летописи Лаврентьевская и Троицкая, имя города – местопребывания Рюрика либо опущено, либо имеет вставку над строкой «Новг». Только в Новгородской первой летописи написан Новгород.

Показания письменных источников с ладожской версией проверяются археологией. В 862 г. Ладога, как показали археологические исследования, основанная не позднее 753 г., уже существовала более ста лет, а Новгород, точнее Предновгород – Рюриково городище, возник не ранее 850–860 гг. Таким образом, Ладога была реальностью времени появления в Поволховье приглашенных пришельцев. Действительно, прежде чем пройти внутрь страны, Ладогу было не миновать, а Предновгород, скорее всего, еще не был отстроен. Нет ошибки в том, что именно Ладога явилась первым естественным местопребыванием представителей новой династии и идееобразующим местом развернувшихся в дальнейшем исторических событий.

С приходом Рюрика Ладога на 2–3 года (по Татищеву – четыре) стала столичной резиденцией образующейся Древнерусской державы. События раскрыва-

ются в Ипатьевском списке летописи в следующих словах: «И седе старейший в Ладозе Рюрик». Понятно, что «сидение» означало место властвования, иерархически соответствующее княжескому владельческому столу.

В дальнейшем столичные функции унаследовали: поселение, предшествующее Новгороду, – Рюриково городище, а в 882 г. «мать городов русских» – Киев. Каждому этапу продвижения государственности соответствовал свой центр с окружающей областью. Таких этапов оказалось три, финальным стал общерусский Киев.

Политический выбор северорусских и финских племен оказался дальновидным и точным. Викинги-разбойники, терроризировавшие почти всю Европу, не покушались на страну, где не служил уже наемником, а правил, возможно, их соотечественник, судя по всему, опытный полководец и политик. Рюрик возвел в Ладоге крепость и посадил по городам своих мужей-управителей. В летописи кроме Ладоги названы Предновгород (ныне Рюриково городище, сам Новгород возник на своем месте в X в.), Ростов, Муром, Полоцк, Изборск, округ Белоозера, также Смоленск, Любеч, Полоцк. Так сложилось ядро первоначальной Руси.

В 882 г. преемник Рюрика князь Олег, прозванный Вещим, объединил Северную и Южную Русь и провозгласил Киев «матерью городов русских», т.е., как упоминалось, столицей страны. Масштаб деятельности Олега, судя по Повести временных лет, поразителен и соответствовал могучему установлению новых общегосударственных целей. Было развернуто массовое строительство городов-крепостей, были подчинены древляне, северяне, радимичи, установлена дань словенам, кривичам, мери, удалось откупиться от набегов воинственных варягов. Многоплеменное сообщество объединилось под общим самоназванием «прозвашася Русью». Олег бросил вызов хазарам: их данники северяне и радимичи были освобождены от поборов восточного соседа. Олегу первому в русской истории можно приписать создание федеративной армии под единым командованием. Во время похода на Киев в 882 г. в ее состав входили: варяги, чудь, словене, меря, весь, кривичи. В 907 г. состоялся успешный поход на греков, в котором участвовало до 14 разноплеменных отрядов.

Итак, начальные годы создания Русского государства – Киевской Руси первыми его государственными правителями можно соотнести с 862–882 гг. Именно тогда и возникла, утвердилась и обустроилась могущественная держава в Европе, можно сказать, федеративная империя, где наряду со славянами-русскими жили финны, скандинавы, группы кочевников, представители других племен и народов. Всего в сложении Руси IX–X вв. приняли участие не менее 30 племен и этнических образований.

Базовое население нового государственного образования предстает спаянным общим языком, культурой, обычаями, ремеслом, единым торговым и экономическим пространством, одной династией, неско-

лько позднее – общей верой и письменностью. Общими были производство бытовых и других изделий, украшений. Сходными являлись домостроительство, фортификация, архитектура, военное дело и вооружение. Конечно, имелись некоторые различия, например, в развитии северных и южных земель, но они обычно имели частный характер.

Так называемый период феодальной раздробленности в XII – начале XIII в. в науке нередко характеризовался как время ослабления и упадка страны, погрязшей в междоусобных войнах отдельных княжеств и их владетелей. В действительности, это был период экономического подъема, умножения населения, заселения пустующих пространств, перехода к серийному выпуску различных изделий, повышения уровня сельской и городской культуры. Упрочился класс вольных торговцев и ремесленников, а смерды отличались относительной свободой и благосостоянием. По темпу своего развития Русь находилась в ряду передовых стран Центральной и Западной Европы. Что же касается внутренних войн, то они обычно велись группировками элиты и не задевали основные слои общества. Временами нарушался покой тех или иных областей, но эти военные эпизоды не могли остановить прогресс земель.

Монгольское нашествие 1237–1240 гг. имело для страны катастрофические последствия. Географическая и культурная целостность и единство Киевской Руси стало распадаться. Постепенно началось обособление территорий, на которых возникнут Украина, Белоруссия. При этом, однако, важно отметить, что созданное в домонгольской Руси духовное и материальное богатство не исчезли окончательно. Столетиями «историческая память народа, – как верно пишет П.П. Толочко в своей книге «Древнерусская народность», – несмотря на монгольское нашествие, литовские, польские завоевания, сохранила древнерусскую систему понятий и идеалов, осознание своей органической неотделимости от киеворусского наследия, свою русскую идентичность». Как не вспомнить здесь слова Дмитрия Донского, сказанные в 1380 г. перед полками в начале битвы на Куликовом поле: «Вси бо есмы от мало до велика братия едины, род и племя едино, едино крещение, едина вера христианская».

Ныне Россия вместе с Украиной и Белоруссией являются прямыми наследниками Древнерусской державы. 1150-летие предстает как праздник трех братских равноправных народов этих стран, возвращенных от общеславянского корня.

На тему бережной памяти об историческом наследии вот что можно вспомнить. В Великом Новгороде высится памятник «1000-летия России», талантливо выполненный скульптором М.О. Микешиним в 1861–1862 гг. Его упрекали в том, что он как бы по ошибке изваял исторических личностей, начиная с Рюрика. Не без основания писали, что государство не мог создать герой, кем бы он ни был, в один день, следовательно, у Рюрика должны быть некие предшественники, подготовившие рождение государства.

Действительно, у славян Восточной Европы к середине IX в. сложилась раннегосударственная ситуация в виде, например, племенных княжений. Надо было уловить созревшую идею, которая быстро бы овладела умами людей, идею о необходимости принятия общеземельного государственного устройства. Именно это подсказанное местной элитой направление и возглавил Рюрик, сумевший на новом месте понять назревшие задачи большой страны. Его местоположение среди фигур памятника «1000-летия России», таким образом, не противоречит истине.

Что означает 1150-летие нашего Отечества? Наше прошлое, наше культурное наследие нередко считают чем-то второстепенным, скучными археологическими черепками. В действительности, история иногда подспудно движет и укрепляет народ. Пусть, бывает, неосознанно мы наследники великих традиций; генетически носим в себе влияние веками сложившегося национального характера.

Юбилей государства это не воспоминание только о 862 г., это память обо всех 12 веках истории, обо

всех свершениях и обвалах нашего прошлого. К обозначенному выше 1150-летию государственности можно уверенно прибавить 1130-летие создания федеративного войска и провозглашения Киева столицей Руси. Это память об этапах истории, завещанных Древнерусской державой народам России, Украины и Белоруссии. В сущности, это огромное богатство, которое ждет, чтобы им как следует распорядились.

1150-летие государственности – повод осознать наше многовековое прошлое. Русское государство, возникнув, существовало непрерывно, что с учетом войн и бедствий, нередко ставивших страну на край гибели, является своеобразным чудом. Юбилей 2012 года – это новая ступень к исторической высоте, оглядываясь на которую лучше видим настоящее и святительный путь к будущему.

Проникновенно сказано, что красота спасет мир. Можно прибавить на тему события. Вековые культура и история спасут и будут навечно сдружать и сплачивать общекровных братьев и сестер России, Украины и Белоруссии.

Н.А. Клюев, М.А. Якунов, И.Ю. Слепцов

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток

Исследования новой бохайской кумирни в Приморье

Находки раннесредневековых буддийских кумирен в Приморье достаточно редки и всегда вызывают интерес у специалистов. Число подобных объектов увеличилось благодаря исследованиям 2010 г. на памятнике Барабаш-3.

От кумирни сохранилось квадратное основание фундамента стен размерами 4×4 м, выложенное большими камнями и ориентированное углами по сторонам света. Толщина основания стен доходит до 50 см. В северо-восточной стене прослежен разрыв шириной до 2 м, который мог служить входом в кумирню. В пользу этого предположения может свидетельствовать обнаружение замка на этом участке. По углам фундамента выделяются крупные камни с плоской поверхностью, которые, вероятно, являлись опорами для столбов. С внешней стороны кумирня окружена каменной оградой, углы которой ориентированы также по сторонам света. Ограда имеет вид прямоугольника со сторонами 8×10 м и вытянута по линии юго-запад – северо-восток (рис. 1). Планиграфически здание кумирни смещено к северо-западному углу ограды, благодаря чему в южной части был образован внутренний дворик. Вход на территорию дворика расположен в южной стене ограды. Во внутреннем дворе напротив входа зафиксировано скопление камней, и две ямы от столбов являющиеся, возможно, остатками ворот.

При раскопках кумирни был обнаружен довольно яркий археологический материал. Наиболее многочисленные находки относятся к остаткам кровли кумирни, представленные черепицей (более 5000 фрагментов) и концевым черепичным диском. Черепица подразделяется на два вида – нижнюю и верхнюю. Нижняя черепица более широкая с плавным сводом, ее длина составляет 42 см, ширина – 32 см, толщина колеблется от 1,8 до 2,4 см. На внутренней поверхности черепицы видны отпечатки ткани и шаблона, на котором она изготавливалась. Торцевой край слегка загнут вверх, и имеет орнамент, выполненный пальцевыми вдавлениями, расположенными под углом относительно края. При стандартных размерах и сходных технико-технологических признаках нижняя черепица отличается цветом и видом орнамента. Серая черепица, как правило, декорирована пальцевыми вдавлениями в виде волны по краю с заходом на внешнюю плоскость. Светло-коричневая черепица декорирована такими же пальцевыми вдавлениями, но волна заходит как на ее внешнюю, так и на внутреннюю плоскость.

Верхняя черепица также имеет на внутренней стороне отпечатки сетчатой ткани и шаблона, на котором была изготовлена. По форме напоминает половину расщепленного вдоль цилиндра, сужающегося к одному концу. Длина верхней черепицы составляет 37,4–37,8 см, ширина у широкого торца – 16,5 см, у узкого – 11 см,

толщина – 1,7 см. Встречается как серая, так и светло-коричневая. На месте предполагаемого входа во двор кумирни обнаружен обломок концевой диска, орнаментированный стилизованным изображением цветка лотоса. В восстановленном виде его диаметр составил 13 см, а толщина 1 см. Кромка диска имеет прикрепленный ободок высотой 0,9 см и толщиной 1,2 см.

При раскопках внутреннего дворика и кумирни были найдены фрагменты восемь небольших чашечек и трипода. Предварительные исследования показали, что для изготовления станковой керамики, скорее всего, использовалась глина с естественным содержанием незначительного количества песка. Размер частиц песка колеблется от 0,1 до 1,5 мм. Большинство сосудов вытягивались из одного куска глины на гончарном круге во время его вращения. В двух случаях днища были прикреплены к стенкам. Поверхность сосудов выглаживалась, а в случае с сосудом на трех ножках ложились. На днищах чашечек видны параллельные бороздки – следы снятия с гончарного круга после его полной остановки при помощи шнура. На внутренней стороне чашечек имеются следы черного нагара, что свидетельствует об их использовании в качестве светильников. Сосуд на трех ножках был срезан с круга во время его вращения, о чем говорят спиральные борозды. Днище его представляет собой лепешку, к которой во время формовки были прикреплены стенки. В зоне перехода стенки в днище прослеживаются следы прикрепления ножек в виде насечек и остатков укрепления дополнительной глиной. Венчик сосуда прямой, имеет плоский, слегка отогнутый наружу край. Цвет черепка на внутренней и на внешней поверхности серый, в изломе – светло-коричневый. Высота сосуда 4,7 см, диа-

метр венчика 13,1 см, диаметр дна 8,0 см, толщина стенки 0,5 см, толщина дна 0,7 см.

Рядом с восточным углом кумирни была обнаружена нижняя часть шестигранного колокольчика. Нижняя его кромка с внутренней стороны скошена и оформлена дугой. Ширина стенки в нижней части 5,2 см, толщина стенки 0,2–0,4 см. Подобные колокольчики подвешивались по углам буддийских храмов и кумирен. Для этого, вероятно, использовался обнаруженный металлический вертлюг с цепью.

В кумирне был найден также железный замок. Его внутренняя часть имеет стандартное для средневековых замков региона устройство. Примечательно то, что он находился в закрытом состоянии. Длина изделия 14,2 см, высота 5 см.

Остатки кумирни располагались на уплощенной части склона южной оконечности мыса высотой 8–10 м, круто обрывающегося к р. Барабашевке. Такой выбор рельефа не случаен, так как согласно древнекитайской философии, соответствует требованиям расположения священного места. В нашем случае был определен баланс инь-ян (мужское – женское начало), где горный мыс соответствовал ян, река – инь, южный склон – ян, север мыса – инь, образуя, таким образом, энергетический портрет участка. При выборе местоположения кумирни большое значение имело также определение точки Сюэ, обозначающей особую точку в пространстве, в которой, благодаря встрече небесной энергии – Ци и земного Ци происходит максимальная аккумуляция энергии.

Материалы, обнаруженные при раскопках, имеют аналогии на памятниках государства Бохай в Приморье и Маньчжурии и датируют ее этим временем.

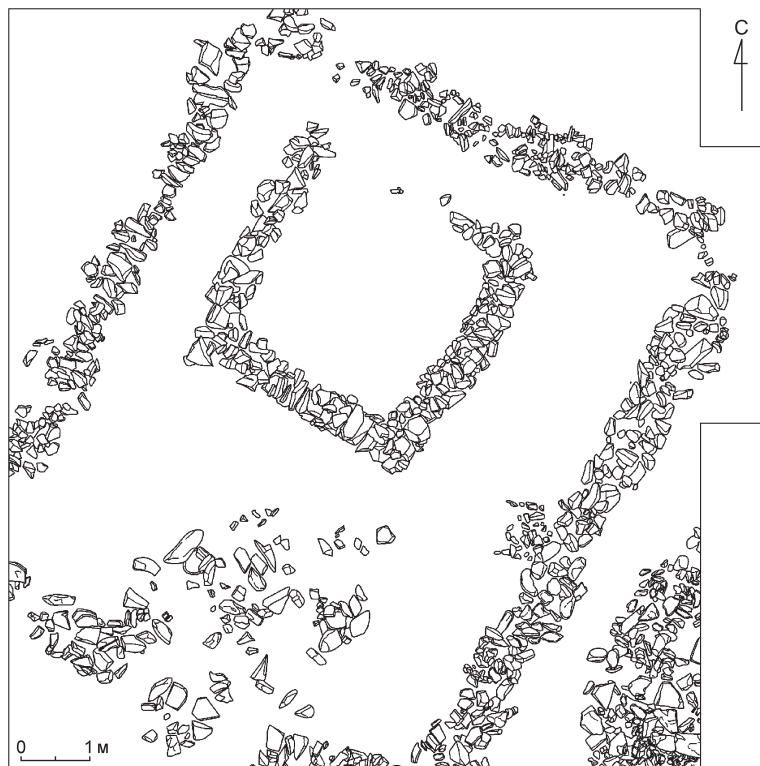

Рис. 1
План кумирни

Е.В. Князева*Сибирский федеральный университет, Красноярск
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск*

К вопросу об экспериментально-трасологических исследованиях каменных орудий труда эпохи средневековья

Экспериментально-трасологический метод привлекается для изучения средневековых древностей реже, чем для предметов эпох каменного века – палеометалла (Семенов, Коробкова, 1983; Волков, 1999). Между тем, с каждым годом актуальность и необходимость подобных работ для поздних эпох все более возрастает (Коробкова, 2002; Мандрыка и др., 2009; Князева, 2010; Князева, 2011).

Ряд проведенных нами исследований материалов средневековых поселений южно-таежной зоны Средней Сибири указывает на то, что каменные орудия в некоторых хозяйственных отраслях продолжали занимать в этот период весьма значительное место (Князева и др., 2010). В коллекциях часто встречаются грубые сколы, использовавшиеся в качестве скребков для обработки шкур, а также гальки-лощила. Однако наибольшее количество каменных артефактов было связано с металлургическим производством. Среди них представлены орудия для дробления руды,ковки, абразивной обработки металлических изделий и т. д. Все они сохраняют естественную форму, и редко подвергались предварительной подработке (Князева и др., 2010).

Большое значение в данном контексте представляет работа с категорией инструментов для обработки железа. По орудиям для цветных и драгоценных металлов в трасологической методике существует тщательно разработанная типология и характеристика следов износа (Коробкова, Шаровская, 1963; Килейников, 1984). Для того чтобы определить особенности использования каменных артефактов для обработки железа, их роль в тех или иных технологических операциях, а также создать необходимую типологию следов утилизации, автором проводился целый ряд экспериментов на специально оборудованной площадке. Руководством для их постановки были, во-первых, традиционная методика кузнечной обработки железа, основанная на физических свойствах металла, а также

особенность расположения и характер следов износа на археологических артефактах.

Другой отличительной чертой средневековых коллекций каменных орудий, является сохранение их в отрасли обработки органических материалов (Князева и др., 2010). Данные этнографии народов Северной Азии представляют весьма широкий набор продуктов, который потреблялся в пищу, предварительно измельчаясь: сушеные мясо, рыба и ягоды, орехи и т.п. (Тугутов, 1958; Василевич, 1969). Поэтому для наиболее верифицируемых определений необходимо на местном сырье создавать многочисленную коллекцию эталонов.

В ходе разработки типологии следов утилизации, характерных для функций орудий указанных хозяйственных отраслей, обращает на себя внимание сочетание макро- и микропризнаков изнашивания, а также особенность их локализации. Разные комбинации этих черт, позволяют выявить не только функцию предмета и обрабатываемый материал, но и говорить о различиях в технологических операциях в процессе его обработки (Князева, 2010).

Создаваемая, в свою очередь, на основе анализа материалов поселений функциональная типология позволяет выявить соотношение разных отраслей хозяйства, существовавших на них, определив ведущие и вспомогательные направления системы жизнеобеспечения. Подобные данные необходимы, главным образом, для изучения механизмов адаптации населения поздних эпох к определенным условиям, исследования специализации поселений и определения их сходств и различий в культурно-исторической ретроспективе.

Таким образом, экспериментально-трасологические разработки определений каменных орудий эпохи средневековья должны учитывать существовавшие в то время развитые технологии обработки металлов, комплекс экологических условий, от которых зависит формирование того или иного хозяйственно-культурного типа, а также, в значительной мере, данные этнографии.

Василевич Г.М., 1969. Эвенки: историко-этнографические очерки XVIII – начала XX в. М.

Волков П.В., 1999. Трасологические исследования в археологии Северной Азии. Новосибирск.

Килейников В.В., 1984. Каменные горнометаллургические и металлообрабатывающие орудия Мосоловского поселения // Эпоха бронзы Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж.

Князева Е.В., 2010. Экспериментально-трасологические исследования орудий эпохи металла // Историко-культурное наследие Азии: изучение, сохранение и интерпретация. Новосибирск.

Князева Е.В., 2011. К проблеме экспериментально-трасологического исследования песчаных абразивов // Археология, этнография, палеоэкология северной Евразии: проблемы, поиск, открытия. Красноярск.

Князева Е.В., Мандрыка П.В., Сенотрусова П.О., 2010. Каменные орудия из средневекового поселенческого слоя комплекса Проспихинская шивера IV на Ангаре (по результатам трасологического анализа) // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск.

Коробкова Г.Ф., 2002. Трасологические наблюдения М.П. Грязнова и современные достижения метода микроанализа в изучении каменных изделий поздних эпох // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб. Кн. 1.

Коробкова Г.Ф., Шаровская Т.А., 1963. Функциональный анализ каменных и костяных изделий из курганов эпохи ранней бронзы у станций Новосвободной и Батуринской // Древние культуры Евразийских степей. Л.

Мандрыка П.В., Князева Е.В., Сенотрусова П.О., 2009. Использование речных галек древним населением красноярской лесостепи (по материалам городища Пакуль) // Социогенез в Северной Евразии. Иркутск.

Семенов С.А., Коробкова Г.Ф., 1983. Технология древнейших производств. Л.

Тугутов И.Е., 1958. Материальная культура бурят. Улан-удэ.

В.Б. Ковалевская, З.Х. Албегова
Институт археологии РАН, Москва

Раннесредневековые колесовидные амулеты Юга России¹

Данное исследование является частью многолетней работы авторов по сбору и анализу раннесредневековых металлических амулетов и зеркал аланской культуры и охватывает период с IV по X вв. Классификация этих категорий вещей для Северного Кавказа была впервые разработана В.Б. Ковалевской. Она выделила основные Отделы, таксоны и варианты металлических амулетов и зеркал. Впоследствии эта классификация была немного доработана с учетом накопленного материала. Здесь рассматривается одна из разновидностей амулетов – так называемые колесовидные амулеты. В базе данных по амулетам в настоящее время собрана информация о 236 экземплярах подобных оберегов, найденных на Юге России.

Среди учтенных колесовидных амулетов выделяется 11 таксонов. В основу деления легло количество тяжей (от трех до восьми), конфигурации тяжей, наличие или отсутствие ушка. В базу данных также внесена информация о диаметрах амулетов, наличии утолщений, выступов в виде лунниц на кольцах и т.д. Некоторые таксоны подразделяются в свою очередь на варианты.

Таксон 1.3² (12 экз.). Небольшие кольцевидные подвески, состоящие из двух вписанных колец, соединенных тремя тяжями.

Таксон 1.4 (52 экз.). Подвески, состоящие из двух вписанных колец, соединенных четырьмя тяжями.

Таксон 1.5 (59 экз.). Колесовидные подвески с ушком для подвешивания, состоящие из двух вписанных колец, соединенных четырьмя тяжями.

Таксон 1.6 (19 экз.). Крупные колесовидные подвески с петелькой и без, состоящие из двух вписанных колец, украшенных выступающими круглыми ши-

печками и соединяющихся четырьмя тяжями между собой.

Таксон 1.7 (27 экз.). Солярно-лунарные колесовидные подвески, состоящие из двух вписанных колец, соединенных четырьмя тяжями, с ушком и тремя полулунными выступами в месте окончания тяжей.

Таксон 1.8 (7 экз.). Кольцевидные подвески, состоящие из двух вписанных колец, соединенных пятью тяжями. В таксон включены подвески как с гладкими кольцами, так и с утолщениями.

Таксон 1.9 (13 экз.). Колесовидные подвески без ушка, состоящие из двух вписанных колец, соединенных семью тяжями. В половине случаев тяжи не выходят за наружный контур кольца, в других (Северная Осетия) они выходят, и подвеска имеет вид штурвала. Иногда подвески украшены насечками.

Таксон 1.10 (33 экз.). Небольшие колесовидные подвески с ушком, состоящие из двух вписанных колец, соединенных семью тяжями.

Таксон 1.11.1 (9 экз.). Тип включает кольцевидные подвески с ушком и без ушка, состоящие из двух вписанных колец, соединенных шестью тяжями.

Таксон 1.11.2 (5 экз.). Их можно рассматривать как вариант предшествующего таксона, но лучи у них расширяются от внутреннего к внешнему кольцу, и в каждом луче – круглое отверстие.

Датированные колесовидные амулеты в абсолютном большинстве относятся к VIII–IX вв., некоторые экземпляры могут заходить в конец VII в. (?). Наиболее массовыми являются подвески с четырьмя тяжями с ушком и без ушка (111 экз.). Колесовидные амулеты коррелируют в основном с катакомбными погребениями аланской культуры, но встречаются и в памятниках других, смежных культур. Они распространены на Се-

1 Тезисы подготовлены при поддержке гранта ACLS, 2006.

2 Таксоны 1.1 (115 экз.) и 1.2 (9 экз.) – кольцевидные амулеты с утолщениями. Авторы посвятили им отдельную статью, готовящуюся в настоящее время к печати в КСИА.

верном Кавказе, концентрируясь в его Центральной части. Во второй половине VIII в. ряд таксонов выплещивается на Средний Дон вместе с носителями алан-

ской культуры (аланский вариант салтово-маяцкой культуры). Амулеты салтово-маяцкой культуры традиционно несколько мельче кавказских.

С.Ф. Кокшаров

Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург

А.И. Казанцева

Уральский государственный университет им. А.М. Горького, Екатеринбург

Из истории изучения средневековых городищ таежного Обь-Иртышья

Городища таежного Обь-Иртышья, связанные с историей средневековых остяко-вогульских «княжеств», неизменно привлекают внимание археологов и этнографов. Это обусловлено топографией археологических объектов, их необычным обликом на местности (специфический растительный покров, выразительность остатков фортификаций), особым отношением к данным памятникам коренного населения (ханты, манси), а также возможностью комплексного исследования с привлечением письменных и археологических источников. В истории изучения городищ намечаются пять этапов.

Первый этап связан с первыми походами новгородцев на восток, на Югру, и ограничивается вхождением Сибири в состав Московского государства (XI – конец XVI в.).

К этому времени относятся отрывочные и очень неконкретные сведения русских летописей о городках-крепостях, встреченных на пути новгородских и московских отрядов. Информация о сибирских городках получена от русских землепроходцев и содержится в русских письменных источниках. Отчасти она отражена в трудах иностранцев – С. Герберштейна и Э. Марша. Лишь к 80-м гг. XVI в. сподвижники Ермака достаточно точно локализируют на местности укрепленные поселения местных князьков. Вряд ли этот этап можно охарактеризовать как научно-исследовательский.

Отсчет второго этапа следует начать со времени утверждения в Западной Сибири русской администрации на рубеже XVI–XVII вв. Верхняя граница этапа может быть обозначена второй половиной XIX в. Это время повышенного интереса со стороны государства к новым сибирским землям. В 1627 г. сведения об остяко-вогульских городках Западной Сибири вошли в первое географическое описание России «Книгу Большому чертежу». В конце XVII в. в рамках сложившейся письменной традиции новые данные о заброшенных крепостях сибирских правителей приведены в «Чертежной книге Сибири» С.У. Ремезова. В 40-е гг. XVIII в. информация о средневековых городках При-

обья попала в дневники академика Г.Ф. Миллера, собиравшего материал для книги по истории Сибири.

Третий этап приходится на рубеж XIX–XX вв. и знаменуется повышенным интересом к средневековым древностям Обь-Иртышья. Это время активной деятельности сотрудников Тобольского губернского музея, и публикация результатов исследований столбичного статиста С.К. Патканова, командированного в Сибирь. Тогда была составлена первая археологическая карта, в которой фигурируют заброшенные средневековые крепости. Информация о местах расположения цитаделей, становившихся местами поклонений со стороны аборигенного населения, собирается и публикуется за рубежом Б. Мункачи и А. Каннисто.

Четвертый этап совпадает с работами советских исследователей в 1920-е–1990-е гг. Это время знаменуется не только началом первых научных археологических раскопок, которые проводил в Западной Сибири В.Н. Чернецов, но и выходом монографии С.В. Бахрушина «Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII веках». Последний, опирающийся на обширный круг письменных источников и работы С.К. Патканова, попытался рассмотреть средневековую историю Сибири с позиций формационного подхода и стремился показать сложившиеся феодальные отношения у остяков и вогулов в дорусское время. Работа С.В. Бахрушина стимулировала полемику среди историков, этнографов и археологов. Дискуссия была сфокусирована на уровне социально-экономического развития местного населения и объяснении такого феномена как остяко-вогульские «княжества».

К 50-м гг. XX в. относится выход работы И.А. Талицкой, обобщившей информацию об археологических памятниках Северо-Запада Сибири, в том числе позднего средневековья. Автор учел сведения, содержащиеся в дореволюционных и послевоенных изданиях.

В 1960–1990-м гг. XX в. с началом нефтяного «бума» и сложением нефтегазового комплекса на севере Западной Сибири, стимулировавших активные археологические изыскания, связаны лишь эпизоди-

ческие раскопки средневековых городищ. Они велись без соблюдения выработанных методик и отличались невысоким качеством: объекты копались «на материал», а культурный слой извлекался на «штык».

Пятый этап начинается в середины 1990-х гг. XX в. Он связан с планомерными исследованиями екатеринбургских археологов по идентификации позднесредневековых городков Нижнего Приобья и Прииртышья, известных по письменным и фольклорным источникам с археологическими объектами – городищами. Эти исследования велись В.М. Морозовым, С.Г. Пархимовичем, А.Н. Зыковым,

С.Ф. Кокшаровым, С.Ю. Каменским и Е.А. Жирных. В процессе работ отработана методика изучения многослойных памятников сайгатинского времени, не содержащих массового керамического материала. Полученные археологические данные позволили существенно дополнить информацию исторических источников, которая касается облика средневековых крепостей, торгово-обменных связей и образа жизни их обитателей – «князей». В это время было предложено рассматривать остяко-вогульские «княжества» как один из вариантов военных вождеств (Е.П. Мартынова, С.Ф. Кокшаров).

А.М. Колоколов

Государственный музей-заповедник «Куликово поле», Тула

Лепная керамика роменского типа с городища Супруты

Городище Супруты располагается на территории Щекинского района Тульской области на мысу правого коренного берега р. Упа (правый приток р. Ока) при устье безымянного ручья. Городище многослойное, выявлены напластования, относящиеся к верхнеок-

ской, мощинской, роменской культурам, развитому и позднему средневековию. Основные слои на городище относятся к II–V вв. и IX – началу X в. Супруты – уникальный памятник общеевропейского уровня, известен с конца XIX в., исследовался М.А. Дружини-

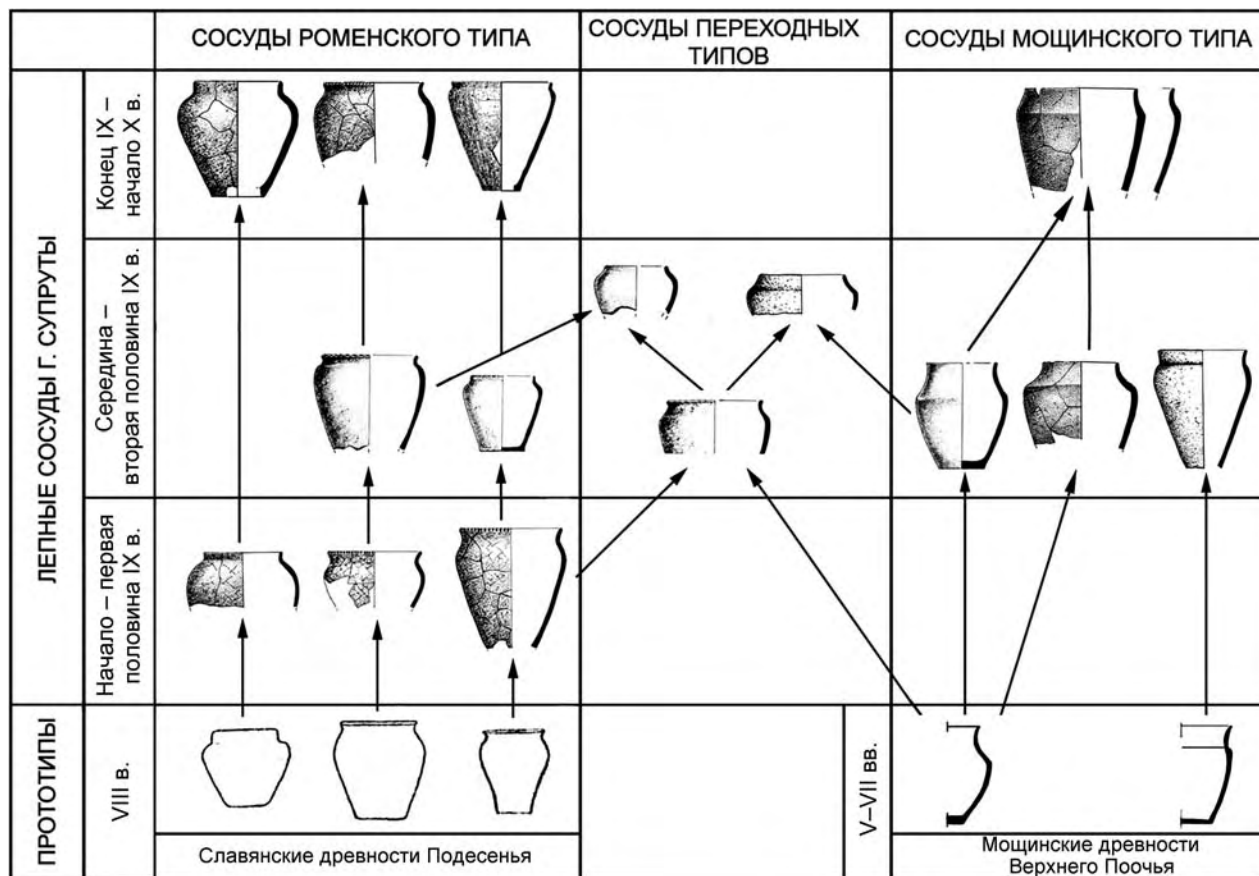

Рис. 1
Эволюция типов лепной керамики городища Супруты

ным в 1936 г., Г.А. Доррером в 1938–1939 гг., С.А. Изюмовой в 1955–1957, 1969–1973 гг.; А.В. Шевковым в 1995, 1996 гг., А.В. Григорьевым в 1999–2002 гг., А.М. Воронцовым и А.В. Григорьевым в 2006–2007 гг. Всего на памятнике исследована площадь свыше 2300 кв. м.

Большая часть находок и построек датирована VIII – первой четвертью X в. В этом горизонте культурного слоя преобладает лепная толстостенная керамика горшковидной и мисковидной формы, без орнамента или с орнаментацией в виде оттисков гребенчатого штампа, отпечатков веревочки и ямчатых вдавлений в верхней части сосудов и нарезок и защипов по краю венчика, со значительными примесями шамота и дресвы в тесте, относящаяся к роменской археологической культуре. По своим технологическим, морфологическим и орнаментальным характеристикам керамика городища Супруты в целом не выходит за пределы общей датировки роменской культуры (VIII – начало XI в.).

Керамическая коллекция городища Супруты представлена более чем 150 целыми и графически реконструируемыми сосудами, и является наиболее представительной коллекцией керамики роменского типа с памятников Верхнего Поочья.

Наиболее информативными являются исследования 2001, 2002, 2006–2007 гг. Раскопы 25, 27 и 28 дали наиболее репрезентативную выборку керамических форм (Воронцов, 2007, 2008; Григорьев, 2002, 2003). Количество материала, полученного с данных раскопов, составляет около трети всей керамической коллекции памятника. Кроме того, при проведении полевых работ была использована методика «плавающих профилей», предложенная А.В. Григорьевым, которая подразумевает изначально послойную разборку

культурного слоя, опираясь на данные постоянно перемещающегося профиля. Этот метод позволил проследить стратиграфию памятника и разработать хронологию построек. Хронология построек городища Супруты была разработана А.В. Григорьевым, что позволило соотнести происходящий из них керамический материал с определенными периодами бытования роменского населения, и вписать его в абсолютную хронологию. Это дало возможность создать типологию и хронологию лепной керамики конца I – начала II тыс. н.э. для Верхнего Поочья, путем соотнесения материала большинства памятников данного периода с материалом городища Супруты.

Выделяется три периода бытования роменского населения на городище Супруты: начало – первая половина IX в., середина – вторая половина IX в., конец IX – начало X в. (Григорьев, 2005). Первый этап представлен наименьшим разнообразием типов сосудов, имеющих прототипы среди роменских древностей VIII в. с территории Подесенья. Второй этап характеризуется большим разнообразием типов роменской керамики. Кроме того, на данном этапе существования памятника появляются сосуды мощинских форм, причем в большом типовом разнообразии. Здесь же встречаются сосуды переходных форм, имеющие как роменские, так и мощинские черты. Третий этап дает скудное разнообразие форм керамики. Бытование мощинских и смешанных форм на данном периоде практически прекращается (рис. 1).

Благодаря разработанной хронологии Супрутского городища, возможно, не только проследить эволюцию типов роменской керамики IX–X вв. на территории Верхнего Поочья, но и выявить характерные элементы в керамических традиции предшествующего населения – носителей мощинской культуры V–VII вв.

Воронцов А.М., 2007. Отчет об археологических исследованиях на городище Супруты Щекинского района Тульской области в 2006 г. // Архив ИА РАН.

Воронцов А.М., 2008. Отчет об археологических исследованиях на городище Супруты Щекинского района Тульской области в 2007 г. // Архив ИА РАН.

Григорьев А.В., 2002. Отчет об археологических исследованиях на городище Супруты Щекинского района Тульской области в 2001 году // Архив ИА РАН.

Григорьев А.В., 2003. Отчет об археологических исследованиях на городище Супруты Щекинского района Тульской области в 2002 году // Архив ИА РАН.

Григорьев А.В., 2005. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н.э. Тула.

В.Я. Конецкий

*Новгородский Государственный университет
им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород*

К ранней истории новгородских погостов

Важным этапом становления государственности на территории Новгородской земли считается формирование системы погостов. Оно связывается с летописными походами княгини Ольги на Мсту и Лугу.

Уже давно высказывалось предположение, что целью этой акции на Мсте являлся район пос. Любытино, где для конца I тыс. н.э. фиксируется скопление памятников, равного которому нет на всем Северо-Западе. По-

добная концентрация населения может быть объяснена лишь формированием здесь центра, опиравшегося на ресурсы обширной округи. Поэтому задача похода видится в подавлении данного социально-политического образования, ставшего к середине X в. реальным соперником Новгорода в Помостье.

С 1994 г. Областная археологическая экспедиция НовГУ ведет работы в окрестностях Любытина и, прежде всего на комплексе памятников у д. Малышево, на левом берегу р. Белой, в 6 км от ее устья. Малышевский комплекс состоит из городища, двух селищ, нескольких сопкообразных насыпей и древнерусского курганного могильника. Полученные материалы имеют прямое отношение к проблеме становления древнерусского погоста на этой территории.

Основные исследования были связаны с городищем. Оно расположено на мысовом выступе коренного берега и имеет размеры 65×70–90 м. С напольной стороны сохранился вал высотой до 3 м. Изучение этих фортификаций показало, что они принадлежат типу укреплений, хорошо известному на территории Южной и, отчасти, Западной Руси. В последнее время подобная конструкция была опознана и в материалах раскопок древнейшего вала Московского кремля. Ей свойственно наличие лишь одного ряда полых хозяйственных или жилых клеток, составляющих основу опорной конструкции вала, при отсутствии забутованных земель городен. Эти укрепления отличает относительно малая трудоемкость, позволявшая, тем не менее, достигать внушительного внешнего эффекта. Вместе с тем, они недолговечны, и после разрушения не могут быть восстановлены в прежнем виде. Очевидно, данный тип фортификаций использовался в тех случаях, когда требования текущего момента превалировали над отдаленной перспективой.

На площадке городища вскрыто 2768 кв. м. Культурный слой на большей части памятника разрушен распашкой. Сохранились лишь материковые ямы. Среди вскрытых объектов выделяются остатки жилищ, принадлежащих известному на памятниках Северо-Запада конца I – начала II тыс. н.э. типу. Это либо небольшие, квадратные в плане, срубные постройки, размерами примерно 4×4 м, с вытянутыми вдоль одной из стен котлованами, либо – аналогичные по устройству дома с размерами до 6×8 м.

Немногочисленные находки позволяют говорить о наличии на городище ремесленного производства: ювелирного и, возможно, кузнечного, а также военного дела. Бесспорна деформация традиционной женской сферы занятий, выразившаяся в практически полном отсутствии пряслиц.

С юга со стороны поля к городищу примыкало селище размерами 70–100×400 м со слабовыраженным перепаханым культурным слоем, на котором было заложено три раскопа общей площадью 460 кв. м. В одном из них обнаружены остатки обычного малого дома. Среди находок обломки двух каменных жерновов и фрагмент пружинных железных ножниц для стрижки овец и др.

Городище и селище существовали синхронно в рамках второй половины X в. В социально-экономическом отношении они представляли собой единый организм. Если на городище дислоцировался, какой-то военно-административный контингент, то обитатели селища обслуживали его хозяйственные потребности.

В 0,4 км к юго-востоку от городища расположен древнерусский курганный могильник, состоящий из 16 насыпей. Его структурную основу составляли расположенные на одной линии шесть крупных курганов (высота 1,3–1,7 м), окруженных более мелкими (высота до 0,7 м). В разное время здесь было раскопано девять насыпей, датируемых серединой – второй половиной XI в.

Подобные памятники на востоке Новгородской земли – в бассейне Мсты и на смежных территориях встречаются редко и обычно связаны с локальными центрами. Как правило, в них присутствуют погребения, атрибутируемые по особенностям обряда и погребального инвентаря представителям социальной верхушки.

Исследованные курганы в целом соответствуют облику данного пласта древностей. Это проявляется и в устройстве насыпей (отсутствие каменных обкладок, значительные размеры могильных ям), и в погребальном инвентаре (наличие в мужских погребениях признаков дружинной культуры и богатых, женских погребений с украшениями городского производства и отдельными элементами, восходящими к скандинавской традиции).

Специфика могильника заключается в наличии крупных насыпей, выходящих за средние параметры, при гипертрофированных размерах (до 3×5,2 м) могильных ям, что свидетельствует о высоком социальном статусе погребенных. При этом в 2 из 3 раскопанных больших курганов погребальный инвентарь выглядит демонстративно бедным. Так, в кургане 9 при погребенном, кроме обычного горшка, были найдены лишь бронзовая подковообразная фибула, нож и обломок лезвия топора; в соседнем кургане 12, самом высоком в могильнике – нож и проволочный бронзовый браслет. Данный феномен не может быть объяснен иначе, как через радикальное восприятие христианства.

Данному могильнику хронологически соответствует селище II, расположенное в 0,55 км к западу, на месте д. Малышево. Заложенный на окраинном участке раскоп площадью 96 кв. м, показал наличие здесь, в отличие от городища и селища I, значительной доли раннегончарной керамики составляющей более половины по отношению к лепной.

Итак, Малышевский комплекс с достаточной уверенностью может быть соотнесен с погостом, основанным княгиней Ольгой. В его ранней истории прослеживаются два этапа, между которыми возможен хронологический разрыв. Первый связан с городищем и селищем I и укладывается в рамки второй половины X в.

Второй – маркирован древнерусским могильником, начавшим функционировать около середины XI в. Люди, похороненные на нем, проживали на селище II, которое возникло, видимо, несколько ранее.

Л.В. Конькова

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Г.Г. Король

Институт археологии РАН, Москва

Комплексное изучение торевтики малых форм и возможности исторической интерпретации

В рамках многолетнего изучения художественных и технологических традиций в Центральной Азии в эпоху раннего средневековья авторами проведено комплексное исследование (художественные и технологические характеристики, включая состав металла) 77 предметов торевтики малых форм (преимущественно ременные украшения из цветного металла) собрания П.К. Фролова (первая треть XIX в.) с Алтая (из района Змеиногорска). Выявлено, что коллекция частично сформирована на основе комплектов ременных украшений из разрушенных памятников второй половины X – первой половины XI в. Заметим, что на востоке Саяно-Алтая в это время бронзовые ременные украшения уже редкость, они заменяются на железные, которые появляются в начале X в., какое-то время сосуществуют с бронзовыми, а затем и полностью их вытесняют.

Исследованные предметы представляют разные технологии, художественные предпочтения, качество (преимущественно низкое). Наиболее важный вопрос, возникающий при получении результатов подобного комплексного исследования, что они могут дать для понимания исторической ситуации в регионе. Такое многообразие предметов, происходящих из компактного микрорегиона северо-западных предгорий Алтая, говорит о контактной зоне, где, возможно, работали ремесленники разного этнического происхождения, со значительно утраченными первоначальными традициями изготовления художественного металла. Наличие или отсутствие аналогий из других регионов Саяно-Алтая позволяет говорить не только о связях между ними, но и предполагать сокращение

этих связей с середины X в. и разрушение вероятной надэтнической системы производства и распространения ременных украшений (о которой мы уже писали), позволявшей снабжать всех воинов Саяно-Алтая необходимой продукцией.

В изученной коллекции преобладают изделия локальных мастерских, где создавалась продукция довольно низкого качества на основе доступных материалов, что свидетельствует об определенных исторических процессах, происходивших в этом регионе в X–XI вв. после ухода с политической арены Кыргызского каганата (середина IX – начало X в.), и прихода на данную территорию новых объединений кочевников с востока.

Комплексный анализ торевтики малых форм позволяет в итоге выходить на уровень проблем экономики средневековых (и древних) обществ и наглядно демонстрировать, что мир насельников степей, предгорий, горных степных долин и соседних цивилизаций с высокоразвитыми ремесленными и художественными традициями был в значительной степени интегрирован, особенно в периоды стабильности. При смене исторически стабильных периодов происходило разрушение сложившихся экономических взаимосвязей. Это неизбежно отражалось на материальном мире: интеграция сменялась локализацией с разными результатами. В некоторых случаях (запад Саяно-Алтая) происходила деградация – высокое качество уступало место низкому качеству «местного» производства, в других (восток региона) – на смену приходила другая технология, более мобильная, дешевая, доступная (производство ременных украшений из железа с серебряной отделкой) и в целом прогрессивная.

Н.Н. Крадин, А.Л. Ивлиев

Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН, Владивосток

С.А. Васютин

Кемеровский государственный университет, Кемерово

Раскопки городища Хэрмэн дэнж в Монголии и проблема локализации города Кэдунчэна

Городище Хэрмэн дэнж находится в Заамыр сомоне Центрального (Тув) аймака Монголии. Здесь

в бассейне реки Толы находится целая серия городищ киданей эпохи империи Ляо (907–1125 гг.). Самым

большим городищем на этой территории является Чинтолгой балгас. Здесь в течение 2004–2008 гг. наша совместная российско-монгольская экспедиция проводила свои исследования. Согласно данным письменных источников на этой территории располагался имперский округ Чжэнь чжоу.

В 2010–2011 гг. при поддержке РГНФ (10-01-18137e/G, 11-21-03001a/Mon) исследования велись на городище Хэрмэн дэнж и в его окрестностях. По форме городище представляет собой трапецию, ориентированную длинными расширяющимися к югу сторонами (рис. 1). Как большинство киданьских городищ, памятник разделен на северную и южную части. Северная часть имеет четкую планировку. На ее территории выделены разнообразные объекты, а также две улицы, главная, идущая по линии север–юг, и восточная, идущая от условного центра северной части на восток. Длина западного вала – 534 м, восточного вала – 538 м, северного вала – 328 м, внутреннего вала – 419 м. Южный вал почти не сохранился и разрушен рекой. Северный, внутренний и южный (если судить по его сохранившейся части) валы параллельны и ориентированы точно в широтном направлении.

Примерно по центру южного вала находились ворота с башнями по краям. В этом месте в валу имеется П-образное заглубление вовнутрь городища. Тем самым доступ к воротам был дополнительно защищен, поэтому нападавшие на ворота с юга могли обстреливаться фактически со всех сторон. Общий периметр вала – 1926 м. Площадь примерно 20 га. Высота вала от 4 до 10 м. Ширина вала 2–6 м вверху и 25–30 м у основания вала. Снаружи имеется ров. Вал сделан

методом *ханту* (т. е. набивкой земли слоями по 15–20 см), что хорошо прослеживается визуально. По всей видимости, при строительстве вала был сооружен деревянный короб, который был заполнен плотно утрамбованными слоями земли. Именно этим объясняется хорошая сохранность вала. В некоторых местах на северном и восточном валу встречаются обглодые плахи.

На городище имеется семь башен, сильно выступающих наружу (от 15 до 20 м), подобно бастионам, и одна небольшая башня. Примерно в центре вала между башнями имеется разрыв. На аэрофотоснимках, сделанных в 1960-х гг., этот разрыв отсутствует. По словам местных жителей, северный вал был пробит где-то в 1970-е годы.

С запада к городу пристроен посад, окруженный невысоким валом. Длина северного вала посада составляет 790 м, западного – 560 м, южного – 560–640 м (часть вала не сохранилась). За восточным валом имеется неукрепленный посад – здесь зафиксированы различные всхолмления и обвалованные участки.

На самом городище было заложено два раскопа и траншея общей площадью 120 кв. м. Первый основной раскоп (№ 2) располагался в северной части городища на краю квартала рядом с главной улицей. Через улицу была проложена траншея для изучения стратиграфии. Второй небольшой раскоп (№ 3) был заложен в южной части городища на краю обвалованной площадки (предположительно здания покрытого черепицей) для изучения стратиграфии и получения черепичного материала.

Полученный материал представлен различными категориями предметов: керамикой, фарфоровой и глазу-

Рис. 1
Городище Хэрмэн дэнж

рованной посудой, строительными материалами – кирпичом и черепицей, изделиями из камня, железа, бронзы и кости. Артефакты вполне соответствуют вещевым комплексам с других киданьских городищ в Монголии, но при этом также демонстрируют примесь более ранних – предположительно уйгурских материалов, происходящих из нижних слоев памятника.

Вследствие этого есть основания идентифицировать городище с городом Кэдунчэном. В китайских источниках сообщается, что на этой территории располагался округ Чжэнь чжоу, местонахождение командования воеводства Цзяньаньцзюнь. Он был локализован в месте старого уйгурского города Хотун. Название потом искажилось до Хэдунчэн. От него до Верхней столицы 1700 ли. Обычно данный город связывался с городищем Чинтолгой балгас.

По письменным источникам известно, что в 994 г. киданьские войска совершили поход против цзубу (раннемонгольских кочевников). На месте уйгурского города был восстановлен киданьский город Чжэньчжоу. В 1004 г. сюда было отправлено для несения воинской службы 20000 киданьских всадников, а для обеспечения их продовольствием было придано 700 семей бохайцев, чжурчжэней и ханьцев.

В тексте летописи есть несколько серьезных противоречий, которые вызвали целую полемику по поводу, где находился город Кэдунь (Кэдучэн, Кэдунчэн, Хэдучэн и т. д.). Судя по всему, Кэдуем было городище Хэрмэн дэнж. Это подтверждается наличием большого количества уйгурской керамики, а также наличием в окрестностях поселений с постройками из сырцового кирпича и керамикой уйгурского типа, на которых мы также проводили раскопки. Особенности фортификации городища тоже дают основание предполагать, что оно могло быть в сооружено в уйгурское время и перестроено позднее. Интересно, что в большой надписи в честь Кюль-тегина, согласно консультации С.Г. Кляшторного, в описании столкновений тюрков с токуз-огузами упоминается город на реке Толе начала VIII в. Если принять эту версию, то становится понятно, почему «Ляо ши» говорит о строительстве трех городов на данной территории, тогда как реально их четыре. По всей видимости, первоначально кидани в 994 г. заняли и воссоздали город на территории Хэрмэн дэнжа, а через десять лет на другой стороне реки для контроля над всей долиной построили три другие города (городища Чинтолгой балгас, Харбухын балгас, Улан хэрэм).

Н.Б. Крыласова

Пермский филиал Института истории и археологии УрО РАН, Пермь

Средневековые антропоморфные глиняные статуэтки Пермского Предуралья

Сравнительно недавно в средневековых древностях Пермского Предуралья выявлена новая категория предметов – антропоморфные керамические статуэтки, хотя первые такие изделия обнаружены еще в середине XX в. на Родановом и Кыласовом городищах. К настоящему времени известно более 60 статуэток, которые происходят с четырех городищ и двух селищ. Наиболее представительная коллекция этих предметов собрана на Рождественском городище. Самые ранние статуэтки с Запосельского I селища датированы VII–VIII вв., но памятник долговременный и не исключено, что они относятся к более позднему времени, большинство предметов происходит из слоев X–XII вв.

Статуэтки изготовлены из плохо промешанной глиняной массы с примесью песка, дресвы, шамота, обжиг костровой, неравномерный, цвет от светло-коричневого до серого (рис. 1). По составу теста и качеству обжига статуэтки близки местной лепной керамической посуде, но, в отличие от последней, в них пока не встречалась примесь толченой раковины, характерная для прикамской керамики. По форме статуэтки представляют собой вытянутый конус, а чаще – пирамиду высотой от 4 до 12 см.

Верхняя часть статуэток иногда слегка уплощена или завершается небольшой округлой площадкой с углублением, образованным вдавливанием пальцем. Но чаще вершина статуэток приострена и отогнута в сторону, так что создается образ антропоморфной фигуры, одетой в капюшон.

Некоторые фигурки отличаются хорошим качеством изготовления, их поверхность тщательно заглажена. Некоторые предметы сделаны небрежно, с неровностями и сохранившимися отпечатками пальцев. Есть статуэтки крайне стилизованные, где, кроме обобщенного облика, лишь слегка напоминающего фигуру в капюшоне, нет ничего антропоморфного. На некоторых предметах прослеживаются изображения кос в виде желобков, расположенных на боковых гранях статуэток. Схематично показаны пояса, складки и застежки одежды. На редких экземплярах условно изображены ноги и руки. Лицо обычно обозначено небольшим вдавливанием, лишь изредка наблюдаются слегка намеченные нос, глаза и рот. Около половины предметов имеют орнаментацию, которая представляет собой точечные или ямочные вдавливания, нанесенные палочкой или пальцем, ногтевидные вдавле-

ния, прочерченные линии. Особой системы в орнаментации не наблюдается, за исключением того, что на ряде предметов горизонтальная орнаментальная полоса расположена по центру и вызывает ассоциации с поясом. В некоторых случаях на лицевой стороне предметов нанесены вертикальные ряды ямок, которые воспринимаются как изображение застежки.

Прямых аналогий данным предметам не известно. Некоторые параллели можно проследить в западносибирской глиняной пластике, с которой прикамские статуэтки сближает единый период бытования, общий материал и антропоморфный облик. Но по внешнему виду и, вероятно, по назначению западносибирские фигурки сильно отличаются от прикамских.

Точно определить назначение керамических статуэток сложно. Правдоподобна версия о культовом назначении этих предметов. Характерной чертой культуры народов Северной Европы с глубокой древности являются изображения женщин из кости, камня, глины, дерева или ткани. Исследователи считают, что часть из них была связана с обрядами обретения и реализации женщиной функции воспроизводства и материнства, на что указывает отчетливая линия развития иконографического образа женщины в искусстве и верованиях этих народов, прослеженная В.Ф. Кернер. Общим для них является отсутствие ног, в ряде случаев голова

изображена приостренной, лица женских изображений с территории Южной Сибири и Прикамья могут быть не проработаны, иногда встречаются знаки одежды (пояса, фартуки, нагрудники и пр.), признаки пола зачастую отсутствуют. Все эти признаки наблюдаются на средневековых прикамских статуэтках, что позволяет предполагать их культовый характер.

Но наиболее правдоподобна точка зрения об использовании средневековых прикамских статуэток в качестве куколок для детской игры в «дочки-матери». В пользу этого свидетельствуют: распространение статуэток внутри или около жилищ (но не у значимых объектов, к примеру, очагов); отсутствующие или лишь слегка намеченные черты лица; наличие в едином комплексе других игрушек – миниатюрной кукольной «посудки», шариков, кубиков, «лепешек» и пр. В этнографии финно-угорских народов известны детские игрушки (*окань, акань*), которые представляют собой в одежде некоторое подобие человека, но без человеческих голов, туловища и конечностей, чтобы избежать сходства со священными изображениями, изготовленными в память усопших родственников со всеми деталями человеческого корпуса, хотя иногда и без рук, но всегда с отчетливой скульптурой лица. Основу для них могли делать из щепки, кости, свернутой в жгут тряпки, которую обряжа-

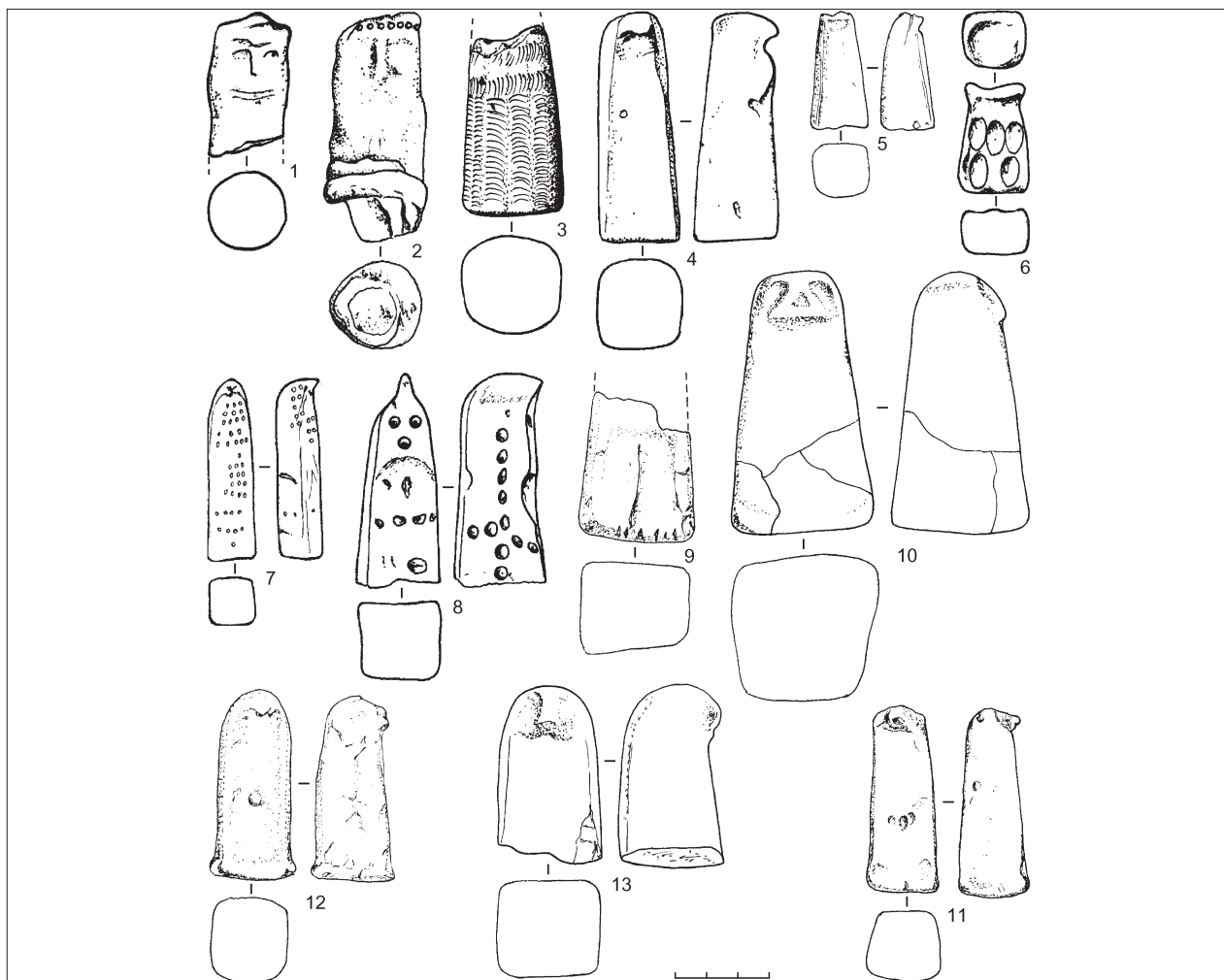

Рис. 1

ли в одежду, придавая тем самым сходство с человеческой фигурой. Таким образом, глиняные изделия, обнаруженные на средневековых памятниках Пермского Предуралья, вполне могли быть куклами, поскольку мы наблюдаем в них все характерные черты: предельную стилизацию человеческой фигуры, отсутствие изображения головы и лица. По свидетельству этнографов, куклы окань делились по одежде и размерам на детей, женщин и мужчин. Возможно, именно с этим связаны различия в оформлении верхней части и размерах глиняных предметов из Пермского Предуралья. По этнографическим материалам известно, что к игре в куклы относился комплекс дру-

гих предметов: маленькие сумочки и мешочки для хранения кукольного имущества, подушки и одеяльца, разнообразная утварь. В быту взрослых эти предметы делали женщины, с раннего детства прививавшие и своим дочерям навыки изготовления одежды и утвари. На тех же участках раскопов, где встречены глиняные статуэтки, обнаружено и довольно много экземпляров игрушечной посуды, изготовленной детьми, которая могла использоваться вместе с куклами во время игры в «дочки-матери». Выделение данной категории предметов имеет большое значение для такого пока слабо разработанного направления, как археология детства.

А.В. Кудряшов

Череповецкое музейное объединение, Череповец

Комплекс средневековых памятников у д. Минино на реке Большой Юг, как источник для реконструкции историко–культурных процессов в бассейне Шексны и Белого озера в конце I – середине II тыс. н.э.

В середине – второй половине XX в. при сооружении Рыбинского, а чуть позднее Шекснинского водохранилищ, оказались затопленными значительные пространства по рекам Шексне и Мологе. Практически не обследованной археологически осталась территория, важная для понимания исторических процессов, происходивших в прошлом на Севере Европейской России. Сотни памятников археологии оказались на дне водохранилищ, сузилась источниковая база для изучения разных исторических эпох, в том числе и Средневековья. В связи с этим, особое значение приобретают исследования уцелевшего комплекса памятников у д. Минино, расположенного на р. Большой Юг – левом притоке Шексны (рис. 1а). Он располагается в 20 км выше устья реки, включает в себя шесть поселений и два могильника (рис. 1б). С 1990 по 2001 гг. были проведены широкие раскопки поселений Минино 2, 4, 5 (вскрыто 1200 кв. м.) и могильников Минино 1, 7 (Кудряшов, 2006; Кудряшов, 2007. С. 175–186).

В грунтовом могильнике Минино 7 (X – первая половина XI в.), исследовано восемь погребений по обряду сожжения, помещавшихся в овальных и округлых ямках. В заполнении могильных ям находились кости, угли, плашки, лепная керамика и вещевой инвентарь – детали пояса, умбоновидная бляха (рис. 1в: 8), фрагменты гривен и другие предметы. Поселение Минино 5 площадью около 0,5 га, датируется X – началом XII в. Здесь исследованы остатки наземных, а также углубленных в землю построек, очаги

разных типов. Среди находок имеются оружие и снаряжение всадника, орудия труда и инструменты, отходы производственной деятельности, многочисленные бытовые предметы, украшения – в т. ч. шумящие подвески, браслеты, перстни и многое другое. В могильнике Минино 1 исследовано около десятка труположений в неглубоких ямах, частично разрушенных, имеющих западную, юго-западную и южную ориентировки. Погребения сопровождалось лепными сосудами, топорами, ножами, и другими вещами, датируются серединой XI – началом XII в. Поселение Минино 4 имеет площадь около 1 га. Здесь изучены остатки наземных построек с печами-каменками и очагами с подпечными ямами, глинобитными полами. Среди находок – сельскохозяйственные орудия, ножи, инструменты, наконечники стрел, бытовые вещи, замки и ключи, и многое другое, в том числе детали костюма и украшения. Круговая посуда составляет 98% всего керамического комплекса. Найдены фрагменты амфор, поливной, белоглиняной посуды. Поселение Минино 2 имеет площадь до 3 га. На нем обнаружены сельскохозяйственные орудия, инструменты, ключи, замки, стеклянные бусы и браслеты, кресты – энколпионы и многое другое. 98% комплекса керамики составляет круговая посуда, имеются также фрагменты амфор, поливной керамики. На поселении изучены остатки землянок, построек с углубленной в землю нижней частью конструкции, а также наземных срубных построек.

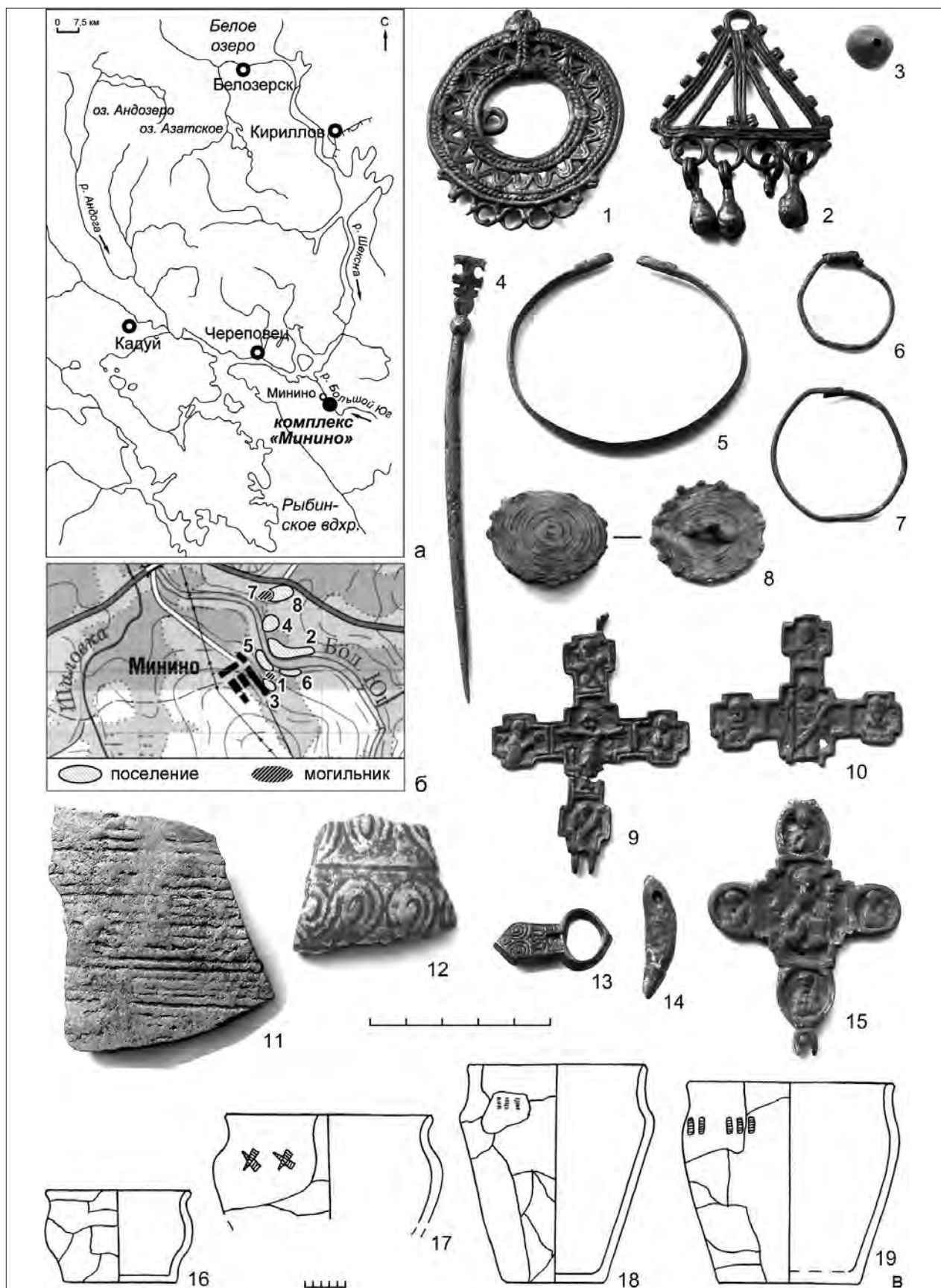

Рис. 1

а, б – месторасположение комплекса «Минино»; 1в – вещевой материал памятников комплекса «Минино»: 1 – фибула; 2, 3, 14 – подвески; 4 – писало; 5 – браслет звериноголовой; 6, 7 – височные кольца; 8 – бляха; 9, 10, 15 – кресты-энколпионы; 11 – фрагмент амфоры; 12 – фрагмент поливной керамики; 13 – пряжка; 16–19 – лепные сосуды
 1–3, 5–7, 9, 10 – могильник Минино 1; 4, 13 – поселение Минино 4; 8 – могильник Минино 7; 9–11, 15 – поселение Минино 2;
 16–19 – поселение Минино 5
 1–3, 5–10, 13, 15 – бронза; 4 – железо; 11, 12, 16–19 – керамика; 14 – кость.

Исследуя историко-культурные процессы, происходившие в среднем течении р. Большой Юг с X по XV в., мы выделили несколько этапов истории этого микрорегиона. Первый этап, «финно-угорский», представлен материалами X–XI вв. Могильник Минино 7 близок погребальным памятникам финно-угорского населения Поволжья. Культурная принадлежность основной массы материалов поселения Минино 5 финно-уграм также не вызывает сомнений. Оно отличается от рядовых сельских поселений округа не только размерами, но и присутствием здесь признаков развитого ремесла. Традиционные занятия жителей скотоводством, рыболовством, охотой, в том числе, специализированной пушной, дополнялись производством и обработкой черных металлов, ювелирным ремеслом, участием их в международной торговле. Могильник Минино 1, принадлежавший, поселению Минино 5, содержал, в значительной степени, финно-угорские материалы (рис. 1в: 1–3, 5).

Второй этап истории микрорегиона связан с началом земледельческого освоения во второй половине XI – начале XII в. древнерусским населением местности по правому берегу р. Большой Юг. Финно-угорское население Минино 5 в это время, продолжало селиться на высокой песчаной боровой террасе левого берега реки. Контакты, происходившие между соседями, находят свое отражение в их хозяйстве, домостроении, в погребальной обрядности. На поселении Минино 5 появляются печи-каменки, круговая керамика, древнерусские вещи, а в могильнике Минино 1 погребения с западной ориентировкой и славяно-русскими вещами. Влияние финно-угорского населения на древнерусских переселенцев проявилось в появлении на селищах последних вещей местных типов, лепной керамики, орнамента, нанесенного гребенчатым штампом на круговые сосуды, и в других аспектах материальной культуры. О мирном характере взаимоотношений двух этносов свидетельствует сохранение в данной местности финно-угорской топонимики. Эти процессы дали начало третьему этапу истории мининской округи, который относится к XII–XIII вв. Селище Минино 5, исчезнувшее в XII в., скорее всего, было перенесено на террасу левого коренного берега реки, на территорию, занимаемую нынешней д. Минино (Минино 3). Эта передислокация может быть связана с переходом его жителей к земледелию. Рядом возникает еще одно древнерусское селище – Минино 6. На правом берегу реки Большой Юг в XII–XIII

вв. происходит рост древнерусских селищ Минино 2, 4 до их максимальных размеров. Возможно, в это время здесь появляется древнерусский погост и оформляется «Южская волость», упомянутая в документах более позднего времени. Повод предположить это дают найденные на селищах писало, стеклянные браслеты и другие предметы, отражающие больше городской характер культуры местного средневекового населения, чем сельский. В XIII в. в микрорегионе «Минино» существует целое гнездо селищ, где проживает древнерусское население.

Следующий этап развития региона – конец XIII – XIV в. В это время, очевидно, идет процесс освоения берегов Большого Юга, жители древнерусских селищ расселяются по пространству, расчищенному ими от леса, формируют современную сельскую округу. Небольшие селища превращаются в деревни (Минино 3, Минино 8). Селища Минино 2, 4 продолжали оставаться частями единого погоста, где проживало еще немало жителей. Эти центры сохраняли свои традиционные занятия, в частности, ремесленное производство. Эти селища продолжали функционировать и в XV в. (рис. 1в: 9, 10, 15). О дальнейшей судьбе средневековых селищ на р. Большой Юг информирует «Переписная дозорная книга дворцовых земель Вологодского уезда 1589–1590 гг.». В ней упоминается два погоста в «Южской волости» с «церквями Успенья пречистой богородицы» (Переписная дозорная книга..., 1972. С. 6–22). Один погост, «пустой», локализуется вблизи поселения Минино 2. Место второго, «жилого», не определяется, но к нему «тянут» существующие рядом поселения, в том числе «сельцо Мининское». Упомянутые погосты являются уже не местом дислокации средневековой администрации, а церковными центрами и превращаются в «погосты» в почти современном понимании – селения при церкви и кладбище.

Исследование комплекса памятников у д. Минино позволяет решать проблемы, связанные с общей характеристикой дославянского населения бассейна Шексны и Белого озера, с механизмами освоения данной территории древнерусским населением. Материалы памятников Мининского комплекса позволяют рассматривать сложные процессы взаимодействия двух этносов, соприкоснувшихся в Средневековье на шекснинских берегах. Представляется возможным изучение процесса формирования системы расселения сельского населения на Русском Севере, просуществовавшей до недавнего времени.

Кудряшов А.В., 2006. Древности Средней Шексны X–XIV вв. Череповец.

Кудряшов А.В., 2007. Исследование поселения Минино 5 на реке Большой Юг // КСИА. М. Вып. 221.

Переписная дозорная книга дворцовых земель Вологодского уезда 1589–1590 г. Вологда, 1972. (Материалы по истории Европейского Севера СССР; Северный археографический сборник: Вып. 2).

С.Л. Кузьмин, Е.Р. Михайлова, В.Ю. Соболев

*Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия
факультета социологии Санкт-петербургского государственного
университета, Санкт-Петербурге*

Которской погост – раннесредневековый локальный центр на западе Новгородской земли

Которской комплекс памятников включает в себя мысовое городище, селище и ряд погребальных памятников: могильники культуры длинных курганов, группы сопок, бескурганные могильники с трупосожжениями конца I – начала II тыс. н.э., древнерусские курганные кладбища. Центральное положение в комплексе занимают лишенное слоя мысовое городище и примыкающее к нему селище со стратифицированным культурным слоем. Городище занимает площадку подтреугольной формы, с напольной стороны оно защищено валом, вдоль которого походил заплывший ныне ров. Поселение отождествляется с Никольским Которским погостом, жители которого упоминаются в новгородской берестяной грамоте № 640. Городище, скорее всего, представляло собой изначально возведенное небольшое укрепление, быстро утратившее оборонительную функцию и потому лишенное слоя. Вероятно, именно здесь в XII–XIII вв. стояла церковь.

На селище работами 1980-х–2000-х гг. исследовано около 1 тыс. кв. м культурных напластований. В целом стратиграфическая схема выглядит следующим образом: на материке залегает слой бурого гумусированного песка мощностью до 30 см, а непосредственно над ним – слой гумусированного песка интенсивно-черного цвета. Мощность этого слоя колеблется в пределах 15–40 см, нижнюю его часть составляет горизонт пожара, верхняя часть распахана. Слой бурого гумуса содержал только лепную керамику, его накопление продолжалось в течение X в., датировка подтверждается радиоуглеродным анализом. Можно утверждать, что за время накопления слоя бурого гумуса сменилось два горизонта застройки. В начале накопления слоя черного гумусированного песка на поселении произошел сильный пожар – следствие военной катастрофы. После пожара жизнь на поселении не прерывалась. Доля лепной посуды в этом слое от S до – от общего количества. Учитывая датировку слоя бурого гумуса, пожар следует отнести к середине – второй половине X в., что подтверждается серией радиоуглеродных дат, окончание жизни на поселении датируется не позднее начала XII в. Важной особенностью внутренней структуры поселения является ее усадебная планировка, межусадебный часток был зафиксирован в раскопе 1999 г. Керамический комплекс выразителен и стабилен. Лепная посуда изготовлена со значительной примесью дресвы, черепки рыхлые, не орна-

ментированные. Это приземистые округлобокие и слабопрофилированные горшки с подчеркнутым плечиком, высокой шейкой и отогнутым венчиком, ребристые формы немногочисленны; заметную группу составляют баночные сосуды с каннелурой. Круговая керамика представлена горшками среднего размера с округлыми высокими плечиками, короткой шейкой и слабо отогнутым венчиком, украшенными линейным орнаментом, часто сочетающимся с поясками косых насечек, отпечатков гребенчатого штампа, многорядной волной. Прекращение жизни на поселении совпадает по времени с аналогичными событиями на многих локальных центрах Северо-Запада и, по всей вероятности, стало следствием общих социально-экономических процессов в Новгородской земле.

Синхронные времени жизни на поселении погребальные памятники представлены сопками, группами культуры длинных курганов и бескурганными могильниками с захоронениями по обряду кремации на стороне. В одной из исследованных высоких курганных насыпей выявлены остатки нескольких погребений по обряду трупосожжения на стороне; среди находок железный нож с уступами при переходе от черенка к лезвию (IV группа по Р.С. Минасяну), крупная бронзовая орнаментированная спираль – так называемый «накосник», височное кольцо со спиральным завитком на конце, оплавленная синяя бусина, оплавленные фрагменты бронзовых украшений. На основании сделанных находок памятник может быть предварительно датирован X столетием.

В слое бескурганных могильников также найдены остатки украшений, оружия и бытовых предметов, имеющие многочисленные аналогии в материалах погребальных памятников и среди находок таких крупных и значимых поселенческих центров как Передольский погост и Городец под Лугой. Формы лепных каннелированных сосудов, встреченных при раскопках бескурганных могильников аналогичны найденным на Которском поселении, однако керамика могильника отличалась худшим качеством обработки поверхности (плохо заглаженной шершавой поверхностью) и очень слабым обжигом, что свидетельствует об ее изготовлении специально для использования в погребальном ритуале. Время функционирования данных погребальных памятников – X в., возможно, первая четверть XI в. Данный тип памятников был впервые выявлен на тер-

ритории Которского погоста и должен рассматриваться как один из вариантов массового погребального обряда населения культуры сопок.

Погребальные памятники древнерусского времени – три курганные группы, возникают в середине XI в. и прекращают функционировать в конце XII в. Важно отметить их синхронность и топографическую связь с бескурганными могильниками более раннего времени. Сделанные находки – детали убора, украшения, предметы вооружения и быта, позволяют не то-

лько датировать время совершения захоронений, но и проследить изменения погребального обряда и убора населения, динамику и направление торговых связей. Находки, начиная с самых ранних захоронений, иконок-привесок и крестов-тельников, и упоминание дяка в уже названной выше берестяной грамоте, дают основание предполагать, что Которской погост уже в XII в. был не только административным, но и духовным центром округа, очагом распространения христианства.

О.Ю. Купцова

Коломенский археологический центр, Коломна

К вопросу о ранних славянах на Средней Оке (по материалам поселения Фефелов Бор)

На территории Среднего Поочья, а в частности в Рязанской области последнее время растет количество выявленных памятников славянского периода, которые находят аналогии в роменско-боршевской группе. Помимо материала с новых памятников, существует большой комплекс необработанных коллекций из раскопок прошлых лет, в том числе и материалы с поселения Фефелов Бор, полученные в результате многолетних раскопок Т.Б. Поповой.

Поселение Фефелов Бор располагается в 3 км к северо-северо-западу от северной окраины села Каницево, в пойме правого берега р. Ока, примерно в 1,5 км от ее русла, на южной части дюны Фефелов Бор, на берегу небольшого старичного озера. Размеры памятника не менее 300×150 м, высота над озером до 8–9 м. Б.А. Фоломеевым и Т.Б. Поповой исследовано около 1500 кв. м, преимущественно в южной части памятника.

В ходе раскопок 1970 г. исследованы остатки двух расположенных рядом древнерусских наземных жилищ подпрямоугольной в плане формы, площадью 27–28 кв. м, с плотно утрамбованным и обмазанным глиной, смешанной с соломой, полом. В восточном его углу второго жилища расчищен развал камней, зола, угольки и несколько крупных фрагментов от разбитого глиняного сосуда. На полу жилищ найдены фрагменты посуды и железные предметы, датированные по керамике X–XI вв. На территории поселения располагается более ранний грунтовый могильник. Погребения залегали на глубине 0,5–1,5 м от современной поверхности, сопровождались лепными сосудами, близкими к керамике рязано-окских могильников.

Керамика на памятнике – лепная ранненеолитическая с накольчатой орнаментацией, лепная развито-

го неолита, лепная раннего железного века с рогожными и сетчатыми отпечатками, лепная толстостенная древнерусская с орнаментацией, гончарная древнерусская с линейным и волнистым орнаментом.

При рассмотрении проанализированного нами керамического комплекса с поселения Фефелов Бор можно отметить, что часть сосудов относится к X–XI вв. Они имеют аналогии с роменско-боршевской керамикой. Это – грубые толстостенные лепные, с примесью шамота, дресвы и песка в тесте сосуды. Внешняя поверхность заглажена, коричневого цвета. Венчики прямые или слегка отогнуты наружу и плавно переходят в тулово. Донца плоские. Большинство венчиков не орнаментированы, на некоторых по краю идут пальцевые вдавливания.

К X–XIII вв. относятся железные топоры, долота, наконечники стрел, ножницы, серпы, ножи, иногда с костяными рукоятками. В комплекс материалов с памятника также входят розовошиферные пряслица, перстни и подвески, накладки из медно-бронзового сплава и глазчатая бусина синего стекла, которые датируются IX – началом X в.

Таким образом, мы видим пример многослойного памятника, с верхним раннеславянским слоем. В XI – первой половине XII в. поселение резко сокращается по площади. Наблюдается разрыв между слоем с древнерусской лепной керамикой и гончарной керамикой. Это, возможно, связано с увеличением набегов кочевников, а также изменением природных условий. Новая волна славянской колонизации по данным раскопок поселения начинается с середины XII в.

Изучение памятников IX–X вв., особенно, XI в. может внести существенные коррективы в представления о связи поселений раннего и позднего периодов.

«Мерянское начало» Ростова

О том, что финноязычная мера есть «первие насельники» древнерусского Ростова, указывает «Повесть временных лет» под 862 г. (ПВЛ, 1996. С. 13) Отдаленное во времени от описываемых событий летописное свидетельство может восприниматься, и воспринималось, на веру, поскольку иных исторических источников, затрагивающих ту же тему, нет. Проверить летопись возможно только с помощью археологических данных.

Уже первые раскопки Н.Н. Воронина в Ростове (1955 г.) позволили сделать вывод о существовании мерянского горизонта в нижней части культурного слоя города (Горюнова, 1961. С. 109). Последующие исследования показали, что определение Н.Н. Воронина относилось к древнерусским городским напластованиям X–XI вв., но вместе с тем подтвердили первоначальное заключение (Леонтьев, 1998. С. 49, 50; Самойлович, 2003. С. 250–256; Самойлович, 2007. С. 125). Однако в публикациях основное внимание уделено элементам материальной культуры, имеющих мерянское происхождения и встреченных в культурном слое X–XI вв. в раскопах разных лет на территории ростовского кремля. Как горизонт мерянского поселения, предшествовавшего древнерусскому городу, определялся нарушенный человеческой деятельностью верхний слой погребенной почвы (Самойлович, 2001. С. 237–239). Обращение к стратиграфии отдельных исследованных участков с учетом новых данных позволяют более надежно обосновать эти, в целом верные, выводы и определить границы поселения.

В качестве основного, наиболее полноценного, источника привлечена стратиграфия раскопа у ц. Григория Богослова в Митрополичьем саду (1995–1996 гг.). Результаты анализа состава почв и радиоуглеродные даты получены д.г.н. А.Л. Александровским.

Наиболее ранний строительный ярус Ростова датируется 980 г. (Самойлович, 2001. С. 236, 237. Табл. 1) и соотносится с уровнем 11-го – верхней части 12-го пластов раскопа. Связанное с первыми постройками основание культурного слоя представляет собой черный суглинок с наличием древесных остатков (рис. 1А: 1). Разумеется, по составу примесей, своему физическому содержанию слой богаче, но в данном случае отмечены основные признаки, способные характеризовать горизонт в общей свите напластований.

Следующий слой, соответствующий нижней части 11-го пласта, верхней 12-го до отметки -3,0 м представлял собой темно-серый суглинок (глину) с меньшим количеством включений угля, камней, древесных остатков (рис. 1А: 2). Переход (граница) с вышележащим слоем резкая. Таким образом, зафиксирован

стратиграфически выделяемый горизонт, залегающий ниже уровня первоначальной городской застройки. Его возраст определяет две радиоуглеродные датировки образцов погребенной почвы, в календарном исчислении указывающие 786±80 гг. и 766±80 гг., т. е. отмечающие период конца VII – первой половины IX в. Характеристики почвенного горизонта предполагают антропогенное воздействие (Александровский, 2002. С. 5, 6). В археологической интерпретации этот уровень составляет часть культурного слоя, спецификой которого является исчезновение следов домостроительства и снижение насыщенности артефактами при находках предметов финского облика (керамика, ножи, части шумящих подвесок). Со слоем связаны массовые находки фрагментов тиглей, обломков льячек, литевой формы, железного шлака. Остеологические материалы фиксируют большую, в сравнении с городскими, долю и разнообразие костей диких животных. Очевидно, именно этот горизонт следует считать принадлежащим мерянскому поселку. Старейшая средневековая находка в Ростове – В-образная пряжка – вполне соответствует по возрасту нижней хронологической границе этого периода.

По А.Л. Александровскому, заключительные 0,4 м погребенной почвы представлены тремя горизонтами, из которых верхние имеют радиоуглеродные даты 2014±100 лет до н.э. и 5814±120 лет до н.э. (рис. 1А: 3, 4). С точки зрения археологии, первый из них еще можно считать основанием культурного слоя. На этом уровне помимо средневековых предметов были отмечены серийные находки кремневых отщепов и сетчатой керамики эпохи бронзы.

Расположение и размеры мерянского поселения в границах города позволяет уточнить карта палеоповерхности, созданная на основе археологических и геологических данных (Заботкина Л.В., 2005). Поселок занимал обусловленный рельефом участок первой озерной надпойменной террасы. Его западная граница отмечена пологой западиной, северная и восточная – долиной озерного притока (р. Пижерма, насыпана в конце XVIII в.) (рис. 1Б: 1). Именно на этой ограниченной территории зафиксирован соответствующий горизонт культурного слоя (рис. 1Б: 1–5). За ее пределами догородские отложения отсутствуют (рис. 1А: 6–10). Соответственно размеры поселения определяются в пределах 120×250 м, что сопоставимо с размерами других известных мерянских поселений бассейна оз. Неро (Леонтьев, 1996. С. 37–41). С учетом палеорельефа и данных геологического бурения не исключено, что селище охватывало также участок по левому берегу Пижермы.

Александровский А.Л., 2002. Отчет о результатах комплексного исследования почв и культурного слоя Ростовского кремля // Архив Государственного музея-заповедника.
 Горюнова Е.И., 1961. Этническая история Волго-Окского междуречья. М. (МИА; № 94).
 Заботкина Л.В., 2005. Схематическая карта палеоповерхности исторического центра Ростова Великого // Архив ГМЗ «Ростовский кремль». Составление карты культурного слоя древнего ядра Ростова Великого. Отчет РГГРУ им. С. Орджоникидзе, граф. прил. 4.
 Леонтьев А.Е., 1998. Археологические исследования в Ростове // Вестник РГНФ. М. № 1.

Леонтьев А.Е., 1996. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М.
 ПВЛ, 1996 – Повесть временных лет. СПб.
 Самойлович Н.Г., 2001. Стратиграфия и хронология Григорьевского раскопа в Митрополищем саду Ростовского кремля // Практика и теория археологических исследований. М.
 Самойлович Н.Г., 2003. Мерянский «Ростов» // Археология: история и перспективы. Ярославль.
 Самойлович Н.Г., 2007. Стратиграфия и хронология раскопа Н.Н. Воронина в Митрополищем саду Ростовского кремля // КСИА. Вып. 221.

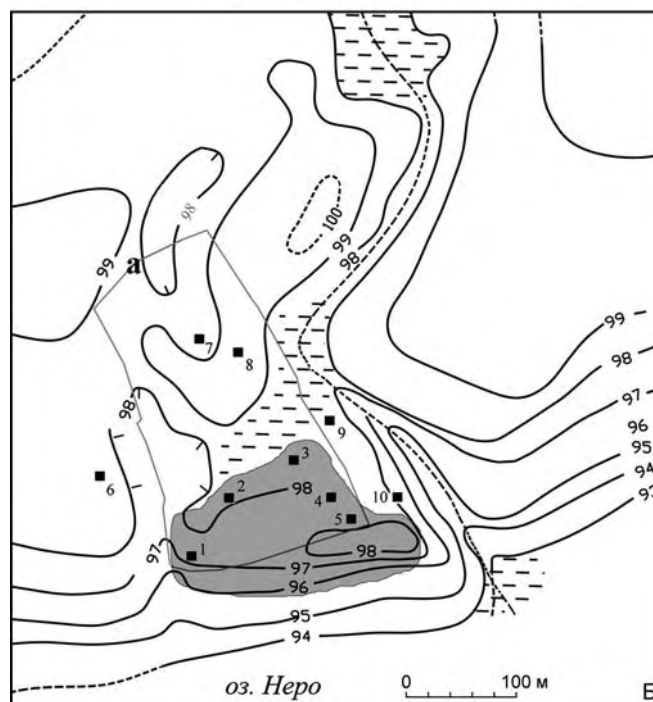
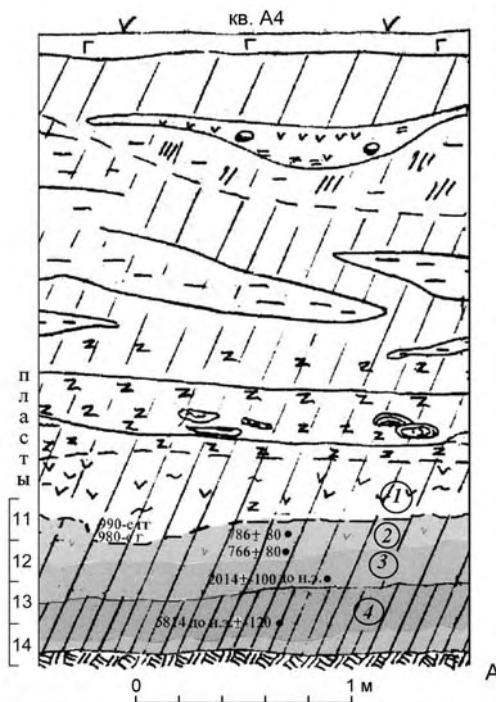

Рис. 1

А – разрез культурного слоя (Григорьевский раскоп 1996 г.): 1–4 – упомянутые в тексте слои; Б – палеоповерхность центральной части Ростова: а – современный контур кремля и Соборной площади в периметре стен; 1–10 – местоположение раскопов и шурфов. Залывкой отмечена территория мерянского селища

Н.А. Макаров, И.Е. Зайцева*Институт археологии РАН, Москва***А.М. Красникова***Государственный Исторический музей, Москва*

Финские древности первой половины I тыс. н.э. в Суздальском Ополе

Поиски и изучение памятников первой половины – середины I тыс. н.э. в Суздальском Ополе актуальны как для реконструкции предыстории формирования центрального ядра Северо-Восточной Руси, так и для исследования общих процессов расселения и развития культур в Волго-Окском регионе в железном веке и раннем средневековье. До недавнего времени едва ли ни единственными памятниками этого времени – известными археологам, были городища дяковской культуры, причем раскопками были затронуты лишь единичные памятники на р. Нерли и р. Ирмесе. В результате систематического обследования Суздальского Ополя в 2001–2010 гг. здесь выявлено около двух десятков поселений с лепной керамикой, которая может быть датирована в рамках первой половины – третьей четверти I тыс. н.э. Для определения хронологических позиций этих памятников существенны находки металлических вещей I–II и V–VII вв. и серия радиоуглеродных дат закрытых комплексов с суммарным интервалом 260–690 AD (калибровка 1δ).

Одной из наиболее ярких находок этого времени является комплекс бронзовых украшений, найденный на средневековом селище у с. Новгородское, вблизи р. Рпени, в окрестностях Владимира. Комплекс включает более 100 предметов, среди которых круглые плоские полированные бляхи с петлями на обратной стороне, круглые бляхи с выпуклым щитком (полусферическим или коническим), восьмеркообразные бляхи, трубчатые пронизки с расширяющимися концами, проволочные пронизки, мелкие скорлупообразные одночастные и двучастные нашивные бляшки и бочонковидные бусы. Вещи найдены в виде компактного скопления, перекрытого перемешанным культурным слоем XII–XIII вв. Это единый комплект украшений, вероятно, остатки богато декорированного пояса. Характер находки до конца не ясен, возможно, она представляет собой клад. Подобные украшения не характерны для культур Волго-Клязьменского региона железного века. Большинство из них имеет аналогии в погребальных памятниках пьяноборской культуры в Прикамье и могильниках андреевского-писеральского круга в Среднем Поволжье и может быть датировано концом I тыс. до н.э. – началом I тыс. н.э., с наибольшей вероятностью – I в. н.э. Отметим, что на одном из селищ в том же микрорегионе найдено еще один образец металлопластики андреевско-писеральского круга – литая ажурная привеска в виде диска с двумя ложножгутовыми

планками, заканчивающимися трехчастными петлевыми выступами. Серия аналогичных подвесок найдена в одном из женских погребений в Андреевском кургане.

Значительно полнее исследован другой памятник – грунтовый могильник Большое Давыдовское 2 на р. Урде, притоке Ирмеса, в северо-восточной части Ополя, в котором на площади 870 кв. м. вскрыты 18 могильных ям, содержащие останки 23 погребенных. Погребения были произведены в узких подпрямоугольных ямах, образовывавших два правильных ряда, располагавшихся под углом 25–30° друг к другу. В некоторых ямах зафиксированы остатки внутримогильных конструкций, сооруженных из липы и дуба. Большинство погребенных лежали вытянуто на спине головой на восток. Установлено, что костные останки 12 индивидов принадлежат детям в возрасте от 2 до 11 лет, костные остатки 10 принадлежат взрослым. Особый интерес представляет погребение 3, содержащее останки пяти индивидов – двух взрослых и трех детей, ориентированных головами на восток и на запад. Присутствие инвентаря отмечено в 20 захоронениях. В 19 погребениях найдены металлические украшения, в шести – бытовые вещи и орудия труда, в двух – предметы вооружения. Особый интерес представляет обнаруженный в погребении 3 жертвенный комплекс, включавший около 40 бронзовых предметов, большая часть из которых оплавлена, железные ножницы и остатки костяного гребня.

Металлические украшения женского костюма включают такие категории как височные кольца, гривны, браслеты, нагрудные пряжки, нагрудные и поясные подвески и нагрудные бляхи. В числе наиболее выразительных металлических украшений – височные кольца с лопастью (всего 17), найденные в девяти погребениях, четырехгранные в сечении массивные гривны «азелинского» типа, круглые ажурные застежки, бронзовая кольцевидная застежка с трапециевидными выступами, цельнолитая подковообразная бронзовая фибула с раскованными концами и крестообразным орнаментом на концах и тремя секировидными выступами, подражающая фибулам с эмальями, массивная круглая бляха с орнаментом из концентрических кругов, отверстием в центре и крестообразно расположенными накладками.

Радиоуглеродным методом датированы 10 образцов углей и древесного тлена из восьми погребений.

В большинстве случаев для датирования отбирался древесный тлен с волокнистой структурой, представлявший собой остатки погребальных сооружений. Суммарный диапазон девяти дат: 28–570 AD. Общий интервал пяти из этих дат (KIA38186; KIA38187; KIA38185; Ле-8877; KIA41064, погребения 3, 4, 9, 16, 20) соответствует 139–570 AD и хорошо сочетается с датировкой вещевых комплексов погребений, хронологическое положение которых определяется в рамках второй половины III – начала V в. н.э. К этой серии близка еще одна дата (Ле-8878, 50–330 AD, погребение 18), часть интервала которой согласуется с археологической датировкой погребального комплекса. Даты еще четырех образцов (KIA41060, KIA41062, KIA41063, KIA41065, погребения 14, 16, 18, 17) образуют суммарный интервал 22–208 AD, не соответствующий возрасту вещей из погребений.

Грунтовые могильники с погребениями по обряду ингумации, сопровождающиеся богатым набором металлических украшений, оружием и орудиями труда, появившиеся в Волго-Окском регионе в первые века н.э., рассматриваются обычно как яркий феномен культуры поволжских финнов, отражающий формирование их культурных традиций и расселение в обширном Волго-Окском бассейне. Однако, финские могильники с ингумациями сравнительно немногочисленны и распространены по территории Волго-Окского региона неравномерно. Ареал могильников с погребениями III–V вв. (их известно всего около 40) ограничен, преимущественно, территориями на правом берегу Волги и на правом берегу Оки. Очевидно, для финского населения северо-западной части Волжского бассейна характерен другой погребальный обряд – могильники с

кремациями, помещавшимися в наземные сооружения – «домики мертвых», на поверхность земли или в неглубокие ямы.

Могильник Большое Давыдовское 2 образует крайнюю северо-западную точку на карте финских могильников с ингумациями III–V вв. Вещевой набор из погребений в целом близок комплексам культуры рязано-окских могильников, ареал которой удален от места раскопок примерно на 250 км к югу. Выразительным индикатором этой близости является, в частности, присутствие в погребениях в Большом Давыдовском височных колец с лопастью и круглых ажурных застежек.

Находка бронзовых украшений у с. Новгородское и материалы могильника Большое Давыдовское 2 раскрывают ранее неизвестные аспекты культурной истории центральных районов Волго-Клязьменского междуречья в первой половине I тыс. н.э. – появление на этой территории отдельных локальных групп финского населения, происхождение которого связано со Средним Поволжьем и Поочьем, с собственными погребальными традициями и парадным костюмом, ранее неизвестными в Волго-Клязьменской области. На современном этапе археологического изучения Суздальского Ополя было бы преждевременно оценивать масштабы этих выплесков, обсуждать взаимоотношения между различными по своему происхождению группами населения, или пытаться локализовать исходные районы миграций. Очевидно лишь, что проникновение пришельцев с юго-востока в Волго-Клязьменское междуречье в первой половине I тыс. н.э. не было однократным эпизодом – юго-восточные связи в течение определенного периода выступали как значимый фактор общей культурной ситуации.

С.С. Малков, Н.А. Клюев, М.А. Якупов

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток

Археологические исследования на городище Кокшаровка-1 (к проблеме политического статуса периферии государства Бохай)

За полувековой период археологического изучения государства Бохай (698–926 гг. н.э.), на территории Приморского края обнаружено более 200 памятников – равнинные и горные городища, селища, буддийские храмы (кумирни), несколько могильников. В основном исследования проводились в Южном и Юго-Западном Приморье на территории, существовавшей в период государства Бохай области Шуайбинь и округа Яньчжоу области Лунъюаньфу Восточной столицы. Возможно в позднем периоде Бохая, начиная с середины 30-х годов IX столетия, были присо-

единены северные и северо-восточные территории – часть бассейна р. Уссури в границах современного Анучинского, Яковлевского и Чугуевского районов. Можно выделить локальные варианты бохайской культуры: в юго-западной и южной частях края памятники имеют полные аналогии с материалами из столичных городов Бохая. По А.Л. Ивлиевой в центральном Приморье памятники имеют свою специфику, отражая их переходный характер между бохайскими памятниками юга и юго-запада и мохэскими памятниками бохайского времени севера и северо-востока. Но-

вейшие полевые исследования возможно позволят более точно маркировать северо-восточную границу Бохая и поставить вопрос о более сложной структуре этого государства и его культуры. В частности, исследования городища Кокшаровка-1 в Чугуевском районе Приморского края, традиционно относимого к внешней периферии Бохая, выявили здание дворцового типа и связанный с ним нетипичный для данного региона керамический материал.

Кокшаровка-1, как и все равнинные бохайские городища, окружено валом и рвом. Учитывая общую длину оборонительных сооружений (1645 м) городище имеет площадь 16 га и относится к самым крупным памятникам с фортификационными сооружениями эпохи Бохая на Дальнем Востоке России. В плане городище тяготеет к прямоугольной форме со скругленными углами. Ворота ориентированы по сторонам света: южные и восточные устроены в виде разрыва в стене, северные и западные дополнительно усилены Г-образными захабами. На дневной поверхности в северной и южной частях городища фиксируются крупные платформы прямоугольной формы, ориентированные по сторонам света. Раскопы 2008–2010 гг. общей площадью 1806 кв. м вскрыли часть северной платформы с остатками здания дворцового типа. Исследованный объект состоял из внешней каменной стены и комплекса внутренних сооружений в виде пяти отдельных прямоугольных помещений, расположенных по линии запад-восток. Эти помещения оборудованы идентичными системами отопления типа канов, с вынесенными за пределы здания трубами и объединены одной общей кровлей.

Археологический материал представлен изделиями из железа – наконечники стрел, черешковые ножи треугольного сечения, квадратные и прямоугольные

в сечении гвозди, П-образные скобы; бронзы – фрагмент браслета; керамики – посуда кухонная и церемониальная.

Выделены несколько типов сосудов: конусовидные подставки-светильники под церемониальные сосуды (рис. 1: 1), вазовидные сосуды с желобком на венчике под крышку, дольчатые сосуды, корчаги с выпуклым шаровидным туловом, горшки (рис. 1: 2, 3, 5, 6), чаши (рис. 1: 4) и чаши на поддоне (рис. 1: 7).

Большинство сосудов изготавливалось на гончарном круге. Для сложных форм сосудов применялась комбинированная техника формования – они собирались из нескольких частей с помощью как ленточно-кольцевого, так и спирально-жгутового налепа. Отдельные части некоторых сосудов формовались с применением техники выбивки. Поверхность сосудов выглаживалась, а затем могла подвергаться лощению. Горизонтально-полосчатое и сплошное лощение наносилось с помощью круга. Лощение носило двойную функцию – технологическую (уплотнение поверхности в целях уменьшения пористости) и эстетическую, т. е. служило самостоятельным декором и относится к типу плоского орнамента, который мог использоваться в сочетании с другим декором.

Керамика украшалась углубленным или выпуклым орнаментом. По способу нанесения на поверхность углубленный орнамент делится на прочерченный, который представлен в виде горизонтальных параллельных линий и канавок, опоясывающих сосуды в верхней и центральной частях тулова; в виде знаков на днищах сосудов; в виде дольчатого орнамента, выдавленного в процессе формовки сосуда. Выпуклый орнамент представлен одиночными валиками, расположенными у основания горловины, а также рассе-

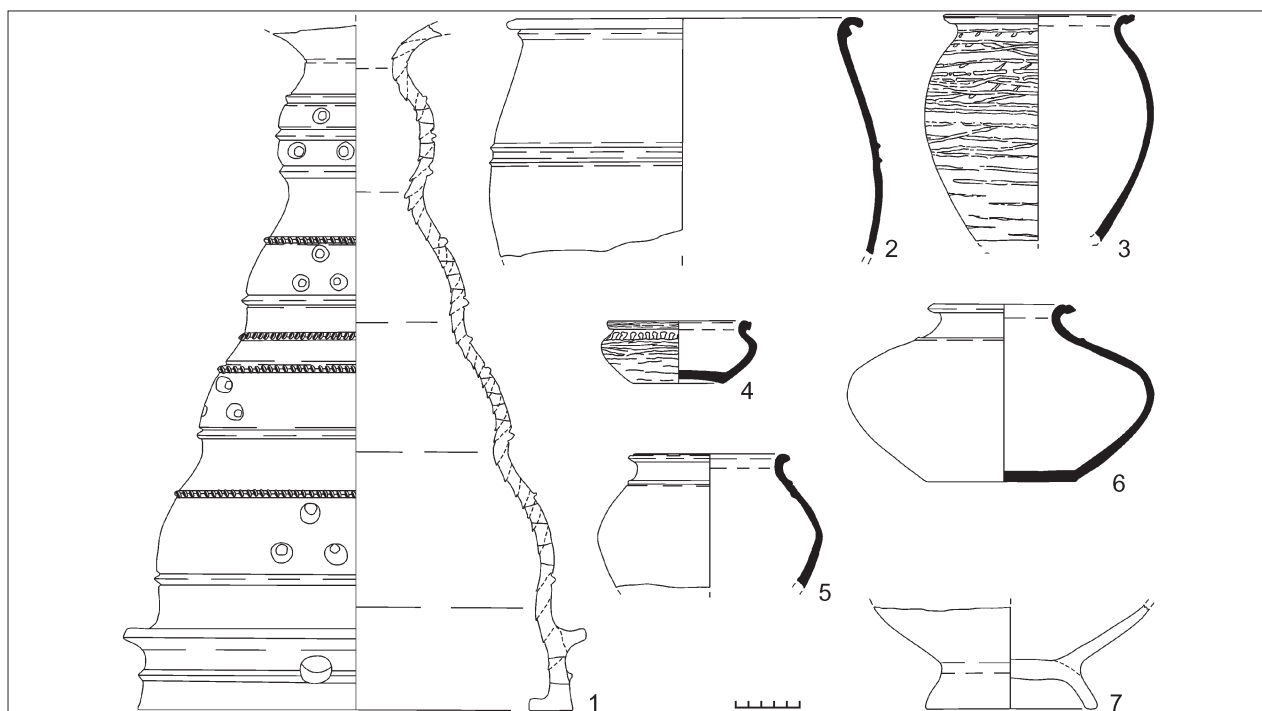

Рис. 1
Керамика городища Кокшаровка-1

ченными налепными валиками. Орнамент наносился на сосуды до лощения. По окончании изготовления сосуды снимались с гончарного круга после его полной остановки срезанием, о чем говорят параллельные бороздки на поверхности донцев. Некоторые части донцев имеют следы песчаной подсыпки.

Коллекция керамики представляет собой однокультурный материал и имеет все основные признаки, характерные для бохайской традиции, такие как горизонтальные ленточные ручки, глазурованное покрытие, пароварки. Как уникальные можно рассматривать семь керамических (из них три археологически целых) изделий – конусовидных подставок-светильников, состоящих из пяти полусфер, вылепленных пирамидально с венчиком-подставкой в виде пиалы, орнаментированных фигурными отверстиями в стенках и налепными валиками. Наличие китайской по происхождению глазурованной керамики маркирует не только внеш-

ние торговые связи населения северо-восточной части Бохая, но и указывает на хронологические рамки поступления привозной керамики на Кокшаровку-1, и как следствие, датирует сооружения на платформе. Некоторые черты керамики (раздвоенные и расстроенные венчики, горловины с широким устьем, дольчатые сосуды, приземистые пропорции тулова) указывают на тесные контакты с населением Приморья.

Исследования на городище Кокшаровка-1 выявили, несомненно, уникальный объект для приморской археологии. Судя по площади городища, и наличию здания дворцового типа, Кокшаровка-1 могла быть административным центром. Подобная структура городищ характерна для столичных городов Бохая, например, для комплекса из дворцовых зданий Средней столицы Бохая Сигучэне и в так называемом «спальном дворце» в Дворцовом городе Верхней столицы Бохая Лунцюаньфу в Дунцзинчэне.

Н.П. Матвеева

Тюменский государственный университет, Тюмень

Особенности формирования средневековых культур лесостепи Западной Сибири в эпоху великого переселения народов

Проблемы формирования средневековых культур Западной Сибири рассматривались уже в 1930–1950-ые годы. Первые исследователи раннего железного века полагали, что решающими фактором этого процесса являлись события, связанные с Великим переселением народов, в результате которого сначала происходит запустение региона вследствие ухода кочевников с гуннами, а потом – заселение этих районов северными народами. Ряд работ посвящен выявлению автохтонных элементов средневековых культур.

Автор полагает, что картина культурогенеза в Зауралье была достаточно сложной и обусловленной рядом факторов. Влияние аридизации и остепнения ландшафтов проявилось в переходе населения к кочеванию. В археологических материалах это отразилось в специфическом составе стада, в преобладании недолговременных поселений, переносных жилищ и мало могильных некрополей бакальской культуры. Сокращение поступления импортных товаров вследствие распада системы торговли на дальние расстояния по северным ответвлениям от Великого Шелкового пути указывает на некоторую экономическую деградацию. Заметно снижение качества гончарной и косторезной продукции по сравнению с предшествующей саргатской культурой, обеднение инвентаря захоронений. Фактор социальной дезинтеграции просматривается в сокращении численности населения, опосредованно отразившейся в 10 раз меньшем количестве памятни-

ков бакальской культуры, чем саргатской, в прекращении монументального курганного строительства, появлении практики грунтовых погребений, утрате таких деталей обряда как глубокие могилы, ровики, тризны, кострища под курганами, многомогильность насыпей, исчезновении бревенчатых усадеб из нескольких полужемляночных домов, многоплощадочных городищ, обеднении орнаментики. Похоже, что произошли общее упрощение быта и нивелировка социальных различий. Обнаруженные Д.А. Сташенковым на Волге сходные с бакальской культурой керамические формы и постройки в технике «заплота», позволили сделать вывод о миграции части населения на запад. Однако численность этих мигрантов нельзя переоценивать: в большинстве памятники Приуралья не содержат саргатских компонентов культуры. Часть общих для Башкирии, Прикамья и Зауралья предметов, например, бронзовые полые зоо- и орнитоморфные фигурки, круглопроволочные гривны, браслеты объясняются деятельностью определенных мастерских.

Влияние миграции северных народов является довольно существенным. На сегодня известно более десятка поселений и городищ с саровским и карымским компонентами, наслоившимися на местную основу, и в частности, такие выразительные могильники как Усть-Тара-7, Устюг-1, Ипкуль-15. Эту же идею подкрепляет возникновение традиции поголовной кольцевой прижизненной деформации всех черепов, что в це-

лом характерно для средневекового таежного населения Западной Сибири. Влияние культур Приаралья имело место и в раннем средневековье, хотя регулярность и прочность международной торговли по традиционным караванным путям была поколеблена. Однако наборы бус, поясная гарнитура, оковки деревянных сосудов, пинцеты, обкладки ножен имеют полное сходство с приаральскими типами. Поступала и кружальная посуда, и подражавшая ей и, вероятно, чеканке, продукция ручного труда в виде красноглиняных лощеных кувшинов с плоским дном и тонкими узорами, нанесенными металлургическим орнаментом.

Еще недавно IV–V вв. предлагались в качестве переходного периода. Вместе с тем, например, Л.Н. Корякова, В.М. Морозов и Т.А. Суханова указывали на длительность этой переходной фазы, считая, что саргатское население лесостепи мигрировало на запад уже в первые века н.э., а в подтаежной зоне они остались и сохраняли дольше свои традиции. Нам кажется, что нет оснований удревять бакальскую культуру до первых веков н.э., базируясь на даты с Большого Бакальского городища и Ласточкина Гнезда-1, так как первое уничтожено, а незначительные материалы с новых раскопок на напольной площадке, за внешним рвом, никак не отражают средневековых напластований уже исчезнувшего памятника, а относятся к раннему железному веку. Второе имеет настолько тонкий слой с находками разных эпох прямо под дерном, что считать его базовым памятником не приходится. Однако большая серия дат по ^{14}C для финала саргатской культуры по Коловскому и Рафайловскому городищам дает IV в. Поэтому основную информацию о рассматриваемой эпохе следует видеть в некрополях Устюг-1 и Козлов Мыс-2. Они датируются IV–V вв., причем содержат явные саргатские, кашинские элементы наряду с карымскими. Это доказывает, по нашему мнению, краткосрочную дату переходного периода как начало IV в.

Р.Д. Голдина как показатель проникновения новых этнических групп в Прикамье выделила курган-

ный способ погребения, наземные жилища столбовой конструкции, острорреберную посуду с гребенчато-шнуровыми отпечатками и защипами по бортику, а источник новаций связала с притоком саргатского населения из Западной Сибири. Однако анализ погребений прикамского неволинского и зауральского гороховского населения, проведенный В.А. Ивановым, не дал существенного сходства. Этой зависимости и не должно было обнаружиться, так как гороховская культура прекращает свое существование во II в. до н.э. Прямой преемственности с саргатским населением также нет, поскольку возведение курганов было характерно и для сарматов, и для карабызских групп, а указанные типы жилища и керамики – даже против данной взаимосвязи, так как не характерны для саргатской культуры. За эту связь – только наличие ровиков вокруг могил, скопления костей лошади и единичные похожие по декору на саргатские, но более приземистые горшки. Скорее, элементы сходства, которые усматривали в культуре зауральского населения раннего железного века, следует адресовать раннесредневековому бакальскому. Вероятно, группы саргатского происхождения наряду с кашинскими и карымскими сначала вошли в бакальскую ассоциацию полукочевников, а через них опосредованно саргатское влияние обнаружили в неволинских и харинских древностях. В частности, в материалах раннего Бирского могильника пришлый компонент также представлен бакальской традицией бомбовидных горшков, украшенных ямками.

Принимая во внимание возможную одновременность откочевки на запад отдельных групп, следовало бы сравнить между собой бродовские и кашинские комплексы, однако последние единичны. Мы полагаем, что отдельные коллективы, мигрировали в Приуралье из бакальского ареала и в IV, и в V, и в VI вв., участвуя в формировании бахмутинского и караякуповского населения, механизм же возникновения кушнарниковских комплексов в Западной Сибири пока не совсем ясен.

И.В. Матюшко

Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбурге

Возможности использования количественных методов в исторических исследованиях (на примере материалов средневековых кочевников Южного Урала)

Возможности использования количественных методов были реализованы в целом ряде работ ученых-медиевистов. Прежде всего, труды Г.А. Федорова-Давыдова, посвященные изучению средневе-

ковых кочевников Восточной Европы, оказали большое влияние на разработку методической базы исследований средневековых памятников (Федорова-Давыдов, 1966, 1970, 1987). Наиболее результа-

тивными из них стали исследования в области изучения элементов материальной культуры и хронологизации средневековых комплексов Волго-Уралья на основе взаимовстречаемости определенных типов вещей в одном закрытом комплексе (Кригер, 1985). В дальнейшем исследование структуры погребального обряда и проведение процедуры вычислений взаимовстречаемости признаков погребального обряда было проведено в работе В.А. Иванова, В.А. Кригера (Иванов, Кригер, 1988), где был выработан список из 211 признаков, детально характеризующих погребальный обряд, и было проведено сравнение признаков погребального обряда средневековых курганов с земляной и каменной конструкцией (Иванов, Кригер, 1988. С. 81–84). В результате сравнения общих признаков исследователями были выделены наиболее типичные признаки для курганов с земляной и каменной конструкцией. Затем внутри каждой группы курганов были перечислены признаки, связанные, по мнению ученых, с этнографическими различиями (Иванов, Кригер, 1988. С. 50). Стремление связать археологические признаки с этнической составляющей были продолжены в других исследованиях (Иванов, 1991; Иванов, Яминов, 1993, 154–161; Гарустович, Иванов, 2001; Иванов, 2006; Иванов, Крыласова, 2006). Однако, актуальные проблемы поиска отражения в погребальном обряде этнических, хронологических и религиозных групп требовали применения специальных методов, дающих возможность не только констатировать наличие того или иного признака, но и выяснить взаимосвязи между признаками. Определение взаимовстречаемости признаков погребений кочевников IX–XIV вв. степей Приуралья было впервые проведено в рамках диссертационного исследования И.В. Матюшко (Матюшко, 2008). В результате, были выявлены группы признаков погребального обряда, связанные между собой и отражающие социальные, этнические и религиозные характеристики погребального обряда. Так, было установлено, что место и способ захоронения коня, а также тип надмогильного сооружения имеют датирующее и этнографическое значение. Эти признаки были положены в основу разделения на типы погребений средневековых кочевников степного Приуралья (Матюшко, 2008).

Отдел А. Части коня (череп и ноги) расположены на одном уровне слева от костяка человека. Ориентировка человека и коня совпадает.

Тип I (7) Погребения под земляными насыпями.

Отдел Б. Части коня (череп и ноги) расположены на ступеньке слева от костяка человека. Ориентировка человека и коня совпадает.

Тип I (2) Погребения с каменной выкладкой на древнем горизонте, перекрытые земляной насыпью.

Тип II (1) Погребения, над которыми была сооружена земляная насыпь, сверху обложенная камнями.

Тип III (1) Погребения, над которыми была сооружена каменная выкладка (без земляной насыпи).

Отдел В. Части коня (череп и ноги) расположены над костяком человека. Ориентировка человека и коня совпадает.

Тип I (5) Погребения под земляными насыпями.

Отдел Г. Части коня (череп и ноги) расположены на ступеньке справа от человека. Ориентировка человека и коня противоположная.

Тип I (5) Погребения под земляными насыпями.

Тип II (1) Погребения, над которыми была сооружена земляная насыпь, сверху обложенная камнями.

Отдел Д. Целый остов коня расположен на ступеньке слева от человека. Ориентировка человека и коня совпадает.

Тип I (2) Погребения под земляными курганами.

Тип II (19) Погребения с каменной выкладкой на древнем горизонте, сверху перекрытой земляной насыпью.

Отдел Е. Без костей коня.

Тип I (122) Погребения под земляными насыпями.

Тип II (26) Погребения с каменной выкладкой на древнем горизонте, сверху перекрытой земляной насыпью.

Тип III (21) Погребения под каменно-земляными насыпями.

Тип IV (56) Погребения, над которыми была каменная выкладка (без земляной насыпи).

Тип V (18) Погребения с кирпичной оградкой на древнем горизонте, сверху перекрытой земляной насыпью.

Тип VI (7) Погребения в мавзолеях.

В классификационную схему вошло большинство изучаемых погребений (рис. 1). Не были учтены 26 погребений с захоронением коня, где части коня, находились в насыпи или в отдельной яме, в насыпи кенотафа, а также те погребения, где из-за ограбления не устанавливается ориентировка или местоположение коня.

Также было установлено, что на основе анализа данных о взаимосвязанности вещей можно различать мужские и женские погребения средневековых кочевников степей Приуралья (Матюшко, 2008). Это подтвердилось и по материалам специального исследования определенных категорий вещей, проведенного Р.Р. Каримовой (Каримова, 2010).

Таким образом, использование количественных методов в археологии на примере изучения средневековых памятников степного Приуралья способствует созданию эффективной методики, которая может быть использована при изучении погребального обряда средневековых кочевников других регионов степей Евразии.

Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001. Огузы и печенеги в Евразийских степях. Уфа.
Иванов В.А., Кригер В.А., 1988. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М.

Иванов В.А., 1991. Этнические процессы в степной и лесостепной полосе южного Урала и Приуралья в VII–XIV вв. н.э.: Рукопись дис. ... докт. ист. наук. М.

- Иванов В.А., Яминов А.Ф., 1993. Погребальный обряд золотоордынского времени в Южном Приуралье (сравнительно-типологическая характеристика) // Кочевники урало-казахстанских степей. Уфа.
- Иванов В.А., 2006. Сравнительно-типологическая характеристика погребальных памятников кочевников Урало-Поволжья огузо-печенежского и золотоордынского периодов (к вопросу об этнокультурной преемственности в кочевнической среде Евразии) // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы III регион. науч.-практ. конф. Челябинск.
- Иванов В.А., Крыласова Н.Б., 2006. Взаимодействие леса и степи Урало-Поволжья в эпоху средневековья (по материалам костюма). Пермь.
- Каримова Р.Р. 2010. Элементы убранства и аксессуары костюма кочевников Золотой Орды (типология и социокультурная интерпретация): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань.
- Кригер В.А., 1985. Кочевники Южного Приуралья и Заволжья в средние века (X–XIV вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Матюшко И.В., 2008. Погребальный обряд кочевников степей Приуралья в IX–XIV вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1970. О статистическом исследовании взаимовстречаемости признаков и типов предметов в археологических комплексах // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.
- Федоров-Давыдов Г.А. 1987. Статистические методы в археологии. М.

В.В. Мурашева

Государственный исторический музей, Москва

Городище у с. Супруты (IX – начало X в.) в системе этно-культурных связей

1. Многослойное городище у с. Супруты расположено на высоком мысу правого берега р. Упы в 50 км к югу от Тулы (Щекинский р-н). Памятник исследовался в течение полувека (С.А. Изюмовой, А.В. Шевковым и А.В. Григорьевым) и за это время собрана огромная коллекция артефактов. Поселок погиб в результате штурма, в составе финального горизонта, насыщенного большим количеством находок, зафиксировано более сотни костяков погибших и не погребенных жителей. Своеобразие коллекции обусловлено уникальным сочетанием в ней предметов славянского (роменского), хазарского (салтовского) и скандинавского происхождения.

2. Феномен данного памятника, очевидно, обусловлен как его расположением на границе сфер влияния варяжских князей и Хазарии (проходила в бассейне Оки), так и вхождением в систему Донского речного пути. На ранних этапах поступления арабского серебра в Восточную Европу, Донской путь (наряду с Волжским и с путем по Северскому Донцу) играл важную роль.

3. Анализ вещевой коллекции ярко демонстрирует направление движения потоков товаров и, возможно, перемещения части населения по трансевропейским торговым путям Восточной Европы. Четко прослеживается поступление цветного металла на территорию Окско-Донского водораздела по Волхово-Ловатскому и Западно-Двинскому путям. Металл поступал на городище Супруты, как в виде слитков, так и в виде женских украшений (часто уже разрубленные фрагменты – ювелирный лом). Большое количество балтских древностей с городища Супруты обна-

руживает аналогии на территории проживания латгальских племен (Люцинский могильник и др.). Целый пласт женских украшений связан с территорией культуры смоленских длинных курганов.

4. В составе коллекции зафиксировано также большое количество поволжско-финских древностей, прежде всего, шумящих украшений. Поволжско-финские древности на роменских памятниках, вероятно, являются индикатором участия этих племен в международных процессах и в торговле (неслучайны находки шумящих украшений в могильнике Маяцкого городища и в Гнездове).

5. Основную часть населения поселка, составляли славяне, что документировано керамической коллекцией и домостроительными традициями. Возможно, в состав населения, входили выходцы с территории Хазарского Каганата, что также находит подтверждение в составе вещевой коллекции (многочисленные пуговицы и бубенчики). Смешанный состав населения подтверждается удивительной утратой этнической самоидентификации – в составе одного женского убора могли сочетаться скандинавские амулеты, салтовские серьги и славянские височные кольца.

6. Появление на Супрутах скандинавских древностей (в том числе «престижных» удил с бронзовыми позолоченными псалями, имеющими аналогию в одном из королевских курганов Норвегии) свидетельствует, вероятно, о захвате скандинавами данным пункта. Именно появление скандинавов, вероятно, выделило Супруты из всех поселков региона, превратив его в административный и торговый центр в северной части Донского речного пути.

Изобразительные традиции первой половины I тыс. н.э. в наскальном искусстве Саяно-Алтая

Степень изученности наскального искусства Саяно-Алтайского региона такова, что вопрос о разграничении изображений гунно-сарматского времени и древнетюркского периода все еще остается дискуссионным. Уже в конце XIX – начале XX в. исследователи стремились не просто копировать рисунки, но и определять время их создания. По мере открытия изобразительных материалов в археологических комплексах их активно привлекали для сопоставления с петроглифами, благодаря чему были определены основные стилистические приемы, характеризующие наскальное искусство древнетюркской и гунно-сарматской эпох. Для датировки целых серий петроглифов древнетюркским временем принципиальное значение имело открытие плит с рисунками на средневековых поселениях (Хороших, 1949; 1951; Окладников, 1959; Асеев, 1980 и др.), а также изображений на плитах древнетюркских оградок и каменных изваяниях (Руденко, Глухов, 1927; Грач, 1958; Кубарев, 1984 и др.). Культурная принадлежность таштыкских рисунков была достоверно произведена после того, как М.П. Грязновым в одном из склепов таштыкской культуры были найдены деревянные планки с изображениями, датированные им III–V вв. н.э. (Грязнов, 1971. Рис. 3–7). По аналогии с ними к гунно-сарматскому времени стали относить петроглифы Саяно-Алтайского региона, выполненные в схожей стилистической манере (Савинов, 1995; Дэвлет, 1995; Соенов, 2003 и др.).

Однако четко отделить гунно-сарматский пласт наскальных изображений от средневекового не всегда представляется возможным. Например, значительное количество динамичных композиций, включающих различных зверей, фигуры всадников и пеших

воинов получают распространение в гунно-сарматское время и продолжают сохранять свое значение в древнетюркскую эпоху. Известны целые серии петроглифов (Шишкино, Улазы), сочетающие в себе элементы таштыкской и древнетюркской изобразительных традиций. Подобное сочетание имеет место и в декоре предметов из археологических комплексов (ташебинские планки).

Вопрос о сочетании разнокультурных элементов в изображениях, датированных I тыс. н.э., неоднократно поднимался в работах Д.Г. Савинова и некоторых других авторов. Особенно много неясностей и спорных моментов вызывает завершающая стадия таштыкской культуры и начальный этап культуры енисейских кыргызов на территории Минусинской котловины. Предлагая периодизации таштыкской культуры, С.А. Теплоухов, С.В. Киселев, Л.Р. Кызласов, М.П. Грязнов и др. верхнюю ее дату определяли IV–V вв. н.э. По мнению Э.Б. Вадецкой, в определенный период таштыкские склепы и кыргызские чаатасы могли функционировать одновременно (Вадецкая, 1999. С. 200). Развитие таштыкской культуры вряд ли могло быть прервано образованием в середине VI в. Первого тюркского каганата; отдельные таштыкские традиции в искусстве населения Саяно-Алтая могли существовать и во второй половине I тыс. н.э. (Савинов, 1994. С. 21–22). Наличие общих элементов в таштыкской культуре и культуре енисейских кыргызов отчетливо прослеживается при анализе целой серии петроглифов, представляющих своеобразную изобразительную традицию и относящихся вероятно к раннему этапу истории енисейских кыргызов, когда прежние таштыкские традиции еще сохраняли свое значение.

Асеев И.В., 1980. Прибайкалье в средние века (по археологическим данным). Новосибирск.

Вадецкая Э.Б., 1999. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.

Грач А.Д., 1958. Древнетюркская каменная фигура из района Мунгу-Хайрхан-Ула (юго-западная Тува) // КСИЭ. Вып. XXX.

Грязнов М.П., 1971. Миниатюры таштыкской культуры (из работ Красноярской экспедиции 1968 г.) // Материалы и исследования по археологии СССР. Л. (АСГЭ; Вып. 13).

Дэвлет М.А., 1995. Три наскальные композиции из Тувы // Древнее искусство Азии. Петроглифы. Кемерово.

Кубарев В.Д., 1984. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск.

Окладников А.П., 1959. Шишкинские писаницы – памятник древней культуры Прибайкалья. Иркутск.

Руденко С.И., Глухов А.Н., 1927. Могильник Кудэргэ на Алтае // Материалы по этнографии. Л. Т. III. Вып. 2.

Савинов Д.Г., 1994. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. Кемерово.

Савинов Д.Г., 1995. О происхождении таштыкского стиля // Древнее искусство Азии. Петроглифы. Кемерово.

Соенов В.И., 2003. Петроглифы Горного Алтая гунно-сарматского времени // Древности Алтая. Горно-Алтайск. № 10.

Хороших П.П., 1949. Писаницы на горе Манхай // КСИИМК. Вып. XXV.

Хороших П.П., 1951. Наскальные рисунки на горе Манхай II (Кудинские степи) // КСИИМК. Вып. XXXVI.

Бохайская колонизация Западного Приамурья и взаимоотношения этнических групп населения во второй половине I тыс.

Археологические исследования раннесредневековых культур населения Западного Приамурья (Амурская обл. России и округ Хэйхэ пров. Хэйлунцзян, КНР) показали, что во второй половине I тыс. из-за мохэ-бохайской колонизации их история претерпела этнокультурные изменения.

Первое появление хэйшуй мохэ (найфельдская группа) в Западном Приамурье относится к VII в. В данный период хэйшуй мохэ устремляются из Восточного Приамурья на юг – в Приморье и в Маньчжурию, и на запад – в Западное Приамурье.

В первой половине VIII в. земли хэйшуй мохэ в Приморье и в Маньчжурии были подчинены государству Бохай. Часть хэйшуй мохэ, мигрировав в Западное Приамурье, заняла земли на Зейско-Буреинской низменности по берегам Амура, в районе священной шивэйской горы Тугэшань (совр. гора Шапка). Аборигены бэй шивэй (михайловская культура) ими были вытеснены на окраины региона.

Изучение материалов из раскопок памятников хэйшуй мохэ в Западном Приамурье, их сравнение с материалами михайловской культуры бэй шивэй и пришлых бохайских сумо мохэ (троицкая группа), показало, что хэйшуй мохэ здесь жили довольно изолированно и от аборигенов, и от бохайцев-мигрантов еще в XI–XII вв.

Бохайцы в VIII в., двигаясь с юга через единственный проход между Ильхури-Алинем и западными отрогами Малого Хингана, вышли в район расселения хэйшуй мохэ по Амуру. В результате неудачных для них военных действий с хэйшуй мохэ, они были вынуждены продвинуться в бассейн Зеи и Верхнего Амура, занятый шивэйским населением. Пришлось бохайское население оказалось активным и смогло освоить земли по Амуру до Шилки и Малого Хингана, где найдены их поселения и городища: Витчик, Лужанки, Усть-Черная, Чесночиха, Сохатиный Ключ и др.

Троицкая группа мохэ (или *суму*) образовалась в результате слияния культуры пришлых бохайских сумо мохэ и местного населения бэй шивэй (Болотин, 2010. С. 159). У мохэ, кроме домостроительства, которое могло быть адаптацией к приамурским природным условиям, изменения произошли в керамическом производстве.

В то же время отношения хэйшуй и бохайских сумо мохэ в Западном Приамурье складывались не просто. Если с местным бэй шивэйским населением бохайские мохэ практически сразу вступили в этноку-

льтурные контакты, то с хэйшуй мохэ они практически не смешивались. При этом с последними они имели схожий погребальный обряд и хозяйственно-культурный тип; их инвентарь представлен одинаковыми категориями вещей хозяйственного, бытового и военного назначения. Существенные различия были лишь в лепной керамике.

Не исключено, что на таких взаимоотношениях сказалось различие в происхождении. Сунь Хун относит хэйшуй мохэ к общности *сушень*, а сумо мохэ к *вэймо* (Сунь Хун, 2001). Антропологические исследования троицкой группы мохэ показали, что они принадлежали к *байкальской монголоидной*, а найфельдской – к *дальневосточной монголоидной расе*. Это могло стать одной из причин слабого контакта между ними на новой территории.

Другая возможная причина этого явления – в *языке*, на котором они говорили. Китайские исследователи, интерпретируя фразу «Синь Тан шу» (раздел «сумо мохэ») о том, что у шивэй «язык такой же, как у мохэ», полагают монголоязычность самих сумо мохэ. По их мнению, шивэйский язык одинаков с киданьским и доумолоу, которые были потомками *фулюй* монголоязычной общности *вэймо*. Поэтому, «учитывая происхождение сумо мохэ от *вэймо*, можно объяснить, почему язык мохэ одинаков с языком шивэй», т. е. монгольский (Сунь Цзиньци и др., 1991). В то же время китайские летописи традиционно относят мохэ к тунгусоязычным народам (Бичурин, 1998. С. 71).

Территория сумо мохэ на р. 2-я Сунгари является пограничной с ареалом киданей и доумолоу. Видимо, во фразе о родстве языка у шивэй и мохэ скрывается информация о *двуязычности приграничных мохэ, в том числе и сумо мохэ*. Находясь на границе разных языковых общностей, они могли говорить и на тунгусском, и на монгольском языке.

Третья причина – политическая. Сумо мохэ как представители государства Бохай были врагами для хэйшуй мохэ. Именно на них была направлена военная агрессия бохайцев, почему они и бежали в Западное Приамурье. И встреча на новой земле так и не привела их к примирению и объединению в один народ.

Все это позволяет смоделировать ситуацию взаимоотношения сумо мохэ с бэй шивэй и с хэйшуй мохэ, а также последних с аборигенами.

1. Для бэй шивэй хэйшуй мохэ воспринимались как *чужие*, в том числе и по языку, захватившие

родовые земли и осквернившие их священную гору Тугэшань (в 2010 г. на г. Шапке найдены жилища найфельдской группы мохэ).

2. Переселившиеся сумо мохэ для хэйшуй уже были *чужие*. Сумо же, потерпевшие поражение от хэйшуй мохэ, могли восприниматься бэй шивэй как *свои* из-за их конфликта с хэйшуй мохэ, к тому же общавшиеся с ними на понятном им монгольском языке.
3. Анализ археологического материала показал, что *интеграция* бэй шивэй в бохайское сообщество,

Бичурин Н.Я., 1998. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Алматы. Т. II.
Болотин Д.П., 2010. Мохэские традиции в Западном Приамурье // Традиционная культура востока Азии. Благовещенск. Вып. 6.

представленное сумо мохэ, привела к созданию синкретичной троицкой группы мохэ.

4. Имеющиеся материалы говорят о незначительных контактах представителей двух групп мохэ в Западном Приамурье. При этом памятников троицкой группы значительно больше, чем найфельдской, и с VIII в. они *сосуществуют*, иногда на одной территории.

Таков общий набросок схемы этнокультурных взаимоотношений населения в Западном Приамурье во второй половине I тыс.

Сунь Хун, 2001. Мохэ, бохайцы, чжурчжэни // Древняя и средневековая история Восточной Азии: К 1300-летию образования государства Бохай. Владивосток.

Сунь Цзиньцзи, Ай Шэнью, Чжуан Янь, 1991. Этническое происхождение бохайцев // Бохай-дэ лишэ юй вэньхуа (История и культура Бохая). Яньбянь жэньминь чубаньшэ (на кит. яз.).

В.С. Нефедов

Институт археологии РАН, Москва

Смоленские кривичи и Русь: североевропейские и древнерусские изделия в смоленских длинных курганах

Смоленское Поднепровье было в конце IX – X в. одним из главных очагов формирования Древнерусского государства и древнерусской культуры. Местное кривичское население, т.е. носители культуры смоленско-полоцких длинных курганов (КСДК), несомненно, принимало участие в этих процессах, хотя характер и степень этого участия пока не вполне понятны.

Одним из основных источников для решения вопроса о влиянии складывавшейся древнерусской культуры и древнерусского населения на КСДК выступают предметы североевропейского (преимущественно скандинавского) и собственно древнерусского происхождения, найденные на памятниках КСДК. Рассмотрим соответствующие находки из погребальных комплексов этой культуры, расположенных на территории будущей Смоленской земли – в Смоленском Поднепровье, а также в Смоленском и Торопецком Подвинье.

Выделение указанных древностей на «недревнерусских» памятниках Восточной Европы конца I тыс. вызывает некоторые трудности. Они связаны, во-первых, с тем, что древнерусская материальная культура была по сути синкретичной, т.е. активно заимствовала технологии, стили и типы изделий, выработанные в других, в т.ч. неславянских культурах Восточной Европы и соседних регионов. Во-вторых, к концу I тыс. относится начальный этап формирования древнерус-

ской культуры, когда оригинальные, исключительно ей присущие виды изделий только начали создаваться. Фактически речь может идти о выделении в погребальном инвентаре КСДК типов изделий, наиболее характерных именно для ранних древнерусских памятников, которые вероятнее всего могли попасть к смоленским кривичам от древнерусского населения или от скандинавов.

В исследуемую выборку включено около 70 предметов из 22 погребений в восьми могильниках. Эту выборку для памятников восточной части ареала КСДК можно считать минимальной, т.е. в действительности изделий такого рода там может быть больше. В нее входят:

1. *Украшения и детали костюма*: шейная гривна сложного сечения с многогранными головками (рис. 1: 7); равноплечные фибулы (2) типов IA: 1 и IB: 1 по Г.-Б. Огорд (рис. 1: 1, 2); подковообразная фибула со звериной личиной в стиле Борре (рис. 1: 3); подковообразные фибулы с многогранными головками (3) (рис. 1: 5, 6); подвески-лунницы (2) (рис. 1: 8, 9); «трехдырчатые» подвески (4) (рис. 1: 14, 15); ромбовидные подвески (19) (рис. 1: 16–18); плетеные цепочки (не менее 20) (рис. 1: 16–19); браслеты, близкие к «узкомассивным» по В.П. Левашевой (2) (рис. 1: 10, 11); широкосрединный перстень (рис. 1: 12); перстень

из 4-гранного тордированного дрота (рис. 1: 13); круглая сбруйная бляшка с медвежьей (?) личиной в стиле Борре (рис. 1: 4).

2. *Бытовые предметы*: ножи группы IV по Р.С. Минасяну (6) (рис. 1: 20, 21); односторонние гребни (6), определяемые обломки которых принадлежат к группе 1, варианту *в* (4) (рис. 1: 22–25) и группе 2 (1) (рис. 1: 26) по О.И. Давидан.

Дополнительно укажем на две группы бус, которые проникают к носителям КСДК только с появлением на изучаемой территории древнерусских поселений: стеклянные навитые «зонные» (9) и сердоликовые (5). Почти все они найдены в тех же погребениях, что и упомянутые ранее изделия. Учет этих бус добавляет только одно новое погребение, т. е. всего рассмотрено 23 комплекса.

Гривна изготовлена из низкопробного серебра, одна из лунниц свинцово-оловянная, остальные украшения бронзовые или латунные. Большинство типов украшений представлено в погребениях единичными находками или сериями в 2–3 экземпляра, что может указывать на их в основном случайное попадание к носителям КСДК. Исключение составляют литые трехдырчатые и ромбовидные подвески, а также плетеные цепочки, на которых носили ромбовидные под-

вески. Эти украшения производились на древнерусских торгово-ремесленных поселениях X в. (Гнездо-во, Городок на Ловати) специально или преимущественно для носителей КСДК.

Более половины погребений КСДК с североевропейскими и древнерусскими изделиями датируется концом IX – X в., самые поздние – второй половиной X в. Для двух комплексов (Заозерье, курган 64, погребение 2; Торопец 2, курган 23) датировка IX в. более вероятно, но не исключена и первая половина X в. Следовательно, поступление к смоленским кривичам такого рода предметов началось во второй половине или, вероятнее, в конце IX в., но в основном приходится на X в., главным образом на его первую половину и середину.

Приведенные данные, в частности, показывают многочисленную серию погребений КСДК X в. (возможно, исключая конец столетия) в изучаемом регионе, синхронную ранним древнерусским памятникам, и опровергают мнение о том, что эта культура на Смоленщине исчезает не позже начала X в.

Показательна топография рассматриваемых погребений. Большинство из них сконцентрировано в могильниках Смоленского Подвинья, точнее, бассейна р. Каспля: Заозерье (12) и Шугайлово (4); небо-

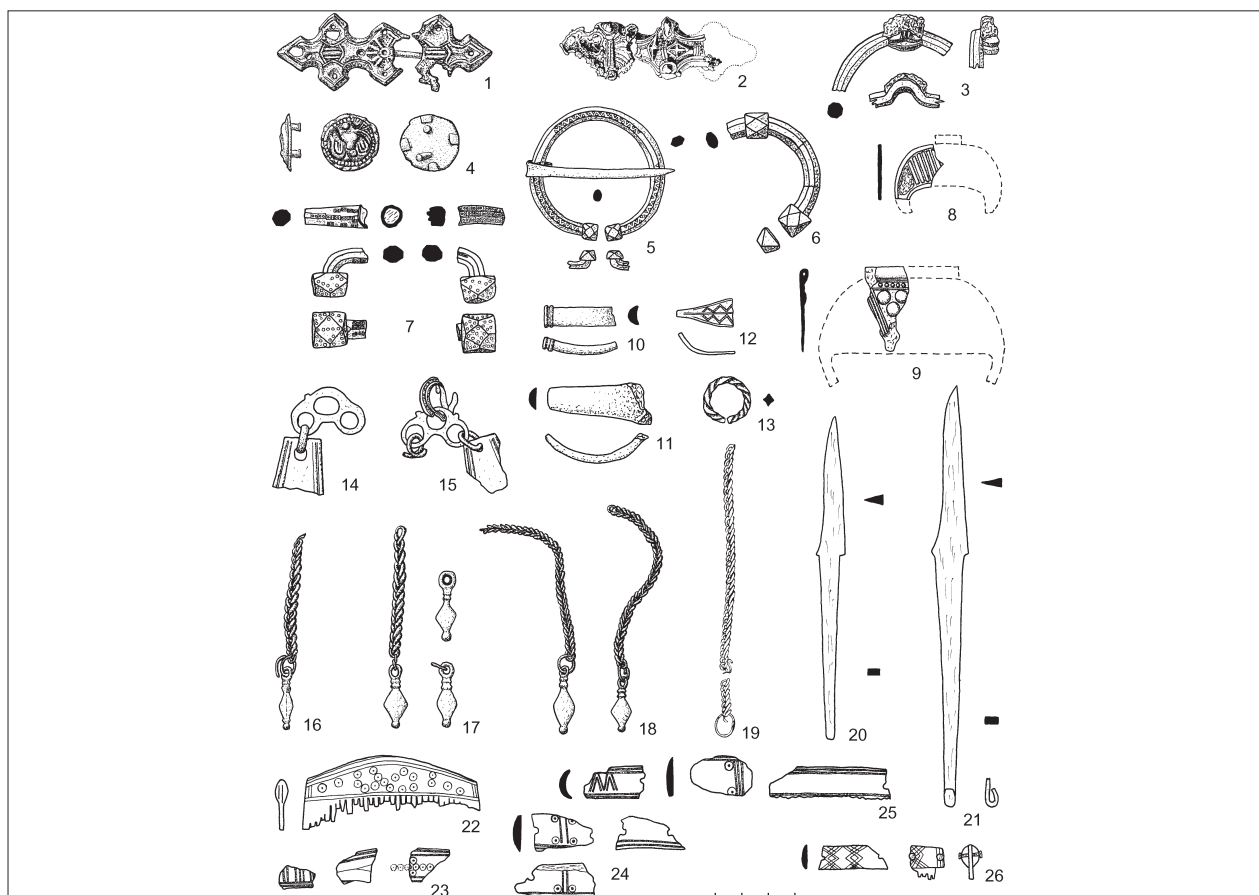

Рис. 1

Североевропейские и древнерусские изделия из смоленских длинных курганов:

- 1, 15 – Заозерье, курган 68; 2 – Торопец 2, курган 23; 3 – Заозерье, курган 4, погребение 2; 4 – Арефино, курган 3 (22), 1874 г.; 5, 25, 26 – Заозерье, курган 63, погребение 4; 6 – Шугайлово, курган 19, погребение 2; 7, 17 – Шугайлово, курган 8; 8, 19 – Сельцо, курган 1, 1968 г.; 9 – Михайково; 10, 18 – Заозерье, курган 5, погребение 4; 11, 16 – Речане, курган 1; 12 – Заозерье, курган 5, погребение 2; 13 – Заозерье, курган 5, погребение 1; 14 – Заозерье, курган 59, погребение 2; 20 – Заозерье, курган 67, погребение 3; 21 – Заозерье, курган 48, погребение 2; 22 – Шугайлово, курган 6, погребение 1; 23 – Заозерье, курган 52, погребение 1; 24 – Заозерье, курган 64, погребение 2

льшая концентрация наблюдается в низовьях р. Воль, правого притока Днепра (Михейково, Сельцо – всего три) и в районе будущего г. Торопец (Речане, Торопец 2 – всего два). К югу от Днепра, на его левобережье, погребения с интересующими нас вещами почти не встречаются (Арефино, Кушлянщина – всего два). Обращает на себя внимание почти полное отсутствие погребений КСДК с рассматриваемыми предметами в радиусе около 50 км вокруг Гнездова, в то время как в окрестностях ранних древнерусских центров более низкого ранга (Рокот, Шишкино, не сохранившееся городище (?) на западной окраине Торопца) они распространены. Между тем, могильники КСДК VIII–IX вв. в центральной части Смоленского Поднепровья, включая его левобережье, довольно многочисленны. Вероятно, этот факт свидетельствует об исчезновении или резком сокращении числа поселений КСДК на расстоянии около двух дневных переходов от раннегородского поселения в Гнездове уже в первой половине X в.

К сказанному можно добавить, что в некрополе Гнездова нет не только погребений КСДК, но, по-видимому, и отдельных украшений этой культуры, в то время как на Гнездовском поселении находки последних многочисленны. Это обстоятельство может указывать на то, что носители КСДК присутствовали в Гнездове, но не жили там постоянно и не входили в состав раннегородской общины.

В целом приведенные данные характеризуют контакты древнерусского населения и кривичей на Смоленщине как довольно активные и длительные (около 100 лет). Показательно, что количество выделенных изделий североевропейского и древнерусского происхождения превышает число «салтовских» предметов в погребениях КСДК на той же территории. Тем не менее, можно заключить, что это культурное взаимодействие было неравноправным и протекало в условиях сильного военно-административного давления древнерусской, особенно гнездовской «элиты» на местных жителей.

Т.Б. Никитина, Д.Ю. Ефремова

*Марийский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории им. В.М. Васильева, Йошкар-Ола*

Захоронения с орудиями литья («литейщиц») в марийских могильниках IX–XI вв.¹

Роль женщин, захороненных с орудиями литья, в хозяйственной деятельности средневекового общества достаточно полно и ярко раскрыта в работах Б.А. Рыбакова (Рыбаков, 1948) и Л.А. Голубевой (Голубева, 1984), которыми был поставлен вопрос о развитии женского литейного ремесла. С тех пор термин женщины-«литейщицы» прочно вошел в научный оборот.

На сегодняшний день новые источники по аналогичным захоронениям и возможности проведения металлографических анализов льячек и украшений, антропологических и биоархеологических исследований костей из погребений, привлечение этнографических и фольклорных материалов позволяют существенно расширить тему исследования – определить место женщин, захороненных с орудиями литья, в социальной и духовной жизни общества.

В марийских могильниках Волго-Вятского междуречья IX–XI вв. (Веселовском, «Черемисском кладбище», «Нижней стрелке», Дубовском, Русенихинском) обнаружено более 20 комплексов с льячками и литейными формами: труположения, трупосождения и жертвенные комплексы в межмогильном пространстве. Орудия литья в погребениях (от одной до трех лья-

чек, литейные формы) входили в состав вещей, положенных в изголовье, и только в одном случае льячка обнаружена в ногах. Вместе с льячками часто встречаются другие орудия труда: ножи, шилья, пряслица и т.д.

Анализ инвентаря позволил выявить вещевой комплекс, характерный для абсолютного большинства аналогичных захоронений: несколько рядов металлической цепочки в составе головного убора, височные кольца, наборный пояс, костяные копоушки, нагрудные украшения, браслеты и перстни, кресала для добывания огня. Среди височных колец преобладают браслетообразные кольца с заходящими концами, один из которых отогнут (рис. 1: 4), среди нагрудных украшений парные коньковые подвески с трапециевидной основой (рис. 1: 7) или круглые наборные подвески с шумящими привесками (рис. 1: 6). Все они являются этноопределяющими марийскими украшениями эпохи средневековья. В тех случаях, когда в погребениях не обнаружены нагрудные украшения, присутствует ожерелье, в состав которого входят зооморфные подвески или когти животных (рис. 1: 10).

По материалам Русенихинского могильника можно сделать реконструкцию костюма. Его особенности

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект 11-11-12001а/в).

и, прежде всего, многочисленные этноопределяющие украшения, как обязательные атрибуты костюмного комплекса, позволяют считать их хозяек носительницами и хранительницами народной традиции.

Эти наблюдения подтверждаются данными погребального обряда. Захоронения с орудиями литья имеют жертвенные комплексы в изголовье и/или ногах, подстилки и покрытия из меха и луба и другие элементы, характерные для обряда захоронения средневековых мари. При исследовании Русенихинского могильника (погребения 2, 6) прослежено, что погребенные были завернуты в луб или положены в лубяную колоду. Стандартный набор украшений показывает, что в погребениях захоронены женщины одной возрастной и социальной группы. Богатство захоронений подтверждает их высокий статус. Особое положение в обществе подчеркивает и нахождение женщин с орудиями литья в коллективных захоронениях могильников «Черемисское кладбище» и «Нижняя стрелка». В этом плане показательно погребение 32 «Нижней стрелки». В ноги женского захоронения положен череп с украшениями (частичное захоронение). За редким исключением, захоронения в составе погребального инвентаря имеют топор.

Костюм женщин-«литейщиц» отличается не только богатством, но наличием в их составе разнообразных оберегов в виде схематических изображений водоплавающей птицы, коней, змеи, орнаментированных копоушек. Кроме того, обращает внимание богатый декор костяных рукояток шильев, встречающихся в данных захоронениях. Среди кресал преобладают биметаллические изделия с навершием из цветного металла, выполненные в виде реальных и мифических птиц и животных. Обилие подобных символов

подтверждает магическое значение процесса изготовления украшений и ставит вопрос о том, что эти женщины одновременно могли быть исполнителями определенных обрядов. В пользу последнего предположения свидетельствуют обнаруженные в ряде захоронений совместно с льячками и литейными формами куски белого металла: свинца или олова («Черемисское кладбище», погребение 8; Веселовское, погребение 12; «Нижняя стрелка», погребение 5). Анализ трех льячек из погребения 14 «Черемисского кладбища» показал наличие в них олова и свинца. Безусловно, олово и свинец использовались при производстве украшений. Однако большинство украшений изготовлены из сплавов на основе меди, олово и свинец используются как добавки. Удивительно, что ни в одной льячке не обнаружена медь. Вполне возможно, что олово и свинец применялись только в качестве припоя. В таком случае следует признать, что эти женщины осуществляли только последний этап в изготовлении украшения: его сборку из составных частей. Возможно и другое объяснение. Олово и свинец использовались для выполнения ритуальных действий. В мариjsких обрядах XIX в. при совершении жертвоприношений и молений богам олову (свинцу) отводилась особая роль (Яковлев, 1887. С. 33; Кузнецов, 1879. С. 105). О ритуальной функции орудий в указанных выше комплексах может свидетельствовать и неоднократно зафиксированное заворачивание литейных форм в бересту.

Таким образом, комплексное использование источников позволяет рассмотреть погребения с орудиями литья в качестве объектов для изучения различных сторон жизнедеятельности средневекового общества: хозяйственной, социальной и религиозной.

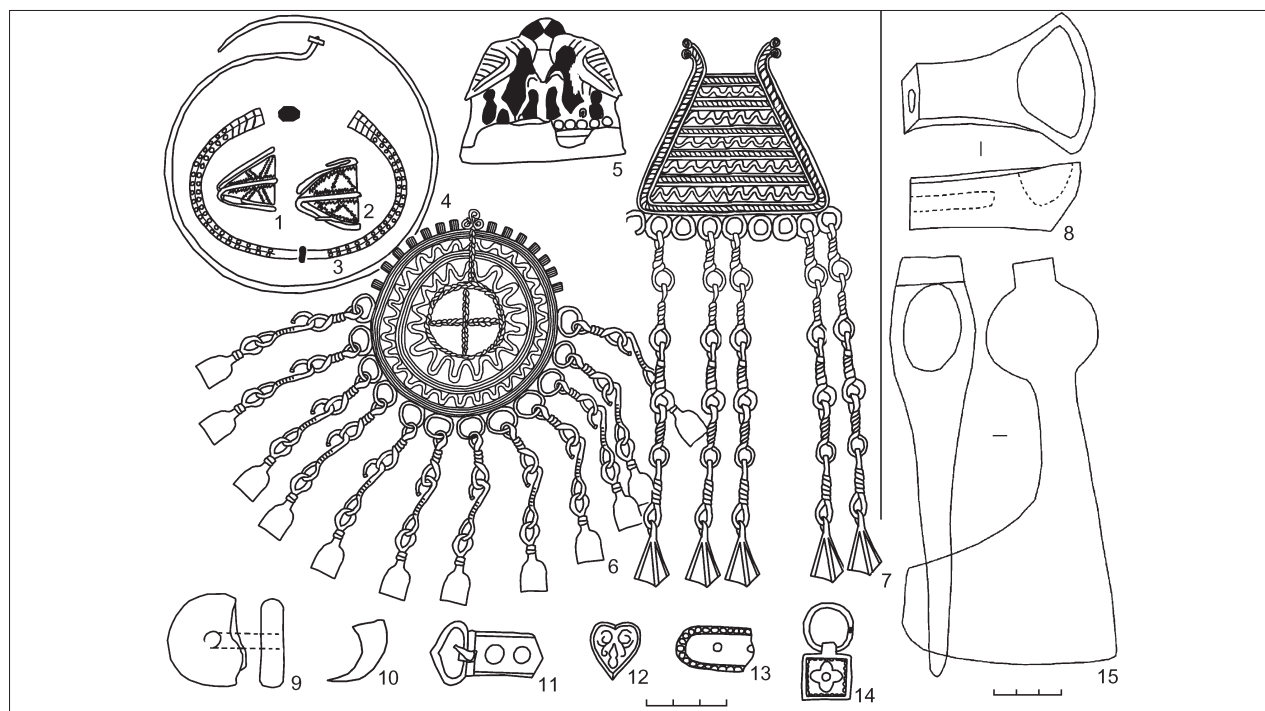

Рис. 1

Наиболее характерные вещи в погребениях женщин-«литейщиц»

Русенихинский могильник, погр. 6.: 1-4, 6, 7, 11-14 – цветной металл; 5 – железо, цветной металл; 8, 9 – керамика; 10 – кость; 15 – железо

Голубева Л.А., 1984. Женщины-литейщицы (Из истории женского ремесленного литья у финно-угров) // СА. № 4.
Кузнецов С.К., 1879. Четыре дня у черемис во время Сюрема. Этнографический очерк. СПб.

Рыбаков Б.А., 1948. Ремесло Древней Руси. М.
Яковлев Г., 1887. Религиозные обряды черемис. Казань.

В.В. Новиков

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

Уздечные наборы скандинавского облика на территории Древней Руси в X в.

Оголовье (узdechка), выполняя, на первый взгляд, исключительно утилитарную функцию, в эпоху формирования древнерусского государства подчеркивала статус владельца, его социальную значимость и богатство.

На территории Древней Руси в X в. получили распространение узdechные наборы, состоящие из металлических элементов, украшенных в соответствии с разными художественными традициями. Среди них высокой популярностью пользовались узdechные наборы, металлические элементы которых были украшены в одном из скандинавских орнаментальных стилей (55 из 142 рассмотренных). Из этого количества на долю закрытых комплексов (погребений и кладов) приходится 21 находка, тогда как остальные 34 представлены отдельными элементами. За редким исключением, все находки происходят из курганов с трупосожжением и, конечно, дошли до нас с известным числом утрат. Однако аналогии и ряд реконструкций, связанных с материалами Скандинавии, позволяют нам достаточно уверенно представить себе их конструкцию и облик.

На основании отдельных находок кожаных ремней можно говорить о том, что оголовье состояло из затылочного, налобного, наносного, подгубного, нащечных и подбородных ремней. Ширина ремней оголовья составляла 1,5–1,8 см. Ширина ремней повода могла достигать 3 см. Сами ремни могли быть одинарными и двойными, толщиной 0,2–0,3 см.

При сравнении узdechных наборов скандинавского облика в закрытых комплексах можно отметить устойчивые сочетания наиболее популярных элементов в их составе. Скандинавские оголовья состояли из накладок, наконечников ремней, подвесок в виде скульптурных зооморфных головок, накладок на пересечение ремней (преимущественно квадратных и крестовидных), распределителей ремней суголовья в виде зажимов на кольцо, распределителей в виде колец с фигурными накладками, пряжек, обойм, а также направляющих ремней суголовья и повода. Часть скандинавских оголовий сопровождалась удилами IV и V типа (Кирпичников, 1973. С. 10–11), отличительной

чертой которых было наличие трехлопастных выпуклых накладок на кольцевидный псалий и орнаментированных фигурных псалий.

Основной материал, из которого были изготовлены различные ременные детали, – это медный сплав, серебро и железо. Предметы, выполненные из медного сплава, чаще всего были позолоченные. Одной из особенностей декоративных или функционально-декоративных деталей богатых скандинавских наборов является присутствие среди них значительного числа ажурных (или прорезных) элементов. К простым наборам относятся оголовья, имеющие только по четыре железных накладки на пересечение ремней или пару колец с тремя железными зажимами. Примечательное явление для Древней Руси – использование смешанных оголовий, которые состоят из элементов, выполненных в разной технике и украшенных разным декором. В таких оголовьях можно увидеть сочетание элементов, украшенных скандинавским орнаментом, и предметов, связанных с восточной или среднеднепровской торевтикой.

Примерами оголовий скандинавского облика можно считать следующие комплекты из закрытых комплексов: оголовья из гнездовских курганов 65(7) 1900 г., 74(16) 1900 г. (С.И. Сергеев), Ц-78 1896–1897 гг., Ц-41 1885 г., Ц-93 1896–1897 гг., Л-122 и неизвестного комплекса (В.И. Сизова), Оль-23 и Оль-24 1905 г. (И.С. Абрамов), Л-35 1949 г. (Д.А. Авдусин) (Новиков, 2009. Рис. 45, 79, 80, 81, 82); оголовье из клада 1969 г. на территории городища Супруты, раскопки С.А. Изюмовой (Мурашева, 2008); оголовье из кургана № 382 1977–1978 гг., раскопки В.Н. Седых в Тимерево (Sedyh, 2000. С. 180); оголовье из кургана № 1 1902 г. Михайловского могильника, раскопки В.А. Городцова (Мурашева, 1999. С. 25–34); оголовье из кургана в Бежецах, раскопки Д.П. Европеуса 1874 г. (Исланова и др., 2005. С. 75); узdechные наборы из села Никольского Вологодской области.

Примером смешанного оголовья может послужить погребение Ц-191 1976 г. из раскопок Д.А. Авдусина в Гнездове (Новиков, 2009. Рис. 75). В составе узdechного набора имеются элементы, относящиеся

к огузо-печенежской орнаментальной традиции, и круглые накладки на пересечение ремней, украшенные скандинавским орнаментом. Аналогии уздечным наборам скандинавского облика можно обнаружить в погребениях на территории Скандинавии: курган «Аттуна» в Швеции, курган № 1 в Борре в Норвегии, погребение «Гокстад» в Норвегии, погребение «Скопинул» в Адельсо в Швеции, погребения № 10а, 644, 752, 834, 914, 944, 955 из Бирки в Швеции, погребений

и клада на территории острова Готланд. Все захоронения относятся к X в.

Большинство предметов скандинавской группы оголовий получили распространение на территории лесной зоны Древней Руси, и хронологические рамки их бытования укладываются преимущественно в период от первой трети до конца X в. Смешанные оголовья можно датировать периодом не ранее середины – второй половины X в.

Исланова И.В., Крымов Е.Ю., Романов В.В., 2005. Варяги на Верхней Волге (новые находки) // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга. М.

Кирпичников А.Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л. (САИ; Вып. Е1–36).

Мурашева В.В., 1999. Курган I Михайловского (опыт атрибуции и датировки) // Археологический сборник. М. (Труды ГИМ; Вып. 111).

Мурашева В.В., 2008. Супрутский клад из раскопок 1969 г. М.

Новиков В.В., 2009. Уздечные наборы на территории Древней Руси в IX–XI вв. (по материалам погребений и поселений): Рукопись дис. ... канд. ист. наук. М.

Sedyh V., 2000. Timerevo – un centre proto-urbain sur la grande de la Volga // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Paris.

А.А. Нуржанов

Институт археологии Министерства образования и науки Республики Казахстан, Алматы

Особенности топографии западносемиреченских средневековых городов (VII–XIII вв.)

Одной из важных задач археологии Казахстана и Средней Азии является изучение топографии средневековых городов, которая отражает их экономическую и социальную структуру, численность населения, расположение и планировку отдельных городских центров (административного, торгового, ремесленного), места связей города с округой и другие стороны его истории (Кожемяко, 1959. С. 3). Правильная реконструкция топографии важна не только с научной точки зрения (исследование общих проблем генезиса средневековых городов), но и с практической: эти данные могут быть использованы при разработке историко-градостроительных опорных планов исторических городов, проектов реставрации и застройки их исторических центров. Следовательно, степень достоверности восстановленной топографии, тщательность и полнота археологической информации о структуре и размерах составных частей городов, подкрепленность выводов археологическими материалами будут влиять на конечные результаты работ архитекторов и реставраторов. Это необходимо учитывать при раскопках средневековых городищ, история которых тесно связана с историей ныне существующих городов (Байпаков, Григорьев, 1999. С. 18).

Образование и развитие городов Средней Азии и Казахстана, при всех общих закономерностях, не было шаблонным, имело свои особенности. Страту-

ра средневековых городов также не была единой и зависела от объективных условий процесса градообразования. Этот вывод особенно важен и справедлив для средневекового Казахстана, где формирование городских центров происходило в условиях исторически сложившегося взаимодействия оседло-земледельческого и кочевого населения, что сказалось на топографии и типах городов, своеобразии городской культуры (Акишев, 1983. С. 5).

Городище Нижний Барсхан (рис. 1) имеет в плане вид прямоугольника, ориентированного приблизительно по сторонам света (западная стена идет под углом 30°), и состоит из трех частей: средней высокой площадки, имеющей форму квадрата со сторонами 140 м у основания, и двух низких площадок, примыкающих к ней с запада и востока и имеющих длины сторон соответственно 100 и 70 м. Общая длина всего городища 310 м, средняя ширина – 140 м. Средняя часть городища (по всей вероятности, бывший шахристан) окружена со всех сторон широким валом, возвышающимся на 1–1,5 м над площадкой – внутренним двором. Вал имеет ряд расширяющихся холмов – остатков башен. Одна башня имеется с восточной стороны; она расположена примерно в середине вала; к северу от башни – следы въезда с восточной площадки. С южной стороны расположены четыре башни, две угловые, более высокие.

На вершине холма, находящегося на юго-западном углу городища, имеется неглубокая (0,5 м) воронка диаметром до 2 м. В середине вала с западной стороны – один холм, по всей вероятности, остатки башни, охранявшей въезд с западной площадки. Северо-западный угол шахристана представляет собой наиболее возвышенное место городища и имеет вид холма с плоской вершиной близкой к квадрату формы, размерами 30×30 м.

Городище Кулан (рис. 2), расположенное у восточного края современного с. Кулан на берегу р. Каракат (приток р. Чу), представляет собой возвышенную площадку почти квадратной формы с крутыми склонами, ориентированную углами по странам света. Высота ее около 7 м, размеры по линии СЗ–ЮВ – 214 м. Шахристан со всех сторон окружен земляным валом высотой от 0,3 до 0,5 м. Обнаружены остатки четырех проездов внутри городища. В северном углу шахристана расположены остатки цитадели в виде квадратного (46×46 м) в плане бугра с площадкой на нем, ориентированной, как и шахристан, углами по странам света. Над окружающей местностью цитадель возвышается примерно на 9 м, над площадкой шахристана – на 2 м. Площадка цитадели со всех сторон окружена земляным валом, возвышающимся над ней на 2–2,5 м, с остатками четырех башен на углах.

Вся местность вокруг шахристана на значительное расстояние сильно заболочена, и на ней в разных местах сохранились остатки ранних сооружений в виде крупных земляных холмов-островков, иногда сливающихся друг с другом.

Снаружи городище окружено рвом, сохранившимся на глубину около 1 м и ширину 15 м. К городищу примыкала сельская округа площадью 19–21 км², окруженная стеной.

Городище Мерке (рис. 3) расположено на первой надпойменной террасе р. Колтоган (Меркенки), абсолютная высота русла 694 м. В плане городище подквадратной формы, размерами 297×335 м по внешнему обводу стен, вытянуто по линии север – юг с незначительным отклонением (30° в западном направлении).

Само городище в плане представляет собой прямоугольный бугор, вытянутый по линии восток – запад. Длина северной стороны 380 м, восточной – 275 м, западной – 250 м. В юго-западной части городища возвышаются остатки цитадели. Она отделена от шахристана стеной, превратившейся к настоящему времени в оплывший, сильно задернованный земляной вал высотой 1,5–2 м. Углы стен укреплены круглыми башнями, еще две башни фланкировали въезд в цитадель в юго-западном углу южной стены. Внутри цитадель имеет вид прямоугольной площадки размерами 110×75 м. На ее поверхности видны остатки построек в виде бугров различных форм и размеров. К середине западной стены цитадели примыкает правильной формы прямоугольный холм высотой 4,5 м над общей поверхностью цитадельной площад-

ки. На вершине его плоская площадка размерами 17×10 м.

Территория сельской округа Мерке, примыкающая к центральным развалинам, со всех сторон была окружена «длинными» стенами.

Городище Аспара (рис. 4) расположено у юго-западной окраины с. Чалдовара, примерно в 0,5 км по дороге в п. Мерке, имеет форму прямоугольной в плане возвышенной площади со сторонами, ориентированными примерно по странам света (отклонение около 10°), размерами по линиям З–В 350 м и С–Ю – 240 м (замер произведен по верхнему краю вала). Примерно в середине восточной стены городища расположен выступающий к востоку за наружную линию высокий холм, соединяющийся с основной площадью городища при помощи земляного вала, окружающего одновременно площадь городища и этот выступ. Внутренняя площадь городища представляет собой три площадки, расположенные на разной высоте, из которых первая имеет размеры 140 (С–Ю)×220 м (З–В) и возвышается над окружающей местностью на 5–6 м; она занимает почти всю восточную половину городища; западная же, более высокая, половина в свою очередь представлена двумя площадками, из которых южная, размерами 50 (С–Ю)×130 м (З–В), расположена на высоте 10 м, а северная, размерами 140 (С–Ю)×115 м (З–В) – на высоте 17 м.

Городище с трех сторон, за исключением северной, окружено рвом, глубина которого в настоящее время составляет около 5 м, а ширина – 10–12 м. Как и в случаях с вышеописанными городищами, вокруг центрального холма много остатков ранних построек, раскинувшихся по обоим берегам старого русла Аспары.

Из приведенного описания видно, что территория городища Аспара, окруженная длинным валом, имеет значительно меньшие размеры, чем другие поселения с длинными стенами. Но структура такая же, как у других городищ, существовавших в VI–VIII вв.: центральная развалина, длинная стена, сельские округа. Отсутствие четко выраженной цитадели, по-видимому, объясняется перестройкой основной части шахристана в тимуридское время, когда цитадель была разобрана для восстановления стен нового укрепления.

Особенностями таласских и чуйских городов уже с ранних этапов развития являются их тесная связь с земледелием (Беленицкий и др., 1973. С. 206), сочетание сельскохозяйственных занятий горожан с торговлей и ремеслом, необходимость защиты обрабатываемых пригородных земель с пашнями, садами и усадьбами с помощью длинных стен. Стены протяженностью несколько десятков километров окружали освоенные горожанами земли. Последние во много раз превосходили город по площади и определяли особенности его топографии. Раннесредневековые города Чу-Таласских долин в VI–IX вв. состояли из цитадели, шахристана и городской сельскохозяйственной округа, снабжавшей его продовольствием. Контуры и количество рядов длинных стен показывают направление и степень разрастания город-

ских земель, площадь которых увеличивалась по мере того как рос и креп город. Сложность и мощность длинных стен зависели от экономического и политического значения города, а также от степени опасности его положения, угрозы набегов. Возведение длинных стен могли себе позволить только развитые крупные города. Кроме главной функции защиты пригородных земель, длинные стены также обозначали административные границы феодальных владений, являясь рубежами землепользования (Кожемяко, 1959. С. 176). Их строительство осуществлялось в VIII–X вв. Следовательно, топография раннесредневековых городов Кулана, Мерке и Аспары, как и других городов с длинными стенами, сформировалась к концу IX в.

X–XII вв. – период значительных изменений в истории городов Средней Азии и Казахстана. Происходит резкий взрыв градообразования, подъем экономики, культурной и общественной жизни городов. В них образуются рабады – торгово-ремесленные предместья, куда из шахристана перемещается экономический центр города. Этот процесс, начавшийся в IX в., наиболее интенсивно протекал в XI–XII вв. (Байпаков, 1975. С. 36). Образование рабадов не только повлияло на увеличение площади городов, но и привело к усложнению исторической топографии.

Аналогичные исторические изменения коснулись и городов в IX–XII вв. На это повлияла их структура, сложившаяся в VII–IX вв., и в частности система длинных стен. В X–XII вв. рост городов, по-видимому, выразился в увеличении не территории, а численности населения, плотности застройки в пределах длинных стен, несколькими рядами окружавших пригородные земли с садами, пашнями и усадьбами горожан.

В городах с длинными стенами рабады не выделялись в самостоятельную часть города, выраженную в топографии, как это наблюдалось в городах Мавераннахра. Торгово-ремесленные предместья развивались, вписываясь в структуру городищ, растворяясь во внутреннем кольце стен. Эта часть городской территории совмещала функции и характер застройки предыдущего времени с функциями торгово-ремесленного предместья. Наряду с сохранением усадебных комплексов после IX в. здесь появляются районы плотной застройки (Сенигова, 1972. С. 133, 134).

Топография городищ с длинными стенами в долинах Чу и Таласа в X–XII вв. была близка топографии шашских городов, где сочетались ремесленно-торговое ядро и его житница – сельскохозяйственная округа, располагавшаяся в предместье и прилегающей местности и окруженная стенами (Бернштам, 1941. С. 44).

Внешние границы городов без значительных изменений просуществовали до начала XIII в., когда города испытали сильное потрясение в результате монгольского нашествия.

По мнению А.Н. Бернштама, западносемиреченские города развивались так же, как и среднеазиатские. Образованию города предшествовали заселение района и сооружение отдельных усадеб и замков согдийскими переселенцами. Ко времени, близкому арабскому завоеванию, замки пустуют в результате развития городского типа поселений. IX–X вв. – период интенсивного роста рабада. Однако материалы, собранные П.Н. Кожемяко по топографии чуйских городищ, позволили ему высказать другие суждения. Города здесь, по его мнению, складываются как отдельные «оазисы оседлой торгово-ремесленной и земледельческой жизни на территории, бывшей местом обитания племенных групп кочевников» (Кожемяко, 1959. С. 41).

Отнесение средневековых городов западного Семиречья к классическому типу трехчастных среднеазиатских городов, их прямоугольная конфигурация, хронология формирования рабадов, четкая выраженность в системе городского организма, на наш взгляд, являются ошибочными.

Прежде всего, следует отметить одну специфическую особенность, характерную для западносемиреченских городищ. Большинство из них представляют собой центральные развалины, топографически близкие среднеазиатским, со стенами протяженностью десять, а зачастую и более, километров.

В топографии городищ Кулан, Мерке, Аспара и Нижний Барсхан выделяется цитадель с шахристаном и отсутствует рабад. К шахристану примыкает территория с массивами плотной застройки, которые располагались группами отдельных домостроений усадебного типа. Эти данные дают основания относить их к типу городов с длинными стенами. Крупные города Таласской и Чуйской долин развивались аналогично, имея много общего в исторической топографии.

Акишев К.А., 1983. Перспективы изучения позднесредневековых городов Казахстана // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата.
Байпаков К.М., 1975. Некоторые вопросы изучения средневековых городов юга Казахстана // Известия АН КазССР. Сер. общ. наук. № 5. Алма-Ата.
Байпаков К.М., Григорьев Ф.П., 1999. О топографии городища Тараз // Мат. междунар. конф., посвящ. 500-летию М. Хайдара-Дулати. Тараз.

Беленицкий А.Н., Бентович И.Б., Большаков О.Г., 1973. Средневековый город Средней Азии. Л.
Бернштам А.Н., 1941. Памятники старины Таласской долины: Историко-археологический очерк. Алма-Ата.
Кожемяко П.Н., 1959. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе.
Сенигова Т.Н., 1972. Средневековый Тараз. Алма-Ата.

О взаимоотношении оседлого и кочевого населения лесостепного Поднепровья в VII в. н.э.¹

В последнее время отчетливо проявилась тенденция рассматривать археологические явления на территории Днепровской лесостепи изолированно друг от друга. Цель доклада – обратить внимание на связь между собой различных археологических явлений, демонстрирующих характер взаимоотношений оседлого и кочевого населения на территории лесостепи в период раннего средневековья. Материал лесостепного Поднепровья распадается на серию на первый взгляд разнородных элементов, которые, тем не менее, находятся в определенном соотношении друг с другом.

Клады круга древностей антов первой группы.

К первой (ранней) группе кладов по О.А. Щегловой относятся комплексы из Мартыновки, Блажков, Малого Ржавца, Хацков, Смородино, Мены, Нижней Сыроватки, Колосково, Углов, Цепляево Первого, Трубчевска, Суджи, Гапоново, Козиевки – Новой Одессы, Великих Будков, Валуек, Куриловки. Состав этих кладов довольно стабилен, он включает детали парадного женского убора из бронзы и серебра, изделия из свинцово-оловянистых сплавов разного назначения, мужские наборные пояса, отдельные предметы вооружения и конского снаряжения, некоторые другие вещи.

В ряде работ О.А. Щегловой, В.М. Горюновой, И.О. Гавритухина и В.Е. Родинковой показано, что по происхождению входящие в состав кладов вещи разнородны, ареалы большинства типов весьма широки. Тем не менее, специфический днепровский набор этих предметов формируется к VII в. Для нашей темы наиболее важна территория распространения именно самих кладов, как области, где проводились военные действия, приведшие к массовому сокрытию дорогих престижных вещей. Этот ареал охватывает лесостепное Поднепровье, частично включая водораздел Днепра и Южного Буга, Днепровское лесостепное Левобережье и бассейн Северского Донца вплоть до р. Оскол, Деснинское Полесье и лесное Поднепровье до широты г. Могилева. Серия находок круга Мартыновского могила известна на Днепровских Порогах. По мнению большинства исследователей, эта война (или войны) происходят во второй половине VII в. При дальнейшем изложении за основу будет взят именно ареал кладов типа Мартыновского, как территория неких общественных организмов, элита которых составляла политическое единство и совместно выступала в войнах конца VII в.

Памятники колочинской и пеньковской культур.

Предметы тех типов, которые входили в состав кладов первой группы, неоднократно найдены на поселениях и могильниках колочинской и пеньковской культур, т. е. убор с украшениями, типа происходящих из кладов, носило население лесостепного Поднепровья. При этом ареал кладов мартыновского типа значительно меньше, чем территории колочинской и пеньковской культур в целом.

Труположения с вещами мартыновского круга.

Особый тип памятников составляют женские ингумации с украшениями, аналогии которым известны в антских могилах первой группы. Эти погребения были как грунтовыми, так и впускными в более ранние курганы. Ингумации с украшениями мартыновских типов концентрируются в лесостепном Поднепровье, но известны и за его пределами. Особого ареала они не составляют, а расположены чересполосно с пеньковскими памятниками и совершенно отсутствуют в ареале колочинской культуры. Эти ингумации связаны с традициями как славянского мира («мартыновские» вещи, лепной биконический горшок из Мохнача), так и населения степной зоны (яма с подбоем в Мохначе, обычай совершать захоронения в более ранних курганных насыпях).

Погребения кочевников. На территории Днепровского лесостепного Левобережья к VII в. относятся комплексы роскошных вещей (Малое Перещепино, Новые Санжары, Макуховка), которые принадлежали кочевой знати. На Днепровских Порогах в Вознесенке обнаружен сложный по структуре объект, который А.К. Амброз интерпретировал как тюркский поминальный храм.

Известны и рядовые захоронения кочевников (Рябовка-3). Показательно, что в двух женских погребениях Рябовки обнаружены браслеты с расплюснутыми концами, украшенными стилизованными изображениями змеинных головок, аналогичные найденным в «антских» могилах первой группы.

Все погребальные комплексы VII в., связанные по происхождению с культурой кочевников-тюрков, на территории днепровской лесостепи локализируются в пределах ареала пеньковской культуры.

Элементы культуры кочевников на славянских поселениях. Наиболее ярким проявлением кочевнической культуры являются остатки юртообраз-

¹ Доклад подготовлен в рамках программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей».

ных построек на пеньковских селищах (Чернечина, Осиповка, Богатое, Будище). О.М. Приходнюк указывает на некоторые технологические особенности лепной пеньковской керамики Поорелья, которые, по его мнению, имели южное кочевническое происхождение. В ареале колочинской культуры кочевнические элементы пока не обнаружены.

Ремесленные центры. На территории Поднепровья к ним относятся поселки гончаров в Канцирке и Мачухах. Оба этих комплекса находятся в окружении пеньковских поселений, тем не менее, керамика, которая там производилась, наиболее близкие аналогии имеет на памятниках Северного Кавказа: окрестностей Кисловодска и Минеральных Вод.

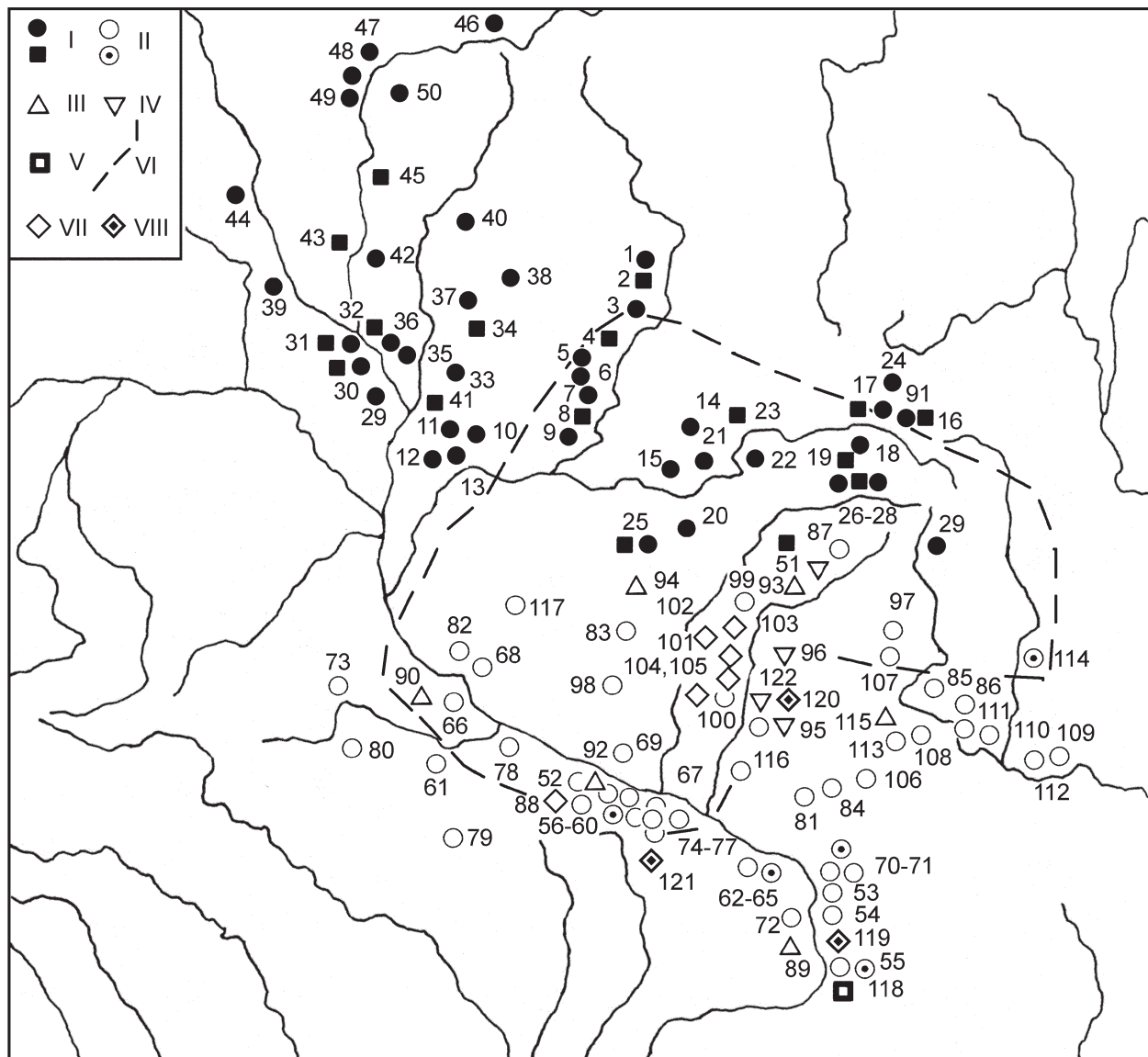

Рис. 1

Этнокультурная ситуация в лесостепном Поднепровье в VII в.

I – поселения и могильники колочинской культуры, кроме заведомо ранних; II – поселения и могильники пеньковской культуры, кроме заведомо ранних; III – ингумации с вешами круга мартыновскогоклада; IV – погребальные комплексы кочевников; V – поминальный храм; VI – ареал кладов мартыновского типа; VII – кочевья; VIII – ремесленные центры.

1 – Мансурово; 2 – Усох; 3 – Макча; 4 – Кветунь; 5 – Синьково-Дмитрово; 6 – Посудичи; 7 – Случевск; 8 – устье р. Смячь; 9 – Левкин Бугор; 10 – Ровчак; 11 – Роище; 12 – Выгоры-1; 13 – Александровка-1; 14 – Некрасово; 15 – Харьевка; 16 – Лебязье-1; 17 – Авдеево; 18 – Казачья Локня (Замошанская дна); 19 – Княжий; 20 – Великие Будки; 21 – Пески; 22 – Гапоново; 23 – Артюшково; 24 – Каменево-2; 25 – Артюховка; 26-28 – Картамышево-1, 2, 3; 29 – Шишино-5; 30 – Новый Быхов; 31 – Тайманово; 32 – Нижняя Тошца; 33 – Носовичи; 34 – Демьянки; 35 – Гомель; 36 – Калиновка; 37 – Новые Горомыки; 38 – Золотомино; 39 – Прудок; 40 – Нисимковичи; 41 – Колас; 42 – Ходосовичи; 43 – Колосы; 44 – Щатково; 45 – Воронино; 46 – Близнаки; 47 – Черкасаво; 48 – Кисели; 49 – Вежки; 50 – Никодимово; 51 – Бездрик; 52 – Будище; 53 – Васильевка (низовья р. Вороной); 54 – Васильевка (Любимовская Забора); 55 – Васильевка (о-в Кизлевый); 56-60 – поселения и могильник у с. Андрусовка; 61 – Вильховчик; 62-65 – поселения и могильники у с. Волошское; 66 – Григоровка; 67 – Деревка; 68 – Домантово; 69 – Жовнин; 70-71 – поселения и могильник у с. Игрень; 72 – Звонецкое; 73 – Белая Церковь; 74-77 – поселения у с. Пеньковка; 78 – Крещатик; 79 – Беляевка; 80 – Завадовка; 81 – Осиповка; 82 – Сушки-1; 83 – Хитцы; 84 – Чернечина; 85 – Занки; 86 – Задонецкое; 87 – Рябовка-3; 88 – Стецовка; 89 – Алексеевка; 90 – Мартыновка; 91 – Воробьевка-2; 92 – Балаклея; 93 – Березовка; 94 – Поставмуки; 95 – Новые Санжары; 96 – Малое Перещепино; 97 – Фески-3; 98 – Засулье; 99 – Бельск; 100 – Полузерьье-1; 101 – Полузерьье-2; 102 – Вовки; 103 – Лаврики; 104 – Белокопи; 105 – Чередняки; 106 – Богатое; 107 – Соколовое; 108 – Нижний Бишкинь-1; 109 – Виделиха; 110 – Бондариха; 111 – Раковка-1; 112 – Богородичное; 113 – Сухая Гомольша; 114 – Яблонево; 115 – Мохнач; 116 – Прогресс; 117 – Корнеевка; 118 – Вознесенка; 119 – Балка Канцирка; 120 – Мачухи; 121 – Пастырское; 122 – Макуховка

По всей видимости, на финале пеньковской культуры начал работать гончарный центр на Пастырском городище. Пастырская керамика также не имеет местных днепровских корней. Ее прототипы находят в балкано-дунайском регионе.

Антскими племенами лесостепного Поднепровья гончарная посуда использовалась лишь в мизерном количестве. По-видимому, основным потребителем ее было другое население, вероятно, степное. Обломки гончарных сосудов найдены в объектах второго (позднего) горизонта поселения Стецовка, среди сооружений которого зафиксированы и остатки юртообразного жилища, в валах Вознесенского ритуального комплекса, на некоторых памятниках Полтавщины (Полузорье-2, Лаврики, Белокопи, Чередняки и др.), которые М.М. Казанский интерпретировал, как стойбища кочевников.

Жители Пастырского городища, кроме гончарства, занимались черной металлургией и металлообработкой, изготовлением украшений.

Сочетание элементов, историко-культурная модель. Приведенные выше наблюдения показывают, что в ареале кладов мартыновского типа в VII в. существовали две общественные структуры, которые могут быть условно названы пеньковско-кочевнической и колочинской.

Элементы первой из них охватывают пеньковскую часть ареала комплексов типа Мартыновки. Основным компонентом оседлого населения этого региона были носители пеньковской культуры (анты). Здесь же зафиксированы разнообразные элементы степной культуры: юртообразные жилища, возможно, остатки кочевий, погребальные комплексы кочевников, женские ингумации с вещами мартыновского круга и степными чертами погребального обряда, поминальный храм в Вознесенке. Памятники культуры кочевников и смешанные пеньковско-кочевнические расположены чересполосно с пеньковскими поселениями и занимают ту же самую территорию.

Имеющиеся данные позволяют сделать вывод, что связь кочевого и пеньковского оседлого населения не

ограничивалась соседскими контактами, была достаточно тесной и имела форму симбиоза. В состав общества входили как анты, так и кочевники-тюрки. Имеются свидетельства попыток создания в регионе баз обеспечения населения – ремесленных центров. Показательно, что население общин ремесленников не имело местного происхождения, и было перемещено в Поднепровье с довольно отдаленных от этого региона территорий (с Северного Кавказа и из Подунавья).

Таким образом, в южной части лесостепного Поднепровья в VII в. существовала потестарная структура со смешанным славяно-тюркским населением, со своей знатью и элементами инфраструктуры (ремесленными центрами). Очевидно, она представляла собой раннегосударственное образование.

В северной части днепро-донецкой лесостепи, т.е. в ареале колочинских памятников, известны клады мартыновского типа, находки вещей мартыновского круга на колочинских поселениях и в погребениях. Элита колочинского населения, таким образом, имела тот же престижный убор, что и южные соседи-анты. Какие-либо элементы культуры кочевников (за исключением наконечников стрел, которые в раннем средневековье были интернациональным оружием) и гончарная керамика южных производственных центров здесь отсутствуют. Прямого влияния кочевников с юга колочинские племена лесостепного Поднепровья не испытывали. Каких-либо признаков образования государства на севере лесостепного Поднепровья нет.

Тем не менее, в результате войн конца VII в. на территории Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья, в равной степени пострадала верхушка как колочинского, так и пеньковско-кочевнического обществ. Судьбы южного и северного населения оказались, практически, одинаковыми: оно потеряло культурно-этнографическое своеобразие и растворилось в среде пришельцев – племен вольтынского культурно-хронологического горизонта. По всей видимости, в войнах конца VII в. южное и северное днепровские общественные образования выступали в союзе и на одной стороне.

А.В. Омельченко

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Пайкенд – крепость на границе Бухарского оазиса

Пайкенд, город в 60 км к юго-западу от Бухары, являлся стратегически важным пунктом Зеравшанского Согда. Здесь сходились пути из Хорезма, Нахшаба, Мерва, Тохаристана. Пайкенд упоминается у многих средневековых араб- и персоязычных авторов. Наршахи писал о его древности и мощи укреплений, давших ему второе название – «Медный город». В «Шах-намэ» Фирдоуси сохранилось легендарное свидетельство о строительстве в Пайкенде иранским правителем Феридуном одного из первых храмов огня.

Раскопки, проводимые вот уже 30 лет Бухарской экспедицией Государственного Эрмитажа совместно с Институтом археологии АН Республики Узбекистан, исследовали все части города: арк-цитадель, оба шахристана, пригороды-рабады. Установлено, что первое непрерывно функционирующее поселение на его территории возникло в пределах площади цитадели, по-видимому, в начале III в. до н.э. (Мухамеджанов и др., 1988. С. 148–152). В первые века до н.э. арк имел стену с бойницами, а в его северной части распо-

лагался храм огня (Семенов, 1995. С. 171–178). Последний многократно перестраивался и включал святилища и двор, лежащие в разных уровнях и связанные лестницами и пандусами.

В III в. н.э. на севере цитадели поверх ранней стены возводится новая (Семенов, 1996. С. 104–111); на юге же ее отрезок охватил большую, чем ранее, площадь. Стена была снабжена расположенными в шахматном порядке бойницами. В основании ее южной части лежала полуметровая платформа, подошва которой также простреливалась. Вдоль стены располагался комплекс коридорно-гребенчатой планировки, состоявший из помещений, связанных арочными проходами с об-

щим коридором. Интерьер, характер заполнения и состав находок комплекса, а также местоположение – у входа на цитадель, позволяет считать его казармой гарнизона. Оборона стены осуществлялась, по-видимому, и из-за парапетов боевых площадок, расположенных над помещениями и коридором.

К середине IV в. комплекс был заброшен, только в средней части функционировала башня-каземат, контролирующая вход; на севере возводятся отдельные участки новой стены. Во второй половине V в. к цитадели пристраивается стена первого шахристана, оградившая площадь в 11 га, т. е. Пайкенд превращается в город.

Мухамеджанов А.Р., Адылов Ш.Т., Мирзаахмедов Д.К., Семенов Г.Л., 1988. Городище Пайкенд: К проблеме изучения средневекового города Средней Азии. Ташкент.

Семенов Г.Л., 1995. Святилище в Пайкенде // Эрмитажные чтения памяти В.Г. Луконина 1986–1994 гг. СПб.
Семенов Г.Л., 1996. Согдийская фортификация V–VIII веков. СПб.

Я.Е. Пискарева

*Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток*

Жилища Мохэской культуры Приморья

На приморских памятниках мохэской культуры раскопано в общей сложности 22 жилища. Некоторые результаты исследований опубликованы: на поселениях Осиновка (Окладников, 1959. С. 182–185), Усть-Зеркальная-4 (Семин, 1986, С. 219–225), Михайловка-2, Абрамовка-3 (Кривуля, 1996. С. 155–174), Раковка-10 (Кривуля, 2002. С. 174–180), Борисовка-3 (Сергушева и др., 2010. С. 141–150), жилища памятника Чернятино-5 (Никитин и др., 2006. С. 281–288; 2007. С. 350–363). Другие известны только по материалам полевых отчетов: поселения Новоселище-1, Куркуниха-3 (Ермаков, 1990).

Конструкции мохэских жилищ достаточно схожи, но имеют свои особенности. Реконструируя процесс сооружения жилища можно выделить следующие этапы постройки:

1. Сооружение котлована. Все мохэские жилища относятся к типу полуземлянок, обычно они углублены в землю не менее чем на полметра. Зачастую, используя рельеф местности, котлован врезался в склон сопки. Жилища с наибольшей площадью исследовались на поселении Усть-Зеркальная-4 – 45 кв. м, Михайловка-2 – 30,7 кв. м, Раковка-10 – 32 кв. м (Семин, 1986. С. 219–225; Кривуля, 1996. С. 160; Кривуля, 2002. С. 175), средняя их площадь составляет около 20 кв. м, наименьшая 11 кв. м. Форма котлована прямоугольная или квадратная со скругленными углами, стенки вертикальные, иногда слегка пологие.

2. Установка опорных столбов. Количество основных столбовых ям в жилищах различается от четы-

рех до девяти. Расположение этих ям также различно. В некоторых жилищах прослеживаются несколько ям ближе к центру (обычно четыре) и от одной до четырех по углам. Другие сооружения снабжены только ямами по углам, либо только ямами в центре. На поселении Михайловка-2 кроме ям в самом жилище прослеживаются ямы вдоль стенок за его пределами (Кривуля, 1990. С. 14–15).

3. Установка стропильной системы. Радиальное расположение сгоревших плах во всех жилищах свидетельствует о четырехскатной, или шатровой конструкции крыши. В зависимости от количества и расположения столбов, а также, судя по местонахождению сгоревших древесных остатков, можно выделить варианты сооружения жилищной кровли:

А) Первый вариант характерен для жилищ с четырьмя столбами в центре, либо по углам котлована. После вкапывания опорных столбов на них для жесткости укладывались прогоны. Наискось между одной из пар столбов могла устанавливаться диафрагма (косая жердь). Это устройство придавало дополнительную устойчивость всей конструкции. Затем по диагонали устанавливались четыре стропильные ноги. Верхние их концы скреплялись между собой, а нижние опирались на деревянный каркас стен. При этом, вероятно, нижние концы стропил также скреплялись рамой из жердей, что придавало жесткость и крепость всей стропильной системе. В пользу такой версии свидетельствуют находки остатков крупных сгоревших плах, лежавших параллельно стенам котлована.

К этому типу относятся четыре жилища из пяти поселения Михайловка-2, одно жилище поселения Абрамовка-3, все жилища поселений Раковка-10, Новоселище-1, Куркуниха-3, Усть-Зеркальное-4, Борисовка-3, оба мохэских жилища с Чернятино-5.

Б) Второй вариант характерен для жилищ со столбами в центре котлована и дополнительными столбами по углам. При сохранении общего принципа (диагональной установки стропил), на дополнительные угловые столбы крепились «кобылки» (продолжение стропильной ноги), вероятно, с другим уклоном. Такая конструкция эффективно защищает жилище от обильных осадков и позволяет предотвратить намокание стен постройки, поскольку вода не скатывается по ним, а как бы отбивается. Этот принцип сооружения кровли характерен для жилищ тех районов Азии, где случаются тайфуны и мощные циклоны, например, при постройке китайских и японских зданий. Следует отметить, что количество дополнительных столбов в жилище могло быть и меньше четырех. В таком случае установка дополнительного ската при помощи «кобылки» могло производиться не со всех сторон постройки, а только над входом, или со стороны, наиболее подверженной подтоплению.

К этому типу относятся все жилища поселения Абрамовка-3, за исключением одного, по одному жилищу с поселений Михайловка-1, Михайловка-2 и Осиновка.

У одного из жилищ поселения Михайловка-2 четыре ямки располагались вдоль одной из стен внутри жилища, еще несколько ям было снаружи.

После установки стропильной системы делалась обрешетка и, непосредственно на нее, укладывалось кровельное покрытие – солома, прутья и т. п.

4. Сооружение стен. Вдоль стен котлована из тонких жердей сооружался каркас стен, достигавший нижнего края стропил. Он обмазывался глиной, о чем свидетельствуют сгоревшие вертикально стоявшие жерди и большое количество горелой обмазки.

5. Сооружение выхода. Выход в мохэских жилищах не всегда можно проследить. В тех жилищах, где выход четко фиксируется, он представляет собой выступ в котловане, иногда со ступенькой, располагавшийся в южной или юго-восточной стенке, реже в западной и только в одном жилище на поселении Абрамовка-3 в северо-западной.

Таким образом, несмотря на однотипность конструкций мохэских жилищ Приморья, существуют некоторые специфические отличия, позволяющие выявить разные варианты. Интересно, что к варианту Б относятся все жилища поселения Абрамовка-3. Этот памятник характеризуется и своеобразным керамическим материалом, с признаками влияния ольгинской культуры, выделяющим его из раковской группы памятников.

Ермаков В.Е. 1990. Отчет об археологической разведке в Ханкайском районе Приморского края. 1989 г. // Архив ИА РАН. Р. 1, № 15234.

Кривуля Ю.В. 1990. Отчет по археологическим разведкам в Михайловском и Хорольском районах (Приморского края). 1989 г. // Архив ИА РАН. Р. 1, № 13464.

Кривуля Ю.В., 1996. Раннесредневековые жилища Приморья // Освоение Северной Пацифики. Владивосток.

Кривуля Ю.В., 2002. Археологические исследования на поселении Раковка-10 // Археология и культурная антропология Дальнего Востока. Владивосток.

Никитин Ю.Г., Чжун Сук-Бэ, 2006. Археологические исследования на могильнике Чернятино-5 в Приморье в 2005 году. Пуе, Корея.

Никитин Ю.Г., Чжун Сук-Бэ, Пискарева Я.Е., 2007. Археологические исследования на могильнике Чернятино-5 в Приморье в 2006 году. Пуе, Корея.

Окладников А.П., 1959. Далекое прошлое Приморья: очерки по древней и средневековой истории Приморского края. Владивосток.

Семин П.Л., 1986. Мохэский комплекс памятника Усть-Зеркальная-4 // История и культура Восточной и Юго-Восточной Азии. М.

Сергушева Е.А., Пискарева Я.Е., Асташенкова Е.В., 2010. Результаты археологических исследований на поселении Борисовка-3 // Россия и АТР. Владивосток. № 4.

Т.М. Пономарева

ООО «НПО «Северная археология-1», Нефтеюганск

Поселенческий вещевой комплекс вожпайского типа из Среднего Приобья (по результатам исследований городища Стрелка 2009–2010 гг.)

Вожпайский тип керамики был выделен В.Н. Чернецовым (Чернецов, 1957) на основании сборов в Нижнем Приобье. Позднее, Л.П. Хлобыстиным (Хлобыстин, 1993) была выделена вожпайская археологическая культура по результатам исследования стоянки Дюна III (п-ов Таймыр), с использованием материалов, известных на тот момент в Среднем и Нижнем

Приобье. На сегодняшний день в Среднем Приобье известно не менее 15 памятников, включающих материалы рубежа I–II тысячелетий; они представлены по большей части кратко в ряде обобщающих работ (Федорова и др., 1991; Чемякин, Карачаров, 2002; Зыков, 2006; Карачаров, 2006). Несмотря на длительность исследований, раскопками в основном изучались моги-

льники; поселенческие комплексы единичны, коллекции малы. Этот факт, а также малочисленность опубликованных данных, создают сложности при характеристике определяющих признаков культуры.

В 2009–2010 гг. экспедицией ООО «НПО «Северная археология-1» под руководством автора доклада и О.В. Кардаша проводились исследования городища Стрелка, расположенного в Сургутском р-не Ханты-Мансийского АО – Югры на левом берегу р. Большой Юган, близ пос. Угут. В результате были изучены остатки фортификационных сооружений, построек и получена коллекция, составляющая около 16000 ед.

Основную часть коллекции составляет керамическая посуда, которая представлена фрагментами более чем 800 сосудов. Основной задачей типологического анализа было выделение комплекса сосудов вожпайского типа, определение его морфологических и орнаментальных характеристик, а также сравнение с изначальными дефинициями. Основное внимание уделялось именно керамическим сосудам, так как большая часть предметов из металла, обнаруженных как при раскопках погребений, так и на поселенческих памятниках, являются предметами импорта и полноценно не могут привлекаться для характеристики культуры.

Анализ проводился на 300 сосудах, для которых была реконструирована форма и полная орнаментальная схема. Сосуды вожпайского типа имеют форму вытянутой полусферы с широкой горловиной; слабопрофилированные. Венчик невысокий, в большинстве случаев – приотстренный и скошенный наружу, но встречается плоский и округлый; шейка прямая или слабо отогнута наружу. Орнамент занимает не более ¼ высоты сосуда; наносился на венчик, шейку и плечико. Он выполнен гребенчатым штампом; единично присутствуют фигурные штампы. Под венчиком расположен поясок ямок, округлых или овальных; жемчужины с обратной стороны хорошо заглажены. Орнаментальные композиции, нанесенные на плечико, представлены двумя большими группами: линейные и геометрические, состоящие в основном из взаимопроникающих треугольников. Завершает орнаментальную зону полоса вертикально или косо-поставленных оттисков гребенчатого штампа – «бахрома», или фестоны различных форм.

Также для обоснования хронологии сосудов был проведен анализ нагара по ¹⁴C. В результате была получена серия дат (7), которые укладываются в промежуток с середины IX – по начало XI в., что оказалось несколько шире датировок, установленных на основании типологии, но, в целом, их подтверждает.

Зыков А.П., 2006. Средневековые таежной зоны Северо-Западной Сибири // Археологическое наследие Югры: Пленарный доклад II Северного археологического конгресса (24–30 сентября 2006 г., г. Ханты-Мансийск–Екатеринбург). Ханты-Мансийск.
 Карачаров К.Г., 2006. Вожпайская археологическая культура // Уральский исторический вестник. Екатеринбург. Вып. 14.
 Федорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М., 1991. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург. Вып. 20.

Хлобыстин Л.П., 1993. Вожпайская культура на Западном Таймыре и вопросы ее этнической принадлежности // AD POLUS. СПб.
 Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г., 2002. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). 2-е издание исп. и доп. Екатеринбург.
 Чернецов В.Н., 1957. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. М. (МИА; № 58).

О.Ю. Потемкина, А.С. Сыроватко, Е.А. Мальцева
 Коломенский археологический центр, Коломна

Могильник Соколова Пустынь – к вопросу о погребальном обряде у позднедьяковского населения

Погребальная обрядность и в дьяковской, и в позднедьяковской культурах слабоизучена. Даже последние открытия А.Н. Башенькина, А.В. Энговатовой, Н.А. Кренке не позволяют утверждать, что выявлен некий общий для всей дьяковской культуры обряд, или хотя бы поняты его общие черты. В позднедьяковское время картина остается такой же неясной, и потому сам факт обнаружения нового могильника эпохи Великого переселения народов чрезвычайно важен. Этот могильник найден в ходе раскопок поселения позднедьяковского времени Соколова Пустынь на левом берегу р. Оки, недалеко от г. Ступино.

Для позднедьяковского времени известны две формы погребальной обрядности, которые логично было бы встретить на р. Оке – это либо «домики мертвых», либо курганы с кремациями мощинского типа. Однако найдена была новая форма обращения с кремированными останками, ранее не встреченная в дьяковской культурной среде. Погребения представляли собой тонкие линзы кремированных костей, залегавшие двумя скоплениями, прямо под дерном, незначительно – не более чем на 10 см – распределяясь по глубине. Топографически они приурочены к краю второй надпойменной террасы и склону между первой и второй

террасами. Оба скопления почти смыкаются друг с другом, и сильно повреждены противопожарной траншеей и корнями деревьев. Возможно, эти обстоятельства не позволили проследить границу между ними, а также выявить следы надмогильных конструкций. Нет и следов каких-либо вместилищ для костей.

Инвентарь, найденный среди костей, довольно многочисленный. Это В-образные пряжки, в т. ч. биметаллические, сюльгамы с простыми закрученными на вершинами, оплавленные бусы. Отметим также большое количество пронизей из дрота сегментовидного сечения, а также перстень с пуансонным орнаментом.

Фрагменты кремированных костных останков светло-серого цвета, средний размер – 1–2 см. Согласно сводной таблице цветности кремированных останков Уолкера–Миллера, температура сжигания тела была в пределах 750–1000⁰ С, что характерно для обряда трупосожжения на открытом воздухе с применением дополнительных стимуляторов (жиров, смол?). Общий вид и состояние останков говорит также о том, что сжигание тела происходило с полным или частичным отсутствием на костях мягких тканей. Этот сюжет крайне любопытен, поскольку находит переключ-

ку с собственно дьяковскими кремациями, в то время как на Щуровском могильнике сжигание производилось с мягкими тканями.

Размер и сохранность костных останков не позволяет дать четкие половозрастные определения, однако удалось установить, что останки принадлежат нескольким (как минимум двум) индивидам:

- молодой индивид (ребенок или подросток);
- взрослый индивид старше 30 лет.

Судя по характеру некоторых следов на костях, могло иметь место разрушение костей или дробление до и после сожжения. Эта деталь обряда также не обнаружена пока на соседних могильниках с кремациями. Новый памятник позволяет сделать следующие выводы:

1. Обряд трупосожжений, вероятно, не был единственным для городищ позднедьяковского круга; новый памятник совершенно не похож на то, что было известно до его обнаружения.
2. Форма открытых погребений объясняет, почему дьяковских/позднедьяковских могильников известно так мало – их сложно обнаружить, если не знать, что искать, а сами они столь хрупки, что вряд ли сохранились в земле в большом количестве.

Т.А. Пушкина

*Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова, Москва*

Скандинавские древности на Руси

Среди бесчисленного археологического материала, происходящего с территории Древней Руси и относящегося к периоду формирования древнерусского государства, имеется значительное количество находок, которые своей формой, декором и технологией заметно отличаются от славянских, балтских или финских древностей и не имеют прототипов в местных культурах Восточной Европы. В данном случае речь идет о предметах так называемого скандинавского происхождения, принадлежащих нескольким функциональным группам: вооружению и снаряжению всадника и верхового коня, костюму, предметам языческого культа, орудиям, инструментам и предметам быта. Отдельные типы вооружения или деталей костюма могут быть интерпретированы в качестве «импорта». Однако известные для таких памятников, как Старая Ладога, Рюриково городище, Новгород, Гнездово и др. серии находок специфических форм культовых и бытовых предметов или орудий труда, украшений и деталей костюма, как и технологические приемы их изготовления, обусловленные соблюдением культурных традиций, неизвестных здесь ранее, могут рассматриваться и рассматриваются многими исследователями иначе: как свидетельство пребыва-

ния и проживания в этих пунктах в течение какого-то времени выходцев из Скандинавии (Кирпичников, Дубов, Лебедев, 1986. С. 223–229; Розанова, Пушкина, 2001. С. 77–82; Седова, 1997. С. 178–180; Ениосова, 1999. С. 13–16 и др.).

Значительная часть находок, связанных с комплексом этнографического костюма, и предметов вооружения и снаряжения верхового коня происходит из погребений конца IX – X в. Подобные находки из культурных слоев поселений менее значительны, однако именно из материалов поселений происходит основная часть предметов быта, инструментов и орудий труда. Кроме того, определенная часть находок (украшения и амулеты) связана примерно с 25 кладями, которые датируются периодом от IX до 30-х гг. XIII вв. Крайние даты основной части известных нам комплексов определяются серединой VIII в. и 30-х гг. XIII в., но в рамках IX – начала XI в. материал представлен наиболее ярко.

Территориально выделяются несколько зон заметной концентрации находок предметов скандинавского происхождения и погребений с признаками скандинавского обряда: на Северо-Западе – это Старая Ладога и Рюриково городище, на Северо-Востоке – Тимеревское поселение и курганы, на Западе –

Гнездовский комплекс и его округа, на Юге – Шестовица. Определенное количество находок связано с Новгородом, Псковом и их окрестностями, районом Белоозера, междуречьем Западной Двины и Днепра и некоторыми другими местностями. Однако география находок в целом значительно шире, охватывая территорию от низовьев Волхова до Днепровских порогов и от Волыни до Прикамья. Внутри этого широкого ареала наблюдаются как разные хронологические группы памятников, для которых характерно присутствие элементов скандинавской культуры, так и своеобразная группировка материалов внутри памятника или отдельного региона (Пушкина, 1997. С. 175–178; Андрощук, 2004. С. 11–28).

Обращение к теме, связанной с изучением скандинавских древностей на Руси, не является случайным. В настоящее время среди историков активизировалась дискуссия по так называемому варяжскому вопросу, в которой совершенно отчетливо прослеживается тенденция к игнорированию или выборочному использованию результатов современных археологических работ (Фомин, 2005. С. 386–391).

Необходимость хотя бы предварительной инвентаризации скандинавских находок в Восточной Европе осознана многими археологами. Важность подготовки и публикации каталога скандинавских древностей отме-

чалась в конце 90-х гг. на предварительных обсуждениях в Санкт-Петербурге и Петрозаводске его состава и структуры. Тогда же подчеркивалось, что эта работа сопряжена со многими трудностями, причем не только организационного, но и сугубо научного характера – в силу нерешенности ряда проблем, а, может быть, и принципиальной нерешаемости некоторых из них.

В первую очередь, требует уточнения определение ключевого понятия «скандинавские древности», поскольку существуют, по меньшей мере, три группы находок, убедительность отнесения которых к кругу этих древностей различна. Все эти находки можно рассматривать как условно и, безусловно, скандинавские.

Каталогизация древностей североευропейского (скандинавского) круга в Восточной Европе является необходимой и в связи проблемами, возникающими при датировании многих памятников рубежа I–II тыс. н.э. Существенной проблемой остается восприятие и ассимиляция древнерусской культурой североευропейских традиций, в том числе технологических.

При всей спорности и нерешенности многих кардинальных проблем и возникающих при этом многообразных сложностей в отборе и интерпретации материала, создание сводного каталога скандинавских древностей с территории Древней Руси представляется назревшей необходимостью.

Андрощук Ф.А., 2004. Скандинавские древности в социальной топографии древнего Киева // *Ruthenica*. Київ. Т. III.

Енисосова Н.В., 1999. Ювелирное производство Гнездова (по материалам курганов и поселения): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С., 1986. Русь и Варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // *Славяне и скандинавы*. М.

Пушкина Т.А., 1997. Скандинавские находки с территории Древней Руси // XIII конференция по изучению истории, экономики,

литературы и языка скандинавских стран и Финляндии: Тез. докл. Петрозаводск.

Розанова Л.С., Пушкина Т.А., 2001. Производственные традиции в железообрабатывающем ремесле Гнездова // *Гнездово*. 125 лет исследования памятника. М. (Труды ГИМ; Вып. 124).

Седова М.В., 1997. Скандинавские древности Суздаля и его округа // XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии: Тез. докл. Петрозаводск.

Фомин В.В., 2005. Варяги и варяжская Русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М.

Т.Н. Рафикова

*Институт гуманитарных исследований
Тюменского государственного университета, Тюмень*

Формирование средневековых культур лесного и лесостепного Зауралья

Активное исследование средневековых древностей, предпринятое сибирскими и уральскими археологами в течение последнего десятилетия, позволяет обратиться к вопросам генезиса раннесредневековых культур лесного и лесостепного Зауралья.

Бакальская культура сформировалась на территории лесостепного Зауралья на основе местной саргатской культуры, что подтверждается близостью форм со-

судов, техники орнаментации и элементов декора керамики саргатской и бакальской культур. С III в. н.э. в лесную зону проникают северное население – саровское, а затем карымское, что фиксируется по материалам Козловского могильника, городищ Коловского, Усть-Утякского, Усть-Терсюкского-1, Красноярского, Царева и др.

Участие карымцев в культурогенезе бакальского населения подтверждается привнесением новых

форм сосудов – приземистых, слабопрофилированных, с короткой шейкой; появлением дополнительных морфологических деталей (валик по шейке, карнизики и воротнички). Дальнейшее взаимодействие карымского и бакальского населения подтверждено появлением сосудов со смешанной орнаментацией (Красноярское и Царево городища).

Таким образом, бакальская культура сформировалась к IV в. н.э. на местной саргатской основе под воздействием саровского и карымского суперстрат.

Ареал памятников юдинской культуры охватывает лесную и подтаежную зону Зауралья. Необходимо отметить, что в рамках юдинской культуры мы рассматриваем материалы, относимые ранее к молчановскому типу памятников VI–IX вв. н.э., так как культуродифференцирующих черт раннего этапа ни в керамике, ни в погребальном обряде, ни в жилищах не выявлено. Хронология средневековых памятников и наблюдения за стратиграфией многослойных объектов лесного и лесостепного Зауралья показывают на расширение ареала юдинской культуры в развитом средневековье на юг и восток.

Формирование юдинской культуры следует относить к более позднему, по сравнению с бакальской, периоду – к концу VI – началу VII в. н.э. Так, из почти 70 погребений Козловского могильника (IV–VI вв. н.э.) нет ни одного юдинского. В более позднем Перейминском некрополе (VII–IX вв. н.э.), под курганом № 3 совместно с бакальским был обнаружен юдинский сосуд (Чернецов, 1957. С. 173. Табл. XV). На сегодняшний день Перейминский могильник – это самый ранний, надежно датированный памятник, где отмечены юдинские материалы.

Основными компонентами, принявшими участие в сложении юдинской культуры, стали носители карымской и кашинской культур, что подтверждается

лидированием фигурных и шнуровых элементов в орнаментации керамики. На большей части средневековых памятников лесостепного и южной зоны лесного Зауралья отмечаем керамику кушнаренковской культуры. Как правило, она не многочисленна, не связана с какими-либо жилыми сооружениями.

Материалы некрополей Усть-Тара-7, Исаковка-1 и Бобровский демонстрируют процесс сложения кушнаренковской культуры в Среднем Прииртышье в результате взаимодействия саргатского, карымского и саровского компонентов (Скандаков, Данченко, 1999. С. 168; Данченко, 2008. С. 56–57). После миграции носителей кушнаренковской культуры на запад в зауральскую лесостепь, происходит дополнительное привнесение в формирующуюся культуру кашинских, среднеазиатских и гунно-сарматских компонентов (Матвеева Н., 2007. С. 65). Ценное наблюдение, касающееся времени появления кушнаренковского населения в Зауралье, получаем, проанализировав планиграфию могил Козловского некрополя (IV–VI вв. н.э.): в его северной и, предположительно, самой ранней части фиксируются только бакальские и карымские погребения, кушнаренковские же появляются с середины мыса. Судя по новым данным, кушнаренковское население появляется в Приуралье в первой половине VI в. н.э. (Матвеева Г., 2007. С. 76). Итак, время пребывания кушнаренковской культуры в Зауралье не было продолжительным, носители культуры мигрировали на запад в конце V в. н.э. Наличие некоторых более поздних комплексов указывает на сохранение связей с прародиной.

Таким образом, формирование средневековых культур лесного и лесостепного Зауралья было сложным, растянутым во времени процессом. Более ранними в хронологическом плане следует признать бакальскую и кушнаренковскую культуру. К концу VI – началу VII в. н.э. сложилась юдинская археологическая культура.

Данченко Е.М., 2008. К характеристике историко-культурной ситуации в среднем Прииртышье на рубеже раннего железного века и средневековья // Проблемы бакальской культуры. Мат. науч.-практ. сем. по проблемам бакальской культуры. Челябинск.

Матвеева Г.И., 2007. О культурном и хронологическом соотношении памятников кушнаренковского и кара-якуповского типов // Средневековая археология евразийских степей: Мат. Учредит. съезда междунар. конгр. Казань. Т. II.

Матвеева Н.П., 2007. Формирование кушнаренковских комплексов в Зауралье // АВ ORIGINE: Проблемы генезиса культур Сибири. Тюмень.

Скандаков И.Е., Данченко Е.М., 1999. Курганный могильник Усть-Тара-VII в южнотаежном Прииртышье // Гуманитарное знание. Сер. «Преемственность». Ежегодник. Вып. 3: Сборник научных трудов

Чернецов В.Н., 1957. Нижнее Приобье в I тысячелетии н.э. М. (МИА; № 58).

В.Е. Родинова, И.А. Сапрыкина
Институт археологии РАН, Москва

Пластинчатые головные украшения римского и раннесредневекового времени в Восточной Европе: типологический и технологический анализ

Головные венцы различных типов входили в женский костюм различных племен Восточной Ев-

ропы в течение длительного времени. В настоящей работе рассматриваются металлические пластин-

чатые венчики римского и раннесредневекового периодов.

В раннем Средневековье такие вещи были характерны для женского убора населения Поднепровья в составе комплекса, известного как «древности антов» или украшения круга Мартыновского клада. Они принадлежат двум типам: 1) ленты из тонкой металлической пластины с ровными краями шириной от 1,5 до 5 см, концы которых могут быть закручены в трубочки (рис. 1: 1–7); 2) «диадемы» в виде длинных тонких пластин с фигурными краями, расширяющихся к концам (рис. 1: 8, 9). Большинство изделий обоих типов украшено рельефным орнаментом.

Среди синхронных материалов налобный венчик в виде узкой металлической ленты известен нам только в погребении D 48 могильника Циллингталь в Подунавье (рис. 1: 10, 11) (Щеглова, 1999. С. 298. Рис. 9, 1). Распространенные в этот период в лесной зоне Восточной Европы головные венцы принадлежат другому типу: наборных вайнаг из трубочек-пронизок и пластинчатых обоймиц.

В период, непосредственно предшествующий формированию «мартыновского» убора, пластинчатые головные украшения в днепровском регионе не встречены. Вне Поднепровья известны очелья, выполненные в византийской декоративной традиции, диадемы гуннской эпохи в степной полосе и др., принципиально отличающиеся от днепровских образцов в типологическом и технологическом отношениях.

В римское время тонкие металлические пластины, украшенные гравировкой и чеканкой, интерпретируемые как головные венцы, входят в набор украшений круга восточноевропейских выемчатых эмалей. Вещи с эмальями распространены очень широко, причем находки из днепровского бассейна, в том чис-

ле венчики, составляют типологически и стилистически единый массив материала с экземплярами из лесной зоны Восточной Европы. От раннесредневековых образцов большинство их отличается окончаниями в форме крючковидных стержней с коническими или дисковидными завершениями (рис. 1: 12–16, 18). Однако встречаются среди находок римского времени и экземпляры без стержневидных окончаний (рис. 1: 17), аналогичные украшениям из Мартыновского и прочих подобных кладов (Родинкова, 2007. С. 367). Говорить о генетической преемственности этих двух групп вещей не позволяет существующая между ними хронологическая лакуна, но очевидное сходство форм и орнаментации изделий римского и раннесредневекового времени ставит их в один типологический ряд.

Изученные венчики (или пластины, интерпретируемые как детали головного убора) римского времени с ряда городищ дьяковской культуры изготовлены из многокомпонентного сплава с низким содержанием цинка, что свидетельствует о многократной переплавке цинкосодержащих сплавов (Сапрыкина, 2005. С. 522. Табл. 1). Латунь (или цинкосодержащие сплавы) появилась в лесной полосе на рубеже эр и широко вошла в употребление во II–III вв. н.э. (Сапрыкина, Митюан, 2005). Как правило, рассматриваемые вещи вырезаны из листового металла, толщина которого не превышает 0,5–1 мм, полученного в результатековки литой заготовки. Резка производилась с помощью зубила с прямым лезвием по предварительной разметке, следы которой фиксируются по краевой зоне изделия вместе со специфическими заусенцами металла. Чеканный орнамент также наносился по разметке; иногда отмечается смещение линий орнамента в сторону от разметки.

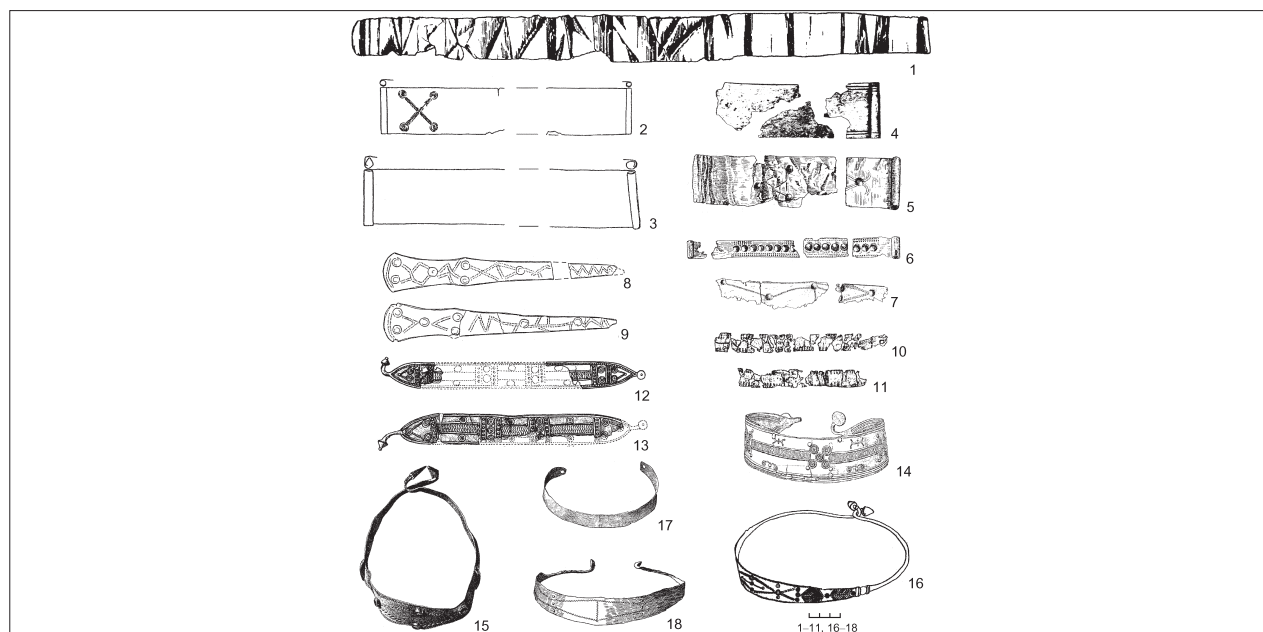

Рис. 1

Металлические пластинчатые венчики: 1–11 – раннесредневековый период; 12–18 – римский период
1 – Мартыновский клад; 2, 3 – Гапоновский клад; 4 – Трубчевский клад; 5, 6 – Козиевский/Новоодесский клад; 7 – Колосковский клад;
8, 9 – Мохнач; 10, 11 – Циллингталь, погребение D 48; 12, 13 – Межгорский клад; 14 – Жукин; 15 – Бабьента; 16 – Сандраушишке;
17, 18 – Мощинский клад

Пластинчатые венчики из Трубчевского клада раннесредневекового времени изготовлены из сплавов с серебром, концентрации которого варьируются в широких пределах (Егорьков, Щеглова, 2001. Табл. 2; 3). Такие сплавы получили широкое распространение в Восточной Европе в VI–VII вв. (Егорьков, Щеглова, 2001; Ениосова и др., 2004). Отличительной чертой сплавов, использованных для производства трубчевских венчиков, является высокая концентрация свинца (до 11%) (Егорьков, Щеглова, 2001. Табл. 2; 3). Известно, что сплавы с содержанием свинца свыше 3,0% невозможно ковать в горячем состоянии и трудно обрабатывать давлением в холодном (Высоцкая, Чипиженко, 1956. С. 279). Для рассматриваемых образцов наиболее вероятная схема изготовления – косметическая холодная ковка литой заготовки, направленная, прежде всего на удаление пороков литья и «разглаживание» металла, а не

на придание ему формы давлением. Литая заготовка в данном случае должна была иметь форму, максимально приближенную к готовому изделию, толщиной не более 1–1,5 мм¹. Поверхность предметов украшена сложным орнаментом, техника нанесения которого аналогична технике орнаментации венчиков римского времени.

Предложенные выводы предварительны, поскольку сделаны на основе анализа ограниченной выборки материала. Расширение базы исследования может принципиально изменить полученные результаты. Вместе с тем мы считаем, что удалось зафиксировать основную тенденцию изготовления пластинчатых головных венчиков, состоящую в том, что в каждый период времени для их производства использовались «модные» сплавы, получавшие наиболее широкое распространение. В эпоху римских влияний это была латунь, в раннем Средневековье – сплавы с серебром.

Высоцкая В.Н., Чипиженко А.И., 1956. *Металловедение*. М.
 Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г., 2004. Серебро в металлообработке Южной Руси в IX–XI вв. // *Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Коростень*.
 Егорьков А.Н., Щеглова О.А., 2001. Металл «антских» кладов по результатам эмиссионно-спектрального анализа // *Древние ремесленники Приуралья*. Ижевск.
 Родинкова В.Е., 2007. Система женского раннесредневекового убора Среднего Поднепровья (ретроспективный анализ) // *Восточная Европа в середине I тыс. н.э.* М.

Сапрыкина И.А., 2005. Производственный ювелирный комплекс Троицкого городища дьяковской культуры // *Древности Евразии. От ранней бронзы до раннего средневековья*. М.
 Щеглова О.А., 1999. Женский убор из кладов «древностей антов»: готское влияние или готское наследие? // *Stratum plus*. СПб.–Кишинев–Одесса. № 5.
 Saprykina I., Mitoyan R., 2005. Non-ferrous metalworking in the Volga-Oka Rivers watershed in the Early Iron Age // *Metallurgy. A touchstone for cross-cultural interaction*. Abstracts. London

И.А. Сапрыкина

Институт археологии РАН, Москва

А.Ю. Тетерин

Российский научный центр «Курчатовский институт», Москва

Р.А. Митоян

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

Г.Ю. Юрков

Институт Металлургии и Материаловедения им. А.А. Байкова РАН, Москва

Результаты исследования химического состава металла золотой обкладки рукояти железного ножа из погребения 2 могильника Мухино гуннского времени, Верхний Дон

В 2002 г. на Верхнем Дону на поселении Мухино было открыто богатое женское погребение (№ 2, исследователь – Г.Л. Земцов). Захоронение датируется второй четвертью V в. н.э. В числе погребального инвентаря был найден железный нож с рукоятью, укра-

шенной сильно фрагментированной накладкой из фольги желтого металла.

Сохранилось 14 фрагментов обкладки ножа, все они представляют собой тонкую, гибкую пластину, толщина которой не превышает 0,5 мм. Лицевая по-

¹ Окончательно решить вопрос о примененииковки как одной из технологических операций можно будет после проведения металлографического анализа образцов.

верхность пластин золотого цвета, на поверхности их визуально фиксируются темные, почти черные, участки. Обратная сторона пластин темного цвета со следами связующего органического вещества. Вероятно, фольга обкладки была приклеена к деревянной рукояти с помощью органического клея, т. к. следов химических элементов, которые могли бы быть связаны с процессом золочения поверхности, выявлено не было. Орнамент на готовой обкладке нанесен с помощью чекана типа Faulenzerpunzen.

Химический состав металла фольги исследовался несколькими способами (всего анализировалось семь фрагментов обкладки): с помощью РФА (рентгенофлуоресцентным энерго-дисперсным безэталоным анализом; МГУ), с помощью РЭС (методом рентгеноэлектронной спектроскопии; РИЦ «Курчатовский институт») и методом энерго-дисперсионного анализа (ИМЕТ РАН).

Все исследованные образцы показали, что обкладка была изготовлена из сплава драгоценных металлов (Au-Ag-Cu), причем содержание золота и серебра в объеме и на поверхности образцов существенно различается. Исходный состав исследуемых образцов отличается от полученных результатов и изначально содержание Au и Ag могло быть в равных пропорциях. Сплав, использованный для изготовления рукояти ножа, относится к типу III сплавов из драгоценных металлов (Rapson, 1990. P. 127–128), наиболее трудоемких в обработке давлением.

По своему качеству готовое изделие не принадлежит к кругу высококлассных статусных изделий; нельзя исключать, что анализируемый нож с золотой обкладкой рукояти был изготовлен специально для экспорта на территорию «Barbaricum» или является местной копией подобных изделий.

Rapson W.S., 1990. The Metallurgy of the Coloured Carat Gold Alloy // Gold Bulletin. Vol. 23 (4).

С.Е. Саранцева

*Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток*

Черепица Хирхиринаского городища в собрании Забайкальского Краевого краеведческого музея им. А.К. Кузнецова¹

Хирхиринаское городище расположено в Приаргунском районе Забайкальского края и датируется XIII в. (Артемьев, 2005. С. 3–18; Киселев, 1958. С. 107–113; Киселев, 1961. С. 103–127; Киселев, 1965. С. 23–58). Коллекцию черепицы Забайкальского Краевого краеведческого музея (г. Чита) составили образцы, собранные на памятнике в 1957–1958 гг. в качестве подъемного материала, а также при раскопках одной из усадеб городища Советско-Монгольской археологической экспедицией под руководством С.В. Киселева². Черепица, найденная на памятнике становилась объектом внимания С.В. Киселева, что получило отражение в научной литературе, однако, технические характеристики черепицы так и остались за рамками этого исследования (Киселев, 1958. С. 107–113; 1965. С. 23–58).

Многие изделия, собранные в коллекции фрагментированы, в связи с чем не всегда возможно опре-

делить их точные размеры и форму. Несмотря на это обстоятельство, по форме поперечного сечения и конструктивным деталям черепицы удалось установить ее следующие типы:

Плоская (простая) черепица. Семь экз., пять из них сохранились полностью. Длина черепицы составила 27,2–29,3 см, ширина широкого края 17–20 см, узкого – 15–16 см.

Плоская черепица с вдавленными (прямыми и волнистыми) линиями на внешней поверхности представлена четырьмя фрагментами. Толщина черепицы 1,4–1,7 см.

Плоская черепица с отливом. По форме черепица аналогична плоской (простой), но имеет на своем нижнем конце отлив – отгиб широкого края, расположенный под углом по отношению к самой черепице, имеет орнаментированную лицевую поверхность. В коллекции насчитывается 24 фрагмента черепицы этого типа, среди них нет ни одного целого экземпляра.

¹ Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» (09-И-П25-03).

² Автор выражает огромную благодарность директору музея В.К. Колосову, зав. фондами С.Г. Васильеву, а также сотрудникам музея В.В. Нестеренко, А.А. Бочениной и О.А. Понякиной за возможность ознакомиться с черепицей средневековых памятников Забайкалья и Монголии, хранящихся в запасниках музея.

ра. Параметры наиболее сохранившихся черепиц следующие: ширина широкого края 17–18,5 см, толщина 1,6–2 см. Отлив черепицы шириной 3,6–3,8 см, толщиной 1,7 см. Орнамент на поверхности отливов довольно схематичен и представлен двумя видами. Первый вид – несколько горизонтальных вдавленных линий делят поверхность отлива на части, образуя бороздки. Между ними полой палочкой нанесены косые полосы или кружки. Второй вид декора еще более примитивен: отлив украшен вдавленными отпечатками боковой поверхности палочки.

Плоская черепица с валиком в коллекции представлена одним фрагментом толщиной 1,7 см. Валик расположен на внешней поверхности черепицы, в ее верхней части, его высота 1,5 см.

Полуцилиндрическая (простая) черепица без хвостовика. В коллекции имеется два изделия с полностью сохранившимися размерными параметрами: длиной 28–28,6 см, шириной 13,3–14,5 см, толщиной 2,2 см. Черепица этого типа не имеет закроев.

Полуцилиндрическая черепица с концевым диском также сохранилась фрагментарно. Удалось зафиксировать ее ширину, которая составила 14–15,4 см. Толщина черепицы этого типа 1,5–2,5 см. Черепица имеет боковые закрои. Концевой диск диаметром 13,5–15 см, толщиной 1–1,4 см. Изображение на диске в окружении восемнадцати жемчужин однозначно определить сложно; скорее всего, оно зооморфное.

Черепица серого цвета, внешняя ее поверхность гладкая, а внутренняя всегда имеет оттиски ткани. Черепок рыхлый, изделия изготавливались из глины, очевидно, с добавлением растительной добавки, которая после сгорания при обжиге оставляла пустоты в виде отпечатков длинных палочек, возможно, соло-

мы. Черепица производилась на шаблонах двух типов. Один из них – усеченно-конической формы, нижнее основание его всегда больше верхнего; на таком шаблоне формовалась плоская черепица. Вторым шаблоном имел вид цилиндра, соответственно на нем изготавливалась полуцилиндрическая черепица. Скорее всего, черепица формовалась с помощью составления и уплотнения глиняных лент, хотя их стыки фиксируются на черепице крайне редко. Изготовление изделий на шаблонах позволяло произвести черепицу необходимых форм и размеров. Ткань, покрывавшая шаблон, выполняла роль прокладки между черепицей и шаблоном и способствовала лучшему снятию сформованных изделий с шаблона. Плоская черепица с отливом и полуцилиндрическая с концевым диском изготавливалась в два этапа. Сначала формовалась сама черепица, а затем к ней отдельно крепились уже орнаментированные отлив (к плоской) и концевой диск (к полуцилиндрической черепице). Зафиксированы следы крепления отливов и концевых дисков к черепице. В таком виде после сушки черепица подвергалась обжигу. Судя по цвету черепицы, обжиг осуществлялся в восстановительной среде.

Характерной особенностью применения черепицы являлось окрашивание ее белой краской, предположительно, известью.

Прямые аналогии черепице городища были обнаружены при исследовании центрального здания усадьбы Алестуй, располагавшейся в 9 км от Хирхирина городского городища. Это выявилось, прежде всего, при сопоставлении размеров плоской черепицы, ее декоративного оформления и технических особенностей, что позволяет выдвинуть предположение об одновременности существования обоих памятников.

Артемьев А.Р., 2005. Новые исследования древнемонгольских городов Восточного Забайкалья // Вестник ДВО РАН. № 2.
Киселев С.В., 1958. Древние города Забайкалья // СА. № 4.

Киселев С.В., 1961. Город Монгольского Исункэ в Забайкалье // СА. № 4.

Киселев С.В., 1965. Город на реке Хирхира // Древнемонгольские города. М.

К.М. Свирин

Тверской государственный университет, Тверь

Языческие святилища Восточной Европы: опыт конструктивного анализа

В археологических исследованиях языческие ритуальные объекты относятся к категории памятников с неразработанной системой признаков. Основная причина такого явления в том, что вычленение культовых комплексов из археологического окружения объективно затруднено.

Одним из возможных вариантов решения проблемы может стать построение признаковых моделей языческих ритуальных комплексов разных территорий и хронологических периодов и стремление к построению генеральной модели языческого ритуального археологического комплекса.

Формирование модели структуры языческого святилища произведено на основе формирования базы данных признаков на основе сравнения с базами данных признаков поселений и погребений, по принципу сходных и отличительных элементов. Базы данных созданы через описание выделенных структурных элементов-признаков святилищ: предметы поклонения, культовые сооружения, жертвенные вещи, ритуальные остатки/останки.

В каждой из подсистем выделено несколько уровней признаков, описывающих все разнообразие конструкции памятников:

- **предмет поклонения** → *искусственный предмет поклонения* → скульптура, столб;
- **предмет поклонения** → *естественный предмет поклонения* → дерево, камень, родник, открытый водоем, пещера, возвышенность;

- **культовые сооружения** → *ограждение* → ров, вал, стена, ямы, столбы, камни;
- **культовые сооружения** → *культовая постройка* → храм, длинный дом, жертвенная постройка;
- **культовые сооружения** → *жертвенник* → яма, площадка, очаг, алтарь, печь, колодец, ящик;
- **жертвы** → *ритуальные остатки/останки* → кострище, кости человека, кости животных, зерна злаков, охра, воск, янтарь, камни, шлак;
- **жертвы** → *вещи* → орудия труда, оружие, предметы быта, украшения, детали костюма, votивные предметы, снаряжение воина, снаряжение коня, предметы христианского культа.

Выделение разноуровневых признаков святилищ и определение их археологических индикаторов позволяет определить место языческих культовых объектов в общей системе археологических памятников.

Н.В. Сердюк

Палеонтологический институт им. А.А. Борисяка РАН, Москва

Характеристика археозоологического материала поселения Крутик (Вологодская обл.)¹

Комплексные исследования поселения Крутик проводились в конце 70-х – начале 80-х гг. В 2008 г. сотрудниками Института археологии РАН при раскопках была применена методика послойного промывания породы. Этот метод позволил получить также мелкие фрагменты костей млекопитающих, птиц и рыб, т. е. тот материал, который без промывки на мелкоячеистой сетке обычно не попадает в поле зрения зоолога.

Остеологический материал представлен остатками млекопитающих, птиц, рыб, амфибий (массовые находки рыб в настоящей работе не рассматриваются). Определено более 2,5 тыс. костных фрагментов. Большая часть ископаемого материала представлена неопределенными элементами: мелко раздробленными частями костей конечностей, позвонков, фрагментами черепа, ребер. В процентном соотношении на долю неопределимых остатков приходится более 90%. Наиболее многочисленные среди определимых остатков – скелетные элементы речного бобра *Castor fiber* и обыкновенной белки *Sciurus vulgaris*. В слоях, характеризующихся обилием остатков, их доля составляет от 25% до 43% у бобра и 25–36% у белки. Фрагменты черепа, разрозненные щечные зубы водяной полевки *Arvicola terrestris*, обнаруженные в яме

3 – около 4%. Неопределимые до вида остатки грызунов *Rodentia* составляют в слоях около 20% среди идентифицированных костей. Остатки птиц *Aves* обнаружены почти во всех слоях в количестве до 5%. До вида удалось определить рябчика *Tetrastes bonasia* и глухаря *Tetrao urogallus*. Единичны находки полорогих: неполный второй шейный позвонок, фрагменты роговых стержней и ребер, фрагмент моляра свиньи *Sus scrofa*, верхний зуб лесной мыши *Apodemus sp.*; клык мелкого куньего (вероятно, горноста *Mustela erminea*); проксимальный эпифиз плечевой кости лягушки *Anura*. Определено по одному зубу серой *Microtus sp.* и лесной *Clethrionomys sp.* полевков. Заяц *Lepus sp.* представлен двумя заплюсневными элементами. Два элемента – фаланга и премоляр – предположительно принадлежат человеку.

Материал из отложений поселения Крутик характеризуется значительной долей диких промысловых животных (бобр, белка, заяц, горноста). Мелкие размеры остатков полорогих взрослых особей вероятнее всего принадлежали домашним животным. Археозоологический материал памятника Крутик свидетельствует о том, что население его активно занималось охотой и рыболовством, а также, возможно, скотоводством и земледелием.

¹ Работа поддержана грантом РФФИ № 08-04-00483а. Автор выражает признательность за предоставленный материал С.Д. Зазарову, а также Н.В. Зеленковой за помощь в определении птиц.

К вопросу о динамике погребального обряда населения тюркской культуры Саяно-Алтая (вторая половина V – XI в. н.э.)¹

Погребальный обряд является одним из наиболее консервативных элементов культуры древних и средневековых обществ. Любые новации в этой сфере связаны с серьезными изменениями в представлениях людей прошлых эпох, поэтому их рассмотрение представляет большой интерес. Кратко обозначим итоги изучения эволюции погребальной обрядности населения тюркской культуры Саяно-Алтая. В ходе исследования учитывались материалы раскопок более 300 захоронений, исследованных на территории Алтая, Тувы и Минусинской котловины.

Ранний кызыл-ташский этап в развитии тюркской культуры (вторая половина V – первая половина VI в.) (Горбунов, Тишкин, 2002; Тишкин, 2007. С. 193) представлен памятниками, исследованными, главным образом, на территории Алтая. Количество погребений, относящихся к этому времени, незначительно. Рассмотрение данных объектов позволяет выделить показатели, демонстрирующие связь с традициями, характерными для булан-кобинской культуры Алтая «гунно-сарматского» времени. В одном случае зафиксировано помещение лошади над погребением человека, что является наиболее распространенным способом расположения животного в обрядовой практике «булан-кобинцев» (Матренин, 2005. С. 41–42). Другим вариантом данной традиции у населения Алтая «гунно-сарматского» времени было помещение лошади «в ногах» умершего человека, за стенкой погребальной камеры. Схожая ситуация встречена в самом раннем погребении тюркской культуры, исследованном на территории Тувы. С традициями «гунно-сарматского» времени связаны также некоторые одиночные погребения тюркской культуры, в том числе относящиеся к раннему кызыл-ташскому этапу.

Выделяется ряд показателей погребальных сооружений тюркской культуры, характерных для рассматриваемого времени. Прежде всего, следует отметить наибольшую простоту в оформлении наземных конструкций. Курганные насыпи, в большинстве случаев, представляли собой простую одно- или двухслойную каменную наброску; не зафиксировано ни одного случая сооружения крепиды или ограды. Определенное распространение получили впускные

погребения, что является характерным признаком для периодов, когда происходит формирование традиций; в данном случае не следует исключать также нестабильность политической ситуации. Вместе с тем, на кызыл-ташском этапе фиксируется сложение норм обряда, являющихся характерными признаками погребальной практики населения тюркской культуры. При исследовании одного объекта отмечено полное соблюдение стандарта ритуала, получившего распространение в последующее время: погребение человека с лошастью, помещенной слева от него, при ориентировке умершего в восточный сектор горизонта и противоположном направлении животного (Серегин, 2010. С. 177). Лошадь присутствовала в относящихся к кызыл-ташскому этапу кенотафах. С оформлением захоронения животного связано появление приступки. На кызыл-ташском этапе развития тюркской культуры, хоть еще в несколько специфичной форме, фиксируется каменная перегородка, отделявшая сопроводительное захоронение лошади.

Погребения тюркской культуры, относящиеся к следующему кудыргинскому этапу (вторая половина VI – первая половина VII в. н.э.), также встречены чаще всего на Алтае, однако получили распространение и на сопредельных территориях. В это время отмечается дальнейшее развитие обозначенных выше элементов обряда кочевников. Четкое оформление получает перегородка, отделявшая сопроводительное захоронение лошади от человека. Такая конструкция зафиксирована при исследовании ряда памятников Алтая и Тувы. Отмечается усложнение наземных конструкций, что нашло проявление в сооружении крепиды по периметру курганной насыпи. К рассматриваемому времени относится сложение «минусинского» локального варианта тюркской культуры (Митько, Тетерин, 1998; Худяков, 2004; Серегин, 2009).

На последующих катандинском, тузктинском и курайском этапах развития тюркской культуры (вторая половина VII – первая половина X в. н.э.) эти и другие элементы погребальных сооружений и ритуала кочевников характеризуются наибольшей вариативностью. Среди важных показателей, которые могут быть связаны с этнокультурными контактами, отметим появление подпрямоугольных наземных конст-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект «Реконструкция социальной организации и системы жизнеобеспечения кочевников Южной Сибири поздней древности и средневековья» (шифр 2010-1.2.1-300-028-022).

рукций и подбоев. Характерными признаками позднего балтаганского этапа в развитии тюркской культуры (вторая половина X – XI в. н.э.) (Тишкин, 2007. С. 201) являются распространение впускных погребений и появление скальных объектов. Количество памятников, относящихся к этому времени, весьма незначительно, что отражает упадок традиций рассматриваемой общности.

Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2002. О территории формирования тюркского этноса // Тюркские народы. Тобольск-Омск.
Матренин С.С., 2005. Способы захоронения населения Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск. Вып. 2.
Митько О.А., Тетерин Ю.В., 1998. О культурно-дифференцирующих признаках древнетюркских погребений на Среднем Енисее // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск. Т. I.

Сергеев Н.Н., 2009. Проблема выделения локальных вариантов тюркской культуры Саяно-Алтая // Социогенез в Северной Азии. Иркутск.

Сергеев Н.Н., 2010. Погребальный ритуал кочевников тюркской культуры Саяно-Алтая // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. Новосибирск. Т. 9. Вып. 5: Археология и этнография.
Тишкин А.А., 2007. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул.

Худяков Ю.С., 2004. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск.

А.А. Сланов

Институт истории и археологии республики Северная Осетия – Алания при Северо-Осетинском государственном университете, Владикавказ

Кавказская стена – миф или реальность?

Еще в XIX в. первые исследователи Кавказа обратили внимание на наличие в различных его местах остатков монументальных оборонительных стен, что послужило причиной возникновения легенды о существовании здесь в древности Великой Кавказской стены, простиравшейся от Черного до Каспийского моря. Однако до настоящего времени эта легенда не была ни подтверждена, ни опровергнута учеными. Причину этого, видимо, следует видеть в том, что, несмотря на значительную протяженность Большого Кавказа, проходы в нем имеются лишь в трех узких местах: на западе и востоке вдоль морских побережий, и на Центральном Кавказе, через высокогорья между горами Казбек и Эльбрус. Поэтому здесь не приходится ожидать непрерывную линию стен, подобно Великой Китайской или валу Адриана. Действительно, мы видим лишь отдельно стоящие отрезки стен, перегораживающие проходы через Кавказ, которые, по причине их удаленности, изучались учеными вне связи друг с другом. Немаловажен и факт, что укрепления использовались на протяжении тысячелетий и неоднократно перестраивались. Архитектурное и археологическое изучение данных объектов отражено в специальной литературе, поэтому остановимся на их исторической интерпретации.

В пользу версии о единой Кавказской стене говорит и тот факт, что все три ее отрезка носят созвучные названия, в основе которых лежит иранский корень «дар» – «дверь». На Западном Кавказе «Даринский путь» – дорога через Абхазскую стену; на Цент-

ральном – «Дарьял» – «Дар-и-алан»; на Восточном – «Дербент» – «Дар-банд». Древнегрузинский автор Л. Мровели (XI в.), отдельно описывая Дарьял и Дербент, отмечает еще одно подобное укрепление в высокогорьях Центрального Кавказа – Дурдзукетии (Ингушетия) – «врата каменные» Дарубал.

Поэтому не случайно все письменные источники говорят не о Кавказской стене, а о Кавказских воротах. Первые сведения встречаются уже у античных авторов: Страбон (I в.) сообщает о неприступной стене, перегораживающей Дарьяльское ущелье, Плиний Секунд (I в.) дополняет его, говоря о *Кавказских воротах* и отмечает, что многие ошибочно называют их *Каспийскими*, и что они перекрыты обитыми железом бревнами. Из-за них у Иосифа Флавия (I в.) они получают название *Железных ворот*, сооружение которых приписывалось Александру Македонскому. Клавдий Птолемей (II в.), называя их *Сарматскими Воротами*, а Арриан (II в.) – *Каспийскими*, также говорят о железных запорах. «Александровы запоры железной двери» на Кавказе отмечают и поздние авторы IV–V вв. Амвросий и Иероним, но исследователи в них склонны видеть не Дарьял, а Дербент или Раг в Иране. С возникновением на Северном Кавказе аланского объединения Дарьяльское укрепление и получает свое современное название. *Дарьял / Дариал* (груз.: *Dariala Darialani*) происходит от иранского *Dar-i-Alan* «Врата алан», *Porta Alanorum*. У арабских авторов он зовется *Bab-al-Alan* «Врата алан», а у ранних армянских авторов назван «Аланац дур». Поздние грузинские авторы этимологизировали Дарьял как «Горские врата».

В трехязычной надписи иранского правителя Шапура I (242–272 гг.), высеченной на стене «Каабы Зороастра» к 20-ти летию его правления в 261–262 гг. указывается, что граница Ирана в этот момент простирается до «Кавказских гор и Аланских ворот». В Шах-Намэ упоминается «знаменитая крепость алан», где думал спастись Сальм, убийца брата Ирая. Говоря о вторжении алан в Закавказье в 70–80 гг. I в., Мовес Хоренаци (V в.) и Леонти Мровели (XI в.) говорят о заключении пленного армянского царевича Зареха (груз. Зарена) в крепость Дариалан, а также упоминают ее в связи с христианской деятельностью св. Нины (Нуны) (IV в.) в Иберии. Армянские ворота упоминаются у армянского историка Агафангела (V в.) в связи с войнами армянского царя Хосрова I (217–238 гг.) против Сасанидов. Древнегрузинские источники – «Обращение Грузии» (VII в.) и Л. Мровели (XI в.) – приписывают сооружение Дарьяльских ворот Вахтангу Горгасалу (V в.).

Помимо Дарьяльских ворот античные авторы отмечают на Кавказе *Каспийские ворота*. Это Дербентский проход, именуемый кроме того у Птолемея *Албанскими воротами*. Его, вероятно, отмечает Тацит, называя *Claustra Caspiarum*. Древние авторы называют его Каспийскими воротами, хотя чаще под этим названием фигурирует проход из Мидии в Гирканию и Парфию, к югу от Каспийского моря, близ древних Раг, через который и прошел Александр. О Каспийских воротах упоминает Мавр Севрий Гонорат (IV в.), Павел Оросий (IV–V вв.), Мартиан Минней Феликс Капелла (первая половина V в.) и др. Основание Дербентских ворот древнеармянские и древнегрузинские источники приписывают военачальнику персидского царя Афридона (т. е. Феридуна эпоса Шах-Намэ) – Ардаму, этимологизируя название *Дарубанд* как «Замкнутые врата». В армянской «Географии» VII в. Дербент назван «*Сторожевым*».

Однако сложение на Кавказе единого оборонительного комплекса происходит в раннем средневековье. Потрясения эпохи Великого переселения народов заставили две крупнейшие мировые державы того времени – Иран и Византию на время прекратить свое вековое противостояние и объединить усилия против общего врага (прежде всего гуннов). В результате этого Кавказ перегораживается системой заградительных стен, охрана которых за плату возлагается на местные горские народы. Согласно условиям мирного договора 422 г. между Ираном и Византией, Персия обязалась осуществлять охрану Кавказских ворот, через которые кочевники Северного Кавказа вторгались во владения обоих государств. За это византийцы должны были выплачивать иранцам определенную денежную сумму. Однако, как пишет Приск Панийский (V в.), когда «пер-

сы ...отправили к римлянам посольство с просьбой дать им денег или людей для охраны укрепления *Юроупаах (Уроусах)*», что соответствует армянскому «*Иберийскому укреплению*», то получили отказ.

Иранская традиция связывает основание Дарьяльской крепости с шахом Хосровом I Ануширваном (531–579 гг.), хотя, по другой версии, отраженной у Масуди, с Исфандиаром, сыном Гистаспа. Грузинские источники («Обращение Грузии») также приписывают персам сооружение системы заградительных стен в Северной и Центральной Осетии, а также Ингушетии. Действительно, помимо Дарьяльского укрепления сеть подобных стен на той же широте проходит по соседним ущельям Центрального Кавказа. Все они располагались в наиболее узких местах ущелий и представляли собой одну или несколько параллельно расположенных стен по обоим берегам реки, соединенных аркой и фланкированных башнями.

В 540 г. начинается многолетняя борьба византийского императора Юстиниана с иранским шахом Хосровом I за Лазику, в которой ни одна из сторон не смогла добиться успеха. По сообщению Прокопия Кесарийского, Юстиниан «укрепил теснины, которые обычно называются *клицурами*, с целью прикрыть доступ в Лазику ее противникам у входа в страну». Примечательно, что и абхазские предания связывают строительство Келасурской стены с Юстинианом, о чем сообщает П. Уварова. Она упоминает о «гигантской Абхазской стене, возведенной, по преданию, Юстинианом для защиты, якобы, Абхазии от набегов соседних горских племен». *Абхазская* (или *Келасурская*) стена представляет собой сложную фортификационную систему, сочетающую в себе естественные и искусственные оборонительные рубежи, протянувшиеся на 160 км от устья р. Келасури до устья р. Ингури.

По договору 562/563 г. (т. н. «пятидесятилетний мир») Иран опять брал на себя обязательства охранять горные проходы Кавказа, за что Византия согласилась ежегодно выплачивать 30 тыс. золотых монет. Хосров использовал этот мир для укрепления своих позиций на Кавказе и в середине 560-х – начале 570-х гг. в Дербенте возводятся новые мощные укрепления. Основной составляющей Дербентского оборонительного комплекса становится так называемая *Горная стена* (тюрк.-перс. *Даг-бары*), возведенная в середине VI в. Согласно арабской строительной надписи (792–793 гг.), она была сооружена шаханшахом Ирана Хосровом Ануширваном. Однако уже следующий император Юстиниан II (565–578 гг.) отказался выплачивать оговоренную ежегодную сумму, видимо расценивая ее как своего рода дань, что и послужило поводом для нарушения мира. По договору 591 г. иранцам пришлось отказаться от этих выплат.

Д.А. Столярова
Институт археологии РАН, Москва

Химический состав металла украшений могильника Мамисондон

Мамисондон – яркий погребальный памятник VII–IX вв., открытый и исследованный в 2007–2008 гг. Северо-Осетинской экспедицией Института археологии Российской Академии Наук в ходе проведения охранных раскопок в зоне затопления проектируемого водохранилища Зарамагских ГЭС. Он находится в Алагирском районе Республики Северная Осетия – Алания (Зарамагская котловина, верховья р. Ардон). Согласно антропологическим данным, население этого памятника отличалось от аланского. Степень близости индивидов с разных участков некрополя каким-либо этническим группам, населявшим Кавказ, пока не выяснена (Албегова, Вережинский-Бабайлов, 2010).

Погребальный инвентарь Мамисондона ограничен предметами личного обихода или деталями костюма. С помощью неразрушающего энергодисперсного рентгенофлуоресцентного анализа в двух лабораториях (геологического и исторического факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова) был изучен химический состав металла 74 находок, представленными 88 образцами: для некоторых предметов было взято несколько проб. Определялись элементы с высокой концентрацией – основные компоненты сплава и элементы-примеси.

При отборе экземпляров для исследования при помощи РФА-анализа учитывалось несколько обстоятельств. К изучению привлекались по возможности все категории украшений, изготовленных посредством различных технологических операций, отличающиеся по качеству исполнения. В то же время, в коллекции Мамисондона представлены несколько серий однотипных по технологии производства предметов. Их изучение дало возможность установить связь между технологией изготовления и составом сплава.

Полученные результаты показывают, что для создания украшений мастера использовали достаточно широкий набор металлов и сплавов: «чистую» и «грязную» медь, двойные, свинцовые и многокомпонентные латуни, серебряные сплавы, а также сплавы на основе олова и свинца. Из легкоплавких металлов и сплавов изготовлены как отдельные предметы, так и припои для соединения конструктивных деталей украшений.

Процентное соотношение различных сплавов, применявшихся при различных технологических операциях, говорит о том, что чаще всего ювелиры использовали оловянные бронзы (34%), второе место занимает серебро различной пробы (28%), изделия из латуни (15%), свинцовой бронзы (16%), «чистой» и «гряз-

ной» меди (3%) и легкоплавких сплавов на основе свинца и олова (4%) немногочисленны (рис. 1).

При соотнесении таких категорий вещей, как литые перстни, кованные перстни, височные кольца, браслеты, булавки, бусина, фибула, бусины-подвески с типами сплавов, использованных для их производства, прослеживается определенная корреляция. Она, возможно, свидетельствует в пользу осознанного подбора металла или сплава для различных операций.

Для литых изделий использовали сплавы, легирующие элементы которых значительно улучшали его жидкотекучесть и понижали температуру плавления. А для изделий, подвергаемых операциям пластической деформации, использовали сплавы с хорошими механическими свойствами.

Так, для изготовления литых перстней чаще всего использовали свинцово-оловянную бронзу с высоким содержанием олова. В единичных случаях отливки производили из высокопробного серебра и сплавов на основе свинца и олова. Для изготовления кованных перстней чаще всего использовали свинцовые бронзы, двойные и свинцовые латуни, а также серебро различного качества. Височные кольца производили в большинстве случаев из высокопробного серебра, а также из оловянно-свинцовых бронз и, редко, из свинцовой латуни. Для литых бусин-подвесок к височным кольцам, в основном, применяли сплав на основе свинца, а в единичных случаях латунь. В некоторых случаях дужки височных колец и подвески к ним сделаны из одинакового материала – серебра. Для производства

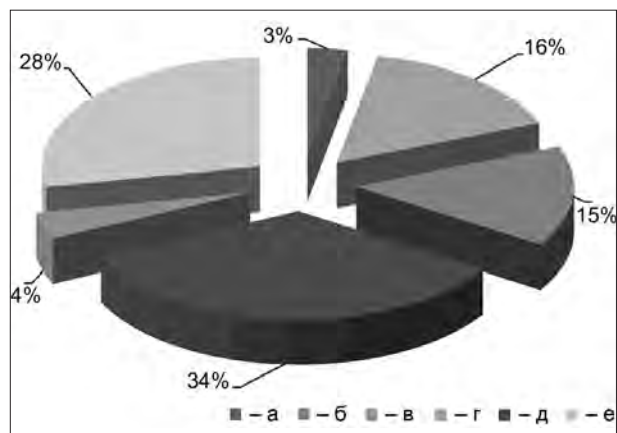

Рис. 1

Соотношение групп сплавов в выборке по могильнику Мамисондон

Условные обозначения: а – «чистая» медь; б – латуни; в – легкоплавкие сплавы; г – свинцовая бронза; д – свинцово-оловянная бронза; е – серебро

браслетов использовали оловянно-свинцовую или свинцовую бронзу. Остальные категории изделий представлены единичными экземплярами, что не позволяет говорить об осознанном выборе сплава.

Однако следует отметить, что присутствие практически во всех сплавах свинца в достаточно большом количестве может свидетельствовать о том, что чаще всего мастера использовали холодную ковку, так как горячая ковка в этом случае невозможна.

Содержание во всех сплавах большого количества микропримесей, а также наличие низкопробных серебряных сплавов, сильно разбавленных медью и свинцом, может говорить о широком применении в ювелирном производстве вторичного сырья – лома украшений, вышедших из употребления.

Примечателен факт присутствия золота в химическом составе металла большинства исследованных образцов (в 63 из 74 проб). Вероятнее всего, золото попадало в металл вместе с медью и свинцом, а в медь – при ее выплавке из рудного источника. Это сырье поступало в ювелирную мастерскую, производившую украшения, и было добавлено в различных

пропорциях в серебро. На основе «грязной» меди с примесью золота был получен и другой сплав – оловянно-свинцовая бронза. Отсутствие золота в свинцовой латуни и многокомпонентном сплаве с цинком (11 изделий), возможно, указывает, что сплавы меди с цинком поступали из другого источника.

Несмотря на некоторое сходство вещевых коллекций Мамисондона и других памятников Юго-Восточной Европы, химический состав его металла свидетельствует о своеобразии и даже уникальности производственной традиции населения Зарамагской котловины.

Специальные работы на материалах памятников Центрального Предкавказья ранее не проводились. Дальнейшие исследования в этой области позволят расширить объем статистического анализа и охватить материал памятников всей долины р. Ардон – могильники Архон, Садон, Дагом – а также других памятников Центрального Предкавказья, что, в свою очередь, открывает достаточно широкие перспективы для определения путей поступления цветных и драгоценных металлов и выявления различных производственных традиций в этом регионе.

Албегова З.Х., Верещинский-Бабайлов Л.И., 2010.
Раннесредневековый могильник Мамисондон //

Материалы охранных археологических исследований М.
Т. 11.

Н.А. Сыроватко

Институт археологии РАН, Москва

К вопросу об облике построек Троицкого городища

Вопрос домостроительства у населения дьяковской культуры продолжает оставаться актуальным в силу того, что раскопки предшествующих лет перегрузили отечественную литературу не вполне достоверными сведениями, провоцировавшими рождение мифов и многолетних заблуждений. Широко известен пример с т.н. «землянками» Старшего Каширского городища (Сидоров, 2002; Сыроватко Н.А., Сыроватко А.С., 2006).

Автор этих строк однажды выступил с критикой реконструкции жилищ Троицкого городища, предложенной А.Ф. Дубыниным и И.Г. Розенфельдт (Дубынин, 1970. С. 17-25; Сыроватко Н.А., Сыроватко А.С., 2006, с. 43). Коротко повторим суть наших сомнений. Во-первых, отметим, что основным критерием выделения построек, по утверждению авторов публикаций, являлись пятна подсыпок полов, очажные пятна и собственно столбовые ямы. Однако из текстов отчетов следует, что «постройки» выделялись не «в плане», а в профилях. Именно стратиграфия стала основой для определения границ построек. Но и столбо-

вые ямы также далеко не всегда достоверно очерчивают границы построек: зачастую они маркируют только одну или две стены предполагаемой постройки, и в таких случаях недостающие просто «реконструируются» авторами публикации. К этому следует добавить особенности подачи материала: пятна культурного слоя даны только те, которые, по мнению авторов раскопок, соответствуют постройкам, без контекста. Столбовые ямы также представлены только выделенными для каждой прослойки, а не всеми, которые фиксировались на каждом из уровней или в материке. Попросту говоря, публикация построек Троицкого городища фактически является авторской интерпретацией, а не источником, и выводы остаются непроверяемыми. Отчеты никак не дополняют публикации и не могут их прояснить – в них также постройки приводятся в уже «готовом» виде, а контекст на чертежах отсутствует.

Однако высказанная критика требует и следующего шага – усомнившись в правильности полевых и камеральных наблюдений, необходимо ответить на

вопрос, «как же было на самом деле?». Любопытно, что троицкие реконструкции «не имели продолжения» – следы от построек в том виде, в котором они были представлены научному сообществу, больше не обнаруживались на дьяковских поселениях. Уже на Щербинском городище стали открываться новые подробности (Сыроватко, 2008), а затем последовали Михайловское и Кузнечики. После этого обычным делом стало обнаружение следов от построек в виде канавок со столбовыми ямками внутри (несколько раньше подобные следы были открыты Т.Н. Никольской на Николо-Ленивце (Никольская, 1959. С. 26)).

На Троицком городище, судя по публикации, у постройки № 34 удалось выявить интересную деталь: ее восточная стена маркировалась полосой черного грунта и столбовыми ямками вдоль нее (Дубынин, Розенфельдт, 1970. С. 121-122). По описанию постройки эта деталь вполне может соответствовать такой канавке, которая обычно обрамляет дьяковскую постройку.

Эта же деталь постройки представлена на фотографиях в отчете (Дубынин, 1958. С. XXVI). Всего снимков два – очерченная канавка с пятнами столбовых ям (рис. 1), деталь постройки 34, и та же канавка (или полоса темного слоя) с выбранными по контуру ямами. Сходство с аналогичными следами от построек Настасьинского, и многих других городищ, очевидное, хотя полоса слоя так и осталась неразобранной.

Других, столь же очевидных следов от стен, среди фотографий нет. Есть снимок «ям от столбов в кв. 23-24 Ф, X», на котором видна некая выбранная канавка. Судя по номерам квадратов, эти ямы могли относиться к выделенным А.Ф. Дубыниным постройкам 5-6 (Дубынин, Розенфельдт, 1958. Рис. 1). Нечто похожее на канавку как будто бы угадывается на фото, подписанном как «остатки постройки 58 в кв. 19Ш» на раскопе XI. В этом случае соотнести фото с публикацией сложнее – А.Ф. Дубынин позднее ничего не говорил о постройках на этом участке площадки (Дубынин, Розенфельдт, 1958. Рис. 1). Каков же будет наш основной вывод? Мы считаем, что наиболее вероятной формой построек Троицкого городища следует считать дома с конструкцией

Рис. 1

Деталь постройки 34 из отчета А.Ф. Дубынина

стен, оставляющих следы в виде канавок со столбовыми ямками.

Разумеется, приведенные соображения не означают, что все постройки Троицкого городища имели именно такую конструкцию стен – у нас нет тому подтверждения. Но следует помнить, что распознавание и идентификация следов этого типа в нашей науке затянулись надолго. Коллектив А.Ф. Дубынина ясно увидел их только на Щербинском городище, и то далеко не сразу они были увязаны с постройками (Сыроватко, 2008). Пожалуй, только на городище «Кузнечики» эти постройки были прослежены полно. В полосах стен первоначально видели кротовины, позднее «отпечатки бревен от срубов», в том числе «с необрубленными сучками» (Смирнов, 1965. С. 22-24). Так что в том, что на Троицком городище, первом памятнике, исследованном А.Ф. Дубыниным и собранным им коллективом, не распознали следов от стен, нет ничего удивительного. Напротив, удачей можно считать уже то, что не были открыты «землянки», как это не раз случилось после работ В.А. Городцова.

Сидоров В.В. Археологические памятники окрестностей Каширы // Каширский край. Вып. 1. Археология. Кашира, 2002.

Сыроватко Н.А., Сыроватко А.С. Некоторые источниковедческие проблемы в изучении жилищ дьяковской культуры // Археологическое изучение Подмоскovie: Матер. науч. семинара. Вып. 3. М., 2006.

Дубынин А.Ф. Троицкое городище // МИА. 1970. № 156.

Дубынин А.Ф., 1958. Отчеты по Можайской и Московской экспедициям. 1958г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1745 - 1745а.

Дубынин А.Ф., Розенфельдт И.Г. Постройки Троицкого городища // МИА. 1970. № 156.

Сыроватко Н.А. Городища Щербинское и Кузнечики: к вопросу о реконструкции построек // РА. 2008. № 4.

Никольская Т.Н. Культура племен верхней Оки в I тысячелетии н.э. МИА. № 72. М., 1959.

Смирнов К.А. Отчет. Московская экспедиция. 1965г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3139.

А.А. Тишкин, Н.И. Быков
Алтайский государственный университет, Барнаул

Комплексное изучение деревянных изделий предтюркского времени из памятника Яломан-II на Алтае¹

Памятник Яломан-II находится в Онгудайском районе Республики Алтай на четвертой надпойменной террасе левобережья Катуня, около устья р. Большой Яломан. Археологический комплекс, состоящий из нескольких групп объектов, исследовался в течение нескольких полевых сезонов. На могильнике предтюркского времени, который относится к булан-кобинской культуре и датируется второй половиной IV – первой половиной V в. н.э., раскопаны шесть курганов. В них обнаружена представительная серия сохранившихся предметов из древесины, среди которых имеются уникальные изделия. Большое количество таких находок зафиксировано в кургане № 31. Эти материалы частично опубликованы (Тишкин, Мильников, 2008). О других имеется лишь краткая информация в предварительных сообщениях (Тишкин, Горбунов, 2003; Тишкин, Мильников, 2007; и др.). В ходе исследований применяются разные методы и анализы: морфологический, ксилотомический, дендрохронологический, технико-технологический, радиоуглеродный, трасологический и др.

Бытует мнение, что на Алтае только в замерзших могилах пазырыкской культуры скифо-сакского времени можно обнаружить изделия из органических материалов. Однако это совсем не так. На самом деле подобные находки зафиксированы при изучении объектов других периодов древней и средневековой истории. Этому могли способствовать соответствующие условия или сложившиеся обстоятельства. Данное положение подтверждают изделия, обнаруженные на памятнике Яломан-II и ныне хранящиеся в Музее археологии и этнографии Алтая Алтайского госуниверситета (г. Барнаул).

В кургане № 20 прослежены остатки деревянного блюда, а также зафиксировано целое изделие в виде круга с выступом в центре. Данный предмет является дном колчана и был изготовлен из сосны обыкновенной (все приводимые здесь ксилотомические определения выполнены в Государственном Эрмитаже к.б.н. М.И. Колосовой микроскопическим методом по анатомическим признакам). Кибить сложносоставного лука делалась из крушины. Кроме этого, найден целый ряд других деревянных изделий (пенал, обработанные палочки, фрагмент бересты, рукоять шила). В кургане № 29 обнаружены деревянные детали колчана, а также множество древков стрел, остатки седла

и пенал. В кургане № 30 зафиксированы фрагменты лука, для изготовления которого использовались части ствола крушины ломкой. Лежавшее блюдо оказалось изготовлено из сосны кедровой сибирской. Древки стрел, псалии, пенал и седельные полки сделаны из березы. В кургане № 31 найдены остатки седла, берестяная фигура человека, сосуд с ручкой (рис. 1: 5), блюдо (рис. 1: 11), сохранившиеся части кибити лука (рис. 1: 12), пенал (рис. 1: 8), детали колчана (рис. 1: 5–6), железное шило с ручкой (рис. 1: 9), многочисленные древки стрел (более 30) (рис. 1: 10), гребень, палочки, «фишки» и др. Предварительный технико-технологический анализ этих материалов позволил сделать целый ряд наблюдений и отдельных заключений (Тишкин, Мильников, 2008). В кургане № 32 зафиксированы остатки сложносоставного лука, блюда, древки стрел и ряд предметов неясного назначения. В кургане № 33 оказались две могилы, в которых сохранилось довольно много предметов из дерева: части седла (рис. 1: 1–4), псалии, блюда, кружки, лук и древки стрел. Важными показателями данного комплекса являются практически целые деревянные детали жесткого седла без стремян.

Часть изделий была подвергнута дендрохронологическому анализу. Подсчет годичных колец свидетельствует о том, что для изготовления изделий использовались деревья возрастом более 30 лет. Такие деревья имели диаметр ствола 28–30 см. В кургане № 33 за счет перекрестного датирования индивидуальных хронологий удалось получить общую 42-летнюю хронологию, а в кургане № 31 – 36-летнюю. Высокое сходство этих показателей позволило выполнить их перекрестное датирование и на его основании установить, что курган № 31 был сооружен позднее кургана № 33. Данное заключение подтверждается планиграфическими наблюдениями. В целом дендрохронологическое датирование предметов затруднено тем, что большинство хронологий слишком короткие для перекрестной датировки, а также тем, что большая часть хронологий не имеет начального и последнего кольца (года рубки). Затрудняет дендрохронологическое исследование также то, что хронологии получены с разных пород. Однако изучение всех обнаруженных деревянных изделий увеличивают возможности дендрохронологических заключений.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №10-06-00476-а «Комплексный анализ деревянных изделий из археологических памятников Алтая: ксилотомия, дендрохронология, трасология»).

Таким образом, полученный при раскопках памятника Яломан-II массив деревянных изделий по шести курганам предтюрокского времени позволяет при дальнейших исследованиях существенным обра-

зом расширить наши представления о материальной культуре и системе жизнеобеспечения населения булан-кобинской культуры, а также решать проблемы датирования конкретных объектов.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003. Исследование погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск. Т. IX, ч. I.

Тишкин А.А., Мыльников В.П., 2007. Начало изучения комплекса деревянных изделий булан-кобинской культуры Алтая // Алтай-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул.

Тишкин А.А., Мыльников В.П., 2008. Деревянные изделия из кургана 31 памятника Яломан-II // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1 (33).

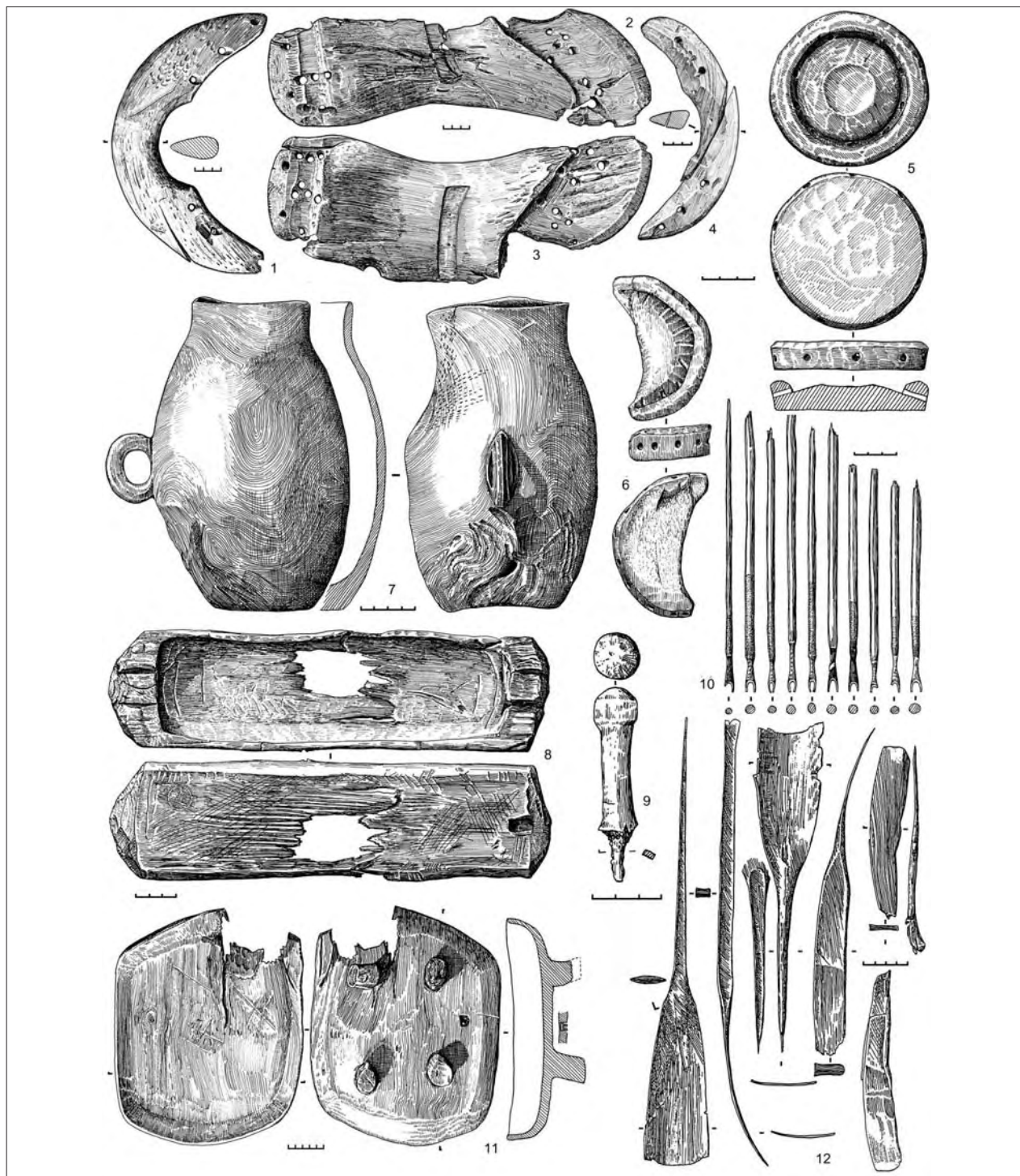

Рис. 1

Деревянные изделия предтюрокского времени из памятника Яломан-II на Алтае: 1-4 – курган № 33, могила 1; 5-12 – курган № 31

А.Н. Федорина

Институт археологии РАН, Москва

А.М. Красникова

Государственный исторический музей, Москва

Средневековое поселение Большое Давыдовское 2 под Суздалем: хронология и планиграфия

В настоящее время вопросы времени, характера и динамики массовой колонизации территории исторического ядра Владимиро-Суздальской земли во многом остаются открытыми. В первую очередь это связано с особенностями залегания и сохранности средневековых культурных слоев, в значительной мере нарушенных позднейшей сельскохозяйственной активностью. Ситуация осложняется преобладанием среди археологических материалов, составляющих источниковую базу для изучения средневекового расселения, коллекций, собранных в ходе поверхностных сборов на долговременных поселениях, что затрудняет выделение узких хронологических горизонтов.

Подробный разбор коллекций, собранных в ходе стационарных раскопок, позволяет реконструировать историю отдельных поселений. Перспективность такой работы наглядно демонстрируют работы, посвященные материалам селищ Гнездилово 2 (Лапшин, 1983; Горюнова, Лапшин, 2004), Васильково (Лапшин, Мухина, 1988), Весь 5 (Макаров, Захаров, Шполянский, 2010). В настоящей работе мы остановимся на материалах, полученных в ходе раскопок селища Большое Давыдовское 2 в 2007–2010 гг.

Поселение Большое Давыдовское 2 входит в состав куста поселений у сел Шекшово – Большое Давыдовское – одного из ранних участков древнерусской колонизации центральной части Суздальской земли. На сегодняшний день это одно из немногих селищ Ополья, исследованное широкой площадью (849 кв. м. вскрытой площади, около 1000 находок, свыше 10000 фрагментов керамики, 17 радиоуглеродных дат). Материалы этого памятника представляют значительный интерес при реконструкции особенностей хозяйства и материальной культуры населения Суздальской земли в конце X – XIII в.

Вскрытый раскопками участок, первоначально оценивавшийся как периферия раннего поселения, продемонстрировал значительную концентрацию объектов, что позволило уже на настоящем этапе значительно скорректировать представления о динамике границ поселения. На основании анализа вещевой и керамической коллекций, а также стратиграфических наблюдений удалось выделить три этапа освоения вскрытой раскопом территории: конец X – XI (вероятно вторая четверть) в., XII в. (вероятней всего первая

половина – середина века), вторая половина XII – XIII в. (рис. 1).

Для вещевого комплекса первого этапа характерно наличие стеклянных мозаичных бус и лимонovidных бус из тянутой трубочки и рубленого бисера, узколезвийных ножей, амулетов из костей животных (астрагалы бобра, клык медведя). Важными хроноиндикаторами этого периода являются находки денария и скандинавского амулета – кольца со стерженьками (анalogии см. Дорофеева, 2010). Коллекция керамики X–XI вв. представлена как комплексами с чисто лепной керамикой, так и комплексами с присутствием раннекруговой посуды эсovidного профиля с частыми линейным орнаментом.

К первому этапу использования площадки относится 16 объектов, в том числе яма 1, интерпретируемая как подполье жилого дома. Остальные ямы представляются остатками различных хозяйственных строений. Комплексы X–XI вв. распределены по всей вскрытой площади равномерно и несколько разрежены. Наблюдается небольшое увеличение плотности в северном и восточном направлениях.

Объекты второго этапа выделены по особенностям керамического комплекса, характеризующиеся снижением доли лепной керамики, присутствием в коллекции манжетовидных и секировидных венчиков – тип IV по В.А. Лапшину (Лапшин, 1992), а также фрагментов сосудов с вертикальным горлом – тип Va. Вещевых находок, хроноиндикаторов XII в., выявить не удалось.

К первой половине – середине XII в. можно отнести 12 ям. Как и в случае с древнейшим этапом один объект (яма 80), можно соотнести с остатками жилой постройки. Объекты этого времени концентрируются в северной и восточной частях раскопа, занимая зону, ориентированную по линии северо-запад–юго-восток.

Для комплексов третьего этапа отмечено отсутствие или незначительная примесь лепной керамики (вероятно переотложенной), присутствие «поздних» типов венчиков круговых сосудов (VIВ, VIIБ, VIIIБ, VIIIВ – по В.А. Лапшину). Вещевые коллекции характеризуются значительным количеством стеклянных браслетов, присутствием шиферных пряслиц, широколезвийных ножей, ключей типов Б и В.

Таких комплексов зафиксировано девять, в том числе крупный объект, вошедший в раскоп лишь час-

тично – комплекс ям 141. В раскопе не удалось зафиксировать жилых построек второй половины XII – XIII в. Почти все сооружения третьего этапа группируются в северной и восточной оконечностях раскопа, занимая ту же зону, что и большая часть построек второго периода.

Подводя итоги, можно сказать, что памятник Большое Давыдовское 2 представляет собой стационарное поселение с неустойчивой планировочной структурой, особенно на начальных стадиях развития. Вероятно наличие разрыва в использовании, вскрытого раскопом участка, во второй половине XI – начале XII в., фиксирующееся как незначительностью материалов-хроноиндикаторов этого времени, так и отсут-

ствием преемственности в застройке участка в последующее время. Косвенным подтверждением тому является серия из девяти радиоуглеродных дат с верхней границей в пределах второй четверти XI в.

Пространственная организация объектов второго и третьего хронологических периодов, а также схожесть характера вещевых комплексов дает возможность говорить о стабилизации внутренней структуры поселения. Отсутствие на вскрытой площади частотных канав, при значительности вскрытой площади на периферии исследованной усадьбы косвенно свидетельствует об открытом характере дворовладений, в том числе на заключительном этапе существования селища.

Рис. 1
Большое Давыдовское 2. Сводный план раскопа:
а – сооружения конца X – XI в., б – сооружения XII в., в – сооружения второй половины XII – XIII в.

Горюнова В.М., Лапшин В.А., 2004. О появлении раннекруговой керамики в Северо-Восточной Руси // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. СПб.
Лапшин В.А., 1992. Керамическая шкала домонгольского Суздаля // Древнерусская керамика. М.
Лапшин В.А., 1983. Археологический комплекс у с. Гнездилово под Суздалем // КСИА. М. № 195.

Лапшин В.А., Мухина Т.Ф., 1988. Раннесредневековый археологический комплекс у с. Васильково под Суздалем // Проблемы изучения древнерусской культуры. М.
Дорофеева Т.С., 2010. Скандинавский амулет с Городища под Новгородом // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Е.Н. Носова. СПб.
Макаров Н.А., Захаров С.Д., Шполянский С.В., 2010. О датировке средневекового поселения Весь 5 под Суздалем // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Е.Н. Носова. СПб.

А.А. Фетисов

Государственный музей Востока, Москва

Новые находки фрагментов стеатитовых сосудов из Гнездова

Редкие находки фрагментов стеатитовых изделий в культурных слоях древнерусских памятников традиционно считаются показателем связей средневековой Руси с Норвегией. За последние 10 лет, со времени выхода первой обобщающей работы на эту тему А. Стальсберг, объем данных о стеатитовых изделиях на территории Древней Руси значительно увеличился. На сегодняшний день подобные находки, относящиеся к Эпохе викингов, известны в Старой Ладогe (фрагмент сосуда, три пряслица), в Гнездово (фрагмент сосуда), в Вышгороде (фрагмент сосуда), на Рюриковом городище (литейная форма); к более позднему периоду относится еще одна литейная форма из Старой Ладоги; одно пряслице, предположительно найденное в Северной Руси, происходит из частной коллекции.

В 2007–2009 гг. в пойменной части Гнездовского поселения были найдены три фрагмента сосудов из стеатита. Рентгенофлуоресцентный анализ (выполнен в ИГЕМ РАН А.И. Якушевым) показал, что основной

состав этих фрагментов – SiO_2 (41–45%), MgO (25–27%) и Fe_2O_3 (15–17%), что соответствует составу талькохлорида (стеатита) – $\text{Mg}_3(\text{OH})_2\text{Si}_4\text{O}_{10}$. Все три фрагмента стеатитовых сосудов найдены в слоях середины – второй половины X в. Один из них обнаружен в т.н. «портовой зоне» Гнездова – прибрежном участке, где осуществлялся прием и обслуживание торговых судов; два других – на территории неукрепленного посада, в непосредственной близости от крупной ремесленно-ювелирной мастерской. Все три фрагмента представляют собой стенки чаш (либо котлов). Хотя основные места добычи стеатита в средневековой Северной Европе (и большинство изделий из него) зафиксированы в Норвегии, регион распространения подобных находок достаточно обширен (Норвегия, Швеция, Дания, Германия, Польша). Вероятно, невозможно утверждать, что находки изделий из стеатита в Древней Руси свидетельствуют о связях именно с Норвегией: такие изделия могли поступать и из других районов Северной Европы.

С.С. Ходосевич, Е.В. Меньшагин

Иркутский государственный университет, Иркутск

Железные ножи Северного Приангарья¹

В настоящее время, благодаря успешным археологическим исследованиям последних лет, на территории Северного Приангарья коллекция целых ножей и их фрагментов насчитывает десятки экземпляров.

При написании статьи в работе находилось 55 железных ножей из коллекций девяти стоянок и местонахождений на территории Северного Приангарья (Адорма, о. Жилой, д. Карапчанки, д. Дубынино, Ту-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., государственный контракт № П363.

шама, Усть-Илим, с. Пашино, Усть-Кова и Чадобец). Рассматриваемые ножи были обнаружены в культурных отложениях поселений железного века, в погребениях и в качестве подъемного материала (Гладилин, 1978, 1985; Привалихин, 1984, 1993).

Для описания ножей были приняты семь конструктивных признаков: форма хвостовика, форма клинка, отделение хвостовика от клинка, изгиб линии спинки, сечение клинка, заточка, вершина хвостовика.

Анализ имеющегося археологического материала показал, что наибольшее количество ножей на территории Северного Приангарья представлены со следующими признаками: в форме клинка спинка и брюшко параллельны; изгиб линии спинки отсутствует; лезвие имеет взъём у носка; сечение клинка клиновидное симметричное; хвостовик клинка отделен плечом под тупым углом со стороны лезвия; хвостовик цельнополостной фигурный; вершина хвостовика, выполняющая функции навершия, отсутствует.

Гладилин А.В., 1978. Металлические орудия железного века Средней Ангары // Древние культуры Приангарья. Новосибирск.

Гладилин А.В., 1985. Металлургия Среднеангарья // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск.

Из рассмотренных 55 ножей, 11 представляют наибольший интерес, т. к. они выбиваются из общей схемы и имеют несколько особых признаков, свойственных этой группе. Из-за ограниченного количества экземпляров сложно сделать конкретные выводы по происхождению особенностей, так как данные ножи были обнаружены на разных участках р. Ангары, и вероятность их принесения с другой территории никак нельзя исключать. Особые признаки ножей могут свидетельствовать о различных хронологических рамках и культурных традициях, о возможном функциональном делении и изготовлении ножей иными мастерами.

В целом, для территории р. Ангары характерно большое количество ножей и их разнообразие, что позволяет нам говорить о том, что ножи широко применялись в повседневном быту древнего населения Северной Ангары и являлись необходимым атрибутом его жизни.

Привалихин В.И., 1984. Исследования в зоне Богучанской ГЭС на Ангаре и в Эвенкии // Археологические открытия 1982 года. М.

Привалихин В.И., 1993. Ранний железный век Северного Приангарья (цэпаньская культура): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово.

Ю.Б. Цетлин

Институт археологии РАН, Москва

И.В. Болдин

Калужский областной краеведческий музей, Калуга

Средневековые гончарные горны Абхазии (по материалам исследований 2007 и 2009 гг.)¹

По приглашению начальника Управления охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия В.В. Бжанин экспедицией Института археологии РАН проведены раскопки гончарных горнов у с. Ата-ра в Очамчирском районе. Впервые эти горны исследовались экспедицией Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа под руководством М.М. Гунбы в 1971–1972 гг. (Гунба, 1985).

За два полевых сезона были раскопаны два мощных производственных комплекса, проведено предварительное изучение керамики из раскопок и сплошное обследование прилегающей к селу территории.

Первый производственный комплекс расположен на р. Пщаква и представлял собой холм овальной фор-

мы, вытянутый в направлении с востока на запад. В ходе раскопок было установлено, что он включал 12 последовательно функционировавших гончарных горнов.

Второй производственный комплекс располагался в 150 м от реки на пологом склоне холма высотой около 50 м рядом с дорогой, идущей через село к усадьбам на высоком плато. Этот комплекс включал пять последовательно функционировавших горнов.

Все гончарные горны имели вытянутую овальную камеру обжига (5–6 м длиной и 3–4 м шириной) с глиняными стенками, изготовленными на плетеном каркасе. Чтобы уменьшить потери тепла стенки камеры обжига с внешней стороны были присыпаны толстым слоем глины с большим количеством обломков

¹ Работы экспедиции проводились по гранту Президиума РАН и гранту РФФИ № 09-01-18119е.

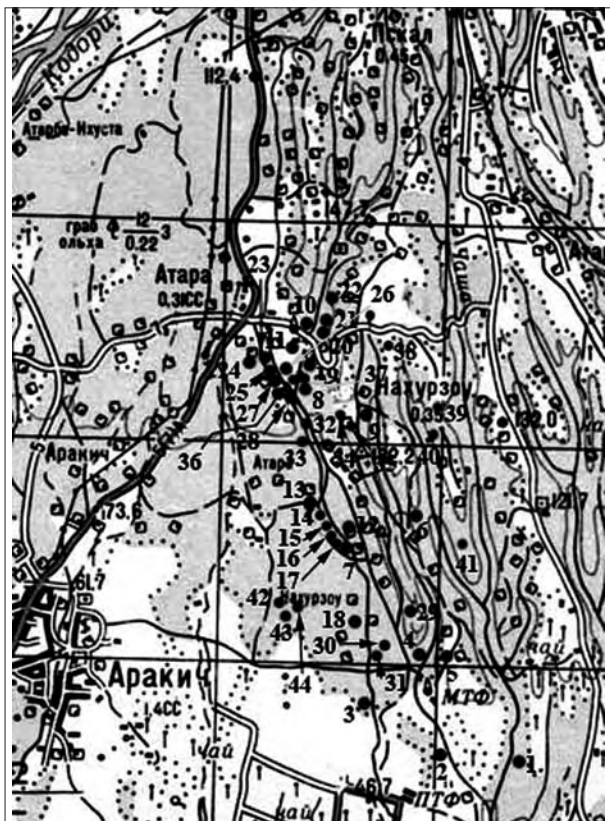

Рис. 1

Карта распространения зафиксированных производственных гончарных комплексов в окрестностях с. Атара

керамики. Судя по многочисленным находкам обожженных до стекловидного состояния камней и фрагментов керамики, в горнах температура обжига составляла не менее 900–1000°C.

Вдоль камеры для обжига сосудов были сооружены два слегка наклонных теплопроводных канала (размером в устье 50–70 см, в конце камеры обжига 10–15 см), перекрытых временным теплопроводно-разделительным блоком из камней и крупных обломков керамики. Эти каналы и основание камеры обжига периодически подвергались ремонту. Теплопроводные каналы на выходе из камеры обжига переходили в топочные, имевшие, скорее всего, сводчатое перекрытие.

В районе устья конструкции располагалась предгорновая яма, из которой происходило управление процессом обжига сосудов. Специальный анализ золы из топочных каналов показал, что в горнах использовалось древесное топливо, скорее всего, в виде прямых жердей длиной несколько метров и диаметром 5–7 см.

На основании полученных при изучении двух производственных комплексов данных можно высказать предположение, что гончарные горны, функцио-

нировавшие последовательно в рамках каждого производственного комплекса, скорее всего, принадлежали нескольким поколениям (по меньшей мере, двум) одного семейства гончаров.

По данным стратиграфии в каждом комплексе выделены два основных периода функционирования горнов. В первом комплексе к позднему периоду относятся восемь горнов, а к раннему – четыре горна. Во втором комплексе к позднему периоду принадлежит один горн, а к раннему – также четыре горна.

При раскопках обоих комплексов зафиксировано свыше 13 тыс. фрагментов керамики, происходящих почти исключительно от крупных пифособразных сосудов. Это позволяет заключить, что местное гончарное производство было ориентировано на производство и обжиг именно таких изделий.

По данным стратиграфии горнов полученный керамический материал оказался возможным также разделить на два периода, для которых свойственны некоторые особенности в традициях орнаментации сосудов. Так, для сосудов *позднего периода* характерны горизонтальный ряд или два ряда ямочных вдавлений по венчику и горизонтальный или криволинейный налепной валик. Посуда *раннего периода* отличается своеобразным орнаментом в виде небольших выступов-жемчужин, образовавшихся под венчиком в результате нанесения глубоких вертикальных ямок от верхнего торца венчика к его скошенному внешнему краю. После создания этих ямок торец венчика покрывался дополнительным слоем глины, который закрывал эти пустоты. Массовым в это время был также орнамент из разнообразных налепных валиков, покрытых крупными пальцевыми вдавлениями. Судя по керамическим материалам, горны позднего периода могут относиться к XI–XII вв., а раннего – к VII–X вв. н.э.

В результате проведенного обследования окрестностей с. Атара, благодаря помощи В.К. Квициния (научного сотрудника Сухумского государственного музея и местного жителя) было зафиксировано 44 аналогичных производственных комплекса (карта). По свидетельству жителей часть их была уничтожена распашкой, а также при строительстве крестьянских усадеб. Допустимо предполагать, что первоначально общее число таких комплексов достигало не менее сотни, а общее число функционировавших в этом районе гончарных горнов могло составлять порядка 800–1000 конструкций.

Таким образом, открытый в районе с. Атара мощный керамический центр эпохи раннего средневековья в настоящее время является уникальным археологическим объектом не только для территории Кавказа, но и для всей Восточной Европы.

Древнейшие кузни в таежном Приобье

В 2000–2010 гг. экспедиции УрГПУ и УрГУ проводили охранные исследования раннесредневековых памятников в бассейне р. Большой Юган (левый приток Оби). Городище Сартым-урий 18 и селища Сартым-урий 16 и 17 расположены на берегу одноименной протоки в окрестностях села Угут и пострадали при

прокладке нефтепроводов. За эти годы на памятниках было вскрыто почти 3800 кв. м. На городище раскопано более половины сохранившейся площади (ок. 1250 кв. м), завершены раскопки селища 17 (960 кв. м), а на селище 16 исследовано 1588 кв. м. Всего же в этом комплексе изучены остатки 32 построек с карымским

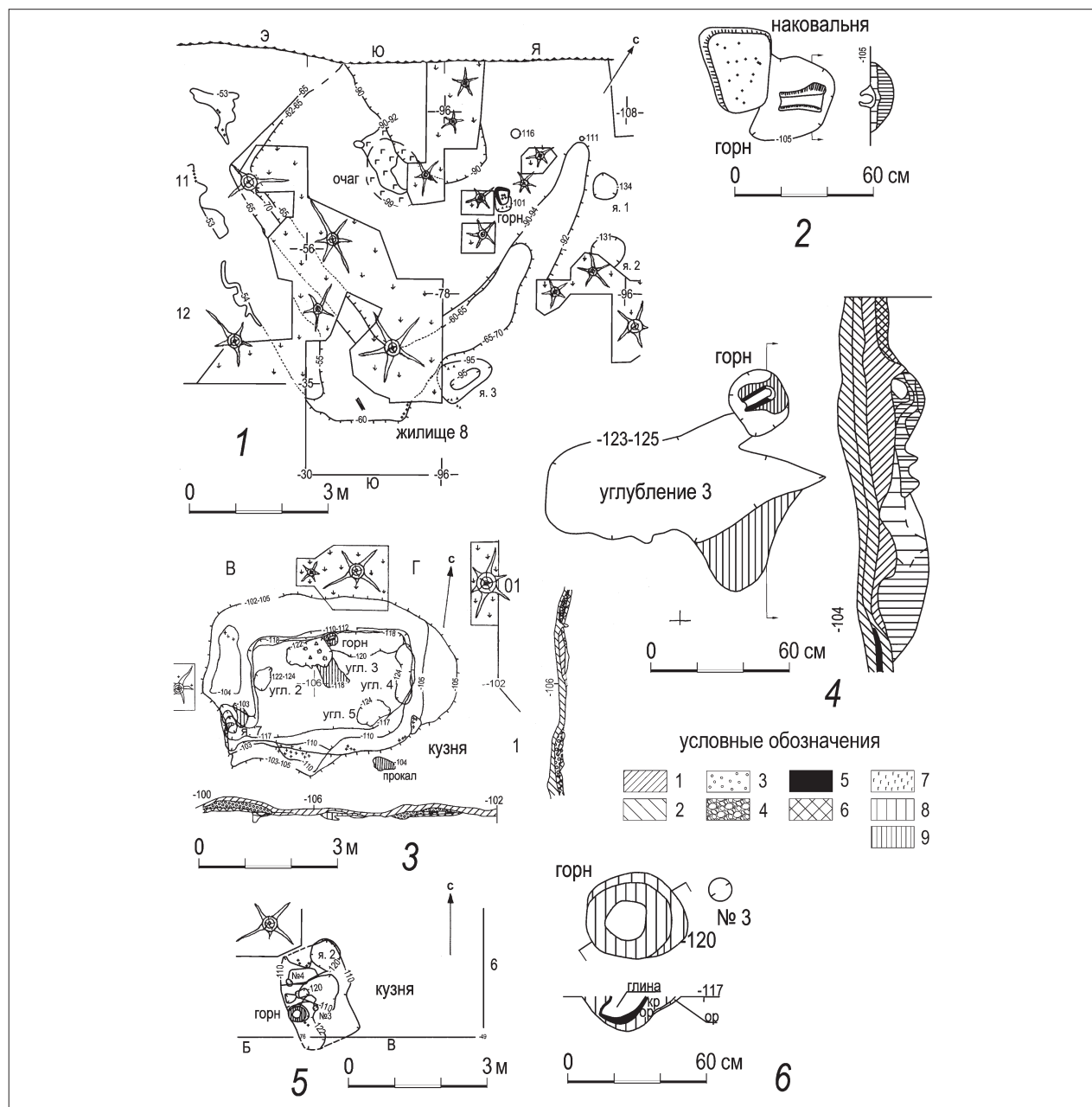

Рис. 1

Городище Сартым-урий 18: 1 – жилище 8; 2 – горн и наковальня. Селище Сартым-урий 17: 3 – кузня; 4 – горн. Селище Сартым-урий 16: 5 – кузня; 6 – горн.

Условные обозначения профилей: 1 – подзол; 2 – желтый, серо-желтый песок (культурный слой); 3 – желтый переотложенный песок (обваловка); 4 – пестроцвет; 5 – углистый слой; 6 – погребенный подзол; 7 – очажный слой; 8 – оранжевый прокал; 9 – бурый прокал.

материалом (начало средневековья), среди которых – три кузни, самые ранние из известных в регионе.

Одна из них находилась на городище, в жилище 8 почти квадратной формы размером 6–6,6×5,8 м, углубленном на 5–10 см от древней поверхности. Жилище, окруженное песчаной обваловкой, продольной осью было ориентировано по линии север–юг (рис. 1: 1). С восточной стороны в обваловке прослеживался разрыв шириной 0,6 м, вероятно, маркировавший выход. Пол жилища был неровный и повторял легкий наклон древней поверхности. В центре постройки находился очаг, остатки которого представляли собой подпрямоугольную линзу бурой супеси размером 0,6×1,46 м, с включениями пережженных косточек и углей. У восточной стены выявлены остатки кузни в виде печи (горна) и массивного уплощенного камня, служившего наковальней. Горн выглядел как овальная, близкая к трапецевидной в плане яма размером 40×26 см и глубиной 12–15 см, заполненная темно-бурой прокаленной глиной. В профиле она параболическая, глубиной 12–15 см. С северо-западного края яму частично перекрывала гранитная глыба размером 38×34×11–14 см (рис. 1: 2). Посередине горна сохранился ошлакованный, частично остекленевший желоб длиной около 20 см (остатки сопла), доходивший до края наковальни. Слой вокруг камня был насыщен железной окалиной и шлаками, здесь же фиксировались следы от кольев. Нижняя сторона наковальни частично прокалена – камень служил своеобразной стенкой печи, в которой разогревали железо перед ковкой. За пределами постройки, напротив кузни, находилась яма диаметром 60 и глубиной 28–30 см, с углистым слоем на дне, кусками ошлакованной, спекшейся глины, шлака, окалины в заполнении. Вероятно, в нее сбрасывали отходы кузнечного производства, мусор после работы в кузне.

Кузня на селище Сартым-урий 17 до раскопок выглядела как углубление овальной формы, окруженное невысокой обваловкой. Собственно постройка подпрямоугольная, со слегка скошенным юго-восточным углом и выступом в юго-западном углу (рис. 1: 3). Размер ее в основании 3,5×2,1 м. Глубина котлована у стен 10–12 см, в центре до 15–18 см. На полу по периметру постройки были небольшие (глубиной до 5 см) углубления, заполненные светло-желтым песком с тонкой (0,3–0,5 см) серой прослойкой на дне. У северной стены выявлены остатки горна в виде овальной (54×48 см) ямы глубиной 13 см, заполненной прокаленной глиной (рис. 1: 4). На уровне пола посередине ямы сохранились остатки частично остекленевшего сопла. Вокруг ямы был углистый, местами прокаленный слой, насыщенный шлаками, окалиной, мелкими железными обломками, керамикой. В 10 м

к северу от кузни, на окраине древнего поселка выявлена яма с бурым заполнением на дне, подобным очажному. В ней найдены железные шлаки.

Кузня на селище Сартым-урий 16 также представляла специализированную постройку и до раскопок выглядела как углубление от выворотня, находившееся рядом с жилищем 4. Она имела прямоугольную форму, размер 2,1×1,45 м и была углублена на 10–17 см (рис. 1: 5). У западной стены находились остатки печи (горна) в виде ямы диаметром 40 см, глубиной 15 см, заполненной прокаленной глиной (рис. 1: 6). В северном углу кузни была яма диаметром 70 см и глубиной 16–20 см, с углистым слоем на дне. Пространство между ямой и печью было заполнено углистым слоем. В 3 м к северо-северо-западу от кузни находилось жилище 4.

На обоих селищах горны в кузнях располагались вплотную к стенкам неглубоких котлованов. Можно допустить, что сами постройки были наземными, но линии стен (границы кузниц) не фиксировались. Скорее всего, они отстояли не очень далеко от границ котлованов.

Раскопки широкими площадями на трех памятниках позволили выявить производственные объекты, редко попадающие во внимание при выборочных исследованиях поселений. Их небольшие размеры, внешнее сходство с поздними нарушениями, как правило, приводят к тому, что они не включаются в раскопки. В то же время следует ожидать, что кузни были на многих средневековых поселениях. Это подтверждают раскопки такого памятника, как городище Ендырское I (Эмдер) (Зыков, Кокшаров, 2001. С. 48, 50. Рис. 23; Зыков, Кокшаров, 2003. С. 115, 116. Ил. 3; Кокшаров, Зимин, 2010). Наши материалы показывают, что кузни находились как в жилых, так и в специализированных постройках. Они различались по размерам, внутренним деталям (наличию углублений, заполненных кварцевым песком, ям с древесным углем, и т. д.), то есть не были унифицированными.

На городище и селищах обнаружено много железных предметов и их обломков: ножи и наконечники стрел, обломок кельта и шилья, пряжка, кольчужные кольца. Вероятно, производство большинства из этих вещей было налажено на месте. Три кузни, обнаруженные на карымских памятниках у протоки Сартым-урий на Большом Югане, являются пока самыми древними мастерскими по обработке железа в таежном Обь-Иртышье. Анализ угля из ямы рядом с жилищем 10 на городище Сартым-урий 18 дал возраст 1785±30 ВР (Ле-7710), что в калиброванных интервалах составляет 130–330 гг. н.э. (1) и 130–340 гг. н.э. (2). Уголь со дна кузни на селище Сартым-урий 17 дал дату 1680±90 ВР (Ле-7713). Калиброванные интервалы составили 240–530 гг. н.э. (1) и 130–570 гг. н.э. (2).

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., 2001. Древний Эмдер. Екатеринбург.
Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., 2003. Итоги изучения Эмдера в 2001 г.
// Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале
прошлого: Сб. статей. Томск – Ханты-Мансийск. Вып. 1.

Кокшаров С.Ф., Зимин А.Н., 2010. Остатки средневековой кузницы
на реке Ендырь // III Северный археологический конгресс:
Тез. докл. Екатеринбург.

Ипкульский могильник как источник по изучению этнокультурной ситуации в раннем средневековье в Притоболье

В ходе раскопок, проведенных экспедицией ИПОС СО РАН в 2010 г. на Ипкульском курганном могильнике (Нижнетавдинский район Тюменской области), получен уникальный материал, свидетельствующий об интенсивных и достаточно сложных этнокультурных процессах, происходящих в южной тайге Притоболья в переходную эпоху от раннего железного века к средневековью.

Четырьмя раскопами общей площадью 400 кв. м раскопаны пять курганов, изучены восемь погребений (шесть взрослых, два детских; четыре ограблено), исследовано межкурганное и подкурганное пространство. В могилах найдено восемь сосудов: горш-

ки с крестовой штампованной орнаментацией, характерной для северного населения, сосуды с саргатскими мотивами и посуда юдинской культуры. Подобный набор сосудов, несущих признаки разноэтнических групп населения, обнаружен ранее при раскопках поселения Ипкуль XV и нескольких курганов Ипкульского могильника (Корякова, Морозов, Суханова, 1988. С. 117–129; Корякова, Федоров, 1993. С. 76–96). Остальной погребальный инвентарь представлен костяными наконечниками стрел, пастовыми, каменными и стеклянными бусами и бисером, железными ножами и теслом. Очень интересна бронзовая поясная гарнитура и элементы упряжи: бляшки, накладки, на-

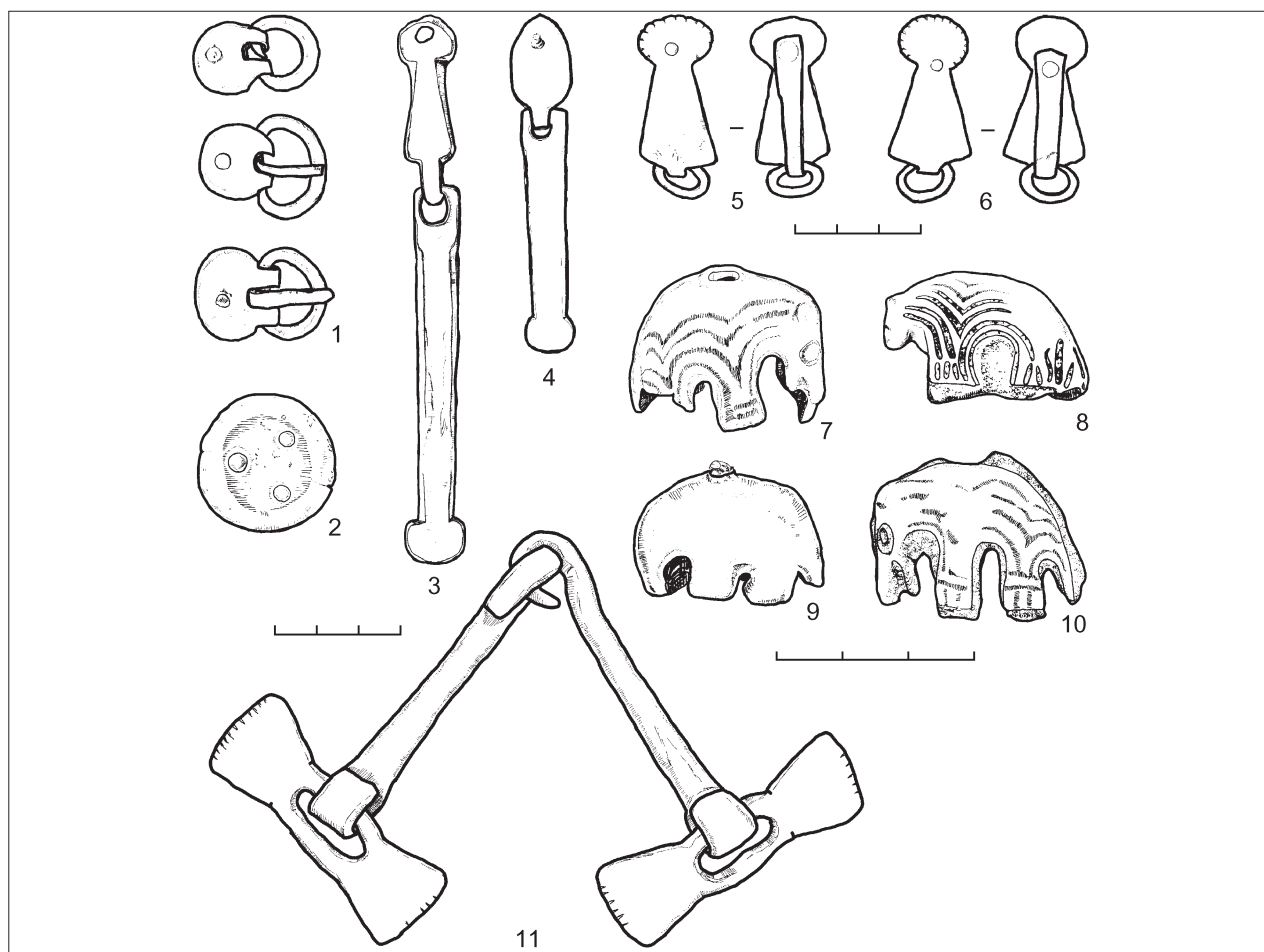

Рис. 1

1 – пряжки; 2 – круглая накладка на ремень; 3–4 – накладки на ремень с подвесками; 5–6 – накладки на ремень фигурные; 7–10 – зооморфные фигурки-подвески; 11 – удила с «бабочковидными» псалиями.
1–6, 11 – бронза, 7–10 – белая бронза

кладки с подвесками, рамчатые пряжки с округлым щитком и подвижным язычком (рис. 1: 1–6). Некоторые из этих предметов имеют аналогии как в материалах прикамских, так и западносибирских могильников (Генинг, 1979. С. 96–106; Матвеева, 2008. С. 158).

В коллекции имеются железные кольчатые удила с бронзовыми накладками. Особое внимание заслуживают уникальные бронзовые удила с «бабочковидными» псалиями (рис. 1: 11). Кольца на внутренних и внешних концах удил не цельнолитые, а загнутые, что не характерно для бронзовых удил в целом. Что касается формы псалиев – аналогий пока не найдено. Уплощенные края «крыльев» псалиев украшены насечками, что сближает их с некоторыми ременными накладками поясного набора, имеющими такой же декор.

В одном из детских погребений находились четыре бронзовые полые литые подвески в виде зооморфных фигурок (медведей?) (рис. 1: 7–10). Все фигурки

разные, отличаются друг от друга декором лап и туловища, формой и наклоном головы, хотя формы-основы для отливки были выполнены, видимо, с соблюдением определенных канонов. В спинках фигурок имеются небольшие округлые отверстия, в которых сохранились остатки кожаных ремешков для подвешивания. Подобные фигурки были найдены в Пришимье в Абатском 3 могильнике, в Новосибирском Приобье в могильнике Старо-Бибеево-6 и датированы V–VII в. н.э. (Матвеева, 1994. С. 136–139; Троицкая, Шишкин, 2000. С. 207). Особый интерес представляет антропологический материал, включающий четыре черепа с деформацией.

Таким образом, несмотря на ограбления, материалы могильника фиксируют достаточно сложные этнокультурные процессы, происходящие в южной тайге в переходную эпоху от раннего железного века к средневековью.

Генинг В.Ф., 1979. Хронология поясной гарнитуры I тыс. н.э. (по материалам могильников Прикамья) // КСИА. Вып. 158.

Корякова Л.Н., Морозов В.М., Суханова Т.Ю., 1988. Поселение Ипкуль XV – памятник переходного периода от раннего железного века к средневековью в Нижнем Приобье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск.

Корякова Л.Н., Федоров Р.О., 1993. Гончарные навыки зауральского населения в раннем железном веке (по материалам Ипкульского могильника) // Знания и навыки

уральского населения в древности и средневековье. Екатеринбург.

Матвеева Н.П., 1994. Ранний железный век Пришимья. Новосибирск.

Матвеева Н.П., 2008. Козловский могильник эпохи великого переселения народов // VII исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск.

Троицкая Т.Н., Шишкин А.С., 2000. Изображения бобров из Старо-Бибеево-6 // Исторический ежегодник. Омск.

Ю.Ю. Шевченко

Музей антропологии и этнографии РАН, Санкт-Петербург

Христианские пещерные храмы Северного Причерноморья времен державы Германариха

В 2009 г. в Крыму (Чилтер-коба) были обнаружены два литургических устройства, каждое из которых составляло единство престола и жертвенника: в скальном храме, и под скальным навесом у купели. Оба престола древнего типа (литургических устройств) датированы не позже первой четверти IV в. н.э. Время создания этих литургических устройств относится к периоду первых готских походов 264 и 275 гг., совершенных готами в Малую Азию через Боспор, т. е. – с территории Таврики. Очевидно, установка этих престолов связана с приведенными из Каппадокии в Тавриду пленниками-христианами, среди которых были дед и бабка будущего епископа Готии – Ульфилы. Эти литургические устройства не могли иметь своим «протографом» Гроб Господень («лавицу» Воскресения Христа): он был найден спустя минимум полвека, после обустройства Ай-Тодорских престолов в Крыму.

Неподалеку от местечка Сатанов над Збручем, притоком Днестра (Городокского района Хмельниц-

кой обл.), на склоне Слепого оврага (заповедник «Медоборь») у с. Крутилов, в окружении памятников III–VII вв., расположен Троицкий пещерный скит. В стенах скита расположены лежанки, схожие с нишами-аркасолиями. Наряду с престолами-выступами древнего типа, в первом пещерном храме сохранились «сопребстолия», аналогичные первохристианским, существовавшим до VII в. в Египте, и происходящие от подобного элемента в храмах («монастерионах») ессенов (есеев). «Сопребстолия» такого типа не были предназначены для сидения, а существовали для коленопреклонения перед ними в позе молитвы.

Наиболее сохранившийся престол в помещении другого малого храма пещерного скита в Сатанове составлен из двух подтесанных плит, на выступе в нише алтарной стены, и тщательно к этой же стене подогнанных. В горизонтальной полке ниши в алтарной стене высечены два почти квадратных углубления: от углубления слева, возможно, являющегося прообра-

зом жертвенника, к краю престольного камня пробит сливной желоб. Углубление справа – объемнее, выполнено как подквадратная чаша со скругленными углами, высеченная в нижней полке углубленной в стену ниши, и примыкающая к вставной плите. Это единое литургическое устройство (престол + жертвенник), имеющее аналогии: в «Пещере Апокалипсиса» на Патмосе второй половины II – III вв.; в «Храме Младенцев» в Вифлееме IV–V вв. Престол в этом малом храме пещерного скита у Сатанова, аналогичен литургическим устройствам Чилтер-Кобы, и его следует считать наиболее ранним в Поднестровье, устроенным до или к началу IV в.

Почти полной, и древнейшей аналогией престолу Чилтер-Кобинского храма в Тавриде и Сатановского в Поднестровье (над Збручем) представляется такой же объект в пещере на острове Патмосе, принадлежавшей ап. Иоанну Богослову. Эта знаменитая «пещера Апокалипсиса», к которой уже при жизни свт. Ириней Лионского (130–202 гг.), бывшего учеником ученика Иоанна Богослова (свт. Поликарпа Смирнского, †155 г.), – относились как к храму. Престол, занявший уступ или нишу в апсиде, бывший в 81–96 гг. I в. н.э. «сидением Апостола», сформирован для «пролива» по нему жидкости, а «жертвенник», тоже имеющий чашеобразное углубление, расположен в непосредственной близости от престола, составляя с ним единство самого литургического объекта, как в храмовой пещере Чилтер-Кобы и в пещерном храме Сатанова. «Проливные устройства» аналогичные патмосским, также имеются в престолах Чилтер-Кобы и Сатановского пещерного скита.

Прототипом древнейших храмовых престолов всегда считалась «лавица» в пещере Воскресения в Иерусалимском Анастасисе (храме Гроба Господня), но эта святыня была открыта лишь в 326 г., и отстроена к 337 г., более полувека спустя после появления упомянутых первохристианских храмов, в том числе и в крымской Чилтер-Кобе. Но самое первое письменное свидетельство о древнейшем христианском

храме относится к 201 г. (разрушение христианского храма наводнением в Эфесе), а в 202 г. также в храме вместе с прихожанами гибнет святитель Ириней Лионский. Прототипом литургических устройств в подобных храмах могла быть только «Гробница Богородицы» в Иерусалимской Гефсимании. Вопреки мнениям археологов о невозможности датировать это сооружение ранее времени Константина и Елены (вторая четверть IV в.), существует «филологическая традиция», по которой место погребения Девы Марии было известно с середины II в. н.э.

Богородица была положена хоть и неподалеку от захоронений своей родни (родителей – праведных Иоакима и Анны, и мужа – Иосифа Обручника), но в «новом гробе», как это передано апокрифом Прото-евангелия – «Книгой Иакова». Именно это «особое помещение» и застал опустевшим ап. Дидим Иуда Фома, опоздавший на погребение Марии на три дня. Древнейшая версия Прото-евангелия от Иакова содержится в папирусе Бодмера (находка в Египте, 1958 г.), и датируется временем от середины II в. по Р.Х., а Ориген на рубеже II–III вв. излагает по этому источнику свои сведения о Богородице.

Несмотря на поврежденность поверхности «лавицы» Богородицы при выемке камней-реликвий, ее наклонная плоскость (от востока к западу) и изначальное существование двух крупных углублений в ее поверхности, свидетельствуют о наличии и здесь «проливной системы», предназначенной для пролива жидкости (например, в процессе литургии: при преосуществлении вина в Кровь Христа). Возможно, изначальное появление подобных «проливных систем» на поверхностях погребальных «лежанок» утилитарно, и связано с естественным стоком жидкостей мертвого тела, как это возможно имелось на погребальной поверхности в аркасолии раннеримского склепа у крепости Корикос (Киз-Келисе) в Мерсине (Турция). И лишь наличие подобной атрибутики на «лавице» Богородицы спровоцировало ее появление на самых ранних литургических устройствах (престолах) первохристиан.

Е.В. Шелепова

Алтайский государственный университет, Барнаул

Предметы материальной культуры из тюркских оградок Алтая и сопредельных территорий¹

Своеобразная традиция создания ритуальных комплексов, включающих оградки и изваяния, характерна только для тюркской культуры. На каждом из

этапов развития тюркского общества эта традиция приобретала специфические черты. Наиболее ярко и содержательно такая практика отражена в памятни-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект «Реконструкция социальной организации и системы жизнеобеспечения кочевников Южной Сибири поздней древности и средневековья» (шифр 2010-1.2.1-300-028-022).

ках Алтая, где раскопано более 320 сооружений. Всего в 25% исследованных оградок зафиксированы вещественные материалы. Они представлены следующими категориями изделий:

1. Предметы снаряжения верхового коня.
2. Украшения конской амуниции.
3. Украшения костюма.
4. Вооружение.
6. Посуда и другие предметы бытового назначения.

Обозначенные категории изделий встречены в одинаковых сочетаниях. Предметы кызыл-ташского этапа (вторая половина V – первая половина VI в.)¹ обнаружены на комплексах Кок-Паш (оградка А-1, А-2, Б-2), Кудыргэ (оградка В-4, XVI-Б, XX-Ж, 102, 104, XIV), Кызыл-Таш (оградка №№ 1, 2), Кара-Коба-I (оградка №№ 81-II, 69-А, 76, 86-I-IV, 88-2, 109), Булан-Кобы-IV (оградка № 6), Биченег (оградка №№ 1, 2). В некоторых оградках находились только удила или стремя, в других – целый набор вещей. Особенностью раннего этапа тюркской ритуальной традиции являлось помещение изделий в специальные «ящички» или ямки внутри оградок.

Вещи кудыргинского этапа (вторая половина VI – первая половина VII в.) найдены на памятниках Ян-Гобо, Нижняя Соору (оградка Г-1, В-3, Д), Арагол (Мешейлык), Биченег (оградка № 6), Кызыл-Шин (оградка №№ 1, 5, 9) и др.

К катандинскому этапу (вторая половина VII – первая половина VIII в.) отнесены памятники Талдура-I (оградка № 2), Юстыд, Большой Курманак-I (оградка № А-2), Чадыр и др. Состав находок из этих объектов отличается разнообразием.

Вещевой комплекс туэктинского этапа (вторая половина VIII – первая половина IX в.) выделяется обилием предметов вооружения (наконечники стрел). Часто они сочетаются с деталями от наборного пояса, снаряжения верхового коня и украшений конской амуниции. Изучены по памятникам Кер-Кечу (оградка А-1, А-2, В-2, Г-1), Сары-Коба-II (оградка Г), Бойтыгем-IV (оградка № 1) и др.

Отдельно следует рассмотреть художественно оформленные изделия (торевтика), выполненные из бронзы и благородных металлов (золото, серебро).

Большинство из них можно считать социальными маркерами. Серия бронзовых находок подобного рода происходит из оградок памятника Кудыргэ, Кок-Паш, Талдура-I. Довольно редкий бронзовый ажурный наконечник ремня выявлен в оградке №1 памятника Кызыл-Шин (Кубарев, 2007. Рис. 2, 3).

Изделия из благородных металлов встречены в четырех ритуальных сооружениях Алтая. Следует назвать золотые пластины с рельефным орнаментом из оградки № 4 памятника Котыр-Тас-I (Суразаков и др., 2008. Рис. 8), золотые бляшки и пряжку из оградки лога Чадыр (Кубарев, 1979. Рис. 1). Конструктивными особенностями названные сооружения не выделялись.

Отдельная группа предметов торевтики, выполненных из благородных металлов, представлена пиршественной посудой. Серебряные сосуды VIII–IX вв. найдены в ритуальных комплексах Юстыда (Юго-Восточный Алтай) (Кубарев, 1979. Рис. 8; 1984. Табл. XLVIII, 2). Не вызывает сомнения, что эти оградки выделяются (в том числе конструктивно) на фоне остальных «рядовых» комплексов, сближаясь с «куруками» долины Орхона. К тому же, из тюркских памятников Саяно-Алтая получено не более десяти экземпляров серебряной посуды (Кубарев, 2005. С. 69–70).

Единичные предметы, в том числе торевтики, происходят из оградок Тувы, Монголии, Казахстана, Тянь-Шаня и др. (Табалдиев, 1996. Рис. 32, 5; Досымбаева, 2006. Рис. 26 и др.). К примеру, золотой и серебряный миниатюрные сосудики и другие изделия найдены в ритуальных комплексах Восточного Казахстана (Исин, 2004). Уникальный клад вещей из благородных металлов и драгоценных камней зафиксирован на памятнике Бильге-кагану в Северной Монголии (Баяр, 2004. Рис. 7–15). Имеется информация о золотых предметах из памятника Тоньюкуку, Хушо-Цайдам и др. (Войтов, 1996. С. 18, 22; Баяр, 2004. С. 74).

Вещественные материалы из ритуальных сооружений характеризуют этапы и особенности эволюции материального комплекса тюркской культуры, содержание ритуальной практики. Они позволяют выделить «рядовые» оградки и памятники более высокого социального ранга, дополнить и скорректировать выводы, сделанные при изучении погребальных комплексов.

Баяр Д., 2004. Новые археологические раскопки на памятнике Бильге-кагана // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск. № 4 (20).

Войтов В.Е., 1996. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М.

Досымбаева А., 2006. Западный Тюркский каганат. Культурное наследие казахской степи. Алматы.

Исин А., 2004. Шынгыстау, Берел, Шиликти, Абралы: Археологические исследования 1999–2003 гг. Семипалатинск.

Кубарев В.Д., 1979. Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.

Кубарев В.Д., 1984. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск.

Кубарев Г.В., 2005. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск.

Кубарев Г.В., 2007. Новые данные о древнетюркских оградках Алтая // Средневековая археология евразийских степей. Казань. Т. I.

Суразаков А.С., Тишкин А.А., Шелепова Е.В., 2008. Археологический комплекс Котыр-Тас на Алтае. Барнаул.

Табалдиев К.Ш., 1996. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002. Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск. № 9.

¹ В работе используется культурно-хронологическая схема средневековой истории Алтая, разработанная А.А. Тишкиным и В.В. Горбуновым (2002).

Т.К. Ютина

Удмуртский государственный университет, Ижевск

Население Прикамья в эпоху средневековья (по материалам археологических памятников VI–XIV вв. н.э. южной Удмуртии)

Археологические памятники VI–XIV вв. в южной Удмуртии до начала 70-х годов XX в. были изучены слабо. Небольшое количество ранее выявленных и почти не исследованных памятников этого периода приводило к формированию убеждения о редкой заселенности центральных и южных районов Удмуртии. Позднее, в результате проведенных разведочных и стационарных работ Камско-Вятской археологической экспедицией (созданной в 1973 г.) Удмуртского государственного университета, были получены новые археологические материалы, которые позволили прояснить некоторые страницы древней истории средневекового населения южной Удмуртии (Ютина, 1984. С. 53–66).

Население южной Удмуртии формировалось в VI–XIV вв. н.э. в условиях развернувшихся глобальных исторических процессов. Самобытность этноса была обусловлена формированием его на местной финно-пермской (ананьинско-пьяноборской) основе, с небольшими включениями иноэтнических компонентов и культурным воздействием соседних племен и народов (Ютина, 2002. С. 157–171).

Известно 64 археологических памятника периода VI–IX вв. н.э. на территории южной Удмуртии. По археологическим материалам изученных стационарно памятников (Верхнеутчанское, Варалинское, Благодатские I–III городища и др.) выяснено, что население южной Удмуртии не было в стороне от проходивших миграционных процессов середины – второй половины I тыс. н.э. Евразии.

На поселениях VI–IX вв. фиксируются несколько типов керамики, имеющих пермские этнические истоки. Иные этнические корни имеет посуда именьковского типа, обнаруженная на поселениях южной Удмуртии – Благодатском I, Кузубаевском городищах и сопредельных памятниках Татарстана, в частности, Котловском городище. Интерес представляют находки керамики и других типов: кушнаренковская и караякуповская посуда, найденная на поселениях изучаемой территории (Казанцева, Ютина, 1986. С. 110–129). Вполне очевидно, что в этот период фиксируются контакты местного пермского населения с родственными финно-угорскими племенами Прикамья и населением другого этноса (именьковским, кушнаренковским, караякуповским и др.), оказавшимся на территории Прикамья в результате миграционных процессов. Исследование данного явления

становится особенно актуальным на современном этапе комплексного изучения миграций, происходивших на территории Европы и Азии в эпоху средневековья.

Археологических памятников периода IX–XIV вв. н.э. в южной Удмуртии выявлено более 50. В первой половине II тыс. н.э. расширяется ареал связей населения южной Удмуртии. Материалы (украшения костюма, керамика и т. д.) изученных археологических объектов рубежа I–II тыс. н.э. – первой половины II тыс. н.э. (Благодатское I городище, жертвенное место Чумойтло и др.) показывают направление контактов средневекового населения Прикамья. В этот период фиксируется развитие культурных, этнических связей средневекового населения южной Удмуртии с западно-финским, славянским, тюркским этносом, а также родственными финно-пермскими и угорскими племенами. Интерес вызывают находки гребенчато-шнуровой керамики на памятниках южной Удмуртии, этническая принадлежность данной посуды вызывает сегодня острые дискуссии в уральской археологии.

В период VI–XIV вв. населением использовались для проживания площадки городищ на мысах коренного берега р. Камы, возведенных еще в ананьинско-пьяноборскую эпоху. Новые городища возводились уже на труднодоступных мысах мелких притоков рр. Иж, Тоймы, Валы, Камы, удаленных от побережья р. Камы на значительное расстояние. Таким образом, мы наблюдаем отход средневекового населения южной Удмуртии в глубинные районы Прикамья, освоение ими новых территорий, вероятно, более безопасных. На всем протяжении рассматриваемой эпохи р. Кама, очевидно, представляла собой особую опасность, как транзитный путь миграционных потоков в обоих направлениях: вниз по реке – с севера на юг и вверх по реке – с юга на север. Предшествующие события середины I тыс. н.э., связанные с эпохой Великого переселения народов, наглядно показывают направления миграционных потоков в Прикамье.

Хозяйство населения южной Удмуртии в VI–XIV вв. н.э. было комплексным. Основными видами хозяйственной деятельности были земледелие и животноводство. На средневековых памятниках обнаружены сельскохозяйственные орудия труда: серпы, косы, жернова; зерна злаков: ржи, пшеницы, проса. Разводили крупный и мелкий рогатый скот, лошадей, свиней. Важную роль играла охота на пушных

зверей: лису, куницу, барсука, добывали медведя, зайца, бобра. Среди копытных животных объектами охоты были: лось, северный олень, косуля. Развит был и рыболовный промысел. На поселениях найдены кости пушных и копытных диких зверей, крупных рыб, предметы охотничьего и рыболовного снаряжения и вооружения: наконечники стрел, остроги, рыболовные крючки и др. Достаточно высокого уровня у

местного населения достигли металлообработка, в том числе цветных металлов; обработка кости, дерева, производство глиняной посуды и т. д.

Материалы археологических памятников VI–XIV вв. н.э. раскрывают малоизвестные страницы истории Прикамья и позволяют изучить направление культурных контактов и хозяйственной деятельности средневекового населения южной Удмуртии.

Казанцева О.А., Ютина Т.К., 1986. Керамика кушнаренковского типа Благодатского I городища // Приуралье в древности и средние века. Ижевск.

Ютина Т.К., 1984. Предварительные итоги изучения археологических памятников эпохи средневековья в Южной

Удмуртии // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья: Сб. науч. трудов. Ижевск.

Ютина Т.К., 2002. История населения Южной Удмуртии в VI–XIV вв. н.э. // Социально-исторические и методологические проблемы древней истории Прикамья. Сб. статей. Ижевск.

Средневековая археология Восточной Европы

С.А. Авдусина

Государственный исторический музей, Москва

Новые исследования Ольшанского городища

Ольшанское городище, находящееся примерно в 4 км от Центрального Гнездовского городища, традиционно считается частью Гнездовского археологического комплекса. К городищу примыкала Заольшанская, или иначе Правобережная Ольшанская, курганная группа, которая состояла из 100 насыпей и в настоящее время практически полностью исследована (зафиксирована 1 сохранившаяся насыпь). Функционирование курганной группы относится ко второй половине X в. Кроме того, к северо-востоку от городища находилась Ольшанская курганная группа, частично исследованная Смоленской экспедицией МГУ. К сожалению, данная курганная группа была

полностью уничтожена при строительстве шоссе. Вполне естественно было предположить, что Ольшанское городище являлось местом поселения людей, погребенных в курганах, однако до сих пор окончательно не решен вопрос о том, синхронно ли городище курганам.

Исследование городища было начато в XIX в. И.С. Абрамовым, который провел раскопки в двух местах на площадке городища и сделал два разреза его вала. Среди материалов, полученных в результате этих раскопок, было небольшое количество керамики – как пишет Абрамов, «может быть даже X века». Также И.С. Абрамов обнаружил несколько костяков, «лежащих в беспорядке».

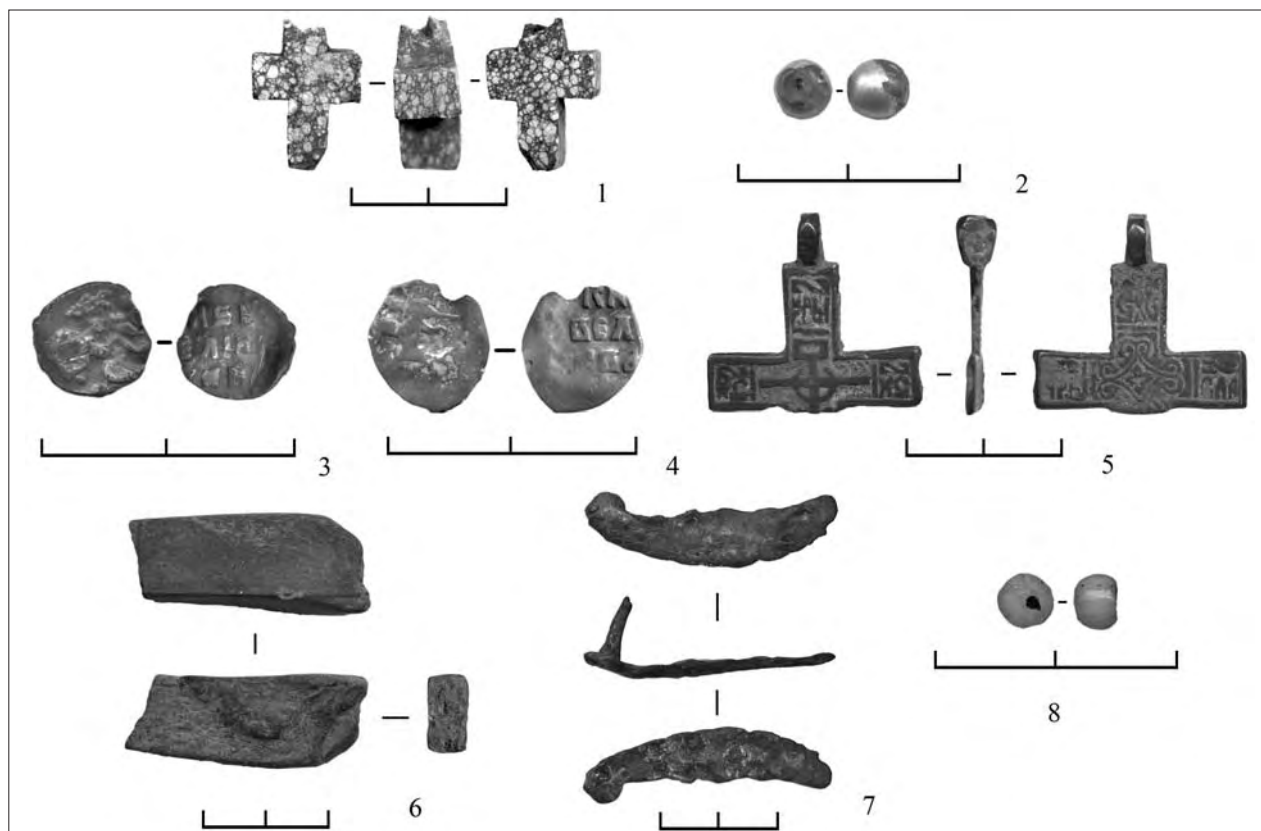

Рис. 1

Предметы из шурфов, заложенных на мысу Ольшанского городища (1–2) и в центре площадки городища (3–8)
1 – крест-«курсунчик», мрамор; 2 – бусина-лимонка серебростеклянная; 3, 4 – копейки Ивана IV, серебро; 5 – крест-тельник, серебро; 6 – оселок, сланец; 7 – фрагмент обувной подковы, железо; 8 – бусина-лимонка желтая, стекло

Исследования были продолжены в 1953 г., когда Д.А. Авдусин заложил 3 шурфа: на мысу, у ворот и посередине городища. В раскопе на мысу наряду с «поздней» керамикой была найдена керамика «курганного типа», а также желтая стеклянная двухчастная пронизка. Д.А. Авдусин первым пришел к выводу о поздней дате городища.

В 2009 г. мы решили продолжить попытки исследовать городище. Общая площадь двух заложённых шурфов составила 13 м². Один шурф (2x2 м), на мысу городища, находился в непосредственной близости от одного из шурфов Д.А. Авдусина, второй (3x3 м) – в центре площадки городища. Применялась полная промывка культурного слоя.

Исследование первого шурфа показало, что слои городища повреждены поздними вмешательствами. Среди материалов, происходящих из шурфа, был мраморный крестик-«курсунчик» (рис. 1: 1), два плохо определимых обломка бус и одна целая серебростеклянная бусина-лимонка (рис. 1: 2). В нижних слоях шурфа найдены мезолитические отщепы.

Второй шурф дал гораздо более разнообразный материал. Так же как и в первом шурфе, культурные отложения были сильно перемешаны. На глубине около 80 см от поверхности оказались части человеческого черепа. В результате дальнейших работ выявлены 5 целых костяков плохой сохранности и 2 отдельных черепа. Все погребенные ориентированы в на-

правлении ЮЗ–СВ. Инвентаря у них не было. Видимо, погребенные лежали в деревянных гробах (в одном случае зафиксированы остатки древесного тлена). Самая распространенная находка в шурфе – железные гвозди. В перемешанном слое, из которого состояло заполнение ям, найдены 2 серебряные копейки Ивана Грозного (рис. 1: 3, 4), два неопределимых обломка серебряных монет, обломок серебряного крестика (рис. 1: 5), фрагмент оселка (рис. 1: 6), обломок обувной подковы (рис. 1: 7), а также желтая бусина-лимонка (рис. 1: 8). Таким образом, «5 лежащих в беспорядке костяков» И.С. Абрамова оказались позднесредневековым кладбищем. На основании полученных материалов сделан вывод о том, что погребения относятся не ранее чем к XVI в.

Керамика, происходящая из обоих шурфов, разнообразна – чернолощеная, сероглиняная, красноглиняная, белоглиняная. Количество фрагментов, которые можно отнести к керамике так называемого «гнездовского времени», ничтожно мало.

По результатам работ стало понятно, что на данный момент нельзя говорить о наличии поселения на Ольшанском городище в X–XI вв. Однако поскольку мраморные крестики-курсунчики датируются в целом X–XII вв., а две лимоновидные бусины вряд ли можно датировать позднее XI в., нельзя полностью исключать наличие какой-либо деятельности на Ольшанском городище в это время.

Н.И. Асташова

Государственный исторический музей, Москва

Средневековые городские коллекции в археологическом собрании ГИМ

Известно, что Русь изобиловала поселениями. По сводке А.В. Кузы, к XIII в. насчитывается без малого 1400 поселений. В нашей коллекции представлено 19 городов и 25 городищ и селищ: шесть городов относятся к списку древнейших, восемь являлись столицами земель и княжеств, остальные – так называемые «малые» города. Хронологические рамки коллекции – XI–XVI вв.

Это собрание начало формироваться в конце XIX в. Поступления этого периода представлены отдельными предметами или небольшими комплексами, которые передавали в музей Императорская Археологическая комиссия, Московское Археологическое общество, известные исследователи, такие как гр. А.С. Уваров, проф. Московского университета Д.Я. Самоквасов, коллекционеры, приобретавшие свои предметы «на торгу». Территориально они происходят из Среднего Поднепровья (Киевская и Черниговские земли), Побужья

(Владими́ро-Волы́нское княжество), Северо-Восточной Руси (Владими́ро-Суздальское княжество).

Основная часть коллекции начала складываться в 1930-е гг., когда стали проводиться широкие исследования городов, связанные, в первую очередь, с работой музейных экспедиций, которые, в сущности, продолжали накопление материалов из регионов, выделенных еще на рубеже XIX–XX вв. Однако более представительны послевоенные коллекции, т.к. именно в это время начинаются раскопки городов широкими площадями, что дает исследователям наиболее полную и надежную информацию о жизни средневекового города. Самыми значительными и яркими в нашем собрании стали материалы Новгорода Великого, Вышгорода, Вщижа, Смоленска, Серенска, Москвы, Мангазеи, охватывающие период от X до XVII в.

Значительную часть городских коллекций составляет керамика, представленная всеми известными

в средневековые формы: это горшки, кувшины, миски, ковшики, светильники, сковородки, крышки.

Наряду с бытовой известна и архитектурная керамика – плитки пола, изразцы. Эти изделия бывают полированными и без глазури.

Индивидуальные находки насчитывают около 140 категорий из всех существовавших в средневековые материалы: черного и цветных металлов, стекла, камня, кожи, кости, дерева, бересты, воска. Наряду со стандартными для этого времени вещами присутствуют и уникальные по своим качествам предметы. К таким, в частности, относятся знаменитые церковные арки, найденные в развалинах ц. Св. Василия во Вщиже.

Редкими находками являются и предметы вооружения, особенно защитного. В нашей коллекции есть две маски, крепившиеся к шлему. Одна из них имеет следы позолоты, что свидетельствует о принадлежности ее воину высокого ранга. К редким находкам также относятся бронзовый котел из Вщижа, набор литых форм из Серенска, деревянные футляры печатей из Мангазеи и т. п.

Особо следует отметить присутствие в нашем собрании берестяных грамот из Смоленска и Москвы (новгородские грамоты хранятся в Отделе рукописей). Среди них отметим грамоту, написанную младшеруническим алфавитом.

Картирование наших коллекций показывает, что в археологическом собрании довольно равномерно представлено несколько – традиционно лучше других изученных – районов: северо-запад, северо-восток, центр и юг Руси. Практически нет материалов из Западной Руси; это объясняется тем, что реальное исследование этого региона началось только в 1960-е гг. белорусскими и украинскими археологами.

Широкий охват и систематичность наших коллекций способствовали использованию их во всех серьезных работах по городской тематике. Важной особенностью коллекций является их комплексность, позволяющая получать надежную информацию, анализ которой дает возможность по частичкам реконструировать жизнь русского средневекового города во всей ее полноте.

Перспективы работы с нашим собранием достаточно обширны. В первую очередь, оно может служить основой для сквозных классификационных тем, вопрос с которыми назрел в городской средневековой проблематике.

Их разработка позволит во многом уточнить датировки, что важно для памятников с сухим слоем. Кроме того, на основе статистических данных возможно определение локальных особенностей материальной культуры городов, которая при первичной обработке кажется удивительно стандартной.

В.В. Бегунова

Центр по охране и использованию памятников истории и культуры, Смоленск

Археологическое изучение древнерусских городов Смоленской земли (XI–XIII вв.)

Археологические памятники XI–XIII вв. дают материалы, дополняющие письменные источники, и четко отражают те изменения, которые произошли на Смоленской земле. Основным объектом исследования материальной культуры горожан рассматриваемого времени могут служить места поселений и остатки разного рода сооружений. Здесь я обращаю внимание на археологические памятники XI–XIII вв., лежащие в пределах городской территории.

В дореволюционное время на основе письменных источников древнерусские города Смоленщины были описаны С.П. Писаревым, И.И. Орловским, С. Раковским. В советское время многие объекты были включены в сводки памятников археологии Смоленской области благодаря деятельности А.Н. Лявданского, Н.В. Андреева, Е.А. Шмидта, А.А. Ходченкова. Регулярные раскопки древнерусских городов Смоленской земли начались после Великой Отечественной войны. В результате археологических охранных исследований определились гра-

ницы заселенной области, что позволило охарактеризовать основные этапы возникновения и развития древних городов.

С 1920-х гг. начинается более тщательное изучение смоленских древностей. А.Н. Лявданский и И.М. Хозеров, а впоследствии Д.А. Авдусин, предприняли раскопки на Соборной горе, где располагался детинец. Но попытки отыскать там слои ранее XI в. закончились безуспешно. Городища исследовались в Вязьме, Дорогобуже, Ельне, Рославле (Л.В. Алексеев, Т.В. Сергина). Исследовались детинцы в городах, которые входили в состав Смоленского княжества, а в настоящее время находятся на территории Белоруссии: Копысь, Кричев, Пропошеск и др. В результате раскопок были обнаружены домонгольские слои, характеризующие материальную культуру XII–XIII вв.

Важным вопросом было определение территории предместья или посада, окружающего центр города. Раскопки, произведенные в разных местах Смолен-

ска, дали ценные сведения о деревянных постройках XII–XIII вв., благоустройстве города, ремеслах, торговле. Территории предместий других городов Смоленской земли недостаточно изучены.

Культурный слой древнерусских городов содержит многочисленные остатки древних памятников архитектуры. Их раскопки также имеют большое значение для изучения истории города. До революции руины храмов Смоленской земли изучали С.П. Писарев, И.И. Орловский, Е.Н. Клетнова, а в 1920-х гг. – И.М. Хозеров. С 1960-х гг. начала работать Смоленская архитектурно-археологическая экспедиция ИА АН СССР под руководством Н.Н. Воронина, П.А. Раппопорта. С этого времени начинается систематическое изучение каменного зодчества в Смоленске, Рославле и других городах.

Еще одна задача, которая стала рассматриваться учеными, – это определение границ прохождения и устройства земляных оборонительных валов города при Ростиславе Мстиславиче. Здесь, прежде всего, следует отметить деятельность Н.В. Сапожникова, уточнившего трассировку вала в Смоленске. В других городах производился скорее визуальный осмотр оборонительных городских укреплений. В ходе разведок описывались расположение вала, его внешнее состояние.

В результате работ многих исследователей в пределах древнерусских городов (прежде всего Смоленска) выявлено значительное количество объектов археологии. В последние годы активно ведутся охранные работы, которые дают ценный материал по истории городов не только древнерусского времени, но и позднесредневекового периода.

А.М. Белавин

Пермский государственный педагогический университет, Пермь

Пути формирования городской сети в средневековом Волго-Камье

Начиная с IX в. в Волго-Камье протекал активный процесс формирования городской сети. Основной причиной активизации этого процесса было становление и развитие государства Волжская Булгария.

На начальном этапе возникает сеть племенных центров, в числе которых и будущая столица Булгарии – город Биляр, Великий город болгарский. Вероятно, уже к X в. в пределах Булгарии появляются небольшие городские поселения, контролируемые граничные территории складывающейся страны, ее формирующиеся торговые пути. Такими небольшими городами были Алабуга, давшая начало современной Казани, и другие городки.

Среди многочисленных археологических объектов типа городищ на территории бывшей Волжской Булгарии имеется целый ряд таких, которые при их функционировании определялись современниками как города. На фоне споров по поводу определения критериев средневекового города этот признак, вероятно, однозначно относит такой объект к категории города. Как правило, такие объекты имеют достаточно сложную структуру укреплений, выделяется планиграфически и ландшафтно цитадель (детинец), неукрепленный посад, к городским укреплениям обычно примыкают мусульманские некрополи.

X в. был периодом формирования болгарской торговой системы, которая изначально складывалась как составная часть мировой торговли с Востоком. В связи с этим обстоятельством на периферии страны и в ее ближайшем окружающем пространстве формируется сеть торговых станций – опорных пунктов

этой торговой системы. Следует отметить, что они имеют структуру, подобную вышеописанной планиграфической структуре малых болгарских городов.

Так, Рождественский археологический комплекс в Пермском крае имеет четко фиксируемые цитадель, которая занимает самую возвышенную часть жилой площади и частично отделена от основной площади глубоким узким логом, укрепленный мощным валом город и примыкающий к нему неукрепленный посад, несколько больший по площади, чем укрепленная часть. К восточной части укреплений примыкает мусульманское кладбище.

Отметим, что Рождественский комплекс – объект, который может ассоциироваться с упомянутым в восточных источниках городком Афкула. Рождественский комплекс имеет, кроме указанных, ряд других признаков, характерных для средневековых городов Восточной Европы, развитую планировочную структуру, высокий уровень развития ремесла; комплекс материальной культуры демонстрирует разноэтничность населения и существование здесь соседской общины. Количество жителей может быть определено числом до 2–2,5 тыс. – таким образом, это одно из крупнейших поселений Прикамья.

К остаткам опорных пунктов болгарской торговли в Предуралье можно отнести еще ряд археологических объектов. Это такие городища как Иднакар в Удмуртии, Кыласово (Анюшкар) и Соломатовское в Пермском крае. Все эти городища имеют большую заселенную площадь, 2–3 вала, выраженную планировочную структуру, выделяется укрепленный дети-

нец (цитадель), к внешним укреплениям примыкают кладбища, в том числе (Иднакар, Анюшкар) мусульманские домонгольского времени, отделяется хозяйственно-производственная часть поселения.

Описываемые городища отличались высокой бытовой культурой населения. Здесь, впервые в Прикамье, проявились тенденции к повышению комфортности жилищ и приспособлению их к более активной производственной деятельности: в помещениях выделяются зоны работы и отдыха, а иногда даже отдельные «комнаты»; появляются такие элементы мебели, как столы и полки, о чем свидетельствует наличие специфических керамических подставок-валиков для установки традиционных круглодонных сосудов на плоскую поверх-

ность; наряду с забранными в деревянную раму открытыми очагами на толстой глиняной подушке распространяются глинобитные печи и чувалы; земляные полы жилищ покрываются глиной и досками.

Таким образом, в X–XIII вв. в Волго-Камье сложился опорный городской каркас. Однако последующие военно-политические события и этнические процессы привели к тому, что из десятков средневековых городов в статусе города к Новому времени сохранилось не более 2–3 населенных пунктов в Среднем Поволжье. В Предуралье средневековые города не уцелели, здесь новый городской каркас сложился лишь в ходе русской колонизации, когда в XV–XVI вв. возникли Чердынь, Соликамск и иные города.

О.Б. Беликова

Томский государственный университет, Томск

Чердатский клад – памятник монгольского времени юга Западной Сибири

Для реконструкции историко-культурных событий начала II тыс. н. э. на территории таежного Причулымья (юг Западной Сибири) актуально исследование материалов Чердатского клада. В 1902 г. на левом берегу Чулыма (правый приток Оби), на склоне горы у с. Чердатского Мариинского уезда Томской губернии (современный Зырянский р-н Томской обл.) были найдены артефакты, хранящиеся ныне в Эрмитаже. Печатная информация о них появилась в «Отчете Императорской археологической комиссии за 1902 год». В нем, помимо скурых данных о месте нахождения «клада», был изложен перечень и дано краткое описание 9 вещей, 3 из которых сопровождалась фотографиями (Отчет... 1904. С. 142, 143. Рис. 256–258). Вскоре Я.И. Смирнов опубликовал фотографии всех этих находок (Смирнов, 1909. С. 12. Табл. С: 213–219. Рис. 39, 40), но без какой-либо дополнительной информации.

Точные условия нахождения вещей остаются неизвестными. Возможно их происхождение из разрушенного погребения, в том числе его «тайника». По этой причине обозначение предметного комплекса «кладом» достаточно условно. Неясно, в какой степени коллекция, отраженная первоисточником (Отчет... 1904), соответствует составу клада при его обнаружении. Не исключено, что вещей в найденном в 1902 г. комплексе было больше, а на хранение в дальнейшем поступили только предметы из драгоценного металла – как наиболее ценные. Так или иначе, клад состоит из 9 предметов. Это серебряная пиршественная и ритуальная посуда: 2 кубка на поддоне, с арочным и растительным орнаментом; 2 глубокие на поддоне чаши, на венчик которых нанесен бордюр с растительным побегом; 2 низкие чаши; 1 низкая чаша, на дне

которой изнутри вычеканен первый знак знаменитой буддийской молитвенной формулы «ом мани падме хум». В состав клада также входили обломок металлического зеркала и колечко (или скоба?).

Многочисленные аналогии посуде (могильник Часовенная Гора и др.) определяют общую датировку клада пределами XIII–XIV вв. Два кубка и чашу со знаком «ом» Ю.И. Елихина атрибутировала так: «Золотая Орда или Династия Юань. XIV в.» (Сокровища Золотой Орды... 2000. С. 210, 211). По современным материалам, знак «ом» на чаше из Чердатского клада для таежного Причулымья является самым архаичным буддийским символом, а для Западной Сибири эпохи Средневековья, видимо, одним из самых северных эпиграфических памятников буддизма.

Одна из моих версий исторической интерпретации Чердатского клада связывает его с историей кыргызов таежного Причулымья. Появление здесь первых групп кыргызов фиксируется в X в.; их дальнейшее пребывание, а также миграции в этот район, – до конца XIII в. В таежном Причулымье, преимущественно в археологическом микрорайоне, тяготеющем к территории устьев рек Яя и Кия (левые чулымские притоки), исследованы курганные могильники Змеинкинский, Калмакский, Иловский X–XIII вв., представляющие среднечулымский вариант культуры енисейских кыргызов (Беликова, 1996; и др.). Материалы Чердатского клада позволяют говорить о том, что в монгольское время среднечулымские земли кыргызов в какой-то мере были включены в состав владений монгольской империи Юань (1271–1368 гг.). Клад мог быть связан с военными поселенцами в таежном Причулымье. Ведь известно, что после разгрома енисейских кыргызов

в 1293 г. юаньским полководцем Тутухой на завоеванные земли стали перемещать семьи, верные Юаньской империи, где буддизм с XIII в. был государственной религией.

Для вывода о «монгольском» следе, базирующегося на материалах Чердатского клада, показательны некоторые тезисы о формировании чулымских тюрков – коренного этноса Причулымья. В их числе – разыскания Э.Л. Львовой относительно антропонимов Каргачинской волости, располагавшейся по Чулыму на той территории, где как раз и был найден Чердатский клад. Она установила, что собственное имя родоначальника обитателей этой территории – Пергай (Бергай) – «по форме чрезвычайно схоже с антропонимом монго-

льского происхождения Берке» (Львова, 1980. С. 81–84). Исследование языка чулымских тюрков допускает, что их предки контактировали в XIII–XIV вв. с монголами (Рассадин, 1980. С. 51). Анализ же археологических материалов среднечулымского варианта культуры енисейских кыргызов X–XIII вв., с которым, скорее всего, как раз и связан Чердатский клад, предполагает участие периферийной, северной, группы кыргызов в этногенезе чулымских тюрков.

Исследование вопроса о распространении власти монголов на территорию таежного Причулымья XIII–XIV вв. особо значимо для реконструкции истории монгольского государства, енисейских кыргызов Южной Сибири и народов Западной Сибири.

Беликова О.Б., 1996. Среднее Причулымье в X–XIII вв. Томск.
Львова Э.Л., 1980. Об одном из компонентов в составе чулымских тюрков // Вопросы этнокультурной истории Сибири. Томск. Отчет Императорской археологической комиссии за 1902 год. СПб., 1904.
Рассадин В.И., 1980. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М.

Смирнов Я.И., 1909. Восточное серебро: Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи / Изд. Императорской археологической комиссии ко дню ее пятидесятилетия. СПб.
Сокровища Золотой Орды: Каталог выставки (на татар., рус. и англ. яз.) / Науч. ред. М.Б. Пиотровский. СПб., 2000.

М.А. Белов

Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону

Могильник Аушедз в системе средневековых древностей

В 2007 г. археологический отряд ЮНЦ РАН проводил раскопки средневекового грунтового могильника в Северском р-не Краснодарского края. Могильник расположен на первой террасе правого берега р. Сухой Аушедз, левого притока Кубани. Всего исследованы 42 погребения, совершенные по обряду ингумации. Часть из них разрушена траншеей и сохранилась фрагментарно.

Удалось проследить интересную деталь общей планировки могильника: погребения в нем расположены рядами, идущими с СЗ на ЮВ, расстояние между могилами не более 0,2–0,8 м. Захоронения, вероятно, как-то отмечались на поверхности, т. к. случаи разрушения соседних костяков единичны. Обряд захоронения стандартен: скелеты лежат вытянуто на спине, черепами на ЮЗ, без подсыпок и подстилок. Из-за небольшой глубины погребений форма ям не прослежена.

Половозрастной состав исследованной части могильника: мужские погребения – 19, женские – 14, детские – 10. Средний возраст погребенных около 30 лет, но не превышает 50. Продолжительность жизни у женщин в среднем на 5–10 лет больше. Почти у всех погребенных наблюдаются болезни зубов.

Только в одном мужском погребении прослежены следы возможной насильственной смерти.

Погребенные сопровождалась разнообразным инвентарем. Почти во всех могилах найдены железные черешковые ножи, преимущественно располагавшиеся слева или справа от таза, на некоторых сохранились остатки деревянных ножен. Несколько массивных ножей с лезвиями, усиленными ребрами жесткости по спинке и пяте клинка, могли использоваться как боевые (рис. 1: 1). При исследовании могильника обнаружено шесть сабель, три из них *in situ*, а остальные – в разрушенных землеройной техникой погребениях. Все они средней изогнутости, с броневой наконечником (елманью) и накладками у пяты клинка (рис. 1: 2). Два сохранившихся перекрестия ромбовидной формы. В нескольких погребениях найдены железные колчаные петли (рис. 1: 3) и наборы черешковых наконечников стрел различной формы (рис. 1: 4). Сабли со слабым наклоном черешка рукояти к режущей стороне клинка характерны для XIII–XIV вв., к этому же времени относятся и типы железных наконечников стрел. К предметам вооружения, вероятно, можно отнести и железную шестилучевую бляху редкого типа (рис. 1: 5). Находки аналогич-

Третья известная шестилучевая накладка найдена в курганном могильнике Азаренский 1 в Туапсинском р-не Краснодарского края (рис. 1: 7). В кургане 26 с каменным ящиком, возле фрагмента правой бедренной кости, с ее внешней стороны, найдены 13 железных наконечников стрел и перекрывавшая их железная фигурная шестилучевая пластина, находившаяся *in situ*, благодаря чему подобные бляхи можно интерпретировать как накладки на колчан и датировать серединой XIV в.

Самой массовой деталью одежды являлись круглые железные пряжки, находившиеся под правым крылом таза. Во многих погребениях найдены бронзовые пуговицы из двух штампованных горизонтальных половинок, нижние полусферы которых декорированы врезными треугольниками (рис. 1: 8). Есть костяные пуговицы с насечками или циркульным орнаментом (рис. 1: 9).

Орудия производства немногочисленны. Это железные пружинные ножницы (рис. 1: 10) и игольник из полированной трубчатой кости животного, декорированной поясами сетчатого орнамента (рис. 1: 11). Туалетные принадлежности представлены единичной находкой билонного зеркала (рис. 1: 12). Оно относится к широко распространенному в XII–XIV вв. типу I отдела Е, по Фёдорову-Давыдову. В погребении 17 между костями голеней, где обычно помещается зеркало, найдено воронковидно вогнутое дно стеклянного сосуда с аккуратно обломанными концами, которое можно

интерпретировать как имитацию зеркала (рис. 1: 15). Довольно частая находка – калачевидные кресала с удлиненным язычком (рис. 1: 13), датируемые по аналогиям XII–XIV вв. Некоторые погребения сопровождались различными бусами и оселками (рис. 1: 14). Керамических сосудов немного, среди них грубые лепные кружки и горшки, а также пышно декорированный кувшин с носиком из разрушенного погребения.

Аналогии керамическим сосудам можно найти преимущественно в ближайших регионах. Недостаточная разработанность хронологии раннесредневековой керамики Прикубанья не позволяет использовать ее для определения узких дат погребений, но как этноопределяющий признак она свидетельствует о том, что могильник оставлен местным адыгским населением. В двух детских погребениях найдены медные монеты чекана Джанибека, Абдаллаха, Кильдибека третьей четверти XIV в. (определение И.В. Волкова), что совпадает с датами основных категорий вещевого материала могильника.

В заключение отметим, что могильник Аушедз представляет интерес прежде всего потому, что является первым грунтовым могильником этого времени, известным в Западном Закубанье. До его открытия культура местных племен XIII–XIV вв. была представлена только подкурганскими захоронениями или погребениями в каменных ящиках, привязанными к Черноморскому побережью.

А.В. Бисерова

Владимирский государственный гуманитарный университет, Владимир

А.Г. Лапшин

АНО «Владимирский центр археологии и реставрации памятников истории культуры», Владимир

О матрицах клейм на сероглиняных сосудах древнего Владимира

Сероглиняная керамика составляет традиционно многочисленную группу материалов археологического изучения древнего Владимира. Среди этих находок особое место принадлежит фрагментам сосудов с клеймами на донцах.

В ходе исследований во Владимире фрагменты сероглиняных сосудов с клеймами выявлялись неоднократно. В настоящем докладе представлены данные в основном по материалам раскопок в восточной части древнего Владимира – так называемом «Ветчаном городе».

Статистический анализ керамического материала из раскопок позволяет сделать вывод о том, что донца

сероглиняных сосудов с клеймами составляют 8–10% от общего количества находок этой группы.

Обнаруженные клейма распадаются на четыре группы: 1) клейма, в основе рисунка которых лежит круг; 2) клейма с изображением тамги – двузубца и трезубца; 3) изображения, условно определяемые как «розетки»; 4) клейма сложной конфигурации, не входящие в первые три группы.

Клеймение сосуда происходило при изготовлении донца: желобки, формирующие рисунок на матрице, заполняли глиняным тестом, в результате чего клеймо приобретало объемный выпуклый рельеф,

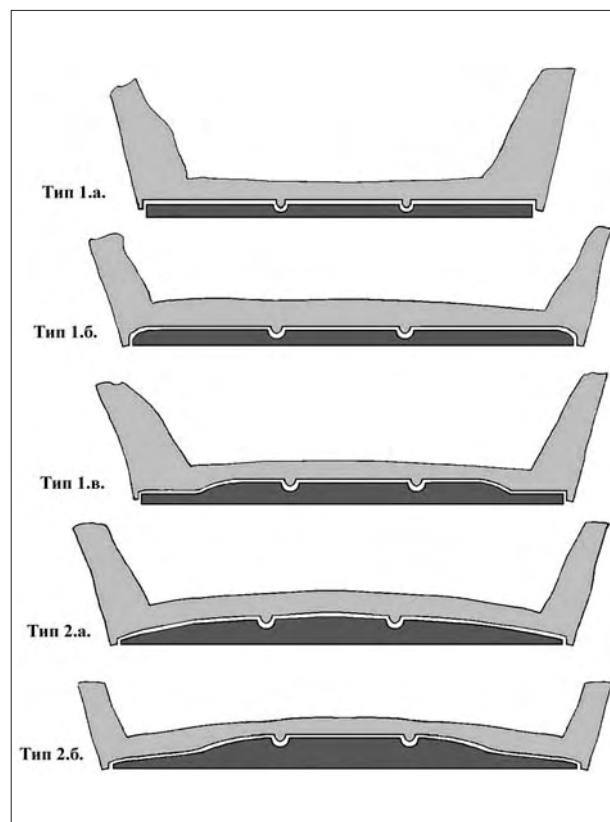

Рис. 1.

Типология матриц клейм на сероглиняных сосудах древнего

возвышающийся над плоскостью донца. Высота рельефного рисунка клейма не превышает 2 мм. Это позволяет предположить, что глубина выемки для образования рисунка на матрице не превышала 3 мм.

Для клеймения сосудов использовались матрицы, изготовленные из дерева. В ходе анализа материалов выявлены донца с клеймами, имеющими четкий отпечаток текстуры поперечного древесного спила, на котором хорошо просматриваются годовые кольца. Для изготовления матриц использовалась древесина разной степени плотности. В некоторых случаях – при использовании древесины малой плотности (сосна, ель, тополь, липа, ива, осина, ольха) – клеймо прорезалось не по центру, а ближе к периферии круга, где плотность древесины выше. Это позволяло выполнять более четкие оттиски клейма.

Матрицы одновременно являлись лекалами для донцев отдельных типов сосудов и задавали определенные размеры донца. В процессе нашей работы обнаружены донца сосудов одного типа и размера и с оттиском одной матрицы. Это соотносится с двумя фактами: а) в подавляющем большинстве случаев клейменные донца имеют по внешнему контуру наплывы

глины, формирующие своеобразный «валик»; б) матрицы имели круглую форму (оттисков многоугольных матриц не обнаружено).

Профили матриц в вертикальном сечении были разными. Анализ профилей донцев позволяет выделить 2 типа матриц (рис. 1). Матрицы первого типа имеют горизонтальную поверхность. Эта группа подразделяется на три подтипа. Матрицы первого и второго подтипов имеют одинаковую толщину по всей плоскости, но различаются формой краев (прямоугольные края и закругленные края). Матрицы третьего подтипа имеют сложный профиль с горизонтальной поверхностью в двух уровнях – утолщением в центральной части и истончением по периферии круга, формирующим своеобразные плечики. Матрицы второго типа имеют сферическую поверхность. Они подразделяются на два подтипа: с простым профилем и сложным профилем. Последние имеют утолщение в центральной части и истончение по периферии круга, формирующее своеобразные плечики.

Статистика частоты встречаемости различных типов матриц приводит к заключению, что наиболее часто встречающимися являются типы 1а и 2а. Возможно, это связано с простотой изготовления матриц этих типов.

Анализ клейм на донцах сосудов позволяет выявить особенности изготовления матриц. Профиль выемки для формирования рисунка клейма был различным: полукруг, треугольник, трапеция, прямоугольник. По частоте встречаемости доминируют полукруг и трапеция. При этом клейма, выполненные матрицей с прямоугольным профилем выемки, отличаются аккуратностью и детальностью проработки изображения. Это дает основание предполагать использование эскиза при изготовлении матриц с прямоугольным профилем выемки.

Некоторые клейма имеют четкий симметричный рисунок, геометрически правильно расположенный в окружности донца. Можно полагать, что рисунок на матрицу наносился по подготовленному эскизу. Другая часть клейм выполнена неаккуратно: геометрические фигуры имеют неправильную форму и нечеткие контуры, выявляется асимметрия в рисунке симметричных клейм, само клеймо расположено не в центральной части донца. Это указывает на отсутствие подготовленного эскиза перед нанесением рисунка на матрицу для клеймения.

Статистика случаев наличия нагара на фрагментах клейменной керамики указывает на то, что клейменные и неклеянные сосуды использовались в быту одинаково – для приготовления пищи или в качестве светильников.

С.Г. Бочаров

Крымский филиал Института археологии НАН Украины, Симферополь

В.Ю. Коваль

Институт археологии РАН, Москва

Крымские прибрежные поселения в инфраструктуре международной морской торговли Руси и Средиземноморья в XIII–XV вв.¹

Заметная роль Крыма в международной торговле XIII–XV вв. общеизвестна. Здесь располагались крупнейшие центры этой торговли – Каффа, Солдайя, Херсон, а также менее крупные, но важные порты Воспоро, Чембало, Луста, Каламита. Однако каботажное плавание торговых судов вдоль побережья Крыма требовало организации многочисленных якорных стоянок, пунктов снабжения судов водой и продовольствием. Только эта развитая инфраструктура сделала возможным быстрое развитие торговых связей в Причерноморье XIII–XV вв., центральное место в которых стал занимать Крым. Лучше всего известны поселения и порты на Южном берегу Крыма от Кафы до Чембало (Провато, Тасили, Луста, Партенит, Горзувиты, Джалита, Ласпи). Но маршруты судов проходили вдоль всех берегов Крыма, в том числе вокруг Керченского и Тарханкутского п-овов, где поселения XIII–XV вв. никогда не исследовались системно.

В поиске поселений, обслуживавших торговлю итальянских купцов, большую помощь оказали компасные карты – портоланы. На берегах Керченского п-ова на портоланах нанесены топонимы: Завида (Zavida), Конестасце (Conestasse), Чиприко (Ciprico), Кавалари (Cavalari), Аспромити (Aspromiti), Воспоро (Vosporo), Пондико (Pondico), Дзукалаи (Zucalay), Каркавони (Carcavoni). Все эти пункты удалось соотнести с археологическими памятниками, в той или иной степени исследованными археологически. Зави-

да, Конестасце, Чиприко размещались на южном берегу Керченского п-ова, Кавалари, Аспромити, Воспоро, Пондико – на его восточном побережье, Дзукалаи и Каркавони – на северном (азовском) побережье. На п-ове Тарханкут портоланы показывают 10 пунктов: Мега Глосида (Mega Glosida), Гросида (Grosida), Варанголимен (Varangolimen), Рософар (Rosofar), Калолимена (Calolimena), Салине Триничи (Saline Trinici), Триничи (Trinici), Салине (Saline), Рофлекам (Roflecam), Фети (Feti). Первые три из них размещались на северном берегу Тарханкута; Рософар, вероятно, располагался на западной оконечности полуострова; Калолимену можно отождествлять с поселением на месте античного городища Кульчук, Салина Триничи – с поселением на месте античного городища «Чайка»; Триничи мог находиться на месте современной Евпатории; пункты Салине, Рофлекам и Фети размещались близ соленых озер Сасык и Сакское. Материалы, полученные на обнаруженных поселениях, свидетельствуют о поступлении на них византийских амфор и поливной столовой посуды.

Исследования, проведенные на крымском побережье, показали, что международная торговля в бассейне Черного моря была прекрасно организована и ее бесперебойность обеспечивалась целой сетью прибрежных поселений, экономически тесно связанных с итальянскими владениями в Северном Причерноморье, население которых было экономически заинтересовано в развитии транзитных морских путей.

Т.С. Бубенько

Витебский государственный университет им. П.М. Машиерова, Витебск

Новые данные о детинце средневекового Новогрудка

На протяжении почти полувека не иссякает исследовательский интерес к изучению новогрудского детинца. Изыскания прошлых лет (1960–1970-е гг.)

были сосредоточены в основном в северной части детинца, где вскрыты городские закрома, фундаменты княжеских хором, культовых и оборонительных соо-

¹ Работа подготовлена в рамках выполнения совместного российско-украинского исследовательского проекта «Роль Крыма в торговых и культурных связях Украины и России в XIII–XV вв.» (грант РГНФ и Национальной академии наук Украины № 01-22/08-01-91108a/U).

ружий. В южной же части детинца лишь в небольшом по площади раскопе 1959 и 1962 гг. был исследован непереотложенный культурный слой древнерусского времени (Зильманович, 1965. С. 93–98).

Раскоп 1991–1992 гг., расположенный в 10 м от Малой башни, частично перекрывал раскоп 1959 и 1962 гг. Отсутствие на данном участке напластований XV–XVIII вв. объясняется необходимостью обеспечения свободного пространства перед входом в башню и частыми подсыпками насыпи оборонительного вала. К XIV в. отнесены значительные скопления строительных материалов времени возведения Малой башни. Наличие в непереотложенном слое датирующих вещей, временные рамки которых не выходят за пределы начала XIV в., позволяет несколько подкорректировать дату возведения первоначальных каменных укреплений (Ткачоў, 1978. С. 45). В пользу раннего происхождения каменных укреплений детинца свидетельствует безрезультатный штурм города крестоносцами в 1314 г. с помощью камнеметов.

После возведения каменного оборонительного пояса вокруг детинца прилегающая к башне площадка не застраивалась. Участок у подножья вала горожане использовали для складирования мусора. Значительное количество каменных ядер позволяет предположить, что вблизи башни располагался арсенал.

Под подсыпкой внутреннего склона оборонительного вала вскрыто шесть строительных горизонтов бытовой застройки детинца XIV–XII вв. Позднесредневековые усадебные комплексы отделены от древнерусских стерильной песчаной прослойкой. Строительные горизонты датируются следующим образом: к XIV в. относятся два верхних горизонта, строительные горизонты 3–5 датированы XIII в.; строительный горизонт 6 может быть отнесен к XII в.

Анализ домостроительных традиций новгородского детинца позволяет сделать некоторые предварительные выводы, касающиеся планировки и застройки города. Кардинальные изменения, зафиксированные в двух нижних горизонтах, указывают на

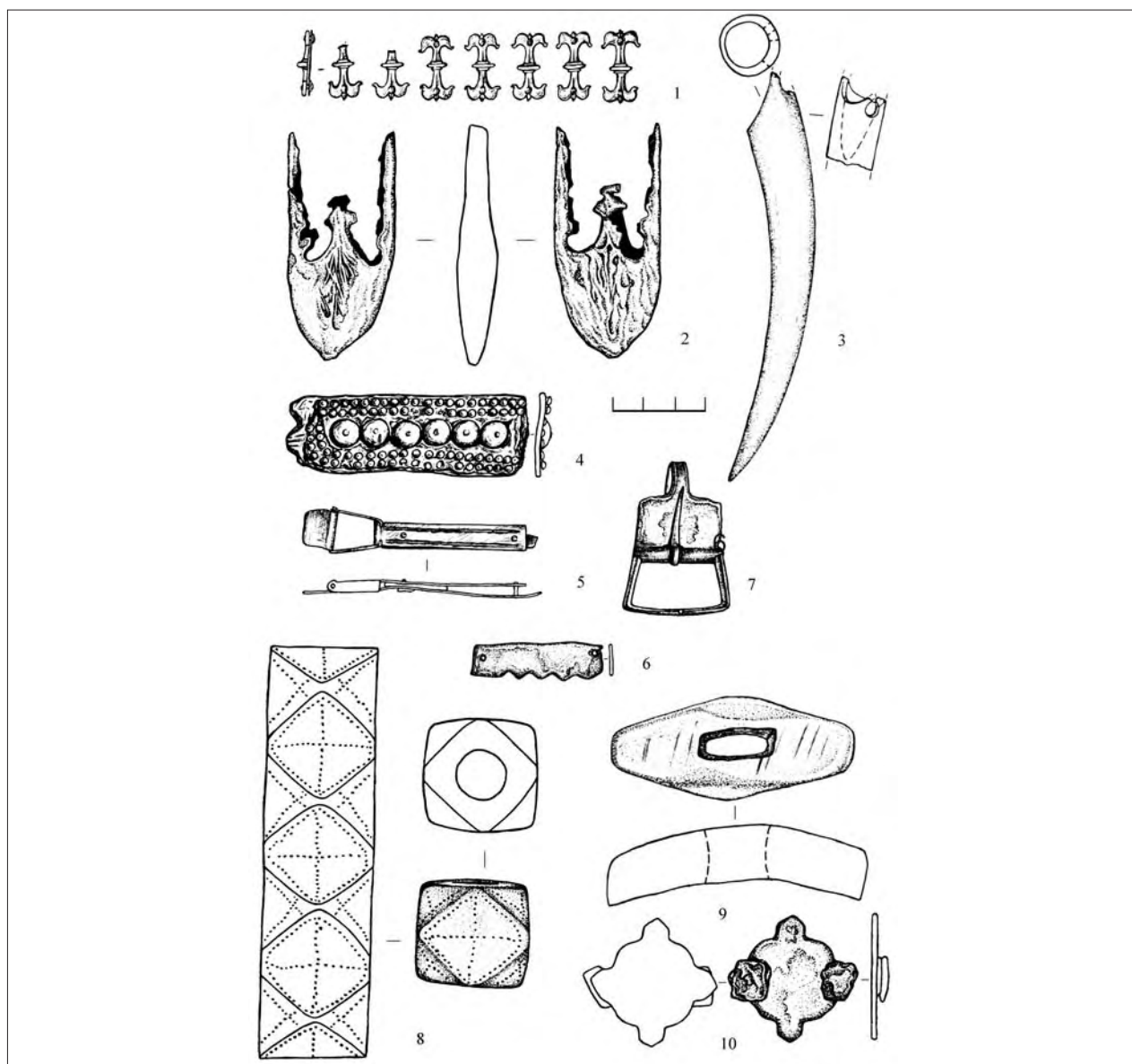

Рис. 1

Вещевой комплекс, связанный со снаряжением и вооружением новгородского дружинника (XII–XIII вв.)

отсутствие стабильности в планировке и застройке южной части новгородского детинца вплоть до начала XIII в. В XIII в. застройка данного участка становится стабильной и, по-видимому, регулируется властями. Преэминентность домостроительных традиций прослеживается на протяжении существования конструкций строительных горизонтов 2–4. Причем стабильность отмечена не только в планировке усадеб, но и внутри самих усадебных комплексов.

Основным типом жилища вплоть до XIV в. были наземные постройки небольших размеров, рубленные из сосновых бревен «в верхнее обло» с остатком. В XIV в. на детинце появляются дома, рубленные «в чистый угол». На протяжении XII–XIII вв. в качестве фундамента использовались одиночные деревянные подкладки под стены и углы срубов, венцы нижележащих построек и изредка – камни. Последние в XIV в. постепенно вытесняют ранее известные типы фундаментов. Полы в жилищах настилались на уровне 1–2 венцов, однако на переводины они укладывались не всегда. Торцы половиц примыкали к стенам без крепления. В постройках с уложенным непосредственно на землю полом ширина и толщина половиц была значительной.

Ширина обнаруженных в постройках дверных проемов достигала 86–88 см. Открытие двери наружу, отсутствие в порожке следов под пятку двери предполагают конструкцию двери, несколько отличную от известной в древнерусское время. Во втором случае ограничителем дверного проема являлся столб и вертикально стоящая доска. Порожек ограничивала стоящая ребром доска, фиксированная со стороны помещения тонким кольшкком.

Судить о конструкции кровли новгородских построек можно по находкам деревянных кокошин, которые подразумевают устройство крыши на самцах.

Интересные наблюдения сделаны относительно внутренней планировки жилищ новгородского детинца. Глинобитные печи, расположенные в одном из ближних от входа углов, устанавливались на специальный деревянный опечек, который от жилого пространства отделялся вбитыми в землю кольшкками. С другой стороны печной угол ограничивали столб (иногда обмазанный глиной) и вертикально стоящая широкая доска. К печи, как правило, примыкали полати. От них сохранился брус с прямоугольными сквозными вырубками у края и в центре. По диагонали от печи располагался красный угол («кут»). В одном из вскрытых жилищ доски пола в красном углу были обрублены на 1–1,3 м.

В непосредственной близости от жилищ располагались хозяйственные постройки. По конструкции клетки аналогичны жилищам, однако для их возведения использовалась древесина меньшего диаметра. В клетях отсутствовала печь, а добротные полы из досок или плах укладывались непосредственно на землю.

Ориентация усадебных комплексов, расположенных в привальной части детинца, подчинялась направлению уличной мостовой, ведущей от Малой башни к центру (вероятно, к храму), и в различные периоды колебалась от 33 до 40°.

Значительное количество предметов снаряжения всадника, верхового коня и деталей, связанных со снаряжением и вооружением, а также наличие довольно дорогих вещей, позволяют предположить, что в непосредственной близости от Малой башни располагались кварталы, заселенные княжескими дружинниками, а не рядовыми горожанами, зависящими от феодала, как предполагалось ранее (Гуревич, 1984. С. 58).

Гуревич Ф.Д., 1984. Застройка новгородского детинца в XII–XIII вв. // КСИА. Вып. 179.

Зильманович И.Д., 1965. Раскопки в детинце Новгорода в 1962 г. // КСИА. Вып. 104.

Ткачоў М.А., 1978. Абарончыя збудавані заходніх зямель Беларусі XIII–XVIII ст. Мінск.

Н.В. Войцешук

Научно-исследовательский центр

«Спасательная археологическая служба»

Института археологии НАН Украины, Львов

Керамическое производство в междуречье Буга и Горыни в VIII–XIII вв.: история и перспективы исследований

Славянская и древнерусская керамика, несмотря на свою массовость и большое значение для изучения материальной культуры, уровня развития ре-

месла, освещения важных вопросов связанных с этническим и племенным составом ее населения (на макро-, мезо- и микроуровнях), до сих пор остается

одним из наименее изученных археологических источников.

На первом этапе исследований проводится статистический анализ керамики, дающий наилучшие результаты по сходству и различию как отдельных форм посуды, так и целого массива, на основе конкретных величин, что позволяет более детально проследить признаки, отражающие хронологические и этнические изменения.

На втором этапе применение комплекса методов световой микроскопии, – а именно 1) минералого-петрографического анализа через проходной поляризованный свет (поляризационная микроскопия) при помощи поляризационного микроскопа ПОЛАМ Л-213; 2) метода стереоскопической микроскопии в отраженном свете при помощи стереоскопического микроскопа МБС-10, – позволяет решить вопрос о технологии изготовления керамических форм, с обязательным учетом типологии, которую дал нам статистический анализ.

Применение различнымотря на свою массовость и большое значение для изучения материальной культуры, уровня развития ремесла, освещения важных вопросов, связанных с этническим и племенным составом населения (на макро-, мезо- и микроуровнях), до сих пор остается одним из наименее изученных археологических источников.

Территория междуречья Западного Буга и Горыни в VIII–XIII вв. была важной частью славянского мира, а впоследствии и Древней Руси. Особенность

этой территории заключалась в том, что она находилась на границе расселения восточных и западных славян, между которыми всегда существовали тесные связи, что в свою очередь отразилось на этническом составе местного населения и, особенно, на его материальной культуре. В связи с этим создание типологий и изучение технологий изготовления керамической посуды очень важны для четкого выделения местных элементов и тех, которые попали сюда в результате межплеменных связей или миграционных процессов, а также для изучения эволюции самих технических и технологических процессов керамического производства на периферийных территориях.

На примере исследования материалов с поселений междуречья Западного Буга и Горыни удалось продемонстрировать один из возможных подходов к применению разных методов для изучения керамических комплексов.

Применение различных методов исследования керамических комплексов позволяет, во-первых, всесторонне изучить керамическую посуду «как снаружи, так и изнутри»; во-вторых, проследить, каким типам посуды соответствуют те или иные технологические схемы ее изготовления. И, самое главное, выкристаллизовать тенденции эволюции во времени морфологических признаков и связанных с ними технологических схем как на отдельно взятом поселении, так и в целом микро-, мезо- и макрорегионе, а также более четко выделить этнические особенности материальной культуры местного населения.

В.А. Волков, П.Е. Тугушев

Научно-производственный центр по историко-культурному наследию области, Саратов

А.Б. Малышев

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов

Жилые постройки крупных золотоордынских поселений по материалам раскопок поселения Шумейка 2008 г. (предварительный анализ)

Золотоордынское домостроительство постоянно привлекает внимание исследователей. Несмотря на большое количество материалов археологических исследований, полученных и введенных в научный оборот, планомерным раскопкам подвергались в основном городские памятники, чего нельзя сказать о сельских.

Вопрос об отнесении Шумейки к городским или сельским поселениям до настоящего времени остается открытым. Сведения о наличии на Шумейском поселении остатков средневековых построек дали исследования 1989–1993 гг. (Миронов, 1990. С. 4;

Баринов, 1987. С. 8; 1997. С. 242). Раскопками 2008 г. здесь исследованы разнообразные хозяйственные комплексы, в том числе котлованы жилых построек.

Мощность культурного слоя на участке построек 1–4 составляла 0,5–0,7 м. *Постройки 1, 2* (рис. 1: 1, 2) представляли собой *землянки без печей* – тип 3б, по В.Л. Егорову (1970. С. 172, 173); вид 2 типа Б, по Т.В. Гусевой (1985. С. 14, 15). Это прямоугольные строения с «П»- и «Г»-образной суфами и канавой-проходом в полу. Отопительные устройства фиксировались по углублениям для переносных жаровен

или очагов. Стены и кровля держались на деревянных столбах, судя по расположению которых, у жилищ были двух- и односкатные крыши. В котлованах обнаружены многочисленные фрагменты золотоордынской посуды, несколько осколков древнерусской и мордовской керамики, фрагмент сфероконуса, а также железные предметы (инструменты, ключ, лом), кости животных и осколки кирпича.

Юртообразная постройка 3 (рис. 1: 5) – тип 4, по В.Л. Егорову (1970. С. 172, 173); вид 3, по Т.В. Гусевой (1985. С. 14, 15) – имела овальную планировку и очаг в центре. Несущие конструкции не зафиксированы, как и в ранее исследованных юртообразных по-

стройках: каркас располагался выше уровня материка, а крыша опиралась на земляные стенки. Вход, видимо, находился с северо-западной стороны. С юго-запада к постройке примыкала яма-хранилище, что иногда фиксировалось в юртообразных постройках (Флёров, 1996. Рис. 3, 2; 5, 2; 6, 3, 4; 7; 10, 1, 2; 11, 2; 16; 21, 5).

Остатки наземной кирпичной постройки 4 (рис. 1: 4) можно связать с цоколем кирпичного дома, установленным без фундамента. Размеры участка кладки (в 4 кирпича) составляли 107х79 см, а плинфы – 20х20 (±2) см. Бесфундаментные строения на кирпичном цоколе часто встречались в золотоордынских городах. Не исключено также, что данный объект являлся

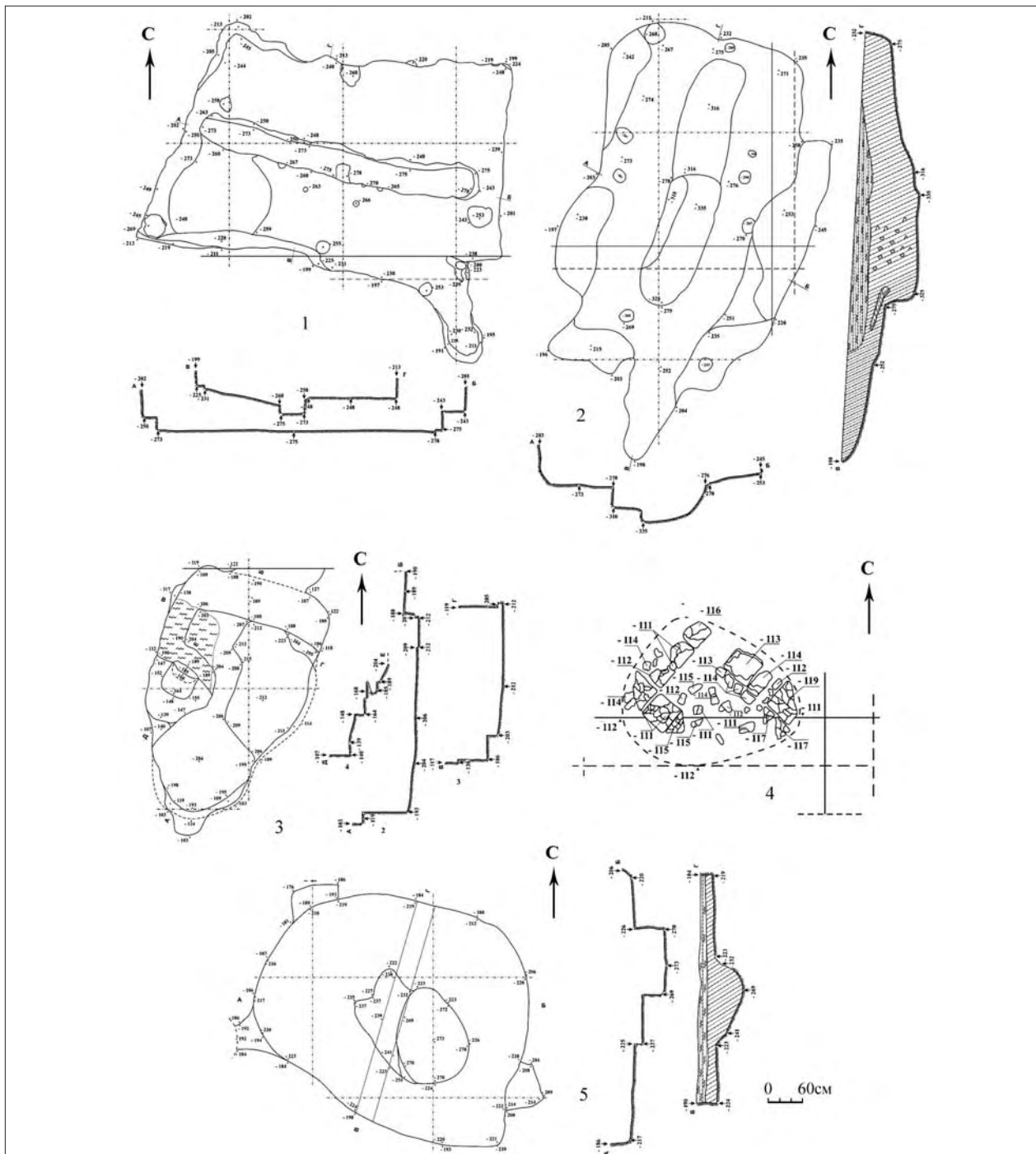

Рис. 1
Жилища поселения Шумейка

вымосткой у двери (внутри дома). Эту кладку можно связывать с остатками большой кирпичной постройки, находившейся в 50 м к юго-западу от раскопа В.Г. Миронова 1989 г. (Баринов, 1997. С. 242).

Постройка 5 (рис. 1: 3) была землянкой с печью – тип 3а, по В.Л. Егорову (1970. С. 172, 173); вид 2 типа А, по Т.В. Гусевой (1985. С. 14, 15). Это овальное сооружение, в северной части которого располагалась «Г»-образная суфа. К западной стенке примыкала печь, вырубленная в материке и дополненная, по-видимому, кирпичными и глинобитными частями. На верху печи сохранилось углубление для котла, а снизу – задняя часть топки. Каркасных конструкций не обнаружено: по-видимому, крыша была односкатной и держалась на земляных стенках или столбах выше материкового уровня. Вход находился с южной стороны и, скорее всего, был ступенчатым.

Таким образом, на поселении Шумейка прослеживается переплетение различных домостроитель-

ных традиций кочевого и оседлого населения. Почти все жилища принадлежали беднейшему населению, кроме более престижной кирпичной постройки 4. В городах землянки зависимого населения часто располагались у больших домов (центров усадеб), принадлежавших аристократии (Егоров, 1970. С. 55). Такую ситуацию можно зафиксировать и в отношении постройки 4, окруженной с двух сторон землянками. Суфы, вырубленные в грунте, часто встречаются в золотоордынских жилищах (Ерзакович, 1970. С. 180). Постройки округлой и овальной формы, углубленные в землю, без опорных столбов, возможно, восходят к юртам золотоордынских и более ранних кочевников (Шнайдштейн, 1979. С. 191–193; Белецкий, 1959. С. 42; Гадло, 1971. С. 69). Соседство юрт и стационарных жилищ и ранее фиксировалось в Золотой Орде и у кочевых народов, переходящих к оседлости (Егоров, 1970. С. 192). Аналогичную ситуацию мы наблюдали на Шумейском поселении.

Баринов Д.Г., 1997. Золотоордынское поселение около поселка Шумейка // Археологическое наследие Саратовского края: Охрана и исследования в 1996 году. Саратов. Вып. 2.
 Баринов Д.Г. Отчет об археологических работах в бассейне р. Волги с притоками в пределах Энгельсского района в 1986 г. Саратов, 1987 // Архив ИА. Р-1. № 11798.
 Белецкий В.Д., 1959. Жилища Саркела-Белой Вежи // МИА. № 75.
 Блохин В.Г., Яворская Л.В., 2006. Археология золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Волгоград.
 Гадло А.В., 1971. Этнографическая характеристика перехода кочевников к оседлости (по материалам Восточно-Крымской степи и предгорий VIII–X вв.) // Этнография народов СССР. Л.
 Гусева Т.В., 1985. Золотоордынский город Сарай-ал-Джедид. Горький.

Егоров В.Л., 1970. Жилища Нового Сарая (по материалам исследований 1959–1965 гг.) // Поволжье в средние века. М.
 Ерзакович Л.В., 1970. Некоторые типы жилищ Золотой Орды // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата.
 Миронов В.Г. Отчет Воскресенской археологической экспедиции Саратовского госуниверситета 1989 года. Ч. 2: Работы в Энгельском районе Саратовской области. Саратов, 1990 // Архив ИА. Р-1. № 14758.
 Флёрв В.С., 1996. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. М.
 Шнайдштейн Е.В., 1979. Новые средневековые памятники в дельте Волги // Древняя история Поволжья: Науч. тр. Куйбышевского гос. педагог. ун-та им. В.В. Куйбышева. Куйбышев. № 230.

К.В. Воронин

Институт археологии РАН, Москва

Об изображениях евангельских сцен на русских иконках-энколпиях

В средневековых слоях городов России при проведении раскопок периодически встречаются двусоставные иконки-энколпии прямоугольной формы, несущие изображения евангельских сюжетов, чаще – Рождества Христова и Крещения, реже – Входа Господня в Иерусалим и Воскрешения Лазаря. Археологические находки таких предметов происходят из слоев XIV–XVI вв. Великого Новгорода, Москвы, Твери, Ярославля. Образки подобного типа встречаются в различных собраниях и домах – как правило, населения Русского Севера. Часть неархеологизированных образков представляют собой поздние повторы, датируемые временем вплоть до XIX в.

Изображения евангельских сцен на этих иконках весьма архаичны, что характерно для литой пластики, но, главное, они иконографически отличаются от абсолютного большинства изображений аналогичных сюжетов на средневековых живописных произведениях русского происхождения. Особенностью сцены Рождества Христова является размещение фигуры сомневающегося Иосифа в нижнем левом углу композиции, спиной к ее ядру. Специфичен композиционный лаконизм сцен Крещения, Входа в Иерусалим и Воскрешения Лазаря. В сцене Крещения группа ангелов обозначена двумя фигурами. В композициях Входа в Иерусалим и Воскрешения Лазаря группы апостолов симво-

лизируют одиночные фигуры. Этот изобразительный лаконизм дополняется и другими особенностями иконографии. Так, в сцене Воскрешения Лазаря тот помещен на фоне архитектурной кулисы, что не характерно для русской изобразительной традиции.

Поиск иконографических аналогий приводит нас к группе памятников последней четверти XII – XIII в. из монастыря Св. Екатерины на Синае – образцам позднекомниновской живописи (последняя четверть XII, рубеж XII–XIII вв.) и произведениям «искусства крестовосцев» (XIII в.). Со стилем последних сходны, к при-

меру, изображения сцены Крещения не только на иконках-энколпиях, но и на других памятниках – серебряной пластине, происходящей из Старой Рязани (XIII в.), и миниатюре «Киевской Псалтири» 1397 г.

Оригинальные иконографии евангельских сюжетов, вероятно, проникли на Русь в XII в. Известно, что крестовые походы, сделав доступными христианские святыни, мотивировали паломнические путешествия, в том числе из русских земель; богомольцы, несомненно, привозили из них иконы и предметы личного благочестия.

М.С. Гаджиев

*Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского научного центра РАН, Махачкала*

Лим Джихён

Селадон из раскопок Дербента и некоторые вопросы его распространения на Кавказе и в Восточной Европе

В ходе многолетних раскопок в Дербенте обнаружено несколько десятков фрагментов селадонных сосудов, покрытых светлой зеленовато-голубоватой поливой различных оттенков. Происходят они из средневековых слоев города, причем большая часть их датируется сельджукским и золотоордынским временем и выявлена при раскопках на территории цитадели, что демонстрирует социальную привязку этих ценившихся дорогостоящих импортных изделий, как и в самих странах-производителях (Китай и Корея), где она изготавливалась для двора, знати и храмов, представляя собой элемент аристократической культуры. Обнаруженные обломки принадлежат крупным толстостенным чашам и блюдам. Среди них выделяются три крупных фрагмента блюд (рис. 1) с легкой подглазурной гравировкой и тиснением (Д-1975/IV-896, Д-1979/19-891, Д-2010/XXIII-93) (Кудрявцев, 1975. С. 61. Табл. XXXI, 1; 1979. С. 56, 57. Табл. X, 4; 1976. С. 134; 1993. С. 199, 228. Рис. 60, 7) – замечательные образцы селадона XII–XIII вв., фиксирующие опосредованные торговые связи с Дальним Востоком.

Селадон (кит. *лунцюань*, кор. *чонъчжа*) обнаружен и в других средневековых городских центрах Кавказа (Двин, Ани, Шемаха, Шабран, Гянджа, Баку, Байлакан, Кабала, Шамхор, Тбилиси и др.), главным образом, в слоях сельджукского времени (см., напр.: Левиатов, 1940а. С. 25, 26; 1940б; Шелковников, 1954. С. 368–378; Абилова, 1956. С. 56–60; Ашурбейли, 1958. № 2. С. 124; Газиев, 1964. С. 34; Ахмедов, 1979. С. 76, 183. Рис. 59, 2; 2003. С. 385; Джидди, 1981. С. 72; Достиев, 1989. № 3. С. 193–206; 1999. С. 100. Рис. 23, 3; 2001. Рис. 90, 4; Новрузлу, 2000. С. 294, 378. Рис.

112, 1, 3, 5). Находки селадона на Кавказе хронологически предшествуют появлению его на памятниках Восточной Европы, где они известны с золотоордынского времени (см., напр.: Панова, 1986; Коваль, Судаков, 1995; Гудименко, 1998; Полуобояринова, 2003), что позволяет предполагать поступление селадонных изделий на Кавказ из Передней Азии, куда они доставлялись, главным образом, по морскому отрезку шелкового пути. В этой связи заметим, что арабское название селадона – *мартабани* – происходит от наименования важного средневекового торгового центра и гавани Мартабан (царство Мон) в одноименном заливе на бирманском побережье Индийского океана, который вел оживленную международную торговлю.

Как известно, родиной селадона является Китай (провинция Чжэцзян). Из Китая техника производства селадона в IX – начале X в. попала в Корею, где в провинции Ганчжин развился мощный очаг изготовления этих изделий в период династии Корё (918–1392 гг.). Расцвет селадона Корё приходится на период XII–XIII вв. Сами китайцы эпохи династии Сун (960–1279 гг.) считали селадон Корё «первым в Поднебесной», одной из десяти «лучших вещей в мире» и характеризовали его цвет как «неописуемый». Ибн Хордадбех в своей «Книге путей и стран» (846/847 г. или 885/886 г.) среди импортных изделий, поставляемых из корейского государства Сила, называет и керамику. Связи между мусульманским Востоком и Кореей упрочиваются в период династии Корё, арабское название которой, *ал-Курийя*, дало европейское наименование страны. В свете сказанного не исключено, что немалая часть селадонов, обнаруженных на средневековых памятниках Кавказа и Восточной Европы, имеет не ки-

тайское, а корейское происхождение. Этому тезису не противоречат технико-технологические, декоративные

и иные характеристики фрагментов селадонов, происходящих из памятников этих регионов.

Абилова Г.А., 1956. О находках селадона в Азербайджане // Тр. Музея истории Азербайджана. Баку. Т. I.
 Ахмедов Г.М., 2003. Азербайджан в IX–XIII веках. Ремесло и торговля // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М. (Археология).
 Ахмедов Г.М., 1979. Средневековый город Байлакан (историко-археологическое исследование). Баку. (На азерб. яз.)
 Ашурбейли С.Б., 1958. Некоторые данные об экономических и культурных связях Азербайджана с Китаем в средние века. №2.
 Гаджиев М.С. Отчет о работе Дербентской археологической экспедиции в 2010 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3.
 Газиев С.М., 1964. Историко-археологическое обследование городища Кабала // МКА. Баку. Т. 5. (На азерб. яз.)
 Гудименко И.В., 1998. Китайский фарфор и глазуванная китайская керамика из раскопок золотоордынского Азака // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. по материалам полевой керамики: Тез. докл. науч. конф. Симферополь.
 Джидди Г.А., 1981. Средневековый город Шемаха IX–XVII вв. Баку.

Достиев Т.М., 1989. Поливная керамика средневекового города Шабран (XI–XII вв.) // СА. № 3.
 Достиев Т.М., 2001. Северо-Восточный Азербайджан в IX–XV вв. (историко-археологическое исследование по материалам Губа-Хачмасского региона). Баку.
 Достиев Т.М., 1999. Средневековые археологические памятники Северо-Восточного Азербайджана (IX – середина XIII в.). Баку.
 Коваль В.Ю., Судаков В.В., 1995. Средневековая восточная керамика из Переяславля Рязанского // Археологические памятники среднего Поочья. Рязань. Вып. 4.
 Кудрявцев А.А., 1975. Отчет о работе Дербентской археологической экспедиции в 1975 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 396.
 Кудрявцев А.А., 1976. Исследования в древнем Дербенте // АО 1975 г. М.
 Кудрявцев А.А., 1979. Отчет о работе Дербентской археологической экспедиции в 1979 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 464.
 Кудрявцев А.А., 1993. Феодалный Дербент: Пути и закономерности развития города в VI–середине XIII в. М.

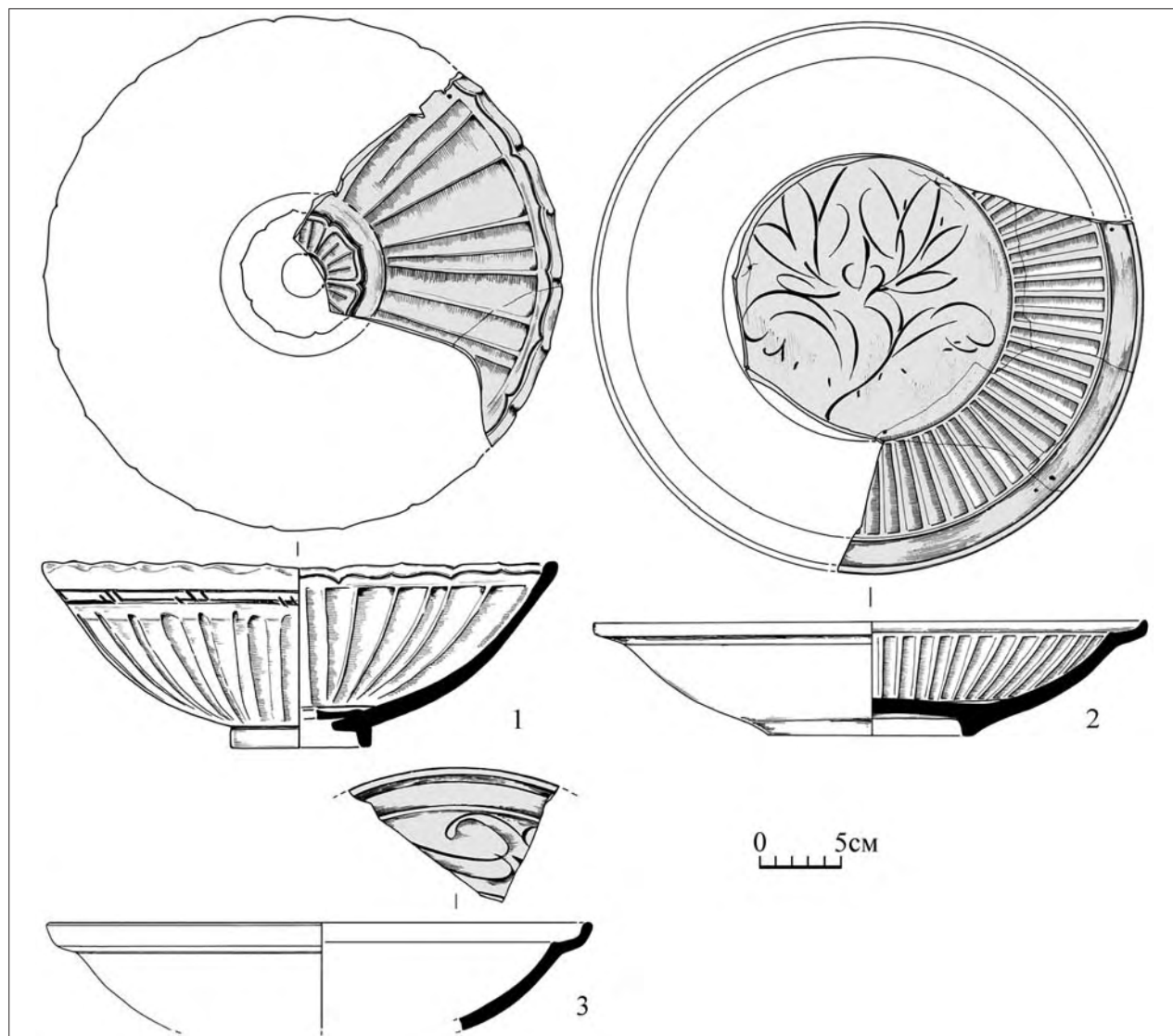

Рис. 1
 Селадоновые блюда из раскопок Дербента

Левинатов В.Н., 1940а. К истории дворца ширваншахов в Баку // Изв. АзФАН. № 5.
 Левинатов В.Н., 1940б. Керамика старой Гянджи. Баку.
 Новрузлу А.И., 2000. Позднесредневековое ремесло Азербайджана (XIV–XVII вв.). Баку.

Панова Т.Д., 1986. Восточная поливная керамика из раскопок в Московском Кремле // СА. № 1.
 Полубояринова М.Д., 2003. Китайский селадон из Болгара // РА. № 2.
 Шелковников Б.А., 1954. Китайская керамика из средневековых городов и поселений Закавказья // СА. XXI.

П.Г. Гайдуков, О.М. Олейников, Н.Н. Фараджева
Институт археологии РАН, Москва

Историческая топография северо-западной части Людина конца в средневековом Новгороде

В 2008 и 2010 гг. отряд Новгородской экспедиции провел масштабные исследования в северо-западной части Людина конца средневекового Новгорода. Исследования проводились к востоку от Десятинного монастыря. На четырех Десятинных раскопах полностью изучен культурный слой X–XVIII вв. на общей площади 4000 м².

При относительно небольшом по масштабам Новгорода культурном слое (на Десятинном раскопе его мощность составляла в целом 2–2,5 м), его изучение дало богатый материал о времени первоначального освоения и заселения этой части средневекового Новгорода в X–XI вв., а также по топографии и планировке усадеб жителей и особенностям их материальной культуры в XII–XV вв. Вещевую коллекцию составляют более 8 тыс. индивидуальных находок из черного и цветных металлов, кости, янтаря, стекла, камня и глины, а также гигантское количество массовых находок. Собрано около 800 тыс. фрагментов керамики, костей животных, птиц и рыб, обрезков кожи.

В площадь раскопа вошли (частично, а иногда и целиком) 30 средневековых усадеб или дворов конца XI – начала XV в., выгороженные бревенчатыми частоколами, с разнообразными постройками внутри них. Площадь усадеб колеблется от 300 до 800 м². Усадьбы расположены по сторонам двух улиц – Добрыни и Волосовой, первое упоминание которых в письменных источниках относится к 30-м и 60-м гг. XII в.

Внимательное изучение культурного слоя Десятинных раскопов позволило реконструировать картину жизни в этой части Новгорода следующим образом.

В X в. произошло деление территории на прямоугольные наделы канавками шириной 20–25 см. Они располагались вдоль двух грунтовых дорог (прогонов), идущих от древнейшего поселка на берегу Волхова (ядра будущего Людина конца города) к западу. Одна улица-дорога имела название Волосова – что также говорит о ранней дате ее возникновения. Другая – Добрыня – возникла в конце X в. Ширина древних грунтовых дорог – около 3 м. Можно предположить, что первоначальное межевание по некоей причине не было востребовано и здесь в течение нескольких лет существовало пахотное поле.

Следы борозд в материке и пахотный слой прослежены на всей исследуемой территории. В пахотном слое обнаружены лепная и раннекруговая керамика, глиняные пряслица, металлический наконечник рала, фрагменты арабских монет.

Размытая нижняя граница пахотного горизонта, возникшая некоторая ее волнистость, свидетельствует о существовании перерыва между распашкой и началом накопления культурного слоя. Вероятно, на данном месте после распашки (в течение 50 лет) в условиях запустения возобновилась естественная растительность (были сенокосы). К этому времени относятся водоотводные канавы, вырытые вдоль улицы Волосовой, и межевые канавки, идущие параллельно предыдущим. Эти канавки просуществовали более продолжительное время. В их заполнении накопились тлен и угольки.

В конце X в. территория вдоль улиц Волосовой и Добрыни была поделена плетнем на участки, на которых возникла первоначальная застройка. От нее сохранились фрагментарные остатки домов и печей-каменок. Прослежено несколько хозяйственных ям, относящихся к этому времени. В слое этого периода обнаружены арабские и западноевропейские серебряные монеты, стеклянные бусы, накладки, обломки овальных скандинавских фибул, кресты и другие предметы X – начала XI в.

В 30-е гг. XI в. вблизи Волосовой улицы было построено довольно сложное сооружение, которое можно соотносить с «порубом» (тюрьмой, темницей). От него сохранилась подземная часть в виде ямы диаметром 5 м и глубиной 3 м. Первоначально стены постройки были составлены из вертикально установленных широких досок, прослеженная высота которых 3,5 м. Между собой они были скреплены перекладиной, вставленной в пазы столбов, расположенных по углам темницы. В начале 40-х гг. XI в. это сооружение было перестроено. Две стены старой постройки разобрали и поставили новый сруб, почти квадратной формы, сохранившийся на 28–30 венцов (его размеры 230х240 см). На дне располагались две лавки, от которых сохранились только столбы, а также отхожее место в виде ямы. Глиняный пол подвергался регулярной

чистке. «Поруб» был обнесен водоотводной канавой и просуществовал около 20 лет. Позже его верхняя часть из-за ветхости была разобрана, а яма заполнена навозом.

Во второй половине XI в. изучаемая территория была поделена плетнем на участки под огороды и сады. Обнаружено несколько десятков яблоневых пней. Между яблонями возделывался огород. В этом слое обнаружены следующие находки: западноевропейские монеты, ременные накладки, нательные кресты, лопаты, косы.

В конце XI в. пространство к востоку от Десятинного монастыря по улицам Добрыня и Волосова было поделено на участки под усадьбы. На исследуемой территории прослежено 20 наделов. Обнаружено 5 ярусов сооружений и мостовых. К сожалению, верхние ярусы перемешаны огородом XIII в. Дома располагались по одной стороне усадьбы. Внутри срубов сохранились остатки столбовых опечков в углу и дощатые настилы полов. Вдоль столбовых оград усадеб зафиксированы водоотводные канавки.

В слое XII в. обнаружено множество находок, характеризующих хозяйство и быт новгородцев, разнообразные украшения, оружие, свинцовые печати и пломбы. Поражает количество предметов личного благочестия. Только крестов насчитывается около 200, среди них несколько энколпионов. Обнаружены металлические нагрудные иконки и другие предметы культа, которые указывают на возможное наличие поблизости церковных владений, что косвенно может говорить о ранней дате возникновения Десятинного монастыря.

Во всех усадьбах XII в. прослежены следы занятий различными ремеслами. Здесь было широко распространено литейное производство с применением различных металлических сплавов (медь, бронза, латунь), олова, свинца, золота. Обнаружено большое количество выплесков, литников, тиглей (один тигель был из железа), льячек, литейных формочек и готовых предметов с остатками литейного брака. Специальные анализы культурного слоя показали сильную загрязненность почвы тяжелыми металлами.

В начале XIII в. изучаемая территория запустела. Можно предположить, что начало запустения связано с мором 1187 или 1216 г. Усадебная застройка исчезла, улицы Волосова и Добрыня также прекратили свое существование, а свободную территорию заняли огороды. Лишь в конце XIII в. по бывшим трассам этих улиц были проложены новые деревянные мостовые, имевшие по сравнению с предыдущими небольшой сдвиг на север.

В XIV в. вдоль улиц возникли богатые усадьбы (прослежено 18 наделов площадью от 400 до 800 м²); некоторые дворы были вымощены плахами. Срубы размещались вдоль одной ограды, выходящей на улицу. В углу каждого дома обнаружены остатки опечков на бревенчатых столбах. Полы были вымощены досками, уложенными на переводины.

Обнаружено множество вещей, характеризующих хозяйство и быт проживавших здесь новгородцев.

Слой XV–XVIII вв. сильно перемешаны позднейшей деятельностью, но, несмотря на это, обнаружен богатый вещевой материал этого времени – монеты, кресты, предметы быта, украшения, керамика.

Нумизматическая и сфрагистическая коллекции Десятинных раскопов как нельзя лучше характеризуют особую статусность жителей усадеб Добрыни и Волосовой улиц.

В слое XI в. впервые в Великом Новгороде обнаружен сребреник Владимира Святославича (4 тип).

Западноевропейские монеты разделяются на три небольших клада, один из которых насчитывает 23, а два – по 4 монеты, и 24 единичных денария.

На Десятинных раскопах собрана замечательная сфрагистическая коллекция, насчитывающая около 400 предметов: 78 печатей, более 300 русских и 6 западноевропейских товарных пломб.

Печати представлены древнерусскими буллами XI–XV вв. (65 экз.), заготовками для русских печатей (10) и тремя византийскими печатями XII в. В числе русских печатей – около полутора десятка булл, оттиснутых новыми, еще не описанными матрицами. Среди них есть не только варианты известных печатей, но и уникальные экземпляры.

М.И. Гоняный

Государственный исторический музей, Москва

Результаты междисциплинарных исследований на Устьинском археологическом комплексе конца XII – XIV в. на Куликовом поле

Изучение древнерусских памятников у д. Устье, расположенных в низовьях р. Мокрая Табола в бас-

сейне верховий Дона, проводится Верхне-Донской экспедицией ГИМ на протяжении более 20 лет. Архе-

ологический комплекс состоит из городища, грунтового могильника и 8 селищ. Комплексные исследования включают детальные археологические разведки с использованием детекторов металла, геофизические магнито- и электроразведочные работы, и – по их результатам – раскопки жилых, хозяйственных и производственных объектов. Активно проводятся палеопочвенные и геоморфологические работы.

На городище Устье (Чичино) после предварительных геофизических исследований раскопано более половины (470 м²) его укрепленной площади, выявлены остатки сгоревших деревянных укреплений, выполненных в различной строительной технике.

Слабая насыщенность культурного горизонта находками, отсутствие жилых и хозяйственных построек на площадке говорят о кратковременности существования памятника. Крепость погибла в пожаре в середине XIII в. и впоследствии не восстанавливалась. Городище выполняло функции крепости-тверди, своеобразной базы, где мог располагаться небольшой гарнизон, несущий сторожевую и дозорную службу на юго-восточном пограничье Руси. Городища верховий Дона выполняли функции убежищ, являясь первыми островками жизни на неосвоенных территориях, вокруг которых формировались гнезда поселений. Ис-

следования могильника только начаты. Раскопано 37 безынвентарных погребений, совершенных в неглубоких могильных ямах по христианскому обряду.

Примыкающие к городищу 8 селищ занимают площадь около 40 га и являются его неукрепленным посадом. По методике планшетного сбора подъемного материала с использованием детекторов металла обследовано около 90% их территорий, обнаружено более 2500 находок, позволяющих, с привлечением результатов геофизических исследований (обследовано около 7 га площади селищ), локализовать зоны жилой и хозяйственной застройки, зафиксировать уличную планировку на наиболее крупных селищах Устье 2 и 3, установить участки расположения гончарных, металлургических и двух ювелирных мастерских середины XIII и XIV в. На предварительном уровне удалось проследить динамику роста территорий поселений, установить их границы для домонгольского времени, для второй половины XIII – начала XIV в., первой – третьей четверти XIV в.

Комплекс древнерусских археологических памятников у д. Устье – самый крупный в районе Куликова поля на Верхнем Дону. Его можно рассматривать как административный (волостной) центр региона, как отправной пункт на Донском торговом пути и связывать с летописным Дубком.

О.В. Двуреченский

Государственный исторический музей, Москва

Археологические исследования на месте Донского сражения

Поисковые работы на месте сражения проводились Верхне-Донской археологической экспедицией (ВДАЭ) ГИМ в 1995, 1996, 1999 и 2000 гг. В течение этих полевых сезонов были апробированы основные методы ведения работ, получены первые результаты.

Военно-исторический отряд ВДАЭ ГИМ был создан в 2002 г. С этого времени работы на территории Донского сражения проводились ежегодно. Основной их научной целью являлось проведение комплекса археологических изысканий на месте исторических сражений Средневековья и Нового времени. Попутно проводились проверка и уточнение устоявшихся методов поисковых работ, разработка новых методик и направлений исследования.

Работам Военно-исторического отряда предшествовал комплексный анализ полученных ранее результатов. Так, был обработан весь массовый материал, обнаруженный при поисковых работах за прошлые годы, в рамках которого впервые были выделены единичные предметы, связанные с вооружением и конским снаряжением, время бытования которых может приходиться на конец XIV в. Их картографирование

показало, что все находки располагаются на довольно компактной территории Куликова поля, протянувшейся по линии СВ–ЮЗ от с. Монастырщина до д. Хворостянка, в частности между балками Зеленая Дубрава и Верхний Дубик. Также было отмечено, что данный участок является центральной частью той зоны скопления предметов вооружения, собираемых местными крестьянами, которую наметил в свое время С.Д. Нечаев.

Затем был проведен совместный анализ выделенной зоны с точки зрения палеогеографии и военно-тактических (топографических) особенностей. По мнению специалистов-палеогеографов, данный участок представлял собой в средневековье наиболее протяженное свободное от растительности и не изрезанное в той степени, как везде, овражно-балочной системой место. С военно-тактической точки зрения, перед нами наиболее протяженный и уплотненный участок Куликова поля, более всего подходящий для полевых сражений тех масштабов, которые могли происходить в конце XIV в. на территории Восточной Европы.

Были уточнены и детализированы методики проведения поисковых работ. Сотрудники отряда окончательно отказались от ведения работ по методике индивидуального свободного поиска или в рамках свободных, не привязанных инструментально створов. Также были признаны неэффективными работы по створам шириной 10 м. Начиная с 2002 г. ширина створов была уменьшена до 5 м. Разрабатываются новые способы применения радаров, фосфатного метода, изучение поля Куликова с помощью дешифровки аэрофотосъемки отдельных участков сражения. Участок, выбранный для работы в 2002 г., получил номер 22, все последующие обследования в 2003–2010 гг. проводились в рамках общей площади участка 22, при этом выделялись локализованные территориально планшеты. Начиная с 2005 г. в рамках планшетов территория разбивалась на квадраты, как правило, площадью 1 га. В рамках каждого квадрата проводилась привязка находок, их статистический анализ. При этом статистически учитывались предметы, не только связанные со сражением, но и относящиеся к слабо известной с археологической точки зрения материальной культуре сельского населения, осваивавшего окрестности в XVII – начале XX в., что позволяло построить предварительную типологию изделий из металлов, локализовать на поисковых планшетах сельскохозяйственные станы, проселочные дороги и пр. Это оказалось полезным и с точки зрения изучения самого сражения, т. к. позволило отличать кованые предметы, связанные с бытом русских крестьян и помещиков, от аналогичных предметов XIII–XIV вв. и избегать в результате возможной ошибки отнесения похожих изделий XVIII–XIX вв. к более раннему времени. Также в статистике учитывался и многочисленный индустриальный металл XX в., что позволило составить представление о характере «загрязненности» поискового участка, а следовательно, и наметить стратегию дальнейшего его обследования с повторным прохождением операторами с металлодетекторами данной территории уже по очищенным от фонового металла площадям.

В результате поисковых работ с 2002 г. была пройдена с использованием детекторов металла центральная зона предполагаемого сражения площадью 123 га. Кроме ранее найденных и происходящих с территории Куликова поля находок обнаружено 36 предметов-реликвий и более 50, возможно, связанных со сражением. Среди них 12 фрагментов наконечников стрел, серия целых и обломков наконечников копий и сулиц, фрагменты панцирных пластин, обрывок оторочки кольчатого доспеха и кольчужные кольца, булавка от одежды, пряжки и кресала, несколько обломков от лезвийной и обушной частей боевых топоров. Все находки по преимуществу локализируются в пяти скоплениях. Самое крупное скопление 5 включало

около 20 находок, расположенных на площади около 1 га; возможно, это следы одного из боестолкновений Донского побоища.

Стало очевидным, что вероятность нахождения следов сражения и предметов, связанных с событием, происходившим более 600 лет назад в течение считанных часов, довольно низка и, тем не менее, вероятна. Средневековые полевые сражения, как правило, не оставляли после себя следов, сопоставимых по количеству находок со сражениями нового и новейшего времени. Исключением является обнаружение мест захоронения павших воинов или мест, которые в силу ряда причин (болото, старица реки) естественным образом законсервировали и сохранили предметы, связанные с битвой. Не стоит сбрасывать со счетов тщательность сборов вещей, проводившихся на протяжении XIX в. по распоряжению местных краеведов и любителей древностей. При тягловой распашке земли крестьяне изымали все выпаживаемые предметы, которые затем попадали в частные коллекции. Безусловно, этим может объясняться тот факт, что основными находками являются либо мелкие и малозаметные, либо не очевидные с точки зрения крестьянина и очевидные с точки зрения современного исследователя предметы. Датировка и сам факт нахождения в чистом поле, вдали от синхронных этим вещам памятников археологии, дают основания отнести эти предметы, с определенной степенью сомнения, к реликвиям Донского побоища.

На стадии проведения работ было сформулировано специфическое отношение к предметам, предварительно связываемым с великим сражением. Дело в том, что предметы, найденные на территории предполагаемого места сражения, имеют двойственный характер. С одной стороны, это обычные археологические находки, с другой – реликвии Куликовской битвы. Поля сражений только в последнее время стали рассматриваться в нашей стране как особый вид памятников археологии, сочетающий элементы как историко-культурного, так природного наследия. Научно-исследовательские подходы к такого рода памятникам в отечественной науке только начали формироваться. Во многом этим объясняется тот факт, что отношение к находкам, происходящим с ратных полей в археологической науке еще не устоялось. Фактически перед нами предметы, найденные вне контекста памятника, следовательно, существующие вне стратиграфических напластований, вне комплекса материальной культуры, тем не менее, и к просто подъемному материалу отнести их нельзя. Исторический контекст конкретного сражения наделяет находки особым смыслом. Перед нами условно закрытый комплекс, подобный находкам, происходящим с территории Тушинского лагеря или из торфяных могильников Европы.

Н.В. Ениосова, Л.В. Покровская, В.К. Сингх
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва
О.А. Тарабардина
Новгородский музей-заповедник, Великий Новгород

Ювелирные мастерские Людина конца средневекового Новгорода

По подсчетам Б.А. Колчина, к 1980-м гг. в Новгороде было открыто 125 ремесленных комплексов, функционировавших с середины X до конца XV в. (Колчин, 1988. С. 261). Среди них значительную долю составляли мастерские ювелиров. Спустя тридцать лет список новгородских производственных сооружений, содержащих свидетельства обработки цветных и драгоценных металлов, существенно пополнился. В ходе изучения полевой документации и музейных коллекций в Новгороде и Москве выявлены находки – индикаторы ювелирного производства, включающие более 1000 целых и фрагментированных плавильных сосудов, 72 литейные формы, 130 железных и бронзовых инструментов, сырьевые продукты и производственные отходы (830 образцов).

Для второй половины X в. наиболее представительная коллекция производственных свидетельств происходит с усадьбы Е, самой крупной из исследованных на Троицком раскопе. Она располагалась в южной части Троицкого раскопа, на перекрестке Черницыной и Пробойной улиц, ее площадь составляла 1400 м², а границы оставались практически неизменными на протяжении нескольких столетий. Дендродаты указывают на то, что территория усадьбы была заселена не позднее середины X в., однако вплоть до третьей четверти этого столетия постройки здесь не зафиксированы. Группа производственных свидетельств этого периода представлена преимущественно фрагментами тиглей, наибольшая концентрация которых прослежена вдоль северной границы усадьбы С. Следы производственной деятельности практически отсутствуют на усадьбе А.

Картина существенно меняется в первой половине XI в. Для этого периода в северной части усадьбы Е зафиксированы находки тиглей, литейных форм, кузнечные инструменты, 3 деревянные наковальни для изготовления пуговиц и бубенчиков, а также отходы их производства. Здесь обнаружены и инструменты, связанные с обработкой дерева. На усадьбе С зафиксировано примечательное скопление из 200 фрагментов тиглей. Производственная деятельность была сконцентрирована в срубе 140, в центре которого обнаружены остатки печи. К 60–70-м гг. XI в. относится комплекс производственных свидетельств, происходящий из сруба 116 в северо-западной части усадьбы Е вдоль Черницыной улицы. Это сооружение, просу-

ществовавшее до 80–90-х гг. XI в., сочетало функции жилища и мастерской. Ощутимая концентрация индикаторов ювелирного производства отмечается также на участках Д, И и П.

Многочисленные находки, свидетельствующие о ювелирном производстве во второй половине XI в., представлены на усадьбах А, С, З, Г и Д. На усадьбе А, принадлежащей священнослужителям, располагались литейные и кузнечные мастерские, связанные с производством бубенчиков, пуговиц, свинцово-оловянных грузиков, лунниц и перстней. Специализация этой мастерской очевидна, однако находки золотой фольги и проволоки указывают на более дорогие металлы, с которыми работали ювелиры усадьбы А. Следы ремесленной деятельности первой половины XII в. отсутствуют на усадьбах Е и С (рис. 1). В 20–70-е гг. XII в. усадьба Е была административным центром Людина конца: на это указывают деревянный настил площадью около 30 м², отсутствие хозяйственных построек, бытового инвентаря, следов ремесленного производства и огромное количество берестяных грамот (около 100 экз.). В первой половине XII в. на территории усадьбы Е размещался смесной суд Людина конца (Янин, 2008. С. 48–50).

Деятельность, связанная с литейным производством, зафиксирована также на усадьбах Г, З и Ж; на усадьбе П встречены отходы работы златокузнецов. Однако особенно яркие следы ремесленной деятельности на усадьбе А. Здесь отмечается значительная концентрация производственных отходов, полуфабрикатов и заготовок, кузнечных инструментов. Число обломков пластин и фрагментированных сосудов исчисляется десятками и даже сотнями. Среди них присутствуют отходы обработки золота. В мастерской этого периода отсутствуют тигли. Вероятно, деятельность ювелиров заключалась преимущественно в пластической деформации цветных и драгоценных металлов. Следует отметить приуроченность находок к западной границе усадьбы. Как полагали, в 50-е гг. XII в. на усадьбе А строится огромный дом, состоящий из двух срубов, площадь которых составляла 100 м² (Колчин и др., 1981. С. 66–69). Не исключено, однако, что мастерская ювелира существовала здесь еще до пожара 1151 г., строительства дома и поселения на этой усадьбе церковнослужителей. На основании анализа порубочных дат 21 датированного образца установлено,

что нижняя хронологическая граница комплекса, включающего ювелирную мастерскую, должна быть отодвинута во вторую четверть XII в., а его рамки определяются 1130–1190-ми гг. Мастерская в западной части усадьбы А продолжает функционировать после пожара 1194 г. и существует до 1209 г. Здесь зафиксированы многочисленные находки тиглей с остатками золота и серебра, обрезки золотой фольги и позументы. Кроме того, мастерскую этого периода отличает значительная концентрация инструментов для пластической деформации и обработки кости.

Начало XIII в. ознаменовано грандиозным пожаром, уничтожившим усадебную застройку. Этот период характеризуется дальнейшим дроблением усадебного пространства и разрежением дворовой застройки (Хорошев, 1994. С. 65). Изменения в политической жизни и смена социального статуса жителей усадеб не стали причиной сокращения масштабов деятельности ремесленников. В первой половине XIII в. богатый комплекс инструментов и других свидетельств ювелирного производства отложился на усадьбе А. Скопления тиглей и других производственных отходов зафиксированы на участках О, П и И.

Во второй половине XIII в. общее число производственных свидетельств уменьшается. Они концентрируются преимущественно на усадьбах А и Г. Еще более существенное сокращение происходит в первой половине XIV в. Индикаторы ювелирного

производства этого периода зафиксированы на участках А, Е, Г, М, О и П. Во второй половине XIV в. ювелиры и кузнецы работают на усадьбах А и Г, но, судя по числу находок производственного характера, масштаб их деятельности несопоставим с предыдущим периодом. Совмещение стратиграфических и планиграфических данных дает возможность говорить о долговременных производственных участках Людина конца. Новые результаты, полученные в ходе дендрохронологического анализа, показывают, что мастерская по производству бубенчиков существовала на усадьбе А почти 60 лет, что подтверждает сделанный по материалам Неревского раскопа П. Засурцевым и Н.В. Рындиной вывод о наследственном характере новгородского ремесла (Засурцев, 1964. С. 71, 72). Вместе с тем, зафиксировано существование мастерских, действовавших на протяжении жизни одного поколения – 20–30 лет. Судя по массовому материалу, ювелиры Людина конца имели дело с дешевыми материалами и простыми по форме украшениями. Однако находки золотых пластин-заготовок, проволоки и обрезков свидетельствуют о существовании элитарного златокузнечного производства. Мастерские Людина конца были оснащены прекрасными по качеству инструментами для кузнечных операций, литейными формами и плавильными сосудами различных форм. Рост объема тиглей с X по XV в. свидетельствует о последовательном увеличении количества ввозимых в Новгород цветных и драгоценных металлов.

Засурцев П.И., 1964. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // МИА. № 123.
Колчин Б.А., 1988. Ремесло. Обработка цветных металлов // Древняя Русь: Город. Замок. Село. М. (Археология СССР.)

Колчин Б.А., Янин В.Л., Хорошев А.С., 1981. Усадьба новгородского художника XII в. М.
Хорошев А.С., 1994. Топография, стратиграфия, хронология и усадебная планировка Троицкого раскопа (усадьба А) // Новгородские археологические чтения. Новгород.
Янин В.Л., 1988. Очерки истории средневекового Новгорода. М.

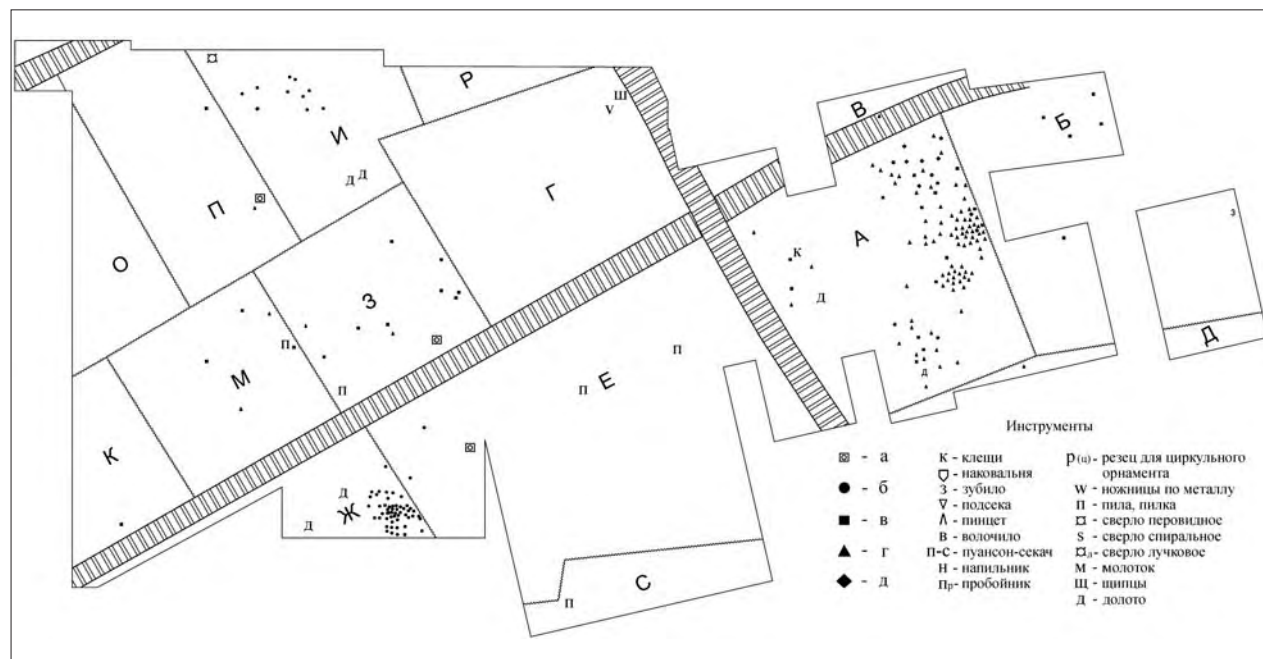

Рис. 1
Топография находок производственного характера первой половины XII в. на усадьбах Людина конца

В.В. Енуков, О.Н. Енукова
Курский государственный университет, Курск

Стратиграфия Курского городища (по материалам раскопов 5 и 6)

Культурные напластования Курска отличаются весьма скупой на информацию стратиграфией, что не редкость в условиях «сухого» слоя. Кроме того, историческое ядро города располагается в зоне плотной современной застройки, изобилующей перекопами, что существенно затрудняет стратиграфический анализ. Исключения из этого правила были немногочисленны, при этом одно из них связано с функционированием фактически одного объекта – дороги, проложенной по дну рва укреплений (раскопы 1 и 2). При ее изучении прослежены остатки семи настилов деревянных мостовых первой половины XI – середины XII в.

Впервые о стратиграфии собственно культурного слоя появилась возможность говорить только после работ 2001–2002 гг. на месте строительства второй очереди жилого дома 2/4 на Красной площади (раскопы 5 и 6 общей площадью 467 м²). Исследованный участок располагался на краю глубокого оврага, который в средневековье использовался как элемент фортификаций Курского городища. Значительная часть слоя была срезана в 1990-х гг. при нивелировке площадки под автостоянку. Тем не менее, анализ сохранившихся напластований выявил яркую стратиграфическую картину, заметно дополненную планиграфическими наблюдениями.

Тонкая горелая прослойка Д сохранилась только на небольшом участке раскопа. Слои Ж и Е образовывали насыпь вала на краю оврага. Их перекрывал горелый слой Г, связанный с гибелью фортификаций и

целого ряда сооружений. Все указанные напластования относятся к самой ранней истории города и сформировались в конце X – начале XI в. Их стратиграфическое соотношение позволяет считать, что слой Д, вероятнее всего, датируется концом X в. В слоях вала Ж и Е находок было очень мало. Судя по всему, он был отсыпан тогда, когда примыкающий к нему культурный слой не успел еще накопить достаточное количество предметов жизнедеятельности человека.

Напластования, перекрывавшие вал, состояли из слоев В (первая половина XI в.) и Б (вторая половина XI в.). Поверх них шла прослойка древесного тлена А1, которая явно соотносится с активной строительной деятельностью. Следует отметить, что в конце XI – начале XII в. Курск бурно разрастается, что, видимо, и отражает указанный стратиграфический элемент. Расположенный выше слой А, больше всего пострадавший от перекопов, суммарно датируется XII – первой половиной XIII в.

По краю оврага обнаружены остатки укреплений. К сожалению, стратиграфическая «стыковка» связанных с ними слоев и напластований площадки городища затруднена, т. к. их разделяет глубокая траншея частотола острога московского времени. Тем не менее, установлено, что в верхней части склона оврага в середине XII в. был сооружен ров укреплений, который функционировал до конца XII – начала XIII в. В первой половине XIII в. фортификации были обновлены, чему соответствовал эскарп на склоне оврага.

Н.В. Жилина
Институт археологии РАН, Москва

Теория влияний и своеобразия (на примере древнерусского драгоценного убора)

Рассмотрение иноземных влияний и обоснование культурного своеобразия нуждаются в теоретической базе. В археологической литературе влияние чаще констатируется, чем раскрывается. На первый план выступает анализ формы ювелирных украшений, главным доказательством влияния становятся внешняя аналогия и более раннее распространение формы

в другом регионе. Распространение новых форм объясняется преимущественно переходом населения. Сама характеристика возникших под влиянием форм, если они наблюдаются, дается аморфно-обобщенно: «пришли оттуда», «возникли под влиянием».

Для решения вопросов о культурных влияниях необходимо на конкретном археологическом и исто-

рическом материале воссоздавать процессы, происходящие в обществах при контакте с иноземной культурой. На примере славяно-русской истории сквозь призму ювелирного материала можно выделить варианты этих процессов.

Ряд вариантов связан с историей народа: политическими событиями, передвижениями, сменой культурной ориентации.

1. Собственная полноценная разработка мирового образца наравне с другими народами.

Восточные славяне в VI–VIII вв. наряду с другими европейскими народами осваивают достижения центров мировой культуры – Рима и Византии, у них распространяются типологически и стилистически сходные пальчатые фибулы, различающиеся на уровне вариантов. Наблюдается технологическое и художественное своеобразие славянской ветви фибул в европейском мире. Несколько позже разрабатываются антропо-зооморфные фибулы, отличающиеся еще большим своеобразием.

2. Освоение передовой ювелирной технологии и рождение в связи с этим сходных форм украшения.

На базе наблюдения и освоения достижений византийской филигрании (гроздевидные и звездообразные серьги) западные и восточные славяне начинают использовать элементарные выкладки из крупных гранул, в результате возникают простейшие филигранные украшения. Это стимулирует дальнейший переход к более тонкой технологии с местными особенностями. К концу IX в. на Руси изготавливаются гроздевидные наушницы, как с объемно-гранулированным декором, так и тисненые.

3. Подражание форме иностранного украшения на уровне собственной более простой технологии.

В IX–XI вв. создаются височные кольца восточнославянских племен, в технике литья отображаются формы филигранных византийских украшений (лучевые, лопастные, ромбоцитковые). Эти формы, несмотря на подражание, имеют свой оригинальный облик. Подражание и внимание к иностранному образцу являются здесь частью и предпосылкой творческого процесса. Данный вариант является и формой своеобразия, а не только влияния.

4. Украшения приходят со своими носителями и распространяются внутри культуры временно и ограниченно в соответствии с социальной ролью и территорией пришедшего населения.

С конца VIII в. и в IX–X вв. происходит распространение предметов скандинавского убора на Руси, зона расширяется в соответствии с территорией расселения и ролью скандинавов, вырабатываются гибридные формы убора. Некоторые формы скандинавских украшений и деталей костюма не могут участвовать в славянском уборе, т.к. не соответствуют типологически. Скорлупообразные фибулы связаны со скандинавским женским драпированным костюмом хитинообразного типа и не могут найти применение в туникообразных рубахах славянок. Переход к туникообразному костюму произошел у славян к концу

VIII в., более поздние клады не содержат плечевых фибул.

Типологически общие формы распространяются (подвески ожерелий). Но скандинавские подвески выполнены в стилях завитковой и перегородчатой филигрании, Еллинг и Борре, не свойственных славянскому ремеслу. Поэтому к XI в., после мощного воздействия византийской христианской культуры, украшения в скандинавских стилях перестают использоваться. В дальнейшем они практически не оставили следа в драгоценном русском уборе, но породили подражания в народном или низовом ювелирном искусстве (вариант 3).

Таким образом, и при данном варианте наблюдается определенная ограниченность распространения и находится место для своеобразия применения иностранных изделий.

5. Использование в местном уборе украшений, типологически сходных со своими, поступивших путем торговли или дарения.

Вливания восточного населения, подобного скандинавскому, в древнерусскую культуру не было, нет данных и о сколько-нибудь длительном распространении форм восточного убора в домонгольский период. Бусинные украшения из тонкой филигрании иранского происхождения распространены на Руси, использовались аналогично своим украшениям. Так же носили и восточные перстни. Эти восточные изделия среди общего русского материала выделяются как художественным оформлением, так и технологией (более тонкой филигранью минимальных параметров). Они остаются отличимыми, не вливаются в убор и в целом не оказывают на него влияния. Их носят в определенных вариантах костюма и убора.

6. Мощное долговременное влияние вследствие тотальной смены культурной ориентации – появление новых форм культуры, использование готовых систем убора и украшений, орнаментальных стилей.

После выбора христианской веры в Древней Руси распространяется эмалевый убор, видоизменяются черневой и скано-зерненный. Долговременное взаимодействие с византийской культурой обеспечивает наиболее мощный результат влияния. Эмалевое и черневое искусство Руси в целом следует за византийским стилевым движением.

Но и в такой ситуации тотального бесспорного воздействия собственная культура продолжает производить новации на основе собственного опыта. В XI в. в серебряном скано-зерненном уборе создан убор с колоколовидными рясами: в славянских традициях, но с применением византийской технологии (ленточная филигрань плотной навивки). В XII в. разрабатываются формы лучевых колтов, продолжающих традиции височных колец (колты на широкой дужке), трехбусинные кольца используются аналогично височным украшениям. Под воздействием формы византийских лунничных колтов лучевые зерновые колты приобретают лунницу, а трехбусинные входят в состав очелий.

Византийский опыт становится своим. При возрождении русского драгоценного убора после татаро-монгольского нашествия арсеналом для создания новых форм становится единый сплав славянской и византийской культуры. Другой разряд влияний связан с относительно постоянным этническим и культурным окружением народа.

7. Порождение уборов.

Отмечается проникновение финно-угорских украшений в костюм ряда славянских племен, облегченное тем обстоятельством, что уборы находятся на одной стадии металлического убора.

Контакты с кочевыми народами приводят к использованию некоторых видов украшений до тех пор,

пока не разработаны свои формы. Серьги салтовского типа распространены в IX в., в X в. их роль выполняют филигранные гроздевидные наушницы.

Внешнее влияние всегда опирается на местную основу, то или иное воздействие в нее внедряется. Конкретная сумма испытанных внешних влияний вместе с собственной традицией обуславливает своеобразный облик культуры народа. Выделение и объяснение влияний при конкретном историко-археологическом изучении приведет не к раздроблению представления об этой культуре («нет ничего своего»), а к характеристике неповторимого синтезированного народом результата, который при этом не является и абсолютно независимым («все свое»).

В.И. Завьялов, Н.Н. Терехова

Институт археологии РАН, Москва

Две традиции в производственной культуре Северной Руси

В настоящее время благодаря широкомасштабным археометаллографическим исследованиям производственная культура Северной Руси на примере кузнечного ремесла достаточно хорошо изучена. Обобщение полученных материалов позволяет перейти от историко-технологических выводов к решению культурно-исторических проблем. Одной из таких проблем является формирование и развитие традиций в производственной сфере.

На основании анализа имеющихся данных мы пришли к выводу, что в железообработке Северной Руси существовали две традиции: скандинавская (IX–XII вв.) и древнерусская (XII–XV вв.).

Формирование первой традиции связано с экспансией викингов, осуществлявших транзитную торговлю в период активизации Великого Волжского пути. В ее основе лежит технология так называемого трехслойного пакета, широко распространившаяся в производственной культуре Северной Руси начиная с IX в. Мы выделяем два варианта трехслойной технологии: *скандинавский* (классический) и *восточноевропейский* (местное подражание классической технологии).

Анализ соотношения *скандинавского* и *восточноевропейского* вариантов в материалах различных регионов Северной Руси позволяет определить время внедрения новой технологии и характер ее распространения.

В этом отношении выразительна кузнечная продукция Старой Ладogi, где обнаружены самые ранние (конец VIII – начало IX в.) на территории Восточной Европы трехслойные ножи, причем изготовленные исключительно по *скандинавскому* варианту. Не позднее начала X в. на большинстве памятников Северной Руси фиксируются орудия, выполненные

в *восточноевропейском* варианте. Наиболее четко картина соотношения двух вариантов во времени прослеживается на материалах Новгорода. В ранний период существования города ножи *скандинавского* варианта доминируют. Но уже в начале XI в. их доля резко сокращается, в то время как возрастает доля орудий, изготовленных по *восточноевропейскому* варианту. Пик распространения таких ножей приходится на XII в., после чего технология трехслойного пакета вытесняется технологией наварки.

Иную картину демонстрируют памятники Ростово-Суздальской земли. Здесь *скандинавский* производственный вариант в изготовлении ножей достигает максимального значения в XI в. и является основным вплоть до прекращения бытования трехслойных ножей. *Восточноевропейский* вариант представлен незначительным количеством экземпляров.

Эти различия, видимо, объясняются общеисторической ситуацией, связанной с длительностью присутствия носителей скандинавских традиций в том или ином регионе.

В XII в. в древнерусском кузнечном ремесле происходит смена технологических приоритетов. Технология трехслойного пакета сменяется технологией наварки. Применение наварки демонстрирует принципиально иной подход к конструированию технологической схемы. Наварная технология позволяла экономить дорогостоящую сталь, была универсальна.

Появление этой рациональной технологической схемы связано с кельтским миром, где зафиксированы самые ранние орудия с наварным лезвием. В VII–VIII вв. наварная технология была широко распространена в Великой Моравии и на славянских

памятниках междуречья Вислы и Одера. В это же время единичные изделия, выполненные в технике наварки, появляются на восточнославянских памятниках. Начиная с IX в., технология наварки постепенно распространяется: в X в. она известна в Новгороде, в XI – в Суздале, а в XII–XIII вв. становится ведущей технологией городских древнерусских ремесленников.

Рассмотренные нами традиции в северорусской железообработке имели различный характер форми-

рования. В основе скандинавской лежал мощный привнесенный инновационный импульс. С исчезновением его носителей прекращает свое существование и традиция. Древнерусская традиция вызревала постепенно непосредственно в славяно-русской среде. С формированием городского ремесла она закрепляется как устойчивая традиция, не претерпевшая существенных изменений даже в деструктивный период татаро-монгольского ига.

Ю.А. Зеленева

Марийский государственный университет, Йошкар-Ола

Городское и сельское население Примокшанья в XIII–XV вв.

До XI в. все Примокшанье, включая Почестье, было заселено мордвой. Исключение составляет район низовьев Мокши, где сохранялось рязанско-окское население, которое, впрочем, было или мордовоязычным или, по крайней мере, чрезвычайно близким мордве в этнокультурном отношении.

С XI в. идет процесс переселения русских в Примокшанье. К XII в. мордва покидает Почестье и Нижнее Примокшанье или, что более вероятно, происходит ее аккультурация. В XII–XIII вв. все Почестье и Нижнее Примокшанье – уже русская территория, которая закрепляется застройкой в этом районе русских укрепленных городков. Не позднее XII в. на Нижней Цне возникает городок, известный как Темгеновское городище; около него выявлены три селища, являющиеся остатками его посадов. Этот русский город продолжал существовать и в XIII–XV вв.

В письменных источниках упоминается под 1209 г. Кадом – русский город и опорный пункт в Нижнем Примокшанье. Остатки его изучены В.Н. Шитовым во время раскопок Старокадомского могильника V–VII вв. Город также продолжал свое существование в XIII–XV вв. В конце XV в. он был перенесен на место современного города Кадома, село же, оставшееся после его перенесения, получило название Старый Кадом.

Есть сведения о находке керамики XIII–XV вв. на месте Шацкой крепости XVI–XVIII вв., но данных о существовании здесь укреплений в XIII–XV вв. нет.

Вокруг этих городков по Цне и Нижней Мокше идет формирование русской сельской округи. Картографирование этих памятников ясно показывает, что граница между Рязанским княжеством и мордвой, входившей в состав Золотой Орды, проходила по правому берегу Цны и левому берегу Нижней Мокши.

Правда, продвижение русских на восток не прекращается, и в XIV–XV вв. русское поселение Шаверское 2 появляется уже на правом берегу Средней Мокши в окружении мордовских поселений.

Мордва начиная с XI в. покидает Нижнее Примокшанье и Почестье или подвергается здесь аккультурации. В Среднем же Примокшанье до середины XIII в. она продолжает сохранять свои позиции. Причем правобережье Мокши в районе впадения в нее Сатиса, видимо, было одним из мордовских центров. Раскопки Н.Н. Грибова в Сарове позволяют говорить о наличии здесь протогородского поселения, не без основания связываемого с мордовским инязором Пургасом.

М.Г. Сафаргалиев, основываясь на легендарных данных, помещает здесь золотоордынский город Сараклыч, но золотоордынских слоев на Саровском городище не обнаружено и неизвестно пока о наличии других археологических памятников в этом районе, которые могли бы быть соотнесены с этим городом. Скорее всего, устные предания приписывают мордовскому городищу XI–XIII вв. золотоордынское происхождение.

М.Г. Сафаргалиев также пишет о том, что город Темников появился в 90-х гг. XIII в. как административный центр Золотой Орды. В районе Темникова, который на нынешнее место был перенесен в 1536 г., существует только один археологический объект, который может соотноситься с золотоордынским городом. Это Итяковское городище, датированное по археологическому материалу XIV–XV вв. Исследовавшие его Г.А. Фёдоров-Давыдов и А.В. Циркин считали, что это укрепленный замок и, возможно, административный центр.

В начале XIV в. в верховьях Мокши возникает ордынский город Мохши, который являлся значительным для этого региона городским центром. По крайней мере, ни до него, ни долгое время после городов такого значения здесь не было. Это был город, связанный в первую очередь с торговлей по Дону с Причерноморьем. Видимо, существовали устойчивые связи и с Поволжьем. Ремесло Мохши было направлено на обслуживание сельской округи. По распространению красноглиняной керамики в регионе можно говорить о том, что торговля города охватывала до 50 км округи.

О.В. Зеленцова, И.Н. Кузина
Институт археологии РАН, Москва

Древнерусские усадьбы и усадебные постройки Владимира-на-Клязьме

Анализ усадеб и усадебных построек домонгольского времени Владимира-на-Клязьме – столицы Владимиро-Суздальского княжества – проводится на основании данных, полученных по преимуществу в ходе раскопок в Мономаховом (или Печернем) городе – центральной из трех исторических частей Владимира. Охранные раскопки на участке, ограниченном улицами Подбельского, Комсомольской, Володарского и Музейной, в непосредственной близости от Соборной площади, велись в течение трех лет экспедицией Института археологии РАН. Вскрыт участок общей площадью около 2500 м², в том числе территория, примыкающая к Троицкому валу, согласно летописным сведениям, возведенному Владимиром Мономахом.

Раскопки сплошными площадями позволили проследить фрагменты уличной и усадебной планировки в этой части города с середины XII в. по 1230-е гг. Плотная жилая застройка и интенсивная хозяйственная деятельность в центре города практически с момента его основания уничтожили наземные части построек домонгольского времени. Постройки, планировка усадеб и уличного пространства фиксируются по остаткам подполий, хозяйственным ямам, частокольным канавкам, следам огородов. Важную информацию об использовании усадебного и уличного пространства дают палеопочвоведческие и геоморфологические анализы.

В результате проведенных исследований определены участки восьми домонгольских усадеб площадью около 800 м² каждая, трассы трех пересекающихся древних улиц, около полутора десятков подполий главных усадебных домов и больших хозяйственных построек. Получена информация о планировке построек и конструктивных особенностях подполий.

Все изученные подполья были устроены по сходной схеме с небольшими различиями. В большинстве случаев прослеживаются перестройки подполий, изменяющие их площадь. Большая часть подполий погибла в большом пожаре, по ряду признаков связываемом с гибелью города в феврале 1238 г. Небольшая часть была оставлена хозяевами при перестройке домов и тщательно засыпана. К остаткам наземных построек относятся обрушившиеся части печек, стен и пола.

Размеры подполий, наличие перестроек или преднамеренная их засыпка позволяют делать косвенные выводы о перестройке домов в течение 70–90 лет: перенесении их на новое место, расширении или ремонте.

Полученные материалы дают основание говорить о высоком социальном и материальном статусе владельцев усадеб: зафиксированы значительные площади подполий (до 48 м²), дорогая утварь, украшения, склад янтаря в одном из подполий.

Сопоставление материалов раскопок экспедиции ИА РАН с результатами работ других экспедиций, проводивших исследования небольшими площадями в этой части города, приводит к выводу о единой усадебной планировке большей части Мономахова города с момента начала его застройки в середине XII в. Все главные усадебные постройки ориентированы по сторонам света. Улицы, под углом пересекая пространство между Ивановым и Троицким валами, выходят к основной городской магистрали древнего Владимира, по большей части совпадающей с современной Большой Московской улицей. Конструкции подполий позволяют некоторым исследователям говорить о самобытности домостроительства в городах Владимиро-Суздальской земли в домонгольское время, отмечая при этом его некоторое сходство с южнорусским.

Э.Д. Зиливинская
Институт этнологии и антропологии РАН, Москва

Жилая архитектура как отражение состава населения золотоордынских городов

Как показали археологические исследования золотоордынских городов, все они строились по усадебному принципу (Фёдоров-Давыдов, 1964. С. 251;

1966; 1981; 1994. С. 12–16; Мухамадиев, Фёдоров-Давыдов, 1970; 1978; Егоров, 2000). Усадебные постройки изучены в основном в городах Нижнего Поволжья.

В планировке этой категории зданий прослеживается значительное разнообразие, отражающее пестрый этнический состав населения золотоордынских городов. В целом все усадебные дома можно разделить на три большие группы.

К первой группе относятся здания различной планировки, в основе которых лежит модуль в виде квадратного в плане «монгольского» дома. Такой дом возникает в результате трансформации юрты в стационарное жилище и характерен не только для монголов, но и для всех, оседающих на землю кочевых народов. Многообразие типов построек этой группы определяется различными композиционными решениями в группировке нескольких таких домов для объединения их в единый жилой комплекс. В сложении типов жилищ этой группы прослеживается влияние архитектур Центральной Азии (Монголия и Китай) и Среднего Востока (Средняя Азия, Хорезм). Некоторые типы жилищ присущи всем перешедшим к оседлости кочевникам и могут иметь местное происхождение.

Вторую группу составляют здания с капитальными стенами, имеющие регулярную планировку и построенные по четкому плану. Без сомнения, они были созданы представителями населения, имевшего длительные навыки домостроения. Среди этих построек выделяются наиболее богатые усадебные дома с парадным залом, принадлежавшие, скорее всего, социальным верхам золотоордынского общества. Они имеют наиболее сложную и разработанную планировку,

которая возникла под влиянием Среднего Востока (Средней Азии). Тем не менее, и здесь не произошло прямого заимствования. Типично среднеазиатская планировка была соединена с монгольскими принципами организации пространства, в результате чего возник новый, оригинальный тип зданий, характерный только для Золотой Орды. К этой же группе относятся исследованные в Западном Казахстане капитальные дома линейно-анфиладной планировки, которую исследователи считают реминисценцией кочевнической кибитки.

Третья группа объединяет здания нерегулярной планировки, представляющие собой механическое соединение построек первой и второй групп и свидетельствующие о примитивности пространственного мышления и недостаточном развитии строительных навыков.

Таким образом, архитектура усадебных зданий городов Нижнего Поволжья и прилегающих областей отражает не только многокомпонентность этнического состава населения. В ней также прослеживается наличие двух составляющих золотоордынского общества – кочевой и оседлой. Дома первой группы созданы руками кочевников, лишь недавно переселившихся в город, хотя и здесь прослеживаются влияния оседлых групп населения. Здания второй группы, без сомнения, возводились умелыми строителями и ремесленниками из стран с высокоразвитой градостроительной культурой. Третья группа представлена постройками, возникшими в результате смешения двух традиций.

Егоров В.Л., 2000. Города Руси и Золотой Орды в XIII–XIV вв. – общее и особенное // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья: Мат. науч. конф. М.

Мухамадиев А.Г., 1974. Раскопки двойного дома на Водянском городище в 1970 г. // Города Поволжья в средние века. М.

Мухамадиев А.Г., Фёдоров-Давыдов Г.А., 1978. Раскопки усадьбы на Царевском городище // Вестник МГУ. № 3.

Фёдоров-Давыдов Г.А., 1964. Раскопки Нового Сарая в 1959–1962 гг. // СА. №1.

Фёдоров-Давыдов Г.А., 1966. Новый Сарай по раскопкам 1963–1964 гг. // СА. № 2.

Фёдоров-Давыдов Г.А., 1981. Исследование большой аристократической усадьбы на Царевском городище // Вестник МГУ. № 1.

Фёдоров-Давыдов Г.А., 1994. Золотоордынские города Поволжья. М.

А.В. Иванов

Национальный заповедник Херсонес Таврический, Севастополь

Средневековый город при Балаклавской бухте: очерк археологического исследования и некоторые данные к его исторической топографии

В ряду исторических городских центров Крымского п-ова Балаклава остается одним из наименее археологически изученных поселений, что не помешало отметить в 2006 г. ее 2500-летний юбилей.

Древнейшие упоминания о ней содержатся в трудах позднегреческих авторов: Страбона, Арриана, Плиния Старшего, Птолемея (Strabo, VII, 4,

308-309; Arr., PPE, 30 (19H); Plin., NH, IV, 86; Ptol., III, 6, 2), но, собственно, никто из них не помещает в рассматриваемой местности постоянное поселение греков или варваров; скорее, речь идет о географическом пункте, значимом при каботажной навигации, – бухте или порте Символон (Symbolon portus, Συμβόλον λιμένα).

Единичные упоминания Символона в качестве географического пункта встречаются в раннесредневековых источниках – перипле анонимного автора (т.н. Псевдо-Арриана) V–VI вв., трудах византийских хронистов VIII в. Феофана и Никифора, нонимном географическом тексте, датируемом правлением Константина Багрянородного.

С середины XIV в. Ямболи – Чембало – Балаклава регулярно фигурирует в документах и письменных источниках, связанных с генуэзскими колониями на территории Крыма, и заслуженно считается третьим по значимости (после Кафы и Солдаи) центром административного присутствия латинян на полуострове. В этот период здесь уже существует весьма значительное для средневекового Крыма городское поселение. После событий 1475 г. и вплоть до 1771 г. город пребывает в составе крымских владений Османской порты.

Опираясь на картографические материалы конца XVIII – начала XIX в., в планировке поселения можно выделить три освоенные территории, определявшие его топографию к исходу позднего средневековья:

- район основной застройки на восточном берегу Балаклавской бухты, совпадающий со старой частью современного города и в основном сохранивший планировку, восходящую к позднему средневековью;
- гору Кастрон с комплексом укреплений генуэзского Чембало, возводившихся между серединой XIV в. и 1467 г., отделенную от основной части города глубокой ложиной Кефало-Вриси и в новейшее время уже не заселяющуюся;
- удаленное предместье Кади-Кой, к настоящему времени сросшееся с собственно Балаклавой, но в историческое время отделенное от нее километром незастроенного пространства, использовавшегося жителями в сельскохозяйственных целях.

Имеющиеся археологические данные позволяют полагать, что трехчастная структура поселения – крепость с внутренней застройкой, городская застройка вне ее стен и удаленное предместье – сложилась к XIV–XV вв.

На склонах горы Кастрон сохранились выразительные руины укреплений генуэзского Чембало, в последние годы активно исследуемого совместными усилиями Национального заповедника Херсонес Таврический, Харьковского университета и Государственного Эрмитажа. Основываясь на сообщении Формалеоне, начало генуэзского присутствия в Балаклаве относят к 1347 г. Старейшее свидетельство строительной деятельности латинян – строительная надпись консула Симона-дель-Орто, датируемая 1357 г.

Выдвигавшиеся еще в XIX в. предположения о догенуэзском строительном периоде в пределах крепостных стен Чембало подтверждения не получили. Анализ монет с территории Чембало показывает, что подавляющее большинство находок относится к XIV–XVIII вв. и представляет весьма широкий географический ареал. Ряд находок датируется римским временем, а также представляет «догенуэзское» средневековье. На склонах горы Кастрон также неодно-

кратно отмечались находки единичных фрагментов эллинистической керамики, не связанные, как, и ранние монетные находки, с синхронными строительными остатками или участками культурного слоя.

Наиболее ранние находки, связанные с сохранившимися участками культурного слоя, относимые к ранневизантийскому времени, зафиксированы на современной ул. Калича. Строительные остатки на исследованном участке представлены фрагментом вымостки и обрывками плохо сохранившихся кладок, но выявлен значительный развал черепицы, принадлежавший синхронным постройкам, располагавшимся выше по склону, к востоку от исследованной территории, а западнее – уходящий под проезжую часть улицы слой горения, также содержащий керамику, датируемую в пределах V–VI вв. Ранние слои были перекрыты напластованиями, содержащими материалы XIII–XV, XVI–XVIII вв. и позднейшего времени.

Наблюдения, проводящиеся в ходе различных работ в исторической части города, в основном не дают материала старше генуэзского и османского периодов. Но в двух противоположных точках – вблизи предполагаемой северной границы средневекового поселения и в его южной части, вблизи угловой северо-западной башни крепости Чембало, – выявлены, соответственно, хозяйственная яма и участок культурного слоя, содержавшие керамику, четко датируемую XIII в. – временем, предшествовавшим появлению здесь латинян.

Охранные раскопки в районе ул. Исторической позволили получить представление о характере средневековой застройки XIII–XVIII вв., располагавшейся здесь на трех террасах, устроенных на крутом склоне. Исследована часть усадьбы генуэзского периода, выявлены следы производств – керамического и металлообрабатывающего XIII–XV вв., раскопана постройка османского времени, датируемая XVII – серединой XVIII в., – вероятно, часть комплекса таверны (meyhane).

На северной окраине средневекового поселения, в районе современных улиц Кирова – Башенной, исследован участок обширного христианского некрополя XIII–XV вв. и приблизительно установлены его границы. Ранее к востоку от исследованной части некрополя было открыто единичное погребение с материалом III–IV вв.

Анализ нарративных источников, фискальных документов, картографических и иконографических материалов позволил локализовать местоположение ряда значимых культовых и общественных построек средневекового времени.

Как уже отмечалось, средневековый Кады-Кой можно рассматривать как удаленное предместье Балаклавы, и именно здесь выявлен археологический комплекс, связанный с базированием подразделений I Итальянского, XI Клавдиева легионов и ряда подразделений вспомогательных войск римской армии во второй половине II – первой половине III в. Было бы весьма соблазнительно представить его предшественником позднейшего городского поселения. Однако связь римской военной базы с возникновением поселения при Балаклав-

ской бухте не установлена. Жизнь на территории Кадь-Коя, прервавшись к середине III в., не возобновлялась до рубежа XIII–XIV вв.

Имеющиеся археологические материалы позволяют предполагать появление населенного пункта при Балаклавской бухте не раньше рубежа IV–V вв., данные, свидетельствующие о непрерывности его последующего существования, пока отсутствуют. По

всей видимости, можно говорить о формировании здесь городского поселения не ранее X–XIII вв. В это время на Южном берегу Крыма черты, присущие малым городским центрам, приобретают приморские поселения в Алуште, Партените, Гурзуфе, возможно Ялте. В то же время, о поселении при Балаклавской бухте письменные источники практически молчат вплоть до генуэзского периода.

А.А. Иншаков, А.В. Иншакова

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Елец

Предварительные итоги изучения средневековых памятников XIII – начала XV в. в округе г. Ельца на р. Пальна

Средневековые поселения XIII – начала XV в. на р. Пальна составляют округу летописного Ельца. Исследования этих памятников проводились экспедицией Елецкого университета в 1988–1992 гг. под руководством Н.А. Тропина и были возобновлены с 2004 г. под руководством А.А. Иншакова. Наиболее изученным является нижнее течение реки, где на 7-километровом участке выявлено 21 селище. Они образуют две локальные группы. Лучшее всего изучена локальная группа, насчитывающая 10 поселений (рис. 1). Раскопки проводились на трех из них: Аргамач-Пальна 1, 3 и 5 (Тропин, Иншаков, 2008. С. 103–109).

Аргамач-Пальна 1 (площадь 1,2 га) занимает правобережный склон и мысовой участок р. Пальна. Вскрытая на нем площадь составила 450 м² (Тропин, 2006. С. 225). Зафиксированы два периода жизни. К концу XII – первой половине XIII в. относятся жилище и погреб. Этим периодом датируется фрагмент византийского сосуда из стекла фиолетового цвета. Со второй половины XIV – началом XV в. связана усадьба, состоящая из двух жилищ и разнофункциональных построек: амбаров, ямы-хранилища и летней кухни. Датировка усадьбы основана на находках фрагментов чугунных котлов, красноглиняной неполивной керамики и ножа с заклепкой на рукояти. Аргамач-Пальна 1 второго периода фун-

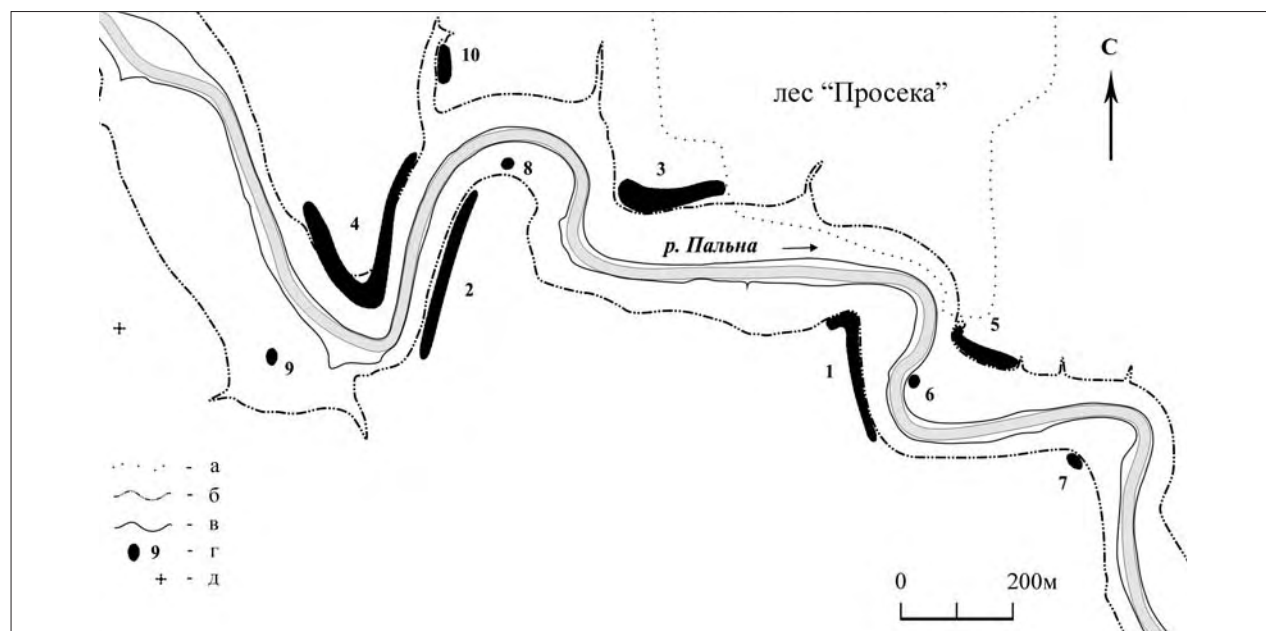

Рис. 1

Группа поселений у с. Аргамач-Пальна.

Условные обозначения: а - граница леса; б - край коренного берега; в - край надпойменной террасы; г - территория и номер поселения; д - церковь

кционирования определяется нами как одно из рядовых поселений общинников сельской округи г. Ельца.

Поселение Аргамач-Пальна 5 (площадь 0,9 га) находится на противоположном берегу реки. Общая изученная на нем площадь составляет 1166 м² (Тропин, Иншаков, 2008. С. 103–109). Исследованиями установлено, что памятник функционировал во второй половине XIV – начале XV в. Раскопами изучены два производственных керамических комплекса. Первый состоял из постройки-мастерской с гончарной печью, наземных горна и производственной постройки. Его датировка основана на находках колесиковой шпору и молотка-гвоздодера (Тропин, 2002. С. 157, 158). Со вторым комплексом связаны постройка-мастерская с печью и два одновременных горна ямного типа с общей предгорновой ямой. Сооружения функционировали в конце XIV – начале XV в., о чем свидетельствуют находки фрагментов чугунных котлов.

В центральной части поселения на склоне коренного берега изучены хозяйственная яма и наземное жилище (10x4 м) с глинобитной печью и подклетом. В заполнении последнего обнаружена серебряная монета – подражание дангу Токтамыша рубежа XIV–XV вв. (определение Е.Ю. Гончарова). Вероятно, здесь проживали гончары, обслуживавшие производственные комплексы. Поселение 5 представляло собой поселок гончаров, обеспечивающий глиняными изделиями ближайшую округу.

Поселение Аргамач-Пальна 3 (площадь 1,5 га) находится в 500–700 м выше по течению от поселений 1 и 5. Оно занимает высокий левобережный склон р. Пальна. На памятнике фиксируются 8 западин, которые составляют три компактные группы, удаленные друг

от друга на 20–30 м. Каждую группу, возможно, следует соотносить с одной усадьбой. С их поверхности собран и занесен на планшет подъемный материал: 2 клада ордынских монет, предметы вооружения, снаряжения всадника и верхового коня, быта, ремесла и др.

В юго-западной части поселения заложен раскоп площадью 20 м². Изучено наземное жилище с подполом и печью, выложенной из известняковых плит. Из культурного слоя и заполнения постройки происходят железная сулица, фрагмент кольчуги, напальчник (для стрельбы из лука) и фрагменты уздечного набора. Находки указывают на социальный статус владельца усадьбы – конного служилого человека. Среди подъемного материала с территории других двух усадеб отметим предметы вооружения, воинского и конного снаряжения: один целый и 4 фрагмента лезвий топоров, нож с кровостоком, шарнир от арбалета (?), пластину от панцирного доспеха, кольчужное кольцо, два колчаных крюка, шпору, пряжки и предметы поясного и уздечного наборов. В целом предметы вооружения, снаряжения всадника и верхового коня, происходящие с территории поселения, составляют 26,8% (без учета подков и подковных гвоздей) от общего числа индивидуальных находок. Вполне очевидно, что на поселении 3 проживали представители воинского сословия, возможно, дружинники елецкого князя.

Подводя предварительные итоги, отметим, что в нижнем течении р. Пальна мы видим различные по социально-исторической характеристике поселения, составлявшие ближайшую округу Ельца второй половины XIV – начала XV в. Среди них изучены поселения с характерной сельской материальной культурой, поселения гончаров и служилых людей.

Тропин Н.А., 2002. Гончарные сооружения второй половины XIV в. на селище Аргамач-Пальна 5 // Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Тула. Т. 1: Археология.

Тропин Н.А., 2006. Южные территории Чернигово-Рязанского порубежья в XII–XV вв. Елец.

Тропин Н.А., Иншаков А.А., 2008. Древнерусские памятники XIII – начала XV в. на р. Пальна // Верхнее Подонье: Археология. История. Тула. Вып. 3.

В.Ю. Коваль

Институт археологии РАН, Москва

Вал Ростиславльского городища раннего железного века

В 2005–2009 гг. на городище Ростиславль в Озерском р-не Московской обл. проводилось исследование вала, отделяющего мысовую площадку с остатками поселения раннего железного века. Вал имел высоту до 5 м при ширине в основании 20 м и длине 50 м, никаких проходов в валу не прослеживалось. Для исследования вала в центральной его

части была заложена траншея шириной 3 м, перпендикулярная оси вала. Раскопки проводились пластами толщиной 0,2 м, а в нижней (древнейшей) его части – 0,1 м, с фиксацией каждого пласта. Кроме продольных профилей фиксировались поперечные разрезы траншеи с интервалом 6–8 м. В результате удалось установить, что разрез вала пришелся на

край прохода в валу, существовавшего на средних этапах его функционирования. На склонах этого прохода и его дне обнаружены остатки древесного тлена и уголь от сгоревших деревянных конструкций (?). Под самой ранней насыпью вала (прохода в ней еще не было) обнаружена канава от частокола, перегораживавшего мыс, на котором размещалось городище. Высота древнейшего вала не превышала 1 м. Всего зафиксировано более 100 различных прослоек, группирующихся в 10 горизонтов, большинству из которых соответствовали рвы. Каждый более ранний ров частично заплывал, после чего начинался новый этап досыпки вала, при котором насыпь увеличивалась в ширину (в напольную сторону) и в высоту, соответственно ров также сдвигался (расширялся) в напольную сторону. Глубина рва постепенно увеличивалась – с 0,7 до 2,0 м. Два позднейших этапа досыпки вала происходили после того, как ров был полностью засыпан и более не возобновлялся. Следы обдерновки в прослойках насыпи не фиксировались, поскольку постоянные досыпки не позволяли начаться процессу почвообразования на поверхности вала. Сооружение датировано по данным радиоуглеродного анализа образцов угля, обнаруженных в насыпи вала, а также по многочисленной керамике (включавшей развалы горшков) и вещевым находкам (тигли для плавки цветных металлов, костяные орудия, железные предметы, украшения из медных сплавов). Корре-

кция датирующих данных позволяет сделать вывод, что древнейшая насыпь этого вала (горизонт 1) была возведена в интервале V–III вв. до н. э. (скорее всего, в IV в. до н. э.), а позднейший горизонт насыпи (10) сформировался не позднее рубежа эр. Это значит, что вал высотой до 5 м был насыпан за период не более 400 лет. Следовательно, каждый из 10 горизонтов насыпи формировался на протяжении (или с интервалом) 30–50 лет. Разумеется, за такое короткое время на поверхности вала мог сформироваться лишь тонкий слой дерна, но почвообразовательные процессы начинаться не успевали.

Благодаря почвоведческим исследованиям, проведенным в ходе раскопок д.г.н. А.А. Гольевой (ИГРАН), удалось установить, что практически все горизонты насыпи вала состояли из культурных отложений, сформировавшихся, вероятно, на площадке городища (часто с добавками материкового суглинки). Отдельные прослойки состояли из перегнившей органики растительного происхождения (тростника, камыша, листьев и веток). Следовательно, вал являлся не только оборонительным сооружением, но и местом утилизации грязи и органических отходов, накапливавшихся на площадке городища, своего рода аналогом «зольников», известных на синхронных памятниках степной и лесостепной зоны (второй половины I тыс. до н. э.). Никаких следов частоколов или иных деревянных оборонительных сооружений в теле вала не обнаружено.

В.Ю. Коваль

Институт археологии РАН, Москва

Керамика Востока на Руси на современном этапе исследований

Расширение объемов раскопочных работ в последнее десятилетие резко увеличило объем находок керамики восточного происхождения, обнаруженной при археологических исследованиях в различных частях Руси. Особое внимание привлекают обширные серии поливной посуды, обнаруженные в Нижнем Новгороде, Москве, Гнёздово, Смоленске, Полоцке, Великом Новгороде. Наиболее ранними являются находки из Гнёздово и Полоцка, где обнаружены фрагменты белоглиняных византийских блюд с полихромной подглазурной росписью, датирующихся X–XI вв. В лесной зоне Восточной Европы такие находки редки, поскольку торговые связи с Византией тогда имели специфическую направленность, а изделия из недорогих материалов занимали в ней даже не второстепенное положение. Между тем, расширение банка данных о таких находках показывает, что круг применения византийской ху-

дожественной керамики был значительно шире, чем это представлялось ранее.

Смоленск остается одним из самых мало исследованных археологически городов Руси, поэтому новые находки иранских люстровых фаянсов конца XII – начала XIII в. из этого города представляют интерес уже тем, что фиксируют проникновение экзотической для Южной Руси керамики в узловой пункт Днепровского пути – видимо, единственной торговой артерии, связывавшей в тот момент Киевские земли и Волынь с Ираном.

Недавняя находка китайского селадона в Великом Новгороде (раскопки М.А. Родионовой 2008 г. на Владычном дворе) интересна, прежде всего, своей сравнительно узкой (и при этом довольно ранней) датой: небольшая чаша с плоскоотогнутым краем, относившаяся к продукции печей Лунцюаня конца XIII – начала XIV в., могла попасть в Новгород между 1300

и 1340 г., а ее археологизация произошла в 1340 г. На сегодняшний день эту чашу следует считать наиболее ранним документированным образцом китайского керамического импорта на территорию Руси.

Находки из Московского и Нижегородского Кремлей отличаются своей массовостью и разнообразием типов сосудов. Различие коллекций прослеживается прежде всего по происхождению импортов. В Нижегородском Кремле встречена в массовом количестве поливная керамика, произведенная в городских центрах золотоордынского Поволжья; меньше

находок иранских импортов и совсем редки изделия причерноморского происхождения. В Московском Кремле, при массовости золотоордынских сосудов, гораздо более отчетливо выделяется продукция причерноморского (прежде всего византийского и крымского) производства, а также находки более позднего времени, в том числе турецкая керамика XVI в., китайские импорты XVII в. («Kraak porcelain»).

Новые находки восточной посуды заставляют внести в коррективы представления об ограниченном распространении такой керамики в средневековой Руси.

Л.В. Колединский

Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка, Минск

Древнерусский город Копыль (X – начало XIV в.)

Один из древнейших городов Белоруссии – Копыль (рис. 1) – расположен в 120 км к юго-западу от Минска. Летописные сведения об этом городе крайне скудны и ограничиваются лишь единственным упоминанием о нем под 1274 г., что давало основание некоторым исследователям относить его к числу поселений поздних, не ранее второй половины XIII в.

Между тем археологические материалы, полученные в результате наших раскопок 1996–1999, 2005 и 2007 гг., позволяют говорить о зарождении Копыля как поселения городского типа уже в конце IX – начале X в.

Объектами нашего исследования были площадка, вал и ров детинца летописного Копыля, площадка, вал и ров его окольного города, курганы городского некрополя и сельской округи. Изученная раскопками площадь составляет 675 м², при мощности слоя 1 м. Курганов раскопано четыре. Коллекция индивидуальных находок насчитывает 1042 единицы. Объем отчетов о полевых работах в Копыле составляет более 40 авторских листов.

Материалы раскопок позволяют выделить два периода древнерусской истории Копыля: раннегородской – X–XI вв., и развитого города – XII–XIII вв.

На первом этапе, возможно уже в конце IX в., на территорию будущего Копыля проникают носители культуры Лука-Райковецкая. В курганах с трупосожжением, в окольном городе и во рву, опоясывающем городище, встречается лепная гладкостенная керамика, у которой венчик плавно отогнут наружу, иногда имея с внешней стороны небольшое утолщение. На стенках раннегончарной керамики X в. иногда встречается декор в виде ленты с елочным орнаментом, под которым находятся четырехрядные волнистые линии, образующие восьмерку. Из датированных находок X–XI вв. отметим железные подковообразные фибу-

лы с завитыми концами, ромбические и круглые в сечении. Они встречены на детинце, в окольном городе и в курганах. Кроме того, на посаде, в культурном слое под насыпью оборонительного вала, найдены желтые и синие бусы: ребристая дисковидная, полосатая, лимонка – многочастная пронизка, и полихромная. Керамика XI в. тонкостенная, с характерным для этого времени карнизиком.

Суммируя данные раскопок, можно предположить, что в начале X в. пришло население – дреговичи – заняли территорию, сопредельную с городищем, которое в раннем железном веке занимали носители культуры штрихованной керамики. К X–XI вв. относится большинство курганов городского некрополя с погребениями по обряду кремации. Городище в IX–X вв., скорее всего, использовалось как святилище: культурный слой этого времени невыразителен, материалы этой поры редки. В конце X – начале XI в. на Копыльском городище основывается детинец раннефеодального Копыля, где мог проживать князь либо его наместник. В этот же период здесь, судя по находкам скандинавского происхождения – каменной шашке полусферической формы, накладке на кожаную основу оголовья коня, исполненной в стиле Борре, части ребра животного, на котором вырезано стилизованное изображение воина, где явно угадываются шлем норманнского типа и миндалевидной формы щит, – могла проживать и небольшая группа варягов. По-видимому, к предметам скандинавского происхождения можно отнести и лодочную (или корабельную?) заклепку длиной 62 мм, найденную во рву детинца.

На втором этапе происходят уже качественные изменения в топоструктуре Копыля. Вокруг посада возводятся укрепления – вал и ров. Посад приобретает статус окольного города. Ширина рва окольного города 11 м, глубина – 3 м. Вал окольного города имеет ши-

рину в основании 14 м, сохранился на высоту 2,5 м. Общая длина препятствия укреплений окольного города составляет 7,5–8 м. Оборонительный вал детинца имеет ширину в основании 16–18 м и сохранился на высоту 2,5–3 м. Периметр его по гребню 280 м. Ров детинца, шириной 20 м, достигал глубины 3 м. Общая длина препятствия для детинца составляла 21 м, а с учетом высоты частокола она могла быть 23–24 м.

Материальная культура Копыля этого периода однотипна большинству древнерусских городских памятников. Материалы раскопок представляют весь (или почти весь) спектр бытовой культуры населения, предметов вооружения и украшений, предоставляют данные о хозяйстве: ремесле, земледелии, животноводстве, промыслах, торговле. Последнюю характеризуют находки, происходящие из Византии или ее колоний (более полусотни фрагментов амфор, стеклянный браслет, инкрустированный белой пастой узорами из овальных пятен), Средней Азии (сердоли-

ковые бусы), южнорусских земель (шиферные пряслица), Западной Европы. Среди находок отметим лишь эксклюзивные: золотую подвеску от головного убора (?), серебряный нательный крестик, латунный перстень со щитком, где помещено изображение кривов, обоймицу на кожаные ножны сабли, навершие сфероконического шлема, наконечник копья ланцетовидного типа, писало, цельностальной хирургический нож, пчелиные соты.

В целом, Копыль XII – начала XIV в. можно охарактеризовать как город «средней руки», такой как Слуцк и Клецк, относящиеся к северной периферии Туровской земли, с развитой системой хозяйства, устойчивыми торговыми связями, развитой топоструктурой, где помимо детинца, окольного города, некрополя и сельской округи, возможно, было еще и предградье. В 20-е гг. XIV в. Копыль вошел в состав Великого княжества Литовского. Начался новый период в истории этого поселения.

Калядзінскі Л.У., 2001. Пра паходжанне назвы Капыль // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. № 3. Мінск.
Калядзінскі Л.У., 2009. Капыль–2007: вынікі палявых даследаванняў // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск.

Колединский Л.В., 2009. Археологические источники о раннем, долетописном периоде истории Копыля (IX–XIII вв.) // Гістарыяграфія і крыніцы па гісторыі гарадоў і працаў урбанізацыі ў Беларусі. Гродна.

С.А. Кравченко

Азовский музей-заповедник, Азов

О гончарном ремесле Азака

В средневековом Азаке – одном из крупнейших центров Золотой Орды – наряду с купцами, аристократией и другими социальными группами было сосредоточено большое количество ремесленников, занимавших целые кварталы. Среди разных ремесел, исследованных в городе многолетними археологическими раскопками, следует выделить гончарное производство. Его следы впервые обнаружила в 1961 г. экспедиция под началом Л.М. Казаковой в траншее по ул. Калинина, 51/19, где были доследованы остатки двух гончарных горнов. С 1961 г. по настоящее время в Азове раскопано 12 гончарных мастерских с 19 горнами. По остаткам гончарного брака, скопленю сепав и полуфабрикатов поливной керамики приблизительно локализованы еще две мастерские (в районе раскопов по ул. Чехова, 3, ул. Московской, 7, у кинотеатра «Родина», а также в юго-восточной части города – по ул. Крымской, 7, и ул. Красноармейской у пожарной части). Кроме того, зафиксированы разбросанные по городу отдельные следы керамического производства.

Большинство гончарных мастерских сосредоточено в юго-западной части города. Они располагались к западу от могильника на ул. Чехова – раскопы по ул.

Калинина, 51/19 (1961), ул. Макаровского, 15 (1971), ул. Чехова (Дом быта «Юбилейный»; 1975), ул. Кирова (1978), ул. Макаровского, 29Б (1983), ул. Газеты «Известия» (1988), ул. Ленинградской (1992), ул. Калинина, 73 (2005) – и образовывали гончарный район, функционировавший, судя по нумизматическим данным, с 1320-х гг. до конца XIV в. (время правления Тохтамышша). Однако самый ранний комплекс, датированный 1315–1316 гг., расположен на отдалении от квартала гончаров, в центральной части городища Азак, по ул. Измайлова. В юго-восточной и центральной частях города исследованы 4 гончарных комплекса: по ул. Ленинградской, 62 (1982), ул. Комсомольской (1989), ул. Измайлова 38/82, (2000), ул. Социалистической, 61А (2006). Некоторые мастерские, к сожалению, точно датировать нельзя.

Конструкции гончарных горнов Азака в целом идентичны: это вертикальные двухъярусные купольные печи с восходящим движением газов, без опорного столба¹, восходящие своими традициями к гончарным печам салтово-маяцкой культуры. Основным топливом для этих печей служил камыш, с добавлением древесины и костей животных.

1 Единственная в Азаке гончарная печь с опорным столбом была найдена на раскопе по ул. Измайлова в 2000 г.

При раскопках керамические мастерские, как правило, диагностируются по находкам гончарных горнов. В отдельных случаях мастерскую можно выявить по находкам ям с керамическим браком или печным припасом. Раскопками в Азаке были исследованы мастерские с одним, двумя и тремя гончарными горнами. Некоторые горны встроены в большие землянки, а некоторые стоят отдельно.

Накопленный материал позволяет сказать несколько слов и об организации гончарного производства в Азаке. В городе работали две группы мастеров, имеющие различные генетические корни. Первая группа изготавливала неполивную керамику низкого технологического уровня, связанную с местными гончарными традициями. Вторая группа занималась изготовлением высокотехнологичной неполивной и поливной керамики, связанной с пришлыми традициями, которые ранее в данном регионе не фиксировались. Мастера разных традиций не работали в одних мастерских, но концентрировались в одном районе, и их усадьбы могли находиться по соседству. Наряду с мелкими индивидуальными мастерскими можно говорить о существовании в Азаке артелей. Следы работы артели, эксплуатировавшей один гончарный горн, обнаружены на раскопе по ул. Ленинградской, 62 (1984). В яме 45 зафиксирован одновременный выкид керамического брака, среди которого выделяются днища сосудов с отпечатками как минимум трех гончарных кругов: с отпечатком центральной оси (7 экз.), с клеймом в виде концентрической окружности (10), с отпечатком трещины на круге (5).

Среди продукции отдельных мастеров можно выделить большие партии идентичных по формам и размерам сосудов. Это говорит о высокой стандартизации гончарных изделий. Например, в гончарном комплексе по ул. Макаровского, 15 (1971) обнаружена партия

идентичных бракованных копилочек специфической реповидной формы. В котловане под дом быта «Юбилейный» (1975) в одном комплексе найдена партия одинаковых по размерам и форме миниатюрных афтоб. В яме 49 с керамическим браком по ул. Ленинградской, 62 (1982) встречено большое количество фрагментов идентичных афтоб, кувшинов и горшков.

По предварительным подсчетам, мастеров первой группы в Азаке могло работать несколько десятков, а второй – менее десятка. При этом с конца 1330-х гг. прослеживается, особенно у мастеров первой группы, общая стандартизация продукции не только по морфологическим, но и по приспособительным признакам (режим обжига, состав формовочной массы). Таким образом, можно сказать, что в Азаке существовал некий механизм, обеспечивающий стандартизацию, направленную на увеличение объемов изготавливаемой продукции. Находки большого количества азакской керамики первой группы за пределами города – как в ближайшей округе, так и на большом удалении, в сотнях километрах от города, – позволяют сделать вывод о налаженных рынках сбыта данной продукции и очертить границы экономического влияния Азака. Однако общий уровень развития гончарного ремесла в Азаке по сравнению с Нижним Поволжьем достаточно низок. Размеры и объемы производства азакских мастерских сильно уступают столичным. В Азаке не обнаружено ни одной крупной мастерской. Многие мастерские первой группы имели узкую специализацию, выпуская 2–3 вида изделий. Более высокотехнологичной керамики второй группы не хватало для торговли на внешнем рынке. Малое количество мастеров могло обеспечить лишь потребности города, кроме того, ей сложно было конкурировать с высококачественной поливной керамикой из юго-восточного Крыма. Поэтому за пределами Азака она практически не встречается.

М.Г. Крамаровский

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Беглербег Мамай и оборонительная система Солхата

Солхат-Крым – золотоордынский город XIII–XIV вв., не имевший ни античного, ни ранне-средневекового прошлого, – расположен в долине у подножия второй Крымской гряды, за которой лежат степи Восточной Таврики.

Город XIII–XIV вв. сложился на торговом тракте, ведущем из предгорья Восточного Крыма в степь. Главная торговая дорога Солхата имела градообразующее значение. Она разделила город (220 га) на две неравные части. Мусульманские кварталы заняли

всю центральную часть городища, потеснив застройку греческой, армянской и еврейской общин.

Когда же в Солхате появляются стены и вырастает ли город из крепости? В сущности, это два разных вопроса, имеющих разные исследовательские векторы. До последнего времени основные предположения о генезисе города основывались на наблюдениях над семантикой «ключевых» слов топонимического ряда. Учитывая, что до сих пор на городище не выявлены слои ранее середины XIII в., трудно согласиться с предположением

о связи монгольского «хэрэм», или тюркского «кырым», с реальными городскими стенами раннемонгольского города: Чингизиды не строили крепостей и срывали стены старых городов на подчиненных им территориях. В золотоордынских городах фортификационные сооружения (но только в виде рвов и валов) появились только в шестидесятых годах XIV в. в связи с борьбой за власть между кланами батуидов и ордуидов – Белой и Синей орды. Этой судьбы не избежал и Солхат.

О начале сооружения первых фортификационных сооружений Солхата-Крыма в виде рвов и валов сообщает армянский источник под 1363 г. На самом деле тревога оказалась если и не ложной, то все-таки не вполне состоятельной. Беда пришла спустя несколько лет. Из записей на полях Лекционария 1365 г., хранящегося в Матенадаране (Памятные записи... 1950. С. 467, 468), мы узнаем, что 23 августа 1365 г. в одном дневном переходе от Солхата в Карасу (Карасу-Базаре) находится темник Мамай вместе с «бесчисленными татарами». Горожан и всех людей, прибывших под защиту Солхата из разных мест, привела в ужас нависшая над населением края угроза расправы. Прежде чем обратиться к анализу фактов, отметим отсутствие в наших свидетельствах упоминаний о строительстве городских стен.

В исторических свидетельствах стены Солхата-Крыма впервые упомянуты лишь в середине XV в. венецианцем Иосафато Барбаро (Барбаро и Контарини о России... 1971. С. 15). В середине XVII в. турецкий путешественник Эвлия Челеби видел остатки стен Солхата. Он даже прошагал по их периметру. «Обмер» составил 17000 шагов; стены, по свидетельству путешественника, были сложены из гладко отесанных каменных блоков (Evlia Çelebi... 1928. С. 659). Вероятно, под этим следует понимать, что обработке подверглись камни лицевого панциря. Сейчас от городских стен не осталось и следа.

Некоторые объективные данные об оборонительном поясе города дошли до нас в виде топосъемки XVIII в. На плане города, составленном около 1783 г. (ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 22608), периметр стен достигает 6734 м. Стены усилены 28 башнями (видимо, картограф учитывал лишь хорошо сохранившиеся следы башенных руин). Величина куртин зависит от рельефа местности, но расстояние между башнями на гребне юго-восточного отрога Малого Агармышша, отделяющего долину от степи, достигает 90 м. На аэрофотосъемке 1973 г. (Архив ИА. № 2201 – 51033) по гребню отрога Малого Агармышша прослеживается четкая линия стены и основания пяти прямоугольных башен со стороны около 10 м. Междубашенное расстояние составляет от 75 до 100 м. Уже А.Л. Бертье-Делагард обратил внимание на несовпадение линий рва и городских стен, отступающих на восточных участках от «первой» линии обороны «на полет стрелы» (Бертье-Делагард, 1914). В связи с этим можно думать, что планом XVIII в. зафиксированы две не связанные между собой линии городской обороны: первая – в виде рвов и вала, и вторая – в виде каменных стен с остатками башен.

А.П. Григорьев считал, что стены Солхата-Крыма возведены Мамаем за пять лет с 1375 г. (Григорьев, 2003. С. 28). Вероятно, так и было (объективные данные о хронологии строительства отсутствуют). Работами в сезонах 2009 и 2010 гг. установлены важные детали.

Толщина стен у основания была не менее 2,5 м. Кладка велась панцирным методом из местного мраморизованного известняка на известковом растворе; промежутки заполнялись бутом на растворе. В кладках панциря использовались крупные блоки с рваными краями. Внешние поверхности облицовывались квадратами пиленого привозного известняка, обработанного зубаткой (отсюда и впечатление Эвлии Челеби о гладких стенах оборонительной стены). Способ укладки фундамента на субструкциях, выравнивающих неровности поверхности, отделка стен из мраморизованного известняка более мягкой породой светло-серого песчаника выдают местную строительную традицию. Такая облицовка обычно применялась в Солхате при возведении стен крупных общественных сооружений. Судя по находкам сколов резных камней, лицевые кладки стен Солхата содержали декоративные вставки из того же известняка, что и основная облицовка. Декоративные элементы в облицовках крепостных стен использовали сельджуки Анатолии. Вместе с тем, есть серьезные сомнения в том, что оборонительный пояс города, снабженный 65 башнями (нами вскрыта одна), при всем его размахе был способен эффективно противостоять действию камнеметной артиллерии противника.

Итак, наши данные позволяют предположить:

1. Оборонительный комплекс Солхата возник в период между 1362 и 1380 гг. Он возводился в два разномасштабных этапа, первый из которых – сооружение рва и земляного вала – был задуман Кутлугбугой и относился к 1362–1365 гг., второй – строительство каменных стен – к 1375–1380 гг. и был осуществлен Мамаем.

2. Судя по планиметрии, инженерной связи между комплексами нет. Каждый из них был вызван к жизни своими причинами, целеполаганием и техническими параметрами. Первый носил импровизированный характер и был предназначен для обороны города от литовской угрозы. Второй, основанный на системе регулярной фортификации, обладал чертами столичной генерализации, рассчитанной на продолжительное время. Эксперимент Мамай, я полагаю, в целом был направлен на придание городу столичного облика и, разумеется, на сдерживание генуэзской экспансии. В короткой перспективе расчет оправдался: на Куликовом поле генуэзцы оказались на стороне Мамай.

3. Если наши расчеты объемов строительных работ верны (около 220000 м³), есть все основания полагать, что строительство стен подорвало экономику города. Настолько, что после поражения в сентябре 1380 г. средств на отпор войскам Тохтамышша уже не хватило.

4. Решающая угроза – тимуровская, в лице Тохтамышша (убит в 1406), хана Синей Орды (1379–1381), затем объединенной Золотой Орды (1381–1395, 1398) – не могла возникнуть совсем уж неожиданно.

Скорее всего, окончательное поражение было связано не только с тактическими или военными просчетами всесильного, казалось, беглербега, но и с общей усталостью населения Солхата и всего полуострова от его непомерной активности. К осени 1381 г. Мамаем

в Крыму был исчерпан человеческий ресурс. Городские стены, усиленные 65 башнями, что, безусловно, феноменально с точки зрения оборонительного комплекса в Золотой Орде, здесь уже помочь не могли. После 1395 г. они – колыбель Крымского ханства.

Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XVI в. М., 1971.

Бертъе-Делагард А.Л., 1914. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. Одесса.

Григорьев А.П., 2003. Загадка крепостных стен Старого Крыма // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. Вып. 4 (№ 26).

Evliya Çelebi seyahatnamesi. Istanbul, 1928.

Д.А. Кубанкин

Саратовский областной музей краеведения, Саратов

Древнерусское население золотоордынского города Укека

Среди археологических материалов с Увекского городища часто встречаются вещи, принадлежавшие древнерусскому населению. Нам удалось выделить два участка, на которых наблюдаются их скопления.

Первый участок располагается возле ранее прослеживавшегося южного вала, на территории бывших складов Нобеля, к юго-востоку от Мамайского шихана (рис. 1: 1). Здесь часто встречается древнерусская керамика.

Находки культового назначения: 1) шиферная иконка с рельефным изображением Спаса на престоле (Кубанкин, 2006. С. 21, 25); 2) бракованная бронзовая иконка с изображением Георгия Победоносца, датируемая М.Д. Полубояриновой XIV в. (Полубояринова, 1978. С. 96, 97); 3) иконка из темного камня в виде квадрифолия с рельефным изображением полуфигуры ангела в профиль. По мнению Н.Г. Порфиридова, иконка сделана в XI–XII вв. в Византии, откуда попала на Русь, а затем в Укек (Порфиридов, 1975. С. 122); 4–6) 2 фрагмента креста-мошевика и одно ушко креста или иконки (раскопки 1994 г.); 7) фрагмент каменного тельного крестика (раскопки Д.А. Кубанкина, 2010 г.).

Отдельно следует отметить находку местными жителями комплекса вещей, купленных у них в разное время Л.Ф. Недашковским и Д.Г. Бариновым: это два бронзовых зеркала (Недашковский, 2000. С. 58, 59. Рис. 11, 2, 3), три кашинные пиалы, датируемые XIV в., бронзовая составная лампа, бронзовая лампада или кадило (рис. 1: 2). Возможно, эти вещи происходили из сгоревшего жилища. Они были найдены рядом с раскопом 1994 г., откуда происходят предметы № 4–6.

Итак, южный участок городища содержит многочисленные находки древнерусской посуды и предметов религиозного назначения. Отсутствие документации о раскопках 1994 г. не позволяет нам четко датировать обнаруженные здесь предметы. В раскопках

Д.А. Кубанкина, проводившихся на «первом участке» в 2010 г., слой с древнерусскими находками условно датируется монетным материалом последней трети XIII – началом XIV в.

Второй участок располагается в районе ранее прослеживавшегося северного вала, у современной станции Увек. Раскопки в этой части города не проводились. В результате сборов здесь обнаружены следующие вещи: 1) шиферная иконка с изображением Гроба Господня, датируемая XIII в. (Николаева, 1983. С. 146); 2) бронзовый крест с ушком, датируемый М.Д. Полубояриновой XIII в. (Полубояринова, 1978. С. 98, 99); 3) крест-мошевик (?) в составе клада из 46 серебряных монет в глиняном сосуде, вместе с медным топором и двумя медными чашечками (Кубанкин, 2006. С. 20).

Археологические находки свидетельствуют о компактном проживании некоторой части древнерусского населения на окраинных участках Укека.

Данные письменных и вещественных источников позволяют утверждать, что в городе проживала крупная христианская древнерусская община. Многочисленные находки предметов христианского культа (кадило, лампы, детали хороса) вместе с древнерусской керамикой свидетельствуют о существовании здесь средневековой церкви.

Часть древнерусского населения имела низкий социальный статус. Обилие низкосортной глиняной посуды древнерусского облика на фоне многочисленной и более качественной керамической продукции золотоордынских городов указывает не только на культурные традиции, но и на низкий уровень доходов ее владельцев.

Известно о присутствии в Золотой Орде большого количества русских рабов (Полубояринова, 1978. С. 34–43). Однако в городе работали мастера, изготов-

лявшие украшения и культовые изделия для древнерусского христианского населения. На Увекском городище найдена литейная форма для отливки звездчатых колтов в подражание более дорогим ювелирным изделиям (Спицын, 1914. С. 101, 102). Здесь же найдены бракованные фрагменты литых бронзовых иконок и крестов-мощевиков. Полагаем, что их производили для продажи, в том числе христианскому населению города Укека и его округи. На Увекском городище и на сельских памятниках округи известны находки литых иконок и крестов. Вряд ли все они были привезены из русских княжеств.

Покупать продукцию местных мастеров могли также русские купцы и представители русской знати. Присутствие в Укеке высокопоставленных лиц

из древнерусских княжеств подтверждают найденные там печати: 1) каменная печать князя Михаила (рис. 1: 3), датируемая первой четвертью XIV в. (Кубанкин, 2008); 2) костяная печать Семена, датируемая концом XIII – XIV в. (Крамаровский, 1999. С. 40–48). Если каменная печать князя вместе с перстнем могла попасть в Укек в качестве трофея, то костяная печать вряд ли представляла такой интерес. Наиболее вероятно, что она попала в Укек вместе со своим хозяином.

Приток древнерусского населения в Укек обеспечивался благодаря его географическому положению. Город граничил с русскими княжествами, являлся удобной факторией на Волге по пути из русских княжеств в Сарай, находился у переправы к ханским кочевьям. Поэтому число постоянно или временно про-

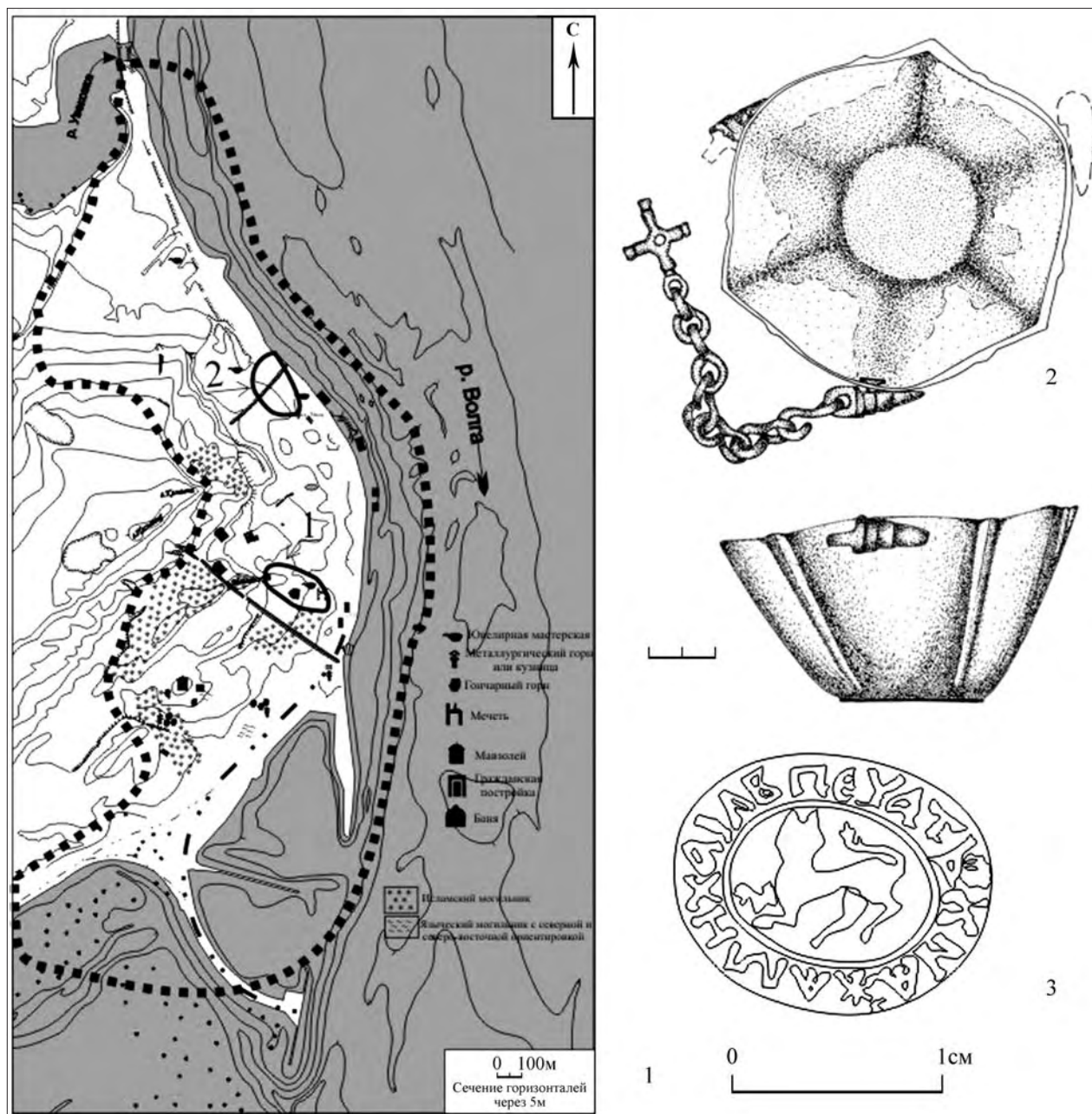

Рис 1

Увекское городище и находки, обнаруженные на нем

1 – план городища с условными границами скопления древнерусских находок; 2 – бронзовая лампада (кадило?) найденная в 1994 г.; 3 – прорисовка оттиска с печати князя Михаила, найденной в 1870-х гг.

живающих людей из русских княжеств было велико. Здесь существовала русская христианская община, которая проживала локально на окраине города и имела собственную церковь. Социальное положение ее членов было различным. Сведения путешественников о древнерусском населении в Золотой Орде, а также археологические материалы с Увекского го-

родища, говорят о присутствии среди представителей древнерусской общины Укека литейщиков-ювелиров, рыбаков, лодочников на переправе, купцов и священников. Полагаем, что рабы не входили в состав общины и проживали в различных частях города. Через город могли проезжать древнерусские князья, направлявшиеся в Сарай или в кочевье хана.

Крамаровский М.Г., 1999. Печать конца XIII – XIV в. с исламским вариантом христианской легенды об отроках из Эфеса // Татарская археология. № 1–2.
Кубанкин Д.А., 2006. К вопросу о существовании в Укеке русской общины // Народы Саратовского Поволжья: история, этнография и современность. Саратов. (Тр. СОМК. Вып. 7.)
Кубанкин Д.А., 2008. Находка на Увекке печати «князя Михаила» // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 8.

Недашковский Л.Ф., 2000. Золотоордынский город Укек и его округа. М.
Николаева Т.В., 1983. Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV вв. // САИ. Вып. Е1–60.
Полубояринова М.Д., 1978. Русские люди в Золотой Орде. М.
Порфиридов Н.Г., 1975. История одного изображения в древнерусском искусстве // Древнерусское искусство. Зарубежные связи. М.
Спицын А.А., 1914. Некоторые новые приобретения Саратовского музея // ИАК. Вып. 53.

А.В. Курбатов

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Программа изучения средневекового русского кожевенного ремесла

Изучение кожевенного ремесла средневековой Руси идет по трем основным направлениям: технико-технологическому, вещеведческому и культурологическому. В последние годы начинает выделяться и четвертое – декоративное направление. Изучение ремесла предполагает широкий охват всех источников – археологических, письменных, изобразительных, этнографических. Современное состояние изучения ремесла и некоторые перспективы дальнейшей работы обсуждались в работах А.В. Курбатова (2004; 2007) и Д.О. Осипова (2006). При рассмотрении материалов отдельных русских городов – Твери и Москвы – авторы обращали внимание и на аналогичные разработки за рубежом.

Программа изучения охватывает все стадии и аспекты самого кожевенного производства, сферу использования кожи и кожаных изделий в быту и производстве. Учитывается и отражение названных направлений в памятниках древней и средневековой письменности, археологии, этнографии, изобразительных материалах.

Для разработки, прежде всего, археологических источников принципиально важной является потребность в увеличении их объема, расширении географии, насыщении отдельных хронологических периодов. При этом выделяются три уровня понимания материала: 1) археологическая систематизация; 2) упорядочение археологических материалов в рамках конкретного историко-культурного процесса; 3) археологиче-

ские предметы как признаки палеоэтнографического отражения жизнедеятельности.

Обработка археологических коллекций кожаных предметов позволяет сформулировать общие черты этого вида источников.

1) Каждый памятник имеет особенности формирования культурного слоя, что определяет возможную дискретность отдельных массивов кожаных предметов в стратиграфически последовательных слоях. Поэтому необходимы выделение блоков находок для каждого слоя (строительного яруса) и их самостоятельный анализ. Датировка комплексов в смежных слоях может быть достаточно условной.

2) Масса кожаных предметов содержит по меньшей мере два блока исторической информации, отражающей а) общую картину жизни на поселении в конкретный период и б) сведения о жизни и быте отдельных членов общества. «Безымянность» археологических находок не отрицает личностной формы использования вещей, что позволяет выделять общественный стереотип утилизации вещей. Такая «личностная оценка» дает знания о характере реальных жителей древнего города – потребителей товаров и производителей, что освещает палеоэтнографию города.

3) Сравнение аналогичных изделий, близких по времени пошива, на разных поселениях не затеняет индивидуальности каждого изделия и присущих каждому поселению признаков и особенностей. Выделить признаки изделий, характерные только для дан-

ного поселения применительно к короткому временному отрезку, можно на больших выборках однотипных изделий по условно «закрытым комплексам».

4) Серийность однотипных изделий, по форме и манере пошива, позволяет выделять новые, ранее неизвестные виды кожаной продукции.

Признание самостоятельной важности региональных материалов можно показать на примере коллекций Новгорода. Крупная коллекция Неревского раскопа была введена в научный оборот С.А. Изюмовой и стала своего рода эталоном научного анализа на то время. Она позволяет сравнивать новооткрытые комплексы разных городов с новгородскими материалами. В ряде городов можно выделить формы, конструкции и декор изделий, пошитых в Новгороде или сделанных в этих городах выходцами из Новгорода. В то же время, продолжающееся поступление нового материала из раскопок в Новгороде требует постоянного наблюдения, начиная с полевого этапа, анализа кожаных предметов в контексте открываемых сооружений и всего комплекса находок. Такая задача под силу только исследователю, ограничивающему себя рамками одного города. Такое понимание важности региональных разработок может быть применимо и к другим средневековым центрам, обеспеченным постоянным поступлением нового обширного материала.

К направлениям, требующим более пристального внимания археологов, надо отнести повышение информативности кожаных материалов, рассмот-

ренных в их связи с жилищно-хозяйственными комплексами. При этом следует обращать особое внимание на представительные коллекции, объем которых превышает несколько тысяч экземпляров, учитывая и обрезки. Для глубокого понимания условий и особенностей повседневной жизни средневековых людей важны статистические данные по износу и деформации кожаных изделий. Также требует внимания возможность интерпретации находок и выделения неизвестных ранее изделий, в том числе и уникальных. Например, недавно были выделены *путцы* и *клобучки* – принадлежности ловчих птиц, а также рабочие кожаные фартуки и особые воинские сапоги на подметках из очень толстой кожи, подбитые по периметру железными гвоздями с широкой шляпкой (рис. 1). Еще недостаточно изучены и медицинские аспекты ношения обуви в средневековье, в частности особенности деформации обуви при органических поражениях стопы.

Следует отметить и важность дискуссионного направления – археологии Нового времени, – в рамках которого появляется все больше археологического материала, например, в Твери, Владимире (Курбатов, 2008). На сегодня самую крупную коллекцию этого периода дали раскопки крепости Ниеншанц на территории г. Санкт-Петербурга. Здесь, в частности, зафиксирована крупнейшая коллекция обуви конца XVII – XVIII в. с клеймами производителей, оттиснутыми на нижней стороне подошвы.

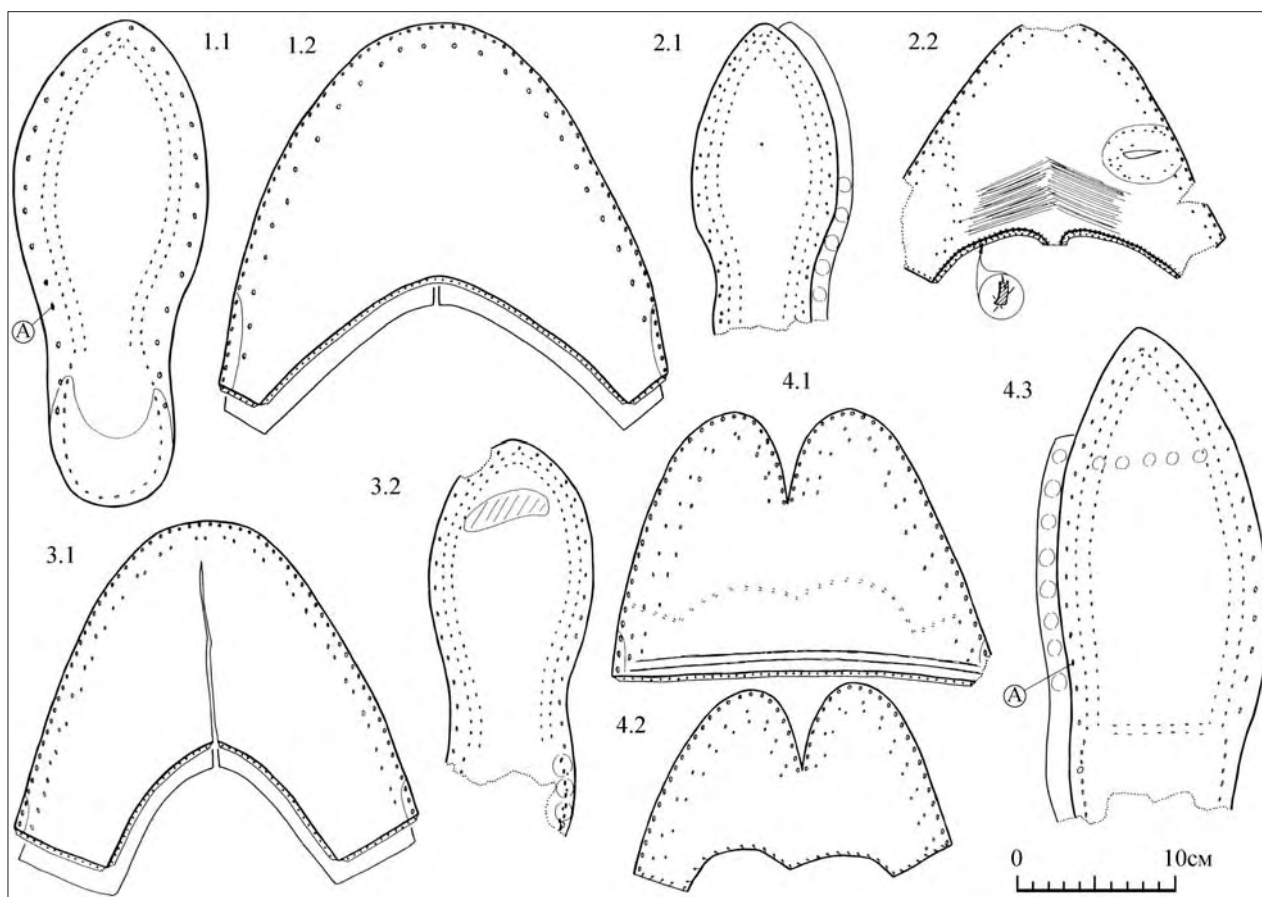

Рис. 1
Псков. Петровский VIII раскоп (2007 г.). Раскройки деталей воинских сапог

Керамика города Мохши (своеобразие керамического производства)

В начале XIV в. административно-политическим и торгово-ремесленным центром северных земель Улуса Джучи стал город Мохши.

Вероятно, в Мохши часть ремесленников селилась по профессиональному признаку, локализованная по кварталам и улицам. Ремесленные кварталы занимали центральную и северо-восточную части Мохши. Здесь найдены два производственных комплекса, связанных с обжигом красноглиняных неполивных изделий.

Другая часть ремесленников проживала в аристократических усадьбах. Скопление усадеб зафиксировано на западной окраине, на «Мелюковском поле». Здесь обнаружены два горна для обжига кирпича, которые относятся к третьему производственному комплексу. На сегодняшний день в Мохши исследовано три комплекса, связанных с керамическим производством.

Первый производственный комплекс, раскопанный экспедицией под руководством А.Е. Алиховой в 1957 и 1959 гг., включает в себя общую околотопочную яму и два горна для обжига неполивной красноглиняной керамики (Алихова, 1957. С. 3–5; 1959. С. 4–7). Оба горна относятся к типу двухъярусных периодически действующих, с восходящим движением газов. По форме камеры для обжига они относятся к классу круглых горнов со сплошным перекрытием топочной камеры с продухами (Васильева, 1993. С. 151–152). Только горн 1 имеет в топочной камере столбовое опорное устройство (рис. 1: 1). Горны были сооружены и начали работать одновременно. Монетный материал датирует прекращение работы к началу 1360-х гг. Аналогичные горны известны на Селитренном, Водянском, Царевском, Болгарском городищах.

К юго-западу от первого располагался *второй производственный комплекс*, включающий в себя двухкамерный круглый горн, околотопочную яму и хозяйственную постройку (рис. 1: 2). Его исследовала экспедиция Марийского госуниверситета под руководством Ю.А. Зеленева в 1989–1990 гг. (Зеленев, 1989. С. 8; 1990. С. 6). Раскопанный горн аналогичен горнам Волжской Болгарии золотоордынского периода, существовавшим в небольших сельских ремесленных центрах (Васильева, 1993. С. 155).

При раскопках обоих производственных комплексов была найдена красноглиняная неполивная керамика традиционных золотоордынских форм, часть которой орнаментирована, украшена лощением и покрыта красным ангобом.

Третий производственный комплекс из двух горнов для обжига кирпича (рис. 1: 3) был раскопан в 1963 г. экспедицией под руководством А.Е. Алиховой на «Мелю-

ковском поле» (Алихова, 1963. С. 5–10). Оба горна относятся к типу двухъярусных периодически действующих, с восходящим движением газов. По форме обжигательной камеры они относятся к классу прямоугольных горнов с несплошным перекрытием, образованным плоским горизонтальным завершением арок, через которые горячие газы проникали в камеру обжига (Васильева, 1993. С. 152). Аналогичные горны известны на Селитренном, Болгарском городищах, в Воронежской области, в Сарайчике. Продукция всех пяти горнов была предназначена для местного потребления и использовалась населением Мохши и его округа.

Керамический комплекс состоит из трех компонентов: красноглиняной золотоордынской керамики; местных подражаний болгарской и золотоордынской керамике; мордовской лепной керамике (рис. 1: 4).

Красноглиняная золотоордынская керамика. В Мохши присутствуют две местные группы неполивной красноглиняной керамики:

1) Отдел I – неполивная керамика. *Подотдел 1* – без ангоба и лощения. *Виды изделий:* хумчи, тарные кувшины, крупные кувшины, амфоровидные кувшины, афтоба, котлы, горшки, гульбаданы, ямы, трубы. *Подотдел 2* – с лощением. *Виды изделий:* хумчи, крупные кувшины. *Подотдел 3* – с ангобом и лощением. *Виды изделий:* крупные кувшины, афтоба, двуручные горшки;

2) Отдел II – неполивная керамика. *Подотдел 1* – без ангоба и лощения. *Виды изделий:* чаши на кольцевом поддоне. *Подотдел 2* – с ангобом. *Виды изделий:* чаши на кольцевом поддоне, крышки, светильники.

Местные подражания болгарской и золотоордынской керамике. Мордовские мастера стремились придать своим сосудам форму болгарской или золотоордынской посуды. Используя местную технологию, они изготавливали посуду определенных форм и покрывали ее темно-красным ангобом, поверх которого наносили декоративное лощение. *Виды изделий:* невысокие горшки с максимальным диаметром тулова на середине высоты, чаши, острореберные миски.

Мордовская лепная керамика. Мордовские мастера изготавливали лепную керамику с примесью шамота, дресвы, песка. *Виды изделий:* горшки с цилиндрическим горлом, переходящим в профилированное тулово, и острореберные миски.

Также в Мохши найдены привозные изделия: поливная красноглиняная и кашинная керамика из Нижнего Поволжья, болгарские кувшины, русские горшки, кувшины с зеленой поливой из Крыма, сероглиняные штампованные кувшины из Хорезма.

Итак, в золотоордынском городе Мохши сформировался смешанный керамический комплекс, кото-

рый укладывался в стандарты, существовавшие на всей территории Улуса Джучи.

Алихова А.Е., 1959. Отчет о раскопках города Мохши в г. Наровчат Пензенской области в 1959 году // Архив ИА. Р-4. № 1910.
Алихова А.Е., 1963. Отчет Наровчатской археологической экспедиции за 1963 г. (Пензенская область, с. Наровчат) // Архив ИА. Р-1. № 2770.

Васильева И.Н., 1993. Гончарство Волжской Болгарии в X–XIV вв. Екатеринбург.
Зеленев Ю.А., 1989. Археологические исследования в Наровчатском районе Пензенской области в 1989 г. // Архив ИА. Ф-1. Р-1. № 13631.
Зеленев Ю.А., 1990. Отчет о раскопках на Наровчатском городище (г. Мохши) в 1990 г. // Архив ИА. Ф-1. Р-1. № 16508.

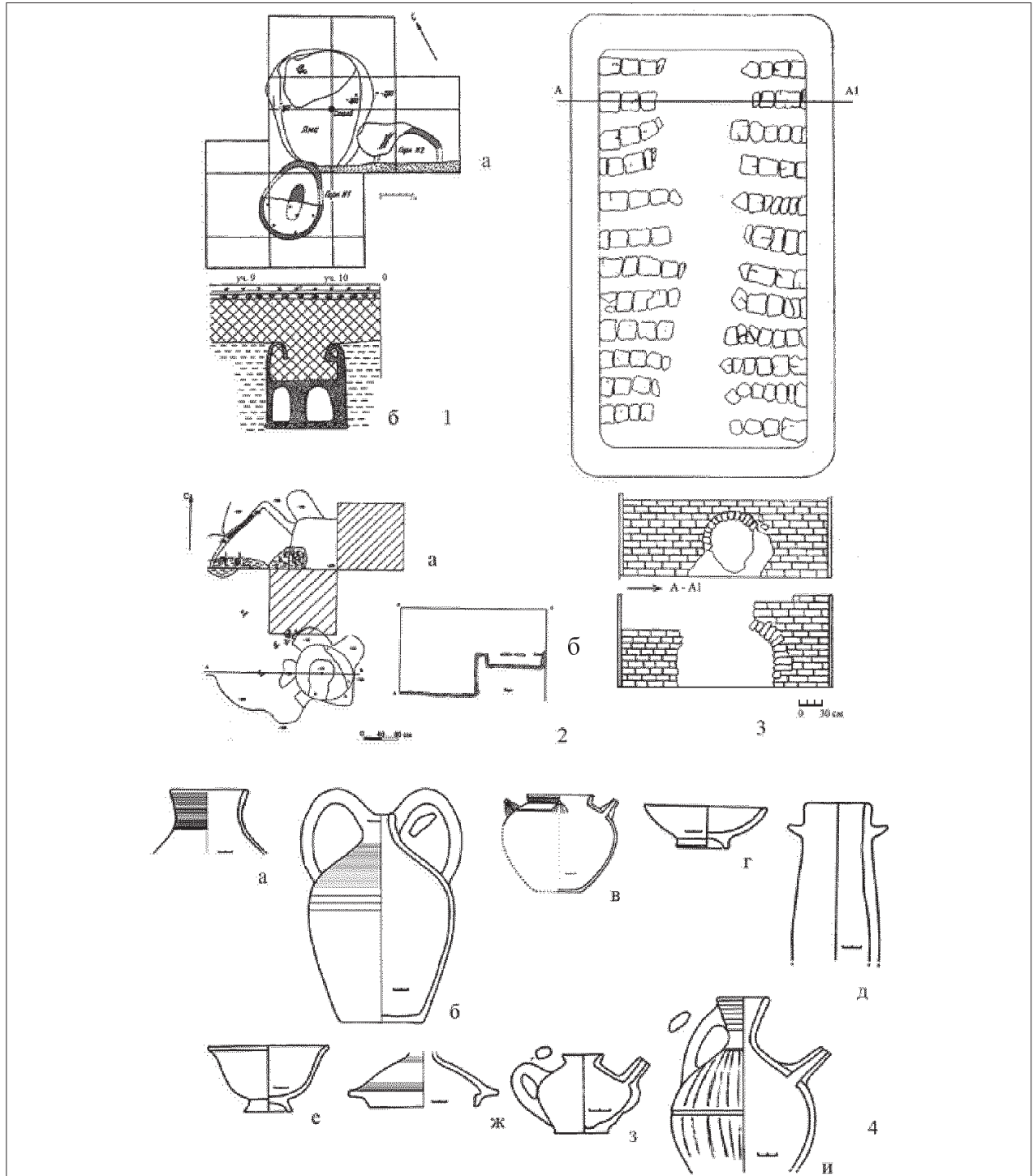

Рис. 1

Керамическое производство Мохши

1, 2 - горны для обжига керамики; 3 - горн для обжига кирпича; 4 - формы неполивной красноглиняной керамики: а - тарный кувшин; б - амфоровидный кувшин; в - гулябдан; г - чаша на кольцевом поддоне; д - труба; е - чаша на кольцевом поддоне ангобированная; ж - крышка ангобированная; з - светильник-чайничек ангобированный; и - афтоба с ангобом и лощением. 1, 3 - по А.Е. Алиховой; 2 - по Ю.А. Зеленеву и Е.Е. Бочкаревой

Летописный Друцк (к 1010-летию древнего города)

Комплекс археологических памятников летописного Друцка расположен на территории современного агрогородка Толочинского р-на Витебской обл. Республики Беларусь. Он состоит из двух возвышенностей, укрепленных земляными валами и рвами (детинец и окольный город), а также окружающих их поселений III–XVII вв. и могильников IX–XVII вв.

В исследовании друцкого комплекса выделяются два этапа. На первом (1956–1962, 1965 и 1967 гг.) российский археолог Л.В. Алексеев исследовал детинец, вскрыв около 1800 м² (раскопы I–XXII, часть которых не была доведена до материка), и сделал врезку в вал окольного города (раскоп XXIII) площадью 20 м². Он же раскопал 3 кургана с кремацией на противоположном детинцу и окольному городу возвышенном берегу р. Друть, датировав их X–XI вв. (Алексеев, 2002. С. 74–91).

Второй этап изучения археологических памятников, относящихся к летописному Друцку, начат автором данной публикации в 1999 г. и продолжается до настоящего времени. В 1999–2000 гг. изучались детинец (раскоп площадью 100 м² прирезан к южному краю раскопа XVI-M. 31 Л.В. Алексеева) и окольный город (132 м²), сделана прорезка между валами детинца и окольного города (48 м²). На посаде заложены два раскопа общей площадью 196 м², а в 2008–2009 гг. – еще два, общей площадью 80 м². Проведена обширная разведка на территории агрогородка Друцк и в его окрестностях. Выявлены прилегающие к укрепленным частям летописного Друцка селища III–VIII вв., а также остатки трех курганных могильников. В 2008–2009 гг. исследован курган с 38 погребениями середины XII в. (Левко, 2010. С. 261–267).

Установлено, что окольный город летописного Друцка стратиграфически имел предматериковый слой племенной поры, датируемый VIII–X вв., выше которого располагались слои XI–XVI вв., аналогичные зафиксированным Л.В. Алексеевым на детинце. На территории посада, окружавшего укрепленную часть древнего города Друцка, стратиграфически выделяются слои, относящиеся к X–XII и XIII–XVII вв. Нижний слой посада невозможно расчленить на догородской и раннегородской, т. к. он имеет небольшую толщину (до 0,4 м) и датирующие предметы залегают в нем на разной глубине. Верхний слой, относящийся к периоду ВКЛ, часто прорезает нижние напластования, смешиваясь с ними и уходя в материк на 1–1,5 м. Это ямы от подклетов жилых построек XV–XVII вв. – периода, когда детинец и окольный город представляли собой замок друцких князей, а территорию древнего город-

ского посада занимало средневековое местечко. Таким образом, по материалам раскопок в укрепленной части и на посаде летописного Друцка можно проследить три этапа в его развитии: 1) племенной (укрепленный центр на будущем окольном городе с прилегающими селищами VIII–X вв.); 2) раннегородской (представлен детинцем, окольным городом и посадами); 3) средневековый (представлен замком с местечком).

Важной составляющей данного комплекса являются курганные некрополи и грунтовые погребения. Видимо, исследованный Л.В. Алексеевым в 1957 г. могильник за р. Друть, по обряду погребения и хронологически соответствует племенному этапу существования Друцка (X в.).

Для второго этапа развития летописного Друцка в качестве центра удельного княжества характерен материал раскопанного О.Н. Левко кургана с массовым единовременным захоронением из 38 погребений (рис. 1). Установлено, что помимо княжеского погребения ребенка 6–8 лет в подкурганной яме, на горизонте и в насыпи кургана находились еще три уровня погребений, в которых похоронены свита княжича, его слуги и рабы. В верхних двух уровнях насыпи над некоторыми из погребенных слуг и рабов зафиксирована вымостка из небольших камней, а рядом с ними фрагменты горшков. На нескольких костяках, расположенных на уровне горизонта и окружающих центральное погребение в яме, найдены фрагменты воротников и тканей с золотым шитьем византийского образца, а также грушевидные пуговицы с позолотой, одна из них серебряная. Погребение в яме и одно из погребений на горизонте имели каменные надгробия, схожие с крышками из княжеских захоронений XII в. в Галицко-Волынской земле, заимствованными из Византии. Друцкий курган по совокупности материалов датируется серединой XII в. Полоцкие князья находились в византийской ссылке с 1128 по 1140 г. На одной из боковых опор каменного надгробия погребения в яме процарапаны символы, схожие с княжеским знаком минских Глебовичей. Можно полагать, что захоронение в кургане иллюстрирует одну из страниц междоусобных войн полоцких княжеских семей (в данном случае минских Глебовичей с друцкими Борисовичами) после возвращения на родину, а также смешанную традицию христианско-языческого обряда погребения.

Самую позднюю группу погребений составляют грунтовые захоронения с каменными крестами и надмогильными камнями, выявленные на территории бывшего посада у р. Друть и соответствующие тре-

тému этапу развития летописного Друцка. На основе материалов, полученных при раскопках Друцка, со-

здана экспозиция Толочинского историко-краеведческого музея и очерчена охранная зона комплекса.

Алексеев Л.В., 2002. Древний Друцк (письменные источники, топография, время возникновения): К празднованию тысячелетия Друцка. 1001–2001 гг. // РА. № 1.

Левко О.Н., 2010. Древний Друцк: Начальные этапы истории // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск. Вып. 25.

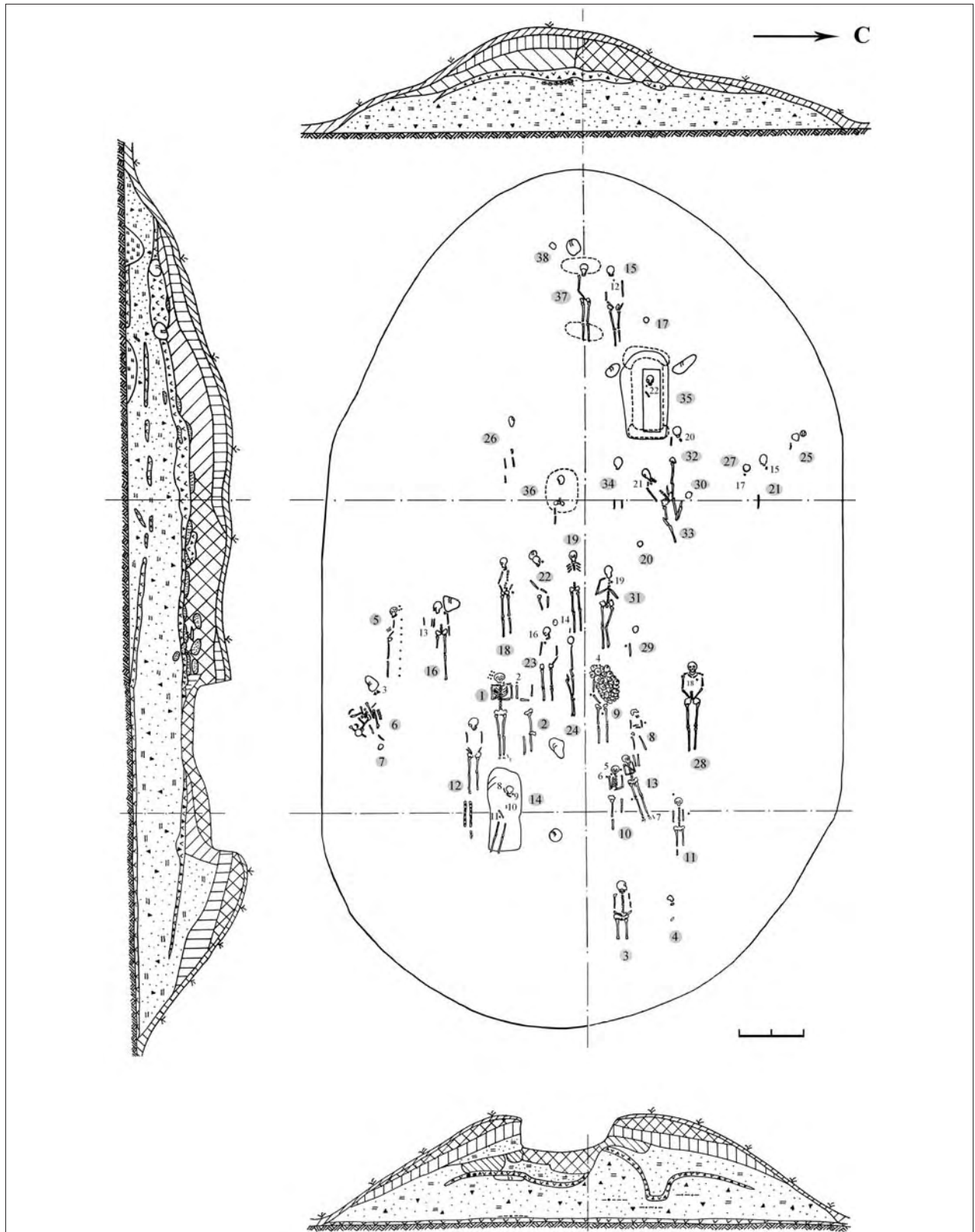

Рис.1
Друцк. План и профили кургана 1 курганной группы IV

О датирующих возможностях поливной керамики XIII–XIV вв. для городов юга Восточной Европы

Ценность археологических материалов как источника зависит от точности датировки. При изучении Золотой Орды, история большинства городов которой укладывается в 100–150 лет, выделение материалов, позволяющих датировать комплексы с точностью до четверти века, особенно актуально.

При раскопках золотоордынских памятников находят неизмеримо больше монет, чем на других средневековых объектах Восточной Европы. Все работы по археологии Золотой Орды строят хронологию только по данным нумизматики. Однако датирующие возможности монет ограничены. Значительная их доля не пригодна для датировки. Их число ничтожно по сравнению с общим объемом находок. Есть много монетных типов без указания года чекана и имени правителя. Период монетного обращения не обязательно совпадает со временем существования памятника. Оно возникало не мгновенно и могло прекратиться задолго до его гибели.

Очевидна необходимость использовать и другие категории находок. Но здесь существуют большие сложности. Амфоры являются для этого периода массовым материалом и встречаются практически на всех памятниках. Интенсивно разрабатывается их хронология. В некоторых работах именно амфоры служат основанием для узкой датировки. Однако привлечение для датировки амфор имеет ряд ограничений. Часто датировки типов недостаточно обоснованы. Амфоры золотоордынского периода относятся в большинстве своем к продукции одного центра. За время существования они мало изменялись, а технологические изменения маркируют широкие временные отрезки. Для датирования необходимы крупные фрагменты. Различные категории изделий из железа и цветных металлов, стекла, кости встречаются реже и, как правило, не дают дат точнее, чем XIII–XIV вв.

Перспективным представляется использование поливной керамики. В золотоордынский период она становится массовой и получает широкое территориальное распространение. Для датировки пригодны и небольшие фрагменты. Стиль декора изменялся достаточно быстро. Не столь быстро, но изменялась и морфология сосудов. Для золотоордынского периода мы имеем дело с большими партиями сосудов, производившихся для продажи на рынке и имеющих одинаковый декор, т.е. очень стандартизированным товаром. Непрерывно изменялся состав центров-экспортеров.

Наиболее перспективно использование изделий из Византии и Юго-Восточного Крыма. Продукция последнего встречается на территории всей Восточной Европы.

Для использования этого потенциала нужна хронологическая колонка изменений поливной керамики, построенная по материалам эталонных памятников. Одним из них является Азак. Его материалы дают возможность проследить эволюцию поливы конца XIII – XIV в., поскольку большая часть находок происходит из закрытых комплексов, датированных монетами. Большое их число делает наблюдения достоверными, допуская их проверку.

Сейчас комплексы Азака группируются в 7 хронологических фаз по находкам в них массовых типов датированных монет: 1) 1280–1300 гг.; 2) 1310 г.; 3) 1320 г.; 4) 1330 г.; 5) 1350 г.; 6) 1360 г.; 7) 1380–1390 гг. Материалы недолго существовавших поселений Приазовья продлевают хронологическую шкалу вниз до середины XIII в. Керамика XV в. не может быть распределена по временным отрезкам из-за малого числа закрытых комплексов.

Суммируя многолетние наблюдения, приведем признаки, характерные для керамики Азака в определенные периоды и позволяющие датировать комплексы по фрагментам поливных сосудов.

1) Во второй половине XIII в. абсолютно преобладает продукция нескольких провинциальных византийских центров. Это в основном чаши со скупым и грубо выполненным декором. Часто он ограничен окружностью в центре.

2) В конце XIII – начале XIV в. наряду с византийской появляется крымская полива. Первая продукция Крыма монохромная или с очень бедным декором.

3) С 1315 по 1351 г. сосуды Юго-Восточного Крыма вытесняют византийскую поливу. Продукция Крыма начинает преобладать начиная со второй четверти XIV в.

4) В первой половине XIV в. среди крымской поливы преобладают сосуды производства Солхата. Разнообразный декор выполнен преимущественно в технике сграффито. Наиболее часто встречаются цветочные розетки и бутоны. Полихромная расцветка редка и выполнена пигментами. Поэтому пятна расцветки имеют четкие контуры и согласуются с гравированными линиями.

5) В 1330-е гг. получают распространение чаши с орнаментацией пятнами марганцево-коричневого цвета.

6) Во второй половине XIV в. поливная керамика Юго-Восточного Крыма почти полностью вытесняет византийскую столовую керамику. Исключение – небольшие чашечки с изысканным декором из Константинополь с зооморфными и антропоморфными изображениями в резерве. В этот период среди керамики крымского производства преобладает продукция Каффы. Декор в технике сграффито все чаще стал дополняться полихромной расцветкой. Для этого использовались окрашенные глазури, из-за чего цветные пятна размыты и не согласуются с гравированными контурами. Орнаменты на сосудах кафийского производства становятся стилизованными. Сосуды солхатского производства по-прежнему украшены цветочными розетками.

7) Распространение получают сосуды с различным рельефным декором (вертикальными каннелюрами, горизонтальными валиками с зажимами и др.).

8) На протяжении XV в. среди крымской поливы преобладают сосуды с орнаментом в технике сграффито и полихромной расцветкой. Декор становится все более схематичным и небрежно выполненным. Ухудшается качество глазури.

К указанным признакам следует добавить большее число серий сосудов, производившихся и бытовавших короткое время. Однако для их идентификации необходимы крупные фрагменты, что позволяет использовать их для датировки только достаточно крупных и исследованных памятников.

С.И. Милованов

Институт археологии РАН, Москва

Торговля Рязанской земли во второй половине XIII – XV вв. по данным археологических исследований

Монгольское нашествие имело катастрофические последствия для всех сфер жизни Рязанского княжества, в том числе и экономической. Были разгромлены Волжская Булгария, Северо-Восточная Русь, города Приднепровья – постоянные торговые партнеры Рязанской земли. Нарушилось функционирование торговых путей, по которым осуществлялись связи между различными регионами. Нашествие привело к демографической катастрофе в регионе, что также пагубно отразилось на его развитии. Таковы основные причины спада торговой активности региона, фиксируемого по археологическому материалу во второй половине XIII в. Данный спад прослеживается по всем категориям импортов, поступление которых носило массовый характер. На всех графиках, построенных по материалам Старорязанского городища, во второй половине XIII – XIV в. наблюдается нисходящая линия, свидетельствующая о постепенном упадке города и утрате им роли ведущего торгового центра в регионе. Это отразилось и в сокращении категорий предметов по сравнению с предшествующим периодом (конец XII – начало XIII в., и уменьшении доли каждой категории (стеклянные браслеты – 18,7%, стеклянные бусы – 3,1%, стеклянные сосуды – 19,1%, амфоры – 10,7%, красноглиняная неполированная посуда – 12,5%, цветной металл – 12,4%). Сокращение предметов импорта и изделий, которые изготавливались из привозного сырья, наблюдается и по материалам Ростиславля Рязанского. Это же явление прослеживается и по материалам Переяславля Рязанского.

Однако если для Старорязанского городища весь период второй половины XIII – XIV в. на графиках представлен нисходящей линией, что в данном конкретном случае свидетельствуют не только о спаде торговли, но и о постепенном упадке самого города и сокращении его населения, то материалы других городов показывают иную тенденцию. Датированные материалы Переяславля Рязанского и Ростиславля Рязанского демонстрируют постепенное увеличение числа импортных предметов уже с конца XIII – начала XIV в., а пик их поступления наблюдается во второй половине XIV – начале XV в. Данная закономерность прослеживается для стеклянной и глиняной поливной посуды, изделий из цветных металлов и др. В XV в. отмечается некоторое сокращение импорта.

Среди импортных предметов этого времени подавляющее большинство составляют изделия, связанные своим происхождением с территорией Золотой Орды или поступавшие через нее, – поливная керамика (доля посуды, произведенной в золотоордынских городах Поволжья, составляет 52,6%, Ирана, Сирии – 5,4%, Византии, Причерноморья – 34,2%, Закавказья – 2,3%, Хорезма – 1,6%, Китая – 3,9%), изделия из полудрагоценных камней, стеклянные изделия ближневосточного и золотоордынского производства (бусы – 69,2%, сосуды – 60%). Непосредственным свидетельством активных торговых связей с Золотой Ордой являются нумизматические материалы, предметы торгового инвентаря (гирьки-разновесы и рыбачьи костяные весы).

Преимущественная ориентация торговых связей Рязанской земли на Золотую Орду объясняется несколькими причинами. Это и политическое подчинение региона ханской администрации, и то, что основные торговые пути – Волжский и Донской, – по которым осуществлялась международная торговля княжества, были подконтрольны Золотой Орде.

Большое значение для развития торговых отношений в этот период имел Черноморско-Донской путь, связывавший Рязанскую землю с Причерноморьем и Византией. Об активном использовании Дона в рассматриваемый период в качестве торгового пути свидетельствуют и письменные источники. Главной причиной этого было то, что во второй половине XIII – XV в. днепровский водный путь оказывается под контролем Великого княжества Литовского, поэтому Дон остается единственным связующим звеном между русскими княжествами, с одной стороны, и странами Ближнего Востока, Византией, генуэзскими и ве-

нецианскими колониями в северном Причерноморье – с другой.

Согласно многочисленным письменным свидетельствам, торговый путь по Дону использовался не только рязанским купцами, он имел важное значение и для Московского княжества. Заинтересованность московских князей и купцов в развитии южного направления связей, соседство с Рязанским княжеством способствовали установлению тесных торговых взаимоотношений между двумя регионами. Это нашло отражение в нумизматическом материале и письменных источниках. Торговля, как международная, так и региональная, была главной составляющей экономической жизни обоих княжеств. В ее развитии были заинтересованы князья. Торговые и таможенные отношения Рязани с Москвой, занимавшие в этот период большое место, стали одним из экономических факторов включения в начале XVI в. Рязанского княжества в единое государство с центром в Москве.

А.В. Михайлов

Археологический центр Псковской области, Псков

Средневековые грунтовые могильники Восточного Причудья (опыт сравнительного анализа)¹

Одной из самых хорошо изученных на Северо-Западе территорий является Восточное Причудье. Этот компактный археологический регион, расположенный на территории современных Гдовского, Плюсского р-нов Псковской обл., Лужского и Сланцевского р-нов Ленинградской обл., по степени изученности уступает на Северо-Западе только Ижорскому плато.

На территории Восточного Причудья выявлено и археологически изучено значительное количество жальничных могильников, представляющих собой разновидность могильников грунтовых. Грунтовых могильников, не имеющих внешних надмогильных конструкций, в Восточном Причудье известно гораздо меньше, а исследования проводились только на двух из них – у д. Чудская Рудница и д. Залахтове. Целью настоящей работы является попытка сравнительного анализа средневековых грунтовых могильников Восточного Причудья с жальниками региона.

В ходе работ комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища И.К. Лабутиной (Голуновой) в 1960 г. был исследован могильник у д. Чудская Рудница. Всего изучены 84 погребения, не считая значительного количества переотложенных костей из нарушенных погребений. Лишь в 9 погребениях встречены датированные предметы (нательный крестик, псковские и шведские монеты, ракови-

ны каури, разнообразные бусы), которые и определили дату существования могильника – XII–XIV – XVII вв. Эту дату подтверждают и находки фрагментов керамики XV–XVII в. Две наиболее ранние ингумации, датированные И.К. Лабутиной XII в., судя по стратиграфическим наблюдениям, были совершены под курганной насыпью. Размеры и форма могильных ям из-за особенностей грунта не фиксировались. Какой-либо системы во взаимном расположении погребений не прослеживается. Подавляющее большинство погребений имело ориентировку запад – восток с небольшими отклонениями, и лишь 3 погребения (в том числе и самые ранние) были ориентированы по оси север – юг.

В 1975 г. на северной окраине курганной группы 1 у д. Залахтове в двух раскопах было выявлено пять захоронений. Все погребения находились в широких грунтовых прямоугольных ямах, расположенных на значительном расстоянии друг от друга (от 1 до 4 м). Погребенные были ориентированы головой на запад, в одном случае – на юго-запад. Погребальный инвентарь встречен только в трех захоронениях (монетовидная подвеска-дирхем, нож, горшок, поясное кольцо, витой перстень, простой пластинчатый браслет). По мнению Н.В. Хвоцинской, захоронения относятся к позднему (по сравнению с находящимися поблизости курганами) древнерусскому грун-

¹ Работа выполнена при поддержке РФГФ (проект 10-01-27104а/В).

товому могильнику и могут быть датированы XII–XIII вв. (Хвощинская, 2004. С. 58). В ранних публикациях Н.В. Хвощинская относила открытые погребения к разрушенному жальнику.

В 2004–2008 гг. изучение грунтовой части Залаховского могильника было продолжено А.В. Михайловым. Общая исследованная площадь превысила 500 м², на ней изучены 234 погребения. Проведенные работы позволили проследить эволюцию грунтовой части могильника на протяжении XII–XVII вв. и определить три самостоятельных грунтовых могильника, сменявших друг друга.

Наиболее ранним следует признать грунтовой могильник, южная часть которого была исследована Н.В. Хвощинской и в основе которого лежит жальник XII–XIII вв. Для него характерны свободное размещение могил при отсутствии какой-либо упорядоченности, глубокие и широкие могильные ямы, ориентировка погребенных по линии запад – восток с небольшим отклонением к югу, малочисленность погребального инвентаря (трехбусинное височное кольцо с бусинами из шариков крупной зерни, мелкие кольцевидные бусы, единичные золото- и серебростеклянные бочонковидные бусы, бронзовые пронизки). В двух случаях прослежены фрагменты жальничных обкладок.

В XIV–XV вв. в северной части жальничного могильника функционирует грунтовой могильник, который отличается от своего предшественника по ряду параметров: ориентировке погребений (половина их имеет южную ориентировку), вещевому инвентарю (появляются многобусинные кольца, трубочки-косники, перстни-печатки, шумящие привески, разнообразные браслеты, в 4 погребениях встречены ливонские монеты начала XV в.), могильные ямы становятся уже,

расстояние между ними существенно сокращается, появляется четко выраженная рядность захоронений.

В это же время (XIV в.) в некотором отдалении на открытом пространстве возникает еще один могильник, представляющий собой типичное сельское кладбище (по сути, это первое на территории Северо-Запада России средневековое сельское кладбище, полностью исследованное археологически). Оно функционирует на протяжении XIV–XVII вв. Всего изучено 188 погребений, достаточно плотно расположенных в 5–6 параллельных рядов, расстояние между которыми составляет 0,2–0,4 м. Еще одной особенностью могильника является многоярусность некоторых могильных ям и наличие подзахоронений. Ориентировка погребений – запад – восток с небольшим отклонением к югу. Среди погребального инвентаря более половины всех находок составляют трехбусинные височные кольца. Кроме того, в погребениях встречены узкопластинчатые перстни, витые и плетеные браслеты, в двух погребениях – псковские монеты начала XV – 1510 г. В заполнении могильных ям встречены фрагменты керамики XIV–XVI вв. Наиболее поздние погребения могильника датируются по находкам нателных крестиков XVII в.

Вещевой комплекс могильника у д. Залаховье очень близок погребальному инвентарю гдовских жальников. В жальничных погребениях региона встречаются и трехбусинные височные кольца, и узкопластинчатые перстни, а также плетеные и витые браслеты. Традиционно подобные погребения в составе жальничных могильников датируются XIII–XIV вв. Не вызывает сомнений одновременность существования двух погребальных традиций в пределах одного региона – жальничных могильников и грунтовых христианских кладбищ.

Ф.Э. Модестов

Центр по охране и использованию памятников истории и культуры, Смоленск

Влияние товарно-денежных отношений на этнокультурные традиции сельского населения Смоленской земли в эпоху средневековья

Участие земель Древней Руси в международной торговле вызвало приток на их территории большого количества разнообразных предметов импорта и знакомство населения с новыми культурными традициями. Под влиянием международной торговли происходили изменения в дружинно-боярской среде и в городской культуре, которые достаточно хорошо исследованы. Изменения, происходившие в сельской среде, особенно в составе комплекса

украшений, являющегося этнокультурным индикатором, мало изучены, хотя эти процессы проходили достаточно активно. Во внешней и внутренней торговле древнерусских земель в той или иной роли участвовала значительная часть населения, особенно в местах прохождения торговых путей. В значительной степени это касается сельского населения. Привозные украшения, ткани, предметы быта – частая находка в сельских курганах и на поселениях.

При кажущейся племенной архаичности селяне достаточно легко и свободно вводили в состав украшений и комплекс одежды привозные вещи и материалы, сохраняя при этом традиционное единство комплекса. Все это свидетельствует о широком участии сельского населения в товарно-денежных отношениях (Фехнер, 1959), хотя данное положение, выдвинутое рядом ученых и подтвержденное археологическими материалами, не получило развития в отечественной исторической науке в силу ее политизации.

Основным поставщиком продукции традиционного экспорта Древней Руси (пушнина, воск, кожи, мед) было сельское население, которое доставляло ее на ближайшие городские рынки и скупалось купцами-оптовиками или опосредованно через вотчинные хозяйства. Значительные средства, получаемые селянами, не могли не сказаться на комплексе традиционных украшений как основной форме сельской тезаврации.

В Смоленской земле процесс изменения комплекса женских украшений под влиянием участия сельского населения во внутренней и международной торговле прошел два этапа. Первый этап начался в конце VIII – начале IX в. и охватывает весь X в. Он связан с культурой КСДК и полусферических курганов X в. Это время активного освоения и функционирования пути «из варяг в греки» и восточного направления в торговле. Местное население мало участвовало в этой торговле, хотя тяготело к торговым путям и волокам и обслуживало торговые центры типа Гнёздова. Продукция от сельского населения поступала в основном в виде даней, как с традиционных, так и с присоединенных новых территорий. Данный этап характеризуется началом влияния импортных товаров на комплекс племенных украшений. В состав ожерелий, в основном из импортных бус, часто включаются подвески из серебряных монет. Из серебра стали изготавливать височные кольца и другие украшения, причем их вес был в зависимости от веса диргема. Но сами типы украшений, особенно височные кольца, не претерпевают изменений.

Второй этап характеризуется активным участием сельского населения в торговле. Хронологические рамки этапа XI–XIII вв. В этот период привозные вещи буквально насыщают памятники сельского населения. Сложилась своеобразная мода на импортные изделия и подражания им, что не могло не сказаться на традиционном уборе и костюме сельского населения Смоленской земли. Вошли в обиход большие ожерелья из различного рода бус и подвесок, причем в отдельных местностях складывался «свой строй» комплекса украшений. Привески к костюму были из серебра или (в основном) «под серебром», из оловянисто-свинцовых сплавов. Имитационные украшения считаются изделиями деревенских ремесленников, хотя для Смоленской земли нет данных, подтверждающих это заключе-

ние. Имеется больше данных, свидетельствующих о том, что это дешевые городские изделия, изготовленные для селян, поставляющих свою продукцию на городские рынки. В этот период широкое распространение получают браслетообразные височные кольца, которые считаются основным этнокультурным индикатором для кривичей (Седов, 1972; 1994). Височные кольца с территорий, тяготеющих к торговым путям, отличаются от височных колец удаленных от них районов. В «глубинке» преобладают височные кольца небольших размеров, до 5–6 см диаметром, с небрежно изготовленной завязкой («полузавязанные»), и перстнеобразные височные кольца с заходящими концами или просто сомкнутые. В основном это изделия из бронзы, в редких случаях из билона. Как правило, в захоронениях с такими кольцами встречается очень ограниченное количество импортных вещей. Да и в целом все украшения женского комплекса одежды отдаленных поселений довольно просты по своему изготовлению.

На поселениях и в могильниках, расположенных на торговых путях или связанных с административными центрами, картина иная. Для них характерны, во-первых, наличие большого количества изделий из серебра, а во-вторых – изменение традиционных типов украшений. Активное участие селян в поставках продукции земледелия и промыслов на продажу привело к значительному поступлению серебра в село. Но не в виде монет или лома; чисто сельских кладов в этот период мы не знаем. Здесь имеет место интересное явление деревенской тезаврации – накопление серебра в виде женских украшений, в основном височных колец и импортных бус, реже – витых браслетов и гривен. Височные кольца резко увеличиваются в размерах и весе. Вес одного кольца колеблется от 6 до 30 г серебра. Один полный набор височных колец весил от 40 до 160 г, т.е. достигал веса гривны киевского типа, в территорию хождения которой входила Смоленская земля (Янин, 1956). По сути дела, некоторые комплексы украшений одной селянки по стоимости (без учета стоимости импортных бус) могли равняться десятине, которую получала смоленская епископия с таких смоленских волостей, как Жидчичи, Мерятчи, Бобровницы, Дедогостичи, или городов Прупой, Кречют, Лодейницы, которые платили по гривне серебра. Это височные кольца хорошей работы, с добротной завязкой. Весь набор таких колец, в который помимо браслетообразных входили ромбошитковые и перстнеобразные кольца, изготавливался городскими ремесленниками. Подтверждением данного вывода служит найденная в Смоленске литейная форма для изготовления ромбошитковых колец (Асташова, 1994), а также факт необязательной парности набора колец. Далеко не во всех изученных погребениях выявлено равное количество височных колец с каждой стороны. Это относится не только к браслетообразным, но и к пер-

стнеобразным височным кольцам. По нашему мнению, височные кольца покупались или изготавливались в городе на вес – т.е. на определенное количество серебра, полученного от торговли, селянин покупал височные кольца. И не всегда его серебра хватало на полный набор. В тех случаях, когда был излишек серебра, к набору добавлялись перстнеобразные височные кольца, причем достаточно небрежно сделанные. Видимо, тут же из серебряной проволоки, по весу, изготавливалось такое кольцо или несколько. Это и приводило к несимметричности набора колец, как, впрочем, и к их нечетности. Обрубки серебряной проволоки такого же сечения, как в височных кольцах, – частая находка вкладах того времени. Очень часто, видимо, покупали на вес серебряную проволоку, из которой уже на месте, в селе, делали височные кольца. Такие кольца изготовлены очень небрежно, имеют плохую завязку или просто соединены согнутыми концами. Кольца, сделанные как в городе, так и в селе, сосуществовали на протяжении всего этого периода.

На некоторых памятниках, находящихся вблизи крупных городов и входящих в их сельскохозяйственную округу, наблюдается преобладание недорогих по весу серебра (от 1 до 4 г) украшений. Здесь вес височных колец и, соответственно, их размеры, как и вес других украшений из серебра, связаны с весом западноевропейского денария. Этот факт отмечен на памятниках в других древнерусских землях (Ляпушкин, 1958). Давно освоенная и плотно заселенная, а также в значительной

степени феодализованная, городская округа не могла поставлять в большом объеме продукцию земледелия и промыслов для внешнего рынка. Поэтому на таких памятниках часто встречаются городские украшения, включая изделия из скани и зерни, стоимость которых в пересчете на вес серебра была невысока.

На основании сказанного можно сделать следующие выводы: сельское население Смоленской земли XI–XIII вв., по преимуществу лично свободное, активно участвовало в поставках продукции лесных промыслов и земледелия для внешней торговли. Полученные средства вкладывались в различного рода украшения, в первую очередь женские (серебряные изделия, импортные бусы), что являлось формой сельской тезаврации. Городские ремесленники изготавливали такие украшения, перерабатывая традиционные формы изделий в зависимости от средств конкретного покупателя. Появляются дорогие, массивные, увеличенных размеров височные кольца и очень небольшие, легкие (0,2 г), более дешевые. В больших количествах в городах производились дешевые имитационные украшения, находящие широкий сбыт в селах. Население, не связанное с поставками на рынок, использовало украшения очень простых форм, архаичных в изготовлении, в основном из бронзы, и недорогие бусы. Все это привело к сложению в рамках одного этнокультурного массива нескольких комплексов женских украшений, имеющих не только региональные, но и стоимостные отличия.

Н.Г. Набиуллин

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан, Казань*

Проблема «хронологического разрыва» на территории болгарского Закамья в постзолотоордынское – раннерусское время

Постзолотоордынская история Закамья – основной территории бывшей Волжской Булгарии – до сих пор остается в значительной степени дискуссионной и требующей исследований. Один из открытых вопросов – вопрос о «хронологическом разрыве»/«преemptивности» между памятниками средневековья и историческими поселениями нового времени.

Субъективные причины слабой изученности: особенности развития региональной исторической науки (отсутствует направление исторической гео-

графии и пр.); особенности источниковой базы (почти нет средневековых письменных источников); памятники нового времени обычно не рассматриваются как «полноценные» объекты археологического наследия; неразработанность стратиграфической шкалы и узкой хронологии постзолотоордынских древностей; сохранность археологического культурного слоя и т.д.

Среди объективных природных и антропогенных причин, не позволяющих «классическими» ме-

тодами (наличие или отсутствие «стерильных прослоек» и пр.) сделать заключение о хронологической непрерывности или разрыве в пределах отдельно взятого однослойного/многослойного памятника (комплекса памятников, микрорегиона и т.д.), – естественное и искусственное «перемещение» территорий поселений (в результате изменения гидрографической обстановки, запрета на использование оборонительных сооружений и пр.), неравномерность освоения участков, смена видов хозяйственной деятельности и пр.

Практически абсолютное доминирование роли естественно-географического фактора вплоть до но-

вейшего времени обусловило фактическую преемственность в выборе мест проживания (в том числе возведения укреплений) в разные историко-культурные эпохи и периоды. Наиболее рентабельные с точки зрения хозяйственного освоения территории в раннерусский период – это развитые в экономическом отношении городские центры предшествующей исторической эпохи с прилегающими сельскими округами. В период первоначальной колонизации прослеживается преемственность планировки, обусловленной естественно-топографическими причинами, использованием и приспособлением старой застройки, непосредственно объектов.

Л.Ф. Недашковский

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань

Исторические особенности золотоордынского города

К особенностям золотоордынского города следует отнести отсутствие прослеживаемого процесса перехода от поселений к городам: города возникли не в результате длительного предшествующего развития сети поселений, а по инициативе и при поддержке администрации.

Город в Золотой Орде обладал множеством функций: был центром развитого ремесла и торговли, обладал сельским хозяйством и промыслами, был связан с относительно большой областью, являлся средоточием религиозной и культурной жизни. В городе жили представители аристократии и других социальных слоев, площадь золотоордынских городов была весьма значительной. Население городов было поликонфессиональным и полиэтничным.

Золотоордынский город в большинстве случаев не имел фортификации, что определяло его относительно свободную застройку и планировочную структуру. В степной зоне Золотой Орды отсутствовали ресурсы в виде леса хвойных пород, ввиду этого наземный срубный дом не получил широкого распространения. Все общественные здания и дворцы возводились из обожженного кирпича, рядовые жилища – из сырца с использованием деревянных каркасных конструкций. Дома снабжались канами, суфами и умывальниками-тошнау. Города были благоустроенными: имелись площади, водоемы, колодцы, арыки, фонтаны, водопровод и канализация, общественные туалеты.

Наиболее близки золотоордынские города по историческим особенностям возникновения новым городам других государств, образовавшихся в результате распада Монгольской империи – Хулагуидского Ирана, державы Джатагаидов в Средней Азии и империи Юань в Китае. Ханская власть в этих державах поощряла и организовывала интенсивный

рост городов, необходимых как административные центры, источники ремесленной продукции и предметов роскоши, поступавших в процессе торговли. Города Монгольской империи первоначально представляли собой замки знати и землянки строителей, затем постепенно превращались в комплексы усадебнобилитета, окруженные кварталами рядового населения. В быстром строительстве городских центров большую роль играли пленные-рабы. Власти Монгольской империи прибежали к принудительному переселению ремесленников в новые и восстанавливаемые старые города. В Центральной и Средней Азии, как и в Улусе Джучи, города подчас не имели укреплений.

Древнерусские города после монгольского нашествия продолжили длительную линию предшествующего развития. Практически все древнерусские города имели укрепления. За стенами города жил князь или другие представители знати, дружина и духовенство; вокруг укрепленной части города располагался торгово-ремесленный посад. Древнерусские города практически полностью были деревянными: из дерева изготавливались жилища, надворные постройки, заборы, мосты, набережные, мостовые. Господствующей формой жилища был наземный срубный дом. Имелись лишь единичные каменные храмы, палаты, погреба, в редчайших случаях – каменные укрепления.

Общей чертой городов Древней Руси и Улуса Джучи являлась усадебно-квартальная застройка. Различные этнические группы в городах часто проживали компактно. В составе населения городов присутствовали знать, духовенство, торговцы и ремесленники.

Отличие населения золотоордынского города от русского заключается в отсутствии в первом (вплоть до второй половины – конца XIV в.) значите-

льной доли представителей воинского сословия. Не нуждались степные города Золотой Орды (до начала междоусобицы 1360–1370-х гг.) и в фортификации. На Руси размеры городов и площадь их усадеб были гораздо меньше ввиду наличия городских стен. Присутствие на Руси большого количества строевого леса обусловило использование дерева как основного строительного материала, в Улусе Джучи оно часто заменялось сырцовым и обожженным кирпичом.

В Западной Европе в XIII–XV вв. средневековый город достиг наивысшей степени развития. Западно-европейский город сближает с золотоордынским наличие знати, а также различных этнических и профессиональных групп в составе населения. В городах Западной Европы и Золотой Орды имелись купеческие объединения, в городе и округе были развиты товарно-денежные отношения. Общим для западно-европейских и золотоордынских городов является то, что они вмещали высокий процент населения. Крупные западноевропейские и золотоордынские города были приблизительно одинаковыми по числу жителей, средние и малые города Западной Европы по численности населения были близки малым городам Улуса Джучи.

Каменные стены и многочисленные каменные здания (порой имевшие несколько этажей), собственное право, самоуправление, корпорации (гильдии, цехи) отличали средневековый город Западной Европы.

Крупные и малые города Ближнего Востока и Средней Азии X–XIII вв. были близки по числу жителей соответствующим золотоордынским. На мусульманском Востоке были развиты товарно-денежные отношения, а городское самоуправление практически отсутствовало – город был полностью подчинен государственному аппарату. В среднеазиатских и ближневосточных городах, как и в золотоордынских, имелись водоемы и общественные бани; в городских центрах Средней Азии присутствовали арыки, общественные туалеты, употреблялись водопроводы из керамических труб и умывальники-тошнау, как и в городах Улуса Джучи. Численность городского населения домонгольской Средней Азии составляла от 20 до 50% населения, что было близко ситуации в Улусе Джучи. Для городов Мервского оазиса и Илака зафиксирован ввоз продовольствия из других районов; аналогичное явление наблюдалось в золотоордынских городских центрах.

Китайские города по количеству жителей сильно опережали золотоордынские, в них имелись торгово-ремесленные корпорации. В Китае, в отличие от Улуса Джучи, ремесленные изделия производились в основном в деревне. Жители китайских городов, как и золотоордынских, занимались земледелием; в китайских городах имелись крупные ремесленные мастерские. Как и золотоордынские, крупнейшие китайские города снабжались продуктами не только с близлежащих территорий, но и из весьма отдаленных местностей.

Д.О. Осипов

Музеи Московского Кремля, Москва

К вопросу о так называемых «комнатных туфлях»

В обувных коллекциях древнерусских городов встречаются не совсем обычные туфли, внешне больше напоминающие поршни. От обычных обувных деталей их отличают непропорционально широкие пера (головки), а также характерный крой подошвы, по оси которой проходит выворотный шов с кожаным кантом. В археологическую литературу подобная обувь была введена А.В. Курбатовым под названием «комнатных», или «домашних», туфель. Их функциональное назначение, определенное А.В. Курбатовым как «домашняя» или «комнатная» обувь, никак не объясняется автором. Какие-либо свидетельства о существовании в средневековье домашней обуви неизвестны.

Описывая конструкцию туфель, А.В. Курбатов упоминает вшивавшуюся в нижний шов уплотнительную прокладку, которая, по его мнению, служила для герметизации соединения, что характерно именно для уличной обуви. Кроме того, своеобразный крой туфель

с продольным швом, детали которых являлись одновременно верхом и низом, нецелесообразен

Высказанная в статье гипотеза предлагает иную трактовку описанной выше обуви. Исходя из вышесказанного, конструктивная особенность такой обуви можно объяснить намеренным неудобством, которое она должна создавать. Рискну предположить, что ее могли использовать монахи. Достижение душевной чистоты в монашеской практике зачастую было связано с истязанием плоти, которую изнуряли длительными постами, ношением вериг и пр. Пребывание монашествующих на городских усадьбах свидетельствует, что они являлись не столько монастырскими подворьями, сколько местом проживания монашествующих как таковых. Это, в свою очередь, означает, что дисциплинарный устав, практиковавшийся городскими монастырями до определенного времени, был идиоритмическим или своекоштным, но никак не кинувийным (общежительным).

Многочисленные факты фиксации туфель с продольным швом на городских усадьбах XI–XIII вв., связанных с проживанием священнослужителей, подтверждает такую принадлежность подобной обуви. Учитывая специфику кроя, можно предположить, что такая конструкция намеренно создавала болезненные ощущения, направленные на смирение плоти. В то же время, по мнению А.Е. Мусина, подобные явления могут быть связаны не с монашеской «аскезой», которая, вопреки расхожим пред-

ставлениям, не имела широкого распространения, а с привнесенной традицией, следы которой нужно искать в других странах.

Судя по археологическому материалу, доминирование сапог приводит к эволюции монашеской обуви, превратившейся со временем в погребальные туфли для усопших мирян. От прежней конструкции сохранился лишь продольный шов по оси подошвы, назначение которого в позднесредневековое время, по-видимому, было уже совершенно иным.

А.А. Остапенко

Институт археологии РАН, Москва

К изучению древнерусских каменных крестов

Древнерусские кресты из камня занимали довольно скромное место в каталогах частных и музейных собраний второй половины XIX – начала XX в. Тем не менее, они стали одной из первых разновидностей мелкой христианской пластики, проанализированной в качестве самостоятельной группы древностей. В 1892 г. украинский антиквар Н.А. Леопардов посвятил им специальный раздел своей книги (Леопардов, 1892. С. 17–32). Датируя кресты V–VI вв., Леопардов считал их массовое присутствие в Южной Руси аргументом в пользу переселения христианизированных «скифов-славян» из Причерноморья на Киевщину в античное время. Он все же выделял немногочисленные кресты в серебряных оправках, которые называл поздними подражаниями, – «корсунчики».

Название «корсунчики» прочно утвердилось в отечественной литературе благодаря работам Н.П. Кондакова, который предполагал, что они, наряду с другими предметами прикладного искусства, поступали на Русь главным образом через Херсон: «Множество тельных крестиков X–XII столетий, встречаемых и вкладах, и в ризницах России и собраниях, из различных яшм, серпентина, халцедона, в золотой сканной оправе, также, *наверно* (курсив мой. – А.О.), происходят из Корсуна, почему мы и будем называть их далее «корсунскими тельниками» (Кондаков, 1896. С. 46).

Многие выводы Н.П. Кондакова представляются актуальными и сегодня, но предположение о херсонском или даже византийском происхождении всех каменных крестиков нужно считать устаревшим.

В советское время каменные кресты неоднократно появлялись в разных изданиях, прежде всего в публикациях материалов археологических раскопок древнерусских городов, но каких-либо новых выводов относительно сущности явления как такового не делалось. Датировались они в основном XI–XIII вв.

В 1990-е гг. произошло оживление в изучении каменных (правильнее – янтарных) крестов, которое выразилось в разработке классификации, основанной на формальных признаках предметов: размерах, форме средокрестия, завершениях лопастей, профилях крестов (Колчин, 1982. С. 171–174. Рис. 7; Родина, 1998. С. 199–200; Полубояринова, 1994. С. 75–82; Шаповалов, 2000. С. 150–157). Такой подход принес заметные успехи: был выделен ряд типов янтарных крестов, разработана их хронология.

Другой подход начал развиваться в самое недавнее время. Он основан на выделении групп крестов, выполненных из той или иной горной породы или минерала. Данная методика была применена в статье А.Е. Мусина о крестах из плагиоклазового порфирита (Мусин, 2003. 145–155; 2010. С. 246–250). Вопросы, связанные с перламутровыми крестиками, рассмотрены в статьях того же автора, а также Ю.В. Колпаковой (Мусин, 1999. С. 92–110; Колпакова, 2005. С. 143–146). Кресты из пиррофиллитового сланца стали одним из объектов исследования украинских археологов, работающих над проектом изучения производственных комплексов Овручской волости (Павленко, 2008. С. 250).

Классификация каменных крестов, основанная на принципе выделения групп по горной породе или минералу, на наш взгляд, является наиболее перспективной. Такой подход позволяет установить источники сырья и центры производства, уточнить хронологию вещей, прояснить культурные связи памятников. Последующая разработка типологии может быть сведена к выделению типов по формальным признакам (если таковая имеет смысл).

В заключение подчеркнем, что прояснение роли каменных крестов в древнерусской культуре осуществимо только при их качественной публикации с приведением фотографий, размеров и самое главное – точным определением материала, из которого они изготовлены.

- Колпакова Ю.В., 2005. Некоторые разновидности нательных крестов средневекового Пскова // РА. № 1.
- Колчин Б.А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М.
- Кондаков Н.П., 1896. Русские клады: Исследование древностей великокняжеского периода. СПб. Т. 1.
- Леопардов Н.А., 1892. О начале Руси со стороны историко-археологической. Киев.
- Мусин А.Е., 1999. Археология древнерусского паломничества в Святую Землю в XII–XIV вв. // Богословские труды. № 35: К 150-летию Русской духовной миссии в Иерусалиме (1847–1997). М.
- Мусин А.Е., 2003. «Камень аспиден зелен»: Об одной группе древнерусских крестов из порфирита // РА. № 3.
- Мусин А.Е., 2010. Церковь и горожане средневекового Пскова: Историко-археологическое исследование. СПб.
- Павленко С.В., 2008. Исследования древнерусских специализированных поселений по обработке пиррофиллитового сланца (на примере поселения Прибытки I) // Сельская Русь в IX–XVI вв. М.
- Полубояринова М.Д., 1994. Полудрагоценные камни и янтарь в Древнем Новгороде // Новгородские археологические чтения: Мат. науч. конф., посвящ. 60-летию археологического изучения Новгорода и 90-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А.В. Арциховского (Новгород, 28 сентября – 3 октября 1992 г.). Новгород.
- Родина М.Е., 1998. Янтарные украшения из археологических коллекций Владимиро-Суздальского музея-заповедника // Историческая археология: Традиции и перспективы. М.
- Шаповалов Р.Г., 2000. Классификация и хронология изделий из янтаря Неревского раскопа // Новгород и Новгородская земля: история и археология. Великий Новгород. Вып. 14.

М.А. Очир-Горяева

Калмыцкий Институт

гуманитарных исследований РАН, Элиста

К. фон Карнап Борнхейм, Э. Кекеев

Археологическое управление

Федеральной земли Шлезвиг-Гольштайн, Шлезвиг

Открытие первого на территории Калмыкии памятника городского типа эпохи средневековья

В 2010 г. совместной экспедицией ГУ «Калмыцкий Институт гуманитарных исследований РАН» (Россия, г. Элиста) и Археологического Ландесамта (Германия, г. Шлезвиг-Гольштайн) на территории Городовиковского р-на Республики Калмыкия было проведено первичное изучение поселения эпохи средневековья, названного Башанта по названию протекающей вблизи речки. Поселение находится на северном побережье Чапаевского оз., или оз. Цаган Нур.

Проведенная комплексная работа включала: изучение архивных и литературных источников, опрос местного населения, облет памятника на легкомоторном самолете, составление подробного топографического плана памятника в масштабе 1:500 см, охватывающего площадь более 4 га, составление базы данных поверхностных находок (обтесанных блоков ракушечника, фрагментов керамики и черепицы). Керамика из шурфов и подъемный материал датируются домонгольским временем, что является свидетельством однослойности памятника (определения Н. Кокориной – ИА РАН, и С. Болелова – Музей искусства народов Востока). Заложены разведочные шурфы, выявившие следы построек, фундаментом которых служил слой камня-ракушечника, а стены были выложены саманными кирпичами. Судя по наличию фрагментов черепицы и прямоугольных тесаных блоков ракушечника, можно предполагать наличие кроме саманных зданий каменных построек на территории памятника.

Северное побережье озера, где находится поселение Башанта, имеет плавное изогнутый абрис. От канала, который расположен строго на востоке, линия побережья поднимается на север по линии ЮВ–СЗ и заканчивается бухтой с правильной полукруглой линией побережья. В центре восточной бухты был заложен шурф 1. Северо-восточный участок побережья озера составляет небольшое возвышение, которое образует восточный берег упомянутой восточной бухты. Западное побережье бухты образует другое возвышение, определенное как мыс. Мыс является наиболее высокой точкой на территории поселения Башанта. Ширина этого мыса по прямой примерно 320 м, абрис побережья имеет правильную полукруглую форму. Далее на запад побережье озера образует еще одну бухту, названную нами западной.

Вдоль линии побережья в зоне примерно 100 м от берега в глубь степи зарегистрированы 42 тесаных блока ракушечника, вывернутых из земли в процессе строительства с помощью тяжелой техники дамбы вокруг северного побережья озера. Длина камней варьирует от 25 до 70 см, ширина – от 20 до 45 см, высота – от 10 до 30 см. Вдоль побережья на территории восточной бухты, мыса и расположенной далее западной бухты собраны многочисленные фрагменты гончарной красноглиняной керамики и фрагменты красноглиняной черепицы. Черепица представлена двумя формами: плоская

с бортиком и полукруглая в сечении. Края плоской черепицы имеют абрис в виде геометрически выполненных выступов.

Керамика делится на две группы: 1) из глины хорошего качества с незначительными примесями хорошо измельченной извести и, в меньшей степени, мелкоколченого шамота – 93,4% от общего количества; 2) из глины с примесями извести и крупных фракций шамота – 6,6%. Первая группа включает фрагменты тонкостенных сосудов, как можно предполагать, в основном закрытых форм. Ко второй группе относятся фрагменты сравнительно толстостенных сосудов, может быть, хозяйственного назначения. Судя по нескольким профильным частям, в состав керамического комплекса Башанта входили миски, кувшины и лепные горшки.

Для выявления культурного слоя поселения были заложены три шурфа на восточном берегу восточной бухты и три шурфа на мысу – в самом высоком месте побережья. В шурфах на мысу обнаружен слой плотно уложенных камней, закрепленных с помощью глины. Из трех шурфов в бухте наиболее информативным оказался шурф 1. В нем обнаружена кладка из плотно уложенного битого ракушечника – фундамент северо-восточного угла и части восточной стены постройки, расположенной строго по линии С–Ю. Расположение крупных тесаных блоков ракушечника на уровне 1 по диагонали длинной стороны шурфа, по

всей видимости, было не случайным, т. к. они в плане располагались именно в угловой части каменной кладки на дне шурфа. Стены постройки были сложены из саманного кирпича размерами 40x15x15–10 см. Основная часть находок в заполнении шурфа и на его дне была сделана вдоль восточной стены шурфа, что также можно понимать как следы человеческой жизнедеятельности, маркирующие место вокруг стен постройки. В заполнении над кладкой фундамента найдено всего несколько фрагментов керамики, черепицы и костей животных. Очертания саманных кирпичей образуют линии. В западном профиле прослеживаются нижний ряд саманных кирпичей, расположенный горизонтально, и верхний, расположенный под углом наверх с севера на юг. Этой же закономерности подчинен ряд кирпичей из восточного профиля шурфа. Они также расположены под углом наверх с севера на юг. Получается, что саманные кирпичи падали не по одному, а рядами.

В Сборнике статистических сведений Ставропольской губернии за 1868 г. упоминаются «неисследованные археологически развалины древних построек, из крепкого кирпича железняка, квадратной формы, находящиеся близ Маныча, в балке Кистень-Кисе (средоточие, – в прямом смысле пуп) на урочище Байшента (Бентковский, 1868. С. 107, 108).

Местное население до 1970-х гг. «добывало» строительный материал на Чапаевском оз.

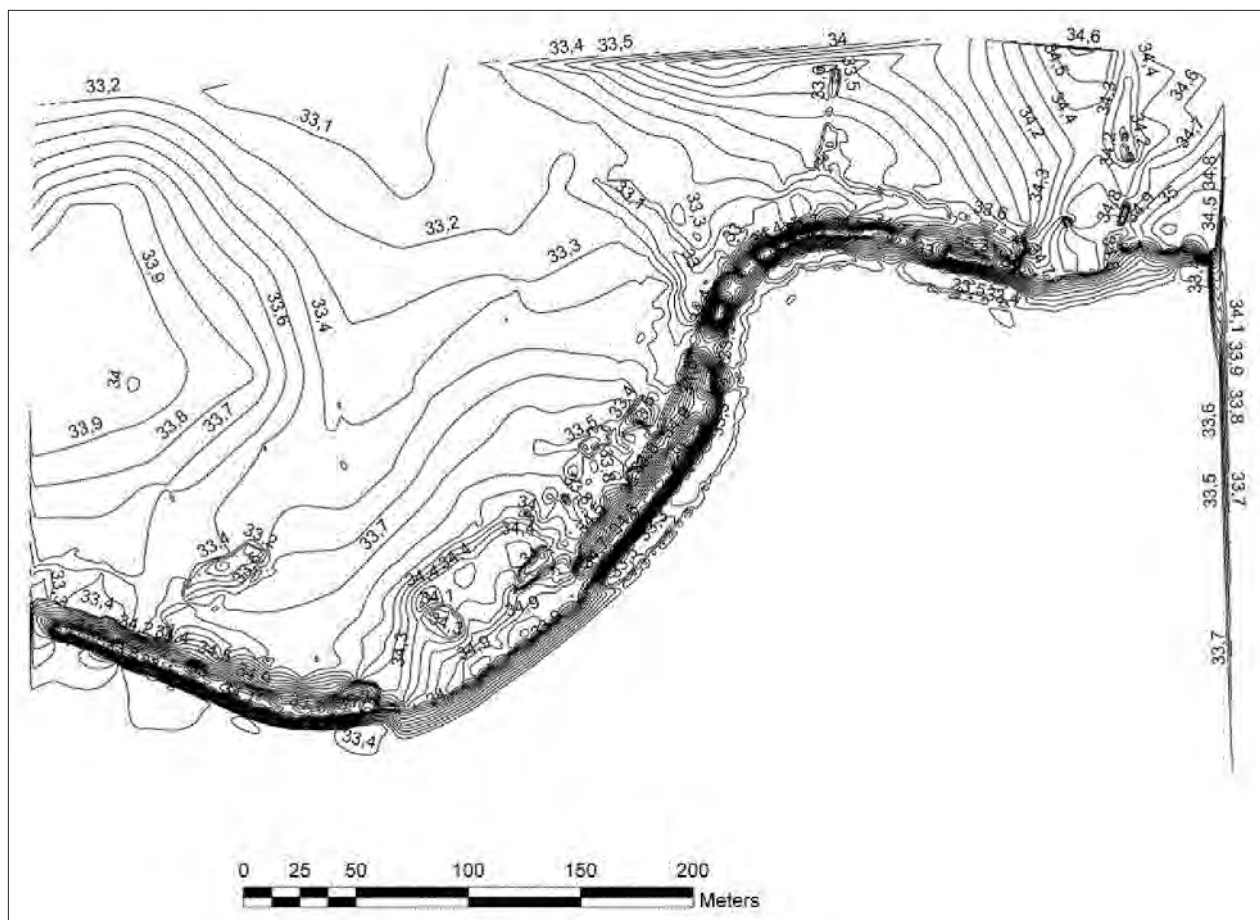

Рис. 1

Башанта-2010. Топографический план. Справа – бухта, слева – мыс

*С.Г. Пархимович**ООО НПО «Северная археология 1», Нефтеюганск*

Деревянные «коники» Мангазеи и Великого Новгорода

Оригинальное явление древнерусской культуры – «коники», резные деревянные скульптурки коней, – известно по материалам раскопок Великого Новгорода. В конце 1960-х гг. эта категория деревянных поделок была систематизирована Б.А. Колчиным. В коллекции, состоявшей к тому времени из 45 фигурок, он выделил по изобразительной и конструктивной манере исполнения 3 разновидности: плоские, объемные и стоящие укороченные. Среди них 3 типа: с ногами, без ног, но с широким низом-ставцом, и на колесиках. Хронологические рамки бытования «коников» – X–XV вв. Все фигурки интерпретированы как детские игрушки. За пределами Новгорода подобные изделия встречены при раскопках в Старой Ладоге и Пскове.

Новое обращение к этой тематике связано с находками «коников» в 2002–2009 гг. на Мангазейском городище (1601–1672 гг.). В мангазейской коллекции 14 «коников», из которых лишь один – из сосновой коры, с ногами и отверстием в тулове для оси, на которой крепились колесики, – может безоговорочно считаться детской игрушкой. Остальные представляют собой в различной степени стилизованные изображения: все – без ног и отверстий для оси, с плоским ставцом, вырезаны из тонких досочек, за исключением одной, вырезанной из тонкого ствола с сучком. У 9 экземпляров продолговатые подпрямоугольные или скошенные туловища, мощная изогнутая шея, вытянутая морда с выступами-ушами. В 3 случаях в рельефе выделены седла, а в 2 на холках вырезаны V-образные поднятые крылья. Стоящие полуфигуры, анало-

гичные новгородским, представлены 2 экземплярами. У них подтреугольные основы, увенчанные гипертрофированной головой с выступами-ушами. Оригинальна двуглавая стилизованная фигурка, находящая аналогии в оформлении спинок биконьковых гребней, распространенных в средневековых древнерусских памятниках, и охлупнях Русского Севера. Кроме деревянных фигурок, на памятнике найдена профильная стилизованная фигурка коня, вырезанная из кожи.

Предельная стилизация мангазейских «коников», за исключением единственной игрушки, наличие таких фантастических черт, как крылатость и двуглавость, а также обстоятельства их нахождения в культурном слое (3 фигурки найдены в основаниях печей, 1 – под завалинкой избы, 2 – под углами крылец, 1 – в углу окладного венца), позволяют отнести их к атрибутам строительной магии.

Особую роль образа коня в строительной обрядности, оформлении экстерьера и интерьера изб исследователи русских древностей интерпретируют как реликты языческих представлений о зооморфных духах-хранителях, домовых.

Таким образом, мангазейские материалы позволяют расширить географию и хронологические рамки этого явления древнерусской культуры и выделить группу культовых изображений, связанных со строительной магией. Последнее обстоятельство дает основание инициировать выяснение контекста залегания новгородских стилизованных «коников», оставшегося за рамками обобщающей работы Б.А. Колчина.

*А.В. Пачкалов**Финансовый университет
при Правительстве РФ, Москва*

О монетном обращении на Верхнем и Нижнем Джулате

В настоящее время с золотоордынским Джуладом отождествляют два притерских городища, называемых условно Верхним и Нижним Джулатом (Верхний Джулат – у с. Эльхотово в Северной Осетии, Нижний – возле г. Майский в Кабардино-Балкарии). Оба памятника археологически изучены слабо. По опубликованным материалам, немногочисленные монеты с обоих памятников относятся к 1370–1390 гг.

Еще Х.М. Френом была опубликована золотоордынская монета второй половины XIII в., отнесенная им к Джуладу. В настоящее время ясно, что эта монета не имеет отношения ни к Джуладу, ни к Северному Кавказу. Само существование монетного двора Джулада является в настоящее время неподтвержденным.

В последнее время автору стало известно о многочисленных находках средневековых монет (исчисля-

ющихся тысячами, в основном золотоордынских) как на Нижнем, так и на Верхнем Джулате, сделанных кладоискателями. К сожалению, информация, полученная о монетных находках, неполна. Многие монеты проданы различным частным коллекционерам, поэтому восстановить состав найденных монет будет едва ли возможно в будущем. Оба археологических памятника в настоящее время продолжают активно разрушаться кладоискателями.

Известно о находке на Нижнем Джулате как минимум одного клада серебряных золотоордынских монет XIV в. Состав осмотренных монет: *Джанибек*: Сарай ал-Джедид, (?) г. – 2; Гюлистан, 753 г.х. – 1; *Бердибек*: Гюлистан, 759 г.х. – 1; Сарай ал-Джедид, 760 г. х. – 1; *Кульпа*: Гюлистан, 760 г.х. – 1; *Тимур-Ходжа*: Сарай ал-Джедид, 761 или 762 г.х. – 3; *Хызр*: Гюлистан, 761 г. х. – 1; Сарай ал-Джедид, 761 г. х. – 2, 762 г.х. – 1. Исходя из имеющейся информации, можно полагать, что клад был сокрыт в начале 1360-х гг.

В.Л. Егоров считал, что расцвет Верхнего Джулата пришелся на XIV в., а Нижнего Джулата – на XIII–XIV вв. Полученные в последнее время материалы позволяют более ясно датировать время существования обоих памятников. Сомнительной представляется попытка локализации на месте Верхнего или Нижнего Джулата города Деякова, упомянутого в русских летописях в связи с событиями конца XIII – начала XIV

в. Монет этого времени на обоих памятниках нет. Расцвет Нижнего Джулата пришелся на конец XIV – начало XV в. (именно к этому времени и относятся упоминания Джулата в нескольких письменных источниках). Примечательно почти полное отсутствие на памятнике монет первой половины и середины XIV в.; это позволяет с большой долей уверенности полагать, что в это время населенный пункт на месте Нижнего Джулата был очень небольшим или не существовал вовсе. Подъем города, находившегося на месте Нижнего Джулата, пришелся на конец XIV в. Маджар, другой крупный золотоордынский город на Северном Кавказе, также существовал во второй половине XIV в., однако монет конца XIV – начала XV в. на Маджарском городище значительно меньше. Можно полагать, что в самом конце XIV в. Маджар был уже почти полностью оставлен населением. Значение же города, находившегося на месте Нижнего Джулата, продолжало сохраняться и после похода Тимура, в начале XV в. Возможно, что тогда этот город был крупнейшим на Северном Кавказе. Зафиксированы на Нижнем Джулате находки монет самого начала XV в. (последние ордынские монеты – времени правления хана Шадибека; монеты этого правителя многочисленны среди находок на Нижнем Джулате). Отсутствие информации о монетах более позднего времени позволяет предполагать, что город был оставлен примерно на рубеже первого и второго десятилетий XV в.

М.И. Петров

Центр по организации и обеспечению археологических исследований Новгородского государственного объединенного музея-заповедника, Великий Новгород

Славенский конец средневекового Новгорода: НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Охранные археологические исследования позволяют существенно увеличить объем новой информации о средневековом Новгороде. Работы на малой площади (в новгородских условиях обычно не более 300 м²) не дают больших вещевых коллекций и предоставляют ограниченную информацию о характере усадебной застройки на исследуемом участке.

Изучение усадебных комплексов, вскрываемых в результате охранных работ, является не единственным направлением исследований. Значительный интерес представляют новые материалы по топографии средневекового Новгорода, позволяющие установить время освоения исследованного участка; хронологический диапазон бытования застройки; характер использования участка в изученном хронологическом отрезке. Комплексное изучение археологических данных (материалов охранных

раскопов и надзора за земляными работами), письменных и картографических источников позволяет ставить вопрос о динамике развития средневекового Новгорода.

В течение последних лет на территории Славенского конца (южная часть Торговой стороны Новгорода) проведен ряд охранных исследований. Небольшая площадь каждого из раскопов компенсируется широким охватом территории. В ходе работ выявлены остатки усадебной застройки, прослежены трассы 3 уличных мостовых, неизвестных прежде; выявлено отсутствие уличной трассы, известной по картографическим источникам; исследованы характер напластований и специфика землепользования на территории раскопов.

Установлено не только постепенное освоение различных окраинных участков города, но и их дина-

мичное использование, когда городские участки, занятые застройкой на начальном этапе освоения, затем в течение долгого времени (до 150 лет) оставались незастроенными. Кроме того, «окраинные» раскопы показали высокий уровень вероятности обнаружения на них ремесленных мастерских.

Охранные работы в южной части Торговой стороны Новгорода позволяют более четко определить гра-

ницы древнейшего ядра Славенского конца, что дает новые возможности для изучения проблемы возникновения Новгорода. Стратегической целью археологического изучения Славенского конца представляется заложение раскопа большой площади, который даст своеобразный «стержень» для составления подробной картины существования одного из древнейших районов средневекового Новгорода.

А.Д. Пряхин

Воронежский государственный университет, Воронеж

Изучение комплекса памятников древнерусского времени Вантит на северной окраине г. Воронежа и придание территории статуса музейно-паркового комплекса

Среди комплексов памятников древнерусского времени на пространствах Восточной Европы, к научному статусу которых применимо понятие «уникальных археологических территорий», безусловно может быть отнесена и группа памятников на северной окраине современного Воронежа.

Речь идет о серии городищ и курганных могильников последних веков I тыс. н. э. – начала XI в., расположенных на почти десятикилометровом участке высокого правого берега р. Воронеж (от санатория им. Горького до моста окружной автодороги) – городищах Кузнецовское, Михайловский Кордон, двух Белогорских, возможно, Егеревский Кордон и пяти курганных могильниках (Кузнецовский, Лысогорский и три Белогорских).

Здесь я не ставлю перед собой задачу обосновать употребление по отношению к этим памятникам названия некогда находившегося в начале пределов славянских земель и известного по данным восточных авторов (Ибн Руст, Гардизи, «Худут ал-Алем») города Вантит (Ва.иТ, Вабит), о чем уже сказано немало. Речь скорее идет о необходимости продолжения археологического изучения этого сгустка памятников и реализации идеи создания здесь музейно-лесопарковой зоны.

Первое целостное описание этих мест без подробностей об отдельных объектах дал еще в конце XIX в. Л.Б. Вейнберг (1891. С. 36). У него речь идет об участке правого берега р. Воронеж от района Лысой горы до рубежа Чертовицкого (в 8 км ниже по течению от одноименного села). Л.Б. Вейнберг пишет о тянущихся вдоль восточного берега реки городищах, курганных могильниках. Отмечает он и тот факт, что на всем пространстве нет точки, где на незначительной глубине не встретились бы осколки древних сосудов, угли, кости, другие предметы.

В 1928 г. экспедиция ГАИМК под руководством П.П. Ефименко провела небольшие по масштабам раскопки на Кузнецовском (Козарском) городище, городище у Михайловского кордона, Кузнецовском и Лысогорском курганных могильниках. Охранного характера работы в 1932–1934 г. проводил Воронежский областной краеведческий музей на Кузнецовском городище. Относящиеся к последним векам I тыс. материалы с этих памятников были опубликованы П.П. Ефименко и П.Н. Третьяковым (1948. С. 91–112).

Со второй половины 1960-х гг. к изучению памятников древнерусского времени в нижнем течении р. Воронеж приступает экспедиция Воронежского госуниверситета. Исследование их ведется в основном под руководством А.З. Винникова (1984. С. 46–147; 1995. С. 158, 159; и др.). Проведены ограниченные по масштабам раскопки на большинстве памятников, относимых к роменско-боршевской (боршевской) культуре.

Привлечению внимания к этим памятникам способствовал изложенный в конце 1960-х гг. Б.А. Рыбаковым подход, согласно которому известный по сведениям арабских источников средневековый город Вантит предположительно идентифицировался с находившимся на сухопутном пути Киев – Булгар городищем у Михайловского кордона (Рыбаков, 1969. С. 189–196).

Целенаправленное обследование предполагаемых мест остановок на пути из Киева в Булгар проводит в 1989–1991 гг. совместная экспедиция Института археологии Академии наук Украины и Института языка, литературы и истории Татарстана (руководители А.П. Моца и А.Х. Халиков). В обследовании воронежского участка пути приняли участие М.В. Цыбин и А.Д. Пряхин. Результаты были изложены в докладах на научных конференциях, состоявшихся в 1990 г. в Воронежском госуниверситете, а в следующем

году – в Институте языка, литературы и истории Татарстана в Казани. Тогда же было высказано суждение о возможности отождествления Вантита с находящимся выше по течению р. Воронеж Животинным городищем (Иевлев, Моца, 1992. С. 27; Халиков, 1992. С. 15), а еще ранее – с Титчихинским городищем на р. Дон (Моца, Халиков, 1997. С. 180; Винников, 1995, С. 72; Москаленко, 1981. С. 78, 79).

Собственно, в то время формировалось и мое представление о Вантите как о комплексе взаимосвязанных городищ роменско-боршевской культуры к северу от современного Воронежа, среди которых наибольшее – городище у Михайловского кордона. На формирование подхода большое влияние оказало посещение этих памятников ведущими российскими учеными В.П. Алексеевым, Т.И. Алексеевой, В.В. Седовым и ведущими украинским исследователями П.П. Толочко и А.П. Моцей. Уже тогда этот комплекс памятников оценивался как уникальная археологическая территория, что сопровождалось постановкой вопроса о необходимости создания здесь музейно-паркового комплекса «Вантит» (Пряхин, 1993. С. 55–58; 1995. С. 159–179; и др.).

Но, конечно же, более обстоятельная аргументация изложенного подхода во многом зависела от целенаправленного изучения этого комплекса памятников как единого целого. С этой целью в 1993–1996 гг. сотрудники кафедры археологии ВГУ под общим руководством А.Д. Пряхина проводили сплошное обследование территории, в результате чего были зафиксированы свидетельства рассматриваемого времени и на промежуточной территории между городищами, что свидетельствует об интенсивном хозяйственно-бытовом освоении территории в VIII – начале XI в. Обследование городищ и курганных могильников сопровождалось инструментальной съемкой как этих, так и других находящихся на данной территории памятников эпохи бронзы – раннего средневековья, число которых достигает 34. В те же годы под руководством Ю.П. Матвеева, Ю.Д. Разуваева, М.В. Цыбина осуществлялись ограниченные по масштабам раскопки отдельных объектов.

Оценке связываемого с Вантитом комплекса памятников был посвящен мой доклад на состоявшемся в 1996 г. в Новгороде VI международном конгрессе славянской археологии (Пряхин, 1997. С. 109–117). Годом позже публикуются результаты изучения в 1993–1996 гг. комплекса памятников Вантит, что, конечно же, способствовало целостному восприятию этого ядра памятников древнерусского времени как единого целого. Подавляющее число городищ, за исключением Кузнецовского и Егеревского, находится в лесу (Воронежская нагорная дубрава). Почти все они имеют хорошую сохранность (Пряхин и др., 1997а; Пряхин и др., 1997б). Публикацией был завершён этап, основным итогом которого стало формирование целостного представления об этом уникальном микрорайоне памятников, находящихся в пределах Воронежской нагорной дубравы, являющейся в свою очередь памятником природы.

В этом ядре наряду с другими оказались крупнейшее для восточных пределов славянского мира городище у Михайловского кордона, где четко фиксируются более 630 западин, образовавшихся на месте жилых и иных помещений древнерусского времени (Пряхин и др., 1997а. С. 30, 31. Рис. 14), и насчитывающее более 300 западин II Белогорское городище, вблизи которого находится крупнейший в Подонье II Белогорский курганный могильник (565 насыпей). В этом могильнике, как и в Лысогорском, находящемся между городищами у Михайловского кордона и Кузнецовским, где только на не подвергшейся разрушению площадке зафиксировано около 240 курганов, наряду с небольшими насыпями представлены и насыпи, имеющие диаметр до 15 м, а высоту – до 3 м. Но, к сожалению, раскопками они не изучались. Особо следует отметить неустойчивость погребальной традиции, что объясняется длительным совместным проживанием здесь славянского и алано-болгарского этносов (роменско-боршевская и салтово-маяцкая культуры), о чем многократно писал А.З. Винников (Винников, 2011. С. 199–202, 214; и др.). Взаимодействие двух миров прослеживается и по многим другим показателям. Тем самым находит подтверждение сообщение персидского Анонима, отмечавшего смешанный состав населения Вантита.

В названные годы предпринимаются усилия, нацеленные на образование на базе комплекса памятников археологического музея-заповедника, территория которого вполне может стать и лесопарковой зоной современного Воронежа. Но практических шагов организационного характера тогда не последовало. До лучших времен откладывается и рассчитанное на перспективу изучение их раскопками.

Между тем, из года в год возрастает антропогенный прессинг на территорию. Здесь все более зримо «хозяйничают» черные археологи, которые в погоне за отдельными находками обезображивают памятники, фактически лишая сегодняшнее и будущие поколения ощущения связи времен.

Недавно образован общественный совет по сохранению объектов археологического наследия на территории Воронежской обл., который возглавил губернатор А.В. Гордеев. Благодаря активному вмешательству археологической общественности и непосредственно губернатора удалось приостановить уже развернувшиеся земляные работы вблизи городища у Михайловского кордона. Археологи провели небольшие по масштабам, но важные по полученным результатам, работы разведочного характера. Получены свидетельства сарматского и древнерусского времени. Но отдельных акций, подобных названной, сейчас уже явно недостаточно.

Необходимо развертывание работ, направленных на регистрацию отдельных памятников Вантита в реестре объектов федерального наследия народов Российской Федерации, оформление новых паспортов объектов, внесение соответствующих сведений в государственный кадастр недвижимости. Думаю, что

настало время подумать и над разработкой закона об охране и использовании этой уникальной природно-археологической территории России, предусматривающего проведение междисциплинарных научных исследований, подчиненных идее сохранения археологического наследия, музеефикацию отдельных выявляемых в ходе раскопок объектов, в целом развитие музейно-лесопаркового комплекса «Вантит». С соответствующими обращениями к губернатору Воронежской области А.В. Гордееву выступили видные российские и украинские ученые: академик-сек-

ретарь Отделения историко-филологических наук РАН, член президиума РАН, академик А.П. Деревянко, руководитель Новгородской археологической экспедиции академик В.Л. Янин, директор Института археологии НАН Украины академик П.П. Толочко.

Предпринимая шаги, направленные на создание музейно-паркового комплекса «Вантит», уместно учесть опыт организации и функционирования базирующихся на потенциале природного и археологического наследия Верхнего и Среднего Подонья музеев-заповедников «Галичья Гора», «Костёнки», «Дивногорье».

Ефименко П.П., Третьяков П.Н., 1948. Древнерусские поселения на Дону // МИА. № 8.
 Вейнберг Л.Б., 1891. Очерк замечательнейших древностей Воронежской губернии. Воронеж.
 Винников А.З., 1984. Славянские курганы лесостепного Подонья. Воронеж.
 Винников А.З., 1995. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII – начало XI века). Воронеж.
 Винников А.З., 2011. Хазары: миф и история. М.; Иерусалим.
 Иевлев М.М., Моця А.П., 1992. «Русский» участок на пути Булгар – Киев (особенности поселений и маршрута) // Путь из Булгара в Киев. Казань.
 Москаленко А.Н., 1981. Славяне на Дону (Боршевская культура). Воронеж.
 Моця А.П., Халиков А.Х., 1997. Булгар – Киев: Пути – связи – судьбы. Киев.

Пряхин А.Д., 1993. Вантит // Культурно-историческое единство Евразии и Великий шелковый путь. М.
 Пряхин А.Д., 1995. Археология и археологическое наследие. Воронеж.
 Пряхин А.Д., 1997. Комплекс памятников конца I тыс. н. э. на северной окраине Воронежа: проблема локализации Вантита // Тр. VI междунар. конгресса славянской археологии. М. Т. I.
 Пряхин А.Д., Беседин В.И., Разуваев Ю.Д., Цыбин М.В., 1997а. Вантит: Изучение микрорегиона памятников у северной окраины Воронежа. Воронеж. Вып. 1.
 Пряхин А.Д., Беседин В.И., Разуваев Ю.Д., Сафонов И.Е., Цыбин М.В., 1997б. Вантит: Изучение микрорегиона памятников у северной окраины Воронежа. Воронеж. Вып. 2.
 Рыбаков Б.А., 1969. Путь из Булгар в Киев // Древности Восточной Европы. М.
 Халиков А.Х., 1992. Торговые пути Булгарии в IX–XIII веках и их археологическое изучение (на примере пути из Булгара в Киев) // Путь из Булгара в Киев. Казань.

М.А. Родионова

Центр по организации и обеспечению археологических исследований Новгородского государственного объединенного музея-заповедника, Великий Новгород

Новгородский детинец и Владычный двор в XI–XV вв. (по данным археологических исследований)

В связи с накоплением новых материалов (археологические исследования конца XX – начала XXI в.) возникла необходимость включения их в научный оборот и рассмотрения в общем контексте развития топографии, планировки и материальной культуры Новгородского детинца. При небольшом объеме письменных источников очевидна приоритетная роль археологических источников по ранней истории Новгородского детинца и Владычного двора как его важнейшей части. В свою очередь исследование ранней истории Новгородского детинца неразрывно связано с проблемой происхождения Новгорода, в том числе возникновения первоначальных укреплений на этой территории и формирования Владычного двора как общественного и религиозного центра древнего города («Дом Святой Софии»).

Актуальность темы заключается в комплексном изучении детинца как топографического, административного, религиозного, культурного, военно-оборонительного центра древнего Новгорода.

Целью исследования является введение в научный оборот новых археологических источников, обобщение уже накопленного материала и формулирование на их основе современного представления о развитии Новгородского детинца и Владычного двора в XI–XV вв. Исследуемая территория включает в себя северную часть современного кремля, рассматриваемую как древнейшее ядро детинца и сохранившую исторически сложившиеся границы бывшего Владычного двора. Хронологические рамки определены доминирующим значением археологии в изучении ранних, наименее документированных, периодов истории детинца. Теоретическую основу концепции составляют новейшие представления о градообразующих и репрезентативных функциях фортификационно-культовых объектов в эпоху средневековья. В задачи исследования входит рассмотрение взаимосвязи детинец – Владычный двор, подразумевающей выявление структурообразующих элементов исторической топографии древнейшего

ядра детинца, изучение планировочной структуры Владычного двора.

Основные результаты исследования и выводы. Первоначальные укрепления детинца возникли на уже освоенной территории. Этап раннего заселения этой территории относится к третьей четверти X в. (дендродата – 963 г.).

Вопрос о времени сооружения первоначальных укреплений детинца остается открытым до получения новых археологических материалов с точными датировками. Материалы кремлевского раскопа 2008–2010 гг. косвенно свидетельствуют о том, что в период с середины XI до середины XII в. на этой территории проводились масштабные планировочные работы, по всей видимости связанные с сооружением этих укреплений.

Строительство Софийского собора в середине XI в. положило начало формированию Владычного двора, религиозного центра и замкнутой структуры, существовавшей внутри детинца. Устойчивая планировка деревянного Владычного двора по археологическим данным прослеживается со второй половины XII до первой четверти XV в., когда при архиепископе Евфимии начинается ее кардинальное изменение в связи с началом активного каменного строительства.

Несмотря на различное функциональное назначение детинца (как внутренней городской крепости, цитадели) и Владычного двора (как определенного политического института), изначально и на протяжении рассматриваемого исторического периода прослеживается их неразрывная взаимосвязь.

А.Б. Романовский

Псковский государственный педагогический университет, Псков

Категории стеклянных изделий из раскопов г. Пскова: предварительные итоги изучения

Одной из распространенных категорий археологических находок, встречающихся в слоях средневекового Пскова, является стекло и разные по номенклатуре стеклянные изделия.

К стеклу Пскова как к категории археологических находок обращались несколько исследователей. Во-первых, это Ю.Л. Щапова и В.И. Лабутин (1985). Опубликованные тезисы доклада в общих чертах определяют номенклатуру, хронологию и происхождение изделий из стекла, обнаруженных в раскопах на ул. Ленина. Одним из достижений такого первого обобщения является фиксация специфики в наборе номенклатуры изделий из стекла. На основе обработанного материала Ю.Л. Щапова отмечала, что основная часть находок представлена бусами, меньше оконного стекла, посуды, браслетов, перстней, пуговиц. При этом посуда и оконное стекло в Пскове составляют примерно половину всех находок (Щапова, Лабутин, 1985. С. 24).

Одной из особенностей номенклатурного набора стеклянных изделий Пскова является необычная для древнерусских городов редкость стеклянных браслетов. Однако причины такой специфики пока не ясны.

К вопросу изучения социальной топографии и культуры Пскова XI–XVII вв. на основе изделий из стекла обращался С.Э. Козлов (1989а; 1989б). Им предпринята попытка использовать распределение и концентрацию находок из стекла для определения социального и имущественного статуса владельцев усадеб.

В рамках подготовки научно-исследовательского проекта «Средневековый Псков по данным археологии» согласно договору ПГПИ с Администрацией Псковской обл. составлена база данных археологичес-

ких находок из раскопов на ул. Ленина (1967–1991 гг.). Общее количество индивидуальных находок из стекла составило 825 единиц, из них 376 – это бусы и бисер, кроме того, учтены 64 браслета, 9 перстней, 13 вставок, 122 фрагмента оконного стекла и 96 – посудного.

Стеклянные изделия как одну из категорий импорта рассматривал А.В. Михайлов (2006). Им была проведена работа по распределению находок изделий из стекла, происходящих из раскопов на ул. Ленина (1967–1991 гг.), по ярусам. По его наблюдениям, изделия из стекла на изученной территории города встречаются со 2 по 14 ярусы, т.е. с первой четверти XI в. по первую половину XVII в. При этом их максимальное количество приходится на ярусы 6–7 (90-е гг. XIII в. – 1335 г.) (Михайлов, 2006. С. 122). Стеклянные браслеты в раскопах на ул. Ленина распространены с 5 по 12 ярусы (середина XI в. – 1386 г.). Пик встречаемости приходится на 40-е гг. XIII в. – 1335 г. Стеклянные перстни встречаются в том же хронологическом диапазоне, что и браслеты.

Оконное стекло найдено в ярусах, датированных концом XII – серединой XVI в. Основная масса оконного стекла приходится на слои, относящиеся к позднему средневековью и раннему новому времени. Максимальное количество оконного стекла приходится на 1319–1386 гг.

Стеклянная посуда концентрируется в пределах ярусов 2–12 (середина XI в. – первая половина XVII в.), максимум ее распространения в слое практически совпадает с таковым оконного стекла (Там же. С. 125).

Дальнейшее изучение категорий изделий из стекла, происходящих из раскопов в г. Пскове, будет про-

водиться в соответствии с принятым на сегодняшний день системным подходом, включающим последовательное изучение морфологии, техники и технологии

изготовления и химического состава. Это позволит более детально говорить об источниках поступления изделий из стекла в г. Псков.

Козлов С.Э., 1989а. К изучению вопросов социальной топографии и культуры Пскова XI–XVII вв.: Дипломная работа / Каф. Музееведения и археологии ПГПУ. Псков.

Козлов С.Э., 1989б. Топография изделий из стекла из раскопок Пскова // Археология и история Пскова и Псковской земли: Мат. семинара. Псков.

Михайлов А.В., 2006. Предметы импорта из раскопок на ул. Ленина в Пскове (1967–1991 гг.) // Археология и история Пскова и Псковской земли: Мат. семинара. Псков.

Щапова Ю.Л., Лабутин В.И., 1985. Стекло древнего Пскова // Археология и история Пскова и Псковской земли: Мат. семинара. Псков.

К.А. Руденко

*Казанский государственный университет
культуры и искусств, Казань*

Булгарские селища по археологическим данным: методические и процедурные аспекты исследования

Активное археологическое изучение булгарских селищ началось относительно недавно – во второй половине XX в. Причем целенаправленное и комплексное изучение активно велось только с конца 1960-х гг. К началу XXI в. были достигнуты впечатляющие результаты в этой области, но тем не менее обозначился и ряд серьезных проблем. Это, во-первых, крайняя неравномерность изученности булгарских и булгаро-ордынских селищ. Во-вторых, это диспропорция территориального охвата изученных поселений. В нашем распоряжении имеется массовый материал с памятников в зоне Куйбышевского водохранилища, причем в основном из приустьевой зоны Камы, но что касается селищ вне пределов этой территории, то они едва затронуты раскопками. Даже материалы разведок 1960–1970-х гг. в публикациях представлены крайне ограниченно. В-третьих, исследованные раскопками селища в силу разных причин разноинформативны. Например, нередки случаи, когда поселение по преимуществу просто размыто и установить раннюю и позднюю его части не всегда представляется возможным.

Даже моделирование ситуации на основе микрорегионального исследования, весьма успешное и применимое в качестве универсального методического приема при изучении средневековых селищ Северо-Восточной Руси и Булгарии, здесь в полной мере не срабатывает. Не оспаривая теоретической важности такого приема, который не раз и нами отмечался как основной в булгаристике, стоит заметить, что как

объективные, так и субъективные факторы не позволяют реализовать его в настоящий момент в полной мере, как это, например, сделано в Мининском проекте. Это касается не только «медленных раскопок» (булгарские памятники все же находятся в зоне разрушения, и им грозит естественное исчезновение, причем в весьма короткие сроки), но и естественнонаучных исследований.

Совершенствование методики микрорегионального исследования на основе ГИС-технологий, создание многоуровневых цифровых моделей рельефа в булгаристике также не везде применимы, поскольку в зоне водохранилищ и активного строительства рельеф видоизменился за последние 60 лет – по сути, часть береговой полосы утрачена и восстановить ситуацию можно только на основе старого картографического материала. Впрочем, все же удалось установить значительное своеобразие селищ даже одного микрорегиона, их специфику на относительно небольшой территории, что позволяет говорить о своеобразии региональной булгарской культуры. Можно согласиться, что есть много общего в системе сельского расселения в Восточной Европе, прежде всего на территориях со сходным ландшафтом, однако булгарские селища остаются сугубо индивидуальными в поли-, а не моноэтнических районах, а также в процессе внутренней и внешней колонизации, степени и характере урбанизации. Ключевым мы считаем в данном случае формирование поселенческих агломераций разного уровня.

Население окраин Перми Вычегодской

Предки народа коми известны в русских письменных источниках под именем «пермь». Географические границы перми по рекам впервые очерчены в «Житии Стефана Пермского». Первой называется Вымь, затем Вычегда, Вятка и Кама. Вероятно, название «пермь» первоначально относилось только к предкам коми-зырян, живущим по Вычегде и Выми (пермь вычегодская), а затем, после христианизации, было перенесено на предков коми-пермяков (пермь великая, глаголема Чусовая) и, возможно, удмуртов.

В настоящее время выделяются семь локальных вариантов вымской культуры перми вычегодской, соответствующих территориально-племенным объединениям предков коми-зырян, – вымский, средневычегодский, нижневычегодский, удорский, верхнесыольский, нижнесыольский, прилузский, – однако они изучены неравномерно. Наибольшее количество памятников открыто и исследовано в долине Выми (16 могильников, среди них самые крупные, насчитывающие до нескольких сотен погребений, а также одно поселение). На нижней Вычегде известны четыре могильника, из которых исследованы два; на средней Вычегде – поселение, святилище и пять могильников, насчитывающих до двух десятков погребений; на Вашке и Лузе – по одному могильнику; на Сыsole – три. Среди сыольских памятников особым своеобразием отличаются Вотчинский и Усть-Сыольский могильники. В отличие от памятников вымской культуры, наиболее ранние комплексы которых датируются XI–XII вв., Вотчинский и Усть-Сыольский могильники относятся к X–XI вв. Они отличаются от вымско-вычегодских по топографии, обряду погребения и вещевому инвентарю и обнаруживают близость синхронным родановским и чепецким памятникам (Истомина, 1999. С. 76–102). Материалы Вотчинского и, возможно, Усть-Сыольского могильников позволяют предполагать существование своеобразного нижнесыольского территориально-племенного объединения, занимающего промежуточное положение между вымско-вычегодскими и прикамскими коми. Это подтверждается и данными антропологии. Н.Н. Чебоксаров рассматривал сыольско-прилузских коми как связующее звено между северными и южными (верхнекамскими) коми (Чебоксаров, 1946. С. 67).

В северо- и юго-западных районах современного расселения коми-зырян – на Удоре, Нижней Вычегде, Лузе, по данным лингвистики, топонимии, этнографии, антропологии в формировании коми-зырян прослеживается прибалтийско-финский компонент. Археологически он проявляется в наличии на могильниках внутрипогребальных конструкций в виде срубов и других дощатых сооружений типа домовин. Срубы

выявлены на вымских, нижневычегодских и удорских могильниках. Они составляют около 8% на вымских могильниках, 35,1% на нижневычегодских, более 90% на удорском Вильгортском могильнике (Савельева, 1998. С. 121–136), тогда как на средневычегодских отсутствуют.

В бассейне Вычегды и Лузы выделяются несколько памятников, этнокультурная принадлежность которых не может быть определена однозначно. К ним относятся Ленский могильник на Нижней Вычегде и Лоемский могильник на р. Луза. Ленский могильник, датируемый второй половиной XIII в., расположен на бору Шойна яг (в переводе с коми – Могильный бор); ручей, омывающий бор, также имеет коми название – Шойна шор (Могильный ручей). Однако по погребальному обряду он существенно отличается от памятников перми вычегодской (Савельева, 2005. С. 91–112). На могильнике наряду с погребениями малых и средних размеров вскрыты могильные ямы с глубокими провалами длиной 220–328 см, шириной 154–280 см, глубиной 60–200 см, в которых сохранились сгоревшие или обуглившиеся внутримогильные конструкции – домовины на столбах, покрытые берестой, на дне которых лежали кальцинированные или обуглившиеся кости скелета в анатомическом порядке, что позволяет предполагать кремацию в могильной яме. Некоторые из погребений крупных размеров имеют многоступенчатую конструкцию, погребенные кремированы не в могильной яме, а на стороне. Значительная часть сопровождающего инвентаря расположена за пределами могильных ям, на дневной поверхности могильника. В одном случае выявлены очажные камни, возле которых лежали кальцинированные кости. Прямые аналогии ленскому обряду погребения автору неизвестны. Некоторая близость обнаруживается с памятниками прибалтийско-финского населения Северо-Западной Руси (Савельева, 2005. С. 102). С другой стороны, по вещевому инвентарю, в первую очередь по керамике, могильник может быть отнесен к памятникам перми вычегодской. Различные культурные традиции, прослеживаемые в материалах могильника, могут объясняться смешанным составом населения, что обусловлено пограничным положением памятника между пермью вычегодской и заволочской чюдью. Еще большим своеобразием отличается Лоемский могильник на р. Луза, датируемый XIII–XIV вв. Название с. Лойма, на территории которого расположен могильник, имеет прибалтийско-финское происхождение: финское слово «*loima*» переводится как «пески», бугристое песчаное место, поросшее вереском или мхом. По погребальному обряду и вещевому инвентарю могильник относится

к особому культурному типу, отличаясь от памятников как перми вычегодской, так и соседних регионов. Погребения совершены в грунтовых ямах, характерной особенностью которых является углистая прослойка мощностью от 2 до 25 см на древней дневной поверхности, в которой встречаются кальцинированные кости, обожженные камни. В двух погребениях в могильной яме, в кострищной прослойке с остатками обуглившихся досок, углей, обгорелой бересты, лежал череп. В ряде погребений сохранились остатки дощатых сооружений прямоугольной формы (гробовищ), покрытые берестой. Могильные ямы в большинстве случаев имеют широтную ориентацию. Из 41 погребения одно содержало парное захоронение. Господствующим способом погребения является ингумация. Два погребения совершены по обряду кремации. Предметы погребального инвентаря расположены на дне могильной ямы, на одном уровне с костяком, украшения – так, как их носили при жизни, за исключением поясов в двух погребениях, которые лежали в углу ямы. В двух погребениях стояли глиняные лепные плоскодонные сосуды, в восьми – медные

котелки. Сопровождающий инвентарь отличается большим разнообразием. Многие типы украшений встречаются в субстратных культурах Северо-Западной Руси (води, корелы), Северо-Восточной Руси (веси, заволочской чуди), а также Поволжья (древних марийцев). Популярными украшениями были многобусинные височные кольца, по мнению В.В. Седова, являющиеся этническим индикатором води; полые зооморфные шумящие подвески, среди которых представлены как классические новгородские, так и распространенные на более широкой территории, прежде всего в Костромском Поволжье.

В целом, в наборе вещевого инвентаря прослеживаются различные культурные традиции, однако исходной территорией формирования культуры лоемского населения с наибольшей вероятностью представляется Новгородская земля. Это было субстратное финское население Новгородской земли, испытывавшее древнерусское культурное влияние (Савельева, 1995. С. 92–138), проявляющееся в вещевом инвентаре, технологии изготовления кузнечных изделий, земледельческих традициях.

Истомина Т.В., 1999. Вотчинский могильник // Этнокультурные процессы в древности на Европейском Северо-Востоке (источники и исследования). Сыктывкар. (МАЕСВ. Вып. 16.)
Савельева Э.А., 1995. Лоемский могильник: Этнокультурная принадлежность // Этнокультурные контакты в эпоху камня, бронзы, раннего железного века и средневековья в Северном Приуралье. Сыктывкар. (МАЕСВ. Вып. 13.)

Савельева Э.А., 1998. Удорские памятники эпохи средневековья // Северное Приуралье в эпоху камня и металла. Сыктывкар. (МАЕСВ. Вып. 15.)
Савельева Э.А., 2005. Ленский могильник // Памятники эпохи камня, раннего металла и средневековья европейского Северо-Востока. Сыктывкар. (МАЕСВ. Вып. 17.)
Чебоксаров Н.Н., 1946. Этногенез коми по данным антропологии // СЭ. № 2.

С.А. Салмин

Псковский археологический центр, Псков

Е.В. Салмина

Археологический центр Псковской области, Псков

Завеличье средневекового Пскова X–XIII вв. по материалам Ольгинских раскопок

Завеличье – исторический район Пскова на левом берегу р. Великой – остается наименее исследованным в археологическом плане участком города. Вместе с тем, уже раскопки начала XX в. показали значительную древность освоения этой территории (Окулич-Казарин, 1914. С. 248, 249; Ершова, 1999. С. 84–89). Работы 1980–1990-х гг. показали наличие на Завеличье регулярной застройки XII–XIII вв., позволили сделать выводы о характере и динамике использования этого участка (Королева, 1992. С. 86–88; Харлашов, 1994. С. 75).

Результаты охранных раскопок 2006–2008 гг. в северной части Завеличья средневекового Пскова (напротив Кремля и устья Псковы) стали важным свидетельством сохранности и древности культурных отложений на этой территории.

На Ольгинских I–III раскопах на широкой площади исследованы культурные отложения XI–XIII вв. Зафиксированы следы разделения площади на большие дворы (усадыбы?), обнаружены остатки жилых и хозяйственных построек. Жилые постройки прослежены, главным образом, по остаткам подвальной части и основаниям отопительных сооружений. Здесь же был открыт участок мощенной камнем дороги или улицы этого времени. Замощение составлено некрупным гранитным булыжником и известняковыми плитками, ширина трассы – до 560 см. По обеим сторонам дороги сохранились линии траншей, вырубленных в известняковой материковой плите, следы столбовых ям, фиксирующих опоры оград на различных этапах существования дороги. Непосредственно

под массивом мощения обнаружены вещевые и керамические материалы не позднее XI–XII вв.

Общий набор находок социально-престижного круга позволяет говорить о высоком статусе и имущественном положении жителей (рис. 1). В составе коллекции – серебряные денарии, предметы восточного импорта, богато декорированные предметы вооружения и снаряжения всадника и верхового коня, разнообразные и многочисленные ювелирные украшения, в том числе высокохудожественные и высокотехнологичные изделия (серьга, выполненная в технике скани, бронзовый в полуде с чернью наконечник ремня; перстень с эмалью и тератологическим сюжетом и др.). С использованием сложных приемов изготовлены и некоторые бытовые изделия – инкрустированный бронзой по железу ключ, выполненные в той же технике псалий и стремя. Состав находок отражает также следы ремесел — косторезного и бронзолитейного.

Основная масса находок относится к временному диапазону XI–XIII вв. Выделяется также группа вещей, основной этап распространения которых не выходит за рамки X – начала XII в. Присутствуют единичные находки керамики X в., типологически сходной с керамикой Псковского городища.

Общий состав находок Ольгинских I–III раскопок говорит скорее о городской культуре, чем о культуре сельского поселения. Об этом же свидетельствует и существование планировочной структуры участка и уличной сети (ср. также участки улиц и проулков,

зафиксированных при раскопках Завеличья южнее: Харлашов, 1994. С. 47, 75). Можно предполагать, что мы имеем дело со следами сложения будущего посада, формирование которого было прервано возрастанием военной угрозы Пскову с запада.

На участке Ольгинских V–VI раскопок, расположенных севернее, ранние отложения сохранились отдельными «пятнами». Однако по составу, характеру и количеству находок мы также можем судить об активном использовании территории в XI–XIII вв.

В предматериковых слоях Ольгинских V–VI раскопок фиксируется скопление древностей финно-угорского круга, по классическим аналогиям датируемых не позднее IX–X вв., – серебряные и бронзовые фибулы, булавки, браслеты, перстни, стеклянные бусы. С этим массивом связаны также находки фрагментов лепных керамических сосудов. Здесь же при выборке одной из ям обнаружено обожженное каменное изваяние (Салмин, Салмина, Прибурова, 2010. С. 29–31). Возможно, эти находки свидетельствуют о существовании здесь раннего сакрального комплекса.

Следов регулярной застройки XI–XII вв. на участке Ольгинских V–VI раскопок не обнаружено, но именно здесь – уже после сокращения городской территории в XIII в. в результате ухудшения военно-политической обстановки – возникают постройки Ильинского монастыря. С «монастырским» этапом и соотносится окончание периода активного существования района интенсивной застройки Завеличья XI–XIII вв.

Ершова Т.Е., 1999. Некоторые данные о могильнике на Завеличье в районе Земской больницы // Древности Пскова: История, археология, архитектура. Псков.

Королева Э.В., 1992. Раскопки во дворе дома Батова // Археология и история Пскова и Псковской земли: Мат. семинара. Псков.

Окулич-Казарин Н.Ф., 1914. Материалы для археологической карты Псковской губернии // Тр. Псковского археологического общества. Псков.

Салмин С.А., Салмина Е.В., Прибурова Т.Ф., 2010. Находка каменного изваяния на Завеличье в Пскове (предварительная публикация) // Археология и история Пскова и Псковской земли: Мат. 55 заседания семинара имени академика В.В. Седова. Псков.

Харлашов Б.Н., 1994. Некоторые итоги раскопок на Завеличье // Археологическое изучение Пскова. Псков. Вып. 2.

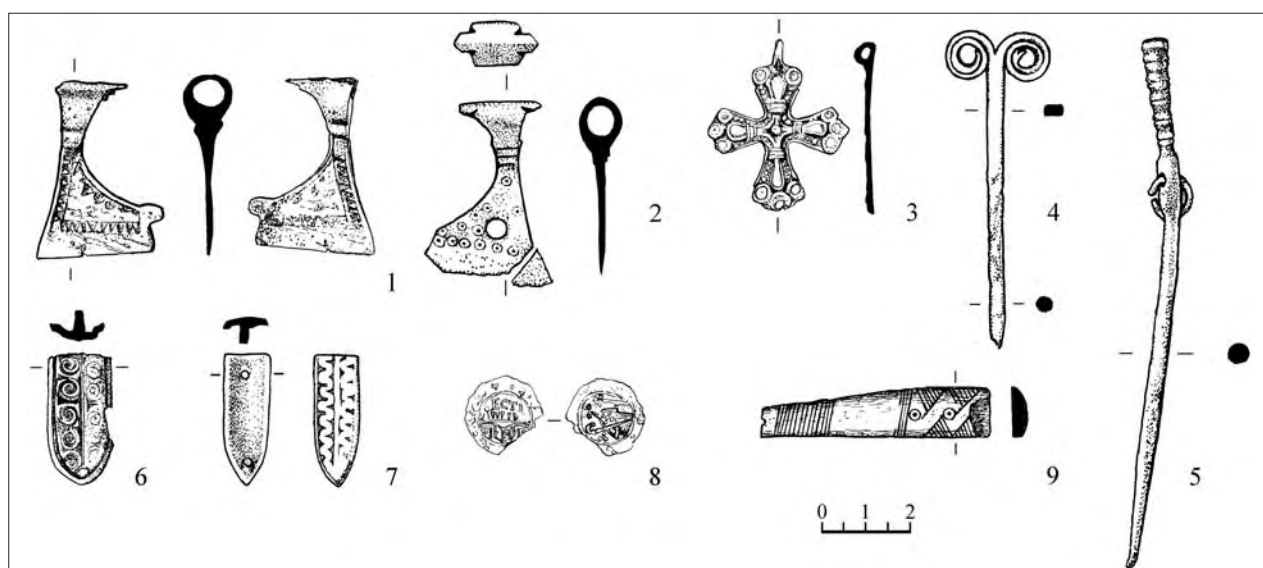

Рис. 1

Находки из древнейших отложений на Завеличье средневекового Пскова

1–2 – подвески-топорики, Ольгинский I; 3 – крест нательный, Ольгинский I; 4–5 – булавки, Ольгинский VI; 6–7 – поясные наконечники, Ольгинский I, Ольгинский II; 8 – денарий, Ольгинский I; 9 – деталь составного одностороннего гребня, Ольгинский I (1–5, 7 – бронза; 6 – бронза, чернь, полуда; 8 – серебро; 9 – кость)

С.А. Семенов, М.И. Федулов

Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, Чебоксары

Чувашское Поволжье в эпоху Золотой Орды

Золотоордынский период в истории Чувашского Поволжья еще плохо изучен в археологическом плане. Материалы новых раскопок и анализ полученных ранее находок позволяют подвести некоторые итоги и наметить направления дальнейших исследований.

С X в. на территории автохтонных финно-угорских племен расселялись тюркоязычные булгары. Особенно сильно их присутствие прослеживается вдоль волжского речного пути в среде марийских племен. С момента завоевания Волжской Булгарии монголо-татарами приток тюркоязычного населения в Чувашское Поволжье многократно увеличивается.

По нашему мнению, можно выделить несколько регионов, различающихся по степени заселенности булгарами. Первый регион, куда входят юго-восточные районы современной Чувашии, территориально близок к основному массиву булгарских памятников. Главным объектом этого периода является Большетаябинский комплекс, состоящий из городища и могильника.

Городище находится у с. Большая Таяба Яльчикского р-на Чувашии. В окрестностях городища имеется несколько поселений, входящих в его сельскую округу. Городище исследовалось П.Н. Третьяковым (1931 г.), А.П. Смирновым (1948 г.), Г.А. Фёдоровым-Давыдовым (1957 г.) и В.Ф. Каховским (1984 и 1992 гг.). Г.А. Фёдоров-Давыдов считал его «феодалным замком» или «резиденцией баскака». А.М. Губайдуллин относит памятник к средним по размерам городам (I тип, наряду с Сюкеевским, Юловским, Восточно-Войкинским городищами). А.М. Губайдуллин полагает, что Большетаябинское городище, совместно с Тигашевским и Староянашевским, было форпостом, прикрывавшим основную территорию Волжской Булгарии с западной стороны и контролировавшим долину р. Була.

Рядом с городищем расположен мусульманский могильник XIV в. (изучены 44 погребения). Вещевой комплекс этого городища и элементы погребального обряда могильника свидетельствуют о сочетании черт языческого культа и ислама.

Второй регион включает в себя области Чувашско-Марийского Поволжья, расположенные вдоль правого берега Волги. Регион характеризуется дисперсным расположением поселений среди финно-угорских племен (Криушинское поселение). К данному региону тяготеют и центральные районы Чувашии. Большинство поселений этого периода содержит смешанный состав керамики, с преобладанием финно-угорских традиций.

Третий, пограничный, регион – Чувашское Присурье – является своеобразной этнокультурной и этноконтактной зоной. Раскопки и разведки 2006–2009 гг. под руководством Н.Н. Грибова открывают картину сложного этнического состава региона в золотоордынский период. Поселения Курмыш 4 (XIV – середина XV в.) и Мурзицы 1 (XV–XVI вв.) характеризуются наличием русской (до 30%), «славяно-идной» (до 51%), мордовской (до 17%) и болгарской золотоордынской керамики (до 13%). Присурье являлось естественной границей между русскими и золотоордынскими владениями.

Дальнейшие исследования позволят детализировать степень заселенности Чувашского Поволжья в эпоху Золотой Орды и раскрыть новые аспекты взаимодействия марийского, мордовского и болгарского населения. Более основательно стоит подойти к пересмотру начальных этапов русской колонизации Чувашского Присурья. Результаты новых раскопок помогут пролить свет на сложный и длительный процесс этногенеза чувашского этноса.

И.Ю. Слепцов

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток

Методы исследования отдельных объектов городища Кокшаровка 1

С 2008 г. в континентальном Приморье исследуется раннесредневековый археологический памятник, относящийся к бохайскому времени, – городище Кокшаровка 1, расположенное на правом берегу р. Усури.

Характер исследуемых построек, особенности их расположения и внутренняя планировка зданий уникальны для дальневосточной археологии: строительных конструкций такого размера и подобной планировки

в Приморье до настоящего времени не встречалось. Своеобразной визитной карточкой Кокшаровского городища стала стандартизированная отопительная система (рис. 1: I). Кановые отопительные системы широко распространены на средневековых памятниках Приморья, но таких масштабных и упорядоченных сооружений, как на городище Кокшаровка 1, до сих пор не было обнаружено ни на одном известном средневековом памятнике Дальневосточного региона. Аналогичные сооружения известны на территории современного Китая – это дворцовые сооружения верхней столицы государства Бохай Люньцюаньфу и Сигучен. Результаты исследований позволили по-новому интерпретировать статус городища Кокшаровка 1 и рассматривать его как достаточно крупный административный центр.

При изучении городища применялись не только традиционные археологические методы, используемые при раскопках подобных памятников, но и методы геолого-геофизического исследования¹, позволившие выявить как общую планировку городища, так и расположение отдельных элементов внутренней застройки в контексте их иерархии. Это сыграло значительную роль в понимании статуса городища, а также упростило задачу выбора места для дальнейших раскопок.

Впервые в археологии Приморья отдельными объектами исследования стали оригинальные элементы отопительной системы – хорошо сохранившиеся каменные основания дымоходных труб, сооруженные в виде неглубоких колодцев. При раскопках труб применялась методика, используемая, как правило, на памятниках каменного века и могильниках. В частности – разборка внутреннего заполнения тонкими зачистками с использованием перекрестных разрезов для системного контроля микростратиграфии объекта в контексте общей стратиграфии исследуемого сооружения и естественного залегания литологических слоев на памятнике. Полученные результаты в сочетании с данными этно-археологических источников позволили с большой достоверностью реконструировать технологические и конструктивные особенности труб, а также их возможный внешний вид (рис. 1: II).

Все исследованные остатки труб строились по стандартной схеме и представляли собой квадратные в плане, сложенные из крупного обломочного материала основания-колодцы, внутреннее пространство которых служило своеобразной камерой разрежения, где выходящий дым терял скорость, замедляя тем самым отток тепла из основной отопительной системы – кана. Длина сторон оснований составляла 3–3,5 м, ширина стен в современном состоянии – от 0,6 до 0,95 м. Кладка скреплена глиняным раствором. С внутренней стороны стены были укреплены подбоем из утрамбованной глины, поверх которого нанесен слой жидкой обмазки. К основаниям с южной стороны примыкали дымоходные каналы. На каменных основаниях монтировались собственно трубы. На основании анализа находок и стратиграфических на-

блюдений мы можем предположить, что тела труб изготавливались из деревянных плах, обмазанных изнутри и снаружи глиняным раствором. В пользу этого предположения говорят и этнографические данные. Похожие конструктивные решения, с некоторым изменением внешних параметров, не касающимся принципиальных моментов, встречаются в материальной культуре многих народов, населявших Сибирь и Дальний Восток в XVII–XIX вв.

Все обследованные трубы имеют ряд стандартных конструктивных элементов:

- квадратное каменное основание, сложенное в виде невысокого колодца;
- примыкающие к основанию дымоходные каналы разделены каменной перегородкой, далеко проникающей в полость трубы;
- каменные стены основания и межканальная перегородка укреплены подбоем из утрамбованной глины;
- дымоходные каналы и полости труб поверх глиняного подбоя покрыты жидким раствором глины (обмазкой);
- в центре каждой трубы напротив межканальной перегородки находится столбовая яма с карбонизированными остатками древесины;
- в месте примыкания к трубе глубина дымоходных каналов уменьшается;
- после входа каналов в трубу отмечается резкое понижение (своеобразный приямок).

Кроме конструктивных параметров избранная методика позволила восстановить особенности, характер и направление обрушения каждой из обследованных труб.

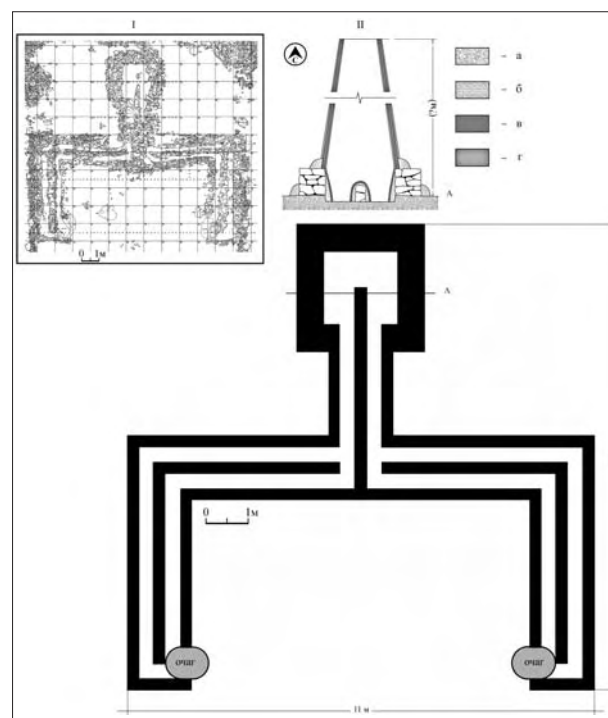

Рис. 1

План одной из отопительных систем после окончательной зачистки (I) и реконструкция принципиальной схемы отопительной системы и разреза трубы (II)

¹ Исследования проведены Е.А. Бессоновой, Тихоокеанский океанологический институт им. В.И. Ильичева ДВО РАН.

Так, например, труба 3 разрушалась постепенно, в течение достаточно длительного отрезка времени. Об этом свидетельствуют разноуровневые скопления раздробленной обмазки и камней обрушенной кладки, перекрытые осадочными накоплениями. По истечении некоторого времени в результате оседания базы в юго-западном углу каменного основания и сдвига вследствие этого всей западной стены внутрь полости произошло полное обрушение трубы в направлении с северо-востока на юго-запад.

В отличие от трубы 3, обрушение трубы 4 было скоротечным и одномоментным. Причиной стало выгорание изнутри, в результате которого труба рухнула внутрь себя. Состав заполнения трубы 4 и примыкаю-

щих к ней дымоходных каналов явно свидетельствует об этом. Оно радикально отличается от заполнения других труб и представлено слоем сажистого суглинка, перенасыщенного мелко раздробленными фрагментами обожженной до кирпичного цвета внутренней обмазки трубы. Мощность заполнения в полости каменного основания трубы достигает 30–32 см. Сверху все это было хаотично перекрыто фрагментами обожженной внешней обмазки.

Итак, комплексное использование различных методов при раскопках городища Кокшаровка 1 позволило получить широкий спектр данных и максимально облегчило задачу интерпретации результатов полевых исследований и реконструкции отдельных объектов.

Д.В. Спрыжков

Чувашский национальный музей, Чебоксары

Раскопки металлургического горна в Чувашии в 2010 г.

В 2010 г. Археологическая экспедиция Чувашского национального музея проводила раскопки металлургического горна в Моргаушском р-не Чувашской Республики. Он является частью Шешкарского металлургического комплекса, в состав которого входят еще как минимум шесть горнов (или производственных сооружений, использовавшихся при плавлении железа), впадины и конструкции которых были зафиксированы осенью 2010 г.

Горн 1 располагался на первой надпойменной террасе, ориентированной строго на север, непосредственно на берегу Волги. На поверхности очертания

горновой ямы прослеживались в виде впадины диаметром 3 м и глубиной 1,5 м. Высота горна составляла 2,8 м, ширина – 3,2 м. Горн имел конструкцию каменного пода для естественного нагнетания воздуха и для выпуска шлака.

Заполнение горна состояло из фрагментов прокаленной глины со следами копоти, шлаков, находившихся вперемешку с большим количеством золы и угольков. Во время зачистки всей площади ямы обнаружен большой фрагмент глиняной обмазки со следами деревянного кола. По данному фрагменту можно судить о толщине глиняной обмазки внутри

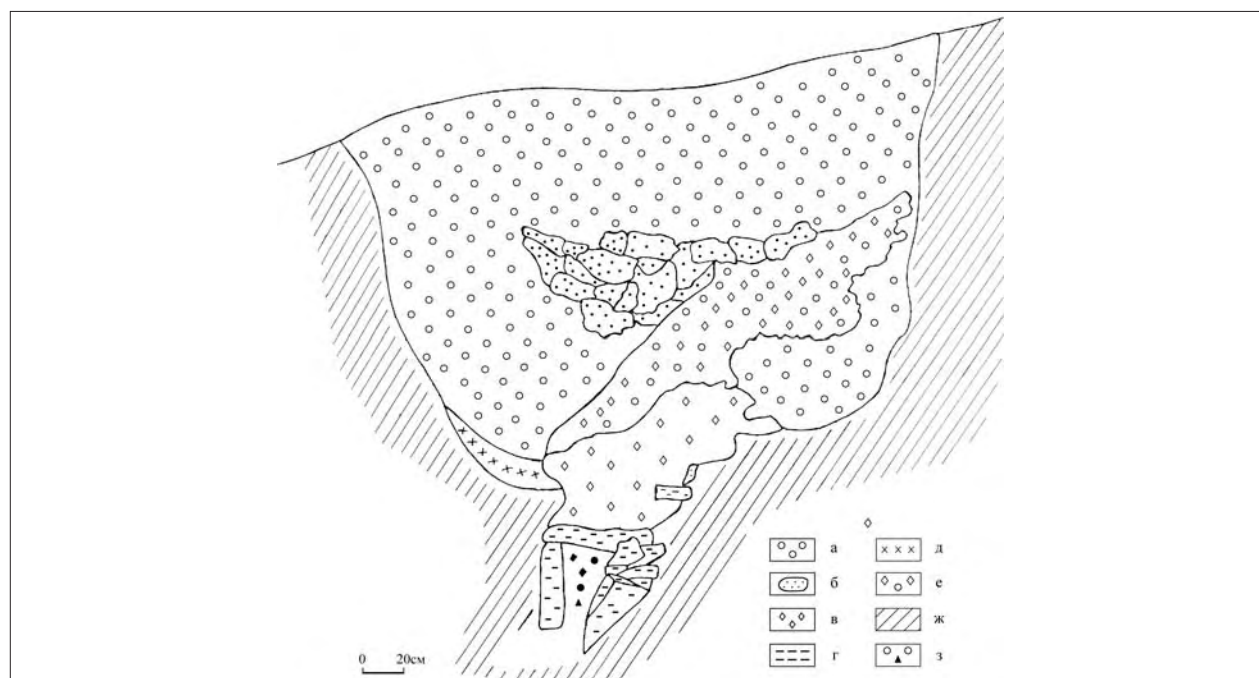

Рис. 1

горна, а также предположить наличие каркаса из кольев и прутьев.

Дно имело округлую в плане форму диаметром 1,5 м. Канал для выпуска шлака, длиной 1,95 м, шириной 0,5 м был сооружен в материковом дне ямы горна. Заполнение канала состояло из угольков и золы.

Каменный под был выполнен из обработанных плит песчаника. Две плиты были поставлены «на ребро», а третья перекрывала их сверху. Размеры плит – 30х30 см, толщина – 10 см. Внутреннее заполнение пода идентично заполнению канала для выпуска шлака – угольки и зола. Рядом с подом обнаружена металлическая крица.

Спектральный и химический анализы крицы показали, что ее основу составляет низкоуглеродистая сталь, в составе которой присутствуют углерод, марганец, кремний, хром, медь и сера. Процентное соотношение содержания в металле этих компонентов указывает на сыродутный способ получения железа. Исследования показали, что химический состав шлака и химический состав нашлакованности на крице идентичны, т. е. крица и шлак были продуктами одновременного процесса.

Изученный объект следует относить к горнам ямного типа, по способу подачи воздуха внутрь – с естественным дутьем, по форме корпуса – с прямыми вертикальными стенками, а по характеру формы дна – с округлым ровным плоским дном (Семькин, 1996. С. 93). По размерам и конструктивным особенностям изученный горн 1 близок так называемым «высоким горнам» Болгара, датируемым первой половиной XIV в. Их отличают высота до 250–300 см и прямые вертикальные стенки (Ефимова, 1958. С. 301). Высота изученного нами горна достигала 2,8 м.

Основным сырьем для черной металлургии служили болотные, озерные и луговые руды. Об обнару-

жении бурого железняка на левом берегу Волги против с. Ильинка (в 3,5 км выше Шешкарской пристани по Волге) сообщает в своем отчете Б.А. Успенский (1929. С. 105). В качестве топлива для металлургического производства железа использовался древесный уголь, как, например, в Болгаре (Семькин, 1996. С. 102.). Наличие угля в горне 1 зафиксировано во время изучения горновой ямы.

Стратиграфия заполнения ямы горна 1 свидетельствует как минимум о двух этапах ее функционирования. Первоначально она, вероятно, была шахтой металлургического горна, о чем свидетельствуют найденные шлаки, кусочки руды и уголь. Затем, после последней плавки, горн больше не восстанавливали, видимо из-за того, что мергелистое основание ямы стало крошиться вследствие воздействия высоких температур. Когда горн перестал функционировать, эта территория стала использоваться в качестве сорной ямы расположенных выше по склону железоплавлен. Подобное использование горновых ям отмечено, например, на металлургическом комплексе у с. Ездочного (Афанасьев, Николаенко, 1984. С. 261–271).

Рядом с горном 1 были обнаружены и зафиксированы еще 6 горнов. Три из них (№ 2, 6, 7) находятся выше по склону от горна 1. Три других (№ 3, 4, 5) располагаются на соседней террасе. По размерам впадины горновых ям практически идентичны впадине горна 1 (диаметр около 3,5 м, глубина около 1,5 м). При расчистке склона горна 3 обнаружена ордынская монета XIV в. У горна 4 расчищена конструкция каменного пода, предназначенного, видимо, для естественного нагнетания воздуха или для выпуска шлака. При расчистке склона у горна 6 обнаружен кованый гвоздь.

Сопоставляя все данные, можно сделать вывод, что горн 1, как, собственно, и весь металлургический комплекс у Шешкар, можно отнести к XIV–XV вв.

Афанасьев Г.Е., Николаенко А.Г., 1984. Металлургический комплекс у с. Ездочного // Маяцкое городище. М.

Ефимова А.М., 1958. Черная металлургия города Болгара // МИА. № 61.

Семькин Ю.А., 1996. Черная металлургия и металлообработка на Болгарском городище // Город Болгар (ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков).

Успенский Б.А., 1929. Полезные ископаемые северо-западной части Чувашской республики: Отчет о работе 2-ой Геологической партии Чувашской Экспедиции Академии Наук в 1927 г. // Предварительные итоги работ Чувашской Экспедиции Академии Наук СССР по исследованиям 1927 г.

А.В. Степанов

НП «Подводно-исследовательская экспедиция “Нептун”», Москва, Великий Новгород

С.В. Трояновский

Санкт-Петербургский Институт истории РАН, Санкт-Петербург, Великий Новгород

Новейшие подводно-археологические исследования новгородского Великого моста

Древнейшим из долговременных гидротехнических сооружений Восточной Европы с полным осно-

ванием можно считать Великий мост средневекового Новгорода. Согласно летописям, уже в XII в. он сое-

динял берега р. Волхов в центральной части растущего города. Кроме коммуникационной роли мост выполнял функции лобного места, торгового, а также регулярно становился ареной социальных конфликтов. До начала подводных археологических работ местоположение средневекового моста и его конструктивные особенности были неизвестны. Водолазные исследования в волховских условиях затруднены в теплое время года сильным течением и мутной водой. В зимний период вытекающая из покрытого льдом оз. Ильмень вода очищается, что улучшает условия исследований, но при этом работу подводных археологов затрудняют близкая к нулю температура воды и спорадические ледоходы.

На начальном этапе исследований для локализации участка работ были проведены батиметрическая съемка и сканирование дна гидролокатором бокового обзора. Полученное изображение (сонограмма) показало, что на дне реки существуют положительные формы рельефа размером около 10 м в поперечнике, расположенные на таком же расстоянии друг от друга. Совмещение сонограммы с планом 1808 г. показало совпадение местоположения мостовых опор начала XIX в. с локализованными на дне структурами.

Водолазное обследование подтвердило, что эти структуры являются остатками свайных оснований мостовых опор разных хронологических периодов. Положительные формы донного рельефа состоят из валунов, гравия, песка, эродированных оконечностей вертикальных свай хвойных пород дерева. Дальнейшие исследования показали, что видимые на сонограмме структуры являются остатками свайно-ряжевых опор деревянного моста, существовавшего до 1830 г.

В 2005–2006 гг. на дне Волхова были промыты три шурфа. Шурфом 1 вскрыта положительная форма, сопоставимая с городской так называемого Криво-

го моста, занимавшей позицию первой опоры от поворота моста по направлению к Пречистенской башне кремля. Вторым шурфом вскрыт грунт между двумя положительными формами в рельефе дна. Шурфом 3 разрабатывалась положительная форма в центральной части русла реки, сопоставимая с конечной (угловой) городской частью участка моста, шедшего перпендикулярно к Торговой стороне. Здесь под поздними донными отложениями впервые выявлены сваи из дуба. Датировка радиоуглеродным методом в лаборатории ИИМК РАН (Г.И. Зайцева) показала, что они принадлежат опорам XIV в. Анализ выдернутых из дна вертикальных свай показал, что средневековые дубовые сваи забивались на 1,5 м, тогда как сваи XVIII в. – на 3,5 м. Толща донных осадков в шурфах 1–3 представляла собой стратифицированные культурные отложения мощностью 0,4–1,5 м.

С 2007 г. у основания берегового склона Софийского (левого) берега реки разрабатывается шурф 4 (с 2008 г. – траншея шириной 4 м, ориентированная вниз по течению), изначально заложенный в 10 м выше по течению от гипотетической оси «прямого моста». Основанием для раскопок на «ровном месте» стали данные зондирования дна георадаром «Лоза», проведенного специалистами ВНИИСМИ (г. Химки) и показавшего наличие погребенных под речными наносами структур. Продление шурфа в 2007 г. до 16 м вниз по течению показало, что здесь среди перекрытых донными отложениями свай ледорезов начинается интенсивное накопление средневекового вещевого материала, что должно соответствовать проекции верхней (по течению) кромки моста. В траншее на протяжении 16–30 м водолазами-исследователями зафиксированы сваи хвойных пород XVII–XIX вв. (датировка О.А. Тарабардиной), а также обнаружены дубовые сваи начала XII – XIII в. (датированы по C^{14} в лаборатории ИИМК РАН).

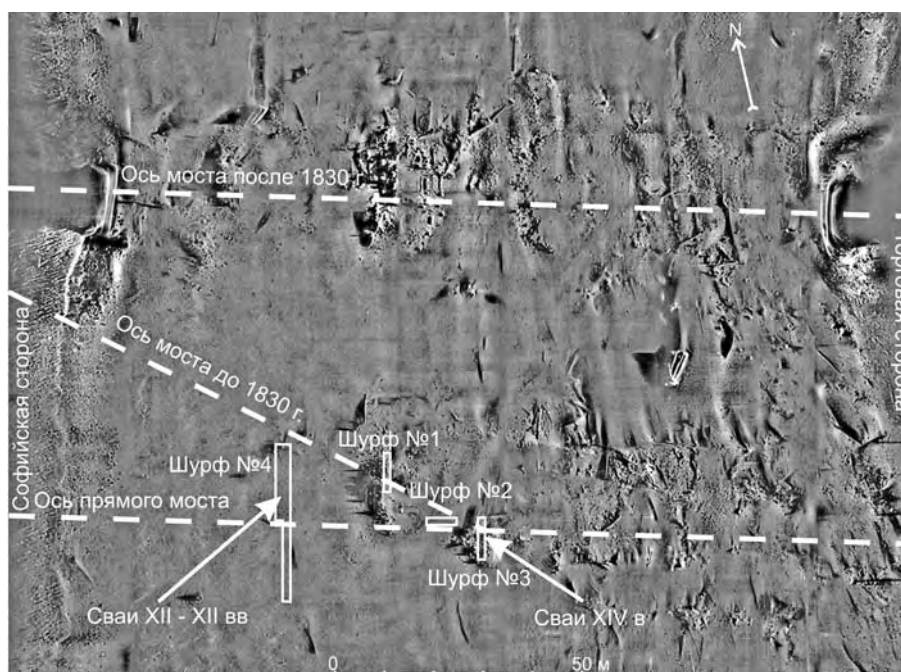

Рис. 1
Сонограмма дна р. Волхов с указанием объектов и участков исследований

Изучение структуры культурного слоя показало, что в 12 м от верхней кромки моста состав археологических находок меняется, а их концентрация снижается.

Комплекс находок в створе подводных остатков Великого моста разнообразен, датируется в интервале XIII – начала XIX в. Характерно наличие рыболовных грузил, крючков и блесен. Среди железных изделий – оружие, строительный, ювелирный и аграрный инструментарий, утварь, различные запорные приспособления.

Среди украшений из медных и свинцово-оловянистых сплавов шейная гривна с ажурным плетением, привески, височные кольца, перстни, нательные кресты, иконки, привески-бубенчики, пуговицы, булавки и пряжки. Некоторые изделия окончательно не доработаны либо имеют признаки брака. Есть и явные свидетельства ювелирного производства на мосту: каменные формы для литья крестов, привесок и пуговиц, железные молоточки, тигли, сопло мехов, проволочный лом и выплески цветных металлов.

Керамический материал представлен как фрагментами, так и целыми формами сосудов XII–XVII вв. В среднем на квадратный метр раскопа приходится более 90 фрагментов. Большому количеству посуды сопутствуют массовые находки костных кухонных остатков.

Изделия из кости представлены рукоятями ножей, крестом-тельником, гребнем, коньком, костями

для игры в бабки, кистенем (плечом безмена?) веретенообразной формы со свинцовым сердечником и остатками деревянной рукояти.

Артефакты из камня также весьма разнообразны: нательная икона с изображением Святой Троицы, ядро, оселки, жернов. Также культурный слой насыщен фрагментами изделий из дерева, стекла и кожи. Кирпичи, изразцы, фрагменты штукатурки со следами фресок представляют архитектурную часть коллекции.

Монетные находки в основной массе относятся к XV–XVII вв., причем плотность монетных находок доходит до 20 единиц на 1 м². Найдены серебряная полтина и ювелирный слиток весом 13,5 г с отверстием. Сфрагистические находки представлены западноевропейской товарной пломбой, вислыми актовыми печатями, их фрагментами и заготовками. Найдены две печати «Великого Новгорода», буллы архиепископа Давида (1309–1325 гг.), владычного наместника, тысяцкого Аврама (1320–1340-е гг.), тиуна Дмитрия.

Символично, что в 2011 г. в верхнем горизонте слоя, изобилующего керамическим материалом и кухонными костными остатками, найден европейский медальон, содержащий дату – 1570 г., – совпадающую с датой опричного разгрома Новгорода. В полном соответствии со свидетельствами письменных источников археологические находки подтверждают резкое снижение торговой активности на Великом мосту как симптомом общего экономического упадка Новгорода.

Е.К. Столярова

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Структура древнерусского стеклоделия (на примере стеклянных находок Москвы XII–XIV в.)

Проблема организации и структуры древнерусского стеклоделия относится к числу наименее изученных вопросов в отечественной историографии. Попытка ее решения предпринята на материале стеклянных предметов древнерусского происхождения (827 экз.), найденных на территории Москвы в ходе раскопок с 1950 по 2007 г. Основную массу их составляют украшения. Это в основном браслеты (735 экз.), а также бусы (66), перстни (7), вставки (2). Сосуды представлены 17 фрагментами.

Почти три четверти находок происходит с территории Московского Кремля (74,1%). Остальные – Великого посада: это район Зарядья, территория Казанского собора, Исторического проезда (ныне проезд Воскресенские Ворота), Занеглименья (Манежная площадь) и Богоявленского монастыря.

Морфологическое изучение указанных предметов выполнено в соответствии с методикой, разработанной Ю.Л. Щаповой. Исследование технологии

их изготовления основано на принципах, предложенных З.А. Львовой, в основе которых лежит изучение следов технологических операций. В результате для каждой категории московских находок были составлены технологические схемы.

Для браслетов выделено 11 технологических схем изготовления, для бус – 13. Перстни изготовлены с использованием двух схем. Вставки находят в перстнях, что затрудняет установление приемов их изготовления. Можно предположить, что для них применялась одна технологическая схема. Сосуды сохранились во фрагментах, поэтому технологические схемы (их 6) были восстановлены лишь частично.

Разнообразие технологических схем изготовления мелких украшений по сравнению с сосудами и браслетами (для 735 браслетов использовано 11 схем, а для 66 бус – 13 схем) позволяет предположить второстепенный характер производства бус и других мелких украшений в это время по отношению к изго-

товлению сосудов и браслетов. Вероятно, они являлись продукцией, полученной в результате освоения технических приемов и материала, а также в результате творчества. Изготовление бус в рассматриваемое время, судя по московским находкам, шло по пути проб и отбора. Однако наличие среди исследованного нами материала большого числа бус, изготовленных серийной навивкой, указывает на возникновение в древнерусском ремесле тенденции серийного производства бус. Суть производства мелких поделок, вероятно, заключалась в утилизации отходов посудного и браслетного производств. При изготовлении открытых сосудов, которыми представлена наша выборка, в процессе отделения стеклянной заготовки от стеклодувной трубки остается так называемый «колпак», из которого можно изготовить мелкие поделки. Подтверждением этому служат совпадения цветов бус и браслетов с сосудами. В частности, речь идет о бусах и браслетах бледно-желтого цвета. Из такого же стекла изготовлены все изученные нами сосуды.

С другой стороны, изготовление сосудов и браслетов было, вероятно, наиболее отработанным и устоявшимся производством в древнерусском стеклоделии. Изготовление этих категорий было специализированным и массовым. Подтверждает это большое число (около 99%) морфологически одинаковых браслетов, а также небольшое разнообразие форм сосудов. Можно предположить, что их изготовление составляло основу стеклового производства Древней Руси.

Установлено, что каждый ремесленник-стеклодел пользовался ограниченным набором приемов обработки материала, которыми владел виртуозно. При этом производственные секреты хранились в тайне и передавались только ученикам. Поэтому использование одинаковых технологических приемов для изготовления разных категорий свидетельствует об их происхождении из единых мастерских (табл. 1).

Для изготовления сосудов применена техника дутья, а также некоторые другие приемы, которые не отмечены при изготовлении других предметов. Осталь-

ные приемы, использованные при производстве сосудов, имеют больше всего совпадений с приемами обработки бус. Приемы, необходимые при производстве браслетов, наибольшие совпадения имеют с приемами изготовления перстней, которые в свою очередь аналогичны приемам производства бус. Прием изготовления вставок не имеет повторов.

Исходя из всего вышеизложенного, можно предположить одновременное существование нескольких типов древнерусских мастерских по изготовлению сосудов, браслетов и мелких украшений. При этом вывод о второстепенном значении производства бус и других мелких предметов в древнерусском стеклоделии делает маловероятным их изготовление в отдельных мастерских. Это еще раз подтверждает заключение Ю.Л. Щаповой о неправомочности гипотезы Б.А. Рыбакова об областных центрах по производству бус. Скорее всего, изготовление мелких украшений дополняло и посудное, и браслетное производство, которые могли осуществляться либо совместно в универсальной мастерской, либо по отдельности в специализированных мастерских.

Подтверждением наших предположений являются находки древнерусских стекольных мастерских. Существование специализированных мастерских по производству посуды подтверждает мастерская в Киевской Лавре. Там выдуванием изготавливали посуду и оконное стекло. Браслетная мастерская в Любече представляет вариант специализированной мастерской, где изготавливали только стеклянные браслеты. В Киеве найдены остатки стеклоделательных мастерских, где занимались изготовлением браслетов, а также бус и перстней. Это мастерские в усадьбе бывшего Михайловского монастыря и на Подоле (в районе пересечения улиц Героев Триполья и Волошской). Свидетельством наличия универсальных мастерских в древнерусском стеклоделии является, например, мастерская в Киеве на ул. Рейтарской, где производство сосудов и украшений существовало совместно. Заметим, что отдельных мастерских по изготовлению бус и перстней на территории Древней Руси не найдено.

Таблица 1. Технологические приемы изготовления древнерусских стеклянных изделий Москвы

	БРАСЛЕТЫ	ПЕРСТНИ	БУСЫ	ВСТАВКИ	СОСУДЫ
ВЫТЯГИВАНИЕ	+	-	-	-	-
КРУЧЕНИЕ	+	-	-	-	-
РОСПИСЬ	+	-	-	-	-
СВАРКА	+	-	-	-	-
НАВИВКА	+	+	+	-	-
ПРЕССОВАНИЕ	+	+	+	-	+
НАКЛАД	+	-	+	-	+
ОТШИБАНИЕ	-	-	+	-	+
ПОЛИРОВАНИЕ	-	-	+	-	+
ПРОВЕДЕНИЕ БОРОЗД	-	-	+	-	-
РЕШЕТКА	-	-	+	-	-
ЩИПЦЫ	-	-	+	-	-
ВЫДУВАНИЕ	-	-	-	-	+
РАЗДУВАНИЕ	-	-	-	-	+
ПОНТИЯ	-	-	-	-	+
ЛИТЬЕ	-	-	-	+	-

И.Ю. Стрикалов
Институт археологии РАН, Москва

Оборонительный комплекс Старой Рязани

Старая Рязань – один из крупнейших городских центров Древней Руси XI–XIII вв. со сложной городской структурой и системой фортификации, формирование и развитие которой продолжалось на протяжении всего периода существования города.

За период 1994–2010 гг. дважды (в 1994–2005 гг. и в 2007, 2010 гг.) исследовался вал раннего Северного городища XI–XII вв. и дважды (в 2005 г. и в 2005–2009 гг.) – вал Южного городища XII–XIII вв. В итоге Старая Рязань в настоящее время – один из наиболее изученных древнерусских памятников с точки зрения ее фортификации: валы городища подвергались полному или частичному раскопкам 9 раз.

Применение новых методов археологического исследования, фиксации и реконструкции оборонительных сооружений позволило внести существенные коррективы в периодизацию строительства крепостных стен и в реконструированные модели их облика. Включение в исследование новых данных по хронологии памятника, основанных, в первую очередь, на разработанной автором хронологической шкале керамики Старой Рязани, позволило уточнить датировку каждого этапа строительства. На основании использования методов почвоведения была разработана классификация антропогенных и природных процессов строительства и существования деревоземляных сооружений, что дало возможность выработать объективные критерии для реконструкции оборонительных стен каждого этапа.

В результате для каждого участка (Северного и Южного городищ) выделено четыре этапа строительства крепостных стен. При их возведении и дальнейших перестройках использовались различные модели и конструктивные элементы (линии городней, незабутованных срубов, тарасов, приспы, бермы, рвы), разные по степени сложности конструкции (от однорядной до трехрядной), применение которых обуславливалось как общими закономерностями развития фортификации и военного дела, так и конкретными историческими условиями и инженерной ситуацией, процессами и событиями истории Старой Рязани, прошедшей путь от окраинной крепости Древней Руси до столицы крупной земли-княжения.

Развитие оборонительных стен каждого участка города рассмотрено в тесной взаимосвязи, как единый фортификационный комплекс. Кроме того, фортификация Старой Рязани включена в более широкий пространственный контекст Спасской Луки, ближайшей столичной округи, где в начале XIII в. начал формироваться сложный оборонительный узел, включавший систему крепостей в узловых точках и участки засек, реконструируемых по данным археологии и письменных источников.

Таким образом, оборонительный комплекс Старой Рязани предстает перед нами как яркий пример древнерусского фортификационного зодчества, лишённого застывших схем, открытого к инновациям военного и инженерного дела и гибко реагирующего на конкретные условия и потребности.

О.А. Тарабардина
Новгородский музей-заповедник, Великий Новгород

Новгород и Старая Русса: дендрохронология средневековых городов Северо-Западной Руси

Проблема точной хронологии особенно актуальна для многослойных археологических памятников, примером которых могут служить Новгород и Старая Русса. В основу хронологии этих городов положен метод дендрохронологического датирования сооружений, многократно доказавший свою эффективность на протяжении полувекового при-

менения при археологических исследованиях. В настоящее время дендрохронологическое изучение материалов как Новгорода, так и некоторых других памятников Новгородской земли осуществляется в лаборатории Центра археологических исследований (ЦАИ) Новгородского музея-заповедника.

Дендрохронологические исследования археологической древесины Новгорода и Старой Руссы развивались параллельно, хотя их характер, задачи и успехи во многом определялись различными масштабами работ на этих памятниках. Если в Новгороде раскопки большими площадями и регулярный сбор дендробразцов позволили Б.А. Колчину уже в начале 1960-х гг. построить дендрохронологическую шкалу, то для Старой Руссы задача формирования собственной дендрошкалы по ряду причин была поставлена лишь в последнее десятилетие. Этому способствовало возобновление научных и начало охранных исследований города в 1990–2000-е гг., в ходе которых были впервые организованы последовательный сбор дендробразцов и их систематическое изучение в лаборатории ЦАИ.

Возрастной и видовой состав строительной древесины двух городов характеризуется рядом различий, поскольку новгородцы и рушане используют дерево различного происхождения. В Руссе строят из дерева, заготовленного, главным образом, в ближайших окрестностях, где запасы качественного строительного леса быстро сокращались в связи с развитием солеваренного промысла, следы которого зафиксированы уже в слоях XI в.. Новгород же, будучи экономическим и политическим центром обширного региона, нуждался в огромном количестве строительного леса, который ввозился в том числе и из достаточно удаленных районов Новгородской земли. Поступление в город таких крупных партий качественного привозного леса для общегородского строительства прослеживается начиная с рубежа XI–XII вв. и становится систематическим с середины XIII в.

В процессе изучения более чем 3600 дендробразцов из двадцати раскопов 1990–2000-х гг. в Новгороде, 2300 из которых получили датировку, было определено время строительства 480 сооружений, включая разновременные мостовые двенадцати средневековых улиц. По совокупности дендродат определены периоды активного усадебного строительства на каждом раскопе, прослежена динамика застройки отдельных участков городской территории. Сравнительный анализ материалов разных раскопов позволил выявить общие хронологические закономерности городского строительства, направления и периоды наиболее интенсивного роста территории Новгорода (на протяжении XII и во второй половине XIII в.) и, наоборот, периоды упадка темпов городского строительства и запустения некоторых районов в первой половине XIII в. Таким образом, дендрохронологическое изучение материалов Новгорода в последние годы позволило перейти от датировки отдельных образцов и сооружений к исследованию динамики застройки и развития города.

Образцы для формирования дендрохронологической шкалы Руссы отбирались на четырех раско-

пах в историческом центре города: Борисоглебском, Георгиевском I и II и Пятницком. В результате исследования 600 образцов была построена этапная древесно-кольцевая хронология протяженностью 562 года (870–1431 гг.), датированы свыше 270 дендробразцов, определено время строительства более чем 50 сооружений XI – первой половины XV в. Эта дендрошкала является надежной хронологической основой для дальнейшего археологического изучения древностей Старой Руссы.

В последнее десятилетие появилась возможность начать систематическое исследование дубовых конструкций из культурного слоя Новгорода и Старой Руссы. Ранее подобные работы были невозможны из-за недостатка материала. Считалось, что в Новгороде дуб встречается в основном в ранних слоях X в., а в более поздних представлен лишь отдельными разрозненными деталями. В ходе исследований в Старой Руссе стало очевидно, что здесь дуб присутствует, пусть и в небольших количествах, в сменяющих друг друга строительных горизонтах всех раскопов на протяжении XI – первой половины XV в. Если в Новгороде доля дубовых бревен, использованных в строительстве, не превышает 2%, то для Руссы этот показатель почти в 4 раза выше – 7,8%. Образцы дубовых конструкций из Старой Руссы позволили приступить к построению относительной, или «плавающей», дендрохронологической шкалы. Целенаправленный поиск и сбор дубовых деталей в постройках Новгорода также принес результат: наряду с образцами из слоев X в. получены небольшие серии спилов из конструкций XII–XIV вв. По сравнению с многотысячной выборкой образцов сосны и ели количество образцов дуба по-прежнему невелико – около 110 экз. Однако их изучение позволило к настоящему времени накопить уникальный для восточноевропейской дендрохронологии опыт и построить первый вариант относительной хронологии для дубовых конструкций Новгорода и Старой Руссы, охватывающий период с X до второй половины XIV в. Эта работа далека от завершения: требуется большое количество дополнительного материала, чтобы проверить корректность выполненных синхронизаций и верность предлагаемого варианта дендрошкалы. Отдельной задачей является поиск возможностей ее точной хронологической привязки, например, к архитектурным сооружениям с известной датой строительства. В случае успеха перед исследователями открывается уникальная возможность датировки конструкций из дуба на базе долговременной древесно-кольцевой шкалы, построенной для средневековых памятников Новгородской земли.

Массовая застройка Подола Киева X–XIII вв.

Археологическое исследование Подола Киева началось разведками ВУАК 1925–1929 гг., когда впервые культурный слой был прослежен на глубину до 8,3 м. Первые стационарные раскопки на Подоле провел в 1950 г. В. Богусевич, им были зафиксированы элементы массовой застройки посада X–XIII вв. Наиболее информативные и значительные археологические исследования проводились во время строительства линии метрополитена в 1971–1975 гг. Были исследованы границы 10 усадеб и остатки 50 построек жилого и хозяйственного назначения. Работы П.П. Толочко (1981 г.) и К.Н. Гупало (1982 г.) о массовой застройке Подола Киева подвели итог данному периоду и долгое время оставались единственными по этой проблематике. Создание в 1984 г. Подольской постоянно действующей экспедиции способствовало значительному увеличению базы источников.

За период с 1950 по 2008 г. проведено более 160 стационарных раскопок и археологических наблюдений. На 62 раскопах выявлены элементы массовой застройки и планировочной структуры Подола Киева X – первой половины XIII в. Значительная источниковая база предопределила создание интерактивной электронной карты, на которой обозначены не просто места раскопок, а непосредственно нанесенные объекты – постройки, заборы, дороги и улицы. Для осуществления поставленной цели была выбрана архитектурно-строительная программа Autodesk AUTOCAD. Для сравнительного анализа планировочной структуры посада современную топографическую подоснову совместили с планом Киева 1803 г. Это последний инструментальный план, снятый до полной перепланировки Подола, проведенной после катастрофического пожара 1811 г. Всего на электронную карту нанесены 546 элементов: построек – 348, заборов – 175, дорог и улиц – 23.

Анализ данных о постройках, накопленных за последние 30 лет, позволяет говорить о существовании на Подоле Киева в X–XIII вв. двух типов деревянных строений по конструкции стен: срубных и каркасно-столбовых. Сооружавшиеся во второй половине X в. каркасно-столбовые конструкции продолжали строить и в XI в. Они составляют 41% от исследованных объектов этого периода, но все имеют хозяйственное назначение. В этих хозяйственных постройках можно отметить одну особенность – наличие в нескольких случаях вертикальных стен. Это является скорее исключением из правил, поскольку традиционным считается горизонтальное размещение досок в каркасно-столбовых конструкциях. Необходимо отметить массовое появление в этот период многоярус-

ных построек с подклетами – 34% от количества построек, датированных XI в.

Самую большую группу исследованных объектов за всю историю раскопок Подола составляют постройки, датируемые XII в., – 37% от общего количества. В первой половине XII в. появляются жилища каркасно-столбовой конструкции. Их количество составляет 20% от общего числа исследованных жилищ этого периода и к концу XII в. увеличивается до 35%. Жилища данной конструкции продолжают фиксироваться до середины XIII в. Их соотношение со срубными постройками стабильное – 30:70%. Они существовали параллельно, однако сруб был доминирующим типом как жилищ, так и хозяйственных построек. Фиксация в X в. многоярусных построек (с подклетами) дает возможность рассматривать жилище как универсальный объект средневекового города, который вобрал в себя различные традиции. Они составляют 18% от общего количества исследованных построек. Изученные многоярусные сооружения можно разделить на три группы по глубине уровня пола нижнего яруса относительно древней дневной поверхности: 0,4–0,6 м (50%); 0,8–1,2 м (32%); 1,5 м и глубже (18%).

Среди зафиксированных отрезков заборов мы можем выделить три группы, различающиеся по конструкции – дощатые, из плах (горбылей, полуколот) и изгороди (плетни). Дощатые заборы составляют 45% от общего количества. Из них у 22% заострен низ доски, т. е. доску забивали в грунт; в других случаях доски вкапывались. Заборы из плах составляют 42% от общего количества. Плетневую конструкцию имеют 13% заборов. Анализируя позицию заборов в планировочной структуре внутри усадеб и кварталов, можно утверждать, что конструкции из плах и досок служили для межусадебных разграничений, а плетневая конструкция применялась для внутриусадебных хозяйских нужд.

К дорогам мы относим отрезки проезжей части, по сторонам которой отсутствуют какие-либо конструкции (постройки, заборы). Улицами мы считаем проезжую часть, ограниченную заборами, которые отделяют ее в большинстве случаев от усадеб. Зафиксированные отрезки улиц и дорог рассматриваются по двум показателям – ширине дорожного полотна и его морфологии. По ширине выделяются две группы: от 2,6 до 3,7 м (80%) и от 4,5 до 6 м (20%). По морфологии – также две: грунтовые (83%) и «мостовые» (17%). При сопоставлении отрезков древнерусских дорог и улиц, картографированных в 1803 г., выяснилось, что полное совпадение исследованных отрезков с улицами начала XIX в. составляет 38%, а совпадение

направлений, при незначительном отклонении, – 37%. Эти данные позволяют предполагать, что уличная система Подола Киева с древнерусского времени до перепланировки 1811 г. оставалась в основном неизменной.

Использование электронной карты в качестве нового источника открывает определенные перспективы в исследовании древнерусского Подола. Появляется возможность систематизировать и структурировать древнерусский квартал с выделением планировочной константы древнерусского города – усадьбы.

Попытка идентифицировать линию столпия и пристани, которые маркируют, на наш взгляд, границы древнерусского посада Киева, предполагает, что площадь территории, которую занимал Подол по крайней мере со второй половины XII в. (время упоминания столпия в летописи), – порядка 110 га. Попытка систематизации кварталов и усадеб, расположенных в них, должна дать возможность приблизительного подсчета количества усадеб в разные периоды (X, XI, XII, XIII вв.), что в свою очередь позволит подсчитать приблизительное количество жителей Подола в древнерусское время.

Е.В. Торопова

*Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород*

С.Е. Торопов

*Новгородский государственный
музей-заповедник, Великий Новгород*

К.Г. Самойлов, П.П. Колосницын

*Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород*

Археологическое изучение культурного слоя Старой Руссы: основные результаты и перспективы

Старая Русса (до XVI в. Руса) – один из наиболее крупных и экономически развитых городов Новгородской земли, центр Южного Приильменя, значение которого в эпоху средневековья во многом определялось солеваренным промыслом.

Первые археологические исследования в Старой Руссе были проведены в 1939 г. А.А. Строковым. С 1966 г. раскопки средневекового города возобновляет экспедиция ИА АН СССР под руководством А.Ф. Медведева (до 1978 г.) и В.Г. Мироновой (1985–1998 гг.). Уже первый год показал перспективность раскопок старорусского культурного слоя, по структуре и мощности не уступающего новгородскому: в нем прекрасно сохраняются предметы из органических материалов (дерева, кожи, ткани, кости и т.п.). Полученные данные позволили составить достаточно полное представление о материальной и духовной культуре средневековых рушан, основных занятиях, древней топографии, характере средневековой застройки, благоустройстве. Новые возможности для реконструкции истории города открыли находки берестяных грамот (в настоящее время обнаружено 43 документа).

С 1999 г. в Старой Руссе работает экспедиция Новгородского университета под руководством Е.В. Тороповой. Полевые исследования ведутся в трех направлениях. Первое – изучение наиболее пер-

спективных участков средневекового города, финансируемое научными фондами и программами. Второе – спасательные научные раскопки, шурфовки и археологические наблюдения в зонах строительства или прокладки инженерных коммуникаций. Третье – архитектурно-археологические исследования, сопровождающие реставрацию памятников архитектуры.

Всего на сегодняшний день изучено около 2500 м² культурного слоя Старой Руссы, что составляет менее 1% всей площади древнего города.

Особо следует отметить, что ежегодно ведутся систематические и целенаправленные исследования мощности и стратиграфии культурных напластований на различных участках, наблюдения за любыми земляными работами в черте города, которые дают важнейший материал для понимания процессов градообразования.

Каждый полевой сезон увеличивает коллекцию индивидуальных находок на несколько тысяч артефактов, информация о которых заносится в электронную базу данных; ее структура разработана на базе учебно-научной лаборатории нашего университета.

Несмотря на большой объем проведенных работ и значимость полученных результатов, ряд поставленных вопросов остается до сих пор открытым. Речь идет о выяснении времени основания Русы, месторас-

положении древнейшего поселения, характере оборонительных сооружений и городской застройки, древней топографии города и уточнении границ средневековой Руси в различные периоды ее истории, облике материальной и духовной культуры. Важным направ-

лением исследований является выяснение характера взаимодействия города и ближайшей округи, политические, экономические и культурные связи Новгорода и Руси, а также роли и места Руси в истории Новгородской земли и Древней Руси в целом.

Н.А. Тропин

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Елец

Исследования средневекового Ельца¹

Совместная экспедиция Елецкого (руководитель автор) и Воронежского (руководитель А.Д. Пряхин) государственных университетов, при систематическом участии Института географии РАН (А.А. Гольева, Э.П. Зазовская) и Фонда научного краеведения Липецкой обл. (И.А. Козмирчук), в последние годы активно изучала территории исторического центра г. Ельца. Среди первоочередных задач – поиск территории города, упоминаемого в летописях. В городе раскопками вскрыто почти 1500 м² (рис. 1).

Первые существенные результаты связаны с первой половиной – серединой 1990-х гг., когда, преимущественно в ходе строительных работ, нами фиксировался средневековый культурный слой. В 1996 г. проводились первые раскопки в историческом центре города (раскоп 1 площадью 44 м² на Красной пл.). Ими изучены часть фундамента разрушенного в 1931 г. Вознесенского собора начала XVIII в. и кладбища XVI–XVIII вв. В слое встречена керамика XII–XIV вв.

Возобновившиеся в центре города в 2003–2006 гг. работы хозяйственных служб активизировали наши исследования и позволили наметить границы распространения древнерусского культурного слоя. В траншее 2004 г. (ул. Октябрьская, д. 138) частично изучена постройка второй половины XIII–XIV в. В ней обнаружены фрагменты сосудов, стеклянного браслета и рыболовное грузило. Это был первый изученный комплекс Ельца древнерусского времени (Тропин, 2005).

Масштабные исследования начались с 2007 г., когда в городе приступили к осуществлению областной «Программы создания и реализации инновационного турпродукта туристско-рекреационных зон Липецкой области на период 2008–2011 гг.» (авторы Н. Затонских, И. Козмирчук, Н. Тропин). Одновременно с раскопками проводились изыскания с использованием георадара (П.А. Морозов, В.В. Копейкин – Институт физики РАН). Широко практиковались почвенные (Институт географии РАН) и палеозоологические работы (А.Н. Глазунова – Институт археологии РАН).

Благодаря сканированию современной поверхности выделены перспективные для раскопок участки (рвы, фундаменты церкви, подполья сооружений). Выявлены границы Елецкой крепости XVI–XVII вв. Сканирование в районе Кошкиной горы (мысовой участок) позволило обнаружить аномалии, близкие к укреплениям иного характера, чем укрепления Елецкой крепости XVI–XVII вв. Их конфигурация предполагает местонахождения в этом месте остатков укреплений древнерусского времени.

Наиболее результативными оказались раскопки вблизи Кошкиной горы, в районе впадения р. Ельчик в р. Быстрая Сосна (ул. Красная пл., д. 10). На этом участке в пяти раскопах вручную вскрыто около 300 м². Раскопки показали, что здесь в IX–XI вв. существовал славянский поселок. В раскопе 4 обнаружены фрагменты славянской лепной посуды боршевского типа (IX–XI вв.). В начале XII в. здесь же возникло поселение, жители которого использовали круговую посуду. В культурном слое найдены браслеты из стекла (4 экз.) и бусы (5 экз.), ключ типа «А» (X–XI вв.), четыре рыболовных грузила, крест из серебра, имеющих широкие аналогии в материалах XIII в.

Очевидно, что мысовая часть, образованная устьем р. Ельчик и левым берегом Быстрой Сосны, являлась древнейшим участком поселения в древнерусское время. Его площадь в XII – первой половине XIII в. составляла не менее 30 га. Четко датированные находки указывают на продолжение его границы в северо-западном направлении, в сторону плато, до 400 м, на более возвышенный участок. Именно здесь, в раскопе по ул. Маяковского, д. 5, выявлено хозяйственное сооружение (объект 22) с керамикой первой половины XII в. Не далее чем в 100 м севернее, в раскопе площадью 332 м² по ул. Профсоюзная, д. 28А, в 2010 г. исследована наземная постройка с керамикой XII – первой половины XIII в. и однобусинным височным кольцом из серебра. Отметим, что на этих раскопах встречены и сооружения XIV – начала XV в.

¹ Работа подготовлена в рамках проекта РГНФ 09-01-73103 а/Ц.

Границы поселения второй половины XIII – XV в., имеющего непосредственное отношение к летописному Ельцу, более значительны. Наиболее информативным для этого времени стал раскоп 2007 г. по ул. Маяковского, д. 5 (предположительно на посадке летописного Ельца). Это самый крупный в городе раскоп (448 м²). Впервые выявлен комплекс хозяйственных сооружений, который можно интерпретировать как часть усадьбы XIV–XV вв. Изучен и представительный керамический комплекс, насчитывающий фрагменты более чем 200 сосудов.

Анализ на фитолиты из участка непереотложенного культурного слоя, содержащего древнерусскую керамику, в юго-западном углу раскопа позволил установить для средневековья комплекс, соответствующий луговой растительности, перекрываемый пожаром.

Существенны и результаты, полученные для второй половины XIII – XV в. из раскопов по ул. Красная пл., д. 10. Среди находок ножи, фрагмент пряслица из стенки сосуда, рыболовные грузила, фрагмент изделия из трубчатой кости, импортной красноглиняной неполивной посуды, ножи, оселок и др. Почвенные анализы с этого участка показывают, что фитолитный комплекс соответствовал типичному лиственному лесу с хорошо развитым травянистым покровом. На какое-то время в средневековье участок у Кошкиной горы зарос негустым лесом.

Граница поселения второй половины XIII – XV в. на севере почти доходила до Покровской церкви, на западе проходила строго по ул. Октябрьская (на участках западнее древнерусская керамика в ходе работ не встречалась). С юга поселение отчетливо ограни-

чено северной стороной «торгового пяточка» города, где в средневековье находился овраг, засыпанный во второй половине XIX в. Овраг прослеживается на картах межевания Ельца 1781, 1784 гг. В 2006 г. мы изучали его в ходе охранных работ по ул. Октябрьская, 138. Будучи весьма широким (до 150 м) и глубоким (в районе «торгового пяточка» – 3–5 м), он мог служить надежной защитой для поселения с южной стороны. Восточный край поселения упирался в край террасы Быстрой Сосны. Общая площадь поселения второй половины XIII – XV в. составляла не более 35 га.

По методике, разработанной В.Ю. Ковалем, вся древнерусская керамика анализировалась по участкам работ (Иншаков, 2010). Результаты исследований свидетельствуют о преобладании и сосуществовании двух технологических традиций, характеризующихся: 1) формовочными массами без визуально фиксируемых примесей, окислительного обжига, из ожелезненных глин, венчиками типа 25/1 и 28/1; 2) формовочной массой с примесью песка, окислительного обжига, из слабоожелезненных глин, венчиками типа 28/1 и 28/2.

Раскопки последних лет по ул. Красная пл., д. 10 пока не дали сведений о фортификации древнерусского времени. С учетом результатов, полученных с помощью георадара, наиболее перспективным участком видится район поиска остатков оборонительной конструкции по пер. Рыбацкому. В данном случае можно прогнозировать размеры крепости не более 1,5 га. Наличие городища в этом районе не противоречат сведения письменных источников XVII в. Новейшие архивные разыскания в РГАДА, отписки воеводы Г.Л. Валугина 1619 г., устойчиво относят район Кошкиной горы к территории упоминаемого «старого городища».

С.В. Трояновский

Санкт-Петербургский Институт истории РАН, Санкт-Петербург, Великий Новгород

Раскопки оборонительных сооружений и изучение градостроительной истории средневекового Новгорода: историографические аспекты и современная проблематика

Среди наиболее важных результатов почти восьмидесяти лет систематических раскопок Новгорода можно назвать постепенное раскрытие топографии средневекового города. Это открывает широкие перспективы изучения динамики градостроительных изменений с X по XV в., практически не отраженных в письменных источниках и неизвестных исследователям. Несомненно, наиболее яркими индикаторами развития топографии Новгорода являются его оборо-

нительные сооружения, как в центральной части (детинец), так и на внешних рубежах городского пространства (острог, окольный город).

Уже раскопки экспедиции А.В. Арциховского 1930-х гг. на Славне открыли важнейший элемент планировочной структуры города в середине XIV в. – каменную стену Окольного города («стена посадника Фёдора»). Подобных открытий было сделано немало в последующие десятилетия на территории Новгород-

ского кремля, а также на внешней оборонительной линии города (А.Л. Монгайт, М.Х. Алешковский, Л.М. Шуляк, С.Н. Орлов, А.Н. Кирпичников, Н.К. Стеценко, С.В. Трояновский и др.). На основе этих открытий были сформулированы научные гипотезы возникновения Новгорода и развития его социально-политического устройства (В.Л. Янин, М.Х. Алешковский), эволюции крепостного строительства в Новгородской земле (А.Н. Кирпичников).

Результаты многолетних археологических работ на крепостных комплексах города были сведены и картографированы в 1990-х гг. Тогда же импульсом к новому этапу изучения городских фортификаций стали раскопки в различных частях кремля после обрушения прясла стены между Спасской и Княжей башнями в 1991 г. (Н.К. Стеценко, С.В. Трояновский). В ходе этих раскопок значительным коррективом подверглись

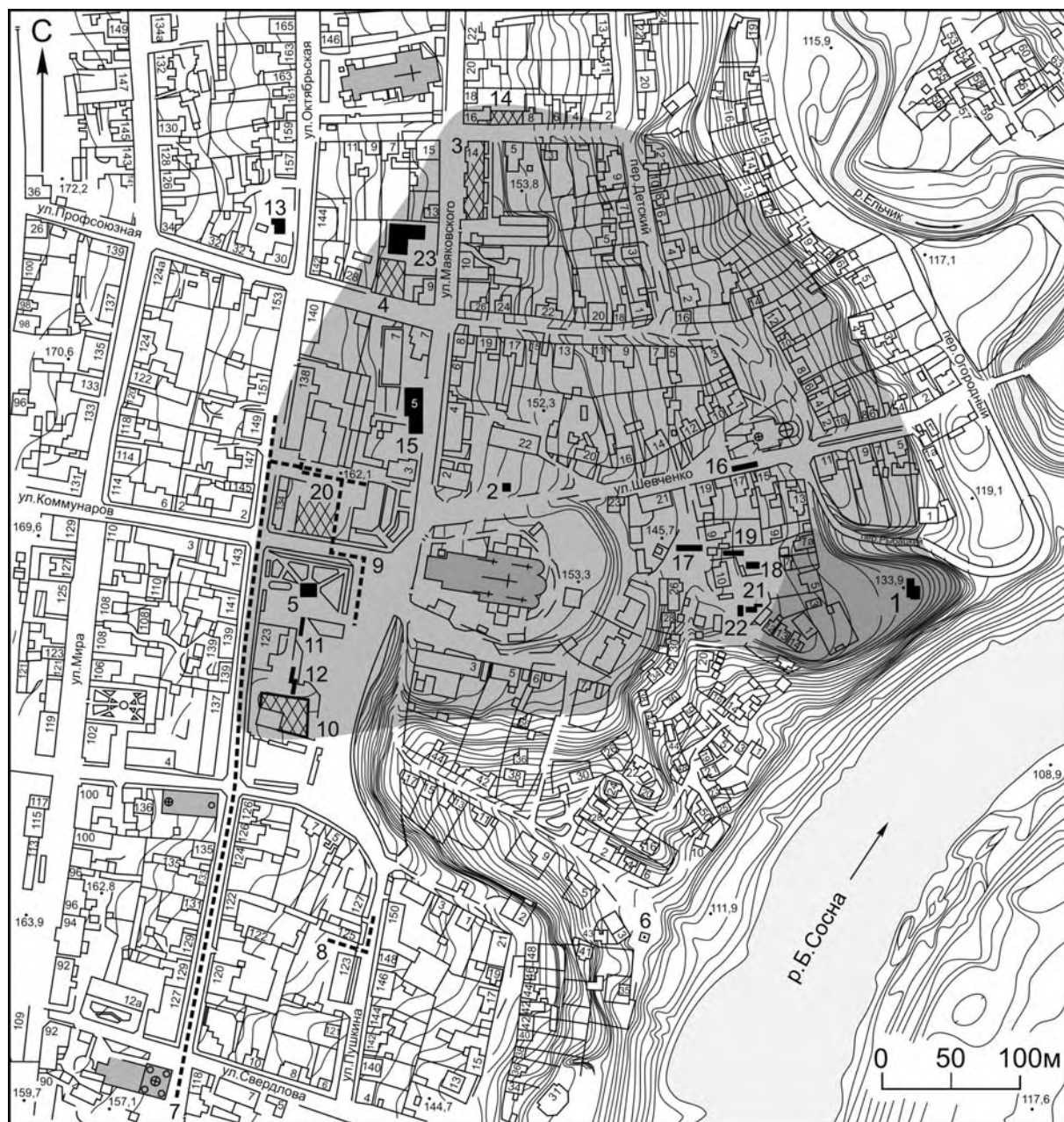

Рис. 1

Исторический центр г. Ельца с зоной распространения керамики XII–XV вв.

1 – Кошкина гора, раскоп 1973 г. (В.И. Матвеева); 2 – сквер по ул. Шевченко (Введенский спуск), шурф 1992 г. (Н.А. Тропин); 3 – ул. Маяковского, д. 14, подъемный материал 1989 г. (А.Д. Пряжин) и 1992 г. (Н.А. Тропин); 4 – ул. Профсоюзная, д. 28, подъемный материал 1992 г. (Н.А. Тропин); 5 – Соборная площадь, раскоп 1996 г. (Н.А. Тропин); 6 – ул. Труда (часовня митрополиту Алексию), подъемный материал 1998 г. (Н.А. Тропин); 7 – ул. Октябрьская, археологический надзор за траншеей 2004 г. (Н.А. Тропин); 8 – ул. Пушкина, д. 123, археологический надзор за траншеей 2005 г. (Н.А. Тропин); 9 – ул. Октябрьская, д. 138, ул. Коммунаров, Соборная пл., археологический надзор за траншеей 2005 г. (Н.А. Тропин); 10 – ул. Октябрьская, д. 130, археологический надзор 2006 г. (Н.А. Тропин); 11 – Соборная пл., раскоп 2 2007 г. (М.В. Цельковский); 12 – Соборная пл., раскоп 3 2007 г.; 13 – ул. Октябрьская, д. 155, раскоп 2007 г. (М.В. Цельковский); 14 – ул. Маяковского, д. 16, подъемный материал 2007 г. (Н.А. Тропин); 15 – ул. Маяковского, д. 5, раскоп 2007 г. (Н.А. Тропин); 16 – ул. Шевченко (Введенский спуск), раскоп 2007 г.; 17 – ул. Красная пл., д. 10, раскоп 1 2007 г.; 18 – ул. Красная пл., д. 10, раскоп 2 2008 г. (Н.А. Тропин); 19 – ул. Красная пл., д. 10, раскоп 3 2008 г. (Н.А. Тропин); 20 – ул. Коммунаров, д. 3, подъемный материал 2008 г. (Н.А. Тропин); 21 – ул. Красная пл., д. 10, раскоп 4 2009 г. (Н.А. Тропин); 22 – ул. Красная пл., д. 10, раскоп 5 2010 г. (Н.А. Тропин); 23 – ул. Профсоюзная, д. 28 А, раскоп В. Чивелева.

прежняя атрибуция и датировка деревоземляных оснований кремлевских стен, появился комплекс археологической информации о градостроительной активности архиепископа Василия Калики в середине XIV в. Важным дополнением к определению этапов топографического развития центра города в XII–XVII вв. стали подводные исследования Великого моста (2005–2010 гг.).

В то же время, нарастающая аккумуляция археологической информации по ключевым объектам городской инфраструктуры (фортификации, уличная сеть, Великий мост и пр.) до сих пор не перешла в стадию формулирования актуальной концепции градо-

строительной истории Новгорода, необходимость которой давно назрела и особенно остро ощущается при планировании охранных работ на территории города. Недостаточная площадь вскрытий и ненадежность датирующих находок диктуют необходимость перехода к планомерному обследованию территории Новгородского кремля и Окольного города для решения актуальных научных проблем, среди которых – датировка этапов расширения территории детинца, периодизация строительства его каменных укреплений, этапность и технические приемы строительства оборонительного комплекса Окольного города.

А.В. Харинский

Иркутский государственный технический университет, Иркутск

Е.В. Ковычев

Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет, Чита

Н.Н. Крадин

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток

Монгольские погребения XIII–XIV вв. из Прибайкалья: общие и локальные черты¹

Территория Прибайкалья состоит из двух географических областей – Забайкалья и Предбайкалья. В Южном Забайкалье, занятом степями и лесостепями, происходило формирование монгольского народа. В XIII в. значительная часть Евразийского континента вошла в состав монгольской державы. Вместе с политическим влиянием на покоренной монголами территории распространялась и их культура, в том числе погребальный обряд. Активное проникновение монголоязычных общностей на территорию Предбайкалья началось в XIII в. С этого времени здесь распространяется новый погребальный ритуал, получивший название ангинского. Что же представлял собой погребальный обряд монголов в XIII–XIV вв., и имел ли он локальные варианты в разных частях монгольской империи?

Примером монгольских захоронений имперского периода могут являться погребения могильника Окошки в Юго-Восточном Забайкалье. В XIII в. долины рек Аргунь и Хайлар входили в состав владений рода Джочи-Хасара – младшего брата Чингисхана. Его сын Есунгу стал основателем города, построенного на берегу левого притока Аргуни – Урулюнгуя – и известного как Хирхириновское городище (Киселев, 1965. С. 53–57). К северо-западу от городища находится могильник Окошки, на котором жители города Есунгу и хоронили умерших.

Могильник открыт в середине XIX в. А. Павлуцким. Им раскопаны одна большая и одна малая могилы (Павлуцкий, 1867. С. 503). В 1959 г. исследования на горе Окошки продолжены археологической экспедицией под руководством С.В. Киселева, раскопавшей самый большой на некрополе курган 1. Под ним обнаружены три ограбленных и одно нетронутое погребение (Киселев, 1965. С. 57). В 2009 г. работы на могильнике возобновлены совместной археологической экспедицией ЗабГГПУ, ИИАЭ ДВО РАН и ИрГТУ (Харинский и др., 2010). На памятнике зафиксировано 45 надмогильных сооружений, которые по конструктивным особенностям разделяются на 4 группы: 1) земляные курганы (№ 1, 2, 8, 19); 2) каменные курганы (3–6, 17); 3) большие плоские каменные кладки диаметром более 5 м (9, 11, 14–16, 21, 23, 24, 31, 33, 37–41); 4) малые плоские каменные кладки диаметром менее 5 м (7, 10, 12, 13, 18, 20, 22, 25–29, 30, 32, 34–36, 42–45).

Разделение каменных надмогильных конструкций на 3 типа достаточно условно и служит лишь целям систематизации археологических данных.

За два года работы на некрополе вскрыто пять погребений. Два из них находились под каменным курганом (погребения 3 и 5), два под малой каменной кладкой (13 и 20), одно под курганообразной насыпью (8). Захоронения под земляным курганом (1 и 8),

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН в рамках проекта 09-П25-03 «Взаимодействие кочевых империй Центральной Азии и государств Дальнего Востока».

судя по археологическому материалу (рис. 1) и радиоуглеродным датам, относятся к XV–XVII вв. Имперский же период монголов характеризуют захоронения под каменными курганами и плоскими кладками.

Высота насыпи каменных курганов составляла около 20 см, диаметр конструкции 4,7–6 м. Под курганом располагалась могильная яма глубиной 1,3–2 м. Ее размеры в придонной части составляли 0,6–0,9х2–2,1 м. На дно ямы ставили четырехугольный деревянный ящик, внутри которого вытянуто на спине, головой на север или северо-восток, укладывали умершего. Доски ящика скреплялись с помощью железных гвоздей. В погребении 3 найдены останки ребенка, в погребении 5 – останки женщины. Размеры надмогильной кладки и глубина ямы женского погребения больше, чем детского.

У захоронений с малыми плоскими кладками каменные конструкции – овальной формы, размерами 0,7–3,5х1,7–5 м. Глубина могильной ямы 25–60 см, размеры в придонной части 0,3–0,5х1,6–1,8 м. Умершего укладывали вытянуто на спине, головой на север или северо-запад. В погребении 13 обнаружены останки ребенка, в погребении 20 – останки мужчины. Следов деревянной внутримогильной конструкции не зафиксировано.

Две группы погребений под каменными надмогильными конструкциями, вероятно, представляют захоронения людей с разным социальным статусом.

Под каменными курганами хоронили людей, занимавших более высокое положение в обществе, а под плоскими кладками – простолудинов. Об этом свидетельствуют как конструкция самих могил, так и сопровождающий инвентарь, обнаруженный в них. Хотя в детских погребениях сопроводительный инвентарь отсутствовал, но конструкция погребений свидетельствовала о том, что в них похоронены представители разных слоев общества. Практически во всех захоронениях обнаружены кости голеностопного сустава ноги барана.

Общим для всех монгольских погребений XIII–XIV вв. является положение умершего вытянуто на спине, головой на север, северо-восток или северо-запад. Покойника укладывали в яму, над которой после засыпки возводили каменную насыпь овальной или круглой формы. Одними из важнейших показателей монгольских погребений, как Забайкалье, так и в Предбайкалье, являлись уложенная в могилу нога барана, а также деревянная внутримогильная конструкция (колода, рама, ящик), в которую помещался погребенный. На территории Предбайкалья захоронения под каменными курганами, подобные забайкальским, не встречены, что, возможно, указывает на отсутствие в этом регионе столь значительной социальной дифференциации как в Забайкалье, а может быть, свидетельствует об ином этническом составе его населения.

Киселев С.В., 1965. Город на реке Хирхира // Древнемонгольские города. М.

Павлуцкий А., 1867. Краткое описание т. н. чудских древностей, имеющих вблизи Кличкинского серебро-свинцового рудника // Зап. СОРГО. Кн. 9–10.

Харинский А.В., Ковычев Е.В., Крадин Н.Н., Томор-Очир И., Литвинцев А.Ю., Луныков А.В., 2010. Погребальный ритуал населения Юго-Восточного Забайкалья во II тыс. н. э.: по материалам могильника Окошки // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ.

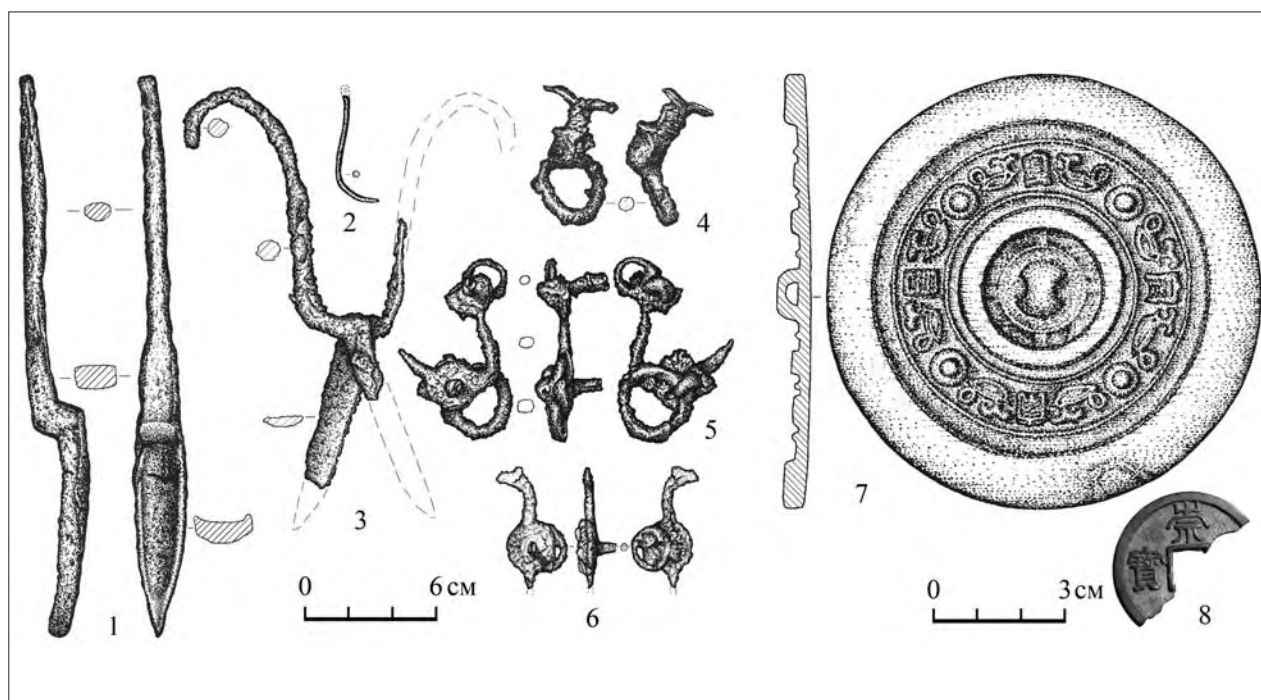

Рис. 1

Могильник Окошки I, комплекс 5, погребальный инвентарь

1 – утюжок; 2 – игла; 3 – ножницы; 4–6 – седельные тороки; 7 – зеркало; 8 – монета

Русско-ордынское пограничье в Подонье: археологический контекст

К проблеме границ Золотой Орды и русских земель в Подонье исследователи обращались неоднократно. На основе анализа письменных памятников Куликовского цикла делались разные выводы. Так, например, А.Л. Хорошкевич считала, что Куликовская битва «происходила вне границ русских государственных образований» (Хорошкевич, 1980. С. 106). В.А. Кучкин, напротив, полагал, что владения Орды начинались ниже впадения в Дон р. Воронеж, а территория Куликова поля не входила в состав ордынских владений (Памятники Куликовского цикла, 1998. С. 17). По мнению В.Л. Егорова, не только Среднее, но и Верхнее Подонье считалось территорией Золотой Орды (Егоров, 1985). К Дону приближались владения Рязанского, а в конце XIV в. Елецкого княжеств. Продуктивны наблюдения исследователя о существовании «буферных зон» между русскими и ордынскими владениями. В.Л. Егоров полагал, что данные археологических исследований памятников в приграничных районах «прямо отвечают на вопрос, относилась ли та или иная область к золотоордынскому государству или составляла часть русских владений» (Егоров, 1985. С. 17).

За последние десятилетия в изучении памятников Верхнего и Среднего Подонья достигнуто многое. Однако приходится признать, что информативные возможности археологических материалов в контексте рассматриваемого вопроса ограничены. Государственная принадлежность того или иного района слабо отражается в археологических находках. Археологические источники позволяют в той или иной степени определить этнические территории.

Верхнее Подонье (до устья р. Воронеж), судя по археологическим материалам, представляло собой во второй половине XIII – XIV в. русскую этническую территорию. Здесь были выявлены и изучались типичные русские селища и грунтовые могильники с характерным набором элементов материальной культуры. Показательны памятники Куликова поля, всестороннее изучение которых ведется на протяжении трех десятилетий (Гоняный, 2005). На селищах Куликова поля найдены предметы, характерные и для культуры Орды: керамика, предметы одежды и вооружения, чугунные котлы, монеты. Но они не меняют общий русский этнокультурный фон. Вывод о вхождении верховий Дона, включая Куликово поле, в территорию Орды в археологических материалах подтверждения не находит. Однако это обстоятельство вряд ли можно считать и опровергающим данную позицию. Не наблюдается принципиальных различий между памятниками Куликова поля и памятниками на Красивой Мече и Быстрой Сосне, материалы которых достаточно подробно проанализированы в последнее время (Тропин, 2006). Но государственная принадлежность

этих районов также не находит отражения в археологических материалах. Если отойти от письменной традиции, то нужно признать, что археологические памятники Елецкого княжества и памятники на территории тульского баскачества информации о своей государственной принадлежности не несут. Этот тезис можно распространить и на памятники периферийных юго-западных районов Рязанского княжества. Определение государственного статуса Верхнего Подонья в целом и его отдельных районов находится вне информативных возможностей археологии.

Для определения статуса территории Среднего Подонья (к югу от устья р. Воронеж) археологические исследования дают больший объем информации (Цыбин, 2007. Рис. 1). Ярким свидетельством интереса формирующейся аристократии Орды к этому району являются богатые подкурганые погребения второй половины XIII – первой половины XIV в. у с. Олень-Колодезь Каширского р-на (Ефимов, 2000) и с. Дьяченково Богучарского р-на Воронежской обл. (Кравец, Березуцкий, Бойков, 2000).

Значительное количество подкурганых погребений (более 50), выявленных в Среднем Подонье, свидетельствует об активном использовании этого района кочевниками. Известны как отдельные погребения, так и могильники (Третьяки, Лесное). В Среднем Подонье, в отличие от Верхнего, есть архитектурные кирпичные строения. Они известны в нижнем течении Хопра и Медведицы в Волгоградской обл. Наиболее изученными являются мавзолеи у п. Красный Воронежской обл. в бассейне р. Битюг (Левашева, 1960; Цыбин, Савицкий, 2009). Эти мавзолеи, видимо, маркировали центр улуса и принадлежали представителям ордынской кочевой аристократии.

В Среднем Подонье мы видим наличие двух типов памятников (подкурганых погребений и кирпичных культовых сооружений), характерных для территории Орды. При этом следует отметить и наличие иных в культурном и этническом отношении групп памятников. Речь идет о грунтовых могильниках (Новохарьковский и Таганский) и сопутствующих им поселениях «золотоордынского круга» (Новохарьковский могильник... 2002; Матвеев, Цыбин, 2004). Антропологические материалы Новохарьковского могильника имеют наибольшее сходство с материалами Дмитриевского могильника салтово-маяцкой культуры (заклучение Т.И. Алексеевой, М.В. Добровольской). В Среднем Подонье выявлены и русские поселения (более 60) (Цыбин, 2008).

Таким образом, в северостепном и лесостепном Подонье выделяются два района расположения археологических памятников. Первый находится к северу от устья р. Воронеж и характеризуется наличием рус-

ских поселений и могильников. Для второго района, расположенного южнее первого, характерно наличие

археологических памятников, оставленных населением с разными культурными традициями.

- Гоняный М.И., 2005. Археологические памятники района Куликова поля (конец XII – третья четверть XIV в.) // Куликово поле и Донское побоище 1380 года. М. (Тр. ГИМ. Вып. 150.)
- Егоров В.Л., 1985. Граница Руси с Золотой Ордой в XIII–XIV веках // Вопросы истории. № 1.
- Ефимов К.Ю., 2000. Золотоордынские погребения из могильника «Олень-Колодезь» // РА. № 1.
- Кравец В.В., Березуцкий В.Д., Бойков А.А., 2000. Погребения кочевой знати золотоордынского времени в курганной группе «Высокая гора» на юге Воронежской области // Донская археология. № 3–4.
- Левашева В.П., 1960. Золотоордынские памятники в Воронежской области // Тр. ГИМ. Вып. 37.

- Матвеев Ю.П., Цыбин М.В., 2004. Таганский грунтовой могильник. Воронеж.
- Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды. Воронеж, 2002. Памятники Куликовского цикла. СПб, 1998.
- Тропин Н.А., 2006. Южные территории Чернигово-Рязанского порубежья в XII–XV вв. Елец.
- Хорошкевич А.Л., 1980. О месте Куликовской битвы // История СССР. № 4.
- Цыбин М.В., 2007. Периферия Золотой Орды в Подонье // КСИА. Вып. 221.
- Цыбин М.В., 2008. Русские поселения на периферии Золотой Орды в Среднем Подонье // Сельская Русь в IX–XVI вв. М.
- Цыбин М.В., Савицкий Н.М., 2009. Планировка мавзолея у пос. Красный Бобровского района Воронежской области // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж. Вып. 13.

Н.Е. Чалых

Государственная дирекция по охране культурного наследия Липецкой области, Липецк

Комплекс археологических памятников древнерусского времени конца XII – XV в. у с. Ксизово на Верхнем Дону

Комплекс археологических памятников у с. Ксизово в юго-западной части Острой Луки (излучина Дона около г. Задонска Липецкой обл.) растянулся на 2,5 км по правому берегу Дона. Он включает в себя городище и ряд окружающих его поселений и могильников (Ксизово 8, 5, 18, 17, 16, 19), на которых представлены материалы различных эпох от каменного века до позднего средневековья.

Большое значение для изучения освоения территории Верхнего Подонья в древнерусское время имело открытие на поселении/могильнике Ксизово 17 (работы А.М. Обломского) грунтового могильника конца XII – первой половины XIII в. с набором украшений, характерных для населения, сохранившего традиции летописных вятичей, аналогичного могильникам района Куликова поля.

Материалы, связанные с синхронным поселением, концентрируются в южной части памятника, где обнаружены углубленные в землю части двух хозяйственных построек (одна из них – с жерновом) и остатки горна для получения железа. Видимо, здесь располагалась хозяйственная зона древнерусского селища, а жилая зона, скорее всего, находилась южнее, в районе городища. Незначительные, к сожалению, по площади раскопки на городище зафиксировали наличие материалов домонгольского времени, но вопрос о существовании укреплений древне-

русского времени остался открытым. Однако в любом случае налицо существование локальной группы памятников второй половины XII – начала XIII в., которое подтверждает не известный по письменным источникам факт продвижения русского населения вниз по Дону в плодородные лесостепные земли в конце XII – начале XIII в.

Исследования, проведенные в последние годы на памятниках Ксизово 19 (А.М. Обломский) и 16 (А.В. Моисеев), а также работы по уточнению границ ОАН (И.Е. Бирюков), ежегодный мониторинг и сбор подъемного материала, позволяют утверждать, что поселение продолжало существовать и в монгольское время, более того, территория его становится значительно больше, а такие находки, как ювелирные украшения из цветных металлов, книжная застежка, предметы вооружения и доспеха (кольчужные кольца, наконечники стрел, перекрестие меча), серебряные и медные золотоордынские монеты, денежные слитки, свидетельствуют о своеобразном характере поселения, являвшегося одним из пунктов на оживленном торговом пути, в спокойном функционировании которого были заинтересованы как древнерусские княжества, так и Золотая Орда. Наиболее интенсивно Донской путь использовался в период с 40-х гг. XIV в. по середину XV в., и, видимо, на это время приходится расцвет поселения.

Еще одно материальное свидетельство татарского военного присутствия в Центре Подесенья

В 1989 г. прямо под деревоземляными позднесредневековыми укреплениями литовско-русского города Почоп был обнаружен плоский секировидный (с хордой 18 см) загнуточерешковый топор. Сопровождавший его материал в основном датировался XIV–XV вв. Имеющее максимальную толщину 6 мм лезвие представлялось предназначенным для прорубания достаточно прочных доспехов.

Почоп упоминается только в 1503 г., в договоре, по которому этот уже существующий русско-литовский город передается российской стороне.

Сходные по форме и абсолютно идентичные по «тяжести» и назначению топоры встречаются на Дальнем Востоке, где они идентифицируются как чжурчжэньские и имеют наибольшую степень концентрации (12 городищ). Второй регион их распространения, правда, далеко не столь плотного, – Восточная и Центральная Европа, включая Русь, Польшу, Чехию, Словакию и Болгарию. Сюда они могли попасть либо как трофей монгольской армии, либо как принадлежность состава ее чжурчжэньских контингентов. Причем, как ни парадоксально, эти артефакты находят не только там, где татары бывали неоднократно, а то и постоянно присутствовали (Россия, Украина, Польша), но и там, где проходили только однажды или вообще оказывали лишь косвенное воздействие (Чехия, Словакия, Болгария). При этом как раз на Руси (в рамках современной РФ) их обнаружено сравнительно небольшое количество.

Не исключено, что в России скептически относились к этим топорам как к боевому оружию. Так, если в иных местах, не зная точного их происхождения и предназначения, такие топоры все же называли «алебардами», «бердышами», «тесаками», то на Руси – ножами для кройки кож или аппликации (Ibid.). В Почепе же при обнаружении топора в раскопе не только местные жители, но и работники музея, сразу определили его как сечку для рубки капусты. Впрочем, в 1989 г. и сам автор находки сомневался в боевом характере открытого артефакта. Поскольку иных аналогий ему в то время известно не было, в первой его публикации (впрочем, в чрезвычайно широком контексте) предмет был назван «боевым топориком XIV–XVI вв.».

Только в результате последующего обнаружения точно такого же оружия в экспозиции Вильнюсского замка («Башни Гедимины») топор был переименован

в «секиру литовского воина XIV–XV вв.». Впрочем, вряд ли можно исключать и факты вторичного использования топоров отнюдь не по прежнему назначению. Об этом, в частности, свидетельствует сильно сработанный и неоднократно подвергавшийся починке, что почти сводило на нет его боевые функции, экземпляр из Тржепечины.

В то же время, ни один из упомянутых авторов не высказывает сомнения в изначально боевом и чжурчжэньско-монгольском происхождении топоров этого типа (легких секировидных, предназначенных для легкой конницы). Не исключены также подражательное исполнение или прямое использование таких топоров легкой конницей либо даже разновороуженным пешим ополчением тех стран, где эти топоры встречены в значительном количестве, причем и в гораздо более позднее, чем середина – вторая половина XIII в., время. Польско-литовско-русские земли были благодатной почвой для этого.

Почепский экземпляр дополняет информацию о русско-литовских топорах, имея лучшую сохранность, а также четкую привязку к стратиграфии культурного слоя. Он, конечно, уступает по размерам своему «собрату» из Пшемысли (Перемышль), ширина которого по хорде 24,5 см, а не 18, но все же просто потерять таких размеров предмет, да еще с рукоятью! И дело даже не в самой потере – чего в бою не бывает, – а в том, почему после боя его не подобрали, как делали обычно. Тем более что отсюда выходили союзники татар, как, например, в 1274 г., для поддержки волынских родственников брянского князя Романа против Литвы. Поход был организован Золотой Ордой. В само же центральное Подесенье, к которому относятся и Почеп, и Брянск, татары самостоятельно, без приглашения, не ходили. Лишь в 1310 г. обиженный братом князь Василий Брянский пригласил татарский отряд «восстановить справедливость» и заодно, в качестве платы за услугу, наказать «брянцев-крамольников». Но татары разорили «заодно» Корачев, ни о каком «Почепе» и речи нет. «Освободил» татарин (хан Мегмет Амин по заданию русского государя), и было это лишь в 1500 г.! Так что экземпляр из Почепа – либо «отдарок», полученный в одном из походов вместе с татарами и хранившийся в башне, где мог держать свой «арсенал» служивый, либо что-то подобное «закладному дару».

Суздаль и сельские поселения его округа во второй половине XIII – XV в. (по материалам исследований последних лет)

Изучение археологических материалов, относящихся ко второй половине XIII – XV в. для центральных районов Владимиро-Суздальской земли имеет целый ряд важных особенностей, обусловленных историей региона и сложившейся историографической традицией.

Основной чертой истории Суздаля (так же как и столичного Владимира) и его округа в это время представляется историкам постепенное, так и не завершившееся полностью, восстановление после нашествия 1238 г. и последующих татарских набегов. Общеизвестным следствием этого считается перенесение политических и культурных центров в Тверь и Москву, что предопределило постепенное превращение бывших столиц Владимиро-Суздальского княжества в сравнительно небольшие провинциальные города во второй половине XV в. Последствиями этих событий для Суздаля и Владимира стали сокращение площади и изменение характера городской застройки, уменьшение количества населения, постепенное обеднение материальной культуры, потерявшей черты «элитарности», присущей ей в домонгольскую эпоху.

В последние годы, после проведения масштабных исследований во Владимире, стало очевидно, что в XIV в., несмотря на катастрофу 1238 г., он хоть и уменьшается в размерах, но сохраняет признаки столичного города с развитой торговлей и плотной городской застройкой. В Суздале, напротив, археологических свидетельств существования его как городского центра, найдено сравнительно немного.

За последнее десятилетие охранные работы проводились в разных частях города, затрагивая в основном окраины средневекового Суздаля или территории ближайших подгородных сел и слобод. Наиболее значимыми для пополнения данных о городе второй половины XIII – XIV в. представляются работы на Торговой площади, проводившиеся в 2009 г. Раскоп площадью 364 м² был заложен в 60–70 м к западу от линии вала Окольного города. После снятия техногенных напластований, имевших мощность 0,4–0,5 м, был открыт почти не поврежденный позднейшими перекопами средневековый культурный слой Суздаля.

В процессе разборки культурного слоя на глубине 0,5–1,1 м от дневной поверхности открыты

остатки по меньшей мере 7 крупных (до 25 м²) подполий жилых домов XII–XVI вв. и не менее 20 построек меньших размеров. Самым важным итогом исследований 2009 г. представляется открытие плотной городской застройки XIV–XV вв. К этому времени предварительно отнесены 5 из 7 выявленных подполий.

Находки представлены характерным для средневековых городов набором изделий, среди которых железные ножи, цилиндрические замки и ключи от них, овальные и калачевидные кресала, стеклянные браслеты, шиферные и керамические пряслица, стеклянные бусы, костяные гребни, рукояти ножей, кочедыки, глиняные игрушки, украшенные красным и белым ангобом, полихромные, муравленные и красные изразцы, отдельные предметы вооружения, – всего более 70 категорий предметов. Среди наиболее значимых находок свидетельства торговой деятельности – фрагмент костяных весов для малых взвешиваний, обломки золотоордынской кашинной керамики, предметы вооружения – наконечники стрел-«срезней» и детали поясных наборов, соотносимые с изделиями так называемого «аскизского» круга. Конец XIV – XV в. стали для Суздаля временем вхождения в орбиту Московской государственности.

Возрождение в 1347 г. Суздальской епархии, основание Спасо-Ефимьевского и Покровского монастырей – впоследствии крупнейших землевладельцев региона – основные события, определившие характер позднесредневековой истории Суздаля.

Материалы еще одного небольшого раскопа (88 м²), заложенного в южной части Суздальского Кремля в 2007 г. на участке д. 8 по ул. Варганова, позволяют представить в первом приближении характер материальной культуры этого времени. Мощность культурных напластований в раскопе составила 0,7–1,4 м, открыты остатки 8 построек конца XII – XVI в., в том числе 3 крупных прямоугольных в плане подполий. Характерной особенностью исследованного участка, располагавшегося в 30–35 м к северу от южного кремлевского вала, было почти полное отсутствие культурного слоя XII – начала XV в., возможно спланированного при подсыпке городских укреплений во второй половине XV в.

В сооружениях XV – первой половины XVI в., открытых в пределах раскопанной площади, помимо представительной коллекции вещей и керамики найдены обломки кирпича, сопоставимого с кирпичом, использованным при ремонте Рождественского собора в 1528 г.

Масштабные исследования в округе средневекового Суздаля, проводимые Суздальской экспедицией ИА РАН при участии сотрудников ГИМ, позволили получить яркую картину заселенности окрестностей города в средневековье. В 2001–2009 гг. на площади 185 км² выявлено 162 средневеко-

вых поселения суммарными размерами до 420 га, 113 из них датированы XII – первой половиной XIII в. Материалы второй половины XIII – XV в. найдены на 89 памятниках. Прекращают свое существование в основном сравнительно небольшие селища на водоразделах, а крупные поселения не только сохраняются, но даже несколько увеличиваются в размерах.

Это позволяет говорить о сохранении (в целом) после монгольского нашествия высокой плотности сельского расселения в Ополье и его экономического потенциала.

А.С. Щавелёв

Институт всеобщей истории РАН, Москва

С.П. Щавелёв

Курский государственный медицинский университет, Курск

Первые иконы Курского края

Самые ранние христианские символы на территории Курского Посеймья были обнаружены археологами при дореволюционных раскопках курганов XI–XII вв., в погребениях Гочевского некрополя на р. Верхнем Псле (Щавелёв, 2005). Среди такого рода находок

выделялись иконки свв. Николая, Пантелеймона, Георгия Победоносца – наиболее популярных в христианском мире святых заступников и целителей. А также два набора – из трех и четырех «круглых медных литых образков с ушками» с изображением Бо-

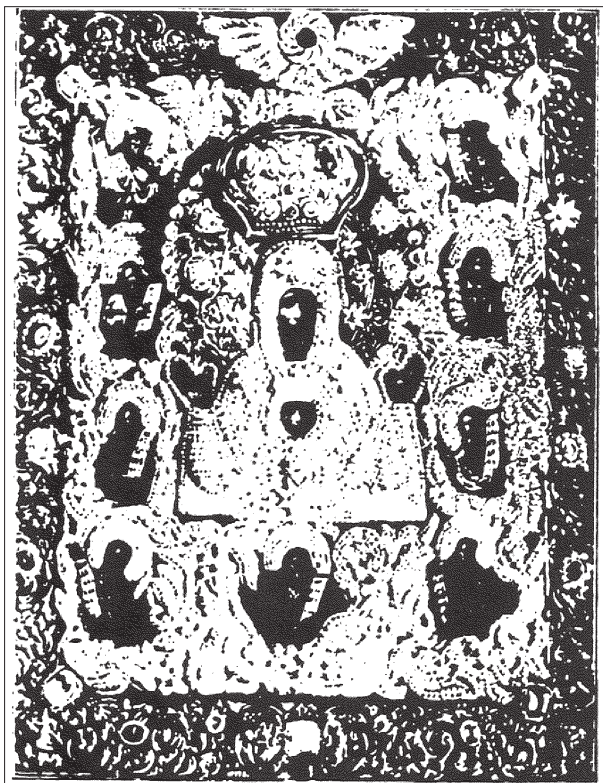

Рис. 1

Икона Знамения Божьей матери (Курская Коренная)
Фото оригинала до покушения на него в 1896 г.
(по кн.: Живописная Россия, 1897).

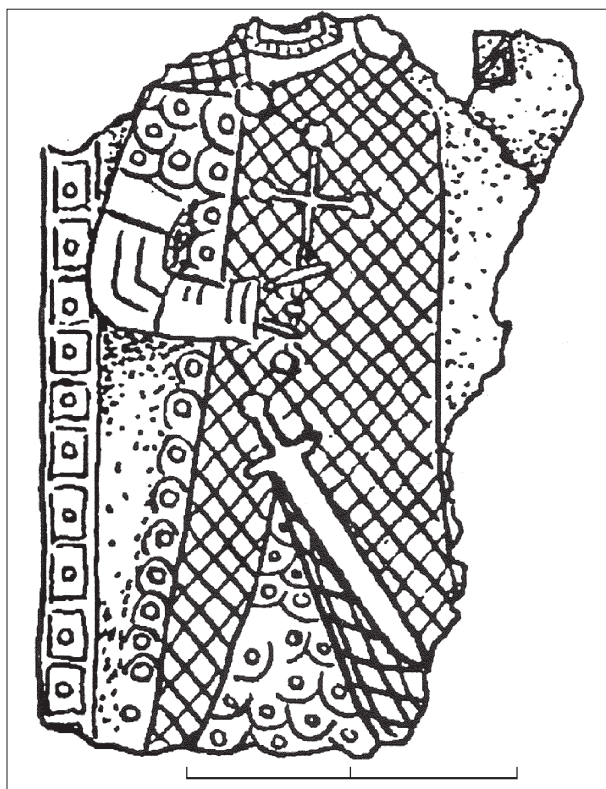

Рис. 2

Фрагмент металлической иконки из раскопок Ратского городища
(В.В. Енуков) у с. Беседина Курского р-на.
(по кн.: Археологическая карта России... 1998. С. 93. Рис. 39)

жью Матери (тип «Оранта» – фронтальная фигура Богоматери с воздетыми руками). Атрибуция произведена авторами раскопок 1912–1913 гг. – П.С. Рыковым и В.Н. Глазовым.

Такие металлические иконки-миниатюры появляются на Руси несколько позднее крестообразных подвесок, не ранее начала XII в. Находки серии артефактов, связанных с определенными святыми и праздниками, на ограниченной территории, как правило, позволяют строить предположения о посвящении храмов этой местности.

Обнаружение сразу двух серий образков с изображением Богоматери домонгольского времени перекликается со здешними же данными позднего средневековья. Самая известная икона Курского края – Коренная (рис. 1), «появившаяся» на рубеже XVI–XVII вв., – принадлежит к варианту того же иконографического типа «Богоматерь Воплощение или Знаменье». Отсюда можно сделать предположительный вывод, что один из первых храмов домонгольского Курска был посвящен именно Богоматери. Учитывая то, что Курск, скорее всего, был основан как пограничный форпост киевских князей, такое посвящение храма могло быть обусловлено богородичным посвящением главного «княжеского» храма Рюриковичей в Киеве – Десятинной церкви.

Яркий сюжет, связанный с древнерусским культом Богоматери, зафиксирован в Новгородской зем-

ле. Ее чудотворный образ, согласно новгородскому сказанию XIV в., воодушевлял защитников Новгорода в 1169/1170 г. при осаде его войсками Андрея Боголюбского. Как раз с Новгородчиной у раннего Курска на Куре прослеживаются многочисленные связи, начиная с самого названия города (Моргунов, Щавелёв, 1997).

Следующую (по времени обнаружения и, очевидно, по возрасту) икону обнаружили при раскопках, которые вела в 1990–1992 гг. экспедиция В.В. Енукова на Ратском городище под Курском (рис. 2). Ратское городище в монгольское время – крупный административный и торговый центр (вероятно, именно там размещалась одна из летописных слобод баскака Ахмата).

Образок сделан из свинцовистого сплава. Скорее всего, изначально на иконке были изображены два святых князя – Борис и Глеб. Они были представлены не фронтально, а в легком повороте друг к другу. На фрагменте сохранилось изображение только одной фигуры, скорее всего Бориса (согласно любезно предоставленной консультации А.С. Преображенского). Его меч находится в ножнах у пояса, руки на рукояти меча нет.

Ратская иконка, видимо, относится к более позднему типу изображений святых братьев Рюриковичей – предположительно XIII–XIV вв. Иконка должна быть обязательно включена в будущий каталог изображений Бориса и Глеба, идея которого давно звучит в научной литературе (Смирнова, 2009. С. 57–116).

Археологическая карта России, 1998. / Авт.-сост. А.В. Кашкин. М. Ч. 1.

Моргунов Ю.Ю., Щавелёв С.П., 1997. «Куреск на Тускоре»: К вопросу о происхождении летописного города // Тр. VI Междунар. конгресса славянской археологии. М. Т. 2: Славянский средневековый город.

Смирнова Э.С., 2009. Ранние этапы иконографии святых князей Бориса и Глеба: Вопрос византийских образцов и сложения русской традиции // Борисо-Глебский сборник / Collectanea Borisoglebica. Paris. Вып. I.

Щавелёв С.П., 2005. Лунница и крест: Христианизация Юго-Востока Руси (По материалам Курского Посеймья) // Днепродонское междуречье в эпоху раннего средневековья. Воронеж.

Е.А. Яковлева

Археологический центр Псковской области, Псков

О.М. Татарников

Псковский государственный педагогический университет, Псков

Природные условия древнего Пскова и их влияние на развитие средневекового города (по археологическим данным)

В Пскове продолжают работы по реконструктивному моделированию погребенного – первоначального – рельефа исторической части города. По мере накопления археологической информации появляется возможность более детально охарактеризовать палео-природные условия, несомненно повлиявшие на сложение городской среды территории древнего Пскова.

Сопоставление модели реконструированного первоначального рельефа, информации о морфологической структуре низовий междуречья Великой и Псковы с данными археологии и исторической топографии показывает, что формирование границ развития городской застройки, ориентировка трасс оборонительных сооружений и уличная планировка обу-

словлены особенностями своеобразной ступенчатости первоначального рельефа и его радиально-секторальной системой главных геоморфологических линеаментов. Так, прясла и башни юго-восточной напольной части крепостных сооружений строились на склонах отрицательных и положительных форм рельефа каждой высотной ступени и ориентировка их трасс совпадает с секторальными геоморфологическими линеаментами. Поэтапное развитие жилой застройки происходило в основном в пределах площади определенной высотной ступени рельефа, а строительство каждого ее оборонительного кольца приурочивалось к тыловым границам этой ступени. Древние строители каждой линии фортификаций интуитивно использовали оптимальные свойства первоначальной геоморфологии, значительно сокращая объемы земляных работ при устройстве защитных рвов.

Радиально-дуговая планировка уличной сети центральной части древнего Пскова в границах стен Окольного города совпадает с радиально-секторальной системой геоморфологических линеаментов этой территории. Улицы радиальной ориентировки, с одной сто-

роны, близки к направлениям таких крупных отрицательных линеаментов, как долины рек Великой и Псковы, а с другой – соответствуют морфологическим осям понижений или простирацию склонов положительных форм рельефа каждой высотной ступени, соответствующих ориентировке менее крупных карсто-эрозионных линеаментов. Улицы дуговой ориентации соответствуют направлениям прясел напольных юго-восточных стен крепостных сооружений, а последние заданы трассой пристенного рва, которая совпадает с ориентировкой секторальных линеаментов, сложившихся по границам высотных ступеней.

Таким образом, анализ геолого-геоморфологических свойств природного субстрата территории древнего Пскова в пределах стен Окольного города с привлечением археологических данных свидетельствует о непосредственном влиянии природных условий на развитие планировочной структуры городской среды и оборонительных укреплений древнего, элементы которых, прямо или косвенно, отражают особенности радиально-секторальной системы геоморфологических линеаментов, сложившейся на данной территории.

Археология эпохи Московского государства и Российской империи

*А.А. Аветиков, С.А. Александров,
Н.А. Боковенко, В.И. Кильдюшевский,
В.Я. Стеганцева*

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Археологические исследования на территории Восточного крыла здания Главного Штаба в 2009-2011 гг.

В 2009-2011 гг. во дворах Восточного крыла здания Главного Штаба экспедицией ИИМК РАН были проведены археологические работы.

На исследуемом участке, ограниченном с юго-запада Большой Морской ул., с северо-востока Дворцовой пл., с юго-востока набережной р. Мойки, находились здания Министерства финансов и Министерства иностранных дел Российской империи. Первоначальная застройка этой территории была завершена еще в первой четверти XVIII в. На ней размещались 13 участков с двух- и трехэтажными домами на высоких полуподвалах. В дальнейшем часть домов была перестроена.

К началу XIX в. было принято решение об оформлении ансамбля Дворцовой площади и строительстве напротив Зимнего дворца здания министерств по проекту К. Росси. Все частные дома были выкуплены в казну и разобраны. Строительство началось в ноябре 1819 г. и было закончено в июне 1830.

В 2009 г. в связи с масштабными работами по реставрации и приспособлению зданий Восточного крыла Главного Штаба для нужд Государственного Эрмитажа на территории дворов 4 и 5 экспедицией ИИМК РАН были проведены охранные археологические наблюдения за земляными работами.

На территории дворов были заложены 4 траншеи и раскоп площадью 80 м², а также проведено 12 зачисток (рис. 1: 1). В результате этих работ обнаружен слой второй четверти XVIII в. с остатками деревянных сооружений и выгребных ям. Найдены также фрагменты фундаментов зданий и сооружений второй половины XVIII — начала XIX в., разобранных при строительстве зданий Главного Штаба, большое количество находок XVIII-XIX вв., в том числе фрагменты курительных трубок, печных поливных расписных изразцов (рис. 1: 2), фаянсовой посуды с коба-

льтовой росписью, стеклянных бутылок ручной работы, глиняной посуды и др.

В 2010-2011 гг. исследования на территории дворов Главного Штаба были продолжены. В отличие от 2009 г., археологические работы осуществлялись до начала вскрышных строительных работ и на большей площади. Раскопы были заложены во дворах 1-3, общая площадь их составила около 594 м². В рамках договора также проведены археологические наблюдения за земляными работами в цокольном этаже по западной и восточной сторонам зданий Главного Штаба на общей площади 1074 м² (рис. 1: 1).

Несмотря на большое количество техногенных перекопов, на территории дворов и в цокольном этаже удалось выявить остатки культурного слоя XVIII в., в котором обнаружены остатки деревянных срубов и хозяйственные ямы первой половины XVIII в. Во всех дворах выявлены фрагменты каменных фундаментов, относящихся, скорее всего, к середине — второй половине XVIII в.

Судя по архивным данным, на территории дворов 1-3 в 1740 г. находились дома адмирала Сенявина, Московских компанейщиков, камергера Скворцова, лакировочного мастера Бронкоста, которые в дальнейшем поменяли своих хозяев. Фундаменты некоторых из этих домов обнаружены во время раскопок.

При строительстве здания Главного Штаба в первой четверти XIX в. все эти здания были разобраны до уровня дневной поверхности того времени. В ряде случаев сохранились нижние ряды кирпичной кладки и булыжные фундаменты, как правило, лежавшие на бревенчатых лагах. Строительный мусор, оставшийся от разобранных построек, был использован для подъема уровня дворов и засыпки подвальных помещений.

Ко времени строительства зданий Главного Штаба относится большое количество остатков растворов

ных ям, облицованных досками. Они выявлены во всех дворах, часто впущены в материк. Размеры ям зависели от объема необходимого для работы раствора.

К 1826 г. были закончены работы по сооружению системы кирпичных дренажных коллекторов. Она была подсоединена к системе коллекторов, проходящих под Дворцовой площадью, и выводила грунто-

вые воды в р. Мойку. Остатки этих коллекторов обнаружены во всех дворах, а также в проездах на набережную р. Мойки. Отметим, что часть коллекторов, вероятно, была сооружена еще до строительства Главного Штаба.

К коллекторам К. Росси была подсоединена целая система деревянных дренажных лотков и колодцев,

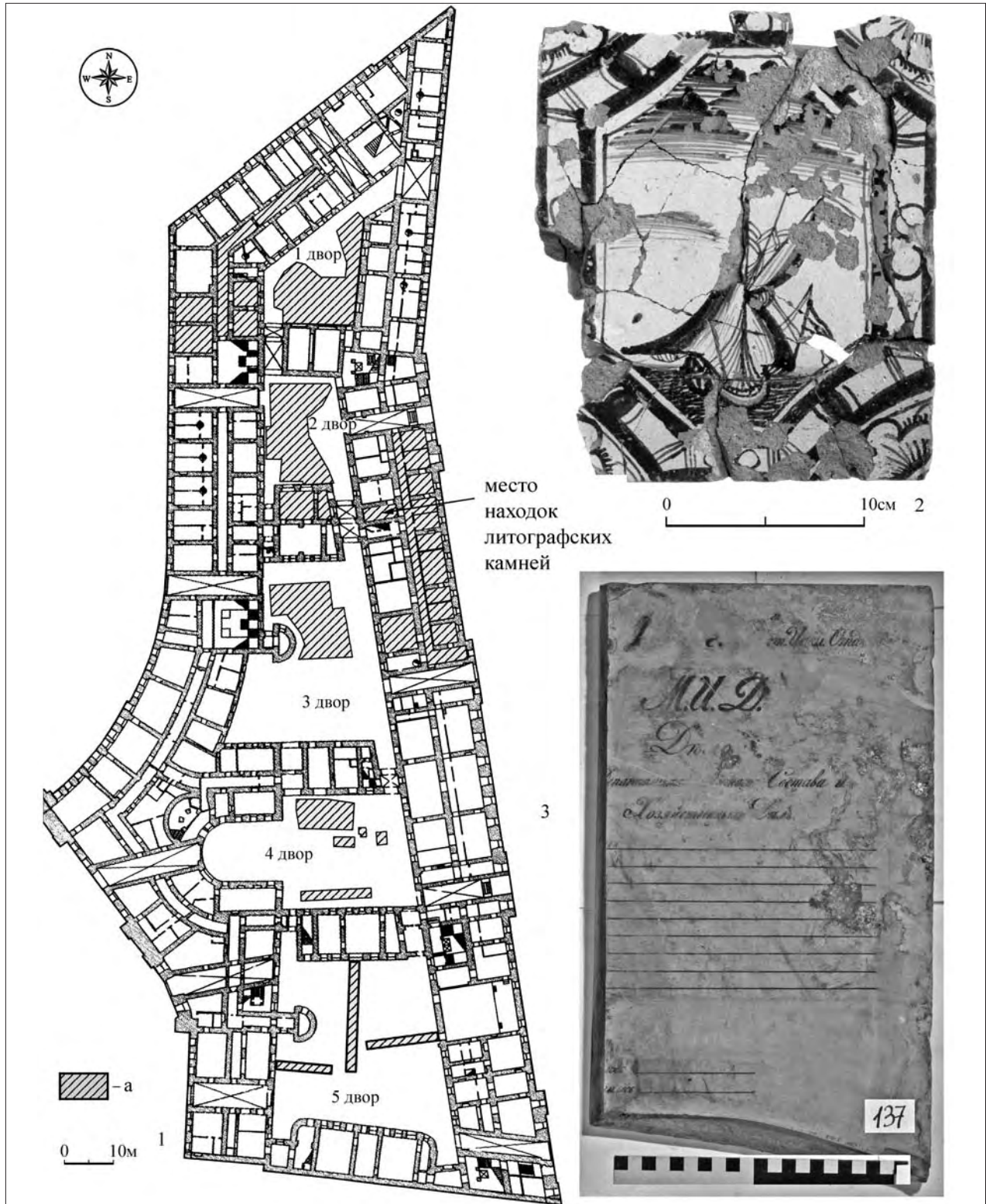

Рис. 1

Восточное крыло здания Главного Штаба

1 — границы исследованных участков; 2 — печной изразец из двора 1; 3 — литографский камень из цокольного помещения

впущенных в кирпичные коллекторы, которые были обнаружены в дворах 1 и 3. Некоторые из этих лотков относятся к более раннему времени (двор 2).

К концу XIX — XX в. относится большое количество различных перекопов под коммуникации и постройка, обнаруженная во дворе 2.

Во время наблюдений за земляными работами в цокольном этаже были обнаружены строительные остатки сооружений XVIII — первой четверти XIX в.

В результате раскопок и наблюдений на территории дворов 1-3 Главного Штаба обнаружены остатки застройки этого участка в XVIII — начале XIX в.

Собрана большая коллекция находок XVIII-XIX вв., характеризующих быт населения Петербурга того времени.

В одном из помещений цокольного этажа, в заполнении, состоящем из строительного мусора, обнаружены свыше 100 фрагментов литографских кам-

ней. На 70 из них сохранились тексты бланков официальной переписки Министерства иностранных дел Российской империи. Литографическое заведение Государственной коллегии иностранных дел было основано в 1817 г. по указу Александра I. У его истоков стоял П.Л. Шиллинг фон Канштадт — дипломат, востоковед и изобретатель (Немировский, 2000. С. 219, 220). Литография состояла при канцелярии Министерства иностранных дел и удовлетворяла потребности в бланках документов практически всех дипломатов, даже находящихся в Америке, и собственных департаментов. Имеются плиты с бланком на имя графа Медема, посланника в Вашингтоне, с титульным листом архивного дела департамента хозяйственных дел, бланки хозяйственных ведомостей и ведомостей учета. На плитах сохранились фамилии многих видных государственных деятелей России середины — второй половины XIX в.

Немировский Е.Л., 2000. Изобретение Иоганна Гуттенберга. М.

О.Н. Адаменко, И.П. Кукушкин
ООО«Старый город», Вологда

Топография Соборной горки Вологды в XIV-XVII вв.

Соборная горка — исторический центр г. Вологды — во второй половине XVI в. играла первостепенную роль в архитектурно-композиционном замысле Ивана Грозного при возведении Вологодского кремля. В 2008 г. в связи с проведением работ по благоустройству набережной р. Вологды эта территория исследовалась археологически (Адаменко, 2010. С. 4-16).

Сведения о первых раскопках на Соборной горке относятся ко второй половине XVII в.: архиепископ Вологодский Симон «раскопал погреб... нашел там в кладовых неизвестно чьего серебрива»; материалы разобранных построек были использованы при строительстве Архиерейского подворья. В 1809 г. легендарный генерал К.М. Бороздин, приехав в Вологду, «копал в разных местах» и под грудами щебня обнаружил погреб и подвалы. В 1860 г. «пробовали рыть гору в шести местах, но там большей частью были найдены следы какого-то кирпичного здания с прочным каменным фундаментом» (Суворов, 1866. № 15, 16). В 1986 г. И.Ф. Никитинским в западной части Соборной горки в стенке траншеи для коммуникаций был зафиксирован белокаменный фундамент, интерпретированный как остатки моста через крепостной ров, и место складирования белого камня (Никитинский, 1986. С. 23, 24).

В 2000 г. в шурфе, расположенном к западу от Софийского собора, И.П. Кукушкиным обнаружена погребальная камера (крипта) с захоронением церковнослужителя — предположительно, одного из настоятелей Софийского собора конца XIX в. Также выявлены деревянные конструкции второй половины XV в. — 1568 г. (времени, предшествующего строительству собора) (Кукушкин, 2003. С. 11, 12).

В 2001 г. у юго-восточной стены собора исследован раскоп (6x10 м), в котором выявлены массовые перезахоронения. Нижний горизонт отложился до начала возведения стен храма, он включает останки более 200 индивидов, кости которых в анатомическом порядке были уложены в два деревянных короба. Над ними залегал горизонт перезахоронений XVII — начала XIX в. в округлых ямах (Кукушкин, 2001).

В 2008 г. в восточной части Соборной горки на участке размерами 25x45 м по распространению колотого кирпича, извести и крупного окатанного сланца планиграфически локализовано место расположения древних каменных построек. Предположительно, это церковь Благовещения и/или «палаты каменные», возведенные одновременно с комплексом Вологодского кремля и пришедшие в «ветхость» к концу XVII в. (Писцовые и переписные книги... 2008. С. 176).

В западной части Соборной горки в шурфе обнаружены следы берегоукрепления в виде засыпанных суглинком связок жердей (фашин), расположенных перпендикулярно урезу берега. Они соответствуют чертежам проекта 1860-х гг. по предотвращению осыпи береговой террасы. Возможно, в результате этих работ были сnivelированы остатки укреплений северной стены Вологодской крепости XVI-XVII вв.

Культурный слой XIV-XVII вв. в виде гумусированной супеси мощностью 0,7 м обнаружен только в центральной части Соборной горки. Слой насыщен керамикой, бытовавшей в XIV-XVII вв., костями животных. Найдены кремневые орудия и сколы, что может свидетельствовать о наличии здесь поселения каменного или железного веков.

В разведочной траншее (2x5 м) обнаружены два перезахоронения нескольких индивидуумов (взрослые, дети) и мужское безынвентарное погребение, костяк ориентирован головой на юг. Отдельные находки костей человека зафиксированы на площади 25x70 м. Возможно, выявленный могильник соотносится с кладбищем церкви Преображения Господня, упомянутым в писцовых книгах (Писцовые и переписные книги... 2008. С. 180). Предварительно некрополь можно датировать XV-XVII вв.

Из находок на Соборной горке особо следует отметить орнаментированную керамику и вещи XIV-XV вв. — фрагмент сине-зеленого стеклянного браслета, трапециевидную светло-серую бусину, перстень-печатку с изображением «фантастического» животного (льва), а также редкую находку миниатюрной пистолы второй половины XVI — XVII в.

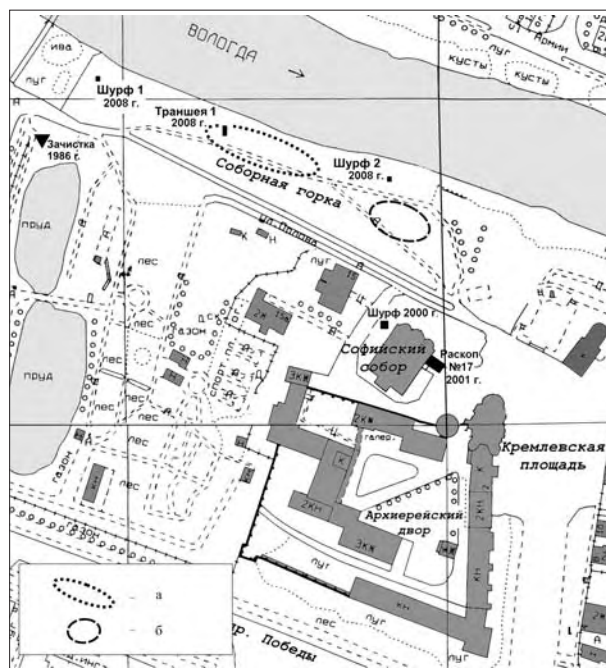

Рис. 1

Таким образом, на Соборной Горке Вологды зафиксированы культурные отложения XIV-XV вв., следы каменного строительства второй половины XVI в., некрополи Софийского собора и церкви Преображения. Получены новые материалы, принципиально важные для понимания вопросов формирования топографии Вологды в эпоху позднего средневековья, новые данные к вопросу перенесения городского центра с территории Вологодского городища на Соборную горку.

Адаменко О.Н., 2009. Отчет об археологических работах в городе Вологде в 2008 г. // Архив ИА. Р-1.

Кукушкин И.П., 2002. Отчет о проведении археологических раскопок в зоне охраны Софийского собора в городе Вологде в 2001 году // Архив ИА. Р-1.

Кукушкин И.П., 2003. Археологические исследования в Вологодском кремле в 1997-2000 годах // Вологда: Краеведческий альманах. Вологда. Вып. 4.

Никитинский И.Ф., 1987. Отчет о работе Вологодской археологической экспедиции в г. Вологде в 1986 г. // Архив ИА. Р-1. № 11360.

Писцовые и переписные книги Вологды XVII — начала XVIII в. / Подгот. к изд. И.В. Пугача, М.С. Черкасовой. М., 2008. Т. 1.

Суворов Н.И., 1866. О Соборной Горе в Вологде // Вологодские епархиальные ведомости. № 15-16

Л.С. Андрианова

Областной центр детского и юношеского туризма и экскурсий, Вологда

Коллекция кожаных изделий XV-XVII вв. из Вологды (по материалам раскопок 2007-2008 гг. на проспекте Победы, 20)

В ходе охранных раскопок в исторической части Вологды в 2007-2008 гг. получены представительные коллекции изделий из органических материалов. Четырьмя раскопами исследована площадь более 500 м²,

средняя глубина культурных отложений 3,6 м, на отдельных участках — свыше 4 м. Изначально эта часть Вологды представляла собой заболоченное место, на что указывают многочисленные прослойки болотно-

го мха в нижней части культурного слоя. Местность была перенасыщена влагой, поэтому первые поселенцы гатили наиболее топкие или излишне влажные участки. В нижнем горизонте зафиксированы разнообразные настилы и вымостки из бревен, жердей, целых елок, ветвей кустарника. На быструю археологизацию культурных остатков указывают находки еловых веток с зеленой хвоей, сохранившиеся целиком деревянные изделия (долбленое корыто, лопаты), колья частоколов длиной до 1 м. По итогам раскопок выделено 7 строительных горизонтов. Наибольший интерес представляют нижние горизонты, датируемые концом XV — XVI в., где выявлены 4 усадьбы с жилыми и хозяйственными постройками, разделенные частоколами.

Полученная коллекция кожаных изделий включает более 20000 предметов, среди которых целые формы, разрозненные детали кожаной обуви, обрывки изношенных изделий, обрезки кожи. Наиболее ранняя обувь (конец XV — XVI в.) имеет однослойную подошву с умеренно выраженной переймой, округлой пяткой и вытянутым (3–6 см) носком. Внутренний каблук — в виде 3–5 подпятников, жесткий задник — с кожарманом и несколькими (до 7) берестяными вкладышами; верхний край задника оформлен тупым углом. Форма головок: треугольный вырез для вшивания заостренного носка подошвы, верхний обрез ровный или с небольшим язычком (0,5–0,8 см); головки имеют широкие (в единичных случаях узкие) поднаряды из двух симметричных деталей.

Большинство сапог подбито гвоздями в 1–2 ряда и подшито подметками. Все головки декорированы линейным тиснением со стяжкой по бахтарме (в неко-

торых случаях — линование в виде «елочки»). На нескольких изделиях носки подошв и задники украшены мелкими гвоздиками. Характерная особенность: на большинстве подошв имеется клеймо на загнутом носке в виде двух или трех сходящихся линий («угол» или «трилистник»). Еще одно клеймо («копьевидное») зафиксировано на плантарной части подошвы, удлиненный носок которой декорирован гвоздиками. Голенища (за исключением детского сапожка) встречены отдельно от нижних частей обуви либо в обрезках; все голенища двухдетальные, расширяющиеся кверху, с тачными швами на боковых сторонах, многие имеют круглые вырезы (диаметром до 2, 5 см) и декоративные швы в верхней части.

Более поздним вариантом данной обуви являются сапоги, подошва которых имеет слегка приостренный носок. На некоторых головках фиксируются удлиненный язычок и короткие боковые «крылья», при этом треугольный вырез в носочной части головки сохраняется. Пять головок украшены вышивкой.

Сапоги XVII в. имеют высокий наборный каблук, изогнутые подошвы «с крокулем» и узкой переймой; носочные части подошв и головок округлые.

Поршневидная обувь представлена простыми и составными (2–3-детальными) поршнями, имеющими местные конструктивные и стилистические особенности.

Найдены разнообразные кожаные ножны (простые, с отворотом, прорезьями или петлями для завязок); все ножны украшены тиснением в виде геометрического орнамента, имеют различную длину (6–30 см). К единичным кожаным изделиям можно отнести чехол для ложки, кошелек, декоративные прорезные нашивки.

*Л.А. Беляев, О.Н. Глазунова,
О.В. Зеленцова, М.А. Капитонова,
Е.В. Майорова, П.Е. Русаков, О.А. Тихова*
Институт археологии РАН, Москва

Новый Иерусалим как объект археологии: результаты исследований 2009–2010 гг.

Собор Воскресенского монастыря — единственная в мире полномасштабная копия храма Гроба Господня в Иерусалиме, построенная в середине XVII в., но отразившая особенности его композиции и в ренессансный, и романо-готический период. Не входя (пока) в список объектов ЮНЕСКО, собор превосходит многие из них по историко-культурной информативности и ценности.

Археологические исследования 2009–2010 гг. осуществлялись как предпроектные, в связи с разработкой общей концепции и проекта восстановления и развития

Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря. Однако результат далеко превосходит служебно-практические задачи работ (что выразилось и в объеме: в 2009–2010 гг. вскрыто и исследовано около 2000 м²).

Потребовалось усовершенствовать методику. Был выработан метод «малодеструктивных раскопок»: вскрытие широкой площади с целью понять планировку и стратиграфию, но сохранить все элементы архитектуры *in situ*. В организационном смысле это означало развертывание массы намеченных архитекторами шур-

фов в раскопы в случае обнаружения утраченных сооружений. Для зон «исследования» и «сопровождения» применялась единая методика, разница сохранялась в технике вскрытия, но для уравнивания метода на инженерных и геологических шурфах применялся трехтактный ритм сопровождения: (а) полноценное вскрытие культурного слоя силами экспедиции; (б) наблюдение за проходкой материка; (в) анализ и фиксация «геологической» части профиля и фундамента. Был восстановлен рельеф холма, т.е. получены условно восстановленные профили по уровню погребенной почвы.

В соборе Воскресения Христова сделан ряд наблюдений, важных и для историко-культурной характеристики здания: 1) показана ошибочность представлений о насыпном характере грунта под зданием (в том числе — получены колонки погребенного дерна); 2) определены первоначальные уровни строительства; 3) составлена хронологически обоснованная история фундаментов собора Воскресения, включая их укрепление; 4) исследованы конструкции и фундамент столбов ротонды, а также основание Кувуклии; 5) изучены и датированы полы в ротонде и грунт под ними — в траншеях на месте двух кирпичных лучей каменного пола открыты ямы от лесов и подмостей 1660-1690-х гг.; 6) составлено представление об устройстве и размещении некоторых склепов; 7) собран материал по декоративному убранству, прежде всего — много архитектурных изразцов, в том числе ранее неизвестных.

Начато системное изучение застройки XVII-XVIII вв., пока в южной зоне, сейчас свободной от сооружений (так, Описание 1685 г. указывает «напротив колокольни деревянные хоромы для государей»). Она известна по письменным источникам и по планам того же времени, но на чертежах XIX в. отсутствует (например, на плане 1852 г. с юга от собора показан только сад).

Вскрыто (раскоп 1) основание Старого государства дворца (между 1685 и 1762 гг.?) из бруса на каменном фундаменте, с остатками изразцовых печей и ямами погребов; они перекрывают ямы от строительства 1650- 690-х гг.

На участке ближе к колокольне (так называемый «дом садовника») раскоп 3/2009 развернут из шурфа и затем продолжен к западу, так что возник новый большой раскоп 6, в котором выявились сплошные булыжные вымостки с остатками сгоревших деревянных столбов, разделенные валунными фундаментами каменного здания, существовавшего до пожара 1762 г. По-видимому, это (раскоп 2/2009) — «каменный флигель в 5 покоев со сводами» «с левой стороны от нового дворца, расстоянием в девяти сажнях с половиною», упомянутый описью 1727 г. В его составе вскрыт кирпично-каменный подвал-погреб (полностью), сохранившийся до уровня сводов.

На краю пруда XVII в., предполагаемом месте палат патриарха Никона (раскоп 4/2009 и 2010), пока не удалось выявить сооружения, хотя присутствие здесь престижного здания подтверждают находки изразцов и плиток с рисунком «под паркет», известного по Скиту патриарха Никона. Кроме того, именно здесь найден

Рис. 1
Изразец архитектурный с львиной маской.
Вторая половина XVII в. Новый Иерусалим

«угорский золотой» — «марианский» дублон короля Матиаша Корвина (до 1519 г.; подражание XVI в.?) с изображением Девы Марии и святого Владислава.

Палаты и кельи в зданиях южной зоны дают исключительно разнообразные наборы печных изразцов XVII — раннего XVIII в., начиная от простейших терракотовых «красных» до расписных плоских, в том числе целый ряд вполне уникальных версий, в других городах России не фиксируемых. Несомненно, их делали на месте, что подтверждает находка фрагмента штампа для красных рамочных изразцов (середина XVII в.?).

Особый интерес представляют данные, полученные по конструкциям монастырской ограды: а) по субструкциям; б) по утраченным пристройкам проездных и глухих башен; в) по изощренно продуманным подземным сооружениям; г) по первоначальной ограде; д) по рельефу краев холма и его обкладке.

Линия первоначальной ограды обозначилась в виде булыжной засыпки в неширокий ров с очень пологими краями, которая, по-видимому, держала частокол. У каждой башни открываются новые пристенные сооружения (изнутри монастыря), в источниках не упомянутые или названные вскользь, смутно (так, открытая система из входного сводчатого коридора и большой палаты к востоку от южных ворот, возможно, обозначена в описи 1727 г. как келья «у городской стены против большой церкви»). Особый интерес представляет целиком сохранившаяся ниже уровня почвы наружная сводчатая двухкамерная субструкция («караульня») из белого камня с небольшими дополнениями из кирпича, врубленная в склон под Ефремовой башней. Снаружи по откосу этого же склона (он изучен лучше остальных) обнаружена прекрасно сохранившаяся панцирная обкладка из белокаменных квадров (в высоту не менее 10 рядов).

Монеты в раскопах многочисленны, около 250 экземпляров XVII-XVIII вв., что обеспечивает точность датировок. Больше всего чекана царей XVII в. из династии Романовых. Зафиксировано также несколько скопленных начала XVIII в. Перспективная находка — большая

производственная яма с кирпичной обкладкой, со строительным заполнением 1720-х гг. (?), включающим массу (до 1000) крупных обломков изразцов 1660-х гг.

На холме обнаружены также объекты гораздо более древние, чем сам монастырь. Находка целых женских украшений (подвеска-конек, серьга-сюльгама)

позволяет надеяться на обнаружение финно-угорского некрополя X-XI вв.; керамика с текстильным орнаментом, кремневые отщепы и керн каменного топора подтверждают существование в северо-восточной части холма поселения переходного от бронзового к железному веку периода.

И.М. Бердников

Иркутский государственный университет, Иркутск

Археологические исследования православных некрополей XVIII — начала XIX вв. в Иркутске¹

В ходе работ, проведенных в исторической части г. Иркутска в 2007-2011 гг. отрядом ИЛАиП ИАЭТ СО РАН совместно с сотрудниками кафедры археологии ИГУ, исследованы три православных некрополя XVIII-XIX вв.: Спасский, Владимирский и Крестовоздвиженский. Раскопки были обусловлены сохранением культурного наследия в зонах нового строительства, работы проводились в сжатые сроки, часто в тяжелых условиях. В общей сложности обнаружено 675 захоронений.

Спасский некрополь (вторая — третья четверть XVIII в.). Раскопки некрополя у стен Спасской церкви проводились с ноября 2007 по март 2008 г. (Бердников, 2009). В общей сложности в результате рекогносцировочных и спасательных работ обнаружено 379 погребений в гробах и колодах, одно из них находилось в кирпичной гробнице. Ориентированы погребенные головой на запад, часто с незначительными отклонениями к северу или югу.

В большей части погребений обнаружены литые металлические нательные кресты (234 экз.). Встречаются уникальные экземпляры, одним из таких является деревянный четырехконечный крест, найденный в погребении 7 из пикета 19. Интерес вызывает также нательный крест из погребения 9 (пикет 6; кирпичная гробница). Это четырехконечный серебряный с позолотой крест, заключенный в рамку в виде стилизованного сердца, в центре креста находится рельефное распятие. В одном из захоронений найдена чаша китайского фарфора периода Юнчжэн (1723-1735 гг.). В погребениях также сохранились медные монеты 30-40-х гг. XVIII в., фрагменты головных уборов, обуви, одежды с пуговицами из металла и перламутра, элементы одежды, выполненные в технике золотного шитья.

Зимой 2011 г. выполнен завершающий этап археологических исследований и работ по усилению фундамента Спасской церкви. Обследован участок у северной стены церкви в районе колокольни, где были полностью вскрыты остатки тына, обнаруженного в 2007 г., а также дополнительная площадь у восточной стены. Обнаружены еще 43 захоронения в колодах и гробах-ящиках.

Владимирский некрополь (вторая — третья четверть XVIII в.). Летом 2009 г. проведены раскопки в историческом центре Иркутска на территории, прилегающей к Владимирской церкви (Бердникова, Бердникова, Батракова, 2009). Обнаружены 46 захоронений в гробах-ящиках и колодах (два из них полностью разрушены). Захоронения ориентированы по линии 3-В (головой на запад) с некоторыми отклонениями к северу или югу. В расположении могил прослеживаются три ряда, внутри которых выделяются участки с групповыми ярусными захоронениями. Стенки одной из могильных ям укреплены досками.

В погребениях найдены фрагменты кожаной обуви, нательные кресты (31 экз.). Украшений в захоронениях немного: обнаружены фрагмент серьги и фрагмент костяной кольцевидной подвески. В некоторых погребениях зафиксированы остатки кожаной обуви. Единственная монета (полушка 1730-1740-х гг.) обнаружена в кожаном мешочке во рту одного из умерших (погребение 18).

Крестовоздвиженский некрополь (XVIII-XIX вв.). Осенью 2010 г. проведены спасательные раскопки на территории, прилегающей к Крестовоздвиженской церкви. Обнаружено 207 погребений. Выделяются участки, где в одной могильной яме находится по несколько захоронений. Ориентация преимущественно головой на запад, порой с существенными

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг., государственный контракт № П52.

отклонениями к югу или северу. Внутримогильные конструкции представлены преимущественно дощатыми гробами-ящиками. Три захоронения совершены в кирпичных гробницах трапециевидной формы.

Кресты-тельники обнаружены в 160 погребениях. Аналогии крестам есть в ставрографической коллекции из раскопок Илимского острога (Молодин, 2007), а также в коллекциях Спасского и Владимирского некрополей Иркутска. Встречаются интересные экземпляры, например небольшой янтарный тельник с изображением распятого Иисуса и перламутровый нательный крест. В трех погребениях найдены медальоны с православной символикой. В нескольких захоронениях обнаружены украшения (серьги, перстни) и фрагменты кожаной обуви, одежды и головных уборов.

По всей площади раскопа встречены надгробные плиты из песчаника. Ни одна из них не зафиксирована *in situ*, т. к. верхний уровень кладбища сильно разрушен в середине XX в. Самые ранние надгробия датируются 1787 г., самые поздние — 1806 г.

Данные, полученные в результате исследования некрополей Иркутска, не просто дополняют письменные сведения по истории города, но и помогают по-новому взглянуть на особенности социокультурной практики горожан. В ближайшее время останки иркутян, извлеченные во время раскопок, будут перезахоронены в крипте у Спасской церкви, над которой будет установлен памятный знак. Работы по ее сооружению начались в январе 2011 г. при поддержке археологов, областной администрации и Иркутской епархии РПЦ.

Бердников И.М., 2009. Особенности погребального обряда Спасского некрополя Иркутского острога // Вестник НГУ. Т. 8. Вып. 5.

Бердникова Н.Е., Бердников И.М., Батракова Н.А., 2009. Раскопки Владимирского некрополя в Иркутске // Проблемы археологии,

этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат. Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2009 г. Новосибирск.

Молодин В.И., 2007. Кресты-тельники Илимского острога. Новосибирск.

А.И. Боброва

Томский областной краеведческий музей, Томск

Предметы массового русского привоза в некрополях Прикетья

К раскопкам позднесредневековых могильников в Нарымском Приобье обратились в конце 1930-х гг. В Гребенчиковском некрополе П.И. Кутафьев обнаружил предметы «чужеземного происхождения» — счетные нюрнбергские жетоны, правда, тогда это не было воспринято как сенсация. Большая коллекция, включавшая наряду с иноземными вещами оружие, утварь, предметы быта и обменный фонд торгово-промысловой экспедиции, была собрана в результате исследований 1945 г. на о. Фаддея и на побережье залива Симса. Под руководством А.П. Дульзона в 1940-1950-х гг. в рамках комплексной программы изучения аборигенных этносов Томской обл. были проведены раскопки могильников XV-XVII вв. Предметы массового русского привоза в большом количестве были обнаружены в селькупском могильнике на Остяцкой Горе. Тогда же А.П. Дульзон дал характеристику этим предметам, определил их датировку, выявил аналогии. В Прикетье он провел работы на Урликовском и Усть-Озёринском могильниках, но предметов импорта не обнаружил. Исследования Г.И. Гребневой в 1970-1980-х и А.И. Бобровой в 1990-2000-х гг. некрополей XVII в. в Прикетье (Лукьяновский I, Карбинский II, Ёлтыревский II) выяви-

ли большой процент предметов массового русского привоза. Среди них преобладают изделия российского производства, предназначенные для мены «на остяцкую руку», но есть и товары чужеземного происхождения для сбыта на «сибирскую руку». Пути поступления этих вещей были традиционными: через Нижнее, Сургутское Приобье и Прииртышье по рекам Обь и Иртыш. Единственным их поставщиком было Российское государство, а его посредником на сибирской земле выступали торгово-промышленные люди. Основная доля импорта приходилась на украшения (бусы, бисер, серьги, перстни, пуговицы), посуду (бронзовые котлы, оловянные тарелки и чары), ткани. Счетные жетоны, серебряные монеты-чешуйки пользовались особым спросом у аборигенного населения, т. к. шли на украшение одежды. Особенно ценились предметы из железа — топоры, ножи и пр.

Ассортимент предметов массового русского привоза к началу XVIII в. расширился настолько, что поток ремесленных и фабричных товаров из России захлестнул сибирский рынок. Это привело к упадку собственного производства у коренных жителей Нарымского Приобья.

А.И. Боброва

Томский областной краеведческий музей, Томск

Н.В. Березовская

Центр по охране и использованию памятников истории и культуры, Томск

Н.В. Торощина

Томский государственный университет, Томск

Обряд погребения средневекового населения Притымья (XII-XVII вв.)

Значимость изучения локальных территорий Западной Сибири обусловлена спецификой исторических судеб населения, отразившейся в материалах археологии, антропологии, этнографии. Исследование погребального обряда на р. Тым, правом притоке Оби, представляет особый интерес, т. к. на всем его протяжении, в отличие от более южных районов Нарымского Приобья, совершенно отсутствуют курганные захоронения и представлены только грунтовые могилы (Дульзон, 1956. С. 233, 235).

Территория Притымья издавна являлась контактной зоной различных культурно-этнических образований. В археологическом отношении регион исследован недостаточно. Из 165 известных памятников в разной степени раскопано около 25. Наиболее перспективными для изучения этногенеза являются средневековые некрополи. Базовыми для реконструкции обряда стали некрополи развитого (Бедеревский Бор III) и позднего (Бедеревский Бор I, II, Чистый Яр, Нёготский, Пыль-Карамо I) средневековья. К общим чертам погребального обряда XII-XVII вв. относятся: наличие на межмогильном поле и в насыпях могил многократных следов погребально-поминальных действий (украшения, наконечники стрел, обрывки кольчуг, керамика и пр.); значительная глубина отдельных могил (до 1,6 м); нарушенность костных останков.

Для развитого средневековья характерны: устройство погребальных конструкций из жердей или тонких плах; подкладывание под них на дно могил двух поперечин — в области головы и ног; использование бересты и меховой одежды для обертывания покойного; вторичность захоронений (анатомический порядок не нарушен только в глубоких могилах мужчин-воинов). Покойных хоронили в вытянутом положении, на спине, ориентируя головой в основном в восточную сторону. Наиболее полные комплекты вооружения обнаружены в воинских могилах, но железные наконечники стрел, обрывки кольчуг присутствовали и в разнополых и разновозрастных погребениях, а также в насыпях детских могил. Особенностью инвентарных комплексов является присутствие шумящих подвесок в мужских захоронениях и отсутствие их в погребениях женщин.

Датировка могильника XII-XIV вв. определяется по аналогиям из Сургутского, Юганского, Нарымского и Томского Приобья (Викторова, 1973. С. 137-173;

Семёнова, 2001; Угорское наследие, 1994; Чемякин, Карачаров, 2002; Березовская, Боброва, 2001. С. 31, сл.; Боброва, 2003. С. 24-29; Березовская, Боброва, Рыкун, 2009. С. 187-190).

Специфическими чертами обряда погребения на некрополе в это время являются: зрелый возраст смерти взрослой части популяции; расположение покойного ногами вниз по течению реки и преобладание восточной ориентации; отсутствие конструкций в виде лодок и колод; наличие керамических сосудов при покойных или в насыпях могил.

Прямые аналоги погребальному обряду и инвентарю известны в памятниках сайгатинского этапа Сургутского Приобья. Высокая степень нарушенности останков, обжиг площадки перед погребением, наличие боевого оружия, присутствие вещественных находок около могил, сопровождение (особенно глубоких могил) неординарным инвентарем отмечены в некрополях лесного Зауралья, Нижнего и Среднего Приобья (Викторова, 1973 С. 137-173; Семёнова, 2001; Угорское наследие, 1994; Чемякин, Карачаров, 2002).

В XV-XVII вв. обряд погребения у населения Притымья оставался прежним. Покойных хоронили грунтовым способом, размещая могилы параллельными рядами вдоль берегов небольших притоков р. Тым. Продолжала сохраняться традиция сопровождения похорон неоднократными поминальными действиями, о чем свидетельствует залегание находок (наконечников стрел, украшений) на разных уровнях межмогильного пространства и насыпей могил. Наряду с обычным положением покойного (вытянуто на спине) по-прежнему, хотя и в меньшей степени, имел место обряд повторных похорон.

Инновации в обряде погребения прослеживаются начиная с XVI в.: устройство жердевых перекрытий над могилами; появление захоронений в лодках-долбленках; подхоранивание в виде ярусов; смена ориентировки — покойных начали хоронить головой на юг, ногами вверх по течению р. Тым.

На разных некрополях в единичных случаях проявляются специфические признаки в обряде погребения: в урочище Бедеревский Бор I на межмогильном пространстве найден череп медведя, в Бедеревском Бору II зарегистрированы погребение мужчины в сопровождении собаки и захоронение женщины в со-

проведении птицы, а также погребение с «куклой». В могильнике Пыль-Карамо I обнаружены остатки оленьей (?) шкуры и снятая «чулком» шкурка водоплавающей птицы (Кондрашов, 2002. С. 66). Шаманские погребения зафиксированы на Бедеревском Бору II и на кладбище Варгананджино (Боброва, Максимова, 1998. С. 143-148; Боброва, Максимова, Торощина, 2002. С. 106-139).

Исторические и этнографические источники свидетельствуют о расселении на территории Притымья нарымских селькупов, их диалектно-локальной группы чумьлькуп (Патканов, 1911; Долгих, 1960; Пелих, 1981).

Проживание предков селькупов на северо-востоке Нарымского Приобья подтверждается данными топонимики (Дульзон, 1950. С. 175-187) и антропологическими материалами (Багашёв, 2001. С. 159-174; 2002. С. 90-103).

Значительная близость погребально-поминального обряда и вещественных находок из некрополей Притымья к Сургутскому и Нижнему Приобью позволяет предполагать участие в этногенезе нарымских селькупов угорского компонента. Авторами не исключается и присутствие эвенкийского элемента. Известно, что правобережье Оби с XVII в. было местом кочевий сымско-кетской группы эвенков.

- Багашёв А.Н., 2001. Хронологическая изменчивость краниологического типа Нарымских селькупов (по материалам Тискино) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень. Вып. 3.
- Багашёв А.Н., 2002. Генезис южных самодийцев по данным антропологии // Междисциплинарные исследования в археологии и этнографии. Томск.
- Березовская Н.В., Боброва А.И., 2001. Бедеревский Бор, комплекс археологических памятников // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья: Мат. к энциклопедии Томской области. Томск.
- Березовская Н.В., Боброва А.И., Рыкун М.П., 2009. Погребальный обряд и состояние здоровья средневекового населения Притымья // Роль естественнонаучных методов в археологических исследованиях. Барнаул.
- Боброва А.И., Максимова И.Е., 1998. Шаманское погребение ср. Тьма (публикация материалов) // Археолого-этнографические комплексы. Новосибирск. Вып. 3.
- Боброва А.И., Максимова И.Е., Торощина Н.В., 2002. Погребение с шаманским комплексом вещей на р. Тым // Тр. Музея археологии и этнографии Сибири им. Флоринского Томского государственного университета. Томск. Т. 1.
- Викторова В.Д., 1973. Ликинский могильник X-XIII вв. // Вопросы археологии Урала. Свердловск. Вып. 12.

- Долгих Б.О., 1960. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М.
- Дульзон А.П., 1950. Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики // Уч. зап. Том. гос. пед. ин-та. Томск. Т. 6.
- Дульзон А.П., 1956. Археологические памятники Томской области // Тр. ТОКМ. Т. 5. Томск.
- Кондрашов А.Н., 2002. Материалы исследований грунтового могильника Пыль-Карамо I и поселения Усть-Порос на севере Томской области // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург.
- Патканов С.К., 1911. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири: Язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). Т. 2: Тобольская, Томская и Тюменская губернии // Зап. РГО по отд. статистики. СПб. Т. 11. Вып. 2.
- Пелих Г.И., 1981. Селькупы XVII века (очерки социально-экономической истории). Новосибирск.
- Семёнова В.И., 2001. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск.
- Угорское наследие. Екатеринбург, 1994.
- Чемьякин Ю.П., Карачаров К.Г., 2002. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург.

Р.И. Бравина

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск

Детское пространство в погребальном обряде якутов

Из около 300 исследованных захоронений якутов XV-XIX вв. детских — 34, в том числе 26 грунтовых и 8 надземных (Бравина, Попов, 2008. С. 216-285). Можно выделить 3 возрастные группы погребенных детей: младенцы, дети младшего и среднего возраста, подростки.

Младенцы. Одним из распространенных способов погребения младенцев являлось подхоронение. Обычно останки младенцев в деревянной люльке располагали внутри надгробных сооружений или же внутри могильной ямы на крышке гробов взрослых, предположительно матерей или старших родственни-

ков. В коллективном захоронении могильника Охтубут в Чурапчинском улусе в гробу находились 4 костяка. В могильной яме справа от гроба, в его заднем углу, головой на восток и лицом вниз лежал костяк младенца, завернутый в покрывало.

С распространением православия среди якутов погребальный обряд стал совершаться по церковным предписаниям. В 6 детских захоронениях из могильника Киэн Эбэ в Таттинском улусе внутримогильные камеры представлены дощатыми ящиками-гробами. Дети с нателными крестами лежат на спине, головой

на запад. На голове одного из младенцев — бумажный венец с изображением Святой Девы. Инвентарь в погребениях отсутствует. Особняком стоит захоронение ребенка 1-2 лет. В отличие от других, данная могила на дневной поверхности отмечена надмогильным сооружением в виде небольшого сруба. На глубине 70 см обнаружена деревянная гробница, покрытая берестой, в которую втиснута колода. Ребенок одет в шубу, украшенную металлическими шариками, и обувь, расшитую бисером, имеет пояс, украшенный бисером и кольцами. В могиле обнаружены березовый футляр топора, фрагменты чашки китайского производства, деревянная ложка и металлическая погремушка. Нарядная одежда, наличие предметов сопроводительного инвентаря, двойная внутримогильная камера, отсутствие нательного креста указывают на то, что ребенок, вероятно, — из семьи с высоким социальным статусом. По документам XVIII в., первоначально основную массу новокрещенных составляли «улусные», т. е. простые, якуты, которых крещение привлекало своими льготами — освобождением от ясака и других повинностей (Шишигин, 1991. С. 61-68).

Дети младшего и среднего возраста. В захоронениях детей данной группы, в отличие от взрослых, наблюдается вариативность в ориентации головой относительно сторон света. В могильнике Дьярама в Мегино-Кангаласском улусе исследованы 3 захоронения детей в возрасте 2-4 лет. Надмогильные сооружения представляют собой низкий сруб в три венца с перекрытием из кругляков, покрытые сверху берестой и засыпанные землей. В центр могильных ям над крышкой гробов воткнуты срезанные березки. Глубина могил — 53-60 см. Внутримогильные камеры представляют собой колоду, изнутри выдолбленную в форме человеческого тела. Труположение детей на спине, головой на юг. Костяки завернуты в жеребачью шкуру мехом внутрь, поверх которой связаны веревкой из конского волоса.

В коллективном захоронении с взрослыми наблюдается подчиненное положение детей. В могильнике Кытах Кюрюё в Чурапчинском улусе в гробу из плах располагались 4 костяка. Пожилые мужчина и женщина лежали рядом, головой на запад. Ногами к ним, также рядом, обнаружены останки молодого мужчины и ребенка. Лица у мужчины и женщины прикрыты шкуркой, у молодого мужчины — материей. Все, кроме ребенка, связаны в нескольких местах кожаными тесемками (Константинов, 1971. С. 43,

44), т.е. с уменьшением возраста прослеживается упрощение обряда.

В детские погребения обычно клали горшки для молока, деревянную и берестяную посуду, соски из коровьего рога, игрушки, вырезанные из тальника и бересты.

Подростки. Наземные и внутримогильные конструкции захоронений подростков ничем не отличаются от погребений взрослых. Захоронение девочки-подростка из могильника Дьярама имеет надмогильное сооружение *чардаат* с оградой на восьми столбах. Ящик-гроб из плах покрыт берестяным полотнищем. Лицо подростка прикрыто шкурой жеребенка, имеются шейное украшение и проволочные серьги в форме знака вопроса. Сопроводительный инвентарь состоит из курительной трубки, деревянной ложки, чаши *кытыйа* с остатками молочной пищи и мешочка из бычьего пузыря, куда вложен костяной гребень.

В двух случаях (Нюрбинский и Верхоянский улусы) зафиксированы двойные захоронения подростков в одном гробу, разделенном толстой плахой на две продольные части.

В традиционном обществе юноши-подростки имели, видимо, приравненный к мужскому статус. В коллективном захоронении в могильнике Охтубут в гробу мужчина и юноша находились рядом, головой на запад, ногами к ним, также рядом, располагались костяки двух женщин.

По своему составу сопроводительный инвентарь захоронений подростков вполне взрослый. В могильнике Ат Дабаан Хангаласского улуса в погребении мальчика-подростка находились лук, стрелы и однолезвийное рубяще-колющее оружие типа палаша. Рядом обнаружено захоронение коня в расчлененном виде (Бравина, Попов, 2009. С. 9).

Наземные захоронения детей по своей конструкции однотипны: гроб-колода на срубленных деревьях. Особняком стоит захоронение в стволе растущего дерева, зафиксированное возле с. Шея Сунтарского улуса. В стволе лиственницы на высоте около 4 м от земли была выдолблена ниша длиной около 1 м, прикрывая толстой доской. В дупле помещался «полный скелет ребенка около 5 лет. Здесь же находились кусочки уцелевшего меха, синие бусы от платья и деревянная чашка...» (Шрейбер, 1931. С. 178). В этой связи уместно отметить, что, по этнографическим материалам, у якутов существовал обычай подвешивать на деревьях послед в берестяном туесе, а также хоронить труп младенцев, завернутых в бересту, в ветвях лиственницы.

Бравина Р.И., Попов В.В., 2008. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV-XIX вв.). Новосибирск.

Бравина Р.И., Попов В.В., 2009. Ритуальные комплексы с конем в Якутии. Якутск.

Константинов И.В., 1971. Материальная культура якутов XVIII века (по материалам погребений). Якутск.

Шишигин Е.С., 1991. Распространение христианства в Якутии. Якутск.

Шрейбер С.Е., 1931. Медико-санитарное обследование населения Вилюйского и Олекминского округов // Мат. Комиссии по изучению Якутской АССР. Л. Вып. 9.

В.М. Буланкин

Центр сохранения объектов культурного наследия, Рязань

В.И. Завьялов

Институт археологии РАН, Москва

Д.А. Иванов, В.В. Судаков

Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник, Рязань

Переяславль Рязанский в XVI-XVII вв. по археологическим данным¹

Город Переяславль Рязанский (современная Рязань) имеет богатую историю. Первые поселения на его территории возникают в глубокой древности, еще в эпоху камня. В IX-X вв. здесь появляются ранние славяне. История самого города, по некоторым данным, ведет отсчет с 1095 г. В конце XIII — начале XIV в. Переяславль из небольшого городка превращается в столицу Рязанского княжества. На рубеже XV-XVI вв. начинают формироваться посадские слободы. С потерей самостоятельности Рязанского княжества в 1521 г. Переяславль постепенно теряет свое значение, хотя на протяжении XVI-XVII вв. остается одним из крупнейших русских городов.

В результате гибели рязанского летописания сообщения об истории Переяславля в письменных источниках весьма немногочисленны и содержат сведения только об отдельных аспектах политической и военной истории города. Единичны и письменные источники по истории города XVI-XVII вв. В связи с этим осветить многие вопросы возможно только на основании археологических источников.

На сегодня степень археологической изученности Переяславля невелика, хотя потенциальные возможности высоки, на что указывают результаты исследований Житного раскопа в Кремле.

При проведении работ на территории Рязани культурные напластования XVI-XVII вв. выявлены в 76 пунктах. Культурный слой в различных частях города раз-

личается по своим характеристикам. На Остроге и Верхнем посаде он имеет меньшую мощность и менее насыщен по сравнению с Нижним посадом и прилегающими к нему слободами, больше поврежден перекопами XVIII-XX вв. На Верхнем посаде слой сухой, предметы из органических материалов сохраняются плохо, за исключением засыпки древних оврагов. На Нижнем посаде и прилегающих слободах наблюдаются значительные участки увлажненного культурного слоя с хорошей или удовлетворительной сохранностью органики.

Большое значение для позднесредневековой археологии Переяславля имеет Житный раскоп в Кремле. Здесь вскрыты стратифицированные слои этого времени, в которых хорошо сохраняются остатки деревянных сооружений и предметы из органических материалов. Характер культурных напластований пластов 7-8 свидетельствует об интенсивной строительной деятельности, связанной с постройкой комплекса каменных зданий на территории Кремля. В более ранних слоях на раскопе исследованы улица и прилегающие к ней усадьбы горожан с жилыми и производственными постройками, собрана коллекция предметов, отражающих все стороны жизни населения Переяславля Рязанского.

Анализ вещевого материала позволил установить, что на протяжении XVI-XVII вв. Переяславль Рязанский оставался значительным ремесленным центром; в частности, высоким качеством отличалась продукция кузнечного и сапожного ремесел.

И.Г. Бурцев, М.Б. Конорев

Государственный музей-заповедник «Куликово поле», Тула

Исследование укреплений Большой засечной черты на территории Тульской области в 2005-2010 гг.

Засечные черты — система оборонительных сооружений XVI-XVII вв. на южных и юго-восточных

границах Московского государства для защиты от нашествия крымских татар и ногаев. Основу засечных

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект 10-01-54501 а/Ц.

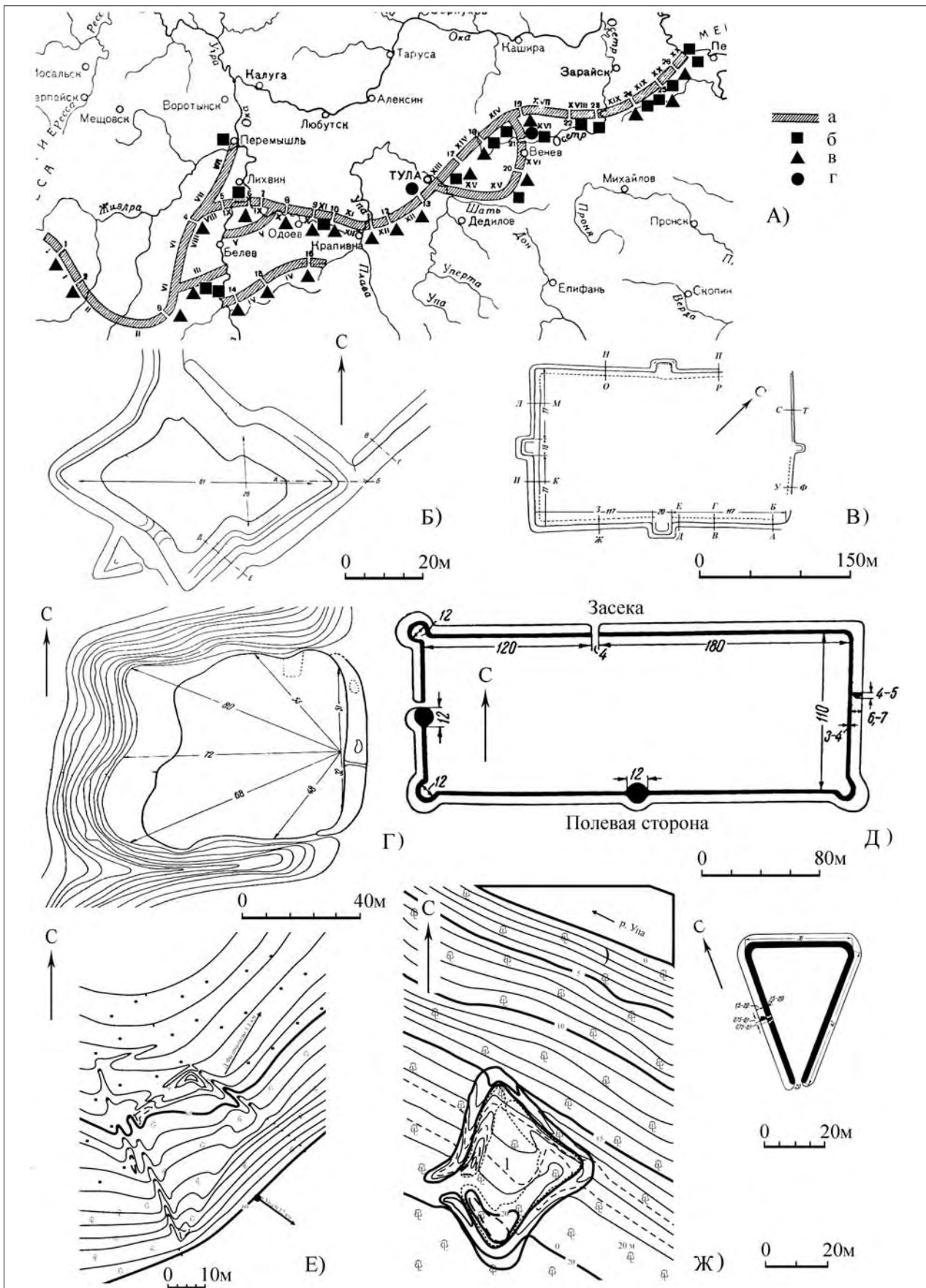

Рис. 1

Схема Большой Засечной черты (А) и ее элементов:

а - Засечная черта; б - укрепления до XVI в.; в - укрепления XVI-XVII вв.; г - укрепления XVII в.; Б - укрепление у Грабороновых ворот; В - Устынский городок у Грабороновых ворот; Г - укрепление у д. Павловское; Д - "Земляной городок" у Орловых ворот; Е - укрепление у д. Филимоново; Ж - укрепление у д. Супруты; З - дозорный пункт у Орловых ворот. А-Д, З - по А.В. Никитину; Е - по А.М. Воронцову; Ж - по К.Н. Фомину

черт составляли лесные завалы — засеки. Во второй половине XVI в. для защиты южных рубежей Московского государства от набегов крымских татар была создана Большая засечная черта, строительство которой началось не позднее 1554 г., а завершилось, вероятно, в 1566 г. По данным различных письменных источников, она состояла из множества типов укреплений — земляных валов, частоколов, надолбов, острожков, городков, отдельных башен.

Исследование засечных черт Московского государства предпринималось с XIX в., однако носило спорадический характер. В основном они упоминались в канве общей русской фортификации (Ласковский, 1858. С. 135-141) или при описании археологических памятников (Н. Горожанский и др.) на основании описаний XVII в., которые сохранились не в полном объеме и в связи с этим не могут отразить целостной ситуации того времени. Единственная специальная работа по засекам — магистерская диссертация А.И. Яковлева (1916). В 1947-1949 гг. А.В. Никитин предпринял полевые исследования в районе Тульских и Рязанских засек (Никитин, 1955; рис. 1: А). Несмотря на большой объем проделанной им работы, данное исследование затронуло лишь ряд ключевых позиций Засечной черты, некоторые археологические памятники более раннего времени были автором причислены к «сторожевым городкам и курганам». Тем не менее, его работы подтвердили наличие большого количества типов укреплений (рис. 1: Б-Д, З).

В 1970-1990-х гг. И.Л. Чернай провел большую работу по поиску и паспортизации остатков оборонительных сооружений Большой Засечной черты в Тульской и соседних областях (Чернай, 2004; 2006а; 2006б; 2008). Им было паспортизировано около 300 памятников Засечной черты, однако его исследования всегда носили «натурный» характер — ни один из выявленных памятников, отнесенных к типу оборонительных сооружений черты, не подвергался ни раскопкам, ни шурфовкам, не имеет четкого плана и топопривязки. В связи с этим до настоящего времени неизвестна внутренняя структура оборонительных соору-

жений и остается под вопросом справедливость отнесения того или иного вала к сооружениям Засечной черты, а кургана — к сторожевым пунктам. Кроме того, И.Л. Чернай проводил исследования только южного фаса черты — так называемой «напольной» стороны.

Одной из задач Тульская археологическая экспедиция определила комплексное изучение Большой засечной черты на территории Тульской обл. как важнейшего элемента оборонительной системы Московского государства во второй половине XVI — XVII в. В связи с этим проводится анализ известных документов, определяются районы для наиболее перспективных археологических исследований засечной черты.

Исследования, проводившиеся в 2006 и 2009 гг. в черте г. Тулы, показали, что известные как часть засечной черты валы были насыпаны не ранее середины XIX в. и не имеют отношения к укреплениям (Фомин, 2006. С. 124-128). В 2005 г. в ходе археологической разведки в районе г. Одоева было выявлено городище близ д. Филимоново (Воронцов, 2005; рис. 1: Е). По форме оно напоминает укрепление у д. Павловское Снецкой засеки (Никитин, 1955. С. 186; рис. 1: Г). В 2000 г. выявлено (Фомин, 2000), а в 2009 г. более тщательно обследовано (Конорев, 2011) городище 2 у д. Супруты Щекинского р-на (рис. 1: Ж). Городище по форме напоминает укрепление у «Грабороновых ворот» Веневской засеки (Никитин, 1955. С. 164, 165; рис. 1: Б) и имеет подобную систему укреплений (2 вала, ров, проездная башня, глухая башня — очевидно, детинец), что позволяет отнести его к укреплениям засечной черты. Дополнительным аргументом в пользу этого является расположение вблизи выявленных городищ селищ, подъемный материал с которых относится к XVI-XVII вв. (Конорев, 2011; Шеков, 1996).

В 2007 г. у д. Труново Ленинского р-на обнаружена система валов, рвов и редутов. В связи с тем, что исследования здесь не проводились, а также тем, что находятся эти укрепления на северном фаса засечных лесов, пока нельзя с уверенностью говорить о принадлежности их к системе засек. В ближайших планах экспедиции предусмотрено изучение обнаруженных объектов.

Воронцов А.М., 2006. Отчет об археологических исследованиях в Дубенском и Одоевском районах в 2005 г. Тула? // Архив ИА.
 Конорев М.Б., 2011. Отчет о разведывательных археологических исследованиях в Щекинском районе Тульской области в 2009 г. Тула.
 Ласковский Ф.[Ф.], 1858. Материалы для истории инженерного искусства в России. СПб. Ч. 1.
 Никитин А.В., 1955. Оборонительные сооружения засечной черты XVI-XVII вв. // Материалы и исследования по археологии Москвы. М. Т. III. (МИА. № 44.)
 Фомин К.Н., 2008. Исследования так называемого «Заупского звена линии оборонительных сооружений Засечной черты» // Верхнее Подонье: Археология. История. Тула.
 Чернай И.Л., 2002. Натурное и археологическое изучение оборонительных сооружений Тульских засек в 1984-1992 гг. // Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Тула. Т. 1: Археология.

Чернай И.Л., 2004. Памятники военной истории и археологии ближней округи Ясной Поляны // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. Тула. Т. 1.
 Чернай И.Л., 2006а. Оборонительная система Рязанских засек по данным натурного изучения // Битва на Воже и Куликовское сражение (история и культура средневековой Руси). Рязань.
 Чернай И.Л., 2006 б. Ближняя и дальняя система обороны г. Тулы времени Засечной черты по данным натурного изучения // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. Тула. Т. 1.
 Чернай И.Л., 2008. Система оборонительного пояса Засечной черты от Тулы до Крапивны и Одоева // Верхнее Подонье: Археология. История. Тула.
 Шеков А.В., 1997. Отчет об археологических исследованиях в Тульской области в 1996 г. Тула, 1997 // Архив ИА.
 Яковлев А.[И.], 1916. Засечная черта Московского государства в XVII в.: Очерк из истории обороны южной окраины Московского государства. М.

С.В. Васильев, Н.И. Халдеева
Институт этнологии и антропологии РАН, Москва

С.Б. Боруцкая
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

Антропологическое исследование останков жен Ивана III — великих княгинь Марии Борисовны Тверской и Софьи Палеолог

Нами исследовались останки жен Ивана III — Марии Борисовны (Тверской) и Софьи (Зои) Палеолог.

По признакам, связанным с зарастанием швов на черепе, одонтологическим показателям и признакам на костях посткраниального скелета, в том числе тазовых костях, определен биологический возраст на момент смерти Марии Борисовны — около 25 лет.

Череп Марии Борисовны имеет близкие к малым размеры по величине горизонтальной окружности через офрион. Форма черепной коробки при взгляде сверху сфеноидная — наибольшая ширина черепа сдвинута назад, при этом очертания сглажены. Лоб прямой и среднеширокий. Лобно-скуловой указатель большой, что может говорить о конструкции с относительно широким лбом и узким лицом. По среднему значению указателя кривизны лобной кости можно сделать вывод о несколько сильном ее изгибе. Развитие надпереносья оценивается в один балл по шестибалльной шкале Брока. Надбровные дуги (тип I) — едва заметные возвышения справа и слева от глабеллы. Теменные бугры развиты средне и расположены сверху. Затылок очень широкий. Верхняя выйная линия (*linea nuchae superior*) развита слабо. Верхняя затылочная чешуя выпуклая и округлая.

Лицевая часть черепа узкая и относительно низкая, по верхнелицевому указателю мезенная (верхний отдел лица средний). Зигмаксиллярный угол относится к категории малых, т. е. нижняя часть лица, по европеоидным меркам, довольно профилирована. Краниофациальный поперечный указатель очень мал, что говорит о сочетании узкого лица и относительно широкой мозговой коробки. Орбиты средневысокие. Верхний край орбиты заостренный. Надглазничные каналы справа — отверстие, слева — вырезка. Форма верхнего края глазниц округлая. В абсолютных размерах нос средневысокий и относительно среднеширокий (мезоринный), то же подтверждается и носовым указателем. Зигмаксиллярная область относительно массивная. Ярко выражены клыковые ямки. Альвеолярная часть верхней челюсти невысокая. Нижний край грушевидного отверстия — *anthropina*, т. е. боковые края грушевидного отверстия непосредственно переходят в нижний край, имеющий острую форму. Развитие передненосовой ости оценивается баллом 2.

Краниологические исследования показали, что череп Марии Борисовны гипербрахикранен (короткий и относительно широкий), с узким горизонтально профилированным лицом. Можно с полной уверенностью говорить о европеоидной принадлежности черепа.

Прижизненный рост был близок к среднему — около 163 см. У Марии Борисовны относительно короткие руки из-за сильно укороченного предплечья. Ширина плеч — очень небольшая, особенно если иметь в виду величину прижизненной длины тела этой женщины. Индекс формы лопаток удалось определить только для левой стороны. Он очень мал и соответствует достаточно узкой лопатке. А это, в свою очередь, также соответствует узким плечам. Ширина таза — значительная. При этом таз еще и очень низкий, что показывает тазовый индекс. Скелет в целом грацильный со слабо развитой мускулатурой.

Из патологий можно отметить кариес и заросший перелом ребер слева.

Возраст смерти и ряд морфологических характеристик позволяют предположить, что данные останки принадлежали великой княгине Марии Борисовне.

По признакам, связанным с зарастанием швов на черепе, одонтологическим показателям и признакам на костях посткраниального скелета, в том числе тазовых костях, определен биологический возраст Софьи Палеолог на момент ее смерти — 45-50 лет.

Форма черепной коробки при взгляде сверху пентагоноидная (пятиугольная) — наибольшая ширина черепа сдвинута назад и падает на заднюю треть. Довольно сильно развиты лобные и, особенно, теменные бугры. Лоб прямой и визуально довольно узкий. Развитие надпереносья оценивается в три балла по шестибалльной шкале Брока. Надбровные дуги (тип I) — едва заметные возвышения справа и слева от глабеллы. Теменные бугры расположены высоко.

Лицевая часть черепа узкая и относительно высокая, по верхнелицевому указателю — лептенная (показатель высоколицести). Углы горизонтальной профилировки относятся к категории очень малых, т. е. лицо даже по европеоидным меркам резко профилировано. Общелицевой, среднелицевой и альвеолярный вертикальные углы указывают на определенную степень прогнатности лицевого скелета. Прогнатизм

лица также подтверждается значениями указателя выступления лица (указатель Флоуэра). Орбиты высокие и относительно неширокие (гипсиконхные). Верхний край орбиты заостренный. Надглазничные каналы не замкнуты (в виде вырезки). Форма верхнего края глазниц округлая. Нижний край глазниц имеет несколько припущенный латеральный край. В абсолютных размерах нос высокий и относительно узкий (лепторинный), то же подтверждается и носовым указателем. Угол выступления носа средний. Симотический, дакриальный и максиллофронтальный указатели входят в категорию больших и очень больших, что говорит о значительной высоте переносья. Зигомаксиллярная область узкая, грацильная. Нижний край грушевидного отверстия — *anthropina*, т. е. боковые края грушевидного отверстия непосредственно переходят в нижний край, имеющий острую форму. Развитие переднеушной ости оценивается баллом 3.

Описание краниологических характеристик ярко показывает нам принадлежность великой княгини Софьи Палеолог к средиземноморскому антропологическому типу европеоидной расы. Именно этот тип характеризуется долихокранией, грацильностью, узколицестью, резкой горизонтальной профилированностью и высоким и узким носом. Особенно следует отметить выраженный альвеолярный прогнатизм.

Показатели посткраниального скелета говорят о росте ниже среднего — 151 см, узком тазе и особенно узком крестце, средней ширине плеч, удлинённом плече относительно бедра и сильно укороченном предплечье. Скелет верхних конечностей можно охарактеризовать как грацильный, за исключением лучевых костей, в то же время, кости нижних конечностей достаточно массивны и прочны, при этом и мышечный рельеф на них выражен сильно. Патологические изменения на костях скелета в основном связаны с относительно пожилым возрастом (гиперостозы, артрозы, остеомы). Кроме того, в скелете присутствуют и признаки рахитичных изменений костей в детском возрасте, когда организм Софьи Палеолог испытывал недостаток в витамине D, что могло быть вызвано особыми условиями, в которых проходило детство княгини. Имеются признаки гормональных нарушений в организме и на костях черепа. Заболевания зубо-челюстного аппарата связаны как с генетическими особенностями (краудинг), так и с иммунными показателями организма, особенностями питания, недостатком витаминов (кариес).

В результате исследования можно с уверенностью сказать, что биоморфологические характеристики изученных останков свидетельствуют о том, что костяк принадлежал великой княгине Софье Палеолог.

А.Г. Векслер, К.В. Воронин
АНО «Наследие», Москва

Археологические исследования Лефортовского парка в Москве

Дворцово-парковый ансамбль «Лефортово» формировался на протяжении XVIII в. на основе купленной Петром I у наследников Ф.А. Головина в 1722 г. усадьбы и партерной левобережной части парка Лефортовского дворца. В течение XVIII-XX вв. композиция парка многократно изменялась: появлялись и исчезали пруды, каналы, беседки, фонтаны и дворцы. До наших дней сохранилось пять водоемов с измененным очертанием берегов — Головинский пруд, Анненгофский канал, Крестовый пруд, Нижний Большой пруд, Овальный пруд.

Первые крупномасштабные археологические исследования на территории парка Лефортово были начаты в 1999 г. и с перерывом проводились до 2003 г. (Векслер, 2004). Общая площадь раскопок составила свыше 2000 м². Основным направлением этих работ стало исследование парковых водоемов.

Большой пруд: определены береговые линии, выявлены трассы каналов, расчищены береговые свайные укрепления, определены параметры Малого и Большо-

го островов, локализованы опоры трех мостов, деревянная беседка, трасса и параметры дамбы, пристань.

Восьмигранный пруд: расчищены свайные укрепления берега и определена их трассировка. Восьмигранный пруд имел на конец XVIII в. семь граней. Обнаружены белокаменная беседка в центре острова Восьмигранного пруда, мост от плотины Венеры к острову.

Крестовый пруд: расчищены свайные укрепления берега и определены параметры пруда на XVIII в.

Овальный пруд: с помощью георадара удалось установить наличие каменных деталей на дне пруда, выяснено расположение береговой линии.

Головинский пруд: зафиксированы деревянные береговые укрепления пруда, белокаменная лестница, ведущая от Головинского дворца к воде.

В рамках данного направления были изучены элементы парковых сооружений XVIII в.: церкви Успения, лестницы Головинского дворца, плотины Вене-

Рис. 1
Фундаменты Анненгофской «кашкады». Вид с севера

ры. Исследована площадка фонтанов у грота Растрелли и частично — Анненгофская «кашкада».

В 2008 г. исследования в Лефортовском парке были возобновлены. Их задачей стали локализация, выявление и обследование скрытых в культурном слое элементов дворцово-парковой архитектуры.

Так как исследование водной системы парка, проведенное в 1999-2002 гг., было признано недостаточным, основными стали два направления:

1) выявление точной локализации и конструктивных особенностей сооружений: Анненгофской «кашкады» (рис. 1), Головинского дворца, Вдовьих домов, Виноградной оранжереи, сооружений входных групп;

2) исследование на предмет выявления планировочных элементов (дорожки, клумбы) Среднего партера парка, Прямоугольного острова, Цветочного партера, Меншиковского сада.

В ходе работ 2008 г. в различных частях парка проведено вскрытие 5500 м². Открыты интереснейшие постройки XVIII-XIX вв., исследованы планировочные элементы парка (мосты, дорожки, беседки, каналы), изучены этапы формирования культурного слоя на всей территории ансамбля (Векслер, 2008).

При работах в зоне **Верхнего партера парка** зафиксированы исторические отметки на момент строительства Екатерининского дворца, прослежен горизонт его строительства. Уровень дневной поверхности XVIII в. находится ниже уровня современной дневной поверхности на 1 м.

В зоне исследований «Анненгофская кашкада» выявлена подпорная стенка верхней террасы парка

(построена в 1730-х гг., архитектор Ф.-Б. Растрелли). Сооружение расположено длинной осью параллельно юго-западному берегу Анненгофского канала.

В зоне исследований «**Головинский дворец**» зафиксирована центральная часть дворца и лестница, спускавшаяся от дворца к Головинскому пруду. Кроме того, около юго-восточного угла Головинского пруда выявлены фундаменты Церкви-Ротонды. К западу от зоны, около входа в парк, обнаружены фундаменты западной части Головинского дворца и фундаменты входного павильона в парк XIX в.

В зоне исследований «**Прямоугольный остров**» выявлена историческая планировка данного участка парка. В раскопах в центральной части острова выявлена система дорожек, расходящихся лучами от стоявшей в центре острова беседки. Обнаружены круговые дорожки, соединяющие эти лучи («малый» круг расположен вокруг основания беседки, «большой» фиксируется в 15 м от малого), и дорожка, опоясывающая остров по периметру. Кроме того, в восточной части острова выявлена западная опора моста, перекинутого через канал. На раскопах, расположенных в северной и южной частях зоны исследований, зафиксированы трассы канала, огибавшего остров.

В центральной и северной частях парка, в зонах «**Среднего**» и «**цветочного**» **партеров**, «**Меншиковского сада**», изучены остатки клумб, кирпичных парковых дорожек и планировочных площадок этого времени.

Кроме того, в процессе исследований удалось частично изучить фундаменты **Виноградной оранжереи XVIII в.**, расположенные под современным строением, и фундаменты первоначальной **Беседки-ротонды (1804 г.)**, выявленные под беседкой, построенной в 1905 г. В зоне работ «**Растреллиевская гавань**» частично зафиксированы береговые укрепления гавани.

При раскопках на восточном берегу **Анненгофского канала** выявлены опоры двух мостов, перекинутых через канал в XVIII в.

Вещевой материал из раскопок в Лефортово представлен монетами XVIII-XX вв., рельефно-полихромными и гладкими расписными изразцами, керамической посудой XVII-XIX вв. (в том числе рядом с лестницей Головинского дворца удалось обнаружить 2 чернолощеных кувшина, которые собраны до полных форм).

Таким образом, в результате проведенных в 1999-2002 и в 2008 г. работ обнаружены уникальные постройки XVIII-XIX вв., исследованы планировочные элементы парка, его водная система, изучены этапы формирования культурного слоя на всей территории ансамбля. Полученные сведения крайне важны для создания эскизного проекта воссоздания парка в его историческом облике.

Векслер А.Г., Воронин К.В., Пирогов В.Ю., 2004. Лефортовский парк в Москве: Исторический очерк и материалы архитектурно-археологических исследований 1999-2003 гг. М.

Векслер А.Г., 2008. Отчет о проведении натурных охранных археологических работ в связи с воссозданием дворцово-паркового ансамбля «Лефортово» в 2008 г. // Архив ИА.

А.Г. Векслер
АНО «Наследие», Москва

К.А. Егоров
ООО «Археологические изыскания в строительстве», Москва

К вопросу о средневековых связях Москвы и Великого Новгорода (новая находка на территории московского Великого посада)

В 2010 г. при археологических наблюдениях за земляными работами в Старопанском пер., д. 3 был найден фрагмент бронзовой цепи, звенья которой выполнены в виде стилизованных драконьих голов. Здание, в подвале которого проводились исследования, было построено в 1864 г. на территории Великого посада г. Москвы.

Фрагмент состоит из шести звеньев (пять целых и часть шестого) (рис. 1: а). Звенья были последовательно соединены, сильно окислены и частично обожжены.

Отдельно взятый элемент цепи — это S-видный крючок с двумя зооморфными окончаниями (рис. 1: б). У пяти звеньев одна петля замкнутая, другая — нет. Шестое звено имеет две незамкнутые петли. Крючки изготовлены из светло-желтой бронзы в технике литья в двухсторонней закрытой симметричной форме. Основные элементы крючков переданы литейной формой. Отдельно, с помощью трех видов штампов, нанесены мелкие детали (контуры глаз, зрачки, шейные полосы). Общая длина фрагмента цепи составляет 23 см.

Обращает на себя внимание одинаковая деформация звеньев, при которой незамкнутая петля выступает за плоскость крючка. Такая деформация явилась результатом неоднократного перекручивания цепи, находившейся в нагруженном состоянии. Из общего единобразия выделяется самое массивное звено с незамкнутыми петлями. Оно сильно изогнуто в центральной части, вплоть до утраты плоскостности крючка.

Окончания у всех звеньев оформлены одинаково, в виде голов драконов. Петли крючков воспринимаются как изогнутые шеи животных. Головы драконов двухсторонние. Они даны в профиль. Из широко раскрытой пасти высунут длинный и толстый язык. Край языка загнут кверху под прямым углом. Глаза расположены по бокам голов животных. Контуры самих голов за счет выступающих заостренных элементов имеют зубчатую конфигурацию.

Близкие по форме и размерам, но иные по оформлению окончаний, одиночные крючки найдены в кур-

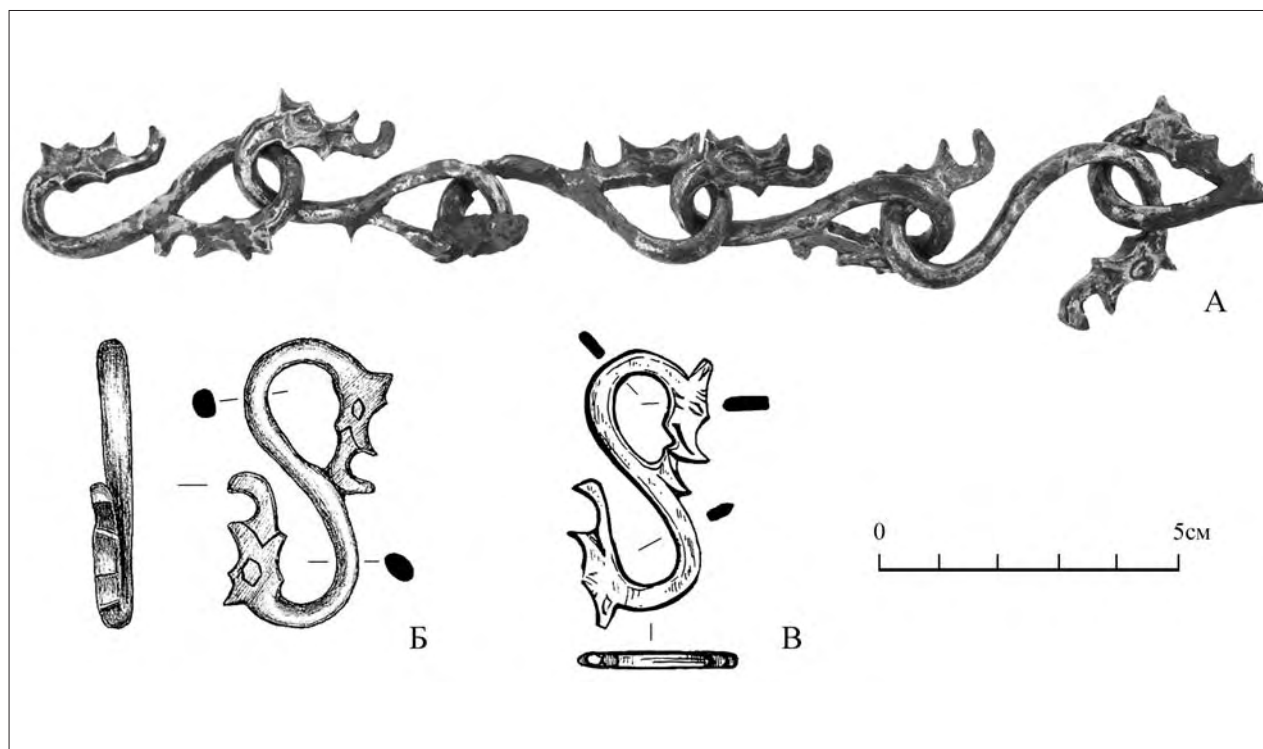

Рис. 1

Фрагмент цепи (а) и ее звено (б) из Старопанского пер. Привеска-крючок с Нутного раскопа (по: Гайдуков, 1992. Рис. 70, 12)

ганах кривичей (Седов, 1982. Табл. L, 20), в Ярополче Залесском (Седова, 1978. Табл. 7, 11) и в Новгороде Великом (Седова, 1981. Рис. 59, 9). Залесский экземпляр атрибутирован как балтская S-видная фибула (Седова, 1978. С. 96), новгородская находка по аналогии с балтскими и прибалтийско-финскими древностями XII-XIII вв. условно причислена к поясному набору (Седова, 1981. С. 152). Такое же назначение крючков предложено исследователями курганов смоленско-полоцких кривичей XI-XIII вв. (Седов, 1982. С. 164).

Прямая аналогия нашей находке обнаружена в 1979 г. на Нутном раскопе Великого Новгорода (Гайдуков, 1992. Рис. 70, 12). Она представляет собой S-видный крючок, по форме, размерам и окончаниям соответствующий отдельно взятому звену цепи из Старопанского пер. (рис. 1: в). Наиболее существенным отличием является форма поперечного сечения. В соответствии с имеющейся традицией, эта вещь была предположительно причислена к поясному набору. Новгородская находка датируется второй половиной XIV — первой половиной XV в. (Гайдуков, 1992. С. 98). По всей видимости, «московская» цепь изготовлена в этот же период. Ее залегание в переотложенном культурном слое, наиболее ранняя часть находок из которого относится к XIV-XV вв., позволяет нам допустить новгородскую датировку.

Декоративный характер звеньев особенно заметен в сборе. Сцепленные шеями головы драконов разведены в противоположные стороны, что создает впечатление многоголовости, столь характерной для одного из видов этих мифологических животных (Пропп, 1946. С. 197). Отмеченная деформация звеньев свидетельствует о практическом применении цепи

в подвешенном над грузом состоянии. Индивидуальные особенности одного из звеньев — массивность, незамкнутость, деформация центра — позволяют предположить, что это звено было центральным крючком, за который цеплялись две (или более) цепи. В этом случае четыре полных звена относятся к одной цепи, а фрагмент пятого — к другой.

Таким образом, фрагмент цепи можно рассматривать как часть богато декорированного поликомпонентного подвесного крепежа. Наиболее привлекательной выглядит версия его использования в церковном освещении. Проблема заключается в том, что нам пока не удалось найти аналогий, подтверждающих эту версию. Более того, у опубликованных средневековых хороших-паникадил в цепях, где они сохранились, продолжалась домонгольская традиция их сборки из ажурных полос и медальонов (Плешанова, 1987. С. 350, 351).

Определенный набор «драконьих» признаков сближает цепь с новгородской традицией изображения драконов. Как известно, в этом городе особенно широко был развит культ дракона (Василенко, 1978. С. 330), что, естественно, нашло отражение в его материальной культуре. Основным же аргументом в пользу новгородского происхождения цепи стало обнаружение прямой аналогии среди материалов Нутного раскопа.

Недалеко от места московской находки располагался Ильинский монастырь, ставший в конце XVI в. резиденцией новгородских митрополитов. В источниках отмечено, что Новгородское подворье неоднократно страдало от пожаров: 1547, 1626, 1737, 1812 гг. В 1860-е гг. здесь, как и на месте будущего обнаружения цепи, было развернуто крупное строительство.

Василенко В.М., 1978. Образ дракона-змия в новгородских деревянных ковшах // Древняя Русь и славяне. М.

Гайдуков П.Г., 1992. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М.

Плешанова И.И., 1987. Новгородские хороши в собрании Государственного Русского музея // Памятники культуры: Новые открытия. 1985. М.

Пропп В.Я., 1946. Исторические корни волшебной сказки. Л.

Седов В.В., 1982. Восточные славяне в VI-XIII вв. М.

Седова М.В., 1978. Ярополч Залесский. М.

Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.). М.

Г.П. Визгалов

НПО «Северная археология 1», Нефтеюганск

Топографические особенности первых русских поселений на Севере Сибири

Первые русские поселения на Севере Сибири по-прежнему остаются археологически слабо изученными из-за труднодоступности и больших затрат, необходимых для их исследования. В последние годы силами и средствами НПО «Северная археология 1» про-

водятся исследования русских поселений XVI-XVIII вв. в низовьях Оби, Таза, Енисея, Хатанги и Колымы. На сегодняшний день из полусотни поселений на Севере Сибири, известных по письменным источникам, только 19 идентифицированы на местности как объекты

археологии. Из них на 14 проводились раскопки (3 города — уездных центра, 5 острогов, 1 село, 2 зимовья, 2 монастыря, 2 стоянки, 2 волока).

Все эти поселения расположены в климатической зоне, где земледелие в XVI-XVIII вв. было невозможно. В результате новых исследований выявлены некоторые закономерности и особенности их топографического расположения. Большинство русских поселений располагается посреди или рядом с широкой поймой северных рек, на низких надпойменных террасах (Старо-Туруханское городище, Зашиверский острог) или на остатке прибрежного речного вала (Стадухинское поселение, Ляпинский острог). Интересно, что для нахождения археологических памятников более ранних периодов эти участки малоперспективны и даже неперспективны.

Кроме того, имеются и поселения на высоких коренных берегах (Березовское городище, село Обдорское), но расположены они там, возможно, потому, что в пойме Нижней Оби незатопляемых возвышенностей в условиях длительного паводка почти нет. Два самых северных в Сибири монастыря, Туруханский и Кодский, по идеологическим соображениям

также поставлены на высоких коренных берегах Енисея и Оби, но на краю широкой поймы. О значении для русского поселения наличия широкой поймы говорит и факт переноса города Мангазеи с р. Таз в устье р. Турухан, где имеются богатые луговые угодья.

Объяснения этой топографической особенности можно предложить следующие:

- основным транспортом был водный, особенно в первый период освоения, когда сухопутные пути не были обустроены перевалочными базами;
- для безопасности следовало быть ближе к судам: на реке русские отряды были недоступны для аборигенов, кроме того, крупные реки не были для аборигенов важным местом промысла из-за отсутствия у них больших неводных и сетевых снастей;
- основные пищевые продукты русским на Севере давали рыболовство и скотоводство, крупный рогатый скот, лошадей держали даже в самых крайних северных поселениях, и пойменные луга служили кормовой базой для скотоводства.

Вероятно, одной из причин малочисленности выявленных русских памятников является их нетипичное расположение.

Г.П. Визгалов, М.А. Рудковская
НПО «Северная археология 1», Нефтеюганск

Постройки на территории посада Старотуруханского городища (Новой Мангазеи)

Начиная с 2007 г. НПО «Северная археология 1» проводит комплексные исследования Старотуруханского городища — Новой Мангазеи. Городище расположено на р. Турухан — левом притоке Енисея. История памятника начинается с основания Туруханского зимовья в 1604 (1607) г. (Долгих, 1960. С. 122; Миллер, 2000. Т. 2. С. 30).

За время исследований на посаде городища изучены частично и полностью семь построек. Центральная часть посада характеризуется большой плотностью застройки — исследованные строения размещены практически вплотную друг к другу. Все постройки ориентированы одинаково — стенами СВ-ЮЗ, что соответствует направлению края террасы. Постройки представлены срубами, сложенными «в обло с выпусками», характеризуются небольшими размерами — от 2,7x2,7 до 4x4 м.

Нижний из изученных строительных горизонтов включает постройки 3, 7, 8. От постройки 3 сохранились окладной венец, второй венец юго-восточной стены и одно бревно — лага, положенная вдоль юго-восточной стены. В качестве второго венца использована судовая деталь — бимс (поперечная балка

под настил палубы), расположенная загибом вверх и выступающая далеко за фасад дома. Деталь дополнительно могла служить оберегом. По данным дендрохронологического анализа, постройка 3 сооружена не ранее 1673 г.

Постройка 7 располагалась в 0,9-1 м к юго-востоку от постройки 3. От нее сохранился сруб на высоту двух венцов. С юго-западной и юго-восточной сторон постройка утеплена завалинкой из глины и кирпичной крошки.

С северо-восточной стороны постройки фиксируется деревянная отмостка, шириной 1,5-2 м. С северо-востока отмостка ограничена заплотной стеной из крупных бревен и полубревен диаметром до 0,25 м. Стена могла быть оградой усадьбы. В ее конструкции сохранилось одно вертикальное бревно с двумя противоположными вертикальными пазами, в которые крепились стесанные под шип торцы горизонтально уложенных бревен. Для предотвращения выпадения из вертикальных пазов концы бревен укреплены установленными рядом дополнительными столбиками диаметром 0,12 м. Бревна ограды уходят в северную и восточную стенки раскопа.

Постройка 2 была поставлена на месте разобранного сруба 3, вплотную к постройке 8. Окладной венец постройки 2 располагается на уровне второго венца постройки 8. Сохранились три бревна окладного венца и два бревна-подпорки под юго-западной стороной. По данным дендрохронологического анализа, сруб построен не ранее 1700 г. Одно из бревен-подпорок под юго-западную стену обуглено, а в основании окладных бревен — прослойка горелой щепы. Вероятно, постройка сгорела в пожаре, после чего ее разобрали до окладных венцов, которые послужили опорой постройки следующего строительного горизонта.

Третий строительный горизонт представлен двухчастной (изба-сени) постройкой 1а. Изба является конструкцией из двух срубов, вставленных один в другой. Конструктивный прием строительства сруба в срубе известен в хозяйственных комплексах русского населения Сибири XVII-XVIII вв. по материалам раскопок усадьбы XVIII в. поселения Изюк I (Большереченский р-н Омской обл.) (Татаурова, 2001. С. 80, 81); Красноярского острога (XVII-XIX вв.); Стадухинского острога (начало XVIII в.) (Алексеев, 1996) и по этнографическим исследованиям А.Г. Чикачева (1990) на Индигирке. Внутренний сруб постройки 1а Старотуруханского городища служил подклетом-погребом под полом жилого дома.

С северо-восточной стороны избы сооружен пристрой — сени, дощатый пол которых настилался один на другой три раза. Стены сеней соединены с избой в технике заплота — в длинных выпусках окладных венцов северо-западной и юго-восточной стен прорублены прямоугольные пазы для крепления вертикальных столбов. В северо-западной стене сохранилось

бревно, торец которого стесан под шип для крепления в пазу вертикального столба. По результатам дендрохронологического анализа время сооружения постройки определяется не ранее 1707 г.

Спустя некоторое время постройка 1а подверглась перестройке — она разобрана до уровня окладного венца внешнего сруба и второго венца внутреннего, вместе с внутренним срубом изба засыпана речным песком. На оставшихся внешних венцах возведено новое сооружение — постройка 1. Внутри постройки песок выстлан крупными фрагментами бересты. Поверх бересты фиксируется под и развал печи из глины и красного кирпича.

Постройка 1 датируется серединой XVIII в. по находкам в слое монеты — «денги 1749 г.» — и костяного гребешка, аналогии которому в материалах сибирских городов датируются серединой XVIII в. (Артемьев, 1999. С. 61. Рис. 71, 1).

Верхние слои раскопа содержат отдельно лежащие бревна от разобранных поздних построек. На месте расположения раскопа до настоящего времени проходит уличная дорога.

Исследованная центральная часть посада характеризуется непрерывностью застройки, особенно на протяжении XVII-XVIII вв. — времени наиболее активного развития города. Отслужившие постройки разбирались до окладных венцов, которые использовали в качестве основания под новые строения. Постройки посада демонстрируют преемственность традиций русского домостроения и непрерывность проживания русского населения в Старотуруханске по крайней мере с середины XVII в. до настоящего времени.

Алексеев А.Н., 1996. Первые русские поселения XVII-XVIII вв. на северо-востоке Якутии. Новосибирск.

Артемьев А.Р., 1999. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII-XVIII вв. Владивосток.

Долгих Б.О., 1960. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М.

Миллер Г.Ф., 2000. История Сибири. М. Т. 2.

Татаурова Л.В., 2001. Планиграфия усадьбы и приемы домостроительства русских Среднего Прииртышья в XVIII — XIX вв. // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении: Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск.

Чикачев А.Г., 1990. Русские на Индигирке: Историко-этнографический очерк. Новосибирск.

Т.Н. Глушкова, А.Н. Шулаева

Сургутский государственный педагогический университет, Сургут

Археологический текстиль XVI-XIX вв. в Западной Сибири

Бытование тканей этого времени на территории Западной Сибири частично описано в письменных источниках. По результатам исследований С.В. Бахрушина (1952) и О.В. Вилкова (1967) известно, что на территорию Сибири в этот период вво-

зилось множество импортных тканей как европейского (гамбургское, голландское, английское сукна, лятчина, кармазин, мухояр, полукармазин и др.), так и восточного производства (шелковые и хлопчатобумажные ткани). По письменным источникам извест-

но, что исходными пунктами русской торговли в XVII в. были Архангельск и Астрахань, где сосредоточивались товары персидские, «кизилбашские», Сибирь, откуда шла пушнина (Мангазея), а с последней четверти столетия - и китайские товары. Именно в этих пунктах обменивались продукты востока, севера и запада, в том числе западноевропейская мануфактура, персидские ткани и шелк с ярославскими кожевенными изделиями и поморскими холстами и сермягами направлялись в Сибирь в обмен на ту же мягкую рухлядь (Бахрушин, 1954. С. 134).

Имеется также сообщение, что во второй половине XVII в. возросло количество тобольского «слободского» сукна и холста, производство которых стало принимать товарный характер (Вилков, 1967. С. 85).

Однако письменные источники не дают возможности судить о распространении тканей у населения отдельных селений и городов Западной Сибири.

Между тем, к началу XXI в. на территории Западной Сибири известен целый комплекс текстильных находок в археологических памятниках этого периода: могильниках Томско-Нарымского Приобья (Тискинский, Мигалка, Бедеревский Бор, Лукьяновский, Барклай, Путяка), Сургутского Приобья (Горноправдино), Прииртышья (Черталинский, Изюк I и Ананьино I), г. Мангазея и др. Частично эти материалы опубликованы (Богомолов, 1996; Глушкова, 2002; Визгалов и др., 2005; Глушкова и др., 2009; 2010).

В памятниках представлено большое видовое разнообразие текстильных материалов — ткани (чаще всего от одежды), пояса, портянки, вязаные носки, чулки, рукавицы, гайтаны, разнообразные шнуры, жгуты, веревки, — которое можно представить в виде классификационной схемы.

Технологическое изучение археологических текстильных материалов Западной Сибири позволяет соотнести информацию из письменных и вещественных источников.

Историко-сравнительное исследование опубликованных материалов позволяет сделать следующие выводы.

Бахрушин С.В., 1952. Очерки по истории ремесла, торговли и городов русского централизованного государства XVI — начала XVII вв.: Науч. тр. М. Т. 1.
 Боброва А.И. и др., 2010. Женская погребальная одежда из Прикетья // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сб. науч. тр. Омск.
 Богомолов В.Б., 1996. Ткани XVII в. тюркского населения р. Тары // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск. Т. 1.
 Визгалов Г.П. и др., 2006. Текстиль Мангазеи (начало XVII в.) // Археология, этнография, антропология Евразии. № 25 (1).

Текстиль был достаточно широко распространен на территории Западной Сибири в этот период, причем как в торговых городах (Мангазее, Тобольске), так и в «глубинке» — на реках Кеть, Тым, Чулым, в Сургутском Приобье, Прииртышье и т. д.

Импортные материалы также встречаются не только в торговых городах, но и на периферии. По всей видимости, в Мангазее шелков было немного, т.к. круг ее торговых интересов был связан в первую очередь с европейскими странами, здесь преобладали сукна и другие шерстяные ткани, в том числе импортные. В то же время, разнообразный шелковый текстиль встречается и в районах, значительно удаленных от Сибирского тракта, что не может не свидетельствовать о широком развитии торговли на территории Западной Сибири в этот период и вовлеченности в нее аборигенного населения. Здесь же встречаются хлопчатобумажные ткани (импорт из Китая и Средней Азии).

Повсеместно на территории Западной Сибири в этот период распространено сукно — как тонкие разноцветные сукна импортного производства, так и более простые русского изготовления.

В то же время, и у аборигенного, и у старожильческого русского населения встречается традиционный текстиль домашнего производства из растительного сырья и шерсти. По всей видимости, это был текстиль, как привезенный с территории европейской России, так и местной выработки.

Домотканые пояса, вязаные носки, чулки, рукавицы были широко распространены в XVII-XIX вв. на всей территории Сибири, особенно на севере. Обские угры продолжали выработать ткани из растительного сырья (крапивные). Русское население принесло с собой традицию изготовления тканей на усовершенствованном горизонтальном ткацком станке, который был воспринят местным населением (ханты, сибирские татары). Археологические текстильные материалы с территории Западной Сибири позволяют также сделать вывод о взаимодействии текстильных технологических традиций аборигенного и русского населения.

Вилков О.В., 1967. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М.
 Глушкова Т.Н., 2002. Археологические ткани Западной Сибири. Сургут.
 Глушкова Т.Н., 2008. Ткани XVII в. из русских могильников Изюк I и Ананьино I // Культура русских в археологических исследованиях: Сб. науч. ст. Омск.
 Глушкова Т.Н. и др., 2010. Текстильные материалы XVIII-XIX вв. из могильника Горноправдинский // III Северный археологический конгресс: Тез. докл. Ханты-Мансийск; Екатеринбург.

Естественнонаучные исследования на археологических раскопках в г. Шуя Ивановской области (первые результаты)

В 2009 г. в процессе археологических работ в г. Шуя (руководитель О.А. Несмиян) впервые были проведены естественнонаучные исследования. Подобного рода комплексные работы становятся нормой в археологии, поскольку данные естественных наук (биологии, почвоведения, географии и пр.) позволяют получить характеристику природы и ландшафта исследуемых исторических эпох, а также дополняют и расширяют информационную базу о периодах становления городов, специфике взаимодействия человека и природы на различных этапах развития.

Объектами исследования стали насыпи вала, древесный уголь и погребенные почвы, выявленные в ходе раскопок. В работе использовались различные методы — определялся состав древесных пород, проводились почвенные анализы, радиоуглеродным методом определялся возраст гумусированного материала, вскрытого под насыпью вала. Исследования проводились в лабораториях Института географии РАН. Радиоуглеродное датирование образцов выполнено в Киевской радиоуглеродной лаборатории Института геохимии природной среды (руководитель Н.Н. Ковалюх).

Результаты исследований и обсуждения. *Анализ древесины.* Для определения породы изучены 42 образца, отобранных на различных участках раскопов. Основным критерием было положение образцов под оборонительным валом или в самой нижней части насыпи. Это позволило рассматривать весь массив как относящийся к одному временному срезу — начальным этапам создания вала. Безусловно, общее количество образцов не является, строго говоря, статистически значимым, но для первых предварительных выводов рассмотренного количества вполне достаточно. Часть образцов имела плохую сохранность, поэтому детальное определение породы оказалось невозможным, лишь на уровне — хвойные или лиственные породы. Доминируют хвойные породы деревьев — они суммарно составляют 84%. Из лиственных пород встречена в небольшом объеме береза и, единично, кустарник. Данные выводы можно интерпретировать как общее доминирование хвойных деревьев в регионе в период его освоения и заселения, возможно также, что для строительных работ использовалась исключительно древесина ели и сосны, шли выборочные рубки, и в итоге сформировался выявленный спектр состава древесных пород. Возможно

сочетание обоих факторов. Для уточнения этого вопроса необходимо расширять и дополнять созданную количественную основу.

Изучение насыпи вала. Насыпь вала исследовалась в основном морфологически. Изучены два участка — шурф 1 и в районе сохранившегося фундамента башни. Эти участки отличаются друг от друга по всем параметрам — составу породы, цвету, плотности, наличию и характеру включений, генезису. Участок насыпи вала в районе башни является плотным, сцементированным материалом с большим количеством включений в виде крупного щебня разной степени окатанности, имеет ярко-бурый цвет. Данная часть вала является останком ледниковой морены предыдущего оледенения, т. е. он имеет природный, а не искусственный, генезис. Сохранившийся участок насыпи в шурфе 1 относительно рыхлый, светло-бурого цвета, без включений в виде обломочного каменистого материала, под ним выявлена погребенная почва. Таким образом, эта часть вала создана искусственно — приносился и насыпался песок. Для того чтобы определить возможный участок, откуда брали песок для насыпи, сделан гранулометрический анализ колонки образцов из квадрата 3 шурфа 1, южная стенка. Согласно полученным данным по соотношению песчаных и пылеватых фракций, насыпь вала представляет собой крупнозернистый песок связный, в то время как верхние 50-60 см почвы являются опесчаненной супесью. Непосредственно погребенная почва залегает на песчаном аллювии. Хорошо видно сходство составов фракций самого верхнего из исследованных образцов (материал насыпи вала) и самого нижнего (материал почвообразующей породы). Таким образом, для насыпи не использовалась толща, проработанная почвообразованием.

В целом, изучение насыпи вала показало, что вал не является единым телом, он состоит из крупных блоков разного генезиса. Иными словами, вал в г. Шуя — это сочетание имеющихся природных всхолмлений с искусственными досыпками с целью создать вытянутую структуру оборонительного сооружения.

Исследование погребенной под валом почвы. Разрез почвы под валом изучался на южной стенке квадрата 3 (шурф 1), и отдельно один образец исследовался на южной стенке квадрата 1 (шурф 1). Изучение дополнительного образца связано с тем, что данного слоя в квадрате 3 не было.

Погребенная почва в шурфе 1 фиксируется с глубины 58 см. Морфологическое описание почвы в квадрате 3 следующее:

58-70 см — дернина, Апах. Рыхлый серый горизонт, вверху обильно пронизанный корнями трав и деревьев, однородный, с включениями мелких углей. В верхней части цвет горизонта темнее, ниже становится буровато-серым. Нижняя граница относительно ровная, линейная, местами изменена по ходам корней. Граница с нижележащим горизонтом четкая, ровная, хорошо заметная по цвету;

70-74 см — Апах А2В. Переходный горизонт светло-серого цвета. Фрагментами в местах древних корней и червоходов цвет темно-серый. Переход к нижнему горизонту ровный, резкий, линейный, определяемый по исчезновению серого цвета;

74-82 см — А2? Белесоватый рыхлый горизонт. Хорошо заметна светлая присыпка. Нижняя граница ровная, диффузная, фиксируется по усилению бурого цвета;

82-101 см — А2В. Белесовато-светло-бурый однородный переходный горизонт. Переход к следующему горизонту диффузный, постепенный, определяемый по появлению охристых пятен;

101-112 см — ВfeA2 (ал.). Горизонт, неоднородный по цвету — на общем светло-буром фоне выделяются интенсивно бурые пятна и небольшие прослои, связанные с осаждением железистых соединений в почвенном профиле. Нижняя граница хорошо определяется по появлению тонких аллювиальных прослоев в толще почвы;

112 см — В ал. Бурый уплотненный горизонт с тонкими аллювиальными прослоями.

Почва — погребенный старопахотный подзол на аллювии.

В квадрате 1 (другой край раскопа) на поверхности пашни видны горелые остатки какого-то настила (КС?), чего нет в квадрате 3. Это прослой темно-серого цвета с большим количеством углистых частиц, несколько плотнее нижележащей почвы.

В образце сделаны общие химические анализы, а также проведено радиоуглеродное датирование углистого материала.

Физико-химические свойства погребенной почвы. Почва по всей глубине имеет сильнощелочную реакцию почвенных растворов (рН варьирует от 8,15 до 8,35). Это абсолютно не типично для подзолистых почв. Эти почвы характеризуются кислыми и сильнокислыми почвенными растворами. Подщелачивание толщи может быть связано с двумя вещами. Первое: верхняя часть вала создавалась из каких-то древних геологических пород. Эти породы часто имеют щелочную реакцию растворов, которые, мигрируя вниз, подщелачивают нижележащую толщу. Второе: район исследований является старым промышленным районом, где много предприятий текстильной промышленности. Это производство, особенно этапы отбеливания и окраски тканей, связано с использованием сильных химических реагентов. Возможно, отходы производства сливались и сливаются в землю, меняя кислотность грунтовых вод. Участки, где рас-

положены раскопы, находятся невысоко, поэтому влияние грунтовых вод на них существенно. Иными словами, щелочная реакция почвенных растворов современна и связана с текстильным производством.

Валового фосфора в целом очень мало. Эти величины соответствуют природным значениям для песчано-супесчаных почв. Даже в образце из квадрата 1 (шурф 1), определенном в поле как культурный слой, фосфора мало. При этом наблюдается некоторое обогащение фосфором верхнего гумусированного горизонта погребенной почвы, что нормально, поскольку фосфор — облигатный биофильный элемент. Насыпь вала бедна фосфором, и это дополнительно свидетельствует об использовании для насыпи не органической почвенной, а нижележащей минеральной толщи. Кроме дернины относительно обогащен фосфором пахотный горизонт погребенной почвы. Это, в сочетании с ровным распределением органики, свойственно пахотным горизонтам.

Радиоуглеродное датирование. В образце из темного прослоя, залегающего на поверхности почвы непосредственно под насыпью вала, был определен возраст углистого материала. Радиоуглеродный возраст образца оказался 630 ± 70 л. (лабораторный номер образца Ki -16499). В связи с тем, что в истории Земли из-за периодов активизации вулканизма выявлены неоднократные изменения содержания изотопа C^{14} в атмосфере воздуха, сейчас все радиоуглеродные даты калибруются специальными программами, где учитываются эти изменения. Поэтому более достоверными являются интервалы калиброванных дат. Калиброванная дата углистого материала в образце с точностью 1 составила 1290-1400 гг., а с точностью 2 — 1270-1440 гг. Образец лежит на дернине под насыпью вала, т. е. его возраст отражает период, когда пашня уже заросла дерниной, но непосредственно вал на этом участке еще не был создан. Данные химических анализов убедительно свидетельствуют, что данный прослой имеет искусственное происхождение, т. е. это культурный слой. Значит, в период создания этого прослоя здесь жили люди, участок был заселен. По одной дате невозможно делать обобщающие выводы о времени создания вала или поселения как такового. Полученный возраст позволяет проводить реконструкцию развития только небольшого участка, где расположен шурф 1. Для обобщающих выводов необходима серия датировок разных образцов из нескольких раскопов или шурфов, т. е. необходима хронологическая база данных, характеризующая некоторую площадь.

Таким образом, можно предварительно реконструировать следующие стадии развития ландшафта (рис. 1): стадия I — исходно на данном месте протекала река или была пойма, регулярно заливавшаяся водами. Со временем понизился уровень стояния вод и участок вышел из режима поемности, начались почвенные процессы, вырос хвойный лес. Сформировалась зональная подзолистая почва (стадия II). Приход людей сопровождался вырубкой лесов. Учитывая на-

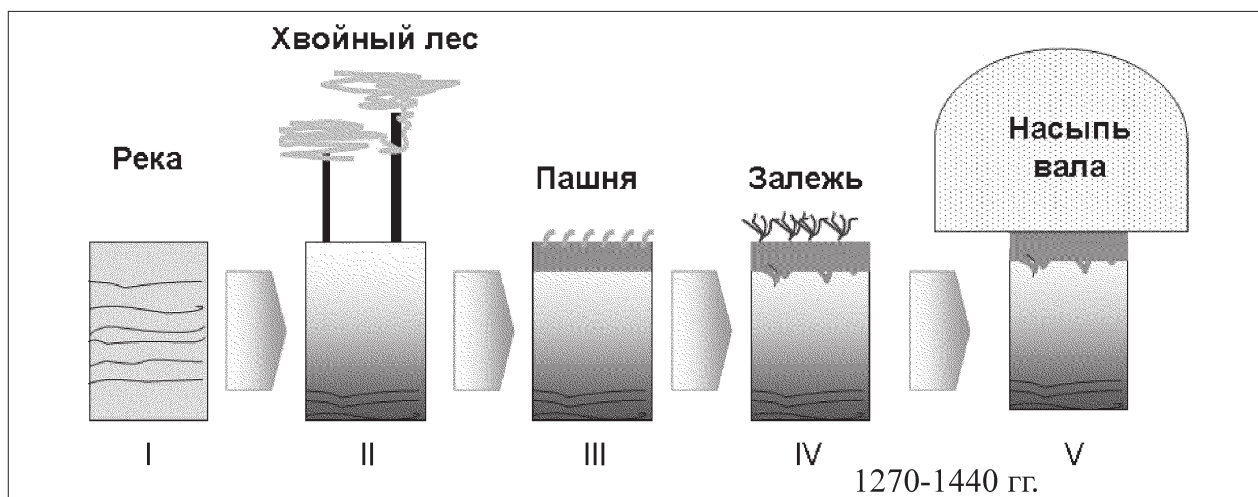

Рис. 1

Этапы и примерная хронология развития ландшафта

I — стадия высокого стояния проточных вод, формирование аллювиальных наносов; II — развитие в автономных условиях, произрастание хвойных лесов, развитие подзолов; III — приход людей, вырубка лесов, распашка; IV — период запустения (залежи), формирование травянистой дернины; V — создание вала, погребение почвы

личие углистых частиц в толще пахотного горизонта, можно говорить о подсечно-огневом типе освоения участка (стадия III). Возможно, часть земли была распахана, а часть использовалась в качестве пастбища или для сенокоса. Затем (стадия IV) фиксируется непродолжительный период запустения участка (период залежи), когда пашня заросла, начались процессы трансформации (преобразования) пахотного горизонта. Следующий этап интенсификации хозяйственной активности (стадия V) связан с возведением вала, погребением почв, их консервацией.

Можно ориентировочно считать, что участок был заселен в XIV в. (это время между стадиями IV и V).

Направления дальнейших исследований. Все выводы данной работы носят предположительный характер, поскольку общие объемы изученного матери-

ала невелики и в большей части сделаны для одного объекта. Их нельзя экстраполировать на какую-либо площадь. Для получения достоверных данных и создания картосхемы хронологических этапов развития необходимо следующее:

1) пополнение базы данных по всем направлениям исследований, в первую очередь по радиоуглеродному датированию;

2) дополнение аналитической основы материалами микробиоморфного анализа с целью независимого контроля и, при необходимости, корректировки сделанных выводов;

3) расширение площади исследовательских работ для создания серии картосхем пространственного преобразования ландшафтов на различных этапах заселения и обживания территории.

М.Г. Гусаков

Институт археологии РАН, Москва

К вопросу о градостроительстве в г. Смоленске в XV-XVIII вв.

Смоленск — наряду с Киевом, Новгородом — один из древнейших русских городов, основанный на берегах Днепра в XI в. Город изначально представлял собой перевалочный пункт на великом пути «из варяг в греки». Но впоследствии он становится городом-крепостью. Географическое местоположение Смоленска и его функциональное назначение как города-крепости неизбежно отразилось на его дальнейшей судьбе, хорошо фиксируемой археологически. Река и природный рельеф определяли планировоч-

ную структуру и архитектурно-пространственную композицию едва ли не всех русских городов. Смоленск может быть этому лучшим примером. Река Днепр и сложный рельеф обоих берегов стали исходными условиями рождения и формирования городской структуры Смоленска. Смоленск сформировался как компактный организм по обе стороны Днепра. Формирование города началось еще в XII-XIII вв., когда Смоленск переживал свой первый строительный расцвет. Тогда на Соборной горе определился

центр архитектурного ансамбля. Построенные здесь каменные и деревянные культовые и жилые здания создали основу города. Не следует забывать, что, несмотря на неоднократные разрушения в ходе многочисленных военных кампаний, преимущественно в эпоху позднего средневековья (татарского нашествия Смоленск не испытал), жизнь в городе на протяжении XI-XIII вв. не прекращалась, разрушенный жилой фонд восстанавливался в пределах тех же границ, город не менял своего топографического расположения.

Начиная с 1404 и по 1514 г. Смоленск принадлежал Великому Литовскому князю и объединенному государству Польши и Литвы. С 1430 г., после смерти Витольда, литовское влияние значительно ослабло. Однако в 1412 г. Витольд дал Смоленску Магдебургское право. Конечно, смоленская крепость проходила не по тем же улицам, что ее новый аналог, построенный в конце XVI — начале XVII в., накануне знаменитой осады Сигизмундом в 1608-1611 гг. Мы до сих пор не знаем, как проходила первая крепостная стена XVI в. Мы не знаем, где располагалась первая храмовая церковь (костел), которая объединяла всех православных прихожан — поляков, литовцев и русских, принявших католичество. Нет сомнения, что в городе стоял польско-литовский гарнизон. В городе базировались кавалерия и артиллерийский парк, который обслуживался не только поляками, но и иностранцами-протестантами — немцами и голландцами, состоящими на польской службе. А значит, мы не знаем, и где была кирха.

Позднее дороги на Киев, Москву и Белоруссию стали определяющими в планировочном развитии Смоленска. Главными улицами оказались продолженная в городской среде дорога из Москвы через Смоленск на запад и улицы вдоль р. Днепр. Крепостная стена, построенная в Смоленске в конце XVI — начале XVII в., выявила в планировке главную часть организма города. Потом, в составе Польского государства, Смоленск менялся только в пределах крепостной стены. Административный центр поляки перенесли от главного православного собора на равнинное место выше по рельефу.

В период, когда Смоленск возвратился в состав Московии, стали восстанавливаться районы вокруг крепостной стены и выросли «военно-служилые слободы», где расселились пушкари, казаки с Дона, стрельцы смоленских полков. Выросли районы и в восточной части города. Главная городская ось — от дороги из Москвы до дороги на Белоруссию — постепенно приняла более удобный для движения вид.

Наряду с оборонным фактором на формирование города продолжала влиять торговля. Торговые площади, места для складов, амбаров становились активными элементами городской среды. Внешняя торговля сосредоточивалась в Заднепровском районе. В центре города важную роль в застройке играли дома местной шляхты, оставшейся жить в Смоленске. После возвращения Смоленска в состав Российского государства внешний облик города опять претерпевает

изменения. Вместо католических и униатских храмов главными становятся опять православные постройки.

Во второй половине XVIII в. в России начался экономический подъем, который способствовал строительству в городах. В связи с формированием всероссийского рынка и образованием многочисленных ярмарок и торговых центров происходил количественный рост городов. К новому этапу градостроительных реформ — появлению первого регулярного плана — Смоленск пошел, будучи уже хорошо сложившимся организмом.

В раскопках 2009 г. еще раз подтвердился тезис, что наиболее древняя и исторически ценная часть города — его прибрежная полоса, как на правом, так и на левом берегу Днепра. Именно в этих районах города археологические раскопки за полувековой период дали наиболее интересные. Остальные районы города, даже в пределах крепостной стены, значительно ниже по информативности, чем прибрежные районы. Небольшие раскопки на втором участке по ул. Студенческой, 7 дали значительные результаты не только по количеству находок, но и по их качеству. Однако наиболее интересны, на наш взгляд, новые вопросы, которые встали перед нами в период раскопок.

Первое, с чего мы можем начать, это уже неоспоримый факт наличия слоев, относящихся к XII-XIII вв., в раскопках в прибрежной зоне города. В пользу такого вывода свидетельствуют многочисленные артефакты: берестяная грамота (№ 16), каменная иконка св. Андрея, фрагменты стеклянных браслетов, стеклянных бус, и, конечно, керамический материал — амфоры и бытовая посуда. Второе: мы имеем достоверные сведения, подтвержденные раскопками, о характере жилых построек в XIV-XV вв. Раскопки жилого деревянного сооружения дают четкую картину нижнего устройства (подпола) такого сооружения. Новость археологическая состоит в том, что подпол, построенный в водоносном слое, дополнительно «обшивался» берестой и становился водонепроницаемым, что создавало условия для сохранения продуктов на длительный период, особенно в период осад. Третье: мы зафиксировали, к сожалению, только часть мостовых, сооружение которых можно отнести к XVII в., т.е. к периоду, когда в этой части города сооружались кирпично-каменные стены крепости Фёдора Коня. Об этом факте свидетельствуют обломки известняков, керамика и другие материалы. Не исключено, что фрагменты мостовых были остатками Великой улицы, шедшей по прибрежной части левого берега Днепра. Еще раз мы убедились в том, что идущая вдоль левого берега Днепра улица «Великая», безусловно, являлась главной артерией движения в городе. Итак, на небольшом по размерам раскопе мы получили плотную застройку, близкую к состоянию скученности, — пять разновременных срубов на площади 250 м². Еще один факт: в границах раскопа оказалось большое количество погребенных, причем погребенных в значительном хронологическом диапазоне. Вопрос — когда возникло кладбище? Все это предстоит выяснить уже в другие полевые сезоны.

Находка кровельной черепицы в Тобольске

В Российском государстве на протяжении всей его истории основным материалом кровельных покрытий гражданских зданий, а также церковных сооружений, служило дерево. Доля построек, крытых огнестойкими материалами — черепицей, свинцом, железом, — весьма незначительна. В этой связи большой интерес представляет находка в Тобольске в результате археологических исследований керамической чернолощеной черепицы.

Исследования проводились в 2006 г. на территории Тобольского кремля, в здании Губернской судебной управы, в рамках реставрационных работ (Адамов, 2007). В одном из раскопов на уровне материка был выявлен деревянный погреб. В его заполнении обнаружено большое количество обломков кровельной чернолощеной желобчатой черепицы. Установить ее размеры по найденным фрагментам не удастся. Известна только ширина черепиц, составляющая 9-12 см, толщина 1-1,5 см (рис. 1). Она имеет форму половинок усеченного конуса, в сечении овальной формы, с бордюром по верхнему краю для крепления к перекрытию кровли. Бордюром имеет пирамидальную форму с обрезанным верхом для создания ровной площадки. Черепица укладывалась на раствор, судя по следам известки на ее поверхности, в два ряда следующим образом: черепицы нижнего ряда — вогнутой стороной кверху, верхнего — вогнутой стороной книзу, так, чтобы они перекрывали стыки черепиц нижнего ряда. Черепица чернолощеная, с серым тестом и блестящей серебристо-черной поверхностью. Такая

черепица изготавливалась из обычной красной глины и обжигалась при недостаточном доступе воздуха в горн — «восстановительном обжиге». Блеск поверхности достигался заглаживанием ее перед обжигом специальными ложилами, оставлявшими характерные полосы. Следов обработки на гончарном круге не встречено, черепица изготовлялась от руки, в специальной ящичной форме.

Известные нам на настоящее время формы неполивной и поливной черепицы исследователи делят на две группы: досковидные и лотковые (Мазуров, 2001. С. 497, 498; Хворостова, 2002. С. 206). Черепица первой группы имеет вид плоской пластины с ровным обрезом сверху и различной формы нижней частью. Лотковая черепица также представляет собой пластину, но с поднятыми с двух сторон бортиками. Промежуточное положение между двумя группами занимает желобчатая черепица, к которой мы относим тобольскую находку. Начало применения желобчатой черепицы в строительной практике Москвы соотносится с серединой — второй половиной XVII в. (Розенфельд, 1968. С. 41; Хворостова, 2002. С. 211). Параллельно с Москвой производство черепицы распространяется на Урал и Сибирь. На Урале черепица представлена среди находок из Усолья, Верхотурья, Орла-городка. В последнем исследована гончарная мастерская по производству посуды, кирпича, изразцов и черепицы, датированная В. А. Обориным XVI в. (Оборин, 1995. С. 21-27).

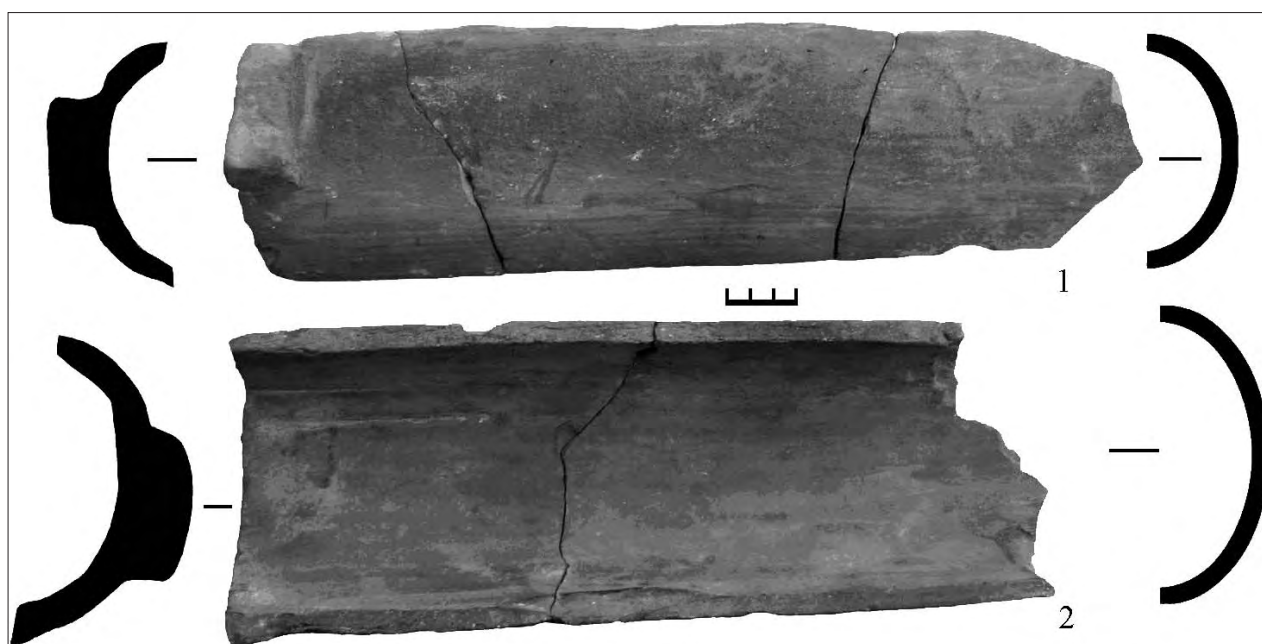

Рис. 1

После пожара 1701 г. в Тобольске Сибирский приказ предписал местным воеводам строить дома с черепичными крышами или обкладывать их дерном по доскам. Эти указания были подкреплены отправкой в 1700-1701 гг. в Тобольск и Верхотурье «сказок, как тое черепицу делать», формовочных станков и образцов глины (Копылова, 1979. С. 116).

Наличие черепицы свидетельствует о том, что она использовалась в строительстве на территории кремля. К сожалению, сведений об этом в письменных источниках не имеется, обратимся к графическим материалам — картам города того времени. На плане города, датированном 1714 г., показана только строящаяся Вознесенская церковь, другие здания отсутствуют (РГВИА. Ф. 349. Оп. 39. Д. 2182. Л. 1). На планах города 1748 и 1751 гг. из всех вышеперечисленных сооружений нет ни одного, указана только гауптвахта, стоящая на краю Базарного взвоза (РГВИА. Ф. 349. Оп. 39. Д. 2181. Л. 1). На плане 1763 г. показаны уже три небольших здания на месте находки черепицы: уже извест-

ная нам гауптвахта, аудиторская и разделявшая их «вновь построенная губернская канцелярия» (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 22669. Л. 1). По чертежу нельзя определить характер данных сооружений, однако В.И. Кочедамов на предложенном им плане Тобольского кремля 1767 г. эти здания объединил в одно, а в помещении аудиторской расположил аптеку (Кочедамов, 1963. С. 82). Гауптвахта и аптека были построены между 1751 и 1763 гг. из кирпича и сгорели в большом городском пожаре 1788 г. Какое-то из этих строений и имело черепичную кровлю, обломки которой были обнаружены во время раскопок. Обнаруженная в Тобольске кровельная чернолощенная черепица имела местное происхождение и может датироваться достаточно узким промежутком времени — 1750-ми гг. — не позднее 1788 г. В Европейской России к этому времени черепица уже была в целом вытеснена другими видами кровельных материалов. Использование черепицы в каменном строительстве Тобольска можно считать небольшим эпизодом в общей истории России.

Адамов А.А., 2007. Отчет о проведении археологических исследований на объекте «Здание Губернской судебной управы» по адресу г. Тобольск, Красная Площадь 2 в 2006 году // Научный архив Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. № 1742.

Копылова С.В., 1979. Каменное строительство в Сибири. Конец XVII — XVIII в. Новосибирск.

Кочедамов В.И., 1963. Тобольск. Тюмень.

Мазуров А.Б., 2001. Средневековая Коломна в XIV — первой трети XVI вв.: Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М.

Оборин В.А., 1995. Культура и быт городских поселений Урала XVI-XVIII веков (по археологическим данным) // Историко-культурное наследие городов и заводских поселений Урала. Пермь

Розенфельд Р.Л., 1968. Московское керамическое производство XII-XVIII вв. // Археология СССР. САИ. Вып. Е1-39. М.

Хворостова Е.Л., 2002. Керамические покрытия кровель XV-XVII вв. (Москва и Московская область) // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. Вып. 4.

В.Л. Державин

Институт археологии РАН, Москва

Поморская навигация в Арктике в XVI-XVII вв.

Проводимые в течение многих десятилетий на Шпицбергене археологические исследования показали, что самые ранние памятники там связаны с промысловой деятельностью поморов и датируются XVI в. Ряд зарубежных исследователей, тем не менее, относит первое появление поморов на архипелаге лишь к концу XVII — началу XVIII в. Однако в данной статье нет смысла касаться этой версии, поскольку о ее несостоятельности достаточно много написано В.Ф. Старковым, который использует в своих работах как археологические, так и письменные источники, причем последние — исключительно европейского происхождения (Старков, 1998. С. 19-22, 47).

Для решения вопроса о сроках поморской навигации в европейской Арктике для нас важно письмо датского короля Фредерика II фогту северной Норвегии Мунку, датированное мартом 1576 г., в котором гово-

рится о русском кормщике Павле Нишеце из Мальмуса (так Колу именовали скандинавы в XVI в.), ежегодно ходившем на промысел в «Гренландию». Перевод датского источника неоднократно публиковался в отечественной литературе как свидетельство приоритета в открытии Шпицбергена поморами, но его все же целесообразно процитировать снова:

«Людвику Мунку, об одном русском, который посещает Гренландию: Ut seqtr. Фредерик. Известно нам стало из твоего сообщения, что прошлым летом несколько тронхеймских бюргеров вступили в Вардэ (Warder) в сношения с одним русским кормщиком Павлом Нишецом (en Rudtske Sturmand ved Naffin Paulus Nichetz), живущим в Мальмусе (Mallues) и обыкновенно ежегодно около Варфоломеева дня (Bartholomej thüde) плавающим в Гренландию (Grönlandt), который уведомил их, что если за его труды ему дадут не-

которое вознаграждение, он, пожалуй, сообщит им данные об этой земле и проведет туда их суда. Поэтому прошу тебя узнать, какие издержки потребуются для исследования выше названной земли и рядом с этим сообщить, найдутся ли в Тронтгейме бюргеры, которые бы пожелали отдать под фрахт для этого путешествия свои суда, как ты сообщал далее. Ибо мы всемиловнейше согласны, каковы бы не оказались издержки при такого рода предприятиях для исследования выше названной земли, принять с удовольствием их на себя и уплатить. И нам угодно поручить тебе сторговаться с вышеназванным русским кормщиком (Rusche Sturgenmand), чтобы он предоставил себя в распоряжение для такого рода предприятия, а равно условиться с несколькими бюргерами из Тронтгейма, чтобы это путешествие могло состояться в текущую осень» (Филиппов, 1901. С. 439-441).

Таким образом, из королевского послания становится ясно, что поморы по крайней мере уже в 70-х гг. XVI в. регулярно ходили на своих судах к архипелагу,

используя так называемый «гуманландский» морской ход. Хорошо также известно, что поморское название Шпицбергена — «Грумант» — восходит к «Гренландии» (Гронланду) и своим происхождением обязано несколько искаженным географическим представлениям русских (впрочем, и европейцев тоже), полагавших, что они действительно промышляют у берегов Гренландии. Именно эту полузабытую землю тщетно пытались отыскать скандинавы, что в конечном счете вынуждало их прибегать к услугам поморов. В документе содержится и весьма важное указание на время отбытия в «Гренландию» из Мальмуса-Колы: «обыкновенно ежегодно около Варфоломеева дня». Дни памяти этого святого в католическом и православном календарях не совпадают: в первом он приходится на 11/24 августа, а во втором — на 11/24 июня. Но в XVI-XVII вв. промысловый сезон в августе уже завершался, поэтому более обоснованной датой, после которой начиналась навигация, должен считаться день апостола Варфолоея, отмечаемый

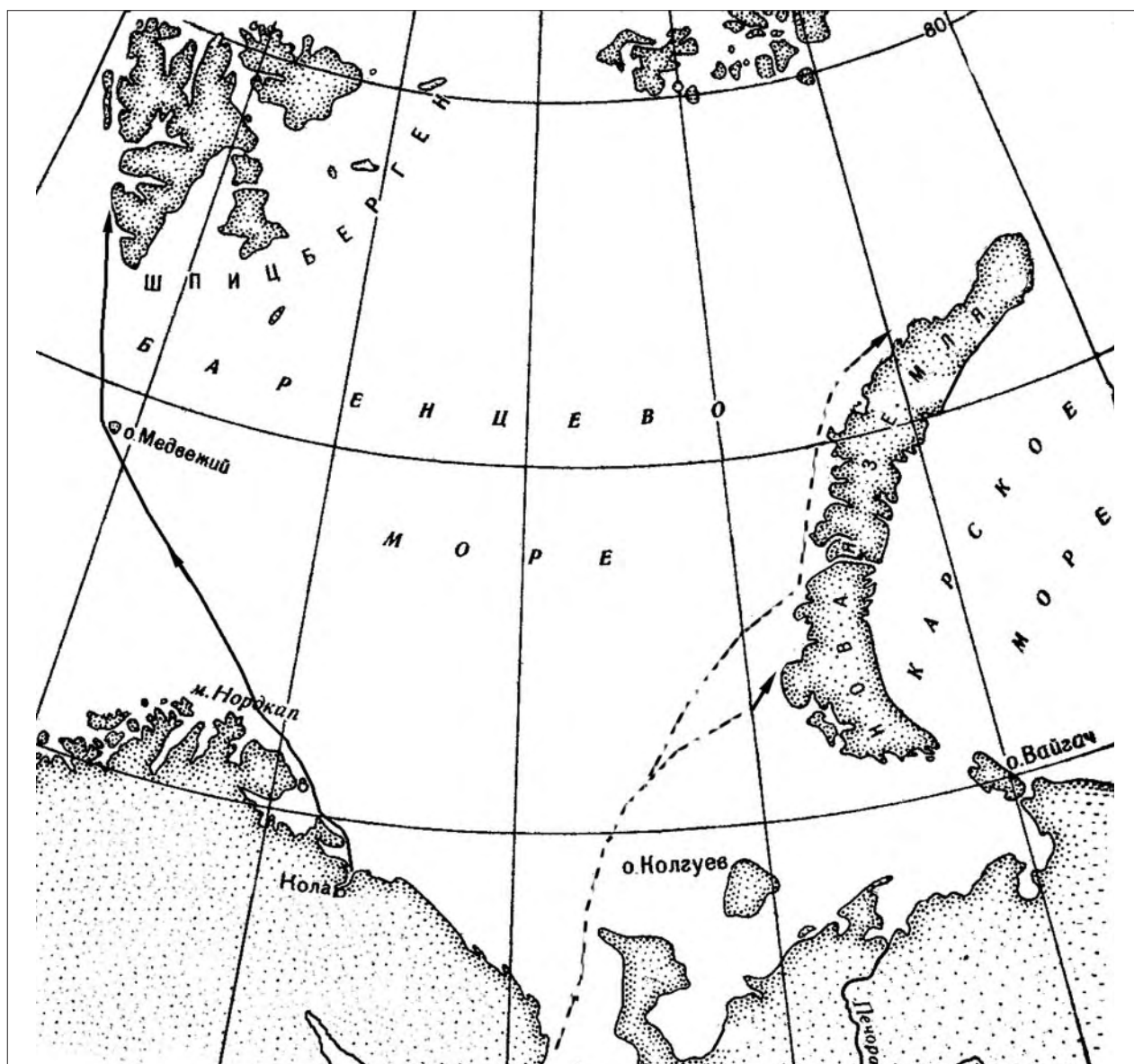

Рис. 1
Карта морских ходов на Шпицберген и Новую Землю в XVI-XVII вв.

в православном календаре. Вместе с тем, заключительные слова письма о том, «чтобы это путешествие могло состояться в текущую осень», вызывают некоторое смущение. Однако ни русский кормщик, ни датчане, скорее всего, не слишком разбирались в тонкостях и различиях календарей, поэтому дату дня св. Варфоломея каждый понимал по-своему, из чего можно заключить, что скандинавы имели в виду католическую, а Павел Нишец, договариваясь о сроках своего отплытия, подразумевал православную.

Косвенное подтверждение тому можно найти в дневнике английского мореплавателя Стевена Барроу, ставшего в конце июня 1556 г. очевидцем спуска по р. Кулой множества поморских лодий, отправлявшихся на промысел в район Печоры и на Новую Землю (Английские путешественники... 1937. С. 101). Начало этой навигации, таким образом, также было увязано с православным днем памяти апостола Варфоломея.

В 1604 г. одно английское промысловое судно зашло в Колу с тем, чтобы в конце июня — начале июля отправиться на добычу моржей к о. Медвежьему. Появление европейского корабля в Коле в это время снова убеждает в том, что европейские моряки могли тогда знать про «груманландский» ход только от русских кормщиков, у которых получали необходимую информацию о ледовых условиях в районе о. Медвежьего, приурочивая выход своих судов в море после Варфоломеева дня (Гамель, 1869. С. 186, 187). Ведь отплытие на Шпицберген или Новую Землю в более раннее время года было весьма проблематично из-за сложной ледовой обстановки в этом регионе. К тому же Баренцево море у о. Медвежьего, например, даже в июле не всегда было свободно ото льда, который часто встречался и значительно южнее, что подтверждают сообщения западноевропейских мореплавателей (Английские путешественники... 1937. С. 44, 152, 106; Де Фер, 1936. С. 123).

Английские путешественники в Русском государстве в XVI в. Л., 1937.
Гамель И.Х., 1869. Англичане в России в XVI-XVII вв. СПб.
Де Фер Г., 1936. Плавание Баренца. Л.

Старков В.Ф., 1998. Очерки истории освоения Арктики. М. Т. I: Шпицберген.
Филиппов А.М., 1901. К библиографии Шпицбергена // Литературный вестник. Т. I.

А.Ю. Зеленева

Марийский государственный университет, Йошкар-Ола

Нумизматический материал из раскопок в Царевokokшайске — Йошкар-Оле

В 2008-2010 гг. Волжская экспедиция ИА РАН совместно с Поволжской археологической экспедицией Марийского ГУ проводила исследования на территории Царевokokшайска — Йошкар-Олы. Было вскрыто более 4000 м², в основном на территории царевokokшайского посада и раннего некрополя Царевokokшайска.

Из раскопок происходит такая важная категория находок, как нумизматический материал. За эти годы найдено более 300 монет различных лет чеканки.

Наиболее ранние монеты найдены в могилах царевokokшайского некрополя, они чеканены в середине XVI в. в Новгороде. В могилах некрополя обнаружены также монеты, чеканенные при Михаиле Фёдоровиче и Алексее Михайловиче Романовых. Нужно отметить, что в царевokokшайском некрополе сосредоточены монеты раннего периода. Поэтому есть основания считать, что некрополь возник одновременно с городом в конце XVI в. и просуществовал до середины XVIII в.

Наиболее ранняя монета из сооружений и культурного слоя царевokokшайского посада относится

к 1676-1682 гг. Это чешуйка, чеканенная при Фёдоре Алексеевиче. Правда, она пробитая: видимо, входила в марийский нагрудник, т. е. имела длительный период хождения. Монеты, чеканенные при Петре Алексеевиче, — медные полушки и копейка 1704 и 1722 гг. От времени Анны Иоанновны дошли медные денги 1731 и 1739 гг., а также полушки 1735 и 1737 гг. Много монет времени Елизаветы Петровны: медные денги 1741, 1743, 1748, 1749, 1750, 1751 гг. и пять копеек 1760 г., а также серебряные пять копеек 1758 г.

Монет времени Екатерины II немного. Среди них пять копеек 1771 г. (сибирская монета), пятикопеечные медные монеты 1784 и 1788 гг., медная копейка 1796 г. Монеты времени Павла I представлены двухкопеечными медными монетами 1797, 1799, 1800 и 1801 гг., медными копейками 1800 и 1801 гг.

Нумизматический материал из раскопок Царевokokшайска позволяет датировать археологические объекты, а также оценить степень развития товарно-денежных отношений в этом городе.

В.И. Кильдюшевский

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Н.Е. Петрова

Государственный музей истории Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург

Археологические исследования в Петропавловской крепости

В 2007-2009 гг. сотрудниками экспедиции ИИМК РАН были проведены археологические наблюдения за крупномасштабными работами по реставрации и благоустройству крепости¹.

Осуществлялся археологический надзор за работами по снятию дорожного покрытия на глубину 0,6-0,7 м, прокладкой коммуникаций до глубины 1,2-2,2 м на объектах общей площадью свыше 45000 м² (рис. 1: 1). Были выявлены и зафиксированы

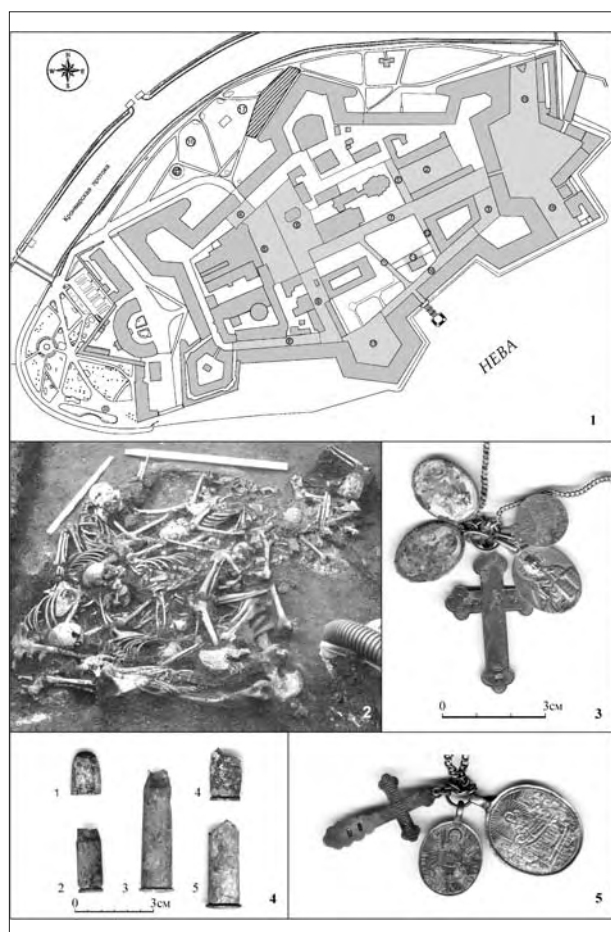

Рис. 1

Петропавловская крепость, участки археологических исследований (1) и коллективное захоронение (2-5)
2 — вид с юга; 3, 5 — кресты и образки; 4 — пули и гильзы

остатки фундаментов сооружений XVIII — начала XX в., системы дренажных труб и колодцев.

К наиболее значительным результатам следует отнести обнаружение и исследование остатков здания первого Сената на Соборной площади у Ботного домика, размещенного в 1711 г. в доме гарнизонной канцелярии.

В районе Невской куртины и Нарышкина бастиона обнаружены и исследованы остатки деревоземляной крепости 1703 г. (Александров и др., 2010. С. 31-42).

Между Никольской куртиной и Монетным двором найдены фрагменты кирпичной стены и плитнякового фундамента с остатками двух камер дымохода, облицованных огнеупорным кирпичом с иностранными клеймами, одна из которых вела в башню Монетного двора, а вторая — внутрь здания, пристроенного к башне. Здесь были найдены предметы, связанные с монетным производством: обломки графитовых тиглей, графитовые клинья (?), зубило, медная заготовка (вырубка), обрезок медной пластины, дно большой бутылки для кислоты.

По плану расположения цехов 1905 г., в башне находилась «золотая плавильня», а во втором здании — «монетный передел» (Смирнов, 1994. С. 39)

Для выявления стратиграфии проводились зачистки котлованов и траншей, закладывались шурфы в разных местах Заячьего острова. В результате многочисленных наблюдений изучена стратиграфия острова, выявлен уровень материка на различных участках, характер рельефа дневной поверхности начала XVIII в., хронология нарастания культурного слоя.

В декабре 2009 г., во время наблюдений за строительством автостоянки на территории Кронверкского полигона, в северной части острова была сделана неожиданная находка. У левого фаса Головкина бастиона выявлено коллективное захоронение. На глубине 1,3-1,4 м от современной дневной поверхности обнаружена могильная яма размерами 2,4x1,8 м, где распилены останки 17 человек со следами огнестрельных повреждений (рис. 1: 2). При расчистке могилы собрано 60 находок, среди которых фрагменты одежды, пуговицы, гильзы и пули от винтовок систем Мосина, Бердана, револьверов систем Нагана, Кольта (рис. 1: 4); фрагменты ремней, пряжек, запонки, в том

¹ Первый этап исследований на территории Петропавловской крепости проводился в ноябре 2006 — августе 2007 г. Санкт-Петербургской археологической экспедицией СЗИ Наследия и Архитектурно-археологической экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством П.Е. Сорокина и О.М. Иоаннисяна (Андреева, Иоаннисян, Сорокин, 2009. С. 242-267).

числе золотые со вставками из цветных камней. Найдены предметы личного благочестия: образки, кресты и цепочки из золота и серебра (рис. 1: 3, 5).

Анализ находок и характера захоронения, большое число погребенных, сброшенных в могилу и лежавших в беспорядке в 2-3 слоя, позволяют предположить, что эта могила относится к периоду 1918-1919 гг., называемому в исторической литературе временем «красного террора» (Ратьковский, 2005. С. 252-255). Эта находка получила широкий общественный резонанс и неоднократно освещалась в средствах массовой информации.

По решению Дирекции ГМИ СПб, летом 2010 г. на этой территории были проведены масштабные поисковые работы на площади 1200 м². Во время этих работ выявлено еще 6 мест коллективных захоронений. Отметим, что, судя по находкам в засыпи могильных ям, по крайней мере 5 из 7 найденных могил были вскрыты и разграблены в 1930-е гг. Собрана большая коллекция вещевого материала, включающая остатки одежды, обуви, пуговицы, кошельки, портсигары, ремни, фрагменты карандашей, гребенки, зеркала, щетки, пули, гильзы, образки и кресты. Здесь были захоронены матросы, солдаты, офицеры и гражданские лица.

Предварительный анализ костных останков, проведенный сотрудниками института антропологии (МАЭ) РАН, позволяет утверждать, что в могилах находились 105-110 погребенных. В основном это мужчины нескольких возрастных групп: 18-20; 25-35 и 40-55 лет и старше. Все эти люди убиты из огнестрельного оружия. Судя по остаткам одежды, среди погибших было несколько женщин и один юноша моложе 18 лет.

Изучение письменных источников и архивных материалов дает возможность утверждать, что в сентябре 1918 — январе 1919 г. в Петрограде проходили массовые расстрелы заложников и противников советской власти (Славнитский, 2007. С. 170, 171).

Во второй половине XIX в. эта территория использовалась для нужд военного гарнизона крепости, здесь находились летние лагеря, были построены гарнизонная баня и прачечная, хозяйственные сараи и конюшня. Она была огорожена забором, посторонние сюда не допускались. Подобный статус эта территория имела и в 1917-1920 гг. Поэтому она могла использоваться для проведения расстрелов и захоронений.

В январе 1919 г. в Петропавловской крепости были расстреляны четверо великих князей Романовых (Петрова, 2007. С. 128-135)

Александров С.А., Андреева О.В., Иоаннисян О.М., Кильдюшевский В.И., Сорокин П.Е., 2010. Охранные археологические исследования на территории Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге // Краугольный камень. М. Т. 1.

Андреева О.В., Иоаннисян О.М., Сорокин П.Е., 2009. Охранные археологические исследования на территории Петропавловской крепости в 2006-2007 гг.: Предварительные результаты // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. СПб. Вып. 3.

Петрова Н.Е., 2007. Неизвестные захоронения на территории Заячьего острова // Тр. ГМИ СПб. СПб. Вып. 15.

Ратьковский И.С., 2005. Первый год деятельности Петроградского ЧК (март 1918 — март 1919 гг.) // Проблемы новейшей истории России. СПб.

Славнитский Н.Р., 2007. Тюрьма Трубецкого бастиона Петропавловской крепости в 1918-1940 годы // Тр. ГМИ СПб. СПб. Вып. 15.

Смирнов М.И., 1994. Очерки истории Санкт-Петербургского Монетного двора 1724-1994 гг. Тольятти.

Н.В. Лебедева

ООО Научно-производственная фирма «АрхГео», Самара

Некрополь Старого Ставрополя как исторический источник, и его значение для истории г. Тольятти

Памятники истории нового и новейшего времени, такие, как крепости и слободы засечных черт, казачьи поселки, старые села, заброшенные городские и сельские некрополи, не относятся к разряду археологических. Однако раскопки таких объектов, участвовавшие в последнее время в России, показывают их необычайную информативность и огромное значение для воссоздания исторических подробностей, для связи с недавним прошлым, которое зачастую людям важнее и интереснее, чем древность. На примере Ставропольского некрополя, изученного по археологической методике, можно судить о значимости такого рода па-

мятников для города, исторические корни которого в буквальном смысле ушли под воду.

Город Тольятти Самарской губернии известен всему миру благодаря такому автомобильному бренду, как «ВАЗ», и моделям «Жигули», «Лада», «Нива». Но только коренные тольяттинцы знают о том, что существовал другой город, основанный В.Н. Татищевым как крепость напротив Жигулевских гор в 1737 г., - город Ставрополь. В 1953 г. город был перенесен, а в 1964 г. переименован в Тольятти. С середины XVIII до середины XX в. на склоне коренной террасы над городом располагалась кладбище (некро-

поль Старого Ставрополя), которое после переноса было закрыто, а затем стало размываться водохранилищем.

В 1999–2008 гг. на некрополе под руководством автора проводились охранно-спасательные научно-исследовательские работы с последующим перезахоронением останков на городском кладбище г. Тольятти. В процессе раскопок найдены 1400 человек и более 3000 предметов, сопровождавших погребенных, а также 20 склепов, сложенных из кирпича и дикого камня.

В результате работ изучены традиции городской погребальной культуры: планировка кладбища, обряд, надмогильные конструкции, инвентарь, этнические особенности, захоронения убиенных и братские могилы умерших от голода (Овчинникова (Лебедева), 2004; 2007). Некрополь стал отражением исторических процессов, происходивших на протяжении двух веков. О факте функционирования кладбища с середины XVIII в. свидетельствуют находки монет того времени в погребениях.

В настоящее время ведутся поиски имен и фамилий чиновников со знаками отличий и военных в мундирах с эполетами, по которым они могут быть идентифицированы. Фамилия и судьба одного из них уже известна: это командир III батареи 1-го Мортирного Артиллерийского полка Владимир Васильевич Копьев. Благодаря сохранившимся эполетам, Метрической книге Троицкого собора г. Ставрополя из Тольяттинского архива, послужному списку из Военно-исторического архива из небытия воскрес человек, приехавший в мае 1891 г. лечиться кумысом от чахотки в г. Ставрополь. Копьев был родом из дворян Санкт-Петербургской губернии. Учился в Константиновском Артиллерийском училище, служил в Выборге и Кронштадте, был награжден орденами Св. Анны и Св. Станислава, имел жену и четырех сыновей. Но болезнь прогрессировала, и он умер в возрасте 43 лет и был похоронен на городском кладбище вдали от дома (Кольцов, Овчинникова, 2007). Возможны поиски потомков капитана Копьева.

Фонды Тольяттинского краеведческого музея пополнились подлинными предметами города Ставрополя. Среди них — серии литых и штампованных золотых, серебряных, медных, свинцово-оловянных, костяных и деревянных крестов-тельников, медной пластики в виде образков, складней и напестольных крестов, серебряных и медных штампованных медальонов, финифтяных икон и образков, фарфоровых и фаянсовых чашек, стеклянной и глиняной посуды разного назначения, монет, гребней, пуговиц, ювелирные украшения и индивидуальные находки. Каждая серия предметов подлежит отдельному анализу и изучению. По клеймам на крестах и медальонах и маркам на чашках определены фабрики, мастерские, места и даты их изготовления. В нашей коллекции на серебряных крестах и медальонах имеются клейма с гербами пяти городов России: Киева, Костромы, Москвы, Петербурга, Казани. Большинство из-

делий изготовлено в Костроме и в с. Красном Костромской губернии.

По флаконам и бутылкам прослежена история парфюмерного и аптечного дела в России (Лебедева (Овчинникова), 2008; 2009), по изображениям на крестах, образках и медальонах — святые, которым преимущественно поклонялись в Поволжье, — Варвара Великомученица и Серафим Саровский, Казанская Пресвятая Богородица, «Умиление невест». О переселении с Украины и из Тамбовской губернии свидетельствуют образы Богородицы Почаевской, Киево-Печерского собора, Питирима Тамбовского.

По типам и формам литых и штампованных крестов-тельников, медальонов и медной пластики намечены их классификация и датировка, определены католические, паломнические, масонские, «процветшие», старообрядческие кресты. Судя по количеству последних, многие горожане были староверами: погребения содержали массивные литые кресты и складни, а также образки с изображением двуперстного крещения. Предположительно, кресты были изготовлены в старообрядческом ремесленном центре в городе Хвалынске Саратовской губернии. Образки и складни покупали на Макарьевской ярмарке в Нижегородской губернии, куда их привозили из Поморья (Архангельская обл.), где долгое время существовали старообрядческие общины. Специалисты Государственного Эрмитажа определили, что это предметы «поморского литья».

В некоторых захоронениях найдены литографюры — изображения святых на бумаге, закрепленной стеклом на деревянной основе. Такие иконы бытовали в 1920–1930-е гг. и продавались по самой низкой цене.

В Ставрополе проживало немало представителей мордовской, чувашской и калмыцкой народностей, которые долгое время отправляли языческие культы, известные с древности: культ предков, обряд «порчи вещей». В погребения чувашей-мужчин клали монеты, ставили вино в бутылках, стаканах, стопках. Ритуальное значение имел гребень, которым расчесывали волосы покойника, а затем ломали. Найдены гребни из дерева, кости, панциря черепахи, пластмассы. Глиняная посуда, поврежденная или разбитая на стороне, свидетельствует о продолжении традиций мордовского средневекового погребального обряда (Васильев, Матвеева, 1986. С. 225). Интересно, что у многих фарфоровых чашек, найденных в захоронениях, отбиты ручки либо в гроб положены осколки. Находки бус, браслетов, елочных игрушек рядом с погребенными связаны с пережиточными языческими представлениями ставропольчан.

Любой предмет информативен и отражает какую-либо сторону жизни горожан: этнический состав, экономические связи, религиозные конфессии, социальное расслоение общества, сословия, быт и т. д. Историческая ценность предметов определяется их разнообразием и количеством, а также четкими временными рамками.

На примере Ставропольского некрополя показаны процессы превращения археологии в исто-

рию, которая необходима и интересна новому поколению тольяттинцев.

Овчинникова (Лебедева) Н.В., 2004. Погребальный обряд некрополя города Ставрополь-на-Волге // Мат. историко-краевед. чтений «Наследие В.Н. Татищева». Тольятти.

Овчинникова (Лебедева) Н.В., 2007. Изучение погребальной культуры второй половины XVIII — XIX — начала XX веков по материалам некрополей Самарской губернии // XVII Уральское археологическое совещание: Мат. науч. конф. (Екатеринбург, 19-22 ноября 2007 г.). Екатеринбург; Сургут.

Кольцов В.В., Овчинникова Н.В., 2007. Воскресший из небытия // Самарский край в истории России. Самара. Вып. 3.

Лебедева (Овчинникова) Н.В., 2008. История в стеклянном флаконе // Малая музейная энциклопедия. Тольятти.

Лебедева (Овчинникова) Н.В., 2009. Аптечные флаконы из коллекции музея // Малая музейная энциклопедия. Тольятти.

Васильев И.Б., Матвеева Г.И., 1986. У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев.

Т.В. Лобанова, О.П. Бачура

Институт экологии растений и животных УрО РАН, Екатеринбург

Проблема свиноводства у русского и аборигенного населения Севера Сибири в XV-XVIII вв.

По традиционным представлениям ученых, в хозяйстве аборигенов Севера Западной Сибири основным является присваивающий тип. Из производящих отраслей известны оленеводство (транспортное, мясное), собаководство и лишь с XIX в. фиксируется содержание таких домашних животных, как овца и лошадь (Чернецов, 1957; Косарев, 1991; Косинцев, 2006). Другие отрасли животноводства никогда не отмечались в культуре аборигенного населения. Следует отметить, что этнографические сведения о культуре и хозяйстве аборигенного населения Севера Западной Сибири появляются с середины XVIII в. и основные приходятся на XIX в. — период долгого присутствия русских в регионе.

В течение последних десятилетий благодаря раскопкам ряда северных городищ (Надымское, Полуёйское, Усть-Войкарское, Мангазея, Березов, Старотуруханск) накоплен обширный материал, характеризующий хозяйство населения региона в период его колонизации государством Московским в XV-XVIII вв. (Брусницина, 2005; Косинцев, 2006; Визгалов, Пархимович, 2008; Кардаш, 2009). Многочисленные остеологические коллекции из памятников тундровой и лесотундровой зоны XI-XIV в. (Ярте, Тиутеу-Сале, Бухта Находка и др.) не содержат костных остатков свиной (Федорова, 2006; Кардаш, Лобанова, 2008).

В Полуёйском и Войкарском городках кости свиной (13 и 40 экз.) обнаружены в слоях XVII-XVIII вв. В Надымском городке они найдены во всех слоях XV-XVIII вв. (112 экз.), и наибольшая их доля (77 экз.) приходится на слои конца XV — XVI в. Среди костей свиной на этом памятнике определены все части скелета, за исключением дистальных отделов конечностей (метоподии и фаланги). Почти треть составляют кости головы. По возрастному составу 30% — это кости молодых животных (до 1,5 лет), включая новорожденные особи.

В слоях Надымского городка конца XVI — начала XVIII в. кости свиной равномерно распространены по территории городка. В слоях XV-XVI вв. большая часть остатков свиной находится на площадке, идентифицируемой автором раскопок как торгово-гостевая и ритуальная (Кардаш, 2009). Определение сезона и возраста забоя свиной по регистрирующим структурам в зубах из различных слоев Надымского городка показало, что они были забиты в осенний период в возрасте 2 лет, и только одна в возрасте 4 лет в конце лета — начале осени. Эти результаты совпадают с определениями сезона забоя свиной из Мангазеи.

В русских городах Сибири, таких как Березов и Мангазея, свиная являлась одним из наиболее многочисленных видов, ее остатки составляют соответственно 40 и 19% от общего количества млекопитающих. Вместе с тем, в Старотуруханске кости свиной составляют лишь 5% от общего числа млекопитающих.

Таким образом, проблема свиноводства или употребления его продуктов по материалам исследований как русских, так и аборигенных поселений Севера Сибири не выглядит однообразно. Очевидно лишь то, что появление свиной на севере Сибири связано либо с проникновением туда русского населения, либо с непосредственными контактами аборигенов с населением северо-восточной Европы. Этот вид можно назвать культурно-этническим индикатором.

Судя по тому, что в Березове и Мангазее среди многочисленных остатков свиной представлены все части скелета и возрастные группы, можно говорить о том, что этот вид содержали и разводили. В Надымском городке в XVII-XVIII вв. мы можем говорить лишь о содержании отдельных особей, случайно попавших при перевозке в Мангазею. Вместе с тем, единое время забоя и неполный состав скелета позволяют

предполагать получение готовых продуктов свиноводства (частей туш).

Анализ всего комплекса источников свидетельствует, что увеличение количества костных остатков свиньи в XV — начале XVI в., когда еще не был установлен

Мангазейский морской путь, может говорить о присутствии в низовьях Оби русского населения, что можно соотнести с московскими походами второй половины XV в. (Миллер, 2005), закончившимися включением Обдории в титул Великого князя Василия Ивановича.

- Брусницина А.Г., 2005. Войкарский городок в XV-XIX вв. (по результатам раскопок 2003 и 2004 гг.) // Ямал между прошлым и будущим: приоритеты развития: Мат. Всерос. науч. конф. «Ямал: история, историография, краеведение» (Салехард, апрель 2005 г.). Екатеринбург; Салехард.
- Визгалов Г.П., Пархимович С.Г., 2008. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001-2004 гг.). Екатеринбург; Нефтеюганск.
- Кардаш О.В., 2009. Надымский городок в конце XVI — первой трети XVIII вв.: История и материальная культура. Екатеринбург; Нефтеюганск.
- Кардаш О. В., Лобанова Т.В., 2008. Опыт реконструкции хозяйства населения городища Бухта Находка XIV-XV вв. (по материалам

- археозоологических исследований) // Тр. II (XVIII) Всерос. археолог. съезда (Суздаль, 20-25 октября 2008 г.). М. Т. III.
- Косарев М.Ф., 1991. Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. М.
- Косинцев П.А., 2006. Экология средневекового населения севера Западной Сибири: Источники. Екатеринбург; Салехард.
- Миллер Г.Ф., 2005. История Сибири. 3-е изд. М. Т. I.
- Фёдорова Н.В., 2006б. Касание длинной в две тысячи лет: Человек и олень на Севере Западной Сибири // Уральский исторический вестник. Екатеринбург. № 14.
- Чернецов В.Н., 1957. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // МИА. № 58.

Л.Д. Макаров

Удмуртский государственный университет, Ижевск

Городская археология в Удмуртии

На территории Удмуртской Республики археологически исследовались 4 города.

В **Ижевске** (возник в 1760 г.) изучены 6 объектов из 8 известных:

1) Александро-Невский собор и кладбище (1816-1929 гг.): 6 кирпичных могильных склепов к востоку от храма (Т.И. Останина, 1983 г., Л.Д. Макаров, 1991 г.);

2) Михайловский комплекс (1760-1937 гг.) (Л.Д. Макаров, И.Ю. Пастушенко, Т.А. Цыгвинцева, 1996, 2001, 2003-2007 гг.): первое кладбище Ижевска — 58 погребений, и поселение — 2 хозяйственные ямы и культурный слой (1760-1810 гг.); Михайловская часовня — культурный слой (1855-1896 гг.); Михайловский собор — фундамент, архитектурные детали, вещи хозяйственного и бытового назначения, винтовочные обоймы с гильзами (1896-1937 гг.);

3) Троицкое кладбище (1810-1932/1939 гг.): отдельные захоронения (И.Ю. Пастушенко, С.Е. Перевощиков, 1987, 1995, 2001 гг.); надмогильная плита в северо-западной части (Л.Д. Макаров, 2001 г.); раскопки в центральной части — 739 погребений (И.Ю. Пастушенко и др., 2007-2010 гг.);

4) поселение Ижевский Завод (с 1760 г.): археологический надзор (Л.Д. Макаров, 1998, 2004, 2005 гг.; Т.А. Цыгвинцева, 1999, 2002, 2003 гг.; И.Ю. Пастушенко, 2003, 2004, 2006 гг.);

5) могильник по ул. Молодежной, 81 (кости, крестик XVII-XVIII вв. — случайная находка в траншее, 1985 г.). Не исследовался;

6) кирпичный завод (середина XX в.): осмотр подземных коммуникаций (Л.Д. Макаров, 2006 г.);

7) ОАО «Ижмаш» (1760 — XX в.). Раскопки (60,5 м²): фрагмент кирпичного корпуса оружейной кузницы (1809 г. — середина XX в.); кирпичный пристрой к корпусу кирпичной фабрики железодельного завода (ок. 1760 г. — начало XIX в.); 2 полотна железной дороги (конец XIX — середина XX в.); 3 слоя асфальтовой дороги (вторая половина XX в.). (Л.Д. Макаров, И.Ю. Пастушенко, З.Ш. Нагиев, 2007 г.). Находки, связанные с металлургическим, оружейным, машиностроительным производством, бытом работников;

8) Ижевский клад (конец XIX — начало XX в.) обнаружен при земляных работах на набережной пруда, состоял из неустановленного числа монет — от 150 до 2000 (2009 г.). Растащен полностью.

В **Сарапуле** (упоминается в конце XVI в.) стихийные археологические наблюдения в начале XX в., планомерные изыскания с 1985 г. (Н.Л. Решетников). С июня 1995 г. культурный слой под охраной. Изучались 5 объектов:

1) Сарапульское поселение. Случайные находки XVII-XIX вв. при закладке фундамента здания окружного суда (1909, 1913 гг. и позднее): ядра, пушка, пищали, алебарда, топоры, кресала. Археологический надзор и раскопки (Н.Л. Решетников, 1985, 1997, 2005-2007, 2010 гг.);

2) Сарапульский II могильник. В 1909 г. на склоне Старцевой горы на Оползино обнаружены 2 коллективные могилы (православная и мусульманская, XVII в.), предположительно — захоронения людей из «убогого дома» («Божий дом», «скудельница»), умерших в зимнее время;

3) Сарапульский III могильник. Приходское кладбище конца XVI — XVIII в. на Оползино (по Н.Н. Блинову);

4) Сарапульский IV могильник. Многочисленные погребения кладбища конца XVI в. — 1772 г., разрушены в XIX-XX вв. в ходе строительства между Вознесенской и Покровской церквями; раскопки двух погребений XVII в. (Н.Л. Решетников, 1997, 2006 гг.);

5) чердаки г. Сарапула (вторая половина XIX — первая половина XX в.). Научное обследование чердаков в исторической части города (ок. 100 домов), в том числе и археологическими методами (земляные подсыпки). Обнаружен комплекс разнообразных источников (Н.Л. Решетников, 1997-1999 гг.).

В **Воткинске** (основан в 1758 г.) первые работы — в 2007 г. (Л.Д. Макаров, С.Е. Перевощиков,

Т.А. Цыгвинцева, Н.Ф. Ширококова и др.). Исследованы 3 объекта, два из них на месте строительства жилого дома (раскоп 148 м², зачистка стенок котлована длиной 110 м):

1) Воткинский могильник — первое кладбище Воткинска (31 погребение с 33 покойными, 1812-1858 гг.);

2) поселение Воткинский Завод (с 1758 г.): на месте кладбища выявлены 6 сооружений, 24 ямы и 2 канавы XIX-XX вв.;

3) Нагорное кладбище — второй некрополь Воткинска (1812 г. — середина XX в.). Мониторинг памятника.

Глазов (упоминается с 1678 г.). В 2008 г. при вскрытии траншей близ бывшего Преображенского собора (снесен в 1960 г.) обнаружены православные захоронения XVII-XVIII вв. (А.Н. Кириллов).

Г.А. Массалитина

Национальный парк «Угра», Калуга

Археологический поиск летописного Дмитровца

В 1998 г. на границе Калужской и Смоленской областей выявлено неизвестное ранее городище Жары 1, на котором были выполнены археолого-геофизические исследования (Массалитина, Модин, Болдин, 2001. С. 40-52).

Памятник расположен на правом обрывистом берегу р. Угры, между двумя глубокими оврагами, на высоком холме правильной конусовидной формы. Площадка (36x56 м) плоская, искусственно выровненная, окружена кольцевым валом высотой до 3 м. Склоны холма очень крутые, в основании — кольцевой ров.

Исследовано 62 м² на площадке; траншеей 2x18 м прорезан участок вала и склона почти до основания холма. В культурном слое обнаружены материалы днепровско-двинской и мощинской культур, эпохи Древней Руси, позднего средневековья (не позднее XV в.).

Разрез вала показал, что он сооружен в XIV-XV вв. не менее чем в два этапа. С тыльной стороны в насыпи выявлена сложная конструкция, включающая мощную толщу прокаленной глиняной обмазки с отпечатками жердей и прутьев. По данным магниторазведки, конструкция имеет кольцевой характер и тянется по всему периметру площадки. Сильная аномалия, вызванная обожженной глиной, имеет вид почти замкнутой полосы высоких положительных значений магнитного поля (рис. 1). Насыпь содержит множественные следы горения: угольно-золистые прослойки, прокаленный грунт, сгоревшие деревянные сооружения.

Первый же сезон работ вызвал интерес к памятнику: мощная система фортификации, контрастирующая с маленькими размерами площадки, обширное селище у подножия холма, характер находок, — все говорило о том, что это не совсем рядовое поселение.

Городище находится в труднопроходимом лесу, на совершенно обезлюдившей в течение XX в. поугорской территории. Из случайного разговора со старожилами узнали, что прежде здесь находилась деревня Дмитровец. Естественным образом появилось предположение, что найденный памятник является остатками одноименного средневекового города, известного по картографическим материалам и редко упоминаемого письменными источниками.

Городок обозначался на картах с середины XVI по конец XVIII в., часто со статусом (судя по пиктограммам, отмечающим его место), равным соседним городам Калуге, Воротынску, Вязьме. Впервые Дмитровец появился на карте Московии С. Герберштейна 1546 г. между Окой и Днепром. В дальнейшем картографы помещали его на самых разных участках Угры, как на правом, так и на левом ее берегу.

Исследования историков о Дмитровце появились много позже начала наших работ. Статья А.К. Аверьянова оказалась неожиданным и своевременным сюрпризом (Аверьянов, 2005. С. 80-83). Автор пишет, что Дмитровец, находившийся во владении князей Воротынских, упоминается в источниках XV в. в связи с русско-литовскими пограничными спорами, отходя по мирным договорам разных лет то к одной, то к другой стороне. Окончательно за Москвой его закрепляет перемирие 1503 г., причем и в этом, и в последующих документах, подтверждающих этот мирный договор, он именуется как «городище Дмитровец».

Два момента в работе К.А. Аверьянова сразу привлекли внимание. Первое упоминание о Дмитровце, как оказалось, относится к 1407 г.: московский князь

Василий I, идя с ратью в Литовские земли, сжигает его. Не следы ли этого пожара зафиксированы нами в траншее на валу городища? Последний документ, в котором упоминается «городище Дмитровец», по сведениям автора, относится к 1608 г. По данным же археологических раскопок, материалы городища не выходят за рамки XV в.

Из документов XIX в. узнали, что Дмитровец имел другие названия: «Дмитров», «Городец», «Покров» (Смоленская губерния... 1868. С. 403). Урочище «Городец» обозначено на современной карте в 350 м от городища. При обследовании там выявлено селище. В целях разрешения противоречия между письменными и археологическими данными были проведены небольшие по объему раскопки двух селищ — примыкающего к холму с городищем и в урочище «Городец». Первое селище и городище оказались синхронными. В «Городец» же обнаружены материалы XV-XX вв., среди которых весомо представлена керамика второй половины XVI в. Таким образом, этот участок — более обширный и удобный для жилья, чем холм с городищем Дмитровец, — осваивается уже в XV в., и на каком-то этапе городище и селище сосуществуют. К концу XV в., с уменьшением воен-

ной опасности, городище забрасывается, потомки его обитателей расселяются к западу от холма, на исследованном нами селище.

Обстоятельная работа В.Н. Темушева явилась реакцией на наши публикации о раскопках и локализации Дмитровца (Темушев, 2009. С. 44-123). На обширном историческом материале он воссоздает его историю. Возникновение и существование городка, по мнению исследователя, было связано с формированием в начале XV в. московско-литовской границы: он был узловым пунктом в системе обороны восточного рубежа Великого княжества Литовского, противостоящим постоянным набегам московской стороны. Основной его функцией был заслон дороги на Вязьму и далее на Смоленск, контроль бродов, сторожевая и наблюдательная службы. В конце XV в. Дмитровец — рядовой волостной центр в числе других смоленских пригородов Великого княжества Литовского. Сыграв свою военно-пограничную роль, уже в начале XVI в. Дмитровец угас, т. к. граница Великого княжества Литовского отодвинулась далеко на запад. Население покинуло его, и место бывшей крепости пришло в запустение. Функции административного центра перешли к появившемуся поблизости селу.

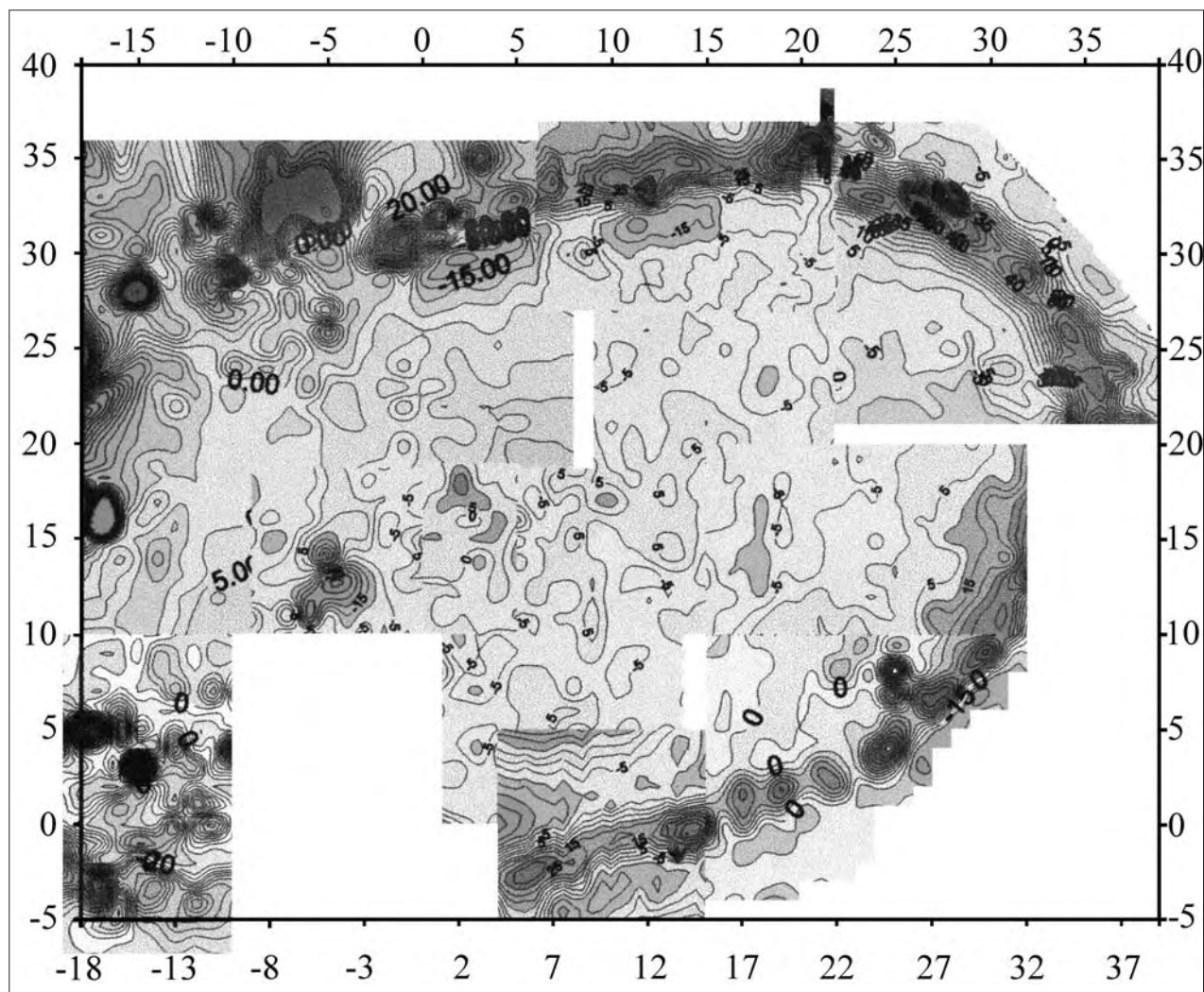

Рис. 1

Карта аномального поля городища Жары I (Дмитровец)

Аверьянов К.А., 2005. Средневековый Дмитровец // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Мат. XI Всерос. науч. конф. Калуга.
 Массалитина Г.А., Модин И.Н., Болдин И.В., 2001. Комплексные архео-геофизические исследования на городище Жары 1

Юхновского района Калужской области // Дмитрий Донской и эпоха Возрождения Руси. Тула.

Смоленская губерния: Список населенных мест по сведениям 1859 года. СПб, 1868.

Темушев В.Н., 2009. Исследования по истории Восточной Европы. Минск. Вып. 2.

А.В. Матвеев, О.М. Аношко, Т.В. Селиверстова
 Тюменский государственный университет, Тюмень

Верхний посад Тобольска и материальная культура его жителей в XVII-XVIII вв. по археологическим данным¹

Представления о тобольской старине основаны на изысканиях историков и архитекторов, а отнюдь не археологов, поскольку их работы в городе до сих пор велись в очень ограниченных объемах и всегда носили экстренный характер. Историко-архивные исследования дают лишь общие сведения о материальной культуре тоболяков в XVII-XVIII вв., не позволяя в полной мере установить точное местонахождение тех или иных архитектурных объектов, восстановить детали их конструкций и устройства, а тем более говорить об особенностях развития градостроительства.

С 2007 г. в Тобольске ведет работы археологическая экспедиция Тюменского государственного университета. На территории верхнего посада города заложены четыре раскопа. Первым и вторым Гостиными раскопами общей площадью 732 м² у здания бывшего гостиного двора вскрыты остатки более 20 сооружений XVII — первой половины XIX в., при определении функциональной принадлежности которых учитывались наличие и особенности расположения деревянных конструкций, дощатого пола, форма и конфигурация котлована, его площадь и глубина, детали обустройства (печь, подполье, хозяйственные ямы и другие объекты), а также состав артефактов. Установлено, что эта территория верхнего посада являлась частью жилищно-хозяйственной и производственной застройки города.

Октябрьским раскопом площадью 204 м² в центральной части верхнего посада изучены остатки мощной оборонительной бревенчатой стены с проходившим под ней подземным ходом длиной 7 м, деревянные детали конструкции которого дошли до наших дней практически в первозданном виде. На самом дне входной шахты лежало 6 берестяных колчанов с комплектами стрел: уцелели и металлические наконечники, и древки. При датировании и идентификации данного объекта с одним из тех, что упоминаются в летописных и иных источниках, реконструирована исто-

рия возведения и определены особенности локализации оборонительных построек на основе детального анализа исторических сведений и всех известных планов города. В результате бревенчатое сооружение из Октябрьского раскопа интерпретировано нами как остатки тюремного двора XVII в. При каких обстоятельствах и когда именно под тюремной стеной мог быть сооружен потайной лаз, — ответы на эти вопросы остаются пока открытыми.

Чукманским раскопом площадью 352 м² на восточной окраине верхнепосадской территории исследованы остатки частоколов, представленных несколькими канавами с древесным тленом от столбов и являвшихся частью посадского острога в разные периоды его функционирования в XVII в. Данные планиграфии и стратиграфии указывают на разновременность и периодический ремонт исследованных тыновых сооружений, что подтверждает содержащуюся в письменных источниках информацию о перестройке, переносе с одного места на другое и гибели острожных укреплений при пожарах. По археологическим материалам установлен характер деревянных оборонительных конструкций. Вдоль самой мощной линии укреплений зафиксирована серия ям с установленными в них столбами, являвшимися опорами для помоста — боевого хода, пристроенного с внутренней стороны тына и усиливавшего его устойчивость, а к востоку от нее обнаружена канава П-образной формы, в которой вплотную друг к другу стояли бревна. Небольшие размеры данного сооружения, выступающего за линию обороны на 2 м (что было удобно для наблюдения и продольного обстрела острожных стен и подступов к ним), позволяют атрибутировать его как караульную постройку.

В ходе археологических исследований получена представительная коллекция предметов, дающих представление о материальной культуре тоболяков в XVII-XVIII вв. В культурном слое Тобольска обна-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 10-01-00293а.

ружены традиционно массовые для русских памятников категории артефактов (кости животных, битая посуда, железные и костяные предметы), а также редкие предметы (шахматные фигурки, мундштуки, нумизматическая коллекция, нательные кресты из меди, бронзы, серебра, ядра, пули, глиняные и деревянные игрушки, костяные гребни, пуговицы и т. д.), в том числе уникальная находка, сделанная на площади второго Гостиного раскопа, — меднолитая позолоченная панагия XVI-XVII вв., которая попала в первую русскую столицу Сибири при первых архиепископах учрежденной здесь в 1620 г. епархии. В большом количестве найдены фрагменты гончарной и разноцветной поливной керамики: зеленой, грязно-желтой, коричневой с черными разводами. Фарфоровая посуда представлена обломками блюдец и чашек с растительными и зооморфными орнаментами на белом, синем фоне. В коллекции присутствуют обломки терракотовых, муравленых, монокромных, полихромных рельефных и расписных изразцов с изобра-

жениями цветов, виноградных лоз, ваз и др. К числу наиболее распространенных железных предметов относятся кухонные ножи, дверные петли, крючки, скобы, гвозди, навесные замки, набойки на каблук в форме полумесяца, трапециевидные и квадратные пряжки. Весь комплекс накопленных материалов обобщен, систематизирован и интерпретирован, проведены их функциональный, морфологический и типологический анализы, найдены аналогии в других русских памятниках не только Сибири, но и европейской части России.

Проведенные исследования открывают новые возможности в изучении первой русской столицы Сибири, позволяют осуществить достаточно объективные реконструкции историко-культурного облика города, установить развитие его планировочной структуры, сделать выводы о характере хозяйства, видах ремесел, основных занятиях и играх жителей изначального Тобольска и в целом русского населения эпохи сибирской колонизации.

М.А. Молошникова, К.В. Воронин, Е.В. Львова

ООО «Столичное археологическое бюро», Москва

Археологические исследования усадьбы «Студенец» (г. Москва, ГПКиО «Красная Пресня») в 2010 г.

На территории бывшей усадьбы «Студенец» проведены археологические исследования, направленные на получение данных для проекта реставрации парка в его первоначальном облике.

В процессе работ определены исторические отметки дневной поверхности на разных этапах существования территории, найдены и исследованы не сохранившиеся до настоящего времени сооружения и элементы планировочной структуры парка XVIII-XIX вв.

Усадьба «Студенец» расположена на склоне правого пологого берега Москвы-реки, при дороге, известной еще с XVII в., когда эти земли принадлежали Новинскому монастырю (Окрестности старой Москвы... 2004. С. 59). В начале XVIII в. владение было пожаловано князю М.П. Гагарину, при котором начинается его перепланировка под загородную усадьбу (Циприс, 2005). После завершения работ по переустройству территории усадьба представляла собой прямоугольный в плане парк на склоне берега Москвы-реки с центральной осью — широкой аллеей, которая делила усадьбу на две симметричные равные части, расчлененные каналами на геометрически правильные прямоугольники островов. В центральной и западных частях парка система каналов первой поло-

вины XVIII в. сохранилась до настоящего времени, в восточной части парка каналы были частично засыпаны в конце XIX — начале XX в.

Дно каналов (рис. 1: 1) располагалось на уровне или немного ниже верхних отметок материковых глин, которые были использованы в качестве естественной гидроизоляции, поэтому русла каналов проложены в основном без дополнительных укреплений берегов.

Прослеженные берега каналов пологие, дно ровное. Изначальная глубина — 1,5 м, однако в связи с отложением культурного слоя более поздних этапов существования парка на момент засыпки глубина каналов от верхней кромки берега до дна составляла около 2 м.

Ширина каналов (на момент их засыпки) колебалась от 20 м на участках, проложенных по направлению северо-запад — юго-восток, до 14-16 м на участках, расположенных по направлению северо-восток — юго-запад.

Следующим важным этапом развития территории, судя по стратиграфическим данным, следует считать первую половину XIX в., когда усадьбой владел А.А. Закревский (Окрестности старой Москвы... 2004. С. 61). На территории парка прослежены мощные (до 50 см) подсыпки песка, датированные этим временем,

выявлены утраченные сооружения периода существования усадьбы Закревского — парковая беседка, парковые дорожки, два моста через каналы, обнаружено место расположения одного из парковых павильонов.

Мост 1 (рис. 1: 2) расположен в западной части парка, по оси северо-восток — юго-запад. Верхние блоки кладок зафиксированы на глубине 20–40 см от современной дневной поверхности. Размеры опор моста 280х200 см. Длинной стороной опоры расположены параллельно берегу канала. С северо-западной и юго-вос-

точной сторон выявлены хорошо обработанные белокаменные блоки лицевых кладок (размеры блоков от 25х25х20 см до 70х25х22 см). Центральная часть опор забутована. Длина пролета моста — 17,6 м.

Мост 2 (рис. 1: 3) был перекинут через центральную часть засыпанного отрезка канала в восточной части парка. В процессе исследований выявлена северо-восточная опора моста. Габариты опоры 2,5х2,2 м (длинной стороной расположена по линии северо-восток — юго-запад). Белокаменные кладки не сохрани-

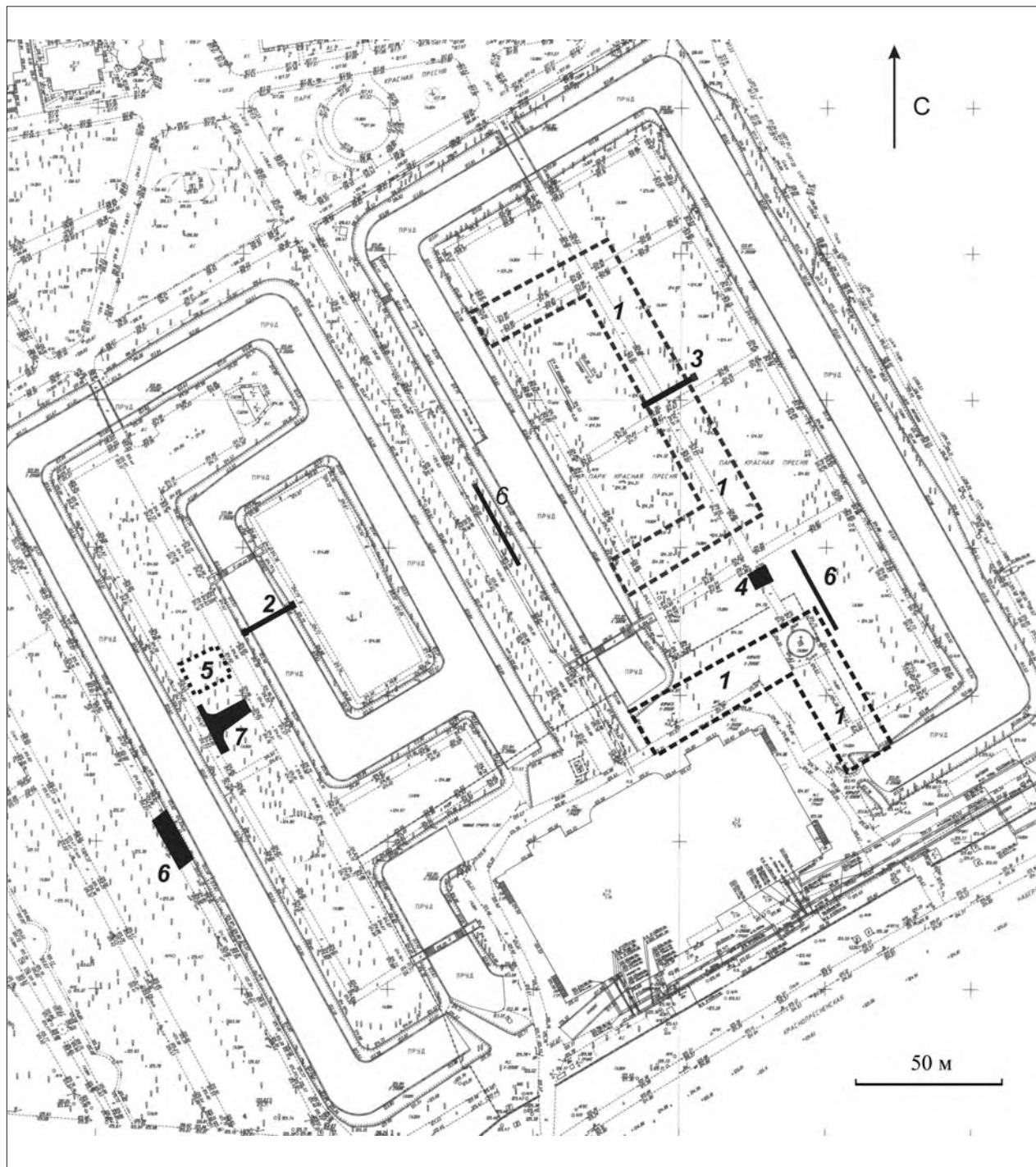

Рис. 1

Выявленные элементы планировочной структуры на территории усадьбы «Студенец» (схема)
 1 — засыпанные каналы 1-й пол. XVIII в.; 2 — мост 1, 1-я пол. XIX в. Опоры и расположение пролета моста; 3 — мост 2, 1-я пол. XIX в. Северо-восточная опора и расположение пролета моста; 4 — парковая беседка, 1-я пол. XIX в.; 5 — место расположения паркового павильона 1-й пол. XIX в.; 6 — парковые дорожки 1-й пол. XIX в.; 7 — парковые дорожки 2-й пол. XIX в.

лись, остатки опоры представляют собой подпрямоугольное пятно извести с вкраплениями мелкого буттового камня. Юго-восточную опору моста исследовать не удалось из-за опасности повредить корни деревьев, однако на уровне 1-1,2 м от современной дневной поверхности зафиксирован горизонт ее разрушения. Точную длину пролета моста 2 установить не удалось.

Парковая беседка (рис. 1: 4). Фундаменты беседки плохой сохранности прослежены в виде полос извести и белого камня. Зафиксирована длина сооружения по оси северо-восток — юго-запад — 6 м. Ширина фундамента — 80 см.

Парковый павильон (рис. 1: 5). Фундаменты сооружения не обнаружены, однако на площади раскопа, заложенного для его изучения, прослежен мощный слой извести и дробленого белого камня — вероятно, слой разрушения фундаментов постройки.

В процесс исследований зафиксированы парковые дорожки первой половины XIX в. (рис. 1: 6). Дорожки прослежены на уровне около 60-80 см от современной дневной поверхности. Представляют собой утрамбованные подсыпки битого кирпича и извести толщиной до 10 см, шириной от 1,5 м до 3,5 м.

Во второй половине XIX — начале XX в. на территории парка располагалась школа садоводства, главный дом бывшей усадьбы занимал яхт-клуб (Окрестности старой Москвы... 2004. С. 64). Обустройство территории под нужды школы садоводства производилось путем подсыпок грунта (плодородного слоя для устройства грядок) и засыпки не используемых под нужды школы каналов в восточной части парка.

Обнаружены парковые дорожки второй половины XIX в. (рис. 1: 7). Расположены в 30-60 см от современной дневной поверхности, состоят из фрагментов битого кирпича. Покрытие кирпичом — бессистемное. В ряде случаев на дорожки был уложен второй слой кирпичей, и они использовались в XX в. (видимо, до реконструкции парка в 1970-х гг.).

Культурный слой второй половины XIX в. в парковой части комплекса насыщен битыми цветочными горшками. В засыпке каналов рядом с главным домом усадьбы (в котором располагался яхт-клуб) в большом количестве (более 1000) встречены флаконы парфюмерного назначения, аптечные пузырьки, бутылки из-под шампанского и минеральных вод, фарфоровая и фаянсовая посуда второй половины XIX в.

Окрестности старой Москвы (северо-западная и северная части территории от Камер-Коллежского вала до нынешней границы города) // Памятники архитектуры Москвы. М., 2004.

Циприс И.Б., 2005. Студенец — московская усадьба Петровского времени // Русская усадьба. № 11 (27).

Н.Г. Недомолкина

Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, Вологда

Берестяная утварь из раскопов на проспекте Победы, 20 в Вологде

Территория г. Вологды находится в непосредственной близости от Присухонской низменности, представляющей собой древнюю озерную котловину. Низменное положение и обилие влаги создают заболоченность и повышенную влажность культурного слоя Вологды, который базируется на сильно уплотненных ленточных глинах и суглинках, что исключает естественный дренаж и препятствует аэрации слоя и жизнедеятельности разлагающих бактерий. Так же как в Новгороде, извлеченная из глубин культурного слоя земля является «мертвой», несмотря на ее интенсивную гумусированную окраску. Эти факторы способствуют сохранности в культурном слое Вологды предметов из органических материалов, в том числе из бересты.

Береста являлась универсальным поделочным материалом, находила самое разнообразное применение в быту и использовалась в традиционном хозяйст-

ве населения средневекового города: в строительстве, изготовлении хозяйственной утвари, обуви и предметов, связанных с основными видами промыслов и занятий. Берестяная утварь считается одним из значимых компонентов традиционно-бытовой культуры населения лесной и таежной зон. В средневековых письменных источниках предметы из бересты упоминаются как предметы лесного дела.

Широкимасштабные раскопки по адресу пр. Победы, 20 в 2007-2008 гг. под руководством Л.С. Андриановой, Н.Б. Васильевой, И.Ф. Никитинского дали, в частности, информацию о том, как использовали бересту жители средневековой Вологды.

Очень активно береста применялась в строительстве — в качестве изолятора, а также кровельного и подкладочного материала. В городских слоях XVI-XIX вв. найдено большое количество берестяных поделок. Коллекция представлена 160 предмета-

ми (не считая берестяных вставок в кожаную обувь, оплеток сосудов, различных прокладок). Очевидно, часть предметов из бересты изготовлялась самими хозяевами, а часть приобреталась на местных ярмарках. Рост товарности сельского хозяйства вызывал к жизни торжки, которые особенно быстро растут по городам и селам в течение XVI в. На них продавались всевозможные ремесленные изделия, выделявавшиеся крестьянами, в том числе и лесной товар — лыко, лапти, лукошки и т. д.

В соответствии с технологией изготовления выделены: шитье из пласта — наиболее ранний способ изготовления предметов; плетение из полосы; сочетание шитья из пласта и плетения.

В комплексе берестяных предметов нижних пластов 14-18 (конец XV — XVI в.) преобладает посуда. *Короба* из прямоугольного или квадратного пласта имели форму прямоугольного или квадратного в плане низкого контейнера. По конструктивным признакам выделяются особенности загибания боковой ленты (или прямо, или кульком), а также крепление (как скобой) веткой или корнем. *Тусса* из целого пласта — сколотня, с наружной пластовой обшивкой, концы которой прошиты корнем. В слоях этого времени найден ряд предметов, связанных с рыболовством: *грузила* в форме кошельа с креплением сверху и очажным

камнем внутри двух типов: 1) из целой ленты, подрезанной сверху, и 2) из нескольких узких лент; поплавок в виде свитков и кружков разной формы (возможно и другое функциональное применение). Любопытна находка лекала для изготовления рукавиц. В письменных источниках XVI в. встречаются упоминания «рукавицы вологодского дела». Возможно, в данном случае археологическая находка определяет конкретный тип рукавиц.

Плетенные из полосы изделия представлены фрагментами кошелей, заплетками из лыка, а также обувью. Берестяная обувь встречается в слоях с XVII в. (с 12 пласта). Наряду с лаптями найдены бахилы и ступни, в том числе и детские, которые составляют 29% от плетеной обуви. По способу заплетки выделяются четверики и пятерики. Форма носка асимметричная. Считалось, что для Вологды характерны лапти прямого плетения. Это не подтверждается ни археологическими находками, ни этнографическими. Все лапти — косоного плетения. По сведениям Н. Суворова (1894 г.), в 1699 г. в Вологде сто «берестеников» стоили 21 коп., в 1702 г. — 60 коп.

В слоях XVII-XVIII вв. найдены детская игрушка-шаркунок и берестяные бусины.

Из техник обработки бересты представлены резьба и различные виды тиснения.

О.А. Несмиян

Некоммерческое партнерство «Шуйское наследие», Шуя Ивановской обл.

Археологические исследования Шуйского городища

Шуя — один из старейших городов Ивановской обл. Первое официальное упоминание города в летописи — под 1539 г., когда Шую сжег казанский хан Сафа-Гирей. А одной из дат возникновения города Шуи В.Н. Татищев называет 1394 г. Говоря о событиях в Суздальской земле, автор, на основании сведений не сохранившейся до нашего времени летописи, пишет, что в 1394 г. великий князь Василий I Дмитриевич совершил поход в Нижний Новгород на князей Василия и Семена Дмитриевичей, «и выведе я (их), даде им градъ Шую» (Татищев, 1965. Т. 5. С. 184)

Шуйское городище — историческая часть Шуи — расположено на возвышенном ровном месте левого берега р. Теза (приток Клязьмы). По геологическому строению мыс, где расположена крепость, представляет собой береговые террасы, образовавшиеся в различные исторические периоды. Самая высокая и одновременно самая древняя — лесовая терраса, к ней примыкает песчаная, частично перекрытая лесовым делювием. Площадка памятника ограничена с юга широким оврагом, по которому в настоящее время проходит одна из основных магистралей районного центра. С северо-востока сохранился овраг

и часть фортификационного рва (пруд). В топографическом отношении городище является типичным мысовым укреплением. Площадка городища — трапециевидной в плане формы размерами 270x370 м.

В 2009 г. Шуйской экспедицией начаты комплексные археологические исследования на территории крепости, носившие научно-охранный характер. С этой целью был заложен раскоп 1 (64 м²) в северо-восточном углу городища, сделаны два разреза основания восточного вала (шурф 1, траншея 1), а вдоль северного края площадки городища заложен шурф 2 для исследования культурных напластований и остатков крепостных сооружений. Ретроспективный анализ современных ландшафтов проводился с использованием методов географических дисциплин — почвоведения и геоморфологии. Степень воздействия на окружающую среду определялась ландшафтно-геохимическим методом. Аналогичные исследования уже проведены на средневековых валах Дмитрова, Ярослава и Ростислава (Гольева, 2009. С. 72).

По итогам исследований в раскопе 1 можно говорить как минимум о двух этапах возведения оборони-

тельных сооружений средневековой Шуи: конец XIV — XV в. и вторая половина XVII в. Возможно, в промежуточный период проводились работы по досыпке и подновлению вала, но определить это не представляется возможным. При строительстве северной насыпи во второй половине XVII в. (на песчаной террасе) площадка была снивелирована до уровня первых оборонительных укреплений, с восточной стороны насыпь вала была срезана практически до основания.

После снятия слоя балласта и современного огородного грунта на глубине 20-60 см от дневной поверхности обнаружены темно-гумусированные углистые прослойки шириной 25-30 см, пересекающие друг друга под прямым углом. Пространство между этими прослойками было заполнено переотложенным материковым грунтом. При разборке следующего пласта установлено, что углистые гумусированные прослойки древесного тлена располагаются в целом вертикально. Это позволяет интерпретировать их как остатки клетей внутривальных конструкций. Размеры клетей различны — от 170x190 см до 170x210 см. По ширине вала удалось выявить две линии клетей. Заполнение клетей производилось материковым грунтом (коричневая супесь с включениями суглинка). Перед стеной был помещен каркас из брусьев, сколоченных скобами, шириной 80 см, заполненный землей. Количество находок в заполнении вала минимально. Особый интерес для оценки хронологии периода образования описываемого напластования, представляет медная копейка царя Алексея Михайловича (1645-1676). В слое обнаружены две кованые железные скобы (кв. 9, 10), серп (кв. 9), обломок топора (кв. 5). Слой можно соотнести со временем возобновления крепостных сооружений после пожаров и разорения Смутного времени 1609-1613 гг.

На глубине 40-60 см от дневной поверхности прослежена столбовая конструкция из двух линий столбовых ям, напоминающая тарасы. Данная конструкция зафиксирована при выборке пластов 3-5, расположена под гребнем вала. Деревянные столбовые конструкции предохраняли вал от оползания и увеличивали высоту изначально высокого берега. Угловая башня, контур которой (3x3 м) также зафиксирован в пластах 4-6, изначально не выходила за линию валов и поставлена была на материке. Перед валом были сооружены искусственные земляные препятствия — рвы. Обнаружение в этом слое каменного ядра диаметром 45 см — одного из тех, что были широко распространены на протяжении XV-XVII вв. (Двуреченский, 2007. С. 269), — и отдельных фрагментов керамики XIV-XVI вв. позволяет соотнести слой со временем возведения первых оборонительных сооружений. Следов более древних сооружений в раскопе не зафиксировано. Характерной особенностью вскрытых древних почвенных напла-

стования является повсеместное отсутствие на раскопанной площадке в их составе наиболее гумусированного горизонта погребенной почвы. Очевидно, он был уничтожен в результате срезки вала либо смыв в результате плоскостной эрозии еще до начала освоения человеком этой территории.

В 300 м к югу от раскопа 1 был заложен шурф 1 (6x0,9 м). Культурный слой в пределах шурфа имел мощность до 80 см. Четких следов подвальных конструкций не обнаружено. Однако в шурфе зафиксирован погребенный гумусированный слой, который представлял собой пахотный горизонт, сформированный на древнеаллювиальных отложениях.

Шурф 2 (2x2 м), заложенный вдоль северной оконечности склона крепости, зафиксировал перемешанный слой, а также следы пожаров XVII-XVIII вв. Керамическая коллекция из шурфа насчитывает 195 фрагментов гончарной посуды, в основном XVI-XVIII вв.

Для дальнейшего исследования крепостных сооружений заложена траншея 1 (2x14 м) в 500 м к югу от раскопа 1. Вал в этой части городища был срезан практически до основания, поэтому основной целью стало исследование погребенного грунта. В профиле северной стенки траншеи 1 под слоем дерна зафиксирован красноватый суглинок, представляющий собой тело вала. С этого уровня в квадрате 7 зафиксирована траншея, укрепленная деревянной конструкцией, которая ограничивала вал от осыпания внутри городищенской площадки; она позволяет судить о ширине вала на данном участке, которая составила 17-19 м. Пласт 4 зафиксировал погребенную почву, представляющую собой серо-гумусированную супесь мощностью 7-10 см.

При строительстве города явно существовал исключительный стихийность градостроительный замысел. Был всесторонне использован рельеф местности, причем учитывались не только соображения обороны, но и красота облика города. Для устройства города был выбран мыс, ограниченный практически с трех сторон водными преградами и болотами.

Уже изначально валы имели внутри довольно сложную конструкцию, которая на протяжении вала, возможно, менялась в зависимости от ландшафта. Оборонительная система города складывалась и развивалась на протяжении не одного строительного периода. Она изменялась с изменением военно-оборонительной техники. Проведение городских работ было следствием централизованной политики русских князей. В 1383 г. Дмитрий Донской приказал «города починивати, а иные ставити». Среди них Радонеж, Хотунь, Вышгород на Яхроме. В 1403 г. возобновлен Переславль, в 1410 г. построен Плес, в 1416 г. — Кострома (Косточкин, 1958. С. 120). Вероятно, в числе таких городов была и Шуя.

Гольева А.А. Почвенные исследования средневековых валов Дмитрова, Ярославля и Ростиславля // Археология Подмосковья. М. Вып. 5.

Двуреченский О.В., 2007. Предметы вооружения и снаряжения всадника и верхового коня из сборов на территории Тушинского лагеря // Археология Подмосковья. М. Вып. 3.
Косточкин В.В., 1958. К характеристике памятников военного зодчества Московской Руси в конце XV — XVI веков // МИА. № 77.
Татищев В.Н., 1965. История Российская. М. Т. 5.

Погребальная обрядность могильника басандайской культуры Ташара-Карьер 2

Могильник Ташара-Карьер 2 (далее ТК 2) расположен в Мошковском р-не Новосибирской обл., в 2 км к ЮЗ от с. Ташара, вдоль края первой террасы правого берега Оби. Этот регион представляет собой зону контакта тайги с лесостепью и «пронизан» руслом течения Оби — артерии, связывающей различные ландшафтные зоны Западной Сибири и являющейся мощным «катализатором» культурогенетических процессов.

В 1998-2000 гг. автор исследовал 17 курганных насыпей могильника. Не исключено, что насыпей было больше, но они были разрушены обрывом террасы, распашкой и ограблениями. Материалы памятника введены в научный оборот (Савинов, Новиков, Росляков, 2008; Новиков, 2011).

В 15 из 17 исследованных насыпей могильника обнаружены погребения. В тех случаях, когда под одной насыпью находилось несколько погребений, они располагались в ряд вдоль продольной оси насыпи. Погребения содержали останки 25 взрослых — 7 мужчин, 12 женщин и 6 индивидов, пол которых не установлен, а также 19 детей. Все погребения индивидуальны.

В целом для погребальной обрядности могильника ТК 2 характерны следующие черты:

- захоронения под курганными насыпями различной формы (округлые, овальные, значительно вытянутые), большинство которых возникло в ходе неоднократных подзахоронений разнополых и разновозрастных умерших, при наличии и индивидуальных насыпей;
- совершение погребений на уровне материка или в неглубоких могильных ямах;
- обряд труположения на спине, с вытянутыми руками, подавляющее большинство погребенных ориентировано головой на СВ;
- сооружение над погребениями прямоугольных в плане деревянных конструкций;
- частое использование берестяных полотнищ, которыми покрывали тело (возможно, что в бересту полностью оборачивали некоторых умерших);
- следы внутримогильных деревянных конструкций;
- сопровождение погребений разнообразным инвентарем, различающимся в своем ассортименте в зависимости от пола и возраста погребенных.

Остановимся на особенных чертах погребальной обрядности могильника ТК 2.

Под насыпью 3 на уровне материка зафиксировано 9 небольших («столбовых») ям, расположенных по кругу диаметром 5,2 м. Эти ямы оконтуривают погребения 1-4, где были похоронены три ребенка и жен-

щина, что, с одной стороны, объединяет их в некую систему, а с другой — противопоставляет остальным погребениям (взрослых) под насыпью 3.

Особыми чертами погребальной обрядности выделяется погребение 1 (насыпь 1). К ним относятся: расположение насыпи (на периферии могильника), наличие рва вокруг погребения (единственный случай на все исследованные насыпи), отсутствие прокала в насыпи (из 17 исследованных насыпей прокалы отсутствовали только в трех), самая глубокая могильная яма из зафиксированных на могильнике, преднамеренное положение в насыпь кузнечных клещей (вместо «стандартного» набора находок в других насыпях). Кроме того, погребенный был самым старшим (среди определенных) из похороненных на некрополе мужчин. Совокупность отличий, безусловно, выделяет данный объект среди исследованных на могильнике, что можно связывать с особым социальным статусом погребенного.

Во многих насыпях присутствовали отдельные разрозненные кости лошади. В одном случае (насыпь 2) обнаружен преднамеренно оставленный в насыпи набор предметов конской упряжи. Погребение взрослой женщины в этом кургане отличается и набором сопроводительного инвентаря.

Уникальный для могильника ТК 2 обряд погребения человека с тушей коня зафиксирован в насыпи 3 (погребения 6а и 6б). Это новый для басандайской погребальной традиции вариант погребения, при котором взнузданный конь помещался отдельно от человека, слева от погребенного, значительно выше уровня материка, и был ориентирован головой в ту же сторону, что и человек (на СВ).

Погребения мужчин отличает разнообразный ассортимент сопроводительного инвентаря, при этом лишь одно погребение было безынвентарным. В мужских погребениях преобладают предметы вооружения, значительно превосходя остальные категории находок.

Погребения женщин отличает максимальное разнообразие сопроводительного инвентаря при отсутствии безынвентарных погребений. Наиболее часто встречаются украшения и железные ножи. Кроме того, именно в женских погребениях обнаружена большая часть эксклюзивных находок.

Погребения детей отличает минимальный ассортимент сопроводительного инвентаря при значительном количестве безынвентарных погребений. Из 19 детских погребений некрополя 7 не имели сопроводительного инвентаря. При этом в детских погребениях чаще всего встречаются украшения.

Погребальный обряд, зафиксированный на могильнике ТК 2, дает основания связывать его с проникновением тюркоязычного населения. При этом не исключено, что пришлые носители тюркских культурных традиций обладали повышенным социальным статусом в среде носителей басандайских культурных традиций.

В трех случаях на дне могильных ям под скелетом погребенного (в районе головы и стоп) были обнаружены крупные обломанные камни. Вероятнее всего,

они служили постаментом для деревянного настила, на который укладывали умершего. Использование камней в погребальных конструкциях для южнотаежного Приобья, где выходы камня крайне незначительны, не зафиксированы в синхронных памятниках.

Таким образом, погребальная обрядность могильника ТК 2 демонстрирует наличие как общих с другими могильниками басандайской культуры черт, так и специфических особенностей.

Новиков А.В., 2011. Погребальная обрядность могильника Ташара-Карьер-2 // Вестник Новосибирского ГУ. Сер. История, филология. Новосибирск. Т. 10. Вып. 3.

Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г., 2008. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). Новосибирск.

Т.Ю. Номоконова

Университет Альберты, Эдмонтон

Н.А. Батракова

Иркутская лаборатория археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН, Иркутск

Фаунистическая коллекция с территории Иркутского острога (Прибайкалье)¹

В Прибайкалье последние пять лет успешно проводятся исследования, направленные на комплексный анализ фаунистических материалов стояночных, погребальных и ритуальных комплексов, датированных от мезолита до раннемонгольского времени (Номоконова, Лозей, Горюнова, 2006; Лозей, Номоконова, 2010).

В настоящее время хронологические рамки исследований расширяются за счет наработок по наличию и использованию животных в питании русских поселенцев Сибири, основанных на материалах из культурных слоев поселенческих комплексов с территории г. Иркутска. Основными направлениями в этих работах являются определение видового состава животных, количественного соотношения домашних

и диких видов, их половозрастных показателей, а также вопросы реконструкции процессов и сезонов разделки животных.

В 2007-2008 гг. в исторической части г. Иркутска проведены раскопки, связанные с реставрационными работами по усилению фундаментов здания церкви во имя Спаса Нерукотворного образа — памятника истории и культуры XVIII в., — которое было встроено в южную стену Иркутского острога 1693 г. (Бердникова, Воробьева, Бердников, 2008; Бердникова, Воробьева, Бердников, Пержакова, 2008).

В раскопах общей площадью 330 м² вскрыто 365 захоронений приходского кладбища конца XVII — первой половины XVIII в. (Бердникова, Бердникова, 2008). Помимо погребальных комплексов в раскопе и

Таблица 1. Фауна с территории Иркутского острога

Таксон	Название	Количество	С погрызами	Следы разделки
Mammalia неопределимые	Млекопитающие	8		
Mammalia крупные	Напр., крупные копытные	19	1	4
Artiodactyla крупные	Напр., корова	10	5	
Bos spp.	Крупный рогатый скот	17	1	6
Pisces неопределимые	Рыбы	2		
Hucho taimen	Таймень	1		
Всего:		57	7	10

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., гос. контракт № П152.

засыпках могильных ям зафиксированы отдельные находки, в том числе кости животных. Последние распределялись равномерно по раскопанной площади, с небольшим их доминированием в пикетах 6-8 и квадрате 2а траншеи 1.

В общей сложности фаунистическая коллекция с территории Иркутского острога состоит из 57 фрагментов с общим весовым показателем 2417,67 г (табл. 1). Среди остатков фауны определены 54 кости млекопитающих, позвонки тайменя и две чешуйки рыбы. Основная группа костей представляет крупный рогатый скот, отряд парнокопытных крупного размера и крупных млекопитающих. В связи с отсутствием других видов копытных можно предположить, что данные кости млекопитающих принадлежали как минимум двум особям крупного рогатого скота.

Судя по степени срастания эпифизов на длинных костях и состоянию зубной системы, возраст этих особей определяется в интервале между 2,5-3,5 и 4-5 лет. Элементы скелета представлены разными анатомическими частями туш, но с очень низким количеством остатков ребер и позвоночного отдела вследствие наиболее сильной фрагментации последних в археологическом контексте.

Следы модификации зафиксированы на 17 костях — 29,8% фауны (табл. 1). Большинство из них — результат разделки туши животного — представлены в виде многочисленных порубов на трубчатых костях, единичных порезов на проксимальной части большой берцовой и пиления на проксимальной части лучевой костей. Выделены погрызы хищником среднего размера (собаки?) в виде сгрыза эпифизов трубчатых костей и следов от зубов на тазовой кости и поясничном позвонке животных.

В целом анализ фаунистической коллекции с территории Иркутского острога по видовому составу показал наличие крупного рогатого скота и тайменя в рационе питания русского поселения. К сожалению, небольшое количество костей с данного объекта не позволяет расширить выводы по реконструкции использования животных в системе питания русских поселенцев, в особенности касающиеся выбора животных по половозрастным характеристикам, сезонам и способам их разделки. Дальнейшее изучение и анализ коллекций археологических объектов, этнографических и исторических материалов позволят получить более широкое представление о системе жизнеобеспечения русского населения Байкальской Сибири на разных этапах ее освоения.

- Бердников И.М., Бердникова Н.Е., 2008. К вопросу о первых погребениях на территории Иркутского острога // Культура русских в археологических исследованиях. Омск.
- Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А., Бердников И.М., 2008. Раскопки исторического центра Иркутска // Тр. II (XVIII) Всерос. археолог. съезда в Суздале. М. Т. II.
- Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А., Бердников И.М., Пержакова А.С., 2008. Спасательные раскопки на территории Иркутского

- острога // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск.
- Лозей Р., Номоконова Т.Ю., 2010. Зооархеологические исследования Байкальской Сибири: направления, методики и перспективы // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ. Вып. 4.
- Номоконова Т.Ю., Лозей Р. Дж., Горюнова О.И., 2006. Предварительный анализ фаунистических материалов с многослойной стоянки Итырхей (Малое море, озеро Байкал) // Изв. Лаборатории древних технологий. Иркутск. Вып. 4.

Ю.И. Ожередов

Томский государственный университет,
Музей археологии и этнографии Сибири
им. В.М. Флоринского, Томск

Олово в ритуале палеоселькупов — «шиешгула»

Находки из оловянных сплавов в палеоселькупских захоронениях локально-диалектной группы «*шиешгула*» (XVI-XVII вв.) включают как кустарные поделки в домодельных формах, так и фабричные образцы; некоторые из последних маркированы европейскими клеймами, а другие отличаются совершенно оригинальными восточными чертами. Те и другие в своей функциональной предназначенности несут преимущественно ритуальную нагрузку, демонстрируя доминирование сакрального над профанным.

Исследования могильников Барклай, Кустовский, Сухая Речка и Тискинский выявили целый пласт изделий, маркирующих сакральную сторону повседневности «*шиешгула*», размещавшихся на левобережье Нарымского Приобья.

Сакральность повседневности формировали, прежде всего, кустарно изготовленные украшения — нашивки и подвески, которыми декорировались детали наплечной одежды и головных уборов. На палеоэтнографическом этапе распространение олова в моги-

лах «*шешгула*» не столь заметно в масштабах отдельных памятников или их комплекса в целом, особенно в сравнении с угорскими погребениями. Селькупские много беднее, но некоторые из них впечатляют разнообразием своих наборов. В сравнительном контексте наиболее насыщенные комплексы Кустовского могильника, расположенного в зоне, пограничной с южно-угорскими группами. По некоторым наблюдениям, именно в этом могильнике ощущается заметное присутствие угорского культурного включения.

Номенклатура изделий фабричного производства ограничивается предметами посуды: это низкие разноформатные тарелки и ложки. Особенно выделяется тарелка с пробитым отверстием для подвешивания, процарапанными граффити хантыйского линейного орнамента «заячьи уши» и группой пересекающихся линий, логику которых понять пока не удалось. Тарелка входила в комплекс приношений, размещенных на столбе с ветками, имитирующем дерево (мировое?) на вершине кургана.

Еще более неожиданной находкой стала оловянная ложка, ручка которой украшена объемным изображением лотоса, увенчанного фигуркой человека, сидящего с подогнутыми ногами и держащего в руках какие-то предметы (иконография буддийских образов). Идентичная ложка, но с разрушенной фигуркой, найдена П.И. Кутафьевым в 1930-х гг. в Гребенщиковском могильнике, примерно в 70 км выше по течению р. Кёнги. Вместе с последней обнаружен немецкий счетный жетон Ганса Краувинкеля 1580-1610 гг. Последний убедительно доказывает принадлежность подкурганых захоронений «*шешгула*» и оловянных изделий в них к XVI-XVII вв.

Предметы из олова вполне вписываются в стандартную картину сопроводительного инвентаря, но их наличие добавляет ритуалу похорон дополнительный символический смысл, обусловленный традиционными воззрениями селькупов на сакральность олова и свинца, которые, как и у других народов, семантически замещали друг друга.

Мифология селькупов открыто не называет причину почитания этих металлов, поэтому для герменевтики данного вопроса обратимся к более широкому кругу источников, что вполне уместно в силу синкретичности селькупской культуры, воспринявшей множество черт южных цивилизаций. В культурологическом аспекте символизм олова уходит корнями в глубокую древность. На западе Евразии представления о нем были получены человечеством в III тыс. до н.э., с открытием его в Передней Азии. Здесь же зарождаются первые сакральные характеристики, послужившие распространению знания. Движение олова по территории Евразии привело к перемещению

его символических свойств оберега-отвратителя злых сил в культуры восточной части материка. Находки украшений из свинца (символического аналога олова) в захоронениях ранней бронзы Южной Сибири и Западной Монголии свидетельствуют о раннем признании ритуальной роли этих металлов в названных регионах.

Наиболее ранние литературные упоминания свинца в восточной части материка открывают ведийские источники. Одно из заклинаний Атхарваеды именуется «Против злых духов — со свинцовым амулетом» (I, 16). Свинец при похоронах служил ариям для защиты живых от воздействия кремационного костра, а следуя тексту заклęcia, его свойства направлялись в сторону экзорцизма: «мы пронзаем тебя (злого духа. — Ю.О.) свинцом» (Атхарваеда, I, 16). Эти металлы упоминаются в силу их свойства легко переходить из твердого состояния в жидкое — расплав, из бесформенного состояния в антропоморфную или зоо-орнитоморфную форму. Примеры таких метаморфоз отражены в мифологии, как вербально, так и в ритуале.

В представлениях селькупов олово отражает лунную составляющую астральных культов, а оловянная тарелка, в противовес медной (солнечной), символизирует солнце нижнего мира, что сопоставимо с лунной и одновременно с женским началом. Эти две части вполне гармонично дополняют друг друга при рассмотрении олова с позиции металла нижнего мира мертвых и сопоставимых с ними персонажей. В силу особенности строения женского «низа» все женское ассоциируется с нижним миром и одновременно приобретает защитные функции, обусловленные природным тождеством со всемогущей подательницей жизни, Богиней-Землей.

Примеры, раскрывающие семантику олова (свинца) обнаруживаются в этнографии целого ряда народов Сибири. Сибирские татары и эвенки использовали отливки из олова (и свинца) для лечения. Ханты причину заболевания видели в уходе из человека души *is*, которая попадала к злему духу или покойнику. Для ее возвращения и исцеления человека требовалось всего лишь изготовить качественную свинцовую отливку, что идентично ведической модели. По некоторым данным, селькупские свинцовые фигурки относятся к тому же ритуальному средству излечения путем изгнания вредоносных сил.

В заключение следует заметить, что понимание семантики артефактов из олова и свинца в культурологическом аспекте создает возможность перехода от формального анализа к содержательному смысловому, открывая тем самым исторические подходы в исследовании археологического прошлого.

К.И. Панченко

Институт археологии РАН, Москва

Зоны хозяйственного освоения поселений как археологический источник: некоторые аспекты на примере археологического материала нового времени

С увеличением объема охранных исследований стали изучать не только традиционные памятники археологии, содержащие различного типа объекты и находки, но и памятники, в слое которых присутствуют только артефакты. Обычно последние относят к зонам хозяйственного освоения (ЗХО), а встречающийся на них материал считают случайно попавшим на поле вместе с навозом. На сегодняшний день характеристики и идентификация таких зон расплывчаты и непонятны, что вызывает необходимость обратить более пристальное внимание на такого рода археологические объекты.

С одной стороны, ЗХО XVIII-XIX вв. достаточно часто встречаются и имеют широкое распространение, с другой — бедность вещевого материала и отсутствие ям, сооружений и т. п. не позволяют отнести их к полноценным памятникам археологии. Соответственно, у многих исследователей возникает вопрос о необходимости изучения ЗХО. Одним из аргументов в пользу исследования ЗХО является то, что разведочные работы не позволяют идентифицировать абсолютно точно тип памятника, такое возможно только благодаря полноценным раскопкам. Это достаточно хорошо видно (табл. 1) на примере концентрации керамики в слое ЗХО Лопотово, Сергиева Посада 5 и селища Карьер.

Другой вопрос, требующий объяснения: откуда появляются археологические артефакты на площади ЗХО? Для его решения также необходимо проведение раскопок, т. к. факт повсеместного удобрения полей в XVIII-XIX вв. вызывает сомнение. Например, Г.Ф. Миллер в конце XIX в. сообщает о том, что земля почти не унавоживается из-за недостатка скота, и такая ситуация прослеживается во многих местах Рос-

сии (Миллер, 1893. С. 6). Вместе с тем, в эпоху нового времени сохранялись различные ритуалы. Последний рубеж жилого мира — околица деревни — маркировался особыми действиями во время свадеб и похорон. Здесь жених выбрасывал все подарки, полученные от других девушек, родственники оставляли горшок, использовавшийся для обмывания покойного (Завойко, 1914. С. 95). Однако ритуальные действия являются только одним из многочисленных вариантов появления вещевого материала в ЗХО. Соответственно необходимо предполагать наличие и других факторов, в результате которых артефакты могли появиться на площади таких памятников.

Общей чертой для ЗХО является низкая концентрация керамики (табл. 1) и индивидуальных находок. Концентрация последних колеблется от 0 до 0,03 ед. на 1 м². По количеству массового материала в слое ЗХО предварительно можно разделить на 3 вида (табл. 1): 1 — отдаленные от поселений участки (концентрация 0,1 ед. и менее), 2 — окраины поселений (от 0,2 до 0,5 ед.), особые зоны вне поселений или на их окраинах с наземными нежилыми объектами (от 0,6 до 0,9 ед.).

Индивидуальные находки в ЗХО разнообразны и неоднородны (табл. 2). По данным статистики, выделяются 3 группы ЗХО: 1 — с доминированием железных изделий, 2 — с присутствием почти равного количества вещей из цветных металлов и железа, и 3 — с преобладанием изделий из цветного металла. Первая группа памятников, скорее всего, относится к пахотным полям, проселочным дорогам, т.к. преобладают изделия, связанные с конским снаряжением. Вторая группа может быть связана с ритуальными дейст-

Таблица 1. Концентрация керамики в слое

Памятник	Раскопанная площадь	Всего обломков керамики	Количество обломков на 1 м ²
Новиково*	1072	5	0,005
Рогатово 2	2000	59	0,03
Круглино	400	17	0,04
Степаново*	2837	203	0,07
Мякинино 7	440	31	0,07
Лопотово	400	183	0,46
Сергиев Посад*	1000	838	0,84
Карьер**, бывш. д. Богаиха	400	205	0,51

* — памятники, содержавшие более ранние объекты. ** — памятник с объектами XVIII-XIX вв. для сравнения.

Таблица 2. Распределение индивидуальных находок

	Рогатово		Степаново*		Мякинино 7		Лопотово		Сергиев Посад 5*	
	колич.	%**	колич.	%	колич.	%	колич.	%	колич.	%
Ножи					1	16,7				
Гвозди	5	17,9	2	33,3	4	66,7	1	50		
Подковы+гвозди	12	42,9	1	16,7			1	50	4	100
Кольца	1	3,6								
Пряжки			1	16,7						
Пробой	1	3,6								
Предметы	8	28,6	2	33,3	1	16,7				
Сосуды	1	3,6								
Всего железа	28	90,3	6	33,3	6	46,1	2	100	4	14,3
Монеты	2	6,5	5	27,8	2	15,4			2	7,1
Кресты, иконки			4	57,1	1	20				
Украшения					1	20				
Накладки			2	28,6					1	4,8
Пуговицы			1	14,3	1	20			1	4,8
Пули					2	40				
Детали сбруи									10	47,6
Пломбы									9	42,9
Всего цвет. мет.			7	38,9	5	38,5			21	75,0
Стекло	1	3,2								
Курит. трубки									1	3,6
Всего находок	31		18		13		2		28	

* — памятники, содержавшие более ранние объекты.

** — процент отдельных находок из железа и цветного металла считался от общего количества железа или цветного металла.

виями, временными торговыми площадками, зонами праздничных гуляний, о чем может свидетельствовать большее количество монет по сравнению с группами 1 и 3, присутствие украшений, крестов, деталей костюма. Группа 3 связана с наличием каких-то специализированных объектов, находящихся на границе жилого поселения, возможно временными наземными постройками (Сергиев Посад 5: табл. 2).

Конечно, приведенные статистические данные пока еще недостаточны для серьезных научных выводов, но они показывают своеобразие и разнообразие археологических вещей из ЗХО.

Основываясь на приведенных данных, можно уверенно говорить о том, что зоны хозяйственного освоения являются отдельным и особым типом археологических памятников, изучение которых требует серьезного научного подхода. Вещевой материал, собранный на таких памятниках, также является важным историческим источником, содержащим определенного типа информацию. Однако изучение ЗХО сопряжено с трудностями, которые связаны с распространением артефактов на очень большой площади, а получение достоверной информации о таких зонах требует более тщательных методик археологического исследования.

Завойко Г.К., 1914. Веравания, обряды и обычаи великороссов Владимирской губ. // ЭО. № 3-4.

Миллер Г.Ф., 1893. Путешествие в город Дмитров // Описание города Дмитрова (Московской губернии) с уездом и святынями. Ч. II.

Г.К. Патрик

Институт археологии РАН, Москва

Смоленские сюжетные изразцы

При раскопках в Смоленске в 2007-2009 гг. были найдены фрагменты очень редких расписных сюжетных

изразцов. Главной особенностью этих изразцов является пышная барочная рамка, в верхней части которой изобра-

жено кольцо с попугаем. Несколько подобных изразцов известно в литературе, а также в музейных коллекциях. Кроме изразцов в Смоленске найдены колонки и полуколонки, расписанные в том же стиле и принадлежащие к этому же печному набору. Надо отметить, что такие изразцы бытуют довольно короткое время и являются показателем достаточно высокого статуса дома.

Появление бело-синих расписных изразцов связано с Петром I. После знакомства с делфтскими облицовочными плитками в Европе в 1697-1698 гг. их стали закупать для домов Петербурга, а через несколько десятилетий — и производить в России.

Первые сведения об употреблении сине-белых плиток в петербургских постройках относятся к 1710-м гг. В письме от 4 декабря 1713 г. князь Д. Куракин сообщает Петру I о присылке им из Голландии 10-12 тыс. изразцов. Они употреблялись для украшения интерьеров Летнего дворца, дома Меншикова и павильонов в Петергофе. В 1709 г. двум пленным шведам — Яну Флегнеру и Кристану — было поручено наладить производство в мастерской при Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре. Но только в 1715 г. на новых кирпичных заводах под Петербургом было налажено массовое изготовление сине-белых изразцов (Михайлова, 1983. С. 78, 79). С этого времени начинается новая глава в истории русских изразцов.

Вслед за Петром I печи с расписными изразцами стали заказывать для своих апартаментов сановники, богатые дворяне, церковные иерархи. Этому способствовало не только желание следовать за модой, продиктованной двором, но и более богатое оформление самой печи, которая становится украшением интерьера. Печи, сохранившиеся в Летнем дворце, в Архирейских палатах в Суздале, в Троице-Сергиевой Лавре, собраны из разнообразных деталей. Они являют собой «богато расчлененную, часто очень сложную конструкцию с многочисленными нишами, печурами, колонками, балясинами, промежуточными карнизиками и базами, собранными из профилированных, фигурных и частично плоских изразцов» (Воронов, 1960. С. 196). Присутствие в культурном слое русских городов сюжетных одноцветных (сине-белых или коричнево-белых) изразцов, колонок или других мелких расписных деталей свидетельствует о существовании там печей этого типа. Датировка сохранившихся печей (архирейские палаты в Суздале, Волковские палаты в Москве, покои Елизаветы Петровны в Троице-Сергиевой лавре) укладывается в период 1740-1770-е гг. Но уже в 1760-1770-е гг. происходит переход от одноцветного рисунка к многоцветному (Волковские палаты) и уменьшению деталей набора. В фондах ГИМ хранится рапорт Карла Бланка о строительстве изразцовых печей в Головинском доме, поданный 15 сентября

1753 г. «в московскую Гоф Интенданскую Кантору». Этот документ содержит интереснейший список печей с фамилиями заводчиков и полным набором изразцов. Там значатся четыре печи, обозначенные как «калужская Попугайная» (Ильенко, 1993. С. 76-82). Из известных изразцов под это название подходит только один тип, в верхней части которого изображено кольцо с попугаем. Большой знаток русских изразцов И.И. Сергеевко датирует печь в Троице-Сергиевой лавре 1740-1750-ми гг. (Сергеевко, 1990. С. 34, 35).

Наличие попугая на изразце также свидетельствует о времени его изготовления. Необходимо отметить, что в XVII в. из дальних морских путешествий стали привозить разнообразные диковинки, в том числе и экзотических птиц. Попугаи изображены на многочисленных картинах европейских художников, работавших в середине XVII в. (например, Г. Метсю, Я. Фейта, Б. ван дер Аста, Ф. Снейдерса), а также русских живописцев — А.И. Бельского и Г.Н. Теплова (натюрморт 1737 г.). Популярность попугая в искусстве объясняет фраза из письма А.Д. Меншикова 1708 г. своей жене. «Послал я к вам ныне в презент двух шляхтинок-девок, из которых одна маленькая, может за попугая быть... и может вас больше увеселить, нежели попугай» (Соловьев, 1993. С. 499). Еще один факт подтверждает распространение сведений о попугаях в народных массах. Начальник Преображенского приказа князь Ф.Ю. Ромодановский в письме Петру I перечисляет пойманных в Москве воров, среди которых назван Афонка Попугай (Соловьев, 1991. С. 564). Прозвище «Попугай» у дворового человека свидетельствует о близком знакомстве в 1698-1699 гг. с этой птицей в пределах Москвы.

Само слово попугай известно в русском языке с XVI в., в 1618-1619 гг. оно записано Р. Джемсом на русском севере. В списке даров английского посла Мерика, поднесенных царю Михаилу Федоровичу и патриарху Филарету в 1620 г., были и «два попугая индейских» (Соловьев, 1990. С. 131, 132). В царствование Алексея Михайловича из Европы стали привозить книги и гравюры, которые также способствовали расширению знаний об окружающем мире.

Таким образом, русские сюжетные сине-белые изразцы 40-50-х гг. XVIII в., возникшие под влиянием голландских облицовочных плиток, достаточно быстро перестали подражать иноземным образцам. Более того, русские мастера уже в середине XVIII в. стали изготавливать многоцветные расписные изразцы с пояснительными надписями, в которых отразилось «глубокое переосмысление заимствованных образов в соответствии с особенностями народного эстетического сознания, с традициями русского народного искусства» (Сергеевко, 1990. С. 49).

Воронов Н.В., 1960. Русские изразцы XVIII в. // Памятники культуры: Исследования и реставрация. М. Вып. 2.
Ильенко И.В., 1993. Некоторые сведения об изразцовых печах XVII-XVIII вв. // Коломенское: материалы и исследования. М. Вып. 5. Ч. I.
Михайлова О.Э., 1983. Материалы к вопросу о развитии русского изразцового производства первой половины XVIII века и его

связей с голландскими изразцами // Прикладное искусство Западной Европы и России: Сб. науч. тр. Гос. Эрмитажа. Л.
Сергеевко И.И., 1990. Сюжеты и орнаменты русских изразцов XVIII в. // Тр. ГИМ. Вып. 75. М.
Соловьев С.М., 1990. История России с древнейших времен. М. Кн. 5. Т. 9.
Соловьев С.М., 1991. История России... М. Кн. 7. Т. 14.
Соловьев С.М., 1993. История России... М. Кн. VIII. Т. 16.

А.А. Пушкарев

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Проблемы датировки погребений с нумизматическими находками на могильниках Западной Сибири XVI-XIX вв.

Среди разнообразного инвентаря погребений XVI-XIX вв. на территории Западной Сибири особенно выделяется такая категория находок, как монеты и счетные жетоны. Их оригинальность заключается в том, что они имеют более или менее точную абсолютную датировку, помогающую определять возраст археологических объектов. Большинство исследователей сходятся во мнении, что нумизматические находки являются основным, и практически единственным, датирующим материалом для могильников XVI-XIX вв. на территории Западной Сибири. Однако до сих пор не разработана методика датировки погребений с помощью нумизматических находок. Очень часто возраст археологических объектов исследователи автоматически определяют датой чеканки монеты или счетного жетона и при этом не учитывают тот промежуток времени, который проходил между их чеканкой и попаданием в могилу.

Основное ограничение датировки с помощью нумизматических источников заключается в том, что монеты и счетные жетоны четко определяют только нижнюю хронологическую границу объектов. Здесь сразу же возникает резонный вопрос: если речь идет о погребальных памятниках, то насколько эта нижняя граница по времени удалена от действительной даты совершения захоронения и есть ли возможность хотя бы примерно определить верхнюю границу датировки?

Во-первых, при датировке погребений с монетами и счетными жетонами необходимо учитывать их специфические особенности. Так, счетные жетоны, в отличие от монет, изначально ввозились в Сибирь как украшения и не имели хождения в качестве платежного средства. Анализ письменных источников (документы, связанные с производством жетонов, таможенные книги и др.) говорит в пользу того, что счетные пфенниги до-

статочно быстро (за 2-3 года) прибывали на сибирский рынок и попадали к коренному населению.

В отличие от счетных жетонов, монеты чеканились с одной единственной целью — выступать в качестве платежного средства. Специфика денежной системы русского государства XVII в. заключалась в том, что при появлении новых монет, например, после коронации нового царя, старые монеты продолжали ходить наравне с новыми. Выйдя из монетного двора, монеты имели хождение по всей территории России и могли пройти десятки (а то и сотня) лет, прежде чем они попадали к аборигенному населению Сибири.

Во-вторых, необходимо учитывать, что после попадания в среду аборигенного населения нумизматические находки могли использоваться в качестве украшений достаточно продолжительный промежуток времени. Если также учитывать, что некоторые вещи могли передаваться по наследству, то время совершения захоронения может отличаться от даты чеканки жетона или монеты на несколько десятков и даже сотню лет.

Подводя итог, необходимо отметить, что монеты и счетные жетоны являются уникальными находками, которые при отсутствии иных методов определения абсолютной хронологии остаются единственным датирующим материалом для погребений Западной Сибири XVI-XIX вв. Однако следует иметь в виду, что датировка по нумизматическим источникам таит много сложностей, которые необходимо учитывать при построении хронологии археологических объектов. На наш взгляд, наиболее эффективным является выделение вещевых археологических комплексов с монетами и счетными жетонами, имеющих абсолютную датировку, и их дальнейшая корреляция с инвентарем недатированных погребений.

А.И. Сакса

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Современное состояние археологических исследований в Выборге: результаты и проблемы

Историю городского поселения на материковом мысу принято отсчитывать с начала XIV в., когда терри-

тория построенного шведами в 1293 г. на Замковом острове замка перестала вмещать растущее население. Од-

нако проявляющийся в археологическом материале начальный период его роста относится к 1410—1420-м гг. В последней четверти XV — начале XVI в. Выборг предстает уже как сложившийся средневековый европейский город, у которого были налаженные оживленные связи со многими городами Балтийского побережья от Германии до Турку и Таллинна.

Проведенные нами в 1998-2007 гг. в различных частях города раскопки показали, что развитие Выборга в Средние века не происходило равномерно по всей окруженной в 1470-е гг. каменной стеной территории. Направления и зоны его строительной истории определялись в решающей степени сложным рельефом первоначальной поверхности города, для которой были характерны крутые скальные выступы, наклонные участки и значительные углубления. Строительная деятельность была очень интенсивной; горизонты деревянной застройки сменяли друг друга практически с каждым поколением жителей.

Во второй половине XVI в. город расширили в юго-восточном направлении, построив так называемую Рогатую крепость с двумя бастионами: Панцерлакс и Эуропэ. Первый из них сохранился до наших дней. Сохранившиеся на высоту до 3 м остатки второго бастиона были буквально выкопаны из земли во время наших раскопок 2007 г.

Охранные работы 2007 г. выявили, наряду с уже существующими руинами кафедрального собора и церкви монастыря доминиканцев, новый вид древних остатков — сохранившиеся в толще земли руины каменных построек и фортификационных сооружений. В нашем случае это нижняя подвальная часть жи-

лого дома XVII в. и бастион 1570-х гг. Строительство на этих местах заморожено, выявленные объекты обречены на медленное разрушение. Какой-либо профессиональной консервации не проводится и не планируется.

Археологическое изучение Выборга приносит с собой такие аргументы в пользу его исторической и культурной значимости, что новое строительство в городе уже не может с этим не считаться. В то же время, разработанный проект охранных зон Выборга с учетом культурного слоя средневековой части города до сих пор не утвержден. Возникает противоречие между готовностью в городе цивилизованно подходить к культурному наследию и законодательным обеспечением охраны этого наследия. Необходима также продуманная и подкрепленная финансами программа разделения ответственности между федеральным центром и местными муниципалитетами, на территории которых находятся конкретные памятники, подготовка грамотных специалистов и возобновление реставрационной работы.

Одним из выходов в сложившейся ситуации может быть создание в городе международного гуманитарного исследовательского центра со специализацией в области изучения, консервации и реставрации исторических памятников, многие из которых входят в круг памятников европейского значения и европейской принадлежности. Выборг — по уровню задач охраны наследия различных по происхождению культур и различных по виду подлежащих охране памятников — может служить своего рода полигоном для подготовки специалистов и приобретения опыта практической деятельности в этой актуальной для всего региона Балтийского моря сфере.

Е.В. Салмина

Археологический центр Псковской области, Псков

Дворы Пскова XVI-XVIII вв. по материалам Петровских раскопок: размеры, планировка, застройка

Археологические работы на Петровских раскопках, расположенных в Окольном городе Пскова, ведутся с 1980 г. по настоящее время. Раскопки носят охранный характер. Общая площадь Петровских I-XIII раскопок превышает 5800 м², при мощности культурных отложений от 0,08 до 3,2 м. В 2008 г. начаты работы по обобщению и публикации материалов Петровских раскопок. Один из аспектов этой работы — реконструкция этапов освоения, периодов застройки и хозяйственного использования участка. Рассматриваемый участок территории соотносится с восточной частью исторического Петровского конца Пскова, не-

посредственно примыкающей к Петровской улице и Петровским воротам Окольного города.

Сохранность органики позволила опираться здесь на серию дендродат. Вся дендрохронологическая коллекция Петровских раскопок относится к периоду позднего Средневековья и Нового времени. Полученные образцы существенно дополнили псковскую дендрохронологическую шкалу и повысили возможности датировок для отрезка середины — второй половины XVII в. и первой половины XVIII в.

Сделаны наблюдения над особенностями дворов и жилищ, бытовавших с рубежа XV-XVI вв. по конец

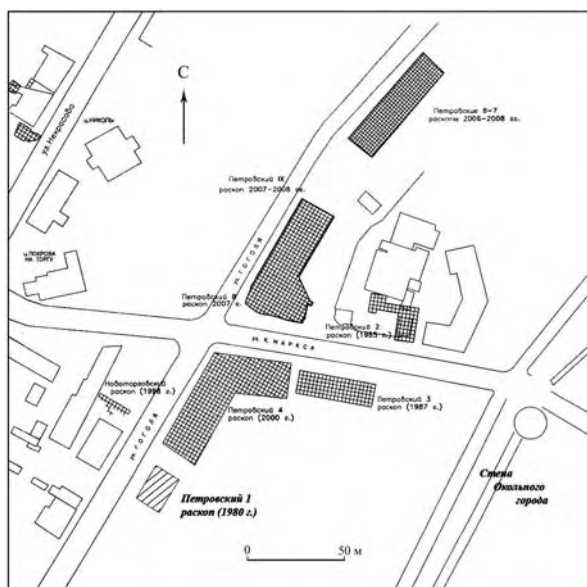

Рис. 1

XVIII в. Важным представляется получение археологических данных о размерах дворов жителей посада, их удалось сопоставить с данными купчих XVIII в. на дворы, принадлежащие к Пятенной и Никольской сотням, местоположение которых тяготеет к изучаемому участку.

В Петровских раскопах в отложениях XVI — рубежа XVII-XVIII вв. зафиксировано не менее 37 дворовых участков, но о размерах примерно трети из них говорить не приходится, поскольку они вошли в раскоп слишком малой частью. Размеры фактически выявленных в Петровских раскопах дворов, вошедших в раскоп полностью или существенной частью, достигают 500–600 м², и в одном случае — 725 м².

Планировочные принципы и ориентация всего комплекса дворов и построек едины: застройка этой части Окольного города с начала освоения территории ориентирована на Петровскую улицу. Этот факт позволяет предполагать существование этой улицы в качестве дороги еще до включения рассматриваемого участка в собственно городскую территорию.

Стабильность границ дворов на протяжении почти двух столетий (даже в случае серьезной перепланировки внутри двора границы его изменяются мало) также можно связывать с неизменностью уличной сети. Первая серьезная перепланировка территории относится здесь к концу XVII в.; вторая — к концу XVIII в., когда это мероприятие касается всего города. Крупная перепланировка конца XVII в. выражается в слиянии участков; в большинстве случаев новые постройки на дворах возводятся согласно местоположению прежних, иногда прослеживается долговременное (до столетия) возобновление жилой постройки на прежнем месте.

Археологические исследования позволили выделить определенные черты и элементы застройки дворов. В качестве границ используются плетни, заметы,

частоколы. Распространен такой прием, как включение одной из построек двора (как хозяйственной, так и жилой) в линию ограды. Нередко наблюдается внутреннее разделение дворов на жилую и хозяйственную (производственную) зоны.

При раскопках зафиксировано более 30 построек (большинство — срубные, некоторые реконструируются только по подвальной части). Хорошая сохранность деталей позволяет суммировать данные о размерах и конструкции построек, выделить характерные черты строений, функционировавших в условиях постоянного подъема грунтовых вод, несущих отпечаток застройки «неудобья», постоянно подтапливаемого участка города. Скорее всего, сходность приемов строительства обусловлена характером материковых отложений, близостью грунтовых вод, степенью увлажненности и подвижности грунта. Так, во всех постройках выявлены остатки достаточно основательного крепежа стенок подвальной ямы (каркасные конструкции, укрепление вкопанными — «вбитыми» — в материковый суглинок столбами или плахами), приподнятый пол, следы подгонки и конопачения швов. Зафиксированы приемы выравнивания площадки перед укладкой первого венца, случаи подсыпок, выстилания пола листами бересты и пр., устройство водосборников в подвальных помещениях. Интересным приемом является также предохранение горизонтальных конструкций от оползания путем вбивания колышков под углом.

В жилых постройках зафиксированы остатки отопительных сооружений — как правило, изразцовых печей, провалившихся в подвальную часть постройки в результате разрушения. Развалы состоят из прокаленной глины, обожженного булыжника и известнякового плитняка, печной обмазки, обломков кирпича, присутствуют также фрагменты изразцов, киотов, дуговых кирпичей.

В пределах дворового участка в большинстве случаев фиксируется одна жилая постройка, реже — две. Хозяйственные постройки внутри дворов расположены плотно, их число — до четырех. Повсеместно отмечено наличие настилов — как регулярных, так и временных гатей в местах проходов по топкому месту. Зафиксированы также приспособления для дренирования участков и отдельных сооружений в условиях повышенной влажности. Нередко настил или водотвод, примыкающие к срубам, объединены с ними общими конструктивными деталями. Техническая взаимосвязанность и одновременное возведение строений и элементов дворового благоустройства — характерный прием для рассмотренных нами дворов.

Для псковских материалов это первый опыт исследования застройки и планировки позднесредневекового периода и Нового времени на значительной территории. Мы полагаем, что полученные результаты смогут стать основой для сравнительного анализа материалов других городов и выхода на новый уровень обобщений.

В каком году началась сибирская экспедиция Ермака?

Дата начала знаменитого казачьего похода за «Камень» остается, пожалуй, самой дискуссионной в истории Сибири последних столетий, да и России XVI в. вообще. Летописные сочинения, появившиеся спустя длительное время после «Ермакова взятия» «Кучумова царства», выступление «русского полка» против «поганных» относят к концу 1570-х — началу 1580-х гг., синодик «ермаковым казакам» — первый сохранившийся памятник сибирской книжности — к 1580/81 г. «Опальная» грамота Ивана IV Строгановым от 16 ноября 1582 г. указывает, хотя и косвенно, на то, что бессмертная «зауральская эпопея» началась в первые дни осени того же года. Многие историки считают Ермака Тимофеевича участником похода русских войск к Могилеву в июне 1581 г., что позволило Н.В. Шлякову и Р.Г. Скрынникову датировать выступление казаков против кучумлян следующим годом. К тому же, если верить надписи на стволе не сохранившейся до наших дней затинной пищали, М.Я. Строганов подарил ее Ермаку в Кергедане в 1581/82 г. Впрочем, достоверность этого факта небезосновательно часто ставилась под сомнение (Головчанский, Мельничук, 2004. С. 24). Сошлемся и на восходящие, быть может, к одному источнику, по-видимому краткому летописцу, сообщение позднего вятского «Временника» и приписку (хотя ее происхождение неизвестно) в одной из рукописей (конца XVII в.) Безнинского летописца. Согласно этим сведениям, «Сибирское взятие» произошло в 1582/83 г. (Временник... 1905. С. 43; Солодкин, 2004. С. 17). Эта дата прямо подтверждается давно опубликованной (Акты... 1836. С. 123, 124) царской грамотой от 11 июля 1606 г. в Пермь Великую, — грамотой, в которой излагается содержание челобитной (видимо, еще Лжедмитрию I) местных посадских людей И. Могильникова и М. Ванкова. Последние, скорее всего следуя документации чердынской приказной избы, начало практики пермских «отпусков» в Сибирь отнесли ко времени царя Ивана Васильевича, точнее, к 1582/83 г., очевидно, независимо от «опальной» грамоты, где речь шла лишь об отправке казаков в поход, а не о его результатах. Недаром в той же челобитной видных посадских людей Чердыни к 1599/1600 г. отне-

сно распоряжение царя Бориса о сборе отныне пермских денежных доходов в казну, а не в распоряжение земских властей, как «указал» Грозный. (Предположение, что в Чердыни «осели» остатки делопроизводства Ермака (Костанов, 2007. С. 28), следует отклонить, ибо, перезимовав в Кашлыке — бывшей главной ставке Кучума, атаманы и казаки после гибели своего «наставника» вернулись на Русь по Оби и Соби.)

Укажем и на грамоту Василия Ивановича от 31 марта 1607 г., где на основании поданной накануне, в 1606/07 г., челобитной верхотурского атамана П. Степанова утверждается, что он служил во всех сибирских городах 24 года (иначе говоря, с 1582/83 г.), «а ныне... от службы отставлен». (Впрочем, если верить грамоте Бориса Федоровича от 4 сентября 1598 г., вследствие которой Степанова перевели из Тобольска «на Верхотурье», в городе, вскоре ставшем «начальным» в «дальней государевой вотчине», этот атаман нес «всякие службы» 12 лет (Никитин, 2001. С. 71, 72), т. е., выходит, с 1586 г. Однако тогда был «поставлен» первый русский город в Сибири — Тюмень, Тобольск же возник год спустя). Вероятно, будучи уже «слеп и увечен», П. Степанов смог вспомнить, когда появился за «Камнем».

Приведенная дата «Сибирского взятия» вполне согласуется с аргументированной А.Т. Шашковым (в частности, благодаря Погодинскому летописцу, в составе которого уцелели выдержки из показаний ветеранов похода во владения Кучума) хронологией последующих событий прославленной экспедиции (1583 г. — поход ермаковцев в низовья Иртыша, 1584 г. — гибель Ермака и прибытие на выручку ему, хотя и с опозданием, отряда князя С.Д. Болховского, 1585 г. — возвращение уцелевших казаков из Сибири и прибытие туда рати И.А. Мансурова).

Таким образом, документ, ускользнувший от внимания исследователей бессмертной «зауральской эпопеи», хотя некоторые историки на него и ссылались (Шишонко, 1881. С. 174; Оборин, 1983. С. 30, 31), дает веские основания присоединиться к выводу о начале «Ермакова взятия» Сибирского ханства не в 1581 г., как полагали многие ученые, доверяя Строгановской летописи, а год спустя — в 1582 г., к которому следует отнести и занятие казаками Кашлыка.

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею имп. Академии наук. СПб, 1836. Т. 2.

Временник нарицается Летописец Российских Князей, како начаяся в Российской земли княжение и грады утвердишася. Вкратце написано // Тр. Вятской Губ. Уч. Архив. Комиссии. Вятка, 1905. Вып. 2. Отд. II.

Головчанский Г.П., Мельничук А.Ф., 2004. Ермак и Строгановы: к проблеме подготовки и начала экспедиции в Сибирь // Вопросы истории и культуры Пермского Прикамья: Мат. Всерос. науч.-практ. конф. («Строгановские чтения»). Березники.

Костанов А.И., 2007. Документальная история Сибири: XVII — середина XIX вв. Владивосток.

Никитин Н.И., 2001. Сора́тники Ермака после «Сибирского взятъя» // Проблемы истории России. Екатеринбург. Вып. 4.
Оборин В.А., 1983. Пермские посадские люди в XVI-XVIII вв. (к вопросу о формировании торгово-промышленной

верхушки) // Промышленность и торговля в России XVII-XVIII вв. М.
Шишонко В. (сост.), 1881. Пермская летопись с 1263 — 1881 г.: Первый период. Пермь.
Солодкин Я.Г., 2004. Летописные датировки начала зауральской экспедиции Ермака и их источники // Исторические записки: Науч. тр. ист. ф-та. Воронеж. Вып. 10.

А.В. Степанов

*НП «Подводно-исследовательская экспедиция
“Нептун”», Великий Новгород*

П.Е. Сорокин

Северо-Западный институт Наследия, Санкт-Петербург

Изучение затонувших судов на трассе Северо-Европейского газопровода

Обследование дна Балтийского моря под кладку Северо-Европейского газопровода (СЕГ) компанией «Nord Stream» проводилось с применением новейших технологий. В результате геофизических работ в российских водах Финского залива обнаружены 17 затонувших судов и три старых якоря. Анализ сонограмм (гидроакустических изображений морского дна), фото- и видеоматериалов позволил получить общее представление об объектах, выявленных на дне Финского залива, установить их приблизительные размеры и возраст.

Большинство выявленных объектов подводного культурного наследия являются парусными грузовыми судами. Благодаря относительно благоприятным условиям — большим глубинам (30-60 м) и отсутствию в балтийской воде червей-древоточцев — большая часть судовых корпусов сохранилась в целости, лишь некоторые находятся в состоянии развалов. Признаками судостроительного периода XVII-XVIII вв. обладают три объекта:

Гогланд 6 — деревянное судно длиной 17 м, корпус частично разрушен, трюм заполнен деревянными колесами;

Гогланд 11 — парусное торговое судно длиной 22 м, над палубой возвышаются очаг, водоотливные помпы;

Гогланд 13 — парусное торговое судно длиной 21 м, на корме сохранился нактоуз с приборами.

Признаками судов XVIII-XIX вв. обладают 8 объектов:

Гогланд 8 — деревянное парусное судно длиной 22 м, якорь с металлическим штоком, по дну и палубе рассыпан груз — керамическая посуда;

Гогланд 9 — деревянное торговое судно длиной 32 м, по бортам стоят две сигнальные пушки;

Гогланд 10 — развал деревянного парусного судна длиной 22 м, деревянный брашпиль, якорь с металлическим штоком;

Гогланд 12 — парусное торговое судно длиной 21 м, корпус частично разрушен, в развале палубы лежит шлюпка;

Соммерс 3 — развал деревянного парусного судна длиной 20 м, на брашпилье остатки цепи;

Соммерс 4 — деревянное торговое судно длиной 28 м, на корме штурвал;

Соммерс 5 — деревянное торговое парусное судно длиной 30 м, с изящно орнаментированными рамами кормовых оконных рам;

Соммерс 9 — деревянное парусное судно длиной 11 м, деревянный брашпиль с намотанной на него цепью, якорь с деревянным штоком.

К рубежу XIX-XX вв. относится Соммерс 6 — тридцатиметровое парусное торговое судно с металлическим корпусом.

Два объекта — торпедные катера, погибшие во время десантной операции на о. Соммерс в июле 1943 г. Объект Соммерс 7 имеет признаки катера типа Г-5. Вероятно, это ТКА № 31, погибший 08.07.1942 г. Объект Соммерс 8 имеет признаки катера типа Ш-4, вероятно, это ТКА № 83, погибший 10.07.1942 г.

Четвертым объектом, относящимся к XX в., является железная беспалубная баржа — Гогланд 7.

Объект Нерва 8 — неклассифицированное судно, т.к. обследование телеуправляемым аппаратом не производилось. Б. Фискал 1 — деревянная лодка.

Северо-западным научно-исследовательским институтом культурного и природного наследия и экспедицией «Нептун» в 2009-2010 гг. проведены исследования затонувшего судна Гогланд 11. Полученные результаты позволяют полагать, что это голландский трехмачтовый галиот с грузом пшеницы. В меньшей степени обследованы водолазами затонувшие судна Соммерс 4 и Гогланд 9.

В результате гидроакустического сканирования района Гогландской банки выявлен объект подводного культурного наследия Гогланд 14. Поднятая вещевая

коллекция позволяет предполагать его английское происхождение и относить его гибель к началу XIX в.

В соответствии с заданием Департамента охраны памятников Ленинградской обл. производилась тщательная фиксация объектов Гогланд 6 и Гогланд 13, расположенных в опасной близости от трассы газопровода. Работы проводились выделенными для этих целей компанией «Nord Stream» средствами, включающими судно, оборудованное системой динамического позиционирования, и подводный телеуправляемый аппарат (ROV) «SUB-fighter 4500». Всего на двух объектах сделано 47 галсов с гидролокатором бокового обзора. Отснято 19 часов подводной видеосъемки с ROV. Затем совместная экспедиция НП «Нептун» и ЗАО «Балтийское морское общество» тщательно исследовала суда. Водолазами-исследователями были проведены обмеры, а также фото- и видеофиксация.

В результате проведенных работ созданы фотопланы подводных памятников. Определено, что Гогланд 6 — двухмачтовый галиот конца XVII — начала XVIII в., предположительно северогерманского происхождения, с грузом колес. Двухмачтовое судно Гогланд 13 имеет признаки английской судостроительной традиции XVIII в. (рис. 1).

С трассы газопровода подняты два якоря с деревянными штоками, которые в настоящее время проходят консервацию. Первый якорь имеет признаки адмиралтейского типа «Admiralty Pattern Anchor» вто-

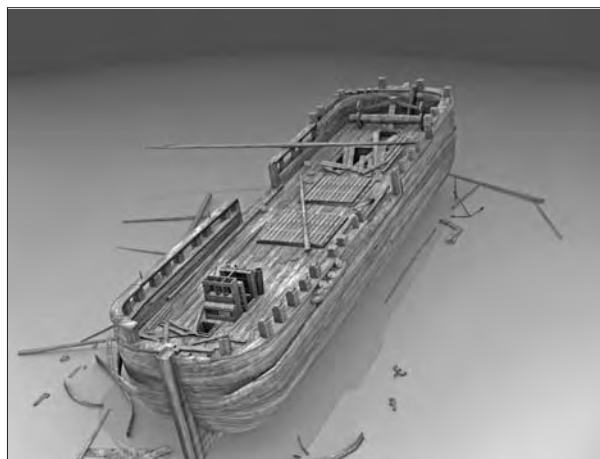

Рис. 1

Трехмерное изображение затонувшего корабля Гогланд 13

рой половины XIX в., с характерным соотношением длин веретена и рога 2:1, округлой формой рогов. Второй поднятый якорь относится к якорям старого образца, так называемым «Old Fashioned Anchors» XVII-XIX вв., с характерным соотношением длин веретена и рога 3,5:1.

Таким образом, благодаря крупному международному проекту по прокладке подводного газопровода выявлены и поставлены на государственную охрану 18 памятников подводного культурного наследия. Предприняты меры по их сохранению при проведении строительных работ.

А.Ю. Тарасов

Министерство культуры Красноярского края, Красноярск

Археологическое изучение исторических некрополей Красноярска

В Красноярске сложилась уникальная ситуация, когда в условиях массивной застройки исторического центра усилиями органов охраны объектов культурного наследия удалось добиться проведения спасательных раскопок комплексов последовательно функционировавших (с момента основания города в 1628 г. вплоть до середины XIX в.) городских некрополей. Археологическими методами изучалось то, что на всех этапах развития города активно уничтожалось.

Важным результатом работ стала организация квалифицированного изучения и хранения полученных коллекций антропологических материалов.

Информация, полученная в ходе раскопок Покровского (Тарасов, 2000) и Всехсвятского некрополей, позволила выстроить следующий порядок формирования комплексов:

- некрополь Покровской церкви (30-40-е гг. XVII — последняя четверть XVIII в.);
- некрополь Всехсвятской церкви (1773 г. — середина XIX в.);
- некрополь Воскресенского собора (последняя четверть XVIII — 20-е гг. XX в.).

Раскопками и разведками на территории «малого города» удалось зафиксировать захоронения русских поселенцев, погребенных внутри крепости в первые десятилетия существования города на погосте первого красноярского храма — Преображенской церкви.

Покровский некрополь, «заложенный» в «большом городе» на высоком яру левого берега Енисея (ул. К. Маркса — ул. 9 Января), размещался в юго-западном углу посада и, как сам посад, был защищен тыновой стеной (1659 г.) и рвом (1667 г.).

Разрушение системы оборонительных сооружений посада в начале XVIII в. определило возможность развития некрополя в западном направлении. Зафиксированы остатки тыновой конструкции, перекрытой захоронениями.

Общая площадь некрополя, определенная разведочными работами, — 4500 м². Исследован юго-западный (наиболее поздний) сектор (310 погребений на площади около 330 м² в дощатых, скрепленных гвоздями и скобами гробах и колодах трапециевидной, прямоугольной, ромбовидной форм), изучены коллективные могилы с фиксацией до 5 ярусов последовательно совершенных захоронений.

Погребальный инвентарь представлен сериями четырехконечных тельников, отлитых из медносплавов. Формы средокрестий, лопастей и дополнительных декоративных элементов укладываются в предложенную классификацию крестов XVII в. Единичными экземплярами представлены кресты, покрытые полихромной эмалью. Среди сюжетов выделяется группа прямых тельников с прямоугольными лопастями и изображением фигуры св. мученика Никиты, «побивающего» беса.

Зафиксирована группа захоронений с использованием в качестве покрытия погребальной конструкции берестяных полотнищ.

Всехсвятский некрополь. Перепланировка, связанная с опустошительным пожаром 1773 г., определила формирование нового погребального комплекса. Согласно генеральному плану, за пределами города на правом берегу р. Кача было отведено место для нового «кладбища мертвых тел» (квартал застройки ул. Обороны — ул. Ады Лебедевой — ул. Диктатуры Пролетариата — ул. Красной Армии). Общая площадь некрополя (с учетом разрушений) — 19000 м².

К октябрю 1774 г. на территории кладбища была выстроена деревянная церковь Всех Святых (сгорела в начале 1797 г., выполнена в камне и освящена 22 мая 1820 г.). В 1835 г. Всехсвятское кладбище закрыто как «стоящее внутри города» (захоронения продолжались до середины XIX в.). В 1930-х гг. здание церкви разобрано, территория застроена.

Исследован юго-западный (наиболее ранний) сектор (404 погребения на площади около 1000 м², в том числе комплекс из 4 кирпичных цист, деревянного короба и монументального склепа из тесаных песчаниковых блоков, перекрытых арочным кирпичным сводом).

Погребения совершены по обряду ингумации, в дощатых, скрепленных гвоздями гробах прямоугольной и трапециевидной формы. За редким исключением, в детских погребениях вскрыты колоды трапециевидной и ромбовидной форм.

Зафиксировано до 4 ярусов взаимно перекрывающихся, последовательно совершенных погребений.

Погребальный инвентарь представлен стеклянными слезницами (флаконы), ладанками (единичные случаи), сериями отлитых в двусторчатых формах из медносплавов четырехконечных тельников (в том числе с полихромным эмалевым покрытием). Выделяются группы с прямыми, прямоугольно заканчивающимися лопастями; прямым средокрестием (основная масса) и расширяющимися лопастями с различными дополнительными элементами на средокрестии и лопастях (волоты, шары, лучи, лепестки); листовидного типа. В трех могилах обнаружены створки миниатюрных складней, в одной — восьмиконечное распятие, врезанное в деревянную плашку.

В трех погребениях зафиксированы монеты: сибирские «денга» 1769 г., копейка 1773 г., «полушка» 1768 г., 2 копейки 1819 г.

Воскресенский, Преображенский некрополи. В 1759 г. в остроге при Преображенской церкви заложен Воскресенский собор (снесен в середине 1960-х гг.), у стен которого до 1920-х гг. совершались захоронения духовенства и почетных граждан.

Архивные материалы свидетельствуют, что сектор Воскресенского некрополя, располагавшийся к северу от собора и занятый погребениями конца XVIII — начала XX в., уничтожен котлованом так и не построенного дворца молодежи (Николаева, 1963).

Повторно некрополь был потревожен в 1980-1981 гг. при строительстве концертного зала, в ходе реконструкции которого в 2007-2008 гг. удалось провести раскопки юго-западного сектора некрополя на площади около 450 м² (исследовано 183 захоронения, зафиксировано до 4 ярусов погребений).

Погребальный инвентарь представлен четырехконечными тельниками, отлитыми из медносплавов. Типологически кресты идентичны крестам Покровского некрополя (2 креста с изображением Никиты-бесогона).

В настоящее время общая площадь распространения захоронений (состоящая из перекрывающихся друг друга погребений Преображенского и Воскресенского некрополей) составляет около 5000 м².

Николаева И.Б., 1963. Раскопки на территории бывшего Красноярского острога // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск.

Тарасов А.Ю., 2000. Некрополь Покровской церкви Красноярского острога (предварительное сообщение) // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии: Мат. XL РАЭСК. Новосибирск. Т. 2.

Проблемы изучения материальной культуры русских Сибири по данным археологии

Находясь вдали от российских центров, русские сибиряки старались наиболее полно сохранить и воссоздать традиции и образ жизни, принесенный в Сибирь с далекой родины, зафиксировать свою «русскость» и этническое самосознание. Изучение материальной культуры русского населения Сибири XVI-XVIII вв. в последние десятилетия становится все более актуальной темой в археологии средневековья и нового времени. Однако в этом направлении существуют как минимум две основные проблемы: соотношение городской и сельской культуры и построение типологии предметов на единой основе.

Как и сегодня, культура городского населения отличается от сельской, т. к. социальные, экономические и политические процессы в городах более динамичны и быстрее влияли на этнос и его культуру. Поэтому для периода XVI-XVIII вв. также надо различать культурные традиции городского и сельского населения. «Важным положением советского городского ведения, получившим развернутое обоснование, стал тезис о первичности сибирского города по отношению к сибирской деревне. Не деревня была “матерью городов”, а сибирский город порождает ее!» (Черная, 2007. С. 15).

В селе культурные явления более статичны и традиционны, поэтому-то этнографические знания формируются на основе изучения именно сельской культуры как хранителя традиций. Скорее всего, и средневековое село, несмотря на его более позднее по сравнению с городом появление, было основой сложения традиционной русской сибирской культуры.

Отсюда вытекает вторая проблема — на каком материале следует строить типологию предметов материальной культуры: городском, чаще и сильнее подвергающемся различным влияниям, или сельском, более консервативном. Построение типологий необходимо не только для систематизации археологического материала, но и для анализа разнообразия вариантов внутри типов, их распространения на территории Сибири, сравнения городских и сельских комплексов.

На сегодняшний день типологии есть только для некоторых категорий предметов и для отдельных памятников. А сравнение материальной культуры сибирского города и села еще не проводилось. Поэтому, имея археологические материалы поселенческих комплексов русского населения XVII-XVIII вв., мы попытались подойти к решению поставленных проблем. В первую очередь для изучения взяты приемы

домостроительства и жилищно-хозяйственный комплекс, типы, назначение и применение керамики.

Жилищно-хозяйственный комплекс русского сельского населения наиболее полно представлен в материалах Омского Прииртышья — здесь он изучается целенаправленно, и на основе археологических материалов реконструирован облик сибирской деревни XVII-XVIII вв. (Татаурова, 2010. Рис. 21). На памятниках Изюк I, Ананьино I (Омская обл.) в силу географических условий была уличная планировка деревень, с жилыми помещениями, построенными отдельно от основного хозяйственного комплекса. Из типов жилищ преобладал наземный срубный — это избы, избы-связи, пятистенники с прирубом. Зафиксированы остатки бань и хозяйственных построек. Из приемов домостроительства характерны соединения углов «в чашу», «в лапу», «в обло», с выпусками и без них; строительство методом «набирки» — столбы с вертикальными пазами, в которые вставляли бревна с шипами на торцах. В качестве стройматериалов использовали как целые, так и полубревна, последние применяли для заплотов и подполов.

Планиграфия городской (острожной) застройки зависела от статуса и генплана объекта, хотя жилищно-хозяйственный комплекс сохранял традиционные русские черты — использовали те же строительные приемы и типы жилищ, однако для городских домов характерен подклет, чего нет в деревнях.

Керамические комплексы городского и сельского населения схожи по технологическим признакам: везде имеется грубая лепная посуда, обожженная в домашних условиях. В разных объемах присутствует красно- и чернолощенная и поливная посуда (последней больше в городах). Но в селе более разнообразен типовой ассортимент кухонной и столовой посуды. В городах преобладают горшки и корчаги и представлен разброс другой по назначению керамики.

Вторым объектом анализа стали элементы погребального обряда, которые для русского городского и сельского населения Сибири XVI-XVIII вв., по археологическим наблюдениям, весьма схожи. Это неглубокие могильные ямы, ориентированные при городских церквях по линии восток — запад, или юго-запад — северо-восток — на сельских кладбищах. Умерших укладывали вытянуто на спине, со скрещенными в разных положениях руками (Татаурова, 2010. С. 93, 96-99. Рис. 11), головой на запад, юго-запад. Для этого периода характерны захоронения в деревянных колодах. Однако к концу XVIII в. в город-

ских комплексах начинают преобладать погребения в дощатых гробах для взрослого населения и в колодах — для детей (Молодин, 2007. С. 34). На сельских кладбищах гробы как вид погребальной конструкции в XVIII в. только появляются (Татаурова, 2010. С. 94). Из сопроводительного инвентаря присутствуют: на селе только кресты-тельники, из костюмных комплексов — обувь, единично — пуговицы; в городских некрополях монеты, медальоны, элементы одежды (пуговицы, пряжки), более разнообразная обувь.

Анализ черт материальной культуры и отдельных категорий предметов затруднен неравномерностью исследования: в городах чаще это незначительные площади, попавшие в спасательные раскопы; старинные села мало изучены археологами. При сравнении городской и сельской культуры и построении типологии следует обращать внимание на географическое положение населенных пунктов и связанные с ним хозяйственные занятия населения, наличие торговых путей и ярмарок.

Молодин В.И., 2007. Кресты-тельники Илимского острога. Новосибирск.

Татаурова Л.В., 2010. Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья XVII-XIX вв. по материалам комплекса Изюк-1. Омск.

Черная М.П., 2007. Русский город Сибири конца XVI—XVIII вв. в археолого-исторической ретроспективе: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск.

М.И. Федулов

Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, Чебоксары

Погребальный обряд чувашей в XV-XIX вв.

Погребальный обряд чувашского народа неоднократно становился предметом изучения археологов и этнографов, но необходимость в создании обобщающих исследований по данной проблематике существует до настоящего времени. Систематизация всей базы данных позволит выделить основные элементы языческого обряда, выявить его устойчивость и вари-

ативность у этнографических групп чувашей (вирьял, анатри и анат-енчи).

Нами анализируются данные по 40 чувашским могильникам, раскопанным на территории Чувашии и западной части Республики Татарстан. В общей сложности на них вскрыто 1345 могил, 1100 из которых могут быть использованы для статистической об-

Таблица 1. Основные элементы обрядности чувашских погребений*

№	Могильник	Датировка	Кол-во погребений	Ориентировка погреб.	Глубина могильных ям (min/max)	Инвентарь	Гроб или колода	Кости лошади в засыпи	Кенотафы	Намогильные камни	Нагельные крестики	Угли и зола	Керамика	Подбой	Намогильный столб (юба)
1.	Новоядринский	XV-XVII	228	3	50/100	+	+	+				+	+	2	
2.	Татмышюгелевский	XVII-XVIII	198	3	35/80	+					-				
3.	Катергинский «Тубах мазар»	XVII-XVIII	106	С						+					
4.	Толиковский	XVI-XVII	103	СЗ	60/90	+	+	+				+	+		+
5.	Бахтигильдинский	XVII-XVIII	95	З и СЗ	20/85	+	+					+			+
6.	Мартыновский	XVII-XIX	91	З	-/165	+	+	4	6	+				2	+
7.	Кирегаський «Палаху»	XII-XV	81	З	40/100	+	+	+							
8.	Верхнеачакский	XVI-XVIII	80	СЗ	10/50	+	1		2			+			+
9.	Большемеминский (Татарстан)	XVI-XVII	47	З	20/40	+	+					+			+
10.	Большетаябинский	XIV	44	З	30/80										мусульм. обряд

№	Могильник	Датировка	Кол-во погребений	Ориентировка погреб.	Глубина могильных ям (min/max)	Инвентарь	Гроб или колода	Кости лошади в засыпи	Кенотафы	Намогильные камни	Нагельные крестики	Угли и зола	Керамика	Подбой	Намогильный столб (юба)
11.	Новоахпердинский	2-я пол. XVII-XVIII	38	3	45/80	+	+	+		+		+			+
12.	Тегешевский	XVI-XVII	35	3	20/70	+				+					
мусульм. обряд															
13.	Каршлыхский	XVII-XVIII	25	-	-	+					-				
14.	Катергинский	XVII-XVIII	24	-	-	-					-				
15.	Новосюрбеовский	XVII	22	3	-	+	+					+		2	+
16.	Кукшелидский	XVI-XVII	18	-	-	+					-				
17.	Яндашевский	XVII-XVIII	17	-	-	-					-				
18.	Юнгапоський	XVII-XVIII	17	-	-	+					-				
19.	Катергинский «Детское кладбище»	XVII-XVIII	17							-					
20.	Икковский	XVI-XVII	15	C3	20/40	+			+			+	+		
21.	Полевокозьярский	XVII	7				-			+			-		
22.	Тебикасинский	сер. XVIII	5	C3	~40	+							+		
23.	Балдаевский	XVIII	4	-	-	+					-				
24.	Вачалкасинский	XVII-XVIII	4	-	-	+	-	-	-	+			-		
25.	Кожарский (Досаевский)	XVII	3	C	-/40	+									
26.	Калугинский	XVI-XVII	3	C3	40/50	+	+								
27.	Бишевский	XVII-XVIII	3								-				
28.	Верхнемагазский	XVI	2	3	-/90	+									
29.	Таушказинский	XVIII	2	3	-/30	+						+			
30.	Староурмарский	XVII-XVIII	2	C3	-/70	+	+			+		+			
31.	Байдеряковский	XVII-XVIII	2				-					+	-	-	-
32.	Большекарачкинский	XVII	1	C	50	+							+		
33.	Каракловский	-	1	3	85	+	+								
34.	Старошелкановский	XVI-XVII	1								-				
35.	Орнарский	XVI-XVII	1	3	75	+		+							
36.	Чегедеувский	1-я пол. XIX	1	3	130	+	+				+				
37.	Чиршсирминский	XVII-XVIII	1				-			+			-		
38.	Мусирминский	XIX	1	3	130	+	+								
39.	Малорабузинский	XIX	1	3	60	+	+					+			
40.	Ердовский	-	-	-	-	+	+					-			

* Знак «+» — элементы встречались неоднократно; символ «-» — отсутствие необходимых сведений в отчетах (или они недоступны автору).

работки (табл. 1). Материалы этих могильников указывают на сложные этнокультурные процессы, в которых формировались современные чуваша.

В погребальном обряде чувашей сочетаются традиции тюркоязычных и финно-угорских племен. Это позволяет разделить все могильники на две группы. В первую включены чувашские погребения, имеющие прямые параллели в погребальном обряде волжских болгар: направление погребенных головой на запад, незначительное количество или полное отсутствие инвентаря, мусульманский и мусульманско-языческий обряд погребения. Наиболее ранние могильники (XII-XV вв.) связаны с появлением на территории Чувашии болгарского населения.

Во вторую группу входят погребения с элементами, присущими марийским и мордовским могильникам: наличие значительного количества инвентаря (в

составе которого специфические марийские и мордовские украшения), северная и северо-западная ориентировка погребений, небольшая глубина, языческий обряд. В Новоядринском могильнике обнаружены два костяка в скорченном положении, что указывает на тесные этнические связи с мордвой-эрзей. Влияние христианства начинает незначительно проследиваться только к XIX в.

Большая часть чувашских погребений совершена в неглубоких ямах подпрямоугольной формы. Костяки располагаются на спине, руки чаще всего вытянуты вдоль тела. В могилах встречаются деревянные гробы, долбленные колоды и разные конструкции из досок и плах. Погребальный инвентарь (ножи, кресала, стрелы) и украшения (сюльгамы, серьги, наконечники) имеют много аналогов в мордовских и марийских могильниках.

Копья русских воинов в Сибири в XVI-XVII вв.¹

В исследованиях по истории военного дела русских воинов в Сибири и на Дальнем Востоке в период присоединения этих регионов к Российскому государству в XVI—XVII вв. уделялось недостаточное внимание изучению холодного наступательного оружия ближнего боя. Ученые, обращавшиеся к изучению русских письменных источников, считали, что успешное продвижение отрядов российских казаков и служилых людей по обширным пространствам Северной Азии вплоть до Тихого океана и Северной Америки обеспечивалось умелым использованием огнестрельного оружия и строительством острогов. Однако огнестрельного оружия и боеприпасов, привезенных из европейской части страны, не всегда хватало, поэтому российским воинам, в число которых входили и служилые, набранные из коренных сибирских народов, приходилось регулярно использовать в ходе боевых столкновений со своими противниками различные виды холодного наступательного оружия и защитного вооружения, часть которого они приобретали у местных сибирских мастеров-оружейников. По мнению некоторых военных историков, сама тактика ведения полевого боя российских войск предполагала наличие в их составе наряду со стрелками из пищалей специализированных отрядов воинов, вооруженных копьями. Как показал опыт предшествующих исследований по этой теме, на вооружении у русских воинов в Сибири и на Дальнем Востоке в XVI-XVII вв. были различные виды и типы древкового колющего оружия ближнего боя: копья, пики и рогатины. Среди образцов подобного оружия, хранящихся в музейных собраниях разных сибирских городов, удалось выделить копья с кониче-

ской втулкой, уплощенно-ромбическим в сечении пером удлинненно-ромбических очертаний, кольцевым упором или «яблоком» и завитками или отрожками на шейке. Оформление некоторых наконечников копий данного типа восходит к западноевропейской культурной традиции. Возможно, что в Сибирь подобные копья были привезены иностранными военными специалистами, которых из-за нехватки людей после длительной смуты и разорения в начале XVII в. российское правительство активно привлекало к военной службе в восточных районах страны. Однако в эпоху позднего средневековья и начальный период Нового времени такие копья были заимствованы у русских казаков и служилых людей и стали нередко использоваться воинами тюркских и монгольских народов. С развитием спроса на такое древковое колющее оружие подобные копья стали изготавливать местные сибирские кузнецы-оружейники, о чем могут свидетельствовать некоторые находки из районов расселения телеутов, енисейских кыргызов и бурят. В составе древкового колющего оружия, использовавшегося русскими воинами в Сибири, были копья с уплощенно-трехгранным в сечении наконечником удлинненно-ромбической формы, граненым «яблоком» и конической втулкой, произведенные в городских ремесленных центрах Средней Азии. У русских такие копья могли заимствовать и представители коренных народов Восточной Сибири. Судя по проанализированным археологическим материалам, русские воины имели различные источники поступления древкового колющего оружия и использовали его на протяжении всего периода присоединения Северной Азии к Российскому государству.

М.П. Чёрная*Томский государственный университет, Томск*

Проблема колонизации Сибири: задачи и перспективы изучения

Обращение к проблеме колонизации Сибири на новом витке социально-политической жизни и развития науки по-прежнему актуально. Выделю 4 аспекта данной проблемы: историческое значение; культур-

ное содержание; сравнение в пространственно-временной динамике; культурное взаимодействие переселенцев и аборигенов. Освоение Сибири, ее сращивание с Русью, не только определило ход и перспективы

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект 10-01-00258а.

развития России, но имело (и имеет) глобальное значение. Однако важность этого процесса недооценивается и отечественной политической элитой, и в историографии. Отсюда утверждение, что Россия, не сумев «переварить» Сибирь, не встала на цивилизационный путь развития западного образца. Непонимание/искажение роли Сибири в исторической судьбе России чревато потерей суперрегиона, например, в озвученном варианте его покупки США. Освоение Сибири остается не просто актуальной научной темой, но проблемой сохранения за Россией евразийского статуса.

Необоснованно рассматривать процесс освоения края в рамках концепции «Сибирь — колония», поскольку в исторической реальности колонизация представляла расширение этнической территории, русское по своему культурному наполнению и российское по государственному оформлению (Чёрная, 2008). Причем культура сохраняла вполне средневековый облик, озарив «яркой закатной вспышкой» XVII век (Культура средневековой Москвы... 2000. С. 4), но в недрах ее вызревали предпосылки культуры уже Нового времени (Чёрная, 2004).

Претворение тысячелетнего колонизационного опыта на сибирских землях обеспечило ошеломительный по темпам, срокам, итогам освоения успех первопроходцев, превративший Сибирь в органическую часть России. Ведущую роль в огосударствлении Сибири, придании ей нового культурного облика, сыграли русские города как основной субъект и неотъемлемый атрибут цивилизационного преобразования края.

Сравнение русской колонизации Сибири с американским фронтиром исторически оправданно, но без преувеличения внешнего сходства и при должном учете внутренних различий. Для выявления общего и особенно важно сравнить освоение сибирского края в рамках российской колонизации. Показательно сопоставление в широком пространственно-временном диапазоне - новгородской колонизации, т. к. суть и облик первоначального освоения Сибири определяла поморская волна, и колонизации Поволжья — не только синхронной, но и сходной по организационно-административным и хозяйственным меркам.

Большие возможности для изучения социокультурного содержания колонизационных процессов и их сравнительно-исторической характеристики имеют археологические исследования, которые должны носить целенаправленный характер. Особенно важны комплексные памятники — поселения и не-

крополи, выступающие маркерами прочного оседания переселенцев и глубокого хозяйственного и культурного освоения ими новых земель.

Неотъемлемую сторону колонизационного процесса составляет взаимодействие различных культур как форма адаптации пришлого населения, — которое, обживая новую землю, встретилось с культурным многообразием аборигенов, — и коренного населения, вынужденного приспособляться к непривычному, меняющемуся облику Сибири. Формы и способы адаптации двух культурных миров — русских и аборигенов — разнообразны и изменчивы. Однако, признавая доминирующую роль русской культуры, как по числу носителей, так и по уровню развития, необходимо отметить, что взаимодействие народов не может быть сведено ни к аккультурации, ни к ассимиляции. Возросшие в числе аборигены сохраняют свой этнокультурный облик вплоть до этнографической современности, а старожилы, заметно пополнив ряды коренного населения, стали русскими сибиряками — жителями Сибири с русским самосознанием, давно и прочно укоренившимися в разнотной и поликультурной среде.

Поле археологических исследований в этой области чрезвычайно широко. Оно охватывает и русские, и аборигенные памятники. Впечатляющее количество русского импорта в последних в овеществленном виде воплощает многообразие связей и степень влияния пришлой культуры на местную. По мере преодоления существующего параллелизма в изучении разнотных памятников расширяются возможности воссоздания «живой» картины взаимодействия культур, имевшего место в прошлом.

Важную роль для изучения процесса колонизации Сибири играют положительные сдвиги последних 15-20 лет: перелом во взглядах специалистов на позднюю археологию с «-» на «+» и становление русской археологии как нового направления в сибиреведении. Накопление источников, расширение методического арсенала собственно археологических исследований, обязательность междисциплинарного синтеза в анализе первоначального этапа освоения Сибири, от которого нам досталось многообразие археологических, письменных, картографических, иллюстративных данных и даже натурные памятники, создает надежную базу для многопланового изучения колонизации сибирского суперрегиона, без которого немислимо познание отечественной истории и существование России.

Культура средневековой Москвы: XVII век. М., 2000.

Чёрная М.П., 2004. Русский город как новый символ в картине мира сибирского общества // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3 (19).

Чёрная М.П., 2008. Русское содержание российской колонизации Сибири в археологическом отражении // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. М. Т. II.

Предыстория русской археологии: поиски древностей в Курском Посеймье XVII в.¹

Светлой памяти А.А. Формозова (1928-2009)

Попытки удревить историю той или иной гуманитарной дисциплины носят, как правило, паранаучный характер. Однако фактические предпосылки научного изучения исторических древностей оказываются старше, чем это отражено в имеющейся историографии, даже самой авторитетной (Формозов, 1987. С. 7-12). Так, постлетописные «Записки» Знаменского монастыря, что в центре летописно-житийного Курска, упоминают, в частности, такой эпизод: «В 1650 г. игумен его Никодим отыскал на старом городище, отстоящем от г. Курска в 15 верстах, близ р. Рати, в земляном валу от древности вшедшие в землю, неведомо чьи палаты, с которых, по осмотру курского воеводы князя Ивана Михайловича Волконского, снят был план и послан к Государю Царю и Великому князю всея Руси Алексею Михайловичу; после чего, по указу его Царского величества, на постройку церкви Знамения Божьей матери в Курске, курскими разного звания людьми, с оных палат лoman был кирпич и дикий камень» (Памятная книжка... 1860. С. 48).

Так замечательный памятник славяно-русской археологии — Ратское городище под Курском (Александров-Липкинг, 1971. С. 110-117; Енуков, 1991. С. 39-41) — послужило полигоном для столкновения двух тенденций духовной жизни русского общества в начале Нового времени: традиционного обскурантизма, равнодушия к вещественной истории своей земли, замешанных на духовной аллергии православной церкви ко всему языческому, с одной стороны, а с другой — новорожденного, незрелого еще просвещения, бескорыстного интереса ко всему необычному в окружающем мире, включая материальные остатки прошлого. Налицо устойчивый интерес представителей и местной, и центральной власти к историческим древностям, причем уже не только драгоценным. Однако что делать с этими древностями, и зачем нужны сведения о них, самодержец, и тем паче его подданные, пока сознают смутно.

Сохранился воеводский план до наших дней в делах Разрядного приказа (что не исключено), он был бы чрезвычайно ценен для археологии, представители которой с тех пор вот уже полтора столетия изучают Ратское городище (сборы Д.Я. Самоквасова в 1870-е, Г.И. Булгакова в 1920-е, Ю.А. Липкинга в 1960-е гг.; разведки И.И. Ляпушкина в 1947, Э.А. Сымоновича

в 1961, П.Г. Гайдукова в 1978, А.В. Кашкина в 1982 гг.; раскопки В.В. Енукова в 1990-1992 гг.).

Опять-таки к Центрально-Черноземному региону относится следующее по времени правительственное мероприятие по самоценному изучению археологически важных объектов. Речь идет о грамоте за 1684 г. — период соправительства наследников Алексея Михайловича, Петра и Ивана Алексеевичей. Она посвящена находке огромных костей (мамонта?) в районе Харькова, на речках Ольшаной и Лосине, притоках Уды, впадающей в Северский Донец. На диковинный скелет наткнулся в 1679 г. черкасский сотник Харьковского полка Иван Демьянов сын Смороцкий, когда копал землю для мельничной плотины в урочище Песочный Колодец близ Ольшанки. О своей находке спустя пять лет, оказавшись в столице, он объявил в Разрядном приказе и для пушей убедительности предьявил «зуб волота» (бивень мамонта?). «Волотами» народная молва именвала живших в незапамятные времена сказочных великанов. Описывая московскому начальству положение «великана» в земле, Смороцкий сообщил, что кости «лежат взначь, преж голову, а руки длиною аршин до 5, и ребра шириною по аршину, а длиною — сказать не знает, потому что те кости погнили и иструпорешили».

В Белгородском столе Разрядного приказа соответствующее дело доверчиво назвали «О находке костей бывших людей-волотов». Царский указ курскому воеводе Ивану Шеину (как ближайшему к месту действия начальнику) предписывал: «Послать по весне в те места из Курска кого пригоже» и «тому посыльному велеть того человека ноги откопать, а откопав, кости измерить, какова которая кость мерою в длину и в толщину и написать на роспись и на чертеж начертить. Да о том и нам, Великим Государям, писать» (Новомбергский, 1915. С. 199, 200). 19 апреля (т. е. как только сошел снег) 1684 г. «для досмотра, и меры, и чертежа волотовых костей из Усть-Песочного Колодезя» выехал «курчанин Максим Никифоров сын Анненков», взяв на подмогу «градских людей сколько человек пригоже». Эта уникальная для своего времени экспедиция с археологическими целями не увенчалась успехом. Иван Смороцкий исправно показал место находки, но «нынче на том месте тех волотовых костей ничего нет, потому что де то место поляя вешняя вода разнесла». Даже найденные сначала кости

¹ Работа выполнена в рамках проекта, поддержанного РГНФ (09-01-72107 ф/Ц 2009-2010 гг.).

«разобрали разных городов многие люди», а имевшаяся у Смороцкого половина «волотова зуба в пожарное время утратилась».

Как видим, за двести лет до появления палеонтологии как науки все действующие лица описанной истории вполне естественно для своего времени дали

удивительной находке легендарно-мифологическое объяснение. Но почему-то одновременно сделали все, чтобы сохранить сведения о ней поточнее и пополнее, что и позволяет причислить данный, а тем более предыдущий, эпизоды к самой что ни на есть ранней предыстории отечественной археологии.

Александров-Липкинг Ю.А., 1971. Далекое прошлое соловьиного края. Воронеж.

Енуков В.В., 1991. Славянский комплекс на Рати // Археология и история юго-востока Руси. Курск.

Новомбергский Н.Я., 1915. Очерки внутреннего управления в Московской Руси XVII столетия // Зап. Московского Археологического института. М. Т. XX.

Памятная книжка Курской губернии на 1860 год. Курск, 1860.

Формозов А.А., 1987. Страницы истории русской археологии. М.

Проблемы сохранения памятников археологии в современной России

Т.А. Асмолкова

*Центр по охране и использованию
памятников истории и культуры, Смоленск*

Современное состояние и проблемы сохранения памятников археологии Смоленской области

В современную эпоху глобализации экономических, социальных процессов только бережное отношение к памятникам истории и культуры позволяет сохранить их уникальность.

На территории Смоленской обл. сконцентрировано множество уникальных памятников истории и культуры. В настоящее время в области 3995 объектов культурного наследия. Из них состоят на государственной охране 2361: объекты археологии – 503, истории – 1224, архитектуры и градостроительства – 604, искусства – 30. В том числе выявленных объектов – 1634.

Состояние памятников археологии в Смоленской обл. может рассматриваться как критическое, для большинства из них необходимо принимать срочные меры по спасению от разрушения, повреждения и уничтожения. Для археологов, как правило, памятники представляют интерес только со стороны раскопок, изучения, о сохранности мало кто задумывается.

Проблемы сохранения памятников археологии существуют как в городе, так и в районе. Непосредственное разрушение памятников происходит в результате природных или антропогенных воздействий. Несанкционированное строительство на территории археологического наследия происходит как в Смоленске, так и в области. Только в самом областном центре любые нарушения легче пресекать. В городах работают государственные службы по сохранению памятников истории и культуры. Однако в последнее время появился новый фактор уничтожения археологического наследия, быстро выдвинувшийся на первый план. Это грабительские раскопки с целью получения древних вещей для продажи. Катастрофическая ситуация сложилась на знаменитом Гнёздовском археологическом комплексе под Смоленском – памятнике, имеющем основополагающее значение для изучения истории древнерусской дружины, славяно-скандинавских отношений и функционирования пути «из варяг в греки». Находки из Гнёздова, украшающие экспозицию Государственного исторического музея, стали основой для

воссоздания культуры древнерусской военной и торговой элиты эпохи Игоря, Святослава и Владимира. Но сегодня большая часть вещей уходит не в музеи, а в частные коллекции и на прилавки антикваров.

Очень остро встали проблемы сохранения объектов культурного наследия, расположенных в районах области. В деревнях становится меньше жителей, многие деревни и вовсе пустеют, поэтому надлежащей охраны памятников археологии не происходит. Если раньше на селе было много молодежи, работали пионерские отряды, комсомольцы, которые следили за сохранностью памятников истории и культуры, то сейчас наша молодежь бежит из сельской местности по известным причинам (маленькая зарплата, отсутствие поддержки государства и т. д.)

Хотелось бы также подчеркнуть немаловажную роль в деле сохранения памятников, содержания их в нормальном состоянии, глав муниципальных образований и администраций, организаций культуры на местах. К этому нас всех обязывает не только моральный и нравственный долг, но и Федеральный Закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

В сложившейся ситуации необходимо организовать активную работу Всероссийского Общества охраны памятников истории и культуры. В целях обеспечения сохранности объектов культурного наследия необходимо установить зоны охраны объектов культурного наследия. Общество не должно равнодушно относиться к существующим проблемам нашей культуры. Общество должно оказывать помощь в работе археологическим экспедициям на местах.

Наблюдения за состоянием памятников археологии носят нерегулярный характер, нередко сохранность оценивается лишь один раз, при первоначальной фиксации. Чрезвычайно важно проведение постоянного мониторинга памятников, который является неотъемлемой частью всего комплекса охранных археологических мероприятий. Это позволяет уви-

деть основные тенденции в развитии ситуации с антропогенной агрессией в отношении памятников археологии.

Каждый памятник археологии подлежит должной охране для будущих поколений независимо от их типологии и местоположения.

М.А. Бакушев

НП «Южархеология», Ростов-на-Дону

М.Ю. Меньшиков

ООО «Столичное археологическое бюро», Москва

Погребальные комплексы Роза 1 и Роза 3 в предгорьях хребта Аибга

В 2010 г. специалисты ООО «Столичное археологическое бюро» (Москва) и НП «Южархеология» (Ростов-на-Дону) в Краснополянском поселковом округе, в зоне строительства олимпийских объектов, проводили охранные раскопки археологического комплекса Роза 1, курганных могильников Роза 3 и Роза 4. Памятники располагаются в лесной зоне Сочинского национального парка.

Наиболее показательны археологический комплекс Роза 1 и курганный могильник Роза 3, которые составляют единый памятник, вытянутый по оси ЮЗ–СВ и разделенный естественным перепадом рельефа. Памятник расположен на террасированном склоне и имеет размеры 350х160 м. На нем выделяются несколько видов объектов, безусловно антропогенного происхождения: террасы; стенки (каменные гряды), как подпорные террасные, так и расположенные на поверхности и выделяющие отдельные участки; каменные насыпи различного назначения; комплекс центрального погребения под каменной конструкцией. Также следует отметить наличие древней тропы или дороги, ведущей к нижнему комплексу от комплекса объектов, расположенных выше по склону и северо-западнее, и далее, к могильнику Роза 4.

Каменные насыпи имели диаметр от 50 см до 4 м и состояли из камней фракцией до 30 см. Часто насыпь примыкала к естественному скальному выходу или крупному обломку скалы. Насыпи располагались как на древней дневной поверхности, так и в ямах, впущенных в мергелевый слой. В этой связи можно предположить различное функциональное назначение и различные причины сооружения различных насыпей.

Незначительное количество обнаруженных костяков по отношению к количеству насыпей (15 на 190 насыпей), возможно, связано с тем, что грунт содержит очень малое количество кальция, что обусловило плохую сохранность костей, а также с тем, что не все насыпи изначально являлись надмогильными конструкциями, о чем говорят способы их сооружения.

При зачистке поверхности найден ряд предметов: керамика, железные прямые ножи, иглы и булавки, кресала, наконечники стрел, наперстки, металлическое

шлифованное зеркальце, серьга. Предметы имеют широкий хронологический диапазон – от XIII до середины XIX в., что позволяет говорить о долговременном использовании этой территории. Среди найденных предметов выделяется достаточно большая коллекция железных ножей длиной от 8 до 15 см и шириной около 1,5–2 см. Некоторые ножи имеют вогнутый режущий край, что говорит об их длительном использовании. Отметим, что часть ножей (и как минимум один наконечник стрелы) найдены воткнутыми в грунт между камней возле насыпей. Из остальных находок надо отметить женское бронзовое кольцо со вставкой из зеленоватого стекла, пряжку от узды и выпуклую нашивную бляшку – вероятно, украшение ремня.

Всего исследовано 15 погребений, большая часть которых (11) располагалась на верхних террасах (Роза 1). Опишем наиболее показательные из них.

Погребение в юго-западной части памятника принадлежало девушке 18–20 лет. Погребенная была положена вытянуто на спине на дневную поверхность, головой на ССЗ. На груди найдены тесьма и пучок ниток, а в насыпи – курительная трубка XVIII – начала XIX в. Трубка, наряду с несколькими фрагментами керамики, попала в насыпь из разрушенного культурного слоя, откуда брали грунт для ее сооружения. Подобная картина наблюдалась при исследовании большинства насыпей верхней площадки; при этом культурного слоя вокруг насыпей не зафиксировано.

От скелета под соседней насыпью сохранилась лишь крышка мужского (40–45 лет) черепа. Находок не было. Не исключено, что здесь мы имеем дело с вторичным погребением.

Погребальный комплекс в южной части памятника, расположенный на нижней площадке, представляет собой центральное сооружение из необработанного камня. Кладка прослежена на высоту 9 рядов. Размеры центрального сооружения 3х2х1,5 м. Оно вытянуто длинной стороной по оси СЗ–ЮВ. Под ним на древней дневной поверхности выявлено захоронение. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на СЗ. В районе берцовых костей найдено железное кре-

сало, позволяющее датировать погребение в целом позднесредневековым временем.

К юго-западу от примыкающей к центральному сооружению конструкции расположено еще одно погребение. Оно содержало останки человека в положении вытянуто на спине, головой на СЗ, который был помещен в незначительно заглубленную в грунт яму. Инвентаря не было.

Еще один каменный заклад выявлен к северу от центрального сооружения. Под ним прослежено скопление угля и кальцинированных костей, в том числе костей черепа (?). С севера скопление было ограничено выкладкой в один ряд из необработанного камня.

Погребение, расположенное к югу от центрального комплекса, принадлежало ребенку. Погребенный был положен в неглубокую яму, вытянуто на спине, головой на СЗ. Инвентарь отсутствует.

Помимо этого на верхней площадке памятника исследовано 9 погребальных сооружений, большей ча-

стью разграбленных (6 из 9), представляющих собой каменные склепы различной конструкции, иногда с двумя камерами внутри (два склепа со смежной стенкой). Склепы располагаются на дневной поверхности; все они разновременные и датируются XIII–XVIII вв. Преобладает обряд ингумации, однако некоторые погребения несут следы кремации (кальцинированные кости, угольки). Кости погребенных сохранились крайне плохо, однако по их положению можно говорить о том, что все погребения были вытянутыми, с различной ориентировкой. Из найденных здесь предметов следует отметить однолезвийную саблю, наконечники стрел, детали щитов и один длинный железный нож.

Интерпретация многих исследованных объектов еще не завершена, однако ясно, что Роза 1 и Роза 3 являются интереснейшими археологическими комплексами, отражающими как материальную, так и духовную культуру адыгов эпохи позднего средневековья и Нового времени.

Е.М. Беспрозванный, Г.З. Вайсман
НАЦ «АВ КОМ-Наследие», Екатеринбург

Археологическая разведка или археологическое обследование в системе историко-культурных экспертиз зон хозяйственной деятельности

При обследовании территорий, отводимых под хозяйственную деятельность, применяются методологические подходы «археологической разведки», целью которой является **выявление археологических объектов**. При этом информация непосредственно об участках хозяйственной деятельности, особенно тех, на которых археологические объекты не выявлены, или не собиралась, или была недостаточна.

В 2002 г. в законодательство РФ было введено понятие «историко-культурная экспертиза» земельных участков, отводимых под хозяйственную деятельность, направленная на определение влияния такой деятельности на объекты культурного наследия и определение условий обеспечения их сохранности. Данный вид экспертизы основывается на результатах **детального археологического обследования** земельного участка. Целью такого обследования является не столько выявление археологических объектов, сколько определение на основании методик полевых археологических исследований их наличия или отсутствия. Эта задача является не менее важной, чем выявление археологических объектов.

Применение детального археологического обследования участков, отводимых под хозяйственную деятельность, требует корректировки как принятых методических подходов проведения археологических разведок, так и системы обработки информации. Важнейшим аспектом является определение критериев качества обследования участка, разработанных с учетом ландшафтно-топографической и историко-культурной специфики территории. Это необходимо для объективной оценки экспертом качества работ при подготовке экспертного заключения и, что важнее, при утверждении данного заключения в государственных органах охраны объектов культурного наследия. Отсутствие таких критериев может привести к многочисленным «независимым» экспертизам, каждая из которых будет иметь свое мнение. В отчет о результатах обследования необходимо давать всю информацию об участке (топоматериалы, стратиграфические разрезы, фотоматериалы и т. д.), в том числе обосновывающую отсутствие археологических объектов, причем материалов должно быть достаточно для принятия экспертом решения о возможности и

условиях осуществления хозяйственной деятельности. Необходимо изменение психологии исследователя ввиду того, что при выявлении археологического объекта в дальнейшем, в процессе хозяйственной деятельности на ранее обследованном участке, ответственность за его повреждение или разрушение ложится на него.

Традиционная «археологическая разведка» с ее целями и задачами применима только при целевом поиске памятников (например, памятников определенных типов, эпох и т. д.). Кроме того, археологиче-

ское обследование территории, совокупность информации о ней, включая участки, на которых отсутствуют археологические объекты, позволит дать объективную оценку ландшафтно-топографической и палеоисторической ситуации, что невозможно при выборочных данных, получаемых в результате «археологических разведок».

Вышеописанные подходы апробировались в течение последних 15 лет при проведении историко-культурных экспертиз на территории ХМАО – Югра.

А.В. Борисов

Министерство культуры Омской области, Омск

А.В. Полеводов

Национальный археологический и природный парк «Батаково», Омск

Полевые археологические работы и (или?) историко-культурная экспертиза

С июля 2002 г. действует Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее – Федеральный закон), который впервые ввел в российском законодательстве об объектах культурного наследия такую категорию, как историко-культурная экспертиза. В Федеральном законе историко-культурной экспертизе посвящена отдельная глава (V), в которой определены цели, принципы, объекты историко-культурной экспертизы, а также порядок ее назначения и проведения.

В соответствии с третьим абзацем ст. 30 Федерального закона, одним из объектов историко-культурной экспертизы являются земельные участки, подлежащие хозяйственному освоению. Непосредственно интерес в данном случае представляют отношения, возникающие при проведении историко-культурной экспертизы земельных участков в ситуациях, когда предметом экспертного исследования выступают объекты археологического наследия.

Сразу следует отметить, что в самом тексте Федерального закона не сформулировано понятия «историко-культурной экспертизы» и «земельного участка, подлежащего хозяйственному освоению», хотя и присутствует отсылочная норма (п. 3 ст. 31 Федерального закона), в соответствии с которой непосредственно регламентация экспертизы (порядок ее проведения и все, что с этим связано) устанавливается подзаконным актом Правительства РФ. Указанный подзаконный акт (Постановление Правительства Российской Федерации от 15 июля 2009 г. № 569 «Об утверждении Положения о государственной историко-культурной экспертизе») вступил в силу лишь через семь

лет после принятия Федерального закона и также не заполнил данного пробела.

Со всей очевидностью можно утверждать, что одной из основных целей проведения экспертизы в отношении земельных участков, подлежащих хозяйственному освоению, является определение их «ценности» с точки зрения археологии.

Из анализа ст. 5 Федерального закона следует, что «ценность» земельных участков с точки зрения археологии зависит от наличия на них объектов археологического наследия.

Условно указанные объекты можно разделить на следующие категории:

- 1) объекты археологического наследия, получившие официальный (легальный) статус объектов, подлежащих государственной охране, еще до начала проведения экспертизы (имеющие статус объектов культурного наследия и выявленных объектов культурного наследия);
- 2) не выявленные и ранее неизвестные объекты археологического наследия.

Именно вторая категория объектов, как показывает практика, в ходе хозяйственного освоения территории подвергается наибольшему «ущемлению».

При этом следует отметить, что в соответствии с абзацем 3 ст. 3 Федерального закона основным или одним из основных источников информации об объекте археологического наследия являются археологические раскопки (археологические полевые работы), а также находки (археологические артефакты), получаемые в результате указанных работ.

Из п. 8 ст. 45 Федерального закона следует, что работы по выявлению и изучению объектов археологи-

ческого наследия (археологические полевые работы) проводятся на основании выдаваемого сроком не более чем на один год в порядке, устанавливаемом уполномоченным Правительством РФ федеральным органом исполнительной власти, разрешения (открытого листа) на право проведения работ определенного вида на объекте археологического наследия.

Таким образом, «археологическую ценность» земельных участков, подлежащих хозяйственному освоению, могут определить только археологи, которые фактически уже сами по себе выступают в роли аттестованных экспертов. В качестве же экспертного заключения в данном случае выступает их научный отчет, составляемый по результатам полевых археологических работ и утверждаемый Отделом полевых исследований ИА РАН, который в данной ситуации фактически выполняет роль экспертного совета, утверждающего экспертное заключение.

Вместе с тем, как следует из анализа норм Федерального закона, посвященных историко-культурной экспертизе, а также Положения о государственной историко-культурной экспертизе, после проведения на территориях, подлежащих хозяйственному освое-

нию, археологических полевых работ и составления отчета о данных работах дополнительно необходимо проведение историко-культурной экспертизы указанных земельных участков (в том числе на предмет их «археологической ценности»).

В связи с этим вызывает сомнение целесообразность проведения историко-культурной экспертизы «по мотивам» уже самих по себе легитимных полевых археологических работ, проведенных исследователем – археологом, обладающим соответствующими познаниями в указанной области, имеющим на это соответствующий допуск – открытый лист, и уже определившим в своем научном отчете, являющемся фактически экспертным заключением, ценность земельного участка с точки зрения археологии, равно как и применимость установленных Федеральным законом формальных процедур историко-культурной экспертизы в отношении земельных участков, обследуемых на предмет их «археологической ценности».

С учетом изложенного, такой объект историко-культурной экспертизы, как земельные участки, подлежащие хозяйственному освоению, требует правовой доработки с учетом «археологической специфики».

С.Б. Бурков

Институт истории и археологии при Северо-Осетинском государственном университете им. К.Л. Хетагурова, Владикавказ

Нормативно-правовое сопровождение полевых археологических работ

Интерес центральных институтов власти России к ее древностям стал формироваться значительно раньше, чем понимание важности их сохранности и изучения. Первоначально это было связано с практическими соображениями, однако вплоть до начала XVIII в. государственного интереса и осознанного отношения к объектам археологии как к историческим источникам не сформировалось. Необходимость в законодательно регламентированных правилах организации и проведения археологических исследований в России была связана с потребностью ввести в этот процесс регулирующую функцию государства. С этой целью в 1859 г. создается Императорская Археологическая комиссия, которой 11 марта 1889 г. Высочайшим повелением предоставляется «исключительное право производства и разрешения, с археологической целью, раскопок в Империи на землях казенных, принадлежащих разным установлениям, и общественных». До этого времени подобное разрешение могло быть выдано генерал-губернатором либо другим региональным высокопоставленным лицом. Для проведения работ на частных землях исследователям, помимо «открытого

листа», необходимо было получить разрешение собственника, им же этого не требовалось.

Правила работ и процедура получения разрешения на их ведение устанавливались одной организацией, которая являлась и главным органом по их производству, – Императорской Археологической комиссией. При этом законом определялась только структура, имеющая на это право, но не регламентировались сами правила. Комиссия самостоятельно определяла права и устанавливала требования к данному виду изысканий для учреждений и частных лиц, желавших производить археологические раскопки.

Были разработаны и 12 ноября 1883 г. утверждены форма «Открытого листа» и общие правила представления отчетной документации и найденных артефактов. Появление «Открытого листа» было вызвано необходимостью предотвращения несанкционированного разрушения и уничтожения погребальных памятников и установления определенных стандартов качества при ведении археологических раскопок. В дальнейшем разрешительная функция данного документа формировалась исключительно в направле-

нии требований к квалификации исследователя, связанных с правилами ведения полевых исследований и качества предоставляемой отчетной документации. Регламентация действий в области научных исследований государством не предусматривалась и законодательно не оформлялась. Эта норма продолжает действовать и в настоящее время.

Объективная закономерность зависимости принципов юридического оформления норм и правил, регламентирующих действия с объектами и предметами материальной культуры, от характера социального устройства общества в полной мере применима и к историческим судьбам археологического наследия России.

Изменения в нормотворчестве, произошедшие после 1917 г., были связаны с новыми способами формирования органов государственной власти, управления и организации их деятельности. Ограничения, основанные на приоритете частной собственности, были устранены, что отразилось, в том числе, и на системе разрешительных мер по изучению памятников археологии. В 1918 г. при Наркомате просвещения образуется Коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины, в том числе археологических. Постановлением ВЦИК и СНК от 7 января 1924 г. были даны общие правила по охране и использованию археологических памятников. Для проведения научных исследований декретом от 18.04.1919 г. было создано новое учреждение – РАИМК. В числе его функций документ определял обязанности научной охраны и контроля над производством археологических исследований, однако данный декрет нигде не был опубликован и не вошел в кодекс законов. Его основные положения приведены только в не имеющей кодификационного значения брошюре ГАИМК, ни в одном юридическом архиве его следов нет. Данная организация, как и все последующие ее правопреемники, в том числе и ИА РАН, до сих пор действовали на основе этого документа, осуществляя, в том числе, выдачу «Открытых листов». Эта процедура вплоть до настоящего времени не имеет своего надлежащего юридического оформления.

На начальном этапе право на выдачу «Открытых листов» принадлежало музейному отделу Наркомпроса. Затем, путем передачи функций, это стала делать ГАИМК. Отсутствие у Наркомпроса должных возможностей вызвало постановление ВЦИК и СНК от 20.08.1932 г. Однако археологические памятники в нем упомянуты не были, в связи с чем 10.02.1934 г. издается Постановление «Об охране археологических памятников». С изданием этого закона было признано утратившим силу постановление ВЦИК и СНК от 07.01.1924 г. Затем своим постановлением Президиум ВЦИК 05.06.1938 г. вопросы охраны памятников передает Управлению по делам искусств при СНК РСФСР и ликвидирует Межведомственный Комитет.

В результате этих событий на законодательном уровне контроль над действиями с археологическими

памятниками был утрачен. С вступлением в силу постановления от 10.02.1934 г., отменой нормативно-правового акта от 07.01.1924 г. и ликвидацией Межведомственного Комитета на тот момент не осталось ни одного правительственного органа, охраняющего археологические памятники. Порядок производства их раскопок по «Открытым листам», указанный в отмененном законодательном акте от 07.01.1924 г., также утратил свою силу. Ни Межведомственный Комитет, ни Наркомпрос этот вопрос так и не регламентировали, в связи с чем ИИМК продолжал выдавать разрешения на основании нормативно-правового акта, утратившего свою силу. Этот факт подтверждают и сами бланки разрешений того времени, в сопроводительном тексте которых одновременно фигурируют ссылки как на отмененный документ 1924 г., так и на отменивший его закон 1934 г. В 1939 г. ИИМК издает инструкцию к «Открытым листам», также не имея на это юридического основания. Понимание этого факта присутствовало как у организаторов всесоюзного археологического совещания 1945 г., так и у ряда современных исследователей. Вплоть до последнего времени при производстве археологических работ применялось Положение «О порядке проведения археологических полевых работ (раскопок и разведок) и составления научной отчетной документации», утвержденное решением Ученого Совета ИА РАН 30.03.2007 г. Исследователи, занятые анализом действующего законодательства в области изучения и охраны культурного наследия, относят его к так называемым «локальным подзаконным актам», издаваемым организациями для своего внутреннего пользования. Они могут применяться иными учреждениями лишь на основании отдельного решения их руководства. В «Инструкции» регламентирована только научная составляющая археологических работ. Ссылка на ст. 49 Положения «Об охране и использовании памятников истории и культуры» несостоятельна, т. к. «научная регламентация» не содержит в себе разрешительного содержания по определению. В бланках Открытых листов, до недавнего времени выдаваемых ИА РАН, в разделе «Обоснование», кроме этого документа, указывался п. 8 ст. 45 Федерального закона № 73-ФЗ, которым установлен только сам факт выдачи для производства полевых археологических работ данного вида разрешения, но не определен его источник.

В последней редакции данного закона порядок выдачи «Открытых листов» устанавливается уполномоченным Правительством РФ федеральным органом исполнительной власти. На этом основании Постановлением Правительства РФ № 407 от 29.05.2008 г. было утверждено «Положение о федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в области охраны культурного наследия». В перечне ее полномочий – принятие нормативных правовых актов в установленной сфере деятельности, в том числе Положения «О порядке выдачи разрешений (открытых листов) на право проведе-

ния работ на объектах археологического наследия», которое было утверждено приказом Росохранкультуры № 15 от 03.02.2009 г.

Несмотря на кажущуюся урегулированность вопросов, связанных с действиями с археологическими памятниками, остается ряд законодательных проти-

воречий, требующих своего разрешения, в том числе – в связи с проводимыми в последнее время реорганизациями. Один из наиболее актуальных вопросов – право регионов на самостоятельную регламентацию действий с археологическим наследием регионального и муниципального значения.

А.А. Василевский

Сахалинская лаборатория Института археологии и этнографии СО РАН и Сахалинского государственного университета, Южно-Сахалинск

Исследования Сахалинской лаборатории археологии в зоне добычи и транспортировки углеводородного сырья на Сахалине и Нижнем Амуре в 1996–2010 гг.

Лаборатория археологических исследований СахГУ возникла в 1950-е гг. как археологический кружок (зав. Л.С. Грибанова), в 1974 г. оформилась как лаборатория (В.А. Голубев), в 2005 г. обрела академический статус как подразделение ИАЭТ СОРАН. С 1996 г. лаборатория – генподрядчик по охране культурного наследия в нефтегазовых проектах на Сахалине – «Сахалин 1 и 2». С 2008 г. в содружестве с хабаровскими археологами идут исследования и на Нижнем Амуре. Предпочтение отдается неразрушающим способам изучения объектов. Применяются частичные изменения, перетрассировки, локальные обходы, горизонтально направленное бурение с прокладкой трубопроводов и линий связи ниже культурных слоев, перекрытие многослойными подушками из геотекстиля, георешетки, льда и снега и т. д. Щадящие методы защиты объектов культурного наследия (ОКН) позволяют принципиально сократить расход времени и средств, сохранить большинство ОКН и минимизировать общий уровень антропогенного воздействия на среду. В проекте «Сахалин 2» разработан уникальный для РФ документ – «План действий в отношении объектов культурного наследия», и сопутствующее пособие – справочник для персонала проекта на русском и английском языках (Василевский и др., 2004). Один из ключевых вопросов – координация взаимодействия археологов, территориальных органов власти, управленцев и производственников в рамках процедур прохождения информации, принятия и исполнения решений. Например, в проекте «Сахалин 2» строился завод СПГ, десятки городков и технологических сооружений, более 1100 км трубопроводов и линий связи в три нитки, подъездные дороги. В проекте было четыре уровня – заказчик – подрядчик – субподрядчик – соподрядчик – и шесть потоков, по несколько колонн. Значение имели постоянная связь, все виды дисциплины, отчеты и регламент.

Разрабатывались и осуществлялись мероприятия на предпроектной, проектной и строительной стадиях. В том числе: обозначение на местности охранных зон; спасательные раскопки; круглогодичный мониторинг с применением ГИС «Сахалин»; выполнение программы действий по уменьшению техногенного воздействия; обработка, изучение и хранение источников и информации; обучение персонала компаний.

За 15 лет открыто более 200 объектов культурного наследия на Сахалине и 32 – в Хабаровском крае, в том числе стоянки, поселения, курганные могильники и крепости, военные лагеря, места боев, фортификационные сооружения и мемориалы войн XX в. Методом раскопок изучено более 60 сооружений (жилищ, хранилищ, курганов, захоронений) в составе 16 стоянок и поселений эпох палеолита, неолита, раннего железа и средневековья на площади более 15000 м². Получено до 120 абсолютных дат, в том числе даты культурного слоя стоянки Сенная 1 – 154000±15000, 167000±19000; 175000±28000 и 197000±32000 л., – которые закрепляют информацию о среднеплейстоценовом возрасте объекта. Даты хорошо иллюстрируют этапы доисторического развития региона: эпохи нижнего и позднего палеолита (230–140 и 30–13 тыс. л.), переходная эпоха (13–9 тыс. л.); неолит – 9–2,5 тыс. л. н.; палеометалл и средневековье – 2,5–0,3 тыс. л. н.

Существенное увеличение объемов исследований и расширение их географии на Сахалине привели к накоплению принципиально нового археологического материала. Это повлекло за собой появление новых представлений о первоначальном заселении региона; произошли значительные изменения и в интерпретации ряда ранее известных археологических культур. Возникла почва для широкого научного сотрудничества, что обусловлено ростом интереса к региону со стороны коллег и научных учреждений страны и мира.

Василевский А.А., Снеткамп П., Грищенко В.А., Кашицын П.В., 2004. Охрана и оценка археологических объектов: Пособие для персонала проекта «Сахалин-2». (На англ. яз.: Vasilevski

A., Snethkamp P., Grishenko V., Kashitsin P. The evaluation and protection of archeological objects.). Южно-Сахалинск.

Г.П. Ведмидь

Историко-культурный научно-производственный центр «Барсова Гора», Сургут

Архитектурная планировка территорий охранных зон объектов культурного наследия Сургутского Приобья

За последние десять лет центром «Барсова Гора» разработано семь проектов зон охраны объектов культурного наследия. Методической основой для их составления послужили законодательные и нормативные правовые акты как федерального, так и регионального уровней, включая ряд методических рекомендаций, которые напрямую касаются архитектурно-планировочных вопросов охранного зонирования. Следует подчеркнуть, что в этих источниках отражены проектные подходы, которые связаны, как правило, с объектами архитектуры, исторически сформировавшимися в городской среде. Однако число подобных исторических поселений в Среднем Приобье крайне незначительно. Почти 90% культурного наследия региона составляют памятники археологии, которые наряду с объектами этнографии коренного населения (ханты и манси) представляют собой природно-ландшафтные объекты. К ним относятся участки леса, озера, реки, возвышенности. Вкупе с объектами археологии они образуют ансамбли культурного

наследия, занимая, как правило, обширные участки территорий. В этом и заключается региональная особенность: *природно-ландшафтный фактор*, наряду с историко-культурным, является одним из определяющих в процессе обоснования архитектурно-планировочных решений охранных зон.

Ко второй особенности следует отнести *техногенный фактор*. Освоение интенсивными темпами огромных территорий объектами нефтепромысла часто наносит невосполнимый урон культурному наследию. Примером может служить крайне неудовлетворительное состояние археологического комплекса Барсова Гора, этнокультурного комплекса «Священное оз. Имлор», а также ряда иных особо значимых мест, расположенных вблизи г. Сургута. В этой связи разработка проектов охранных зон должна предшествовать промышленному освоению территорий, а соблюдение режима их содержания стать одним из действенных способов сохранения культурного и природного наследия региона.

А.Г. Векслер

Москомнаследие, АНО «Наследие», Москва

Спасательная археология и музеефикация в условиях современного мегаполиса (на опыте Москвы)

Проблема музеефикации объектов, раскрытых и вводимых в городскую среду, является сегодня одной из актуальных в археологии. В сложном археологическом комплексе Москвы в последние десятилетия отмечены сотни ярких объектов жизнедеятельности поколений, осваивавших территорию и создававших город. Крупномасштабные спасательные работы, связанные с развитием современного мегаполиса, вызы-

вают необходимость музеефикации наиболее выразительных архитектурно-археологических объектов.

Первая попытка музеефикации архитектурно-археологического объекта была предпринята в 1960-е гг., во время реставрации памятников Зарядья, – это фрагмент кладки **Варварской башни (1535 г.) Китай-города**. В начале 1980-х гг. в Зарядье музеефицирован **Горновой комплекс рубежа XV–XVI вв.** на усадьбе

бояр Романовых (территория филиала ГИМ), где создан подземный павильон, посвященный раскопкам.

Важной вехой в процессе археологической музеефикации стали спасательные работы на Манежной площади 1993–1995 гг. После раскрытия, консервации и музеефикации кладок здесь создан первый в Москве Музей археологии, главным экспонатом которого является **Воскресенский мост XVII–XVIII вв.**

Выдающаяся по значению коллекция атриума **Старого Гостиного двора** из раскопок 1990-х гг. представлена в экспозиции специально созданного Выставочного археологического комплекса.

На рубеже XX–XXI вв. при проведении спасательных археологических исследований в Третьяковском проезде удалось раскрыть и музеефицировать основания **храма Троицы в «Старых Полях» 1565 г.** Сохранение объектов возможно лишь на основе тщательного изучения исторической территории, заложенного в проекте организации археологических работ (ПОАР).

Показательный пример тому – проектирование музеефикации фрагмента крепости **Белого города конца XVI в.** на Хохловской площади.

Уникальный архитектурный объект – фрагмент **палат А.П. Волынского XVIII в.**, обнаруженный при реставрации здания МАРХИ на Рождественке, – сохранен и музеефицирован в подземном этаже ин-

ститута. Археологическая музеефикация представляет значительный интерес при изучении подгородных усадебных комплексов. В **Царицыно** раскрыты и сохранены **Кавалерский и Камер-Юнфарский корпусы**, построенные В.И. Баженовым. Внутри самого здания Большого дворца раскрыты кладки как самого сооружения, так и более ранних комплексов.

В **Коломенском** подготовлены к музеефикации кладки **Дворца царя Алексея Михайловича**. Археологические работы в усадьбе **Воронцово** позволили раскрыть и музеефицировать его **въездную зону с мостом**. Одной из важнейших проблем археологической музеефикации является открытый показ древних ландшафтных объектов, в том числе городищ и курганов. В Москве такие работы ведутся в заповедниках **«Царицыно»** и **«Коломенское»**, а в районе **Митино** ведется подготовка к созданию ландшафтного археологического парка.

При решении проблем археологической музеефикации в условиях современного мегаполиса чрезвычайно важным представляется сотрудничество археологов со всеми структурами градостроительства, благоустройства, реставрации. В итоге такой деятельности возникают объекты, обогащающие архитектурный облик города, представляющие «живую связь времен».

*А.Г. Векслер, В.А. Беркович
Москомнаследие, АНО «Наследие», Москва*

Опыт сохранения археологического наследия при решении транспортных проблем в Москве

В настоящее время охранные археологические исследования в Москве теснейшим образом связаны с решением транспортной проблемы в историческом центре. Строительство подземных паркингов и транспортных развязок в зонах археологических объектов постоянно расширяет представления об исторической застройке и топографии средневековой Москвы.

В настоящее время транспортная проблема современной Москвы является одной из наиболее острых проблем крупнейшего мегаполиса России.

Исходя из мирового опыта, одним из путей решения проблемы является сооружение многоярусных подземных паркингов. Вместе с тем, на территории исторического центра исторического города строительство подземных сооружений невозможно без решения проблемы сохранения археологического наследия.

Важнейшим этапом проведения охранных археологических мероприятий является археологическое проектирование на основе тщательного анализа со-

хранности культурного слоя. В составе проектов строительства подземных паркингов на **Лубянской площади**, на трассах **Бульварного и Садового колец**, на **площади Тверской Заставы** и др. разработано около полутора десятков разделов по сохранению объектов археологического наследия – Проектов организации археологических работ.

В ходе натурных охранных археологических исследований, связанных со строительством многоуровневого подземного паркинга на **Хохловской площади** раскрыт участок оборонительной стены Белого города XVI в. В кладке обнаружены уникальные белокаменные резные детали из разобранных сооружений Московского Кремля XV в. Инвестором строительства подготовлен проект и реализовано техническое решение, позволившее, не разбирая кладки, подвести под нее платформу и полностью сохранить уникальный памятник. В настоящее время разрабатывается проект реставрации и начаты работы по музеефикации архитектурно-археологического объекта.

На **Пушкинской площади** на участке проектируемого строительства транспортных туннелей и подземного паркинга в зоне исторической Бронной слободы прослежены остатки сохранившихся разновременных сооружений. В раскопах обнаружены фундаменты каменных строений XIX–XX вв. и остатки деревянной дренажной системы XVIII–XX вв.

Важно отметить, что археологические исследования здесь носят предпроектный характер и позволят получить документальные данные о степени сохранности и локализации объектов археологического наследия для их дальнейшего изучения и музеефикации, в том числе фундаментов Страстного монастыря, оснований стен и Тверских ворот Белого города.

В ходе исследований на **Триумфальной площади**, связанных с разработкой проекта строительства подземного паркинга, под остатками каменной застройки XIX–XX вв. расчищены и зафиксированы деревянные срубы Тверской Ямской слободы XVII–XVIII вв. Обнаруженные деревянные постройки, а также находки предметов быта слобожан, будут представлены в объеме подземного сооружения.

Таким образом, проведенные работы являются выразительным примером того, как в современном городе транспортное строительство сочетается с вопросами сохранения археологического наследия, возможностью введения в систему подземных парковок уникальных сооружений древности.

К.В. Воронин, М.Ю. Меньшиков
ООО «Столичное археологическое бюро», Москва

Археологический комплекс Роза в окрестностях Красной Поляны: результаты исследований 2010 г.

В 2010 г. в рамках реализации проекта строительства олимпийских объектов горного кластера «Роза-Хутор» в окрестностях Красной Поляны исследован археологический комплекс Роза, включающий:

- поселение Роза-Хутор 1;
- верхний культовый комплекс с мегалитическим сооружением, менгирами и семью каменными средневековыми усыпальницами;
- нижний культовый комплекс с позднесредневековым каменным склепом и примерно двумястами каменными набросами;
- древнюю дорогу между верхним и нижним культовыми комплексами;
- историческую тропу, проложенную от нижнего культового комплекса, проходящую через святилище с зооморфной стелой;
- святилище с зооморфной стелой «волк» изначально природного происхождения.

Эти объекты исторически и археологически взаимосвязаны и использовались древним населением в разные хронологические периоды – от эпохи бронзы (около 3000 л. н.) до позднего средневековья.

Поселение Роза-Хутор 1 расположено на участке к западу от верхнего культового комплекса Роза 1. В древности оно занимало довольно большую площадь, однако в настоящее время значительная часть поселения не сохранилась – территория, пригодная для археологических раскопок, составила около 400 м². Мощность культурного слоя на памятнике составляет около 0,6 м.

Выделяются два периода существования жизни на поселении Роза-Хутор 1: позднего бронзового века

(первая треть I тыс. до н. э.) и средневековый (XV–XVIII вв.). Наиболее интересные находки (кремневая пластина, зернотерки, погребение с массивными бронзовыми браслетами с гранеными окончаниями и керамическим сосудом в каменном ящике) связаны с ранним периодом.

Верхний культовый комплекс Роза-Хутор 1 расположен к востоку от выявленного поселения, на площади около 1600 м². Его структура визуально эффектна и сложна по своей организации. Формирование комплекса происходило, вероятно, в два не связанных между собой этапа. К первому этапу, предварительно датированному широким временным интервалом от I тыс. до н. э. до I тыс. н. э., относятся мегалитический комплекс и менгиры, расположенные на плоских участках рельефа. Мегалитический комплекс состоит из лежащей горизонтально массивной крупной каменной плиты и расположенных по ее периметру крупных каменных блоков. В почве под каменной плитой найден фрагмент лепной керамики. Ко второму, средневековому, этапу (XIII–XV вв.) относятся округлые каменные усыпальницы диаметром 3–9 м, а также древние террасы, выделенные в рельефе и укрепленные каменной кладкой.

На верхнем комплексе найдено много металлических предметов, возможно являвшихся приношениями, – ножи, наконечники стрел, фибулы, крестовидная подвеска, колчаный крюк, свинцовые пули. В целом, большинство находок с верхнего комплекса можно датировать первой половиной I тыс. н. э. – XIX в. В каменных средневековых усыпальницах присутствовали предметы вооружения, датированные XIII–XV вв., – железные детали щитов и клинковое оружие.

Рис. 1
Зооморфная стела и тропа в курумнике

Нижний культовый комплекс Роза-Хутор 1 расположен в низине, к востоку от верхнего, на площади около 4400 м². Он состоит примерно из 200 каменных насыпей, не содержащих находок, как правило, созданных на основе каменных природных образований, и одного каменного склепа с остатками двух вытянутых костяков и железным кресалом.

Вещевые находки (ножи, пулелейка, гвозди, пули и другие предметы из железа) связаны с эпохой средневековья и нового времени и встречены локально на небольшой площадке, свободной от каменных насыпей, возможно использовавшейся для проведения каких-либо обрядов. Эта площадка расположена в начале тропы к святилищу с зооморфной стелой и одновременно в центральной части нижнего могильника.

Между верхним и нижним культовыми комплексами прослежен участок древней дороги шириной до 2–3 м, протяженностью около 70 м, идущий по краю

природной террасы в контексте рельефа местности. Проложенная через курумник (природный завал крупных камней) историческая тропа, длиной около 150 м, начинается от нижнего культового комплекса и проходит через святилище с зооморфной стелой, по своим очертаниям напоминающей голову волка (рис. 1). Своим окончанием тропа выходит на участок древней дороги. На тропе найден железный наконечник стрелы, предварительно датированный аланским временем.

Святилище с зооморфной природной стелой – эффектный памятник, несомненно концептуально связанный с использованием исторической тропы в древности. Доминантой святилища является крупная уплощенная стела природного происхождения размером около 4,5х10–12 м. На юго-западном торце стелы имеется длинная узкая полость природного происхождения, возможно дооформленная людьми, напоминающая пасть хищного зверя (волка?). Перед стелой расположена небольшая (до 25 м²), расчищенная от камней площадка, вероятно использовавшаяся для ритуальных действий, свидетельством совершения которых является находка бронзового котла и чаши – важных предметов культовой практики народов Кавказа.

Все описанные археологические объекты – поселения, связанные древней дорогой культовые комплексы, проходящая через святилище историческая тропа, само святилище с зооморфной стелой, несомненно, исторически и археологически взаимосвязаны. Они использовались древним населением этих мест в разные хронологические периоды – от эпохи бронзы (около 3000 л. н.) до позднего средневековья. Возможно, последние события, которые можно связать с памятником, относятся к периоду окончания русско-кавказской войны.

К.В. Воронин

Институт археологии РАН, Москва

Е.А. Черненко

ООО «Столичное археологическое бюро», Москва

Об археологической музеефикации и воссоздании археологизированных объектов

Действующее законодательство трактует памятники археологии как «скрытые частично или полностью под землей или водой следы жизнедеятельности человека», территория которых исключается из хозяйственного оборота. В случае необходимости, под мерой их охраны понимается сохранение содержащейся в них научной информации путем проведения археологических раскопок, вследствие которых она материализуется в виде научно полученных и обрабо-

танных коллекций артефактов и материалов научного отчета. Именно обработанные и сданные в государственный музейный фонд коллекции и подготовленный научный отчет традиционно рассматриваются как закономерный и логический финал археологических полевых исследований.

Вместе с тем, в ходе раскопок зачастую вскрываются разного масштаба археологизированные сооружения и конструкции, несомненно являющие собой

разновидность артефактов, которые после раскрытия приобретают черты, более характерные для объектов архитектуры, и обладают историко-культурными свойствами достопамятного места. Речь идет об остатках жилых, хозяйственных, культовых построек, оборонительных и инженерных сооружений различной древности. Ранее подобные архитектурные находки, за исключением исторически экстраординарных объектов типа сооружений Танаиса, демонтировались в процессе раскопок или консервировались по окончании работ. Однако в последние годы подобные находки, более локальные и менее масштабные, чем развалины античных городов, эпизодически становятся объектами археологической музеефикации или воссоздания.

В широком смысле под археологической музеефикацией подразумевается сохранение некогда археологизированного, как правило архитектурного, объекта «in site». Если сохранение объекта «in site» нереально, возможным вариантом его сохранения является воссоздание на новом месте. Воссоздание подразумевает демонтаж объекта, его перемещение и сборку, максимально приближенную к оригинальной, с целью экспонирования. И на музеефицированных, и на воссоздаваемых объектах непременно осуществляется комплекс консервационных и реставрационных действий, как правило, применяемый на объектах архитектурного наследия, с целью повышения устойчивости к воздействию окружающей среды, сезонным и погодным колебаниям.

Участившиеся случаи музеефикации и воссоздания археологических объектов обусловлены, как правило, двумя факторами, зачастую взаимосвязанными. Во-первых, интересом властей и общества к истории определенных территорий вследствие роста общей культуры или необходимости решения воспитательных и политических задач (раскрытые археологизи-

рованные объекты – благородная материализованная квинтэссенция истории определенного места, осознание которой происходит на визуально-интуитивном уровне и не требует специальной подготовки). Во-вторых, желанием повысить туристическую привлекательность территории, визуальную акцентировать ее историческую значимость.

Целью музеефикации является использование раскрытого археологизированного сооружения как объекта показа. Этот показ может осуществляться как в контексте исторического ландшафта, в том числе и воссозданного, где музеефицированными археологическими объектами подчеркивается его аутентичность и усиливается визуальная эстетика (Кавалерский и Камер-Юнфарский корпуса, парк Царицыно, г. Москва), так и в структуре современной городской среды, где археологической музеефикацией, в частности, маркируется и оттеняется коммеморативная значимость определенной территории (Церковь Троицы в Полях, Лубянка, г. Москва). Отдельным направлением археологической музеефикации и экспонирования следует считать сохранение раскрытых раскопками археологических объектов в контексте реликтового природного ландшафта (археологический комплекс Роза-Хутор, Красная Поляна, Западный Кавказ). Задачей этих работ являлось создание ландшафтного парка с органично вписанными в его структуру изученными археологическими объектами, музеефицированными или воссозданными, прежде всего, с целью усиления туристической привлекательности территории.

Таким образом, в последнее время археологические исследования являются не только методом получения и сохранения научной информации, содержащейся в объектах археологического наследия, но и при необходимости выполняют ранее не свойственную функцию управления историко-культурными ресурсами России.

З.М. Габдрахманова
ОАО «ТомскНИПИнефть», Томск

Организация охранной археологической деятельности в составе проектно-исследовательских работ

Проекты развития территорий представляют одну из самых больших физических угроз археологическому наследию. Особо масштабными разрушениями чревата деятельность организаций, связанных с добычей минеральных ресурсов и крупным строите-

льством. Для муниципальных образований, имеющих исторически населенные места, содержащие археологический слой, опасна любая хозяйственная и строительная деятельность. В связи с этим разработка мероприятий по охране археологических объектов дол-

жна быть неотъемлемой частью любой проектной документации и финансироваться в составе проектно-изыскательских работ.

Археологические работы, связанные с проектированием и освоением территорий, имеют свои особенности:

- 1) относятся к охраняемым археологическим работам, т.к. все археологические объекты на этих территориях являются аварийными;
- 2) сочетают в себе научно-исследовательскую, практическую и производственную деятельность, в связи с чем при их проведении используются принципы организации научной, практической и производственной деятельности;
- 3) подпадают под действие нормативов, применяемых в строительной и проектной деятельности;
- 4) проводятся в составе историко-культурных изысканий (ИКИ) в рамках социально-экономических исследований (СЭИ) при инженерно-экологических изысканиях (ИЭИ), относящихся к общим инженерным изысканиям (ИИ);
- 5) регламентируются сроками проектирования, освоения и эксплуатации территории;
- 6) в случае сохранения целостности археологических объектов вблизи строительства, регламентируются ежегодным археологическим мониторингом.

Согласно действующим в строительстве и проектировании нормативам, охраняемые археологические работы являются частью общих СЭИ и ИКИ, проводимых в составе ИЭИ. ИКИ и СЭИ при проектировании зон хозяйственной деятельности проводятся для обеспечения соблюдения законодательства при проектных работах в целях социально-экономической безопасности населения и осваиваемой территории, предупреждения чрезвычайных ситуаций, связанных с санитарно-эпидемиологической и медико-биологической ситуацией района проведения работ, особенностями этнического, социально-исторического и экономического развития территорий, способами ведения хозяйства и традиционного природопользования. От данных факторов напрямую зависят судьба и роль выявленных в зонах хозяйственного освоения древних объектов культурного наследия.

Порядок проведения ИКИ и СЭИ при подготовке проектной документации и результатов ИИ определяется нормами международного права, законодательством РФ, субъектов РФ и диктуется общей государственной правовой системой регулирования отношений в социально-экономической сфере и конкретно в области культурного наследия. Обязательность проведения СЭИ и ИКИ при проектных работах диктуется также требованиями государственной и негосударственной экспертиз проектной документации и результатов инженерных изысканий. Так, в соответствии с Постановлением Правительства РФ «О порядке организации и проведения государственной экспертизы проектной документации и результатов инженерных изысканий от 05.03.2007 г. № 145, Государственной экспертизе в обязательном порядке подлежат, помимо проектной документации, также результаты ИИ,

порядок проведения которых определен в СНиП 11-02-96 и СП 11-102-97, согласно которым СЭИ являются обязательной составной частью ИЭИ (п. 8.2 СНиП 11-02-96, пп. 4.1, 4.85 СП 11-102-97).

Т.к. охраняемые археологические работы являются частью общих СЭИ и ИКИ в составе ИЭИ, то при их проведении может быть использовано законодательство в сфере охраны в целом окружающей среды и отдельных ее компонентов, а также отдельных территорий, которые могут рассматриваться в контексте промышленных и техногенных зон, лесных угодий, особо охраняемых природных территорий, территорий традиционного природопользования и компактного проживания коренных малочисленных народов. Регламент работ в данном случае определяется нормативами по проведению ИИ, ИЭИ и оценке воздействия на окружающую среду.

Значение археологических исследований в составе СЭИ и ИКИ как важнейшего фактора формирования нового качества охраняемых археологических работ при проектных работах должно увеличиваться с расширением списка территорий и регионов, где проводятся проектно-изыскательские работы на подобном уровне.

Для оперативного использования проектировщиками результатов археологических исследований должны быть расширены функциональные возможности базы геоданных проектно-изыскательских работ (БГД ПИР) путем включения в нее результатов археологических изысканий и данных по объектам археологии. Данные разделы БГД ПИР дают возможность визуализировать и оценивать ситуацию в целом по обустраиваемой территории, оперативно получать информацию о необходимости проведения археологических исследований на территории проектирования и ориентировать сам процесс проектирования на уже обследованные территории, не имеющие археологических объектов и их признаков. Кроме того, их совместное использование с данными других разделов БГД ПИР существенно повышает качество проводимых работ, снижает их себестоимость, а также значительно сокращает сам процесс проектирования, что значительно экономит временные и финансовые ресурсы, а значит, в целом повышает престиж охраняемых археологических изысканий.

Таким образом, комплексный подход к анализу законодательства позволяет организовывать и проводить охраняемые археологические работы на стадии проектных работ и разработки проектно-сметной документации, когда археологические исследования начинаются уже на стадии изыскательских работ, ведутся (в случае необходимости) в процессе всего этапа проектирования и выбора земельного участка и продолжают в течение всего строительства и последующей эксплуатации территории. При этом в большинстве случаев все изыскания направлены на физическое сохранение археологического объекта, с момента его поиска и выявления до факта включения его в социально-экономическую программу развития территории.

Г.П. Головчанский, С.Н. Коренюк
Пермский государственный университет, Пермь

Основные направления деятельности КАЭ ПГУ за последнее десятилетие

Камская археологическая экспедиция Пермского госуниверситета была основана О.Н. Бадером в 1947 г. Традиционная проблематика исследований экспедиции охватывает практически все эпохи и культуры, представленные на территории Пермского края – от периода палеолита до нового времени включительно.

К 2000 г. экспедиции удалось преодолеть затяжной кризис, связанный с отсутствием бюджетного финансирования научно-исследовательских работ. Экспедиция переключилась на охранные археологические исследования в местах проведения строительства. В то же время областные власти озаботились состоянием памятников археологии на территории Пермской обл. (впоследствии – Пермского края), в результате чего стали выделяться средства на регулярное проведение мониторинга памятников археологии, а в последние годы – и на раскопки разрушаемых «черными копателями» средневековых могильников.

Таким образом, деятельность КАЭ ПГУ в прошедшее десятилетие можно свести к следующим направлениям:

- 1) охранные раскопки в зонах строительства в исторических городах (Пермь, Кунгур, Соликамск, Чердынь и др.). Общая площадь превышает 10000 м²;
- 2) охранные раскопки на археологических памятниках, попадающих в створы строительства дорог, нефтепроводов и газопроводов. Крупнейшие исследования проводились на могильниках Верхний Ирьяк, Устиново II, Ремзавод I, поселениях Тарасово, Верхний Ирьяк, Винный Завод I, Заюрчим I, II, VI, городище Ермаша. Общ

объем исследованной территории превышает 15000 м²;

- 3) охранные исследования могильников раннего железного века и эпохи средневековья, подвергшихся разграблению «черными копателями» (Амбор, Деменки, Залазная, Плехово, Сартаково) в Ильинском, Оханском, Соликамском и Чердынском р-нах Пермского края. Общая площадь исследований около 3500 м²;
- 4) обследование территорий края с целью мониторинга состояния известных памятников археологии и поисков новых. Осмотрены практически все стоящие на учете археологические памятники Пермского края (более 1000) от эпохи палеолита до нового времени;

- 5) работы на памятниках, лежащих в сфере научных интересов исследователей – сотрудников экспедиции (Гляденовское костеище, Искорское городище, Пыскорское городище, Юго-Камское костеище и др.). Благодаря охранным археологическим исследованиям, проведенным в последние годы, получены исключительно важные материалы, позволяющие совершенно по-новому взглянуть на глубинные исторические процессы, протекавшие на территории Прикамья.

К сожалению, конец десятилетия был отмечен кризисными явлениями в экономике, что не могло не сказаться на объемах финансирования и, следовательно, объемах выполняемых работ. Вызывают озабоченность состояние дел в области выдачи Открытых листов и постоянные «улучшения» закона об охране культурного наследия, приводящие к выхолащиванию его духа.

В.А. Грищенко

Сахалинский государственный университет, Южно-Сахалинск

Ю.В. Грищенко

Агентство по культуре Сахалинской области, Южно-Сахалинск

Процедуры охраны объектов археологического наследия в Сахалинской области

Охрана объектов археологического наследия как части культурного наследия народов России и ценного информационного ресурса территории является одной из

приоритетных задач Агентства по культуре Сахалинской области – органа, принявшего на себя полномочия в данном вопросе на территории субъекта Федерации.

Практическая деятельность по охране объектов археологии реализуется в учреждениях науки и культуры, расположенных как на территории области, так и за ее пределами.

Сахалинский государственный университет через свои подразделения и компании участвует в охранных мероприятиях с 1970-х гг. на территории Сахалинской обл., а с 2008 г. – и на территории Хабаровского края.

В совместной лаборатории археологии и этнографии ИАЭТ СО РАН и СахГУ под руководством А.А. Василевского разработаны методики и подходы, позволяющие проводить полный комплекс археологического сопровождения новостроечных проектов разного уровня, в том числе крупных, по добыче углеводородов на морском шельфе, их транспортировке и переработке (Василевский и др., 2004; 2006). Разработанные методики основываются на отечественном и зарубежном опыте сопровождения строительных проектов и адаптированы к условиям Дальнего Востока России.

Разработанный комплекс процедур включает в себя несколько ключевых мероприятий, необходимых для реализации двух основных целей: минимизации воздействия проекта на объекты археологического наследия и исключения случаев необоснованной задержки (остановки) строительного процесса.

1. Предварительная стадия – фондовые исследования имеющегося блока информации о наличии и размещении объектов археологии в зоне строительства.
2. Стадия сбора исходных данных – полевые исследования зоны строительства с охватом территории на перспективных участках до 1 км от предполагаемых границ проекта с целью выявления и проведения процедур оценки и фиксации объектов археологии.

3. Стадия проектирования – введение информации об объектах археологии в проектную документацию, разработка плана действий в отношении объектов археологического наследия, принятие решений о минимизации воздействия в каждом конкретном случае (обход, раскопки, ограживание, принятие охранных обязательств и т.д.), разработка процедур действий при обнаружении скрытых археологических объектов во время строительства.
4. Стадия строительства – мониторинг вскрышных работ на потенциально перспективных участках и в зоне контакта с выявленными памятниками археологии, по необходимости – проведение экстренных спасательных раскопок выявленных на данной стадии памятников.
5. Стадия эксплуатации – периодический мониторинг объектов археологического наследия и прогнозная оценка дальнейшего воздействия проекта.

В качестве успешно реализованных задач археологического сопровождения крупных строительных проектов, прежде всего, стоит отметить работу в нефтегазовых проектах «Сахалин 1» и «Сахалин 2», начавшуюся в 1996 г. и продолжающуюся по настоящее время. Археологи участвовали на всех стадиях реализации данных проектов – от предварительного выбора участков до эксплуатации. Всего в зоне прямого и косвенного влияния «Сахалина 1» и «Сахалина 2» было выявлено около 200 объектов культурного наследия, проведено более 30 изменений маршрутов проектируемых трасс, 20 памятников подвергнуто спасательным раскопкам.

В настоящее время опыт участия в крупных международных стройках применяется при реализации отечественных проектов освоения шельфа – таких как магистральный газопровод «Сахалин – Хабаровск – Владивосток» и освоение Киринского газоконденсатного месторождения.

Василевский А.А., Снеткам П., Кашицын П.В., Грищенко В.А., 2004. Охрана и оценка археологических объектов: Пособие для персонала проекта Сахалин-2. Южно-Сахалинск. (На англ. и рус. яз.)

Василевский А.А., Грищенко В.А., Кашицын П.В., Федорчук В.Д., 2006. Охранные археологические исследования в нефтегазовых проектах на Сахалине в 1996–2007 гг. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат. Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2006 г. Новосибирск. Т. XIII.

А.А. Евгеньев

Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург

Проблемы охраны археологического наследия Оренбургского Приуралья в последней четверти XX в.

Охрана археологического наследия представляет собой комплекс мер, включающих следующие аспекты:

- выявление, картографирование и постановку на учет памятников археологии;

- охрану археологического наследия от природного и антропогенного воздействия;
- охрану памятников археологии от грабительских раскопок.

Проблема охраны археологического наследия является актуальной для Южного Приуралья. Начиная с конца XIX в. на территории региона спорадически предпринимались различные охранные мероприятия, связанные с деятельностью ОУАК, Оренбургского краеведческого музея, иногородних исследовательских коллективов. Однако вплоть до конца 1970-х гг. в Оренбуржье не существовало научного центра, занимающегося планомерным изучением и охраной всего спектра археологических памятников. Это не способствовало решению задач охраны археологического наследия и вело к безвозвратной утрате ряда памятников в ходе хозяйственного освоения земель и грабительских раскопок.

С созданием в 1977 г. на базе ОГПИ Оренбургской археологической экспедиции (руководитель – Н.Л. Моргунова) стали возможными разведочные работы во всех районах области и планомерная деятельность по охране археологического наследия региона. Создание научно-исследовательского коллектива в Оренбурге совпало по времени с изменениями в нормативной базе охраны археологического наследия, связанными с выходом в 1976 г. Закона РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры», и на базе нового закона предпринимались работы по выявлению памятников и охранные раскопки.

В последней четверти XX в. новый импульс получило картографирование археологических памятников. С конца 1970-х гг. по области проводятся планомерные разведочные работы, способствующие паспортизации памятников археологии. В 1992 г. сотрудниками ОГПУ при участии археологов из Самары и Челябинска была проведена инвентаризация археологических памятников по всей области. Порайонное картографирование памятников археологии Оренбуржья проводится ОАЭ ежегодно, что поэтапно ведет к реализации ключевой задачи охранной деятельности – составлению максимально полной, исчерпывающей, информативной археологической карты региона.

В 1970–1990-е гг. ОАЭ регулярно предпринимались охранные раскопки памятников, разрушаемых в результате хозяйственной деятельности. Так, на рубеже 1970–1980-х гг. были проведены работы в зоне строительства Черновской (раскопки I и II Краснохолмского, I и II Кардаиловского, II Краснопартизанского могильников, Краснохолмского селища) и Оренбургской (Чкаловский КМ) оросительных систем. В 1994–1995 гг. в ходе охранных раскопок на территории проектируемого нефтегазового месторожде-

ния был изучен V Бердянский курганный могильник, давший ценный материал по археологии кочевников раннего железного века.

ОАЭ предлагались проекты и программы охранных мероприятий, направленных на сохранение археологического наследия Оренбуржья, в том числе и отдельных памятников (среди них – Каргалинский металлургический центр). Предлагался и проект областной программы «Основные направления сохранения и использования историко-археологического наследия в Оренбургской области», согласно которой предполагалось создание в Оренбургской обл. оптимальной системы охраны и использования памятников историко-археологического содержания, предусматривающей организацию учета и контроля за состоянием памятников археологии, составление археологической карты отдельных районов Оренбургской обл., подписание с землепользователями охранных обязательств на памятники археологии, проведение охранно-спасательных работ на разрушаемых памятниках, создание Оренбургского степного археологического заповедника (Архив археологической лаборатории ОГПУ). Реализовать проект в полной мере не удалось, однако в дальнейшем наработки были учтены Министерством культуры Оренбургской обл.

Одной из актуальных проблем является разрушение памятников археологии в ходе распашки полей. Работа по выведению территорий памятников из землепользования осуществляется в ходе выявления и паспортизации памятников и является неотъемлемой составляющей этого процесса.

Ключевой проблемой степной южноуральской археологии является охрана археологических памятников от незаконных раскопок. За последние десятилетия в Оренбургской обл. резко возросло количество памятников, подвергшихся разрушению кладовщиками. Решение данной проблемы лежит в сфере взаимодействия археологов, властных и правоохранительных органов. Возможности археологов заключаются, прежде всего, в доисследовании разрушенных памятников, примерами чего могут служить раскопки I Филипповского курганного могильника (работы 2008–2009 гг. Приуральской экспедиции ИА РАН) и I Донецкого одиночного кургана (работы ОАЭ в 2010 г.).

В настоящее время охрана археологического наследия в регионе является прерогативой Министерства культуры, общественных и внешних связей Оренбургской обл. Эта работа осуществляется на основе Закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) в Оренбургской области» (2003), составленного на базе федерального законодательства. Значительную роль в реализации охранных мероприятий играет многосторонняя деятельность ОАЭ.

Внесение сведений о памятниках археологии в государственный кадастр объектов недвижимости

Сохранение археологического наследия России – одна из актуальных тем современности. Значительное количество памятников разрушается от действий грабителей, еще большее – при ведении хозяйственной деятельности. Несмотря на разницу между этими факторами разрушения памятников, причина одна: отсутствие доступной информации о местоположении охраняемых государством объектов.

Грабителя, пойманного на памятнике археологии, невозможно привлечь к ответственности, если объект археологического наследия не обозначен на местности как особая зона. Хозяйствующие субъекты, не извещенные заранее о наличии памятника археологии, также формально действуют без умысла нанести ущерб охраняемому государством объекту.

В силу этого предварительное и настоятельное информирование граждан и организаций о размещении памятников археологии имеет решающее значение в процессе сохранения археологического наследия. Государственный кадастр объектов недвижимости (ГКН) является одним из главных инструментов в решении задачи информирования. Идея внесения сведений о памятниках археологии в ГКН не нова (Губарева, 2004). Однако собственно механизм не был проработан значительное время.

Процедура внесения в ГКН сведений о территории памятника как о зоне с особыми условиями использования территории (далее – ЗОТ) наиболее логична и обоснованна. ЗОТ фигурируют во многих документах действующего законодательства (ст. 1 Градостроительного кодекса, ст. 1 Федерального закона от 18.06.2001 № 78-ФЗ, ст. 91 Лесного кодекса). В отличие от других учетных категорий ГКН, она может не совпадать с существующими границами земельных участков и административно-территориальных образований.

В действующем законодательстве пока отсутствует явная связь между понятиями «территория объекта культурного наследия» и «ЗОТ», какая установлена в ст. 1 Градостроительного кодекса между «ЗОТ» и зоной охраны объектов культурного наследия. Однако согласно ст. 56 Земельного кодекса права на землю могут ограничиваться по особым условиям охраны, в том числе археологических объектов. С использованием данной статьи внесение в ГКН сведений о территории памятника археологии как ЗОТ не противоречит законодательству.

Внесение сведений об объектах культурного наследия (ОКН), в том числе памятниках археологии, в ГКН можно осуществлять по следующему алгоритму.

1. Определение границ объекта археологического наследия в геодезических системах координат.

Для регистрации ОКН в едином государственном реестре ОКН (далее – реестр) необходим каталог координат границ ОКН в системе WGS-84. Самым простым способом их можно определить с помощью GPS-приемника. Однако «бытовые» GPS-приемники не являются средством измерения и дают большую погрешность, что делает их использование нецелесообразным.

Кроме того, для внесения сведений в ГКН необходимы координаты характерных точек границ в местной системе координат (МСК). Поэтому рекомендуется привлечение специалистов в области геодезии и картографии, имеющих точное оборудование для определения координат и программные инструменты для обработки погрешностей. Целесообразно определение координат сразу в двух указанных системах.

Для корректного отображения границ территорий ОКН в ГКН предпочтительнее определение координат характерных точек границ территорий ОКН на местности геодезическим методом, хотя в отдельных случаях возможно определение картографическим методом.

2. Подготовка словесного описания границ памятника. Необходимо соотнести границы объекта археологического наследия с постоянными объектами (зданиями, сооружениями, границами лесных кварталов, улицами). В случае отсутствия такой возможности, в описании можно опираться на координаты границ памятника в геодезических системах координат, преимущественно WGS-84.

3. Разработка режимов использования и определение предметов охраны памятника археологии. Утверждение в Росохранкультуре предметов охраны объекта археологического наследия.

4. Подготовка землеустроительной документации – в форме карты (плана) объекта землеустройства ЗОТ – на границы памятника силами кадастровых инженеров. Форма указанной землеустроительной документации утверждена Постановлением Правительства РФ от 30.07.2009 г. № 621.

5. Утверждение в установленном порядке границ памятника и режимов использования органами по охране объектов культурного наследия (в зависимости от категории ОКН проводится на федеральном или региональном уровне).

6. Принятие решения органами по охране объектов культурного наследия об установлении ЗОТ в пределах утвержденных границ памятника археологии.

7. В порядке информационного взаимодействия, определенном Постановлением Правительства РФ от 18.08.2008 г. № 618, направление информации об установленной ЗОТ в территориальные органы, осуществляющие кадастровый учет, для внесения сведений в ГКН.

Внесение сведений о памятниках археологии в ГКН, прежде всего, решает задачу предварительного информирования хозяйствующих субъектов о наличии на землях ограничений по условиям охраны объектов археологического наследия. После учета памятников археологии в ГКН возможно получение обоснованного списка земельных участков, находящихся на территории памятника, надлежащее уведомление правообладателей земельных участков

о наличии в пределах их владений памятника, возникает перспектива смены категории земельных участков на категорию земель историко-культурного назначения при соблюдении требований федерального закона от 21.12.2004 г. № 172-ФЗ.

Утверждение границ памятников археологии позволит также установить корректно информационные знаки и таблички, т. е. обозначить охраняемые государством объекты на местности. Это решит задачу информирования лиц, находящихся непосредственно на территории памятника, а также позволит в перспективе привлекать правоохранительные органы для контроля за незаконными работами на территориях объектов археологического наследия.

Губарева М., 2004. «Черные» дни российской археологии // Интерфакс ВРЕМЯ. 17.03. № 12 (454).

Д.А. Изосимов, Е.В. Чуйкина

Государственная инспекция по охране объектов культурного наследия Пермского края, Пермь

Охрана объектов культурного наследия и документы территориального планирования (опыт Пермского края)

Документы территориального планирования разрабатываются в целях развития муниципального образования и представляют собой перечень административно-правовых действий по определению на будущее и фиксации основных видов совокупного использования объектов (прежде всего земельных участков), расположенных на соответствующей территории.

С 2010 г. Государственная инспекция по охране объектов культурного наследия Пермского края (далее – Инспекция) проводит работу по рецензированию документов территориального планирования муниципальных образований Пермского края (далее – Документы). В состав Документов входят схемы территориального планирования муниципальных районов, проекты генеральных планов сельских (городских) поселений, а также правила землепользования и застройки.

В соответствии со ст. 19, 23 Градостроительного кодекса РФ Документы должны содержать обосновывающую и утверждаемую части, которые включают в себя как текстовые, так и графические материалы.

На основании действующего законодательства и в соответствии с достигнутой договоренностью с Министерством градостроительства и развития инфраструктуры Пермского края Инспекция при рассмотрении Документов обращает особое внимание на наличие в их составе следующих данных:

1) в **обосновывающих материалах (текстовая часть)**: список объектов культурного наследия (да-

лее – ОКН); ссылки на нормативно-правовые акты о постановке ОКН на государственный учет; анализ технического состояния и размещения ОКН, состояния границ; анализ наличия утвержденных или разрабатываемых зон охраны ОКН и режимов использования территорий в зонах охраны;

2) в **утверждаемой части (текстовая часть)**: перечень мероприятий по сохранению ОКН (в рамках исполнения Федерального закона от 6.10.2003 г. № 131-ФЗ) и последовательность их выполнения, предусмотренные частью 5 ст. 23 Градостроительного кодекса РФ;

3) в составе **графических материалов**, как в обосновывающей, так и в утверждаемой части, должна содержаться схема с нанесенными границами ОКН (корректному отражению на схеме памятников археологии уделяется особое внимание). Представленная схема должна содержать экспликацию, в которой указывается список памятников с адресами, а также условные обозначения.

Особое внимание при согласовании документов территориального планирования уделяется историческим населенным местам. В соответствии с Постановлениями коллегии Минкультуры РСФСР № 12 от 19.02.1990 г., коллегии Госстроя РСФСР № 3 от 28.02.1990 г. и президиума Центрального совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры № 12 от 16.02.1990 г., на территории Пермского края расположено 18 исторических населенных мест. Они связаны с колонизацией Россией Урала (Чердынь, Оса, Кунгур), за-

рождением в России солеварения (Соликамск, Усолье), а также становлением первых железоделательных заводов (Лысьва, Суксун), характеризующими освоение Приуралья русским населением с XV в.

В соответствии с федеральным и региональным законодательством, при рассмотрении генеральных планов поселений, в состав которых входят исторические населенные пункты, Инспекция первостепенное внимание уделяет наличию в Документах историко-культурного опорного плана и вопросам разработки специальных регламентов, необходимых для обеспечения сохранности ОКН и всех исторически ценных градоформирующих объектов, расположенных в составе населенного места.

В результате при утверждении Документа местные органы власти получают для работы: актуальный

список ОКН, а также анализ их технического состояния и перечень конкретных мероприятий по сохранению объектов наследия. Немаловажной остается и роль местных органов муниципальной власти, закрепленная в утверждаемой части Документа: перевод земельных участков, занятых объектами археологического наследия, в категорию земель историко-культурного назначения, внесение изменений в государственный кадастр недвижимости, а также разработка проектов зон охраны. Согласованные Документы позволяют Инспекции контролировать хозяйственное освоение территорий – отслеживать резервирование земель для нового строительства (прежде всего капитальных и линейных объектов), перевод земель из одной категории в другую и т. д.

О.А. Казанцева

Удмуртский государственный университет, Ижевск

Археологическое наследие Бардымского района Пермского края: ресурс туризма или охранный зона?

Бардымский р-н расположен на юге Пермского края. В хозяйственном отношении территория освоена интенсивно: следует отметить газоконденсатную станцию и нефтедобычу. Тулвинская возвышенность имеет все условия для развития туризма: пересеченный рельеф, развитая дорожная сеть, плотность населения окружающих районов и благоприятный климат. Для туристов Пермского края наиболее известны в районе объекты природы – заказник «Тулвинский» и горнолыжный курорт «Ашатли».

На территории района насчитывается 45 археологических объектов. Самые ранние свидетельства о пребывании человека на Бардымской земле относятся к периоду мезолита и неолита (6 памятников). В период раннего железного века Тулвинское поречье населяли финно-угорские племена. Преобразования природы человеком прослеживаются в строительстве искусственных укреплений при возведении городищ (28 объектов). Интересным памятником фортификационного дела этого периода является Кудашевское I городище. Площадка памятника окружена системой из 8 валов, сочетание которых создавало неприступную крепость. Археологические памятники свидетельствуют о том, что в середине I тыс. н. э. на территории Тулвинского поречья происходили миграционные процессы, связанные с Великим переселением народов. Этот период отражает уникальный археологический источник – Кудашевский могильник. Памятники средневековья (11 объектов) на территории района представлены поселениями, но возможность исследования этих объектов для науки утрачена

в силу антропогенного воздействия. Археологические объекты размещаются комплексами, состоящими из нескольких памятников – от 5 до 10. Древние городища занимают часть территории заказников, а также входят в особо охраняемые природные территории в Бардымском р-не. Семь объектов располагаются на территории биологического заповедника «Тулвинский». Древние селища размещаются на высоких террасах за валом городищ или в пойме р. Тулвы (Казанцева, 2009. С. 33–90). Могильники устраивали на невысоких выступах коренных террас, на противоположных городищам берегах рек. С 1980-х гг. некоторые древние памятники оказались на охраняемых государством территориях заказников, что сыграло огромную роль в их сохранении. Не покрытые лесом площадки городищ, селищ популярны среди населения и используются для отдыха и покосов. Но есть места в районе, куда без проводника добраться невозможно. Своеобразный ландшафт Бардымского р-на отразился на облике археологических памятников.

Охрана памятников состоит из мер, направленных на сохранение и частичное использование объектов археологии. Плановым археологическим мероприятием являются мониторинги, которые позволяют фиксировать изменения в ландшафте и состоянии археологических памятников. Вопрос показа археологических памятников в туристических маршрутах сложен и индивидуален, но популяризировать объекты необходимо. Для презентации археологии в обществе существует много направлений: СМИ, публикации, конференции, экспозиционно-выставочная и эк-

скурсионная деятельность. В плане изучения и популяризации древнего наследия археологи Удмуртского госуниверситета сотрудничают с Администрацией, Отделом культуры, МУК «Бардымский краеведческий музей» Бардымского р-на и Краевым научно-производственным центром по охране и использованию памятников истории и культуры Пермского края (КЦОП, г. Пермь). Важной частью работы по изучению археологического наследия являются совместные проекты университета с указанными учреждениями. В 2005 г. состоялась выставка «Сокровища земли Бардымской», которая работала во время исследования археологами Кудашевского могильника. Мероприятие было обеспечено информационной поддержкой СМИ. Работала детская программа: встречи с учеными, выставка изделий из глины, изготовленных школьниками, автобусная экскурсия в музей с. Барда. Для посетителей выставки был издан набор открыток с изображениями некоторых экспонатов выставки. За 2 недели выставку посетили более 500 человек (Казанцева, Ютина, 2006. С. 158–163). Выставка «Сокровища земли Бардымской» была подготовлена в рамках гранта IV корпоративного конкурса социальных и культурных проектов ООО «Лукойл-Пермь». В 2008 г. состоялась выставка «Древние тайны Кудаша» для жителей д. Кудаш. Цель экспозиции состояла в показе находок после завершения полевых раскопок Кудашевского некрополя. Впервые зрителям предлагались для обозрения не только древние вещи, но и документация археологов, позволяющая составить впечатление о комплексе документов, необходимых автору для раскопок. Важную роль в охране археологического наследия играют государственные органы. В Пермском крае действует система кураторства инспекторами районов, которые контролируют состояние памятников. Совместные действия населения, ученых, представителей КЦОП и Ад-

министрации района имеют конкретные результаты: приостановлено разграбление Кудашевского могильника. Использование телевидения, радио, печатных изданий, электронных ресурсов создает определенный имидж науке археологии в обществе. Постоянно освещает исследования археологов в районе местное телевидение «Притульвье». Районная газета «Рассвет» ежегодно публикует заметки о работе археологов. В свою очередь ученые пишут статьи о своих исследованиях (Казанцева, 2008). В раскопках Кудашевского могильника принимали участие школьники из д. Кудаш. Данный вид сотрудничества предоставляет местным жителям уникальную возможность изучения древней истории родного края путем участия в раскопках.

Археологическое наследие является серьезной базой для туризма. За период работы археологов на территории Бардымского р-на не только накоплены коллекции, но и написаны публикации, прочитаны доклады о раскопанных объектах на конференциях и международных конгрессах. Коллекция аттрактивных и экспрессивных предметов из археологических памятников достойна экспозиций музеев мирового уровня. Показ археологии – дело непростое (дорогое по способам экспонирования) и занятие для профессионалов. Периодическая выставочная деятельность археологов необходима, но она не решает проблему презентации археологии, необходима постоянная экспозиция в Бардымском краеведческом музее. При составлении туристических маршрутов надо не только учитывать состояние археологических объектов, но и использовать фольклорные, этнографические, географические и других источники для комплексной оценки ландшафта территорий, на которых расположены памятники археологии. Сохранение археологических памятников в уникальной природной среде и есть главная задача всех заинтересованных лиц.

Казанцева О.А., 2004. Каталог археологических памятников Бардымского района Пермской области. Ижевск.
Казанцева О., 2008. Археологический мониторинг: итоги, открытия, перспективы // «Рассвет». Ноябрь. № 136, 137.

Казанцева О.А., Черных А.В., Подюков И.А. и др., 2009. Бардымский район: от прошлого к настоящему. СПб.
Казанцева О.А., Ютина Т.К., 2006. Выставка археологических древностей «Сокровища земли Бардымской» // Оборожные чтения: Мат. VI–VII региональных археолог. конф. Пермь.

А.В. Кениз

Центр охраны культурного наследия, Ханты-Мансийск

Проблемы мониторинга и установления границ памятников археологии

Ежегодно в нашей стране в результате негативно-антропогенного воздействия происходит уничтожение сотен археологических памятников. В этих

условиях систематический мониторинг состояния объектов культурного наследия является одним из важнейших условий их сохранения и охраны.

На федеральном уровне проведение мониторинга объектов культурного наследия продекларировано в п. 6 ст. 20 Федерального закона № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 г. Из двух подзаконных актов, определяющих основные принципы и требования к составу работ по мониторингу объектов культурного наследия¹, один утратил силу, второй – принят до вступления в силу Закона № 73-ФЗ.

Таким образом, можно признать, что на сегодняшний день в Российской Федерации отсутствует нормативно-правовая и методическая база, отвечающая современным требованиям и определяющая порядок проведения мониторинга объектов культурного наследия. Попытки регулирования данного вида деятельности на региональном уровне, безусловно, имеют положительный результат. Однако памятники археологии, в соответствии с действующим законодательством, являются памятниками федерального значения. Следовательно, порядок проведения данных мероприятий, требования к составу информации и документации должны определяться на федеральном уровне.

Другая проблема связана с установлением границ памятников археологии. В соответствии со ст. 5 Федерального закона № 73-ФЗ и ст. 99 Земельного кодекса Российской Федерации, земельные участки в границах территорий объектов культурного наследия относятся к землям историко-культурного назначения. Земельные участки, занятые объектами археологического на-

следия, относятся к категории особо охраняемых земель, ограничиваются в обороте и правах землепользования, не могут предоставляться в частную собственность и используются только с наложенными на них обременениями и ограничениями. Однако при этом следует понимать, что границы земельных участков, занятых объектами археологического наследия, должны быть установлены и закреплены в соответствии с государственными требованиями к землеустройству, межеванию и кадастровому учету. В противном случае правовой статус данной категории земельных участков и расположенных в их границах объектов археологии остается не определенным.

На сегодняшний день подавляющее большинство выявленных и поставленных на учет памятников археологии не имеет инструментальных топографических планов и закрепленных координат границ земельных участков, соответствующих требованиям современного законодательства. Поэтому формально все эти памятники находятся под угрозой уничтожения.

Для решения обозначенных проблем необходимо в срочном порядке на федеральном уровне разработать и утвердить общие требования к мониторингу археологических памятников и определить критерии установления их границ. Кроме того, с целью оптимизации учета и охраны объектов археологии необходимо принятие федеральной целевой программы мониторинга и установления границ памятников археологии.

А.В. Кибовский, Л.В. Кондрашев
Департамент культурного наследия, Москва

Опыт регламентации спасательных археологических полевых работ в городе Москве

В 2010 г. Департаментом культурного наследия г. Москвы разработано постановление Правительства Москвы «О порядке проведения археологических полевых работ на территории города Москвы».

Подготовленный правовой акт приводит в соответствие с Федеральным законом от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» правовые акты г. Москвы как субъекта Российской Федерации в части сохранения археологического наследия.

Принятое 20 лет назад Положение о порядке проведения проектных и натурных археологических работ в г. Москве, утвержденное решением Исполнительного комитета Моссовета от 14 августа 1990 г. № 1445, не учитывало существенные изменения, внесенные в законодательство об охране культурного наследия Российской Федерации за истекший период.

Считаем важным отметить, что действующие федеральные и региональные законодательные и нормативные правовые акты в сфере сохранения археологического наследия содержат многочисленные колли-

¹ Приказ Министерства культуры РФ «Об утверждении порядка проведения общероссийского мониторинга состояния и использования памятников истории и культуры» от 28.05.2002 г. и «Положение об общероссийском мониторинге состояния и использования памятников истории и культуры, предметов музейного фонда Российской Федерации, документов библиотечных фондов, архивного фонда Российской Федерации, а также кинофонда» от 05.07.2001 г.

зии. Целью представленного Положения стало сведение в однозначно толкуемую и понятную систему практики проведения спасательных полевых археологических исследований, регулируемой до сего момента на основании прецедентных противоречивых установлений.

Постановлением установлен статус достопримечательных мест регионального значения (культурного слоя поселения) для объектов в границах «зон охраняемого культурного слоя», определенных постановлениями Правительства Москвы от 7 июля 1998 г. № 545 «Об утверждении зон охраны центральной части г. Москвы (в пределах Камер-Коллежского вала)» и от 28 декабря 1999 г. № 1215 «Об утверждении зон охраны памятников истории и культуры г. Москвы (на территории между Камер-Коллежским валом и административной границей города)», без изменения режима содержания. В дальнейшем предполагается придать данным объектам федеральный статус.

Разработанное Положение о порядке проведения археологических полевых работ на территории города Москвы определило:

- требования к составу и порядку оформления проектной документации по проведению хозяйственной деятельности на охраняемых территориях археологического культурного слоя в г. Москве и к содержанию раздела проектной документации «Мероприятия по сохранению объектов археологического наследия»;
- порядок проведения археологических полевых работ, в том числе требования к разрешительной документации для их проведения, виды выполняемых археологических работ на территориях объектов археологического наследия (памятниках археологии) и охраняемых территориях культурного слоя (достопримечательные места);
- порядок осуществления государственного контроля и приемки работ по сохранению объекта археологического наследия;
- порядок действий юридических и физических лиц в случае обнаружения на земельном участке,

Document Management

The Problem

My office has valuable information trapped on paper, and the piles are closing in on me.

I need fast and reliable access to that information.

If I could manage this paper on my computer, I could be sure that the information would not be lost in the shuffle, and would be available in seconds.

How can I do that?

Here's how one actual business uses PaperPort to solve this problem...

In a business where every minute counts and working round the clock is routine, it's important to be organized and efficient. PaperPort Deluxe helps Attorney Maurice C. Anderson make the most of his time through its conversion and file management capabilities. Anderson's small law firm handles real estate and commercial transactions. The practice comes with reams of paperwork, most of which is scanned and converted to electronic format. PaperPort has proven itself to be a great time-saver when it comes to locating files and accompanying reference material such as land transfer statements, subdivision plans, lease agreements and government forms. PaperPort lets Anderson quickly locate and access client files, saving him at least 30 minutes a day. Client information is now centralized and better organized. No more rifling through files filled with loose papers to find a particular document. Tracking and managing the status of a client's file is

simple and hassle-free. For a sole practitioner such as Anderson, whose duties include office management and accounting, this capability is priceless.

"With PaperPort at my side, I don't have to put clients off," said Anderson. "I can access a client's file with the click of a button. I like the product."

To learn more about how offices can use PaperPort to be more efficient, read on.

The Solution: PaperPort Deluxe

Product Introduction

ScanSoft's PaperPort Deluxe is the easiest way to turn paper into organized digital documents that everybody in an office can quickly find and use. PaperPort works with scanners, multifunction printers and network digital copiers to turn paper documents into digital documents and then help manage them along with all other electronic documents in one convenient and easy-to-use filing system. PaperPort's large, clear thumbnails allow you to visually organize, retrieve and use your scanned documents, Word files, spreadsheets, PDF files and even digital photos. In addition, PaperPort's editing tools ensure that scanned documents will look great, and PaperPort's annotation tools give the ability to add notes and highlights on top of any scanned image.

PaperPort Deluxe enables an individual or an entire office to use a simple desktop application to find and share documents in a local or network "file cabinet",

significantly increasing organization and productivity by reducing the amount of time spent manually searching for documents. Once documents are managed digitally, users benefit from faster, more reliable access to documents, fewer lost documents, reduced storage costs, and significantly less physical mail.

This latest version of the software allows small to medium sized offices or workgroup teams to work in a networked environment to store and share their documents without requiring the IT overhead structures of larger systems and at a fraction of the cost. PaperPort Deluxe now includes a highly secure, Web-based document storage and collaboration service called PaperPortOnline that allows organizations to share and collaborate with colleagues inside and outside of the company.

PaperPort Features

PaperPort is both a desktop file manager and a collection of tools for working with scanned documents. PaperPort can help you get as organized as you want to be across your entire office or your home.

Visual File Management

Large, clear thumbnail images of scanned documents, photos and other application files allow you to quickly find the files you are looking for based on their appearance. Supported formats include Microsoft Word, Excel and PowerPoint as well PDF files, TIFF, JPEG and numerous other popular file types.

Рис. 1

подлежащем хозяйственному освоению, объекта, обладающего признаками объекта археологического наследия или культурного слоя;

- функции главного археолога г. Москвы в ранге заместителя руководителя Департамента культурного наследия г. Москвы, осуществляющего координацию деятельности по охране объектов археологического наследия столицы.

Таким образом, при разработке Постановления обобщен более чем 20-летний опыт работы археологической службы г. Москвы под руководством А.Г. Векслера и внесен существенный вклад в дальнейшее развитие законодательства об охране культурного наследия.

И.И. Кондратьев

Центр историко-градостроительных исследований, Москва

Б.Е. Янишевский

Институт археологии РАН, Москва

Опыт охраны исторического культурного слоя в городе Можайске

Можайск – летописный город, впервые упомянутый в летописи под 1277 г. (ошибочно считается, что

под 1231 г.), входит в список исторических городов России, районный центр Московской обл. Город

основан на берегах р. Можайки, в 1,5 км от ее впадения в р. Москва, современные границы города доходят до ее правого берега.

На территории города сохранилось городище – кремль. На территории городища при археологических раскопках 2005–2006 гг. найдены орудия эпохи неолита, прослежены следы поселения VII–VI вв. до н. э. и первой половины н. э. Первые укрепления на Можайском городище (Можайский кремль, Никольская гора) возникли не позднее XIII в. В XVI в. начаты и в 1624–1626 гг. закончены каменные укрепления, разобранные в начале XIX в. Сохранилась частично в подклете Никольского собора белокаменная воротная башня, построенная в конце XIV в. Первые масштабные раскопки (170 м²) в Можайском кремле были проведены авторами в 2005–2006 гг. Найдена серия предметов XII–XIII вв.: 2 раковины каури, серебряные и медные браслеты, кресты-тельники и серебряная серьга, стеклянные бусы и браслеты. Кроме того, в кремле найдены керамика и предметы XIV–XVII вв., в том числе серебряная монета князя Андрея Дмитриевича, замки, ключи, украшения, сосуды и другие бытовые предметы, а также находки военного назначения: пули, ствол пищали, нашомпольники и др. Исследованы укрепления XIII–XIV и XVII вв., частично раскопано кладбище конца XIII и начала XIV в.

На посадах, возникших, по археологическим данным, сразу на двух берегах р. Можайки, при князе Андрее Дмитриевиче, сыне великого князя Дмитрия Ивановича, были основаны два монастыря – Лужецкий и Иоакимоанненский. В последнем был построен белокаменный собор. На посадах авторами также проводились археологические исследования (около 600 м²).

До 2006 г. в г. Можайске на госучете находился только один археологический памятник – городище Можайское, этот объект входит в федеральный список. Кроме того, на учете состоят археологические памятники: Новоникольский собор и Староникольский собор (Петра и Павла) в кремле, часть белокаменной церкви в Иоакимоанненском монастыре, комплекс зданий в Лужецком монастыре.

В Можайске, где сохранилось весьма мало архитектурных памятников, тем не менее, сохранилась в значительной степени историческая планировка и среда малоэтажной деревянной застройки XVIII–XIX вв., и прежде всего по этой причине, почти неиспорченный культурный слой. Для комплексной охраны города как памятника истории и археологии необходимо было определить границы исторической части, границы распространения, датировку и толщину культурного слоя.

Перечисленные параметры были установлены с помощью археологических раскопок (в кремле и трех местах на посадах), наблюдений за земляными и строительными работами на территории города и поверхностных сборов. Наблюдения проводились на регулярной основе с 2005 по 2009 г. и охватили практически всю территорию города. При этом фиксировались толщина и состав культурного слоя, собирались находки и керамика. Места наблюдений отмечались на плане города. Поверхностные сборы (только керамики) проводились на частных огородах и на территории левобережного, ныне незастроенного, посада с помощью металлоискателей. Сборы на огородах были проведены дважды, в основном школьниками, и охватили более 400 участков. Сборы на левобережном посаде проводились также дважды (в периоды распахки) сотрудниками Можайской экспедиции ИА РАН и можайскими краеведами под нашим контролем, находки фиксировались на плане М 1:500. В результате сейчас в базе данных около 700 точек наблюдений и сборов.

В 2005 г. был составлен паспорт исторического культурного слоя г. Можайска, в котором кроме обычных фотографий видов и планов приведены аналитические карты толщин культурного слоя и фотографии разрезов и находок. На современном этапе знаний толщина культурного слоя на территории города колеблется от 9 м на склоне кремлевского холма до 1 м на краю исторической застройки. Средняя толщина культурного слоя 1,5–2 м. Граница исторического культурного слоя была проведена по естественным границам города – по рельефу, исходя из распространения культурного слоя. За основу был принят наиболее старый план города 1774 г.

Однако органы охраны не приняли паспорт и границу, считая, что граница исторического культурного слоя не до конца обоснована. Было принято решение разделить культурный слой города на ряд участков, исторически тяготеющих к той или иной слободе. Понимая, что этот подход неверен, тем не менее, мы пошли на это для пользы охраны памятника. Было выделено 13 частей города, которые постепенно ставятся на учет. В 2006 г. поставлено 5 объектов (2 археологических комплекса и 3 селища). В 2008 г. существенно дополнен паспорт на городище Можайское (кремль), в 2009 г. отправлено в Министерство культуры Московской обл. еще 5 объектов культурного наследия. Однако последний пакет документации до сих пор не рассмотрен.

Таким образом, примерно половина территории исторического культурного слоя г. Можайска уже является объектом охраны.

А.Н. Кондрашев

*Служба государственной охраны
объектов культурного наследия Ханты-Мансийского
автономного округа – Югры, Ханты-Мансийск*

Долгосрочные программы по сохранению объектов археологического наследия, реализуемые на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

На сегодняшний день на территории автономного округа подписаны и реализуются 4 долгосрочные программы. Договоры заключены с нефтедобывающими предприятиями ТПП «Урайнефтегаз», ТПП «Покачевнефтегаз» (ООО «Лукойл – Западная Сибирь»), ООО «РН-Юганскнефтегаз», НК «Канбайкал Резорсез Инк.».

На территории автономного округа около 40% нефтяных месторождений начали осваивать в 1960–1980-х гг., когда экологические проблемы в целом и проблема сохранения объектов культурного наследия в частности по большому счету никого не волновали. Как результат – строительство промышленных объектов нефтепромысла происходило в водоохранной зоне, т. е. на краю или вдоль края береговых террас, в местах наиболее вероятного расположения археологических объектов. Наиболее серьезная ситуация с сохранностью археологических памятников сложилась в бассейне р. Конды (Советский и Кондинские р-ны ХМАО – Югры).

В настоящее время в зоне хозяйственной деятельности ТПП «Урайнефтегаз» известно свыше 700 объектов археологического наследия. 42 объекта в той или иной степени разрушаются в результате этой деятельности, из них 28 – непосредственно в результате функционирования объектов нефтепромысла ТПП «Урайнефтегаз».

Подавляющее большинство объектов археологического наследия, включенных в реализуемые сейчас программы, были повреждены в 1960–1980-х гг. Соответственно, государство разрешило строительство без всяких обременений, а в начале 1990-х гг. произошло акционирование предприятий.

Все эти факторы, в конце концов, привели к понижению необходимости подготовки долгосрочных программ мероприятий по обеспечению сохранности объектов археологического наследия на территории нефтяных месторождений, в которых определялись бы необходимые мероприятия, памятники и объемы работ. В программы были включены следующие основные мероприятия:

- 1) обследование современного состояния объектов, уточнение и дополнение имеющейся документации, уточнение границ и степени разрушения объектов, выявленных в результате экспертных и научных работ и находящихся в аварийном состоянии, определение объемов археологических работ. Иначе говоря, мы смогли убедить недропользователей дать деньги на обследование территории их месторождений для включения в программу выявленных и разрушенных ими же объектов;
- 2) проведение противоаварийных раскопок частично разрушенных археологических объектов;
- 3) проведение изыскательских работ по выявлению археологических памятников на территории месторождений в зонах первоочередного освоения для разработки мероприятий по их сохранению;
- 4) разработка проектов охранных зон объектов культурного наследия;
- 5) установка искусственных ограждений, препятствующих разрушению объектов культурного наследия;
- 6) установка информационных знаков;
- 7) определение и вынос на натуру координат границ объектов культурного наследия;
- 8) проведение научных археологических исследований;
- 9) публикация результатов исследования объектов культурного наследия, включенных в программы.

Одной из проблем проведения мероприятий по сохранению археологических объектов является отсутствие методики проведения консервационных работ на разрушенном археологическом слое, что осложняется отсутствием практически на всей территории автономного округа развитого дернового слоя.

В ходе реализации Программ проведены противоаварийные раскопки на 29 объектах культурного наследия. Проведены крупномасштабные исследования по выявлению памятников археологии на месторождениях. В результате выявлено более 300 неизвестных ранее археологических объектов.

И.В. Котлярова

Государственный археологический музей-заповедник «Костёнки», Воронеж

Охрана памятников Костенковско-Борщевского верхнепалеолитического района (1930–1950-е гг.)

К началу 1930-х гг. стало ясно, что Костенковско-Борщевский верхнепалеолитический район является одним из важнейших для археологии палеолита регионов. Но также ясно стало и то, что сохранить эти стоянки для науки достаточно проблематично, поскольку они находились на территории сел Костёнки и Боршево, повседневные нужды жителей которых расходились с интересами ученых.

В начале 1930-х гг. П.П. Ефименко приступает к исследованию верхнего слоя Костёнок I на достаточно широкой площади, которая не ограничивалась территорией одной крестьянской усадьбы. В 1931 г. впервые поднимается вопрос о национализации усадьбы Аносова, на территории которой находился памятник Костёнки I. Этот вопрос был инициирован ГАИМК в расчете на помощь Воронежского музея краеведения и местных органов власти, но тогда этот вопрос не был решен положительно.

Во время Великой Отечественной войны с. Костёнки попало в зону оккупации, поэтому уже в 1946 г. проводится обследование состояния памятников и определение перспектив дальнейших исследований. Это была совместная работа ГАИМК в лице С.А. Семенова и ученого совета при воронежском Облсполкоме.

Первое послевоенное десятилетие исследований в Костёнках оказалось необычайно плодотворным не только в накоплении научных фактов, но и в их осмыслении: к 1954 г. в районе уже открыто 22 палеолитических местонахождения, а А.Н. Рогачев обосновывает основополагающую роль геологической стратиграфии в определении возраста памятников. В 1953 г. созданная

ИИМК специальная комиссия признает правоту А.Н. Рогачева и одновременно делает заключение о недостаточности системы охраны костенковских памятников, предлагая ИИМК АН СССР и местным органам по охране памятников объединить усилия в этом вопросе. Для ИИМК становится ясно, что без реальной помощи со стороны воронежских властей и организаций в деле охраны костенковских памятников не обойтись.

Местные органы власти вынуждены отреагировать на это обращение, поскольку государство в послевоенное время начинает проводить политику сохранения наследия (Постановление Совета Министров 1948 г.) и требует соответствующей реакции подведомственных учреждений. В 1950 г. были установлены охранные зоны на 13 археологических памятниках Костёнок и составлены охранные обязательства.

А.Н. Рогачев в ноябре 1954 г. высказывает мнение о необходимости учредить специальную станцию и заповедник с выделением двух-трех штатных единиц – своеобразный местный форпост Академии наук, обеспечивающий охрану костенковских памятников от разрушения. Усилились связи между Воронежским краеведческим музеем и экспедицией: участие сотрудников музея в ее работе, финансирование полевых работ со стороны музея, первая совместная музеефикация археологического объекта в 1957 г. – очага на стоянке Костёнки 19. Большую роль в этом сближении сыграла и незаурядность личностей их руководителей – А.Н. Рогачева и А.П. Соловьева. В следующее десятилетие это сотрудничество перешло на новый качественный уровень и привело к созданию музея в Костёнках.

Д.Н. Лысенко

ООО «Красноярская Геоархеология», Красноярск

А.Ю. Тарасов

Министерство культуры Красноярского края, Красноярск

Археологические исследования в историческом центре г. Красноярск

Застройка исторического центра («исторического ядра») г. Красноярск (стрелка р. Енисей и р. Кача), начавшаяся в 1940-х и пережившая всплеск активно-

сти в 1980-х гг., привела к полной утрате особенностей микро- и макрорельефа и нанесла значительный урон культурным слоям. Сформировалось мнение,

что на данной территории обнаружить что-либо интересное с точки зрения археологии и этноархеологии вряд ли возможно.

В связи с этим в 2008 г. под надзором Министерства культуры Красноярского края было проведено крупномасштабное археологическое обследование северного сектора современной пл. Мира, расположенной в историческом центре г. Красноярска.

Целью работ являлось определение характера и масштабов разрушений культурных горизонтов, относящихся как к русскому, так и к «дорусскому» историческим периодам. Серией шурфов (вскрыто 200 м²) был обследован северный участок стрелки (со стороны р. Кача) общей площадью до 8000 м².

В результате работ было установлено что, несмотря на значительную техногенную нагрузку, кровля покровных отложений енисейской террасы потерпела незначительные утраты, а почвенные горизонты оказались законсервированы слоем гравийного балласта.

В западном секторе обследуемого участка, на территории, примыкающей к парковочной площадке перед зданием «Китайского торгового дома», обнаружен культурный слой эпохи палеолита (17–20 тыс. л.). В двух шурфах зафиксированы мощные линзовидные скопления, которые предварительно интерпретированы как остатки жилищных площадок (законсервированы). Благодаря значительной глубине залегания (1,7–2 м) слой практически не потревожен поздними перекопами.

Культурный слой эпохи бронзы – раннего железа (II–I тыс. до н. э.) локально сохранился на всем изученном участке. Шурфами зафиксированы котлованы хозяйственных ям (жилищ?). Артефакты культур-

ного слоя представлены фрагментами керамики, орнаментированной параллельными рядами наклонного зубчатого штампа, наклонным рядом зубчатых наковал

Культурный горизонт, относящийся к периоду существования «малого острога» – крепости Красноярского острога (XVII–XVIII вв.), – зафиксирован на всей обследуемой территории. Шурфами вскрыто заполнение оборонительного сооружения «малого острога» Красноярска – рва, заваленного обрушившимися остатками деревянных конструкций западной стены, которые уничтожил пожар 1773 г. Обнаружены и законсервированы остатки трех хозяйственных конструкций: сгоревшая постройка (пожар 1773 г.?), котлован сгоревшего жилища полужемляночного типа, контуры котлована хозяйственной постройки дореволюционной планировки (1628–1774 гг.).

Культурный горизонт города XIX – начала XX в. зафиксирован на всей обследуемой площади. Обнаружены и законсервированы остатки бутовых фундаментов жилых строений и основание печи, сложенной из клейменого полноразмерного кирпича.

В восточном секторе обследованного участка фиксируются остатки погребальных комплексов некрополя Воскресенского собора. Обнаружены как разрушенные поздними перекопами захоронения, так и контуры могильных ям нижележащих ярусов погребений (не вскрывались).

Таким образом, несмотря на значительные техногенные нагрузки, дальнейшее изучение археологических комплексов на стрелке (с возможной их музейфикацией) представляется весьма перспективным.

А.В. Носкова

Историко-культурный научно-производственный центр «Барсова Гора», Сургут

Охрана археологического наследия в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

В настоящее время в Западной Сибири быстрыми темпами развивается промышленная инфраструктура. Особенно это касается нефтегазового комплекса, требующего освоения новых площадей. В связи с этим возрастает угроза существованию памятников археологии – самого многочисленного вида объектов культурного наследия в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре, в том числе в Сургутском районе, – резко сокращаются возможности полноценного изучения памятников. В этой ситуации необходимо систематизировать опыт деятельности

специализированных органов по сохранению объектов культурного наследия.

Понятие охраны культурного наследия включает меры, направленные на «выявление, учет, изучение объектов культурного наследия, предотвращение их разрушения или причинения им вреда, контроль за сохранением и использованием объектов культурного наследия» (Федеральный закон от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», ст. 6).

Можно выделить несколько этапов в становлении системы охраны археологического наследия на территории Сургутского р-на.

1889–1960-е гг. – эпизодические исследования древностей. К этому времени относится выявление и начало изучения наиболее яркого комплекса археологических памятников района – урочища Барсова Гора.

1960–1980-е гг. – планомерные аварийно-спасательные раскопки, которые приобрели широкий размах вслед за интенсивным нефтяным освоением края. В этот период охрана археологического наследия осуществлялась, фактически, не государственными органами, а силами ученых-археологов в ходе выявления объектов, их постановки на государственный учет и аварийно-спасательных исследований.

1990–2000-е гг. – становление государственной системы охраны культурного наследия и начало деятельности по контролю над сохранением и использованием археологических памятников. За это время в ХМАО – Югре был создан государственный орган, ответственный за охрану древностей, подготовлена законодательная база, разработаны механизмы проведения охранных мероприятий. На уровне муници-

палитета в Сургутском р-не начала осуществляться систематическая деятельность по сохранению и популяризации культурного наследия.

Таким образом, охрана памятников ведется в различных направлениях – от их выявления до использования в научных, познавательных и иных целях. Для Сургутского р-на приоритетной на сегодняшний день является первичная стадия – выявление и картографирование, постановка на государственный учет объектов культурного наследия. Это закономерно, поскольку далеко не вся территория района исследована в должной степени.

Дальнейшее совершенствование системы охраны историко-культурного наследия в Сургутском районе, как нам представляется, состоит в том, чтобы более активно включать объекты наследия в современную жизнь, сочетая их рациональное использование с надежной охраной и изучением. Эта деятельность предполагает комплексный подход к сохранению памятников истории и культуры – переход от охраны точечных объектов к охране исторически сложившихся ландшафтов и земель историко-культурного назначения.

А.Н. Сабаров

Служба по охране и использованию объектов культурного наследия Ямало-Ненецкого автономного округа, Салехард

Археологическое наследие Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области

Первые археологические исследования на территории современного ЯНАО относятся к началу XX в. В 1916 г. сотрудник Тобольского губернского музея Г.М. Дмитриев-Садовников на Надымском городке собрал первую коллекцию находок. До того сведения о наличии древних памятников на Тобольском Севере черпались из описаний историков и краеведов К. Голодникова, И.Я. Словцова, К.Д. Носилова.

В 1926 г. в Салехард на поселение прибыл политссылный из Ленинграда Д.Н. Редриков. Он обследовал городище Эви-Вож на правом берегу Оби, Кушеватовское городище. Позднее памятник получил название городище Вож-Пай. Он определил многослойный характер культурного слоя. Городище может быть датировано VIII–IX вв. н. э. (кучиминский этап) (Чернецов, 1957. С. 139).

В 1928 г. экспедицией Уральского комитета Севера под руководством В.П. Евладова был обнаружен памятник «легендарных людей сирите» на северо-западе п-ова Ямал, на мысу Тиутей (Моржовый), обследованный летом 1929 г. В.Н. Чернецовым. Кроме того, В.Н. Чернецов обнаружил там же, на берегу Кар-

ского моря, еще один памятник – Дюннюю стоянку. В том же году на севере п-ова Ямал им было выявлено и частично раскопано поселение Хаен-Сале. Эти работы легли в основу статьи (Чернецов, 1935), которая на много лет стала базисной для исследователей не только Крайнего Севера Западной Сибири, но и вообще арктической зоны Евразии и севера Америки.

В 1932 г. при строительстве здания гидропорта г. Салехарда были обнаружены различные изделия из кости, в том числе и художественные. Эти находки показали сотруднику МАЭ В.С. Адрианову, который был в Ямало-Ненецком округе в командировке. Первые раскопки на памятнике В.С. Адрианов произвел в 1935–1936 гг. Объект был назван им городищем Усть-Полуй, т. к. в то время еще фиксировались остатки оборонительных сооружений в виде вала и рва. На основании материалов раскопок В.С. Адриановым была выделена усть-полуйская культура (Адрианов, 1936).

Значительный вклад в научное исследование археологических древностей на Крайнем Севере Тюменской обл. в 1950-е гг. внесли В.Н. Чернецов и В.И. Мошинская. Совместными усилиями Арктиче-

ского научно-исследовательского института и Института истории материальной культуры в 1946 г. была организована Мангазейская экспедиция с целью обследования остатков известного ранее только по письменным источникам русского города Мангазеи. Участники Мангазейской экспедиции 1946 г. попутно произвели исследования в районе г. Салехарда (Талицкая, 1953).

В 1950-е гг. выходит серия обобщающих работ (Чернецов, 1953а; 1953б; 1953в; 1957; Мошинская, 1953а; 1953б; 1965). Тогда же И.А. Талицкой опубликована первая сводка археологических памятников, известных к тому времени на территории севера Западной Сибири, в том числе Ямало-Ненецкого автономного округа (Талицкая, 1953).

В 1960-х гг. экспедициями Ленинградского отделения Института археологии (ЛОИА) АН СССР под руководством Л.П. Хлобыстина и МГУ под руководством Л.П. Лашука были обследованы районы на юге и юго-востоке п-ова Ямал, в низовьях Оби, в устье р. Таз. Результаты исследований изложены в ряде статей (Лашук, 1965; Лашук, Хлобыстин, 1986; Хлобыстин, 1967; 1977; 1987), в которых, в частности, была предложена схема развития ямальских древностей для эпохи энеолита – бронзы, а также на основании раскопок Л.П. Лашука в районе бухты Находка высказано предположение о соответствии археологических памятников и легендарного народа ненецкого фольклора – сихиртя. Кроме того, Л.П. Хлобыстиным был повторно обследован Надымский городок.

В 1968–1970 гг. совместная экспедиция ААНИИ и ЛОИА АН СССР под руководством М.И. Белова провела первые крупномасштабные раскопки на территории округа – на городище Мангазея. По итогам раскопок и изучения архивных материалов вышли два тома работ (Белов, 1980; Белов, Овсянников, Старков, 1981).

С 1970-х гг. в связи с промышленным освоением территорий Тюменского Севера начинается подъем

научных исследований, продолжающийся по настоящее время, на территориях, ранее не привлекавших внимания археологов. В рамках этих работ открыто значительное количество археологических памятников.

К примеру, в 1990–1991 гг. на территории Пуровского р-на были исследованы небольшие участки террас крупных рек и озер. Это истоки р. Пякупур (бассейн р. Камчин-ягун и оз. Пякуто), участок левой террасы этой реки в окрестностях пгт. Губкинский, террасы двух небольших притоков р. Пурпе (р. Хальмер-яха и Ванчару-яха), а также нижнее течение р. Харампур (правый приток р. Айвасадапур). В результате выявлено более 30 памятников эпох мезолита – средневековья (Косинская, 1992; Погодин, 1992). С 1997 г. археологическими экспедициями УрГУ и ИПСО СО РАН в нижнем течении р. Харампур на площади чуть более 3 км² выявлены 47 археологических объектов – городища, промысловые объекты и поселения различных эпох.

В результате охранных работ, проведенных в 2006 г. на территории Приуральского р-на археологической разведочной группой под руководством Г.П. Визгалова, выявлено большое количество памятников (Визгалов, 2006). Обнаруженные объекты близки группе средневековых памятников, изучавшихся в течение многих лет в аналогичных ландшафтных условиях в Печерском Приуралье (Мурыгин, 1984; 1992). Часть выявленных памятников обнаруживает сходство с тундровыми стоянками разных периодов, известными на п-ове Ямал (Брусницына, Ощепков, 2000). И это только небольшая доля археологических работ, проведенных на территории округа за последние годы.

На сегодняшний день в результате проведения многолетних исследований в рамках мероприятий по охране археологического наследия ЯНАО является достаточно изученной территорией. Здесь известно более 649 археологических объектов.

Адрианов В.С., 1936. Памятники древнего населения (близ Салехарда) // Советская Арктика. Вып. 8.

Белов М.И., 1980. Мангазея. Мангазейский морской ход. Л.

Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф., 1981. Мангазея. М. Ч. II.

Брусницына А.Г., 2000. Современная источниковая база изучения позднего железного века полярной зоны Западной Сибири // Научный вестник. Салехард. Вып. 3: Археология и этнология: Мат. науч.-исслед. конф. по итогам полевых исследований 1999 г. (сокр. вариант). (Полный вариант см.:) Брусницына А.Г., Ощепков К.А., 2000. Памятники археологии левого берега нижнего течения реки Юрибей // Древности Ямала. Екатеринбург. Вып. I.

Визгалов Г.П., 2006. Полевые исследования в рамках охранных археологических работ (разведок) в зоне строительства магистрального газопровода «Бованенково-Ухта» по территории Ямало-Ненецкого автономного округа на участке км 0 – км 288. Нефтеюганск: Отчет о НИР // Архив службы по охране объектов культурного наследия ЯНАО. №113-06.

Косинская Л.Л., 1992. Отчет о разведке в зоне Сугмутского нефтяного месторождения (Надымский и Пуровский районы Тюменской обл.) в 1991 г. Екатеринбург // Архив службы по охране объектов культурного наследия ЯНАО. № 23-92.

Лашук Л.П., 1965. Историко-этнографические исследования на крайнем севере Сибири // Вестник МГУ. Сер. IX. № 5.

Лашук Л.П., Хлобыстин Л.П., 1986. Север Западной Сибири в эпоху бронзы // КСИА. Вып. 85.

Мошинская В.И., 1953а. Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя // МИА. Вып. 35.

Мошинская В.И., 1953б. Жилище усть-полуйской культуры и стоянка эпохи бронзы в Салехарде // Там же.

Мошинская В.И., 1965. Археологические памятники севера Западной Сибири // САИ. Вып. Д3-8.

Мурыгин А.М., 1984. Хэйбидя-пэдарское жертвенное место // Научные доклады: Сер. препринтов. Сыктывкар. Вып. 114. (К VI Междунар. конгрессу финно-угроведов.)

Мурыгин А.М., 1992. Печерское Приуралье: эпоха средневековья. М. Погодин А.А., 1998. Отчет об археологической разведке в Пуровском районе Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области в 1997 г. (археологическая экспертиза территории Романовского месторождения нефти ОАО «Ноябрьскнефтегаз») // АКА УрГУ. Екатеринбург. Ф. II. Д. 587.

Талицкая И.А., 1953. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья // МИА. Вып. 35.

Хлобыстин Л.П., 1967. Исследования на севере Западной Сибири // АО 1966 г.

Хлобыстин Л.П., 1977. Работы на севере Западной Сибири // АО 1976 г.
Хлобыстин Л.П., 1987. Находки близ г. Салехарда // КСИА. Вып. 189.
Чернецов В.Н., 1935. Древняя приморская культура на полуострове
Ямал // СЭ. № 4–5.

Чернецов В.Н., 1953а. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. Вып. 35.
Чернецов В.Н., 1953б. Бронза усть-полуйского времени // Там же.
Чернецов В.Н., 1953в. Усть-полуйское время в Приобье // Там же.
Чернецов В.Н., 1957. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // МИА. Вып. 58. М.

И.А. Сапрыкина

Институт археологии РАН, Москва

К вопросу о методике определения границ территорий памятников археологии

В связи с принятием нормативных документов по единому государственному реестру объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, в частности методических рекомендаций по регистрации объектов культурного наследия (приказ № 59 от 14.04.2010 г.), актуальным становится вопрос определения собственно границ памятников археологии, определение алгоритма действий специалиста-археолога.

Определение границ объектов археологического наследия (ОАН) является составной частью археологического исследования территории объекта и подразумевает выполнение комплекса мероприятий, направленных на получение документированной доказательной базы.

Выявление границ археологических памятников обладает определенной спецификой. Границы значительного количества объектов археологии в настоящее время невозможно точно визуально определить и зафиксировать в неизменяемых параметрах: это, прежде

всего, памятники, не выделенные в рельефе (грунто-вые могильники, стоянки, селища, в значительной степени – распаханые селища, поселения и т.д.). Кроме того, граница памятника может корректироваться после раскопок (либо значительного по объему процесса шурфовки памятника, что не приветствуется методикой производства археологических работ).

Значительно большие возможности для разработки и апробации методики определения границ памятники, визуально выраженные в ландшафте: это, прежде всего, курганные группы, городища, дольмены и т.д.

В докладе предлагаются некоторые методические решения по определению границ территории памятников археологии, выраженных в рельефе, в качестве апробации алгоритма действий специалиста-археолога и варианты мероприятий, необходимых для получения документированных данных о границе территории памятника. Следует отметить, что эти данные являются во многом основой для постановки памятника на государственный учет.

Т.Н. Соболюкова, Е.А. Зайцева

Центр охраны культурного наследия, Ханты-Мансийск

«Достопримечательное место» как форма охраны объектов археологического наследия: на примере Согомского археологического микрорайона в Нижнем Прииртышье (ХМАО – Югра)

Современные требования к системе охраны объектов археологического наследия предусматривают комплекс мероприятий, направленных на научное документирование, внесение в Реестр, установление границ и т. д. В ходе подготовки таких данных специалисты зачастую сталкиваются с проблемами учета,

когда речь идет о комплексах археологических памятников – территориях компактного расположения большого количества объектов археологии (Кениг, 2010. С. 324, 325). Такого рода распределение памятников, локализованных в отдельных «урочищах», типично для северо- и среднетаежных зон Западной Си-

бири. В специальной научной литературе для их обозначения используется термин «археологический микрорайон», под которым, в наиболее распространенной трактовке, понимается ограниченная по площади территория с высокой концентрацией памятников различных исторических эпох. Для исследователя-археолога очевидно, что археологические микрорайоны обладают крайне высоким источниковедческим потенциалом и уникальными возможностями для проведения комплексных научно-исследовательских изысканий.

В последние годы в литературе все чаще применяются новые термины, например «археолого-этнографический комплекс», «историко-культурная территория», «культурный ландшафт» и т. п. Эта тенденция обусловлена осознанием необходимости применения для исследования таких сгустков памятников системного (междисциплинарного) подхода. Под историко-культурным ландшафтом понимается «реальный природно-культурный комплекс, который сформировался в результате взаимодействия сообщества людей с определенной географической средой и который рассматривается в исторической ретроспекции в процессе эволюции (Шутова и др., 2009. С. 6). Комплексный подход, на наш взгляд, должен возобладать в сфере охраны, сохранения и популяризации таких «археологических» («культурных») ландшафтов.

На примере Согомского археологического микрорайона (далее – САМ) мы рассмотрим необходимость использования в современной практике охраны объектов иных, нежели для отдельных памятников археологии, организационных форм.

САМ расположен в бассейне нижнего течения Иртыша (Кондинская низменность Западной Сибири), в границах которого выявлено около 200 объектов археологии. Хронологический диапазон памятников охватывает период от эпохи неолита до средневековья. Столь высокая концентрация памятников на ограниченной территории объясняется разносторонним сочетанием природных компонентов, которые в сумме позволяли успешно функционировать присваивающему типу хозяйства на протяжении нескольких тысячелетий. В бассейне р. Согом не только высокая концентрация памятников археологии, но и проживает коренное население – нижеиртышские ханты. По письменным данным, в XIX в. на данной территории располагались Согомские юрты (Дальносогомские) (Долгих, 1960. С. 56). Современное население д. Согом сохранило многие традиционные навыки хозяйствования, особенно в использовании средств ловли рыбы («запоры») и боровой дичи («слопцы»). Определенная преемственность наблюдается и в почитании культовых мест, одним из которых является святилище «Старик», расположенное на территории городища Стариков Мыс.

Таким образом, САМ представляет собой историко-культурную территорию, которая благодаря специфическим ландшафтными и экологическим условиям, являлась местом проживания населения начиная с

эпохи неолита и заканчивая этнографической современностью. Значимость его как объекта культурного наследия заключается в неразрывной связи природного, археологического и этнокультурного ландшафтов.

Несмотря на то что САМ на сегодняшний день изучен не в полной мере, его можно поставить в один ряд с такими крупными комплексами памятников севера Западной Сибири, как Барсова Гора и Соровские Озера. Данное обстоятельство определяет необходимость выработки особого подхода к организации охраны этого комплекса, как и других археологических микрорайонов. На примере опыта, сложившегося в ХМАО – Югре, можно констатировать, что организационные формы их охраны не отличаются от таковых, применяемых для отдельных памятников археологии. В списки вновь выявленных объектов они включаются как отдельные памятники, также по отдельности для них устанавливаются границы. Такой подход не оправдывает себя в практическом плане. Можно выделить следующие его недостатки: во-первых, в условиях значительной концентрации памятников постановка их на учет, проведение других мероприятий по охране требуют достаточно длительного времени, что несоизмеримо с темпами хозяйственного освоения территорий; во-вторых, утрачивается значимость территории как целостного комплекса и источника информации о древних периодах истории.

Как показывает практика многих стран, охрана объектов культурного наследия наиболее оптимальна в условиях сохранения их исторического контекста, т.е. в границах специализированных историко-культурных и природных территорий. Законом № 73-ФЗ от 25.06.2002 г. предусмотрена такая организационная форма, как «историко-культурный заповедник», а также такой вид объектов культурного наследия, как «достопримечательное место», но в реальности они практически не используются (Культурное наследие... 2005. С. 44). Опыт комплексного подхода к охране археологических комплексов, который есть на сегодняшний день в мировой и отечественной практике, как правило, касается наиболее уникальных, ярких (зачастую с точки зрения туристской привлекательности) объектов археологии. Кроме того, он ограничивается в основном такими формами, как «музей-заповедник», «национальный парк». Следует отметить, что в Западной Сибири данная практика используется весьма ограниченно, поскольку здесь свою роль играет (особенно для таежной зоны, как и в нашем случае) фактор труднодоступности территории.

В связи с этим следует обратить внимание на более широкое использование в охране объектов археологического наследия такого юридического понятия, как «достопримечательное место». Несмотря на то что это декларируется Законом № 73-ФЗ, на практике еще не выработался механизм постановки на охрану такого вида объектов культурного наследия. На наш взгляд, это позволит более оперативно решать вопросы охраны историко-культурных территорий, харак-

теризуемых высокой концентрацией археологических памятников разных эпох, сохранением элемен-

тов традиционной культуры в неразрывной связи природного и культурного ландшафтов.

Долгих Б.О., 1960. Родовой племенной состав народов Сибири в XVII в. // Тр. Ин-та этнографии. М. Т. 55.

Кениг А.В., 2010. Археологические комплексы как достопримечательные места в системе охраны объектов

культурного наследия // III Северный археологический конгресс: Тез. докл. Ханты-Мансийск.

Культурное наследие и туризм. М., 2002.

Шутова Н.И., Капитонов В.И., Кириллова Л.Е., Останина Т.И., 2009. Историко-культурный ландшафт Камско-Вятского региона. Ижевск.

Х. Тарас, В. Тарас

Университет Марии Кюри-Склодовской, Люблин

Охрана археологических памятников в Польше: ключевые проблемы

В докладе рассматриваются основные проблемы, связанные с охраной археологических памятников в Польше. Среди них:

- 1) юридические основы охраны памятников старины;
- 2) определение понятия археологического памятника;
- 3) вопросы, касающиеся собственности археологических памятников (собственность наследства и археологического памятника, реприватизация памятников старины, вывоз археологических памятников за границы страны);
- 4) финансирование археологических исследований;
- 5) специальные юридические решения, относящиеся к некоторым вопросам археологии (разрешение на ведение археологических исследований, внесение археологического памятника в регистр памятников старины, средства охранного надзора);
- 6) состояние научных исследований и популяризация археологического наследия (научная литература, публицистика, популяризация – народные гуляния, парки культуры и т. п., реконструкция в археологии).

Среди многих инструментов охраны памятников старины особенную роль играет закон. Во вступительной части работы представлены юридические основания действий, связанных с охраной памятников (Конституция, международные договоры, законы и основные акты, местное право).

Одним из часто обсуждаемых вопросов является само понятие памятника старины. Несмотря на попытки определить его в законе 2003 г. об охране памятников старины и заботе о них, археологическая наука продолжает выдвигать свои возражения и предлагать изменения. Это ключевое понятие системы ох-

раны памятников старины, которое требует представления в более широком масштабе.

Социально-политические изменения в Польше после 1989 г. вызвали необходимость вновь обсудить вопрос собственности памятников. Мы представляем здесь лишь несколько основных вопросов из многих затрагиваемых в литературе, касающейся этого предмета. Не всегда изменения в праве, а также внесенные предложения, полезны с точки зрения общества в целом, часто политика государства направлена на удовлетворение претензий частных лиц, и поэтому мы затрагиваем здесь самые спорные проблемы реприватизации памятников и их вывоза из страны.

Эффективная охрана памятников старины невозможна без вложения достаточных средств из бюджета страны или органов территориального самоуправления. Частные собственники археологических памятников используют их скорее в коммерческих целях и чаще требуют помощи со стороны государства, чем вкладывают в охрану памятников.

Из широкого спектра юридических вопросов, относящихся к археологической практике, мы выбрали три ключевых: регламентирующие функции государства, осуществляемые путем выдачи разрешений на ведение археологических исследований; особая форма охраны археологического памятника в виде внесения в регистр памятников; средства надзора, находящиеся в ведении органов правительственной администрации.

Доклад завершают замечания на тему современного состояния археологии и изучения польской пражистории, а также анализ форм популяризации достижений отечественных исследователей в этих областях.

Г.В. Требелева, А.В. Энговатова
 Институт археологии РАН, Москва

Применение ГИС-технологий в охранной археологии Подмосковья

Археологическое изучение Московского края началось в 20-е гг. XIX в. Во второй половине XIX в. появились первые сводки сведений об археологических памятниках Московского края. Большую роль в плане накопления и осмысления археологического материала сыграли разведки и раскопки в зонах строительных работ. В повестку дня было поставлено тщательное обследование территории с целью паспортизации памятников. В результате количество выявленных археологических объектов увеличилось во много раз.

В 1991 г. в Институте археологии РАН была начата работа по составлению АКР – археологической карты России. На сегодняшний день вышло 22 выпуска, по 12 областям. В АКР Московской обл. (47000 км²) учтено 3110 памятников, известных на 1996 г. Для сравнения: в АКР Брянской области (35000 км²) – 929 памятников, Костромской (60000 км²) – 649, Нижегородской (77000 км²) – 2000. Но АКР – это книжный, бумажный вариант.

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. количество информации об археологических памятниках продолжало расти, так же как и требования к темпам обработки этой информации. В связи с этим перед Институтом встала новая задача – перевод всех этих данных в электронный вид. И в 2003 г. было начато создание ГИС археологических памятников Московской обл., на базе лицензионного пакета программ компании ESRI – ArcGIS. На данный момент работа ведется с версией 9.3

В качестве геоосновы используется векторизованная карта Московской обл. масштаба 1:200000, включающая в себя данные по гидрографии, коммуникациям и сооружениям, населенным пунктам, политико-административному делению, промышленным, сельскохозяйственным и социально-культурным объектам, растительному покрову, грунтам, рельефу суши.

Историческая составляющая ГИС – археологические данные и исторические карты (Кусов, 2004; Шуберт, 1860). Археологические данные представлены тремя слоями:

- 1) памятники по архивным данным, с неточной локализацией (два слоя):
 - АКР (памятники до 1996 г.)
 - архивные данные после 1996 г.

Локализация этих памятников относительная, сделана на основании описания местонахождения

памятника (к примеру, n количество метров от юго-западной окраины деревни N) и с учетом рельефа;

- 2) памятники с точной локализацией на основании координат GPS (более 400 памятников – 15%).

База данных по памятникам состоит из следующих полей:

Название памятника; Тип памятника; Датировка; Дата открытия; Даты исследований памятника; Тип исследования (разведки без шурфовки – 1; разведки с шурфовкой – 2; частичные раскопки – 3; полные раскопки/прекращение физического существования памятника – 4); Описание находок; Имена исследователей; Литература; Архивные данные.

Появление новых данных – определение в ходе проводимых разведок точных координат памятников, ранее известных по архивным данным (и локализованных по описаниям) – дает возможность скорректировать местоположение точки. Поэтому количество памятников с точной локализацией все время возрастает.

Важной особенностью любой современной ГИС является принципиальная открытость для постоянного развития путем добавления новых слоев и подключения новых баз данных, возможность привлечения для анализа археологической информации результатов исследований смежных дисциплин в контексте соответствующих тематических слоев.

Любая ГИС снабжена соответствующим набором инструментов, позволяющих:

- 1) реализовывать запросы: «где это находится» и «что рядом» наряду с «что это»;
- 2) управлять визуализацией информации при ее анализе, т. е. декомпозиционировать сложные и перегруженные карты и выделять только те объекты, которые представляют интерес в данный момент;
- 3) выполнять над картографическими объектами операции пространственного анализа, т.е. выделять участки территории, отвечающие заданным признакам.

Наибольшее практическое применение созданная ГИС находит в охранной археологии. Применяется она на нескольких этапах.

1. На этапе подготовки заключения, основанного на архивных данных, на стадии обоснования инвестиций с помощью созданной ГИС делаются оперативные «запросы» по поиску наличия/от-

сутствия памятников археологии и истории (исторические карты) на территории запрашиваемого землеотвода.

2. На этапе разведок при помощи прибора GPS фиксируются все географические координаты границ памятников и мест шурфовки. Далее все полученные данные (выявленные новые памятники, уточненная информация по уже известным памятникам) вносятся в ГИС, тем самым обеспечивая ее постоянное обновление информационных слоев.

3. На этапе разработки охранных мероприятий после уточнения данных в ходе разведок ГИС позволяет в оперативном режиме определить и наглядно (для заказчика) вывести:

- памятники, попадающие на трассу и/или в зону строительства (при условии неизменного прохождения трассы метод охраны – раскопки);
- памятники, которым грозит возможное разрушение строительной техникой (метод охраны – археологический мониторинг);
- памятники, не затрагиваемые строительством.

Кусов В.С., 2004. Земли Московской губернии в XVIII в. М.
Шуберт Ф.Ф., 1860. Топографическая карта Московской Губернии, составлена с топографической съемки произведенной в 1852

и 1853 годах и гравирована в военно-топографическом депо 1860 г. М.

В.Г. Фадеев

Некоммерческое партнерство «палеоантропологическая лаборатория Университета Наяновой», Самара

Деятельность Волжского войскового казачьего общества в сфере охраны памятников истории и культуры

Исторически охрана объектов культурного наследия на территории казачьих войск Российской империи была возложена на станичные и хуторские казачьи общества. С момента окончательного становления казачества на государственную службу России (середина XVIII в.) атаманам всех уровней строжайше предписывалось брать на учет все древние курганы, поселения, могильники, находки древних и необычных вещей и докладывать о них в вышестоящие инстанции. Одновременно атаманам предписывалось не допускать разграбления древних могил, вести за ними постоянное наблюдение и оказывать содействие ученым экспедициям при их исследовании.

Особенное внимание уделялось борьбе с «бугровщиками», т. е. грабителями древних курганов («бугров»), чьи действия следовало беспощадно пресекать, а пойманных препровождать в органы власти для дальнейшего предания суду и ссылке на каторжные работы.

В XIX в. практически во всех казачьих войсках были созданы войсковые научные историко-архивные комиссии, экспедиции и т. п., целью которых стала организация учета, контроля и охраны объектов культурного наследия. Эти комиссии напрямую взаимодействовали с Императорским Российским археологическим обществом и Императорской академией наук.

Широкое проведение на территории казачьих войск археологических раскопок (особенно в землях Кубанского, Донского, Терского и Оренбургского

войск) позволило привлечь к участию в работах многих казаков, которые затем стали обходчиками и смотрителями, а материалы раскопок дополнили коллекции столичных и войсковых музеев.

К концу XIX в. в войсках сложилась система войсковых стипендиатов: казачьи войска направляли свою молодежь для обучения по специальностям «археология», «культурология» и т. п. Впоследствии эти стипендиаты и стали ядром войсковых ученых комиссий и экспедиций, что позволило заняться охраной объектов культурного наследия на новом, принципиально более качественном уровне.

Кроме того, представители Оренбургского, Сибирского, Уральского, Кубанского казачьих войск неоднократно принимали участие в обеспечении деятельности и проведении научных экспедиций на Дальнем Востоке, в Центральной и Средней Азии, Африке, на Кавказе и Ближнем Востоке, организованных Русским географическим обществом, Императорской Академией наук, Министерством иностранных дел России, Императорским Палестинским обществом и др., под руководством Н.М. Пржевальского, П.П. Семенова-Тян-Шанского, П.К. Козлова, В.К. Арсеньева.

К сожалению, сложившаяся система охраны памятников истории и культуры на территории казачьих войск была разрушена в годы революционного лихолетья и последовавших за этим «социальных экспериментов».

Процесс возрождения и государственного становления российского казачества позволил казакам вернуться к своим историческим занятиям, в том числе и к охране объектов культурного наследия. В деятельности Волжского войскового казачьего общества (Волжского казачьего войска), внесенного в государственный реестр казачьих обществ Российской Федерации за № 1 Распоряжением Президента Российской Федерации № 308РП от 11 июня 1996 г., сохранение памятников истории и культуры, расположенных на территории его дислокации, является одним из приоритетных направлений видов деятельности.

Однако работа в сфере охраны объектов культурного наследия по-настоящему началась лишь с образованием войсковой службы по охране экологического и культурного наследия в 2003 г. С 2004 г. археологическая группа войска активно приступила к проведению охранно-разведочных работ в зонах проектируемых строителств. Активная деятельность войска в области сохранения культурного наследия позволила 19 апреля 2005 г. заключить соглашение о взаимодействии и сотрудничестве между Войском и Поволжским Управлением Федеральной службы (Росохранкультура). Федеральная служба передала под постоянную охрану войску более 200 археологических объектов на территории Самарской обл. Охрана обеспечивается, как исторически сложилось в дореволюционный период, станичными и хуторскими атаманами, организующими службу через низовых казаков – смотрителей-обходчиков.

Станичные атаманы и казаки-обходчики в зоне своей ответственности собирают информацию о неизвестных ранее объектах и передают ее в Войсковую службу. При выявлении фактов проведения несогласованных строителств или грабительских раскопок на территории охраняемого объекта Войсковая служба извещает органы МВД, государственные органы охраны памятников и принимает меры по выявлению нарушителей и прекращению их противоправной деятельности.

Положительный опыт Волжского войскового казачьего общества по охране памятников истории и культуры был доложен и обсужден на Шестом Всероссийском съезде органов охраны памятников истории и культуры, проходившем в г. Казани в июне 2007 г. Оценка предложенных Войском методов охраны объектов историко-культурного наследия была столь высока, что в Резолюции съезда от 22 июня 2007 г. было определено необходимым «рекомендовать опыт Волжского войскового казачьего войска по охране объектов историко-культурного наследия для использования во всех субъектах Российской Федерации».

Высокое признание специалистами позволило Службе 10 августа 2007 г. заключить соглашение с Управлением Росохранкультуры по Приволжскому федеральному округу (руководитель Д.А. Мусин) о взаимодействии в создании системы охраны объектов культурного наследия на территории Приволжского федерального округа. В соответствии с задачами, определенными Соглашением, в феврале 2008 г. между Волжским и Оренбургским казачьими обществами было заключено соглашение о создании на базе Волжского войска службы по сохранению культурного наследия на территориях двух войск.

Реализуя постановление Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 93, определившее охрану объектов культурного наследия как один из видов службы казачества, Войсковая служба под руководством и совместно с Управлением Росохранкультуры по ПФО организовала и провела 26 мая 2010 г. в Нижнем Новгороде заседание Рабочей группы по организации государственной поддержки и развитию самобытной казачьей культуры и охране культурного наследия Окружной комиссии Приволжского федерального округа в составе Совета при Президенте Российской Федерации по делам казачества. В ближайшее время предполагается провести заседания таких Рабочих групп в Саратовской, Самарской, Пензенской областях, в Пермском крае.

С.М. Фазлуллин

*Институт океанологии им. П.П. Ширшова РАН,
Российский Институт Культурологии, Москва*

Подводные археологические парки: зарубежный и отечественный опыт создания и управления

Важной частью историко-культурного наследия является археологическое наследие, в частности скрытое под водой. Предпочтительным вариантом охраны подводного археологического наследия счи-

тается его сохранения *in situ*. Коммерческая эксплуатация археологического наследия, спекуляция или его безвозвратное рассредоточение несовместимы с его охраной и надлежащим управлением им: оно не

является предметом торговли или бартера в качестве товара, имеющего коммерческую ценность. Деятельность, направленная на подводные археологические объекты, не должна оказывать на них негативного воздействия. Она строго регламентируется с тем, чтобы обеспечить надлежащий учет полученной археологической информации.

Месяцы, а часто и годы, могут пройти между открытием подводного участка и начальными исследованиями, фактическими раскопками, подъемом объектов, изучением и хранением материалов. Именно поэтому от года к году все большую важность приобретает превентивная консервация *in situ* при различных используемых подходах:

- зондирование, изучение и раскопки участков, затем повторное их закрытие с целью сохранения для будущих поколений;
- профилактическое сохранение участков и их преобразование в подводные археологические парки;
- профилактическое сохранение объектов в качестве подготовки их к раскопкам или долгосрочной консервации.

По защищаемым материалам подводные объекты делятся на три группы:

- объекты из органических материалов, которые предполагается перезахоранивать после проведенных исследований для хранения в течение долгого времени;
- объекты из материалов, позволяющих демонстрировать их в создаваемых подводных археологических парках;
- корабли (предметы) из металла, которые допускают выбор: катодная защита и окончательное извлечение артефактов, с одной стороны, и открытие подводных парков – с другой.

Наряду с перечисленными подходами сохранения объектов *in situ* существует возможность подводной реставрации; примером может служить участок

Vaia близ Неаполя, Италия. Этот проект помог развить новые методы и технологии реставрации подводных архитектурных групп, по масштабам равной той, которую можно произвести на суше.

В докладе перечислены современные мировые достижения в создании подводных археологических парков и управлении ими, проводится детальный анализ всех этапов становления подводного археологического парка и принципы управления ими.

Подводные парки различаются по своим функциям; например, морские археологические парки представляют собой акватории с разработанными маршрутами, следуя по которым, аквалангисты могут ознакомиться с затонувшими историческими объектами. Подводные археологические заказники – акватории, где проводятся исследования и раскопки, – не предназначены для экскурсий. Но после окончания сбора научного материала заказники могут использоваться как подводные археологические парки. Подводные природно-археологические парки и заказники – это акватории определенного геологического природного значения, которые содержат археологические объекты. Для этих парков разрабатываются различные маршруты, которые позволят посетителям наблюдать подводный мир природы и археологии. Подводные археологические заказники могут быть закрытого типа, в их акватории запрещено судоходство, рыбная ловля и погружения аквалангистов. Функции заказников такого типа – сохранение, наблюдение памятников и защита их от разрушения.

На сегодняшний день десятки стран имеют опыт создания подводных парков, и, учитывая их развитие в экономическом, социальном и культурном отношении, многие страны планируют создание таких парков на своих территориях. В местах же, где нет или недостаточно подводных исторических объектов, возникают искусственно созданные морские парки и музеи.

Рассматриваются два проекта создания подводных археологических парков в России.

А.И. Хват, А.И. Михеева

Управление по сохранению, использованию и охране объектов культурного наследия Минкультуры Республики Марий Эл, Йошкар-Ола

Охрана объектов археологического наследия в Республике Марий Эл

На территории Республики Марий Эл выявлен 681 объект археологического наследия. Правовой статус большей части памятников определен постановлениями Совета Министров МАССР (1940, 1958, 1960, 1970, 1972, 1974, 1978 гг.) и постановлениями

Правительства Республики Марий Эл (1993, 2007 гг.). В соответствии со ст. 64 Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» 466 объектов археологии

включены в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации.

После принятия в 2004 г. республиканской целевой программы значительно активизировалось проведение мониторинговых исследований объектов археологического наследия. В частности, в 2006–2008 гг. обследовались памятники, расположенные на землях лесного фонда, с привязкой объектов к лесхозу, лесничеству, кварталам, выделам и нанесением границ памятников на карты лесных угодий. Результаты исследований оперативно направлялись в лесоохранительную службу. В 2008–2010 гг. обследованы памятники, расположенные в непосредственной близости от населенных пунктов и, как следствие, наиболее подверженные возможному хозяйственному освоению. Параллельно решались вопросы согласования землеотводов на территории населенных пунктов с Комитетами по имуществу муниципальных образований. В 2010 г. в рамках республиканской программы начаты работы по оформлению кадастровых дел на земельные участки, в границах которых располагаются памятники археологии. Данное направление является ключевым, поскольку постановка на кадастровый учет и регистрация обременений на земельные участки является единственной возможностью сохранения археологических памятников при землеотводах.

За прошедшие годы в Республике Марий Эл, как и в целом по стране, сложилась практика проведения охранных мероприятий в связи намечаемой хозяйственной деятельностью. Тем не менее, в 2010 г. зафиксированы 2 факта разрушения культурного слоя в ходе строительных работ на территории г. Йошкар-Олы. В первом случае при прокладке коммуникаций частично (20 м²) разрушено кладбище XIX в., относящееся к Богородице-Сергиевскому женскому монастырю. По предписанию Госоргана работы были остановлены, проведены охранные археологические исследования. Во втором случае в ходе строительных работ разрушен объект культурного наследия регионального значения «Древний острог с системой укреплений» (XVI–XVIII вв.), при этом обязательность проведения предварительных археологических исследований была обозначена на стадии задания на проектирование. Обременения при проведении строительных работ были учтены, что нашло отражение в государственном контракте, где прописано проведение предварительных археологических исследований. В нарушение существующего законодательства и условий госконтракта заказчик не заключил дого-

вор с научно-исследовательской организацией на проведение археологических изысканий. В результате площадь разрушения памятника составила 600 м². После обращения в прокуратуру Управления Росохранкультуры по Приволжскому федеральному округу по данному факту проведена прокурорская проверка. По состоянию на декабрь 2010 г. возбуждено уголовное дело, в настоящее время проводится следствие.

Серьезную угрозу сохранности археологических памятников представляют «черные копатели». В июле 2009 г. сотрудники управления зафиксировали значительное разрушение культурного слоя объекта регионального значения «Юльяльское селище» (XIV–XV вв.), площадью около 1000 м². Виновное лицо установлено, сам факт разрушения заснят на видеопленку телекомпанией ООО «Регион 12», имеются 3 свидетеля, подтверждающие тот факт, что Н проводил несанкционированные работы на территории памятника. В декабре 2010 г. дело было приостановлено. Поскольку расследование длится уже 2 года, а правоохранительные органы не намерены проводить дальнейшее расследование с целью установления ответственности виновного лица, Министерство культуры, печати и по делам национальностей РМЭ направило иск о возмещении ущерба, причиненного объекту культурного наследия, в мировой суд по месту жительства кладоискателя. Анализ ситуации и хода расследования по данному делу позволяет выделить следующие слабые стороны, которые, к сожалению, характерны для большей части объектов археологического наследия:

- 1) с точки зрения следственных органов, для привлечения виновных лиц по ст. 243 УК Российской Федерации прежде всего необходимо выявить наличие или отсутствие состава преступления, т. е. определить, имело ли место преступление или присутствует факт случая, не имеющего характера преступного деяния. На практике это выглядит следующим образом: если на памятнике археологии была установлена информационная надпись, то состав преступления имеет место быть;
- 2) отсутствие установленных в соответствии с существующим законодательством границ территории объекта культурного наследия как объекта градостроительной деятельности особого регулирования;
- 3) отсутствие регистрационного номера, присваиваемого объекту культурного наследия при регистрации в ЕГР.

Охранно-спасательные работы в практике университетской экспедиции

Археологические экспедиции в России изначально создавались для решения вполне конкретных научных задач, они были ориентированы на познавательную сферу. На протяжении XX в. их функции не раз менялись. Сегодня в научном мире важнейшее место принадлежит экспедициям-«долгожителям», на деле доказавшим свою состоятельность и научный вес. В Урало-Поволжском регионе большинство университетских экспедиций появились сравнительно недавно, 35–40 лет назад, когда в отечественном образовании остро стоял вопрос подготовки научных кадров на местах. Их рождение во многом совпало с важным законодательным актом – Законом 1976 г. «Об охране и использовании памятников истории и культуры». В начале 1970-х гг. создается отдел охранных раскопок в ИА АН СССР (Смирнов, 2002), формируются постоянно действующие новостроечные экспедиции, начинает складываться система охраны археологических памятников. Эти факторы во многом определяли масштабность и целеполагание археологических работ на новостройках Советского Союза в 1970–1980-е гг. Вузовские экспедиции являлись в этой системе одним из важнейших звеньев. Именно в рамках вузовской науки оказалось возможным вполне эффективное расширенное производство научных кадров экспедиций через такие формы, как проведение учебной полевой практики студентов, их оперативное обучение полевым методикам в различных условиях и в сжатые сроки. Немалую роль играл и психологический фактор – раннее приобщение к важному и «взрослому» ремеслу, ощущение своей значимости способствовали быстрому взрослению и становлению молодых специалистов. В свою очередь, немалую отдачу (в том числе финансовую) получал и сам научный коллектив.

Камско-Вятская археологическая экспедиция была создана в открывшемся в 1972 г. Удмуртском госуниверситете. В планах экспедиции сразу появились хозяйственные работы. Не секрет, что вузовский бюджет поддерживал только учебные практики, тогда как формирование материально-технической базы новой экспедиции, ее научные цели выходили далеко за рамки выделяемых средств. Развитие хозяйственной тематики, открытие в 1975 г. хозяйственной лаборатории для исследования разрушающихся памятников способствовали масштабности первых разведок и стационаров, организованных на памятниках археологии, сначала – в зонах мелиоративного строительства Удмуртской АССР и Кировской обл., затем – на путях нефте- и газопроводов, тянувшихся из-за Урала

на запад европейской части России. Так, уже в 1976 г. экспедицией было организовано 19 разведочных маршрутов (Голдина, Черных, 1985). Карта Прикамья пополнилась сотнями памятников разных эпох; важным достижением стало то, что вынужденные обследования так называемых «неперспективных» (с точки зрения прежних исследователей) территорий междуречья Камы и Вятки привели к открытию памятников эпох мезолита и нео-энеолита.

С принятием Закона об охране и использовании памятников истории и культуры, накоплением опыта хозяйственных работ их акцент был перенесен с выявления новых объектов на изучение: стационарные раскопки проводились ежегодно на 15–16 разрушаемых памятниках. Аварийные спасательные раскопки во второй половине 1970-х гг. втрое превысили по объему аналогичные исследования в первый период деятельности КВАЭ, а в следующее пятилетие (1981–1985 гг.) – почти в пять раз (Голдина, Черных, 1985; Голдина, Черных, 1987; Широбокова, 2002; Черных, 2008). Эта тенденция сохранялась и в 1980-е гг. Приближающийся кризис не сокращал пространства охранных спасательных работ КВАЭ. Более того, можно даже говорить об определенном его расширении за счет растущего кадрового потенциала научного коллектива. С конца 1970-х гг. КВАЭ проводила аналогичные работы в Пермской обл., Татарии. В середине 1980-х гг. сотрудники экспедиции работали на основе договоров субподряда с Институтом археологии АН в зоне Ржевского водохранилища, в середине 1990-х – по целевой общероссийской программе «Сохранение археологического наследия народов Российской Федерации».

С начала 1990-х г. нарастание кризисных явлений в стране в целом привело и к резкому спаду в практике спасательных работ. Вузовская археология вновь вернулась к скудному бюджетному финансированию. В стране повсеместно происходила самоорганизация научных и производственных подразделений. В Удмуртской Республике подобные шаги давались очень тяжело. Только в 1997 г. удалось добиться создания при Министерстве культуры профильного Управления с приданием ему функций контроля в культурноохранной сфере. Но, несмотря на реализацию ряда весьма значимых программ, в республике так и не удалось выстроить систему охранно-спасательной археологии. Удмуртия – один из тех регионов России, где до сих пор не принят республиканский закон об охране историко-культурного наследия. И хотя при Министерстве культуры УР создан отдел охраны памятни-

ков, а бывшее Управление получило статус ГУК, выполнение российского законодательства по-прежнему встречает серьезные затруднения. С 2005 г. можно говорить о некоторой положительной динамике охранно-спасательных работ. Правда, следует иметь в виду, что произошел «откат» в характере проводимых работ. В основном это натурные исследования (историко-культурная экспертиза территорий под хозяйственное строительство), не требующие участия большого количества научного персонала, тем более привлечения студентов. Доля собственно спасательных раскопок в планах работ экспедиции сегодня ничтожно мала

(в 2001–2007 гг. – лишь седьмая часть всех проводившихся хоздоговорных исследований). Да и те ведутся в основном за пределами Удмуртии (Пермь, Тверь, Ростов-на-Дону, Калининград). Специалисты пока есть, но нет уверенности в том, что ход событий не повернется вспять и мы не вернемся опять на уровень начала 1970-х, когда в республике специалисты-археологи были представлены в количестве двух человек!

Такие опасения вызывает и наше реформируемое образование – перевод на двухуровневую систему подготовки (бакалавр-магистр). В ГОСТАх третьего поколения по-прежнему отсутствует специальность «археолог».

- Голдина Р.Д., Черных Е.М., 1985. Итоги работ Камско-Вятской археологической экспедиции в 1976–1980 гг. // Новые источники по древней истории Приуралья. Устинов.
- Голдина Р.Д., Черных Е.М., 1987. Итоги работ Камско-Вятской археологической экспедиции в 1981–1985 гг. // Новые археологические исследования на территории Удмуртии. Ижевск.
- Смирнов А.С., 2002. Сохранение археологического наследия России: История и проблема // РА. № 4.

- Черных Е.М., 2008. Камско-Вятская археологическая экспедиция и охранная археология // Археологическая экспедиция: Новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии. Ижевск.
- Широбокова Н.Ф., 2002. Основные итоги исследований Камско-Вятской археологической экспедиции на разрушающихся памятниках (1973–2000) // Исследовательские традиции в археологии Прикамья. Ижевск.

А.В. Шаманаев

Уральский государственный университет, Екатеринбург

Вопросы охраны памятников археологии на VI Археологическом съезде в Одессе (1884 г.)

Всероссийские археологические съезды (АС) оказали большое влияние на развитие российской археологии и формирование системы охраны археологических памятников (Разгон, 1957. С. 106, 107; Формозов, 1986. С. 163; Лебедев, 1992. С. 100–163). Не стал исключением и VI АС в Одессе (август 1884 г.).

Проблемы охраны памятников археологии были подняты уже на стадии подготовки съезда. Распорядительным комитетом (РК) были поставлены задачи изучения истории археологических исследований в Крыму, издания каталогов музейных и частных собраний Новороссийского края, картографирования археологических памятников Южной России (Вопросы... 1886. С. XXXII, XXXVIII).

К началу работы съезда были изданы каталоги коллекций П.О. Бурачкова и Ю.Х. Лемме (Бурачков, 1884; Collection... 1884). Русское археологическое общество (РАО) выделило средства для составления свода античных эпиграфических памятников Северного Причерноморья (Латышев, 1888. С. 49–54). Картографирование археологических памятников южных регионов России было выполнено Л.Ф. Воеводским (Помяловский, 1884. С. 8, 9, 12–25).

Большой интерес представляет подготовленная к съезду работа А.А. Матвеева. В ней представлены ис-

ториографический обзор проблем погребальных и поселенческих памятников юга России, подборка инструкций по изучению городищ и «каменных баб», а также затронуты общие вопросы сохранения памятников археологии (Матвеев, 1884). По сложившейся традиции, РК организовал несколько научных экспедиций для изучения археологических памятников Южной России (Отчет... 1886. С. XLIV, XLV).

Открытие VI АС состоялось 15 августа 1884 г. под председательством исполняющего обязанности попечителя Одесского учебного округа И.С. Некрасова (Бюллетени... 1884а. С. 3–7). В его работе приняли участие 372 депутата из 61 города.

Проблемы охраны памятников оказались в центре внимания двух докладчиков. А.И. Свирилин поднял вопрос о необходимости возложить обязанности практической охраны памятников старины на их собственников. Курировать эти работы должны были уездные археологические советы, состоящие из «местных учителей», под руководством члена одного из археологических обществ (Бюллетени... 1884б. С. 13, 14). Второй доклад был представлен К.И. Турчаковским. Он предложил создать специальное общество для сохранения древних памятников, по аналогии с подобными европейскими организациями. Идея

встретила поддержку участников съезда (Рефераты... 1884. С. 11, 12). Стоит отметить, что первое специализированное «Общество охранения древностей» было создано только в 1907 г. в Варшаве.

В различной степени вопросы охраны памятников старины затрагивались в других докладах и сообщениях. Так, Л.В. Воеводский изложил методику составления им карты древних поселений на юге России и некоторые общие принципы картографирования археологических памятников. А.Л. Крылов отметил необходимость составления библиографических указателей публикаций об археологических памятниках. В.В. Суслов обратил внимание на задачу срочного изучения памятников деревянного зодчества северной России.

Во время съезда не были оставлены без внимания вопросы популяризации археологических древностей и распространения сведений о памятниках в научных кругах. В Новороссийском университете прошла спе-

циально организованная выставка древностей. Одесским обществом истории и древностей была подготовлена новая экспозиция музея общества. После окончания съезда состоялась экскурсия по памятникам Крыма (Археологическая выставка... 1886. С. LXIX–LXXXVI; Заметка... 1886. С. LXXVIII–LXXX).

Таким образом, на VI АС в Одессе продолжилась традиция обсуждения проблем сохранения исторических и археологических памятников. Значительная работа в этом направлении была проведена на подготовительном этапе (экспедиции, составление инструкций, картографирование памятников, публикации материалов). На съезде обсуждались вопросы организации учета и охраны археологических древностей, преподавания археологии, создания обществ охраны памятников старины. Кроме того, выставки и экскурсии способствовали популяризации археологического наследия.

Археологическая выставка VI-го съезда // Тр. VI АС в Одессе (1884 г.). Одесса, 1886. Т. 1.

Бурачков П.О., 1884. Сборник материалов для изучения искусства и монетного производства у народов, живших в древности на юге нынешней России в период пребывания там эллинов. Одесса. Ч. I.

Бюллетени VI Археологического съезда в Одессе // Новороссийский телеграф. № 1. Одесса, 1884а.

Бюллетени VI Археологического съезда в Одессе // Новороссийский телеграф. № 8. Одесса, 1884б.

Вопросы, по которым желательно получить сведения к съезду // Тр. VI АС в Одессе (1884 г.). Одесса, 1886. Т. 1.

Заметка об экскурсии, состоявшейся после закрытия VI Археологического съезда, в Крым // Тр. VI АС в Одессе (1884 г.). Одесса, 1886. Т. 1.

Латышев В.В., 1888. Сообщение о ходе работ по изданию общего сборника греческих и латинских надписей северного побережья Черного моря // Тр. VI АС в Одессе (1884 г.). Одесса. Т. 2.

Лебедев Г.С., 1992. История отечественной археологии: 1700–1971 гг. СПб.

Матвеев А.А., 1884. К вопросу об археологических исследованиях в Южной России. Одесса. Ч. III: Археология.

Отчет Распорядительного Комитета по устройству VI Археологического съезда в Одессе // Тр. VI АС в Одессе (1884 г.). Одесса, 1886. Т. 1.

Помяловский И.В., 1885. Шестой археологический съезд в Одессе 1884 г. // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 237.

Разгон А.М., 1957. Охрана исторических памятников в дореволюционной России (1801–1917 гг.) // История музейного дела в СССР. (Тр. НИИ музееведения. Вып. 1.)

Рефераты заседаний VI Археологического съезда в Одессе. Одесса, 1884. № 10.

Формозов А.А., 1986. Страницы истории русской археологии. М. Collection Lemmé à Odessa décrite par M. F. Première partie: Orfèvrerie antique // Dedié au VI-nie Congrès Archéologique Russe. Odessa, 1884.

Е.В. Шелепова

Алтайский государственный университет, Барнаул

Культовые места Алтая: инвентаризация, методика изучения, проблемы терминологии и интерпретации¹

Выделение священных, особо почитаемых, мест в древних, средневековых и традиционных культурах евразийских степей связано с разносторонним и многоуровневым изучением археологических памятников. Их расположение было подчинено топографии и орографии конкретной местности, наличию ритуально важных природных объектов, отражало религи-

озные представления о зонах обитания и действия предков, духов и т. д. За длительный период исследования различных культовых объектов была выработана специальная методика поиска и изучения священных мест и центров (Марсаолов, 2005). На настоящем этапе требуется паспортизация и инвентаризация культовых памятников, разработка адекватного

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Древние и современные культовые места Алтая: инвентаризация, картографирование и оценка их роли в сакрализации территорий в символическом и историко-культурном планах» (10-01-00544а/Чел.).

алгоритма их описания. Объективно наблюдаемые параметры священных мест могут быть выделены только в ходе комплексного изучения имеющейся информации, которую дают научные публикации, осуществление археологических, палеоастрономических и геодезических наблюдений.

В связи с конструктивным многообразием комплексов потребовалось определение их видовой принадлежности (святилище, культовое место, культовый центр и т. д.). Известна схема, предложенная Л.С. Марсадаловым (2005. С. 35). Он обосновал разделение памятников культовой деятельности на несколько видов: святилища, астрономические пункты наблюдений, отдельные культовые объекты, сакральные клады. Ясно, что данная типология не отражает всего многообразия культовых мест и будет конкретизирована в ходе сбора и обработки всех данных. Первым этапом наших исследований в данном направлении стало выделение ключевых параметров для характеристики культовых объектов:

- 1) видовая принадлежность (святилище, отдельный культовый объект и т. д.);
- 2) название;
- 3) месторасположение и географические координаты (административно-территориальное нахождение, GPS и другие параметры);
- 4) хронологическая и культурная принадлежность комплекса;
- 5) краткая история открытия и изучения;
- 6) структурное описание памятника. Отмечаются все зафиксированные объекты культового места (курган, херексур, пещера, выкладка, «кольцо», следы огня, погребение, изваяние и/или стела, наскальные рисунки и др.);
- 7) результаты раскопок (если таковые имеются);
- 8) археоастрономические наблюдения;
- 9) библиографический список.

Наиболее сложными в атрибуции и интерпретации памятниками являются святилища. К ним мы отнесли комплексы, состоящие из ряда культовых объектов, находящихся друг с другом и природным ландшафтом в определенных взаимосвязях. Называются следующие характерные параметры святилищ (Кубарев, 1979; Марсадалов, 2005. С. 39, 40, 42; 2007. С. 12):

- расположение на склонах гор или в широких межгорных котловинах;
- нахождение в их составе разновременных и разнотипных объектов;

- наличие скального выступа с гладкой поверхностью для нанесения наскальных рисунков;
- наличие центра («алтаря») сакральной территории, который может занимать вертикально установленный камень;
- сакральная разметка. Ее роль играют четко выраженные линии, образуемые различными объектами, которые расположены рядами. В наиболее важных точках и на пересечении разметочных линий сооружались стела, выкладка, «обо», курган и т. д.;
- длительный период функционирования¹, доступность, зрелищность, величественность, уникальность.

К памятникам такого типа относится, к примеру, святилище Адыр-Кан на территории Центрального Алтая. Комплекс занимает правый берег Чуи, недалеко от ее впадения в р. Катунь. Функционировал долговременно: начиная с эпохи бронзы до этнографической современности. Включает изваяние, выкладки, каменный ящик и наскальные изображения. Центром святилища является каменное изваяние VIII–VII вв. до н.э. в виде схематичной фигуры воина. Наскальные рисунки находятся на расстоянии около 70 м к северу от изваяния. Среди изображений выделяются рисунки эпохи поздней бронзы. В верхней части наскальной плоскости имеются изображения оленей XI–VIII вв. до н.э. Имеется контурный рисунок животного, относящийся к VIII–VII вв. до н.э. На другом участке находятся рисунки, выполненные в разных стилях и хорошо изученные по другим петроглифам Центральной Азии. На святилище произведены археоастрономические наблюдения (Марсадалов, 2000; 2007). По расчетам, в дни, близкие к равноденствию, солнце восходило в точке пересечения трех гор. В этой сакрально важной точке было установлено каменное изваяние, служившее объектом поклонения древних кочевников.

Составленная программа изучения культовых мест Алтая найдет отражение в сводном каталоге «Священные и культовые места Алтая от древности до современности». Там будут аккумулированы и представлены в виде стандартизированного описания обозначенные выше ключевые сведения по священным местам Алтая от ранней бронзы до современности.

Пока в изучении различных культовых мест и объектов существует целый ряд проблем: терминологическая неопределенность, вычленение признаков для типологического ранжирования комплексов и др.

Кубарев В.Д., 1979. Древние изваяния Алтая (оленные камни). Новосибирск.
Марсадалов Л.С., 2000. Ритуальный центр в долине р. Чуи на Алтае // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики. СПб.

Марсадалов Л.С., 2005. Методические аспекты изучения древних святилищ Саяно-Алтая // Теория и практика археологических исследований. Барнаул. Вып. 1.
Марсадалов Л.С., 2007. Отчет об исследовании древних святилищ Алтая в 2003–2005 годах // Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. СПб. Вып. 5.

¹ Существуют также святилища, функционировавшие только в определенное время (например, Кызык-Телань, Бийкенское святилище и др.).

История археологической науки и место археологии в современном обществе

А.Л. Автушкова, Д.А. Насибуллина

Новосибирский государственный краеведческий музей, Новосибирск

Археологическое изучение Томской области и окрестностей г. Новокузнецка Н.А. Чернышевым

В конце в XIX в. в Томске было положено начало томской школе археологов. Развитие эта школа получила в 1920-е гг. После отъезда виднейших специалистов С.А. Теплоухова, С.А. Руденко Томск потерял статус научного центра. Но оставались еще инициативные люди, способные продолжить начатое дело. Одним из них был Н.А. Чернышев. Интерес к нему возник в связи с находкой неизвестных фотографий в фондах Новосибирского государственного краеведческого музея (НГКМ).

Коллекция фотофонда НГКМ начала формироваться в 1920-х гг. В годы войны книги поступлений были утеряны, а вместе с ними и сведения о коллекциях. Некоторые предметы еще можно было атрибутировать, но с другими это сделать было уже нельзя. Установить датировку предмета в отдельных случаях получалось, сложнее было с легендой предмета. Фотографиям, собранным за тридцатилетнюю историю музея, снова присваивали номер и обширное название, например «Фото по истории Сибири». При отсутствии подробной аннотации на обороте и дополнительных сведений восстановить историю фотографии довольно трудно.

Подобная история произошла и с номером «НВФ-2204». Записью в инвентарной книге музея от 17 августа 1948 г. группе фотографий было присвоено общее название «Экспедиция по раскопкам курганов». На оборотах записаны названия местностей: Чердашный лог, Козулино, Чернильщиково, Малиновка, Городище Шеломок, Орловка, Басандайка, Аникин камень и др. Эти названия связаны с археологическими памятниками Томской и Кемеровской областей. На некоторых фотографиях вещей есть маркировка «39/...» – обозначение года находки. Таким образом, все фотографии или их часть относятся к раскопкам 1939 г.

В археологической карте Томской обл. нет сведений об исследовании этих памятников в 1939 г., первые раскопки были произведены в 1940–1950-х гг. (Чиндина, 1990). Только о Басандайской курганной

группе I и поселении Шеломок I сказано, что они были раскопаны 1938–1939 гг. Н.А. Чернышевым.

Из сведений, полученных из Томского краеведческого музея, стало известно, что в 1934–1941 гг. Н.А. Чернышев находился в ссылке в Западной Сибири и с 1937 г. работал научным сотрудником в Томском краевом музее. Летом 1939 г. он проводил экспедиции, по результатам которых была устроена выставка в музее (Беликова, 2004. С. 92–115), в 1940 г. Н.А. Чернышев открыл несколько памятников (какие именно, неизвестно) в Томской обл..

Отчеты обо всех раскопках обязательно отправлялись в Государственную академию истории материальной культуры (ГАИМК). Оказалось, что архив Н.А. Чернышева существует. Так атрибуция музейной коллекции получила продолжение. Научному миру до сих пор почти ничего не известно об исследованиях Н.А. Чернышева.

Архив Н.А. Чернышева включает в себя отчет и дневник 1938 г. (в отдельное дело собраны планы памятников, фотографии раскопок и находок, археологическая карта среднего течения Оби и низовьев Томи); отчет за 1939 г. с дневниками разведок по обследованию берегов Томи и Чулыма и окрестностей Сталинска и приложением в виде планов расположения Маякова городища и Кузнецкого неолитического могильника; отчет 1940 г. с дневником, описью, чертежами и фотографиями раскопок.

В итоге удалось узнать, какие памятники исследовал Н.А. Чернышев, установить методику раскопок, сохранность объектов на тот момент. Его деятельность охватывала Томскую, Кемеровскую и восточный край Новосибирской области. Исследованные им памятники идентифицируются со многими указанными в археологической карте Томской области (Чиндина, 1990), а именно: поселение Шеломок I, Томский могильник, Басандайская курганная группа I, Батуринские курганная группы I и IV, Вороновская курганная группа I, Уртамский острог, Могильницкая курганная группа III, могильник Тахтамышевы

Юрты, Тоянов городок, стоянка каменного века на Толстом мысу, могильник Аникин Камень. Н.А. Чернышевым найдены многие другие объекты, переоткрытые археологами позднее. Главным его открытием стал Кузнецкий неолитический могильник (Чернышев, 1953). Сведения о раскопках 1940 г. и о современном состоянии объектов мы получили от Ю.А. Ширина (1995).

Н.А. Чернышев много сделал для развития археологии Томской и Кемеровской областей. Коллекции Н.А. Чернышева составили серьезную часть коллекций Новокузнецкого краеведческого музея.

Научная ценность архива Н.А. Чернышева еще не до конца осознана исследователями. Надеемся, что когда-нибудь откроются новые сведения о деятельности Н.А. Чернышева как сибирского археолога.

Беликова О.Б., 2004. Николай Александрович Чернышев: страницы биографии // Тр. ТОКМ. Томск. Т. 13.
Чернышев Н.А., 1953. Кузнецкий неолитический могильник // МИА. № 39.

Чиндина Л.А., 1990. Археологическая карта Томской области. Томск.
Ширин Ю.В., 1995. Археологические работы на Томи и Чулыме в 1940 г. Томск.

А.Н. Алексеев, В.Г. Аргунов, В.М. Дьяконов
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Якутск

Археологические изыскания якутского государственного университета в 2000–2010 гг.: основные направления и проблематика исследований

Рассматриваемый период знаменуется значительным расширением географии исследований ЯГУ (с 2010 г. – Северо-Восточный федеральный университет), в ходе которых открыто более 100 разнообразных памятников эпох камня, палеометалла и средневековья. Особое внимание уделяется проблемам этногенеза коренных народов Северо-Востока России, миграционным, адаптационным и этнокультурным процессам, происходивших в древности и средневековье. Еще одним приоритетным направлением деятельности археологов университета являются охранно-спасательные раскопки и историко-культурная экспертиза на объектах горнопромышленных комплексов, строящихся ГЭС, проектируемых автодорог и жилищно-хозяйственных объектов.

Продолжают развиваться связи археологов ЯГУ с ведущими научными центрами России и зарубежья. В частности, с 2002 г. работает постоянно действующая международная Саха-Французская археолого-этнографическая экспедиция, в 2005 г. создана штатная Якутская лаборатория археологии и палеоэкологии Института археологии и этнографии СО РАН. В 1999 г. на историческом факультете университета открыта кафедра археологии и истории Якутии. В ЯГУ велась подготовка кадров по специальности «археология», функционирует аспирантура по этому направлению.

Археологами ЯГУ разрабатываются и внедряются новые направления и методики научных ис-

следований, связанных с аласными (степными) районами Якутии и денудационными равнинами. Работы предыдущих лет были в основном связаны с изучением археологического материала аллювиальных отложений речных террас. На территории Центральной Якутии изучаются стоянки мезолита, неолита, бронзового и раннего железного веков, а также средневековья, открыты и исследованы уникальные погребальные памятники неолитического времени и эпохи ранних металлов. На погребальном памятнике Вилуйское Шоссе впервые в Якутии найдено парное ярусное захоронение в антитезе, ближайшие аналогии этот обряд находит в китайской культуре Прибайкалья, а также на Верхней Лене (Дьяконов и др., 2003). В погребении Нелегер зафиксирован обряд трупосожжения. Памятник хронологически относится к усть-мильской культуре эпохе бронзы, что подтверждают радиоуглеродные даты. Научная ценность памятника заключается в том, что материал погребения подтверждает наши теоретические выводы относительно погребального обряда в виде трупосожжения в бронзовом веке Якутии (Дьяконов, Иванова, 2006). Кёрдюгенское погребение эпохи позднего неолита дало яркий материал, позволяющий реконструировать детали социальной структуры и военного дела древнего населения конца каменного века (Алексеев и др., 2006). Дюпсинское погребение характеризуется скорченным труположением на боку, что впер-

вые выявлено в погребальном обряде раннего железного века Якутии, т. к. для найденных ранее погребальных комплексов этого периода общим являлось труположение на спине (Степанов, 2010). Для погребений Вилюйское Шоссе и Кёрдюген получены серии радиоуглеродных дат и палеоантропологические данные. Проводятся разведочные работы в Олёкминском улусе Якутии, обнаружены и предварительно исследованы памятники эпохи палеолита Чингалах и Сосновый Бор с архаичным галечным материалом. Завершены полевые исследования многослойной (палеолит – палеометалл?) пещерной стоянки Хайыргас на Средней Лене (Степанов и др., 2003). В ходе исследований получены многочисленные фаунистические остатки, археологический материал и серия радиоуглеродных дат, которые позволяют сделать новые выводы о древней истории Южной Якутии и контактных (маргинальных) зонах в конце плейстоцена – голоцене. Продолжилось исследование писаниц Якутии, открыты новые пункты с наскальными рисунками, проведена повторная научная инвентаризация известных культовых объектов и святилищ Средней Лены, предложены новые семантические трактовки древних изображений с привлечением этнографического материала (Алексеев и др., 2002; 2003а; и др.). Появились новые работы по календарно-астрономическим системам древних обитателей Якутии, палеоинформатике и палеометрологии (Алексеев и др., 2003б; Максимова, 2003; 2006; и др.).

Саха-Французская экспедиция открыла и исследовала десятки погребальных памятников якутов

в центрально-якутской и вилюйской группах улусов, а также в Верхоянье. Особенностью ее работ является комплексный подход. Получены новые данные по погребальному обряду и демографической ситуации якутов в XVII–XIX вв., проведены обширные палеогенетические, антропологические и палеосоциологические исследования, а также дендрохронологический анализ (Crubezy et al., 2007; Мыглан, 2010).

Значительно расширена охранно-спасательная деятельность в зонах строительства промышленных и горнодобывающих объектов в Южной и Заполярной Якутии – Эльконского уранового и Эльгинского каменноугольного месторождений, Верхне-Мунского алмазодобывающего комплекса. С 2010 г. начаты работы по исследованию зоны затопления Канкунской ГЭС на р. Тимптон. Продолжались превентивные археологические изыскания (историко-культурная экспертиза) и мониторинг объектов историко-культурного наследия в зонах строительства и расширения автодорог, а также на новостройках.

Археологами ЯГУ разрабатываются теоретические проблемы определения абсолютного возраста, локальных вариантов и сосуществования археологических культур Якутии, перехода от неолита к бронзовому веку и постепенной трансформации ымыяхтахской культуры позднего неолита в ряд культур бронзового века (улахан-сегеленняхская, усть-милевская и пережиточно-ымыяхтахская сугуннахская), классификации инвентаря, анализа орнаментов и состава керамики культур неолита и палеометалла Якутии, этнокультурогенеза коренных народов Северо-Востока России.

Алексеев А.Н., Кочмар Н.Н., Аргунов В.Г., 2003а. Сохранение и спасение памятников археологии в зонах деятельности золото- и алмазодобывающей промышленности Якутии // Научное обеспечение развития горно-промышленных комплексов Республики Саха (Якутия). Новосибирск.

Алексеев А.Н., Кочмар Н.Н., Пеньков А.В., 2002. Писаница Тойон-Ары (р. Лена): Новые полевые материалы и новые семантические оценки широко известной композиции // История и культура востока Азии: Мат. Междунар. науч. конф. Новосибирск. Т. 2.

Алексеев А.Н., Кочмар Н.Н., Пеньков А.В., 2003б. Мнемозина – мать Клио, Урании, Полигимнии...: Тезисы о палеоинформатике // Древние культуры Северо-Восточной Азии: Астроархеология. Палеоинформатика. Новосибирск.

Алексеев А.Н., Пеньков А.В., 2006. Новые подходы к познанию духовной культуры таежных племен древней Якутии: Пиктографические «тексты» на ленских писаницах бронзового века // Древности Якутии: Искусство и материальная культура: Сб. науч. тр. Новосибирск.

Алексеев А.Н., Степанов А.Д., Жирков Э.К., Шараборин А.К., Алексеева Л.Л., 2006. Захоронение ымыяхтахского воина в местности Кёрдюген // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2 (26).

Дьяконов В.М., Иванов К.А., 2006. Археологический комплекс Нелегер III – новый памятник усть-милевской культуры в Центральной Якутии // Древности Якутии: искусство и материальная культура. Новосибирск.

Дьяконов В.М., Шпакова Е.Г., Чикишева Т.А., Поздняков Д.В., 2003. Погребение Вилюйское Шоссе в Якутске: палеоантропологические характеристики и предварительная датировка // Древние культуры Северо-Восточной Азии: Астроархеология. Палеоинформатика. Новосибирск.

Максимова М.В., 2003. Метрология и семантика гравированной пластины из мамонтового бивня (Мегино-Кангаласский улус Якутии) // Древние культуры Северо-Восточной Азии: Астроархеология. Палеоинформатика. Новосибирск.

Максимова М.В., 2006. Палеометрологический анализ и некоторые аспекты семантики писаницы Баасынай II на р. Олёкма // Древности Якутии: искусство и материальная культура. Новосибирск.

Мыглан В.С., 2010. Дендрохронологический анализ погребений Чурапчинского улуса (Республика Саха) // Мир Евразии. № 3 (10).

Степанов А.Д., 2010. Дюпсинское погребение раннего железного века в Центральной Якутии // Археология, этнография и антропология Евразии. №1 (41).

Степанов А.Д., Кириллин А.С., Воробьев С.А., Соловьева Е.Н., Ефимов Н.Н., 2003. Пещера Хайыргас на Средней Лене (результаты исследований 1998–1999 гг.) // Древние культуры Северо-Восточной Азии: Астроархеология. Палеоинформатика. Новосибирск.

Crubezy E., Alexeev A. et al., 2007. Chamane: Kyys, jeune fille des glaces. Paris.

Т.Г. Алпаткина, О.С. Никулина
Государственный музей Востока, Москва

Археологические архивы как часть культурного наследия России (к проблеме сохранения археологического наследия)

Трудно переоценить значение исторических архивов, особую категорию которых составляют архивы археологические. В составе археологических архивов хранятся по большей части неопубликованные материалы, полученные в ходе полевых исследований. Несомненно, идеальным было бы такое положение дел, когда все, что открыто, своевременно публикуется самими авторами раскопок. Но зачастую по ряду причин этого не происходит, и тогда последующим поколениям остаются архивы как отдельных ученых, так и целых экспедиций.

В архиве Государственного музея Востока хранятся материалы личных архивов известного востоковеда Б.П. Денике и искусствоведа П.Е. Корнилова. Часть их опубликована или подготовлена к публикации (Алпаткина, 2006. Рис. 1–13, 15–35; 2008. Рис. 1, 2, 4, 6–58, 60–62. Прил. 1. Рис. 1–8; Алпаткина, Никулина, 2011. Рис. 10–12, 15–19, 21). Однако до настоящего времени остается неизданным большое количество фотоматериалов, полученных в ходе работ созданной Б.П. Денике археологической экспедиции Музея Восточных культур на городище Старый Термез на юге Узбекистана в 1926–1928 гг., – это около 700 негативов и более 300 фотографий археологических памятников. Как нам кажется, интересны также фотографии, выполненные П.Е. Корниловым в ходе его поездок по Узбекистану и показывающие бытовую жизнь городских и сельских жителей в 1930-х гг., а также местный колорит тех лет. Все эти фотоматериалы являются немаловажной частью археологического наследия, оставленного нам русскими учеными, впервые в истории проводившими археологические и этнографические исследования в Средней Азии.

Отдельные памятники городища Старый Термез из тех, что сохранились до нашего времени, сильно разрушены (Искусство зодчих Узбекистана, 1963. С. 32, 33) или, как, например, мавзолей на о. Арал-Пайгамбар, находящемся в пограничных с Афганистаном водах Амударьи, недоступны для исследований (Массон, 1940. С. 14, 15); некоторые памятники в 1990–2000-х гг. были реставрированы (рис. 1: 5, 6) (Termez... 2001; Консервация и реставрация руин Фаяз-тепе, 2006). Но многие объекты утрачены: «скоплено так много сведений и официальных документов о бесчисленных случаях систематического разрушения развалин Термеза... что, пожалуй...

можно написать историю последовательного их уничтожения» (Массон, 1940. С. 25). Поэтому трудно переоценить значение материалов археологических архивов, содержащих фотографии исторических объектов городища Старый Термез тех лет, когда они были в большей сохранности.

Уже первые исследователи развалин Старого Термеза, раскинувшихся на площади более 1000 га, отмечали, что «обширность территории, отсутствие дорог, многочисленные широкие арыки и сплошные, с каждым годом расширяющиеся хлопковые плантации чрезвычайно осложняют систематическое исследование этих руин» и что памятники «обречены на постепенное разрушение» (Засыпкин, 1928. С. 28). В значительной степени это касалось оказавшихся на застраиваемых и возделываемых участках сырцовых построек III в. до н. э. – XVI в. н. э., которые быстро исчезали «вследствие их использования местными жителями для удобрения почвы» (Массон, 1940. С. 18; 1945. С. 8). Кроме того, на протяжении многих лет «руины города... привлекали внимание, главным образом, разных ведомств, добывавших с них прекрасного обжига кирпич. Для удовлетворения спроса в строительном материале шел сбор жженого кирпича не только с поверхности. Хищнически, без всякой предварительной фиксации, изучения и надзора было разобрано немалое количество археологических объектов, среди которых имелось около десятка неплохо сохранившихся архитектурных памятников» (Массон, 1940. С. 17, 18).

В число уничтоженных объектов вошли «расстрелянный» в 1930-х гг. во время артиллерийских учений минарет 1032 г. (Денике, 1939. С. 20. Рис. 10; Массон, 1940. С. 32; Алпаткина, 2006. Рис. 28; 2008. С. 8) и полностью разобранный на кирпичи в 1945 г. дворец правителей Термеза XI–XII вв. (Алпаткина, 2008. С. 8, 9. Рис. 33). Эти уникальные, не имеющие аналогов в мировой культуре памятники городища Старый Термез мы можем изучать лишь по описаниям и фотографиям 1926–1928 гг. из архива экспедиции Б.П. Денике (рис. 1: 1–4).

Таким образом, документальные и фотоматериалы из археологических архивов помогают воссоздать достоверный исторический облик уничтоженных или сильно разрушенных архитектурных памятников, тем самым помогая работе археологов, архитекторов и ре-

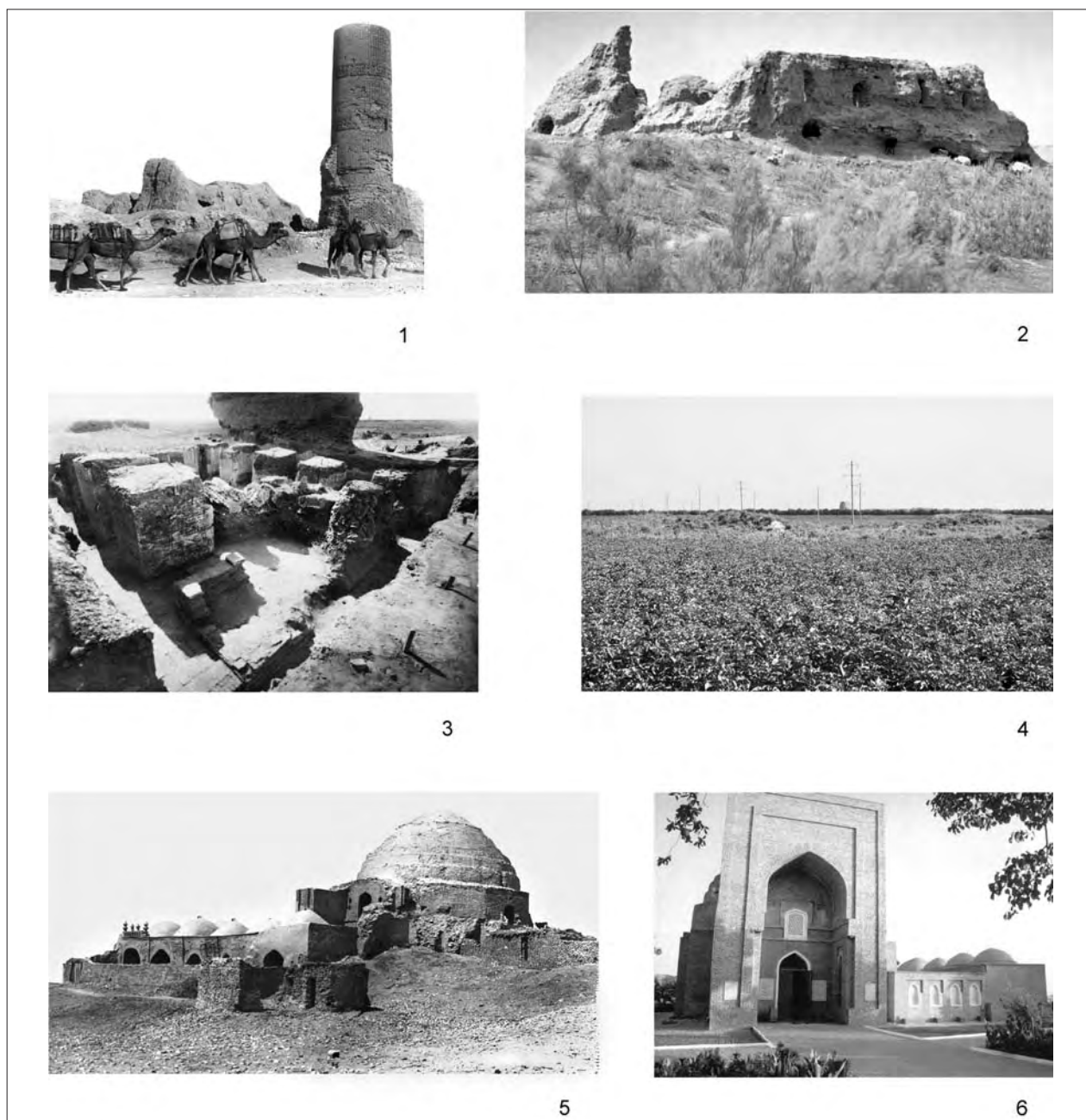

Рис. 1

Памятники городища Старый Термез

1 – уничтоженный минарет 1032 г. и т. н. «Курган», 1926 г. (фото из архива ГМВ); 2 – «Курган», современное состояние; 3 – дворец правителей Термеза, 1928 г. (фото из архива ГМВ); 4 – хлопковое поле на месте дворца (фото 2006 г.); 5 – мавзолеем Хакима ат-Термези, 1926 г. (фото из архива ГМВ); 6 – мавзолеем Хакима ат-Термези в настоящее время

ставраторов. Сохранение подобных материалов в виде архивных фондов и их публикация – важная

часть решения проблемы сохранения археологического наследия.

Алпаткина Т.Г., 2006. «Он никогда никому не сделал зла...»: Памяти Б.П. Денике: Автобиографический дневник и воспоминания друзей. М.
 Алпаткина Т.Г., 2008. Дворец правителей Термеза XI–XII вв. (по опубликованным и архивным материалам). М.
 Алпаткина Т.Г., Никулина О.С., 2011. Городище Старый Термез с точки зрения географических факторов: взаимосвязь двух групп исторических памятников // Историко-географический альманах ИВИ РАН. М. В печати.
 Денике Б.П., 1939. Архитектурный орнамент Средней Азии. М.; Л.
 Засыпкин Б., 1928. Памятники архитектуры Термезского района // Культура Востока: Сб. Музея Вост. культур. М. II.
 Искусство зодчих Узбекистана. Ташкент, 1963. II.

Консервация и реставрация руин Фаяз-тепе: Обобщающий отчет. Ташкент, 2006.
 Массон М.Е., 1940. Городища Старого Термеза и их изучение // Тр. Узбекского филиала АН СССР. Сер. I: История, археология. Ташкент. Вып. 2: Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936 г.
 Массон М.Е., 1945. Работы Термезской археологической комплексной экспедиции (ТАКЭ) 1937 и 1938 гг. // Тр. АН УзССР. Сер. I: История, археология. Термезская археологическая экспедиция. Ташкент. Т. II.
 Termez – an ancient and modern city at an important crossroads. Tashkent, 2001.

Л.А. Беляев

Институт археологии РАН, Москва

Первая российская археологическая экспедиция в Иерихоне (Палестина, Израиль)

В июне-октябре 2010 г., следуя распоряжению Президента РФ Д.М. Медведева по освоению участка и строительству Музейно-Паркового комплекса на участке правительства РФ в Иерихоне, Институт археологии РАН провел, при участии Департамента древностей и культурного наследия Министерства туризма и древностей ПНА, широкие научные охранные исследования, для чего была создана Иерихонская археологическая экспедиция (руководитель Л.А. Беляев; работы осуществлялись силами нескольких отделов ИА РАН при непосредственном участии руководства Института).

Это первые работы российских археологов в древней Палестине за истекшее столетие. Что явная историческая несправедливость – ведь именно русская наука уже в 1880-х гг. проложила сюда путь.

Палестина, тогда одна из провинций Турецкой империи, была слабо освоена европейцами. Интерес к ней, святой для трех мировых религий земле, был огромен. Но ее едва начинали изучать и серьезных исследований почти не вели. Оставалось неизвестным даже, что богатые памятниками окрестности селения Эр-Риха и есть легендарный Иерихон, о котором рассказывали Ветхий и Новый завет, Иосиф Флавий и другие античные авторы.

Начать здесь исследования решились два русских церковных деятеля: выдающийся ориенталист архимандрит Антонин (Капустин) и русский мещанин, монах Иоасаф (Плеханов). На пожертвованные средства они купили два участка с ярко выраженными признаками древней жизни. В начале 1880-х гг. на них были обнаружены здания византийского периода, полы которых богато украшала цветная мозаика, а слои содержали тысячи монет и древних вещей. В 1891 г. раскопки в Иерихоне провел молодой тогда ориенталист Я.И. Смирнов в составе первой российской экспедиции на Ближний Восток, организованной ИППО под руководством великого византиниста Н.П. Кондакова.

После 1917 г. Иоасафовский участок стал недоступен для исследований, но начатая современной Россией работа по возвращению ее собственности в Святой земле позволила вернуть участок (он передан Палестинской Национальной Администрацией в 1995 г.).

Иерихон невероятно богат древностями от эпохи каменного века до исламского средневековья, но памятники разных времен разделены значительными расстояниями. Участок Правительства РФ ле-

жит в центре современного города, который сложился в эпоху поздней Римской и ранней Византийской империй; им наследует современная арабская культура.

Нам удалось восстановить (пока в общих чертах) историю участка и собрать коллекцию предметов музейного значения (более 300), которая стала первым вкладом в экспозицию Музея.

Начало освоения участка восходит к позднему римскому времени, хотя древнейшие найденные здесь монеты отчеканены при правителях Иудеи I в. до н. э., Хасмонеях. Монеты римских императоров восходят ко II в. (начиная с Марка Аврелия), но слои этого времени пока не обнаружены. Постройки представлены в основном ранним византийским временем, концом V – началом VII в. В то время на территории участка стояли здания крупного церковно-аграрного комплекса, типичного для Святых мест и монастырей Палестины (такие комплексы включали благоустроенные здания с большими залами с колоннами, жилые и хозяйственные зоны).

В архитектуре сочетается монументальность (здания построены исключительно из крупных бло-

Рис. 1

Бронзовая лампа с ажурной ручкой. VI–VII вв.

ков тесаного камня на валунных фундаментах) с упрощенностью деталей: капители принадлежат к поздним переработкам ионического ордера; колонны тесаны не из мрамора, а из местного известняка; среди баз много предельно упрощенных.

В то же время, интерьеры благоустроены и богато украшены. Все они снабжены резервуарами и каналами для воды (крайне необходимыми в Иудейской пустыне) и устланы мозаикой из мелких кубиков камня, которые образуют простые (белые или двухцветные черно-белые) и сложные (орнаментальные многоцветные) покрытия.

Важная находка – крупная (3,60х3,60 м) мозаика в центре одного из парадных помещений, выложенная из 150 тыс. разноцветных кубиков. Ее композицию образуют сложно сплетенные круги, плетеный орнамент, имитации цветного мрамора и мотивы растений, ассоциирующиеся в религиозной символике с пожеланиями благополучия: цветок граната; розетка; произрастающие из амфоры лозы с гроздьями винограда.

Находки определяют характер комплекса как христианский. Среди них бронзовая кадьница с крестом; большая бронзовая церковная лампа; керамические светильники с христианскими надписями.

Все эти предметы и сама мозаика могут быть датированы в пределах от конца V до первой половины VII в.

Нумизматика подтверждает, что расцвет жизни здесь пришелся на V – первую половину VII в.: основную массу монет (около 60%) составляют медные византийские, отчеканенные в правление императоров от Анастасия I (491–518 гг.) до Ираклия (610–641 гг.). Монеты эпохи Омейядов показывают, что жизнь не оборвалась, но успешно продолжалась, и в эпоху ислама. После перерыва в 200–300 лет она возобновилась, что подтверждают монеты Айюбидов и образцы прекрасно расписанной посуды XIII–XIV вв., типичной для эпохи султанов-мамлюков.

В едва затронутом раскопками помещении открыта часть второй цветной мозаики. Это показывает, что продолжение работ на участке Правительства РФ в Иерихоне принесет новые важные находки. Российский Музейно-Парковый комплекс обещает стать удачной площадкой для совместной работы российских и палестинских ученых и деятелей культуры.

Материалы экспедиции легли в основу первой экспозиции Российского Музейно-Паркового комплекса в Иерихоне. 18 января 2011 г. ее осмотрели и одобрили

А.Л. Бойко

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Научные общества, музеи и археологические раскопки в областях с особым статусом управления (на примере Области войска Донского)

Среди районов Российской империи, где было введено особое (военное) управление, неповторимое место занимала Область войска Донского (ОВД). Это было связано с ее огромными территориальными масштабами, значительным по размеру населением и «особым» отношением к древностям. Достаточно отметить отсутствие здесь высших учебных заведений (с факультетами гуманитарного профиля), более позднее, чем в других районах России, открытие музеев и появление научных обществ исторического характера. «Запаздывание» этих процессов составляет не менее 25–30 лет. Это положение сложилось не сразу.

Интерес к древностям Дона у россиян появляется в XVII в., что соответствует так называемой «преднаучной фазе» на территории других регионов. Однако в условиях Приазовья, значительная часть которого находилась в руках Османской Турции и ее вассалов, «розыск древностей» был невозможен. Поэтому информацию об этом этапе изучения древностей Дона можно получить преимущественно из письменных

источников (комплекс т. н. «Азовских повестей» и некоторые войсковые отписки) и данных иконографии с многочисленными библейскими, новозаветными и античными параллелями.

Первые научные раскопки в ОВД связаны с академическими путешествиями XVIII в. Наиболее ранними из них можно считать исследования курганов академиком Фальком в 1769 г. у ст. Березовой (Усть-Медведица) и обследование Цимлянского городища.

Появление местных любителей старины, среди которых были первые «антиквари» и «курганграфы», связано с именем А.Г. Попова, выпускника Харьковского университета. Вокруг него сложился круг любителей донской истории и археологии. С их деятельностью связаны попытки упорядочить сбор и хранение древностей, чему были посвящены циркуляры правления ОВД от 1807, 1818 и 1831 гг. В 1807 г. возникает и собрание древностей при Новочеркасской войсковой гимназии (1807–1825 гг.). А.К. Кушнаревым в 1824 г. проводятся раскопки Недвиговского городища.

Новое «Положение об управлении Донским войском» (1835 г.) узаконило специфику Дона как военно-хозяйственной области Российской империи. Это затормозило общественное развитие региона, Донской музей был открыт лишь в 1899 г.

В этих условиях основным методом изучения древностей Дона являлось научное анкетирование. Поскольку анкетирование проводилось в приказном порядке, то именно ОВД занимала одно из первых мест в Российской империи по количеству и качеству заполненных анкет.

Первыми научно организованными работами, проведенными донским исследователем, стали раскопки инспектора народных училищ А.Л. Крылова

(1877–1878 гг.), материалы которых были представлены на Антропологической выставке в Москве в 1879 г. и удостоены серебряной медали. Материалы этих работ хранятся в Историческом музее и были оперативно опубликованы. Раскопки сопровождались сбором антропологических материалов, научно определенных и изданных.

Созданная в 1890 г. Комиссия по устройству Донского музея негативно относилась к правам Археологической комиссии, выдавая собственные разрешения на право проведения раскопок. Это давало возможность оставлять на Дону значимые находки, но открывало путь различным злоупотреблениям и кладоискательству.

О.Ф. Бытковский

Орский гуманитарно-технологический институт, Орск

История археологического изучения памятников ранних кочевников в Восточном Оренбуржье

История археологического исследования Оренбуржья берет свое начало в XVIII в. и связана с работами на территории края П.И. Рычкова, П.С. Палласа, И.И. Лепёхина. Именно в это время выявляется многообразие археологических памятников на территории региона, и тогда же ставится вопрос о необходимости их научного исследования. П.И. Рычков в «Топографии Оренбургской» впервые обратил внимание на археологические памятники как на предмет особого изучения. Первым исследователем, начавшим систематическое научное изучение археологических памятников на Южном Урале, был Р.Г. Игнатъев, который впервые оценил перспективы исследования «древностей земли Оренбургских киргиз». В Орском уезде он зафиксировал и описал более 90 курганов.

В 1898 г. член ОУАК П.С. Назаров исследовал курган Биш-Оба к западу от верховьев р. Чебакла в Орском уезде (ныне Кувандыкский р-н, Саринское плато) с богатым погребением раннего железного века. Это был первый курган, раскопанный на востоке Оренбуржья.

К сожалению, в результате Октябрьской революции научно-исследовательская деятельность ОУАК была прервана.

В 1928 г. работник Оренбургского краеведческого музея Д.И. Захаров исследовал курганы могильника Сара (Кувандыкский р-н) рубежа VI–V вв. до н. э.

В 1920–1930-е гг. изучение археологии в Оренбуржье связано с кратковременными работами ученых из ведущих научных центров СССР.

Выдающийся вклад в изучение памятников раннего железного века степного Южного Приуралья и Зауралья внес Б.Н. Граков. В 1930 г. в бассейне р. Ор

(Домбаровский р-н Оренбургской обл. и территория Актюбинской обл.) он проводит разведки и раскопки сарматских памятников. Кстати, сотрудником этой экспедиции был аспирант ГАИМК К.В. Сальников.

В 1933 г. Южноуральская экспедиция ГАИМК во главе с Б.Н. Граковым начинает свою работу по учету археологических памятников на месте строительства проектируемых ГЭС на востоке Оренбуржья. Всего экспедицией «обследовано и учтено 838 погребальных сооружений в составе 168 курганных групп и могильников, пять открытых стоянок, две обитаемых пещеры и несколько отдельных находок».

В 1936 г. для проведения рекогносцировки на территории новостроек у г. Орска и изучения археологических памятников в зоне строительства была организована Орская экспедиция ГАИМК. Возглавил ее второй отряд К.В. Сальников, который исследовал три кургана с раннекочевническими погребениями IV в. до н. э. – IV в. н. э. на курганном могильнике Джанатан к востоку от Орска. Кроме того, на 14-м км железной дороги Орск – Ново-Аккермановка (ныне восточная окраина г. Новотроицка Оренбургской обл.) отрядом был раскопан прохоровский курган IV в. до н. э.

Со второй половины XX в. археологические работы в Оренбуржье приобрели широкомасштабный характер. В результате этих работ, охвативших в том числе и восточные районы области (могильники Ново-Кумакский, Новоорский, Три Мара, курганные группы у с. Аландское), был получен богатейший материал, что доказало необходимость изучения археологических объектов Оренбуржья. В восточных районах Оренбургской обл. раскопки в 1950–1960-е гг. про-

водила М.Г. Мошкова. В 1971–1974 гг. руководство раскопками под Орском осуществлял К.Ф. Смирнов. За это время в общей сложности было исследовано 269 погребений кочевников раннего железного века.

Главным итогом работ ЮУАЭ на востоке Оренбургской обл. стало выявление особенностей восточного варианта савроматской и раннесарматской культур. Был исследован крупный памятник времени перехода от савроматской к прохоровской культуре – Ново-Кумакский могильник. Анализ инвентаря позволил выдвинуть предположение о сложении комплекса погребального ритуала раннесарматской культуры в приуральском варианте савроматской культуры, откуда он впоследствии перешел в Поволжье.

Большое значение имела организация на востоке области в 1979 г. научно-исследовательской группы под руководством С.Н. Заседателевой на базе Орского краеведческого музея. За период с 1980 по 1993 г. Орской экспедицией на территории Восточного Оренбуржья было раскопано около 40 курганов раннего железного века, в которых исследовано 75 погребений ранних кочевников.

С 1989 г. автором данной работы на территории степного Зауралья ведутся систематические исследования курганных памятников раннего железного

века. За это время раскопаны 34 кургана, 20 из которых дали 33 савромато-сарматских погребения.

В 1996 г. в Гайском, Домбаровском и Ясенском р-нах Оренбуржья экспедицией ЦДЮТур, а затем Орского гуманитарно-технологического института, были начаты полевые исследования под руководством В.В. Ткачева и С.Ю. Гуцалова. В ходе этих работ раскопано 9 курганов раннего железного века.

Важной частью работ археологов в Восточном Оренбуржье в последние 20 лет стали планомерные разведки. Ранее задача сплошного обследования восточных районов области с целью выявления и учета археологических памятников не ставилась. В итоге экспедициями под руководством С.Н. Заседателевой, А.Д. Таирова, С.В. Богданова, А.Ю. Кравцова, О.Ф. Бытковского, В.В. Ткачева, С.Ю. Гуцалова было выявлено большое количество ранее неизвестных курганных могильников и одиночных курганов раннего железного века.

Исследованные и вновь выявленные за эти годы памятники заполняют белые пятна на археологической карте Восточного Оренбуржья и позволяют по-новому взглянуть на проблемы историко-культурных реконструкций древнего кочевого населения Южного Урала в целом.

А.С. Вдовин

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Красноярск

«Крестьянская» археология (на материалах Сибири)

В конце XIX – начале XX в. историческое прошлое (в том числе древняя история) не только привлекает внимание специалистов и музеев, но и вызывает общественный интерес, оказывая влияние на культурную жизнь региона. А.И. Мартынов отмечал, что «была область деятельности, где крестьянский хозяйственный интерес смыкался с научным. Это собиране коллекций металлических археологических раритетов и каменных изваяний. Направленность этого интереса была общей. В результате были собраны колоссальные коллекции бронзовых археологических предметов, возникли музеи...» (Мартынов, 1998. С. 247).

Можно с определенными оговорками утверждать, что крестьяне были «первыми археологами». По сей день выпахиваются и выкапываются древние предметы; эти случайные находки и можно условно назвать «крестьянской археологией» (Ванчиков, 1993; Галай, 2000).

Древние памятники были хорошо известны сибирским крестьянам. Об этом говорят часто встречающиеся названия населенных пунктов – «Бургы», «Курганы», «Писанные» и др.

С археологическими памятниками связаны рассказы и легенды о сокровищах и кладках. У многих путешественников находим упоминания о «громовых» стре-

лах или топорах, которые имели, по мнению крестьян как во всей России, так и в Сибири, лечебные свойства.

Археологические объекты использовали для хозяйственных нужд, и не только как источник строительных материалов. Сосланный в Сибирь (в с. Иудино Енисейской губернии) крестьянский самородок Т.М. Бондарев предложил и активно использовал древние ирригационные сооружения для орошения крестьянских полей.

Крестьяне служили основной рабочей силой во время проведения раскопок. А для них это был дополнительный заработок. С целью содействия археологическим исследованиям ИАК направляла губернскому начальству соответствующие письма с просьбой «об оказании им возможного содействия местным властям и в частности местным крестьянским начальникам» (ПФА РАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 73. Л. 43). Вместе с тем, иногда крестьяне отказывались работать на раскопках, мотивируя это тем, что работа очень тяжела.

Некоторые крестьяне пытались на законных основаниях получить разрешения на самостоятельные археологические раскопки. В 1889 г. чиновник по крестьянским делам Мариинского округа Томской губернии обращается в ИАК с письмом: «Василия

Иванова Афанасьева, о разрешении произвести раскопки курганов близ села Тисульского» (РАрх. ИИМК. Ф. 1. 1889, Д. 78. Л. 11).

Крестьяне были основными поставщиками древностей для скупщиков, коллекционеров и музеев. В отчетах сибирских музеев можно найти имена крестьян, передавших археологические предметы в фонды.

Археологические коллекции и даже музеи имели некоторые сибирские крестьяне. С.С. Усов, крестьянин с. Серебренского Тобольской губернии в 1897 г. предлагает ИАН для обозрения составленную им кол-

лекцию древностей – «небольшую музейку» (РАрх. ИИМК. Ф. 1. 1888. Д. 23. Л. 4).

Таким образом, не только утилитарный характер археологических памятников и отдельных предметов или вознаграждение привлекали внимание крестьян. Для немногих они представляли и познавательный интерес. Не случайно именно крестьянам, компенсировавшим недостаток образования природной любознательностью и смекалкой, ученые обязаны многими археологическими открытиями, в том числе отдельных предметов, кладов, памятников и даже целых культур.

Ванчиков В.В., 1993. Крестьяне Вятской губернии и археологические древности // Актуальные проблемы дореволюционной отечественной истории: Мат. науч. конф., посвящ. 20-летию УдГУ (23 октября 1992 г., Ижевск). Ижевск.

Галай Ю.Г., 2000. Археологическая эпопея нижегородского крестьянина // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: Сб. науч. и метод. тр. Нижний Новгород.

Мартынов А.И., 1998. О концепции современного отношения к археологическому наследию Южной Сибири (судьба историко-археологических ландшафтов Южной Сибири) // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург: Мат. Всерос. науч. конф., посвящ. 70-летию со дня рождения Александра Даниловича Грача (декабрь 1998 г., Санкт-Петербург). СПб.

М.А. Воронцова

Государственный музей-заповедник «Куликово поле», Тула

Новые подходы к представлению археологических предметов в экспозиционно-выставочной деятельности

Археологические предметы на выставках и в экспозициях традиционно вызывают живой интерес посетителей. Но, в отличие от уникальных шедевров древнего ремесла, рядовые археологические находки не обладают достаточной привлекательностью для широкой публики и могут «разочаровать» посетителя. Поэтому они требуют особого подхода при экспонировании.

В основном эта проблема актуальна для провинциальных музеев, не располагающих уникальными предметами и строящими археологические экспозиции на обычных бытовых предметах, иллюстрирующих повседневную жизнь рядовых жителей древности.

Их восприятие, в первую очередь молодым поколением, должно основываться на применении современных технологий «оживления» статичной экспозиции, кроме всего прочего позволяющих развернуть рассказ на небольших выставочных площадях.

На базе музейно-выставочного центра «Тульские Древности» Государственного музея-заповедника «Куликово поле» в 2009–2010 гг. была создана серия выставок «одной витрины», в которых в качестве анонса представлялись «свежие» археологические материалы, т. е. находки текущего сезона. Для их представления создавались сопровождающие выставки видеоролики, слайд-шоу и даже специально созданный анимационный фильм.

Мы отказались от расширенного комментария, когда видеоролик напоминает скорее этикетаж с подробным изложением обстоятельств находки и объяснениями специалиста, и рассказывали историю «на тему» находок. Видеоролики были выполнены в разной стилистике и скорее вписывали находки в исторический контекст, предлагая версии их «выпадения в слой», и апеллировали к восприятию «оживающей» истории.

Первая выставка, «Обретенная святыня», представляла коллекцию нательных крестов, полученных в ходе спасательных раскопок в историческом центре Тулы. Центральным экспонатом был крест-мощевик XV–XVI вв., найденный в слое пожара XVI в., наиболее вероятно связанного с осадой Тулы войсками Девлет-Гирея. В основу сюжета положена версия его потери воином – участником обороны Тулы. Сюжет начинается как репортажная съемка, затем дается детальное описание находки, ее датировка, контекст, затем предлагается игровая реконструкция (перед боем отец передает сыну семейную реликвию, затем сын погибает в бою и крест падает из его руки). Спецэффекты, примененные при монтаже, грамотно подобранная музыка создают эмоциональное напряжение, и таким образом предмет оживает, становится частью истории. Благодаря сопереживанию событиям ролика выставка надолго остается в памяти посетителей.

Вторая выставка, «Осколки старого города», представляла глиняные игрушки XVII–XIX вв. с одного из раскопов в историческом центре Тулы. Сами по себе эти находки невзрачны, имеют утраты, зачастую фрагментированы и для простого посетителя малопривлекательны. Поэтому в оформлении выставки и ролике мы решили настроить зрителя на лирический лад. Главной задачей было вызвать ностальгию по ушедшему времени, городу, нашему прошлому. Игрушки были представлены как «жители» этого ушедшего города, которые являются свидетелями прошлого, возвращают нас в старые времена и демонстрируются на фоне фотографий старой Тулы.

Выставка «Находка года», представляющая материалы раскопок поселения Колесовка 1, расположенного на Куликовом поле, сопровождалась более традиционным роликом, посвященным в целом итогам сезона Тульской экспедиции. В данном случае сюжет выполнен в стиле отчета и подведения итогов.

Выставка под названием «Сказ о Балде» основывалась всего на четырех находках из одного комплекса, относящегося к культурному слою города Тулы середины XVIII в. Это рядовые вещи из органических материалов – войлочная шапка, лапоть, веревка, кожаный кошелек. Для их «помещения в единый рассказ» был

снят «лубочный» анимационный фильм, рассказывающий о приключениях мифического тульского «Ваньки», потерявшего эти вещи. Для фильма был придуман оригинальный стих о тульском Ваньке по прозвищу Балда. В нем рассказывается об обстоятельствах потери вещей и их находке археологами и помещении в музей. Удачный режиссерский ход, когда нарисованные вещи – участники мультфильма – в конце фильма оказываются лежащими в нарисованной витрине музея, такой же, как на выставке. Интересно было наблюдать, как этот эффект воспринимался детьми 5–6 лет. Когда им сказали, что вещи из мультфильма они теперь могут посмотреть в витрине, они буквально кинулись их рассматривать. Проведенный по итогам выставки конкурс на лучший лубок – рассказ о туляке, потерявшем представленные на выставке вещи, – позволил провести еще и выставку этих работ.

Эмоциональная подача археологических предметов, с апелляцией к «родному» историческому пространству, позволила приблизить археологические артефакты к уровню восприятия посетителей музея, избежав при этом вульгаризации истории. Проект археологических мини-выставок был отмечен жюри на конкурсе музейных семейных проектов в рамках выставки «Интермузей» в 2010 г.

С.Н. Гринченко

Институт проблем информатики РАН, Москва

Ю.Л. Щапова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

Системные проявления археологической эпохи в историческом развитии человечества

Историческое развитие Человечества рассматривается в контексте следующих модельных представлений (Гринченко, Щапова, 2010):

- а) информатико-кибернетических: Человечество – самоуправляющаяся иерархическая система, в развитии которой выделяются моменты системных и технологических переворотов (Гринченко, 2007);
- б) математических: длительность основных этапов археологической эпохи (АЭ) оценивается на базе ряда Фибоначчи (Щапова, 2005; 2011).

Оба модельных подхода сопоставлены между собой, а их результаты – с имеющимися эмпирическими данными. Сделан следующий вывод: длительность основных этапов и историческое развитие Человечества как целого математически точно предсказуемы.

Основные вехи-события такого развития могут быть рассчитаны согласно формальным информатико-кибернетическим и математическим моделям (ИКМ и ММ), и именно это, на самом высоком уровне

обобщения, выявляет непосредственную связь фундаментальных законов Мироздания и истории Человечества.

Сопоставление этих моделей позволило установить, что примерно 6 периодов, рассчитываемых по ММ, т.е. в соответствии с «золотым сечением» – 1,618:1, укладываются каждый в рассчитываемые по ИКМ промежутки времени между формированием иерархических подсистем Человечества, длины которых соотносятся между собой как e^6 :1, или 15,15426:1.

Дополнительно к оценкам длительностей промежутков исторического времени ИКМ позволяет оценивать типичные линейные размеры ареалов и инфраструктур формирующихся социумов и точности используемых производственно-рабочих технологий. Указанные сопоставления позволяют сблизив ИКМ и ММ, использовать эти характеристики для интерпретации событий археологической эпохи.

В частности, согласно этим расчетам, архантропы нижнего палеолита (*Homo ergaster/Homo erectus*)

Таблица 1. Хронология археологической эпохи

Субэпоха	Субъект	Информационные технологии	Ареал (км)	Орудия, материалы		Хронология (тыс. л. до н. э.)	
				номинация	точность (мм)	ИКМ	ММ
Археолит	Hominoidae	прото-мимика/ жесты	0,24		68		6765
	Ardi, Lucy		0,39	приспособления	43	3615	4181
	<i>Homo habilis</i>		0,62	объект-функционал	27		2584
Нижний палеолит	архантроп	мимика/жесты	1,0	чопперы	18	1860	1597
			1,5		11		987
			2,3		7	610	610
Средний палеолит	палеоантроп	проторечь	3,7	орудия на отщепах	4,4		377
			5,8		2,8	231	233
			9,3		1,8		144
Верхний палеолит	<i>H. sapiens 1</i>	речь	15	орудия на пластинах	1,2	121	89
			22		0,7		55
			35		0,5	38,3	34
Неолит	<i>H. sapiens 2</i>	протописьмо	54		0,3		21
			86	микролиты, керамика	0,2	13,7	13
			138		0,1		8
Энеолит, бронзовый век	<i>H. sapiens 3</i>	письмо	222		0,08	6,1	5
			415	цветная металлургия	0,048		3
			727		0,029		2
Железный век	<i>H. sapiens 4</i>	развитое письмо	1232	черная металлургия	0,017	670 г. до н.э.	1
			2048		0,010		1
«Век композитов»	<i>H. sapiens 5</i>	книгопечатание	3370		0,005	1446 г.	-

в ходе своего развития в период 1597–377 тыс. л. до н.э. эффективно осваивали территории с характерными размерами (радиусами условного круга той же площади, что и ареал) от ~1 км до ~3,7 км, одновременно овладевая возможностью формировать рабочие инструменты и создавать с их помощью «вторую» природу с точностью от ~18 мм до ~4,4 мм.

Палеоантропы среднего палеолита (*Homo sapiens primigenius*, *Homo neanderthalensis*) в период 377–89 тыс. л. до н. э. осваивают ареалы от ~3,7 до ~15 км и точности преобразования «второй» природы от ~4,4 до ~1,2 мм. Параллельно в этот период происходила инволюция архантропов. Согласно предложенным моделям, они продолжали существовать в своих типичных ареалах и демонстрировать типичную для них точность производственных технологий, принципиально не выходя за пределы достигнутого. Все технологические достижения в этот период нужно относить на счет палеоантропов.

Неоантропы верхнего палеолита (*Homo sapiens 1*) в период 89–21 тыс. л. до н. э. осваивают ареалы и точности соответственно от ~15 до ~54 км и от ~1,2 до ~0,3 мм. Параллельно в этот период происходила инволюция палеоантропов, которые не выходили за пределы достигнутого.

Далее в ходе эволюции человека и его материальной культуры, в период 21–5 тыс. л. до н. э., возникают – в ареалах от ~54 до ~222 км, осваивая точности создаваемых ими инструментов и орудий от ~0,3 до ~0,08 мм, –

«продвинутые» неолитические архантропы неолита *Homo sapiens 2*, которых следует отличать физиологически, психически и, главное, интеллектуально от их непосредственных предков (лучших представителей *Homo sapiens 1*), в целом находившихся в этот период на стадии инволюции.

Новый шаг в развитии человека – появление *Homo sapiens 3* в период от начала V до начала II тыс. до н. э. – связан с освоением ареалов от ~222 до ~727 км и точностей от ~0,08 до ~0,029 мм. Он соответствует времени становления энеолита и ранней бронзы. Параллельно в этот период происходила инволюция *Homo sapiens 2*.

Появление *Homo sapiens 4* в период от начала II до конца I тыс. до н. э. и эпохи железа связано с освоением ареалов от ~727 до ~2048 км и точностей от ~0,029 до ~0,010 мм. Параллельно происходила инволюция *Homo sapiens 3*.

Наконец, в период от начала I тыс. до середины II тыс. н. э. (до ~1446 г.) начинает возникать «почти современный» человек, *Homo sapiens 5*, и эпоха «композитов» – с освоением ареалов от ~2048 км до ~3370 км и точностей от ~0,010 мм до ~0,005 мм, при параллельной инволюции *Homo sapiens 4* (см. табл. 1).

Итак, предлагаемый моделирующий инструментарий поддерживает вскользь замечаемое ранее представление о ступенчатом развитии археологической эпохи.

Гринченко С.Н., 2007. Метаэволюция (систем неживой, живой и социально-технологической природы). М.
Гринченко С.Н., Шапова Ю.Л., 2010. История Человечества: модели периодизации // Вестник РАН. № 12.

Шапова Ю.Л., 2005. Археологическая эпоха: хронология, периодизация, теория, модель. М.
Шапова Ю.Л., 2011. Материальное производство в археологическую эпоху. СПб.

Е.В. Детлова*Красноярский краевой краеведческий музей, Красноярск*

Профессор Бунэй Цунода и археология Евразии

Бунэй Цунода (Bun-ei Tsunoda) – фигура не слишком популярная в российской археологии. Кроме отдельных ссылок на его работы в публикациях русских ученых, о его судьбе и нитях, связующих его с археологией Евразии, известно немного. Скупые строчки официальной биографии гласят, что Бунэй Цунода (1913–2008) – известный специалист по истории Японии, истории Востока и западной истории, занимался также каменным веком. В 1937 г. он закончил филологическое отделение Киотского Императорского университета, в 1939–1942 гг. проходил стажировку в Европе, в 1942–1949 гг. находился на службе в армии. В годы Второй мировой в качестве военнопленного попал в Сибирь, работал в Иркутском музее в отделе археологии, занялся изучением евразийских древностей, написал книгу «Studies in ancient cultures of Northern Eurasia» (1955). После войны преподавал в Осацком университете (1949–1968 гг.), был директором Музея культуры в Киото (1968–1988 гг.). С 1988 г. до самой смерти возглавлял Институт палеологических исследований Японии. Вот, пожалуй, и все.

Внимание с моей стороны и со стороны моих коллег к личности Бунэя Цуноды изначально было приковано в связи с перепиской, которую он вел с видными европейскими археологами, занимавшимися русскими древностями, А.М. Тальгреном и Геро фон Мергартом. В 1950-е гг. Бунэй обратился к Мергарту с просьбой написать очерк об известном археологе-сибиреведе С.А. Теплоухове. Австрийский археолог, выказав значительный интерес

к теме, к сожалению, не смог выполнить просьбу японского коллеги¹.

В связи с деятельностью Геро фон Мергарта в поле моего зрения попала и фигура Бунэя Цуноды. Оказалось, что, несмотря на почетный возраст – 94 года, – он был еще жив. Благодаря коллегам удалось узнать его координаты, связаться с ним, обменяться несколькими письмами (увы, их было всего три). Удалось даже исполнить давнюю просьбу японского археолога: Л.Ю. Китова написала блестящий очерк о судьбе С.А. Теплоухова для журнала «Cultura Antiqua» (2008). Бунэй успел прочитать очерк и порадоваться тому, что сотрудничество российских, европейских и японских ученых, начатое им в свое время, продолжается до сих пор. В этом же выпуске помимо очерка о Теплоухове были опубликованы и письма Бунэя Цуноды «мисс Екатерине Детловой», представляющие несомненную и значительную ценность для истории российской археологической науки как воспоминания свидетеля и участника событий полувековой давности, живой легенды мировой археологии.

К сожалению, самого сборника Бунэй не увидел. В мае 2008 г. его не стало. Журнал вышел уже после его смерти. Столь многообещающий диалог, который мог пролить свет на различные моменты биографии Бунэя, как то: сибирский плен, работа в Иркутске и другие, был прерван. Много в его судьбе так и осталось загадкой. Восстановить по крупницам всю историю и по достоинству оценить вклад Бунэя Цуноды в археологию Евразии – задача грядущего исследования.

И.Н. Ершов*Институт археологии РАН, Москва*

М.М. Пришвин и Новгородский археологический съезд

М.М. Пришвин многие годы размышлял над темой художественного освоения обширного познавательного материала науки. В творческом сознании писателя наука и творчество, знание и интуиция есть противоположности, они взаимно дополняют

друг друга и являются обязательным условием рождения «красоты», т. е. подлинного произведения искусства. Отмеченная классиками русской литературы (М. Горьким, К.Г. Паустовским и др.) особенность пришевского творчества по отношению к науке и науч-

¹ Этот эпизод проанализирован в статье С.В. Кузьминых, Е.В. Детловой и Т. Салминена «Геро фон Мергарт и его последнее воспоминание о Сибири» (2007).

ным достижениям была заметна уже давно, а в наше время, после издания его дневников за 1905–1937 гг., стала совершенно очевидной и представляет громадный интерес не только для литературоведения, но и для истории археологической науки.

Интерес писателя к древностям и науке, их изучающей, формировался постепенно, начиная с его вхождения в петербургский кружок А.М. Ремизова и знакомства со многими выдающимися представителями науки: Н.Е. Ончуковым, А.А. Шахматовым, И.А. Шляпкиным, А.И. Яцимирским, И.А. Рязановским и др.

В начале творческой биографии писатель понимал термин «археология» в его общепринятом тогда смысле – как науки, занимающейся собиранием «раритетов» и старинных диковин. Такое восприятие археологии было характерным для образованного русского общества. Однако посетив в 1911 г. XV Всероссийский археологический съезд в Великом Новгороде, Пришвин стал более внимательно вникать в суть проблем современной ему науки, пристально следил за докладами по церковной археологии, осматривал археологические коллекции на Выставке Съезда, совершал познавательные прогулки по городу и окрестностям (Перынь, Рюриково городище, раскопки курганов). Среди упоминаемых им делегатов Съезда – исследователи, сыгравшие в его судьбе и творчестве немалую роль впоследствии, в 1920–1930-х гг.: А.И. Анисимов, братья Соколовы, братья Смирновы. Писатель дает в записях и обобщенную, довольно негативную оценку Съезду и его делегатам как «любопытствующим», приехавшим в Новгород не для ак-

тивной научной работы, а лишь для расширения кругозора. Эта оценка близка характеристике «неудачного» Съезда, приведенной в воспоминаниях его устроительницы, графини П.С. Уваровой.

В ходе Съезда М.М. Пришвин, тем не менее, существенно углубил свои познания в археологии, сам термин «археология» для него стал уже содержательно иным, обозначающим науку, которая занимается преимущественно практической полевой работой с памятниками истории, церковного зодчества, культурным слоем древних поселений. Писатель, однако, стал видеть в археологии не только ее «земной» аспект. Божественная, высшая суть этой науки для него – служение во имя воскрешения живой культуры древности, что является, на наш взгляд, свидетельством близости позиции писателя к символизму и философскому учению Николая Фёдорова.

В дневнике новгородского периода писатель дал лаконичные и точные характеристики основным деятелям Съезда (графине П.С. Уваровой, владыке Арсению, губернатору, Д.И. Иловайскому, Н.В. Покровскому, В.Р. Апухтину и мн. др.). Также в его записях можно найти краткое изложение некоторых докладов и интересные малоизвестные факты, имевшие место во время работы Съезда.

В докладе в качестве сравнительного материала приводится также широкий круг сведений о Съезде и его деятелях других авторов (в частности, Н.К. Рериха), привлеченных для более глубокого восприятия своеобразия и уникальности пришивинских записей. Делается вывод о глубоком воздействии Новгородского Съезда на ход дальнейшей творческой эволюции писателя.

Н.Н. Жервэ

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Археологическая деятельность ИРВИО (1907–1917)

Императорское Русское военно-историческое общество (ИРВИО) было организовано в Петербурге 27 августа 1907 г. Несмотря на короткий период существования, оно оставило заметный след в культурно-историческом наследии России. До настоящего времени деятельность ИРВИО недостаточно изучена и мало освещена в исторических исследованиях. Общество объединило в своих рядах немало видных ученых и общественных деятелей, издателей и редакторов крупнейших газет и журналов, ведущих специалистов государственных архивов, собирателей военной старины, а также офицеров русской армии, проявлявших интерес к отечественной истории.

Материалы ИРВИО представлены в архиве ВИ-МАИВиВС (далее в ссылках – Архив...), ф. 11, оп. 1

и 2 – в общей сложности около 500 единиц хранения. Состав этих материалов разнообразен и вполне достаточен для полного обозрения деятельности общества. Наибольший интерес представляют журналы заседаний и отчеты, дающие представление о задачах, планах и практических результатах деятельности ИРВИО. Уже в 1907 г. ИРВИО получило наименование Императорского (Архив... Ф. 11. Оп. 1. Д. 12).

Возникнув в Петербурге, ИРВИО вскоре вышло за рамки столицы, организовав местные отделы в 14 центральных округах, что способствовало более полному изучению военно-исторических памятников на местах. Положение о создании местных отделов было утверждено 9 декабря 1907 г. Одним из первых был образован Московский отдел (17 марта 1908 г.) под

руководством командующего войсками Московского военного округа, генерала от инфантерии В.Г. Глазова (Первые пять лет... 1913. С. 66).

В том же году был открыт и развернул широкую военно-историческую и археологическую деятельность на юге Одесский отдел общества, возглавляемый генералом от кавалерии бароном А.В. Каульбарсом. Были организованы исторические поездки по Днепру от Екатеринослава до места Запорожской Сечи, а затем по нижнему Дунаю для осмотра крепости Измаил и Рымникского поля битвы. В 1910 г. члены Одесского отдела совершили военно-историческую поездку в Крым для осмотра памятников Севастопольской обороны. В 1911 г. очень бурно обсуждался вопрос о сборе средств и установке памятника А.В. Суворову в г. Измаиле (Архив... Ф. 11. Оп. 1 Д. 87, 52).

В 1909 г. начали свою деятельность еще два отдела общества: Варшавский (во главе с генералом от кавалерии Ф.К. Гершельманом) и Киевский (во главе с генералом от кавалерии В.А. Сухомлиновым). В деятельности Киевского отдела особенно знаменательными событиями стали раскопки В.В. Хвойко в с. Белгородка, на Вышгороде и в других местах, содействие установке памятника Кочубею и Искре в Киеве, открытие первого военно-исторического музея, удостоившегося посещения Государя Императора в сентябре 1911 г. и т. д.

Для полного и широкого освещения различных вопросов военной истории 25 ноября 1907 г. Советом общества было признано необходимым разделить ИРВИО по типу деятельности на отделения, получившие наименование «разрядов». Основные направления деятельности разрядов обозначал Совет общества, но в их реализации предоставлялась полная самостоятельность. Всего действовали 3 разряда: военной археологии и археографии, полковых и корабельных историй и истории войск. Любой член общества мог состоять в одном или нескольких разрядах (Архив... Ф. 11. Оп. 1 Д. 87, 52. Л. 77).

Разряд военной археологии и археографии был организован 26 января 1908 г. Его становление было тесно связано с деятельностью известных специалистов в области отечественной истории и археологии, таких как Н.И. Веселовский, Н.К. Рерих, А.А. Спицын, Н.В. Покровский, П.П. Покрышкин. Там же работали молодые, талантливые ученые: чл.-корр. Петербургской Академии наук проф. Н.И. Веселовский и проф. Николаевской академии Генштаба полковник А.К. Байов; зав. Артиллерийским историческим музеем полковник Д.П. Струков. На должность секретаря разряда был определен военный археолог, полковник Н.М. Печенкин (раскопки в районе Херсонеса) (Первые пять лет... 1913. С. 3).

В сферу деятельности разряда входили: 1) исследование древних русских крепостей; 2) исследование полей древних битв; 3) собирание и издание архивных документов; 4) охрана военно-исторических памятников; 5) участие в работе научных конференций и съездов.

Одно из важнейших направлений деятельности этого разряда – изучение древнерусских крепостей и укреплений, как на северо-западе, так и в других районах России. В основу их изучения и защиты от разрушения временем легла программа, разработанная Особой комиссией, состоявшей из специалистов в области истории, археологии, фортификации и архитектуры. Существенную роль в деятельности комиссии сыграл выпускник Высшего художественного училища при Академии художеств К.К. Романов (программа обмеров и архитектурно-археологического обследования крепостей, научное фотографирование).

В 1910 г., несмотря на финансовые затруднения, были отправлены 2 экспедиции – в Изборск и Новгород, проводилась археологическая разведка под руководством опытного археолога Н.П. Репникова (Архив... Ф. 11. Оп. 1. Д. 63. Л. 58). В этих работах принимали активное участие К.К. Романов и Н.М. Печенкин. Исследование Новгородского Кремля возглавил Н.К. Рерих. Намечены были и раскопки Рюрикова городища. Прервав работы из-за материальных затруднений и конфликта с новгородскими властями, Рерих так и не смог их завершить. По собранным материалам на XV съезд были представлены 2 доклада: К.К. Романова «Исследование Изборска» и Н.К. Рериха «Исследование южной части Новгородского Детинца», но они не были заслушаны и не вошли в печатные труды съезда (Архив... Ф. 11. Оп. 1. Д. 426. Л. 5). Зато на выставку к съезду ИРВИО представило 72 предмета старины.

В 1912 г. ИРВИО занимается аналогичными работами по Псковскому Кремлю в рамках подготовки к участию в XVI АС, намечавшемся в Пскове в 1914 г. (Архив... Ф. 11. Оп. 1. Д. 294. Л. 1).

В круг интересов военных археологов ИРВИО входило изучение Старой Ладogi, начатое еще в 80-е гг. XIX в. создателем Артиллерийского музея, генерал-лейтенантом Н.Е. Бранденбургом (первые тщательные обмеры и фиксация сохранившихся каменных стен и башен, исследование остатков древних храмов). К этой работе был привлечен архитектор В.В. Суслов. Итогом исследований Бранденбурга стала монография «Старая Ладога», изданная в 1896 г. В 1909–1910 гг. Н.И. Репников проводит раскопки на Земляном городище и докладывает об их результатах на заседании разряда военной археологии осенью 1910 г. ИРВИО оказало посильное содействие в дальнейшем его исследовании (Архив... Ф. 11. Оп. 1. Д. 346. Л. 1, 2)

Исследование полей древних битв было сопряжено с множеством проблем и приносило больше неудач, чем положительных результатов. Не всегда удавалось найти могилы и оружие бойцов, а иногда и установить достоверно места битв. Так, в 1910 г. по предложению проф. А.А. Спицына была осуществлена попытка отыскания места битвы 1224 г. на Калке. Активную роль в этом играли члены Одесского отдела ИРВИО. Но, хотя были собраны интересные материалы, за недостатком рабочих археологические рас-

копки произвести не удалось, и окончательного решения вопрос не получил (Записки... 1911. С. XX)

В 1913 г. разряд взялся за исследование места Шелонской битвы 1471 г. Особой Комиссией в составе А.К. Байова, Н.М. Печенкина и Н.П. Репникова была разработана программа военно-исторического и военно-археологического обследования местности. Она

включала и сбор устных данных на месте, исследование церковных архивов. Завершению этой работы помешала начавшаяся Первая мировая война.

Несмотря на короткий период своего существования, ИРВИО сумело оставить заметный след в развитии археологических исследований в России. Именно отсюда берет начало направление военной археологии.

Записки разряда военной археологии и археографии ИРВИО. СПб, 1911. Т. 1.

Первые пять лет деятельности ИРВИО: 1907–1912 гг. СПб, 1913.

А.В. Жук

*Омский филиал института археологии
и этнографии СО РАН, Омск*

Н.А. Томилов

Омский государственный университет, Омск

Периодизация истории этно-археологического направления отечественной науки

Над периодизацией истории этно-археологического направления мы работаем давно. За это время сформулированы принципы периодизации; выявлен и критерий – характер источника, т. е. информации, которую исследователь извлекает из памятника. Варианты периодизации неоднократно апробировались; принципиальных возражений со стороны коллег наша работа не встретила.

Создавая периодизацию археолого-этнографического направления, важно помнить, что источник этно-археологии имеет комплексный характер. Наш источник формируется на двойственной базе – там, где взаимопроникают археологические и этнографические воззрения на памятник. Следовательно, развитие этно-археологии, совпадая по основным параметрам с развитием археологии и этнографии, будет иметь и отличия от «материнских» дисциплин. С учетом вышесказанного, периодизация развития отечественной этно-археологии ныне выглядит так.

Первый период (конец XVII в. – 1820-е гг.). В качестве основного источника выступал отдельно взятый предмет, а потому этно-археологические идеи проявлялись через прямое сопоставление археологических и этнографических материалов.

Первый этап (конец XVII в. – середина 1760-х гг.). Всякий вещественный источник воспринимался аналогично письменному тексту. На это время прихо-

дятся первые попытки сопоставления этнографических вещей и археологических остатков, идентификации археологических находок по этносам. Это – эпоха первых попыток определить археологический материал через исторически известные этносы.

Первая стадия – это Петровская эпоха (конец XVII в. – середина 1720-х гг.). Формируются и археологический, и этнографический интересы, осуществляются первые попытки организации этно-археологических изысканий.

Вторая стадия (середина 1720-х – середина 1760-х гг.). Поверяются, и очень удачно, наработки предыдущей стадии. Создается классификация курганов Сибири (И.-Г. Гмелин); она впервые в нашей науке объединила археологический и этнографический материал в целостную источниковую базу.

Второй этап (середина 1760-х – 1820-е гг.). Накопленный к этому времени опыт обогащается только что зародившейся формальной типологией, а также выделением этнографии в самостоятельную науку. Появляются первые по времени синтезированные археолого-этнографические источниковые базы.

Первая стадия – эпоха Просвещения (середина 1760-х – 1790-е гг.). Наиболее значимые в археолого-этнографическом отношении события этого времени – академические экспедиции под началом

П.-С. Палласа, а также первые по времени раскопки в Заполярье (Г.А. Сарычев).

Вторая стадия – Наполеоновская эпоха (1800–1820-е гг.). Состоялись первые опыты внедрения в археолого-этнографический материал представлений о типологии вещей по видам форм, о развитии форм вещей; появляются первые серьезные варианты историко-культурных периодизаций.

Второй период (1830–1920-е гг.). В это время основные источники, как археологические, так и этнографические, приобретают системный характер; причем формирующиеся системы отличаются ярко выраженным методологическим разнообразием.

Первый этап (1830–1870-е гг.). В это время очевиден повышенный интерес к реальным соотношениям вещей в археологических памятниках и этнических общностях – к тем соотношениям, что определялись как «совокупности признаков», характеризующие собой культуру.

Первая стадия – Николаевская эпоха (1830–1850-е гг.). Происходит организационное институтирование наших наук (ИРАО, ИРГО), а также первые опыты государственной монополии в полевых исследованиях.

Вторая стадия – эпоха реформ Александра II (1860–1870-е гг.). Археолого-этнографические разработки начинают строиться комплексно; теперь исследователи соотносят не столько вещи, сколько культуры, воссоздавая «действительную жизнь посредством памятников».

Второй этап (1880–1920-е гг.). К этому времени складывается формально-типологический метод, который становится основным для ряда направлений исторической науки, в том числе – для этно-археологии. Отныне, базируясь на историческом исследовании форм и стиля предметов, исследователи будут выходить, как они сами говорили, на «связь исторических явлений», открывать в вещах «свидетелей народной жизни».

Первая стадия (1880–1890-е гг.). Археолого-этнографическая систематика выходит на уровень соотношения наук в грандиозной триаде антропологии, археологии и этнографии. Оставаясь самостоятельными, эти дисциплины обретают общий предмет, относительно которого их совокупность именуют палеоэтнологией, палеоэтнографией, реже – социологией. Этно-археология как бы теряется в этой грандиозной триаде, становится частным случаем комплексных исследований.

Вторая стадия (1900–1920-е гг.). Научные достижения в сфере комплексных археолого-этнографических исследований столь значительны, что есть мнение, согласно которому именно тогда и сложилась

в нашей стране этно-археология как самостоятельная наука. Утверждение спорное: необходимых социальных, научных и организационных условий для выделения этно-археологии еще не сложилось. Применительно к этому времени можно говорить лишь о заявке на дисциплинарную особенность.

Третий период начало свое берет в 1930-е гг., а верхняя временная граница его открыта. Как обычно и бывает с поздним материалом, данный период изучен в историографическом отношении слабо.

Первый этап (1930–1970-е гг.). Тогда, собственно, и формируется этно-археология как научное направление в привычном для нас смысле.

Первая стадия приходится на эпоху Второй мировой войны (1930-е – середина 1940-х гг.). Для этого времени характерно свертывание палеоэтнологических школ, но, вместе с тем, и поиск новых подходов к сопряжению археологического и этнографического материалов.

Вторая стадия (середина 1940-х – 1970-е гг.). Для этого времени характерны крупные археолого-этнографические экспедиции в Сибири, Средней Азии, на Кавказе. Во главе этих экспедиций стояли выдающиеся исследователи, которые работали и в археологии, и в этнографии, и в ряде смежных дисциплин. В результате существенно расширилась источниковая база, что дало возможность подступиться к новым этно-археологическим методикам и концепциям.

Второй этап берет начало на рубеже 1970–1980-х гг. Теперь мы можем говорить об этно-археологии как о сформировавшемся научном направлении.

Первая стадия (1980–1990-е гг.). Для этой стадии характерно внимание к историографическим и теоретико-методологическим проблемам этно-археологии, а также осмысление соотношения двух наук на уровне интеграции и формирования науки этно-археологии.

Вторая стадия – это история отечественной этно-археологии XXI в. К исходу только что пережитого нами десятилетия четко оформилось понимание этно-археологии как отрасли научных знаний, определились ее предмет, объект, проблемы, источники, методы. Обозначились пути организационного оформления этно-археологии; началась профессиональная подготовка в данной области.

Мы полагаем, что изложенная периодизация отражает специфику истории коренных наук нашей страны, она воспроизводит развитие этно-археологического направления, выставляет важнейшие вехи этого процесса.

Е.Н. Жукова

Тверской государственной университет, Тверь

Коммуникативные возможности региональных научных сообществ по изучению древностей в дореволюционное время (на примере Тверской губернии)

Исторические общества второй половины XIX – начала XX в., переживавшие процесс формирования, нуждались в тесных научных взаимных контактах, привлечении в свои ряды новых членов и их деятельном участии в реализации поставленных научных задач.

Этот процесс становления проходил как на общероссийском, так и на региональном уровне. Одной из важнейших его составляющих была организация археологических съездов. Деятельность съездов стала своеобразным отражением состояния науки на тот момент времени. Работа этих научных форумов предполагала активизацию и систематизацию археологических исследований в России. Каждый из съездов имел свою проблематику, чаще всего связанную с региональными направлениями исследований и, соответственно, местом прохождения самого съезда. Работа съездов была интересна и полезна для тверских краеведов в том случае, если им была близка тематика докладов (чаще всего это средневековые древности славян). Тверские исследователи приняли участие в I, VII, VIII, IX, XI, XIV и XV АС.

На региональном уровне контакты краеведов проявлялись в налаживании связей губернских исторических обществ между собой. В дореволюционной России активное развитие получила система книгообмена. Эта деятельность была выгодна с различных точек зрения. Во-первых, она способствовала обмену знаниями и научным опытом между провинцией и центром, а также межрегиональным контактам.

Во-вторых, обмен новой литературой позволял оперативно получать новую информацию. В-третьих, издававшаяся литература распространялась по так называемой «действительной» цене (по себестоимости), которая включала дополнительно только затраты на рассылку. К концу XIX в. возникла потребность в более тесных связях научных сообществ центральных областей России. С 1900 г. по инициативе Ярославской ученой комиссии стали проводиться областные археологические съезды, посвященные истории Северо-Восточной Руси: в Ярославле (1900 г.), Твери (1903 г.), Ростове (1906 г.) и Костроме (1909 г.). неотъемлемым элементом археологических съездов был обучающий компонент в организации их работы. Посещение участниками раскопок, участие в экскурсиях, осмотр выставок, обсуждение докладов активизировали познавательную деятельность – от простого созерцания до целенаправленного поиска и интеллектуальной переработки информации. Специальных знаний у большинства местных исследователей было явно недостаточно. С целью восполнить этот пробел в Твери были организованы специальные археологические курсы для краеведов губернии (1904, 1912 гг.), лекции на которых читали ведущие специалисты из Санкт-Петербурга и Москвы.

Таким образом, сотрудничество в форме съездов, учебных курсов, книгообмена позволяло губернским исследователям участвовать в процессе формирования научных знаний по отечественной археологии.

Е.Ю. Захарова

Воронежский государственный университет, Воронеж

Этапы развития воронежской региональной археологии

Периодизация отечественной археологии относится к числу основополагающих проблем в рамках

изучения ее истории. К настоящему времени мы располагаем несколькими авторскими концепциями по

этому вопросу, активно используемыми в научных кругах (Геннинг, Левченко, 1992; Лебедев, 1992; Пряхин, 2006. С. 56–63; Формозов, 1994. С. 219–225).

Поскольку в регионах развитие археологического знания в принципе проходит те же качественные периоды, что и наука в целом, то для исследователей региональных археологий правомерно использование общих периодизаций в качестве опорных схем.

Вместе с тем нельзя не учитывать тот факт, что в силу объективных и субъективных причин в каждом из регионов периоды будут иметь свои конкретные хронологические рубежи, а также специфические этапы внутри них. Региональных периодизаций предложено пока не много. Продуктивной выглядит периодизация истории развития археологического знания в Курском крае (Щавелёв, 2002).

Применительно к истории развития археологического знания в Центральном Черноземье с центром в Воронеже региональная периодизация может выглядеть следующим образом.

Первый период (зарождение археологии, археология древностей и т. п.) охватывал время с XVIII до середины XIX в. В Воронежской губернии, как и повсеместно в центральных губерниях, происходит оформление особого пласта фольклора, отражающего историко-археологические реалии; происходит знакомство с памятниками истории и археологии в процессе выполнения топографических и строительных работ.

Во второй период (остановлюсь на предложенном В.Ф. Геннингом и В.Н. Левченко (1992. С. 5) термине «культурархеология»), длившийся с 60-х гг. XIX в. до 30-х гг. XX в., для воронежской региональной археологии принципиально важным становится оформление организационной системы взаимодействия центра и провинций в деле выявления, учета, изучения и охраны памятников старины. В Воронеже в русле реализации этой идеи активно работают сначала Губернский Статистический Комитет (Захарова, 2006. С. 71–75), а затем Губернская Архивная Комиссия (Захарова, Замаева, 2006. С. 86–96). Именно мощный импульс из центра позволил выйти воронежской археологии на собственно научный исследовательский уровень.

Местные краеведы-археологи-любители получают возможность повышать свой профессиональный уровень в общении со столичными археологами-специалистами как в рамках работы Всероссийских форумов, так и по приезду их в Воронеж. В этот период на базе археологических коллекций формируется отдел первобытных древностей Губернского краеведческого музея, выходят в свет первые научные и научно-популярные труды по археологии края.

Сформировавшаяся система, к сожалению, не получает дальнейшего развития, и в последующие десятилетия связка краеведение – археология распадается.

В рамках третьего периода («социоархеология», по В.Ф. Геннингу и В.Н. Левченко: 1992. С. 6) – с 1930-х гг. по настоящее время – применительно к воронежской региональной археологии уместно, на мой взгляд, выделение двух этапов.

На первом этапе – 1930–1960-е гг. – направленность и уровень развития региональной археологии определялись работами столичных экспедиций. В это время в Воронеже минимально число местных археологов, да и уровень их подготовки далеко не равнозначный (ср. Н.В. Валукинский и А.Н. Москаленко). Благодаря столичным археологам вводятся в научный оборот археологические материалы с территории среднего Подонья практически всех эпох – от палеолита до позднего средневековья. Они становятся базой для написания первых монографий (П.П. Ефименко, Н.П. Третьяков, П.Д. Либеров и др.) и защиты первых диссертационных исследований по археологии Среднего Дона (Г.В. Подгаецкий, П.Д. Либеров и др.).

С конца 1960-х гг. (второй этап) активно проявляет себя воронежская школа археологии, становление которой связано с Воронежским государственным университетом. Основными характеристиками ее последующего развития стали организация планомерного систематического археологического изучения края силами местных экспедиций, создание системы подготовки кадров археологов и координация деятельности археологов всего черноземного региона (региональные конференции, деятельность регионального совета).

Геннинг В.Ф., Левченко В.Н., 1992. Археология древностей – период зарождения науки (конец XVIII – 70-е гг. XIX в.). Киев.

Захарова Е.Ю., 2006. Археология в деятельности Воронежского губернского статистического комитета // Вестник ВГУ. Сер.: История, политология, социология. № 1.

Захарова Е.Ю., Замаева Е.В., 2006. Археология в деятельности Воронежской Ученой Архивной Комиссии в первое десятилетие ее существования // Археология восточно-европейской лесостепи: Межвуз. сб. Воронеж. Вып. 20.

Лебедев Г.С., 1992. История отечественной археологии: 1700–1917 гг. СПб.

Пряхин А.Д., 2006. Историко-географические исследования в отечественной археологии (русской, советской, российской): Периоды развития археологии в стране // Современные проблемы археологии России: Сб. науч. тр. Новосибирск. Т. 1.

Формозов А.А., 1994. О периодизации истории отечественной археологии // РА. № 4.

Щавелёв С.П., 2002. Судьбы исторических древностей южной России и их место в ее провинциальной культуре XVII–XX веков: По материалам археолого-этнографического изучения Курского края: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Курск.

*Л.Ю. Китова**Кемеровский государственный университет, Кемерово*

Вклад Общества изучения Сибири в археологическое исследование края

После разгрома армии А.В. Колчака все созданные им в Сибири учреждения были закрыты или подверглись реформированию. В 1921 г. был закрыт Институт исследования Сибири в Томске, в 1922 г. – кафедра географии ТГУ, возглавляемая С.И. Руденко, в 1926 г. – кафедра этнографии Иркутского университета во главе с Б.Э. Петри. Многие ученые, приглашенные или переведенные в сибирские вузы, покинули Сибирь, а вслед за ними в Москву и Петроград поехали студенты и молодые исследователи, желавшие продолжить свое образование в аспирантуре. Местная археология могла войти в полосу стагнации. Однако на несколько лет этот период был отдален благодаря развитию краеведческой археологии. Сотрудники сибирских музеев продолжали археологические исследования, публиковали новые материалы, обрабатывали, хранили и экспонировали археологические коллекции. Более того, преобразование в 1925 г. Новониколаевска в краевой центр (Новосибирск) подвигло местную интеллигенцию создать Общество изучения Сибири (ОИС). При избрании правления дипломированный археолог Н.К. Ауэрбах был назначен научным секретарем Общества. Все археологи, участвовавшие в работе Сибирского научно-исследовательского съезда (декабрь 1926 г.), по предложению Н.К. Ауэрбаха объединились в палеоэтнологическую подсекцию. Основной целью ее создания было объединение разрозненных археологических исследований в Сибири и подготовка к Общероссийскому археологическому съезду, проведение которого планировалось в 1928 г. (Отчет о деятельности... Л. 9–10; Материалы к отчету... Л. 33–34). Руководителем подсекции также был избран Н.К. Ауэрбах. В течение 1927 г. палеоэтнологическая подсекция провела анкетное обследование археологических и палеонтологических отделов сибирских музеев. Благодаря этому обследованию во многих сибирских музеях была проведена инвентаризация археологических коллекций. На 1 января 1927 г. самыми крупными археологическими собраниями обладали 3 краеведческих музея: Иркутский (основан в 1848 г.) – 18000 предметов, Минусинский (1877 г.) – 22000 предметов, Красноярский (1889 г.) – 27395 предметов. Все остальные краеведческие музеи Сибири имели незначительные коллекции древностей: Омский музей (1878 г.) – 617 археологических предметов, Енисейский (1883 г.) – 1817, Барнаульский (1892 г.) – 1047, Бийский (1917 г.) – 890, Новосибирский (1920 г.) – 583, Канский (1920 г.) –

562, Томский (1921 г.) – 1297, Каменский (1922 г.) – 75, Ачинский (1925 г.) – 49 (Годовой отчет... Л. 8–52).

Конечно, Н.К. Ауэрбах рассчитывал, в первую очередь, на какое-то финансирование археологических исследований через ОИС. И такие надежды первоначально даже оправдывались. Например, в 1926 г. он получил 400 руб. на раскопки Бирюсинской стоянки и для завершения работ под Красноярском на Афонтной горе (Протоколы... Л. 21). Однако финансирование было незначительным, а чаще всего руководство края отказывало археологам. Тем не менее, помощь методическую в случае необходимости сибирские археологи всегда получали от Ауэрбаха. Он вел колоссальную переписку и с профессионалами, и с любителями. В ОИС ежегодно поступали отчеты об археологических исследованиях, о публикациях археологических материалов, о работе археологических отделов музеев и палеоэтнологической секции ВСО РГО.

Одним из важных направлений деятельности ОИС стала пропаганда идей охраны памятников. Н.К. Ауэрбахом была разработана инструкция по учету и охране археологических памятников.

Для исследования накопленного археологического материала сибирские археологи через ОИС предлагали издавать археологические карты, отдельные археологические коллекции, обзоры новой литературы (Хороших, 1928. С. 237–246). И такая работа начинает проводиться иркутскими археологами.

Еще одним направлением деятельности Общества изучения Сибири было издание научных трудов по исследованию края. Информационным органом Общества стал журнал «Сибиреведение». Большое значение в обобщении всех известных знаний о Сибири имело решение членов ОИС об издании Сибирской советской энциклопедии (Материалы I Сибирского... Л. 72–73; Стенограмма... Л. 12). Н.К. Ауэрбах был одним из главных координаторов процесса создания Сибирской энциклопедии, в которой наряду со статьями по истории, экономике, географии и прочим отраслям знаний были напечатаны и статьи по археологической проблематике.

Закончилась деятельность ОИС разгромом. Оно было закрыто в 1931 г. Несмотря на столь трагический финал, ОИС внесло свой вклад в организацию исследований археологических памятников Сибири, в координацию деятельности археологов, в их объединение. Общество обратило внимание музейщиков Сибири на учет и сохранение археологических коллек-

ций, всех краеведов – на вопросы изучения и сохранения памятников. По инициативе ОИС вышла в свет

Сибирская советская энциклопедия, содержащая статьи по археологии и древней истории Сибири.

Годовой отчет Иркутского Гос. музея за 1926–27 гг. Отчет об исследовательской деятельности ВСО РГО за 1927 г. Анкеты сибирских музеев // ГАНО. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 52.

Материалы I Сибирского краевого научно-исследовательского съезда. Т. IV // ГАНО. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 27.

Материалы к отчету. Отчет о работе Общества, ревизии, списки руководящего состава общества. 1926–1929 // ГАНО. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 38.

Отчет о деятельности Общества изучения Сибири и ее производительных сил. 1925–1927 // ГАНО. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 12.

Протоколы общих собраний членов Общества изучения Сибири и ее производительных сил // ГАНО. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 3.

Стенограмма речи профессора Усова на заседании съезда. // ГАНО. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 29.

Хороших П.П., 1928. О составлении археологической карты Сибири // Тр. I Сибирского краевого научно-исследовательского съезда. Новосибирск. Т. 5.

С.В. Кузьминых

Институт археологии РАН, Москва

И.В. Белозёрова

Государственный исторический музей, Москва

В.А. Городцов и Д.Н. Лев: письма 1933–1941 гг.

В ОПИГИМ (Ф. 431. Ед. хр. 318, 412, 151) хранится 91 письмо одного из основоположников русской археологии Василия Алексеевича Городцова (1860–1945) и ленинградского археолога Давида Натановича Льва (1905–1969), в 1931–1942 гг. сотрудника ИАЭ, ИААЭ, ИЭ, МАЭ АН СССР. В одном фонде «отложились» письма обоих корреспондентов – для той эпохи крайне редкий случай. Эпистолярное наследие Городцова сохранилось, вероятно, без больших потерь – и среди них 38 писем Льва. В июле 1942 г. Д.Н. Лев был эвакуирован в Казань вместе с Институтом этнографии (СПА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 308. Л. 1–3), в 1943 г. оказался в Самарканде, где до конца своих дней работал на историческом факультете университета (Борисковский, Окладников, 1970. С. 298). При всех переездах он сберег 63 письма В.А. Городцова. После смерти Льва его внучка Елена Николаевна Амарцева в 1971 г. передала письма Городцова в ГИМ.

В переписке ученых можно наметить три условных периода. В 1933–1937 гг. (а это годы работы В.А. по договорам в ИАЭ/ИААЭ) более активным корреспондентом был Городцов (46 писем, Лев – 11). В 1938 г., когда отмечалось 50-летие его научной, музейной и педагогической деятельности, в том числе и в ИЭ/МАЭ, они активно пишут друг другу (по 9 писем). В 1939–1941 гг. инициатива была уже за Львом – 10 писем (В.А. ответил единственным посланием).

Так получилось, что Д.Н. Лев в силу доброго, сердечного отношения к нему В.А. взял на себя осуществление неофициальных контактов Городцова с научными учреждениями Ленинграда, и прежде всего – с родным институтом и музеем. Сотрудничеству патриарха отечественной археологии с ИАЭ/ИААЭ предшествовало одно важное событие, которое, по

всей видимости, сгладило недоброжелательность в отношениях между В.А. и значительной частью питерских археологов, сложившихся в начале XX в. В 1920-е гг. их подогревала борьба за власть на археологическом олимпе России (Платонова, 2010. С. 213). После 1929 г. Городцов лишился властных полномочий в Наркомпросе РСФСР и возможности соперничать с ГАИМК в строительстве советской археологии. Но, пожалуй, более тяжелым ударом стало для него увольнение из Исторического музея. В.А. чувствовал себя глубоко и незаслуженно оскорбленным и не откликнулся на призывы директора музея П.Н. Лепешинского вернуться в ГИМ (Белозёрова и др., 2011. С. 163). И когда в руки Городцова попал Подчеремский клад с уникальными образцами пермского звериного стиля, он передал его в 1931 г. в Эрмитаж, а не в родной некогда музей (Городцов, 1937. С. 113, 114). Не только в Эрмитаже, но и в ГАИМК и МАЭ этот шаг, должно быть, имел положительный резонанс, позволив Н.М. Маторину в 1933 г. привлечь В.А. к работе в ИАЭ по договорам.

Информация о деятельности ИАЭ/ИААЭ в переписке разноплановая. Основное содержание писем касается взаимоотношений Городцова и института, организации поездок и работы Василия Алексеевича в Ленинграде, обсуждения экспедиционных дел. Перезаключение договоров каждый год проходило с проволочками – и не удивительно, учитывая частую смену директоров и сугубо бюрократическую волокиту. Городцов часто видел за этим козни недоброжелателей, и он просил иногда Льва поставить в дирекции вопрос ребром: «*состою я на службе в ИАЭ или нет*». Д.Н. старался убедить В.А., что договоры скоро будут подписаны.

Расторжение договора с ИААЭ/ИЭ в 1937 г. Городцов рассматривал в том же ключе. Льву непросто

было убедить его в том, что причиной отказа стала реорганизация ГАИМК и ИААЭ и создание ИИМК и ИЭ АН СССР. Переписка 1938 г. показывает, что В.А. в итоге принял аргументы Д.Н., тем более что ИЭ и МАЭ не отказались от сотрудничества с Городцовым в других формах и, кроме того, отметили 50-летие научной, педагогической и музейной деятельности ученого. Д.Н. сообщал, что юбилейные статьи о В.А. в «Вестнике знания» и «Природе» выходят благодаря стараниям В.В. Струве и В.В. Храмовой.

При организации поездок и работы в ИАЭ/ИААЭ Городцов всецело полагался на помощь и содействие Льва. Это и бронирование железнодорожных билетов в Москву и номера в Доме ученых; и выбор сроков поездок; и привоз коллекций (Тимоновка); и уточнение распорядка работы (совместный разбор коллекций, доклады в ИАЭ и Четвертичной комиссии и др.); и организация состоявшихся и планируемых экспедиций; и обсуждение памятников, смет, сроков экспедиций, кадрового состава, оборудования и др.); и подготовка выставок (важно заметить, что в 1933 г. Городцов считал экспозицию МАЭ лучшей в Ленинграде); и передача монет из раскопок Елизаветинских городища и могильника А.Н. Зографу, костей животных – Р.М. Шахуньянц в КОДЖ, рыб – Г.В. Никольскому, собак – А.А. Браунеру, ручек от амфор с клеймами – Б.Н. Гракову; и обсуждение с В.И. Громовой определений фауны с Ильской стоянки. Д.Н. адресованы просьбы о приобретении и пересылке книг, передаче в ГАИМК отчетов о полевых исследованиях, судьбе рукописей книг и статей (о Тимоновке, Подчеремском кладе, Волжской экспедиции 1925 г. и др.), получении гонораров за изданные труды и содействии в их скорейшей отправке.

В.А. делится впечатлениями о той или иной поездке в ИАЭ/ИААЭ, сообщает о приведении в порядок своих ленинградских записок, отвечает на научные вопросы Льва в связи с темой по истории древнего горного дела (защищенной в 1945 г.) и перестройкой экспозиции МАЭ в конце 1930-х гг. Он не забывает передать приветы «доброжелателям» из числа сотрудников института (С.А. Семенов-Зусер, В.В. Федоров, Д.К. Зеленин, Н.Р. Косняковский, К.В. Вяткина, В.В. Храмова) и начальства (Н.М. Маторин, И.И. Мещанинов, И.И. Винников, С.Н. Быковский, с которым у Городцова сложились наиболее доверительные отношения, иначе он вряд ли пригласил бы Быковского в Кубанскую экспедицию). «Доброжелатели» через Льва шлют ответные приветы В.А., а сам Д.Н. постоянно кланяется Д.А. Крайнову, с которым познакомился в экспедиции в Тимоновке.

Городцов информирует Льва о преподавательской деятельности на биофаке МГУ (1935), в ИФЛИ (1938), о докладах в МО ГАИМК; делится радостной вестью о том, что Крайнов при разборе коллекции Тимоновской стоянки обнаружил изображение на костяном предмете; интересуется, как ИААЭ перенес наводнение 1935 г. В.А. пытается узнать через Льва «о причине задержки уведомления меня (ИААЭ) о при-

своении мне звания “доктора археологии”» (от Быковского он узнал о выходе указа еще два месяца назад). Осенью 1938 г. Городцов делится впечатлениями о своем юбилее: «Я слышал, что вторую заметку об этом юбилее хотели опубликовать в “Советской археологии” ИИМКа, но Ефименко, по-видимому, из зависти изъясил ее. Удивительна ненависть ко мне ленинградских археологов. Чем я им насолил, право не знаю». Так единственный раз затронут в переписке – с ленинградским же археологом – непростой для В.А. вопрос о взаимоотношениях с археологами северной столицы. Поскольку Лев входил в число его «доброжелателей», Городцов не удержался от комментариев, которые обычно поверял личному дневнику.

С Д.Н. обсуждается содержание первых номеров «Советской археологии». Очень задела Городцова вступительная редакционная статья (СА. 1937. № 2): «Что за возмутительные выпады против научных деятелей другой (не археологической) дисциплины, каковыми являются историки профессора М.Н. Покровский, В.К. Никольский и Б. Богаевский! <...> Кто писал эту полуграмотную вступительную статью? Как эта статья могла быть пропущена? Неужели благородный и величавый дух изданий А.Н. СССР так успел нехорошо измениться! О, tempore, o mores!».

В том же 1937 г. обсуждается выдвижение Городцова в члены-корреспонденты АН СССР.

Лев информирует В.А. о важнейших кадровых переменах в МАЭ: о «чистке» 1933 г., удалении в том же году С.А. Семенова-Зусера и В.В. Федорова, лишении Н.М. Маторина директорского поста в 1934 г. и связанных с этим переменах в институте и музее. Особенно поразило Городцова известие об аресте и следствии над С.Н. Быковским: «Вести этой не хочется верить, до того она неожиданна и невероятна» (август 1936 г.). В начале февраля 1935 г. Д.Н. и В.А. кратко, намеками, обменялись впечатлениями о событиях в Ленинграде после убийства Кирова, при этом Городцов заметил, что «в Москве также немало крупных событий, к сожалению, наиболее крупные из них покрылись траурным крепом. Что делать, всему своя доля».

В числе других новостей Льва: выход его путеводителей по МАЭ; командировка в Киев в 1938 г. и экскурсии по памятникам палеолита; продолжение разбора палеолитических коллекций Городцова; доклад С.Н. Быковского «Проблемы происхождения домашних животных» на сессии АН СССР; «хорошая и очень важная находка» А.П. Окладникова в Средней Азии – мустьерское захоронение в пещере Тешик-Таш; работа Н.И. Березина над атласом палеолитических памятников на территории СССР, а затем известие о его болезни и смерти; уход из жизни Н.И. Репникова. Памятью о доверительно характере отношений с Городцовым, Лев делится и сплетнями: о примирении С.Н. Быковского с П.П. Ефименко; разговоре в январе 1937 г. с В.И. Равдоникасом, «который просил, при случае, передать Вам, что он просит забыть все старое и т. п.» (за этим явно кроется желание Равдоникаса сгладить негативное впечатление

от публичного выступления 1929 г. с критикой «буржуазного ученого» Городцова); пишет он и о том, что у него сложились более доброжелательные отношения с С.Н. Быковским, нежели с П.П. Ефименко и С.Н. Замятниным.

Современники, знавшие о том, что Лев сохранил в своем архиве письма Городцова, отмечали, что они «несомненно будут важным источником для каждого историка отечественной археологии» (Борисковский, Окладников, 1970. С. 298). Эта переписка, безусловно, заслуживает публикации – авторы надеются

ее осуществить. И дело не только в том, что она связана с именами Городцова и Льва. События личной жизни, конечно, проходят через все письма, но здесь они явно на втором плане. Главное в них – самая разнообразная информация о деятельности ИАЭ, ИААЭ, ИЭ, МАЭ АН СССР в 1930-е гг. Она является важным дополнением к официальным опубликованным и архивным документам. В письмах – переживания, психологический настрой, отношение обоих ученых к тем или иным событиям в стране, институте и музее, научной жизни в стране.

Белоёзрова И.В., Кузьминых С.В., Сафонов И.Е., 2011. Судьба ученого: Жизнь Василия Алексеевича Городцова в его дневниках и воспоминаниях // РА. № 1.

Борисковский П.И., Окладников А.П., 1970. Д.Н. Лев (Некролог. 1905–1969) // СА. № 3.

Городцов В.А., 1937. Подчеремский клад // СА. № 2.

Платонова Н.И., 2010. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб.

С.В. Кузьминых

Институт археологии РАН, Москва

И.В. Белоёзрова

Государственный исторический музей, Москва

Между Москвой и Ленинградом: В.А. Городцов и ИАЭ/ИААЭ

Наименее известный период научной деятельности В.А. Городцова – его работа в качестве консультанта в Институте антропологии и этнографии (с 1935 г. – Институт антропологии, археологии и этнографии) АН СССР. В литературе нередки упоминания о переезде ученого в Ленинград в 1930-е гг., когда он лишился основных мест работы в Москве. Однако это не более чем вымысел. На основе архивных материалов ОПИ ГИМ и СПА РАН выясняются следующие подробности его «ленинградской» жизни. Городцов работал в ИАЭ/ИААЭ на договорных началах неполных четыре года (с 1.05.1933 по 5.02.1937 г.). Он обязан был приезжать в Ленинград не чаще одного раза в месяц (в реальности – раз в два месяца). Обычно его сопровождал и брал на себя организационные и бытовые вопросы Д.Н. Лев, с которым у В.А. установились теплые и доверительные отношения.

У Городцова был ряд причин принять предложение директора ИАЭ Н.М. Маторина. Некоторые из них отражены в официальных договорах (небольшое жалование, оплата командировочных расходов, выделение средств на раскопки Тимоновской и Ильской стоянок, Елизаветинских городища и могильника, издательские возможности института и др.). Еще одну из причин раскрывает запись в его дневнике: «Служба в МАЭ меня интересует, так как она дает возможность мне стать ближе к ленинградским научным сокрови-

щам». Но не менее важен психологический фактор. В начале 1930-х гг. Городцов действительно потерял большинство своих прежних должностей, кроме МО ГАИМК, основу которого составляли его бывшие ученики (А.В. Арциховский, С.В. Киселев, А.П. Смирнов, Е.И. Крупнов и др.), перешедшие на «марксистские рельсы» – и он среди них оказался в вакууме. Для молодых московских «марксистов» Городцов уже не кумир и авторитет в науке (они вспомнят об этом кто во второй половине 1930-х, а кто только после смерти ученого), а образчик «старой» археологии, которого можно обвинить в поклонении «вещеведению», «формальной типологии» и других грехах. Известно, что предательство учеников Городцов воспринимал очень болезненно – он не раз возвращался к этому на страницах личного дневника. Приглашение в академический институт, безусловно, было своего рода пощечиной ученикам. Тем более что в 1934 г. патриарху русской археологии – в числе первых археологов СССР – присвоили степень доктора археологии без защиты диссертации.

Безусловно, шаг Н.М. Маторина мог вызвать раздражение в ГАИМК, откуда метали (особенно В.И. Равдоникас) критические стрелы в адрес «буржуазного ученого». Но, вероятно, для укрепления археологической части ИААЭ и неизбежного противостояния с ГАИМК такая фигура, как Городцов, при-

шла к стати. И это несмотря на то, что отношение к нему ведущих специалистов по палеолиту в Ленинграде – П.П. Ефименко, С.Н. Замятина, Г.А. Бонч-Осмоловского – было столь же непростым, как и решение Маторина, подтвержденное в 1935 г. новым директором И.И. Мещаниновым.

Круг обязанностей Городцова в ИАЭ/ИААЭ был очерчен в договорах на каждый год. Это и консультации сотрудников института по научным проблемам (особенно Д.Н. Льва), по вопросам приемки, хранения и описания коллекций МАЭ, и раскопки Тимоновской и Ильской палеолитических стоянок, Елизаветинского городища и могильника, обработка материалов раскопок, подготовка их к хранению и экспонированию, и участие в создании иных экспозиций и выставок, регулярные доклады. В эти годы он стал активно публиковаться в «Вестнике АН СССР», «Советской этнографии», «Трудах ИААЭ». Вычиткой корректур ему приходилось заниматься почти в каждый приезд в Ленинград. Судя по заметкам в дневнике (15.05.1935 г.), Городцов *«принимал живое участие в проведении вопроса об издании институтом журнала “Советская археология”. Сама мысль об издании этого журнала была высказана мною и поддержана С.Н. Быковским, С.Н. Замятиным и позже принята директором Инст[итута] академиком И.И. Мещаниновым»*. В 1935 г. ИААЭ и Городцов заключили договор о подготовке к изданию второго тома монографии «Археология» – «Палеометаллическая эпоха». К сожалению, в оговоренные сроки, к 1.04.1937 г., эта работа не была завершена.

Прекращение работы Городцова в ИААЭ было связано, вероятно, не только со сложной обстановкой в институте (в 1936–1937 гг. аресты шли непрерывно), но прежде всего с его реорганизацией в Институт этнографии АН СССР. С преобразованием ГАИМК в ИИМК уже в системе Академии наук в последнем сосредоточились основные кадры археологов Ленинграда. Весь 1937 и в начале 1938 г. Городцов приезжал

в ИЭ, участвовал в его заседаниях, разбирал коллекции Ильской стоянки, консультировал сотрудников и т.д. 1938 год был для него юбилейным: отмечалось 50-летие научной и педагогической деятельности ученого. Это были последние большие торжества в жизни Городцова. В мае его поздравляли московские археологи, а в июне – ленинградские. 3 июня ИИМК устроил парадный вечер в Доме ученых. На другой день состоялось общее собрание ИЭ, где юбиляра чествовали как своего бывшего сотрудника и для многих близкого человека.

Годы работы в ИАЭ/ИААЭ были дороги для Городцова во многих отношениях. В те годы его оклад в МО ГАИМК был существенно ниже, чем у других сотрудников Московского отделения. На его долю выпало воспитание и содержание внучки Киры, так что дополнительный заработок для Городцова был крайне важен, и он очень сожалел о его потере. Но гораздо более важным для него было прикоснуться к «ленинградским научным сокровищам», а также участие в полноценной научной жизни академического института. «Живое» общение во многом сгладило давние противоречия с коллегами. Его комментарии по поводу посещения археологических выставок ГАИМК и МАЭ свидетельствуют о том, как остро и пылливо следил Городцов за результатами экспедиционных работ, особенно новостроечных, как менялись представления ученого о тех или иных памятниках, культурах и исторических процессах в древности. Это нашло отражение в больших монографических учебных курсах «Археология. Т. I: Каменный период» (попытка его переиздания в начале войны оказалась безуспешной) и «Археология. Т. II: Палеометаллическая эпоха» (также, к сожалению, не изданный). Благодаря работе Городцова в Ленинграде собрания Эрмитажа и МАЭ пополнились такими первоклассными памятниками, как Подчеремский клад эпохи средневековья, материалы Тимоновской и Ильской палеолитических стоянок.

Ю.А. Лихтер

Межрегиональная общественная организация «Наследие», Москва

Создание информационно-поискового языка в археологии — на примере работы семинара «Морфология древностей»

На кафедре археологии исторического факультета МГУ под руководством профессора Ю.Л. Щаповой в 1989–2006 гг. работал семинар «Морфология древностей». Задачей его участников было создание нор-

мированного описания древнего вещного мира. Результаты их работы представлены в многочисленных публикациях (Кокорина, Лихтер, 2007; Кокорина, Лихтер, 2009; Осипов, Лихтер, 2004; Скукина, 1997;

Фалькович, 1992; Черных, 2008; Щапова, 1989; Щапова, Лихтер, Сарачева, Столярова, 2000; Щапова, Лихтер, Сарачева, Столярова, 2007; Щапова, Лихтер, Столярова, 1990).

Систематизированное и упорядоченное описание вещественного источника можно рассматривать как документальный язык. Понятие документального языка как принципа организации информации связано с разработкой теории банков и баз данных.

Система описания элементов вещного мира, созданная участниками семинара «Морфология древностей», строится на нескольких основополагающих принципах:

- 1) системный подход;
- 2) эволюционная теория;
- 3) классификация и систематизация;
- 4) число исходных элементов всегда меньше, чем их возможные сочетания;
- 5) использование при создании справочников-классификаторов не древовидной, а матричной формы. Каждый справочник-классификатор состоит из нескольких открытых столбцов.

Система может быть разделена на несколько частей:

- многоуровневые подсистемы, на которые разделяется информация;
- элементы, из которых складываются подсистемы;
- список признаков, описывающих элементы (классификаторы);
- значения признаков (содержание классификаторов).

В каждой из этих частей использован свой информационно-поисковый язык. Разделение информации на подсистемы соответствует принципам фасетного языка; элементы классификационной схемы описываются объектно-признаковым языком.

В выделенных нами подсистемах элементы нижнего уровня являются признаками, описывающими элементы более высокого уровня (Гарскова, 1994. С. 56). То, что было признаком на одном уровне, становится объектом, описываемым соответствующими признаками, на следующем уровне. Например, набор конструктивных элементов описывает предмет, а справочники-классификаторы описывают конструктивный элемент.

Признаки, описывающие объекты высших уровней, построены по принципу да/нет, на нижнем уровне иерархии признаки имеют числовые или словесные значения. Для объектов нижнего уровня класси-

фикации составлены справочники-классификаторы, содержащие значения этих признаков.

Как при выделении фасетов и разделении их на подсистемы, так и при создании справочников-классификаторов использована иерархия. Однако принципы иерархии различны: в первом случае – это деление целого на части, во втором – термины, содержащиеся на нижних уровнях, являются уточнениями к терминам более высокого уровня (Полищук, Хон, 1989. С. 84).

В целом, система описания вещного мира, предложенная участниками семинара «Морфология древностей», соответствует требованиям, предъявляемым к информационно-поисковым языкам для банков данных. Можно утверждать, что ими создан информационно-поисковый язык для описания разнообразных артефактов вне зависимости от места и времени их создания. Наиболее разработано описание элементов, входящих в подсистему морфологии.

Наличие стандартизованных классификаторов не только облегчает работу по описанию тех или иных артефактов. Стандартизированная модель облегчает сравнение выборок и дает возможность избавиться от синонимов. Структурированные и стандартизованные алгоритмы описания позволяют стандартизировать и создание БД.

Система описания, созданная Ю.Л. Щаповой и ее учениками, включает структуру описания и классификаторы для описания различных подсистем. При этом любой признак может оказаться существенным – это зависит от постановки задачи.

Правила описания, базирующиеся на этих принципах, и в первую очередь конструктивный подход, позволяют создать теоретическую модель описания предмета, значительно облегчающую не только описание различных категорий вещевого мира, но и позволяющее сравнивать их между собой.

Ориентация на источник, а не на конкретную проблему, предполагает анализ информационных возможностей определенного вида источника, а следовательно, теоретический анализ его структуры.

Система описания является программой вещеведческого исследования, позволяющей учесть и организовать знания, накопленные предыдущими исследователями. Соединение нормированного описания, базирующегося на системном подходе, реляционной БД и алгоритмизированного выбора необходимых подсистем, превращает ее в мощный инструмент вещеведческого исследования.

Гарскова И.М., 1994. Базы и банки данных в исторических исследованиях. М.; Goettingen.
 Кокорина Ю.Г., Лихтер Ю.А., 2007. Морфология декора. М.
 Кокорина Ю.Г., Лихтер Ю.А., 2009. Проникающее оружие и орудия // Морфология древностей. М.; Тула. Вып. 3.
 Осипов Д.О., Лихтер Ю.А., 2004. Системное описание и классификация кожаной обуви: Методические рекомендации. М.
 Полищук Ю.М., Хон Б.В., 1989. Теория автоматизированных банков информации. М.
 Скукина Е.В., 1997. Погребальные памятники Тверского Поволжья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Фалькович Ю.А., 1992. Египетские амулеты доримского времени: Опыт составления базы данных: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
 Черных Е.М., 2008. Жилища Прикамья: Эпоха железа. Ижевск.
 Щапова Ю.Л., 1989. Древнее стекло: Морфология, технология, химический состав. М.
 Щапова Ю.Л., 2000. Введение в вещеведение. М.
 Щапова Ю.Л., Лихтер Ю.А., Сарачева Т.Г., Столярова Е.К., 2000. Основные принципы изучения древних материалов и технологий // Вестник МГУ. Сер. 8: История. М. № 4.

Щапова Ю.Л., Лихтер Ю.А., Сарачева Т.Г., Столярова Е.К., 2007. Морфология украшений // Морфология древностей. М. Вып. 4.

Щапова Ю.Л., Лихтер Ю.А., Столярова Е.К., 1990. Морфология древностей. Киев.

А.И. Мартынов

Кемеровский государственный университет, Кемерово

Археология в современном общем историческом образовании

Современная отечественная археология постепенно из науки примера, артефактов, накопив огромное количество знаний, становится наукой исторического процесса.

Острейший вопрос современности: как колоссальные достижения российской археологии используются в современном массовом школьном историческом образовании? Ответ один – никак. Пример тому – большинство школьных учебников. Их много. Среди них лучшими можно признать «Историю Древнего мира» для пятого класса (авторы А.Д. Вигасин, Г.И. Годар, И.С. Свинцицкая) и «Всеобщую историю» для десятого класса (авторы Л.Н. Алексашкина, В.А. Головина).

В школьных учебниках почти три миллиона лет истории человечества, известные только по археологическим материалам, излагаются так, будто археологии как науки и не существует: не упоминается ни один археологический памятник на территории нашей страны, не говоря уже о достижениях людей, живших в ту или иную эпоху, без которых была бы невозможна и современная цивилизация, не формируются представления о роли евразийского пространства современной России в археологическую древность.

Во всех учебниках излагается только социально-политическая история, осмысленная в устаревших

категориях исторического материализма как начальный этап социального развития с точки зрения формационно-эволюционного подхода.

В результате юный россиянин должен считать основными историческими фактами и событиями жизнь египетских вельмож, восточные походы фараонов, индийские касты, потерю земледельцами земли и свободы, греко-персидские войны и войны древности, средневековья и нового времени, а вместе с ними и классовый антагонизм, и все революции.

При таком изучении истории будущий гражданин России не представляет ценности памятников археологического наследия страны, не знает, какие народы формировались на евразийском пространстве. У него не воспитывается любовь к прошлому страны, гордость за ее историю. Незнание археологии страны формирует искаженное представление о том, что все исторически ценное находится не в России, а где-то за рубежом. Почему так? Ответ прост: в стране нет концепции современного школьного исторического образования, которая, при наличии разных учебников, определяла бы объем необходимых основных знаний (своего рода стандарт) по отечественной и мировой истории.

О.М. Мельникова

Удмуртский государственный университет, Ижевск

Археология в России как профессия: историко-научный взгляд (вторая половина XIX — начало XX в.)

У современного исследователя не вызывает сомнения факт существования профессии археолога. По нормативным документам, археология является специальностью 00.07.06 в рамках исторической науки. Университеты осуществляют профессиональную подготовку, научные, музейные организации имеют

в своем штате должности научных сотрудников, выполняющих археологическую работу. Эта очевидность существования профессии, тем не менее, требует обращения к истокам ее формирования, что тесно связано с процессом институционализации археологии, начавшимся со второй половины XIX в.

Коллективный социальный и профессиональный портрет деятелей российской археологии второй половины XIX – начала XX в. весьма пестр. Это профессора университетов, государственные служащие, земские деятели, преподаватели в системе духовного и светского образования, инженеры, предприниматели, купцы, студенты, писатели, врачи, помещики, священнослужители, журналисты, рабочие, военные, художники, агрономы, лесничие. Поэтому очень важно понять, каким образом столь разные по социальному статусу, образованию, происхождению, месту жительства люди способствовали формированию профессии археолога. Для этого следует выявить факторы, способствовавшие или препятствовавшие институционализации профессиональной археологии.

Основы профессионализации археологии были заложены в пореформенные годы. При Министерстве Императорского двора был создан высший государственный орган, координирующий археологическую деятельность в России, – Императорская археологическая комиссия. Однако опека со стороны государства, выражавшаяся в персональном подходе к каждому решению, связанному с высочайшим одобрением любых действий формирующегося археологического научного сообщества (проведение съездов, открытие научных обществ, образовательных учреждений), препятствовала окончательной институционализации профессии археолога. Развитие профессионального университетского образования допускало введение в авторские учебные курсы археологических знаний, методов исследования, экскурсионных и полевых практик. Наряду с этим были созданы специализированные учебные заведения – Археологические институты в Петербурге и Москве с филиалами по России. Важным позитивным фактором в оформлении профессии стала возможность создания по общественной инициативе научных обществ, внутри которых объединенные общей идеей служения народу через изучение прошлого своего отечества представители различных социальных и профессиональных групп форми-

мировали этические и профессиональные нормы научной археологической деятельности.

Пореформенные годы создали возможности для широкого неформального общения становящихся профессионалами любителей: открытые заседания научных обществ, Всероссийские и областные археологические съезды выполняли важнейшую миссию консолидации и социализации провинциального сообщества в рамках формирующейся профессии. Ядром этих процессов стала профессура российских университетов, по преимуществу выпускники историко-филологических факультетов.

Наконец, значимую роль в оформлении профессии археолога сыграли издания научных обществ, музеев, служившие, наряду с частной перепиской, важнейшим каналом коммуникаций между всеми интересующимися археологией страны и ставшие инструментом привлечения неопитов в археологию.

После октября 1917 г. профессионализация археологии стала развиваться другими путями. Государство, заинтересованное в археологии как одном из элементов формирования новой атеистической коммунистической идеологии, стало обучать археологов в университетах, содержало штат специалистов в научно-исследовательских институтах и музеях. Одновременно с этим оно жестко контролировало научную деятельность ученых, определяя границы профессиональной научной среды.

На протяжении 1920–1930-х гг. произошла значимая трансформация: археология конституировалась как наука, что в реальности означало конец любительству и оформление археологии как профессии. Археологическое научное сообщество, в особенности после разгрома краеведческого движения в стране в конце 1920-х гг., стало более формализованным. Оно включало в себя только ученых-специалистов, получивших соответствующее образование, работающих в образовательных, музейных или исследовательских учреждениях, являющихся авторами научных публикаций.

В.В. Митрофанов

Филиал Южно-Уральского государственного университета, Нижневартовск

О сотрудничестве А.А. Бобринского и С.Ф. Платонова в рамках научно-археологических обществ

Прошедшие I (XVII) в Ярославле и II (XVIII) в Новосибирске, а также нынешний III съезды показывают, что форма взаимодействия историков и археологов России (и зарубежных), явившаяся следствием

инициативы графа А.С. Уварова (Митрофанов, 2008а. С. 167–169) и исчерпавшая себя в последние годы императорской России, получила стараниями заинтересованных научных учреждений второе дыхание (Не-

стеров, Скобелев, . С. 271–273; Гайдуков, Шуньков, . С. 176–180; Егорейченко, Калинин, Гайдуков, . С. 171–191).

Интерес С.Ф. Платонова к результатам археологических изысканий и экспедициям ярко проявился в бытность его управляющим Отделением русской и славянской археологии (далее – Отделение) Русского Археологического общества (Митрофанов, 2008в. С. 20–23; 2008г. С. 103–106; 2010. С. 13–18). Он сменил на этом посту известного подвижника археологии графа А.А. Бобринского, возглавлявшего Отделение в 1885–1894 гг. Затем основное внимание граф А.А. Бобринский сосредоточил на организации работы Археологической комиссии (возглавлял ее в 1886–1917 гг.). В научных кругах он был известен как автор работ по доисторической, классической и русской археологии, а при обследовании кургана Солоха обнаружил золотой скифский гребень. А.А. Бобринского В.Г. Дружинин характеризовал как «археолога-любителя» (Гайдуков, 2010. С. 136–142), занимавшегося раскопками в своем имении Смела Киевской губернии и имевшего свое собрание древних предметов.

Возглавив Отделение, С.Ф. Платонов активизировал его деятельность: заседания стали проводиться регулярно, увеличилось количество докладов, повысился их научный уровень, стали публиковаться отчеты о заседаниях.

Сотрудничество С.Ф. Платонова с прежним руководителем Отделения не только не прекратилось, но и продолжались многие годы. Связи развивались в основном по двум направлениям, о чем свидетельствуют и письма А.А. Бобринского, адресованные его преемнику. Переписка началась 8 мая 1895 г. и продолжалась ровно 20 лет – до 17 мая 1915 г. Хотя корреспонденцию нельзя назвать активной и регулярной, она является важным свидетельством профессиональных интересов ее участников. С.Ф. Платонов предстает как организатор деятельности научно-археологического общества, поддерживавший постоянные контакты с учеными-археологами, например А.А. Спицыным (Тихонов, 1991. С. 264–275; Бердинских, 1997. С. 148–152), Н.И. Веселовским, В.Н. Глазовым, Н.И. Репниковым, Н.К. Рерихом, археологом-любителем князем П.А. Путьяным.

Эпистолярное наследие сегодня активно привлекается исследователями для аргументации выводов, оно не только является важным историческим источником по конкретной эпохе, но, прежде всего, характеризует коммуникативные связи научной корпорации и отдельных ее представителей. Для нас письма видного археолога-любителя важны в плане характеристики работы упомянутого археологического научного общества, руководимого С.Ф. Платоновым, не являвшимся профессиональным археологом, но использовавшим археологические источники для сопоставления их с летописными и другими сведениями, что позволяло ему приходиться к оригинальным умозаключениям. К тому же он с интересом принимал участие и в археологических раскопках, особенно в рам-

ках сотрудничества с Тверской губернской архивной комиссией, во время I областного Археологического съезда в г. Ярославле в 1901 г., в рамках Русского Отделения, известен и факт самостоятельных раскопок в г. Валуйки (Известия... 1910. С. 84, 85).

В ряде писем А.А. Бобринский сообщает о своих докладах и сообщениях, которые он предполагал сделать в Обществе. Так, 8 мая 1895 г. он просит управляющего Отделением озаглавить его сообщение «О скифских древностях, найденных в Венгрии» (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 2302. Л. 1; Тихонов, 1991. С. 269), 29 ноября 1896 г. пишет о намерении выступить с рефератом под замысловатым заглавием «Новая теория происхождения свастики, в связи с мотивами кавказских ковров», при этом замечает, что временем, за исключением 7 декабря, он не связан. Автор полагал, что, «несмотря на специальный оттенок заглавия», его материал не будет «слишком скучным» (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 2302. Л. 3), кроме того, во время сообщения он намеревался продемонстрировать два больших ковра. Выступление состоялось 10 декабря, автор в нем поддержал теорию немецкого ученого Карла фон Штейнена, который считал прообразом свастики рудиментарные изображения летящего аиста на древней керамике и приводил новые аргументы в ее подтверждение ковровыми узорами Кавказа. 26 января 1897 г. А.А. Бобринский срочно, о чем свидетельствует посланная телеграмма, информировал С.Ф. Платонова, что ввиду заседания в Сибирском комитете 31 января он не сможет выступить в Отделении, поэтому просил назначить его выступление на любой день после 1 февраля (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 2302. Л. 5).

Порой возникали вопросы щепетильного характера и не терпящие отлагательства. Например, 31 октября 1897 г. граф в письме С.Ф. Платонову предлагал сделать в Отделении два сообщения на темы: «Шлем Ивана Грозного» (Бобринский, 1898) и «Три неизданных змеевика», при этом просил Платонова об одной услуге – «не откладывать» и включить в повестку дня заседания первое сообщение, т. к. «очень желал бы сохранить за собой первенство в сообщении русскому ученому обществу об этом предмете», второе же было «неспешное». Хотя очередное собрание общества предполагалось только 22 ноября, он, опасаясь «чтобы кто-нибудь не сообщил о шлеме Ивана IV вне Петербурга», просил созвать его раньше, при этом надеялся на это и думал, что к внеочередному собранию у председателя «найдется еще что-либо» для выступления (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 2302. Л. 6–7, об.). В повестке дня заседания Отделения от 13 ноября третьим значилось выступление А.А. Бобринского (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 885. Л. 26). Вскоре (28 февраля 1898 г.) обе работы были подготовлены к печати и представлены С.Ф. Платонову, и уже 30 марта корректуры были просмотрены автором и возвращены (их передавал А.А. Спицын, а возвращались они С.Ф. Платонову) (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 2302. Л. 9–10). Кстати, они направлялись на просмотр автору два-

ды; так, в письме от 13 апреля 1898 г. А.А. Бобринский сообщал, что «погрешностей не заметил». С.Ф. Платонова же просил сделать 100 оттисков, при этом каждую работу напечатать в «отдельной (слово в письме подчеркнуто с целью заострить на этом обстоятельстве внимание) обложке» (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 2302. Л. 11).

Указания на выступления графа в Отделении имеются в его письмах С.Ф. Платонову от 17 октября 1901 г., где сообщается о том, что 27 октября вполне удобно (вероятно, для выступления. – *В.М.*); 19 января 1903 г., когда говорится о «множестве предметов», из-за чего А.А. Бобринский опасается «сбиться» во время выступления, «не приведя все в порядок»; 12 октября 1911 г., где упомянута расписка «воеводы Никифоровича Чюварова (кажется так – это уточнение в тексте письма. – *В.М.*)», из Галича по указу «царевичу... Алексия Алексиевича» (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 2302. Л. 14, 17 – 17 об., 19). На реферат «Новые раскопки курганов скифо-сарматского типа близ Смелы» (Тихонов, 1991. С. 271), прочитанный графом в Отделении, указывает А.А. Спицын в письме С.Ф. Платонову от 17 апреля 1904 г. Кроме того, о представленных сообщениях и докладах А.А. Бобринского свидетельствуют и протоколы заседания Отделения. Он выступал со следующими докладами: 16 февраля 1899 г. «Альбом путешествия в Москву шведского посланника Пальмквиста в царствование царя Алексея Михайловича», 25 ноября 1900 г. «Киевские древности в раскопках г. Зноско Боровского», 29 января 1901 г. «Исследование большого майдана на границе Киевской и Херсонской губернии» (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 885. Л. 12; Д. 886. Л. 4; Д. 887. Л. 14). По всей видимости, это не полный перечень тем, которые А.А. Бобринский представил в Отделении.

Второе направление взаимных интересов, которое прослеживается по переписке, – помощь С.Ф. Платонова Археологической комиссии в виде экспертных заключений по ряду интересных вопросов. Так, 23 декабря 1899 г. председатель комиссии обратился к историку за «авторитетным заключением» по вопросу об «усыпальнице царя Василия Иоанновича», которое в виде «подробных сведений» (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2302. Л. 12–13) и было предоставлено 30 декабря, за что он получил слова благодарности.

Оперативно была выполнена С.Ф. Платоновым и другая просьба А.А. Бобринского. Крестьянин То-

больской губернии выразил желание поднести императору «старую рукопись, касающуюся завоевания Сибири», о чем и просил министра императорского двора. В Археологической комиссии не нашлось специалиста, который сделал бы заключение о научной ценности рукописи. Поэтому просьба была переадресована С.Ф. Платонову как самому авторитетному знатоку письменных памятников. Получив официальное письмо с рукописью из комиссии, датированное 29 января 1902 г., он уже 31 числа отправил ответ (о чем свидетельствует карандашная пометка, сделанная рукой С.Ф. Платонова: «Послана 31. 01») (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2302. Л. 16).

Кроме оказания взаимных услуг, руководители археологических обществ проводили и совместные мероприятия. Так, 19 января 1903 г. А.А. Бобринский с радостью приветствовал «возврат волны к нашим берегам»: это о возможном посещении членами Отделения выставки в Археологической комиссии, которая «необычайно богата сокровищами всякого рода!» (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2302. Л. 19).

Подобные осмотры, вероятно, были регулярными. Так, А.А. Спицын 10 апреля 1904 г. писал С.Ф. Платонову: «Гр. Бобринский просит назначить посещение Обществом выставки в ближайшие дни, особенно в среду» (Тихонов, 1991. С. 271). О ее значении свидетельствует факт осмотра экспонатов императором.

Как знатока летописных памятников А.А. Бобринский 17 мая 1915 г. спрашивал С.Ф. Платонова о «Прологе», который находился в его богатой церковной коллекции. По предположению, он датировался XVI или даже XV в., написан полууставом в 2 столбца. Интерес представляло упоминание в источнике княгини Ольги, которое не было знакомо владельцу рукописи, поэтому он хотел иметь авторитетное мнение насчет ценности этого памятника.

О добрых отношениях между двумя заинтересованными археологами, руководителями авторитетных археологических обществ, свидетельствует и направленное А.А. Бобринским С. Ф. Платонову приглашение отобедать у него вечером 6 ноября 1901 г. (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2302. Л. 15).

Следовательно, С.Ф. Платонов, сменивший на посту управляющего Русским отделением Русского Археологического общества А.А. Бобринского, поддерживал с ним многолетние творческие контакты. Эти связи распространялись и на Археологическую комиссию, членом которой состоял и С.Ф. Платонов.

Бердинских В.А., 1997. А.А. Спицын в письмах С.Ф. Платонову // Археографический ежегодник за 1995 г. М.
Бобринский А.А., 1898. Шлем Ивана Грозного. СПб.
Гайдуков П.Г., Шуньков М.В., . Всероссийский Археологический съезд в Новосибирске // Р. .
Гайдуков П.Г., 2010. «Воспоминания» В.Г. Дружинина как источник по истории Императорской Археологической комиссии // РА. № 4.
Известия Императорской Археологической комиссии. Прибавление к Вып. 34: Хроника и библиография. СПб, 1910.

Митрофанов В.В., 2008а. С.Ф. Платонов на Археологических съездах // РА. № 1.
Митрофанов В.В. 2008б. Некролог С.Ф. Платонова о графе А.С. Уварове // РА. № 4.
Митрофанов В.В., 2008в. Доклады и выступления С.Ф. Платонова на заседаниях Русского отделения Русского археологического общества // Наука и образование: Мат. междунар. науч.-практ. очно-заочной конф. (Нижевартовск, 10 апреля 2008 г.). Нижевартовск.

- Митрофанов В.В., 2008г. Проблемы истории Новгорода Великого на заседаниях Русского отделения Русского Археологического общества // Наука, экономика, право в регионах России: Мат. всерос. науч.- практ. конф. (Нижевартовск, 24 апреля). Нижевартовск.
- Митрофанов В.В., 2009. С.Ф. Платонов как участник и организатор Всероссийских Археологических съездов // Науч. тр.

Западно-Сибирского Института Финансов и Права. Нижевартовск.

- Митрофанов В.В., 2010. Некоторые факты об археологических изысканиях С.Ф. Платонова // Научное наследие С.Ф. Платонова в контексте развития отечественной историографии: Мат. Всерос. науч. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения академика С.Ф. Платонова. Нижевартовск.
- Тихонов И.Л., 1991. Из эпистолярного наследия А.А. Спицына (письма к С.Ф. Платонову) // СА. № 2.

А.Н. Наумов, Т.В. Наумова

Государственный музей-заповедник «Куликово поле», Тула

Археологические древности Верхней Оки в исследованиях Ю.Г. Гендуне

Конец XIX и начало XX в. были плодотворным временем для археологии Верхней Оки. Среди выдающихся исследователей верхнеокских древностей, открывших ученому миру интереснейший в археологическом отношении регион, была Ю.Г. Гендуне – одна из первых русских женщин-археологов.

В 1898 г. Ю.Г. Гендуне начала изучение верхнеокских археологических памятников в Лихвинском уезде Калужской губернии (ныне Суворовский р-н Тульской обл.). Были исследованы курганные группы у с. Доброе и д. Западное, проведены раскопки на городищах Дуна, близ г. Лихвина (Лабынская усадьба), у с. Мишнево. Итогом работ 1898 г. стала сводка данных о памятниках археологии в бассейне Оки. Всего Ю.Г. Гендуне были учтены четыре больших курганных могильника, 7 небольших групп, единичные курганы (всего около 91 насыпи). В сводку вошли сведения о пяти городищах. Все указанные памятники были нанесены на подробную топографическую карту (ИИМК РАН. Ф.1. 1898. Д. 54, Л. 4–17, 35–36, 46).

В 1899 г. Ю.Г. Гендуне продолжила исследования на городище Дуна (ИИМК РАН. Ф.1. 1899. Д. 51. Л. 11–24). Итоги двухлетних работ она обобщила в публикации (Гендуне, 1903. С. 1–22. Табл. I–IV).

В начале XX в. Ю.Г. Гендуне продолжила изучение памятников на Верхней Оке. В 1900–1902 гг. в Тарусском уезде Калужской губернии (Алексинский р-н Тульской обл.) велись раскопки Мышегского городища, расположенного на месте с. Погост Городище (левый берег р. Мышеги, левого притока Оки). В 1900 г. Ю.Г. Гендуне изучила небольшие участки сохранившегося культурного слоя по склонам городища (ИИМК РАН. Ф. 1. 1900. Д. 28. Л. 4–4 об., 6–7, 9–18 об.). В 1901–1902 гг. был исследован вал, прослежена его конструкция (ИИМК РАН. Ф.1. 1901. Д. 39. Л. 1–2, 4, 8–10 об., 22; 1902. Д. 27. Л. 18–19, 35а).

В 1903 г. Ю.Г. Гендуне вновь провела раскопки в Лихвинском уезде, на открытом ею Акиншинском городище у с. Доброе, на курганной группе у д. Запад-

ное (ИИМК РАН. Ф. 1. 1903. Д. 15. Л. 35, 47–53, 61–66, 71, 73–74, 82–85, 89).

Результаты исследований Ю.Г. Гендуне на Верхней Оке практически не публиковались. Они сохранились в архиве ИИМК РАН (г. Санкт-Петербург) в виде подробных отчетов в Императорскую Археологическую комиссию за 1898–1903 гг. Известной публикацией Ю.Г. Гендуне стало издание в 1903 г. итогов раскопок 1898–1899 гг. на городище Дуна. В этом же году в сборнике КУАК была напечатана опись предметов, найденных при раскопках Мышегского городища в 1900 г. (Гендуне, 1903. С. 8–13). Результаты исследований Ю.Г. Гендуне в Лихвинском уезде во-

Рис. 1
Юлия Густавовна Гендуне (1863–1909)

шли в первый археолого-историографический обзор и работы по дьяковским городищам известного русского археолога А.А. Спицына (1899. С. 192; 1903. С. 115–125; 1905. С. 92). Уже в наше время итоги работ Ю.Г. Гендуне стали предметом подробного анализа в публикациях по археологии раннего железного века и славянского времени Верхней Оки. Были введены в научный оборот материалы ее коллекций, хранящихся в фондах ГИМ, ГЭ, Калужского краеведческого музея (Никольская, 1959. С. 10, 40, 42, 43, 48, 95–101, 114–117; Изюмова, 1964. С. 151–163; 1970. С. 191; Носов, 1974. С. 3–10).

Шесть лет археологических изысканий Ю.Г. Гендуне на Верхней Оке позволили во многом по-новому взглянуть на древнейшую историю этого региона. Объем проведенных работ в Лихвинском и Тарусском уездах поражает и сопоставим с уровнем хорошей археологической экспедиции нашего времени. Можно только догадываться, сколь много потеряла бы археология России в лице Ю.Г. Гендуне при таких учителях и консультантах, как В.А. Городцов и А.А. Спицын, если бы не ее преждевременная трагическая кончина

4 августа 1909 г. Но и те научные материалы и коллекции, которые остались после разведок и раскопок исследовательницы, сохранили бесценную информацию о древних памятниках Верхней Оки. Многие из этих объектов не сохранились, некоторые только сейчас, в наше время, вновь возвращаются в научный оборот, а некоторые еще по-прежнему ждут этого.

В.А. Городцов, стоявший у истоков разработки методов археологических исследований в России, признавал, что «отличительной и характерной чертой работ Ю.Г. служит их аккуратность и продуманность. Для нее в области археологии, по-видимому, не было мелочей: она все серьезно изучала, стараясь заметить, выяснить и описать каждую черту исследуемого памятника» (Городцов, 1914. С. 203). Т.Н. Никольская выделяла Ю.Г. Гендуне как автора «многих тщательно выполненных... исследований поселений и курганов в бассейне верхней Волги и верхней Оки» (Никольская, 1959. С. 10). Эти слова, как и все вышесказанное, – дань памяти и уважения преданному своему делу человеку и ученому – Юлии Густавовне Гендуне.

Гендуне Ю.Г., 1903. Городище Дуна Лихвинского уезда Калужской губернии. СПб.
Гендуне Ю.Г., 1903. Описание предметов, найденных Ю.Г. Гендуне при раскопке в селе Городищи, Калужской губ. Тарусского уезда в 1900 году // Изв. КУАК. Калуга. Вып. 1902 г.
Городцов В.А., 1914. Юлия Густавовна Гендуне: Некролог // Древности. М. Т. 23. Вып. 2.
Изюмова С.А., 1964. Курганный могильник VIII–IX вв. около д. Западной // СА. № 2.
Изюмова С.А., 1970. Курганы у с. Доброе Тульской области // СА. № 1.

Кашкаров В.М., 1898. Село Городище Тарусского уезда // Изв. КУАК за 1898 г. Вып. 7–8.
Никольская Т.Н., 1959. Культура племен бассейна Верхней Оки в 1 тыс. н. э. // МИА. № 72.
Носов Е.Н., 1974. Лепная керамика городища Дуна // КСИА. № 140.
Спицын А.А., 1899. Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении // ЗРАО. Т. XI.
Спицын А.А., 1903. Городища Дьякова типа // ЗОРСА. Т. V. Вып. 1.
Спицын А.А., 1905. Новые сведения о городищах Дьякова типа // ЗОРСА. Т. VII. Вып. 1.

А.В. Овчинников

Казанский государственный технологический университет, Казань

Археологические исследовательские коллективы Казани во второй половине XX в.: динамика возникновения, развития и взаимодействия

В археологической науке актуальной стала тема изучения научных школ, что связано с так называемым «антропологическим поворотом», характерным для отечественной исторической науки в целом. В Казани во второй половине XX в. функционировали два исследовательских коллектива – под руководством Н.Ф. Калинина (1888–1959), а затем А.Х. Халикова (1929–1994), и А.П. Смирнова (1899–1974), часто атрибутируемые как научные школы. Видимо, следует отметить преждевременность использования этого, идущего от историографической традиции, понятия. На мой взгляд, в настоящее время корректно исполь-

зовать нейтральный термин «археологический исследовательский коллектив» (АИК). Изучать последний, по моему мнению, продуктивно не с позиций внутренней логики развития науки, а как социальный организм, феномен, функционирование которого определялось сложной палитрой социально-политического развития советского, а затем российского, общества.

Первым устойчивым АИК Казани следует признать группу специалистов под руководством московского археолога А.П. Смирнова, осуществлявшего своеобразное кураторство над регионом еще

с 1930-х гг. Алексей Петрович, О.С. Хованская, А.М. Ефимова, З.А. Акчурина разрабатывали болгарскую проблематику. Сложение коллектива можно объяснить, в том числе, и относительной общностью социального происхождения, обусловившей определенные культурные и мировоззренческие ориентиры.

С 1960-х гг. окончательно оформляется противостоящий А.П. Смирнову АИК местных археологов во главе с А.Х. Халиковым. Истоки его появления, видимо, следует видеть в конфликте Н.Ф. Калинина («учителя» А.Х. Халикова) и А.П. Смирнова, который (конфликт) четко маркировал начинающееся обособление провинциальных археологических центров от московских академических учреждений. В этом ракурсе выглядит вполне объяснимым переход А.Х. Халикова от изучения проблем первобытной археологии к болгарской тематике, над которой работал и коллектив А.П. Смирнова. На протяжении 1970–1980-х гг. члены АИК А.П. Смирнова были вытеснены из институ-

ционального поля татарстанской науки, ведущие позиции здесь заняли представители АИК А.Х. Халикова. Произошло это благодаря использованию административного ресурса, а также особенностям менталитета: большинство членов АИК А.Х. Халикова, как и он сам, были выходцами из сельской местности, по терминологии социологов – маргиналами, и во взаимодействии (конкуренции) с АИК А.П. Смирнова главными их преимуществами были характерная для селян сплоченность, крестьянская смекалка и типичная для маргиналов, переживающих переход из одного социального статуса в другой, «взрывная энергия».

Сегодня в археологической науке Казани доминируют представители АИК А.Х. Халикова. Отголоски конкуренции двух АИК проявляются в так называемых «войнах памяти». Представители двух АИК активно формируют «образ Учителя», нередко переходя из жанра «истории как науки» в жанр «истории как памяти».

Н.И. Платонова, М.В. Аникович

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Археология как отрасль исторического источниковедения: теоретические разработки в отечественной и зарубежной науке первой половины XX в.¹

Многие отечественные археологи, интересующиеся проблемами философии и методологии своей науки (в том числе и мы), рассматривают археологию как раздел исторического источниковедения. В наши дни это направление часто связывается с именем Л.С. Клейна. Однако корни его уходят глубже – по крайней мере, в начало XX в. В этой связи кратко рассмотрим взгляды двух выдающихся ученых, каждый из которых органично сочетал в себе историка, философа и археолога. Это А.С. Лаппо-Данилевский (1863–1919) и Р. Дж. Коллингвуд (1889–1943).

Первый скончался в революционном Петрограде, когда научная деятельность второго только начиналась. Р. Дж. Коллингвуду так и остались неизвестны работы его русского предшественника. Тем знаменательнее их идейные переклички. Творчество обоих в зрелый период характеризуют активное неприятие позитивизма как философской опоры исторического познания; резкое разграничение методов естественнонаучного и истори-

ческого познания; убежденность в неразрывном единстве археологии и истории.

В научных биографиях ученых немало общего. Оба начинали свой путь как археологи. Список монографий А.С. Лаппо-Данилевского открывают две археологические работы. В них А.С. Лаппо-Данилевский не только показал себя мастером типологического и сравнительно-исторического анализа, но и подчеркнул необходимость изучения полных контекстов находок *in situ* (что в 1890-х гг. осознавалось далеко не всеми).

В свою очередь, Р. Дж. Коллингвуд прошел подготовку в Оксфорде у известного археолога Ф. Дж. Хаверфилда, а в 1920 г. оказался единственным его учеником, вернувшимся живым с Первой мировой войны. Молодой ученый счел своим долгом «продолжить традиции школы романо-британских исследований» и почти 20 лет занимался раскопками. Его работы «снискали ему репутацию ведущего специалиста в мире по истории Римской Британии».

¹ Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» (руководитель проекта М.В. Аникович).

Творчество обоих ученых пронизывало стремление сделать историческую науку в целом и источниковедение в частности предметом философско-методологического исследования. Оба считали исторический процесс, в сущности, процессом самопознания человеческого духа, а историческое знание – воспроизведением мысли прошлого в контексте мысли настоящего. При этом особое внимание следует обратить на их разработки проблем изучения исторических источников, неотъемлемой частью которых представлялись вещественные (археологические) материалы.

В трактовке А.С. Лаппо-Данилевского, археологическому изучению подвергаются *материальные остатки* прошлого, однако специальная методика анализа позволяет раскрыть за вещественными остатками богатый мир идей. «За материальными знаками предполагается наличие человеческой мысли»; любой источник есть «реализованный (то есть доступный чужому восприятию) продукт человеческой психики». Однако психика творца и исследователя не тождественны, поэтому интерпретация произведения культуры представляет собой лишь попытку «перевода образа мыслей автора на образ мыслей историка». Объектом интерпретации служит источник, а не сам факт. Историческим фактом источник может стать лишь в ходе интерпретации.

Помимо того, А.С. Лаппо-Данилевский классифицировал остатки культуры «по степени *объяснимости* их такими факторами, которые продолжают действовать на глазах историка». Любопытно его замечание, что при изучении вещественных остатков культуры исследователь представляет себе назначение предмета о вещественным в его форме, а «интерпретация условного вещественного образа или символа уже до-

вольно близко подходит к интерпретации символических знаков».

Р. Дж. Коллингвуд высказывает, в сущности, те же идеи, хотя и в несколько иной форме. Для него тоже неприемлемо понимание исторического источника как «готового» факта, требующего только заключения: а) подлинный он или не подлинный; б) «прав» автор текста или «не прав»? На таком понимании источника зиждется, по его словам, лишь донаучная компилятивная «история ножниц и клея». Научная история строится иначе: «научный историк рассматривает утверждения источников не в качестве констатаций исторических фактов, а как основание для своих суждений; они для него не истинные или ложные описания... фактов, не описания вообще... а факты совсем иного рода, которые могут пролить свет на подлинные события истории, если мы зададим им верные вопросы».

Для современного археолога такое понимание кажется совершенно естественным: он просто не способен смотреть на свои источники иначе. И сравнение историка с детективом, детально проведенное Коллингвудом в его работах, в XXI в. не удивляет никого из нас. Не случайно ученый всю жизнь отстаивал право археологических находок считаться полноценными историческими источниками.

Иное дело – исследователь памятников письменности. Ему требуется интеллектуальное усилие просто для того, чтобы осознать саму идею Р. Дж. Коллингвуда. Быть может, поэтому работы, выполненные в лучших традициях «истории ножниц и клея», до сих пор периодически выходят из печати и даже претендуют на научность.

Н.А. Почобут

Гродненский государственный историко-археологический музей, Гродно

Музеефикация памятников археологии в Беларуси: планы и реализация проектов (1945–2007 гг.)

В истории музейного строительства БССР существует опыт музеефикации археологических памятников. Прежде всего это музеефикация Нижней церкви в Гродно, Софийского собора в Полоцке, церкви в Турове, создание археологического музея «Берестье», проекты музеев средневекового города в Минске, Витебске, Заславле, а также музея Красносельских неолитических шахт, строительство выставочного зала «Духовской круглик» в Витебске. Источниками для изучения проблемы являются постановления Совета Министров Белорусской ССР, документы из архива зав. сектором археологии Института исто-

рии АН БССР Л.Д. Побоя (ААНД ГНУ «Институт истории НАН Беларуси». Д. 254) и отчеты археологов о полевых работах, хранящиеся в ААНД ГНУ «Институт истории НАН Беларуси», документы в музейных архивах, в ЦНА НАН Беларуси, в Национальном (Ф. 974. Оп. 2. Д. 1003.) и областных архивах Республики Беларусь.

Гродненский государственный историко-археологический музей (создан в 1945 г.) был первым музеем этого профиля в БССР. При его создании вынашивались планы превращения территории Старого замка XVI–XIX вв. в «подземный музей», включающий

Нижнюю церковь XII в. и западную башню XVII в. После завершения археологических исследований Нижней церкви под руководством зав. сектором Древней Руси ИИМК АН СССР Н.Н. Воронина, в ноябре 1949 г. над храмом был построен и открыт для посетителей павильон, в 1951 г. проведена научная консервация памятника. Следующая попытка создания единого археологического музейного комплекса на территории гродненского детинца была предпринята в начале 1990-х гг. Проект архитектора В. Бочкова предполагал восстановление королевского замка С. Батория и возведение стеклянного павильона, в котором на значительной глубине планировалось экспонировать воссозданную деревянную застройку детинца, церковь и «княжеский терем». Проект не воплотился в жизнь, с изменениями реанимирован в настоящее время. Существующий с 1987 г. Музей истории архитектуры Софийского собора в Полоцке может рассматриваться как архитектурно-археологический музей, поскольку создан на основе археологической музеефикации руин первоначального Полоцкого Софийского собора середины XI в. Экспозиционная площадь – 870 м². Вместе с Полоцким Софийским собором в стиле виленского барокко XVIII в. остатки первоначальной Софии XI–XII вв. составляют единый музейный комплекс.

Начиная с 1960-х гг. в процессе проведения масштабных исследований древнерусских городов сначала археологами, а затем партийными и советскими органами власти, начали подниматься вопросы о возможных путях использования открытых памятников для музейного показа. Первый в Беларуси археологический музей восточнославянского средневекового города «Берестье» открылся в 1982 г. Его основная экспозиция – археологический раскоп с законсервированными строениями ремесленного квартала конца XIII в. Общая экспозиционная площадь музея – 1300 м². Исследования и работы по музеефикации велись под руководством научного сотрудника ИИ АН БССР П.Ф. Лысенко (1989). Белорусским технологическим институтом (проф. В.Е. Вихров) был разработан (1970 г.) и впервые применен новый метод консервации древесины. Открытию музея «Берестье» придавалось большое пропагандистское и политическое значение.

Вопрос о создании музея на территории Минского замчища был поставлен в 1957 г., после того как в результате раскопок научного сотрудника ИИ АН БССР В.Р. Тарасаенко были вскрыты остатки ранее неизвестного каменного храма XI в. и древней застройки. В 1980-е гг. предполагалось создать «Музей древнего Минска», а позднее – «историко-археологический музейный комплекс (ДСМК) «Минское замчище». На протяжении 1984–1990 гг. руководитель Объединения отделов археологии ИИ АН БССР д.и.н. Л.Д. Поболь решительно отстаивал идею археологической музеефикации Минского замчища. Им был предложен план по созданию археологического музея, рассчитанный на 1986–2010 гг. Важными тури-

стическими объектами «Древнего кольца» вокруг Минска должны были стать и музеи архитектурно-археологического заповедника в Заславле. В 1977 г. ставилась задача восстановить древние валы на городище конца X–XI вв. «Замэчак». Теоретически научная реконструкция въездных ворот и навалных сооружений городища была выполнена научным сотрудником ИИ АН БССР Ю.А. Зайцем по итогам его исследований в 1978–79, 1981 гг. (Заяц, 1995).

В 1980 г. Совет Министров БССР принял решение о создании «**археологического музея деревянных построек древнего Витебска**», учитывая большое научное и историческое значение хорошо сохранившихся деревянных сооружений XII–XVII вв., выявленных во время раскопок 1978 г. на территории Верхнего замка под руководством научных сотрудников ИИ АН БССР М.А. Ткачёва и Л.В. Колединского. В 1982 г. был открыт для посетителей временный павильон будущего музея (площадь 240 м²), являвшийся филиалом Витебского областного краеведческого музея. Вторым объектом археологической музеефикации должен был стать оборонительный вал XII в. детинца древнего Витебска (исследован Л.В. Колединским в 1988 г.). Стационарное музейное здание первой очереди археологического музея планировали построить в 1989–1990 гг., второй очереди – в 1990–1992 гг. Подготовленные к музеефикации объекты, невзирая на протесты руководства Института истории АН БССР, были в 1989 г. ликвидированы (Колединский. История...).

В конце 1970-х гг. в республике мог появиться музей «Древние шахты Белоруссии» на месте крупного кремнедобывающего комплекса конца каменного века и эпохи бронзы возле г.п. Красносельский Волковыского р-на Гродненской обл. В 1970 г. старший научный сотрудник Ленинградского отделения Института археологии АН СССР д. и. н. Н.Н. Гурина представила в Министерство культуры БССР «Научное обоснование проведения комплекса работ по созданию музея над неолитическими шахтами у Красного села». Начало работ намечалось на 1972 г., окончание – на 1976 г. Проект не был реализован.

Перемены 1990-х гг., произошедшие после распада СССР, сделали невозможными прежние формы организации раскопок, не нашли практического воплощения многие проекты археологических музеев. Отрицательную роль сыграли безразличие к проблемам музеев, инертность чиновников Министерства культуры БССР. Губительно сказались отсутствие единого руководства и специального фонда, финансирующего работы по консервации археологических комплексов, проектированию и возведению музейных зданий.

К 1000-летию Туровской епархии и 1025-летию древнего Турова было приурочено полное открытие остатков кафедрального собора XII в., известного по исследованиям М.К. Каргера в 1962–1963 гг., и возведение над ним музейного павильона. Раскопки на Замковой горе летом 2005 г. провел д.и.н. П.Ф. Лы-

сенко. Данный туристический объект является отделом Туровского краеведческого музея в г.п. Туров Житковичского р-на Могилевской обл. В июле 2007 г. в Витебске сдан в эксплуатацию выставочный зал «Духовской круглик» городского Центра культуры. Первый этаж занимают остатки каменной «Нарожной» башни и оборонительных стен XIV в. «Духовской круглик» не является научной реконструкцией

башни замка великого князя литовского Ольгерда (Bubienko, 2009). Это стилизация на тему средневековой башни и городская доминанта.

Организация археологических музеев во всем мире требует поддержки общества, государственных органов власти на самом высоком уровне, колоссальных финансовых затрат, которые следует считать инвестициями в науку, образование, туризм каждой страны.

Заяц Ю.А., 1995. Заславль в эпоху феодализма. Минск.

Колединский Л.В. История создания Витебского археологического музея: Собр. док. // ААНД ГНУ «Институт истории НАН Беларуси». № 1046.

Лысенко П.Ф., 1989. Открытие Берестья. Минск.

Bubienko T., 2009. Wieża Olgerda w Witebsku – wyniki badan, restauracja i uzytkowanie // Zamki, grody, ruiny. Ser.: Architektura obronna. T. III: Waloryzacja i ochrona. Warszawa; Biaiostok.

О.В. Рыжкова

Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, Нижний Тагил

Личные архивы исследователей как источник для реконструкции истории изучения археологических микрорайонов

Полевые исследования того или иного археологического микрорайона зачастую растягиваются на десятилетия, и даже столетия. Полученные материалы вводятся в научный оборот не всегда оперативно, что затрудняет целостное восприятие архаического микромира данного района, реконструкцию череды сменяющих друг друга эпох, культурных традиций. Это ограничивает и эффективность дальнейших раскопок, т. к. археолог не владеет детальной информацией о расположении уже вскрытых археологических объектов, вынужден действовать интуитивно.

Возникает необходимость в предварительном изучении истории исследования того археологического микрорайона, где планируются дальнейшие полевые работы. Источниками для подобных исторических реконструкций могут служить не только полевые отчеты, хранящиеся в архивах ИИМК и ИА РАН, научные публикации, но и личные архивы исследователей.

На территории Среднего Зауралья среди многочисленных археологических памятников особое место занимают памятники Горбуновского торфяника, образовавшегося на месте древнего озера, расположенного в окрестностях Нижнего Тагила. Более чем 100-летняя история изучения этого уникального археологического микрорайона уже проанализирована в ряде опубликованных (Рыжкова, 2006; Гаджиева, Рыжкова, 2007 и др.) и ждущих своего издания статей (Рыжкова, Устинова, 2010). Работа автора в Отделе письменных источников ГИМ с фондом Д.Н. Эдинга

(ОПИ ГИМ. Ф. 473) позволила внести дополнения и уточнения по некоторым вопросам.

На Горбуновском торфянике Д.Н. Эдинг в течение 9 полевых сезонов исследовал три памятника: VI Разрез, Береговую I и Стрелку. До сих пор по регулярности и длительности раскопок, размеру вскрытой площади, количеству и качеству находок ему принадлежит пальма первенства. Однако Эдинга нередко и, очевидно, не без оснований критиковали за методику исследований. Не случайно возникали проблемы с утверждением его отчетов, что подтверждает, например, письмо А.В. Шмидта Д.Н. Эдингу от 15 апреля 1933 г.: «Комиссия по раскопкам Гос. Академии Истории Материал. Культуры с удовлетворением отметила тот факт, что Вами приняты во внимание сделанные ею в прошлом году указания, о чем и поручила мне поставить Вас в известность...» (ОПИ ГИМ. Ф. 473. Д. 141. Л. 1).

О том, что не был утвержден отчет за 1933 г., свидетельствует протокол № 3 заседания Сектора полевых исследований от 22 мая 1934 г., в постановляющей части которого значится: «Отчет вернуть Эдингу, с просьбой дать в Академию достаточно подробный и обстоятельный отчет» (НА ИИМК РАН, РА. Ф. 2. Д. 71. Л. 54). В Архиве ИИМК отчет за 1933 г. так и не выявлен, но его копия сохранилась в ОПИ ГИМ, она позволяет понять непростую полевую ситуацию, в которой оказался археолог и которая повлияла на качество его отчета. В ней мы читаем: «Производственный план ГИМ на 1933 г. включал в себя продолжение рас-

копок на площади торфяника. Однако категоричский отказ Кустпром, к которому перешел торфяник, не только выделить рабочих, но и принять на довольствие привлеченных для работ экспедицией, заставил продолжить раскопки 1927–1929 гг. на восточном берегу, приняв на работу неквалифицированных рабочих. ... дождливая и снежная погода, сменившая в конце сентября сухие и морозные дни, заставила прервать работу настолько внезапно, что два участка (№ 153, 154) остались не разобранными до необходимой глубины» (ОПИ ГИМ. Ф. 473. Д. 141. Л. 11).

Результаты исследований на торфянике Эдинг опубликовал в ряде статей, не потерявших источниковедческой актуальности и сейчас. Однако в научной среде его работы воспринимались неоднозначно, о чем свидетельствуют сохранившиеся в ОПИ ГИМ критические отзывы на его рукопись «Резная скульптура Урала», написанные в 1934 г. П.А. Дмитриевым и А.Я. Брюсовым (ОПИ ГИМ. Ф. 473. Д. 32. Л. 1–3). В.И. Равдоникас, упрекая Эдинга в «чисто искусствоведческих построениях», в своем отзыве на работу рекомендует «главный упор сделать на характеристику условий находок, с подробным описанием раскопанных памятников, с точной документацией (планы, чертежи, рисунки), с описанием всех сделанных находок. Особенно подробными должны быть описания предметов искусства» (ОПИ ГИМ. Ф. 473. Д. 33. Л. 5). Эдинг болезненно реагировал на критику, доказательство тому – его ответ на отзыв Равдоникаса: «Стоит или не стоит на высоте советской науки моя работа – основанием для подобного заключения должно быть что-то иное, а не данный отзыв, в котором допускаются приемы... далекие от «достижений» какой бы то ни было науки, а тем более – науки советской» (Там же. Л. 9). После выхода книги (Эдинг, 1940) в свет, тем не менее, на нее были опубликованы две положительные

рецензии: В.В. Гольмстен, а также С.В. Киселева и В.Н. Чернецова.

Намерения подробных публикаций экспедиционного материала у Эдинга были, о чем свидетельствует его рукопись «Береговая Горбуновская стоянка» из 73 листов (ОПИ ГИМ. Ф. 473. Д. 17). На этом памятнике исследователь работал пять сезонов (в 1927, 1929, 1933, 1938 и 1939 гг.), раскопки «охватили площадь вдоль по берегу на 60 м, а вглубь от него – на 30 м, не считая группы участков, увеличивших ширину обследованной площади в южной части стоянки до 50 м». Одной из особенностей стоянки было, по его мнению, «отсутствие не только ям землянок, но и очагов, устройство которых, казалось бы, подсказывается обилием камня... Вместо очагов на раскопанной площади обнаружено около 46 больших и малых пятен обожженной почвы» (Там же. Л. 2). К сожалению, не все задуманное Д.Н. успел осуществить. В автобиографии он пишет: «Обработка для печати экспедиционного материала и других давно начатых работ замедляется неблагоприятными внешними условиями (м.п. жизнью за городом, необходимостью проводить лично всю предварительную обработку экспедиционного материала и пр.) и материальной необеспеченностью, заставляющей отдавать время срочной работе для журналов, БСЭ и т. п.» (ОПИ ГИМ. Ф. 473. Д. 1. Л. 6). Подводило и здоровье, о чем он тоже говорит в автобиографии: «Очевидно, в связи с работой на торфянике и неудовлетворительными жилищными условиями особенно усилили в 1937 г. полиартрит» (Там же).

Таким образом, привлечение материалов из личного архива Д.Н. Эдинга, отложившегося в ОПИ ГИМ, позволило конкретизировать его деятельность по изучению древностей Горбуновского торфяника. Несомненно, следует продолжить анализ материалов и подготовку наиболее интересных к публикации. К сожалению, работа, начатая в этом направлении, оказалась прерванной в связи с переездом ОПИ ГИМ в другое здание.

Гаджиева Е.А., Рыжкова О.В., 2007. Работы Д.Н. Эдинга на Горбуновском торфянике: К 120-летию со дня рождения исследователя // XVII Уральское археологическое совещание: Мат. науч. конф. (Екатеринбург, 19–22 ноября 2007 г.). Екатеринбург; Сургут.

Рыжкова О.В., 2006. Горбуновский торфяник: некоторые итоги и перспективы исследования // Современные проблемы археологии России. Новосибирск. Т. 1.

Рыжкова О.В., Устинова Е.А., 2010. История исследования археологических памятников Горбуновского торфяника. В печати.

Эдинг Д.Н., 1940. Резная скульптура Урала: из истории звериного стиля // Тр. ГИМ. М. Вып. X.

С.Н. Савенко

Пятигорский краеведческий музей, Пятигорск

Вопросы истории создания археологических музеев под открытым небом на Ставрополье и Кавминводах

История отечественного музейного дела, особенно на юге страны, связана с формированием археоло-

гических коллекций и исследованием древних объектов. Наличие руинированных остатков античных па-

мятников с архитектурными элементами, масштабные курганы со сложными погребальными сооружениями, степные каменные изваяния, – все это порожило желание не только исследовать, но и сохранять их. В первой половине XIX в. оформилось стремление к размещению в общественных местах населенных пунктов или частных имениях перенесенных археологических объектов и их фрагментов. Эта своеобразная мода была распространена и в центральных районах Северного Кавказа, в частности, в г. Ставрополе (хутор генерала Емануеля, городской сад и др.). Мы видим в таких фактах предпосылки создания одной из разновидностей археологических музеев под открытым небом с переносом памятников с их исторических мест на специальные экспозиционные площадки.

К ним относится и первый на Северном Кавказе «Пятигорский музей древностей», созданный в 1850 г. по инициативе исследователя Крыма и Северного Кавказа А.С. Фирковича, при поддержке кавказского наместника М.С. Воронцова и местного начальства региона. Примечательно, что «несколько черкесских и татарских каменных монументов, привезенных сюда с Кубани» видел в районе будущего Пятигорска еще в 1793 г. академик П.С. Паллас (1992. С. 12).

При организации Пятигорского музея в середине XIX в. в курортный Цветник, к построенной в античном стиле Елизаветинской галерее, было свезено более десятка уникальных древних каменных объектов (изваяния, кресты и плиты с надписями и изображениями людей и животных) из различных районов. Экспонаты были сначала установлены на площадке вдоль прогулочных дорожек и в «Гроте Лермонтова». В документах сформулированы цели данного мероприятия: «дабы собранием оных (памятников. – С.С.) в одном месте составить род открытого музея». Древние памятники предполагалось сохранить и создать условия, чтобы они послужили для ученых посетителей города. Обе цели были достигнуты. В течение более чем 30 лет существования музея его посетили многие путешественники и ученые, в том числе братья Нарышкины, А.С. и П.С. Уваровы и др. К началу 1880-х гг. памятники были сосредоточены на огороженной площадке и обслуживались парковыми работниками. А.С. Уваров посчитал необходимым перевезти ряд наиболее ценных экспонатов в Исторический музей в Москве и организовал их переправку осенью 1881 г. Они и сейчас находятся в ГИМ. Предметы, оставшиеся в Пятигорске, продолжали находиться в Цветнике, возле курортных и городских объек-

тов или в общественных сооружениях. Единичные из них сохранились в коллекциях Пятигорского краеведческого музея. В советское время неоднократно возникали проекты воссоздания музея. Идея существует и сегодня (Савенко, 2010. С. 54–59).

Попытки создания археологических экспозиций или музеев под открытым небом предпринимались и в других местах Ставрополя и Кавминвод. Еще в 1849 г. А. Фиркович организовал перевозку каменных баб, выставленных до этого в общественном саду курорта Ессентуки (Фиркович, 1859. С. 377). Изваяния с середины XIX в. располагались у здания городской думы, у Торговых рядов и других общественных объектов в г. Ставрополе. Со времени основания Музея Северного Кавказа его создатель Г.Н. Прозрителев стал формировать коллекцию скульптур скифского времени и эпохи средневековья, которая экспонировалась под открытым небом возле его дома на Крепостной горе и у первого здания музея (Беликов, Савенко, 2007. С. 287–270, 274–278). Затем, уже в 1960–1970-е гг., выставка подобных предметов была создана во дворе нынешнего Ставропольского государственного музея-заповедника им Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе. С 1964 г. в Кисловодске у музея «Крепость» существует «лапидарий» из археологических и этнографических каменных экспонатов (Савенко, Лачинов, 2005. С. 114–121). В ходе исследования Краснознаменских курганов раннескифского времени в районе с. Александровского возникла идея музеефикации кургана с каменным святилищем, и районный музей получил название археологического (Достояние... 2004. С. 26, 27). Однако проект не был реализован, и подкурганый комплекс вновь засыпан. С 1992 г. ведется создание археологического музея на базе комплекса «Горное Эхо» под Кисловодском (Аржанцева и др., 2003). Но постоянно действующая музейная структура и здесь пока не создана. Единственным позитивным исключением является археологический и природный музей-заповедник «Татарское городище» в системе Ставропольского музея-заповедника (Годзевич и др., 1999). Пока он функционирует в ограниченном режиме (нет развитой инфраструктуры на городище или возле него).

Таким образом, многие проекты археологических музеев под открытым небом на территории Ставрополя и Кавминвод, насыщенных яркими разновременными памятниками древности и средневековья, остались неосуществленными. Задача музеефикации археологических памятников и объектов здесь является актуальной.

Аржанцева И.А., Савенко С.Н., Сычев А.А., 2003. Кисловодский археологический музей под открытым небом «Горное Эхо»: Основы концепции. Кисловодск.
Беликов Г.А., Савенко С.Н., 2007. Облик старого Ставрополя: Исторические очерки в 2-х кн. Ставрополь. Кн. II.
Годзевич Б.Л., Охонько Н.А., Савельева В.В., Кудрявцев А.А., 1999. Встречи с прошлым и настоящим: Путеводитель по археологическому и природному музею-заповеднику «Татарское городище». Ставрополь.
Достояние: Музеи Ставропольского края / Сост. З.А. Белая. Ставрополь, 2004.

Паллас П.С. 1992. Заметки, сделанные во время путешествия по Кавказу в 1793–1794 годах / Пер. И. Гореславского // Кавказский край. № 5.
Савенко С.Н., 2010. Традиции сохранения древностей в Пятигорске // Достояние поколений: Научно-популярный журнал. № 1 (8).
Савенко С.Н., Лачинов И.А., 2005. Лапидарий Кисловодского музея // Прозрителевские чтения: Сб. мат. науч.-практ. конф. Ставрополь. Вып. I.
Фиркович А., 1857. Археологические разведки на Кавказе // Записки Императорского Археологического Общества. СПб. Т. IX. Вып. 2.

*Д.В. Серых**Самарский государственный университет, Самара*

Система научных коммуникаций Императорского Московского археологического общества

Московское археологическое общество уже при его основании в 1864 г. ставило в качестве одной из основных задач объединение всех любителей отечественных древностей. Решению этой задачи способствовали такие направления в деятельности Общества, как проведение регулярных заседаний, открытых для публики, регулярное издание «Древностей» и публикация отдельных работ, демократичный подход к вопросу о принятии в члены Общества, организация Всероссийских Археологических съездов.

Председатели МАО А.С. Уваров, а затем П.С. Уварова, состояли в постоянной переписке с большинством научных организаций России, а также с отдельными отечественными и иностранными учеными. Таким образом, Московским археологическим обществом была создана наиболее обширная в России система коммуникаций организаций гуманитарного профиля. Ключевым элементом этой системы стали Археологические съезды, на которых были представлены практически все регионы России и весь спектр научных тем, разрабатывавшихся отечественной археологией второй половины XIX – начала XX в. Было инициировано обсуждение вопросов о сохранении археологического и архитектурного наследия, развитии музеев и архивов, специальном археологическом образовании. Были предприняты попытки организации таких научных проектов, как составление археологической карты России и археологического словаря. В тесной связи с деятельностью МАО следует рас-

сматривать историю создания и развития Исторического музея в Москве – крупнейшего фондохранилища и музейного центра России.

Источники по истории Московского археологического общества и системы его научных коммуникаций представлены как опубликованными работами (труды Общества и Археологических съездов, включая опубликованные протоколы заседаний), так и богатыми архивными материалами (фонды МАО в архивах ЦИАМ, ОПИ ГИМ, НА ИИМК, РГАДА, персональные фонды ученых в центральных и региональных архивах).

Автором доклада была предпринята публикация комплексов документов и материалов из фондов МАО, характеризующих его научную и организационную деятельность. Также был подготовлен Путеводитель по всему комплексу изданий Всероссийских Археологических съездов, включающий в себя именную, географический и иные указатели (работа проводилась в рамках гранта Президента РФ МК-5404.2010.6). Это позволило дать количественную и содержательную характеристику системе научных коммуникаций МАО. В докладе сделана попытка выделить этапы формирования и развития системы научных коммуникаций, основные научные и организационные вопросы, находившиеся в центре внимания МАО, а также подчеркнуть интенсивность участия в научных проектах Общества представителей различных учреждений и организаций.

*А.С. Смирнов**Институт археологии РАН, Москва*

Харьков или Ярославль?

(о подготовке VII археологического съезда)

На право проведения VII археологического съезда претендовали Харьков и Ярославль. Жребий пал на Ярославль. В отечественной литературе принята версия, объясняющая этот выбор смертью А.С. Уварова. Но истинные причины выбора этого города для проведения съезда связаны с проблемами внутренней политики и идеологии.

Ярославль среди прочих городов предлагали еще в Одессе, при здравствующем А.С. Уварове. Но предложение не прошло, поскольку в этом городе, «к сожалению, очень мало деятелей, которые могли бы взять на себя организацию съезда».

П.С. Уварова была избрана председателем МАО 30 апреля 1885 г. и в этой должности продолжила

подготовку съезда, который считала возможным провести в Харькове. В мае 1885 г. она писала Д.Я. Самоквасову, приглашая его к работам по подготовке VII съезда: «Сегодня состоялось распорядительное заседание Общества, в котором Забелин избран председателем Предварительного комитета для устройства Харьковского съезда». Д.Я. Самоквасов ответил согласием и сообщил графине о своих личных связях с попечителем Харьковского учебного округа, что могло способствовать успешной подготовке и проведению съезда. Получается, что по крайней мере до середины 1885 г. идея о переносе съезда из Харькова в Ярославль у графини не возникала и это вопрос с коллегами не обсуждался.

Но почему возникла идея созыва съезда в именно Ярославле, а не в каком-либо ином городе центральной России, близ Москвы?

С воцарением Александра III была официально принята доктрина приоритета в империи элиты православной, этнически русской, что провозглашалось основой династии и империи. Отсюда интерес монархии к русским древностям, в которых видели истоки национальной культуры, корни русского народа.

В глазах императора Александра III олицетворением русского прошлого России являлась более всего церковная архитектура. При этом император был сторонником архитектурного стиля «времен московских царей XVII века», образцы коего, по его мнению, представлены именно в Ярославле. Недаром самодержец со всей фамилией не раз посещал Ярославль, в том числе и в июле 1881 г., спустя всего лишь три месяца после вступления на трон. Особые чувства к Ярославлю питал и Николай II, при котором в городе собрался первый областной археологический съезд (1901 г.).

Немаловажно, что VII Археологический съезд должен был пройти в преддверии общероссийского празднования 900-летия крещения Руси (1888 г.). Этому мероприятию, одному из наиболее масштабных и идеологически значимых событий царствования Александра III, придавал особое значение главный идеолог и вдохновитель клерикальной доктрины, обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев. Показательно, что в год съезда архиепископ Ярославский и Ростовский Ионафан был принят в действительные члены МАО.

Представляется обоснованной версия о том, что особое отношение самодержца и высшей бюрократии империи к Ярославлю и его церковной архитектуре не осталось без внимания организаторов съезда, что и отразилось на выборе места его проведения и его тематики. Это обстоятельство не прошло мимо внимания широкой печати, которая отмечала, что на ярославском съезде «среди предметов занятий в его отделениях отведена чуть ли не большая часть “памятникам церковным”».

Можно констатировать, что организаторы съезда восприняли подобные идеологические веяния не ранее второй половины 1885 г., в результате чего определились два претендента на место проведения VII съезда – Харьков, официально утвержденный в этом качестве на VI съезде, и вновь возникший Ярославль.

Окончательное решение о месте проведения съезда принимал министром просвещения И.Д. Деляновым, опасавшийся проводить еще один съезд на Украине после эксцессов на национальной почве, имевших место в Киеве и Одессе. К тому же на Одесском съезде, помимо украинофильских рефератов Д.И. Багалея, Д.И. Эварницкого, большое внимание вызвали доклады на отделении юридических древностей, в которых много внимания уделялась истории имущественных отношений.

«Одесский листок» так охарактеризовал впечатления о прошедшем форуме археологов: «Существенное и отрадное отличие нашего съезда от пяти предшествовавших заключается в том, что на этом съезде были выдвинуты на сцену такие вопросы, о которых на предыдущих съездах или совсем не упоминалось, или упоминалось только вскользь. Достаточно упомянуть о рефератах Ковалевского, Багалея, Эварницкого, Кулишера и многих других, трактовавших по преимуществу о социальном быте наших предков, существовавших у них земельных отношениях, общинном устройстве и т. п., чтобы понять, в чем заключается главная заслуга настоящего съезда, в чем выразилось то отрадное направление его работы».

Внимание на съезде к социальным вопросам не могло понравиться руководству МНП, которое изъяло отделение юридических древностей из программ последующих съездов. Да и дискуссии по древностям Малороссии и казачества не всегда соответствовали положениям государственной национальной политики.

Опасаясь дискуссий по национальному вопросу, министр просвещения высказался в пользу Ярославля, расположенного в центре России. Археолог А.В. Селиванов писал профессору харьковского университета Н.Ф. Сумцову: «Сообщаю Вам неофициальную, но действительную причину. Министерство очень недовольно одесским съездом за нехорошее поведение хохломанов (в том числе Эварницкого) и за доклады юридической секции. Делянов боится, чтобы это не повторилось в Харькове и потому выбрал Ярославль».

Археологические съезды на юге России возобновились только в 1899 г. Но в 1911 г. они были вновь перенесены в центр России из-за не прекращавшихся трений по национальному вопросу. Как писали газеты, «ввиду бойкота со стороны украинофилов, съезды надолго отодвигаются в Великороссию, в район ученых сил Петербурга и Москвы».

В.Ф. Старков*Институт археологии РАН, Москва*

Музейный комплекс на архипелаге Шпицберген

Архипелаг Шпицберген – удаленная островная территория в морях Северного Ледовитого океана – располагает в настоящее время комплексом музейных объектов, связанных с историей его открытия и первоначального освоения, большинство из которых расположено в российском поселке Баренцбург. Основной вклад в его создание внесла Шпицбергенская экспедиция ИА РАН, которая работает там начиная с 1978 г.

Центром этого комплекса является музей «Помор», фонды которого составляют более 15000 единиц хранения, полученных по преимуществу в результате археологических раскопок. В состав музея входят семь отделов: природы, геологии, истории поморской деятельности, научных экспедиций на Шпицбергене в XVI–XVIII вв., истории поселка Баренцбург, изобразительного искусства.

Наибольшая площадь отведена отделу, связанному с русскими поморами, т. е. проблемой открытия архипелага и его первоначального освоения. Все материалы получены в результате археологических раскопок. Их уникальность определяется целым рядом обстоятельств. Во-первых, это единственные известные в настоящее время предметы Русского Поморья XVI–XVII вв.; во-вторых, они составляют полный комплекс изделий быта и хозяйственной деятельности поморов; в-третьих, многие из этих находок являются уникальными культурно-историческими предметами (резные кресты и иконы, тексты и надписи, календари, алфавит XVI в., вырезанный на трехгранной планке). Не меньший интерес представляют предметы быта и промыслов.

Самостоятельный раздел экспозиции составляют материалы, связанные с научным изучением архипе-

лага. Он открывается демонстрацией материалов экспедиции В. Баренца 1596 г. Все представленные экспонаты являются подлинными предметами, обнаруженными при раскопках места зимовки В. Баренца на Новой Земле.

Интересна экспозиция, посвященная экспедиции В.Я. Чичагова 1764–1765 гг. Это была первая русская экспедиция, которая отправилась в сторону северного полюса с целью поиска пути в Тихий океан. В 1979 г. экспедиция ИА РАН произвела раскопки ее «зимовочного лагеря».

В этом же зале демонстрируются материалы других российских и зарубежных экспедиций, в том числе адмирала С.О. Макарова и В.А. Русанова.

Отдельный зал музея занимает экспозиция, посвященная истории поселка Баренцбург.

Филиалы музея: 1) Музей поморского быта в п. Баренцбург. Он включает в себя реконструированный дом поморов XVI в. и большой приметный крест. Здесь же будет выставлен макет поморского судна; 2) Музей Ивана Старостина, легендарного помора, который занимался промыслом на Шпицбергене с 1780 и умер там в 1826 г. В состав комплекса входят раскопанные остатки жилища и небольшая экспозиция в современной постройке. Готовятся материалы к воссозданию «Дома Старостина»; 3) Музей В.А. Русанова – выдающегося русского исследователя Арктики, который в 1912 г. занимался на Шпицбергене поиском каменноугольных месторождений. Дом, где помещается экспозиция, построен в 1913 г. Р.Л. Самойловичем, участником экспедиции В.А. Русанова, впоследствии известным полярным исследователем.

И.Л. Тихонов*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург*

Частные археологические коллекции в Санкт-Петербурге конца XIX – начала XX в.

С XVIII в. в России начинает распространяться общеевропейская традиция коллекционирования древних предметов, преимущественно произведений античного искусства. Начало этой традиции было положено еще приобретениями за границей Петра I,

в частности, статуи Венеры. Сформированная из раскопок «бугровщиков» Сибирская коллекция Петра I стала первым археологическим собранием в России. По примеру монархов частные коллекции появляются у многих русских аристократов: Демидовых, Стро-

гановых, Шуваловых, Юсуповых и др. Непременной частью почти любого крупного художественного собрания этого времени являлись произведения античного искусства, приобретенные чаще всего в Италии или на европейском художественном рынке. В XIX в., с началом археологических раскопок на юге, а позднее и в других местах России, в частные коллекции попадают вещи из этих раскопок. По существовавшему до 1917 г. законодательству, восходившему еще к «Жалованной грамоте дворянству», все собственники земли, на которой находились археологические памятники, могли распоряжаться ими по своему усмотрению. Все неоднократно предпринимаемые с 1830-х гг. попытки правительства препятствовать кладонискательству и наладить контроль над археологическими памятниками относились только к государственным, церковным, ведомственным и общинным землям, не касаясь вопроса о частных землях. Соответственно, уже к середине XIX в. в России сложился абсолютно легальный рынок «археологического антиквариата», игравший существенную роль в пополнении частных коллекций.

Необходимо заметить, что с середины XIX в. происходят очень важные изменения в сфере частного коллекционирования археологических предметов. Прежде всего, меняется и значительно расширяется состав коллекционеров: кроме родовитого дворянства к данному процессу присоединяются купцы, промышленники, офицеры, учителя, чиновники, служители церкви, представители различных кругов интеллигенции. Частное коллекционирование перестает быть привилегией столичных городов и все больше захватывает провинцию. Значительно расширяется исторический и географический диапазон собираемых материалов. К античным древностям, приобретенным в Италии, добавляются греческие, египетские, византийские вещи. Крупные коллекции собрали, находясь на дипломатической службе в Греции, российские дипломаты А.Д. Блудов, А.И. Нелидов, П.А. Сабуров.

Тем не менее, русские коллекционеры начинают оказывать все большее предпочтение древностям, найденным на территории России. Универсальные художественные коллекции аристократов, имеющие в своем составе «антики» и монеты Древнего мира, столь характерные для XVIII и первой половины XIX в., сменяются специализированными собраниями, посвященными какой-либо одной, иногда очень узкой, теме. Дилетантизму начинает противостоять целеустремленное коллекционирование, опирающееся на серьезные и глубокие знания коллекционера в избранной им области. Наиболее ярким примером такого научного собрания являлась египетская коллекция В.С. Голенищева, который сам был высокопрофессиональным египтологом, причем имеющим специальное образование. Количество частных археологических коллекций заметно возрастает к концу XIX в., и они охватывают практически все разделы ар-

хеологии – от каменного века (коллекция Н.К. Рериха) до позднего русского средневековья (коллекция М.П. Боткина). В это время наряду с высокохудожественными произведениями искусства в коллекциях появляется массовый археологический материал, имеющий скорее научное значение, чем художественное, например фрагменты керамики, амфорные клейма, наконечники стрел и копий (коллекции А.А. Бобринского, А.А. Пальникова, Н.Ф. Романченко). Исторической ценности коллекционных материалов нередко отдавалось предпочтение перед художественной. В качестве примера здесь можно назвать небольшую коллекцию римских свинцовых печатей – тессер, собранную М.И. Ростовцевым. Многие частные коллекции становятся доступными для широкой публики, передаются собственниками в музеи, государственные и общественные собрания, т. к. начинают рассматриваться как общенародное достояние.

Частные археологические коллекции Санкт-Петербурга конца XIX – начала XX в. сыграли очень важную роль в формировании музейного фонда, т.к. большая их часть в итоге перешла в государственные музейные собрания, прежде всего в Эрмитаж. В ту эпоху частное коллекционирование археологических предметов, безусловно, играло положительную роль, сохраняя для науки многие уникальные артефакты. Большинство коллекционеров стремились сделать свои собрания общедоступными, ввести их в научный оборот, а нередко и передать в общенациональные хранилища безвозмездно или с меньшей выгодой по сравнению с продажей за границу. Также нельзя не учитывать, что в то время археология изучала преимущественно сами вещи, мало уделяя внимания условиям их нахождения. Соответственно, не было принципиальной разницы, откуда происходил тот или иной предмет, из частной коллекции или непосредственно из раскопок ученых.

Революция 1917 г., отменившая частную собственность и национализировавшая все земли, фактически покончила с частным коллекционированием в области археологии. В отсутствие спроса не было и предложения. Ситуация резко изменилась с 1990-х гг., когда подпольный антикварный рынок начал наполняться вещами из грабительских раскопок. В настоящее время частное коллекционирование археологических предметов вступает в противоречие с Федеральным законом от 25 июня 2002 г. 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» и «Европейской конвенцией об охране археологического наследия», принятой в 1992 г. Коллекционирование археологических предметов в современных условиях напрямую способствует разграблению археологического наследия, т. к. создает потребительский спрос на вещи, добытые путем нелегальных раскопок, и, соответственно, ничего, кроме вреда, принести археологии не может.

*И.Л. Тихонов**Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург*

Общественные функции современной археологии

В течение всего XX столетия в нашей стране археология развивалась исключительно в качестве научной академической дисциплины, достигнув на этом пути значительных успехов. При этом из поля зрения профессионального археологического сообщества практически выпала важная общественная функция археологии, направленная на пропаганду и сохранение богатейшего археологического наследия России, использование его в культурно-воспитательной работе и процессе просвещения широких слоев общества, и прежде всего молодежи, с целью формирования здорового патриотизма и уважения к своей и чужим национальным культурам. Причем в последние два десятилетия ситуация ухудшилась по сравнению с советскими временами, когда в научных институтах существовали публичные лектории, издавалась научно-популярная литература, снимались научно-популярные кинофильмы и телепередачи, рассчитанные на массовую аудиторию. В наше время коммерциализации, вытесняющей истинные духовные и культурные ценности, эта социальная ниша оказалась отданной на откуп и занятой кем угодно, только не археологами. Чтобы убедиться в этом, достаточно зайти в любой книжный магазин, например сети «Буквоед» в Санкт-Петербурге, полки которого будут заполнены всевозможными около-, а нередко и антинаучными «трудами» в глянцевых обложках с завлекательными названиями типа «Тайны археологии», «Загадки древних кладов», «Зачарованные клады» и т. п. Все они написаны, как правило, авторами, весьма далекими от археологии. Чего стоит хотя бы переведенная с английского книжка эдакого «Фоменко» от археологии Брэда Стайгера «Археологические открытия, изменившие историю». В аннотации на обложке утверждается, что автор – всемирно известный археолог, но с точки зрения археологии содержание книги может быть оценено разве что по созвучию с именем автора, если заменить «э» на «е». Особенно неважно, на наш взгляд, обстоят дела с качественной научно-популярной литературой, рассказывающей об истории археологии широким кругам читателей. Что появилось у нас в этом жанре после великолепной книги А.С. Амальрика и А.Л. Монгайта «В поисках исчезнувших цивилизаций», изданной полвека назад?

В общественном сознании при помощи многих средств массовой информации, особенно желтоватого окраса, формируется образ археологов как неких патентованных золотоискателей. Судя по всему, основная масса населения вообще не понимает разницы между деятельностью настоящих археологов и «черных копателей». Подобная ситуация явно не

способствует сохранности памятников археологии. В то же время, археология является той областью знания, которая интересует самые широкие круги общественности, а в отсутствие возможностей для нормального удовлетворения этого интереса создается благоприятная почва для деятельности всевозможных клубов и объединений кладоискателей, нередко маскирующихся под археологов или, наоборот, пытающихся их всячески дискредитировать.

Профессия археолога в России в настоящее время предусматривает только одну сферу деятельности – научную, а между тем, необходимо большое количество квалифицированных специалистов-археологов для полевой работы на новостройках, для работы в государственных и общественных структурах охраны памятников различного уровня, для работы в музеях, образовательных центрах и т. д. Общество обоснованно хочет получать от археологов видимые и понятные ему результаты деятельности, которыми могут и должны быть научно-популярные книги, брошюры и буклеты; музейные экспозиции и выставки; телевизионные программы, музеефицированные памятники, превращенные в объекты историко-культурного туризма. В большинстве же случаев наше археологическое сообщество нацелено на создание сугубо научной продукции, такой как отчеты, монографии и статьи, ориентированные на специалистов. На работу иного плана вряд ли удастся получить грант, так же как и премии за популярные книги или лекции. Конечно, можно назвать и примеры отхода от такого стереотипа: в Государственном Эрмитаже уже несколько лет осуществляется программа «Прошлое на кончиках пальцев», разработанная сотрудниками отдела археологии и ориентированная на слепых или слабовидящих детей. Подобные примеры реализации археологами разнообразных образовательных и социальных задач есть и в регионах, и их немало, но в целом нельзя не признать, что вся существующая система не стимулирует археологов заниматься подобного рода работой. Совершенно недостаточно используется мощный образовательный и просветительский потенциал археологии. Здесь явно есть чему поучиться у наших европейских соседей, особенно в скандинавских странах. Рискну предположить, что многие из обозначенных проблем, так же как широко распространявшиеся грабительские раскопки, а соответственно, и проблема сохранения богатейшего и уникального археологического наследия России, проистекают из отсутствия четко сформулированной и обозначенной государственной политики в области археологии. Разработка ее должна лечь на плечи археоло-

гического сообщества. Всячески сохраняя и развивая научную составляющую археологии, которая является ее краеугольным камнем и стержнем, необходимо заняться и развитием общественной функции археологии, обращенной к широкому массам населения нашей страны. На наш взгляд, такие возможности предоставляются с переходом на двухуровневую систему

подготовки кадров с высшим образованием. Так, квалифицированных специалистов, которые смогут работать в самых различных сферах, будет готовить бакалавриат, а будущих научных сотрудников – менее многочисленная магистратура. Во всяком случае, в большинстве европейских стран именно так и обстоит дело.

С.С. Тихонов

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, Омск

Об изучении истории отечественной археологии

Вероятно, не будет большой ошибкой предположить, что история отечественной археологии разработана неполно. Безусловно, по этой проблематике труды имеются, причем высокого качества. Как примеры приведу работы А.П. Деревянко об А.П. Окладникове, В.И. Молодина о раскопках на Укоке, Г.С. Лебедева об истории археологии в XVIII–XIX вв., Н.И. Платоновой по истории археологической мысли. Интересны исследования А.Д. Прякина, В.Ф. Геннинга о становлении советской археологии, А.В. Жука о В.А. Городцове. Известны публикации Д.Л. Бродянского об истории археологии Дальнего Востока, А.А. Формозова – по многим аспектам отечественной археологии. Примеры можно множить, назвав В.И. Матющенко, подготовившего историю сибирской археологии, ученых Алтайского государственного университета, организовавших исследования, посвященные деятельности С.И. Руденко. Известны труды И.Л. Тихонова, Л.С. Клейна по истории археологии. Можно привести фамилии и других ученых, например Л.Ю. Китовой, Г.Ю. Белокобыльского, работающих (или работавших) в этой области. Можно вспомнить некоторые археологические сайты, где есть сведения по истории археологии, некоторые данные откладываются в социальных сетях. Но...

На фоне исследований в других сферах археологии, таких как палеолитоведение, керамология, технология археологических производств и многих прочих, ее история выглядит падчерицей или же, в лучшем случае, мозаикой, далекой от завершения. Причин назвать можно несколько. В первую очередь это небольшое число отечественных археологов, не сопоставимое с гигантским полем деятельности. Иными словами, соотношение *число археологов / объем необходимых полевых работ* далеко не идеально. Работа в области историографии археологии требует недюжинной эрудиции, великолепного знания материалов, в том числе и архивных, литературы, умения кропотливо отбирать сведения. Вероятно, сочетание таких качеств – явление достаточно редкое. Не лишне напомнить, что большинство археологических иссле-

дований направлено на изучение культур, памятников, категорий вещей и т. д., причем многие территории России не изучены даже предварительно, и археологи, начавшие там работать, получают новые, уникальные материалы. Но главная причина слабости историографического освещения археологии, вероятно, в том, что нет постоянной и систематической работы по этой проблеме, поскольку историографией археологии занимаются, если сравнить число историографов с численностью археологов, единицы. Вероятно, следует подумывать и об объединении и координации усилий археологов в сфере историографии. Подобранный опыт имеется; он накоплен при подготовке изданий «Очерки по истории СССР», «Всемирная история», «История Сибири», «История крестьянства в СССР», где первые тома написаны археологами, ну и, конечно, многотомной «Археологии СССР». Поскольку мультимедиа-технологии интенсивно развиваются, можно создать специализированный раздел сайта (как вариант – целый сайт), электронный журнал, зарегистрированный как средство массовой информации, или же, при наличии финансирования, бумажный журнал.

Как могла бы выглядеть история русской/советской/российской археологии? Полагаю, во-первых, что она должна быть многоуровневой. Основой могут стать труды справочно-библиографического характера:

- 1) история изучения отдельных памятников или их совокупности на небольшой территории (район Костёнок, курганы Гнёздово, микрорайон Барсова Гора);
- 2) история исследования археологических культур, а также их локальных вариантов, или же историко-культурных общностей;
- 3) работы, посвященные истории изучения территорий (Подонья, низовий Тары, Горного Алтая, Минусинской котловины и т. п.);
- 4) обобщающие работы по анализу культурно-хронологических феноменов (скифо-сибирского мира, древнерусских памятников, кулайского литья и др.).

Эти труды должны быть дополнены списками основных работ по теме, словарями, справочниками и альбомами иллюстраций.

Во-вторых, необходимы материалы биографического и автобиографического характера. К сожалению, работы, выполненные в этом жанре, немногочисленны. Имеются монографические исследования о становлении и деятельности некоторых известных ученых: В.А. Городцова, А.П. Окладникова, О.Н. Бадера, В.Ф. Геннинга и др. Несколько больше выпускают сборников научных работ или отдельных публикаций (серии публикаций), посвященных отдельным ученым. Имеются и работы мемориального плана.

Если биографии и деятельность ушедших ученых археологи время от времени изучают, то автобиографический жанр среди них не в моде. Может быть, дело в личной скромности исследователей? Но вспомним, что богатейший пласт мемуарной литературы времен Екатерины II, Наполеоновских войн, Второй мировой войны является великолепным источником. Память археологов хранит множество сюжетов и событий, пока не

нашедших отражения в литературе. А то, что опубликовано, например книга воспоминаний Л.С. Клейна, воспринимается неоднозначно или заставляет по-иному взглянуть на жизнь археологического мира.

Вот на этой основе – трудах справочно-библиографического и материалах биографического и автобиографического характера – можно строить историографические работы любой тематики, включая описание этапов становления археологии, ее места в процессе развития гуманитарных наук, анализ точек бифуркации и массу других аспектов.

Полагаю, что история отечественной археологии должна включать в себя:

- историю изучения археологических памятников и культур/ культурно-исторических общностей;
- историю исследования крупных регионов;
- общую историю отечественной археологии.

Естественно, что процесс развития археологии надо сопоставлять и показывать на фоне политических, экономических, социальных процессов в нашей стране и в мире.

И.В. Тункина

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Санкт-Петербург

История отечественной археологической науки на современном этапе: антропологический поворот¹

Важной чертой становления самосознания отечественной археологии новейшего времени стало внимание к своему прошлому, историческая саморефлексия, осуществляемая силами как историков, так и археологов. Несколько десятилетий, с 1960-х гг., это направление исследований развивалось на основе опубликованной литературы исключительно трудами А.А. Формозова. С эпохи «перестройки» история археологии превратилась в самостоятельную субдисциплину археологии – так называемую *рефлексирующую археологию*, главной источниковой базой которой стала не только и не столько предшествующая историография, сколько архивные материалы по истории науки. В последние годы резко возрос интерес к истории различных разделов археологии и к ее выдающимся представителям XIX – начала XX в.

Предприняты пока немногочисленные попытки реконструкции институциональной истории науки: изданы коллективная монография по истории центрального государственного органа дореволюционной

России в области археологии – Императорской Археологической комиссии (Императорская Археологическая Комиссия... 2009), исследование по истории единственного гуманитарного учреждения той эпохи за рубежом – Русского археологического института в Константинополе (Басаргина, 1999), появились обзоры истории отечественной археологии и археологической мысли в национальном масштабе (Лебедев, 1992; Клейн, 1993; Платонова, 2010) и исследования истории ее направлений (Тункина, 2002; Васильев, 2008), отдельных дискуссий (Клейн, 2009), научных школ (Мельникова, 2003а; 2003б; 2006), традиций преподавания (Тихонов, 2003), музейного дела (Турьинская, 2001), церковно-археологического движения (Мусин, 2006) и реставрации (Кызласова, 1999; Вздорнов, 2006). Значительное число работ посвящено истории изучения конкретных регионов России, главным образом Сибири и Дальнего Востока (Мартынов, 1983; Белокобыльский, 1986; Ковешникова, 1992; Матюшенко, 1992; 1995а; 1995б; 2001; Марса-

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ (проект 09-06-00103), программ фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» и Отделения историко-филологических наук РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей».

долов, 1996; Борисенко, Худяков, 2005; Китова, 2007), но региональная историография других областей представлена единичными исследованиями (Щавелёв, 1997; 2002). Часть работ освещает историю изучения конкретных типов памятников (Дэвлет, 1996; Медведенко, 2006), отдельных античных и средневековых городов (Бойко, 2002; Романчук, 2008; Зубарь, 2009), охватывая, как правило, несколько десятилетий или даже столетий.

Систематизируются и вводятся в научный оборот материалы архивов, в том числе каталоги полевых отчетов (Научно-отраслевой архив... 2009; 2010), предпринята попытка наукометрического анализа динамики и территориального охвата полевых археологических исследований в СССР и РФ во второй половине XX в. (Сорокина, 2008). Издаются посвященные археологам прошлого биографические очерки (Константинов, 1992; 1997; Щавелёв, 1998; Кузьминых, Старостин, Хузин, 1999; Конопацкий, 2001; 2009; Лазаревич, Молодин, Лабетский, 2002; Бердинских, 2003; Фролов, 2003; Сагалаев, Крюков, 2004; Дэвлет, 2004; Жук, 2005; Файбисович, 2006; Кызласова, 2006; Кузьминых, Сафонов, Сташенков, 2007; Дервянко, Закстельский, 2008), библиографии и сборники документов. Водится в научный оборот неизданное творческое наследие – научные труды (Дюбрюкс, 2010), полевые дневники (Козлов, 2003; Адрианов, 2008), мемуары (Забелин, 2001; Уварова, 2005) и богатейшая переписка (Скифский роман, 1997; Парфянский выстрел, 2003; Археология... 2007). Отрадно отметить, что во многих работах портреты археологов прошлого подкреплены анализом их научного творчества, не только подчеркивающим историографическую значимость трудов, но и представляющим перспективу намеченных ими путей исследования в актуальном контексте современной российской науки. Появились издания экспедиционного фольклора и воспоминаний участников ряда экспедиций, являющиеся ценным источником для изучения археологической суб-

культуры новейшего времени. Таким образом, в последние годы в центр историко-научных исследований вернулся сам творец науки – конкретный ученый.

Ряд авторов пытается обогатить историю археологии достижениями многочисленных смежных дисциплин, в частности науковедения, социологии и социальной психологии, помогающих уяснить характер и механизмы влияния различных внешних и внутренних факторов на эволюцию научного знания. Один из таких новых методов – *историко-антропологический подход* – исследует «жизненный мир» деятелей различных областей знания, менталитет ученых и социальные практики, поддерживающие определенное мировоззрение, разнообразные формы быта и научной жизни, изучает феномен «незримых колледжей» и научных школ. Предмет историко-антропологического направления в истории науки – изучение науки как совокупности форм повседневной жизни людей, именующих себя учеными (Александров, 1994. С. 3–22). Следствие такого подхода – отказ от позиции разоблачения науки прошлого и безоглядной критики явлений, происходивших как в дореволюционной, так и в советской археологии 1920–1990-х гг. Очевидно, что научные практики (и полевые, и кабинетные) совершенствуются постоянно. Антропологический подход сознательно критиковался советской историографией как неприемлемый для марксизма, но сегодня он отвечает новейшим стандартам истории науки. Именно он вызвал к жизни целую серию биографических книг и справочников об историках различных специальностей и археологах.

На мой взгляд, саморефлексия историко-филологических дисциплин сегодня переживает *антропологический поворот*. Формирующаяся на наших глазах рефлексующая археология, рассматриваемая специалистами как одно из проявлений самопознания и самоосознания науки, возможно, в ближайшем будущем станет существенной составляющей археологии в целом.

Адрианов А.В., 2008. Дневник археологических исследований 1915–1916 гг. в Урянхайском крае (Тува). Томск.
 Александров Д.А., 1994. Историческая антропология науки в России // Вопросы истории естествознания и техники. М. № 4.
 Археология, история и архивное дело в переписке Д.Я. Самоковасова (1843–1911). Курск, 2007.
 Басаргина Е.Ю., 1999. Русский археологический институт в Константинополе: Очерки истории. СПб.
 Белокобыльский Ю.Г., 1986. Бронзовый и ранний железный век Южной Сибири: История идей и исследований, XVIII – первая треть XX в. Новосибирск.
 Бердинских В.А., 2003. Уездные историки: Русская провинциальная историография. М.
 Бойко А.Л., 2002. В поисках древнего Танаиса: Из истории изучения Недвиговского городища в дореволюционный период. РнД.
 Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., 2005. Изучение древностей Южной Сибири немецкими учеными XVIII–XIX вв. Новосибирск.
 Васильев С.А., 2008. Древнейшее прошлое человечества: Поиск российских ученых. СПб.
 Вздорнов Г.И., 2006. Реставрация и наука: Очерки по истории открытия и изучения древнерусской живописи. М.

Дервянко Е.И., Закстельский А.Б., 2008. Тропой далеких тысячелетий: Страницы жизни археолога и путешественника. Новосибирск.
 Дэвлет М.А., 1996. Петроглифы Енисея: История изучения (XVIII – начало XX вв.). М.
 Дэвлет М.А., 2004. Александр Васильевич Андрианов (к 150-летию со дня рождения). Кемерово.
 Дюбрюкс П., 2010. Собрание сочинений: В 2-х тт. СПб.
 Жук А.В., 2005. Василий Алексеевич Гордцов в рязанский период его жизни, службы и научной деятельности. Омск.
 Забелин И.Е., 2001. Дневники. Записные книжки. Мемуары. М.
 Зубарь В.М., 2009. Летопись археологических исследований Херсонеса–Херсона и его округа (1914–2005 гг.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь. Suppl. Вып. 6.
 Императорская Археологическая комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. СПб, 2009.
 Китова Л.Ю., 2007. История сибирской археологии (1920–1930-е годы): Изучение памятников эпохи металла. Новосибирск.
 Клейн Л.С., 1993. Феномен советской археологии. СПб.
 Клейн Л.С., 2009. Спор о варягах: История противостояния и аргументы сторон. СПб.

- Ковешникова Е.А., 1992. Историография археологии Сибири и Дальнего Востока в конце XIX – начале XX веков. Красноярск.
- Козлов П.К., 2003. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции, 1923–1926 // Научное наследие. СПб. Т. 30.
- Кондаков Н.П., 2002. Воспоминания и думы. М.
- Копоцкий А.К., 2001. Прошлое великий следопыт. Академик А.П. Окладников: Страницы биографии. Новосибирск. Кн. 1.
- Копоцкий А.К., 2009. Прошлое великий следопыт. Академик А.П. Окладников: Страницы биографии. Новосибирск; М. Кн. 2.
- Константинов М.В., 1992. Исследователи древнего Забайкалья. Чита.
- Константинов М.В., 1997. Оракулы веков: Этюды об исследователях Сибири. Чита.
- Кузьминых С.В., Сафонов И.Е., Сташенков Д.А., 2007. Вера Владимировна Гольмстен: Материалы к биографии. Самара.
- Кузьминых С.В., Старостин П.Н., Хузин Ф.Ш., 1999. Альфред Хасанович Халиков: Очерк жизни и научной деятельности. Казань.
- Кызласова И.Л., 1999. Очерки истории изучения византийского и древнерусского искусства (по материалам архивов). М.
- Кызласова И.Л., 2006. Николай Петрович Сычев (1883–1964). М.
- Лазаревич О.В., Молодин В.И., Лабецкий П.П., 2002. Н.К. Рерих – археолог. Новосибирск.
- Лебедев Г.С., 1992. История отечественной археологии, 1700–1917. СПб.
- Марсадалов Л.С., 1996. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV веков до н. э. (от истоков до начала 80-х годов XX в.). СПб.
- Мартынов А.И., 1983. Историография археологии Сибири. Кемерово.
- Матюшенко В.И., 1992. История археологических исследований Сибири (до конца 1930-х годов). Омск.
- Матюшенко В.И., 1995а. Археология Сибири 1960 – начала 1990-х гг.: Процессы развития. Омск.
- Матюшенко В.И., 1995б. Археология Сибири 1960 – начала 1990-х гг.: Проблематика. Омск.
- Матюшенко В.И., 2001. Триста лет истории сибирской археологии. Омск. Т. 1.
- Матюшенко В.И., 2003. Триста лет истории сибирской археологии. Омск. Т. 2.
- Медведенко Н.А., 2006. История и археология Хазарского каганата в исследовании М.И. Артамонова. Воронеж.
- Мельникова О.М., 2003а. Пермская научная школа О.Н. Бадера (1946–1955 гг.) // Материалы и исследования Камско-Вятской экспедиции. Ижевск. Т. 7.
- Мельникова О.М., 2003б. Свердловская научная археологическая школа В.Ф. Геннинга (1960–1974 гг.) // Материалы и исследования Камско-Вятской экспедиции. Ижевск. Т. 9.
- Мельникова О.М., 2006. Научная археологическая школа Р.Д. Голдиной в Удмуртском университете // Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Ижевск. Т. 15.
- Мусин А.Е., 2006. Вопиющие камни: Русская церковь и культурное наследие России на рубеже тысячелетий. СПб.
- Научно-отраслевой архив Института археологии РАН: Отчеты о полевых исследованиях: Каталог. 1945–1954. М., 2009.
- Научно-отраслевой архив Института археологии РАН: Отчеты о полевых исследованиях: Каталог. 1955–1959. М., 2010.
- Парфянский выстрел. М., 2003.
- Платонова Н.И., 2010. История археологической мысли в России: Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб.
- Романчук А.И., 2008. Исследования Херсонеса–Херсона: Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Тюмень. Т. 1: Античный полис; Т. 2: Византийский город.
- Сагалаев А.М., Крюков В.М., 2004. Потанин, последний энциклопедист Сибири: Опыт осмысления личности. Томск. Скифский роман. М., 1997.
- Сорокина И.А., 2008. Полевые археологические исследования в России в 1946–2006 гг. (по архивным материалам и публикациям). Тула.
- Тихонов И.Л., 2003. Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические очерки. СПб.
- Тункина И.В., 2002. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб.
- Турьинская Х.М., 2001. Музейное дело в России в 1907–1936 годы. М.
- Уварова П.С., 2005. Былое: Давно прошедшие счастливые дни // Тр. ГИМ. Вып. 144.
- Файбисович В.М., 2006. Алексей Николаевич Оленин: Опыт научной биографии. СПб.
- Фролов А.И., 2003. Алексей и Прасковья Уваровы – хранители московской старины. М.
- Щавелёв С.П., 1997. Первооткрыватели курских древностей // Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Курск. Вып. 1: Предпосылки и становление региональной историографии; Вып. 2: «Золотой век» губернского краеведения: 1860-е–1910-е гг.
- Щавелёв С.П., 1998. Историк Русской земли: Жизнь и труды Д.Я. Самоквасова. Курск.
- Щавелёв С.П., 2002. Первооткрыватели курских древностей // Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Курск. Вып. 3: Советское краеведение в провинции: взлет и разгром (1920-е – 1950-е гг.).

Ю.Б. Цетлин

Институт археологии РАН, Москва

Проблемы археологического источниковедения

Сегодня наиболее существенные результаты в области археологического источниковедения достигнуты в сфере изучения древней керамики как источника исторической информации. Выработаны историко-культурный подход к керамике как источнику и правила его применения к конкретному материалу. Полагаю, что и подход, и связанные с ним правила работы имеют более общий характер и могут быть полезны в других областях археологической науки. Поскольку основной категорией находок при раскопках являются *вещи древних людей*, то именно на них будет сосредоточено внимание.

Содержание понятия «источниковедение» включает проблемы а) *выделения*, б) *анализа* и в) *интерпретации исходной информации*. Историко-культурный подход предполагает, что эти проблемы рассматриваются как *«триединая» задача*, решение которой зависит от источниковедческих возможностей древних вещей как «хранилищ» исторической информации и наших возможностей выявлять эту информацию, т. к. *невозможно правильно выделять историческую информацию из источника, не имея четких представлений о том, как ее анализировать и интерпретировать*.

Важно иметь в виду, что любые вещи являются результатом *системной трудовой деятельности людей*. Выделяются три основных вида такой деятельности: 1 – по созданию вещи, 2 – по ее распространению от производителя к потребителю, 3 – по использованию вещи. Любая системно организованная деятельность состоит из *необходимых и случайных* действий. Поэтому отделение «*необходимого*» от «*случайного*» – одна из наиболее сложных и фундаментальных проблем археологического источниковедения, которая пока решается на полуинтуитивном уровне.

Основной формой системно организованной деятельности людей являются навыки труда, выраженные в «*культурных традициях*». Именно в них реализуются эти виды деятельности. Известно, что культурные традиции могут пребывать в двух состояниях – устойчивом и неустойчивом. Причем нарушение этой устойчивости всегда связано с теми или иными экстраординарными обстоятельствами, ***наиболее распространенными среди которых были контакты между разными в культурном отношении группами древнего населения***. Поэтому основная задача археологии сейчас – выявление конкретных культурных традиций в каждом из этих видов деятельности и тех жизненных обстоятельств, которые вели к их устойчивости или нарушению.

Деятельность по созданию вещи включает в себя: 1) выбор исходного сырья или материала, 2) технологию его превращения в готовое изделие, 3) используемые при этом орудия и 4) облик готовой вещи (т. е. ее форму, размеры и декор). При этом однородность и регулярность навыков труда характеризуют *несмешанные* традиции, а неоднородность и нерегулярность – *смешанные* традиции, за которыми в большинстве случаев стоят факты культурного смешения их носителей.

При изучении **деятельности по распространению вещей от производителя к потребителю** важно разделять случаи их распространения в *родственной* и *неродственной* производителям культурной среде. В первом случае а) исследуемые вещи являются более массовыми; б) вещи, относящиеся к одной сфере быта, близки по форме и размеру, сходны по материалу, технологии изготовления и декору; в) в зоне их распространения присутствуют следы их производства. Во втором случае вещи, как правило, а) скорее единичны; б) сочетаются с аналогичными по форме и размеру вещами, изготовленными из другого материала, по другой (частично или полностью) технологии и с другим декором; в) могут отсутствовать следы их производства. При этом распространение вещей в *неродственной* культурной среде может быть связано 1) с их им-

портом, 2) с переселением *отдельных людей или групп (вместе с их вещами)*, 3) с *подражанием* импортным вещам, 4) с переселением *самих производителей* в инокультурную среду.

Таким образом, одной из важнейших задач источниковедения является *выяснение закономерностей поведения культурных традиций* в разных исторических ситуациях – прежде всего, в условиях относительно *обособленного бытования* человеческих коллективов или при различных *культурных контактах* между ними.

Деятельность по использованию вещей часто путают с их «функциональным назначением». Здесь важно учитывать два момента. Первый – любая вещь характеризуется *исходным функциональным назначением* (то, для чего она была изготовлена) и *реальным функциональным назначением* (где и как она использовалась). Причем то и другое может не совпадать. Второй – разные вещи имели в прошлом как «узкую», так и «широкую» сферу использования (т. е. часть вещей были полифункциональными).

Исходное функциональное назначение вещи определяется, судя по данным этнографии, четырьмя факторами: 1) материалом, 2) формой, 3) размером и 4) декором. Здесь наши выводы по определению являются гипотетичными. Реальное функциональное назначение вещи определяется теми «следами», которые возникли в ходе ее применения (это сфера археологической трасологии). Сложность интерпретации возникает, если вещь либо не имеет явных следов использования, либо использовалась для разных целей, и последующие следы частично или полностью уничтожали предыдущие. Поэтому возможности судить о деятельности по использованию древних вещей пока еще достаточно ограничены и нуждаются в дальнейшей разработке.

Подводя итоги, можно заключить, что наши современные исследовательские возможности пока еще очень ограничены и касаются только отдельных видов той информации, которая содержится в вещественном источнике.

Отсюда следует, что ***выяснение источниковедческих возможностей древних вещей должно стать если не приоритетным, то важнейшим направлением работы археологов***. Это будет то направление развития археологии, которое я называю развитием «*вглубь*». Если же мы будем основное внимание уделять раскопкам новых памятников, т. е. развитию археологии «*вширь*», с надеждой на то, что *количество* само собой перерастет в *качество*, то мы будем все больше и больше множить объем существующих полу- или слабодоказанных выводов. Соответственно, таковыми будут и наши исторические реконструкции.

*Е.А. Черненко**ООО «Столичное археологическое бюро», Москва*

Использование памятников археологии в развитии познавательного туризма

Познавательный туризм – способ освоения культурного наследия. В памятниках археологии заложен огромный потенциал для развития познавательного туризма: археологические памятники интересны для туристского показа, включение памятников археологии в туристские маршруты выгодно обогащает экскурсии.

Цель работы – анализ ресурсов Свердловской обл., имеющегося регионального опыта, проблем и перспектив развития познавательного туризма, связанного с памятниками археологии.

Успех развития туризма во многом зависит от уникальности культурного наследия, имеющегося в регионе. Урал, в том числе Свердловская обл., располагает достаточным объемом и вариативностью объектов историко-культурного наследия.

Проблемами туризма в области занимается Министерство по культуре и туризму. Развитие туристической индустрии осуществляется в рамках программ, включающих в число туристических ресурсов археологические памятники и разработанных в соответствии с Федеральным законом «Об основах туристской деятельности в РФ» и Законом «О туризме и туристской деятельности в Свердловской области» (например, областная государственная целевая программа «Развитие туризма в Свердловской области» на 2007 г.).

Туристский потенциал археологического наследия области использован недостаточно. Так, при анализе Интернет-ресурсов был выявлен незначительный перечень туристических и экскурсионных маршрутов по Свердловской обл., использующих памятники археологии как объекты показа. Предложения туристических экскурсий, включающих историко-культурное наследие, осуществляются туристическими объединениями области, отдельными турфирмами и музеями. Экскурсионные маршруты, включающие памятники археологии, в основном предлагают турфирмы.

Положительный опыт включения археологических памятников в познавательный туризм накоплен в соседней Челябинской обл. «Визитной карточкой» Южного Урала, привлекающей как местных, так и зарубежных туристов, стал музей-заповедник «Аркаим». Опыт «Аркаима» показывает, что памятники археологии при комплексном к ним подходе могут стать объектами научного туризма и успешно решать задачи познавательного характера. Пример успешного включения археологического наследия в зону туристического посещения демонстрируют и музеи-заповедники других регионов: городище Танаис, Сунгирь, Андреевские озера, «Томская писаница» и т. д.

Туристическое использование археологических памятников наряду с положительным влиянием (удовлетворением интереса к прошлому; обеспечением комплексной охраны и эффективного использования памятников; постоянным наблюдением за состоянием археологического памятника) имеет и отрицательную сторону, поскольку массовое посещение увеличивает нагрузку на сам памятник и прилегающие к нему территории.

По мнению многих специалистов, в Свердловской обл. имеются памятники археологии, которые в перспективе могут стать привлекательными объектами познавательного туризма при грамотной его организации (например, торфяниковые поселения и стоянки на Шигирском, Горбуновском торфяниках; древние наскальные рисунки на прибрежных скалах рек; Кокшаровский, Усть-Вагильский холмы; пещерное святилище в Камне Дыроватом на р. Чусовой; комплекс ПА в верховьях р. Исеть).

Наличие уникального археологического наследия является основой для становления и развития въездного познавательного туризма, что сможет реально дать экономике области социально-политические и экономические дивиденды и выгоды. Современная практика использования памятников археологии должна быть связана с переходом от ориентации на демонстрацию отдельных памятников к созданию уникальных исторических территорий, особых целостных пространственных объектов, где в традиционной природной и культурной среде находятся археологические памятники.

Историко-краеведческие музеи районов и городских округов области, имеющие в экспозиции археологические коллекции или уникальные археологические памятники в окрестностях, должны более активно участвовать в разработке туристических маршрутов, связанных с памятниками археологии.

Инновационным подходом к решению проблемы развития познавательного туризма может стать совместная работа в сфере туризма уполномоченных органов по туризму Свердловской и соседних областей. Так, в 2010 г. было подписано Межрегиональное соглашение в сфере туризма Свердловской, Пермской и Тюменской областей, которое позволит сформировать единый туристский продукт, который сможет объединить ресурсы и выйти на российский и международный уровень. Формируются несколько межрегиональных туристических проектов («По следам Ермака», «Чусовая России»), включающих археологические памятники.

Развитие отечественной палеодемографической науки

Изучение палеодемографических проблем в нашей стране началось значительно позже, чем за рубежом. Во многом это обусловлено государственной политикой в СССР в 1930-е – первую половину 1950-х гг. по отношению к демографии. С целью скрыть социальные и экономические проблемы в нашем обществе демографию подвергли идеологической ревизии и критике за «бесперспективность и формализм», поставив тем самым под запрет изучение многих тем и направлений. После этого из разряда динамично развивающихся общественных наук демография превратилась в элементарную статистику населения.

Ситуация начала меняться только в начале 1960-х гг., после изменения «марксистской трактовки проблемы народонаселения», произошедшей в нашей стране. В это время в Москве, Киеве, Ташкенте и некоторых других городах создаются новые научные подразделения, призванные обеспечить комплексное изучение теоретических и практических вопросов народонаселения представителями общественных и естественных наук. Со второй половины 1960-х гг. в различных городах СССР проводятся конференции, совещания и симпозиумы, посвященные данной проблематике, что является своеобразным показателем значительного роста исследовательской активности в вопросах демографии.

«Возрождение» в СССР демографии как науки позволило исследователям, используя некоторые ее методы, обратиться к палеодемографическим проблемам. С начала 1970-х гг. в отечественной археологической и антропологической литературе активно обсуждаются вопросы о средней продолжительности жизни взрослого населения в различные археологические эпохи; рассчитывается приблизительная численность популяции; вычисляется плотность населения и т.п. В свою очередь интерес к палеодемографическим вопросам стимулировал развитие антропологии. Если до 1960-х гг. определение возраста погребенных практически не осуществлялось, то теперь исследователи уделяют этому большое внимание, вырабатывая новые и совершенствуя старые методы решения данной проблемы.

Однако во второй половине 1980-х гг. интерес к палеодемографическим вопросам снижается, что во многом можно объяснить разочарованием в полученных результатах. Демография и археология «любят точность», широко используя в своем научном арсенале методы статистики. А палеодемография способна выдать только приблизительные, зачастую спорные, результаты.

В конце 1990-х гг. внедрение в антропологию и археологию новых естественнонаучных методов вновь подстегнуло интерес к палеодемографии, выведя исследования в данной области на качественно но-

вый уровень. Как результат, проводятся специализированные конференции, выходят в свет работы, посвященные палеодемографической тематике.

Однако есть один важный момент. Сейчас термин «демография» употребляется в двух смыслах. Им обозначается объективное течение и состояние воспроизводства населения, взаимосвязанные с ним характеристики (численность, размещение, структура населения, миграции и др.), свойственные для той или иной территории в определенный отрезок времени (например, демография средневековой Европы, России начала XX в., современная демография США и т.д.). Другое значение термина «демография» – наименование науки, изучающей закономерности объективного демографического развития.

Термин «палеодемография» используется только в одном значении: он характеризует демографическую обстановку в древности и средневековье и взаимосвязанные с ней процессы. Как наименование науки (комплексной системы знаний), изучающей закономерности развития, мы использовать его не можем. До сих пор не разработана теоретико-методологическая основа палеодемографических исследований (то, что мы называем объектом, предметом, задачами исследования, источниками информации, методами исследования и т. п.). А это базовые знания, без которых решать палеодемографические проблемы так же невозможно, как заниматься астрономией, не представляя основ физики. Так, например, в одной из работ по антропологии, опубликованной в престижном отечественном археолого-этнографическом журнале, описан «закон сохранения численности, направленный на приведение количества населения... в границы нормы». Согласно этому «закону», в критических ситуациях срабатывала «биологическая программа», по которой происходил «резкий рост» женского населения (что, видимо, подразумевает под собой всплеск рождаемости девочек). Как результат, увеличивалась репродуктивная способность коллектива. В качестве иллюстрации приводились палеоантропологические данные с различных могильников и мнения других ученых.

К сожалению, в основу этого «закона» вкралась грубая ошибка, базирующаяся на банальном незнании основ демографии. В настоящий момент благодаря многочисленным исследованиям установлено, что соотношение полов при рождении остается неизменным – мальчиков рождается на 5,5% больше, чем девочек. Этот показатель называют «фундаментальной биологической константой», и он одинаков как для европейских стран, так и для коренных народов Африки, Океании, Австралии и т.п. Повлиять на соотно-

шение новорожденных можно только искусственно извне, как это происходит сейчас в Китае, посредством ультразвуковой диагностики с последующим прерыванием беременности. Никакие другие обстоятельства не могут привести к «резкому росту» женского или мужского населения.

И подобных примеров много. Отсутствие у исследователей базовых демографических знаний, адапти-

рованных к археологии и антропологии, только пополнит этот список ошибочных суждений. В настоящий момент сотрудники Алтайского госуниверситета, специалисты в антропологии, археологии, демографии, работают над созданием теоретико-методологической основы палеодемографической науки, о чем сообщалось в Томске на XV Западносибирской археолого-этнографической конференции в 2010 г.

Ю.Л. Щапова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

Археологическая эпоха: содержание, структура, законы эволюции и развития

Понятие археологическая эпоха (далее – АЭ) охватывает все уровни сложности организации человека – ее субъекта, и созданную им искусственную среду обитания – ее объект. Структура АЭ – это ее организованное содержание, исторический смысл которому придает доктрина времени.

Структура АЭ представлена как система семи субэпох (далее – АСЭ). Первая АСЭ, я называю ее археолит, предшествует нижнему палеолиту, далее – средний и верхний палеолит, мезолит и энеолит введены в АСЭ неолит, бронзовый и железный века – отдельные АСЭ. Структуру, хронологию и периодизацию АЭ представляет математическая модель, построенная по числовому ряду Фибоначчи.

ро-востока оказались за пределами этого «ядра» (Черных, Черных, 2005. С. 15, 16. Рис. 1).

Человек современный, *Homo sapiens 3* (Гринченко, Щапова, 2011), закономерно появился в V тыс. до н. э. и эволюционировал повсюду до II тыс. до н. э. Субъекты АСЭ бронзы евразийского ядра пережили появление *Homo sapiens 4* на уровне II тыс. до н. э. Выделяемые позднепалеолитические регионы (континентальная Европа, Африка, Средиземноморье и Сибирь) оказались актуальными лишь для Сибири. Возможно, что сибирский сценарий соответствует неизвестному ранее варианту антропогенеза, что предполагало более позднее появление *Homo sapiens 4*, и начало XVI в. вполне вероятно. Сибирский сценарий

6765 – 4181 – 2584 – 1597 – 987 – 610 – 377 археолит	
1597 – 987 – 610 – 377 – 233 – 144 – 89 нижний палеолит	
средний палеолит 377 – 233 – 144 – 89 – 55 – 34 – 21	
верхний палеолит 89 – 55 – 34 – 21 – 13 – 8 – 5	
неолит	21 – 13 – 8 – 5 – 3 – 2
бронзовый век	5 – 3 – 2 – 1 – 0
железный век	2 – 1 – 0 – 1 – 2

Эволюция АЭ – это 22 периода: первые три и последний востребованы однократно, 12 – двукратно, пять – троекратно. Становление и эволюция АЭ – нелинейный процесс, этап метаэволюции, живого, управляемого общими законами.

Первый закон в развитии АЭ – «золотое сечение», «космический закон гармонии» (по В.И. Вернадскому). Всякое отступление от числа 1,618 требует проверки. Так, элиминация «золотого сечения» (II тыс. до н. э., шестая строка модели) фиксирует момент, когда евразийское ядро металлоносных культур достигло своего пространственного максимума, эволюционное единство АЭ распалось, и вплоть до начала XVI в. огромные территории евразийского севе-

можно считать актуальным и для Фенноскандии, и для лесной зоны восточноевропейского Севера. Из сказанного следует, что появление *Homo sapiens 4* означало конец АЭ и начало иной, исторической, эпохи в пределах евразийского ядра металлоносных культур. «Сибирский сценарий» является пролонгацией АЭ до ее завершения в начале XVI в., вскоре после открытия Нового Света. на этой территории в I тыс. н. э., ближе к его середине.

Эволюцией и развитием АЭ управляют еще два закона: закон возрастания уровня сложности организации (процессов и явлений всех уровней) и закон всемирного тяготения Ньютона. Последнему дано более широкое толкование: связь всего со всем. Расширен-

ный вариант закона Ньютона в археологии используют для расчета коэффициента связи, сходства или степени близости и т. д. двух сравниваемых явлений. Формула этого закона A_1 и $A_2 = S^2/kI$. Поворот его системы координат на 90° придает ему полное соответствие закону Ньютона ($k I/S^2$) (благодарю А.А. Тюняева, указавшего на эту логику).

Закон возрастания уровня сложности организации (явлений, процессов и т. д.), хорошо известный с начала XVII в., свой всеобщий статус обрел 30–40 лет тому назад. В археологии его используют неявно при построении в относительной хронологии периодизации археологических культур, типологических рядов и т. д. Мне оставалось немного: заметить, что привычная археологическая процедура является на самом деле следованием закону, которому подчиняется не только АЭ, а практически все, способное к эволюции и развитию.

Эволюцию и развитие АЭ позволяют понять и упорядочить три теории: общая теория систем, всеобщая теория эволюции и новая, так называемая фрактальная, теория.

АЭ в общей теории систем – это явление (феномен) самовозникающее, саморазвивающееся, самоуправляющееся, самосохраняющееся и саморазрушающееся; объект, достойный изучения.

В применении к АЭ из общей теории эволюции я выделила раздел техноэволюции (эволюции техноценозов) (Кудрин, 1978; 2006).

На мой взгляд, в изучении АЭ уместна теория фракталов, или математика хаоса. Ассоциированное

гуманитариями с понятием самоподобие, слово «фрактал» и фрактальную геометрию создал Б. Мандельброт в 1977 г., в российскую науку они вошли недавно: фрактальной геометрии истории и фрактальной парадигме научного знания – полтора десятилетия (Федер, 1991; Жуков, Лямин, 2007)

Случаев сходства, аналогий, подобия и самоподобия в археологической действительности немало. Например, пластинчатая техника почти одновременно появилась на Ближнем Востоке, в Европе и Сибири, на Дальнем Востоке; наскальная живопись – в Северной Африке и Испании; петроглифы Фенноскандии, Карелии, Беломорья, Обонежья, Южной Сибири, Дальнего Востока сходны, как и чуринги, австралийские и североевропейские. Подобия, замечаемые в археологии, должны иметь генетическую природу. Обращение к генетике неизбежно.

Явления подобного масштаба, как и факторы их эволюции, считают макросемантическими. Программирование, морфологическое соответствие генотипа и набор подобий определяет закон передачи наследственного инварианта продуцируемой системы (Щапова, 2000. С. 115–125, со ссылкой на: Суббето, 1983).

Оставаясь в теме, напомним слова Н. Бора: «самый глубокий фундамент науки – это уверенность в том, что в природе одинаковые явления наступают при одинаковых условиях».

И, наконец, принцип дополнительности, который Н. Бор ввел в современную науку: *Contrariae sunt complementariae*, расширяя исследовательское поле, требует толерантности и сочувствия.

Гринченко С.Н., Щапова Ю.Л., 2011. Системные проявления археологической эпохи в историческом развитии человечества // Настоящее издание.
 Жуков Д.С., Лямин С.К., 2007. Живые модели ушедшего мира: фрактальная геометрия истории. Тамбов.
 Кудрин Б.И., 2006. Классика технических ценозов // Ценологические исследования. Томск. Вып. 31.
 Мейен С.В., 2006. Принцип сочувствия: Размышления об этике и научном познании. М.
 Суббето А.И., 1983. Системогенетические закономерности формирования и развития качества сложных объектов

(системогенетика в теории качества объектов строительства). Л.
 Федер В., 1991. Фракталы. М.
 Черных Е.Н., Черных Н.Б., 2005. Дендрохронология и радиоуглеродное датирование в современной археологии // Археология и естественнонаучные методы. М.
 Щапова Ю.Л., 2000. Введение в вещеведение: естественнонаучный подход к изучению древних вещей. М.
 Щапова Ю.Л., 2005. Археологическая эпоха: хронология, периодизация, теория, модель. М.
 Щапова Ю.Л., 2011. Материальное производство в археологическую эпоху: Концепция и модель. М.

Методы естественных наук в археологии

*Е.И. Александровская,
А.Л. Александровский, А.В. Долгих*
Институт географии РАН, Москва

Е.В. Торопова
Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород

Почвенно-геохимические исследования культурного слоя Старой Руссы

Проведены исследования культурных отложений, вскрытых в Пятницком I раскопе в Старой Руссе. Мощность культурного слоя составляет около 5–6 м, уровень грунтовых вод – 1–2 м от дневной поверхности. Основную часть отложений составляет мокрый урбо-органический слой. Преобладает органическая торфообразная масса (навоз, щепа, деревянные конструкции). Имеются прослойки минерального вещества: глины, песка, супеси, золы, в основном тонкие. Отложения характеризуются слоистостью, сохранность слоев, в том числе золы, хорошая. Верхняя часть толщи представлена сухим органоминеральным слоем, причем расположение его границы с органическим слоем напрямую связано с уровнем грунтовых вод, ниже которого свободный кислород не проникает.

Хорошая сохранность органического вещества в органических слоях обусловлена их постоянным нахождением в воде. Отсутствие кислорода воздуха препятствует деятельности микроорганизмов, являющихся основными деструкторами органического вещества (древесных, травянистых и других остатков растительного и животного происхождения). Вместе с тем, древесина, например остатки построек, различных изделий, несмотря на хорошую сохранность, после извлечения из культурного слоя и попадания на воздух, нередко разрушается. Как показали исследования объектов, долгое время находившихся под водой (например, корабль Ваза, Швеция), причиной подобного разрушения является накопление больших количеств сульфидов (пирит и др.), при окислении которых образуется серная кислота. Именно кислота разрушает древесину. К сожалению, удаление сульфидов и серной кислоты для предотвращения разрушения древесины является сложной задачей.

Органическое вещество является основным источником серы, но на раскопе Пятницкий I возможно дополнительное поступление элементов в культурный слой из сильно минерализованных грунтовых вод, характерных для района раскопок. В воде в ана-

эробных условиях под действием микроорганизмов образуются сульфиды, в том числе попадающие внутрь древесной ткани. Для озерных отложений характерным минералом является гидротроилит ($\text{FeS} \cdot n\text{H}_2\text{O}$). Он относится к сульфидам и имеет черный цвет. В мокрых культурных слоях, находящихся под водой, условия образования минералов те же, что и в озерных и морских отложениях. На появление гидротроилита в исследуемых переувлажненных слоях указывает черная окраска минеральных прослоев и разрушение древесины на воздухе (в результате окисления данного сульфида). При окислении гидротроилита на воздухе происходит постепенное осветление исходно черной окраски минеральных слоев до серовато-белесой, что хорошо видно при зачистке стенок исследованного раскопа.

Тестирование культурного слоя соляной кислотой показало, что почти вся изученная толщина, и в прослоях навоза и темно-коричневого материала, пропитана CaCO_3 . Основными источниками карбонатов являются зола, фрагменты известняка, строительная известь. Перенос карбонатного материала в растворах происходит в виде гидрокарбоната кальция. Также отмечаются следующие трансформации морфологии отложений, вскрытых в раскопе: зеленовато-бурая органическая торфообразная масса на воздухе темнеет, а темные обогащенные марганцем и гидротроилитом ($\text{FeS} \cdot n\text{H}_2\text{O}$) минеральные прослойки светлеют (выцветают) в результате окисления, причем оставаясь влажными. Светлеет на воздухе при высыхании и верхний сухой темно-серый органоминеральный слой, здесь изменяет окраску минеральный материал, окрашенный гумусом.

Результаты рентгенфлуоресцентного анализа химического состава культурных отложений Старой Руссы показали высокую концентрацию ряда химических элементов (Ca, Fe, P, Mn, S, Cu, Zn, Pb, As), что характерно для многих древних городов лесной зоны Европейской России и связано с интенсивным антропо-

похимическим воздействием в связи с ремесленной и бытовой активностью человека. Высокое содержание меди (Cu) и цинка (Zn) указывает на наличие металлургических мастерских на изученной территории. Необходимо отметить высокое содержание серы (S) в культурных отложениях, влияющее на сохранность органического материала.

Данные (табл. 1) показывают, что на месте Пятницкого раскопа в XIII–XIX вв. антропогенное воздействие было сильным. Это существенно влияло на антропохимические условия существования человека.

Исключительно высокие содержания в этих слоях марганца связано с тем, что многие деревья, особенно береза, накапливают марганец в древесине. При сжигании растений, накопивших марганец, он частично улетает с дымом (при вдыхании которого марганец попадает в организм), частично накапливается в золе печей. Избыточное поступление марганца в организм человека ведет к отравлению и своеобразному рас-

стройству психики: большие эйфоричны, благодушны, реже апатичны. Периодически возникают насильственные эмоции (плач или смех).

При выплавке меди из медных или полиметаллических руд медь, цинк и свинец могли попадать в организмы людей с дымом металлургических производств. При хроническом избыточном поступлении цинка в организм человека у него развиваются ангина, желудочно-кишечные расстройства, нарушения сна, повышенная утомляемость, шум в ушах, снижение остроты слуха. Недостаточное поступление меди в организм человека ведет к уменьшению образования гемоглобина. При избыточном поступлении возможны заболевания крови. Свинец кроме нервной системы поражает костный мозг, сосуды и другие органы.

Таким образом, антропохимическая ситуация в средние века в Старой Руссе была неблагоприятной для человека, что особенно характерно для городских поселений того времени.

Таблица 1. Содержание макро- и микроэлементов в культурных отложениях

Слой (горизонт), век, глубина (см)*	CaO	K ₂ O	Fe ₂ O ₃	P ₂ O ₅	SiO ₂	MnO	Cu	Zn	Pb	Ni	As
	%					мг/кг (ppm)					
Кларк**	1,5	1,7	5			1000	30	76	13	80	2
Пятницкий I, колонка I, восточный профиль, кв. 18											
Aug, 2	10,47	0,86	4,12	2,03	48,38	3500	73	339	39	20	2
ОМС, XIX в., 35	3,03	1,87	2,54	1,03	77,99	845	25	732	116	14	5
ОМС XVIII, 85	10,08	1,80	4,61	2,73	60,13	3115	51	351	32	17	2
ОМС, XVII в., зола 130	43,25	0,32	5,37	5,19	4,39	6917	124	594	17	18	2
ОМС, XVI в., 160	26,74	1,16	5,61	5,32	27,73	5327	89	459	-	22	-
ОС, XVI в., 190	12,41	0,45	3,66	2,05	47,66	3165	90	606	-	30	-
ОС, XV в., 220	8,91	2,08	5,15	2,00	57,05	2827	83	446	125	30	5
ОС, XV в., 267	41,26	0,43	6,72	3,04	8,63	9468	118	326	19	16	2
ОС, XIV в., 280	9,27	0,63	4,67	1,99	48,44	3310	144	486	-	23	-
ОС, XIV в., 298	13,23	1,01	5,23	2,50	42,08	3827	78	393	-	25	-
ОС, XIV в., 320	10,10	0,90	4,07	2,58	46,29	2952	105	575	-	25	-
ОС, XIII в., 340	6,80	0,44	3,25	1,32	54,59	2908	124	516	-	19	-
ОС, XIII в., 360	9,99	0,73	4,63	2,51	47,64	5183	153	602	-	26	-
ОС, XIII в., 396	14,45	0,55	4,54	3,40	42,98	4929	88	517	-	20	-
ОС, XIII в., 412	11,25	0,64	3,77	3,46	46,52	4170	126	548	-	23	-
ОМС, кв. 54, шлак, 230	15,66	-	41,89	1,54	-	5415	70	137	-	20	-
ОМС, кв. 54, шлак 280	5,30	0,19	53,76	11,15	-	22430	69	83	17	25	2

* — Отметки глубин даны от дневной поверхности.

** — Кларк — среднее содержание в земной коре; **жирным** выделены повышенные концентрации; - - концентрация ниже порога определения прибором; **ОС** — органический анаэробный слой; **ОМС** — органоминеральный аэробный слой; **Aug** — гумусовый горизонт современной почвы.

А.Л. Александровский,
Е.И. Александровская, А.В. Долгих
 Институт географии РАН, Москва
К.В. Воронин
 Институт археологии РАН, Москва

Методы комплексного междисциплинарного изучения многослойных доисторических памятников с гомогенным культурным слоем

Исследование многослойных археологических памятников нередко осложняется в связи со слабой расчлененностью культурных отложений. Это объясняется малыми темпами антропогенной седиментации и перемешиванием напластований человеком. По нашему мнению, большую роль в гомогенизации культурного слоя играют и процессы почвообразования. Данные процессы развиваются в верхней части естественных или культурных отложений (до глубины 1 м и более) и в течение длительного времени после того, как поселение прекратило свое функционирование, перерабатывают эти отложения и формируют в них систему горизонтов почвенного профиля. Причем признаки, сформировавшиеся ранее, на стадии седиментации, например палинологические спектры, часто не соот-

ветствуют почвенным горизонтам, вновь образующимся в толще данного седимента. Особенно интенсивно культурные слои трансформируются, и в том числе гомогенизируются, под действием процессов накопления гумуса, а также турбаций (перемешивания), осуществляемых почвенной фауной.

Для исследования подобных стратиграфически и планиграфически гомогенных отложений могут быть использованы методы естественных наук. Данные методы используются в археологии для решения широкого круга задач, касающихся хронологии археологических памятников, процессов формирования культурного слоя, а также для проведения реконструкций палеосреды. Такие методы, как радиоуглеродный и палинологический, достаточно прочно вошли

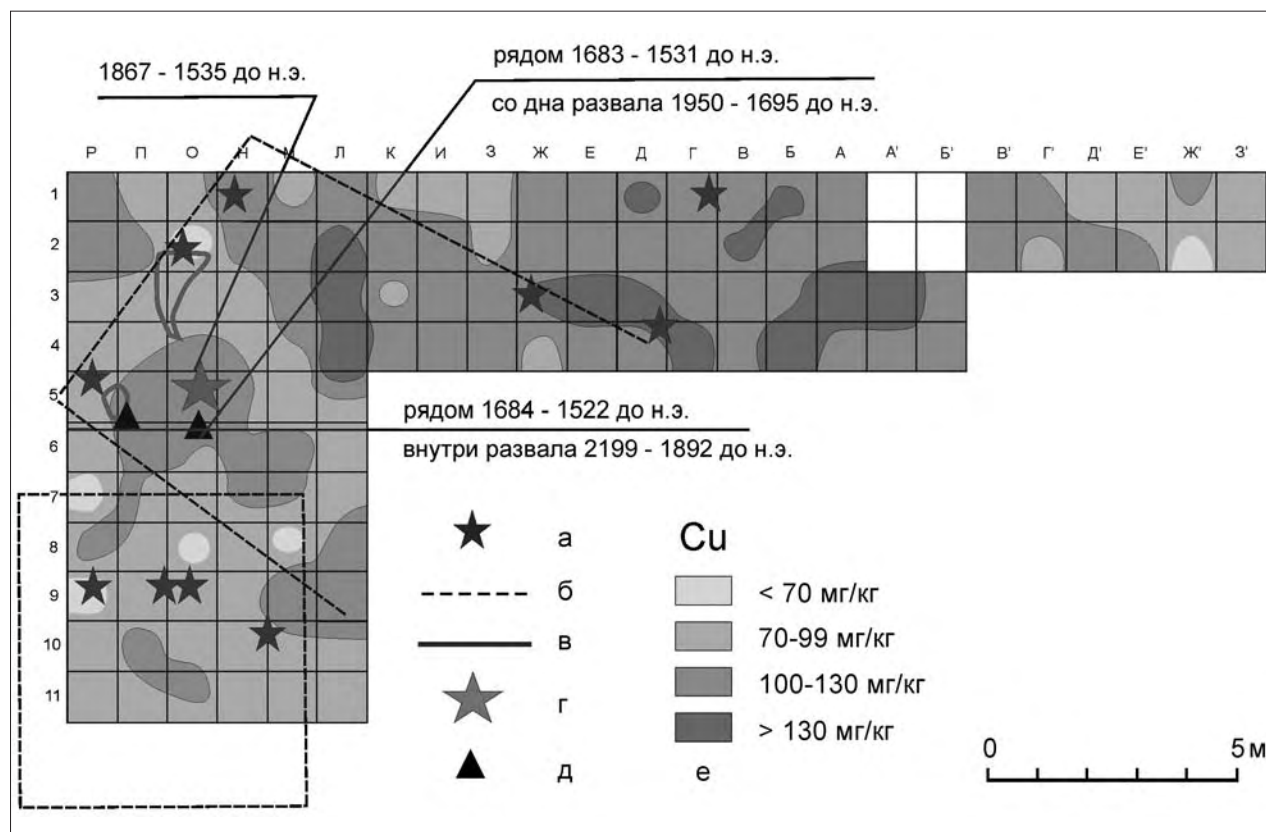

Рис. 1
 Песочное 1, раскоп 3, пласт I. Карта-схема распределения концентраций меди по площади раскопа

в практику датирования археологических объектов и проведения палеорекопструкций. Вместе с тем, методы геохимии и палеопочвоведения применяются еще недостаточно.

Предложено антропохимическое направление исследований, которое заключается в комплексном изучении элементного состава культурных отложений, почв, археологических объектов, останков человека, а также остатков фауны и флоры, окружавших человека и служивших ему источником пищи. Среди методов элементного анализа перспективных для изучения культурных отложений, в том числе и слабодифференцированных, выделяется рентгенфлуоресцентный. С его помощью можно определять большое количество макро- и микроэлементов не только в самих отложениях, но и в отдельных артефактах, что позволяет выяснять источники поступления элементов.

Примером таких археологических объектов со слабо дифференцированным культурным слоем является многослойное поселение Песочное 1 (оз. Неро, Ярославская обл.) с культурными слоями от неолита (лялово) до бронзового века (в котором доминирует культура сетчатой керамики). Они залегают слитно и не различаются по внешнему облику. В целом культурные отложения памятника однородны и по вертикали, и по горизонтали. Следы разнообразной хозяйственной активности были декодированы с помощью подробных определений содержания макро- и микроэлементов, как по колонкам, характеризующим полный профиль почв и культурных отложений, так и по всей площади раскопа по образцам, отобраным полойно по сетке шагом 1 м, включая ямы.

В культурных отложениях поселения Песочное 1 выявлены очень высокие содержания кальция и фосфора, которые накапливаются в культурном слое за счет поступления кальцинированной кости (апатита). Достаточно ярко в составе химических элементов

прочитываются признаки металлургии бронзового века, приуроченные к верхней части слоя (время существования культуры сетчатой керамики; рис. 1), признаки поступления жженой кости (возможна частичная миграция Са и Р в нижнюю часть «сетчатого» и ляловский слой), цинка – видимо, в связи с рыболовецкой деятельностью (максимально выражено в средней части слоя сетчатой керамики). Данные признаки, устойчиво существующие в течение более чем 3500 лет и четко локализованные на разной глубине, а также в отдельных зонах и микрizonaх памятника, позволяют стратифицировать морфологически гомогенные культурные отложения и оценить их пространственную неоднородность. Также они позволяют предположительно отнести к выделяемым слоям археологических культур (лялово, сетчатой керамики) определенные типы хозяйственной деятельности древнего человека.

Высокое содержание в культурном слое кальция и фосфора (в местах скопления кальцинированной кости – до 10–12%) обусловило повышенную устойчивость его органического вещества, во многом сходного с темноокрашенным гумусом реликтовых горизонтов почв региона. Результаты радиоуглеродного датирования органического вещества показали четкую стратификацию дат по слоям и практически полное отсутствие признаков обновления гумуса. Заметно омоложен возраст лишь самой верхней (5–8 см) части слоя. Основное же количество дат по верхней части слоя (глубина 10–25 см), соответствующей культуре сетчатой керамики, оказалось в интервале 3200–3700 л. н. (cal. 1460–2060 BC). При этом даты закрытых комплексов (внутри развалов сосудов, под очагами) оказались древнее: 3500–3700 л. н. (1800–2060 до н. э.). По волоховскому слою получены даты 4200–4400 л. н. (cal. 2600–3150 до н. э.); по ляловскому слою – серия дат в интервале 5100–5600 л. н. (cal. 3800–4900 до н. э.).

А.Л. Александровский, А.В. Долгих

Институт географии РАН, Москва

К.В. Воронин

Институт археологии РАН, Москва

Эволюция ландшафтов котловины озера Неро в голоцене

На берегах оз. Неро (Ярославская обл.) располагаются многочисленные памятники археологии от неолита до средневековья. В течение голоцена ландшафты территории испытывали изменения, связанные с колебаниями климата (рис. 1). Реликтами раннего и среднего голоцена являются темноцветные горизонты почв, имеющие радиоуглеродный возраст от 8 до 3,8 тыс. л. По свойствам

гумуса они резко отличаются от современных и сходны с почвами зоны широколиственных лесов и лесостепи (темно-серыми лесными и черноземами).

Изученные на многослойном поселении Песочное 1 культурные слои неолита (лялово) – бронзового века (культура сетчатой керамики – КСК) формировались в условиях относительно сухого и теплого кли-

мата и по химическим свойствам близки к темноцветным горизонтам почв региона. В торфяниках в результате их усыхания формировались пограничные горизонты. Уровень озера был пониженным, и в нем накапливались карбонатные сапропели. Во время регрессии 7–3,5 тыс. л. н. темноцветные почвы и культурный слой неолита (ляловская и волосовская культуры) и бронзового века, включающий материалы фатьяновско-балановской культуры (минимальные), чирковской культуры и культуры сетчатой керамики (доминирует), частично формировались на осушенном дне озера. В составе пыльцевых спектров присутствовала *Ephedra*, указывающая на засушливость климата. Подобное состояние природной среды, сопровождавшееся колебаниями климата и периодическими сменами широколиственных лесов на лесостепь, существовало до середины суббореального периода.

Около 3700 л. н. теплый и относительно сухой климат сменился на влажный и прохладный. Сходные изменения климата региона установлены по данным палинологических исследований (Хотинский и др., 1991). Уровень озера поднялся до современных отметок, в нем вместо карбонатных началось формирование торфянистых бескарбонатных сапропелей (Гунова, Лефлат, 2002). Растительность в днище и на склонах озерной котловины сменилась с преимущественно лесостепной – широколиственных лесов на южнотаежную – подтаежную. В связи с этим поселение позднего этапа культуры сетчатой керамики Липовка 1 существовало уже в условиях подтайги или южной тайги. В результате произошла эволюция темноцветных почв (темно-серых лесных, местами переходных к черноземам) в подзолистые. Это сопровождалось деградацией темноцветных горизонтов почв, от которых

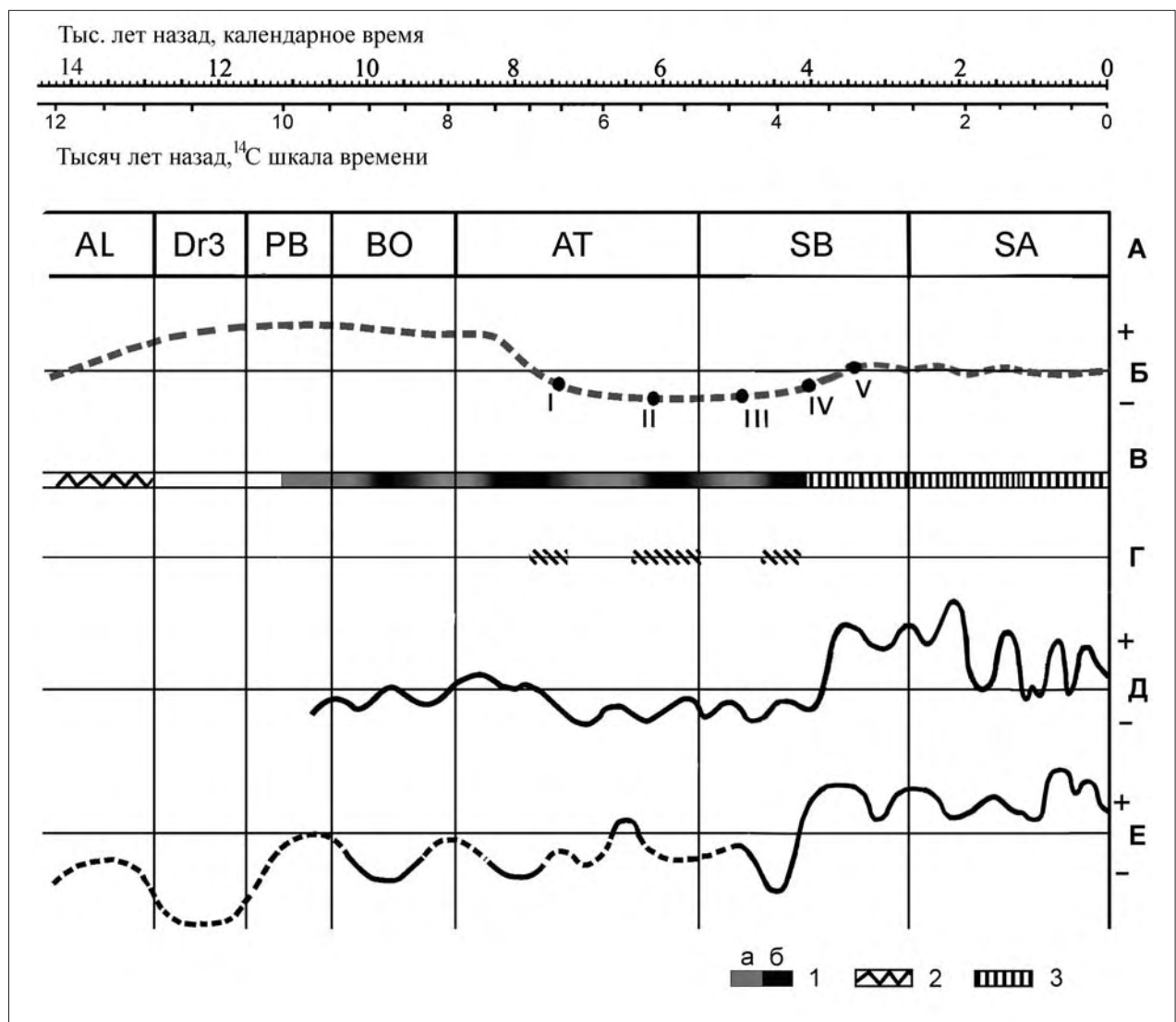

Рис. 1

Периоды формирования почв: 1 – темно-серых почв (а – профили темно-серых лесных почв, б – темноцветных гумусовых горизонтов); 2 – аллередских темноокрашенных гумусовых горизонтов, криотурбированных в позднем дриасе; 3 – формирования профиля дерново-подзолистых почв

А – хронологическая шкала Блитгга-Сернандера; Б – изменения уровня оз. Неро (слои поселения Песочное 1: I – ляловский (неолит); II – волосовский (неолит), III – чирковский, IV – раннего этапа сетчатой керамики и V – позднего этапа сетчатой керамики (средняя бронза)); В – периоды почвообразования; Г – периоды образования пограничных горизонтов торфяников; Д – изменения увлажнения климата по: Хотинский и др., 1991; 3 – изменения увлажненности климата (наши данные)

часто сохраняется нижняя часть – так называемый второй гумусовый горизонт, широко распространенный реликтовый признак среднего голоцена в почвах лесных и лесостепных регионов России. В связи с позднеголоценовым подъемом уровня озера темноцветные почвы, а в районе поселения и культурные слои, частично были затоплены и перекрыты молодыми органо-генными отложениями. Выше, в зоне подтопления, почвы прибрежной полосы эволюционировали в сторону дерново-глеевых под луговой растительностью,

еще выше – в сторону дерново-подзолистых почв с реликтовым гумусовым горизонтом под лесом.

Последнее тысячелетие характеризуется не только максимальным увлажнением климата и развитием таежной растительности, но и ростом антропогенных трансформаций среды. Сплошные подтаежные леса сменяются вторичными лесами, лугами, пашнями, селитебными и производственными территориями. Однако в почвах следы прежних этапов эволюции природы сохраняются отчетливо.

Хотинский Н.А., Алешинская З.В., Гуман М.А., Климанов В.А., Черкинский А.Е., 1991. Новая схема периодизации ландшафтно-климатических изменений в голоцене // Изв. РАН. Сер. географ. № 3.

Гунова В.С., Лефлат О.Н., 2002. Четвертичные отложения и палеогеография оз. Неро // Тр. семинара «Экологические проблемы оз. Неро и городских водных объектов». М.

Ж.А. Антипушина

Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН, Москва

Древние алеуты и их промысел: палеоэкологический подход¹

Заселение территории Алеутских островов началось, по результатам радиоуглеродного датирования, не менее 8700 л. н. Аборигенное население сохраняло особенности традиционных охоты и собирательства в течение нескольких тысячелетий, вплоть до XVIII–XIX вв. н. э. Характерной особенностью жизнеобеспечения древних алеутов была зависимость от морских ресурсов – рыбной ловли, охоты на морских млекопитающих и птиц, сбора яиц. Согласно этнографическим данным и результатам археологических раскопок, важную роль играл и сбор беспозвоночных на литорали во время отлива. В результате многолетнего промысла на поселениях формировались мощные культурные отложения с обилием костей, раковин моллюсков, остатков морских ежей и т. д. Наиболее заметны в них раковины моллюсков, поэтому такой тип археологических памятников получил название раковинные кучи. Такие отложения являются уникальными источниками информации о развитии и состоянии прибрежных и островных экосистем Берингова моря.

Нами изучены остатки добычи, сохранившиеся в культурных слоях восьми древнеалеутских поселений: ADK 009, ADK 012 и ADK 171 на о. Адак, KIS 008 на о. Булдырь, SH 3, SH 6, SH 7 и SH 9 на о. Шемя (Алеутские о-ва). Согласно результатам радиоуглеродного датирования, культурные слои поселения ADK 009 формировались на протяжении более тыся-

чи лет – с VI до XVII в. н. э., а поселения KIS 008 – с XII до XIV в. н. э. Культурный слой поселения ADK 171 сформировался относительно быстро, в пределах сотни лет, в V тыс. до н. э. Следует отметить, что ADK 171 является самым древним археологическим памятником с богатым фаунистическим материалом не только для Алеутских о-вов, но и для всего района островов и побережий Берингова моря. Остальные памятники, по предварительной оценке, сформировались на границе I тыс. до н. э. и I тыс. н. э.

В настоящий момент наиболее полно определены остатки фауны из отложений ADK 171 и ADK 009. Для остальных памятников получены определения и количественные данные только по беспозвоночным, а определение и количественный учет костей проводятся в настоящее время.

Древние алеуты собирали преимущественно 5 видов моллюсков (хитоны, литорины, блюдечки, мидии и сердцевидки), морских ежей стронгилоцентротусов и ребристых морских желудей. Из рыб добывали в основном терпугов и небольших тресковых рыб, а из морских млекопитающих – северных морских котиков, каланов, сивучей и обыкновенных тюленей. Как показали результаты нашего исследования, активный промысел не имел значительного негативного влияния на местные популяции промысловых животных. Хотя в настоящее время на острове нет лежбищ север-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (09-04-00196), Программ «Происхождение и эволюция биосферы», «Биоразнообразии и динамика генофондов» и «Фундаментальные основы управления биологическими ресурсами», грантов Минобрнауки (МК-1119.2011.5) и National Science Foundation (OPP-0353065).

ного морского котика, наличие в нашем материале костей новорожденных котиков говорит о существовании одного или нескольких лежбищ в V тыс. до н. э. и в VI–XVII вв. н. э. Мы также провели определение сезона сбора морских ежей древними алеутами. Уста-

новлено, что сбор морских ежей, а вероятно и других групп беспозвоночных, носил круглогодичный характер. Кроме того, по динамике фаунистического состава были выделены периоды существования в относительно более теплых и более холодных условиях.

А.В. Борисов

Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, Пущино, Московская обл.

Д.С. Коробов

Институт археологии РАН, Москва

Древнее и средневековое земледелие в Кисловодской котловине: некоторые итоги почвенно-археологических исследований 2005–2010 гг.¹

На протяжении последнего десятилетия внимание целого ряда специалистов привлекали вопросы, связанные с изучением террасного земледелия Кисловодской котловины. Комплексные исследования, проводящиеся с середины 1990-х гг. археологами и почвоведом, привели к выработке двух основных точек зрения на время возникновения и функционирования этого агрикультурного феномена: 1) террасные комплексы в окрестностях Кисловодска были созданы в IV–II тыс. до н. э. населением, оставившим памятники майкопской культуры; 2) террасы создавались аланским населением эпохи раннего средневековья и являются следами их сельскохозяйственной деятельности.

В 2005–2010 гг. авторами проводились новые почвенно-археологические исследования террас и других участков древнего и средневекового земледелия в Кисловодской котловине. Они включали в себя ГИС-картографирование участков земледелия с помощью аэрофотосъемки, картирование видимых контуров террас и межевых стенок в поле с помощью GPS и инструментальную топо съемку современной поверхности. В наиболее информативных участках закладывались полно-профильные почвенные разрезы. При этом регистрировались мощность почвенных горизонтов, цвет, степень гумусированности, гранулометрический состав и скелетность грунтов. Большое внимание уделялось археологическому материалу, обнаруживаемому в разрезах, – прежде всего керамике. Всего было сделано более 140 почвенных разрезов и 30 зондажей, позволивших во многом по-новому взглянуть на проблему эволюции агроландшафтов региона.

В результате работ выделены три типа сельскохозяйственных угодий, функционировавших в Кисловодской котловине в разное время:

- крупные террасы с высокими откосами на крутых склонах (рис. 1: 1);
- каскады из длинных невысоких террас на пологих склонах (рис. 1: 2);
- прямоугольные наделы, разграниченные межевыми стенками, на ровных мысах в нижней части склонов (рис. 1: 3).

Основным вопросом по-прежнему остается определение времени создания и функционирования этих разных участков земледелия. Для нас главным аргументом в решении этого вопроса является присутствие в погребенной почве и пахотных горизонтах фрагментов керамики, очевидно попадавших туда при внесении удобрений. Предварительный анализ обнаруженной в разрезах керамики показывает, что террасы первого типа создавались во время существования кобанской культуры. Судя по большому количеству керамики позднего бронзового – раннего железного века, найденной практически во всех почвенных разрезах, в данный период сельскохозяйственной обработке подвергалась большая часть территории котловины. Очевидно, устройство террас первого типа было одним из последних этапов земледельческой активности населения этой эпохи. Картографирование террас первого типа, распространенных практически по всей территории Кисловодской котловины, косвенным образом свидетельствует о большой плотности населения в регионе на рубеже позднего бронзового – раннего железного века. Приуроченность террасных участков к крутому рельефу местности и их неровные границы позволяют предположить, что основным орудием создания подобных угодий являлась мотыга, что находит параллели в этнографии кавказских народов (рис. 1: 1).

¹ Статья подготовлена в рамках работы по проекту РФФИ 09-06-00018а.

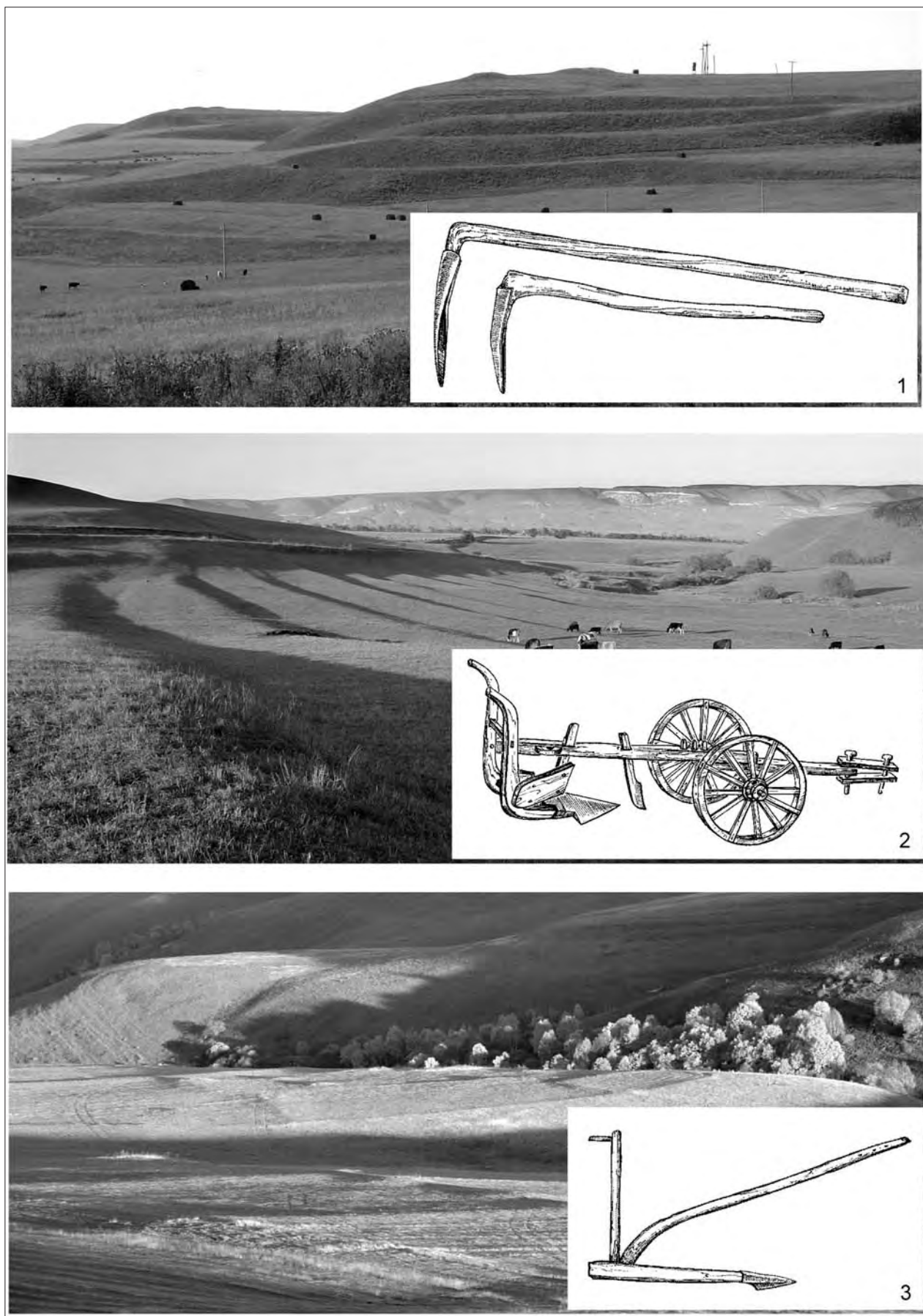

Рис. 1

Пахотные угодья разных типов и соответствующие им орудия обработки земли, известные из северокавказской этнографии
1 – террасные поля первого типа и орудия их обработки (мотыги); 2 – террасы второго типа и тяжелый плуг с колесным передком; 3 –
подквадратные наделы с межевыми стенками и пахотное орудие в виде легкого рала

Террасы второго типа, представляющие собой каскады из невысоких узких полос, обнаруживаются в наибольшем количестве по обоим берегам Эшкакона в его нижнем течении, а также на реках Теплушке и Перепрыжке, и в небольшом количестве – на правом берегу Подкумка. Если принять во внимание европейские аналогии, подобные угодья, называемые полями в виде гряд и борозд или ленточными полосами (*ridge and furrow, strip lynchets*), создавались путем распашки с помощью отвальных пахотных орудий с колесным передком и без него, ведущейся в одном направлении (рис. 1: 2). Однако время создания и функционирования данного типа сельскохозяйственных угодий требует уточнения.

При проведении палеопочвенных исследований открыты участки земледелия с невысокими межевыми стенками, ограждающими поля подквадратной и прямоугольной формы. В устроенных на участках почвенных разрезах найдена в основном керамика аланской культуры эпохи раннего средневековья. Очевидно, что данные наделы весьма схожи по облику и размерам с неизвестными «кельтскими полями» (*Celtic fi-*

elds), распространенными в Северо-Западной Европе, время функционирования которых определяется от финала бронзового века до эпохи раннего средневековья включительно. Зарубежными исследователями было доказано, что поля подквадратной формы образуются в ходе вспашки перекрестным способом, осуществляемой легким ралом (рис. 1: 3). Именно такое пахотное орудие могло существовать у населения котловины в V–VIII вв. н. э. Нам представляется, таким образом, что единственным видом земельных участков, которые мы можем пока достоверно связывать с аланским населением Кисловодской котловины эпохи раннего средневековья, скорее всего, являются поля подквадратной формы с межевыми границами, аналогичные европейским «кельтским полям».

Почвенно-археологические исследования в Кисловодской котловине будут продолжены. Ближайшими задачами авторы видят изучение использования водораздельных территорий для земледелия, более детальный анализ террасных участков второго типа и получение новых аргументов для определения органических удобрений, вносившихся в пахотный слой.

А.В. Борисов

Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, Пущино, Московская обл.

Р.А. Мимоход

Институт археологии РАН, Москва

Роль природной среды в сложении лолинской культуры

Лолинская культура является одной из составляющих блока посткатакомбных культурных образований, который занимал территорию степной – лесостепной зон на юге Восточной Европы. Время его существования определяется по серии калиброванных радиоуглеродных дат в пределах XXII–XVIII вв. до н. э.

В инвентарно-обрядовом комплексе выделяются два основных компонента, которые отчетливо прослеживаются на раннем этапе. Первый из них связан с восточноманьчжурской катакомбной культурой, второй – с культурами средней бронзы Северо-Восточного Кавказа. Этот вывод подтверждается как археологическими, так и антропологическими данными.

Сложение лолинской культуры происходило в середине суббореального периода голоцена, сопровождавшегося резкой аридизацией климата в южнорусских степях и смещением природных зон. Согласно палеопочвенным и палинологическим данным, в этот период в пустынно-степной зоне отмечены самые засушливые условия.

Однако, говоря об аридизации в степной зоне, следует помнить, что проявление аридности в условиях континентального климата в значительной мере за-

висит от внутригодового хода осадков, и в первую очередь влагообеспеченности зимнего периода и условий снеготаяния. Для сухо- и пустынно-степной зоны именно условия этих двух периодов определяют количество поступившей в почву влаги, продуктивность фитоценозов и, в конечном итоге, морфологические и химические свойства почв. Что касается летних осадков, то их влияние на состояние почв и растительности невелико, т. к. ливневые осадки не приводят к глубокому промачиванию почвы и не создают влагозапас для растений. Поэтому аридизация в степной зоне – это сокращение нормы осадков в холодное время года и уменьшение мощности снежного покрова, что вызывает такие изменения почвенных свойств и характера растительности, на основании которых реконструируется аридизация климата.

Что касается палеоклимата Северного Кавказа в середине суббореала, то здесь литературные сведения весьма ограничены. По данным А.В. Шнитникова, середина суббореала соответствует периоду наиболее низких зимних температур и максимуму осадков в холодное время года (Шнитников, 1957. Рис. 53). На основании наших наблюдений было вы-

сказано предположение о том, что в Центральном Предкавказье вторая половина III тыс. до н. э. сопровождалась увеличением доли осадков, выпадающих в холодный период года, на фоне общих аридных палеоэкологических условий (Борисов и др., 2008. С. 556–567). Этот вывод подтверждают и имеющиеся археологические данные для горных районов Кавказа, свидетельствующие о резком похолодании и аридизации климата среднего этапа суббореального периода (Ростунов, 2007. С. 128). Таким образом, можно заключить, что в описываемый период на Кавказе происходило иссушение в течение летнего периода и усиление суровости и снежности холодного времени года.

Вероятно, к этому времени на Северо-Восточном Кавказе уже существовали отдельные коллективы, в которых наметился отход от комплексного ведения хозяйства в сторону преимущественного животноводства. По всей видимости, их наличие могло быть обусловлено тесными связями со степным скотоводческим населением, которые отчетливо фиксируются в культурах среднего бронзового века Северо-Восточного Кавказа, особенно присулакской и гинчинской, где, помимо прочего, известен и курганный обряд захоронения. В результате подобных межкультурных контактов в недрах комплексного хозяйства, характерного, в целом, для Кавказа, периодически возникали новации, основанные на общении с соседним пастушеским миром степи, которые выражались в появлении

отдельных групп населения с выраженной скотоводческой направленностью хозяйства. Вероятно, тогда же у этих групп населения сложился вариант экономической модели с резко выраженным преобладанием в стаде мелкого рогатого скота.

Экономика именно этих коллективов оказалась наиболее адаптированной к сухому и малоснежному климату Северного Кавказа первой половины суббореала, и именно эти коллективы в наибольшей мере пострадали от увеличения снежности зим последующего периода, создавшего серьезные проблемы для содержания скота.

В поисках зимних пастбищ эти коллективы вынуждены были уходить с Кавказа в прикаспийскую степь, где снеговой покров в зимнее время был мало-мощный либо отсутствовал. Таким образом, взаимодействие пришлых восточнокавказских групп с местными восточноманычскими коллективами привело к серьезному изменению состава населения Северо-Западного Прикаспия.

Аридизация в степи в описываемый период выражалась в сокращении мощности снежного покрова, что создавало весьма благоприятные условия для зимнего содержания скота. В этой ситуации окончательно сложилась зародившаяся еще на Кавказе ярко выраженная специализация на разведении мелкого рогатого скота, столь характерная для долининской культуры.

Борисов А.В., Ковда И.В., Белинский А.Б., Ляхов С.В., Демкин В.А., 2008. Слитые почвы Центрального Предкавказья в третьем тысячелетии до н. э. // Почвоведение. М.

Ростунов В.Л., 2007. Эпоха энеолита – средней бронзы Центрального Кавказа. Владикавказ. Т. 1: Расселение древних обществ на Центральном Кавказе в эпоху энеолита –

средней бронзы и роль географической среды в миграционном процессе.

Шнитников А.В., 1957. Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария // Записки географического общества Союза ССР. М.

**М.А. Губина, М.И. Воевода,
А.Г. Ромащенко, И.В. Куликов**

Институт цитологии и генетики СО РАН, Новосибирск

Т.А. Чикишева, В.И. Молодин

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

Краниологические особенности и характер изменения состава гаплотипов мтДНК у древнего населения Горного Алтая¹

Для ретроспективного изучения генетических связей носителей пазырыкской культуры были проведены исследования митохондриальной ДНК костных образцов, происходящих из погребений предшеству-

ющих культур: 5 образцов эпохи неолита и раннего металла с территории Горного и равнинного Алтая; 3 образца афанасьевской культуры; 6 образцов каракольской культуры, 2 образца синхронного ей самостояте-

¹ Работа поддержана грантами РГНФ (проекты 10-01-00322а и 10-01-00193а).

льного культурного образования эпохи бронзы и I об-разец раннескифского времени. Ранее проведенные ис-следования пазырыкской культуры показали наличие как западноевразийских, так и восточноевразийских гаплогрупп (Молодин и др., 1998; Воевода и др., 2003; Чикишева и др., 2007; Pilipenko et al., 2010).

По результатам молекулярно-генетического ана-лиза мтДНК исследованных образцов, относящихся к эпохе неолита – раннего металла равнинного и Горно-го Алтая, выявлены восточноевразийские гаплотипы гаплогрупп А, Z, С. Гаплогруппа А была выявлена в образцах из Горного Алтая (Нижнетыткескенская Пещера 1, эпоха раннего металла) и из северных пред-горий Алтая (могильник Иткуль, погребение 3¹), что может свидетельствовать о генетической связи пред-ставителей популяций двух различающихся по ланд-шафтно-географическим условиям областей. Таким образом, генетическими данными подтверждаются возможные связи населения эпохи позднего неолита или раннего металла означенного региона с районами Восточной Сибири, установленные по результатам археологических исследований, обнаруживающих сходство погребального инвентаря с артефактами синхронной серовской культуры Прибайкалья (Ки-рюшин, 2002; 1995; 2000; Молодин, 1999) и краниоло-гии (Дремов, 1980; Чикишева, 2010).

В образцах эпохи развитой бронзы доминирует западноевразийская гаплогруппа Н. В одном из образ-цов каракольской культуры выявлена также гаплог-руппа D, достаточно широко представленная в совре-менных популяциях Северо-Восточной Азии и Ал-тае-Саянского нагорья. У одного индивида (из погре-бения Бертек 56) – гаплогруппа W, распространенная в Европе, Западной и Южной Азии, а также в Север-ном Пакистане. Население афанасьевской культуры

Горного Алтая восходит к антропологическому суб-страту, в геноме которого преобладала гаплогруппа U. В формировании генофонда афанасьевского насе-ления мог принять участие также автохтонный ком-понент, характеризующийся гаплогруппой Н, о чем сви-детельствует обнаруженный нами гаплотип гаплог-руппы Н. В образцах раннескифского и гунно-сармат-ского времени была выявлена гаплогруппа Z.

На основе этих результатов можно сделать неско-лько заключений, созвучных с данными археологии и палеоантропологии:

- 1) выявление гаплогруппы Н у носителей пазырыкской культуры, вероятно, свидетельст-вует о генетических связях каракольцев и пазы-рыкцев, демонстрируя автохтонную составля-ющую последних;
- 2) начало инфильтрации восточноевразийских генотипов мтДНК на территорию Алтая отно-сится, по меньшей мере, к эпохе неолита. Север-ные предгорья Алтая заселялись носителями вос-точноевразийских гаплотипов уже в эпоху неолита;
- 3) европеоидный компонент в антропологических материалах II тыс. до н. э. юга Горного Алтая, по всей видимости, не связан с носителями афанасьевской культуры, а свидетельствует о воз-можных в эпоху бронзы контактах племен Юго-Восточного Алтая со скотоводческим насе-лением Передней и Средней Азии.

Практически все выявленные нами в палеообраз-цах гаплотипы встречаются в современных популя-циях Сибири, что позволяет, в перспективе, наметить генетические истоки отдельных этносов, у которых сохранилась значительная доля корневого генетиче-ского материала человека.

Воевода М.И., Шульгина Е.О., Нефедова М.В. и др., 2003. Палеогенетические исследования носителей культуры раннего железного века Горного Алтая // *Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы* (по данным археологии, антропологии, генетики). Новосибирск.
 Дремов В.А., 1980. Антропологические материалы из могильников Усть-Иша и Иткуль // *Палеоантропология Сибири*. М.
 Кирюшин Ю.Ф., 2002. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул.
 Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф., 1995. Археология Нижнетыткескенской 1 пещеры. Барнаул.
 Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Кадиков Б.Х., 2000. Древнейшие могильники северных предгорий Алтая. Барнаул.
 Молодин В.И., 1999. Неолитическое погребение на озере Иткуль и некоторые соображения по поводу погребальных комплексов данной эпохи в предгорьях и горах Алтая //

Проблемы неолита – энеолита юга Западной Сибири. Кемерово.
 Молодин В.И., Ромашенко А.Г., Воевода М.И. и др., 1998. Палеогенетический анализ генофонда населения Сибири // *Интеграционные программы фундаментальных исследований*. Новосибирск.
 Чикишева Т.А., 2010. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита – раннего железного века: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск.
 Чикишева Т.А., Губина М.А., Куликов И.В. и др., 2007. Палеогенетическое исследование древнего населения Горного Алтая // *Археология, этнография и антропология Евразии*. № 4 (32).
 Pilipenko A.S., Romaschenko A.G., Molodin V.I. et al., 2010. Mitochondrial DNA studies of the Pazyryk people (4th to 3rd centuries BC) from northwestern Mongolia // *Archaeological and Anthropological Sciences*. Vol. 2. № 4.

1 Могильник Иткуль одни исследователи (Молодин, 1999) относят к эпохе неолита, другие – к большемысской культуре (Кирюшин, 2002).

**В.А. Демкин, А.В. Борисов, М.В. Ельцов,
Т.С. Демкина, Т.Э. Хомутова, Н.Н. Каширская,
С.Н. Удадьцов, Б.Н. Золотарева**
Институт физико-химических и биологических
проблем почвоведения РАН, Пущино, Московская обл.

Палеоэкология нижневолжских степей в эпоху раннего железа¹

Исследования подкурганых педохронорядов в различных природных районах нижневолжских степей свидетельствуют, что эволюция почв дренированных ландшафтов во второй половине голоцена была однонаправленной и метакронной (Демкин, Борисов и др., 2010. С. 75–84). В масштабе исторического времени климат являлся ведущим фактором почвообразования. Его вековая динамика находила отражение в морфолого-химических, магнитных и микробиологических свойствах палеопочв, в состоянии ландшафтов и почвенного покрова, в особенностях их пространственно-временной организации и функционирования в течение той или иной археологической эпохи. Результаты почвенно-археологических исследований дают основания считать, что разновозрастные подкурганые палеопочвы являются надежными индикаторами вековой изменчивости природных условий. Использование комплекса различных почвенных характеристик (морфолого-стратиграфические, химические, микробиологические, молекулярно-генетические, магнитные) заметно повышает детальность и достоверность палеоэкологических реконструкций. Именно такой подход использован нами для реконструкции динамики атмосферной увлажненности в нижневолжских степях в савромато-сарматское время (VI в. до н. э. – IV в. н. э.). Его суть состоит в том, что с учетом таксономической принадлежности палеопочв, степени их засоленности, гумусированно-

сти, солонцеватости, особенностей состояния микробных сообществ и др. возможна оценка нормы атмосферных осадков в прошлые исторические эпохи по сравнению с современной. При реконструкции увлажненности климата принимался в расчет и тот факт, что в настоящее время разница в среднегодовом количестве осадков в сухих степях Волго-Донского междуречья и в пустынно-степной зоне Заволжья составляет 50–70 мм (табл. 1).

Палеопочвенные исследования курганов ранне-, средне- и позднесарматского времени свидетельствуют о том, что на протяжении II в. до н. э. – IV в. н. э. в палеопочвах нижневолжских степей происходили циклические изменения морфологических, химических, микробиологических, магнитных свойств. Масштабы выявленных изменений не приводили к эволюционным преобразованиям почв на типовом (подтиповом) таксономическом уровне. Однако они свидетельствуют об определенной динамике среднегодового количества атмосферных осадков в пределах ± 30 –50 мм. Следует отметить, что особенности и направленность изменений каждого из перечисленных выше показателей отражают одни и те же закономерности динамики климатических условий. Использование комплекса палеопочвенных, микробиологических, магнитных данных обеспечило достаточно высокую степень достоверности проведенных реконструкций динамики природных условий. Время существ-

Таблица 1. Реконструкция увлажненности климата нижневолжских степей в эпоху раннего железа

Археологические культуры	Время	Волго-Донское междуречье, сухостепная зона	Заволжье, пустынно-степная зона
		Количество атмосферных осадков, мм/год	
Савроматская	VI–V вв. до н. э.	~400	330–350
Раннесарматская	2-я пол. IV – III в. до н. э.	300–350	250–280
	2-я пол. II – I в. до н. э.	~400	330–350
Среднесарматская	I в. н. э.	380–400	300–330
	1-я пол. II в. н. э.	350–380	~300
Позднесарматская	2-я пол. II – 1-я пол. III в. н. э.	330–350	250–280
	2-я пол. III в. н. э.	350–380	~300
	конец III – IV в. н. э.	380–400	300–330
Современность		350–370	280–300

¹ Исследования проводились при поддержке РФФИ и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН.

вования сарматской культурно-исторической общности в климатическом отношении можно рассматривать как эпоху чередования микроплювиальных и микроаридных периодов продолжительностью до 150–200 лет (табл. 1). В частности, относительно влажными климатическими условиями как в Волго-Донском междуречье, так и в Заволжье, характеризовались I в. до н. э., I и IV вв. н. э. (380–400 и 300–350 мм/год соответственно), а наиболее засушливыми – вторая половина II – первая половина III в. н. э. (330–350 и 250–280 мм/год). Промежуточная и близкая ситуация по степени увлажненности имела место в первой половине II в. н. э. и во второй половине III в. н. э. (350–380 и ~300 мм/год). Установленная нами периодизация и хронология динамики климатических условий Волго-Донских степей в сарматское время в целом согласуется с закономерностями развития природных процессов в других регионах степей и пустынь Евразии. В частности, по результатам палеогео-

ографических и почвенно-археологических исследований микроплювиалы в I–II и/или в конце III–IV вв. зафиксированы на Ближнем Востоке (Enzel, Bookman, Sharon et al., 2003. P. 263–273), в Приазовье (Песочина, 2004. С. 23), в Южном Приуралье (Рысков, Демкин, 1997. С. 121–123), в Зауралье (Плеханова, Демкин, 2008. С. 5–16). В бассейне Аральского моря во II–III вв. н. э. заметно усилилась засушливость климата (Виноградов, Мамедов, 1991. С. 66–75; Маев, Маева, Карпычев, 1991. С. 76–86). В связи с этим можно полагать, что динамика увлажнения климата в Волго-Уральских степях была синхронной, а следовательно, в Нижнем Поволжье, как и в Южном Приуралье (Рысков, Демкин, 1997. С. 121–123; Демкин, Ельцов, Борисов и др., 2003. С. 212–219), савроматский гумидный период (VI–V вв. до н. э.) сменился ранне-сарматским аридным (IV–III вв. до н. э.) со снижением среднегодовой нормы атмосферных осадков не менее чем на 50–70 мм (табл. 1).

Виноградов А.В., Мамедов Э.Д., 1991. Изменения климата и ландшафтов междуречья Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи (по археологическим и палеогеографическим данным) // Аральский кризис. М.
 Демкин В.А., Ельцов М.В., Борисов А.В., Алексеев А.О., Алексеева В.А., 2003. Палеопочвы и природные условия левобережного Илека в эпохи бронзы и раннего железа // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Уральск. Вып. 2.
 Демкин В.А., Борисов А.В., Демкина Т.С., Хомутова Т.Э., Золотарева Б.Н., Каширская Н.Н., Удальцов С.Н., Ельцов М.В., 2010. Волго-Донские степи в древности и средневековье (по материалам почвенно-археологических исследований). Пушкино.

Маев Е.Г., Маева С.А., Карпычев Ю.А., 1991. Аральское море в голоцене // Аральский кризис. М.
 Песочина Л.С., 2004. Развитие почв и природной среды Нижнего Дона во второй половине голоцена: Автореф. дис. ... канд. биол. наук, М.
 Плеханова Л.Н., Демкин В.А., 2008. Палеопочвы курганов раннего железного века степного Зауралья // Почвоведение. №1.
 Рысков Я.Г., Демкин В.А., 1997. Развитие почв и природной среды степей Южного Урала в голоцене. Пушкино.
 Enzel Y., Bookman R., Sharon D., Gvirtzman H., Dayan U., Ziv B., Stein M., 2003. Late Holocene climates of the Near East deduced from Dead Sea level variations and modern winter rainfall // Quaternary Research. Vol. 60.

**Т.С. Демкина, Т.Э. Хомутова,
 Н.Н. Каширская, А.В. Борисов, В.А. Демкин**
 Институт физико-химических и биологических
 проблем почвоведения РАН, Пушкино, Московская обл.

Проблемы интеграции почвенной микробиологии и археологии в изучении курганов степной зоны¹

Характеристика микробного сообщества почвы относится к числу важнейших диагностических показателей, отражающих условия почвообразования. Проведенные микробиологические исследования подкурганных палеопочв сухих и пустынных степей Восточной Европы показали (Демкина, Борисов и др., 2000. С. 1117–1126; 2004. С. 853–859; и др.), что в них до настоящего времени сохраняются микробные со-

общества, существовавшие во время сооружения археологических памятников. Это подтверждено данными определения возраста (Demkina et al., 2008. P. 1439–1447) микробной фракции с использованием метода ¹⁴C атомной масс-спектрометрии (табл. 1). Возраст микробного сообщества определяли в Радиоуглеродной лаборатории Парка науки и технологий (Познань, Польша). Микробную фракцию выделяли

¹ Исследования проводились при поддержке РФФИ и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН.

из почвы методом экстракции и осаждения клеток (Khomutova et al., 2007. P. 328–336.). Метод включал следующую трехкратную процедуру: обработку почвенной суспензии ультразвуком (дважды по 30 сек, с паузой между ними 30 сек, при охлаждении на УЗГ13-01/22), отделение супернатанта, содержащего микробные клетки, от почвенного остатка центрифугированием (2000 об/мин в течение 30 мин). После трех последовательных обработок супернатанты объединяли, микробную фракцию осаждали (5000 об/мин в течение 90 мин), промывали раствором пирофосфата натрия для удаления возможных остатков гумуса, лиофилизировали. Время создания кургана, устанавливаемое по археологическим материалам, совпадает с данными радиоуглеродного возраста микробной биомассы в горизонте А₁ палеопочвы. Следовательно, характеристики микробных сообществ разновозрастных палеопочв должны отражать экологические условия той или иной исторической эпохи.

Нами установлены микробиологические параметры, дающие контрастную характеристику микробного сообщества в степных палеопочвах в аридные и гумидные климатические периоды. К их числу относятся: 1) активная биомасса микроорганизмов (Anderson, Domsch, 1978. P. 215–221); 2) ее доля от Сорг почвы; 3) эколого-трофическая структура микробного сообщества (ПА:НА:БС), характеризующаяся соотношением микроорганизмов (в %), растущих на почвенном агаре и использующих элементы питания из рассеянного состояния (ПА), на нитритном агаре и потребляющие гумус (НА), на богатой органической среде и разлагающие растительные остатки (БС); 4) соотношение численности микроорганизмов, использующих легкодоступное органическое вещество – растительные остатки (БС), и труднодоступное – гумус (НА): БС/НА; 5) индекс олиготрофности (ПА/БС.100) (Никитин, Никитина, 1978. С. 98), который характеризует способность микробного сообщества ассимилировать из рассеянного состояния зольные элементы питания, т. е., чем выше его значение, тем к более бедным условиям питания приспособлены почвенные микроорганизмы, и наоборот, чем ниже, – тем к более богатым условиям, связанным с большим поступлением в почву растительных остатков. Количественные характеристики состояния

микробных сообществ, такие как значительная биомасса активных микроорганизмов и их высокая доля от Сорг почвы, преобладание в эколого-трофической структуре микроорганизмов, использующих легкодоступные органические вещества, высокие значения отношения численности микробов, использующих растительные остатки и гумус, низкие величины индекса олиготрофности, дают основания говорить о возрастающем поступлении в почву растительной массы. Известно, что в засушливых областях, к каковым относится и исследованная территория Нижнего Поволжья, увеличение растительной массы прежде всего обусловлено повышением атмосферных осадков в тот или иной исторический период. Усиление же аридизации климата в масштабе исторического времени, напротив, приводит к снижению четырех первых показателей и увеличению пятого.

Используя методы почвенной микробиологии, можно повысить достоверность проводимых пищевых реконструкций содержимого сосудов (табл. 2), полученных фосфатным методом (Демкин, Демкина, 2000. С. 73–81). Мы исходим из вполне обоснованного предположения, что в придонном грунте того или иного сосуда должны были сохраниться жизнеспособные специфические микроорганизмы (МО), использующие в качестве основного питательного субстрата продукты различного происхождения: мясной бульон, молоко, растительный отвар либо другие. Учет численности специфических групп микроорганизмов проводится чашечным методом посева водной суспензии из придонного и контрольного грунтов на твердые питательные среды. Они готовятся, соответственно, из предполагаемого содержимого сосудов (мясной бульон, либо молоко, либо каша, либо растительный отвар и пр.), грунта и агара как отвердителя.

Всплеск относительной численности микроорганизмов в % от численности на почвенном агаре (ПА) на той или иной среде по сравнению с контрольным вариантом будет характеризовать исходное содержимое сосуда.

Следовательно, для археологических исследований с помощью почвенной микробиологии можно получить возраст захоронения по ¹⁴С микробной фракции, реконструировать палеоклиматические условия и определить содержимое сосудов.

Таблица 1. Возраст выделенных микробных фракций из различных горизонтов современной и подкурганной (Гв. н. э.) каштановых почв (объект «Акса́й»)

Горизонт, мощность, см	Лабораторная маркировка образца	Возраст, лет
Современная каштановая почва, разрез Д-678		
A1 0-18	VOLGA A1 C POZ-19928	101.37±0.39
B1 18-29	VOLGA B1 C POZ-20037	780 ± 30
B2 29-50	VOLGA B2 C POZ-20028	3300±30
Каштановая палеопочва, разрез Д-681, курган 3		
A1 143-153	VOLGA A1 P POZ-19955	2200±35
B1 153-175	VOLGA B1 P POZ-19956	3440±35
B2 175-187	VOLGA B2 P POZ-20038	3680±35

Таблица 2. Реконструкция заупокойной пищи в глиняном сосуде из захоронения срубной культуры (XVI–XV вв. до н. э.) в кургане 15 могильника Неткачево (Волгоградская обл.)

Объект	Содержание P ₂ O ₅ , мг/100 г	Содержимое сосуда по P ₂ O ₅	Содержание микроорганизмов, % от численности на ПА		Содержимое сосуда по МО
			Мясной бульон	Молоко	
Погребение 1	Фон	5.2	Мясомолочный продукт	11	157
	Горшок	10.6		19	385

Демкин В.А., Демкина Т.С., 2000. О возможности определения погребальной пищи в керамических сосудах из курганов бронзового и раннежелезного веков // ЭО. № 4.

Демкина Т.С., Борисов А.В., Демкин В.А., 2004. Микробиологические исследования подкурганых палеопочв пустынно-степной зоны Волго-Донского междуречья // Почвоведение. № 7.

Демкина Т.С., Борисов А.В., Демкин В.А., 2000. Микробные сообщества палеопочв археологических памятников пустынно-степной зоны // Почвоведение. № 9.

Никитин Д.И., Никитина Э.С., 1978. Процессы самоочищения окружающей среды и паразиты бактерий (род *Bdellovibrio*). М.

Anderson J.P.E., Domsch K.H., 1978. A physiological method for the quantitative measurement of microbial biomass in soils // Soil Biol. Biochem. Vol. 10. ? 3.

Demkina T.S., Khomutova T.E., Kashirskaya N.N. et al., 2008. Age and activation of microbial communities in soils under burial mounds and in recent surface soils of steppe zone // Eurasian Soil Science. Vol. 41. № 13.

Khomutova T.E., Demkina T.S., Borisov A.V. et al., 2007. An assessment of changes in properties of steppe kurgan paleosoils in relation to prevailing climates over recent millennia // Quaternary Research. Vol. 67. № 3.

М.В. Добровольская

Институт проблем экологии и эволюции
им. А.Н. Северцова РАН, Москва

Исследования материалов кремации: к реконструкции погребального обряда

Материалы кремации – особый источник в реконструкции погребальной обрядности. Имея глубочайшие корни, обряд сожжения останков умершего получает широкое распространение в эпоху бронзы и ранний железный век. Проведение комплексного анализа кремированных останков существенно расширяет возможности, как в части категориальной идентификации памятников, так и для реконструкции погребального обряда. Определение условий и продолжительности термической обработки, полноты захоронения останков, тафономических характеристик позволяет получать более полную информацию о погребальной обрядности. Базой для масштабных сопоставлений особенностей обрядов в различных культурных традициях следует считать сбор и хранение материалов кремации для дальнейшего лабораторного исследования. Среди методов, использующихся в исследованиях материалов кремации актуальны оценка цветности, размерности фрагментов, геометрии их форм и термических деформаций. Важны также определение веса скоплений и отдельных фрагментов. Основой для получения видовых и половозрастных

определений служат анатомически определяемые фрагменты скелета и зубов. Описание следов травматических и иных патологических проявлений открывает возможности как для воссоздания индивидуальных особенностей образа жизни погребенных, так и для реконструкции перимортальных форм обращения с телом. Анализ минеральной части скелетных тканей (элементный, изотопный) может быть положен в основу реконструкции моделей питания, а также выявления групп (индивидов) мигрантного происхождения. Обсуждаются методические и методологические основания индивидуальных исследований и статистические подходы в изучении материалов кремации. В последние годы наблюдается активное внедрение новых методов судебной медицины, палеопатологии, палеодемографии в исследования археологических памятников, содержащих материалы кремации (см., напр. The Analysis of Burned Human Remains, 2008 / Ed. by C. Schmidt, S. Symes). Обсуждается программа фиксации и сбора кремированных останков в полевых условиях, составляются правила коллекционного хранения.

Почвенные горизонты в культурном слое как индикаторы периодов запустения

Культурные слои древних поселений как один из лучших объектов для изучения истории взаимодействия природы и человека привлекают все большее внимание исследователей. Культурные отложения и почвы поселенческих структур несут важную информацию об истории развития ландшафтов, изменении типов землепользования и в целом хозяйственной деятельности человека. Она может быть декодирована с помощью методов почвоведения и палеогеографии.

Культурные отложения представляют собой мощные, закономерно построенные толщи, формирование которых происходит под действием следующих трех основных групп процессов: седиментации, почвенных процессов и диагенеза.

Процессы седиментации в основном определяются накоплением строительного мусора, связанного с возведением, функционированием и разрушением построек (щепа, кирпич, известь, песок, глина). В меньшем количестве накапливается бытовой (навоз, пищевые и древесные остатки, кости, керамика) и производственный мусор (шлаки, остатки инструментов, выплески). Встречаются остатки печей (в том числе бытовых) и горнов, представленные зонами прокаленного грунта, слоями золы; горелые прослойки (зола, угли). Однако морфологический облик культурных отложений формируется лишь после наложения почвенных (верхние 1–2 м) и диагенетических процессов (глубина более 2 м).

На поверхности накапливающихся культурных отложений шли почвенные процессы, которые особенно четко проявлялись в периоды замедления седиментации и формирования почвенных горизонтов. Почвенные процессы выражены в формировании самостоятельных профилей слаборазвитых почв, соответствующих периодам замедления или полной остановки седиментации, а также в появлении почвенных признаков, рассеянных в толще культурного слоя (Александровский, 1997). К ним относятся копролиты и ходы червей, карбонатные и железо-марганцевые новообразования, а также кутаны из вивианита (керченита).

К наиболее важным почвенным процессам следует отнести процессы гумификации органического вещества: при развитии на минеральном сухом (темно-сером) слое они приводят к формированию более темных гумусовых почвенных горизонтов, но на переувлажненном органическом (темно-коричневом) слое – сопровождаются разложением и минерализацией грубого органического вещества и снижением общего его количества в пределах профилей слаборазвитых почв. Процессы оструктурирования выделяются по стиранию слоистости и неоднородности, по-

явлению комковатой и копрогенной зернистой структуры, как в профилях слаборазвитых почв, так и в общей массе слоя, до глубины 2 м, по трещинам и ходам червей (Александровский и др., 1997).

Почвы и почвенные горизонты, залегающие в толще культурных отложений городских и сельских территорий, свидетельствуют о перерывах в седиментации, формировании естественной растительности; в отдельных случаях они имеют признаки временного появления агроландшафтов. Для этих слаборазвитых маломощных почв характерны гомогенизация, оструктурирование, трансформация гумусового состояния, снижение содержания органического углерода с 28–34 до 8–11%. Почвы, погребенные в сухом слое (малогумусные супеси и суглинки), характеризуются накоплением органического углерода, в органическом переувлажненном слое (торфообразная масса со щепой) – его потерей.

Культурные отложения накапливаются скачкообразно (неравномерно) в условиях регулярного поступления разнообразного мусора и отходов. Отмечаются перерывы разного происхождения и разной длительности. Первая группа кратковременных перерывов связана со срезанием и перемещением ранее накопленных отложений, в том числе и в результате нивелировочных работ (выравнивание площадок для строительства новых построек). Морфологически в культурном слое они не проявляются, а отмечаются только по перерывам (хиатусам) в стратиграфии и хронологии археологического материала. Вторая группа долговременных перерывов связана с прекращением застройки на конкретной территории и появлением огородов, садов и пустырей. Таким перерывам соответствуют слаборазвитые почвы, сформированные в результате переработки материала ранее накопленных культурных отложений. Мощность этих горизонтов может быть различной, от нескольких см (серия почв XVII–XIX вв., Ярославово Дворище, Великий Новгород) до 0,5 м (современная почва на культурных отложениях Фанагории). Формирование данных почв происходит как в условиях естественных пустырей, так и в условиях агрогенной деятельности (пашни и огороды, сады). Причем в условиях пашни-огорода скорость преобразования увеличивается.

Таким образом, почвенные горизонты не только маркируют периоды запустения и смену типов хозяйственного использования территории, но и позволяют дать хронологическую оценку длительности этих перерывов (от десятков до сотен лет) по мощности и степени выраженности свойств.

Александровский А.Л., 1997. Почвы и культурный слой Москвы: строение и история развития (формирования) // Тез. докл. Междунар. конф. «Проблемы антропогенного почвообразования». М. Т. 4.

Александровский А.Л., Бойцов И.А., Кренке Н.А., 1997. Почвы и культурный слой Москвы: строение, история развития, география // Изв. РАН. Сер. Геогр. № 4.

О.А. Дружинина

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград

Комплексные палеогеографические исследования ранних этапов освоения Юго-Восточной Прибалтики

Для решения задач, направленных на детализацию поселенческой ситуации, существовавшей в Юго-Восточной Прибалтике с позднеледниковья, были организованы комплексные исследования, сочетающие методы естественных наук, археологии и ГИС (работа ведется при финансовой поддержке РФФИ, проект 09-06-00150а). Методика работ включает изучение объектов палеогидросети с целью реконструкции изменений природных обстановок позднеледниковья и послеледниковья, археологическое обследование наиболее перспективных в палеоэкологическом отношении природных районов, исследование опорных памятников археологии с применением радиоуглеродного, палинологического, геохимического методов, точную геоморфологическую и ландшафтную привязку памятников к электронной карте.

Ретроспективный анализ природных условий позволил выделить наиболее благоприятные для освоения в позднеледниковье и потому наиболее перспективные в отношении палеоэкологических исследований ландшафтные районы. С 2006 г. на территории двух из них – Шешупской равнины и Виштынецкой возвышенности – проводятся целенаправленные полевые исследования памятников каменного века. В ходе ряда экспедиций были открыты и обследованы около двух десятков стоянок каменного века, в том числе десять, датируемых поздним палеолитом – ранним мезолитом. Полученная в процессе полевых и камеральных работ информация систематизировалась для представления в виде: 1) электронной базы данных, включающей следующие характеристики: координаты памятника, современное топографическое положение, палеогеографическую характеристику памятника, культурную атрибуцию, хронологию, сведения о находках; 2) специализированного ГИС-слоя «Археологические памятники Калининградской области» в структуре создаваемой ГИС «Калининградская область» (проект Минобразования «Развитие научного потенциала высшей школы»). В качестве базового программного обеспечения при разработке археологической

базы данных и ГИС используется Археологическая информационная система (АИС) Археораф 2.6, созданная в ИИМК РАН (автор – С.А. Васильев). Картографическая основа для ГИС получена с бумажной карты масштаба 1:200000 в программе Карта 2005 9.15 (ГИС Панорама). Структура создаваемой системы предусматривает как хранение, поиск и анализ информации вне зависимости от сторонних программных средств, так и организацию ее непосредственного взаимодействия с геоинформационной системой для последующего анализа средствами ГИС с использованием цифровой карты. В настоящее время база данных содержит сведения о 120 археологических объектах, хронологически отнесенных к каменному веку: поселениях, местонахождениях кремневых предметов и местах случайных единичных находок орудий из кремня, кости или рога.

Проведенные исследования позволяют сделать предварительные выводы о пространственном распределении выявленных археологических объектов. Наибольшее количество памятников (56) расположено в долине р. Шешупе (северо-восточная часть Калининградской обл.). Это связано как с оптимальным для освоения территории сочетанием природных характеристик долинных ландшафтов – особенностями гидросети и мезорельефа, доступностью кремневого сырья, характером отложений, слагающих террасы реки, – так и с активным целенаправленным изучением этого природного района в 1970-х гг. (разведки под руководством В.И. Тимофеева, ИИМК РАН) и в настоящее время. В пределах долины р. Шешупе распределение стоянок также неравномерно: выделяются несколько отдельных групп древнейших поселений.

В бассейне р. Шешупе известны многочисленные мезолитические стоянки (на некоторых отмечены находки финально-палеолитического облика) (Тимофеев, 1983. С. 27). Археологические разведки 2006–2009 гг. выявили стоянки, датированные позднеледниковым временем (Дружинина, 2009).

С. 5). Прежде всего, это группа памятников в нижнем течении реки у п. Рядино. Кремневый инвентарь, обнаруженный на стоянках, пока позволяет сделать лишь самые общие выводы о культурной принадлежности первобытного населения: прослеживается сходство отдельных черт орудийного комплекса стоянок Рядино с позднепалеолитическими кремневыми комплексами культур Бромме и Аренсбурга на территории Литвы и Польши.

На одной из стоянок этой группы, Рядино 5, наряду со спасательными археологическими работами проводятся палеоэкологические исследования. К настоящему времени раскопками вскрыто 20 м² памятника; коллекция обнаруженных кремневых предметов превышает 2000 экз. Культурный слой памятника залегает на позднеплейстоценовых флювиогляциальных песчано-гравийных отложениях и перекрыт, ве-

роятно, золотыми позднедриасовыми песками. На стоянке произведен отбор проб на палинологический и геохимический анализы, результаты которых позволят детализировать особенности природных условий в период бытования стоянки, осуществить реконструкцию функциональных зон поселения.

Результаты исследований 2006–2010 гг. свидетельствуют в пользу гипотезы о плейстоценовом этапе освоения этого региона. В перспективе дальнейших комплексных исследований – модель демографических процессов, происходивших на территории Юго-Восточной Прибалтики в позднеледниковое время с учетом динамики природной среды. Это позволит оценить воздействие природных факторов на формирование социально-этнических общностей, а также ранних форм хозяйственной деятельности на природных биоценозы.

Дружинина О.А., 2009. Отчет об археологических исследованиях (разведках) в нижнем течении р. Шешупе в Неманском районе Калининградской области в 2008 году // Архив ИА. ??

Тимофеев В.И., 1983. Мезолитические памятники в нижнем течении реки Шешупе (Калининградская обл.) // Исследования по мезолиту и неолиту СССР. Л.

М.О. Жуковский

АНО «Современные технологии в археологии и истории», Москва

Изучение топографии, структуры и ландшафтного зонирования Гнёздовского комплекса археологических памятников с использованием ГИС-технологий

Гнёздовский комплекс археологических памятников, расположенный в 7–13 км к западу от г. Смоленска, на правом и частично левом берегу р. Днепр, – один из крупнейших раннегородских центров периода образования Древнерусского государства – в настоящее время состоит из шести курганных групп, нескольких одиночных курганов, двух городищ и селища, связанных временем возникновения и существования и характером найденных при исследованиях материалов. Сохранившиеся курганные группы Гнёздова насчитывают на текущий момент более 1600 насыпей, а общая площадь, занимаемая памятниками, составляет около 150 га (рис. 1).

Несколько лет назад на кафедре археологии Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова был разработан проект, призванный объединить в многофункциональной информационной системе (ИС) весь массив научных знаний о Гнёздовском археологическом комплексе для обеспечения их надежного хранения, свободного доступа, аналитической обработки,

представления и распространения в научных и образовательных целях.

Основой проекта стала геоинформационная система (ГИС), охватывающая все доступные исследователям картографические, топографические и планиграфические материалы, а также данные дистанционного зондирования (аэрофото- и космосъемки). В состав ГИС вошли сразу несколько категорий геоданных: исторические карты и планы района расположения Гнёздовского комплекса начиная с 30-х гг. XVIII в., исторические топографические карты XIX в., топографические карты в масштабе от 1:50000 до 1:500, созданные начиная с 1924 г., археологические планы отдельных частей комплекса начиная с конца XIX в., данные дистанционного зондирования (разведывательная съемка 1970 г., современные аэрофото- и космоснимки сверхвысокого разрешения), карты геологического и почвенного районирования. Все вошедшие в состав ГИС материалы были интегрированы в едином координатном пространстве, что

позволило применить современные компьютерные алгоритмы обработки массивов пространственно координированных данных для решения вопросов, касающихся топографических и ландшафтных закономерностей расположения и развития Гнёздовского археологического комплекса и отдельных памятников, входящих в его состав.

В результате объединения данных в рамках ГИС была создана методическая и информационная база для постановки и решения следующих проблем изучения Гнёздовского археологического комплекса на основе обобщенных материалов исследований памятника за более чем 140-летний период:

- 1) анализ закономерностей структуры Гнёздовского комплекса, микротопографических принципов расположения и взаимосвязи его поселений и могильников, особенностей их внутренней структуры;
- 2) ландшафтное районирование микрорегиона расположения комплекса и его ближайшей округи и дифференциация зон поселенческого, хозяйственного и ритуального использования территории Гнёздова, их ресурсоемкость;
- 3) определение маршрутов внутреннего и внешнего сухопутного транспортного сообщения между частями комплекса;
- 4) анализ визуальной связи между частями территории Гнёздова на основе модели микротопографии комплекса (анализ видимости и доступности);
- 5) выяснение динамики роста и развития Гнёздовского комплекса и внутренней хронологии его составляющих;
- 6) моделирование динамики изменения русла Днепра начиная с середины XX в. и оценка его воздействия на состояние памятника;

7) ландшафтная, топографическая и гидрологическая палеореконструкция территории и условий расположения комплекса в период его существования.

Интеграция разобренных планов частей памятника выявила четкую концентрическую систему расположения элементов Гнёздовского комплекса (рис. 1). Ядром Гнёздова является Центральное городище, занимающее оконечность мыса, образованного краем первой надпойменной террасы левого берега Днепра и руслом впадающего в него руч. Свинец. Вокруг Центрального городища, на площадке террасы как к западу, так и к востоку от руч. Свинец, а также частично в пойме Днепра, располагается селище. Южная граница поселения в целом – естественная и образована течением Днепра. С запада, севера и востока поселение отделено от окружающего его пространства курганным могильником, традиционно разделяемым в историографии на несколько курганных групп. Тем не менее, деление на курганные группы является условным, анализ территории Центрального могильника Гнёздова как единого целого показывает, что разрывы в курганном поясе, окружающем поселение, приходится на пойменные участки руч. Свинец и его небольшого безымянного притока, пойму Днепра и ряд непроходимых заболоченных зон старичного происхождения в восточной части памятника. Таким образом, анализ модели рельефа территории Гнёздова демонстрирует еще одну характерную закономерность – курганные насыпи всех могильников памятника располагаются на возвышенных участках надпойменной террасы и (в ряде мест) высокой поймы, приподнятых над современным урезом воды Днепра не менее чем на 8–10 м. При этом фактор

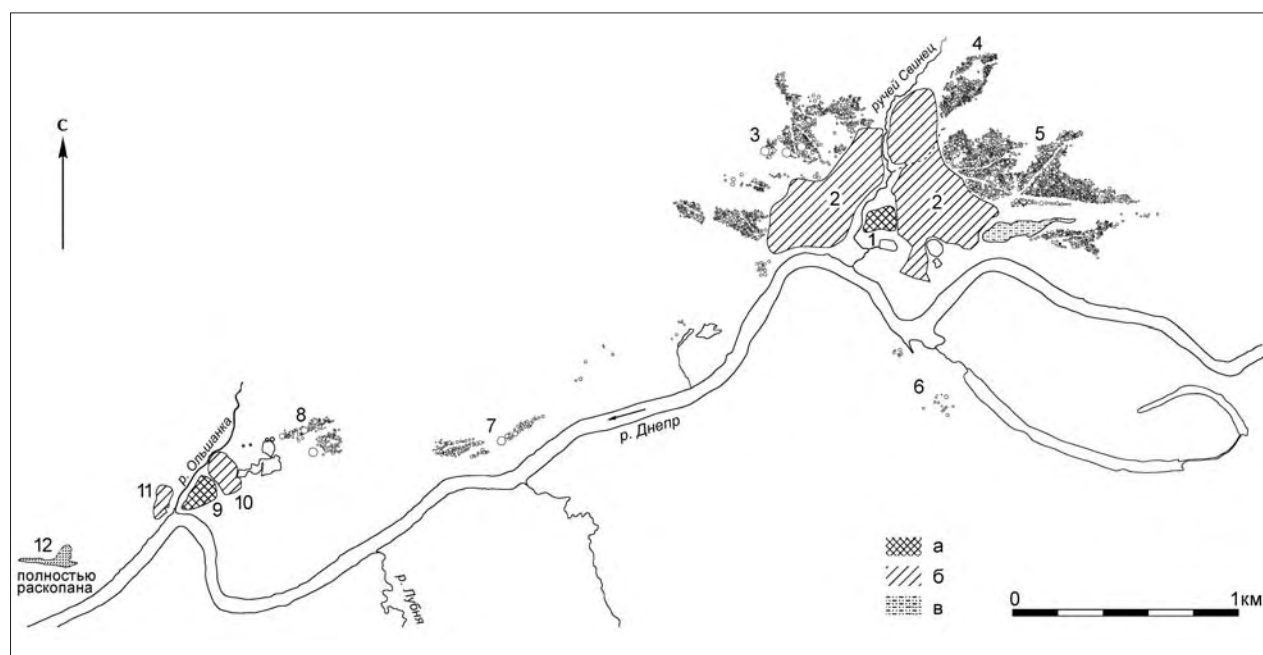

Рис. 1

Гнёздовский археологический комплекс. Ситуационный план

Поселения: 1 – Центральное городище, 2 – Центральное селище, 9 – Ольшанское городище, 10 – Ольшанское селище, 11 – Заольшанское селище; курганные группы: 3 – Центральная, 4 – Глущёнковская, 5 – Лесная, 6 – Левобережная, 7 – Днепровская, 8 – Ольшанская, 12 – Заольшанская

высоты над уровнем реки при выборе места размещения могильников является более значимым, нежели приуроченность к площадкам поселений. Плотность расположения насыпей внутри могильников очень велика, особенно на «пограничных» в высотном отношении краях возвышенных площадок, и практически исключает возможность потенциального размещения дополнительных курганов внутри сформированных групп, что придает большое значение анализу существующих в настоящее время участков свободного

пространства внутри могильников. Для центральной части Гнёздовского комплекса удалось выделить ряд свободных зон, происхождение которых с большой долей вероятности не связано с факторами новейшего антропогенного воздействия на памятник. Они располагаются в западной и восточной частях могильника, окружающего Центральное поселение, и связаны, судя по форме, с дорогами, ведущими к группе памятников комплекса, расположенных к западу, и ввне комплекса – к востоку.

И.В. Журбин

Физико-технический институт УрО РАН, Ижевск

Геофизические исследования системы укреплений средневековых поселений Прикамья¹

Применение различных модификаций электроразведки позволяет восстановить форму сохранившейся части укреплений, а также оценить их структуру и состав грунтов. Данный вариант комплексирования основан на том, что каждый из вариантов измерительной установки эффективен при выявлении различных типов объектов поиска и геологических структур. Раскопки необходимы для интерпретации геофизических данных, а также для реконструкции технологии и хронологии возведения. На заключительном этапе изучения системы укреплений предусматривается формирование пространственной модели археологического объекта по геофизическим данным. Такой способ представления результатов междисциплинарных исследований позволяет восстановить исходную форму объектов, не искаженную поздними наносами и современными почвенными отложениями. Эффективность такого подхода была показана при изучении средневековых городищ в бассейне р. Чепца (Иднакар и Гурьякар) и на Верхней Каме (Рождественское).

На городище Иднакар выявлены три линии укреплений. Внутренний вал в рельефе не выражен. Результаты комплексных исследований позволяют предположить, что вал представлял собой достаточно однородный массив глины длиной не менее 84 м, основа вала – срубы, забутованные материковой глиной. В более поздний период существования городища территория заплывшего рва активно использовалась жителями: зафиксированы врезки, очаги, остатки столбовых конструкций. Форма вала в профиле на всем его протяжении практически неизменна: близкая к вертикальной внутренняя сторона и пологий наружный склон.

Геофизические исследования средней линии укреплений выявили не менее четырех вариантов

структуры вала: суглинки с различными примесями, перекрытые с внешней стороны материковой глиной (длина участка 24 м); песчаная основа, перекрытая суглинками и материковой глиной (28 м); суглинки (внутренняя часть) и супеси (внешний склон) с различными примесями, перекрытые с внутренней стороны материковой глиной (14 м); насыпь материковой глины (4 м). Практически по всей длине вал с внутренней стороны был укреплен прокаленной глиной.

Электрометрические исследования внешней линии (длина участка 42 м) позволили предположить, что на всем сохранившемся участке ядро насыпи вала сформировано суглинком с гумусом, его перекрывает слой глины. Склоны вала достаточно пологие.

Таким образом, использование электроразведки позволило реконструировать оборонительные сооружения городища Иднакар на всем их протяжении. Геофизическая реконструкция хорошо согласуется с результатами раскопок. Результаты междисциплинарных исследований позволяют утверждать, что единого стандарта при возведении укреплений Иднакара не существовало – каждая из линий обороны отличается по форме, составу грунтов и технологии возведения. Наиболее контрастно эту особенность демонстрируют результаты изучения средней линии укреплений.

Площадка городища Гурьякар много лет распаханная, в результате чего оборонительные сооружения в рельефе практически не выражены: высота валов 0,1–0,4 м, а глубина рва в центре внешней линии (остальные рвы визуально не фиксируются) – 0,1–0,5 м. Раскопок укреплений не проводилось, следовательно, их расположение и размеры определены достаточно условно. Электрометрические исследования позволили уточнить расположение всех трех линий обороните-

¹ Исследования выполняются при финансовой поддержке РФФИ, проект 11-06-00213-а.

льных сооружений, ширину сохранившихся оснований валов, а также оценить форму и размеры рвов.

Геофизические исследования Рождественского городища проводились на двух разноплановых участках линии укреплений: геоэлектрические разрезы на сохранившихся участках оборонительных сооружений и комплексные измерения на разрушенной части (вал срезан для прохода сельскохозяйственной техники на площадку городища). На разрушенном участке основание вала однозначно фиксируется на геофизической карте, по данным электротомографии возможна оценка расположения и размеров ядра вала. На сохранившейся части оборонительных сооружений зафиксированы отличия структуры напластований вала в различных частях поселения.

Таким образом, результаты изучения оборонительных сооружений средневековых укрепленных поселений Прикамья доказали применимость комплексной методики археолого-геофизических исследований. Данный подход открывает перспективы детального изучения каждой линии обороны по всей длине, что практически нереально традиционными методами раскопок, но вполне возможно при использовании геофизических измерений. Предложенные методы эффективны при поиске разрушенных участков укреплений, восстановлении структуры и формы оборонительных сооружений на всем их протяжении, выявлении разноплановых участков и, как следствие, для реконструкции системы обороны в целом.

О.В. Зайцева, Е.В. Водясов, А.А. Пушкарев
Томский государственный университет, Томск

Поиск и картографирование археометаллургических объектов с помощью магнитной разведки

В течение последних десяти лет исследуется крупный комплекс средневековых памятников в урочище Шайтан на юге Томской обл. Особенностью культурного слоя этих памятников является его чрезвычайно высокая насыщенность свидетельствами черной металлургии (шлаки, колотая железная руда, фрагментированные глиняные стенки печей и т. д.), не имеющая аналогов в регионе. На основе серии естественнонаучных исследований доказано, что сырьевой базой для средневековых металлургов являлась местная руда – Киреевское проявление сидерита, – выходы которой расположены в непосредственной близости от памятников. Перед геофизической разведкой была поставлена задача определения местоположения и количества не выраженных в современном рельефе металлургических объектов, расположенных на городище Шайтан IV, предположительно представляющем собой укрепленную специализированную производственную площадку.

Городище Шайтан расположено на мысу, который перерезан рвом и валом. Площадь городища – 1700 м². Отличительными особенностями этого памятника являются отсутствие выраженных в современном рельефе жилищных западин и невыразительные по сравнению с остальными одновременными городищами Томского Приобья внешние параметры обороны. Глубина рва составляет всего 0,4–0,9 м, высота вала 0,6–1 м. Датировается городище первой половиной II тыс. н. э.

В 2010 г. нами проведена магнитометрическая съемка всей площади городища. Металлургические объекты идеальны для магнитной разведки, т. к. ха-

рактеризуются очень высокой термоостаточной намагниченностью, дающей аномалии до нескольких сотен нанотесла.

Традиционно в археологии используются два типа магнитометрической съемки: метод «свободного поиска» и съемка по регулярной вынесенной в натуре координатной сетке. Однако специфика объектов поиска и наличие необходимой аппаратуры позволили разработать новый тип съемки, суть которого заключается в совмещении и синхронизации магнитометрической и тахеометрической съемки. Для этого использовались электронный тахеометр Topcon GTS-105 N и протонный магнитометр МИНИМАГ. К датчику магнитометра крепился отражатель от тахеометра, и каждый отснятый пикет магнитометра тут же фиксировался тахеометром. В результате все отснятые магнитометром пикеты сразу четко пространственно привязывались. Шаг съемки составил 0,5–0,75 м. При обнаружении аномалии проводилась детализированная съемка с шагом 0,1 м для четкой локализации объекта и определения его формы.

На съемку городища общей площадью 1700 м² ушло менее 6 часов, при этом были задействованы всего два человека. Зафиксированы порядка 70 магнитных аномалий в диапазоне 100–270 нТл, которые предположительно были связаны с металлургическими объектами.

Дальнейшие тестовые раскопки пяти аномалий полностью подтвердили выводы, полученные по данным геофизической разведки. Границы металлургических объектов были определены до начала раскопок на плане и на местности с точностью до ±0,1 м.

Опираясь на полученную нами магнитометрическую карту, можно предположить наличие на территории городища Шайтан IV еще 70 неисследованных металлургических объектов. Причем остатки железоделательного производства концентрируются главным образом по краям мыса, оставляя центральную площадку городища «свободной» от свидетельств металлургии. Стоит напомнить, что выраженных в рельефе котлованов жилищ на площадке городища не прослежено. Не выявлены котлованы жилищ и с помощью магнитометра. Особенностью культурного слоя городища Шайтан IV является высочайшая концентрация отходов железоделательного производства, при относительно малой насыщенности слоя керамикой и костями животных. Все это позволяет предположить, что данный памятник являлся своеобразной производственной площадкой.

Однако необходимо отметить и ограниченность предлагаемой методики совмещенной магнитометрической и тахеометрической съемки: она эффективна только в случае поиска объектов, характеризующихся высокой намагниченностью (гончарные печи, очаги, сыродутные горны и т. д.). В случае необходимости поиска объектов, дающих значительно менее контрастные аномалии (засыпанные рвы, не фиксируемые в рельефе жилищные котлованы и т. д.), необходимо проводить детализированную съемку по координатной сетке.

Таким образом, предлагаемая методика синхронизации тахеометрической и магнитометрической съемок зарекомендовала себя как чрезвычайно эффективный способ поиска и исследования не выраженных в рельефе остатков объектов железоделательного производства.

Г.И. Зайцева

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Е.Д. Скаковский

Институт физико-органической химии НАН Белоруссии, Минск

Г. Поснерт

Ускорительная лаборатория Университета г. Упсала, Швеция

А.А. Выборнов

Самарский государственный педагогический университет, Самара

Н.Н. Ковалюх, В.В. Скрипкин

Институт геохимии окружающей среды НАН Украины, Киев

Органическое вещество керамики: природа, органические компоненты и достоверность радиоуглеродных дат¹

При радиоуглеродном датировании одним из источников ошибок является точная привязка образца к датируемому событию. Зачастую образцами являются дерево, уголь, почва, кости, находящиеся в культурных слоях памятника. Наиболее достоверным материалом, датирующим событие, является керамика. Однако датировка этого материала возможна, если в нем есть органическое вещество. Наиболее достоверным является датирование пищевого нагара. Но этот материал не всегда присутствует и сохраняется. Внутри керамической массы можно наблюдать наличие темного слоя, похожего на углерод. Каково происхождение этого углерода? Первые опыты по датированию углерода в керамике начинались с 1960-х гг., однако не получили дальнейшего развития. Этого углеродсодержащего вещества в керамике немного,

и датирование возможно только с использованием ускорительной масс-спектрометрии. Проблемы датирования углерода керамики обсуждены в статье (Wop-sail et al., 2002), где уже нет категорического отрицания возможности датирования этого материала.

В последнее время в связи с разработкой Киевской лабораторией технологии датирования органического вещества, находящегося внутри керамики (Skripkin, Kovalyukh, 1998), снова возникает вопрос о достоверности дат на основе этого материала. Сейчас появилось большое количество дат на основе датирования органического вещества керамики для памятников неолита южных территорий Европейской России, где другой органический материал (кость, дерево и др.) имеет плохую сохранность или не сохраняется вовсе (Выборнов, 2008). Керамика, точнее угле-

¹ Исследование проводилось при поддержке гранта Евросоюза.

родсодержащие компоненты внутри нее, является единственным датирующим материалом (Zaitseva, Skripkin et al., 2009). Поэтому вопрос о составе органического материала, содержащегося внутри керамики, является исключительно актуальным.

Метод. Для исследования органического вещества керамики известные методы химического анализа не могут быть использованы. Поэтому нами был применен метод ядерно-магнитного резонанса (ЯМР-спектроскопия), позволяющий определить основные органические связи и возможные органические соединения. Этот метод широко применяется в органической химии с 1960-х гг. (Ионин, Ершов, Кольцов, 1970; Harris, Wasylishen, 2010). Метод основан на регистрации сигналов ядер в магнитном поле. Используются ядра водорода (^1H) и углерода с массой 13 (^{13}C). Исследования проводились на ЯМР-спектрометре марки Bruker AVANCE 500 NMR с рабочей частотой 500 MHz для ядер ^1H и 126 MHz – для ядер ^{13}C . Фрагмент керамики измельчался, и органические компоненты извлекались из раствора дейтерированного хлороформа (CDCl_3). Линии спектров сравнивались с модельными соединениями, которые исследовались также в растворе дейтерированного хлороформа. Подробное описание спектров и их интерпретация относятся к области «чистой» органической химии и здесь не будут рассматриваться.

Для исследований были использованы образцы керамики из неолитических поселений Замостье (Московская обл.) и Варфоломеевская стоянка (Астраханская обл.). Оба образца содержали также и нагар на внутренней поверхности. Содержание керамики и нагар исследовались отдельно.

Результаты и обсуждение. Предварительно были получены даты по керамике, нагару и другим органическим материалам исследованных памятников. Причем датирование производилось как традиционным методом в лабораториях Москвы, Петербурга и Киева, так и методом ускорительной масс-спектрометрии в лаборатории Университета г. Упсала, Швеция. Результаты были практически одинаковы, разнясь в пределах статистической погрешности. Первоначально датировали органические

образцы керамики со стоянки Тектенсор в Прикаспии. В формовочной массе керамики этого памятника были видны включения раковин, которые выделили и датировали отдельно. Если даты по органическому материалу керамики двух лабораторий совпали – 6695 ± 40 (Ua-35227) и 6630 ± 80 (Ki-14237), – то раковины внутри формовочной массы этой керамики показали возраст древнее: 7235 ± 45 (Ua-35226). Разницу в датах можно отнести на счет резервуарного эффекта, который в данном случае составляет около 500 лет. Для Варфоломеевской стоянки получено по образцам керамики более 20 дат (Выборнов, 2008. С. 240) в интервале 6000–7760 радиуглеродных лет. В последнее время получены даты по углеродсодержащему материалу внутри керамики этой стоянки методом ускорительной масс-спектрометрии в Университете г. Упсала: 7034 ± 41 – керамика с глубины 170–180 см (Ua-41360), 6544 ± 38 (Ua-41361) – керамика с глубины 90–100 см, и 6693 ± 39 (Ua-41362) – керамика из очага.

Для стоянки Замостье имеются даты по торфу – 6850 ± 60 (ГИН-6557), углю – 6730 ± 120 (Ki-15031), и пищевому нагару – 6440 ± 120 (Ki-15030).

Как можно видеть из приведенных дат, наиболее древними являются даты для Варфоломеевской стоянки, даты для Замостья и Каиршака находятся практически в одном временном интервале. Из исследованных памятников ЯМР-анализ проводился для образцов нагара и керамики из Замостья и с Варфоломеевской стоянки. Ниже приводятся спектры ^{13}C и ^1H для этих образцов.

^{13}C ЯМР ^1H ЯМР. Анализ ^1H и ^{13}C ЯМР-спектров растворов исследуемых экстрактов показывает, что они являются сложными смесями органических соединений. В них присутствуют соединения, содержащие двойные связи, триглицериды жирных кислот, сложные эфиры, спирты, жирные кислоты и следы простых эфиров. Кроме того, в растворах обнаружены и ароматические соединения. Имеются соединения, которые пока трудно интерпретировать.

Заметно отличаются и ^{13}C ЯМР-спектры сравниваемых образцов стоянок Замостье и Варфоломеевская.

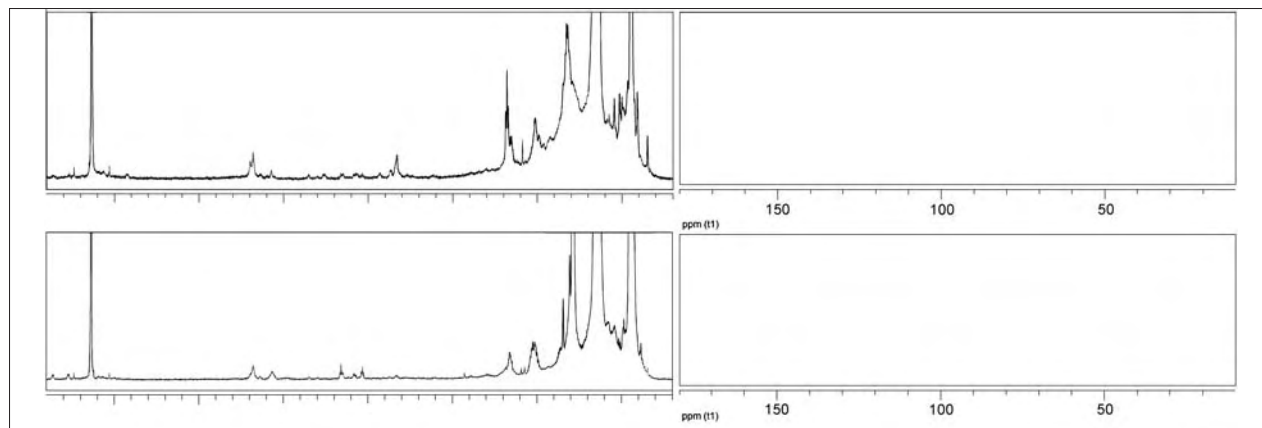

Рис. 1
ЯМР-спектры нагара и керамики ^{13}C (справа) и ^1H (слева). Верхний рисунок относится к нагару, нижний – к формовочной массе керамики

В отличие от образца из Замостья, в спектрах нагара Варфоломеевской стоянки дополнительно наблюдаются интенсивные сигналы метиленовых (CH₂) групп жирных спиртов, а также группы сигналов в «ароматической» области спектра. Кроме того, присутствуют интенсивные сигналы (8.10 и 4.69 м. д.), с большой вероятностью относящиеся, судя по их интегральной интенсивности, к производному терефталевой кислоты.

В спектрах Варфоломеевской стоянки относительное содержание жирных спиртов больше, чем в образце из Замостья. Регистрируется также наличие неполных глицеридов (возможный результат произошедшего гидролиза жиров), которые практически отсутствуют в экстракте керамики из Замостья.

Таким образом, как в пищевом нагаре, так и в формовочной массе керамики присутствуют соединения, которые не могут иметь геологическое происхождение. Можно предположить, что эти органические ве-

щества проникли в формовочную массу во время ее использования как пищевого сосуда, когда керамика еще не окончательно затвердела.

Таким образом, можно заключить, что датирование формовочной массы керамики может дать достоверные даты, как и в случае с нагаром.

Выводы. Проведены первые исследования по определению органических веществ в нагаре и формовочной массе керамики. Присутствие органических соединений может быть обусловлено абсорбцией их в процессе использования керамики при ее нагреве.

Радиоуглеродные даты могут быть достоверными и использоваться при датировании.

Различие в содержании и ассортименте органических соединений в образцах керамики из памятников неолита лесной зоны (Замостье) и южных территорий России (Прикаспийские степи) заключается в особенностях изготовления формовочной массы.

Ионин Б.И., Ершов Б.И., Кольцов А.И., 1983. ЯМР-спектроскопия в органической химии. Л.

Выборнов А.А., 2008. Неолит Волго-Камья. Самара.

Bonsail C., Cook G., Manson J.L., Saderson D., 2002. Direct dating of Neolithic pottery: progress and prospects // *Documenta Praehistorica*. XXIX.

Harris R.K., Wasylishen R., 2010. *Encyclopedia of Magnetic Resonance*/ Ed. by John Wiley. Chichester. DOI: 10.1002/9780470034590.emrstm0211.

Skripkin V.V., Kovalyukh N.N., 1998. Recent developments in the procedures used at the SSCER Laboratory for the routine preparation of Lithium Carbide // *Radiocarbon*. 40.

Zaitseva G., Skripkin V., Kovalyukh N., Possnert G., Dolukhanov P., Vybornov A., 2009. Radiocarbon dating of Neolithic pottery // *Radiocarbon*. 51.

И.В. Иванов

Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, Пущино, Московская обл.

Археология и почвоведение: опыт взаимодействия наук

Археология и почвоведение имеют немало точек соприкосновения. Для археологии – это палеоэкология, для почвоведения – изменения в прошлом условий почвообразования, эволюция почв. Почвы – зеркало истории ландшафта природной среды.

Пересекаются также объекты археологии и почвоведения. Культурные слои археологов, земляные объекты, испытывают столь сильное воздействие почвообразования и геологических процессов, что могут возникнуть ложные археологические признаки (побелки, посыпки, даже жилищные котлованы и т.д.). Археологам будут полезны книги по археологическому почвоведению (Демкин, 1997; Демкин и др., 2010; Дергачева, 1997; 2007). Теория культурного слоя – междисциплинарная проблема археологии, почвоведения, палеогеографии и четвертичной геологии (Сычева и др., 2004).

Первые сведения о почвах под курганами появились в труде П. Кеппена (1845). В.А. Городцов изучал почвы вполне профессионально, предложил включить в число факторов почвообразования выпадение

эоловой пыли, надеялся проводить датирование курганов по скорости роста гумусового горизонта черноземов, первым обнаружил признаки палеокриогенных явлений на Русской равнине. Запросы археологии к почвоведению были сформулированы Н.Я. Мерпертом и А.П. Смирновым (1960). В разные годы к почвенно-экологическим сюжетам для объяснения миграции населения, смен типов хозяйства и к теории проблемы обращались многие отечественные археологи и историки. А.Д. Таиров (2003) рассмотрел динамику природных событий с позиций археолога. Первые систематические широкие исследования почв памятников археологии голоцена были начаты на Украине в 1960-е гг. В.П. Золотуном (1974), продолжены почвоведом г. Пущино и Института географии РАН. Обширная литература посвящена палеопочвам и природной среде плейстоцена. Издаются десятки книг и сотни статей по почвенно-археологической тематике (см., напр.: Александровский, Александровская, 2005; Александровский, Хохлова, Се-

дов, 2004; Борисов, Демкина, Демкин, 2006; Гаель, Гумилев, 1966; Махонина, Коркина, 2002 и др.).

В настоящее время исследования почв археологических памятников проводятся почвоведомы Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН (Пушино), Института географии РАН (Москва), ИПА СО РАН (Новосибирск), Института степи УрО РАН, госуниверситетов Белгородского, Московского, Иркутского, Воронежского, Екатеринбургского, Томского и др. Однако многие почвоведы и археологи еще не нашли друг друга, а уникальная информация об истории природной среды, о некоторых особенностях археологических памятников безвозвратно теряется.

Результатом почвенно-археологических исследований стали палеопочвенно-климатические реконструкции голоцена для многих районов России, включая горные, стран СНГ (Н.П. Герасименко, Ж.Н. Матвишина, Ю.М. Дмитрук, Ф.Н. Лисецкий – Украина; И.А. Крупеников – Молдова; В.П. Костюченко – Туркмения), Монголии (Л.Г. Динесман, Н.К. Киселева). Выявлены периоды экологических оптимумов и кризисов для различных районов. В степях Евразии в субатлантическом периоде голоцена климатические из-

менения были относительно синхронными во всех регионах. В суббореальном периоде даже на соседних равнинах динамика климата могла быть не одинаковой, а сам период характеризовался разнонаправленностью и асинхронностью изменений природных условий во времени и пространстве. Намечается закономерность прямых связей между теплом и влажностью на протяжении DR-3 – AT периодов (тепло-влажно) и обратных связей в SB и SA периодах (тепло-сухо) (Иванов, 1992; 2006; Иванов, Васильев, 1995).

Разработаны почвенные подходы для реконструкции строительства и исходного состояния курганов и жилищ, оценки сезонности событий, содержания ритуальных сосудов (каша, мясо, молоко, вода), оценки численности населения, диких и домашних животных, экологических моделей для кочевых обществ, определения по признакам почв последовательности сооружения курганов на монокультурных могильниках (О.С. Хохлова). При изучении почв памятников новую информацию получают с применением микробиологических, микробиоморфного, молекулярных (ДНК), педогумусового, изотопных, магнитных, радиоуглеродных методов, совершенствуется интерпретация получаемых данных.

Александровский А.Л., Александровская Е.И., 2005. Эволюция почв и природная среда. М.
 Александровский А.Л., Хохлова О.С., Седов С.Н., 2004. Большой Ипатьевский курган глазами почвоведов // РА. № 2.
 Борисов А.В., Демкина Т.С., Демкин В.А., 2006. Палеопочвы и климат Ергеней в эпоху бронзы. М.
 Гаель А.Г., Гумилев Л.Н., 1966. Разновозрастные почвы на песках Дона и передвижение народов за исторический период // Изв. АН СССР. Сер. геогр. № 1.
 Геннадиев А.Н., 1990. Почвы и время: Модели развития. М.
 Демкин В.А., 1997. Палеопочвоведение и археология. Пушино.
 Демкин В.А. и др., 2010. Волго-Донские степи в древности и средневековье (по материалам почвенно-археологических исследований). Пушино.
 Дергачева М.И., 1997. Археологическое почвоведение. Новосибирск.
 Дергачева М.И., 2007. Методы почвоведения в археологических исследованиях. Новосибирск.

Золотун В.П., 1974. Развитие почв юга Украины за последние 45–50 веков: Автореф. докт. дис. Киев.
 Иванов И.В., 1992. Эволюция почв степной зоны. М.
 Иванов И.В., 2006. Динамика атмосферного увлажнения и эволюция почв аридной области севера Евразии в голоцене // Почвенные процессы и пространственно-временная организация почв. М.
 Иванов И.В., Васильев И.Б., 1995. Человек, природа, почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М.
 Махонина Г.И., Коркина И.Н., 2002. Формирование подзолистых почв на археологических памятниках в Западной Сибири. Екатеринбург.
 Сычева С.А. и др., 2004. Естественноисторические методы изучения культурных слоев древних поселений. М.
 Таиров А.Д., 2003. Изменения климата степей и лесостепей Центральной Евразии... М.
 Чендев Ю.Г., 2008. Эволюция лесостепных почв Среднерусской возвышенности в голоцене. М.

В.В. Илюшина

Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень

Технология изготовления посуды коптяковской культуры по материалам поселения Чепкуль 5¹

Изучение технологии изготовления керамики коптяковской культуры поселения Чепкуль 5, расположенного в Тюменском р-не Тюменской обл. (Ско-

чина, 2007), проведено по 45 образцам. Исследование основывалось на методике, разработанной А.А. Бобринским (1978; 1999).

¹ Автор выражает благодарность В.А. Заху и С.Н. Скочиной за любезное разрешение использовать неопубликованные материалы раскопок.

В результате микроскопического анализа выявлена следующая технологическая информация. Гончары отбирали два вида пластичного сырья – железненные и (редко) илистые глины. Глины использовались различного качества и, по всей видимости, добы-

вались в разных местах. По особенностям качественного состава выделены три группы данного вида сырья – слабозапесоченные (22,2%), среднезапесоченные (53,4%) и сильнозапесоченные (13,3%). В качестве естественных примесей в сырье содержатся квар-

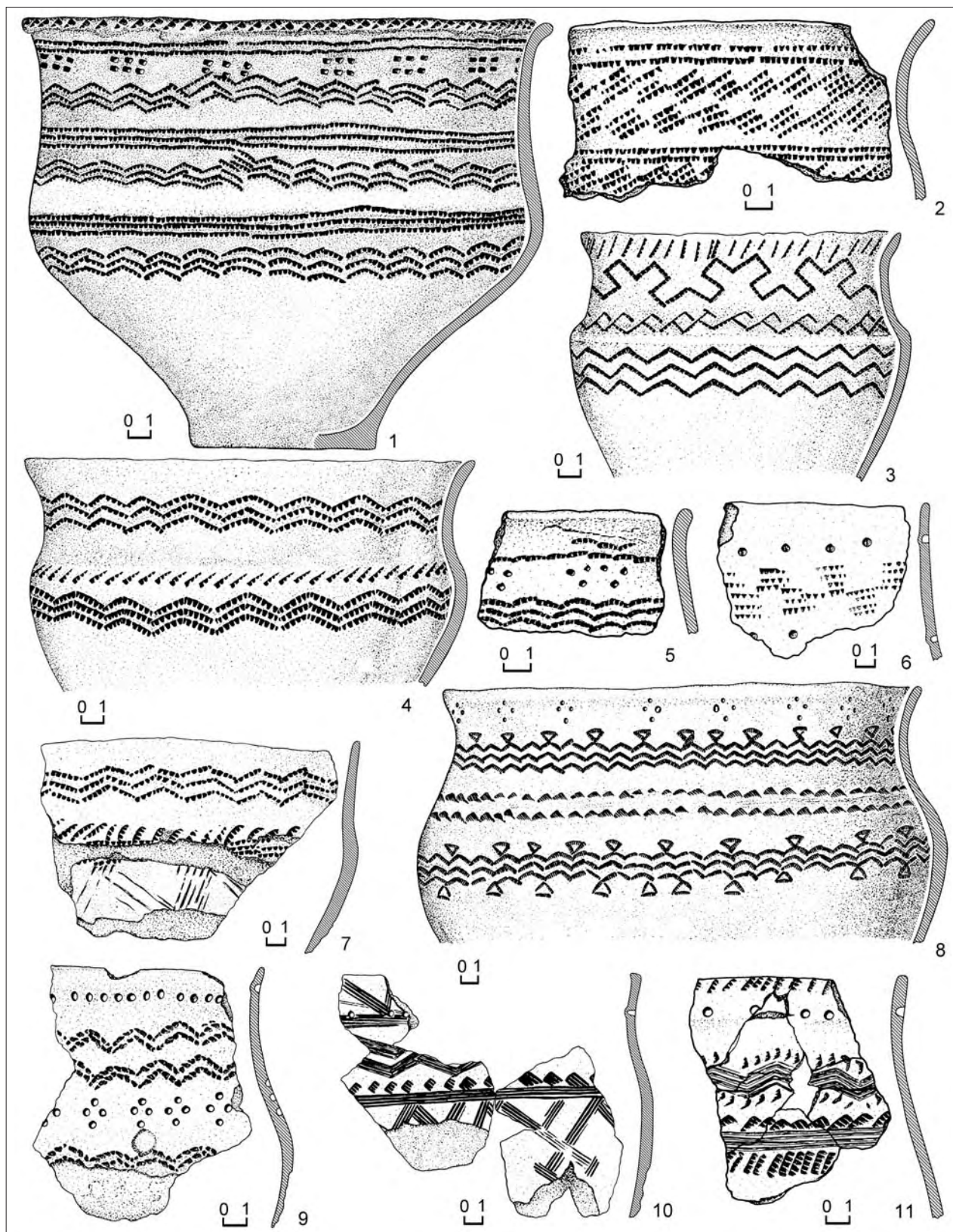

Рис. 1
Керамика коптяковской культуры поселения Чепкуль 5

цевый песок, чешуйки слюды, бурый железняк различной формы, лимонит. Единичны включения растительности, чешуи и косточек рыб, обломков раковин речных моллюсков.

Илистая глина (11,1%), судя по всему, также отбиралась в разных местах. В качестве естественных примесей в сырье фиксируются кварцевый песок, бурый железняк оолитовой формы, окатанные комочки чистой глины, комочки глины, засоренные песком и остатками растительности, мелкие остатки раковин речных моллюсков, остатки растительности, чешуя и косточки рыб.

Оба вида исходного сырья, видимо, использовались в естественно увлажненном состоянии. Микроскопический анализ лишь одного фрагмента позволяет предположить его предварительное высушивание и последующее дробление.

При составлении формовочных масс в качестве искусственных примесей в исходное сырье добавляли шамот размером 0,5?2,9 мм, иногда 5,0?6,0 мм, в концентрации от 1:3/4 до 1:6/7 и органические вещества. Органический компонент формовочной массы, который условно обозначен нами как органический раствор, фиксируется по аморфным пустотам с коричневым или черным налетом, углистым пленкам на минеральных примесях, коричневому и серому налету, ржавым маслянистым потекам, углистым стеклообразным включениям размером до 0,1?0,2 мм. Выжимка из навоза жвачных животных фиксируется по единичным отпечаткам измельченной растительности, пустотам со сглаженными поверхностями, редким углистым включениям и серо-коричневому налету. Следует отметить, что керамика поселения Чепкуль 5 не содержит примеси талька, что отличает ее от коптяковских комплексов горно-лесного Зауралья (Сериков и др., 2009. С. 75). Лишь в пяти фрагментах тальк и слюда были зафиксированы в формовочной массе шамота. Таким образом, выделены два рецепта составления формовочных масс: «исходное сырье + шамот + органический раствор» (93,3%); «исходное сырье + шамот + выжимка из навоза» (6,7%).

Обрывочные данные о навыках конструирования получены лишь для шести экземпляров. Исследование сосуда, обнаруженного во фрагментированном состоянии, и одной нижней части изделия позволяют предположить, что начини изготавливались в соответствии с донно-емкостной программой. Модель программы мелкая доэлементная. Для конструирова-

ния начинов использовались небольшие глиняные лоскуты, наращиваемые по спиралевидной траектории. Полое тело данных сосудов изготавливалось лоскутным спиралевидным налепом. То же показал анализ еще трех верхних частей изделий. Лишь одна шейка сосуда была изготовлена ленточным кольцевым налепом.

Форма сосудам, скорее всего, придавалась с помощью выдавливания пальцами в процессе изготовления, а также с помощью выбивания гладкой колодушкой.

Основным способом обработки поверхности сосудов было простое заглаживание, которое производилось инструментами с эластичной рабочей поверхностью (ткань, кожа, пальцы гончара), реже – орудиями с твердым гладким или зубчатым рабочим краем (деревянное орудие, штамп, гальки). После первоначальной обработки поверхностей изделий осуществлялась их орнаментация. Орнамент наносился гребенчатым штампом в технике штампования и протаскивания, орнаментиром с округлым рабочим краем техникой прочерчивания или вдавления. Основными элементами орнамента выступают зигзаги, горизонтальные линии, ямки, расположенные в ряд или сгруппированные по две, три, четыре, шесть, а также наклонные отрезки, треугольники, желобки, различные вдавления, незавершенные ромбы, меандры (рис. 1). После орнаментации внешняя поверхность большинства изделий ложила по подсушенной основе, довольно часто лощение встречается и на внутренних стенках.

Придание прочности и влагонепроницаемости сосудам достигалось путем термической обработки в кострище или очаге в условиях окислительно-восстановительной среды. По особенностям окрашенности изломов фрагментов можно говорить о неполном действии температур каления при обжиге готовых изделий.

В целом, анализ керамики выявил традиционность навыков гончарного производства мастеров поселения Чепкуль 5. Выявленное разнообразие используемых глин может объясняться кратковременностью существования данного поселения, когда гончарами выбиралось исходное сырье, наиболее соответствующее представлениям о его качестве. В то же время, все остальные навыки труда (как приспособительные, так и субстратные), информация о которых была получена в ходе анализа, фиксируют гомогенность исследованного керамического комплекса.

Бобринский А.А., 1978. Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. М.

Бобринский А.А., 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара.

Сериков Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И., 2009. Шайтанское Озеро 2: Новые сюжеты в изучении бронзового века Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2 (38).

Скочина С.Н., 2007. Результаты раскопок многослойного поселения Чепкуль 5 (предварительное сообщение) // ВИАЭ. № 8.

А.К. Каспаров

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Фаунистические остатки из крепости Ниеншанц на Охтинском мысу в Петербурге

Исследовано около 10000 костных фрагментов, из которых примерно три четверти оказались определенными. Костные коллекции собраны в течение четырех лет раскопок под руководством П.Е. Сорокина и Н.Ф. Соловьевой. Основная масса остеологического материала датируется XVII–XVIII вв., т. е. временем, когда на этом месте располагалось шведское укрепление.

Основная масса остатков принадлежит корове. Большая величина фрагментов и их однообразный анатомический состав позволяют сделать ряд выводов. Большое количество остатков коровы поступило из заполнения крепостного рва. В подавляющем большинстве это предплечье и нижняя часть плечевой кости, т. е. остатки далеко не самой деликатесной части туши. Таким образом, можно предполагать, что еда готовилась в больших котлах на значительное количество человек, крайне неприязательных в пищевом отношении. Вероятнее всего, мы имеем дело с отходами кухни, где питались солдаты гарнизона. Вываренные кости выбрасывали в крепостной ров. Очень темная прокрашенность костей свидетельствует об их за-

хоронении в условиях водно-болотных стаций. Вероятно, во рву была непроточная, гниющая вода.

Среди остатков коровы можно отметить несомненное присутствие двух морфологических типов животных – довольно крупной и более мелкой, уступающей по величине крупной форме в некоторых случаях в полтора раза. Логично предположить, что первая форма – это цивилизованная шведская порода, поставлявшаяся в крепость как продовольствие, вероятно в форме живых животных или подготовленных к употреблению туш. Мелкая же – примитивная порода местных аборигенов, которая тоже иногда попадала в солдатский котел. Часть костей несет на себе следы рубки острым инструментом, большинство же просто перебиты в середине молотом или камнем для ускорения процесса разделки.

Костей других домашних животных почти не обнаружено. Остатки лошади и мелкого рогатого скота единичны. Остатки свиньи составляют не более 5–7%. Находка 10 костей лося и такого же количества костей бурого медведя говорит о том, что охота практиковалась редко и в основном как развлечение.

О.Н. Комиссар

*Государственный научный центр РФ Обнинское
Научно-производственное предприятие «Технология», Обнинск*

Я.В. Кузьмин

Институт геологии и минералогии СО РАН, Новосибирск

Ю.Н. Шариков

Университет туризма и культуры, Сочи

Исследование осадочных горных пород в районах расположения дольменов Западного Кавказа

В последние десятилетия вопросам изучения дольменов Западного Кавказа уделяется большое внимание. Исследования, как правило, посвящаются планомерному поиску и изучению новых дольменов и артефактов, систематизации и обобщению накопленных знаний, моделированию технологических процессов и на их основе реконструкции самих мегалитов и их комплексов. Большинство ученых сходятся

во мнении, что дольмены, несмотря на внешнюю простоту, являются сложными археологическими памятниками и конструктивно непростыми архитектурными объектами (Марковин, 2004). Исследование вопросов, связанных с древними технологиями добычи строительного материала в виде каменных монолитных блоков и плит, транспортировкой их по пересеченной горной местности, точной механической об-

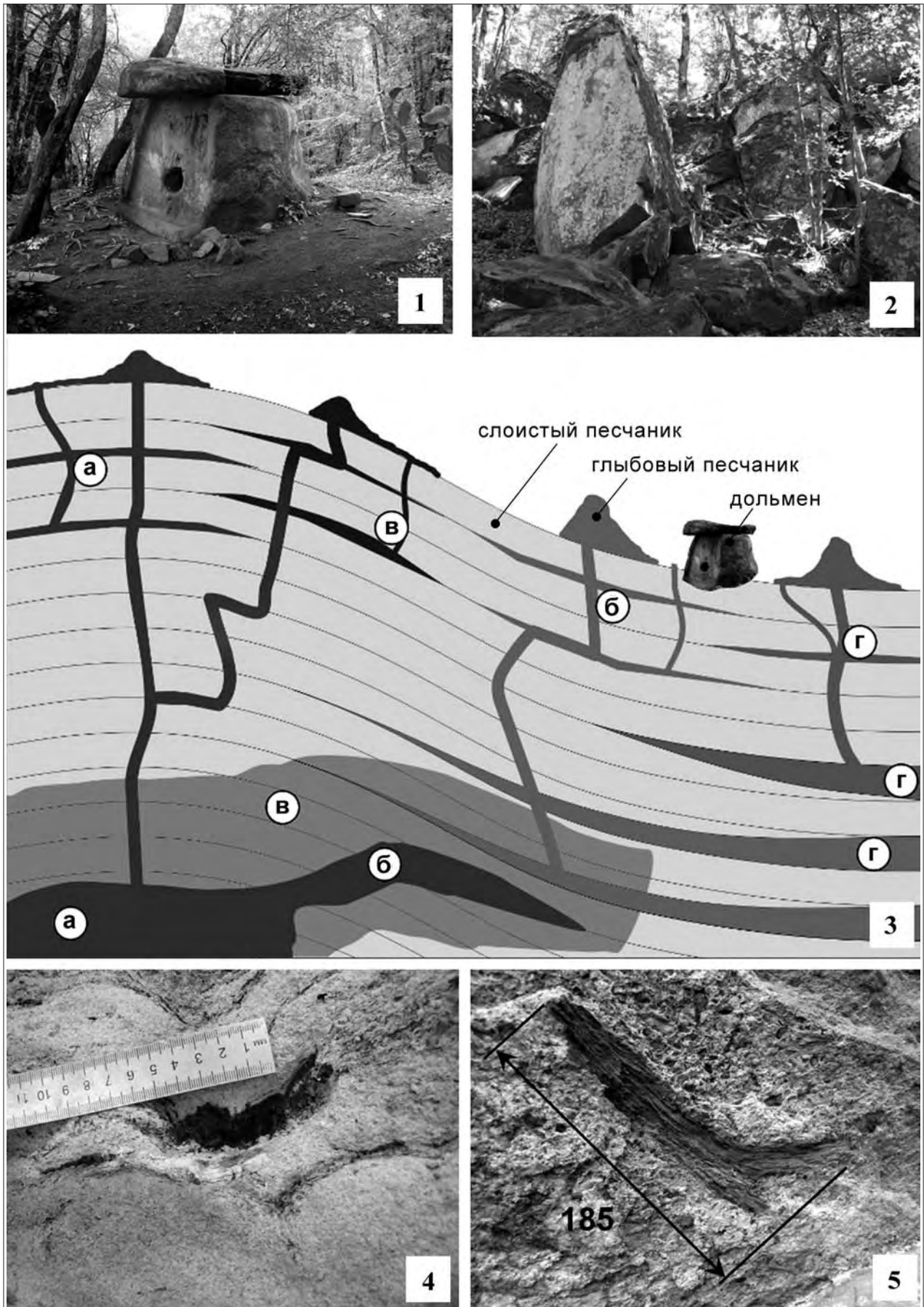

Рис. 1

Геологические особенности горных пород, использовавшихся в дольменах (на примере п. Пшада)

1 – полумонолитный дольмен в п. Пшада; 2 – подробности глибового песчаника горы вблизи дольмена; 3 – схема залегания песчаников в горе; 4 – фрагмент битума в глибовом песчанике; 5 – фрагменты ветви дерева и углей в глибовом песчанике

работкой и сборкой мегалитических сооружений, неотделимо от изучения геологической обстановки местности, состава, свойств и технологических особенностей природных строительных материалов. В работах ряда ученых отмечается, что в зависимости от зон простирающихся тех или иных горных пород меняются и материалы, из которых сделаны дольмены, – песчаники, известняки, сланцы и др. (Марковин, 1997). Однако результаты непосредственных геологических исследований структуры горных массивов вблизи дольменных групп и самих горных пород, из которых изготовлены дольмены, в литературе отсутствуют.

Авторами обследованы более 95 дольменов в долине р. Пшада – одно из крупнейших на черноморском побережье скопление плиточных, составных и полумонолитных дольменов. Одновременно проведены полевые и лабораторные исследования горных пород в дольменах и окружающих горных массивах. На основании петрографического анализа с помощью оптической микроскопии и глубокого межфазного анализа с помощью электронной микроскопии образцов проведена идентификация выходов горных пород, аналогичных материалам дольменов. Это позволило определить некоторые из мест возможной добычи природного материала для их строительства. Установлено, например, что в плиточных дольменах «восьмидольменная» на левом берегу р. Пшада и полумонолитном дольмене на окраине п. Пшада применен один и тот же песчаник, несмотря на внешнее геометрическое отличие прямоугольных плит и бесформенных глыб. Инструментальными методами МГУ им. М.В. Ломоносова (2008–2009 гг.) показано, что, вопреки бытующему мнению, материал плиточных дольменов Пшады соответствует не широко распространенным и часто визуально наблюдаемым в округе обнаженным плитам слоистых осадочных песчаников и мергелей, а глыбовым песчаникам, чаще встречающимся в виде блоков и глыб, реже – в виде плит. Эта горная порода характеризуется как песчаник (микстит) разномасштабный, с обломочным материалом размерностью от тонко- (0,07–0,1 мм) до крупнозернистого (1 мм), с «лепешками» аргиллита и алевролитового аргиллита длиной до 4 мм. Окатанность обломков тоже различная: от совершенной до почти полностью отсутствующей. Укладка обломков хаотическая, без какого-либо преобладающего направления. Цемент глинистый (с каолинитом), участками – лимонитовый, иногда алевролитово-лимонитовый. Глинистый материал крупных обломков (линз, «лепешек»), вероятно, еще сохранял при захоронении некоторую пластичность, потому что в их края повсеместно вдавливаются более прочные зерна (кварц). В составе обломочного материала не менее 50% составляет кварц, в том числе в сростках с полевым шпатом (плагиоклазом), один из которых – пегматитовой микроструктуры; довольно много жильного кварца; часто встречается кислый плагиоклаз, в том числе с мirmekитовыми вросками кварца, реже – обломки вулка-

нических пород основного и кислого состава со сноповидно-лучистой, интерсертальной, фельзитовой микроструктурой, и кварц-каолинитовых метасоматитов. Отмечаются единичные мусковит и турмалин. Обломочный материал песчаника, таким образом, представляет собой смесь, состоящую из материала коры выветривания гранитов и из продуктов дезинтеграции полукристаллизованного алевролитово-глинистого осадка. Черные непросвечивающие фрагменты обугленной растительной ткани (до 2 мм длиной, с сохраняющейся иногда параллельнополосчатой текстурой) в плоскости шлифа расположены совершенно беспорядочно. Мелкие обугленные частицы имеют форму линз и занимают межзеренное положение, будучи зажаты между обломочными зернами. Анализ химического состава глыбового песчаника по окислам показал наличие в нем SiO_2 (65,11–70,59%), Al_2O_3 (5,16–9,42%), FeO (1,27–4,88%), CaO (до 1,12%).

На макроуровне глыбовый песчаник характеризуется наличием крупных обломков мергельных пород и органических фрагментов растительного происхождения, захваченных в период формирования массива горной породы. Во время полевых работ проведено обследование выходов глыбового песчаника в скальном массиве горы вблизи п. Пшада, поблизости от хорошо известного полумонолитного дольмена (рис. 1: 1).

В различных участках горизонта песчаной дайки были выявлены содержащиеся в горной породе артефакты в виде включений битума (рис. 1: 4) и древесного угля. Наибольший интерес представляет фрагмент молодой ветви дерева с сохранившимся поперечным срезом диаметром 20 мм и общей длиной 185 мм. Уникальность находки заключается в том, что в ветви сохранилась органическая основа дерева: целлюлоза, лигнин и другие углеводы. Незавершенность процессов замещения неорганическими соединениями с образованием окаменелости позволило сделать предварительный вывод о возможности проведения ^{14}C датирования и крайне молодом геологическом возрасте процессов диапиризма (явления выдавливания пластических осадочных пород), приведших к образованию исследуемого горизонта дайки глыбового песчаника вблизи п. Пшада. Верхний предел радиоуглеродного метода датирования, который сегодня позволяет определять возраст образцов до 40–50 тыс. л., а в благоприятных случаях – до 60 тыс. л., располагается вблизи временной границы между средним и поздним палеолитом (Вагнер, 2006). Следует отметить, что так называемые кластические дайки, различные инъекции песчаных пластов в перекрывающие и подстилающие их глины, а также разнообразные пластические деформации песчаных толщ, нередко приводящие к формированию глыбовых нагромождений песчаников, залегающих среди сильно перемятых глин, очень широко распространены в третичных отложениях Предкавказья (Холодов, 1978). Из-за специфической волнистой наружной поверхности таких глыб и высокого содержания в них кварца в зарубежной литерату-

ре такие материалы часто называют «клубневидными» кварцитами.

Для проведения предварительных датировок были взяты образцы песчаника с древесной ветвью и расположенными рядом с ней углями (рис. 1: 5), т. к. эти материалы являются более предпочтительными для радиоуглеродного датирования в силу низкой, как правило, доли встречающихся в них загрязнений и легкого их удаления. После химической обработки разбавленной HCl и затем NaOH для удаления возможного углеродного загрязнения древними карбонатами кальция и молодыми гуминовыми кислотами образцы весом по 5 мг анализировались методом ускорительной масс-спектрометрии на УМС-установке в Калифорнийском университете (США, 2010 г.). Угли показали ^{14}C дату 42100 ± 1500 , а древесная ветвь – 24240 ± 190 л.н. Таким образом, можно констатировать тот факт, что возраст глыбовых песчаников, из которых изготовлен ряд дольменов долины р. Пшада, – не мезозойский и даже не кайнозойский

(ранний), а самый настоящий палеолитический. Именно в этот период шло активное формирование современного горного массива со слагающими его горными породами, примененными позднее для строительства мегалитов.

Проведенные комплексные исследования показали, что материалом для изготовления дольменов являются горные породы, находящиеся в непосредственной близости от мест расположения мегалитов. Расстояние от дольмена до выхода горной породы составляет, как правило, несколько десятков метров (п. Пшада, гора Цыганкова), в редких случаях – несколько сотен метров (гора Нэксис, п. Широкая Щель, ст. Шапсугская).

Проведенная работа по идентификации осадочных горных пород демонстрирует инструмент для изучения строительных материалов дольменных групп, открывает возможности обоснованного выбора модельных материалов для проведения натуральных технологических экспериментов и работ по реставрации и реконструкции дольменов.

Вагнер Г.А., 2006. Научные методы датирования в геологии, археологии и истории. М.
Марковин В.И., 1997. Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. М.

Марковин В.И., 2004. Дискуссионные проблемы в изучении дольменов Западного Кавказа // Проблемы древней истории и культуры Северного Кавказа. М.
Холодов В.Н., 1978. Песчаный диапиризм – новая сторона катагенетических процессов. I: Морфология, состав и условия образования песчаных даек и «горизонтов с включениями» в миоцене Восточного Предкавказья // Литология и полезные ископаемые. № 4.

А.А. Коновалов, С.Н. Иванов
Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень

Метод реконструкции палеоклимата по групповым палиноспектрам

Как правило, полные наборы флористических элементов в палиноспектрах, достигающие 40 и более единиц, по общему составу объединяют в три группы: 1) пыльца древесных пород и кустарников – d_1 , 2) то же, трав и кустарничков – d_2 , 3) споры – d_3 . Они примерно отражают доленое участие в флористическом комплексе верхнего, среднего и нижнего ярусов растительности, которое, как и видовое разнообразие, зависит от климата.

Для количественного анализа трехгруппового палиноспектра использован интегральный показатель $C = (1 - d_1) \cdot (1 - d_2) \cdot (1 - d_3)$, который, как показали расчеты, практически полностью определяется доминантой D – группой, имеющей максимальную долю в палиноспектре ($D = d_{max}$). Влияние других групп проявляется суммарно, т. е. параметр C можно рассматривать как дихотомию доминанты D и субдоминанты

$D_s = 1 - D$. Их сумма – константа, равная 1 при любом климате, а произведение $C = D \cdot D_s$, вслед за D (или D_s), зависит от климата. Минимум $D_{min} = 0$ соответствует условию, когда существование растительности невозможно и все три d равны 0. Это условие выполняется в области вечного холода, где средняя температура самого теплого месяца не поднимается выше 0°C , и в жарких пустынях, где влажность почвы стремится к 0. Максимум $D_{max} = 1$ наблюдается при оптимальном соотношении тепла и влаги. Анализ имеющихся данных показывает, что по характеру распределения и величине D примерно совпадает с индексом сухости J (по М.И. Будько). Максимумы D и J , равные 1, находятся в подтаежной зоне и являются осями симметрии, к северу и югу от нее обе величины убывают.

Получены формулы связи J , а через ее посредство и D , с основными элементами климата, а также с про-

дуктивностью растительного покрова. Построены схематические карты, отражающие эту связь в Тюменско-Омском регионе.

Зная распределение по глубине величины D и возраст вмещающих пород, с помощью подобных схематических карт и формул можно реконструировать климаты и продуктивность растительности прошлого.

Другой путь определения связи D и ЭК заключается в представлении климата, как и палиноспектров, в виде дихотомии безразмерных компонентов d_1 и d_2 , характеризующих теплый и холодный периоды года и в сумме равных 1, например: $d_1 = d_{11} = -t_1/2A$ и $d_2 = d_{17} = t_7/2A$, где $A = (t_7 - t_1)$

$/2$; t_7 и t_1 – средние температуры самого теплого и самого холодного месяцев (обычно июль и январь), произведение которых $C_t = d_1 \cdot d_2$ служит интегральной характеристикой двухкомпонентной системы. Получены следующие формулы для определения средних температур самого теплого и самого холодного месяцев на территории с $J < 1$ и $J > 1$:

$$\text{при } J < 1: d_{17} \leq 0,5D; d_{11} = 1 - 0,5D \quad (1);$$

$$\text{при } J > 1: d_{11} \leq 0,5D; d_{17} = 1 - 0,5D \quad (2).$$

Приведены примеры определения элементов палеоклимата в Тюменской обл. по изложенной методике.

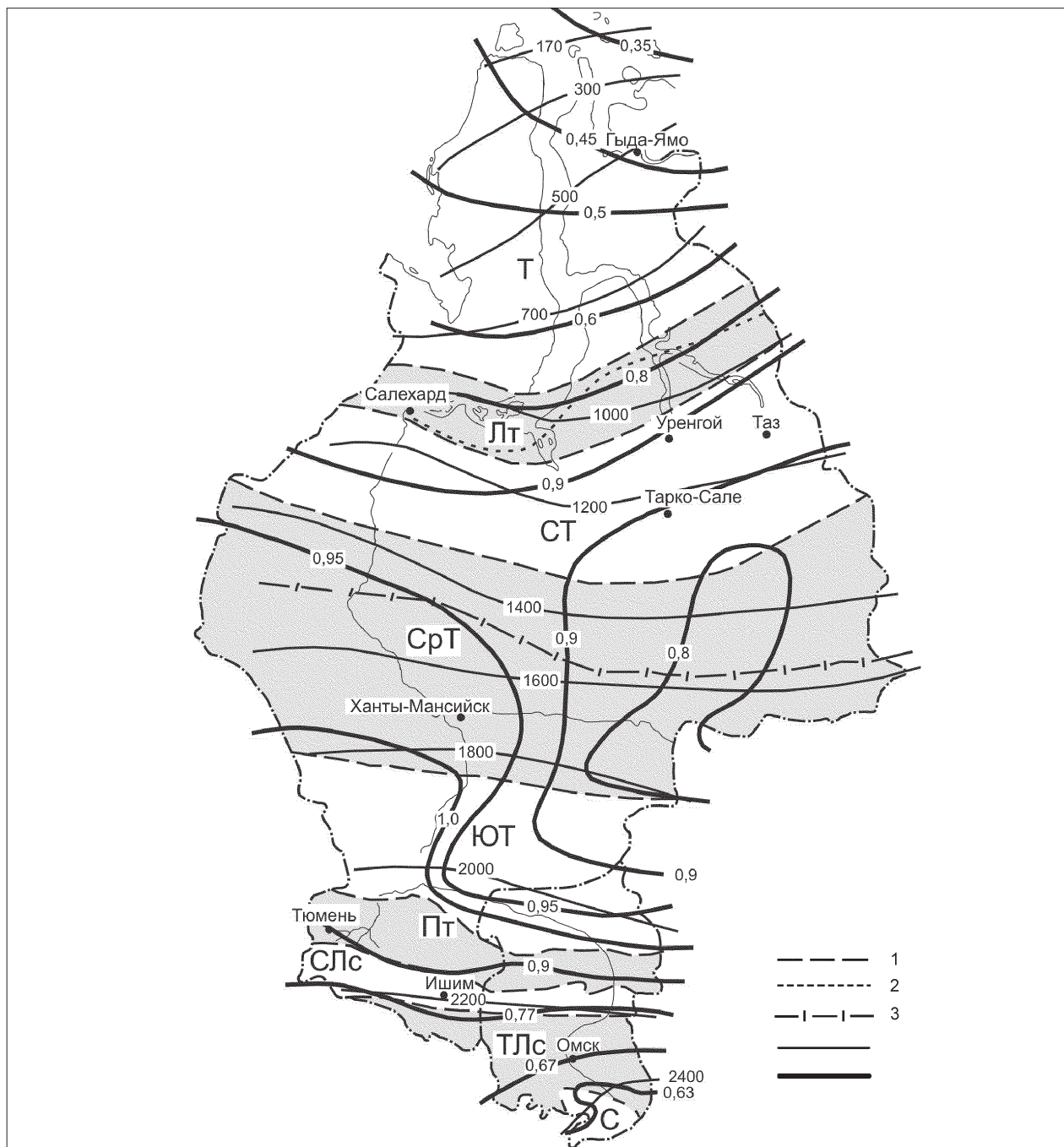

Рис. 1

Изолинии D (жирная линия) и -5 (тонкая)

1 – границы зон и подзон (Т – тундра, Лт – лесотундра, СТ – северная тайга, СрТ – средняя тайга, Пт – подтайга, СЛс – северная лесостепь, ТЛс – типичная лесостепь, С – степь); 2 – граница сплошной вечной мерзлоты; 3 – граница вечной мерзлоты

О.М. Корона*Институт экологии растений и животных УрО РАН, Екатеринбург*

Макроостатки растений из культурного слоя археологического памятника Усть-Полуй (Западная Сибирь)¹

В 2009–2010 гг. при раскопках памятника Усть-Полуй (66°32'N, 66°38'E), датируемого II в. до н. э. – II в. н. э. (Федорова, Гусев, 2008. С. 3–36), были взяты образцы для карпологического анализа.

В ходе анализа отобраны и определены плоды и семена 23 таксонов растений. Обнаружены макроостатки 8 видов деревьев и кустарников (лиственница, кедр сибирский, ель, можжевельник, береза, ольха, ива, черемуха), 6 видов кустарничков (княженика, брусника, толокнянка, арктоус, морошка, водяника) и 9 видов травянистых растений (хвощ, злаки, осока, горец птичий, звездчатка болотная, бобовые, вахта трехлистная, крапива двудомная, яснотка белая). Все обнаруженные макроостатки принадлежат растениям, которые и в настоящее время произрастают на данной территории.

Макроостатки большинства растений (5 видов) многочисленны либо встречаются единично (14 видов), и только семена и плоды 4 видов (морошка, водяника, крапива, яснотка) обнаружены в большом количестве. Обилие плодов и семян этих растений в семенных комплексах связано, вероятно, не только с их значительным участием в растительных сообществах, но и с использованием человеком. Плоды водяники (шикши) использовались людьми для пищевых, лекарственных и технических нужд (как красильное растение). Ягоды морошки также люди издавна употребляли в пищу.

Большое количество семян крапивы может быть связано не только с ее широким распространением как сорно-рудерального вида, но и с использованием крапивы как самого холодостойкого прядильного растения. Яснотка белая (глухая крапива) является своеобразным «спутником» крапивы. Естественные местообитания обоих видов – тенистые поймы лесной зоны, причем яснотка тяготеет к более южным районам, хотя В.С. Говорухин (1937. С. 433) отмечает, что яснотка белая занесена и в тундру. Возможно, что яснотка вместе с крапивой была занесена людьми в район Усть-Полуя, где широко распространилась, судя по большому количеству найденных семян.

Сходная картина наблюдается еще на одном археологическом памятнике в лесотундре Западной Сибири – Надымском городке: отдельные образцы из культурного слоя содержат большое количество семян крапивы и яснотки белой. Вероятно, в зарослях крапивы создаются благоприятные условия для произрастания более южного вида – яснотки белой.

Таким образом, в культурном слое Усть-Полуя встречаются макроостатки различных групп растений: деревьев, кустарников и трав, характеризующих местную растительность, сорно-рудеральных (горец птичий, яснотка белая), а также пищевых (брусника, морошка) и технических (водяника, крапива) растений.

Говорухин В.С., 1937. Флора Урала. Свердловск.
Федорова Н.В., Гусев А.В., 2008. Древнее святилище Усть-Полуй: результаты исследований 2006–2008 гг. // Научный вестник

Ямало-Ненецкого автономного округа. Салехард. Вып. № 9 (61).

Н.В. Леценко*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток*

Промыслы в системе жизнеобеспечения населения Константиновского I селища в Приморье

Константиновское I селище находится в Октябрьском р-не Приморского края России. Расположено оно

на высокой пойме правого берега р. Раздольной. С севера на юг оно протянулось на 1 км, с востока на запад – на

¹ Работа выполнена по проекту РФФИ 09-06-00286.

0,5 км. Это самое крупное неукрепленное средневековое поселение в Приморье. Памятник многослойный (Болдин и др., 1990. С. 153). Нижний слой относится к кроуновской культуре раннего железного века (V в. до н. э. – II в. н. э.), над ним лежит слой, который значительно разрушен и датируется мохэским временем (V–VII вв.). Далее следует основной слой, связанный с бохайской культурой (VIII–X вв.), в некоторых местах он распадается на два строительных горизонта, верхний укладывается в рамки X в. Выше расположен также средневековый слой, датируемый северосунскими монетами чжурчжэньским временем (XII–XIII вв.). В самом верхнем слое встречаются более поздние бронзовые украшения, известные по этнографическим материалам XIX–XX вв. Константиновское I селище располагается в континентальной зоне южного Приморья. Р. Раздольная является самой крупной из рек региона, беря свое начало еще в КНР. Рельеф местности – Раздольнинско-Приханкайская равнина. Почвы – буроземы типичные, буроземы луговые черноземовидные, буроземно-луговые типичные и отбеленные. Растительность – лесостепной ландшафт прилегающих к долине р. Раздольная обширных равнин. Природные ресурсы этого региона разнообразны.

Охота. На селище выявлено 50 видов диких животных (Алексеева, Болдин, 1994. С. 46). Среди них хищные – волк, медведь бурый, медведь черный, колонок, барсук, выдра, леопард, лисица, барсук, харза; копытные – кабан, кабарга, косуля, пятнистый олень, изюбрь, олени. Охота осуществлялась как на пушных зверей, так и на более крупных. Профилирующие виды диких млекопитающих косуля и кабан. Обнаружены немногочисленные предметы охотничьего снаряжения. Лук со стрелами был одним из основных видов охотничьего вооружения. Из всего разнообразия костяных наконечников стрел круглые с притупленным концом были удобны в охоте на пушных зверей. При охоте часто использовались свистящие наконечники. Среди железных наконечников к охотничьим можно отнести двурогие срезни и лавролистные наконечники с обоюдоострым и постепенно расширяющимся к средней части пера лезвием. С их помощью можно было наносить животному широкие и сильно кровоточащие раны.

Рыболовство и добыча моллюсков. Кости рыб, остатки речных раков и створки моллюсков собраны на всех трех раннесредневековых уровнях: в нижних горизонтах они залегали в котловане землянки и хозяйственных ямах, в среднем – в котловане жилища, в верхнем встречались по всему слою. Ихтиофауна р. Раздольная слагается из 82 видов и подвидов (Таразанов, 2003. С. 454). Часть рыбы заходит в реку для нереста (тихоокеанские миноги, лососи). Другие в осенне-зимний период обитают в эстуарии, а весной поднимаются вверх по течению на нерест (дальневосточные красноперки, корюшки азиатская и малоротая, саланкс). Из морских рыб осенью заходит пиленгас. В осенне-зимний период заходит тихоокеанская сельдь. Пресноводную ихтиофауну представляют серебря-

ный карась, амурский сазан, амурский чебак, толстолобики пестрый и белый, колючий горчак, обыкновенный пескарь, амурский сом. Происходит сезонная смена ихтиокомплексов.

Из рыболовного инвентаря на селище найдены рыболовные грузила пяти типов. Из крючковой снасти обнаружены рыболовные крючки.

Жители селища добывали моллюсков, речных раков, ловили рыбу. На Константиновском I селище выявлены раковины пресноводных и морских моллюсков. Пресноводные виды представлены югой каменной, югой черепичной, живородкой суйфунской, перловицей суйфунской; морские – анадарой. Этот вид анадары был обнаружен на Абрикосовском селище, городищах Горбатка, Стеглянуха. Эти памятники также довольно удалены от моря. Добыча моллюсков была насущным условием существования местного населения. Данный вид деятельности давал не только прекрасный источник белковой пищи, но и возможность использовать целебные свойства моллюсков.

Домашние ремесла. Среди отраслей домашнего ремесла было изготовление изделий из камня и глины. Эти вещи широко использовались в быту жителями средневековых городищ и селищ. На Константиновском I селище выделены две группы изделий: I – предметы хозяйственно-производственного назначения: грузила, пряслица, ложила, кольца, фрагмент тигля, предметы со взаимно пересекающимися отверстиями, в том числе фрагмент из пемзы, точильные камни и оселки; II – украшения, предметы для игр: фишки, бусы, детские игрушки. В качестве ложила использовались и мягкие камни. Точильные камни и оселки делались чаще всего из сланца, реже из песчаника.

В общей сложности на селище выявлены 10 категорий изделий из камня и глины. Интересно отметить находку глиняного свистка – первого бохайского музыкального инструмента, найденного на территории российского Дальнего Востока.

Охотничий промысел давал прекрасное сырье для такой отрасли домашнего производства, как обработка и изготовление изделий из рога и кости.

На Константиновском I селище выделены четыре группы таких изделий: I – орудия труда и предметы домашнего обихода: рукоятки, прокладка или муфта для рукоятки ножа, универсальные инструменты из рога, ложила, ножи для копки женьшеня, палочки для еды; II – предметы боевого и охотничьего снаряжения: наконечники стрел, свистунки, ушки от древка стрелы с вырезом для тетивы, срединные накладки на лук; III – предметы туалета и украшения: заколка для волос, кольца, хомутки, украшения из кости, орнаментированные обкладки; IV – предметы для игр, культовые принадлежности: игральные альчики, амулеты из костей животных. За четыре года исследований на Константиновском I селище получен разнообразный материал изделий из кости и рога (более 80 экз.). Все изделия обнаружены в верхнем и нижнем горизонтах слоя, относящегося к бохайской культуре.

Деревообработка. На Константиновском I селище жители использовали в быту деревянные изделия. Остатки деревянных рукоятей обнаружены внутри железных втулок циркульных резцов и других предметов. Следы дерева зафиксированы в яме, возможно использовавшейся как хранилище зерна. Стены жилища, обмазанные глиной, сооружались из плашек или жердей, вставленных в пазы вертикальных столбов. На селище также фиксировались куски бересты. Очевидно, она

использовалась жителями для изготовления изделий и в других бытовых целях.

Промысловая деятельность занимала важное место в системе жизнеобеспечения населения селища. Жители занимались и различными домашними ремеслами. Все эти занятия зависят от природных условий и экономико-социальных особенностей региона. Хозяйство оставалось натуральным и самообеспечивающим.

Болдин В.И., Ивлиев А.Л., Хорев В.А., Шавкунов В.Э., 1990. Новый тип бохайского жилища в Приморье // Материалы по средневековой археологии и истории Дальнего Востока СССР. Владивосток.

Алексеева Э.В., Болдин В.И., 1994. Остатки животных из средневекового селища Константиновское I //

Медиевистские исследования на Дальнем Востоке России. Владивосток

Таразанов В.И., 2003. Особенности ската молоди рыб в эстуарной части реки Раздольной (Приморский край) // Чтения памяти Владимира Яковлевича Леванидова. Вып. 2.

Л.С. Песочина

Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, Пушкино, Московская обл.

Закономерности циклической изменчивости природных условий юга Русской равнины за последние 5000 лет

Цикличность является всеобщей природной закономерностью. Установление ее ритмичности позволяет осуществлять как ретроспективные реконструкции, так и прогнозы будущего развития природы. Для выявления природной ритмики используются различные природные объекты: органогенные отложения, современные и ископаемые деревья, льды и донные отложения, уровни водоемов; почвы, погребенные под отложениями разного возраста и генезиса, и другие объекты.

Целью данной работы было изучение закономерностей циклической изменчивости почв и природных условий Приазовья во второй половине голоцена на базе палеопочвенных исследований. Район исследований расположен в пределах южной окраины Русской равнины, на территории Приазовской и Нижнедонской равнин.

Объектами изучения стали палеопочвы разновозрастных археологических памятников, в том числе курганов эпох бронзы (вторая половина III – II тыс. до

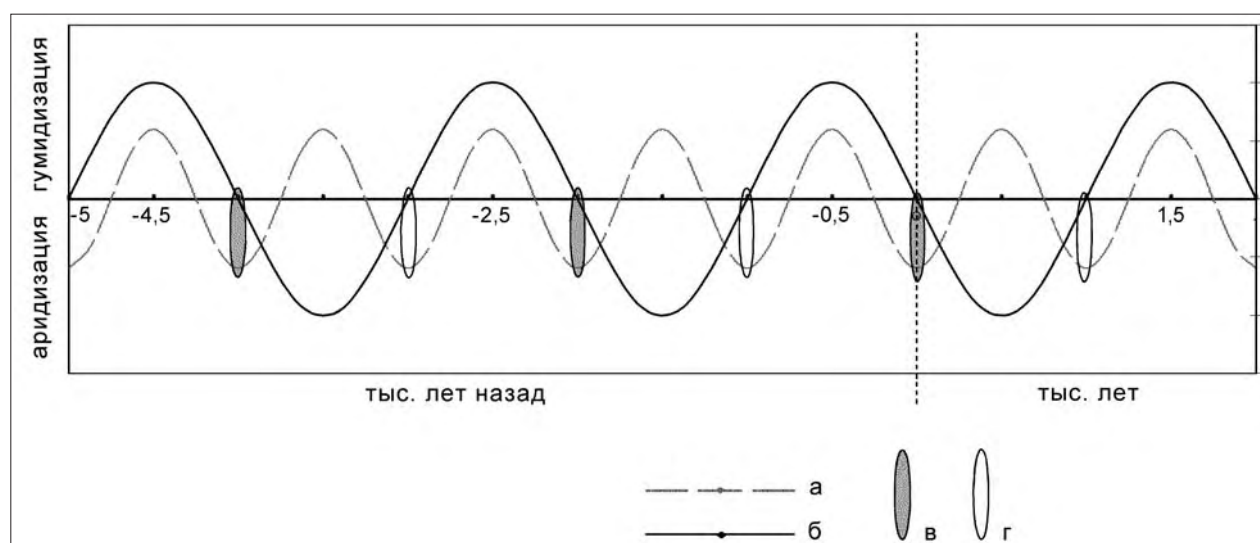

Рис. 1

Закономерности циклической изменчивости природных условий юга Русской равнины во второй половине голоцена

н. э.), раннего железа (IV в. до н. э. – I в. н. э.) и средневековья (VIII–XII вв.). Основным методом исследования был почвенно-археологический. В образцах, взятых по генетическим горизонтам, проводились традиционные химические анализы почв (определение группового состава и содержания гумуса, поглощенных оснований, карбонатов, гипса, состава водной вытяжки, гранулометрического состава).

Морфолого-химические анализы погребенных и современных почв зафиксировали существенную динамику процессов почвообразования. Наиболее динамичными были процессы, формирующие гумусовый, солевой, гипсовый, карбонатный профили, а также процессы осолонцевания – рассолонцевания. Основной причиной стадийности педогенеза явились климатические флуктуации. Чередование аридных и гумидных стадий вызывало смену подтипов черноземов и цикличность изменчивости многих процессов.

Для установления временных интервалов ритмичности почвообразования были выявлены экстремумы. Поскольку лимитирующим фактором почвообразования в зоне степей является недостаток влаги, то были выделены оптимумы – периоды с максимальным количеством увлажненности, и кризисы – наиболее сухие периоды. Определение экстремумов осуществлялось с учетом степени изменчивости индикационных климатических почвенных признаков. При разработке концептуальной модели разнопериодной динамики природных условий юга Русской равнины были использованы как собственные данные, так и литературный материал (рис. 1).

Выявлены 2000- и 1000-летние временные интервалы в цикличности педогенеза на территории Приазовья.

Оптимум имеет ярко выраженный 2000-летний ритм. Его рубежи фиксируются в середине III тыс. до н. э., в середине I тыс. до н. э., в XIV–XV вв. н. э. и свидетельствуют о наиболее благоприятных условиях для гумусообразования за последние 5000 лет. Почвы этих хроносрезов характеризуются максимальным содержанием гумуса, высокой биогенностью, прекрасной агрегацией, отсутствием легкорастворимых солей и поглощенного натрия в почвенном поглощающем комплексе. По палеогеографическим данным эти периоды фиксировались как высокообводненные, отмечалось резкое похолодание – имели место подвижки ледников, высокий уровень бессточных водоемов. Они соответствуют, как правило, пониженной солнечной активности (Эдди, 1978. С. 315–329). Зональным ти-

пом растительности в эти периоды были злаково-разнотравные степи (Кременецкий, 1997. С. 30–45).

Кризисные ситуации фиксировались с периодичностью около 1000 лет. В эти хроносрезы общее количество гумуса сокращалось, формировались малогумусированные почвы с ореховато-призматической структурой, наличием легкорастворимых солей, гипса в профиле, развитием процессов осолонцевания. Преобладали ксерофитные злаковые степи (Там же). Согласно данным, во второй половине голоцена имели место два двухтысячелетних цикла и пять тысячелетних. Циклы разной длительности накладывались друг на друга, формируя сложную «траекторию» пульсации с многочисленными резонансными взаимодействиями и деформациями. Отмечены периоды как усиления их совместного влияния (оптимумы, ксеротермы), так и ослабления (ариды).

На основе регрессионного анализа связи годового количества осадков с некоторыми почвенными показателями проведена оценка масштабов колебаний увлажненности климата в отдельные периоды голоцена (Песочина, 2003. С. 145–151). Амплитуда колебаний среднегодового количества атмосферных осадков в Низовьях Дона составляла 380–500 мм. Минимальное их количество (380–400 мм), соответствующее подзоне современных южных черноземов, приходилось на аридную фазу. В периоды оптимумов количество осадков достигало 450–500 мм, что характерно для подзоны обыкновенных черноземов.

Таким образом, проведенные исследования позволили выявить следующую картину циклической изменчивости увлажненности климата и процессов почвообразования во второй половине голоцена на юге Русской равнины. Середина III и I тыс. до н. э., а также XIV–XV вв. н. э., характеризовались резонансным взаимодействием экстремумов увлажненности 2000 и 1000 цикличности. Относительно влажный и прохладный климат в эти хроноинтервалы способствовал интенсивному гумусообразованию, увеличению продуктивности растительных ценозов. Скифский экстремум увлажненности сменился в III в. до н. э. – I в. н. э. резкой аридизацией, степень которой была сравнима с суббореальным ксеротермом, фиксируемым около 4000 л. н. Среднесарматское время явилось переходным от аридных условий к более гумидным, при этом значительные изменения природной обстановки зафиксированы уже в конце I в. н. э. Сухой климат раннего средневековья сменился экстремальной увлажненностью его финальной части (XIV–XV вв.).

Кременецкий К.В., 1997. Природная обстановка голоцена на Нижнем Дону и в Калмыкии // *Степь и Кавказ*. М. (Тр. ГИН. Вып. 97.)

Песочина Л.С., 2003. Закономерности изменчивости почв и природных условий Приазовья за историческое время // *Проблемы эволюции почв*. Пушкино.

Эдди Дж., 1978. История об исчезнувших солнечных пятнах // *Успехи физических наук*. Т. 125. Вып. 2.

Н.Ю. Петрова

Государственный Исторический музей, Москва

Технологическое изучение керамики хассунской культуры (по материалам поселения Ярымтепе I)

Важнейшим этапом исследования хассунской культуры стали раскопки советской экспедиции на неолитическом поселении VI тыс. до н. э. Ярымтепе I, расположенном в Северной Месопотамии в 7 км к юго-западу от г. Телль-Афар в Ираке. Раскопки производились под руководством Р.М. Мунчаева и Н.Я. Мерперта в 1969–1976 гг. На памятнике были выделены 12 строительных горизонтов, отражающих все этапы развития хассунской культуры (Мунчаев, Мерперт, 1981. С.18–155).

Цель данного исследования – сравнительный технологический анализ хассунской керамики периода архаической хассуны (XII горизонт) и перехода к стандартной хассуне (VII горизонт) на памятнике. Всего изучены обломки от 50 сосудов (по 25 из каждого горизонта), представленных разными видами форм. Керамика изучалась с помощью микроскопа МБС-10 по методике А.А. Бобринского (1978) и проведения специальных экспериментов.

Основным сырьем для изготовления сосудов служила влажная глина. На поселении в период как архаической, так и перехода к стандартной хассуне, работало несколько гончаров, использовавших разные виды глины, различающиеся по степени пластичности, ожелезненности и концентрации естественной примеси извести. Четыре вида глин были местными. Изготовленные из них сосуды преобладают количественно. При их производстве в большинстве случаев использовались традиционные приемы составления формовочных масс и декорирования изделий. Последние три вида глин не являются местными. Судя по особенностям естественной примеси песка, они, вероятно, происходят из предгорного района. Можно сделать вывод, что в VII горизонте на поселении появляются носители новых гончарных традиций.

Изученную керамику по навыкам составления **формовочных масс** можно разделить на 2 группы: 1 – глина + сухой навоз мелкого рогатого скота + достаточно грубая травянистая примесь; 2 – формовочная масса, содержащая очень мелкие растительные остатки в незначительной концентрации, вероятно связанные с дроблением навоза. В XII горизонте группа 1 является наиболее массовой (свыше 90% случаев). Концентрация навоза в формовочной массе очень значительна и составляет от 20 до 40%, при этом концентрация грубых травянистых остатков в ряде случаев также достигает 40%. К группе 2 в этом горизонте отно-

сятся только 2 образца (оба происходят от тонкостенных чаш). В VII горизонте ситуация заметно меняется. В группе 1 (68% случаев) концентрация навоза существенно ниже – около 10% (редко 20–30%). Концентрация сухих травянистых остатков составляет 10–20% в более тонких изделиях (кувшины, чаши) и 20–40% – в более грубых (горшки, тазы). В группу 2 попало 8 сосудов (32%), представленных наиболее тонкими чашами.

Таким образом, можно отметить, что переход от архаической к стандартной хассуне характеризуется значительным изменением в составе навыков составления формовочных масс. Хотя старые традиции продолжают использоваться, но доля их существенно ниже. Наблюдается распространение новых традиций, связанных с использованием более тонких формовочных масс, доля которых уже весьма значительна.

Зафиксированная тенденция еще более четко проявляется при сопоставлении материалов Ярымтепе I с материалом более ранних памятников Северной Месопотамии VII тыс. до н. э. (Бобринский, 1989. С. 327–334). На поселениях Телль Сотто и Кюльтепе отмечено использование навоза в очень большой концентрации – до 70%, в нижнем слое Ярымтепе I – уже до 40%, а в дальнейшем и еще меньше.

Декорирование поверхности. В XII горизонте нанесение красной краски использовалось примерно в 50%, обмазка глиной – в 20%, лощение – в 16% случаев, налlep зафиксирован на одном сосуде. В VII горизонте зафиксирована иная картина. Красная краска нанесена в 42% случаев, ангоб – в 31% случаев. Он не встречен на тех изделиях, для которых можно предполагать неместное производство. Коричневая краска зафиксирована в 19% случаев, лощение и резьба встречены по одному разу.

Таким образом, можно отметить, что во время перехода от архаической к стандартной хассуне появляются новые способы декорирования – коричневая краска и резной орнамент. Подобные сосуды в большинстве случаев сделаны из глины неместного происхождения. Кроме того, коричневая краска отмечена на чашах, по составу искусственных примесей относящихся к группе 2. Исключение составляет один случай, когда она представлена на поверхности кувшина.

Выводы. В XII горизонте памятника представлены две системы гончарной технологии. Представители

первой (доминирующей) использовали три вида местных глин, к которым добавляли навоз мелкого рогатого скота в значительной концентрации (порядка 30–40%). При украшении сосудов они применяли красную краску, лощение и налепы. Представители второй системы, скорее всего неместной по происхождению, также использовали глину, которая являлась основной у местных гончаров. Для составления формовочной массы они, вероятно, использовали толченый навоз, а для декорирования сосудов – красную

краску. В VII горизонте картина существенно меняется. На памятнике появляются изделия, изготовленные из неместных видов глины в соответствии со второй системой гончарной технологии, уже существовавшей к этому времени на поселении. Вероятно, эти изделия, декорированные коричневой краской и резьбой, были принесены сюда извне. По целому ряду признаков, шел постепенный процесс смешения гончарных традиций местных носителей первой системы технологии и пришлых носителей второй системы.

Бобринский А.А., 1978. Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. М.

Бобринский А.А., 1989. Технологическая характеристика керамики из Телль Сотто и Кюльтепе // Бадер Н.О. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М.

Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., 1981. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М.

Г.Н. Поплевко

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Методика экспериментальных исследований по моделированию лепной керамики¹

В 2010 г. экспериментально-трассологическая экспедиция ИИМК РАН проводила исследования по моделированию керамических форм эпохи неолита. За основу была взята керамика из нижних слоев неолитического поселения Ракушечный Яр на Нижнем Дону (слои 20–23). Керамическое тесто плотное, тонкоотмученное. Толщина стенок одинаково устойчива по всему черепку, без вмятин и неровностей. В структуре теста в изломе прослеживаются элементы лепки узкими или широкими лентами с тонкими вытянутыми концами и однородной сердцевинной. Реже встречается лепка жгутами. Керамика плоскодонная, простых баночных форм. Толщина донца разная – от 0,5 см в центре до 1–1,5 см. Тесто довольно однородное, без крупных примесей. Небольшое количество фрагментов керамики включает мелкоотмученную примесь шамота или мелких комочков плотной сухой глины.

В начале экспедиции были предприняты разведки по поиску источников глин. Их искали в окрестностях поселения Ракушечный Яр, расположенного на о. Поречный на Нижнем Дону. На противоположном берегу, прямо напротив поселения, обнаружены отложения красной, а рядом, в 10–15 м, – белой, и примерно в 200 м от них – синей глины в русле Дона. Примерно в 400 м от источников глин в русле реки обнаружены выходы белой, синей и красной глин в виде «язычков» в террасе на расстоянии в 100–300 м друг от друга. Для исследований были отобраны образцы из всех источников, как в русле, так и в террасе. Была взята

и глина из илистых отложений в протоке Дона в нескольких км от поселения. Илистая глина имеет темно-серый цвет во влажном состоянии, но при высыхании приобретает светло-серый оттенок, содержит большое количество ракушки разных видов и размеров. Эксперименты проводились со всеми видами глины.

Экспериментальные исследования 2010 г. по моделированию лепной керамики в целом можно разделить на несколько очень важных этапов: 1 – исследование структуры археологических образцов керамики; 2 – поиск источников сырья – глины; 3 – подготовка глины к применению; 4 – приготовление глиняной массы; 5 – этап «вызревания» глиняной массы; 6 – приготовление глиняного теста для лепки сосудов (добавление примесей); 7 – лепка сосудов (формовка и обработка поверхности); 8 – орнаментация сосудов; 9 – сушка сосудов; 10 – обжиг сосудов; 11 – этап охлаждения обожженных сосудов; 12 – фотофиксация результатов экспериментов на всех этапах исследования.

1. Сначала необходимо провести детальное исследование структуры археологических образцов керамики из изучаемого памятника, и прежде всего изучить геохимический и петрографический состав керамического теста, для определения целей и задач последующих экспериментальных исследований и моделирования. После этого составляется программа экспериментов.

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, проекты 10-06-00096-а; 10-06-10011к.

2. Источники сырья необходимо искать в окрестностях изучаемого поселения. Необходимо произвести отбор образцов глины из разных источников для проведения экспериментов и передать их для геохимического и петрографического исследования их состава.

3. Подготовка глины к применению включает несколько вариантов:

а) влажная глина: 1) перетираание руками всей влажной глины; 2) замачивание глины без дополнительной обработки; 3) выстаивание накопанной влажной илистой глины в течение 7–10 дней;

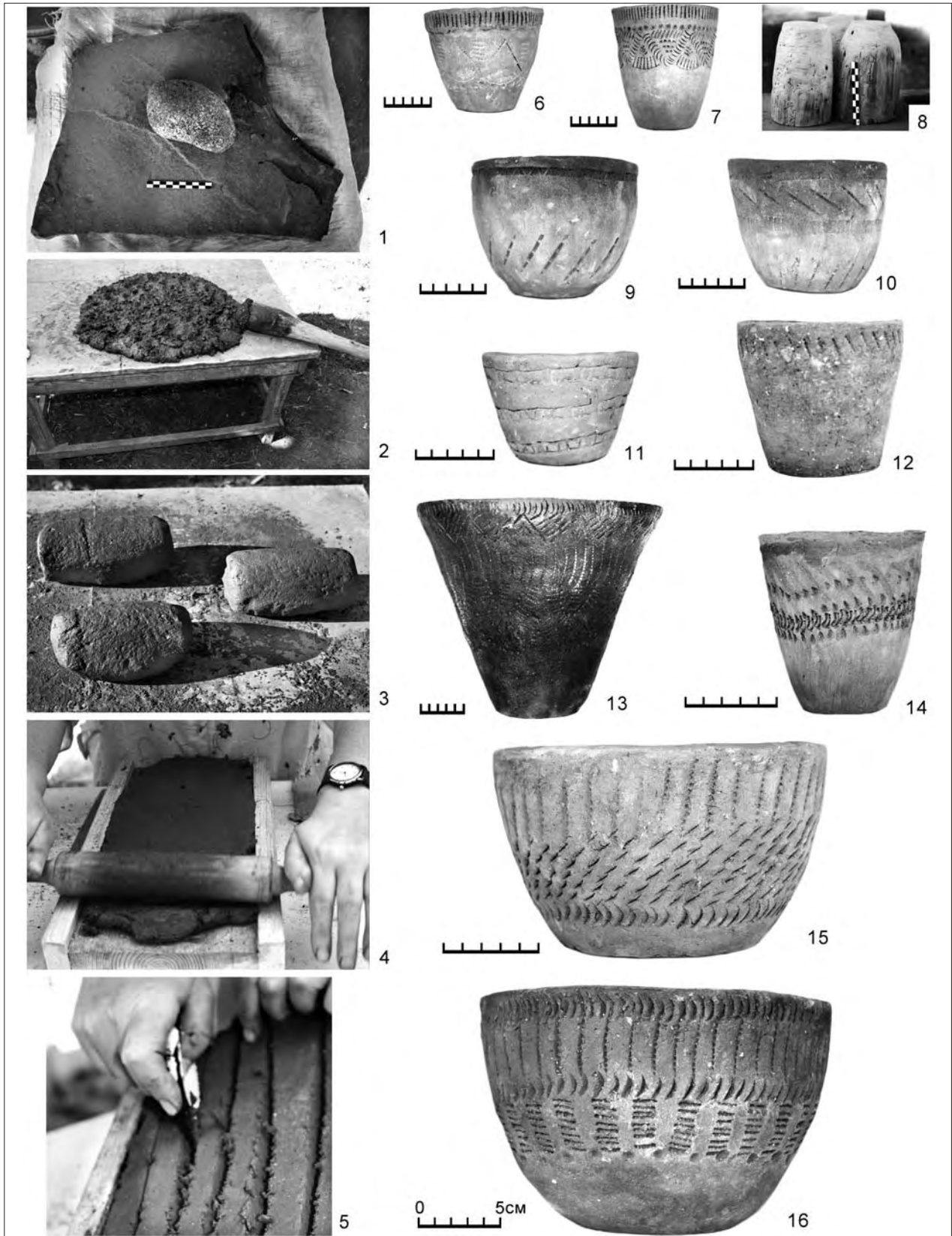

Рис. 1

- б) сухая глина: 1) размалывание сухой глины на абразивной плите каменным растиральником (рис. 1: 1); 2) замачивание сухой размолотой глины.
4. Приготовление глиняной массы:
- а) выпаривание лишней влаги из замоченной глины; б) перемешивание руками глиняной массы; в) выбивка глины деревянной колотушкой от 10–15 до 20 раз в зависимости от исходного глиняного сырья (рис. 1: 2); г) перебивка глиняной массы руками от 10–15 до 20 раз; д) переминание глиняной массы руками «как тесто» до 10–15 раз; е) скатывание глиняной массы в комок в виде шара или цилиндра (рис. 1: 3).
5. «Вызревание» и заквашивание глиняной массы. Помещение приготовленных и скатанных в шар или цилиндр комков глиняной массы в темное теплое помещение во влажной ткани и выдержка ее в закрытой емкости как минимум в течение 8–10 дней.
6. Приготовление глиняного теста для лепки сосудов – добавление примесей в готовую глиняную массу в зависимости от культурных и технологических предпочтений на том или ином археологическом памятнике: а) органические примеси; б) неорганические примеси; в) сочетание тех и других.
7. Лепка сосудов (формовка и обработка поверхности):
- А) формовка: 1) без основы; 2) на твердой основе (рис. 1: 8); 3) внутри твердой основы;
- Б) лепка кольцевая или спиралевидная: 1) жгутами; 2) лентами из расплюснутых руками жгутов; 3) лентами, раскатанными из жгутов; 4) лентами, нарезанными из раскатанного на твердой основе комка глиняного теста (рис. 1: 4, 5);
- В) обработка внешней поверхности сосуда проводится: 1) в процессе его лепки руками или шпателями для жирных глин; 2) в процессе лепки руками или шпателями для тощих глин;
- Г) обработка внутренней поверхности сосуда проводится: 1) после слабого затвердевания (схватывания) стенок сосуда до кожетвердого состояния (для тощих глин) руками или шпателями; 2) в процессе лепки, после обработки внешней поверхности сосуда (для жирных глин) руками или шпателями;
- Д) обработка внешней поверхности в процессе лепки и сразу же разглаживание внутренней поверхности для жирных пластичных глин, которые «держат форму» сразу же, в процессе лепки. Лепку из таких глин можно проводить жгутами или толстыми лентами без твердой основы.
8. Орнаментация сосудов проводится по сырому тесту сразу же после лепки разными орнаментирами (рис. 1: 6, 7, 9–16). Крайне редко встречается орнаментация по подсушенной поверхности.
9. Сушка сосудов проводится в помещении без сквозняков и без доступа прямых солнечных лучей. В процессе сушки осуществляется мониторинг поверхности сосудов и подмазывание сырой глиной мелких трещин, возникающих на поверхности сосудов. Длительность сушки зависит от толщины сосудов, качества глиняного теста и обилия использованной влаги при разглаживании внешней и внутренней поверхностей смоченными в воде руками или орудиями.
10. Длительность обжига сосудов зависит от качества археологической керамики, служащей эталоном. Обжиг для качественной плотной керамики должен быть с постоянным температурным режимом в течение длительного времени. Эксперимент по обжигу керамики в 2010 г. длился 38 часов.
11. Обожженные сосуды требуют длительного постепенного естественного охлаждения без резких перепадов температуры. Остывание костра в проводимых автором экспериментах продолжалось трое суток, но оказалось недостаточным и требовало более длительного постепенного охлаждения.
12. Фотофиксация результатов экспериментов на всех этапах исследования.

И.В. Рудковский

Томский государственный педагогический университет, Томск

О взаимосвязи технологических инвариантов плетения и особенностей прямолинейных орнаментов

На происхождение некоторых узоров, и даже целых классов орнаментик, на керамике археологических культур от текстильных и плетеных прототипов исследователи указывали и указывают достаточно часто. Об этом свидетельствуют, прежде всего, совер-

шенно явные факты в виде отпечатков на керамике собственно текстиля (Чернай, 1985. С. 97. Рис. 1) и рыболовных сетей (Неолит... 1996. С. 303. Рис. 98, 35). Известны имитации этих текстур. Это, к примеру, так называемый псевдотекстиль крохалёвской керамики

(Рудковский, 2007. С. 99. Рис. 5, 7) и рисованная сеть из Чес-Тый-Яга (из неопубликованных материалов Е.А. Васильева).

Наряду с непосредственными оттисками и подробными имитациями в прямолинейных орнаментах использовались и стилизованные подоби́я. В широко распространенном во многих культурах орнаменте, который можно назвать «прямоугольный паркет», хорошо угадывается текстура рогожи или лькового туеса. В простых «елочных» узорах, покрывающих все тулово керамической банки, мы видим дериват текстиля или корзинного плетения.

Что можно сказать в этом плане о развитых орнаментах, относящихся к классу «геометрических», таких, например, как андроновская? В этой орнаментальной культуре упомянутые выше дериваты плетения довольно многочисленны, но основной репертуар составляют фигуры, связь которых с плетеными и ткаными прототипами не столь очевидна. Однако такая связь, на наш взгляд, существует.

Обоснование этого утверждения может быть заключено в некоторых общих технологических принципах (инвариантах) плетения и ткачества. Таких инвариантов три. Несмотря на видовое разнообразие способов

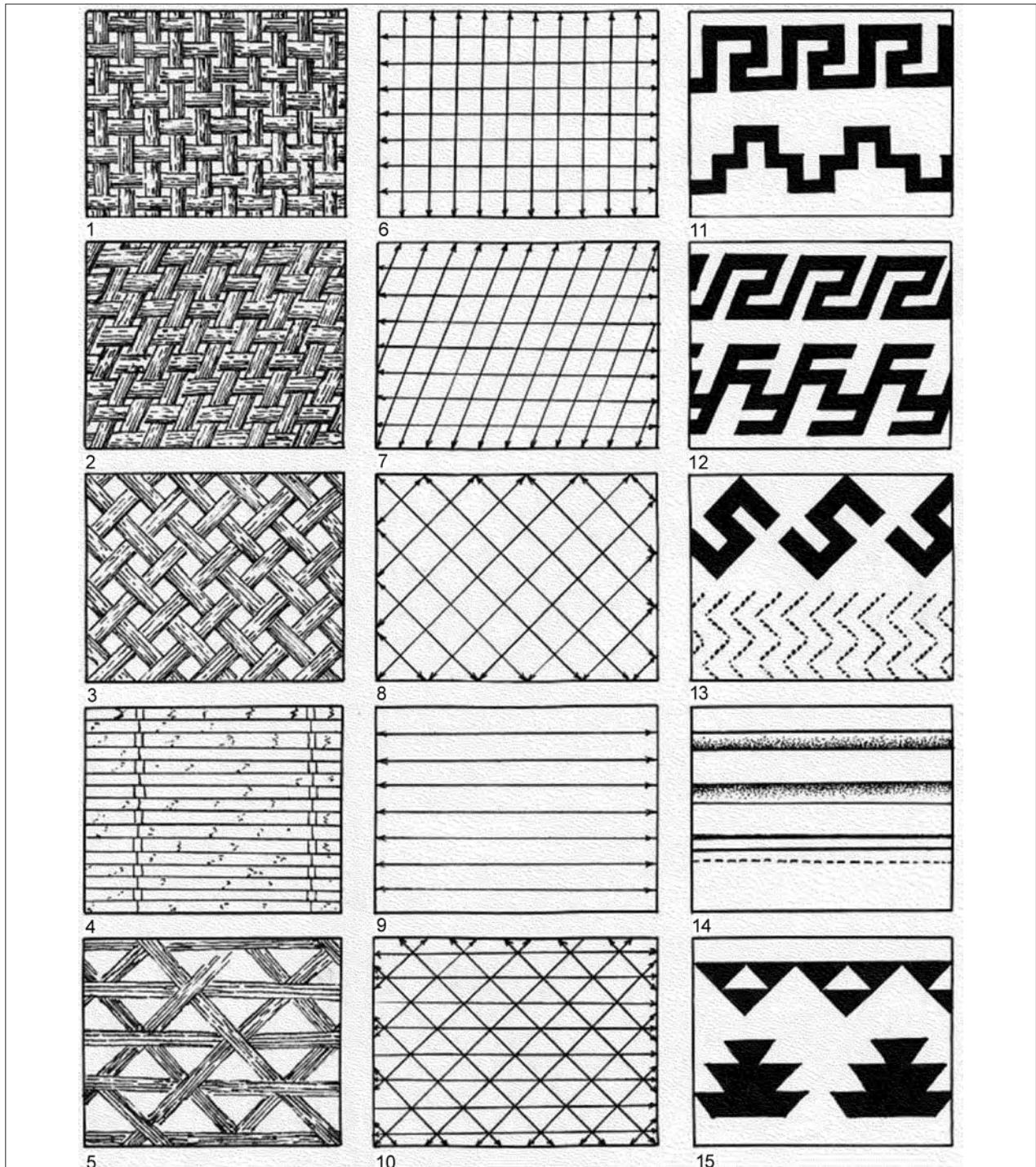

Рис. 1

Примеры плетения (1–5), их инвариантные схемы (6–10) и соответствующие им андроновские орнаментальные схемы (11–15)

плетения, дающих возможность получать множество вариантов текстурных рисунков, в основном мы наблюдаем *двухвекторные* построения в виде двух плоских пучков параллельных нитей (прутьев, лент), пересекающихся под прямым или иным углом (рис. 1: 1–3). Несколько реже встречается трехвекторное плетение (рис. 1: 5). В ткачестве этот вариант исключен, но в прутьяном и лыковом плетениях известен и по археологическим, и по этнографическим материалам. Практически повсеместно и во все времена изготавливались и изготавливаются *одновекторные* циновки (рис. 1: 4). Они состоят из одного ряда тростниковых, бамбуковых или иных прутьев, скрепленных в нескольких местах нитями, шнурами или мягкими растительными волокнами. Четырех-, а тем более пятивекторного, плетения не существует, оно технологически нецелесообразно.

В андроновской орнаментике, безотносительно к конфигурации элементов композиции, мы наблюдаем абсолютно те же закономерности, что и в плетении. Здесь все прямые линии (криволинейных практически нет) выстроены в той же системе векторов, что и в практике плетения и ткачества. Техника рисования по сырой глине, по идее, предполагает большую свободу построений, чем в пространстве трех векторов, но андроновские мастера предпочли оста-

ваться в рамках традиций, обусловленных технологическими пределами иных практик.

В принципе, векторное разнообразие плетений, тканей и прямолинейной андроновской орнаментики можно выразить через линейные схемы (рис. 1: 6–10). В настоящем докладе таких схем представлено пять. В гомологическом ряду их – неопределенное множество. Опыт, однако, показывает, что реально значимых схем 11–12 (Рудковский, 2003; 2010). В работах автора предложенные схемы назывались двумерными орнаментальными континуумами (если понимать их как пространство возможностей и ограничений для орнамента). Эти схемы очень логичны и позволяют практически без остатка группировать все андроновские орнаменты по конечному количеству таксономических групп (рис. 1: 11–15). Это во-первых. А во-вторых, именно визуализированные абстрактные схемы натолкнули на мысль, что они не столь уж абстрактны, если сопоставить их конструкции с реальными текстурами различных плетений. Предположив, что эти технологические практики несколько (а быть может, и значительно) древнее известных прямолинейных орнаментов на керамике, можно вернуться к гипотезе о происхождении этих орнаментов от плетеных прототипов с несколько большими основаниями, чем прежде.

Неолит Северной Евразии. М., 1996. (Археология.)

Рудковский И.В., 2003. Системообразующие инварианты андроновской орнаментики: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул.

Рудковский И.В., 2007. Керамика поселения Чердашный Лог // Археология и этнография Приобья: Материалы и

исследования: Сб. тр. кафедры археологии и этнологии. Томск. Вып. 1.

Рудковский И.В., 2010. Континуумное измерение андроновских орнаментов // ВИАЭ. № 1.

Черная И.Л., 1985. Текстильное дело и керамика по материалам из памятников энеолита – бронзы Южного Урала и Северного Казахстана // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.

Н.Е. Рябогина, С.Н. Иванов

Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень

А.С. Якимов

Институт криосферы Земли СО РАН, Тюмень

Реконструкция палеоэкологических условий и среды обитания на многослойном поселении Мергель 6 в Тюменском Приишимье¹

Палинологические и геохимические исследования на поселении Мергель 6 (окрестности г. Иши-

ма) позволили реконструировать особенности природных условий в регионе и детализировать локаль-

¹ Исследования поддержаны программой Президиума РАН № 28, грант 2.29 «Комплекс памятников оз. Мергель как уникальный источник по древней истории Нижнего Приишимья»; программой Президиума РАН №16.9 «Эволюция природных факторов опустынивания в позднем кайнозое Северной и Центральной Азии по материалам изучения субаральных образований»; грантом Лаврентьевского конкурса молодежных проектов СО РАН «Изменение климата в лесостепной полосе Западной Сибири и его влияние на цикличность систем землепользования древнего населения за последние 4000 лет».

ные условия обитания в неолите, энеолите и переходном времени между бронзовым и ранним железным веком.

Памятник расположен в северной лесостепи Западной Сибири, с характерными ландшафтами из небольших березово-осиновых лесов и разнообразных лугов. Поселение приурочено к высокой пойме оз. Мергень. Известно, что пойменные ландшафты характеризуются высокой скоростью почвообразовательного процесса, поэтому погребенные почвы и культурные слои к настоящему времени не сохранились, а превратились в луговые почвы с включением археологического материала (в том числе уникальных по сохранности неолитических изделий из кости). Проведение цветовой диагностики границ культурных слоев не представляется возможным (их условные границы маркированы по артефактам). В этой связи одной из задач исследования стало обоснование естественнонаучными методами четких стратиграфических рубежей культурных слоев разного времени. Особое внимание было обращено на изменение концентрации биофильных элементов и пыльцы сорных растений, являющихся показателями хозяйственной деятельности древнего населения. Геохимический анализ образцов¹ из основных генетических горизонтов поселения Мергень 6 и современной почвы охарактеризовал изменения в содержании фосфора и кальция, поступающих в почву с органическими остатками.

Установлено, что природные условия ранне-неолитического времени (кошкинская культура V тыс. до н.э.: Скочина, Еньшин, 2011) существенно отличались от современных. Климат был существенно теплее и суше, поэтому поселение окружали практически безлесные ландшафты, характерные для южной лесостепи. Доминировали фитоценозы остепненных разнотравно-попынных лугов. Выявлено, что, несмотря на низкий уровень грунтовых вод (поселение приурочено к ныне затопляемой пойме), в неолите происходили экстремальные затопления/подтопления поселения. Так, в стратиграфии одного из жилищ выявлен слой «первого пола», отсыпка и слой «второго пола». В слое первого пола и отсыпки присутствуют спикюлы пресноводных губок, водоросли, споры зеленых мхов, а также пыльца околводных растений. В вышележащих отложениях неолитического слоя их нет, а доминирует пыльца луговых трав и полыней. Мы предполагаем, что на фоне общего дефицита увлажнения во время функционирования поселения имели место экстремально влажные годы/сезоны, которые не повлияли на общую ландшафтно-климатическую ситуацию в раннем неолите. Эпизодичность этих явлений подтверждается также тем, что поселение не перенесли на более высокое место, а ограничились поднятием уровня пола. Ранне-неолитический слой маркирован также яйцами гельминтов, паразитирующих на дикой птице, крысах, бобрах, кабанах, но

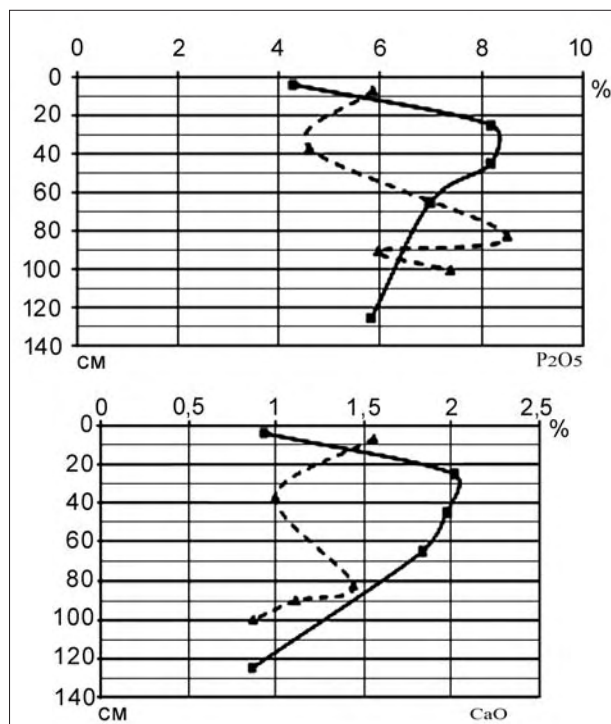

Рис. 1

Распределение фосфора (P_2O_5) и кальция (CaO) в слоях

рыба – один из основных промежуточных хозяев, что полностью согласуется с представлениями археологов о присваивающем хозяйстве с ведущей ролью рыболовства.

По палинологическим данным проведена четкая стратиграфическая граница между ранее недифференцированными неолитическим и энеолитическим слоем обитания на уровне 0,7 м. Для энеолитического периода (гребенчато-ямочная общность, III тыс. до н.э.) были характерны лесостепные ландшафты с большей долей березовых лесов. Характерно также появление пыльцы сосны и даже (единично) кедра и пихты, что рассматривается нами как общерегиональный климатический тренд в сторону увлажнения и похолодания. В составе пыльцы трав резко изменилась доминирующая группа – около поселения массово расселились представители семейства цикориевых (цикорий, одуванчик, осот и др.), многие из которых относятся к сорнякам рудеральной группы и не отмечались в таких количествах ранее. Заметное повышение концентрации биофильных элементов на глубине 0,6 м (прежде всего P_2O_5 – на 0,5% по сравнению с фоновыми значениями) свидетельствует о сравнительно небольших поступлениях дополнительного органического вещества в энеолитический период обитания поселения (рис. 1).

Наиболее серьезные изменения локальных условий отмечены в самом верхнем культурном слое с красноозерской керамикой (рубеж бронзового и раннего железного времени). Спецификой спорово-пыльцевых спектров этого слоя стало доминирование пыльцы сорняков рудеральной и пасквальной

¹ Рентгенфлуоресцентная спектроскопия выполнена в лаборатории геохимии и минералогии почв Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, г. Пушкино.

(пастбищной) группы – клевера ползучего, подорожника среднего, пастушьей сумки, икотника, разнообразных представителей зонтичных, конского шавеля, чертополоха и ворсянки. Кроме того, встречены оболочки яиц аскарид, паразитирующих на лошадях. На глубине 0,2–0,4 м (рис. 1) зафиксированы аномальные концентрации фосфора – более 2%, и кальция – более 8% (фоновое содержание около 1% и более 4% соответственно). Эти данные свидетельствуют об очень высокой антропогенной нагрузке на растительный

покров, преобразовании коренных луговых фитоценозов около памятника за счет выпаса и очень большом поступлении дополнительной органики за счет содержания скота.

К переходному времени между бронзовым и ранним железным веком приурочено и постепенное изменение фоновых природных условий. К началу раннего железного века наметилось общее увеличение доли лесов около поселения, что свидетельствует об улучшении условий увлажнения в лесостепи.

Скочина С.Н., Еньшин Д.Н. Неолитический комплекс поселения Мергень 6 в лесостепной зоне Западной Сибири // Наст. изд.

Е.А. Сергушева

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток

Эволюция земледелия на юге Дальнего Востока России по археоботаническим данным

Систематическое использование археоботанического подхода при изучении археологических памятников (6000–800 л. н.) на юге Дальнего Востока России (Приморье) позволило получить массив уникальных данных об использовании растений. Анализ семян и плодов, полученных методом водной флотации с памятников среднего и позднего неолита, периодов палеометалла, раннего и развитого железного веков, а также средневековья, позволяет приступить к реконструкции использования растений населением этой территории в среднем и позднем голоцене. При этом основное внимание уделено реконструкции динамики земледелия. Предварительно на основе археоботанических данных выделены три этапа эволюции земледелия, определяемые ролью земледелия в системах жизнеобеспечения.

Этап 1 (ок. 5000 – 2500 л. н.) характеризуется появлением земледелия и его присутствием в качестве одного из компонентов (не основного) систем жизнеобеспечения населения. Согласно нашим данным, навыки земледелия появились на территории Приморья в позднем неолите (ок. 5000 л. н.) как результат миграции населения из сопредельных районов Восточной Маньчжурии (Вострецов и др., 2003. С. 375–377; Сергушева, 2007; 2008. С. 189, 190). Первые земледельцы Приморья – носители зайсановской культурной традиции (ЗКТ) – выращивали просо обыкновенное. Очевидно, роль земледелия в системах жизнеобеспечения ранних земледельцев не была ведущей. В отложениях археологических памятников остатки культурных растений обнаруживаются в единичных экземплярах, при преобладании остатков пищевых дикорастущих растений (орехи, желуди и др.) (Сергуше-

ва, 2008. С.189. Рис. 2). Имеются основания полагать, что роль земледелия в палеоэкономике постепенно увеличивалась, приобретая, вероятно, большее значение на последнем этапе ЗКТ (ок. 3300 л. н.), о чем свидетельствует увеличение числа видов растений (просо обыкновенное и просо итальянское) и количества их остатков (Там же. С. 188).

В период палеометалла в системах жизнеобеспечения населения Приморья сохраняется просяное земледелие. Частота обнаружения остатков культурного проса в отложениях памятников этого времени становится выше, свидетельствуя о росте значения земледелия. Но недостаток археоботанических и археологических данных пока не позволяет однозначно ответить на вопрос о месте земледелия в палеоэкономике населения этого периода.

О системах земледелия, использовавшихся на территории Приморья на этапе 1, судить сложно из-за отсутствия данных. Имеющиеся немногочисленные находки орудий на поздненеолитических памятниках позволяют предполагать существование ручной вспашки легких почв с использованием «ручных плугов» – каменных орудий типа сохи, характерных для земледелия Восточной Азии. Первые такие орудия появляются в культуре чжаобаогоу (Западная Маньчжурия) 7000–6500 л. н., в период раннего неолита, и сохраняются в Северном Китае, Маньчжурии, Корее вплоть до этнографического времени. Не исключено, что в Приморье могла использоваться подсеčno-огневая технология.

Этап 2 эволюции земледелия наступает, когда земледелие становится доминирующим компонентом

в системах жизнеобеспечения населения в подходящих для этого районах. Происходит это с появлением на территории Приморья носителей кроуновской культуры раннего железного века (ок. 2500–1800/1700 л. н.), мигрировавших с территории Восточной Маньчжурии. Кроуновцы, согласно археоботаническим данным, выращивали на территории Приморья не менее пяти видов культурных растений (просо обыкновенное и итальянское, ячмень голозерный, соя, конопля). Основными среди них были, очевидно, просо и ячмень. Предполагается, что у кроуновцев существовала грядковая система земледелия (Вострецов, 2005. С. 175). О технологии обработки почвы данных нет, т. к. отсутствуют находки орудий, которые можно было бы напрямую связать с земледельческой практикой.

Земледелие присутствует у носителей ольгинской культуры развитого железного века в Восточном Приморье. Объекты этого земледелия – просо обыкновенное и итальянское, голозерный ячмень (Сергушева, 2010а). Для более полной реконструкции роли земледелия у этого населения данных пока недостаточно. Но сам факт наличия земледелия в системах жизнеобеспечения населения района, не являющегося для этого идеальным по агроклиматическим показателям, свидетельствует о достаточно высоком уровне технологии и, очевидно, придаваемого значения.

Неясна роль земледелия в период раннего средневековья (V–VII вв.), когда территория юга Дальнего Востока России заселялась племенами мохэ. Косвенные данные могут свидетельствовать о значительном месте земледелия в их экономике. По данным археоботаники, мохэсы на территории Приморья выращивали просо итальянское, просо обыкновенное, голозерный ячмень, вероятно сою.

Этап 3 эволюции земледелия приходится на средневековый период, когда территория юга ДВ России входила в состав государственных образований Бохай (698–926 гг.) и Дун Ся (1215–1233 гг.). В это время земледелие на территории Приморья достигает своего расцвета, являясь экономической основой существования сложных обществ с высоким уровнем экономического развития. Имеются данные о пашенном характере земледелия в это время. На бохайских памятниках зафиксированы остатки 14 видов культурных растений (просовые, зерновые, бобовые, крупяные, масличные, овощные и технические). На памятниках государства Дун Ся фиксируются остатки тех же видов культурных растений, но в большем количестве (Сергушева, 2010б).

После разгрома Дун Ся население так и не оправилось от удара, на юге российского Дальнего Востока на долгое время наступает «темный» период истории. Земледелие как основа экономики было утрачено, а его навыки утеряны.

Вострецов Ю.Е., 2005. Взаимодействие морских и земледельческих адаптаций в бассейне Японского моря // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы / Отв. ред. Ж.В. Андреева. Владивосток.

Вострецов Ю.Е., Сергушева Е.А., Комото М., Миямото К., Обата Х., 2003. Новые данные о раннем земледелии в Приморье: Неолитический комплекс поселения Кроуновка-1 // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: Мат. междунар. конф. (Владивосток, сентябрь 2003 г.). Владивосток; Новосибирск.

Сергушева Е.А., 2007. Раннее земледелие в Приморье по материалам поселения Кроуновка 1 // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Сер.: Ист., филол. Т. 6. Вып. 3: Археология.

Сергушева Е.А., 2008. К вопросу о появлении земледелия на территории Приморья в позднем неолите: археоботанические исследования // ОПУС: Междисциплинарные исследования в археологии. М. Вып. 6.

Сергушева Е.А., 2010а. Семена растений с памятника Синие Скалы (Ольгинский район Приморского края) // Приоткрывая завесу тысячелетий: К 80-летию Ж.В. Андреевой. Владивосток.

Сергушева Е.А., 2010б. Культурные растения средневекового населения Приморья // Россия и АТР. № 4.

А.С. Сыроватко, А.А. Трошина
Коломенский археологический центр, Коломна

Н.Е. Зарецкая

Геологический институт РАН, Москва

А.В. Панин

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

Природные ландшафты Щуровского могильника: хронология, скорость и характер изменений

Щуровский могильник – сложный памятник, сочетающий в себе погребения с кремациями, совершенны-

ми по разному обряду, а также существовавшее на том же месте до могильника селище позднедьяковского вре-

мени. С учетом того, что инвентарь могильника мало пригоден для датировки, а большая часть погребений не имеет инвентаря, особое значение в изучении памятника приобретают естественнонаучные методы.

В настоящее время обработаны три палинологических разреза (более 20 образцов), получены 25 радиоуглеродных дат. Также реконструкции хронологии памятника могут содействовать геоморфологические исследования прилегающего участка русла Оки и датировка времени перемещения (и отмирания как активного русла) одного из рукавов от подножия холма, на котором расположен памятник.

Палинологические исследования выявили любопытную картину сменяющих друг друга ландшафтов. Основным разрезом стал ров «кургана» («домика мертвых») 2. В период начала функционирования могильника на близлежащей территории леса и луг занимают примерно одинаковые площади. В состав лесов входили береза и липа, что указывает на достаточно влажный и теплый климат; это подтверждается и луговыми разнотравно-злаковыми сообществами. К концу периода, вероятно, можно говорить об увеличении увлажненности территории, которое способствовало оплыванию насыпи кургана. В период, когда ров кургана заплыл и на памятнике стали совершаться грунтовые захоронения кремированных останков, ландшафт характеризовался уменьшением облесенности территории. Леса состояли из березы, сосны и широколиственных пород. В составе растительности преобладали споровые растения. Такая картина указывает на похолодание климата. Важно отметить, что в образце из слоя кремаций пыльца ели была темной, т. е. имела следы обугливания, в то время как пыльца сосны имела нормальный цвет. Этот факт говорит о том, что ветки ели могли использовать в погребальном костре. Между двумя могильниками палинологические спектры фиксируют затухание антропогенного воздействия – некрополь был заброшен, в оплывших рвах стабилизировалась поверхность. Это свидетельствует, фактически, о существовании двух не связанных друг с другом могильников с кремациями, с ощутимым хронологическим разрывом между ними.

Радиоуглеродные даты, при многочисленности серии, неоднозначны. Даты из слоя сожжения в «домиках мертвых» указывают на вторую половину VI – первую половину VII в. Даты из поздних грунтовых кремаций в калиброванном виде приходятся в основном на XI–XII вв., в то время как находки – пронизи, стеклянные бусы, обрывки кольчуг – указывают на салтовское время. В данном случае расхождение радиоуглеродных дат с контекстом очевидно, а объяснения ему пока нет.

В 2010 г. была отобрана новая серия (4 экз.) радиоуглеродных образцов – послойно из разреза слоя грунтового могильника. На наш взгляд, применение подобного отбора позволило разделить слои и объекты, которые, по причинам особенностей осадконакопления на памятнике, хронологически «схлопну-

лись», получив нормальную последовательность дат. Датам, полученным ранее по индивидуальным археологическим объектам (углям из очагов, кострищам и т. п.), хронологически соответствуют даты, полученные из разреза. Это пары (тройки): 300±30 (ГИН-14382), 360±60 (ГИН-14382г) – угли из кострищ, и 340±70 (ГИН-14383) – углистый слой в аллювии; 770±30 (ГИН-14142) – слой кремаций, и 730±30 (ГИН-14385) – углистый слой над стерильной прослойкой; 1160±30 (ГИН-14144а) – погребение, уровень 2, и 1190±100 (ГИН-14384а–у) и 1040±30 (ГИН-14384а) – углистый слой под стерильной прослойкой.

Отметим, что с археологическим контекстом хорошо согласуются даты ГИН-14144а и 14384а–у, обе они получены по углю. От прочих их отличает еще и то, что они, подобно образцам из курганов, лучше остальных были перекрыты грунтом (стерильной прослойкой песка) и, вероятно, меньше подвергались внешнему воздействию. Образец ГИН-14384а залегал в таких же условиях, но эта дата получена не по углю, а по щелочной вытяжке из вмещающего грунта. Все остальные образцы существенно моложе, хотя, судя по палинологическим данным, их возраст должен быть одинаков. Конечно, сохраняется возможность того, что наши знания той эпохи недостаточны, и грунтовые кремации продолжали совершаться в предмонгольское время, но вероятнее всего, последовательное уменьшение возраста вместе с глубиной образцов отражает и процесс их загрязнения под внешним воздействием, из-за отсутствия перекрывающего горизонта.

Проведенная также в 2010 г. предварительная геоморфологическая съемка памятника дает основания предполагать, что в позднеяковское время русло Оки пролегалo непосредственно у подножия холма. Сдвиг русла от памятника произошел не позднее рубежа I–II тыс. н. э. Вероятно, этому способствовали климатические изменения второй половины I тыс., которые фиксируются в том числе и по палинологическим разрезам. Георадарные исследования палеорусла этого рукава Оки (зимой со льда) и отбор донных радиоуглеродных образцов позволили определить время отмирания рукава и реконструировать историю его развития. По полученной радарограмме были выделены две фазы заиления русла: отложения первой фазы заиления (2250±90, ГИН-14424) соответствуют времени падения стока Оки после многоводного периода. По протоке еще шел транзитный сток, поэтому она заиливалась не по всей ширине, а только в скоростной тени на изгибе правого берега. Отложения второй фазы заиления соответствуют времени закупорки протоки сверху и снизу (990±130, ГИН-14422); заиление начиналось по всей ширине протоки. Следовательно, в период функционирования курганного и грунтового могильников небольшие суда еще могли заплывать в протоку, прекращение функционирования могильника со временем ее закупоривания приблизительно совпадает.

Опыт использования рентгенфлуоресцентного спектрометра при изучении древних и средневековых археологических находок из Сибири и Монголии¹

В соответствии с междисциплинарным подходом, направленным на получение достоверных сведений, археологи привлекают значительное количество естественнонаучных методов. В результате создается объективный информационный потенциал, необходимый для комплексных исторических реконструкций. Одно из направлений, реализуемое в Алтайском госуниверситете (АлтГУ), связано с изучением древних и средневековых находок из цветных металлов. Аналитических методов для их исследования существует множество. Наиболее известным и многократно апробированным является оптический (эмиссионный) спектральный анализ. В настоящее время наибольшее распространение получает рентгенфлуоресцентный анализ (РФА), который имеет целый ряд достоинств. Многие аналитики предпочитают его использовать для получения данных по элементному составу сплавов. Рентгенфлуоресцентные спектрометры имеются в нескольких научных учреждениях. Можно отметить существенные показатели, которые обеспечивают возрастающую популярность РФА среди археологов (Тишкин, Хаврин, 2006).

Для работы в АлтГУ используется портативный рентгенфлуоресцентный спектрометр ALPHA SERIES™ Альфа-2000 (производство США) в комплекте с испытательным стендом, КПК и другими приспособлениями. Прибор предназначен для количественного неразрушающего анализа содержания химических элементов методом рентгенфлуоресцентной спектрометрии в образцах и самих изделиях из цветных металлов, сталей, разных сплавов, контроля химического состава руд, почв, жидких и порошковых проб. Он обнаруживает наличие тех или иных элементов до сотой доли одного процента при аналитическом режиме работы и свыше тысячной – при горнорудном. К неоспоримому достоинству спектрометра относится быстрота проведения измерения (для получения одного анализа достаточно 30–120 сек, и еще некоторое время требуется на фиксацию полученных показателей). За день можно исследовать несколько десятков предметов. Такая скорость позволяет производить изучение археологических находок неоднократно и в разных местах, что обес-

печивает набор более объективных данных для детального рассмотрения особенностей каждого составляющего элемента изделия. Нужно отметить, что прибор непосредственно предназначен для промышленного производства и его нужно было адаптировать для научно-исследовательских целей.

Любой научный метод наряду с преимуществами имеет какие-то изъяны и погрешности. Но при работе с указанным спектрометром они могут корректироваться или компенсироваться. Точность результатов во многом обусловлена имеющимися эталонами. Основная проблема заключается в том, что прибор определяет состав не всего изделия сразу, а только того участка, куда направлено излучение. Поверхностный слой каждой находки формировался по-разному. Поэтому для представления объективной картины содержания химических элементов в предмете необходимо в разных местах осуществлять неоднократное тестирование. При всем этом желательно иметь участки, где металл был бы без патины, окислов или коррозии. В большинстве случаев эта проблема решается наличием на изделиях царапин, сломов, трещин или следов от уже взятых сверлом проб, в других – требуется аккуратное механическое удаление окислов, чего музейные работники предпочитают не допускать, считая, что экспонату будет нанесен вред. Однако нужно совершенно четко представлять, что при реставрации в первую очередь будут сняты продукты окисления и коррозии, которые наносят существенный ущерб археологическому предмету. Приходится сталкиваться с музейными экспонатами, уже очищенными химическим путем. Такое воздействие нарушает или изменяет состав поверхностного слоя, что ведет к искажениям и, соответственно, сказывается на достоверности результатов анализа. Задача всех исследований – без ущерба для предмета получить самые объективные показатели. Поэтому желательно РФА осуществлять до любого предполагаемого воздействия (очистка, консервация и т. п.). Несмотря на кажущуюся простоту, существует масса нюансов при работе с каждой находкой. Важно получить несколько определений для проведения сравнения и сопоставления результатов.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект «Реконструкция социальной организации и системы жизнеобеспечения кочевников Южной Сибири поздней древности и средневековья» (2010-1.2.1-300-028-022).

Следует также указывать, каким образом производилось то или иное тестирование и для чего это делалось.

Из кратко изложенных сведений становится понятно, что использование РФА приобретает особое значение при изучении разных металлических находок. Особенно это касается зеркал. Значительная часть таких изделий в древности и средневековье производилась в Китае. В качестве предметов импорта они поступали на территорию Сибири и бытовали там долгое время. Отмечается копирование этих вещей. На Алтае и в Верхнем Приобье зафиксированы так называемые восточные, или индийские, зеркала. Обнаружена местная продукция древних и средневековых мастеров. К настоящему времени указанным спектрометром осуществлено исследование зеркал, которые хранятся в

Музее археологии и этнографии Алтая АлтГУ (Тишкин, Серегин, 2011). В ходе этой работы расширились потенциальные возможности прибора, сделаны наблюдения, позволяющие объективно представить факты и выявить распространившиеся мифы. Важной стороной осуществляемой деятельности является изучение археологических находок из слабо изученных регионов Монголии. Отдельной темой исследований стали материалы памятника Березовая Лука, на котором зафиксированы свидетельства бронзолитейного производства ранней древности.

В заключение необходимо отметить, что результаты проведенных исследований уже отражены в серии опубликованных работ (Роль... 2009; Торевтика... 2010; и др.).

Роль естественнонаучных методов в археологических исследованиях. Барнаул, 2009.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2011. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). Барнаул.

Тишкин А.А., Хаврин С.В., 2006. Использование рентгенофлуоресцентного анализа в археологических исследованиях // Теория и практика археологических исследований. Барнаул. Вып. 2.

Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. Барнаул, 2010.

Г.В. Требелева

Институт археологии РАН, Москва

Г.Ю. Юрков, И.И. Цвинария, А.С. Агумаа, Ш.Г. Кайтан

Средневековые памятники Абхазии: попытка применения естественнонаучных методов (химанализа) для решения проблемы датировки¹

Сохранность средневековых памятников Абхазии поражает: сохранившаяся высота стен некоторых крепостей достигает 9 м! Однако исследования на этих памятниках почти не проводились. Их датируют в очень широких границах (порой – просто «средневековьем») и весьма спорно. К примеру, датировка знаменитой Келасурской стены колеблется от VI в. н. э. (Иващенко, 1926; Ардзинба, 1958; Гунба, 1977) до XVII в. (Воронов, 1973; Берадзе, 1971). Естественно, что относительно точно датировать памятники до проведения на них более или менее масштабных раскопок практически невозможно. Однако нам показалось интересным попытаться сгруппировать их по одновременности/разновременности построек на основе анализа используемой технологии кладки. Учитывая, что почти все сооружения возведены из практически одинакового камня, мы решили произвести анализ химического состава образцов связующего раствора в кладках крепостей и храмов. За основу взята

идея, что, априори, одновременные на конкретной ограниченной территории вещи имеют одинаковый химический состав, а разновременные – разный. Т. е., к примеру, химический состав связующего раствора в кладке стен одновременных памятников будет **относительно** (не абсолютно, а именно относительно) одинаковым, а у разновременных – существенно различаться.

В 2010 г. в ходе археологических разведок было взято 52 образца связующего раствора. Анализ проводился методом энергодисперсионного анализа в лаборатории физико-химического анализа керамических материалов ИМЕТ РАН по принципу «случайной выборки». Полученные предварительные итоги показали интересными. Они позволили выделить группы, близкие по составу раствора, – с преобладанием извести (Ca), с преобладанием песка (Si), с наличием/отсутствием глинозема (элементы, указывающие на наличие глинозема в составе Mg, Na, K, Al, Fe), с равным

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект 10-01-00617а/а.

соотношением песок/известь, – т.е. в какой-то мере судить о технологии приготовления раствора. Возьмем, например, башню Келасур 3, представляющую собой остатки двух перпендикулярных стен (северной и восточной) высотой около 4 м и шириной кладки 2,9 м у основания и сужающейся кверху примерно до 1,5 м. Обе стены сделаны из крупного булыжника, однако в северной стене кладка более ровная, с использованием меньшего количества связующего раствора. В восточной стене камни положены не так ровно и на большем количестве связующего раствора. С внутренней стороны башни на юге и западе видны обрушившиеся остатки – по всей видимости, других стен. Возникает впечатление, что две сохранившиеся стены были возведены не одновременно. Анализ состава раствора в какой-то мере это доказывает: хотя в растворах, использованных для обеих стен, и присутствует глинозем, но совершенно разный по составу (восточная стена – Na, Mg, Al, K; северная стена – Al, Fe), т.е., вероятнее всего, взятый из разных месторождений (карьеров), что вряд ли произошло бы, если бы стены возводились одновременно. Особенно учитывая, что по составу раствор из завала стен почти полностью совпадает с раствором из восточной стены. Интересно совпадение состава раствора северной стены (который отличается по составу от остальных остатков) с составом раствора, взятого с памятника Келасурская башня 7/стена 3, представляющего собой часть стены, – то ли остатка башни, то ли собственно

Келасурской стены. Если предположить, что памятник Келасурская башня 7/стена 3 является все-таки остатком непосредственно Келасурской стены, то вполне вероятно, что и северная стена памятника Келасурская башня 3 является остатком стены, к которой позднее была пристроена полукруглая (судя по закруглению восточной стены) башня. Любопытным нам показалось сопоставление результатов анализа образцов раствора с других участков Келасурской стены: мы видим почти полное совпадение по этому показателю участка 1 и участка 2. Т.е., скорее всего, эти участки были возведены одновременно. Тогда как состав раствора из северной стены Келасурской башни 3 и Келасурской башни 7/стены 3, коррелирующие между собой, кардинально от них отличаются, как составом элементов, так и технологией. Если на участках 1 и 2 Келасурской стены мы видим примерно равное соотношение извести и песка с примесями глинозема, то на северной стене Келасурской башни 3 и Келасурской башне 7/стене 3 в растворе однозначно превалирует известь (90 и 93% соответственно). Таким образом, как нам кажется, можно говорить о различной технике кладки, а следовательно, не просто о разных источниках сырья, а о разновременности возведения данных сооружений. И здесь хочется вспомнить очень интересные выводы относительно датировки Келасурской стены, сделанные еще Л.Н. Соловьевым (1940), который выделял три этапа ее строительства: в конце V – VI, в X–XII и в XVI–XVIII вв.

Ардзинба И.Е., 1958. Архитектурные памятники Абхазии. Сухуми.
Берадзе Т., 1971. Вахушти Багратиони и вопросы исторической географии Одиши // Сборник исторической географии Грузии. Тбилиси. Т. IV.

Воронов Ю.Н., 1973. Келасурская стена // СА. № 2.

Гунба М.М., 1977. Келасурская стена // Изв. Абхазского ин-та языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа. Вып. VI.

Иващенко М.М., 1926. Великая Абхазская стена // Изв. Абхазского науч. об-ва. Вып. 4.

Соловьев Л.Н., 1940. Древние оборонительные рубежи феодальной эпохи на Черноморском побережье Западной Грузии (Гагрская крепость, Иверская гора, Келасурская стена). Сухум. (Рукоп.) // Архив Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа. № 344.

С.С. Трофимова

Институт экологии растений и животных УрО РАН, Екатеринбург

Реконструкция природной среды памятника Шигирское городище по данным карпологического метода

Остатки семян, плодов и определимых частей растений – листьев, шишек и т. п. – являются объектами исследования карпологическим методом. При археологических исследованиях данные, полученные с помощью карпологического метода, можно использовать для определения условий природной среды древних поселений – от растительных сообществ до климата недавнего прошлого.

С этой целью было проведено карпологическое исследование торфяных и сапропелевых отложений Шигирского городища. По мнению авторов раскопок – Н.М. Чаиркиной и С.Н. Погорелова, – памятник функционировал в эпоху неолита – раннего железа. Наиболее многочисленные находки, обнаруженные в верхних слоях сапропеля – нижних слоях торфа, датируются энеолитом – III тыс. до н. э. (Чаиркина и др., 2001).

Шигирский (Калатинский) торфяник расположен на восточном склоне Среднего Урала, в 70 км к северо-западу от г. Екатеринбурга, на водоразделе рек Тагил и Нейва. Современная растительность представлена южно-таежными сосновыми и производными сосново-березовыми лесами. Климат умеренно-континентальный.

Образцы для палеоботанических исследований отобраны из археологического раскопа (шурф Д-80) на заболоченной территории, примерно в 50 м от берега Шигирского городища, расположенного на острове. Болото в этой части низинное, вейниково-осоковое, среди деревьев доминирует береза. На острове встречаются сосна, ива, рябина, шиповник, жимолость; разнообразен травянистый ярус. Глубина разреза 2 м. Верхние 110 см отложений составляет осоковый и гипново-осоковый торф; нижние 60 см – сапрпель; между ними, от 110 до 140 см, – переходный слой торфянистого сапрпеля.

Для карпоботанического исследования из разреза были отобраны 5 образцов (из синих глин с глубины 2 м, из слоя сапрпеля с глубины 188 см, из пограничного слоя сапрпеля и торфа с глубины 110 см и два образца из толщи торфа, с глубин 70 и 25 см). Автохтонные палеофлоры из отложений торфяников характеризуют локальную территорию, т. к. содержат остатки тех видов растений, которые произрастали непосредственно на территории болота.

По карпоботаническим данным, палеофлоры, полученные с глубины 2 м и 188 см, указывают на существование водоема с развитой водной растительностью: зеленой водорослью хара (*Chara*), кубышкой (*Nuphar*), ежеголовником (*Sparganium*), роголистником (*Ceratophyllum*), водным лютиком (*Batrachium*), урутью (*Myriophyllum*), разнообразными рдестами (*Potamogeton*). Значительное количество семян наяда (*Caulinia tenuissima* и *C. flexilis*) указывает на климатические условия более теплые, чем в настоящее время.

Наяда тонкая (*Caulinia tenuissima*) для современной флоры Урала не указана. Сейчас этот вид встречается в озерах с глинистым грунтом на европейской территории и в Приморье (Лисицына, Папченков, 2000). Остатки прибрежно-водных видов относятся к широко распространенным местным видам: ситняг (*Heleocharis palustris*), камыш озерный (*Scirpus lacustris*) и лесной (*S. Sylvaticus*), рогаз (*Typha*), сусак (*Butomus umbellatus*), череда трехраздельная (*Bidens tripartita*) и т.д.

В отложениях сапрпеля довольно многочисленны остатки сорных (рудеральных) видов, таких как крапива (*Urtica dioica*), марь белая (*Chenopodium album*), марь красная (*C. Rubrum*), пустырник (*Leonu-*

rus). Среди остатков хвойных деревьев преобладают сосна и лиственница, остатки ели единичны. На глубине 188 см найдены семена черемухи (*Padus racemosa*), шиповника (*Rosa sp.*), калины (*Viburnum opulus*) и брусники (*Vaccinium vitis-idaea*). Кроме того, данный образец содержит многочисленные остатки малины (*Rubus idaeus*). Палеофлоры из сапрпелевых отложений наиболее разнообразны по видовому составу и по количеству остатков, что, очевидно, связано с благоприятными для развития растительности климатическими условиями.

Палеофлора пограничного между сапрпелем и торфом слоя с глубины 110 см характеризует условия зарастающего водоема: резко сокращается количество остатков водных растений, при этом увеличивается количество остатков осок, злаков, околоводных видов – чистец (*Stachys palustris*), жерушник (*Rorippa palustris*), мята (*Mentha cf. Arvensis*), частуха (*Alisma plantago-aquatica*). Происходит смена доминанта среди околоводных видов: на глубине 188 см многочисленны остатки камыша озерного (*Scirpus lacustris*), который растет на мелководье, тогда как на глубине 110 см преобладают остатки камыша лесного (*S. Sylvaticus*), который растет на низинных болотах и в заболоченных лесах. Среди древесных видов господствуют ель и береза.

Палеофлоры, полученные с глубин 70 и 25 см, характеризуют дальнейший процесс заболачивания: видовой список обедняется, остатки водных видов единичны, появляются типичные болотные виды – вахта трехлистная (*Menyanthes trifoliata*) и сабельник болотный (*Comarum palustre*). Палеофлора с глубины 25 см соответствует условиям заболоченного леса с березой, елью и сосной, в травянистом ярусе доминируют осоки.

Таким образом, по результатам исследований можно сделать следующие выводы:

- 1) в эпоху неолита и начала энеолита на месте Шигирского (Калатинского) торфяника был водоем, что позволило жителям поселения заниматься рыболовством. Климатические условия были значительно теплее современных;
- 2) динамика встречаемости остатков водных, прибрежно-водных и болотных видов растений отражает процесс постепенного зарастания и заболачивания водоема. Начало усыхания и зарастания озера с низких берегов относится примерно к рубежу III и II тыс. до н. э.;
- 3) многочисленные остатки сорных растений приурочены к сапрпелевым отложениям, когда была антропогенная нагрузка на берега древнего озера благодаря функционированию поселения.

А.В. Энговатова, Е.Е. Антипина, М.В. Добровольская
 Институт археологии РАН, Москва

Г.И. Зайцева, О.В. Лохова, Н.Д. Бурова
 Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Изотопные исследования костных образцов из средневекового Ярославля

Масштабные раскопки средневекового кремля города Ярославля не только дали уникальный археологический материал по ранней истории города, но были обнаружены и слои, связанные с жестоким разорением Ярославля войском Батые в 1238 г. Город был сожжен, население истреблено. Исторические датировки подтвердились и данными радиоуглеродного анализа, выполненного в лабораториях Санкт-Петербурга и Киева.

В процессе раскопок обнаружено девять санитарных массовых захоронений людей (около 500 индивидуумов), устроенных в подклетах домов и хозяйственных ямах. На многих скелетах видны следы рубленых и колотых ран. Во всех санитарных захоронениях присутствуют также скелеты домашних животных (коров, лошадей, свиней, собак и др.) – видимо, также убитых в сражении или умерших после него. Археологические материалы из захоронений – фрагменты керамических сосудов, украшения, обломки орудий и оружия, а также сам необычный характер этих своеобразных погребений, – свидетельствуют об их одновременности.

Санитарные захоронения являются уникальным историческим источником, на основании которого можно проанализировать систему питания населения средневекового Ярославля в начале XIII в. Также можно получить некоторые данные о рационе питания и условиях содержания домашних животных в городе.

Всего было сделано 120 анализов костей животных и людей из 5 коллективных захоронений. Получены данные об изотопном составе углерода и азота, выраженных в форме отклонения от изотопных стандартов: $\delta^{13}\text{C}$ (PDB) и $\delta^{15}\text{N}$ (AIR). В выборке представлены как образцы костей людей (женщин, мужчин и детей), так и образцы костей различных домашних (коров, лошадей, свиней, собак) и диких (бобра) животных.

Методика. Образцы костных остатков были подвергнуты обработке, чтобы убрать вторичные изменения, выраженные в образовании вторичных карбонатов при окислении костного вещества под действием грунтовых вод. Опыт работ показал, что для получения корректных данных по углероду это совершенно необходимо, поскольку валовый анализ показывает необычно изотопно-тяжелый углерод за счет примеси изотопно-тяжелых вторичных карбонатов. Напротив, для определения изотопного состава азота кислотная обработка крайне нежелательна, поскольку

азот содержится главным образом в коллагене, а не апатите костной ткани и не во вторичных карбонатах. Обработка костных образцов кислотами приводит к частичному растворению коллагена и неконтролируемому фракционированию изотопов азота, поэтому для измерения азота обработка заключается только в отмывке образцов в дистиллированной воде и последующей сушке.

Анализ изотопного состава углерода и азота выполнен при помощи масс-спектрометра ThermoFinnigan Delta V с элементным анализатором CE/EA-1112. Элементный анализатор представляет собой устройство для сжигания органических образцов в токе кислорода при температуре около 1200°C, в результате чего образуются H_2O , CO_2 и N_2 (combustion pyrolysis). После сжигания вода удаляется при помощи специального поглотителя, а углекислый газ и азот разделяются при помощи газового хроматографа и последовательно поступают в масс-спектрометр для измерения изотопного состава.

Типичные навески вещества – 0,2–0,4 мг на углерод и 0,5–1 мг на азот. В качестве изотопных стандартов использовались: на углерод USGS24 (графит) и IAEA-CH-7 (полиэтилен), на азот IAEA-N-2 ($(\text{NH}_4)_2\text{SO}_4$). При измерениях стандарт измерялся через каждые четыре образца. Воспроизводимость стандартов (2σ): $\delta^{13}\text{C} \pm 0,05\%$, $\delta^{15}\text{N} \pm 0,1\%$. Точность анализа составляла: $\delta^{13}\text{C} \pm 0,1\%$, $\delta^{15}\text{N} \pm 0,2\%$.

Результаты исследования. Применение изотопного анализа позволило обратиться к реконструкции питания населения средневекового Ярославля. Были определены показатели изотопного состава углерода и азота – $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$, – которые обычно используются с целью определения доли растительной и животной пищи в усредненном рационе питания людей на протяжении последних лет их жизни.

Дельта по углероду для всей исследованной выборки из пяти мест компактного погребения останков оказалась стабильной. Она соответствует величине около $-20,03 \pm 0,1\%$, что указывает на смешанный рацион с участием растений умеренного пояса с малой долей зерновых культур, а также присутствие мяса местных наземных травоядных животных.

Данные о накоплении изотопа ^{15}N позволяют судить о мере обогащения рациона питания белками, а среди них – преобладание мяса наземных или водных животных различных трофических уровней. Ве-

личина $\delta^{15}\text{N}$ составляет $11,81 \pm 0,72\%$, что указывает на то, что основой белкового питания было мясо наземных млекопитающих. Редкие индивиды со значениями $\delta^{15}\text{N}$, превышающими 13 ‰, вероятно, регулярно употребляли в пищу речную рыбу.

Сопоставление средних величин изотопных показателей для различных локаций показывает, что изменчивость недостоверна, что соответствует единой структуре питания изученного населения в целом.

Полученные анализы дали возможность оценить наличие различий в структуре питания мужчин и женщин. Как выяснилось, структура питания обоих полов не различалась, что свидетельствует об отсутствии гендерных различий в традициях питания древнерусского города.

Величина $\delta^{15}\text{N}$ для костной ткани детей возраста грудного вскармливания (в среднем до 2 лет) помогает представить уровень фракционирования изотопа для индивидов с преимущественно белковой пищей. Величина показателя для детей в возрасте до 2–3 лет составляет около 12,7 ‰, что несколько выше, чем для взрослого населения. Однако различия находятся в пределах единого трофического уровня, что позволяет предполагать достаточно высокую долю мясной пищи в рационе средневековых жителей города.

Проведенный анализ показал, что каждодневная трапеза ярославцев была разнообразна. Они не испытывали недостатка в белковой пище, как было, например, показано для ряда сельских регионов Русского Севера. Регулярно готовились блюда из мяса домашних животных, речной рыбы.

Был исследован изотопный состав углерода и азота в коллагене трубчатых костей домашних животных (свиней, коров, лошади и собаки). Предполагалось получить факты для определения диеты самих домашних животных. Однако для сравнительного анализа необходимо было иметь точку отсчета, которая фиксировала бы специализированную диету какого-нибудь дикого животного, чтобы исключить влияние условий содержания. Таким животным в этой коллекции стал бобр. Соотношение изотопов в костях

бобра отражает диету специализированного древесноядного животного умеренной зоны. Полученное для его костей минимальное значение ^{15}N (+4,41 ‰) занимает на графике крайнее левое положение и становится точкой отсчета для рассмотрения результатов по остальным видам.

Домашние копытные – коровы и лошадь – также оправдали теоретические ожидания. Изотопный состав их костей по средним значениям соответствуют травоядным животным умеренной зоны: на графике количество азота у них повышается примерно в два раза по сравнению с бобром. Один анализ стабильных изотопов в кости лошади обозначил достаточно низкие значения азота, и углерода (^{13}C –22,67 ‰ и ^{15}N +6,75‰). Такие показатели свидетельствуют о явном недостатке белка в ее питании. В корме этого животного должны были преобладать травы или даже ветки деревьев, а не зерно.

Средние показатели ^{13}C (–21,37‰) и ^{15}N (+8,32‰) по костям свиней достоверно указывают на явное преобладание растительной пищи в их рационе. Предполагалось, что по стабильным изотопам диета свиней окажется более близкой к пищевому потреблению людей. Но в древнем Ярославле свиней, по-видимому, обычно кормили запаренной травой, что и отразилось на их размерах и упитанности. Это объясняет, почему реконструируемые по промерам костей мелкие свиньи Ярославля едва достигали веса 40 кг.

Диета, наиболее близкая человеческой, обнаружена у собак. Содержание белка в пище собак явно превосходило то количество, которое они бы получали, питаясь исключительно мясными отбросами и костями домашних копытных – свиней, коров и лошадей. Можно предполагать значимый вклад в их рацион рыбных отбросов.

Сходные значения по тяжелому углероду, характеризующие кости животных и человека, указывают, главным образом, на проживание этих живых организмов на одном и том же экологическом фоне, соответствующем климатическим условиям лесной полосы, близким к современным по степени увлажненности.

Список сокращений

- ААНД ГНУ – Архив археологической научной документации Государственного научного учреждения.
ВAAЭ – Вестник археологии, антропологии и этнографии.
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры.
ГАНО – Государственный архив Новосибирской области.
ЗОРСА – Записки отделения русской и славянской археологии. СПб.
ЗРАО – Записки Русского Археологического общества. СПб.
ИАК – Императорская археологическая комиссия. СПб.
Изв. АзФАН – Известия Азербайджанского филиала Академии наук СССР. Баку.
ИИМК – Институт истории материальной культуры. СПб.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.
КУАК – Калужская ученая архивная комиссия. Калуга.
МАЕСВ – Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Сыктывкар.
МАО – Московское Археологическое общество.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М-Л.
МКА – Материальная культура Азербайджана. Баку.
МНП – Министерство народного просвещения.
ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея. М.
ОР РНБ – Отдел рукописей Российской научной библиотеки.
НАН – Национальная Академия наук.
РА – Российская археология. М.
РАрх. – Рукописный архив.
РГО – Русское географическое общество. СПб.
РФ ИИАЭ ДНЦ РАН – Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской Академии наук
СА – Советская археология. М.
САИ – Свод археологических источников. М.
СЭ – Советская этнография. М.
ТОКМ – Томский областной краеведческий музей.
ЦГВИА – Центральный государственный военно-исторический архив.
ЦНА НАН – Центральный научный архив Национальной Академии наук.
ЭО – Этнографическое обозрение. М.

Содержание

Археология эпохи переселения народов и раннего средневековья Евразии

<i>С.В. Алкин</i> Проблема раннего появления тунгусо-маньчжур на территории юго-восточного Забайкалья.	3
<i>И.А. Аржанцева, Г. Херке</i> Раннесредневековые «Болотные городища» в низовьях Сырдарьи: проблемы происхождения, датировки и интерпретации	4
<i>Н.Г. Артемьева</i> Мастерская по выплавке железа и бронзы в верхней столице государства Восточное Ся (1215–1233)	6
<i>И.Р. Ахмедов, Е.Г. Манькова</i> Новые материалы по археологии рязанских финнов и раннесредневековой мещеры	7
<i>А.Н. Башенькин, М.Г. Васенина</i> Могильник Чагода I и его место в кругу древностей раннего железного века.	8
<i>А.А. Беговаткин</i> Историческая география мордвы V–XVII вв. (по археологическим данным).	10
<i>Т.А. Васильева</i> Реконструкция хозяйственной деятельности жителей Екатерининского городища (Приморский край)	11
<i>Ю.А. Васильева, В.Б. Малиновский</i> Могильник Заречно-Убинское-1 как источник по реконструкции этнических процессов на границе таежной и лесостепной зоны Западной Сибири	12
<i>А.З. Винников</i> Животинное городище конца VIII – начала XI в. на р. Воронеж	12
<i>А.М. Воронцов</i> К вопросу о поздней дате мощинской культуры.	14
<i>И.О. Гавритухин</i> Византийские влияния на восточноевропейские народы славянского и тюркского круга в VI–VII вв.	15
<i>Е.И. Гельман</i> Керамика и торговля: формы обмена в Бохае	18
<i>В.В. Горбунов</i> Тюрко-самодийское взаимодействие в VIII–IX вв. на юге Западной Сибири (по материалам могильника Иня-1)	19
<i>Е.Н. Горлова</i> Зверобойный промысел берегового аборигенного населения Чукотки (по результатам остеологического анализа)	21
<i>А.В. Григорьев</i> Периодизация славянского поселения на городище у с. Супруты	22
<i>П.К. Дашковский</i> Мировоззрение кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего средневековья в отечественной нomaдологии второй половины XIX – начала XXI в.: периодизация и направления исследований	23
<i>Т.С. Дорофеева</i> Амулеты X–XIII вв. с Городища под Новгородом	25
<i>А.А. Егорейченко</i> Северо-Западная Беларусь во второй половине I – начале II тыс. н.э. (по материалам городища и селища Зазоны).	26
<i>Л.Н. Ермоленко</i> К анализу композиций на кудыргинских накладках	28
<i>И.Е. Зайцева, А.М. Красникова</i> Погребение ювелира эпохи переселения народов	30
<i>С.Д. Захаров, С.В. Меснянкина</i> Крутик: новые открытия	32
<i>О.В. Зеленцова, Т.Б. Никитина, И.А. Сапрыкина</i> Поясной набор из могильников поволжских финнов X–XI вв. как единый комплекс	33
<i>И.В. Зиньковская</i> Открытие горизонта раннегуннского времени на Животинном городище	34
<i>С.С. Зозуля, С.Ю. Каинов, А.В. Фомин</i> Новый гнёздовский клад (2010 г.).	35
<i>В.Г. Ивакин</i> Элитарные погребения киевского дружинного могильника	36
<i>М.Г. Иванова</i> Иднакарский комплекс памятников в Прикамье: основные результаты исследований и перспективы.	37
<i>В.А. Иванов, М.И. Иванова</i> Урало-Сибирские истоки погребального обряда древних венгров «периода обретения родины».	39
<i>И.В. Исланова</i> Культурные группы середины – третьей четверти I тыс. н.э. лесной зоны Восточной Европы (по материалам Верхневолжья и Валдая)	41
<i>О.В. Кардаш</i> Торговые отношения населения Нижнего Приобья в XIII–XIV вв. (по материалам археологических исследований)	42
<i>А.В. Кашкин</i> Географические особенности поселений роменской культуры	43
<i>А.Н. Кирпичников</i> Исторические данные о 1150-летию создания Русского государства (862–2012 гг.)	45
<i>Н.А. Клюев, М.А. Якупов, И.Ю. Слепцов</i> Исследования новой бохайской кумирни в Приморье	47

<i>Е.В. Князева</i> К вопросу об экспериментально-трасологических исследованиях каменных орудий труда эпохи средневековья	49
<i>В.Б. Ковалевская, Э.Х. Албегова</i> Раннесредневековые колесовидные амулеты Юга России.	50
<i>С.Ф. Кокшаров, А.И. Казанцева</i> Из истории изучения средневековых городищ таежного Обь-Иртышья	51
<i>А.М. Колоколов</i> Лепная керамика роменского типа с городища Супруты	52
<i>В.Я. Конецкий</i> К ранней истории новгородских погостов	53
<i>Л.В. Конькова, Г.Г. Король</i> Комплексное изучение торевтики малых форм и возможности исторической интерпретации	55
<i>Н.Н. Крадин, А.Л. Ивлиев, С.А. Васютин</i> Раскопки городища Хэрмэн дэнж в Монголии и проблема локализации города Кэдунчэна.	55
<i>Н.Б. Крыласова</i> Средневековые антропоморфные глиняные статуэтки Пермского Предуралья.	57
<i>А.В. Кудряшов</i> Комплекс средневековых памятников у д. Минино на реке Большой Юг, как источник для реконструкции историко-культурных процессов в бассейне Шексны и Белого озера в конце I – середине II тыс. н.э.	59
<i>С.Л. Кузьмин, Е.Р. Михайлова, В.Ю. Соболев</i> Которской погост – раннесредневековый локальный центр на западе Новгородской земли	62
<i>О.Ю. Куцова</i> К вопросу о ранних славянах на Средней Оке (по материалам поселения Фефелов Бор)	63
<i>А.Е. Леонтьев</i> «Мерянское начало» Ростова	64
<i>Н.А. Макаров, И.Е. Зайцева, А.М. Красникова</i> Финские древности первой половины I тыс. н.э. в Суздальском Ополье	66
<i>С.С. Малков, Н.А. Клюев, М.А. Якупов</i> Археологические исследования на городище Кокшаровка-1 (к проблеме политического статуса периферии государства Бохай)	67
<i>Н.П. Матвеева</i> Особенности формирования средневековых культур лесостепи Западной Сибири в эпоху великого переселения народов	69
<i>И.В. Матюшко</i> Возможности использования количественных методов в исторических исследованиях (на примере материалов средневековых кочевников Южного Урала)	70
<i>В.В. Мурашева</i> Городище у с. Супруты (IX – начало X в.) в системе этно-культурных связей	72
<i>А.Н. Мухарева</i> Изобразительные традиции первой половины I тыс. н.э. в наскальном искусстве Саяно-Алтая	73
<i>С.П. Нестеров</i> Бохайская колонизация Западного Приамурья и взаимоотношения этнических групп населения во второй половине I тыс.	74
<i>В.С. Нефедов</i> Смоленские кривичи и Русь: североевропейские и древнерусские изделия в смоленских длинных курганах	75
<i>Т.Б. Никитина, Д.Ю. Ефремова</i> Захоронения с орудиями литья («литейщиц») в марийских могильниках IX–XI вв.	77
<i>В.В. Новиков</i> Уздечные наборы скандинавского облика на территории Древней Руси в X в.	79
<i>А.А. Нуржанов</i> Особенности топографии западносемиреченских средневековых городов (VII–XIII вв.)	80
<i>А.М. Обломский</i> О взаимоотношении оседлого и кочевого населения лесостепного Поднепровья в VII в. н.э.	83
<i>А.В. Омельченко</i> Пайкенд – крепость на границе Бухарского оазиса	85
<i>Я.Е. Пискарева</i> Жилища Мохэской культуры Приморья	86
<i>Т.М. Пономарева</i> Поселенческий вещевой комплекс вожпайского типа из Среднего Приобья (по результатам исследований городища Стрелка 2009–2010 гг.)	87
<i>О.Ю. Потемкина, А.С. Сыроватко, Е.А. Мальцева</i> Могильник Соколова Пустынь – к вопросу о погребальном обряде у позднедьяковского населения	88
<i>Т.А. Пушкина</i> Скандинавские древности на Руси	89
<i>Т.Н. Рафикова</i> Формирование средневековых культур лесного и лесостепного Зауралья	90
<i>В.Е. Родинкова, И.А. Сапрыкина</i> Пластинчатые головные украшения римского и раннесредневекового времени в Восточной Европе: типологический и технологический анализ	91
<i>И.А. Сапрыкина, А.Ю. Тетерин, Р.А. Митоян, Г.Ю. Юрков</i> Результаты исследования химического состава металла золотой обкладки рукояти железного ножа из погребения 2 могильника Мухино гуннского времени, Верхний Дон	93
<i>С.Е. Саранцева</i> Черепица Хирхиринаского городища в собрании Забайкальского Краевого краеведческого музея им. А.К. Кузнецова	94
<i>К.М. Свирич</i> Языческие святилища Восточной Европы: опыт конструктивного анализа	95
<i>Н.В. Сердюк</i> Характеристика археозоологического материала поселения Крутик (Вологодская обл.)	96
<i>Н.Н. Серегин</i> К вопросу о динамике погребального обряда населения тюркской культуры Саяно-Алтая (вторая половина V – XI в. н.э.).	97
<i>А.А. Сланов</i> Кавказская стена – миф или реальность?	98

<i>Д.А. Столярова</i> Химический состав металла украшений могильника Мамисондон	100
<i>Н.А. Сыроватко</i> К вопросу об облике построек Троицкого городища	101
<i>А.А. Тишкин, Н.И. Быков</i> Комплексное изучение деревянных изделий предтюркского времени из памятника Яломан-II на Алтае.	103
<i>А.Н. Федорина, А.М. Красникова</i> Средневековое поселение Большое Давыдовское 2 под Суздалем: хронология и планиграфия	105
<i>А.А. Фетисов</i> Новые находки фрагментов стеатитовых сосудов из Гнездова	107
<i>С.С. Ходосевич, Е.В. Меньшагин</i> Железные ножи Северного Приангарья	107
<i>Ю.Б. Цетлин, И.В. Болдин</i> Средневековые гончарные горны Абхазии (по материалам исследований 2007 и 2009 гг.)	108
<i>Ю.П. Чемякин</i> Древнейшие кузны в таежном Приобье	110
<i>И.Ю. Чикунова</i> Ипкульский могильник как источник по изучению этнокультурной ситуации в раннем средневековье в Притоболье	112
<i>Ю.Ю. Шевченко</i> Христианские пещерные храмы Северного Причерноморья времен державы Германариха	113
<i>Е.В. Шелепова</i> Предметы материальной культуры из тюркских оградок Алтая и сопредельных территорий	114
<i>Т.К. Ютина</i> Население Прикамья в эпоху средневековья (по материалам археологических памятников VI–XIV вв. н.э. южной Удмуртии)	116

Средневековая археология Восточной Европы

<i>С.А. Авдусина</i> Новые исследования Ольшанского городища	118
<i>Н.И. Асташова</i> Средневековые городские коллекции в археологическом собрании ГИМ	119
<i>В.В. Безунова</i> Археологическое изучение древнерусских городов Смоленской земли (XI–XIII вв.)	120
<i>А.М. Белавин</i> Пути формирования городской сети в средневековом Волго-Камье	121
<i>О.Б. Беликова</i> Чердатский клад – памятник монгольского времени юга Западной Сибири	122
<i>М.А. Белов</i> Могильник Аушедз в системе средневековых древностей	123
<i>А.В. Бисерова, А.Г. Лапшин</i> О матрицах клейм на сероглиняных сосудах древнего Владимира	125
<i>С.Г. Бочаров, В.Ю. Коваль</i> Крымские прибрежные поселения в инфраструктуре международной морской торговли Руси и Средиземноморья в XIII–XV вв.	127
<i>Т.С. Бубенько</i> Новые данные о детинце средневекового Новогрудка	127
<i>Н.В. Войцешук</i> Керамическое производство в междуречье Буга и Горыни в VIII–XIII вв.: история и перспективы исследований	129
<i>В.А. Волков, П.Е. Тугушев, А.Б. Малышев</i> Жилые постройки крупных золотоордынских поселений по материалам раскопок поселения Шумейка 2008 г. (предварительный анализ)	130
<i>К.В. Воронин</i> Об изображениях евангельских сцен на русских иконках-энколпиях	132
<i>М.С. Гаджиев, Лим Джихён</i> Селадон из раскопок Дербента и некоторые вопросы его распространения на Кавказе и в Восточной Европе.	133
<i>П.Г. Гайдуков, О.М. Олейников, Н.Н. Фараджева</i> Историческая топография северо-западной части Людина конца в средневековом Новгороде	135
<i>М.И. Гоняный</i> Результаты междисциплинарных исследований на Устьинском археологическом комплексе конца XII – XIV в. на Куликовом поле	136
<i>О.В. Двуреченский</i> Археологические исследования на месте Донского сражения	137
<i>Н.В. Ениосова, Л.В. Покровская, В.К. Синх, О.А. Тарабардина</i> Ювелирные мастерские Людина конца средневекового Новгорода.	139
<i>В.В. Енуков, О.Н. Енукова</i> Стратиграфия Курского городища (по материалам раскопок 5 и 6)	141
<i>Н.В. Жилина</i> Теория влияний и своеобразия (на примере древнерусского драгоценного убора)	141
<i>В.И. Завьялов, Н.Н. Терехова</i> Две традиции в производственной культуре Северной Руси	143
<i>Ю.А. Зеленева</i> Городское и сельское население Примокшанья в XIII–XV вв.	144
<i>О.В. Зеленцова, И.Н. Кузина</i> Древнерусские усадьбы и усадебные постройки Владимира-на-Клязьме	145
<i>Э.Д. Зиливинская</i> Жилая архитектура как отражение состава населения золотоордынских городов	145
<i>А.В. Иванов</i> Средневековый город при Балаклавской бухте: очерк археологического исследования и некоторые данные к его исторической топографии	146
<i>А.А. Иншаков, А.В. Иншакова</i> Предварительные итоги изучения средневековых памятников XIII – начала XV в. в округе г. Ельца на р. Пальна	148
<i>В.Ю. Коваль</i> Вал Ростиславльского городища раннего железного века.	149
<i>В.Ю. Коваль</i> Керамика Востока на Руси на современном этапе исследований	150

<i>Л.В. Колединский</i> Древнерусский город Копыль (X – начало XIV в.)	151
<i>С.А. Кравченко</i> О гончарном ремесле Азака	152
<i>М.Г. Крамаровский</i> Беглербег Мамай и оборонительная система Солхата	153
<i>Д.А. Кубанкин</i> Древнерусское население золотоордынского города Укека	155
<i>А.В. Курбатов</i> Программа изучения средневекового русского кожевенного ремесла	157
<i>С.А. Курочкина</i> Керамика города Мохши (своеобразие керамического производства).	159
<i>О.Н. Левко</i> Летописный Друцк (к 1010-летию древнего города)	161
<i>А.Н. Масловский</i> О датирующих возможностях поливной керамики XIII–XIV вв. для городов юга Восточной Европы	163
<i>С.И. Милованов</i> Торговля Рязанской земли во второй половине XIII – XV вв. по данным археологических Исследований	164
<i>А.В. Михайлов</i> Средневековые грунтовые могильники Восточного Причудья (опыт сравнительного анализа).	165
<i>Ф.Э. Модестов</i> Влияние товарно-денежных отношений на этнокультурные традиции сельского населения Смоленской земли в эпоху средневековья	166
<i>Н.Г. Набиуллин</i> Проблема «хронологического разрыва» на территории болгарского Закамья в постзолотоордынское – раннерусское время	168
<i>Л.Ф. Недашковский</i> Исторические особенности золотоордынского города	169
<i>Д.О. Осипов</i> К вопросу о так называемых «комнатных туфлях»	170
<i>А.А. Остапенко</i> К изучению древнерусских каменных крестов	171
<i>М.А. Очир-Горяева, К. фон Карнап Борнхейм, Э. Кекеев</i> Открытие первого на территории Калмыкии памятника городского типа эпохи средневековья	172
<i>С.Г. Пархимович</i> Деревянные «коники» Мангазеи и Великого Новгорода	174
<i>А.В. Пачкалов</i> О монетном обращении на Верхнем и Нижнем Джулате	174
<i>М.И. Петров</i> Славенский конец средневекового Новгорода: новые исследования	175
<i>А.Д. Пряхин</i> Изучение комплекса памятников древнерусского времени Вантит на северной окраине г. Воронежа и придание территории статуса музейно-паркового комплекса	176
<i>М.А. Родионова</i> Новгородский детинец и Владычный двор в XI–XV вв. (по данным археологических исследований)	178
<i>А.Б. Романовский</i> Категории стеклянных изделий из раскопов г. Пскова: предварительные итоги изучения	179
<i>К.А. Руденко</i> Булгарские селища по археологическим данным: методические и процедурные аспекты исследования.	180
<i>Э.А. Савельева</i> Население окраин Перми Вычегодской	181
<i>С.А. Салмин, Е.В. Салмина</i> Завеличье средневекового Пскова X–XIII вв. по материалам Ольгинских раскопов	182
<i>С.А. Семенов, М.И. Федулов</i> Чувашское Поволжье в эпоху Золотой Орды.	184
<i>И.Ю. Слепцов</i> Методы исследования отдельных объектов городища Кокшаровка I	184
<i>Д.В. Спрыжков</i> Раскопки металлургического горна в Чувашии в 2010 г.	186
<i>А.В. Степанов, С.В. Трояновский</i> Новейшие подводно-археологические исследования новгородского Великого моста	187
<i>Е.К. Столярова</i> Структура древнерусского стеклоделия (на примере стеклянных находок Москвы XII–XIV вв.)	189
<i>И.Ю. Стрикалов</i> Оборонительный комплекс Старой Рязани.	191
<i>О.А. Тарабардина</i> Новгород и Старая Русса: дендрохронология средневековых городов Северо-Западной Руси	191
<i>С.П. Тараненко</i> Массовая застройка Подола Киева X–XIII вв.	193
<i>Е.В. Торопова, С.Е. Торопов, К.Г. Самойлов, П.П. Колосницын</i> Археологическое изучение культурного слоя Старой Руссы: основные результаты и перспективы	194
<i>Н.А. Тропин</i> Исследования средневекового Ельца	195
<i>С.В. Трояновский</i> Раскопки оборонительных сооружений и изучение градостроительной истории средневекового Новгорода: историографические аспекты и современная проблематика	196
<i>А.В. Харинский, Е.В. Ковычев, Н.Н. Крадин</i> Монгольские погребения XIII–XIV вв. из Прибайкалья: общие и локальные черты	198
<i>М.В. Цыбин</i> Русско-ордынское пограничье в Подонье: археологический контекст.	200
<i>Н.Е. Чалых</i> Комплекс археологических памятников древнерусского времени конца XII – XV в. у с. Ксизово на Верхнем Дону.	201

<i>Е.А. Шинаков</i> Еще одно материальное свидетельство татарского военного присутствия в Центре Подесенья	202
<i>С.В. Шполянский</i> Суздаль и сельские поселения его округа во второй половине XIII – XV в. (по материалам исследований последних лет)	203
<i>А.С. Щавелёв, С.П. Щавелёв,</i> Первые иконы Курского края	204
<i>Е.А. Яковлева, О.М. Татарников</i> Природные условия древнего Пскова и их влияние на развитие средневекового города (по археологическим данным)	205

Археология эпохи Московского государства и Российской империи

<i>А.А. Аветиков, С.А. Александров, Н.А. Боковенко, В.И. Кильдюшевский, В.Я. Стеганцева</i> Археологические исследования на территории Восточного крыла здания Главного Штаба в 2009-2011 гг.	207
<i>О.Н. Адаменко, И.П. Кукушкин</i> Топография Соборной горки Вологды в XIV-XVII вв.	209
<i>Л.С. Андрианова</i> Коллекция кожаных изделий XV-XVII вв. из Вологды (по материалам раскопок 2007-2008 гг. на проспекте Победы, 20)	210
<i>Л.А. Беляев, О.Н. Глазунова, О.В. Зеленцова, М.А. Капитонова, Е.В. Майорова, П.Е. Русаков, О.А. Тихова</i> Новый Иерусалим как объект археологии: результаты исследований 2009-2010 гг.	211
<i>И.М. Бердников</i> Археологические исследования православных некрополей XVIII — начала XIX вв. в Иркутске	213
<i>А.И. Боброва</i> Предметы массового русского привоза в некрополях Прикетья	214
<i>А.И. Боброва, Н.В. Березовская, Н.В. Торощина</i> Обряд погребения средневекового населения Притымья (XII-XVII вв.)	215
<i>Р.И. Бравина</i> Детское пространство в погребальном обряде якутов.	216
<i>В.М. Буланкин, В.И. Завьялов, Д.А. Иванов, В.В. Судаков</i> Переяславль Рязанский в XVI-XVII вв. по археологическим данным	218
<i>И.Г. Бурцев, М.Б. Конорев</i> Исследование укреплений Большой засечной черты на территории Тульской области в 2005-2010 гг.	218
<i>С.В. Васильев, Н.И. Халдеева, С.Б. Боруцкая</i> Антропологическое исследование останков жен Ивана III — великих княгинь Марии Борисовны Тверской и Софьи Палеолог	221
<i>А.Г. Векслер, К.В. Воронин</i> Археологические исследования Лефортовского парка в Москве	222
<i>А.Г. Векслер, К.А. Егоров</i> К вопросу о средневековых связях Москвы и Великого Новгорода (новая находка на территории московского Великого посада)	224
<i>Г.П. Визгалов</i> Топографические особенности первых русских поселений на Севере Сибири	225
<i>Г.П. Визгалов, М.А. Рудковская</i> Постройки на территории посада Старотуруханского городища (Новой Мангазеи)	226
<i>Т.Н. Глушкова, А.Н. Шулаева</i> Археологический текстиль XVI-XIX вв. в Западной Сибири.	227
<i>А.А. Гольева</i> Естественнонаучные исследования на археологических раскопках в г. Шуя Ивановской области (первые результаты)	229
<i>М.Г. Гусаков</i> К вопросу о градостроительстве в г. Смоленске в XV-XVIII вв.	231
<i>П.Г. Данилов</i> Находка кровельной черепицы в Тобольске	233
<i>В.Л. Державин</i> Поморская навигация в Арктике в XVI-XVII вв.	234
<i>А.Ю. Зеленева</i> Нумизматический материал из раскопок в Царевококшайске — Йошкар-Оле	236
<i>В.И. Кильдюшевский, Н.Е. Петрова</i> Археологические исследования в Петропавловской крепости	237
<i>Н.В. Лебедева</i> Некрополь Старого Ставрополя как исторический источник, и его значение для истории г. Тольятти	238
<i>Т.В. Лобанова, О.П. Бачура</i> Проблема свиноводства у русского и аборигенного населения Севера Сибири в XV-XVIII вв.	240
<i>Л.Д. Макаров</i> Городская археология в Удмуртии	241
<i>Г.А. Массалитина</i> Археологический поиск летописного Дмитровца	242
<i>А.В. Матвеев, О.М. Аношко, Т.В. Селиверстова</i> Верхний посад Тобольска и материальная культура его жителей в XVII-XVIII вв. по археологическим данным	244
<i>М.А. Молошикова, К.В. Воронин, Е.В. Львова</i> Археологические исследования усадьбы «Студенец» (г. Москва, ГПКиО «Красная Пресня») в 2010 г.	245
<i>Н.Г. Недомолкина</i> Берестяная утварь из раскопок на проспекте Победы, 20 в Вологде	247
<i>О.А. Несмиян</i> Археологические исследования Шуйского городища	248
<i>А.В. Новиков</i> Погребальная обрядность могильника басандайской культуры Ташара-Карьер 2	250
<i>Т.Ю. Номоконова, Н.А. Батракова</i> Фаунистическая коллекция с территории Иркутского острога (Прибайкалье)	251

<i>Ю.И. Ожередов</i> Олово в ритуале палеоселькупов — «шиешгула»	252
<i>К.И. Панченко</i> Зоны хозяйственного освоения поселений как археологический источник: некоторые аспекты на примере археологического материала нового времени	254
<i>Г.К. Патрик</i> Смоленские сюжетные изразцы	255
<i>А.А. Пушкарев</i> Проблемы датировки погребений с нумизматическими находками на могильниках Западной Сибири XVI-XIX вв.	257
<i>А.И. Сакса</i> Современное состояние археологических исследований в Выборге: результаты и проблемы	257
<i>Е.В. Салмина</i> Дворы Пскова XVI-XVIII вв. по материалам Петровских раскопов: размеры, планировка, застройка	258
<i>Я.Г. Солодкин</i> В каком году началась сибирская экспедиция Ермака?	260
<i>А.В. Степанов, П.Е. Сорокин</i> Изучение затонувших судов на трассе Северо-Европейского газопровода.	261
<i>А.Ю. Тарасов</i> Археологическое изучение исторических некрополей Красноярска	262
<i>Л.В. Татаурова</i> Проблемы изучения материальной культуры русских Сибири по данным археологии.	264
<i>М.И. Федулов</i> Погребальный обряд чувашей в XV-XIX вв.	265
<i>Ю.С. Худяков</i> Копья русских воинов в Сибири в XVI-XVII вв.	267
<i>М.П. Чёрная</i> Проблема колонизации Сибири: задачи и перспективы изучения.	267
<i>С.П. Щавелёв</i> Предыстория русской археологии: поиски древностей в Курском Посеймье XVII в.	269

Проблемы сохранения памятников археологии в современной России

<i>Т.А. Асмолова</i> Современное состояние и проблемы сохранения памятников археологии Смоленской области	271
<i>М.А. Бакушев, М.Ю. Меньшиков</i> Погребальные комплексы Роза 1 и Роза 3 в предгорьях хребта Айгга	272
<i>Е.М. Беспрозванный, Г.З. Вайсман</i> Археологическая разведка или археологическое обследование в системе историко-культурных экспертиз зон хозяйственной деятельности.	273
<i>А.В. Борисов, А.В. Полеводов</i> Полевые археологические работы и (или?) историко-культурная экспертиза	274
<i>С.Б. Бурков</i> Нормативно-правовое сопровождение полевых археологических работ	275
<i>А.А. Василевский</i> Исследования Сахалинской лаборатории археологии в зоне добычи и транспортировки углеводородного сырья на Сахалине и Нижнем Амуре в 1996–2010 гг.	277
<i>Г.П. Ведмидь</i> Архитектурная планировка территорий охранных зон объектов культурного наследия Сургутского Приобья.	278
<i>А.Г. Векслер</i> Спасательная археология и музеефикация в условиях современного мегаполиса (на опыте Москвы)	278
<i>А.Г. Векслер, В.А. Беркович</i> Опыт сохранения археологического наследия при решении транспортных проблем в Москве.	279
<i>К.В. Воронин, М.Ю. Меньшиков</i> Археологический комплекс Роза в окрестностях Красной Поляны: результаты исследований 2010 г.	280
<i>К.В. Воронин, Е.А. Черненко</i> Об археологической музеефикации и воссоздании археологизированных объектов	281
<i>З.М. Габдрахманова</i> Организация охранной археологической деятельности в составе проектно-изыскательских работ	282
<i>Г.П. Головчанский, С.Н. Кореньюк</i> Основные направления деятельности КАЭ ПГУ за последнее десятилетие	284
<i>В.А. Грищенко, Ю.В. Грищенко</i> Процедуры охраны объектов археологического наследия в Сахалинской области	284
<i>А.А. Евгеньев</i> Проблемы охраны археологического наследия Оренбургского Приуралья в последней четверти XX в.	285
<i>А.С. Жуковский, Е.В. Чуйкина</i> Внесение сведений о памятниках археологии в государственный кадастр объектов недвижимости	287
<i>Д.А. Изосимов, Е.В. Чуйкина</i> Охрана объектов культурного наследия и документы территориального планирования (опыт Пермского края)	288
<i>О.А. Казанцева</i> Археологическое наследие Бардымского района Пермского края: ресурс туризма или охранная зона?	289
<i>А.В. Кениг</i> Проблемы мониторинга и установления границ памятников археологии	290
<i>А.В. Кибовский, Л.В. Кондрашев</i> Опыт регламентации спасательных археологических полевых работ в городе Москве	291
<i>И.И. Кондратьев, Б.Е. Янишевский</i> Опыт охраны исторического культурного слоя в городе Можайске	292
<i>А.Н. Кондрашев</i> Долгосрочные программы по сохранению объектов археологического наследия, реализуемые на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры	294

<i>И.В. Котлярова</i> Охрана памятников Костенковско-Борщевского верхнепалеолитического района (1930–1950-е гг.).	295
<i>Д.Н. Лысенко, А.Ю. Тарасов</i> Археологические исследования в историческом центре г. Красноярска.	295
<i>А.В. Носкова</i> Охрана археологического наследия в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.	296
<i>А.Н. Сабаров</i> Археологическое наследие Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области.	297
<i>И.А. Сапрыкина</i> К вопросу о методике определения границ территорий памятников археологии.	299
<i>Т.Н. Соболяникова, Е.А. Зайцева</i> «Достопримечательное место» как форма охраны объектов археологического наследия: на примере Согомского археологического микрорайона в Нижнем Прииртышье (ХМАО – Югра).	299
<i>Х. Тарас, В. Тарас</i> Охрана археологических памятников в Польше: ключевые проблемы.	301
<i>Г.В. Требелева, А.В. Энговатова</i> Применение ГИС-технологий в охранной археологии Подмосковья.	302
<i>В.Г. Фадеев</i> Деятельность Волжского войскового казачьего общества в сфере охраны памятников истории и культуры.	303
<i>С.М. Фазлуллин</i> Подводные археологические парки: зарубежный и отечественный опыт создания и управления.	304
<i>А.И. Хват, А.И. Михеева</i> Охрана объектов археологического наследия в Республике Марий Эл.	305
<i>Е.М. Черных</i> Охранно-спасательные работы в практике университетской экспедиции.	307
<i>А.В. Шаманаев</i> Вопросы охраны памятников археологии на VI Археологическом съезде в Одессе (1884 г.).	308
<i>Е.В. Шелепова</i> Культурные места Алтая: инвентаризация, методика изучения, проблемы терминологии и интерпретации.	309

История археологической науки и место археологии в современном обществе

<i>А.Л. Автушкова, Д.А. Насибуллина</i> Археологическое изучение Томской области и окрестностей г. Новокузнецка Н.А. Чернышевым.	311
<i>А.Н. Алексеев, В.Г. Аргунов, В.М. Дьяконов</i> Археологические изыскания якутского государственного университета в 2000–2010 гг.: основные направления и проблематика исследований.	312
<i>Т.Г. Алпаткина, О.С. Никулина</i> Археологические архивы как часть культурного наследия России (к проблеме сохранения археологического наследия).	314
<i>Л.А. Беляев</i> Первая российская археологическая экспедиция в Иерихоне (Палестина, Израиль).	316
<i>А.Л. Бойко</i> Научные общества, музеи и археологические раскопки в областях с особым статусом управления (на примере Области войска Донского).	317
<i>О.Ф. Бытковский</i> История археологического изучения памятников ранних кочевников в Восточном Оренбуржье.	318
<i>А.С. Вдовин</i> «Крестьянская» археология (на материалах Сибири).	319
<i>М.А. Воронцова</i> Новые подходы к представлению археологических предметов в экспозиционно-выставочной деятельности.	320
<i>С.Н. Гринченко, Ю.Л. Щапова</i> Системные проявления археологической эпохи в историческом развитии человечества.	321
<i>Е.В. Детлова</i> Профессор Бунэй Цунода и археология Евразии.	323
<i>И.Н. Еришов</i> М.М. Пришвин и Новгородский археологический съезд.	323
<i>Н.Н. Жервэ</i> Археологическая деятельность ИРВИО (1907–1917).	324
<i>А.В. Жук, Н.А. Томилов</i> Периодизация истории этно-археологического направления отечественной науки.	326
<i>Е.Н. Жукова</i> Коммуникативные возможности региональных научных сообществ по изучению древностей в дореволюционное время (на примере Тверской губернии).	328
<i>Е.Ю. Захарова</i> Этапы развития воронежской региональной археологии.	328
<i>Л.Ю. Китова</i> Вклад Общества изучения Сибири в археологическое исследование края.	330
<i>С.В. Кузьминых, И.В. Белозёрова</i> В.А. Городцов и Д.Н. Лев: письма 1933–1941 гг.	331
<i>С.В. Кузьминых, И.В. Белозёрова</i> Между Москвой и Ленинградом: В.А. Городцов и ИАЭ/ИААЭ.	333
<i>Ю.А. Лихтер</i> Создание информационно-поискового языка в археологии — на примере работы семинара «Морфология древностей».	334
<i>А.И. Мартынов</i> Археология в современном общем историческом образовании.	336
<i>О.М. Мельникова</i> Археология в России как профессия: историко-научный взгляд (вторая половина XIX — начало XX в.).	336
<i>В.В. Митрофанов</i> О сотрудничестве А.А. Бобринского и С.Ф. Платонова в рамках научно-археологических обществ.	337

<i>А.Н. Наумов, Т.В. Наумова</i> Археологические древности Верхней Оки в исследованиях Ю.Г. Гендуне	340
<i>А.В. Овчинников</i> Археологические исследовательские коллективы Казани во второй половине XX в.: динамика возникновения, развития и взаимодействия	341
<i>Н.И. Платонова, М.В. Аникович</i> Археология как отрасль исторического источниковедения: теоретические разработки в отечественной и зарубежной науке первой половины XX в.	342
<i>Н.А. Почобут</i> Музеефикация памятников археологии в Беларуси: планы и реализация проектов (1945–2007 гг.).	343
<i>О.В. Рыжкова</i> Личные архивы исследователей как источник для реконструкции истории изучения археологических микрорайонов	345
<i>С.Н. Савенко</i> Вопросы истории создания археологических музеев под открытым небом на Ставрополье и Кавминводах.	346
<i>Д.В. Серых</i> Система научных коммуникаций Императорского Московского археологического общества	348
<i>А.С. Смирнов</i> Харьков или Ярославль? (о подготовке VII археологического съезда).	348
<i>В.Ф. Старков</i> Музейный комплекс на архипелаге Шпицберген	350
<i>И.Л. Тихонов</i> Частные археологические коллекции в Санкт-Петербурге конца XIX – начала XX в.	350
<i>И.Л. Тихонов</i> Общественные функции современной археологии	352
<i>С.С. Тихонов</i> Об изучении истории отечественной археологии	353
<i>И.В. Тункина</i> История отечественной археологической науки на современном этапе: антропологический поворот	354
<i>Ю.Б. Цетлин</i> Проблемы археологического источниковедения	356
<i>Е.А. Черненко</i> Использование памятников археологии в развитии познавательного туризма.	358
<i>А.В. Шмидт</i> Развитие отечественной палеодемографической науки	359
<i>Ю.Л. Шапова</i> Археологическая эпоха: содержание, структура, законы эволюции и развития	360

Методы естественных наук в археологии

<i>Е.И. Александровская, А.Л. Александровский, А.В. Долгих, Е.В. Торопова</i> Почвенно-геохимические исследования культурного слоя Старой Руссы	362
<i>А.Л. Александровский, Е.И. Александровская, А.В. Долгих, К.В. Воронин</i> Методы комплексного междисциплинарного изучения многослойных доисторических памятников с гомогенным культурным слоем	364
<i>А.Л. Александровский, А.В. Долгих, К.В. Воронин</i> Эволюция ландшафтов котловины озера Неро в голоцене	365
<i>Ж.А. Антипушина</i> Древние алеуты и их промысел: палеоэкологический подход	367
<i>А.В. Борисов, Д.С. Коробов</i> Древнее и средневековое земледелие в Кисловодской котловине: некоторые итоги почвенно-археологических исследований 2005–2010 гг.	368
<i>А.В. Борисов, Р.А. Мимоход</i> Роль природной среды в сложении лопинской культуры	370
<i>М.А. Губина, М.И. Воевода, А.Г. Ромащенко, И.В. Куликов, Т.А. Чикишева, В.И. Молодин</i> Краниологические особенности и характер изменения состава гаплотипов мтДНК у древнего населения Горного Алтая	371
<i>В.А. Демкин, А.В. Борисов, М.В. Ельцов, Т.С. Демкина, Т.Э. Хомутова, Н.Н. Каширская, С.Н. Удальцов, Б.Н. Золотарева</i> Палеоэкология нижневолжских степей в эпоху раннего железа	373
<i>Т.С. Демкина, Т.Э. Хомутова, Н.Н. Каширская, А.В. Борисов, В.А. Демкин</i> Проблемы интеграции почвенной микробиологии и археологии в изучении курганов степной зоны	374
<i>М.В. Добровольская</i> Исследования материалов кремации: к реконструкции погребального обряда	376
<i>А.В. Долгих</i> Почвенные горизонты в культурном слое как индикаторы периодов запустения	377
<i>О.А. Дружинина</i> Комплексные палеогеографические исследования ранних этапов освоения Юго-Восточной Прибалтики	378
<i>М.О. Жуковский</i> Изучение топографии, структуры и ландшафтного зонирования Гнёздовского комплекса археологических памятников с использованием ГИС-технологий	379
<i>И.В. Журбин</i> Геофизические исследования системы укреплений средневековых поселений Прикамья.	381
<i>О.В. Зайцева, Е.В. Водясов, А.А. Пушкарев</i> Поиск и картографирование археометаллургических объектов с помощью магнитной разведки	382
<i>Г.И. Зайцева, Е.Д. Скаковский, Г. Посснерт, А.А. Выборнов, Н.Н. Ковалюх, В.В. Скрипкин</i> Органическое вещество керамики: природа, органические компоненты и достоверность радиоуглеродных дат	383
<i>И.В. Иванов</i> Археология и почвоведение: опыт взаимодействия наук	385
<i>В.В. Илюшина</i> Технология изготовления посуды коптяковской культуры по материалам поселения Чепкуль 5	386
<i>А.К. Каспаров</i> Фаунистические остатки из крепости Ниеншанц на Охтинском мысу в Петербурге	389

<i>О.Н. Комиссар, Я.В. Кузьмин, Ю.Н. Шариков</i> Исследование осадочных горных пород в районах расположения дольменов Западного Кавказа	389
<i>А.А. Коновалов, С.Н. Иванов</i> Метод реконструкции палеоклимата по групповым палиноспектрам	392
<i>О.М. Корона</i> Макроостатки растений из культурного слоя археологического памятника Усть-Полуй (Западная Сибирь)	394
<i>Н.В. Лещенко</i> Промыслы в системе жизнеобеспечения населения Константиновского I селища в Приморье	394
<i>Л.С. Песочина</i> Закономерности циклической изменчивости природных условий юга Русской равнины за последние 5000 лет.	396
<i>Н.Ю. Петрова</i> Технологическое изучение керамики хассунской культуры (по материалам поселения Ярымтепе I)	398
<i>Г.Н. Поплевко</i> Методика экспериментальных исследований по моделированию лепной керамики	399
<i>И.В. Рудковский</i> О взаимосвязи технологических инвариантов плетения и особенностей прямолинейных орнаментов	401
<i>Н.Е. Рябогина, С.Н. Иванов, А.С. Якимов</i> Реконструкция палеоэкологических условий и среды обитания на многослойном поселении Мергенъ 6 в Тюменском Приишимье	403
<i>Е.А. Сергушева</i> Эволюция земледелия на юге Дальнего Востока России по археоботаническим данным	405
<i>А.С. Сыроватко, А.А. Трошина, Н.Е. Зарецкая, А.В. Панин</i> Природные ландшафты Щуровского могильника: хронология, скорость и характер изменений	406
<i>А.А. Тишкин</i> Опыт использования рентгенфлуоресцентного спектрометра при изучении древних и средневековых археологических находок из Сибири и Монголии	408
<i>Г.В. Требелева, Г.Ю. Юрков, И.И. Цвинария, А.С. Азумаа, Ш.Г. Кайтан</i> Средневековые памятники Абхазии: попытка применения естественнонаучных методов (химанализа) для решения проблемы датировки	409
<i>С.С. Трофимова</i> Реконструкция природной среды памятника Шигирское городище по данным карпологического метода	410
<i>А.В. Энговатова, Е.Е. Антипина, М.В. Добровольская, Г.И. Зайцева, О.В. Лохова, Н.Д. Бурова</i> Изотопные исследования костных образцов из средневекового Ярославля	412
Список сокращений	414

Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда.

Т. II.

Научное издание

Утверждено к печати Ученым советом Института истории материальной культуры РАН

Редакционная группа:

*О.И. Богуславский, М.Ю. Вахтина, А.В. Голикова, Т.С. Дорофеева, М.Т. Кацуба, Н.В. Лопатин, Л.Б. Кирчо,
Н.С. Сафронова, Е.Е. Сырнева, Н.В. Хвоцинская, Л.Г. Шаяхметова*

Компьютерная верстка: *О.И. Богуславский*

Подписано к печати 08.09.2011
Формат 60x84 1/8 Усл. Печ.л. 53,0. Уч.-изд.л. 41,6
Печать офсетная. Бумага офсетная
Заказ № . Тираж 1000 экз.

Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18
Отп. в ОАО «Новгородский технопарк», г. Великий Новгород, ул. Б. С.-Петербургская, 41